

Министерство культуры и архивов Иркутской области
ГБУК ИО «Региональный центр русского языка,
фольклора и этнографии»
Научно-исследовательская лаборатория по изучению
традиционной культуры Восточной Сибири
Иркутского государственного университета

В. П. Зиновьев

Русский фольклор Восточной Сибири

Книга 2

Иркутск 2019

УДК 398(571.5)
ББК 82(253)я43
3 63

Ответственный редактор:
Р. П. Матвеева, доктор филологических наук

Составление, комментарии, научный аппарат Г. Н. Зиновьевой,
Н. Л. Новиковой, М. Р. Соловьевой

Редакционная коллегия:
Р. П. Матвеева (отв. редактор), М. Р. Соловьева (отв. секретарь),
Г. Н. Зиновьева, В. Л. Кляус, Г. В. Медведева, Н. Л. Новикова, О. Ю. Юрьева

Рецензент:
А. Г. Игумнов, доктор филологических наук,
старший научный сотрудник Института монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН

Зиновьев, В. П.
3 63 Русский фольклор Восточной Сибири / отв. ред. Р. П. Матвеева :
в 2 кн. Кн. 2. – Иркутск, 2019. – 672 с.

ISBN 978-5-00133-151-3

Издание содержит научные труды известного сибирского фольклориста, педагога В. П. Зиновьева (1942–1983) — замечательного собирателя и исследователя фольклора Восточной Сибири в живом бытовании. Малодоступное в настоящее время творческое наследие ученого, ценнейшее собрание народной словесности сибирских старожилов в полной мере должно войти в исследовательское поле фольклористики, стать достоянием общественности, служить делу сохранения народной культуры и национального самосознания.

Самостоятельный раздел составляют воспоминания и статьи, раскрывающие духовное богатство, высокий человеческий и научный авторитет личности В. П. Зиновьева.

Научная содержательность и лирическая проникновенность трудов В. П. Зиновьева, подлинные произведения народной словесности сибирских старожилов делают издание интересным широкому кругу читателей, полезным преподавателям, аспирантам и студентам вузов, учителям и воспитателям детских образовательных заведений и всем, кто интересуется традиционной культурой русского народа.

УДК 398(571.5)
ББК 82(253)я43

ISBN 978-5-00133-151-3

© Зиновьев В. П., 1983, 1987, 2006
© Зиновьев В. П., 2019, с изменениями

Раздел I

Избранные труды
(продолжение)

Русские песни Восточной Сибири*

Песенное собрание В. П. Зиновьева и его сборник

Предлагаемый сборник стал последней книгой известного иркутского фольклориста Валерия Петровича Зиновьева (1942–1983). Его работа по собиранию и изучению народной поэзии сибиряков продолжалась немногим более десяти лет (с конца 1960-х по 1982 год он регулярно выезжал в фольклорные экспедиции со студентами Иркутского государственного университета и Иркутского педагогического института), но она оказалась удивительно плодотворной и дала значительные научные результаты.

В своей полевой работе В.П. Зиновьев не ограничивался конкретными узкими задачами, не ориентировал студентов на сбор текстов только по определенной теме или на запись произведений лишь некоторых фольклорных жанров. Старались по мере собственных возможностей записать все, что пока еще поют и рассказывают в сибирских селах. В результате привозили материал пестрый, неравноценный в художественном отношении, но довольно многообразный, каждый раз открывающий перспективы для новых исследований.

Записи, сделанные в экспедициях, находили место в картотеке, систематизировавшейся по фольклорным жанрам и постоянно пополнявшейся. В результате в ней отложилось более 5 тысяч текстов, значительная часть которых была перенесена расшифровками с магнитофонных лент (в фонотеке насчитывается 135 лент).

Естественным продолжением собирательской и исследовательской работы В.П. Зиновьева стала публикация накопленных текстов. Собранные сказки и былички послужили материалом для книг «Русские сказки Забайкалья»¹ и «Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири»².

* Русские песни Восточной Сибири : сборник / подгот. текстов и сост. В.П. Зиновьева; отв. ред. Ю.И. Смирнов. – Иркутск, 2006. – 252 с.

¹ Русские сказки Забайкалья : сборник / подгот. текстов, сост., предисл. и примеч. В.П. Зиновьева; вступ. ст. В.Г. Распутина; науч. ред. Р.П. Матвеева. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во. – 1983. – 352 с.

² Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / сост. В.П. Зиновьев; под ред. Р.П. Матвеевой. – Новосибирск: Наука, 1987. – 401 с.

Эти сборники сразу нашли своего читателя, получили благожелательные отзывы научной общественности, они уже прочно вошли в обиходное пользование людей, изучающих народное творчество и народную психологию. Записанные в экспедициях песни легли в основу представляемого сборника.

В картотеке В.П. Зиновьева хранится около 2 100 песенных текстов, по преимуществу необрядовых (за исключением небольшого числа свадебных песен). Систематизация текстов в картотеке не претендует на научную полноту и стройность, тем более что в фольклористике до сего времени не существует единой общепринятой классификации народной лирики. Она продиктована особенностями собранного материала: разделы выделены по тематическому принципу или по принципу происхождения песен («Крестьянская лирика», «Военные песни», «Песни тюрьмы и ссылки», «Песни литературного происхождения», «Песни советского времени», «Песни украинского происхождения»), подразделы — по песенным жанрам («Колыбельные», «Любовные и семейные», «Хороводные и игровые», «Плясовые», «Шуточные») или по иным признакам (так, военные песни разбиты на «Рекрутские и солдатские», «Казачьи походные», «Песни Гражданской войны», «Песни Великой Отечественной войны»). Такая рубрикация в основном сохранена и в сборнике. Внутри разделов и подразделов тексты расположены в алфавитном порядке по первой строке песни, далее — в алфавитном порядке по исполнителям. Нумерация текстов в картотеке сквозная.

В сборник вошла сравнительно небольшая часть этого песенного собрания. В.П. Зиновьев считал необходимым не только как можно полнее представить в своей книге наиболее интересные из встретившихся ему произведений народной лирики, но и развернуть перед читателем картину современной жизни традиционной народной песни в Восточной Сибири. Книга отражает многообразие песенного репертуара сибирского села: старинные баллады соседствуют с современными сочинениями, а самобытные поэтические произведения — с наивными поделками, впрочем, нередко тоже по-своему интересными.

Подбирая состав сборника, В.П. Зиновьев стремился прежде всего включить в него классические протяжные песни, «проголосные», как их иногда называют в Сибири, — любовные и семейные, разбойничьи, рекрутские и солдатские.

Традиционная народная песня, помещенная в книгу и воспринимаемая только как поэтический текст, лишаясь того, что является ее душой, — распевая, неизбежно многое теряет в художественном отношении. Эта поэзия, несмотря на свою простоту (а точнее, именно благодаря своей кажущейся безыскусственности), часто представляется сложной для восприятия: на первый взгляд она является всего лишь набором фольклорных «общих мест», к тому же составленных «без складу и ладу». Однако внимательному читателю постепенно открывается песенное пространство, не менее условное и завораживающее, чем сказочное «некоторое царство».

Мифическое древо вырастает здесь в сакральный час свадьбы («У Ивана на широком на дворе вырастает кипарисов куст») или смерти героя:

Вы поля, вы поля, вы широки поля,
 Как на вас, на полях, урожаю нема,
 Только выросла там кучерява верба,
 Что под той под вербой солдат ранен лежал...

«Мимо саду, мимо зелёного», олицетворяющего родной дом, ведет на чужую сторону «дорожка приукатанная, черным бархатом усланная»... Образы из мира природы, по законам поэтического параллелизма, естественно соотносятся с душевными коллизиями:

Горы, леса — печаль-скука моя,
 Реченька быстрая — слезы мои.

Исторические реминисценции («тонкой белый шатер пред долиной зеленой») соседствуют здесь с фантастикой («улетела пава да через синие моря»), а древние мифологемы («Дунай — быстра река», у которой ждет перевозчика девица-невеста или в которой тонет загадочный «черноморец») — с поэтическими символами:

На окошке есть приметка: винограду висит ветка,
 Я по той ли по приметке ко милу дружку зайду.

Мир традиционной народной песни, от колыбельной до воинской, — это «родима сторона», «свой» мир, в центре которого — родной дом. В сладких младенческих снах он является солнечным «раем — белые хоромы» («утром солнышко взойдёт, тебя к себе домой возьмёт, возьмёт и приголубит, возьмёт и полюбит»). Разлуки с домом-семьей, «со своим родом-племенем», страшится невеста в свадебных причитаниях: «Ещё как буду жить во чужих людях? Ещё как буду звать свёкра батюшкой, ещё как буду звать свекровь матушкой?»

Острой тоской об оставленном доме рождены многие тюремные песни («отцовский дом покинул мальчик я — пускай травой он зарастет»). Те же интонации слышатся и в песнях воинских:

Три мы ноченьки, братцы, не спали,
 Все в походе маршем шли,
 Близко к дому, братцы, проходили —
 Повидаться не зашли...

О матери и жене тоскует в походе казак («в чужом краю, в чужом далеком, ой, нету да матери родной!»), в родной дом посылает он вестника в свой смертный час.

«Жизненная проза», своего рода абсурд обыденности, как правило, является материалом для шуточных и плясовых песен — идеальный мир песни

протяжной рожден тоской по красоте и чистоте, которых так недостает в обыденной жизни:

Я сорву цветок да совью венок
 Своему дружку на головушку.
 — Ой, да ты носи, милой, венок — не сранивай,
 Ой, да ты люби, милой, меня — не сказывай.

В протяжной песне музыкальное начало преобладает в самой организации поэтического текста: стихотворная строфа соответствует мелодическому обороту, слово подчинено логике распева. Потому так своеобразен облик песенного стиха, обусловленный прежде всего не метром и рифмой, а иными — музыкально-поэтическими — закономерностями.

Само звучание песенного слова для исполнителей подчас оказывается важнее его содержания: в протяжной песне нередко встречаются странные обороты, когда смысл приносится в жертву аллитерации или внутрискриптовой рифме («Среди дворца стоит крыльцо возмущенное», «Что не ласточка тропу тропила, не касаяя расстропывала», «С того ль крыльца ведут гонца, с другого — молодца», «Полетим-ка, соловей, соловейка-водолей»...). Эти несообразности в протяжной песне столь же органичны, как и полное господство ритмического начала в песне «частой»: сюжет здесь нередко дробится, превращаясь в мозаику отдельных фрагментов, подчиненных лишь плясовому напеву.

Музыкальные интонации слышатся во вздохах и восклицаниях любовных песен, в стонущих подголосках — рекрутских и солдатских. Множество «декоративных» вставных частиц и междометий, неожиданные обрывы фразы на полуслове, бесконечные повторы стихов, полустий и отдельных слов являются неотъемлемой особенностью традиционной песенной формы и обязательно сохраняются при воспроизведении текстов в сборнике.

Многие сибирские протяжные песни являются вариантами произведений, впервые опубликованных еще во второй половине XVIII — начале XIX веков и исполнявшихся прежде по всей России. В Восточной Сибири их записывали нередко уже в немногочисленных и, к сожалению, неполных вариантах, а то и в виде «осколков», фрагментов. В картотеке В. П. Зиновьева протяжных песен относительно немного (около 400 текстов), но это наиболее ценная часть собрания, позволяющая проследить связи сибирской песни с традициями европейской части страны.

Некоторые из этих песен, насколько нам известно, никогда прежде не включались в сибирские сборники. Многие из них, к тому же, представлены в картотеке В. П. Зиновьева единственным вариантом. К таким редким записям относятся, например, тексты песен «Пропивают да золоту казну...», «Жила девка-сирота...» (варианты балладных сюжетов «Молодец и Горе» и «Девушка угоняет у молодца коня»), «Земляничка — сладка ягодка...», «Голубь, голубочек, голубь сизенькой...», известных еще по публикациям XVIII века, «Не огонь горит, не смола кипит...», содержащей контаминацию мотивов трех про-

тяжных песен, отмеченную лишь в одном из старинных рукописных сборников, и некоторых других.

Каждый из этих текстов имеет собственную фольклористическую значимость, вне зависимости от художественного уровня данного варианта. Следует отметить и то обстоятельство, что качество записи нередко зависело не только от талантливости исполнителей, но и от мастерства собирателей, которые далеко не всегда были оснащены хотя бы простейшей записывающей аппаратурой (лишь немногим более трети песен, вошедших в сборник, перенесены с магнитных лент). Известно, что точно записать песню «с голоса» «от руки» нелегко даже опытному фольклористу, не говоря уже о студентах, чьими стараниями собрана большая часть текстов нашего сборника.

Особый интерес представляют несколько баллад и песен балладного типа (они помещены в начале раздела любовных и семейных песен). В основе этих лиро-эпических текстов — архаические сюжеты о ревнивом муже, который губит жену, о несчастливой в замужестве женщине, в образе птицы возвращающейся в родительский дом, о девушке, бросающей в Дунай в тайне рожденного ребенка, о злой жене, избывающей нелюбимого мужа — все эти мотивы восходят к общему сюжетному наследию славянских народов.

В поэтических образах, рожденных устной традицией, переплавляются воедино сегодняшние, глубоко личные, переживания и отголоски далекой старины. Так, наверное, мало кому из современных исполнителей столь любимой в Сибири песни «Соловей кукушку уговаривал...» известно, что возникновение ее связывают с событиями XVI века — покорением Казанского ханства Иваном Грозным.

Древнее происхождение имеют и некоторые классические песни из раздела хороводных и игровых, содержащие отголоски календарных и свадебных ритуалов.

Свадебных песен в собрании В. П. Зиновьева совсем немного — всего около 50 текстов. Большая их часть вошла в сборник. Ранее известные в великом множестве, ко второй половине XX века свадебные песни сохранились лишь в памяти пожилых людей. С утратой традиционного обряда постепенно исчезает и богатейший пласт народной поэзии. Тем больший интерес представляют те редкие записи обрядовых песен и отдельных их фрагментов, которые удалось сделать в сибирских селах. В этих немногочисленных образцах народной свадебной лирики в полной мере сохранилась традиционная стилистика и, в частности, архаическая символика. Одно из рубежных в жизни человека событий осмысливается в них метафорически: весть о свадьбе приносят «птицы райские», распеваящие «песни царские», дочь отказывается от матушкиных «золотых ключей» и уплывает на корабле в «чужу-дальнюю сторонушку», невеста прощается со своею «девьей красотой» и просит родительского благословения, что «дороже злата-серебра, из синя-то моря вынесет, из темна-то леса выведет»... В сборнике обрядовые песни расположены в последовательности, отчасти воссоздающей народное свадебное действо — от просватанья до застолья после венчания.

Военные песни выделены в картотеке в отдельную группу, насчитывающую более 400 текстов. Широкая популярность их в Сибири вполне естественна: значительная часть населения этих мест — потомки казаков, весь уклад жизни которых был подчинен воинской службе. Сборы на службу, трудные походы, тоска по дому, одинокая смерть на чужбине или возвращение, часто несчастливое, на родину — все это переживалось в песнях. В. П. Зиновьеву доводилось встречаться со старыми казаками, записывать их рассказы об учениях, о службе в царской армии, воспоминания о событиях гражданской войны и, конечно, их песни. Есть среди них старинные, известные в прошлом от Бреста до Амура: «На границе, братцы, мы стояли», «Ночи темны, тучи грозны», «Вы поля, вы широки поля», «За лесом солнце чуть сзарилось», записывавшиеся ранее от донских, гребенских, оренбургских казаков — в нашем сборнике они представлены в сибирских вариантах.

Наряду с традиционными солдатскими песнями общерусского репертуара в Восточной Сибири бытуют местные версии тех же сюжетов, например, общерусская рекрутская «Мимо саду, мимо зеленого» и забайкальская «Ой, дорожка моя приукатанная», известная по всей России «В Таганроге приключилась беда» и ее местная переделка «Три голубочка прилетали на широкий двор».

Песни гражданской войны, записанные в сибирских селах, представляют особый интерес: именно сейчас, спустя почти столетие со времени своего возникновения, они начинают восприниматься как исторический эпос. Публицистическая риторика в духе «пролетарской» поэзии 1920-х годов не заслоняет в этих песнях народного восприятия войны как подлинной исторической трагедии:

Горит село, горит родное,
Горит вся родина моя!

В самостоятельный раздел в сборнике выделены песни тюрьмы и ссылки. В силу общеизвестных исторических обстоятельств (значительную часть населения Восточной Сибири составляли в прежние времена ссыльные и их потомки), тюремные песни звучали здесь повсюду. Широкое бытование тюремной поэзии, распространенность «бродяжих» мотивов относят к числу специфических особенностей сибирского фольклора: многие из этих песен можно найти только в сибирских сборниках. Тюремные песни рождены искренним состраданием к обделенному судьбою герою: «*Ой, да откуда бредёшь, да, бродяжка, бездомовый человек?..*» Бездомность всегда воспринималась в народе как величайшее несчастье, наравне с сиротством:

Как у пташки есть гнездо, у волчихи — дети,
У меня, у сироты, — никого на свете.

В собрании В. П. Зиновьева рядом с местными версиями таких известных песен, как «Глухой, неведомой тайгою...» или «Звенит звонок насчет поверки...», можно встретить классическую песню разинского цикла «Ты зайди-ко,

зайди, туча грозная...» или оригинальную переработку пушкинского «Узника» («Вечор я все пил да гулял...»).

Почти половину собрания В. П. Зиновьева составляют пользующиеся чрезвычайной популярностью у современных исполнителей песни литературного происхождения. Среди произведений, ставших широко известными народными песнями, можно найти не только классические тексты Пушкина, Лермонтова, Жуковского, но и стихотворения Александра Шаховского, Всеволода Крестовского, Дмитрия Ознобишина и многих других ныне почти забытых поэтов.

Множество песен складывалось в народе в подражание литературным образцам. Известные повсюду «жестокие» романсы и «новые» баллады, конечно же, не идут ни в какое сравнение по своим художественным достоинствам с традиционной народной лирикой — ими, как правило, пренебрегают фольклористы. Однако они составляют значительный пласт фольклора, который тоже требует изучения. В этом был убежден В. П. Зиновьев: «Новые» песни рождены такой же сильной страстью, что и «старые». Только чувства эти, ищущие выражения, оформлены неумело, форма слеплена из того материала, который в наличии, и здесь отсутствие традиции, вернее, незнание ее приводит к появлению неуклюжего, наивного сочинения. Правда, утрата языковой культуры часто покрывается за счет красивой мелодии и искренности исполнения» (из записной книжки собирателя).

Из нескольких сотен песен литературного происхождения, хранящихся в картотеке, в сборник вошла лишь небольшая часть, выделенная в отдельную группу. Кроме того, песни, восходящие к литературным источникам, включены в разделы «Песни гражданской войны» и «Песни тюрьмы и ссылки» на том основании, что большинство из них, за исключением старинных тюремных и «разбойничьих», по происхождению книжные. Песни, до революции популярные в среде ссыльных «политических», а в годы гражданской войны — среди сибирских партизан, как правило, являются народными переработками авторских сочинений. Отбирая для сборника песни литературного происхождения, В. П. Зиновьев отдавал предпочтение вариантам, несколько отличающимся от тех, что «на слуху», пусть не всегда безупречным в художественном отношении, но содержащим крупинцы личного творчества исполнителей.

За пределами сборника остались песни советского времени, тоже в большинстве своем авторские.

Завершает сборник раздел песен украинского происхождения, без которого представление о бытовании народной песни в Восточной Сибири не может быть полным. Значительная часть населения этих мест — переселенцы, в том числе из западных областей России и Украины. «Западные» песни здесь издавна любимы (в картотеке их насчитывается около 160), причем наряду с подлинными украинскими песнями бытуют и их версии на русском языке.

В сборнике представлено без малого сто восемьдесят исполнителей. Артистичная, выразительно разыгрывавшая свои песни, Клавдия Антоновна Баранова, удивительно живая, одаренная замечательным чувством юмора Юлия Афанасьевна Крылова, Августа Кирилловна Зиновьева с ее ласковыми инто-

нациями, так естественно звучащими в колыбельных и игровых песенках, талантливая исполнительница свадебных песен Аграфена Гавриловна Пахмутова, жительницы таежного села Кактолга Анна Петровна Астафьева и Мария Яковлевна Харина, с их экспрессивной манерой пения и уникальным репертуаром (к сожалению, не зафиксированным на пленку), Федор Абрамович Балагуров, не только интересный певец и сказочник, но и увлеченный собиратель местного фольклора, — каждый из этих исполнителей, как и многие другие, заслуживает отдельного рассказа.

Отобрав и подготовив к печати тексты, В. П. Зиновьев не успел закончить работу над этой книгой. Бесконечно жаль, что им не написана статья о сибирской песне, которая была для него — как и для народных исполнителей — не только источником творческой радости, но и утешением в трудную минуту, и непременной частью дружеского общения.

При доработке сборника возникла необходимость в некотором уточнении его состава: раздел песен литературного происхождения несколько сокращен, а раздел протяжных любовных и семейных песен, напротив, дополнен за счет включения большего числа вариантов. Сопоставление вариантов одного и того же произведения позволяет наблюдать «текучесть» процесса творчества в фольклоре: текст сжимается или растягивается (подвергаясь порче вследствие несовершенства памяти исполнителя или, напротив, «шлифуется»), приобретает новые оттенки смысла, сюжетные повороты, контаминируется с другими текстами — в результате подчас, казалось бы, незамысловатая песня обнаруживает неожиданную объемность и глубину содержания.

Тексты песен в сборнике публикуются по полевым записям без какой-либо правки. Разумеется, сохранены не только их стилистические, но и диалектные особенности: стяжение гласных в формах полных прилагательных (*младша* вм. *младшая*, *голубо* вм. *голубое*, *весёлы* вм. *весёлые*), местоимений (*така* вм. *такая*, *мово* вм. *моего*) и некоторых глагольных формах (*гулят* вм. *гуляет*, *побранивашь* вм. *побраниваешь*, *сделатся* вм. *сделается*), изменения некоторых падежных окончаний (*на груди* вм. *на груди*, *горючьми слезьми* вм. *горючими слезами*, *с подруженькам* вм. *с подруженьками*), выпадение согласных в местоимениях с предлогами (*по ей* вм. *по ней*, *с ём* вм. *с ним*) и некоторые другие.

В прямые скобки заключены отдельные слова или стихи, пропущенные исполнителями и восстановленные по другим хранящимся в картотеке вариантам.

Комментарии содержат краткие сведения о каждом помещенном в сборнике тексте. После порядкового номера и названия песни (по первой строке), а также названия сюжета (для баллад и песен балладного типа) приводятся паспортные данные: фамилии собирателей и исполнителей, годы рождения исполнителей, место и время записи, после чего указывается место и единица хранения текста (Зиновьев V — личный архив В. П. Зиновьева, раздел V — «Песни»). Если песня записана на магнитную ленту, указывается ее номер. Обязательно отмечаются особенности исполнения: повторы стихов, припев и т. п.

Краткая характеристика песни содержит сведения об ее примерном «возрасте», степени распространенности, бытовом и обрядовом приурочении, литературном источнике, контаминациях.

Далее указываются места и даты записей других вариантов песни, хранящихся в картотеке. С помощью этих отсылок по существу описывается большая часть песенного собрания В. П. Зиновьева.

Затем даются варианты песни по печатным источникам в хронологическом порядке по времени записей, причем сибирские сборники указываются в конце перечня.

Сборник завершают обязательные для издания фольклорных текстов указатели мест записи, исполнителей, собирателей и небольшой словарь.

Нотные расшифровки распевов осуществили О. Н. Судакова, А. В. Росляков и Л. П. Рослякова. Публикаторы наследия Валерия Петровича Зиновьева приносят им свою искреннюю благодарность за отзывчивость и проделанную работу.

В заключение необходимо отметить, что несколько текстов из нашего сборника (№ 22, 77, 79, 102, 112, 123, 167, 290, 349, 355, 366, 376, 414, 415) были опубликованы ранее в антологии сибирской народной песни, вышедшей в известной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»³.

Н. Л. Новикова

³ Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока / сост. С. И. Красноштанов, В. С. Левашев, В. М. Щуров. – Новосибирск: Наука, 1997.

Крестьянская лирика

Колыбельные песни

1. Ой, спи, моё дитё,
Я качаю тебя,
Я качаю тебя,
Прибаюкиваю
На своих белых руках,
На кисейных рукавах,
Колыбель твою,
Колыбель твою.
2. Баю-баюшки-баю,
Жил-был барин на краю.
Он не беден, не богат —
Полна горница ребят.
Полна горница ребят,
Все по лавочкам сидят,
Все по лавочкам сидят,
Кашу с маслицем едят.
Кашка масляная,
Ложка крашенная.
3. Петя-петя-петушок,
Золотой гребешок,
Маслена головушка,
Шёлкова бородушка,
Что ты рано встаёшь,
Голосисто поёшь,
Голосисто поёшь —
Мише спать не даёшь?
4. Баю-бай, баю-бай,
Не ходи, старик-бабай,
Не ходи, старик-бабай,
Мою Валю не пугай!
Валя крепко будет спать,
Я её буду качать.
5. Баю-баеньки-баю,
Не ложися на краю,

Придёт серенький волчок,
Схватит Вову за бочок
И утащит во лесок,
Бросит там под кусток
И домой не пустит.

6. Приди, котик, ночевать,
У нас Диму забавлять.
Я тебе, коту,
За работу заплачу:
Дам тебе я молока
Да кусочек пирога.

7. Ай, качи-качи-качи,
Под подушкой калачи,
В ножках яблочки,
В ручках прянички.

8. Баю-баю-баюшки.
— Где были? — У бабушки.
— Чего ели? — Кашку.
— Чего пили? — Бражку.
Кашка слатенька,
Бабушка добренька:
Напоила молочком,
Проводила голичком.
— А голик где? — На столбе лежит.
— А столб-то где? — В огне сгорел.
— А огонь-то где? — Водой залили.
— А вода-то где? — Быки выпили.
— А быки-то где? — На гору ушли.
— А гора-то где? — Черви выточили.
— А черви-то где? — В ерник уползли.
— А ерник-то где? — Девки выломали.
— А девки-то где? — Замуж ушли.
— А мужья-то где? — На войну ушли.
— А война-то где? — Война кончилась.

9. Баю-баюшки-баю,
Колотушек надаю,
Колотушек двадцать пять —
Будет Вова крепко спать.

10. Ой, дуду-дуду-дуду,
Потерял старик дуду,
Шарил, шарил — не нашёл,
И заплакал, и пошёл.
11. Ай, люли́, ай, люли́,
Прилетели две гули́,
Они сели на люли́.
Стали гули гурковать:
— Чем нам деточку питать?
Одна гуля говорит:
— Буду молочком кормить.
А другая говорит:
— Буду кашкою кормить.
Третья гуля говорит:
— Буду кисельком поить,
Чтоб росла, чтоб цвела,
Чтоб ума набиралась.
12. Сидит кошка на окошке,
Шириночку шьёт,
А кот на печи
Сухаречки толчёт,
Сухаречки толчёт —
Малы детушки
Приплясывают.
13. Спи, младенец, баю-бай,
Пусть тебе приснится рай:
Белые хоромы,
Девки чернобровы.
14. Спи, спи, усни,
Не просыпайся до зари.
Утром солнышко взойдёт,
Тебя к себе домой возьмёт,
Возьмёт и приголубит,
Возьмёт и полюбит.
Спи, спи, усни,
Не просыпайся до зари.

Протяжные любовные и семейные песни

15. Пропивают да золоту казну,
Золоту казну бесщётную,
Золоту казну бесщётную,
Ой, да бесщётную д'безрасчётную,
Я-а-а, бесщётну да безрасчётную.
Ой, на кабак-то идёт — как мак цветёт,
На кабак-то идёт — как мак цветёт,
Ой, с кабаку-то идёт — шатается.
16. Из-под камушка, из-под белого
Течёт реченька, речка быстрая,
Речка быстрая, вода чистая.
Как во той реке дева мылася,
Дева мылася и белилася,
Молодой казак вёл коней поить,
А ревнивый муж вёл жену топить.
— Не топи меня рано с вечера,
А топи меня ближе к полночи,
Когда детушки спать улягутся,
А соседушки успокоятся!
А старшая дочь не спала всю ночь:
— Ой ты, папенька, где же маменька?
— Ваша маменька успокоилась,
Гробовой доской принакрылася.
17. Как у мужа жена была,
Ой, да черноброва, черноглазая,
Да напоила мужа пьяного,
Ой, да увела в пусту хоромину,
Ой, да уклала кругом соломою,
Ой, да подожгла огня малёшенько,
Ой, да выбегала поскорёшенько,
Ой, да завопила благим голосом:
— Ой, вы люди, люди добрые,
Ой, да вы соседи да приближённые!
Моего-то мужа гром убил,
Ой, да меня, младу, помиловал,
Ой, да я за ступу завалилася,
Ой, да я пестом оборонилася!

18. Ах, ты зимонька-зима,
Я боюсь, зима, тебя,
Зазнобила ты меня,
Удалого молодца.
Эх, молода его жена,
Она мужа извела:
Да в зелен сад его свела
Да на кусток повесила.
Сама сяла на скамью
И горько сплакала:
— Да распроклята бабья жизнь,
Да с чужим мужем плохо жить!
19. Вниз по руслу быстра речка протекла
Вплоть до дому, до зелёного двора,
[К быстрой речке] шла дивчина воду брать,
Принабравши, лебедей до дому гнать.
У хозяина дивчина молода,
Знать, дивчина нездоровая была —
Через три дни малóго родила,
Ерничина ему имечко дала.
— Ты тони, тони, дитя моё родно.
Я сама така несчастна была,
Я не слушала ни мать и ни отца,
А послушала милого-подлеца —
Вот за это меня мама прокляла.
20. Как пойду я до Дуная по воду,
Пригоню я сера гуся до дому.
Скучно, грустно лебедёнку одному,
Что narосли белы крылья по нему.
То не перья — это девичья краса.
Что у Маши призаплаканы глаза?
Спородила дитя — к речке отнесла:
— Ты плыви, дитя несчастный, реками,
А я пойду погуляю с девками.
Раньше была заплетённая коса,
А теперь да распущёны волоса.
Я не слушала ни матери-отца,
А послушала Ванюшку д'подлеца,
Во глуху полночь гулять я с ним пошла,
А я думала, Ванюша — человек,
А он изменил меня на целый век.

21. Соловей кукушку подговаривал:
— Полетим, кокушка, во зелёный сад,
Там совьём, кукушка, тёпло гнёздышко,
Выведем, кукушка, два детёныша:
Тебе — кокуёнка, а мне — соловья,
Тебе — для утехи, а мне — для себя,
Тебе — коковати, а мне — распевать.
Паренёк девчонку подговаривал:
— Поедем, девчонка, в Казань-город жить.
Казань — город славный, при горе стоит,
К нему близко речка с мёдом протекла,
Близко — ручеёчек сладкой водочки!
— Врёшь ты, врёшь, мальчишка, врёшь, обманывашь.
Я сама, девчонка, в Казане жила.
Казань — город славный, при горе стоит,
К нему близко речка с кровью протекла,
Близко — ручеёчек с горючими слезьми.
22. Соловей кокушку стал сговаривать:
— Полетим, кокушка, во тёмный лесок,
Там совьём, кокушка, тёпло гнёздышко,
Выведем, кокушка, двух детёнышей:
Тебе — кокуёнка, а мне — соловья,
Тебе — коковати, а мне — распевать,
Тебе — для забавы, а мне — для житья.
23. Калина-малина в поле расцвела,
Эх, у родимой у маменьки дочь была одна.
Ой, отдала меня мамонька взамуж далеко,
Ой, не велела мне мамонька частой гостьей быть,
Ах, велела мне мамонька со свекровкой жить.
Прожила я годик, прожила я два,
А на третьем годике да зажурилась я,
Ко родимой маменьке запросилась я.
Эй, попросить мне коников — знаю, не дадут,
А пойти мне пешею — знаю, не дойду.
Ой, сделаюсь я пташечкою, спорхну, полечу,
Прилечу я к маменьке во зелёный сад,
Эх, сяду я на веточку, буду куковать.
В это время мамонька вышла воду брать:
— Что это за пташечка жалобно поёт,
Не моя ли доченька горьки слёзы льёт,
Не моя ли доченька голос подаёт?

24. Калина-малина, ягода моя,
Росла я у мамы от роду одна,
Росла я у мамы от роду одна,
Отдала меня мама замуж далеко,
Отдала меня мама замуж далеко,
Не велела мама часто гостевать,
Не велела мама часто гостевать,
А велела мама слушать, уважать.
Год прошёл, на третий зажурилася
И к родимой маме попросилася.
 Попрошу лошадку — знаю, не дадут,
А домой пешочком, знаю, не дойду,
А домой пешочком, знаю, не дойду,
Сделаюсь кукушкой — быстро долечу,
Сделаюсь кукушкой — быстро долечу,
Сяду возле речки, буду куковать,
Сяду возле речки, буду куковать,
Чтобы вышла мама рано воду брать.
Но не вышла мама, вышел брат родной:
— Что там за кукушка жалобно поёт?
— Это не кукушка — родная сестра!
Калина-малина, ягода моя!
25. Уходил казак на войну.
У казака было три сестры.
А как первая сестра да заседлала коня,
А вторая сестра да коня вывела,
А как третья сестра да брату плётку подала,
Брату плётку подала да горько всплакнула:
— Эх, родимый ты брат, воротись же ли назад?
— Воротиться-то я вернусь, только через три года.
26. Все мелки пташки пели — чуть слышен голосок.
Два храбрые героя спускались во лесок.
Из леса выходили, просились ночевать:
— Любезная хозяйка, пусти нас ночевать!
Хозяйка отвечает: — Живу очень бедно,
Я печку не топила, гостей я не ждала.
Я печку не топила, гостей я не ждала,
Я мужа проводила и сына отдала!
Герои отвечали: — Не надо ничего,
Мы рано на рассвете опять в поход пойдём.
Хозяйка пожалела — пустила ночевать.
Один герой, вошедши, сажился ко столу,

Один герой, вошедши, сел ко столу,
 Другой герой, вошедши, стал речи говорить:
 — Признай, признай, хозяйка, ты мужа своего,
 Ещё признай, хозяйка, ты сына своего!
 — Я мужа признавала по ласковым словам,
 А сына я признала по голубым глазам.

27. На дальней пригороньке избушка стоит,
 А в той большой избушечке там вдовушка живёт.
 Заходят два героя, просились ночевать:
 — Любезная хозяйка, пусти нас переночевать.
 Она им отвечает: — [Живу совсем одна],
 Я печку не топила, гостей я не ждала,
 Я в поле работала, домой поздно пришла.
 — Не надо нам, хозяйюшка, не надо ничего,
 Мы утром на рассвете опять пойдём в поход.
 Хозяйка согласилась, пустила ночевать.
 Герои заходили, оружием блестят.
 Один герой заходит и садится за стол,
 Второй герой заходит, заводит разговор:
 — Давно ли ты, хозяйюшка, давно живёшь одна?
 — Я с сорок первого годика, как началась война,
 Я мужа проводила, сыночка отдала.
 — Признай, признай, любимая, ты мужа своего,
 Ещё признай, любимая, родимого сына!

28. Не огонь горит, не смола кипит,
 Не смола кипит — кровь горячая,
 Кровь горячая, молодецкая.
 Молодой моряк корабли снастит,
 Корабли снастит, переснашивает
 На двенадцати тонких парусах,
 На шестнадцати белых полотнах.
 Марья Павловна под окном сидит,
 Плотнo ткала ало шёлково,
 Ало шёлково, полушёлково.
 По краям клала круги золотом,
 По углам — кони быстрые,
 На серёдке — птицы райские.
 Под окном сказал добрый молодец,
 Сказал: — Бог в помощь, Марья Павловна!
 Марья Павловна испугалась —
 Круги золотом раскатились,

Кони быстрые разбежались,
Птицы райские разлетелися.

29. Заблудилась красна девка во лесу,
Выходила на Дунай — быстру реку,
Расстилала бел полотняный ковёр,
Вынимала бел крупитчатый пирог,
Вынимала сладкой водки полуштоф,
На забаву — пяток ягод-виноград.
Увидала на той стороне перевоз.
— Перевозчикек, перевези-ка ты меня,
Заплачу я тебе щедрó!
— Мне не надо с тебя ничего,
Пойдёшь замуж за меня!

30. Зародилось-то много ягод во лесу.
Ой, как пошли-то все девушки во полношко погулять,
[Во полношко погулять],
Ой, да как одна (ли)-то девица да заблудилась во лесу,
Заблудилась во лесу,
Да вот и выстилала она свой бордовый на бережочек платок,
На бережочек платок.
Ой, увидел её парень-рыболовщик, парень молодой,
[Парень молодой].
— Иди, девица, да вместе домой поплывём,
Вместе поплывём!
Ох, девушка была, ох, да довольна и завела парня домой,
[Завела парня домой],
Угощала парня, эх, блином и пирожком.

31. Жила девка-сирота,
У ей — ни матери-отца,
Звала девка молодца:
— Пойдём, друг мой милый,
Во чистое поле гулять,
Возьмём, друг мой милый,
Свой тонкой белый шатёр,
Мы раскинем его, друг мой милый,
Пред долиной зеленой,
Ты приляг, друг мой милый,
Я в головке посмотрю.
Стала кудерьки чесать,
Стал мой милый засыпать.

А уснул мой милый
 На Анюшкиной руке,
 На прекрасном рукаве.

32. Ты подуй-ка, повеи, да мать-погодушка,
 Раздуй, ой, ветерок!
 Да развесёлая, ой, да компанейка,
 Ох, где мой миленькой да пьёт.
 Да уж он пить-то не пьёт да, голубчик мой,
 Ох, за мной, младой, да шлёт.
 Уж я-то, ой, да млада, да,
 Призамешкалася,
 Да я — за утками, ой, да за гусями,
 Ох, за журавельками.
 Журавеюшка да с-по бережку,
 Ой, похаживает,
 Мураву-то он да траву
 Поклявывает,
 Журавель ты ли да мой, журавеюшка,
 Поклявывает!

33. — Пастушок ли да мой, пастушочек,
 Эй, да задушевный миленький, ой, да дружочек,
 Ой, не спокинь ли меня, Машу, одную,
 Меня, Машеньку, одную!
 — Ой, я туда ли, ой, да бросался,
 Сам со стадой да управлял,
 Сам со стадой управлял,
 Ой, да к своей жене,
 Ой, к своей жене да поспешал,
 К своей жене поспешал.
 — Ой, ты жена ли да моя, верна хозяйка,
 Не жди меня да ночевать,
 Не жди меня ночевать!
 Ой, раскрасотки, ой, да они звали да при... приглашали:
 — Ой, пойдём с нами, ой, пойдём с нами в зелен сад гулять,
 В зелен сад гулять!
 Ты меня не жди-ка, меня девушки звали да приглашали:
 — Да пойдём с нами в зелен сад,
 Пойдём с нами в зелен сад!
 Ой, жди меня порою да вместе со росой,
 Вместе меня со росой,
 Вместе меня со росой.

Она ждала да поджидала,
Пошла милого искать,
Пошла милого искать.
Ой, целовала, ой, да миловала да под...
Под ракитов куст запала,
Да пускай миленькой пройдёт!

34. Да на Ванюше рубашонка — тонко полотно.
Мне не мать рубашку шила, шила-вышивала —
Мне кроила-вышивала дочь купеческая,
Купечина дочерина даром подарила,
Даром, даром за амбаром. Меня мать бранила:
— Надо, надо приковати к каменной кровати!
— Не куй, не куй меня, мать, к каменной кровати,
А прикуй меня, мать, к девичьей кровати:
Мне у девичьей кровати весело стояти,
Весело стояти, чару наливати,
Чару, чару наливати, девкам подавати,
Девкам подавати, самому выпивати!
35. В саду груша росла, в саду выросла,
На высокий терем спохилилася,
Там сидела вдова поздно вечером одна,
Зажигала свечу воску ярого,
Зажигала свечу воску ярого,
Дожидала дружка разудалого,
Дожидала дружка разудалого —
Не стучит, не бренчит под окошечком.
Застучал, забренчал колокольчиком —
Это мой дорогой сполубовничек.
36. В саду вишня росла, в саду выросла, ой,
На высокий берег поселилася.
Там сидела вдова поздно вечером одна,
Зажигала свечу воску ярого,
Зажигала свечу да воску ярого, ой,
Дожидала дружка разудалого.
Не стучит, не бренчит по дороженьке,
Это мой дорогой, расхорошенькой.
37. — Не сиди-ка, Дуня, да поздно вечером,
Эй, ой, да ты не жги-ка, Дуня, да свечу сальную,
Свечу сальную,

Эй, ой, да ты не жди-ка, Дуня, да гостя дальнего,
 Гостя дальнего,
 Эй, ой, да я не гость-то пришёл, да не гоститися,
 Не гоститися,
 Эй, ой, да я пришёл ко тебе да распротитися,
 Распротитися.
 Эй, ой, да всё по той, да по той, да всё по Питерской,
 Всё по Питерской,
 Эй, ой, да ехал мой-то милой да он на троечке,
 Он на троечке,
 Эй, ой, да он на троечке да на вороненькой,
 На вороненькой,
 Эй, ой, да на вороненькой да с колокольчиком,
 С колокольчиком.
 Эй, ой, да пишет мой-то милой да ко мне грамоту,
 Ко мне грамоту,
 Эй, ой, да ко мне грамоту да весть нерадостну,
 Весть нерадостну.
 Эй, ой, да не пером написал да не чернилами,
 Не чернилами —
 Эй, ой, да [писал да милой] да горючьми слезьми,
 Горючьми слезьми.
 Эй, ой, да отправлял да письмо да со скорым послем,
 Со скорым послем,
 Эй, ой, да со скорым послем — да с ветром-вихорём.

- 38.** Ой, что это во нашем-то во городе да жить-то весело,
 Жить-то весело,
 Э-ох, жить-то да весело да во городе — да любить есть, есть кого,
 Любить есть, есть кого.
 Э-ох, сполюбил парень да девчоночку да размолоденьку,
 Размолоденьку.
 Э-ох, что сушил-крутил да девчоночку да ровно три года,
 Ровно три года.
 Э-ох, на четвёртый-то годочек да расставаться стал,
 Расставаться стал.
 Э-ох, расставался парень с девушкой да — не мил белый свет,
 Не мил белый свет!
 Э-ох, ты полынь моя, да полынушка, да полынь горькая,
 Полынь горькая!
 Э-ох, занимала, мать да полынушка, да землю добрую,
 Землю добрую,
 Э-ох, землю да добру, хлебородную, да мать-полынушка!

39. Ах, ты полынь моя, полынушка, полынь горькая,
Ой, полынь горькая,
Э-ох, да что не я тебя, полынушка, в поле сеяла,
В поле сеяла.
Э-ох, да занимала ты, полынушка, землю добрую,
Землю добрую,
Э-ох, да землю добрую, земелюшку хлебородную,
Хлебородную.
Э-ох, да что на тою на земелюшке хлебы рóдятся,
Ой, хлебы рóдятся,
Э-ох, да хлебы родятся да к земле клонятся,
[К земле клонятся].
Как во нашем было городе жить-то весело,
Жить-то весело.
Э-ох, да полюбил парень девчоночку лет шестнадцати,
Лет шестнадцати,
Э-ох, да на семнадцатом годочке да расставаться стал,
Расставаться стал.
Э-ох, да расставался парень с девушкой — не мил белый свет,
Не мил белый свет,
Э-ох, да не мил, не милёшенек ни отец, ни мать.
40. Уж ты сад, ты мой сад, да сад зелёный,
Ты зачем рано цветёшь да осыпашься?
Ох, куда ты, милый мой, да собираешься,
А со мною, молодой, да не прощаешься?
Улетела павá да через синие моря,
Потеряла павá да с крыла пёрышко.
Мне не жалко крыла, да жалко пёрышка,
Мне не жалко мать-отца, да жалко мóлодца,
Мне не жалко отца, да жалко милого дружка.
41. Уж ты сад, ты мой сад, сад зелёный,
Ты зачем рано цветёшь, осыпашься?
Ты куда, милый мой, собираешься —
Не во путь ли-то, в поход, во дороженьку?
Ты со всеми людьми распрощаешься,
Ты со всеми людьми распрощаешься,
А со мною, молодой, всё ругаешься.
Ой, не ругайся, не брани, скажи: — Милая, прощай!
Скажи: — Милая, прощай! Уезжаю в дальний край.

42. Брала, брала ягодку земляничку, ой,
 Наколола ноженьку на былинку.
 Болит моя, да, ноженька, да небольно,
 Любит меня, да, миленькой, да недолго.
 Отъезжает миленький в городочек,
 Со всеми подруженькам распростился,
 Со мной, красной девицей, погордился.
 Я за этим молодцем не гонюся —
 Гонится, спогонится он за мною,
 Он хоть не за мною — за русою косой,
 Руса моя косонька коротёнка,
 Ростила меня, да, мамонька молодёнку.
43. Брала, брала ягодку земляничку,
 Проколола ноженьку на былинку,
 На проклято дерево на шипичку.
 Болит моя ноженька, да небольно,
 Любил меня миленький, да недолго,
 Нёдолго, недóлго — два годочка.
 Отъезжает миленький в городочек.
 Слушайте, подруженьки, что я вам скажу:
 Милый отъезжает — я с ума схожу.
44. Ох, отъезжает милый, ой, да спокидает,
 Да говорит он мне ла... он ласковы слова,
 Ой, ласковы слова.
 Ох, едет милый, ой, да оставляет
 Да свой с ручки перстень, милый, золо... золотой,
 Ой, да золотой.
 Да день на рученьке кольцо да носила,
 Да к ночи, ой, да в изголовье кольцо да клала,
 Ой, да клала.
 Да две пуховы мягки, ой, да подушки,
 Да спо... спотопают они во... ой, во слезах,
 Ой, во слезах.
 Да соболино моё тёпло да одеяло,
 Да не... не согреет оно бе... белу грудь,
 Ой, да белу грудь,
 Ох, да не согреет оно, не... ой, не пригреет
 Да без милого, ой, да без... без дружка,
 Ой, без дружка.

45. Говорели, да, мне подружки:
— Перестань дружка любить,
 Ой, да любить.
Я не слушалась подружек,
Начала его любить,
 Ой, да любить.
Ой, я любила его, просила:
— Хоть годочек проживём,
 Ой, да проживём!
Мой милой просьбы себе не примаёт,
Сам вздыхает, да, тяжело,
 Ой, да тяжело.
Ой, сам-то вздыхает тяжело,
Да отъезжает далеко,
 Ой, да далеко.
Уж как я ли, раздевчонка,
Стала плакать, горевать,
 Ой, да горевать.
— Ой, не плачь, девка, не плачь, красна,
Не плачь, душечка моя,
 Ой, да моя.
Ой, да раскипитя, да, моё сердце —
Возьму взамуж за себя,
 Ой, да за себя.
Ой, я с тобою, со младою
Со девчонкой-сиротой,
 Ой, да сиротой.
— Ой, твоя мамонька-то горда
Всё гудит да меня бранит,
 Ой, да бранит.
Ой, твой папашенька богатый
Не позволит меня взять.
46. [При компанье, да при гулянье]
Парень девицу обнял,
 Да обнял.
Ох, раздевчоночке стыдно стало —
Стала плакать и горевать,
 Горевать.
Ох, распарнишечке стало жалко —
Стал девчонку унимать,
 Унимать:

- Ох, не плачь, девица, не плачь, красна,
 Не плачь, душечка моя,
 Да моя.
 Ой, раскипится да кровь моя горяча —
 Повенчаемся со мной,
 Да со мной.
 — Ой, ты богатый, а я бедна —
 Ты смеёшься да надо мной,
 Надо мной.
 Ох, ты смеёшься надо мною,
 Как над бедной сиротой.
47. Ох, я молодка, молодка молодёнькая,
 Головка твоя да спобеднёнькая,
 Ох, не с кем, да, мне, молодке, ночку ночевать,
 Ох, ночку да ночевать, да тёмную коротать.
 Ох, лягу спать одна, да без мила дружка,
 Ох, без мила дружка да берёт грусть-тоска,
 Ой, грусть-тоска берёт — да [мил] далеко живёт,
 Ой, далеким-далече — да на той стороне,
 Ой, на той стороне, да не близко ко мне.
 Ой, ходит мой милой да тою стороной,
 Ой, машет мой милой да правою рукой,
 Ой, правою рукой да шляпой пуховой:
 — Ой, милая моя, да перейди сюда!
 Ой, я бы перешла, да жёрдочка тонка.
48. Молодка, молодка молоденькая,
 Головка моя победнёнькая.
 Не с кем мне, молодке, ночку ночевать,
 Ой, ночку ночевать да тёмну коротать.
 Лягу спать одна, без мила дружка,
 Без мила дружка взяла грусть-тоска.
 Грусть-тоска берёт — мил далеко живёт,
 Далеко-далёко, на той стороне,
 На той стороне, не близко ко мне.
 Ходит мой милой тою стороной,
 Машет мой милой лентой голубой,
 Лентой голубой, правою рукой:
 — Милая моя, перейди сюда!
 — Рада перейти — переходу нет.
 Переход нашла, да жёрдочка тонка,
 Жёрдочка тонка, речка глубока.

Там, во той во речке, купался бобёр,
Купался, купался, не выкупался.

49. Катя-Катерина, купеческая дочь,
Прогуляла Катя с вечера всю ночь.
Приходила Катя во глуху полночь,
Лампочку гасила, ложилася спать.
Пошли пароходы по морю гулять —
Один парус белый, другой голубой,
Посерёдке в лодке стоял милый мой,
Он махнул платочком, я ему — рукой.
— Сяду да поеду к милочке своей,
Чаю я напьюся, назад ворочусь.

50. Погасай-ка, мать, лучиночку, сама лягу спать,
Сама лягу спать.
Ой, да ли первой сон-от я заснула да без милого без дружка,
Без милого без дружка.
Ой, да ли второй сон-от я заснула да без хорошего,
Без хорошего.
Ой, да ли третий сон-от я заснула да — свет белой да заря,
Свет белой да заря.
Ой, да ли как по этою по зореньке да ко мне милой шёл,
Ко мне милой шёл —
Ой, да ли соболина шуба новенька да пошумливает,
Пошумливает,
Ой, да ли что на ноженьках сапоженьки да поскрипывают,
Поскрипывают,
Ой, да ли что на рученьке колечушко — ровной жар горит.

51. Ой, да снежки белы да пушисты
Да покрывали все поля.
Ой, одно поле да не покрыто —
Да это горюшко моё.
Ой, да я бедна, бедна, несчастна,
Ой, да всё горюю по дружку,
Ой, да день горюю, ночь горюю,
Ой, да потихоньку слёзки лью.
Ой, да слёзка капнет — снег растает,
Ой, да травка вырастет больша.
Ой, да никто травушку не скосит,
Ой, да никто её не сожнёт.
Ох, никто девицу не любит,
Да никто замуж не берёт.

Ой, пойду с горя да в чисто полюшко,
 Ой, сяду я да на бугорок,
 Ой, посмотрю я в ту стороночку,
 Ох, откуль солнышко взойдёт,
 Ой, откуль красное проглянет,
 Ой, да там мой миленький идёт.

52. Снежки белы да пушисты
 Покрывали все поля.
 Одно поле да не покрыто —
 Да горе лютое моё.
 Слёзка канет — снег растает,
 Ветка вырастет больша.
 Никто девушку не любит,
 Никто замуж не берёт.
 Среди поля есть кусточек,
 Одиёшенек стоит.
 Ветер дунет, ветку клонит —
 Знать листочков на ней нет.
 Бедна девица горюет
 О парнишке о своём.

53. Как у Дунюшки много думушки,
 У меня, у молодой, велико горе.
 Я куда с горя деваюся?
 Ох, я пойду в горе во чисто поле.
 Во чистом поле там трава растёт,
 Там трава растёт всякая разная,
 Там цветы цветут всякие разные,
 Ах, как один из цветов лучше всех цветёт.
 Я сорву цветок да совью венок
 Своему дружку на головушку.
 — Ты носи, мой дружок, да не сранивай,
 Люби девушку меня, да не обманывай!

54. — Ты девица-красавица,
 Ой, да стара-прежня, ох, сполубовница,
 Ой, да и я когда тебя любил, ох, счастливый был,
 Ох, я любить не стал — ох, злосчастный стал.
 — Ой, да злосчастная, ой, моя головушка!
 Ой, да я куда-то с горя, ой, да деваюся?
 Я куда это с горя, ой, подеваюся?
 Ой, пойду с горяшка, ой, в чисто полюшко,
 Ой, да где трава растёт, ох, мурава цветёт.

Ой, да я сорву цветок, ох, совью венок,
Ой, да я милóму дружку, ой, да на головушку.
Ой, да ты носи, милой, венок, ох, не снашивай,
Ой, да ты люби, милой, меня, ох, не сказывай!

55. Уж вы сéстрицы-подруги,
Это что нынче за год?
Ой, кого ли не сполюбишь —
Ни в ком правды верной нет.
Ой, пойду я да со горя
Сяду на... ой, на крут бережок.
Ой, посмотрю ли я на море —
Там корабль сверху плывёт.
А корабль разукрашен:
Там, ой, персидский ковёр,
Ой, золотые на нём шлюпки
Низко держат над водой.
Ой, мой-то милый, черноглазый,
Он смеётся надо мной.
56. Эх, шёл милый дорожкой,
Дорожкой милый столбовой,
А я за ним бережком,
Следочком за ним бежала.
Как на крыльях, милый шёл,
Платочком я ему машу:
— Аленький цветочек,
Зачем же рано ты опал?
Милый мой дружочек,
Зачем же любить перестал?
57. Он меня не пожалеет,
Да никому меня, девку, не жаль,
Никто судьбы моёй не знает,
Да не с кем разделить горё-печаль.
Пойду поплачу на то место,
Да где мой милый меня уверял.
Сашенька, друг неоцененной,
Когда забуду я тебя?
Тогда тебя я позабуду,
Да когда скроются мои глаза.
Призакроют очи ясны
Да тонким белым браным полотном,

Призасыпят очи ясны
Да со крутой горы жёлтым песком.

58. Застрелился бедный молодец,
[На чужой стороне] кончил свою жизнь.
Некому о нём да ни восплакати,
Некому о нём горьких слёз пролить:
Нету мамы, нету тяти, нету молодой жены.
Взгляну ль я, ох, взгляну ль я на небо — небо голубо,
Взгляну ль я, ох, взгляну ль я да на землю — земля зелена,
Взгляну ль я, ох, взгляну ль я на грудь свою — рана глубока,
Эх, взгляну ль я да на волю — воля хороша.
Пусть товарищи меня схоронят
В чужой дальней стороне.
59. Вылетала голубина на долину,
Выроняла сизы перья на тропину.
Тяжко лежать сизу перу на тропине,
Трудно жить мне, сиротине, на чужбине,
На чужбине, на чужой на дальней на сторонке.
60. Скука-печаль на чужой стороне.
Весь народ гуляет — моего милого нет.
Быть может, милой во зеленом саду
Щиплет, ломает зелёный виноград,
Ветки бросает ко мне на кровать.
— Спишь ты, иль не спишь, или так ты лежишь?
Слово не молвишь, ответ не даёшь.
Ох, [сяду] в куть на лавку, призадумаяся,
Горы, леса — печаль-скука моя,
Реченька быстрая — слёзы мои.
61. Скучно мне, младёхоньке, на чужой стороне.
Плакать я не смею, рыдать мне не велят,
Только мне велят потихонечку вздыхать.
Сяду я на лавочку, печалюсь я одна,
Взгляну ли я в окошко — гуляет весь народ,
Весь народ гуляет — мово мило́го нет.
Мой-то расхорошенький в постелюшке лежит,
А я-то, молодёхонька, во зелёном саду.
Щипала я, срывала спелый виноград,
Веточки бросала милóму на кровать,
Чтобы моему милóму помягче было спать.

62. Ходила я, ходила во зелёном саду,
Щипала, бросала зелёный виноград,
Щипала, бросала на милову кровать.
— Что спишь ты, мой милый, ответу не даёшь?
Задумал жениться, а меня не берёшь.
Берёшь ты черняву — чем бравей меня?
Берёшь ты богату — чем богаче меня?
63. На улице дождь да дождь, по горам — туманы,
У меня ль, у девицы, всё горе-печаль:
Тот, об ком страдаю я, забыл про меня,
Он забыл да не забыл — другу полюбил.
Чем она красивая, чем лучше меня?
Личиком зелёная, сама чуть жива!
Сяду я к окошечку за убранный стол,
Посмотрю в окошечко — на улице дождь.
На улице дождь да дождь, казаки идут,
Вороного коника в поводу ведут.
Сяду я на коника, покатаюся,
Со милым ли я дружкой попрощаюся:
— До свиданья, милый мой, до свидания.
64. Сяду я на лавочку за дубовый стол,
Посмотрю в окошечко — казаки идут,
Казаки идут, идут, коника ведут.
Сяду я на коника, покатаюся,
Со своим милым дружкой распрощаюся:
— Прощай, милый, прощай, мой, прощай навсегда!
— А я уезжаю, ой, в дальние края,
Там меня красивая, эх, девушка ждёт —
Брови подведённые, сама чуть жива.
— Прощай, милый, прощай, мой, прощай навсегда!
65. Скрылось солнце за лесочек,
Да за зелёный садок.
Приди, приди, мил дружок,
Хоть в последний вечерок.
Приди, сядем на кровати,
Расскажу тебе я сон,
Сон про меня, сон про тебя,
Сон про нашу любовь,
Как мы жили-поживали
Да любовались с тобой.
А теперь — что такое? —

Разлучают нас с тобой.
Разлучают нас с тобою
Чужой дальней стороной,
Чужой дальней стороной —
Да распроклятою войной.

66. — Пташка ты моя, птичка бедненькая,
И что сидишь, птичка, одна,
Не ввёшь себе тёпло гнёздышко?
Знать, ты, пташка, сирота?
— Летела я да через морюшко
Со милым со дружком,
Перелетели сине море
И сели с птицей отдохнуть.
Но откуль сокол ясный,
Да откуль взялся вдруг сокол!
Ушиб, убил мово милого
И сам сокол взлетел,
Оставил меня, разбедную, навек сиротой.
Полечу я, горька пташечка,
Сяду, к деревцу привьюсь.
Ни с откуда да ветер буйный сбушевал —
От родимого мово деревца,
Ох, деревца да ветку оторвал.
Ой, да куды ты плывёшь, моя да веточка?
В море, в море, в море пропадёшь!
67. Ой, там, на горе, ой, там, на крутой,
Сидели вдвоём пара голубей.
Они сидели, ой, любовались,
Сизыми крылами обнимались.
Откуда ни возьмись — охотник-стрелец,
Убил, разлучил пару голубей.
Голубя убил, голубку он взял,
Голубку он взял, до дому унёс,
Унёс до дому, пустил до полу,
Посыпал пшеница, налил воденца.
Голубка не ест, голубка не пьёт,
А всё в зелен сад плакать идёт.
— Ну что ж ты не ешь, ну что ж ты не пьёшь,
А всё в зелен сад плакать идёшь?
— Ох, я бы ела, ох, я бы пила,
Кабы у меня парочка была.

68. Там, на горке, шёлковой траве,
Сидела-гудела пара голубей.
Сидели они, любовались,
Сизыми крыльями обнимались.
Удал, весел охотник стрелок,
Разбил, разлучил он пару голубей.
Голубя убил, голубку словил,
Он взял её под полу́, понёс до дому́.
Принёс он до до́му, пустил на солому,
Насыпал пшеница да водицы налил.
— Чего ж ты, голубка, невесела?
— Сегодня я с милым, а завтра одна.
— Чего ж ты, голубка, не ешь и не пьёшь,
А на ту гору плакать идёшь?
— Ой, где ни ходила и где ни была —
Себе не нашла я да кучерявого.

69. — Голубь-голубочек, голубь сизенькой,
Голубь сизенькой,
Голубь сизенькой, да друг мой миленькой,
Друг мой миленькой,
Друг мой миленькой, ночуй у меня,
Ночуй у меня,
Ночуй у меня, да не проспи заря,
Не проспи заря.
Чуть голубь проснулся — на дворе-то свет,
На дворе-то свет,
На дворе-то свет, да голубушки нет,
Голубушки нет.
Нет моёй голубки — не мил белый свет,
Не мил белый свет,
Не мил белый свет: голубушки нет.

70. Росла, цвела черёмушка в зелёньком саду,
Не так тонка, как высока, листом широка.
Нельзя, нельзя черёмушку неспелую брать,
Нельзя, нельзя девчоночку несватану брать,
Несватану, невенчану, незаобру́чену.
Среди дворца стоит крыльцо возлюбленной,
С того крыльца ведут молодца с красной девицей.
Один ведёт за рученьку, второй — за другу,
Третьей стоит — сердце болит: любил, да не взял!

71. Растёт, цветёт черёмушка в зелёном во саду,
Не так тонка, как высока, листочком широка.
Нельзя, нельзя черёмушку неспелую ломать,
Нельзя, нельзя девчоночку при людях целовать,
Нельзя, нельзя девчоночку несватанную брать.
С того ль конца ведут гонца, с другого — молодца,
Один берёт за рученьку, другой берёт другу,
А третий молчит стоит, сердечушко болит:
Гулял, гулял, да замуж не взял.
Растёт, цветёт черёмушка в зелёном во саду.

72. Растёт-цветёт черёмуха в зелёном саду,
Не так тонка, как высока, листом широка.
Нельзя, нельзя черёмушку неспелую брать,
Неспелую, незрелую, незаломану.
Нельзя, нельзя девчоночку несватану брать,
Несватану, невенчану, незаручену.
Середь дворца стоит крыльцо возмущенное,
С того крыльца ведут молодца с красной девицей.
Один ведёт за рученьку, другой — за другу,
Третий стоит — сердце болит: любил, да не взял.
Любил парень девчоночку не людям — себе,
Досталась девчоночка лакею-свинье.

73. — Скажи, скажи-ка, девица,
Скажи, ой, да скажи, красавица,
Как ты с милым, ой, да рассталася.
— Рассталась я, ой, да с ём весело,
Он плакал — я, ой, да смеялася,
Слезам его, ой, да не верила,
Не верила, ой, да споверила:
Склонил на грудь, ой, да головушку,
Уздечку взял, ой, да пошёл во двор,
Имал коня, ой, да вороного,
Вороного, ой, да смирёного,
Седло седлал, ой, да черкасское,
На стремя встал, ой, да «прощай» сказал,
Махнул платочком, ой, да шёлковым,
Сказал: — Прощай, ой, да неверная!

74. — Скажи, скажи, красавица,
Да как с первым рассталася.
— Он плакал, я смеялася,

Его слезам не верила.
Склонил на грудь головушку,
Смочил да платочек беленький,
Он долго-долго так лежал,
Он брал да узду шелковую,
Имал коня да вороного,
Седлал да седло черкасское,
Он ставил ножку в стремя,
Сказал: — Прощай, мудрёная!
Любила да дружка первого,
Теперь люби да последнего.

75. Что за душечка за мальчишечка
Склонил вниз свою головушку,
Да он на правую сторонушку,
То на правую, то на левую,
Он на грудь на мою, на грудь белую.
Как по Волге-реке мы каталися,
Что за парочка, что за дружная —
То ли брат с сестрой, то ли муж с женой?
И не брат с сестрой, и не муж с женой —
Это парочка сплюбовная.
76. Катитесь, мои вёдерцы, с реки, да, до реки,
Зачерпнитесь, вёдерцы, полным-полно,
Зачерпнитесь, вёдерцы, полным-полно,
Полным-полно да с краями ровнó.
Батюшка с матушкой неверно живут:
Младшу сестру вперёд замуж отдают,
Младшу сестру вперёд замуж отдают —
Младша сестра, должно быть, старше меня?
Катитесь, мои вёдерцы, с реки, да, до реки,
Зачерпнитесь, вёдерцы, полным-полно,
Зачерпнитесь, вёдерцы, полным-полно,
Полным-полно да с краями ровно.
77. Земляничка — сладка ягодка,
Да городянка — красна девица,
Ой, ты во городе родилася,
При городушке крестилася,
[Не любила деревенских мужиков,
А любила — из военного полка].
Во деревню замуж выдали
За житьё-бытьё, богатство,

Да за проклято одиночество.
 Да я на меленку набегалася,
 Я крупы-муки насеялася,
 Да за рекою насиделася,
 Да перевозу нарevelася:
 — Ой, перевозчик, парень бравый, молодой,
 Перевези меня с той стороны домой!

78. Ох, недолго я во девушках гуляла —
 Да за ревнивого каналью попала.
 Ой, не ему было, каналье, мной владети,
 Ох, а владеть было старому другу,
 Да я которого во девушках любила,
 Да золото ему колечко подарила,
 Ох, не за то ли меня маменька бранила:
 — Ты куда, доча, колечушко девала?
 — Ой, в зеленóm саду я, маменька, гуляла,
 Да я сажёную капусту поливала,
 Да с гряды на гряде колечушко катала,
 Ой, то ль травую-муравую призамяла,
 Ой, то ли в чёрную грязь затоптала.
 Ох, я далёко мила друга провожала,
 Да от Троицких ворот и до Карпатских,
 Да я про то, про всё с милым говорила,
 Да одно тайное словечко позабыла,
 Ой, позабыла со милым дружкой проститься.
 Да уж я голосом кричала — он не слышит,
 Да шелковím платком махала — он не видит,
 Ой, ветерок голосок мой уносит,
 Да не даёт мне со милым дружкой проститься.
 — Ой, прощай, ты прощай, ненаглядный,
 Да если лучше наживёшь — меня забудешь,
 Да если хуже наживёшь — меня вспомнешь!

79. В зеленом саду, мамонька, гуляла,
 Я сажёную капустку поливала,
 [Ой, я тут своё колечко потеряла] —
 Меж грядами-бороздами затоптала,
 Я картофною мякиной забросала.
 Недалёко дружка мила провожала —
 Я от Троицких ворот до Иркутских.
 Я про то, про сё со милым говорила,
 Одно тайное словечко позабыла,
 Позабыла со милым дружкой проститься:

— Ой, дай Бог тебе воротиться,
Да на старую квартиру становиться,
Да со старыми друзьями помириться.

- 80.** Не тебе было, каналья, мной владети,
[А владеть было прежнему дру́жку],
Я которого во девушках любила,
Ой, да золотым его колечушком дарила,
Ой, да не за то ли меня маменька бранила,
Всё бранила, ругала, бить хотела,
А я маменьке взяла да и солгала:
— Ой, да я сажёную капустку поливала,
С гряды на гряде колечушко катала,
Меж грядями-бороздами потеряла,
Меж грядями-бороздами затоптала.
- 81.** Ох, у всех-то мужья молодья,
Ой, словно ягодки налитыя,
А у меня — мужичище-старичища,
Ох, не отпустит старичище на гулянье.
Ох, я украдкой от старого ходила,
Ох, я белила, румяна уносила,
У соседа собиралась на беседу,
Ой, на беседу, с милым другом на свиданье,
Ох, я которого во девушках любила,
Эх, золотым его колечком дарила.
Да не за то ли меня мамонька бранила,
Ох, что бранила-журила, бить хотела?
— Ох, ты куда, доча, колечко девала?
— Эх, во зелёном саду, мамочка, гуляла,
Ох, я высажену капустку поливала,
Ох, с гряды на гряде колечко катала,
Меж грядями-бороздами затеряла.
Ох, провожала я милого до заставы,
Ох, проводила, проводила, проводила,
Ох, сказать тайное словечко позабыла:
— Ох, если лучше меня найдёшь — забудешь,
Ох, если хуже меня найдёшь — вспомянешь.
- 82.** Уж у всех-то мужья молодые,
Да будто яблочки наливные,
Да у меня, у младенькой, — старичище,
Да не пускает старичище на игрище.
Да я от старого уходом уходила,

Да под полою светло платье уносила,
 Да под другой — все белила да румяны,
 А я у ближнего соседа снаряжалась.
 Ой, куда же тело белое девалось?

83. Ещё дайте мне, младенькой, расходиться,
 Расходиться, разгуляться, размахаться,
 Золотыми мне [перстнями] расщелкаться,
 Покуль батюшка-сударь замуж не выдал
 За такого за сякого за невежу.
 Во кабак идёт невежа — кычет-мычит,
 С кабака идёт невежа — распевает,
 Молоду свою жену восклицает:
 — Уж ты дома ли, жена молодая?
 Молода его жена да постухмянна
 Поскорёшенько с кровати поставала,
 На босы ноги башмачки надевала,
 Поскорее ко воротам подбегала,
 Крепко-накрепко ворота закрывала,
 Посмелее со невежей говорила:
 — Ты ночуй, ночуй, невежа, за воротам,
 Тебе мягка постель — белый снег-порошка,
 Соболино одеяло — лютые морозы,
 Тебе полог шитый-бранный — тёмна ночка,
 А по пологу узоры — часты звёзды!
84. Ой, да на нынешний, ой, да денёчек
 Выпал бе... ох, выпал беленькой снежочек,
 Замёрз то... ох, да замёрз тоненькой да ледочек,
 На льду де... на льду девушки стояли
 Да про Ваню... про Ванюшу толковали:
 — Да что ж ты Ва... что ж ты, Ванюша, да невесел,
 Да буйну го... буйну голову повесил,
 Да чёрной шля... чёрной шляпой принакрылся,
 Да к родной ма... к родной мамоньке склонился?
 — Да что ж ты, ма... что ж ты, мамонька родная,
 Да недоро... недоросточка женила?
 Да его жи... его жинка невзлюбила,
 Да со крова... со кроваточки столкнула,
 Да ручку, но... ручку, ноженьку свихнула.

85. [Ой, дорожка-дороженька],
 Шириной-то неширока,
 Долиной-то неизвестна,

Что никто с-по ей не ходит,
Только ушли-прошли два орла-то,
Два орла-то молодья,
Два брата мои родныя,
Во тридцать-то лет ко мне во первом.
До ворот-то доезжают,
С добрых коней не слезают:
— Открывай, сестра, ворота,
К тебе приехали где гости,
Где не гости дорогия —
Два брата твои родныя!
Свою я воли не имею,
Отворить ворот не смею.
Свёкра-батюшки дома нету,
Свекровки-матушки не случилось,
Все деверья — за стрельбою,
Все золовки — за гульбою,
Мой-от муж-от лежит в снях
На моих мягких постелях.
— Ты вставай-ка, дружок милый,
К нам приехали где гости,
К нам не гости дорогия —
К нам два брата мои родныя,
В тридцать лет ко мне во первом.
— Тут сиди, жена немила,
Вся родня твоя постыла!
Скрозь ворота распростились.

86. Пойду, выйду погуляю
В рощу зеленую,
Нащиплю я, наломаю
Хмелю садового,
Наварю себе я пива,
Пива молодого,
Созову себе я гостя,
Гостя дорогого,
Гостя дорогого —
Батюшку родного.
Хоть и батюшка будет —
Недолго пирует,
Недолго пирует —
Одну ночь ночует.
Одну ночь ночует,
Другу протоскует,

По новым сеням проходит,
В окошко просмотрит.
На дворе стало светати —
Стал уж батюшка съезжати.

Хороводные и игровые песни

87. Как по морю,
Как по морю, морю синему
Плыла лебедь,
Плыла лебедь с лебедятами,
Со малыми,
Со малыми со дитятами.
Плыла лебедь,
Плыла лебедь, встрепенулася,
Под ней вода,
Под ней вода всколыхнулася.
Откуль взялся,
Откуль взялся сизой орёл —
Убил лебедь,
Убил лебедь с лебедятами,
Со малыми,
Со малыми со дитятами,
А кровь пустил,
А кровь пустил во синё море.
88. Пливёт лебедь,
Пливёт лебедь с лебедятами,
Со малыми-то,
Со малыми со утятами.
Плывши, лебедь,
Плывши, лебедь встрепенулася,
Под ней вода,
Под ней вода всколыхнулася.
Откуль взялся,
Откуль взялся добрый молодец-душа —
Убил лебедь,
Убил лебедь с лебедятами,
Со малыми-то,
Со малыми со утятами,
Он пустил кровь,
Он пустил кровь по синему морю,
А белый пух,

А белый пух — по бережку.
Откуль взялась,
Откуль взялась красна девица-душа —
Брала перья,
Брала перья на перинушку дружку,
А мелкий пух,
А мелкий пух — во подушечку.

89. Во лузах,
Во лузах-лузах, во зелёных лузах
Выросла,
Вырастай, трава шёлковая,
ПРИПЕВ: Да, раз-два-три,
Раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь.
Расцвели,
Расцвели цветы лазоревыя.
Уж я, млада,
Я, млада, там повыкормлю коня,
Я повы...
Я повыкормлю, повыглажу его,
По... поведу,
Поведу коня ко батюшку:
— Государь,
Государь родимый батюшка,
Ты не... не отдай,
Не отдай меня за старого замуж,
Ты отдай,
Ты отдай меня за ровнюшку.
Я со ро... со ро...
Я со ровнюшкой гулять пойду,
Со старым,
Со старым мужем гулять я не пойду.
С мо... молодым,
С молодым компанью взвеселю,
Со старым,
Со старым мужем компанью насмешу.

90. Ещё во лузах зелёных, во лузах
Вырастала трава шёлковая,
Расцвели цветы лазоревые,
Понеслись духи малиновые.
Поклонился я батюшке,
[Поклонился] родной матушке:
— Я сорву цветы лазоревые

Да сплету венки для девицы,
[Девицы]-красавицы, свет-Марьюшки.

91. — Ох, ты вдовка, ты вдовка моя,
Честна вдовушка, купеческа жена,
Слышу, вдовушка, побраниваешь меня,
При своих братьях голыдьбой называешь!
— Ты голыдьба, голыдьба-мужик,
А у голыдьбы — ни скота, ни живота!
— А у голыдьбы — ограда широка,
А у голыдьбы — столбы точеные,
[Вереюшки] позолоченные,
Ворота были хрустального стекла.
Под воротами бел-горюч камень лежал,
Из-под камушка быстра река течёт,
Вдоль по реченьке судеюшка плывёт,
Во судеюшке немножко людей —
По моёму счёту, восемь человек,
А девятая — примерная кума,
А десятая — законная жена.
У ворот стоит батюшка,
У крыльца — родима матушка.
— Ты голыдьба, голыдьба-мужик,
У тебя ведь — ни скота, ни живота!
— У меня тут ограда широка,
У меня столбы точеные,
[Вереюшки] позолоченные!

92. Во кузенке,
Во кузенке молодые кузнецы,
Они куют,
Они куют, приговаривают,
К себе Дуню,
К себе Дуню привораживают:
— Пойдём, Дуня,
Пойдём, Дуня, в огород, в огород,
Сорвём, Дуня,
Сорвём, Дуня, лопушок, лопушок,
Снесём, Дуня,
Снесём, Дуня, на базар, на базар,
Купим Дуне,
Купим Дуне сарафан, сарафан.
Носи, Дуня,
Носи, Дуня, не марай, не марай,

По будничкам,
По будничкам скидавай, скидавай.
По праздничкам,
По праздничкам одевай, одевай.

93. Во ку(й)... во кузнице,
В этой кузне молодые кузнецы
Куют, дуют,
Куют, дуют, принаваривают,
Чужих, чужих-то жён,
Чужих жён и принахваливают:
— Чужим, чужим женам,
Чужим жёнам башмачки сошьём —
Своим, своим женам,
Своим жёнам кандалы скуём.
Пойдём, пойдём, Дуня,
Пойдём, Дуня, из ворот в огород,
Сорвём, сорвём, Дуня,
Сорвём, Дуня, лопушок, лопушок,
Сошьём, сошьём Дуне,
Сошьём Дуне сарафан, сарафан.
Носи, носи, Дуня,
Носи, Дуня, сарафан, сарафан,
Носи, носи, Дуня,
Носи, Дуня, не марай, не марай,
По пра(й)... по праздничкам,
По праздничкам надевай, надевай.

94. Посеяли девки лён, посеяли девки лён,
То ли, но ли, но ли, что ли — говорят, что девки лён,
За дядиным двором, за дядиным двором,
То ли, но ли, но ли, что ли — ой, за двором.
Повадилса во ленок, повадилса во ленок,
То ли, но ли, но ли, что ли — во ленок
Молоденький паренёк, холостенький паренёк,
То ли, но ли, но ли, что ли — ой, паренёк.
Со льна цветы сорвал, со льна цветы сорвал,
То ли, но ли, но ли, что ли — ой, сорвал,
В Дунай-речку побросал, в Дунай-речку побросал,
То ли, но ли, но ли, что ли — побросал,
Дунай-речка не примат, Дунай-речка не примат,
То ли, но ли, но ли, что ли — не примат,
Ко бережку прибиват, ко бережку прибиват,
То ли, но ли, но ли, что ли — прибиват,

Ко бережку, ко ярку, ко бережку, ко ярку,
 То ли, но ли, но ли, что ли — ко ярку,
 Ко жёлтому ко песку, ко жёлтому ко песку,
 То ли, но ли, но ли, что ли — ко песку.

95. Посеяли, посеяли,
 Посеяли девки лён, девки лён,
 Посеяли девки лён, девки лён,
 Уж мы сеяли,
 Уж мы сеяли, сеяли ленок,
 Уж и сеяли, приговаривали,
 ПРИПЕВ: Чёботами приколачивали:
 — Ты удайся, удайся, ленок,
 Ты удайся, мой беленький ленок!
 Уж пололи мы,
 Уж пололи, пололи ленок,
 Мы пололи, приговаривали,
 Мы таскали,
 [Мы таскали], таскали ленок,
 Мы таскали, приговаривали,
 Уж мы стлали,
 [Уж мы стлали], мы стлали ленок,
 Уж мы стлали, приговаривали,
 Мы трепали лён,
 [Мы трепали, трепали ленок],
 Мы трепали, приговаривали,
 Уж мы пряли лён,
 Уж мы пряли лён,
 Уж мы пряли, приговаривали,
 Уж мы ткали лён,
 [Уж мы ткали, ткали ленок],
 Уж мы ткали, приговаривали,
 ПРИПЕВ: Чёботами приколачивали:
 — Ты удайся, удайся, ленок,
 Ты удайся, мой беленький ленок!

96. — А мы просо сеяли, сеяли,
 Выйди, млада, сеяли, сеяли.
 — А мы просо вытопчем, вытопчем,
 Выйди, млада, вытопчем, вытопчем!
 — А чем же вам вытоптать, вытоптать,
 Выйди, млада, вытоптать, вытоптать?
 — А мы коней запустим, запустим,
 Выйди, млада, запустим, запустим!

— А мы коней — путати, путати,
Выйди, млада, путати, путати!
— А мы путы — резати, резати,
Выйди, млада, резати, резати!
— А мы дадим сто рублей, сто рублей,
Выйди, млада, сто рублей, сто рублей!
— Нам не надо тысячу, тысячу,
Выйди, млада, тысячу, тысячу!
— А чего вам надобно, надобно,
Выйди, млада, надобно, надобно?
— А нам надо девицу, девицу,
Выйди, млада, девицу, девицу!
— У девицы имя есть, имя есть,
Выйди, млада, имя есть, имя есть!
— У ней имя — Верочка, Верочка,
Выйди, млада, Верочка, Верочка!
— Открывайте воротцы, воротцы,
Запускайте девицу, девицу!
— В нашем полку прибыло, прибыло,
Выйди, млада, прибыло, прибыло!
— В нашем полку убыло, убыло,
Выйди, млада, убыло, убыло.
— В нашем полку вина пьют, вина пьют,
Выйди, млада, вина пьют, вина пьют!
— В нашем полку слёзы льют, слёзы льют,
Выйди, млада, слёзы льют, слёзы льют.
— В нашем полку скакушки, скакушки,
Выйди, млада, скакушки, скакушки!
— В нашем полку плакушки, плакушки,
Выйди, млада, плакушки, плакушки.

97. — На горе-то мак, мак,
Под горою так, так.
Вот наши головушки,
Да золоты морковочки,
Серебряны шишки.
Встаньте рядом маку рвати!
Не поспел ли наш мак,
Не пора ли его рвать?
— Поспел наш мак,
Пора его рвать!

98. Сидит дрёма,
Сидит дрёма, сама дремлет, сама спит.

Вставай, дрёма,
 Вставай, дрёмушка, проснись, пробудись!
 По горенке,
 По горенке расходишь, расходишь,
 Смотри, дрёма,
 Смотри, дрёма, на народ, на народ,
 Бери, дрёма,
 Бери, дрёма, кого хошь, кого хошь,
 Целуй, дрёма,
 Целуй, дрёма, кого хошь, кого хошь.

99. Сидит дрёма,
 Ой, сидит дрёмушка на стульчике.
 Вставай, дрёма,
 Вставай, дрёмушка, проснись, пробудись!
 Проси, дрёма,
 Ой, проси, дрёма, на коленочки к себе,
 Целуй, дрёма,
 Целуй, дрёма, кого хошь, кого хошь.

100. Как летели птички — ростом невелички,
 ПРИПЕВ: Чернявая моя, черноглазенькая!
 Как они летели, все на них глядели,
 Как они летели, сели — посидели,
 Как они сидели, встали — полетели.
 Стали расставаться, крепко целоваться.

101. Полетел воробей во долину,
 Во долину, во долину, во долину,
 Во широкую луговину,
 Луговину, луговину, луговину,
 Ещё сел воробей на лужочек,
 На лужочек, на лужочек, на лужочек,
 Ко красным девушкам во кружочек,
 Во кружочек, во кружочек, во кружочек.
 Вот начал воробей шевелиться,
 Шевелиться, шевелиться, шевелиться,
 На резвые ножки становиться,
 Становиться, становиться, становиться.
 Вот пошёл воробеюшка плясати,
 Вот плясати, вот плясати, вот плясати,
 По себе деревинушку искати,
 Вот искати, вот искати, вот искати.
 Нашёл воробей себе ровню,

Себе ровню, себе ровню, себе ровню,
Ровнюшку — да девицу,
Вот девицу, вот девицу, вот девицу,
Мареюшку-мастерицу,
Мастерицу, мастерицу, мастерицу.

102. Кругом столба я хожу,
Кругом дубова хожу.
Ой, чем столба наделю,
Да чем дубова наделю?
Ой, наделю я столба,
Да наделю дубова
Я душою красной девицею,
Я душой красной девицею.

103. Хожу я, гуляю во всём хороводе,
Себе выбираю дорогого шурина.
ПРИПЕВ: Розочка ты аленькая!
Хожу я, гуляю во всём хороводе,
Себе выбираю дорогу сестреницу.
Хожу я, гуляю во всём хороводе,
Себе выбираю дорогого тестя.
Хожу я, гуляю во всём хороводе,
Себе выбираю дорогую тещу.
Хожу я, гуляю во всём хороводе,
Себе выбираю милую невесту.
Уж я с шурином побранился,
Прошу шурина: разойдись!
Милая сестрица,
С тобой не жениться.
Запрягу я коня —
Везу тестя со двора.
Запрягу я коня —
Везу тещу со двора.
Милую невесту беру за себя
И целую три раза!

104. Всё бы я по горенке ходила,
Всё ходила, всё ходила, всё ходила,
Всё бы я на милого смотрела,
Всё смотрела, всё смотрела, всё смотрела,
Какой миленькой хороший,
Мил хороший, мил хороший, мил хороший,
Милый русский, кудреватый,

Кудреватый, кудреватый, кудреватый,
Милый холост, неженатый,
Неженат, неженат, неженатый.
Не ходи, мил, на беседу,
На беседу, на беседу, на беседу,
Не садися со мной рядом,
Со мной рядом, со мной рядом, со мной рядом —
Люди скажут, что ты любишь,
Что ты любишь, что ты любишь, что ты любишь,
Что ты любишь — поцелуешь,
Поцелуешь, поцелуешь, поцелуешь.

105. В хороводе были мы,
Были мы, были мы,
Что нам надо, видели,
Видели, видели.
Мы видали парочку,
Парочку, парочку —
Кавалера с барышней,
С барышней, с барышней.
Встань, молодчик, подбодрись,
Подбодрись, подбодрись,
Перед милой развернись,
Развернись, развернись,
Хоть немножко пританцуй,
Пританцуй, пританцуй,
Если любишь, поцелуй,
Поцелуй, поцелуй.
Кого хочешь, выбирай,
Выбирай, выбирай.

106. В хороводе были мы,
Были мы, были мы,
Что нам надо, видели,
Видели, видели —
Красавицу-девицу,
Девицу, девицу,
Хорошо наряжена,
Ряжена, ряжена,
Головушка чёсана,
Чёсана, чёсана,
Руса коса плетена,
Плетена, плетена,
В косе лента алая,

Алая, алая.
Встань, девица, подбодрись,
Подбодрись, подбодрись,
Всем пониже поклонись,
Поклонись, поклонись,
Хоть немножко протанцуй,
Протанцуй, протанцуй,
Кого любишь, поцелуй,
Поцелуй, поцелуй.

- 107.** По ельничку, по березничку
Идут девицы горой, ведут молодца с собой.
— Пойдём, молодец, пойдём, удалец,
Пойдём, удалец, в развесёлый во дворец,
В развесёлый во дворец, там знакомый есть купец,
Много лаковых сапожек, много белых полотен,
Много шелковицы, полушелковицы!
Мальчик на ногу ступает — ума-разума пытается,
Мальчик ручку жмёт — поцелуйку ждёт:
— Поцелуй-ка, девица, поцелуй, красавица!
— Я за это, сударь, вас поцелую один раз
Да за карие глаза поцелую три раза!
- 108.** Собиралися девицы на синё морé,
Умывалися они пеною-волною,
Утиралися они травкой шелковою.
Не по разуму мальчишке любить трёх сударок:
Перву — Сашу, втору — Машу, третью — Анюту.
Как уж этим трём сударкам куплю по подарку:
Первой Саше — ленту алу, Маше — голубую,
Анюсечке-раздушечке — цепочку золотую,
А за эту за цепочку поцелую в щёчку.
- 109.** Как у нашей Дуни
Всё было по имю:
Куручка — Клушка,
Петушок — Петюшка,
Коровушка — Алёна,
Бык был Ерёма,
Кобыла — Ненила,
Жеребец — Гаврила.

Плясовые песни

- 110.** Ах, вы сени, мои сени, сени новые мои,
 Сени новые, кленовые, осиновые,
 Сени новые, кленовые, решетчатые,
 Уж как знать-то, мне по сеничкам не хаживати,
 Дубовых половиц мне не таптывати.
 Выходила молода да за новые ворота,
 Выпускала сокола из правого рукава,
 На полётику соколику наказывала:
 — Ты лети, лети, соколик, высоко и далеко,
 Высоко ли далеко — на родиму сторону.
 На родимую сторонке грозен батюшка живёт,
 Он грозён, он грозён, многомилостив он,
 Не пускает молоду да поздно вечером одну.
 Я открадусь от отца да я уважу молодца,
 Я за то его уважу, что один сын у отца,
 Что один сын у отца, зовут Ванюшкою,
 Да Ванюшкой, да пивоварушкой.
 Что Иван пиво варил да красных девушек манил:
 — Приходите-ка, девицы, на поварню на мою,
 На моёю на поварне много пива и вина.
- 111.** Уж вы сени, мои сени, сени новыя мои,
 Сени новыя кленовыя, решетчатыя!
 Значит, значит, мне по сениюшкам не хаживати,
 Мне мила дружка за рученьку не важивати.
 Выходила молода за новыя ворота,
 За новыя, кленовыя, за решетчатыя,
 Да пушала сокола да из правого рукава,
 На поветике соколику наказывала:
 — Ты лети, лети, соколик, высоко ли далеко,
 Не высоко, не далёко — на родиму сторону!
 Мальчик на ногу ступал — да ума-разума пытал,
 Мальчик ручку жмёт — поцелуя ждёт,
 Поцелуй-то поймёт — ко сердечушку прижмёт.
 Я за это, сударь, вас поцелую сорок раз,
 А за карие глаза поцелую три разá!
- 112.** По улице мостовой, по широкой столбовой,
 Ой, по широкой столбовой шла девица за водой,
 Шла девица за водой, за холодной ключевой,
 За холодной ключевой — за ней парень молодой,

Ой, за ней парень молодой, кричит: — Девица, стой!
 Ой, кричит: — Девица, стой! Пойдём вместе за водой!
 Ой, пойдём вместе за водой — веселей идти с тобой.
 — Ах, ты парень-паренёк, твой глупенький разумок,
 Не кричи на весь народ — мой батюшка у ворот!
 Мой батюшка у ворот, зовёт меня в огород,
 Зовёт меня в огород чесноку-луку полоть,
 Маку осяннёго, луку зеляннёго.
 Я во праву руку — луку, во левую — чесноку,
 Сама по цветики пойду по лазоревые.
 Я по цветикам ходила, по лазоревым гуляла,
 По лазоревым гуляла, цвету алого искала,
 Не нашла цвету алого супротив свою милого.
 Как мой миленький хорош, чернобров, душа, пригож!
 Чернобров, душа, пригож, мил подарочек принёс,
 Подарочек дорогой — перстенёчек золотой.
 Мне не дорог твой подарок — дорога твоя любовь,
 Не хочу перстня носить, стану так дружка любить.

- 113.** Выйду ль я на реченьку, посмотрю ль на быструю —
 Не увижу ль я милого, сердечного друженька?
 Мы сойдёмся — поклонимся, посидим, повеселимся,
 Посидим, повеселимся, мы пойдём домой — простимся:
 — Прощай, яхонт дорогой, не рассталась бы с тобой!
 Виноград ты мой зелёный, без ума ты меня сделал!
 Мне сказали про милого: милый не жив, не здоров,
 Милый не жив, не здоров — будто без вести пропал.
 А сегодня мой милой вдоль по улице прошёл,
 На окошечко смотрел, громко, звонко просвистел.
 На окошке есть приметка: винограду висит ветка,
 Я по той ли по приметке ко милу дружку зайду.

- 114.** Вот пошли наши подружки
 В лес ягоды собирать,
 Они ягод не набрали
 И Катюшу потеряли.
 — Ты ау! ау! Катюша,
 Ау! милая моя!
 Не в лесу ли заблудилась,
 Да не в траве ли заплелась?

- 115.** Бежал Ваня да торопился,
 [Под ним] мостик подломился —
 На Ваню беда, ой, на Ваню беда!

Ой, мила, да, подскочила,
 За ручонки подхватила,
 Звала Ваню в лес, ой, звала Ваню в лес:
 — Пойдём, Ванюшка, в лесочек
 На минутку, да, на часочек,
 Сядем под кусток, ой, сядем под кусток!
 — Посидим-ка, млада, здесь,
 Пока волюшка нам есть,
 До того часу, ой, до того часу,
 Час у ноченьки убудет,
 Нам с тобой воли не будет —
 Встанем да пойдём, ой, встанем да пойдём.
 Не доходила до дворца,
 Целовала молодца я
 В сахарны уста, ой, в сахарны уста,
 Целовала, миловала,
 Крепко к сердцу прижимала,
 Сашей назвала, ой, Сашей назвала:
 — Прощай, Саша!
 — Прощай, Маша!
 Не забудь меня, ой, не забудь меня!
 — Я тогда тебя забуду —
 Жива на свете не буду
 Али удавлюсь, ой, али удавлюсь!
 Удавлюсь я, утоплюся
 На чужой стороне
 За неровнюшкой, ой, за неровнюшкой.
 За неровней мне не жить —
 Горючи слёзы ронить,
 Плакать завсегда, ой, плакать завсегда!

116. Ох, у всех-то мужья добры —
 Накупили женам ковры,
 Накупили женам ковры
 Да накупили женам бобры,
 А мой-то муженёк — дурачок:
 Он купил мне коровушку,
 Он купил мне коровушку, да, —
 Навязал лишню заботушку.
 Уж я пьяная-непьяная была, да,
 Уж я пьяная домой пришла,
 Уж я пьяная домой пришла,
 Я кокошничек в руках принесла.
 Я кокошничек в руках принесла,

Косоплёточку — за поясом.
Ой, дай Бог до вечера дожить,
Своего мужа с пашни дождать.
Уж я мужу накучу да намучу, да,
На свою злую свекровушку:
Посылает она туды меня, сюды,
Посылает во холодный погребок.
В погребу я призамешкалася,
В погребу я призамешкалася —
Зелена вина обтрескалася.
А я без мужа корову продала,
Я на эти деньги стряпку наняла.
Моя стряпушка постряпывает,
Сковородничком побрякивает,
А я, млада, в перинке лежу,
Я лежу-лежу, потягиваюсь,
А ещё, млада, во кресле сижу,
Сладку водочку выкушиваю.

117. У людей-то мужья добры,
Накупили женам бобры,
А у меня муженёк — дурачок:
Он купил мне коровушку —
На меня лишню заботушку.
За коровой надо рано вставать,
А я люблю до обедика поспать.
Погоню эту корову во росу,
Я увижу-ка медведя во лесу:
— Уж ты дедушка-медведушка,
Задави мою коровушку,
Задави мою коровушку —
Забери мою заботушку!

118. Калинка, калинка моя,
В саду ягода малинка моя!
Вставала я ранёшенько,
Умывалася белёшенько,
Выгоняла я корову на реку,
Повстречала я медведя во лесу,
Я медведя испугалася,
За лесину хоронилася.
— Уж медведь, ты мой батюшка,
Ты не тронь мою коровушку,

Ты не тронь мою коровушку,
 Не губи мою головушку.
 Я коровушку доить буду,
 Малых детушек кормить буду.

119. Я на праздник по гостям пошла,
 Я не помню, как домой пришла,
 [Я за пазухой калачик принесла],
 А во левой руке — ленточку,
 А во правой руке — кисточку.

120. Ох, во пиру я была, во беседушке,
 Уж я не мёд пила — да сладку водочку,
 Сладку водочку, всё наливочку.
 Как я лесом шла — не боялася,
 Чистым полем шла — не качалася,
 Ко верье подошла — покачнулася.
 — Уж ты, верья моя, новоточеная,
 Новоточеная, позолоченная,
 Ой, поддержи-ка меня, бабу пьяную,
 Бабу пьяную, распохмельную.
 Не увидел бы меня свёкор-батюшка,
 Не сказал бы он моему мужу.
 Ой, как мой-то муж — горька пьяница,
 Ох, да горька пьяница, да злой кабачничек.
 Ох, он в кабак идёт, — ровно мак, цветёт,
 С кабака идёт — да пьян качается,
 Надо мной, младой, надсмехается.

121. Во пиру-то была, да, во беседушке,
 Эх, не вина-то пила, да, — крепку водочку,
 Не вино-то пила, да, — крепку водочку,
 Я пила-то, млада, да, из полуведра,
 Из полу(то)ведра, да, через край до дна.
 Уж я пьяна была, да, не качалася,
 Ох, я лесом-то шла, да, не боялася,
 Ой, до ворот-то дошла, да, — пошатнулася,
 Ох, да за вереюшку, да, спохватнулася:
 — Ох, верья ты моя, да, новоточеная,
 Ох, новоточеная, да, позолоченная,
 Удержи-ка меня, да, бабу пьяную,
 Ой, бабу пьяную — жену похмельную.
 Не увидел бы меня, да, свёкор-батюшка,

Ох, не сказал бы он свекровке-матушке.
Свёкор лупится стоит, да, голиком грозит.
Ой, едет-едет мой милой, да, на троечке,
Едет милый мой, да, на троечке,
Да на троечке, да с колокольчиком.

122. Ой, серёжки на окошке,
На окошках лежат.
И, ох, я, млада-младёшенька,
Перед оконушком сижу,
Перед оконушком сижу
Да в оконушко гляжу.
Чё(й)-то, чё(й)-то тройка мчится,
Да не меня ли в гости звать?
Да не звали да позывали,
Да повезли ж меня катать,
С горы на гору катали,
Оглянулася назад:
Идёт девка шатается —
С ведер вода плескается,
Идёт девка гнётся —
С ведер вода льётся.
123. Я не чаяла сегодня угореть,
Начала моя головушка болеть.
Закипели самовары на столах,
Зазвенели чайны чашки на шкапах.
Чайны чашки наливаются,
Две красотки забавляются.
Пришёл мóлодец, белым платком махнул:
— Не угодно ли, красотки, погулять,
С ряду гостинные товары закупать?
— Мне товарики не глянутся:
Голубой цвет марается,
Розовый — от солнышка линят.
Я куплю себе чёрный кисей,
Я сошью себе платьице,
Я во платьице наряжуся,
Я монашенькой явлюся.
— Я монашку насмерть не люблю,
Я с монашкой гулять не пойду.

124. Ой, дома ли голубушка моя?
Вышла голубушка моя,

Вышла да встретила меня,
 За белые рученьки взяла,
 Во горенку направляла.
 Во горенке парень удалой.
 Со стариком девица сидит,
 Забавную речь говорит,
 Забавну, нерадостную:
 Велят дружка милого любить
 Силою-неволюшкою,
 Не своей охотушкою.
 Эх, грушица, грушица моя,
 Грушица, зелёная трава,
 Что же ты не зелена стоишь?
 Али не полёванная?

- 125.** Как на этой на долинке,
 На широкой луговинке,
 На мятой траве,
 Эх, на мятой траве,
 Тама девушки гуляли,
 Со травы цветочки рвали,
 Веночки плели,
 Эх, веночки плели.
 На венцах девки гадали,
 Венки в речку побросали,
 Чей венок всплывёт —
 Эх, [мил сватов пришлёт].
 Одна девка не смолчала,
 Громким голосом кричала:
 — Мой-то утонул!
 Эх, милый обманул!

- 126.** Вот с ножки на ножку поскакиваю,
 Сапог об сапог поколачиваю.
 Износил я сапоги, да, за девчонкой ходючи,
 Износил я чёрну шляпу, под капеляй стаючи,
 С ножки на ножку поскакиваю,
 Вот сапог об сапог поколачиваю.
 Износил я синь кафтан, по заплотам лазючи,
 Износил я синь кафтан, по заплотам лазючи,
 Вот с ножки на ножку поскакиваю,
 Сапог об сапог поколачиваю.

- 127.** Как на Шилке на вокзале
 Да продают девок возами.

Да вы скажите, ради Бога,
Да где железная дорога?
Да она строилась три года,
Да устилалась песками,
Да по бокам железны шины,
Да по ней бегают машина.
Да на машину я садился,
Да с отцом, с матерью простился,
Да у начальника просился:
— Да вы позвольте воротиться,
Да с милою распротиться!
Ох, не позволил воротиться,
Ох, пошёл поезд да забрякал,
Ох, я, мальчишка, слезьми сплакал.
Ох, вы девчаты-голубяты,
Да вас за что любят ребята?
Да за ленты, за уборы,
Да за весёлы разговоры.

128. Ой, по тебе, моя Подгорна, да,
Ох, я последний, да, раз хожу,
Ой, трай-ли-ли-ли-ли-ли-ли-ли,
Я последний раз хожу.
 Ох, на тебя, моя красавица,
 Последний раз гляжу,
 Ой, трай-ли-ли-ли-ли-ли-ли-ли,
 Я последний раз гляжу.
Ой, Шилка, да, матушка шумит,
Ой, по ей пароход бежит,
Ой, трай-ли-ли-ли-ли-ли-ли-ли,
Пароход по ей бежит.
 Ой, пароход бежит парами, да,
 Три девчонки, да, едут с нами,
 Ой, трай-ли-ли-ли-ли-ли-ли-ли,
 Три девчонки едут с нами.
Ой, перва, да, Сашенька, вторая Машенька,
Третья — душечка моя,
Ой, трай-ли-ли-ли-ли-ли-ли-ли,
Третья — душечка моя.
 Ой, сяду я, сяду да на машину, да,
 Опущу головушку,
 Ой, трай-ли-ли-ли-ли-ли-ли-ли,
 Опущу головушку,

Ой, повезёт меня машина
 В дальнюю сторонушку,
 Ой, трай-ли-ли-ли-ли-ли-ли-ли,
 В дальнюю сторонушку.
 Ой, я последний раз гуляю, да,
 За столом я посижу,
 Ой, трай-ли-ли-ли-ли-ли-ли-ли,
 За столом я посижу,
 Ой, на тебя, моя любимая,
 Последний раз гляжу,
 Ой, трай-ли-ли-ли-ли-ли-ли-ли,
 Да последний раз гляжу.
 Ой, что, соловушка, да, невесел,
 На берёзоньке сидишь?
 Ой, трай-ли-ли-ли-ли-ли-ли-ли,
 На берёзоньке сидишь.
 Ой, что, мой милый, да, невесёлый,
 На меня не поглядишь?
 Ой, трай-ли-ли-ли-ли-ли-ли-ли,
 На меня не поглядишь.
 Ой, что, соловушка, да, невесел,
 Звонких песен, да, не поёшь?
 Ой, трай-ли-ли-ли-ли-ли-ли-ли,
 Звонких песен не поёшь.
 Ой, что, хозяин, невесёлый,
 Нам винца не подаёшь?

129. Ой, комаринской, комаринской мужик,
 Да ты за что нашу калачницу ушиб?
 Ой, капустка-рассадушка,
 Да на меня, милой, досадушка,
 Вот досадушка, досада немала:
 Да не проводит до парадного крыльца,
 До парадного крылечушка —
 Заболит моё сердечушко.

130. Барыня, барыня,
 Сударыня барыня!
 Я у барыни был,
 Да руки, ноги ознобил,
 Руки, ноги ознобил —
 Да рукавицы позабыл.
 Барыня угорела —
 Много сахару поела,

Футы-нуты, барыни,
Да вот мои сударыни!

131. Ты Бобреха, да я Бобров,
Завтре праздничек Покров.
Научила да нас Бобреха
По Саратову гулять,
Что Саратов — город славный,
На реке стоял большой.

132. Зять на теще капусту возил,
Молоду жену в пристяжке водил:
— Ну-ка, ну-ка, ну-ка, теща моя!
Тпру-стой, молодая жена!
Тебя, старую, чёрт не возьмёт,
А молода жена живот надорвёт!

133. Как надену я на ножки красные сапожки,
Каблучками застучу, затанцуют ножки.
Я бабусе помогала, я посуду мыла,
Польку начала плясать — блюдечко разбила.
Только я не виновата — это всё сапожки:
Как пойду я погулять — затанцуют ножки!

Шуточные песни

134. А где это слыханоё,
А где это виданоё,
Чтобы курочка бычка принесла,
Поросёночек яичко снёс,
Поросёночек яичко снёс,
А гусёночек за печку унёс?

135. По большой просёлочной дороге
Ехал бесколёсный грузовик —
Ехали калеки на поминки
Через гору сразу напрямик.
За рулём сидел у них безрукий,
А безногий жал на тормоза,
А слепой указывал дорогу,
А [глухой] сигналы подавал.
Вдруг из лесу выскочила банда,
Грузовик пришлось остановить,

Что-то тут шепнул немой глухому,
 А безрукий вскинул дробовик.
 Два выстрела сразу раздалось —
 Двенадцать бандитов лежит,
 Остальные в страхе разбежались,
 А безногий бросился ловить.

- 136.** Вот приехали два брата
 Из деревни в Петербург.
 ПРИПЕВ: Ой, Дербень, Дербень, Калуга,
 Дербень, Ладуга моя!
 Одного зовут Ерёма,
 А другого звать Фома.
 Вот Ерёма встал на крилос,
 А Фома пошёл в алтарь,
 Вот Ерёма запел басом,
 А Фома запел альта.
 Вот Ерёма купил лодку,
 А Фома купил челнок,
 У Ерёмы лодка с дыркой,
 У Фомы челнок без дна.
 Вот Ерёма стал тонуть,
 Фома — за ноги тянуть,
 Вот Фома пошёл на дно,
 А Ерёма там давно.

- 137.** Вот приехали два брата
 Из деревни в Ленинград.
 ПРИПЕВ: Чу, сяду и поеду,
 Чу, сяду и поеду
 На троечке своей.
 — А меня зовут Ерёма.
 — А меня зовут Фома.
 У Ерёмы много денег,
 У Фомы — один пятак.
 Вот Ерёма купил лодку,
 А Фома купил челнок,
 У Ерёмы лодка с дыркой,
 У Фомы челнок без дна.
 Вот Ерёма тонет в лодке,
 А Фома — давным-давно.
 — Ты, Ерёма, не тяни,
 Ты порвёшь мои штаны!

А Ерёму раки съели,
А Фому — на той неделе!

138. — Уж ты зайныка мой,
Да уж ты серенький мой,
Где ж ты был-спобывал,
Где ж ты был-спобывал?
— Был я, был я, барин мой,
Был я, был я, сердце мой,
В огороде, в лебеде,
Да во прекрасной стороне.
— Эх, серый мой,
Не видал ли ты кого?
— Видел, видел, барин мой,
Видел, видел, сердце мой:
Две девицы-красавицы,
Третья — Дуня удала.
— Эх, серый мой,
Звали ли тебя?
— Звали, звали, барин мой,
Звали, звали, сердце мой:
А Маруша — из окна,
А Катюша — из-за крыльца,
Брава Дуня удала
Да у ворот-от созвала.
— Эх, серый мой,
Не угощали ли тебя?
— Угощали, барин мой,
Угощали, сердце мой:
А Катюша-то — блином,
А Маруша — пирожком,
Брава Дуня удала
Стакан масла налила.
— Эх, серый мой,
Не ругали ли тебя?
— Эх, ругали, барин мой,
Эх, ругали, сердце мой:
А Катюша — косоглазым,
А Маруша-то — бродяжим,
Брава Дуня удала
Черноухим назвала.
— Эх, серый мой,
Не били ли тебя?
— Били, били, барин мой,

Били, били, сердце мой:
А Катюша-то — ухватом,
А Маруша — кочергой,
Брава Дуня удала
За ворота прогнала.

- 139.** — Заинька, где ты был?
— Я у девушек гостил.
— Угощали ли тебя?
— Угощали, братец мой:
Как Марюта-то — квасцом,
А Анюта-то — пивцом,
А Дуняша удала
Графин водки подала.
— Накормили ли тебя?
— Накормили, братец мой:
Как Марюта — пирогами,
А Анюта-то — блинами,
А Дуняша удала
Кашу с маслицем дала.
— Уложили ли тебя?
— Уложили, братец мой:
Как Марюта-то — на лавочку,
А Анюта-то — под лавочку,
А Дуняша удала
Периночку постлала.
— Разбудили ли тебя?
— Разбудили, братец мой:
Как Марюта-то — под бок,
А Анюта — под другой,
А Дуняша удала
За лапочку подняла.
— Били, били ли тебя?
— Били, били, братец мой:
Как Марюта-то — прутом,
А Анюта-то — кнутом,
А Дуняша удала
Подзатылилку дала.

- 140.** А я по́ лугу,
Я по лу́гу гуляла,
Я с комариком,
С комариком плясала.
Мне комар ножку,

Комар ножку оттоптал,
Все суставчики,
Суставчики раздробил.

141. Все мы песни перепели,
Перепели, перепели, перепели.
Про комарика не спели,
Да не спели, да не спели — не успели.
Полетел наш комарочек,
Эх, комарок, комарок, комарочек,
Он во тёмный во лесочек,
Эх, во лесок, во лесок, во лесочек,
Он садился на дубочек,
Эх, на дубок, на дубок, на дубочек,
Клал он ножки в корешочек,
Эх, в корешок, в корешок, в корешочек,
Он носочек — под листочек,
Под листок, под листок, под листочек.
Поднималась шуря-буря,
Эх, шуря-буря, шуря-буря, шуря-буря,
Комарочка с дубу сдула,
Эх, с дубу сдула, с дубу сдула, с дубу сдула.
Полетел наш комарочек,
Эх, комарок, комарок, комарочек,
Он садился на мосточек,
Эх, на мосток, на мосток, на мосточек,
Клал он ножки в корешочек,
Эх, в корешок, в корешок, в корешочек,
Он носочек — под листочек,
Эх, под листок, под листок, под листочек.
Тут и ехали бояры,
Эх, да бояры, да бояры, да бояры —
Комарочка растоптали,
Эх, растоптали, растоптали, растоптали.
Что это за тело бело,
Эх, тело бело, тело бело, тело бело —
Выпить водки захотело,
Эх, захотело, захотело, захотело?

142. Комара муха любила — ох, ох!
Комара муха любила и кумысом напоила — пьян!
Полетел комар в лесочек — ох, ох!
Полетел комар в лесочек, сел комарик на дубочек — сел!
Поднялась большая буря — ох, ох!

Поднялась большая буря и комарика-то сдула — пал!
 Вот лежит комар, не дышит — ох, ох!
 Вот лежит комар, не дышит, ручкой, ножкой не колышет — сдох!
 Прилетели тут две мухи — ох, ох!
 Прилетели тут две мухи и комарика под руки — унесли!
 Схоронили близ дороги — ох, ох!
 Схоронили близ дороги — видно руки, видно ноги — весь на виду!

143. Все мы песни перепели,
 Перепели, кума, перепели,
 Про комарика не спели,
 Ох, не спели, кума, ох, не спели.
 Прилетел наш комарочек,
 Комарок, комарок, комарочек,
 Ножки свесил под дубочек,
 Под дубок, под дубок, под дубочек.
 Пошли девки покупаться,
 Покупаться, кума, покупаться,
 Прибежал к ним вор Игнашка,
 Вор Игнашка, кума, вор Игнашка,
 Забрал наши рубашонки,
 Поскакали, кума, нагишонки.

144. Пошли девки на работу,
 На работу, кума, на работу,
 На работе припотели,
 Припотели, кума, припотели,
 Покупаться захотели,
 Захотели, кума, захотели.
 Они к речке побежали,
 Побежали, кума, побежали,
 Рубашонки покидали,
 Поскидали, кума, покидали,
 Они в речку попрыгали,
 Попрыгали, кума, попрыгали.
 Где ни взялся вор Игнашка,
 Вор Игнашка, кума, вор Игнашка,
 Украл девичьи рубашки,
 Рубашки, кума, рубашки.
 Одна девка, всех смелее,
 Всех смелее, кума, всех смелее,
 За Игнашкой погналася,
 Погналася, кума, погналася.

145. Собралися красны девки
В посиделки посидеть,
Попрясть да поткать, побеседовать.
Откуль взялся добрый молодец:
— Добрый вечер, красны девки,
Я пришёл вас всех любить!
Стал наш парень выкаблучиваться,
Подмигивать да пощупывать,
Стали девки, стали красны перешёптываться.
Одна девка — удалым-то удала —
Через скамью парня — на голову.
— Ох, ты парень-голова,
Во беседу не ходи,
Во беседу не ходи
И над нами не шути!

146. Вечор девки
Вечор девки по светёлочкам сидят.
Пришёл к девкам,
Пришёл к девушкам незванный гостенёк.
Ой, стали девки,
Стали девки перешёптываться:
— Ой, чем гостя,
Чем мы гостя будем потчевати?
Одна девка,
Одна девушка сдогадлива была —
Берёт парня,
Берёт парня девка за волосы,
По избушке,
По избушке, будто веничком, метёт,
По сеничкам,
По сеничкам, будто ступу, волокёт.

147. Неровня ли муж навяжется,
Начинает неровня куражиться:
Он заставит разувать, разболакивать,
Часты пуговицы расстёгивать,
Семисажённые оборы развязывать,
Трёхпудовы ичиги скидывать.
А мои рученьки белёшеньки,
Золоты кольца тонёшеньки —
Мои рученьки мараются,
Да золоты кольца ломаются,
По суставам рассыпаются.

148. У Ивана у болвана жена пряльня была:

Она день пряла по ниточке, в пять дён — веретён,
 Она день пряла по ниточке, в пять дён — веретён,
 Что неделя — куделя, что годок — моток,
 Что годок — моток, мотовило с локоток.
 Она вздумала, пряльня, кросна становить —
 Уж как этим кросна́м шла девята весна,
 Шла девятая весна, десята Масленица,
 По подножьям, подлавам всё травой уросло,
 На самой-то пряльне, пряльне цветы расцвели,
 На самой-то пряльне, пряльне цветы расцвели,
 По подножьям, по подлавам всё грибы заросли.

149. Баба сеяла муку

На полатях на боку.
 Она хлебушко пекла —
 Таракана запекла.
 Три недели хлебы кисли,
 Да не выкисли.
 — Повезу я колобок
 Во соседний городок.
 Никто хлебушка не купит,
 Никто даром не берёт.
 Подошла свинья Аксинья,
 Стала хлебец торговать.
 Торговала, торговала —
 Себе рыло замарала,
 Три недели прохворала,
 На четвёртую неделю
 Богу душу отдала.
 Ей пропели за труды:
 — Сени новые мои,
 Сени новые, кленовые,
 Решетчатые!

150. Расскажу тебе, кума,

Как Макар сошёл с ума.
 Не сошёл Макар с ума —
 Довела его жена.
 Он уехал в один день
 Аж за сорок деревень.
 А Макарова жена
 Беззаботная была,

Она печку не топила
И Макара не кормила,
Всё хворала да болела
И совсем почти не ела:
По корчажке молока,
Сразу по три пирога,
Исхудала, сирота, —
Не пролезет в ворота.
А Иванова жена
Рукодельница была,
У неё в порядке хата,
Сыты, веселы ребята,
Муженёк-то наряжён —
Вот таких ищите жён!

151. — А скажи, моя Марусенька, не утай, моя душечка,
Эй, да кто у тебя были гости без меня?
Расскажи, моя Марусенька, не утай, моя душечка,
Эх, да что у тебя ели гости без меня?
— А майор ел, да, он брюшину,
А поручик, мой голубчик, пил шампанское вино!
— Расскажи, моя Марусенька, не утай, моя душечка,
А где у тебя спали гости без меня?
— А майор спал во темнице,
А поручик, мой голубчик, спал во спаленке со мной!
— Расскажи, моя Марусенька, не утай, моя душечка,
Ах, что тебе дали гости без меня?
— А майор-то дал полтинник,
А поручик, мой голубчик, дал червонец золотой.
152. Как у нашего соседа собиралася беседа
Развесёлая, эх, развесёлая.
Тут знакомые сходились, чинно за столы садились,
Уважительно, эх, уважительно.
Много ели, много пили — словом, весело кутили,
Веселилися, эх, веселилися,
А потом перепились, наконец передрались,
Перецарапались, перещарапались.
Как взглянули на Кондрата: с носа шкура вся содрата —
Омерзительно, эх, омерзительно.
А у дедушки Ивана трёх зубов как не бывало —
Раздробительно, эх, раздробительно.
А у тёгушки Алёны сарафан порвали новый —
Прицепительно, эх, прицепительно.

А у нашей Акулины глаз подбили без причины —
 Осветительно, эх, осветительно.
 И меня не позабыли — синяками наградили —
 Слепительно, эх, слепительно.
 И с тех пор наш сосед отказался от бесед
 Окончательно, эх, окончательно.

153. Вот пьяница по улице идёт,
 Да он не сам идёт — вино его ведёт,
 А само-то издевается над ним,
 Над приятелем, над другом над своим.
 Без сапог идёт по грязи босиком,
 Оборванный зипунишко весь на нём,
 Шапку сбросило с Ерохиной башки
 Да посадило под глазами синяки,
 Растрепало бородёнку мужика
 Да ведёт его, толкает под бока.
 Об забор, а то и об угол возьмёт,
 То под самые колени подшибёт,
 Прямо в грязную канаву головой —
 Пусть потешится над пьяницей народ:
 — Ох, ты пьяница великая,
 Разудалый добрый молодец,
 Забубённая твоя головушка,
 Беззаботный горький пьяница!
 Уж на что же ты, крестьянский сын,
 Полагаешься, надеешься?
 На полях трава нескошенная,
 Борона, соха заброшенная.
 Как у всех-то избы крытые
 Новой чёсаной соломою,
 А твоя изба, обтрёпанная,
 Вся гнилая, пошатнулася.
 Хлеба нет в амбаре зёрнышка,
 Недоимки накопилися.
 Выйдешь ты на сходку, пьяница,
 С головой своей повинною
 [И не вымолвишь] словечечка,
 И не выскажешь разумного.
 Уплатили люди добрые
 Все твои провинности крестьянские.

154. Уж я дайте-ка женюся и богато буду жить:
 Мне от дедушки достался новый шёлковый халат,

В мире купленный готовый триста лет тому назад,
Мне от бабушки осталась юбка новенькая —
Триста лет она валялась, я нечаянно нашёл.
Мне от дедушки достался весь готовый капитал:
Кочерга, ухват, лопата и мутовка со квашнёй,
Чайник новый — дужки нету, безо дна и без носка,
Двое пары сапогов, что за печкою лежат:
Одни новые не лезут, а други носить нельзя.

155. Три года я носил одну портянку,
Её ни разу не стирал:
Ведь мыло денег стоит,
Без мыла грязь не смоешь,
А мыло в наше время — капитал.
Задумал я жениться на красотке,
Её повсюду выбирал.
Прощай, моя портянка,
Прощай, моя обмотка!
Чтоб свадьбу справить, я её загнал.
Пускай же я остануся индусом,
Если хоть чуточку наврал.
Со мной на брачном ложе
Была портянка тоже,
Её я своим внукам завещал.

156. Шёл я улицей Варваркой
Со знакомою куфаркой,
Уж как ради воскресения
Захожу я в заведение,
Заказал чайку две парочки —
Для себя и для куфарочки.
А куфарка: — Ой-ой-ой!
Он убил меня! Разбой, разбой!
Вот прибежали лица дерзкие,
Все персоны полицейские:
— Уж как мы тебя, проказничка,
В часть отправим ради праздничка!
— А я, — говорит, — в полицию
Защищать свою амбицию,
А из полиции — домой,
Я человек мастеровой.

157. — Где же ты был, Савушка?
— На базаре, бабушка.

— Кого видел, Савушка?
 — Девчат видел, бабушка.
 — Посватал бы, Савушка.
 — Нету денег, бабушка.
 — Ты занял бы, Савушка,
 — Иди к чёрту, бабушка!

158. — Где ты, Ваня, пропал? —
 Я зальюсь слезами.
 — За границей, Машка, был,
 В городе в Рязани.
 — Ваня, Ваня, что привёз,
 Чем ещё зазнался?
 — А ну-ка, Машка, погляди,
 Как в Рязани снялся.
 — На портрете ты косой,
 Но зато влюблённый.
 — Пойдём, Машка, мы с тобой
 Гулять в сад зелёный!

159. Посылала меня мать, посылала меня мать,
 Посылала меня мать яровое жито жать.
 А я жита не жала, а я жита не жала,
 А я жита не жала — на снопах пролежала.
 На снопах пролежала, на снопах пролежала,
 На снопах пролежала да Никиту поджидала.
 Вон Никита идёт, вон Никита идёт,
 Вон Никита идёт и орешки грызёт.
 Я не знаю, что мне делать, я не знаю, что мне делать,
 Я не знаю, что мне делать, ум за разум зашёл —
 Аль орешки щелкать, аль орешки щелкать,
 Аль орешки щелкать, аль Никиту целовать.
 Я орешки щелкала, я орешки щелкала,
 Я орешки щелкала и Никиту целовала.

160. Не ухаживаю я, милёнок, извиняюсь,
 ПРИПЕВ: Ой, да ти-да, ти-да, дай да,
 Ти-да, ти-да, дай да, да.
 Во-первых, я не умею, во-вторых, стесняюсь.
 Ох, любила б я его, любила бы до крайности,
 Кабы он не рассказал товарищу все тайности.
 Он пошёл, а я внимательно смотрела на него —
 Замечательна походочка у друга моего.

Говорила я ему, своему провожатому:
— Век тебе бы не жениться и не быть женатому!

- 161.** Я уеду туда, где густая рожь,
Я найду его, он на меня похож,
Ай-я-я-я-я, ай-я-я-я-я,
Я найду его, он на меня похож.
Я пошла туда, где густая рожь,
Я нашла его, он на меня похож,
Ай-я-я-я-я, ай-я-я-я-я,
Я нашла его, он на меня похож.
Я пошла туда и нашла его —
Он командир полка, а я доярочка,
Ай-я-я-я-я, ай-я-я-я-я,
Он командир полка, а я доярочка.
Я доярочка, не отпираюся
И любить тебя не собираюся,
Ай-я-я-я-я, ай-я-я-я-я,
И любить тебя не собираюся.

Свадебные песни

- 162.** [— Берёзка, берёзонька,
Берёзка да кудреватая,
Ох, ты зачем рано раскинулась?
— Да не сама собой раскинулась —
Ох, размочили да часты дождинки,
Ох, часты дождинки ливучие
Да со громами со гремучимя.
Раскидали да ветры буйные,
Да размочили часты дождинки.
— Ох, ты свет-наша подруженька,
Да ты зачем рано замуж пошла?
— Ох, не сама собой замуж пошла —
Да распросватал родный батюшка,
Ох, притакали дядья, тётушки,
Да присоветали подруженьки.
- 163.** — Ох, берёзонька моя раскудрявая,
Ты зачем раным-рано расцвела,
Распустила листки клейкие,
Развесила серьги жёлтые?
— Не сама собой я распустилася —

Размахали меня ветры буйные,
 Помочили меня часты дождички.
 — Ты душа ли красна девушка,
 Что ты рано замуж пошла?
 Расплела ты свою косоньку,
 Раздарила алы ленточки,
 Русу косу они красили,
 Ленты алые атласные.
 — Ох, не сама я замуж пошла
 За немилого, да богатого —
 Засватали меня отец с матерью.

164. Подходила наша свахонька,
 Подходила, речь говорила, да:
 — Собирайся, ты наша умница, да,
 Во чужу дальну сторонушку, да,
 Что дальна сторонушка, да,
 Малиною изусажана, да,
 Медяной сотой поливана, да.
 — Отойди-ко ты прочь, обманщица, да,
 Отойди-ко ты, разговорщица!
 Я сама про ето ведала, да,
 Что чужа дальна сторонушка, да,
 Калиною изусажана, да,
 Горючим слезам поливана.
165. Спородила меня да матушка
 Да вот во несчастный день да во пятницу,
 Да умывала да меня мамушка
 Ключевой водой холодною,
 Да пеленала да меня мамушка
 Во бумажную пелёночку
 Да во шёлкову покрочку.
 Да положила меня да мамушка
 В колыбелю во качливую,
 Да раскачала меня мамушка
 Да что во все четыре стороны,
 А в одну-то да незнакомую
 Да ко чужому свёкру-батюшке,
 Да ко чужой свекровке-матушке,
 Да ко чужим-то деверьям-братцам,
 Ко чужим-то золовкам-сёстрицам.

166. Породила меня мамушка
 Во злосчастный день во пятницу,

Ещё клала меня мамушка
В колыбельку да качливую,
Раскачала меня мамушка
На все четыре стороны,
На одну-то на сторонушку —
На чужую, незнакомую,
На чужую на сторонушку
Ко чужому отцу-батюшке,
Ко чужой свекрови-матушке —
Да какая я несчастная!

167. Ты садись, родимый тятенька,
На диванчик под окошечко.
Поприметь, родимый тятенька,
Мою-то девью красоту.
Когда была я малым-малёшенька
И ходила подле лавочки,
Подходил родимый тятенька,
Меня брал на белы рученьки,
Поднимал родимый тятенька
Выше буйною головушки,
Говорил родимый тятенька:
— Не отдам тебя я, дитятко,
Ни за князя, ни за барина.
А пришла пора-то, времечко,
То просватал меня тятенька
За простого за крестьянина,
То просватал её тятенька,
Снарядила её мамонька
В светло платьице матерчато.
Выводила её мамонька
На крутой бережок,
Корабельщикам да на корабль.
Корабельщики отпёхнулись,
Тогда мамонька спохватилась,
Тогда родима спохваталась:
— Ты когда же, моя дочка милая,
Ты когда в гости приедешь?
— Я не гостьюшкой к тебе приеду —
Прилечу я малой пташечкой,
Прилечу я малой пташечкой,
Сяду в зелен сад на веточку,
Подмочу я эту веточку
Да своими горячьми слезьми,

Подсушу я эту веточку
Да своим-то великим горем.

- 168.** При долине куст рябиновый стоял,
Э-ой, да как на том-то на кусте соловей-пташка да поёт,
Соловей-пташка поёт,
Э-ой, да горьку ягоду ряби... он рябинушку да клюёт,
Он рябинушку клюёт,
Э-ой, да он малиной призаклё... призаклёвывает,
Призаклёвывает.
Э-ой, да прилетали к соловью, к соловью два сокола,
К соловью два сокола,
Э-ой, да звали-звали соловья, соловейку с собою,
Соловейку с собою:
— Э-ой, да полетим-ка, соловей, соловейка-водолей,
Соловейка-водолей!
Э-ой, да посадили соловья, соловейку в кле... клеточку,
Соловейку в клеточку,
Э-ой, да за железну за решё... за решёточку да его,
За решёточку его.
Э-ой, да заставляли соловья, соловейку песни петь,
Соловейку песни петь:
— Э-ой, да уж ты пой, мой соловей, распевай, мой соловей,
Распевай, мой соловей,
Э-ой, да при компанье весели, весели моих гостей,
Весели моих гостей,
Э-ой, да при кручине утешай, утешай-ка молодца,
Утешай-ка молодца,
Э-ой, да при печали — красну де... красну девицу, ой, да душу.
- 169.** Эх, на кусточке на веточке соловей сидит,
Эх, соловей-пташечка сидит,
Эх, далеконько сидит,
Да ягодку да калинку, да калинку клюёт,
Да расклюёт-клюёт,
Эх, да [малиной], доброй ягодкой, призакусывает,
[Призакусывает],
Эй, да прилетают, эх, да к соловью два сокола,
Эх, да из-за леса два сокола,
Эх, да соловейку зовут с собой вдаль,
[Зовут с собой вдаль]:
— Эх, да вдаль полетим с нами, соловей,
Эх, полетим, наш молодой!
— Эх, да рад бы улететь, да крылышек нет,

У меня крылышек нет.
Эх, да улетели соколы, дали соловью песню допеть.

170. Ой, со вечера дорожка шла,
Со полуночи вела во степь, да е-ей.
Что не ласточка тропу тропила, да е-ей,
Не касатая растропывала, да е-ей,
Что не белый горноста́й проскакал, да е-ей —
Проскакали трое дубовы санки, да е-ей,
А четвёртые — со вычурами, да е-ей.
А во саночках лежаночка лежит, да е-ей,
Во оглобелях пеганушка бежит, да е-ей,
На гору конь подымается, да е-ей,
Под гору конь разбегается, да е-ей,
О малину расшибается, да е-ей,
Расшибает свою белую грудь, да е-ей,
На малине соловей-вовей сидит, да е-ей,
Горьку ягоду-рябинушку клюёт, да е-ей,
Он клюёт, клюёт, покаявывает, да е-ей,
Во все стороны поглядывает, да е-ей.
Прилетали к соловью соколы, да е-ей,
Они звали соловья с собою, да е-ей,
Посадили за решётчку, да е-ей,
И заставили песенки петь, да е-ей:
— Уж ты пой, воспевай, соловей, да е-ей,
При кручине утешай молодца, да е-ей,
При печали — красну девицу-душу, да е-ей.
Красна девица всю ночь не спала, да е-ей,
Всю-то ночь не спала — пристала, да е-ей.
При кручине утешал молодца, да е-ей,
При печали — красну девицу-душу.

171. У Ивана-то на широком на дворе
Да вырастает кипарисов куст,
Да что на этом кипарисовым кусту
Да солетались птицы райския,
Да они пели песни царския,
Да вызывали Валентину на крыльцо.
Да выходила красна девка на крыльцо,
Да сквозь слёзы слово молвила,
Да сквозь горячи речь говорила:
— Да уж вы птицы мои райския,
Да вы не пойте песни царския!
Да мне не время песни слушати,

Да мне сегодняшней — разлучный день:
Да разлучают с отцом, с матерью,
Да и со всёй со девьей красотою,
Да наипаче — со русой косой!

172. [Мне] недолго жить, красоваться
Во своей-то девьей красоте,
Во хорошем-то украшеньице.
Как моя-то девья красота,
Она бьётся-убивается
Посредине трубчатой косы,
По конец-то алой ленточки.
Она вспорхнуть хочет да улететь,
[Как моя-то] девья красота,
Во чисто поле да во раздольице.
Уж вы свет мои голубушки,
Полюбовные подруженьки,
Как придёт-то лето красное,
Вы пойдёте в лес по ягоды —
Поприметьте вы, подруженьки,
Мою-то девью красоту.
Как хороше будет замужьице —
Расцветёт-то девья красота
Среди зимы холодныя,
А как неудачно будет замужьице,
То завянет девья красота
Среди-то лета красного.
173. Семена вы мои, семянушки,
Семена мои голубиныя!
Ты душа ли красна девица,
Ты зачем рано замуж пошла?
Расхорошая девья красота,
Она за тысячу вёрст увидится,
Она за тысячу вёрст услышится.
Распроклятая бабья красота,
Она за печкой-то навалается
Да по-за лавкою натаскается.
174. Семена вы мои да семянушки,
Я недавно-то вас посеяла,
Ровно три зерна я посеяла —
Уродилось ровно три поля.
Между этими тремя полями

Не бела ли лебедь гыкала
Об своей-то русой косе,
[Об русой косе], девьей красоте.

175. Семена вы мои голубинные,
Я немножко вас посеяла,
Посеяла ровно три зерна —
Уродилось ровно три поля:
Одно полюшко — до суженого,
Друго полюшко — до Божьей церкви.
176. Всё сборы мои, сборы.
Сама-то садилася повыше всех,
А буйну голову склонила понижее всех,
Задумала думушку покрепче всех:
Ещё как буду жить во чужих людях?
Ещё как буду звать свёкра батюшкой,
Ещё как буду звать свекровь матушкой?
177. Сборная суббота настала,
Сборная суббота настала,
Аленька девушек собрала,
Собрала, собрала вокруг да себе,
Посадила да она их высоко,
А и сама села да выше всех,
А и сама села да выше всех,
Склонила головушку ниже всех,
Задумала думушку горше всех:
А и дума моя большая,
А и дума моя большая, моя горькая,
Косынька моя русая,
Косынька моя русая,
Не день я тебя чесала,
Не день я тебя чесала,
А неделюшку заплетала —
За одну чарочку пропила,
За одну чарочку пропила,
За копеечку продала.
178. Моя руса коса
Не боялась свету белого,
Не скрывалась солнца красного,
А теперь-то моя руса коса
Убоялась свету белого,
Раздвоилась моя руса коса.

179. [Трубушка] трубила рано по заре,
Свет-Ивановна плакала по русой косе.
Вечор её косыньку матушка плела,
Утром ранёхонько девки расплели,
А среди белого дня свахи заплели,
Разделили её косыньку на пять плетей,
Заплели её косыньку на две косы,
Обвили её косыньку кругом головы.
180. Что не травка в поле стелется,
Что не лист устилается —
Красна девка Богу молится,
Низко кланяется:
— Я у папеньки прошу благословеньица,
У родимой матушки.
Мне ваше благословеньице
Дороже злата-серебра:
Из синя-то моря вынесет,
Из темна-то леса выведет.
181. Полежи, гривна, на блюдечке,
Да на серебряной тарелочке,
Да погости, гостья, малёшенько
Да у родимого у батюшки,
Да у родимой своей матушки.
— Да уж я рада бы гостить, гулять у вас,
Да я бы рада с вами век вековать —
Да он бежит, спешит-торопится,
Да разудалый добрый молодец,
Да ко душе он красной девушке,
Да Парасковье он Михайловне.
Да он желает закон Божий принять,
Да он желает под золотой венец с ней стать.
182. Ой, евон, евон женихи
К моему двору пришли.
Ой, евон, евон женихи
На красно крыльцо зашли.
Ой, евон, евон женихи
За дубову дверь взялись.
183. Что не пыль да ли в поле пылится,
Не валы(?) ли загораются,
Не искры ли высыпаются?

Высыпался дружка с поездом,
Со большим да со боярином,
Со удалым добрым молодцем.
Вот идут да люди по мосту,
Открывают двери на пята,
На пята да на вырезную
Да за крючья за железные.
То не уточка ко мне плывёт,
Не серая ли уныряется —
Что идёт да унижается
Ко мне свахонька приезжая,
Во руках несёт она платье светлое,
Что светлым оно светлешенько,
Прижать к сердцу — холоднешенько.
Батюшково платье тёмное,
Что темным оно темнешенько,
Прижать к сердцу — оно теплешенько.

184. Ты Волга ли, Волга-реченька,
Да широка Волга, разливица,
Да разливалась Волга-реченька
Да по своим-то крутым бережкам.
Да выходила родима матушка
Да на крыльцо-крыльцо,
Да заревела диким голосом:
— Да воротись, — кричит, — да милая,
Да чадо милое, дочь любимая!
Да ты забыла пояс шёлковый,
Да пояс шёлков с золотым ключом!
Да отвечала дочка матушке:
— Да я не ключница, да не разлучница!

185. Что не конь-то берегами бьёт,
Ох, берегами конь бьёт, воды не пьёт.
Ох, конь головушкой покачивает,
Стременами почикатывает,
Ох, на коне-то сидит удалый молодец —
Свет по имени Иван-господин,
С-по изотчеству Елизарович.
Ох, за собой-то ведёт сужену,
Ох, сужену да ещё снаряжену —
Свет по имени Марию-госпожу,
С-по изотчеству Ермолаевну,
Ох, уж бы взял да растрепал её.

Мои рученьки болят да болят,
Ох, по суставчикам распятыся хотят,
Мои рученьки белёшеньки,
Золоты кольца тонёшеньки.

- 186.** По синю морю Волынскому
Тама плавали табун гусей,
А второ стадо лебёдушек.
Поднялися ветры буйные,
Разыгралась непогодушка.
Тут отстала лебедь белая
От стада лебединого,
Приставала лебедь белая
Ко стаду, ко серым гусям.
Как начали гуси крикати,
Белу лебедь щипати.
— Не щиплите, гуси серые,
Не сама я к вам залетела —
Занесла меня погодушка,
Супротивная неволюшка.
Отставала Аннушка
От своёго роду-племени,
Приставала Аннушка
Ко чужому роду-племени.
Как начали люди добрые
Её журить-бранить.
— Не ругайте, люди добрые,
Не сама я к вам приехала —
Завёз, завёз меня добрый конь,
Завёл, завёл добрый молодец.
- 187.** — Ой, ласточка да ты касаточка,
Ой, сиза-бела перепёлочка,
Ой, ты зачем рано вылётывашь
Да из своёго тёплого гнездушка?
— Ой, я бы рада не вылётывать
Да из своёго тёплого гнездушка —
Ой, не даёт мне сокол сидеть,
Он все мне крылушки повыдергал
Да все мне перушки повыщипал.
- 188.** Кони бегут, бегут,
По полю хвостами метут, метут,
Красну девицу везут, везут,
Сокола добра молодца.

189. Катилося ясное солнце за гóрья,
Просилася млада девчонка с застоля:
— Пусти, пусти, младой Ванюша, с застоля
Погуляти по папкином подворью,
Расспросити про мамкино здоровье.
190. А мы поедем во новіе да города,
Мы закупим шёлковые да невода,
Мы закинем да во синие да во моря,
Поймаем да белу рыбу да окуня,
А мы будем рыбу спрашивати:
— Ой, каково ль да тебе, рыба, да без воды?
Каково да тебе, мальчик, да без пары,
Без пары-пары, без парочки,
Ой, без пары-пары, да без молодой жены?
191. Как у месяца, как у светлого звёзды частые,
Как у солнышка, как у красного лучи ясные —
У Ивана-то у Сергеича кудри русые.
По плечам кудри лежат — словно жар горят,
Они золотом пересыпаны,
Они серебром перенизаны,
По плечам кудри лежат — ровно жар горят.
Соезжались к нему господа-купцы,
Дивовалися оне, любовалися:
— Уж и чьё это дитё-дитятко,
Дитё-дитятко, чадо милое?
Дивовалися оне, любовалися:
— Не заря ли его воспроиздила,
Не светёл ли месяц воспоил-вскормил?
— Уж вы глупые, безразумные,
Воспроиздила его родна матушка,
Воспоил-вскормил родный батюшка,
Возлеяли его няньки-мамушки,
[Няньки-мамушки], сены девушки.
192. Ты соколик, соколин сын
Белокрыльчатой, Иван-то сударь, да,
Белокрыльчатой, Ефимыч-от сударь, да,
Он летал да полётывал,
Он гулял да погуливал.
Залетел сокол в высокой терем, да,
Он повыше всех, ко Аннушке, да,
Он повыше всех, к Ивановне, да,

Он садился да за дубовые столы, да,
 Он за скатерти за бранья, да,
 За еды-питьи медяныя, да,
 Он ведь брал её за правую руку, да,
 За её перстни злачёныя, да,
 Он повёл её ко златому венцу, да,
 Ко злату венцу венчатися, да,
 Золотым перстням меняться,
 От злата венца — ко батюшку, да,
 Ко Ефиму Николаичу.

193. У нас нет такого молодца
 Ни в Казани, ни в Астрахани,
 Да е-ей, ни в Казани, ни в Астрахани,
 Ни у нас в каменнóй Москве,
 Да е-ей, ни у нас в каменнóй Москве.
 Появился удалый молодец,
 Да е-ей, появился удалый молодец,
 Удаля его головушка,
 Да е-ей, удаля его головушка,
 Шелкова его бородушка,
 Да е-ей, шелкова его бородушка.

Военные песни

Рекрутские и солдатские песни

194. Мимо саду, мимо зеленóго шли-прошли солдаты,
 Шли солдаты, шли ребята, парни молодые, и-ой,
 А за ними шли матушки родные, и-ой.
 — Не ходите, наши матушки родные, и-ой,
 Не сходить вам по белу свету за нами, и-ой,
 Не смочить вам сыру землю слезами, и-ой,
 Не наполнить сине море горячами, и-ой.
 Не в сыру бору кокушечка кокует, и-ой,
 А, знать, наши родны матушки горяшко горюют, и-ой.
 Не горюйте, наши матушки родные, и-ой,
 Пусть горюют жёны наши молодые, и-ой,
 А у жён-от есть-то детушки малые, и-ой.
195. Ой, дорожка моя, да приукатанна,
 Э-ох, да чёрным бархатом она устла... э-эй, усланная,
 Усланная,

Э-ох, да что никто-то по ею не проха... э-эй, прохаживал,
 Прохаживал,
 Э-ох, да никто следечку да не прола... э-эй, пролаживал,
 Пролаживал,
 Э-ох, да только шли-то, прошли да два каза... э-эй, казачьих полка,
 Ой, два полка,
 Э-ох, да за полком-то, полком шёл некрутик молодой,
 Ой, молодой,
 Э-ох, да за некрутиком да родна маменька идёт,
 Ой, да идёт,
 Э-ох, и что идёт-то, нейдёт, да, — запина... э-эй, запинаятся,
 Ой, запинаятся,
 Э-ох, да за сыру-то землю она хвата... э-эй, хватается,
 Хватается:
 — Ой, да все казаченьки да все воро... э-эй, воротятся домой,
 Ой, да домой,
 Э-ой, да все воротятся они, поже... э-эй, поженятся,
 Поженятся,
 Э-ой, да с молодым-то женам они гулять, э-эй, гулять пойдут,
 Ой, да пойдут,
 Э-ой, да малых детушек да за собою поведут!

196. Ты дороженька да приубранная,
 Убранная,
 Да чёрным бархатом усланная,
 Усланная,
 Да что по ней-то никто не спохаживал,
 Спохаживал,
 Да никто следику да не спраживал,
 Спраживал.
 Да как шли-то, прошли два молодых,
 Ой, как шли-то, спрошли да два молодых
 Да молодых
 Да рекрутиков да два драгунских полка,
 Ой, два полка,
 Да за драгунским полком да родны маменьки идут,
 Ой, да идут,
 Да идут да запинаяются,
 Запинаяются,
 Да за сыру-то землю оне имаются,
 Имаются,
 Да горючьми-то слезьми заливаются,
 Заливаются.
 — Да ты не плачь-ка, не плачь, родима маменька,
 Да маменька.

Да не один я, солдат, буду службу служить,
Ой, да служить,
Да на часах да стоять, себе смену дожидать,
Ой, дожидать,
Да себе сменушку — да красну девушку,
Да девушку —
Да пулю быстрюю, да шашку вострую.

197. Во субботу, в день ненастный,
Нельзя в поле работать,
Ни боронить, ни пахать.
Пойдёмте, девки, пойдёмте, бабы,
Во зелёный сад гулять.
Во зелёньком садочке
Соловей-пташечка поёт.
Прощайте, девки, прощайте, бабы!
Угоняют нас от вас
На те горы на крутые,
На проклятый на Кавказ.

198. За лесом солнце чуть сзарилось,
Там чёрный ворон прокричал.
Слеза моя да на грудь скатилась,
Последний раз я вам сказал:
— Прощайте, девушки-красотки,
Прощайте, все мои друзья!
Седлайте мне коня гнедого
Казачьим форменным седлом.
Я сяду на коня, поеду
В чужие дальние края.
Бог знат, когда я ворочуся
Назад на родину да свою.
[Быть может, меткая (ли да) винтовка
Сразит меня из-за куста,
Быть может, шашка-лиходейка
Отрубит голову мою].
Счастлив, кто дома остаётся,
Помещик дому своему.

199. Последний нынешний денёчек
Гуляю с вами я, друзья,
А завтра рано, чуть светочек,
Заплачет вся моя семья.
Заплачут братья мои, сёстры,
Заплачет мать и мой отец,

Ещё заплачет дорогая,
С которой шёл я под венец.
Коляска к дому подкатила —
Колёски об землю стучат,
Стучится староста в окошко:
— Готовьте сына своего!
— Крестьянский сын давно готовый,
И конь осёдланный стоит.
Снимай-ка, мать, святу икону
И хлеб, и соль ты ставь на стол!

200. Садился мальчик на машину,
Поехал, бедный, на войну.
Он стал с родными, ох, прощаться —
Слезами, ой, залил грудь свою.
Везёт, везёт меня машина
В какой-то, ой, незнакомый край.
В чужом краю, в чужом, далёком,
Ой, нету да матери родной!
Чужая тётенька не скажет:
— Вставай, сынок, попьём чайку!
Шинелку серую раскинул,
Винтовку, ой, саблю — в голова.
Шинелка будет мать родная,
Винтовка, ой, — верная жена.

201. Папиросы мы не курим,
Крепкой водочки не пьём.
Забирают во солдаты
Двадцать первенький годок.
Вот приводят на приёмку
И становят на весы,
Разувают, раздевают
И снимают волосы.
— Погодите, не снимайте,
Может, милая придёт,
Она, может, русы кудри
Себе на память заберёт.
Погодите, не снимайте,
Может, маменька придёт,
Она, может, русы кудри
Слезой горячей обольёт.
Вот выводят из приёмной
За железны ворота.

Кругом леса обернёмся —
Там чужая сторона.

202. Кругом лесу да обошли,
На поляну стали,
Э-э-ха-ха, на поляну стали.
Мы недолго, да полчаса,
Командира ждали,
Э-э-ха-ха, командира ждали.
Ходит, едет командир
С острыми штыками,
Э-э-ха-ха, с острыми штыками.
Эх, порежем да всех, побьём,
Остальных мы в плен возьмём,
Э-э-ха-ха, остальных мы в плен возьмём.
Остальных мы в плен возьмём
Да в Россию жить пойдём,
Э-э-ха-ха, да в Россию жить пойдём.
А в России-то хорошо:
Есть, что кушать, есть, что пить,
Э-э-ха-ха, есть, что кушать, есть, что пить.
Есть, что кушать, есть, что пить,
Можно девушек любить,
Э-э-ха-ха, можно девушек любить.

203. Из-за лесу-лесу копий и мечей
Выезжала та разведка лихачей!
Э-э-эй, говорят, выезжала та разведка лихачей!
Эй, ребята-лихачи да лихачи,
Сабли — в руки, сами — по полю скачи!
Э-э-эй, говорят, сабли — в руки, сами — по полю скачи!
Эй, ребята, не робей, не робей,
На засаду поспешим мы поскорей!
Э-э-эй, говорят, на засаду поспешим мы поскорей!
Эй, в засаде мы сидели до утра —
Пуля сыпалась, жужжала, как пчела!
Э-э-эй, говорят, пуля сыпалась, жужжала, как пчела!
Проходили мы маньчжурские края —
Раздавалось там русское «ура!»
Э-э-эй, говорят, раздавалось там русское «ура!»
Проходили мы приморские мосты —
Все красавицы бросали нам цветы!
Э-э-эй, говорят, все красавицы бросали нам цветы!
Все красавицы бросали нам цветы,

Провожали нас до города Читы!
Э-э-эй, говорят, провожали нас до города Читы!

- 204.** На границе, братцы, мы стояли,
Не тужили ни о чём,
Только думали, братцы, гадали —
Снарядиться хорошо.
Не успели, братцы, снарядиться —
Нам приказик, чёрт, пришёл.
Пришёл, пришёл, братцы, нам приказик:
Нашему полку — в поход.
Три мы ноченьки, братцы, не спали,
Всё в походе маршем шли.
Близко к дому, братцы, проходили —
Повидаться не зашли.
- 205.** По полю, по полюшку ехал казачок,
По полю, по чистому ехал удалой.
Проехал казак версту, проехал казак две,
Стал молиться Богу, сам сидит на коне,
Шапка на затылке, шашка на бедре,
Меткая винтовка блистала на плече.
— Как же мне не плакать, как конюшке не ржать —
Завтра мы поедем с германцем воевать,
Больше не придётся в станице побывать.
- 206.** Мы стояли на возморье
На германском бережке.
Мы стояли и смотрели,
Как волнуется волна,
Но эти волны не простые,
А германские войска.
Пишет, пишет царь германский,
Что «я буду воевать».
Не тебе бы, царь германский,
Не тебе Россию взять.
Мы дадим пулю свинцову,
На закуску штык стальной.
Штык стальной четырёхгранный,
Он пронзит германску грудь.
Под ракиновым кусточком
Немец голову сложил,
Он не сам её сложил,
А казак саблею срубил.

207. Подле моря, моря да мы стояли
На германском берегу,
Долго, долго да мы смотрели,
Как волнуется волна.
Не туман с моря поднялся,
Частый дождичек прошёл —
Посулился враг-германец
Русско, д'войско победить.
Врёшь ты, врёшь ты, враг-германец,
Тебе неоткуль зайти,
Как у русских войска много,
Русский может угостить —
Угостить свинцовой пулей,
На закуску — стальной штык.
Уж ты, матушка-Россия, —
Всему свету голова.

208. На русско-германской границе,
Близ Вислы, широкой реки,
Там льются кровавы потоки
С утра до вечерной зари.
Там дрались за правое дело,
И смерть храбрецам не страшна.
А дома отец сокрушённый,
И с ним пригорюнилась мать,
Читают про бой отдалённый,
Про сына им хочется знать.
Про сына их пишут газеты —
И брызнули слёзы из глаз, —
Что сын их убит на Карпатах,
Об нём был военный приказ.
А дома жена молодая
Склонилась над малым дитём,
Она, колыбельку качая,
Мучительно долго вздохнёт:
— Спи же, усни, мой малютка,
От роду несчастье нас ждёт,
Теперь же отца у те нету,
И век не узнаешь его.

209. Там, где радостью раньше дышали,
Там, где груши и вишни цвели,
В один миг ничего там не стало —
Всё огонь да снаряды смели.

Там у пана халупа разбита,
И стодолы сгорели дотла,
И там полька снарядом убита
И с ребёнком лежит у крыльца.
Всюду рвутся шрапнель и гранаты,
И повсюду пожары видны.
Вперёд тихо шагают солдаты —
Это жертвы кровавой войны.
А идут на ужасну работу
Наши смелы герои-бойцы,
Бывша рота сменяется ротой,
В один миг исчезают полки.
Там повсюду страдания и муки,
Там и пули, как пчёлы, жужжат,
Там повсюду валяются трупы,
Это наших страдальцев-солдат.

210. Ночи тёмны, да тучи грозны
По поднебесью плывут.
Наши красные солдаты
Со учения идут.
Они в ногу да маршируют,
Меж собою говорят:
— Да трудно, трудно нам, ребята,
С чужеземцем воевать,
Да ещё будет труднее
Нам под пушки подбегать.
Но уж вы бейте, не жалейте —
Враг продвинулся назад.

211. Ой, да ты калинушка-размалинушка,
Ой, да ты не стой, не стой в стороне чужой,
Ой, да не спущай листа во синё морé.
Ой, да во синём-то море корабель плывёт,
Ой, да корабель плывёт — лишь волна ревёт.
Ой, да как на том корабле два полка солдат,
Ой, да два полка солдат, молодых ребят.
Ой, да как один-то из них Богу молится,
Ой, да Богу молится, домой просится:
— Ой, да ты, товарищ майор, отпусти-ка домой,
Ой, да отпусти-ка домой к отцу, к матери,
Ой, да к отцу, к матери, к молодой жене,
Ой, да к молодой жене, к малым детушкам!

212. Ой, да ты калинушка, ой, размалинушка,
Ой, да ты не стой-ка, не стой на горе крутой,
Ой, да не спускай да листок во синее море.
Ой, да во синём-то морé корабли плывут.
Корабель-то плывёт — аж вода ревёт.
Что во этом корабле три полка солдат,
Три полка солдат, да молодых ребят.
Что один-то солдат Богу молится,
Богу молится, да домой просится:
— Господин ты майор, да отпусти меня домой,
У меня-то в дому да всё несчастье:
Жена сына родила, ой, да сама померла.
Отец мой с матерью, ой, да оба старые,
Ещё брат-то с сестрой, да оба малые.
213. Ой, да ты калинушка-размалинушка,
Ой, да ты не стой-то, не стой-то на горе-то крутой,
Ой, да не спускай листа, ой, да во сине море,
Ой, да по синю-то морю корабель плывёт.
Ой, да как на том корабле три полка солдат,
Ой, да три полка солдат, молодых-то ребят.
Ой, да что из их-то один добрый молодец,
Ой, да призадумался, пригорюнился,
Ой, да об одной-то душе красной девушке.
— Ой, да братцы мои, все товарищи,
Сослужите вы мне службу, да, верную,
Ой, да службу верную да последнюю:
Ой, братеньки, бросьте меня в Волгу-матушку.
Ой, да чем на свете мне жить разлюблённому,
Ой, да лучше в море мне быть утоплённому.
214. Закипели во поле озёра,
Закипело у казáка сердце,
Заболело у казáка сердце
Да о своёю милой, дорогою.
Со своими да со родными-то простился —
Да с одной красной девицей-душой да постыдился,
Да с одной красной девицей-душой да постыдился,
Со пути-дорожки воротился,
Да всё к окошку становился,
Всё к окошку становился
Да камышовой тростью колотился:
— Выйди, выйди, красна девушка-душа.

215. Закипели все ключи-озёра,
Да заболело у казака сердце
Да о своею жене молодою:
— Да чужи жёны в поле работают,
А моя-то всё пьёт да гуляет,
Да на работу она не взирает!
Да знал бы, знал бы — да, мальчик, не женился,
А пошёл бы на казацку службу,
Да прослужил бы да все четыре года,
Да заслужил бы чин я офицера,
Да взял бы, взял бы дочку у майора,
У этой дочки да приданого много:
Да сорок тысяч, да коня вороного,
Да всё со сбруей, сбруей золотою.
216. Во субботу рано солнце всходит.
Молодой солдатик по казарме ходит,
В руках шашку носит, командира просит:
— Командир мой, братец, отпусти до дому,
Всех оставил дома, да не знаю, кому.
Стара моя мать слезами зальётся,
Со дальней сторонки сына не дождётся.
Жена молодая меня изменила,
Нашла себе друга, про меня забыла!
217. Чубчик, чубчик, чубчик кучерявый,
Ой, развевайся, чубчик, на ветру!
Ой, раньше я тебя, чубчик, любила,
А теперь забыть я не могу.
Знаю, знаю я, о ком страдаю,
Знаю я кого люблю —
Ой, с войны я друга ожидаю
И дожждаться его не могу.
Дети спросят, спросят у мамыши:
— А где наш папочка родной?
Ой, мать ответит она со слезами:
— Он уби... убитый на войне.
218. Прослужил солдат всего три года, да,
Стал коня себе ласкать:
— Конь ты мой милый, конь ты мой ретивый, да,
Отвези меня домой!
По знакомой по пыльной дорожке, да,
Конь мой рысью поскакал,

Против отцовского родного дома, да,
Конь остановился и заржал.
Выходил к нему сосед-знакомый, да,
Всю ему правду рассказал:
— Сёстры все твои повышли замуж, да,
Споженились братовья,
Твой отец давно лежит в больнице, да,
Мать недавно умерла.
Повернул казак коня налево, да,
На кладбище поскакал,
По крестам да, ой, да по могилам, да,
Отыскал родную мать.
— Вставай, мама, вставай, дорогая, да,
Сын твой с армии пришёл!
Никто голосу ему не подал, да,
Сын заплакал и пошёл.

- 219.** Отслужил солдат два года,
Стал коня себе седлать:
— Конь мой милый, конь ретивый,
Отвези меня домой
По знакомой по дорожке
Да к отцу, к матери родной.
Ближе к дому подъезжаю —
Конь мой быстро поскакал,
А навстречу сосед вышел —
Конь мой жалобно заржал.
А сосед мне рассказал:
— Твой отец лежит в больнице,
Мать давно уж умерла,
Твои сёстры вышли замуж,
Поженились братовья.
Пошёл к сёстрам — не примают,
Отказались братовья.
Повернул коня налево —
На кладбище поскакал,
Привязал коня к берёзке,
На могилку он пошёл:
— Встань-ка, мама, встань, родная,
Сын твой с армии пришёл.
Мать — ни слова, ни полслова,
Сын заплакал и пошёл.
Отвязал коня он от берёзки,
В чисто поле поскакал,

Снял винтовку, вынул саблю
И покончил жизнь свою.

220. По дорожке пыль клубится,
Порою слышны выстрела:
Из набега удалого
Едут служенцы домой.
 Подъезжают ко станице,
 Громко свищут и поют,
 Жёны, матери, сестрицы
 Все навстречу к ним бегут.
— Жив ли муж? Жив ли сыночек?
— Жив ли братец мой родной?
Все казаки веселились
У родимых очагов.
 Один солдатик был невесел,
 Он был круглый сирота,
 Буйну голову повесил
 На гнедого рысака.
— Лучше, братцы, пал бы в поле
И не ехал бы домой,
Всё равно моя горчица
Не оплачется слезой!

221. Ой, вы поля, вы поля, да вы широки поля,
Как на вас, на полях, урожая нема,
Только есть урожай — да кучерява да верба,
А под этой вербой солдат ранен лежит.
Он убит, не убит — весь изранен лежит:
Голова у него да вся порубленная,
Ой, бела грудь у него вся израненная,
А в ногах у него конь вороный стоит.
— Уж ты конь, ты мой конь, конь, товарищ ты мой,
Побеги-ка, мой конь, во Россию домой,
Ты скажи-ка, мой конь, что женат на другой,
Что женила меня пуля быстрая,
А венчала меня сабля вострая,
А жена-то моя — гробовая доска,
Принимала меня мать-сырая земля.

222. Вы поля, вы поля, вы широки поля,
И на вас, на полях, урожая нема,
Только выросла там кучерява верба.
Что под той под вербой солдат ранен лежал,

Голова у него вся изрубленная,
 Бела грудь у него вся изрезанная,
 На груди у него красный орден лежал,
 А в ногах у него конь вороный стоял.
 — Уж ты конь, ты мой конь, конь, товарищ ты мой,
 Ты слетай, ты мой конь, в Забайкалье домой,
 Ты скажи-ка, мой конь, отцу-маменьке поклон,
 Молодой моёй жене — я женат на другой:
 Споженила меня пуля быстрая,
 Повенчала меня сабля вострая,
 Мать-то моя — мать-сырая земля.

- 223.** За Аргунью-рекой казачок гулял,
 Лошадей спасал, коням травку рвал,
 Огонёчек клал, перекладывал,
 Свои раночки перевязывал.
 — Уж вы раны мои, вы тяжёлые,
 Тяжелым-тяжело к сердцу подошли.
 Уж ты конь, ты мой конь, конь вороненький,
 Ты беги, мой конь, по дорожке вдоль
 На родиму сторону к отцу к матери.
 Расскажи ты, мой конь, что хозяин твой
 За Аргунью-рекой там кончается,
 С отцом-матерью там прощается.
- 224.** Солдату служба надоела, ой, надоела, да,
 Заболел мой добрый конь.
 Мой конь похода не боится, ой, не боится, да,
 Он в походе, ой, громко ржёт.
 На горе стоит избушка, ой, избушка, да,
 В ней живёт старушка, ой, мать.
 Ты не стой, мать, у окошка, ой, у окошка, да,
 Ты не жди сына, ой, да домой.
 Твой-от сын-от, твой-от милый, ой, твой-от милый, да,
 Он убитый, ой, на войне.
 Он убитый злой картечью, ой, злой картечью, да,
 Посреди поля, ой, да лежит.
 Его серая шинелка, ой, да шинелка, да,
 Вся измелена, ой, да в дырах,
 Его чёрная папаха, ой, да папаха, да,
 Вся измята, ой, в головах.
 Солдату служба надоела, ой, надоела, да,
 Заболел мой добрый конь.

225. Ой, в Таганроге,
В Таганроге получилась беда —
Ой, там убили,
Там убили молодого казака.
Эх, пролетали,
Пролетали соколики стороной,
Эх, они крылышками
Широкими выметали вдове двор,
Ой, голосами,
Голосами стали вдовушку будить:
— Вставай, вдова,
Вставай, вдовушка, проснись, пробудись!
Там твоего мужа,
Твоего мужа на носилочках несут.
Ох, а коня-то, эх, вороного,
Ох, а коня-то позади него ведут.
Ох, заносили,
Заносили на прекрутую гору,
Ох, закрывали,
Закрывали сверху белым полотном,
Ох, засыпали,
Засыпали сверху жёлтеньким песком.
226. В Таганроге солучилась беда —
Там убили молодого казака.
Там летели два ясные сокола,
Сели-пали ко вдове во дворец,
Ноготками глубокой двор разгребли,
Крылышками широкой двор размели,
Голосками долго вдову будили:
— Встань-ка, вдова, пробудись ото сна!
Там твоего милого на носилочках несут,
Его форму на повозочке везут,
Его коня за шелков мунтур ведут.
227. Три голубочка да прилетели,
Ой, на широкий двор,
Ох, прилетели да разметали,
Ой, разметали крылышкам,
Обручально кольцо кидали:
— Выйди, молодая,
Получи кольцо обручально,
Ой, дружка милого своего!
Ох, выйди, молодая,

Получи кольцо да обручально!
 Вызывает её атаман:
 — Выйди, да молодая,
 Получи коня вороного.
 Ох, как она невольню шла,
 Да слезами заливалась,
 Пришла-то она к атаману:
 — Эй, получи коня вороного,
 Получи форму с казачка,
 Ох, получи да с казачка форму!
 — Ой, мне не нужен конь,
 Мне не нужна да форма —
 Был бы миленький дружок!
 Ох, как коня-то вела,
 Да к воротам подвела,
 Конь ретивенько ржал,
 Будто хозяина звал.
 Вышла родна матушка,
 Вышел родный батюшко:
 — Что ж ты, конь вороной,
 Нам сыночка не привёз?
 Конь ретивенько ржал:
 — За полком-полком казачьим я бежал,
 Дружка милого в поле потерял,
 Ох, дружка милого во поле потерял!

- 228.** Мамашенька бранится: — Об чём, дочка, грустна?
 — Сама про то я знаю, в кого я влюблена.
 Мово дружка смертельно люблю я всей душой,
 А он меня не любит, смеётся надо мной.
 Не смейся, злой ты варвар, не смейся надо мной —
 Господь тебя накажет несчастною судьбой,
 Несчастною, злосчастной — немилою женой.
 Не в поле выстрел грянул — военный гром гремит.
 Никто так не сражался, как мой мил на войне,
 Он пули не боялся, всё думал обо мне.
 Была бы вольна пташка — слетала бы к нему,
 Все косточки собрала, во гробик сложила,
 Во гробик, ой, сложила, земельке предала.
 Надела б чёрно платье, в монашки жить пошла.
 В монашках жизнь хороша — в девчонках лучше всех.

- 229.** В городе в Харькане, ой, там стало дымно,
 Там стало дымно, да никого не видно.

Только видно было, слышно — каменны палати⁴,
 Ой, что во этих во палатях да мать об сыне плачет,
 Она плачет и рыдает, долю проклиняет:
 — Ой, распроклята ета доля — да сиротскоё горё!
 Уж ты сын, ты мой сыночек, да ясный соколочек,
 Уж ты ясный соколочек, да встань-ко на часочек!
 — Уж я рад бы, мама, встати, да землю не поднять!
 Уросла моя могила да травую-муравую,
 Уж как травую-муравую да всякими, ой, цветами,
 Уж как всякими цветами да разными древами.
 Уж как первое было древо — да берёзонька бела,
 А второ-то было древо — да горькая осина,
 Что на этой на осине да кокушка кокует,
 Не кокушечка кокует — да мамонька горюет.

Песни Гражданской войны

230. [Вечор поздно я стояла у ворот],
 Вдоль по улице советский полк идёт,
 К воротам подъехал сотник молодой,
 Он сказал: — Напой, красавица, водой!
 Напоила, крепко рученьку пожал,
 На прощанье он меня поцеловал.
 Он поехал, я смотрела ему вслед,
 Жалко стало, помутился в глазах свет.
 Лет пятнадцать я во вдовушках жила,
 Четырёх сынов в солдаты отдала,
 Не успела сына пятого отдать,
 Воротился тот советский полк назад.
 На квартиру к нам заехал комиссар,
 Весь израненный, так жалобно стонал.
 Голова его покрыта сединой,
 Это тот, кого поила я водой.

231. Вспомним, братцы мы кубанцы,
 Двадцать перво сентября,
 Да как дралися мы с поляком
 От рассвета допоздна.
 Да с нами музыка играет,
 Барабаны громко бьют,
 Да сигналисты заиграли —

⁴Палати — зд. палаты.

Вынул саблю наголо,
Ой, вынул саблю, вынул востру
И в атаку поскакал,
Да командир был не трусливый,
Он всё время впереди,
Да получил тяжёлу рану
От поляков на груди.
— Да, ой, вы братцы, вы кубанцы,
Не бросайте вы меня!
Да жив я буду — не забуду,
«Красным знамен» наградю.

232. Отец мой был природный пахарь,
И я работал вместе с ним.
На нас напали злые чехи,
Село родное подожгли.
Отца убили в первой схватке,
А мать родну в костре сожгли.
Сестру родную в плен забрали,
Она недолго там была.
Три дня, три ноченьки старался —
Сестру из плена выручал.
[А на четвёртый постарался —
Сестру из плена я украл].
С сестрой мы в лодочку садились
И тихо плыли по волнам.
Тут вдруг кусты зашевелились,
Раздался выстрел роковой.
Злодей пустил злодейку-пулю,
Убил красавицу-сестру.
Кругом, кругом осиротел я.
Кругом остался сиротой.
Пойду я на гору крутую
Село родное посмотреть.
Горит село, горит родное,
Горит вся родина моя!

233. В воскресенье мать-старушка
К воротам тюрьмы пришла,
Своему родному сыну
Передачу принесла.
— Передайте передачу,
А то люди говорят,

Что в тюрьме-то заключённых
Сильно голодом морят.
Тут привратник рассмеялся:
— Твой сыночек осуждён,
Осуждён прошедшей ночью
И отправлен на покой.
Его чехи расстреляли
У тюремной у стены.
Когда приговор читали,
Знали звёздочки одни.
— Я купила передачу
На последние гроши.
Передайте передачу
На помин его души.
Я уж старая старушка,
Сорок вёрст пешком я шла.
У привратника невольно
Покатилась слеза.
Мать-старушка зарыдала,
От ворот тюрьмы пошла,
По дороге мимоходом
К могиле сына подошла.
— И чья ж это могилка?
Она травой не уросла,
Как на этой на могилке
Не поставлено креста.
Я на этой на могилке
Кленовый крест постановлю,
По своём родном сыночке
Панифиду отслужу.

234. Знаю, ворон, твой обычай:
Ты сейчас от мёртвых тел,
Ты с кровавою добычей
К нам в деревню прилетел.
Где же ты летал по свету,
Где кружал над мертвецом?
Где похитил руку ль эту,
Руку белую с кольцом?
— Расскажу тебе, невеста,
Не таясь перед тобой:
Под Богдатыю есть там место,
Где кипел кровавый бой.

Бой кровавый — пир богатый
Буду помнить целый век.
И пришёл туда с лопатой
Ненавистный человек,
Он зарыл в одну могилу
Храбрецов-большевиков,
Звери их теперь не тронут,
Над могилой тишина.
Над могилой плачут, стонут
Жёны, матери, отцы.
Вдруг кольнуло под сердечко,
Покатилась слеза —
По колечку я узнала, ой,
Чья у ворона рука.
Это рука моёго брата,
Он сражался во полях,
Он сражался во полях,
Там головку положил.

235. Не вейтесь, белые чайки,
Вам некуда, бедненьким, сесть,
Слетайте в страну за Байкалом,
Снесите печальную весть.
В Богдатском хребте за Байкалом
Наш корпус врагом окружён,
Там дружно дралася пехота
С Вторым Забайкальским полком.
Нам помощи нет ниоткуда,
Погибнуть нам здесь суждено.
Патроны у нас на исходе,
Снаряды уж вышли давно.
Не раз мы ходили в атаку,
У них отбивали патрон.
236. Война, война — разруха мира,
Война, никто тебе не рад!
Тобой гордятся эти люди,
Кто носит звёзды, ордена.
Расейский люд, он весь учёный,
За нами движется толпой,
Оставил дома поле с хлебом,
Спешил в ряды красный герой.
Ему уж боле не придётся
В стране родной косить, пахать —

В стране чужой, в стране Богдатской,
Он долго крепко будет спать.
Придут товарищи, расскажут,
Что он не трус в борьбе с врагом —
Убил десятка два японцев,
Сам пал от пули разрывной.

237. Здравствуй, страна Россия,
Загла... заглавный наш привет!
Где твоя слава, Россия?
Брань и ночь со всех сторон!
А во поле беспорядок:
Тела мёртвые, ой, да лежат,
Их родные вспоминают,
Панафиды, ой, воздают,
Птицы хичные летают,
Тела мёртвые клюют.
Злобой дышит вся Россия,
Чтоб Семёнову отомстить!

238. Не туман с моря поднялся,
А частый дождичек прошёл.
В это время да сквозь туманы
К нам Семёнов подошёл.
Да врешь ты, врешь, проклят Семёнов,
Тебе неоткуль пройти.
Угостим свинцовой пулей,
Да на закуску — штык стальной.
Штык стальной четырёхгранный,
Да штык семёновца пронзит.

239. Вот вспыхнуло утро, мы Сретенск заняли,
И с боем враги от него отошли,
Но мы командира полка потеряли
Убитого, трупа его не нашли.
Всю ночь мы в бою там по сопкам бродили,
В оврагах по пояс в холодном снегу,
А к утру высоты и город отбили,
Один лишь вокзал был опорой врагу.
Атака отбита, но нет командира —
Свирепая лошадь к врагам унесла,
А пуля борца за свободу сразила,
Вождя у Седьмого полка отняла.

Упал, его труп враги захватили
 И долго безумно глумились над ним,
 К утру его вьюга в снегу схоронила,
 По-мёртвому плакала вьюга над ним.
 Прощай же, товарищ, наш вождь беззаветный,
 Твой полк не забудет тебя никогда,
 Он будет бороться с врагом без измены
 И дело твоё доведёт до конца.

240. Вот вспыхнуло утро, мы Сретенск заняли,
 И с боем враги от него отошли,
 А мы командира полка потеряли
 Убитого, трупа его не нашли.
 Всю ночь мы в бою там по сопкам бродили,
 В оврагах по пояс в холодном снегу,
 А к утру высоты и город отбили,
 Один лишь вокзал был опорой врагу.
 Тогда с полусотней в атаку помчался
 Наш вождь незабвенный на вражий вокзал,
 Скакал, а среди улиц залп страшный раздался,
 Послышались стоны, и враг наступал.
 Атака отбита, но нет командира —
 Свирепая лошадь к врагам унесла,
 И пуля борца за свободу сразила,
 Вождя у Седьмого полка отняла.
 Вождь пал, его тело враги захватили
 И долго бездушно глумились они,
 За нас его вихри в снегах хоронили,
 За нас же и вьюга поплачет над ним.
 Враг сгинет, сознав большевистскую силу,
 А девушки песни тебе пропоют,
 И свежу дорогу к могиле героя
 Живыми цветами они уберут.
 Мы скажем, склоняясь: — Спи, вождь незабвенный,
 Ты пал за свободу в открытом бою,
 И мы все, сторонники, братья по делу,
 Прославим геройскую гибель твою.
 Ты взят безвозвратно могилой холодной,
 Не слышится голос твой в наших рядах —
 Святая идея, твой образ, нам милый,
 Навеки останутся в наших сердцах!

241. Ружья в гору заблистали,
 Три дня сряду дождик лил.

Против белых мы восстали,
Журавлёв там с нами был.
Он был строгий, знаменитый,
Собирал свои войска,
В нём блистали мысли, взоры,
Впереди он был всегда.
Ранен был осколком в ногу
Нестрашимый наш герой,
Рана сильна оказалась —
Полилася кровь рекой.
Он не вынес страшной муки
И скончался, наш герой.
За его народну душу
Память вечная ему!

242. [Заря] зазарила в зеркальные воды,
Где с милой сидели вдвоём,
Так тихо, так нежно забилося сердце —
Забуть не могу я [её]!
Зачем эти белы прокляты бандиты,
Зачем объявили войну?
С младою девчонкой меня разлучили
И взяли меня на войну.
Живи, моя радость, живи, дорогая,
Живи, наслаждайся одна.
Уеду, уеду из дома родного,
Уеду, быть может, совсем.
Зачем эта пуля так рано сразила,
На землю свалила, как сноп?
Зачем санитары меня подобрали,
В носилках снесли в лазарет?
Лежу в лазарете, так тяжко страдаю:
— Сестрица, подай мне воды,
Подай мне чернила, перо и бумагу —
Родным я письмо напишу.
Родные получают письмо, прочитают,
Что сын в лазарете лежит.

243. В золотом половодье весеннего дня
Он в Аргуни купал вороного коня.
За водою пришла я на берег крутой
По зелёной траве через луг заливной.
И уздою звеня, и гремя черпаком,
Он плеснул на меня из реки серебром.

Клокотал ветерок по кустам тальника,
 Голубые над нами теперь облака.
 Он потом ускакал, помахав черпаком,
 Я осталась одна на яру на крутом.
 Долго плакала я о лихом казаке
 У Аргуни седой на косом челноке.
 Всё ждала, что придёт и полночью глухой
 Постучится в окно осторожной рукой.
 Больше не было слов, больше не было встреч:
 Уложила его под Богдатыю картечь.
 Партизаны пришли, только он не пришёл,
 Над могилой его тлеет траурный шёлк.

- 244.** Там, за Доном за рекой под зелёным дубом,
 Расставалась казачка с парнем черночубым,
 Расставалась [при дороге] в поле у Ростова,
 Обнимала на ветру конника лихого.
 Утешал казак казачку, на коня взлетая:
 — Ты не плачь, не плачь по мне, моя дорогая!
 Не царю иду служить, нету власти царской —
 Еду в армию служить власти пролетарской.
 Он сказал и поскакал по степной дорожке
 — До свиданья, край родной, тихий Дон широкий!
 Покидал казак казачку, кинул взгляд горячий,
 Сам помчался догонять эскадрон казачий.

- 245.** Гей, по дороге,
 По дороге войско красное идёт,
 Гей, оно стройно,
 Оно стройно песню красную поёт.
 Гей, поглядите,
 Поглядите, все буржуи, кулаки,
 Гей, как проходят,
 Как проходят пролетарские полки!
 Гей, это сила,
 Это сила, сила грозная идёт,
 Гей, власть советов,
 Власть ооветов никогда не пропадёт!
 Гей, мы сражались,
 Мы сражались за народ за трудовой,
 Гей, за несчастный,
 За несчастный, обездоленный судьбой.
 Гей, за несчастный,

За несчастный, обездоленный народ,
Гей, мы готовы,
Мы готовы снова двинуться вперёд!
Гей, мы докажем,
Мы докажем свету целому тогда,
Гей, что такое,
Что такое значит армия труда!

Песни тюрьмы и ссылки

246. Ты зайди-ко, зайди, да туча гро... туча грозная,
Да грозная,
Ты спролей-ко, спролей да частой до... частой дождичёк,
Частой дождичёк,
Ты размой-ко, размой да тюрьму ка... тюрьму камен...
Да тюрьму каменну,
Чтоб крепка та тюрьма да развали... развали...
Да развалилася,
Все тюрем(да)щички да разбежа... разбежа...
Да разбежались,
Ой, ко крутой-то горе да собира... собира(да)лися,
Собиралися,
На восток-то Богу да моли... да молилися,
Молилися.
247. Ты зайди-ко, зайди, туча грозная,
Ты пролей-ко, пролей частый дождичек,
Ты размой-ко, размой тюрьму каменну,
Отпусти-ко, отпусти солдат бедненьких,
[Солдат бедненьких], братьев безбилетненьких.
Как из той-то тюрьмы разбежались,
На круту-то гору собиралися.
— А ты зайди-ко, зайди, солнце красное,
Ты обогрей-ко, обогрей нас, солдат бедненьких,
[Солдат бедненьких], братьев безбилетненьких.
248. Ты заря ль, моя зоренька,
Высоко заря восходит,
Выше леса да выше тёмного,
Ой, да ниже садика зелёного,
Где стояла да тюрьма каменна,
Ой, да где сидел там добрый молодец,

Ой, да он не год сидел да он не два страдал,
Он страдал да ровно двадцать лет.
Голова его покрыта сединой.

249. Вечор я, вечор я всё пил да гулял,
Утром проснулся — я в тюрьму попал!
Ко мне прилетает орёл молодой,
Он крыльями машет, гулят надо мной.
— Товарищ, товарищ! Давай, брат, пойдём
За синее море, за белый гора,
Где солнце не сходит, месяц — никогда,
Где люди не роблют — празднуют всегда!
250. За серебристыми горами
Ветерок прохладный веет.
Что ж ты, ветер полуденный,
Распрорезал облака?
[Как на дубе на высоком]
Над глубокою рекою
Одиноко думу думал
Сокол ясный молодой.
Что ж ты, сокол яснокрылый,
Призадумался сидишь,
В даль незримую глядишь?
Тебе грустно, тебе скучно
Здесь, в сибирской стороне.
251. Отцовский дом покинул мальчик я —
Пускай травой он зарастёт.
Собачка верна, ой, верная моя,
Она не взлает у ворот.
Заноеет сердце моё, загрустит:
Меня не будет больше здесь,
Не быть, не быть мне, братцы, в той стране,
В которой я, ох, был урождён.
На Круглой где-то филин прокричал —
Раздался звук по всем лесам.
[Пропели пташки рано на заре],
Проснулись дети и жена.
Малютка спросит, ох, спросит про меня,
Жена моя расплачется.
Терплю мученье, горе без нужды —
Навеки я был, ох, я был осуждён.

252. Звенит звонок — и нам пора расстаться,
Пора расстаться нам с тобой,
А мать слезою горькою зальётся,
Прощаясь, бедная, бедная, со мной.
Я уезжаю в край сибирский дальний,
И там я долго, ох, долго буду жить,
При забайкальской железной дороге
Тоннель глубоко, глубоко буду рыть.
Приду с работы грязный и усталый,
И так охота лечь и отдохнуть,
Но конвоир проклятый мне не скажет:
— Приляг, братишка, соломки постелю.
Друзей, друзей — мне больше их не надо,
Они мне ве... ох, вечные враги.
Кирка с лопатой — это мой товарищ,
А тачка — верная, верная жена.
253. — Тёмная ноченька, что нахмурилася,
Или нет у тебя частых звёздочек?
Красна девица, что задумалася,
Или нет у тебя отца с матерью?
— Добрая матушка во сырой земле уж давно лежит,
А отец мой родной кандалами гремит.
Что мне делать, как жить,
Сиротинушке беззащитною?
Как пойду ли я в чисто полюшко,
Наберу я там да ромашечек,
Погадаю я на ромашечке,
Как мне дальше жить, сиротинушке.
Моя матушка во сырой земле уж давно лежит,
А отец мой родной кандалами гремит.
254. [Ветер дует, сподувает],
Лес зелёный шумит.
Да мимо лесу, мимо саду
Два молодчика да идут.
Да я сама про это знаю,
Мне которого, ой, да любить.
Да полюбила размальчишку,
Которого здесь уж нет.
Да он во городе во Питере
На улице на большой.
Да там стоят четыре башни,
Посерёдке дом да большой.

Да этот домик — не больница —
Настоящая, ой, да тюрьма.
Да всё во этой во тюрьме-то
Заключённые, ой, да сидят.
Да за железною решёткой,
За железным да, ой, за замком.

255. Все бутылки шевелятся,
Все стаканья говорят —
Все друзья мои веселятся,
Я один в тюрьме сижу.
Никого в тюрьме не видно,
Никого там не слышать,
Только слышно, только видно —
Ключник двери отворят.
Отворились эти двери:
— Выходи-ка, брат, сюда,
Поедем за синие моря!
256. Осыпаются листья осенняя,
Хороша эта ночка в лесу.
И выручай меня, ночка тёмная,
Я десятый годочек сижу.
Надоела стальная решёточка,
Надоела стена кирпичей.
Дай, попробую снова решёточку,
Принажму молодецким плечом!
И упала стальная решёточка,
И упала на землю, стуча,
Не услышала стража тюрёмная,
Не поймать вам меня, молодца!
Побегу в тую дальну сторонушку,
Где всё дорого так для меня.
Обойму свою милую жёнушку,
Призасну на груди у неё.
Понапрасну ломал я решёточку,
Понапрасну бежал из тюрьмы:
Ведь теперь моя милая жёнушка
У другого лежит на груди.
Осыпаются листья осенние,
Хороша эта ночка в лесу.
Выручай меня, силушка мощная,
Я неволи в тюрьме не снесу.

257. Звенит звонок насчёт поверки,
Ланцов задумал убежать,
Не стал зари он дожидаться,
Начал проворно печь ломать.
Сломал он печь — в трубу пробрался
На тот тюремный на чердак.
По чердаку он долго шлялся,
Себе верёвочку искал.
Нашёл верёвку тонку, длинну,
К трубе тюремной привязал,
Перекрестился, стал спускаться —
Его заметил часовой.
Но часовой — парень хороший,
Он выстрел дал на белый свет.
В казарме поднялась тревога,
На фрунте пробил барабан,
По всем частям стало известно:
Ланцов из замка убежал!
Солдат на серенькой лошадке
К царю с докладом поскакал:
— Я к вашей милости с докладом:
Ланцов из замка убежал!
Бежал Ланцов иркутским трактом,
Потом свернул в дремучий лес.
Он долго по лесу скитался.
Чего он пил, чего он ел?
С травы рососою умывался,
Молился Богу на восток.

258. В далёких лесах Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах.
Котёл его сбоку тревожит,
Сухарики с ложкой гремят.
Бродяга к Байкалу подходит,
Рыбацкую лодку берёт,
Унылую песню заводит,
Про родину тихо поёт.
Он вспомнил родную деревню,
Когда-то он песни певал.
Дальше идти нету мочи —
Пред ним расстился Байкал.

259. Шёл бродяга с Сахалину
 Звериной узкою тропой.
 Укрой, тайга, укрой, густая,
 Далёк, далёк бродяги путь.
 Тут поднялася непогода,
 Бродяга чаёт отдохнуть.
 Вон там, вдали за синим морем,
 Оставил родину свою,
 Оставил мать свою старушку,
 Детей, любимую жену.
 Жена найдёт себе другого,
 А мать сыночка — никогда.
260. Как по нашему селенью
 Колокольчик прозвенел —
 Уж как шёл-прошёл бродяжка,
 Бездомовый человек.
 — Ты откуда, бродяжка,
 Из которого села?
 — Из села из Петроградска,
 Да двенадцать лет сидел.
 Вот проходит лет двенадцать,
 Стали створку открывать.
 Вы откройте эту створку!
 К нам дежурные идут.
 Бросил ложку, бросил чашку,
 Не стал хлеб он доедать —
 Арестантец — не собака,
 А такой же человек.
261. Ой, да откуль бредёшь да, бродяжка,
 Бездомовый человек,
 Бездомовый человек?
 Братья-сестрицы да не встретят
 С молодой, молодой его(й) да женой,
 С молодой да женой.
 Стара-прежняя его(й) да супруга,
 Да под венцом, венцом с другим она стоит,
 С другим она стоит.
 Его маменька, его(й) да родимая
 Во сырой, во сырой земле да лежит,
 Да лежит.
 Его папенька, его(й) да родимый

Да за решё... за решёткой да сидит,
Да сидит.
Делать нечего стало да бродяжке,
Он сворачивал да в лесок,
Да в лесок.
Солнышком его, солнцем пригрело,
Преспокойно лёг да уснул,
Да уснул.
Да ниоткудова взялись казаки,
Стали бродяжку забирать,
Да забирать.
Руки, ноженьки связали,
Повели его в острог.

262. Аль ты доля, моя доля,
Доля-долюшка моя!
Для чего ты, злая доля,
До Сибири довела?
Не за пьянство, не за буянство,
Не за ночной, денной грабёж —
Стороны своей лишился
За крестьянский люд честной.
А год в ту пору был голодный,
Стали подати собирать,
И последню лошадёнку
За бесценок отдавать.
Не стерпело моё сердце —
Я урядника убил.
И за это преступленье
Меня в Сибирь суд осудил.
Далеко село родное,
Но хотелось бы узнать,
Удалось ли односельцам
С шеи подати согнать.

263. Это было давно, год примерно назад.
Вёз я девушку трактом почтовым,
Круглолица, бела, словно тополь, стройна
И покрыта платочком шелковым.
Попросила она, чтоб я песню ей спел,
Я запел, а она [подхватила].
Кони мчались стрелой по дороге степной,
Знать, несла их нелёгкая сила.

Вдруг казачий разъезд перерезал нам путь,
 Тройка тотчас как вкопана встала.
 Кто-то выстрелил вдруг прямо девушке в грудь —
 И она, как цветочек, увяла.
 Перед смертью она мне успела сказать:
 — Из тюрьмы я на волю бежала.
 Схороните меня на вершине холма,
 Чтобы ясное солнце сияло.

264. Пятьдесят я лет работал, изгибался над сохой,
 Думал, вырастут ребята — будет в старости покой.
 Первый вырос сын хороший, на завод его я сдал,
 Он с заводу не вернулся, там головку потерял.
 Второй вырос сын хороший, много книг он прочитал,
 Всё свободы дожидался — в тюрьму каменну попал.

265. Отпустили крестьян на свободу
 В девятнадцатый день февраля,
 Только землю народу не дали —
 Вот вам «милость» дворян и царя.
 Мужики без земли голодают,
 А дворяны-то рады тому,
 Что дешевле они нанимают
 Мужиков на работу свою.
 И чтоб с голоду нам не погибнуть,
 Мы обратно к дворянам идём.
 И живёт эта жадная свора,
 Вся живёт она нашим трудом.

Песни литературного происхождения

266. В островах охотник целый день гуляет,
 Его неудача — сам себя ругает:
 — [Как же мне быть], счастью служить, служить?
 Нельзя быть весёлому, что зверь не бежит.
 Выехал охотник на тёплые воды,
 Где птицы летают при ясной погоде,
 На бережке хотел вздохнуть, уснуть,
 Охота взорвала — звончик слышно чуть.
 Охотник немедленно на коня садился,
 Зверя с любопытством поймать стремился,

Бросился в лес по тропе, тропе —
 Там спала красавица на мягкой траве.
 Он увидел, задрожал, упал, упал,
 Тихонько «Венера-красавица!» сказал.
 Венера проснулась, охотничка видит:
 — Ты, молодой охотник, чем хочишь обидеть?
 Ты здесь требуешь того, что
 Не волк, не лисица — сам знаешь, чего.
 — Мы волков видали, а лисицу имали,
 Но такой красавицы не видали!
 Начал он её обнимать, целовать:
 — Поедем, красавица, в лагеря гулять!

267. Вниз по матушке, братцы, с-по Волге,
 Ой, с-по широкому вниз да раздо... вниз раздолию,
 Вниз раздолюю,
 Ой, поднималася мать да пого... мать-погода,
 Мать-погода,
 Ой, погодушка немала... немалая,
 Немалая,
 Ой, волна волнова... волновая,
 Волновая.
 Ой, ничего, что невида... ой, ничего, что невиданная,
 Невиданная,
 Ничего, что волна была да невида... невиданная,
 Невиданная,
 Ой, ничего что волна да была неслы... да неслыханная,
 Неслыханная.
 Только видно было одну, слы... одну слышно,
 Одну слышно,
 Ох, лодочку с паруса... с парусами,
 С парусами,
 Со гребца... ой, со гребца... ой, со гребцами,
 Со гребцами.
 На гребцах-то чепщы, ой, да чернеют,
 Да чернеют,
 Ой, колокольчики на них але... ой, да алеют,
 Ой, да алеют.
 Пригребайтесь-ка вы да, ребята,
 Да ребята,
 Ой, ко правому-то бе... к бережочку,
 Бережочку,
 Ой, ко жёлтому да ко песо... да песочку!

268. Вечер поздно, поздно из лесочка
Я коров домой гнала
И спустилась с кручи к ручейчку
Близ зелёного лужка.
 Вижу, вижу: едет барин с поля
 На вороной лошаде
 На вороной лошаде,
 Да две собачки впереди,
 Да две собачки впереди,
 Два лакея позади.
Барин против меня поверстался,
Бросил взор свой на меня,
Бросил взор свой на меня,
Да стал выпрашивать меня:
 — Ты откуда, раскрасотка,
 Из которого села?
 — Вашей милости крестьянка, —
 Отвечала ему я,
 Отвечала я ему,
 Господину своему.
— Не тебя ли, моя раскрасотка,
Егерь за сына просил?
Но егеров сын тебя не стоит,
Не ему ты рождена,
Не ему ты рождена —
Выйдешь замуж за меня!
269. Под вечер осенью ненастной
Пустыню дева шла в мечтах
И тайный плод любви несчастной
Держала в трепетных руках.
 Её внимательные взоры
 Носились с ужасом кругом,
 Всё было тихо: лес и горы —
 Всё спало в сумраке ночном.
— Ты спи, дитя, моё мученье,
Не зная горести своей,
Не встретишь больше поцелуя
И не прильнёшь к груди моей.
 Ты спросишь: — Где мои родные?
 И не найдёшь семьи своей,
 Дадут покров тебе чужие
 И скажут: — Ты для нас чужой.

Несчастный, будешь грустной думой
Томиться меж чужих детей
И до конца с душой угрюмой
Взирать на ласки матерей.
Бледна, испугана, уныла,
К окошку подошла она,
Младенца тихо положила:
— Не заморозьте вы дитя!

270. Кольцо души-девицы
Я в море потопил
И с тем кольцом всё счастье
Земное да спогубил.
Мне дав кольцо, сказала:
— Носи и не теряй.
Пока колечко носишь,
Меня своей считай.
Не в добрый час я невод
Стал в море полоскать,
Кольцо юркнуло в море,
Искал — но где сыскать!
С тех пор мы как чужие,
Приду к ней — не глядит,
[А счастье земное
На дне морском лежит].
Вчера ей жалко стало,
Пришла ко мне в слезах,
И что-то ей хотелось
Сказать, но не могла.
Ой, ветер полуночный,
Раздуйся, будь мой друг,
Сорви колечко с моря
И выкати на луг!

271. Шёл Ваня по улице, зашёл Ваня в кабак,
Садился на бочку, закуривал табак:
— И здравствуйте, ребята, здорово, все друзья!
Все мы не чужие, одна наша семья.
Давайте веселиться, давайте водку пить,
И не грех нам напиться — на то водка дана.
Ох, Сашеньку имею — всё горюшко терплю,
Сказать я не смею, за что парня люблю.
Я парню-паренёчку колечушко дарю:
— Носи, мил, колечко, носи, не теряй,

Если потеряешь, любви с тобой нет.
Не дал слова молвить, стал он полоскать,
Упало кольцо в моречко — нельзя его достать.
Я вышла на юрочек, просила ветерка:
— Ветер-полудёночек, будь мой верный друг,
Вынеси колечушко на зелёный луг,
На зелёный лужок, на кру́тый бережок.

272. Казак на саблю опирался,
В глубокой горести стоял,
Он долго с милой, ой, да прощался,
Вздыхая, он же ей сказал:
— Не плачь, красавица, слезами
В кручине злой не пособить.
Клянусь я честью, ой, да и устами —
Люблю, вовек не изменю.
Но если изменю устами,
То должен быть наказан я:
Тогда мой верный конь да споткнётся,
Летя на вражество стрелой,
Уздечка браная порвётся,
И стремя лопнет под ногой,
В руке моей копьё, ой, согнётся
И сделается, как прут гнилой.
Но я, от страха не сомлея,
Тогда явлюсь перед тобой.
Мой верный конь не спотыкнётся,
Летит на вражество стрелой,
Уздечка браная, ох, не рвётся,
И стремя зьяет под ногой,
В руке моей копьё, ох, не гнётся,
Сияет быстро над врагом.

273. При серебряной речке,
При золотом песочке
Долго девок молодых
Я искал следочки.
Я следочков не нашёл,
Их как не бывало,
Лишь увидел — вдалеке
Море взволновалось.
Я услышал — с высоты
Колокол раздался.
Сел на ворона коня

И туда помчался.
— Ты беги, беги, мой конь,
Беги, торопися,
Против храмовых ворот,
Конь, остановися!
Я на папертю взошёл,
Богу помолился,
Я открыл у церкви дверь —
Там толпа народу,
Там изменницу мою
Ведут вкруг наля.
[А изменница моя]
На меня взглянула,
Правым глазом повела,
Левым подмигнула.

274. Вниз по Волге-реке, Волге-матушке,
Ой, снаряжён стружок, как стрела, летит.
Как на том на стружке на снаряженном
Удалых гребцов, ой, сорок два сидят.
Что сидят-то, глядят веселёхонько.
Что один-то из них, ой, добрый молодец
Приздумался, загорюнился
Об одной-то душе, ой, красной девице.
— Ты душа ли моя, красна девица,
Обогрей-ка меня, ой, солнце красное.
275. Как на лёгком стружке, на снаряженном,
Ой, сорок два молодца-сокола сидят.
И один молодец-то задумался,
Ой, задумался, загорюнился.
— Возьмите меня, братцы, за белы ручки,
[За белы ручки] да за белы ножки,
Бросьте [в Волгу меня], в Волгу-реченьку,
Пусть там моё тело несёт,
Пусть тело несёт, мелка рыбочка клюёт.
— Ой, поймайте тело, да поймайте бело
Дружка мила моего, ой, дружка мила моего!
276. По Дону гуляет, по Дону гуляет,
По Дону гуляет казак молодой.
Сидит дева плачет, сидит дева плачет,
Сидит дева плачет над быстрой рекой.

— О чём, дева, плачешь, о чём, дева, плачешь,
 О чём, дева, плачешь, о чём слёзы льёшь?
 — А как мне не плакать, а как мне не плакать,
 А как мне не плакать, слёз горьких не лить?
 Цыганка гадала, цыганка гадала,
 Цыганка гадала, за ручку брала,
 Брала, говорила, брала, говорила,
 Брала, говорила: — Несчастливая ты!
 Утонешь ты, дева, утонешь ты, дева,
 Утонешь ты, дева, в день свадьбы своей!
 — Не верь ты цыганам, не верь ты цыганам,
 Не верь ты цыганам — цыгане всё врут.
 Отец мой богатый, отец мой богатый,
 Отец мой богатый, он выстроит мост,
 Мост длинный чугунный, мост длинный чугунный,
 Мост длинный чугунный — на тысячу вёрст.
 Вот тронулся поезд, вот тронулся поезд,
 Вот тронулся поезд — обрушился мост.
 Жених оглянулся, жених оглянулся,
 Жених оглянулся — невесты уж нет.

277. Ехали казаки со службы домой —
 На плечах погоны, на грудях кресты.
 Едут по дорожке — родитель идёт.
 — Здорово, папаша! — Здорово, сын родной!
 Расскажи, сыночек, про службу свою.
 — Служба, слава Богу, убавилась.
 Расскажи, папаша, про семью свою.
 — Ой, семья, слава Богу, прибавилась:
 Жена молодая закон сменила,
 Ой, жена молодая сына родила.
 Ой, сын отцу — ни слова, садился на коня,
 Ой, подъезжает к дому — мать с женой стоит,
 Мать стоит с малюткой, жена во слезах.
 Ой, мать сына просила: — Прости, сын, жене!
 — Ой, тебя, мать, прощаю, жену я — никогда!
 Ой, закипело сердце в казацкой груди,
 Ой, заблестала сабля во правой руке —
 Слетела головка с неверной жене.
 — Ой, Боже мой, Боже, что я наробил?!
 Жену я зарезал, детей осиротил.
 Жену похоронят, меня окуют,
 Малую малютку в приют отдадут.

278. Скакал казак через долину —
Кольцо блистало на руке.
Кольцом красotka подарила,
Когда казак пошёл в поход.
Она дарила, говорила:
— Твоею буду через год!
Вот год прошёл — казак стремился,
В село родное поскакал.
Скакал он день, вторые сутки,
Завидел край своё ль да село,
Завидел край своё селенья —
Заныло сердце ретиво.
Там у ворот стоит старушка
И шепетливо говорит:
— Напрасно ты, казак, стремился,
Напрасно мучаешь коня:
Тебе красotka изменила,
Другому сердце отдала.
И повернул казак налево
И тем же следом поскакал.

279. Сидел рыбак весёлый на берегу реки,
А перед ним по ветру качались тростники.
Один тростник он срезал, сквозь скважину проткнул,
Один конец взял в руки, в другой по ветру дул.
Как будто оживлённый, тростник заговорил,
То голос человека, то голос ветра был:
[— И я была девица, красавица была],
У мачехи в темнице, как розочка, цвела.
У ней был сын любимый, у мачехи моей,
Обманывал красавиц, пугал честных людей.
Однажды поздно вечером гулять мы с ним пошли,
Смотреть на сини волны, на бережок морской.
Сгубил меня, несчастную, ударил в грудь ножом,
А труп зарыл мой в землю на берегу морском.
И над моей могилой взошёл тростник густой,
И в нём живут печали души моей младой.

280. [Жил-был боярин знатный, имел двух дочерей].
Младша была красotka, как царская дочь,
Старша была смуглянка, как тёмная ночь.
[Меньшую дочь засватал чужой земли король,
Старшой стало обидно, что нет ей жениха].
Старшая меньшую манила во тайгу:

— Пойдём, моя сестрёнка, пойдём, мой верный друг,
 На Божую волю, на бережок морской,
 Посмотрим, сестрёнка, чем берег украшён!
 Украшен был берег тиною морской,
 Он тиною морской, травою-муравой.
 Старшая меньшую столкнула с бережка:
 — Тони, моя сестрёнка, тони, мой верный друг!
 Забились волны, заплакали леса,
 Заплакали леса, взмолилася краса:
 — Ах, вынь меня, сестрёнка, из синего моря!
 Дарю тебя, сестрёнка, шелковым пояском,
 Ещё дарю, сестрёнка, тебя я женихом!

281. На берегу сидит девица,
 Она шелками шьёт платок,
 Работа чудная по шёлку,
 Но шёлку ей недостаёт.
 На счастье видит — парус вьётся,
 Он близ скользит синя моря.
 — Моряк, моряк ты мой любезный,
 Нет ли шёлку для меня?
 — Ну как не быть — такой красотке?
 У нас есть разные шелка —
 Так поспешите поскорее
 Зайти на палубу мою.
 Она зашла — парус надулся,
 Моряк ей шёлку не даёт
 И про любовь страны далёкой
 Ей песню чудную поёт.
 От шума волн, от звука песен
 [Она] заснула крепким сном,
 Проснулася — [и что же видит?]
 Море синее кругом.
 — Моряк, моряк, пусти на берег,
 Мне дурно от морской волны.
 — Проси, что хочешь, но не это,
 Я не расстануся с тобой.
 — Нас три сестры: одна за графом,
 Вторая — герцога жена,
 Я, сама младша, всех красивше,
 Мне суждено морячкой быть.
 — Не морячкою простою,
 А королевой будешь ты!

282. В саду ягода-малина
Под закрытием росла,
А княгиня молодая
С князем в тереме жила.
А у князя был слугою
Ванька-ключник молодой,
Ванька-ключник — злой разлучник —
Разлучил князя с женой.
Ванька с нянькой поругался,
Нянька князю донесла.
Князь дознался — рассердился,
Повелел Ваньку казнить.
— Эй, вы слуги, мои слуги,
Слуги верные мои!
Вы пойдите, приведите
Ваньку-ключника ко мне!
Вот ведут, ведут Ванюшу,
На нём ветер кудри вьёт,
На нём шёлкова рубашка
К белу телу пристаёт.
— Ты скажи, скажи, Ванюша,
Сколько лет с княгиней жил?
— Ой, не знаю я, не ведаю,
Сколько лет с княгиней жил.
Знает только ночка тёмная
Да княгиня, свет, краса!
Вот повесили Ванюшу
На шелковом поясу,
А княгиню молодую —
На ремённом на кнуту.

283. [Как во нашей во деревне,
В развесёлой слободе]
Лет семнадцати мальчонка
Разрешенья стал просить:
— Позволь, папенька, жениться,
Позволь взять, кого люблю.
Отец сыну не поверил,
Что на свете есть любовь:
— На свете девок много,
Можно каждую любить.
Сын заплакал, отвернулся,
Сказал: — Папенька, прощай!
Шёл он лесом, шёл тайгою,

Шёл дорожкой тракторной,
 Он нашёл себе местечко,
 Сел под кустик под густой,
 Вынул саблю, вынул остру,
 Снёс головушку себе.
 Покатилась головка
 По шелковой по траве,
 Разлилася кровь горяча
 Между двух больших дорог —
 Вот тогда отец поверил,
 Что на свете есть любовь.

- 284.** За лесом да за рощей да в зелёном саду,
 Там, за реченькой быстрой на том берегу,
 Там есть да могила, уросла (ль да) травой,
 Травой (ль да) муравой, голубым да цветом.
 Как во той-то могиле девица (ль да) лежит,
 Девица (ль да) знакома — грусть души (ль да) моей.
 Я в неё (ль да) влюбился, сам её да завлёл,
 С отцом я (ль да) прознался, ручку, ой, попросил.
 Отец был да сурьёзный — ручку мне (ль да) не дал,
 За любовь да за дружбу отец дочь, ой, проклёл:
 — Будь же ты проклята навек от меня!

- 285.** У церкви кареты стояли,
 Там пышная свадьба была.
 Все гости нарядно одеты,
 Невеста, как роза, цвела.
 На ней было белое платье,
 Фата и восковый веноч.
 — Зачем это белое платье?
 Оно мне совсем не к лицу.
 Ой, дайте мне жёлтое платье —
 Я с милым в разлуку иду!
 Жених был преклонен годами —
 Невеста так юна была,
 Жених был доволен собою —
 Невеста печальна, грустна.
 Венчальные свечи горели,
 Священник сквозь слёзы венчал.
 Венчальные кольца блеснули —
 Невеста лежала мертва!
 Теперь уж, бедняжка, в могиле
 Отыщет она свой покой.

Увяла она, как цветочек,
Сломлённый нескромной рукой.
У церкви кареты стояли,
А свадьба разбита была.

- 286.** Разбудил меня стон в эту тёмную ночь,
Предо мною цыганка стояла,
И просила она, чтобы я ей помог:
У шатра её дочь умирала.
И пошёл я к шатру посмотреть на неё —
На лохмотьях цыганка лежала
Вся в огне и в бреду. Кольца чёрных кудрей
Я узнал, но она не узнала.
Говорила она: — Не рыдай, моя мать,
Не залечишь глубокие раны.
Я любила его и люблю горячо,
Но обманутой жить не желаю.
Он ушёл далеко, не вернётся назад,
Он ушёл в оренбургские степи,
Но цыганская кровь горяча и горда —
Не надену позорные цепи!
Вот и смолкла она, перестала дышать.
На востоке заря догорала,
Лишь по-прежнему мать продолжала рыдать,
Да широкая степь колыхалась.
- 287.** Течёт речка по песку с дальнего востока,
А за девицей матрос гонится далёко.
— Вы матросы-моряки, где же ваши шлюпки?
Поцелуй меня, матрос, в аленькие губки.
— Если хочешь быть женой, то поедem с нами,
Попроси совета ты у родимой мамы.
Мать совета не дала — за матроса замуж:
— Матрос замуж не возьмёт, да, надсмеётся — бросит.
Не послушала она матери совета,
И поехала она, да, вокруг бела света.
Плават год и плават два — горюшка не знает,
А по маменьке родной, да, день и ночь скучает.
Прошёл год, прошёл другой — дочь идёт уныло,
На руках она несёт матросёнка-сына.
— Прими, мать, прими, родна, прими, мать родная,
Подрастёт и будет звать, да, «бабонька родная».
— Ты совета моего слушать не хотела,
Так теперь иди туда, да, с кем совет имела!

— Пойдём, сын, пойдём туда, где нас принимают —
Сине море глубоко, да, там нас ожидают!

288. За грибами в лес девицы гурьбой собрались,
А зашедши, врассыпную они разбрелись
И грибов не собирают, топчут лишь траву,
А по лесу раздаётся весело: — Ау!
Вдруг в кустах раздался шорох — вспыхнула, горит:
Молодой [красивый парень] перед ней стоит.
— Ждёшь ты, ждёшь ты, моя радость, — ласково сказал
И привлёк её в объятия, крепко целовал.
— Отпусти меня, желанный, душу не губи.
Ты другую, городскую, лучше полюби.
Сам ты знаешь, что не стою быть твоей женой,
Опозоришь и спокинешь горькой сиротой.
И тогда меня в деревне никто не возьмёт,
А семья меня со свету с белого сживёт!
— Жди меня ты, дорогая, — парень ей сказал,
Пояс шёлковый и перстень снял с руки, отдал.
Вот уж осень наступила. Она его ждёт,
Под больным её сердечком горюшко растёт.
На пригорке в чаще леса берёза стоит,
А на этой на берёзе труп её висит.
Пояс шёлковый ей шею туго затянул,
Перстень, милым подарённый, на руке блеснул.

289. Ох, кари глазки, куда вы скрылись?
Мне вас больше не видать.
Куда вы скрылись да удалились?
Век заставили страдать.
Ох, как пойду я во чисто поле,
Как пойду ль в дремучий лес,
Вы леса мои, лесочки, да,
Вы расступитесь предо мной.
Ох, вы звери, звери лютые,
Разорвите вы меня,
Вы схватите да разорвите
Сердце бедное моё.
Ох, вы возьмите его, отнесите
Ко милому да ко дружку.
Пускай миленький посмотрит,
Как страдала я о нём.

290. Вон на той на горе — там цветочки цветут,
А я с этих цветов завивала венок,
Завивала венок и наказывала:
— Вы подружки мои, вы придите ко мне,
Снарядите меня, как невесту к венцу,
Вы положьте меня в металлический гроб
И покройте меня золотою парчой,
Вы несите меня мимо дома его —
Пусть он видит в окно да проводит меня.
Он бы рад проводить, да нет дома его,
Он уехал туда, в чужи-дальни края,
В чужи-дальни края, и забыл про меня.
291. Уж вы кумушки, вы мои голубушки,
Позовите вы мне главна дохтора,
Главна дохтора, да профессора,
Пусть же посмотрит, что есть на сердце моём.
А на сердце моём кровь запечённая —
Я с милым дружкой разлучённая.
Все сидят за столом, все они обедают,
А меня, молодую, посылают по воду.
Уж я по воду шла, шла я — спотыкалася,
А об милом дружке мне напоминалося.
Уж вы кумушки, вы мои голубушки!
292. Зеленая ветка, что ж ты не шумишь?
На горе высокой два креста стоят,
Под дубовой крышкой два дружка лежат.
Часто приходила девка молода,
Спрашивала место, место для себя.
Могила отвечала: — Ещё молода,
Будет тебе место года через два.
293. Любила меня мать, уважала,
Что я ненаглядная дочь,
А дочь её с милым убежала
В осеннюю тёмную ночь.
Бежала она лесом-тайгою,
Хотела беглянкой прожить.
Беглянская жизнь надоела,
Я вспомнила родную мать.
Я вспомнила рощу зелёную,
Я вспомнила свет голубой,

А вспомню я милого речи —
Зальюся горячей слезой.
Подруга подруге говорила:
— Купи мне отраву-порошок!
Отрава моя недорогая —
Всего она стоит пятак.
А жизнь-то моя молодая —
Всего мне семнадцатый год.

294. Ходила я в лес за малиной,
Малину я там не нашла,
Нашла я глубокую могилу,
Котора травой уросла.
Упала на эту могилу
И стала я горько рыдать:
— Мамаша, ты спишь и не слышишь,
Как дочка рыдает твоя!
А мать отвечает из глуби:
— Не плачь ты, малютка моя.
Возьмут тебя люди чужие,
И будешь ты им, как своя.
Не нужны мне люди чужие,
Не нужен мне шар голубой!
Как вспомню я мамины речи,
Зальюся горячей слезой.

295. Кабы были златы крылья, да,
Я вспорхнул бы и улетел.
Улетел бы я в ту сторонку, да,
Где родитель схоронён,
Пал бы, пал бы, ой, на могилу, да,
Стал руками землю рыть,
Снял бы, снял бы я с гроба крышку, да,
На грудь белую упал.
— Жалко, жалко, ой, тебя, тятя, да,
А родную мать жальчей:
Мать накормит, ой, мать напоит, да,
Мать с собою накладёт,
За ворота, ой, мать проводит, да,
Грудь слезою обольёт.

296. Развяжите сизы крылья,
Дайте воли полетать!

Эх, я измучена судьбою,
 Да полечу её искать.
 Ох, сперва к мамоньке родимой
 Понаправлю свой полёт.
 Расскажи-ка мне, дорога,
 Как там моя мамонька живёт.
 Эх, может быть, уж тебя нету,
 Ты, наверно, умерла,
 Ох, да ведь мамина могила
 Да вся травкою уросла.
 Ой, здравствуй, мамонька родная,
 Ой, да я с тоской к тебе пришла!
 Ох, сиротам плохо живётся
 Без отца, без матери,
 Ох, ещё пуще сиротинка я
 Да без своей симпатии!

297. Сиротиночкой выросла,
 Как былинка в поле.
 Моя молодость прошла
 По чужой неволе.
 Я с двенадцати годов
 По людям ходила:
 Где качала я детей,
 Где коров доила.
 Уродилась я
 Девушкой красивой.
 Раскрасива, да бедна,
 Да плохо я одета.
 Раскрасива, да бедна,
 Да плохо я одета —
 Никто замуж не берёт
 Девушку за это.
 Как у пташки есть гнездо,
 У волчихи — дети,
 У меня, у сироты, —
 Никого на свете.

298. По дорожке, ой, зимней скучной лошадка бежит,
 А на этой, ой, на лошадке мужичок сидит,
 Он лошадку, ой, погоняет, на неё кричит:
 — Ты беги, беги, лошадка, по дорожке вдоль!
 А у этой, ой, у дорожки большой дом стоит,
 А во этом, ой, большом доме лампадка горит,

А под этой, ой, под лампадкой чёрный гроб стоит,
А во этом, ой, чёрном гробе женщина лежит.
Дети плачут, ой, хлеба просят, вспоминают мать:
— Не придёт уж, ой, мать родная, не накормит нас —
От заботы, ой, от работы она умерла.
Отец запил, ой, крепку водку — про детей забыл,
На последнюю пятёрку нанял лошадей.
Пара скачет, ой, Валя плачет — ямщик песню поёт.

299. В голове моей, братцы, кружится,
А на сердце всё грусть да тоска.
— Скажи, скажи, моя дорогая,
Кого тебе жальче в свете нет?
— Жалко мне, жалко троечки вороных,
Молодого ещё ямщика.
Молодой ямщик пьёт и гуляет
По дорожке, ой, всё столбовой.
Всю Расеюшку ямщик проехал —
Краше Маши в свете не нашёл.
Я с Расеюшки к Маше вернулся —
Прямо к Маше в большой новый дом.
Стукнул, грохнул Маше в окошко —
Лежит Маша всё равно больна,
Голова её лежит за цветами,
Грудь покрыта белой кисеёй.
Я кисеюшку, мальчик, открою
И на Машу, верно, посмотрю,
Я кисеюшка, мальчик, закрою,
Сам заплачу да прочь отойду.
Людям — счастье, людем, братцы, доля —
А мне, младу, всё грусть да тоска.

300. Отчего мне невесело стало,
Злая дума на сердце легла?
Отчего меня солнце не радует
И не манят поля и луга?
Только слёзы на грудь мою падают,
И мучительно ноет она.
И пришла же ты, гостья незваная,
Эта гостья — злодейка-тоска.

301. — Что ж ты, пташка, да ли невесёла,
Ой, невесёла,

Что ж пшеничку не клюёшь,
[Ой, не клюёшь?]
— Я ж тогда была весёла,
[Ой, была весёла],
Да пела летом я, ой, и весной,
Пела летом и весной —
Злой-то злодей поставил клетку,
Поставил клетку.
Да в клетке пташечка, ой, сидит,
[Ой, да сидит].
Ох, клетка золотом горит,
[Ой, да горит],
Ох, в клетке пташечка, ой, сидит.

- 302.** Уж ты мать моя родная,
Зачем на свет ты родила,
Судьбой несчастной наградила
И жизнь одинокую дала?
Ты соловейка, вольна пташка,
Ты прилети ко мне к окну,
Сядь-ка в садочке на кусточек
И посмотри моё житьё.
День я в работушке томлюся
И ночьку тёмную не сплю.
Дети вырастут большие,
Они найдут свою судьбу.
Приходит старость одинока —
Кому пожалуюсь пойду?
- 303.** Сронила колечко со правой руки,
Забилось сердечко о милом дружке.
Ушёл он далёко, ушёл по весне —
Не знаю, искать где, в какой стороне.
У белой берёзки вечерней порой
Я жду-не дождуся милого домой.
Надену я платье, к милому пойду,
А месяц дорогу укажет к нему.
- 304.** В полях цветы, в полях цветы,
Идёшь и сердцем маешься,
А что же ты, а что же ты
Молчишь, не откликаешься?
В полях роса, в полях роса,
Иду своей дорогою,

И не коса, и не глаза
 Теперь тебя не трогают.
 В полях туман, в полях туман,
 А я такая зоркая,
 Любовь — обман, один обман,
 Одно лишь горе горькое.
 В полях заря, в полях заря,
 Белеет поле маками,
 А вдруг не зря, а вдруг не зря
 Глаза мои всё плакали?

- 305.** Бела кофта, чёрный бантик
 Ты зачем развязывал?
 Мы с тобой гуляли тайно,
 Ты зачем рассказывал?
 Як пойду я на ту гору,
 Гляну милому во двор.
 А як мене привыкати
 Без тебя, друг милый мой?
 — Привыкай же, моя милка,
 Во зелёном во саду —
 Вот до тебя, моя мила,
 Я уж больше не приду.
 Мама, чаю, мама, чаю,
 С полстакана дай воды.
 Я по милому скучаю,
 Приведи его сюды!
- 306.** Мой милый друг, пусти меня,
 А глянь в окно — горит заря,
 Трай-ля-ля-ля, трай-ля-ля-ля,
 А глянь в окно — горит заря.
 А вот проснётся мать моя
 И станет спрашивать меня,
 Трай-ля-ля-ля, трай-ля-ля-ля,
 И станет спрашивать меня:
 — А где была ты в эту ночь,
 Коварная ты, злая дочь,
 Трай-ля-ля-ля, трай-ля-ля-ля,
 Коварная ты, злая дочь?
 А я скажу: — В саду была,
 Себе я розу принесла,
 Трай-ля-ля-ля, трай-ля-ля-ля,
 Себе я розу принесла.

Ты, мать, стара, ты, мать, глупа,
 А я стройна и весела,
 Трай-ля-ля-ля, трай-ля-ля-ля,
 А я стройна и весела!

307. Раз полоску Маша жала,
 Золоты снопы вязала,
 Молодая, эх, да молодая.
 Она жала, приустала,
 На снопочке задремала
 У дорожки, эх, да у дорожки.
 Шёл казачек из похода,
 Он не с нашего народа,
 Из Кавказа, эх, да из Кавказа.
 Он ведь шёл — притомился,
 Перед бабой становился:
 — Дай напиток, эх, дай напиток!
 — Я б дала тебе напиток,
 Да тепла моя водица —
 Не годится, эх, да не годится.
 — Нет ли хлебушка кусочек?
 — Нету, миленький дружок,
 Даже крошки, эх, даже крошки.
 — Нет ни хлеба, ни водицы,
 Так прощай же, молодича,
 До свиданья, эх, до свиданья!
 Бабе жалко стало парня:
 Такой стройный да и бравый,
 Расхороший, эх, да расхороший.
 — Ты, казачек, воротися,
 Здесь под вербою садися —
 Очень жарко, эх, да очень жарко.
 Мужик видит: баба дышит,
 Рубашонку грудь кольшет
 Молодая, эх, да молодая.
 Рожь высокая их скрыла,
 Я не знаю, что там было —
 Это тайна, эх, да это тайна.
 Муж со свёкром долго ждали,
 Чаю пили, рассуждали:
 — Выжнет Маша, эх, да выжнет Маша.
 А над Машей ночь темнела.
 Это наше бабье дело —
 Доля злая, эх, да доля злая.

Через год у мужа морда
 Смотрит весело и гордо:
 Сын родился, эх, да сын родился.
 Знают, знают все казаки,
 Чьи растут у нас ребята
 Расхороши, эх, да расхороши.

Песни украинского происхождения

- 308.** Ехали казаки из дому до Дону,
 Обманули Галю — забрали с собою.
 Ой, ты Галя, Галя молодая!
 Обманули Галю — забрали с собою.
 — Да поедем, Галя, с нами, казаками,
 Ой, краше тебе будет, як у ридной мамы!
 Ой, ты Галя, Галя молодая!
 Ой, краше тебе будет, як у ридной мамы!
 Галя согласилась, на коня садилась,
 Та(й) повезли Галю тёмными лесами.
 Ой, ты Галя, Галя молодая!
 Та(й) повезли Галю тёмными лесами.
 Та(й) повезли Галю тёмными лесами,
 Привязали Галю до сосны косами,
 Ой, ты Галя, Галя молодая!
 Привязали Галю до сосны косами.
 Спустились донизу, насбирали хвизу,
 Да пидпалили сосну изверху донизу.
 Ой, ты Галя, Галя молодая!
 Да пидпалили сосну изверху донизу.
 Сосна догорала, Галя умирала,
 А кто в лесу чуя, нехай поратуя.
 Ой, ты Галя, Галя молодая!
 А кто в лесу чуя, нехай поратуя.
- 309.** Поутру встану раненько,
 Приумоюсь чепурненько,
 Возьму прялку, веретёшко,
 Сяду прясть я под окошко
 [Против] яркого солнца,
 Буду ждать я черноморца.

Черноморец с моря едет,
 Семерых он коней ведет.
 Да уж я думала — до дому,
 А он уехал до Дунаю.
 Да стал он коней наповати —
 Да Дунай-речка прибывати,
 Стала мила ратовати.
 — Ратуй, ратуй, моя мила,
 Если верно ты любила.
 — Я бы рада ратовати,
 Да не умею восплавати.
 Мне бы лодку да весельце —
 Да б радовалось моё сердце.

- 310.** То не тихий Дон шумит быстрою волною —
 Бесперывно конь мой ржёт, рвётся подо мною.
 Заседлайте мне коня, коня вороного,
 А я сяду да помчусь до дому родного.
 Вот приблизился казак к своему селенью,
 — Стой, товарищ верный конь! Кончил я стремление.
 Привязал парень коня, сам пошёл в светлицу
 Разбудить объяту сном красную девицу.
 — Встань, коханочка моя, встань-ка, пробудися,
 Поцелуй разок меня, ко груди прижмися!
 Но коханка не спала, только засыпала,
 Как увидела его, слёзно зарыдала.
 — Обещалась я тебе быть твоей женою,
 Твоё счастье роково отдала другому.
 Ничё парень не сказал, [повернул направо],
 Шёл к воротам, где стоял конь его усталый.
 — Ой, ты конь, ты мой конёк, конь ты мой ретивый,
 Нет тебе травы сырой, мне — подруги милой!

- 311.** При лужке, лужке, лужке,
 При знакомой воле,
 При знакомом табуне
 Конь гулял на воле.
 — Ты гуляй, гуляй, мой конь,
 Пока не споймаю,
 Как споймаю — зауздаю
 Шёлковой уздою.
 Вот споймал парень коня,
 Зауздав уздою,

Тронул шпорами под бока —
 Конь летит стрелою.
 — Ты лети, лети, мой конь,
 Вихорем несися!
 Против милкиных ворот,
 Конь, остановися.
 Перед воротами
 Топни копытами,
 Чтобы вышла красна девка
 С чёрными бровями.
 Но не вышла красна девка,
 Вышла её мама:
 — Здравствуй, здравствуй, милый зять,
 Пожалуй во хату!
 — Я во хату не пойду,
 Пойду во светлицу,
 Разбужу [от крепка сна]
 Красную девицу!
 А девчонка встала,
 Сон свой разломала,
 Правой ручкой обняла
 И поцеловала.
 А наутро всё село,
 Вся деревня знала,
 Что казачка казака
 Крепко целовала.

- 312.** Со неверной, ой, сторонки
 Ветер подувает.
 Ой, да во зелёньком лужочке
 Добрый конь гуляет.
 Ой, конь-от роду не простого —
 Казака донского.
 Ой, да на коня казаченька садился,
 Шевелил уздою,
 Ой, да шевелил-то казаченька уздою —
 Конь — быстрой стрелою.
 — Ой, да ты беги, мой конь воронный,
 Беги, торопися,
 Ой, да против Машина строенья,
 Конь, остановися!
 Ой, да у моей-то ли разлюбезной
 Домичек невесел,

Ой, да у ней домичек был невесел —
 Окошечки скрыты,
 Ой, да окошечки были скрыты,
 Рамы все побиты.

313. На горе Ермола, под горою-то вода,
 Там девчонка водоченьку брала,
 Сама, шельма, ой, да молода.
 — Ты дивчина молода, да напои моего коня,
 — Возьми, возьми моё ведречко
 Да напои коня сам.
 Ты казачек молодой, что ж ты всё-то холостой?
 — Служба-матка меня загубила,
 Да до сих пор я холост, неженат.
 Ты дивчина молода, да пойди взамуж за меня.
 Сядем, сядем да на моёго коня,
 Вплоть поедем, ой, да до двора.
 У моёго у двора нет ни хаты, ни кола,
 Только выросла на нём да расцвела
 [Польнь — горькая, ой, да трава].

314. И туды гора, и сюды гора,
 Ой, да меж теми крутыми горами
 Входила заря.
 Ой, эта заря — девка молода,
 У ней брови чёрны, а лицо беляно,
 За водою шла.
 — Дивчина моя, напои коня,
 А потом мы сядем, сядем и поедем
 До твоего двора.
 У твоего двора ничего нема:
 Нема ни калины, нема ни рябины
 Привязать коня.
 Дивчина моя, напои коня,
 Стань моей женою и моей судьбою —
 Я ж люблю тебя.

315. Из-за гор-горы, ой, едут мазуры,
 Едут-едут мазурочки, везут-везут два веночка,
 Венок золотой.
 Мазур подъезжат к Машину двору,
 Стук-бряк во колечко: — Выйди, Маша, на крылечко,
 Дай коню воды!

- Не могу я встать, коню воды дать:
 Мне мамаша приказала, чтоб я с паном не стояла —
 Мамаши боюсь!
- Мамаши не бойся, садись на мой конь,
 Мы поедем в чисто поле, там нет скуки, там нет горя —
 Там и заживём!
- С паном ехала, ой, люди видели:
 — Это что же за дивчина, хороша да черноброва,
 С паном ехала?!

316. Край дорожи, около броду
 ПРИПЕВ: Дептун, дептун!
 Пили воду голубочки,
 Напилися — полетели,
 Крылышками запорхали.
 — Ты матуся-матусенька,
 Пусти меня на улицу,
 Я с ловцами, с молодцами
 Переброшуся словцами.

317. Распрягайте, хлопцы, ко́ней,
 Полягайте, хлопцы, спать,
 А я выйду да в сад зелёный,
 Стану криничку копать.
 Кóпал, кóпал криниченьку
 Во зелёном во саду,
 Чай, не выйдет дивчиненька
 Утром рано по воду.
 [Вышла, вышла дивчиненька
 Утром рано воду брать],
 А за нею казаченька
 Вышел коня напувать.
 Попросил её ведерце —
 Она его да не дала,
 Дóрил, дóрил ей колечко —
 Она его да не взяла.
 — Знаю, знаю, дивчиненька,
 Чем тебя я огорчил:
 А я вчэра-позавчера
 Краше тебя да полюбил.
 Она ростом невеличка
 И годами молода,
 Коса руса до пояса,
 В косе лента да голуба.

Не руками сено косят —
Косит вострая коса,
А не девка парня губит —
Губит девичья да краса.

- 318.** Закукала кокушечка в лесу на покосе,
Ой, да заплакала девчоночка свои кари очи.
Ой, приехали к девчоночке три казака в гости,
Ой, да один казак коней поит, другой казак вяжет,
Ой, да третий казак в окно глядит: — Добрый вечер! — скажет.
— Ой, молоденька девчоночка, ой, дай воды напиться.
— Ой, да моя вода холодная, она не годится.
— Ой, да молоденька девчоночка, можно ль пожениться?
— Ой, да девчоночка ещё молода — замуж не годится.

- 319.** Стоит гора высокая,
За той горой друга.
Течёт река глубокая,
Крутыя берега.
На том да на крутом бережке
Стояли две вербы.
Вы не грустите, вербочки,
Для вас весна придёт,
Распустятся ваши листики,
И верба расцветёт.
Придёт осень холодная —
Замёрзнут берега.
Давай, мой мил, поженимся,
Пока ль я молода.
А если не поженимся,
Пройдут наши года.

- 320.** Шумят вербы, шумят рясны,
Что я посадила.
Нема того казаченьки,
Что я сполюбила.
Полюбила казаченьку —
Уехал в Одессу,
А мне сказал: — Рóсти, рóсти
На другую вёсну.
Росла девка, росла красна,
Расти перестала.
Ждала, ждала казаченьку,
Да и плакать стала.

— Плачьте, очи, плачьте, кари,
Така ваша доля.
Мил уехал, меня бросил —
Стало сердцу больно.

321. Посеяла огурочки близко над рекою,
Сама буду поливати ревнюю слезою.
Росли, росли огурочки в четыре листочка.
Не бачила миленького четыре годочка.
А на пятый побачила: милый приезжае,
Не посмела сказать «здравствуй» — маменька встречае.
Батька добрый, батька добрый — маменька лихая,
Не посмела сказать «здравствуй» шельма молодая.
322. Выпью я наливочку без привету,
Уехал мой миленький, дома нету.
Гнула-гнула вишенку — не согнула,
Упала под вишенку, да и уснула.
Приехал мой миленький — не слыхала.
— Встань, встань, милая, проснися,
На мою колясочку подивися,
Моя же колясочка не простая.
Что же ты журишься, молодая?
323. Ой, пойду в садочек да сорву листочек,
Та(й) понакрываю милого [следочек],
Чтоб роса не упала, пташки не ходили,
Чтоб мово милого други не любили.
Ой, одна любила, ой, друга кохала,
Третья, чернява, ще и приворожала,
Третья, чернява, ще и причаровала —
Несолёну рыбку вечерять давала.
— Вечеряй, казачек, та(й) не сомневайся,
Коли маешь жинку, то мене признайся.
— Ой, я маю жинку да деточек двое,
Да деточек двое — чернявые обое.
324. Марусенька казака любила,
Рано встала, его не сбудила,
Ой, забыла про любовь сказати,
Казаченьку не стала сбужати.
Утро встало, все казаки встали,
Все казаки коней поседлали,
Марусеньке «прощай» не сказали.

— Прощай, прощай, дорога Маруся,
Я до тебе больше не вернуся.
Хоть вернуся — через два годочка,
Когда будет у тебе два сыночка.

325. Ой, на горе калина стояла.
Нашим хлопцам перемена стала,
Да только нету тою перемены —
Да тот, кто ходит рано до дивчины,
Спать ложится на белой перине.
Да, ой, дивчина казака любила,
Да сама встала, его не сбудила,
Да одеяльцем личенько закрыла,
Да подушечкой окна затурила.
Да, ох, проснулся казак у оконца —
Да посияло о полудни солнце.
— Да, ой, вы кони, кони вороные,
Выручайте меня из неволи!

326. Проснулась деревня, проснулся солнца свет,
Поехали казаки искать решения судьбы,
А бедная Маруся стояла у ворот,
У ней по щёчкам алым катилася слеза.
— Не плачь, не плачь, Маруся, напрасно слёз не лей,
Быть может, ворочуся — прижму к груди своей.
На площади широкой казак гарцует на коне,
Он поводом играет, как будто на струне.

327. Ой, да как по новой да по святлице, да,
Молодой пан гуляя,
Ох, молодой пан гуляя,
За собою панью вода.
Пану ж панья говорила ж,
Говорила — не утаила:
— Вот поедешь, пан, на службу —
Возьми мене с собою,
Возьми мою крушину,
Ох, рассей мою крушину
По чистому морю.

328. Ай, ты конь, ты мой конь, ты товарищ верной,
Ай, бежи ж ты, мой конь, во Россию домой,
Ай, лети ж ты, мой конь, во Россию домой,
Не скажи ж ты, мой конь, что я битой лежу,

А скажи ж ты, мой конь, что женатой хожу:
Оженила меня пуля выстреляна,
А свенчала меня сабля вострена,
А бояры булы — во все звоны гулы,
А светилка была — восковая свеча.

329. Молодой чумашек,
Что ты прижурился?
— Все волы устали,
Со дороги сбился,
Тягька с мамкой помер,
А я не женился.
А я не женился —
Без доли родился.
Пойду в чисто поле
Искать себе долю.
Не нашёл я долю —
Нашёл рыболовлю.
— Рыболовцы-хлопцы,
Удалы молодцы,
Вы закиньте сети
Через быстры реки,
Вы поймайте долю
Парню молодому!
Не поймали доли —
Поимали шуку,
Поимали шуку —
Парню на разлуку.
Щука, рыба злая,
Сети разрывает.
Щука-рыба бьётся,
В руки не даётся.
Щука воду хлыщет —
Парень долю ищет.

Приложения⁵

О некоторых особенностях сибирской народной песни

Сибирская народная песенная традиция имеет глубокие корни. Сформировавшись на основе разнородных исходно-региональных групп, фольклор русского населения Сибири остался общерусским в своей основе. И в то же время в нем сложились специфические черты, свойственные региональной традиции в целом. Своеобразие регионального песенного фольклора сказалось как в репертуаре, так и в словесно-музыкальной форме самих произведений. Но особенно наглядно специфичность региональной песенной традиции проявилась в выразительных средствах музыкальной речи.

Публикуемые в сборнике В.П. Зиновьева песни дают представление о стилевой общности одного из вариантов сибирской песенной традиции. Вне зависимости от жанровой принадлежности, они характеризуются прежде всего достаточно широким звуковым диапазоном, чаще октавой, двухголосным изложением, где запев и основной напев принадлежит нижнему голосу. Верхний голос звучит в терцию основной вокальной линии, иногда переходя в октаву, реже в квинту и кварту. Женские голоса звучат, как правило, низко, иногда в предельных звуках диапазона — «ми» малой октавы (см. № 38, 50, 164, 181).

Напевы песен почти всех жанров отличаются спокойной ритмической пульсацией, с использованием приемов огласовки согласных звуков, в лирических, свадебных песнях — с применением дополнительных гласных при распевании слогов стиха. Песни развернуты по форме, каждая их музыкально-стиховая строка достаточно протяжна.

К наиболее характерным особенностям сибирской певческой традиции относятся неторопливое распевание поэтического текста, преобладание умеренных и медленных темпов, использование внутрислоговой распевности. Интервалика со звукой большинства песен (то есть интервалы, в которых звучат голоса) — терции, унисоны, октавы и квинты, для окончаний песен характерны октавы и унисоны. В сибирских песнях более позднего периода наблюдается расширение ладового объема, что ведет к усложнению интонационно-выразительных средств.

Яркий пласт сибирской песенной традиции представляет собой свадебный фольклор, который является составной и структурообразующей частью ритуала. Традиционно свадьбы праздновались очень широко. Свадьбы у казаков, например, проводились с особым размахом, были многолюдными, свадебный пир обычно

⁵ Указатель мест записи, Список исполнителей и Список собирателей, имеющиеся в ПРИЛОЖЕНИЯХ в сборнике В.П. Зиновьева «Русские песни Восточной Сибири» (Иркутск, 2006), в настоящем издании включены в сводный Указатель мест записи и в сводные Списки исполнителей и собирателей, представленные в ПРИЛОЖЕНИИ в конце 2-й книги. Словарь малоупотребительных и диалектных слов помещен в ПРИЛОЖЕНИИ в конце 2-й книги.

продолжался не меньше недели. На свадьбу специально приглашались хорошие песенники. Традиция приглашать на свадьбу хороших «певунов» сохранилась в деревнях и в наше время.

Свадебные песни, вошедшие в сборник, не составляют какого-либо целостного цикла. Однако в них наглядно проявляется своеобразие сибирской песенной культуры — как в поэтических образах, так и в мелодико-ритмическом построении и особенностях строфики песен.

Сдержанные, медленные по темпу напевы звучали в особо драматические моменты свадьбы — на девичнике, при прощании невесты с подругами (№ 167), при расплетании косы (№ 177, 178, 179), прощании с «девьею красотою» (№ 172).

Для русской свадьбы характерно исполнение величальных песен, обращенных к жениху и невесте (№ 171, 184, 185, 191, 192, 193). Персонально величали дружку (№ 182, 183), сваху (№ 164).

Свадебные песни, в которых представлены мотивы прощания и разлуки невесты с матерью, с подругами, девичьей волей, рождаются своими напевами, эмоциональным настроением и функцией в свадебном обряде. В основе этих напевов лежит минорный лад, плачевые интонации.

Многие песни изложены в сборнике многострофно, чтобы показать, как варьируются строфы в песенном куплетном цикле. Варьирование напева осуществляется путем изменения мелодического и ритмического рисунка песни. Речитативные элементы, в которых концентрируется ритмическое напряжение, сменяются распеванием протяжных слогов.

Основную группу песенного репертуара сибиряков по количеству, разнообразию сюжетов, богатству музыкальной стилистики представляют неприуроченные песни, которые исполняются при любых обстоятельствах: протяжные лирические песни, плясовые, частушки, городские песни и романсы. Широко бытуют протяжные песни балладного содержания (например, «Течет речка — река быстрая»), повествовательные интонации напева которых роднят их с распространенными в недавнем прошлом у сибирских старообрядцев, «семейских», духовными стихами.

Наряду с широко бытующими лирическими протяжными песнями, в музыкально-песенном творчестве Восточной Сибири особое место принадлежит различным видам частых (скорых) песен: хороводным, игровым, плясовым, шуточным. Если рассмотреть эти песни с поэтической стороны, то они, как и протяжные, относятся к лирическому роду поэзии, что же касается их музыкальной стороны, характера и формы исполнения, то здесь проявляется их специфичность. В большинстве своем это песни жизнерадостного, веселого тона, исполняются они в умеренно быстром или весьма скором темпе. Значительная часть песен исполнялась на гуляниях, «вечёрках», «игрищах» и сопровождалась движением — пляской, игрой.

Еще в 1960-е годы исследователи отмечали, что хороводные песни встречались чаще, чем игровые, но все же бытовали не так широко, как в предреволюционные годы. На гуляниях, на свадьбах пожилые женщины еще обязательно проходились «кругом» с пением популярных песен «Вечор девки...», «Уж вы сени...», «В хороводе были мы». Хороводные песни в живой естественной форме уже не бытовали, но можно было говорить об относительной сохранности хороводно-игровых песен.

Плясовые в большей степени, по сравнению с другими песнями, являются жанром синкретическим. Приоритет над вербальным текстом здесь получают музыка и характерные плясовые движения. Поэтический текст уходит на второй план. Отличаются они мажорным, жизнерадостным тоном. В большинстве плясовых песен имеется припев, придающий песне особую веселость и музыкальную завершенность.

Если говорить об исполнителях, то следует отметить, что лирические протяжные песни принадлежат в основном женскому репертуару. Даже в казачьих селах, где тематика многих песен мужская, солдатские песни исполняются женщинами, хотя традиционно исполнение песен воинской тематики принадлежало мужчинам.

Среди носителей песенной традиции существует своя музыкальная терминология, выражающая особенности народного исполнительства, — например, последовательность вступления голосов при пении («я толстым, она, например, высоким, ну и средним потом»). Начинают песню всегда «толстым» голосом: «Я затила толстым, я должна уже и кончить». Высокий голос подхватывает песню после запева.

Большое значение исполнители народных песен придают качественной характеристике голоса, его окраске, тембру и характеру. Значение тембра особенно существенно для звучания разных по жанру песен. Поэтому лирические протяжные песни может запевать один исполнитель, а запев хороводной или плясовой поручают другому. Характерной особенностью певческой традиции Сибири и сейчас является звучание женских голосов в низком грудном регистре, на крепкой грудной опоре, отсюда и точное определение исполнителями нижнего голоса — «толстый». В некоторых селах встречается понятие «басить» — петь нижний голос, петь «грубым» голосом.

Участники ансамбля сами регулируют состав исполнителей, чтобы голоса участников подходили по тембру, по силе звучания. Чтобы мелодическое развитие в голосах проходило гармонично, необходимо «голоса разные спрямлять». Ценится умение петь, не выделяясь из общего звучания ансамбля. Нередки случаи, когда певицу с хорошим голосом в певческий ансамбль не берут, объясняя свой отказ тем, что «не так поет», «рвет песню». Поэтому в одном селе можно встретить две или несколько групп женщин, которые собираются попеть именно в данном составе. У них складывается свой любимый репертуар, свои особенности исполнения песен: «С Варварой пели, она теперь не поет. А с другими я не спою песню. Там Лушка, Польшка. Я к ним не подпоюсь. Я пою — оне подобраться ко мне не могут». «Старики» песню ощущали в целом, знали, чувствовали, куда нужно вести голос в зависимости от мелодического развития другого. И следили за тем, чтобы песня не звучала статично. В каждой певческой группе вырабатывались свои законы, приемы исполнительства.

В любом певческом ансамбле есть всеми признанный лидер поющей группы, главный «запевала». Роль его очень важна в организации певческого процесса. Однако это не значит, что все песни запекает только один исполнитель. Перед тем, как спеть песню, исполнители распределяют, кто ее «зачинает», кто «выводит». От песни к песне запевалы могут меняться. Идет и внутренняя подготовка к моменту исполнения. Перед тем, как запеть песню, исполнители распределяют последовательность вступления: «Ну-ка, Поля, ты зачни. Я, однако, не зачну». В беседе

многие обращали внимание на важность качественного запева: «Как зачнешь песню, так и выведешь, и споешь всю». Тот, кто запекает песню, ведет ее от начала до конца, определяя темп, характер исполнения. Это один из принципов организации полноценного процесса, сложившегося в народно-певческом исполнительстве.

*О. Н. Судакова,
канд. филол. наук*

Нотные записи

21. Соловей кукушку подговаривал

$\text{♩} = 108$

So - ло-вей ку - куш - ку под - го - ва - ри - вал -

по - ле - тим (а), ко - куш - ка, во зе - лё - ный сад.

Detailed description: This is a musical score for a song. It consists of two systems of music. The first system has two staves: a vocal line and a piano accompaniment line. The tempo is marked as quarter note = 108. The key signature has one sharp (F#) and the time signature is 4/4. The lyrics are: 'Со - ло-вей ку - куш - ку под - го - ва - ри - вал -'. The second system also has two staves. The lyrics are: 'по - ле - тим (а), ко - куш - ка, во зе - лё - ный сад.' The piano accompaniment features a steady eighth-note bass line and a melody in the right hand.

22. Соловей кокушку стал сговаривать

$\text{♩} = 132$

1. Со - ло-вей ко - куш - ку ста - лы) сго - ва - ри - вать:

по - ле - тим, ко - куш - ка, во тём-ный ле - сок.

2. Там со-вьем, ко - куш - ка, тёп - ло гнёз - дыш - ко,

вы - ве - дем, ко - куш - ка, двух де - тё - ны - шей.

Detailed description: This is a musical score for a song with two verses. It consists of four systems of music. The tempo is marked as quarter note = 132. The key signature has three flats (Bb, Eb, Ab) and the time signature is 4/4. The first system has two staves. The lyrics are: '1. Со - ло-вей ко - куш - ку ста - лы) сго - ва - ри - вать:'. The second system has two staves. The lyrics are: 'по - ле - тим, ко - куш - ка, во тём-ный ле - сок.' The third system has two staves. The lyrics are: '2. Там со-вьем, ко - куш - ка, тёп - ло гнёз - дыш - ко,'. The fourth system has two staves. The lyrics are: 'вы - ве - дем, ко - куш - ка, двух де - тё - ны - шей.' The piano accompaniment features a steady eighth-note bass line and a melody in the right hand.

24. Калина-малина

$\text{♩} = 84$

Ка - ли - на - ма - ли - на, я - го - да мо - я -

рос - ла я у ма - мы от - ро - ду од - на.

Detailed description: This is a musical score for a song. It consists of two systems of music. The tempo is marked as quarter note = 84. The key signature has three flats (Bb, Eb, Ab) and the time signature is 4/4. The first system has two staves. The lyrics are: 'Ка - ли - на - ма - ли - на, я - го - да мо - я -'. The second system has two staves. The lyrics are: 'рос - ла я у ма - мы от - ро - ду од - на.' The piano accompaniment features a steady eighth-note bass line and a melody in the right hand.

32. Ты подуй-ка, повеи, да мать-погодушка

$\text{♩} = 96$

1. Ты по-ду... (у)-и-ка, по-ве-(е)й, да мать по-го-ду-ш(и)-ка,
ка, раз-луй, о-и, в(и)-(э)-е-те-(е)-рок.

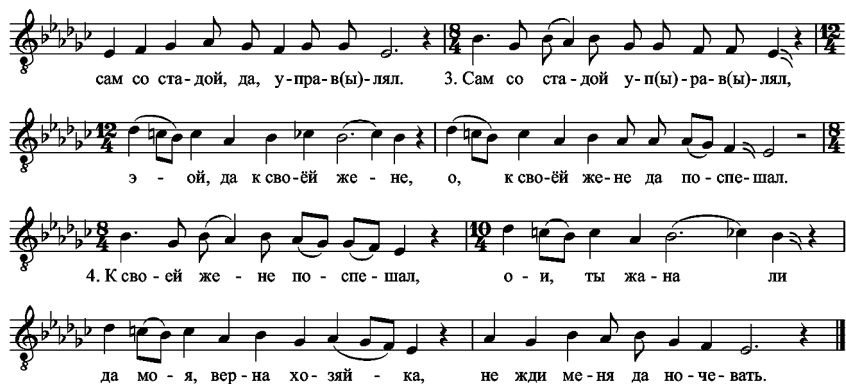
2. Раз-ду-(у)й ве-те...-...рок, да, раз-ве-сё...
(о)-ла-я, ой(е) да ка-м(ы)-па...-...ни-сй-ка, ох,
где мой ми-ле-ни-кай да, п(ы)-ёт.

3. Где мой ми...-...ле-н(и)-кай да, пьё-(о)т, да, уж он пи...
(э)-еть-то не пьё-(о)т, да, го-лу-б(ы)-чи-к(ы) мой, ох,
за м(ы)-ной...-...мла-до-(и), да, ш(и)-лёт.

33. Пастушок ли да мой, пастушочек

$\text{♩} = 108$

1. Па-сту-шок ли да мой, па-сту-шо-(о)-чек,
э-эй, да за-ду-ше...-...(э)-м(ы)на-и, м(э)-ли-э-нень-кий, ай-да дру-жо-чек, ой, ни спо-кинь ли
ме-ня, Ма-шу, од-ну-ю. 2. Ме-ня, Ма-шень-ку, о-л(ы)-ну-ю.
Ой, я ту-да ли, а-и, да бро-са-л(ы)-ся,

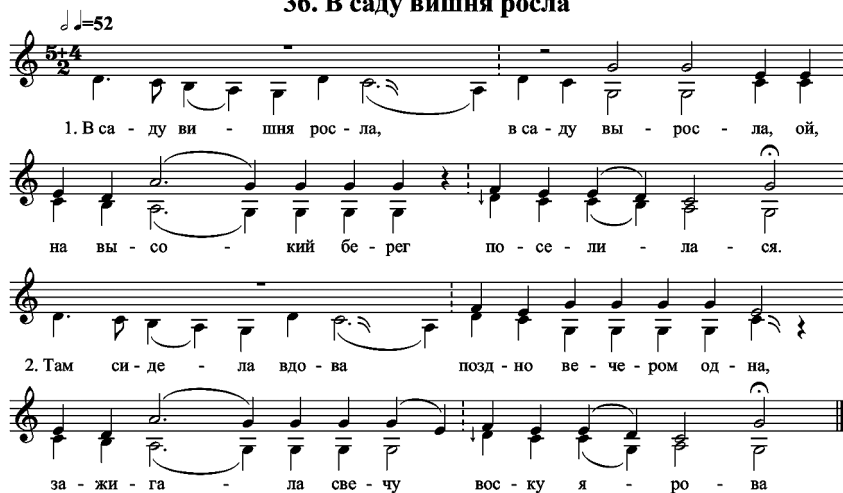
сам со ста-дой, да, у-пра-в(ы)-лял. 3. Сам со ста-дой у-п(ы)-ра-в(ы)-лял,
э - ой, да к сво-ей же - не, о, к сво-ей же-не да по - спе - шал.
4. К сво - ей же - не по - спе - шал, о - и, ты жа - на ли
да мо - я, вер - на хо - зяй - ка, не жди ме - ня да но - че - вать.

35. В саду груша росла

♩=66
1. В са - ду гру - ша рос - ла, в са - ду вы - рос - ла.
На вы - со - (о)-кий те - рем спо - хи - ли - ла - (а)-ся.
2. Там си - де - ла вдо - ва - (а) позд - но ве - че - ром од - на,
за - жи - га - (а) - ла све - чу вос - ку я - ро - (о)-ву.

36. В саду вишня росла

♩=52
1. В са - ду ви - шня рос - ла, в са - ду вы - рос - ла, ой,
на вы - со - кий бе - рег по - се - ли - ла - ся.
2. Там си - де - ла вдо - ва позд - но ве - че - ром од - на,
за - жи - га - ла све - чу вос - ку я - ро - ва

38. Ой, что это во нашем-то во городе

$\text{♩} = 72$

1. Ой, что э-то во на-ше-м(ы) - то во... во го - ро - де да
 жить - то ве - (е) - се - ло. 2. Жить - то ве - се -
 ло, э - ох, жить-то да ве-се - ло да во го - ро - де да
 лю-бить есть, есть ко - го. 3. Лю - бить есть, есть ко -
 го, э - ох, спо - лю - бил па - ре-н(и) да дев -
 чо - но - чку, да, ра-э(ы)-мо-ло - (о) - день - ку.

41. Уж ты сад, ты мой сад, сад зелененький

$\text{♩} = 80$ Свободно

1. Уж ты са - ад, ты, мой сад, сад зе - лё - (о) - не - нь - кий,
 ты за - чем ра - но цве - тѐ - (о)шь, о - сы - па - е - (е) - ешь - ся?
 Ты ку - да, ми - лый мой - ой, со - би - ра - ешь - ся?
 2. Не во путь ли то в по - ход во до - ро - жен - ньку,
 ты со все - ми лю - дми - и рас - про - ща - ешь - ся.
 3. А со мно - ю мо - ло - дой всё ру - га - (а) - е - ешь - ся.
 Ой, не ру-гай - ся, не бра-ни, ска-жи "Ми - ла - я, про - щай".

42. Брала, брала ягодку, земляничку, ой

$\text{♩} = 86$

1. Бра - ла, бра - ла я - го - дку, зем - ля ни - чку, ой,
на - ко - ло - ла но - жень - ку на бы - ли - ин - ку.

2. На - ко - (о - и - э) - ла но - (о) - жень - ку на бы - ли - н(ы) - ку, о - и,
бо - лит мо - я, да, но - жень - ка, да не бо - л(е) - но.

3. Бо - лит, бо - (и - э - я) но - (о) - жень - ка, да не бо - (э) - ль - но, эй, о - и,
лю - бит ме - ня, да, ми - и - лень - кой да не до - л(ы) - го.

45. Говорели, да, мне подружки

$\text{♩} = 104$

1. Го - во - ре - (е) - ли, да, м(ы) - не по - дру - жки: пе - ре - стань
дру - жка лю - бить. 2. Ой, да лю - бить о - я не слу - (у) -

ша - (а) - лась под - ру - (у) жек, на - ча - ла е - го лю -

бить. 4. Ой, да про - жи - вём, мой ми - лой, про - сьба сьбе не при -

ма - (а - а) - ет, сам възды - ха - (а) - ет, да, тя - же - ло.

46. При компанье, да при гулянье

$\text{♩} = 144$

1. ... гу - ля - ань... па-ре-н(и) де-(и-е) - ви-цу об-нял. 2. Да, об-нял. Ох,
раз-дев-чо - ноч-ке стыд-но ста - ал..., ста-ла пла-(и-я) - кать и го - ре - вать.

3. Го - ре - вать. Ох, рас - пар - ни - шеч - ке ста - ло жа - ал - ко,
стал дев - чо - ноч - ку у - ни - мать. 4. У - ни - мать. Ох,
не пла ч(и), де-ви ца, не плачь, кра (и)-ас-на, не плачь, лу-(и-у)-ше-ч(и)-ка мо-я.

47. Ох, я молодка, молодка, молоденькая

$\text{♩} = 124$

1. Ох, я мо-лод-ка, мо-лод-ка мо-ло-день-ка - я, ой, го-лов-ка тво-я да
спо-бед-не-н(и)-ка - я. 2. Го - лов-ка тво-я да (ы)-
по-бе-д(ы)-нень-ка - я, ох (а), не скем да мне, мо-лод-ке, ноч-ку но - че-вать.

50. Погасай-ка, мать, лучиночку

$\text{♩} = 108$

1. По - га - сай-ка, мать, лу - чи - (е) - ноч - ку, са - ма ля - (я) - гу
спать. 2. Са - ма ля - (я) - гу спать. Ой (е) да-ли пер - вай
сон, от я за - сну - (ю)-(а) - ла, да без ми - ло - го, без друж - ка.
3. Без ми - ло - го, без друж - ка, ай (е), да - ли вто - рой
сон, от я за - сну - (ю)-(а) - ла, да без хо - ро -(а)-(ё)-ше - (ва) - го.

57. Он меня не пожалеет

$\text{♩} = 128$

Он ме - ня не по - жа - ле - ет, Да ни - (и) ко -
му ме - ня, дев - ку, не жаль. Ни - ко - му ме - ня не жаль, ни - кто судь -
бы мо - ёй не зна - ет. Да не - (е) с кем раз - де - лить го - рё пе - чаль.

76. Катитесь, мои вёдерцы, с реки, да, до реки

$\text{♩} = 112$

1. Ка - ти - тесь, мо - и вё - дер - цы, сре - ки, да, до ре - ки, за - чер - пни - тесь,
вё - дер - цы, пол - ным - по - л(ы) - но. 2. За - чер - пни - тесь, вё - дер - цы, пол -
ным - пол - но, пол - ным - пол - но да скра - я - ми ров -
но. 5. Ка - ти - тесь, мо - и вё - дер - цы, сре - ки, да, до ре -
ки, за - чер - пни - тесь, вё - дер - цы, пол - ным - по - л(ы) - но.

81. Ох, у всех-то мужья молодые

$\text{♩} = 104$

1. Ох, у всех - то мужь - я мо - ло - ды - я, ой, слов - но я - год -
-ки на - ли - ты - я. 2. А у ме - ня му - жи - чи ще ста - ри -
чи - ша, ох, не от - пус - тит ста - ри - чи ще на гу - льян - е.
3. Ох, я ук - рад - кой от ста - ро - го хо - ди - ла,
ох, я бе - ли - ла ру - мя - на у - но - си - ла.

84. Ой, да на нынешний ой, да денёчек

Ох, да за-мёрз то нень - ка и да ле - до - - че - к(э),
на льду де... на льду де-вух-ки сто - я - ли.

85. Ой, дорожка-дороженька

Ой, де рож ка, до ро жень ка ши - ри - ной - то не ши -
ро - (о) - ка. До - ли - ной-то не из - ве - стна, что ни-к(э)
то спо ей не хо - лит. Толь - кя у - шли, про-шли два ор -
ла - (э) - то. Два о - р(ы) - ла - то мо - ло - ды - я.

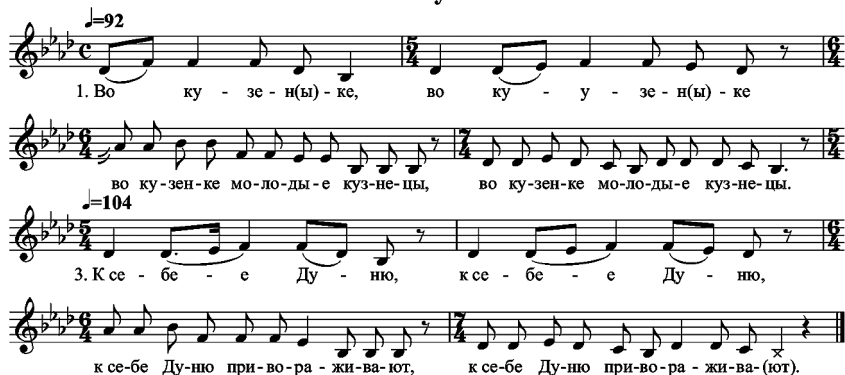
89. Во лужях

1... Во -(а-а) лу зя (а) ах, да, во -(э-о)-лу-зях; во лу зях, лу-зях, во зе-ле-ных лу-зях,
во лу - зях, лу - зях, во зе - ле - ных лу - зя - ах, да.
2. Вы... вы - ро - с(ы)-ла (да-ла-э) вы-ро-с(ы)-ла, вы-рас-тай, тра-ва шёл-ко-ва-я,
вы-рас-тай, тра-ва шёл-к(ы)-ва-я а да. Ра... аз, два, три, да, ра..., э, раз, два, три,
раз, два, три, че-ты-ре, пять, шесть, семь, раз, два, три, че-ты-ре, пять, ше-сть, семь.
3. Ра -(и-а)сц-ве-ли, да, ра -(э-а)-асц-ве-ли, рас-цве-ли цве-ты ла-зо - рье-вы-я.

рас-ще-ли цве-ты ла-зо-рье-вы-я а да, ра... аз, два, три, да, ра... (з), раз, два, три,
раз, два, три, че-ты-ре, пять, шесть, семь, раз, два, три, че-ты-ре, пять, ше-сть, семь.

92. Во кузенке

$\text{♩} = 92$
1. Во ку - зе - н(ы) - ке, во ку - у - зе - н(ы) - ке
во ку-зен-ке мо-ло-ды-е куз-не-цы, во ку-зен-ке мо-ло-ды-е куз-не-цы.

$\text{♩} = 104$
3. К се - бе - е Ду - ню, к се - бе - е Ду - ню,
к се-бе Ду-шо при-во-ра - жи-ва-ют, к се-бе Ду-шо при-во-ра - жи-ва-(ют).

93. Во куй... во кузнице

$\text{♩} = 120$
1. Во ку - уй..., во ку - уз - ни - це, во куй..., во ку - уз - ни - це.
В э-той куз-не мо-ло-ды-е куз-не-цы, да, в э-той куз-не мо-ло-ды-е куз-не-цы.

2. Ку - ю - (у) - ут, ду - ю - ут, ку - ют у - ут, ду - ют.
Ку-ют, ду-ют, при-на - ва - ри-ва-ют, ку-ют, ду-ют, при-на - ва - ри-ва-ют.

3. Чу - жих, чу - жи - их - то жён, чу - жих, чу - жи - их - то жён,
чу-жих жён и при-на-хва-ли-ва-ют, чу-жих жён и при-на-хва-ли-ва-ют.

99. Сидит дрёма

$\text{♩} = 112$
1. Си - ди - ит дре - ма, си - ди - ит дрё - ма.

Ой, си - дит дрё - муш - ка на стуль - чи - ке,
 си - дит дрё - муш - ка на стуль - чи - ке. 2. Вста - ва - ай, дрё - ма,
 вста - ва - ай, дрё - ма. Вста - вай, дрё - муш - ка, прос - нись, про - бу - дись,
 вста - вай, дрё - муш - ка, прос - нись, про - бу - дись.

111. Уж вы сени, мои сени, сени новые мои

$\text{♩} = 104$

1. Уж вы се - ни, мо - и се - ни, се - ни но - вы - я мо -
 и, се - ни но - вы - я кле - но - вы - я ре - шет - ча - ты -
 я. 4. Мне ми - ла друж - ка за ру - чень - ку не ва - жи - ва -
 ти, и вы - хо - ди - ла мо - ло - да за но - вы - я во - ро - та.

115. Бежал Ваня да горопился

$\text{♩} = 104$

1. Бе - жал Ва - ня да то - ро - пил - ся, Ка - рин мос - тик под - ло - мил - ся.
 На Ва - ню бе - да, ой, на Ва - ню бе - да, ой. 2. Ми - ла, да, под - ско -
 чи - ла, за ру - чон - ки под - хва - ти - ла, зва - ла Ва - ню в лес, ой,
 зва - ла Ва - ню в лес. 3. Пой - дем, Ва - ню - шка, в ле - со - чек на ми -
 нут - ку да на ча - со - чек, ся - дем под кус - ток, ой, ся - дем под кус - ток.

116. Ох, у всех-то мужья добры

$\text{♩} = 116$

1. Ох, у всех-то мужь - я доб - ры, на - ку - пи - ли же - нам ко - в(ы) - ры, на - ку - пи - ли же - нам ко - вры, на - ку - пи - ли же - нам бо - б(ы) - ры. 2. А мой-то му - же - нек, ду - ра - чок, он ку - пил мне ко - ро - вуш - ку, он ку - пил мне ко - ро - вуш - ку, да, на - вя - зал лиш - ню за - бо - туш - ку.

3. Уж я пья - на - я не пья - на - я бы - ла, да, уж я пья - на - я до - мой приш - ла, уж я пья - на - я до - мой приш - ла, я ко - кош - ни - чек в ру - ках при - нес - ла.

121. Во пиру-то была

$\text{♩} = 69-160$ poco a poco accelerando

1. Во пи - ру - то бы - ла, да, во бе - се - ду - шке, эх, не ви - на - то пи - ла, да, креп - ку во - доч - ку.

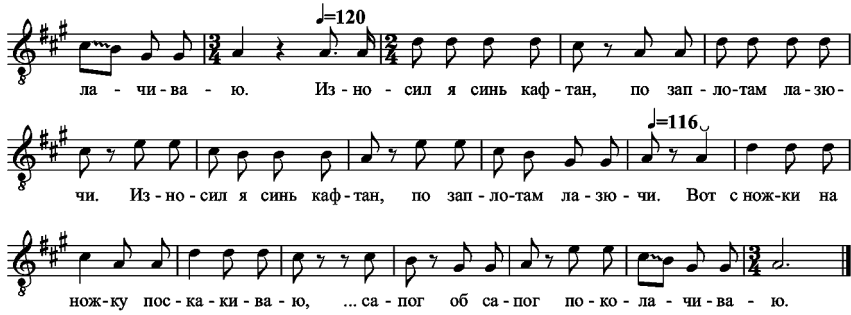
126. Вот с ножки на ножку поскакиваю

$\text{♩} = 112$

Вот с нож - ки на нож - ку пос - ка - ки - ва - ю, а са - пог об са - пог по - ко - ла - чи - ва - ю. Из - но - сил я са - по - ги, да за дев - чон - кой хо - дя - чи, из - но - сил я чер - ну шля - пу под ка - пе - льяй ста - ю - чи.

$\text{♩} = 116$

С нож - ки на нож - ку пос - ка - ки - ва - ю. Вот са - пог об са - пог по - ко -

 ла - чи - ва - ю. Из - но - сил я синь каф - тан, по зап - ло - там ла - зю -
 чи. Из - но - сил я синь каф - тан, по зап - ло - там ла - зю - чи. Вот с нож - ки на
 нож - ку пос - ка - ки - ва - ю, ... са - пог об са - пог по - ко - ла - чи - ва - ю.

128. Ой, по тебе, моя Подгорна

 по те - бе, мо - я По - д(ы) - го - р(ы) на, да, о - х(а), я по - сле - д(ы) - ний да раз хо -
 жу, трай - ли ли ли ли ли ли ли... трай - ли... да раз хо - жу.

129. Ой, комаринской, комаринской мужик

 2. Ой, ка - пуст - ка рас - са - ду - ш(и) - ка, да на ме - ня, ми - лой, до - са - ду - ш(и) - ка.
 3. Вот до - са - душ - ка, до - са - да не - ма - ла, да не про - во - дит до па - рад - но - го крыль - ца.
 4. До па - рад - но - го кры - ле - чу - ш(и) - ка, за - бо - лит мо - ё сер - де - чуш - ко.

130. Барыня, барыня

 Ба - ры - ня у - го - ре - ла, мно - го са - ха - ру по - е - ла,
 фу - ты, ну - ты, ба - ры - ни, да вот мо - и су - да - ры - ни.

131. Ты Бобреха, да я Бобров

 Ты Боб - ри - ха, да я Боб - ро - в(ы), завт - ре празд - ни - чек Пок - ров.
 На - у - чи - ла да нас Боб - ри - ха по Са - ра - то - ву гу - лять.

Что Са-ра - тов го-род слав-ный, на ре-ке сто-ял боль-шой.

136. Вот приехали два брата

1. Вот при-е-ха-ли два бра-та из де-рев-ни в Пе-тер-бург. Ой, Дер-вень, Дер-вень, Ка-лу-га,

Дер-вень, Ла-ду-га мо-я. Ой, Дер-вень, Дер-вень, Ка-лу-га, Дер-вень, Ла-ду-га мо-я.

2. Од-но-го зо-вут Е-ре-ма, а дру-го-го звать Фо-ма. 4. Вот Е-ре-ма за-пел ба-сом,

а Фо-ма за-пел аль-га. 5. Вот Е-ре-ма ку-пил лод-ку, а Фо-ма ку-пил чел-нок.

6. У Е-ре-мы лод-ка сдыр-кой, у Фо-мы чел-нок без дна. 7. Вот Е-ре-ма стал то-нуть,

Фо ма за но-ги тя-нуть. 8. Вот Фо ма по-шел на дно, а Е-ре-ма там дав-но.

141. Все мы песни перепели

1. Все мы пе - (е)-сни пе - ре - пе - ли, все мы пес - ни пе - ре - пе -

ли, эх, пе - ре - пе - ли, пе - ре - пе - ли, пе - ре - пе - ли. Пе - ре - пе - ли,

пе - ре - пе - ли, пе - ре - пе - ли, эх. 3. По - ле - те - ел наш ко - ма - ро - чек,

по - ля - тел наш ко - ма - ро - чек, ох, ко - ма - рок, ко - ма - рок,

ко - ма - ро - чек, эх, ко - ма - рок, ко - ма - рок, ко - ма - ро - чек, эх.

142. Комара муха любила

$\text{♩} = 116$

Ко - о - ма - ра - а му - ха - а лю - би - ла, ох, ох,
ко - ма - ра му - ха лю - би - ла и ку - мы - сом на - по - и - ла. Пьян!

148. У Ивана у болвана жена пряльня была

$\text{♩} = 100$

1. У И - ва - на, у бол - ва - на, же - на пряль - ня бы - ла. О - на
день пря - ла по ни - точ - ке, пять де - он - ве - ре - тён.
2. О - на день пря - ла по ни - точ - ке, пять дён - ве - ре -
тён, что не де - ля - ку - де - ля, что го - док - мо - ток.

160. Не ухаживаю я, милёнок, извиняюсь

$\text{♩} = 80$

1. Не у - ха - жи - ва - ю я, ми - лё - нок, из - ви - ня - ю - ся. Ой, да - а
ти да, ти да, дай да, ти да, ти да, дай да, ти да, ти да, дай да, да.
2. Во - пер - вых, я не у - ме - ю, во - вто - рых, стес - ня - ю - ся. Ой, да - а,
ти да, ти да, дай да, ти да, ти да, дай да, ти да, ти да, дай да, да.

162. Берёзка, берёзонька

О - х(ы), ты за - чем ра - но рас - ки - (и) - ну - лась да
не са - ма со - бой рас - ки - ну - лась. О - х(ы)

раз - мо - чи - ли да час - ты дож - дич - ки да со гро - ма - ми
со гре - му - (у) - чи - мя. Рас - ки - да - ли да вет - ры
буй - ны - я, да, раз - мо - чи - ли час - ты дож - дич - ки.

164. Подходила наша свахонька

$\text{♩} = 112$

1. Под - хо - ди - ла на - ша сва - (а) - хо - н(и) - ка,
под - хо - ди - ла, речь го - во - ри - ла, да.
2. Со - би - рай - ся, ты на - ша у... ум - ни - ца, да
во чу - жу да... л(и) - ну сто - ро - ну - шку, да.

168. При долине куст рябиновый стоял

Речитативно Мерно $\text{♩} = 66$

При до - ли - не куст ря - би - но вый сто - ял. Э - ой, да как на
том ы то на кус - те со - ло - вей пташ - ка да по - ёт.
Речитативно Мерно $\text{♩} = 66$
Со - ло - вей пташ - ка по - ёт. Э - ой, да горь - ку

я го - ду ря - би... он ря - би - нуш - ку да клю - ёт.

171. У Ивана-го на широком на дворе

$\text{♩} = 132$

1. У И - ва - на то на ши - ро-ком на дво - ре да вы - рас - та - ет
ки - па - ри - (и) - сов куст. 2. Вы - рас - та - ет ки - па - ри -
(и) - сов куст, да что на э-том ки - па - ри-со-вом кус - ту.

181. Полежи, гривна, на блюдечке

$\text{♩} = 116$

1. По - ле - жи, грив-на, на блю - деч - ке, да на се -
ре - бря-ной та - ре - (е)-лоч-ке, да по - гос - ти, го-стья, ма -
лё - ше-н(и)-ко, да у ро - ди - мо-го у ба - тю- ши - ки.

182. Ой, ёвон, ёвон женихи

$\text{♩} = 120$

1. Ой, е - вон, е - вон же-ни-хи, ой, е - вон, е - вон же-ни-хи,
на крас-но крыль-цо взош-ли, да, на крас-но крыль-цо взош-ли.
2. Ой, е - вон, е - вон же-ни-хи, ой, е - вон, е - вон же-ни-хи,
за ду - бо - ву дверь взя-лись, да, за ду - бо - ву дверь взя-лись.

187. Ой, ласточка, да ты касаточка

$\text{♩} = 116$

Ой, лас-точ-ка, да ты ка - са - (а) - точ - ка, ой

си - за бе - ла пе - ре - пё - (о) - лоч - ка. Ой,
ты за - чем ра - но вы - лё - (о) - ты - вашь да
из сво - ё - го тёп - ла - го гнез - душ - ка.

189. Катилося ясное солнце за горья

$\text{♩} = 160$

Ка - ти - ло - ся яс - но - е солн - це за горь - я, ой, ка - ти - ло - ся
яс - но - е солн - це за горь - я. Про - си - ла - ся мла - да дев - чон - ка
с за - столь - я, ой, про - си - ла - ся мла - да дев - чо - ны - ка с за - сто - ли - я.

190. А мы поедem во новые да города

$\text{♩} = 84$

А мы по - е - дем во но - вы - е да го - ро - да, мы за - ку - пи - м(ы)
шёл - ко - вы - е - (э) - (е) да не - во - да. Мы за - ку - пим
шёл - ко - вы - е да не - во - да, мы за - ки - нем да во си - не - (е) -
(е) - я да во мо - ря. Мы за - ки - нем во си - ни - е да
во мо - ря. Пой - ма - ем да бе - лу ры - (ы) - бу да о - ку - ня.

192. Ты соколик, соколин сын

$\text{♩} = 126$

Ты со - ко - лик, со - ко - лин сы - ны),
бе - ло - кры - (ы)ль - ча - той, И - ва - ны то су - да - (а)рь, да,

бе - ло - крыль - чи - той Е - фимч от су - да - (арь, да.

194. Мимо саду, мимо зеленого

$\text{♩} = 120$

Ми-мо са-ду, ми-мо зе-ле-но-го шли-прош-ли сол-да-ты (ы),
ми - мо са-ду ми-мо зе-ле-но-го шли-про-шли сол-да-ты.
Шли сол-да-ты, шли ре-бя-ты, пар-ни мо-ло-ды - я (и), ой,
шли сол-да-ты, шли ре-бя-ты, пар-ни мо-ло-ды - я.

195. Ой, дорожка моя да приукатанна

Ой, до-ро-жка мо-я, да при-у-ка-(е) - -
е - (э) - (е)-(ю)-ка-тан-на, э, ах да чёр-ным ба-р(ы)-
ха-том о-на уст-ла... э - эй, уст-лан-на - я.
Уст-ла-(а)н-на-я, э - ох да, что ни-кто -
то по е-ю не про-ха... э - ой, про-ха-жи-вал.

199. Последний нынешний денёчек

Свободно $\text{♩} = 50$

1. Последний ны-неш-ний де-нё - че - ек гу - ля - ю
сва-ми я, дру - зья. 2. А зав-тра ра-но, чуть све-то -
че - ек, за - пла - чет вся мо-я семь - я. 3. За - пла - ча - ат

бра-тья, мо - и се - стры, за - пла - чет мать и мой о - тец.

221. Ой, поля, вы поля

$\text{♩} = 92$

Ой, по - ля, вы по - ля, да вы ши - ро - ки по - ля.
 Как на вас, на по - лях, у - ро - жа - я не - ма. Толь - ко
 есть у - ро - жай, да ку - че - ря - ва да вер - ба, а под э -
 той вер - бой сол - дат ра - нен ле - жит.

229. Во городе в Харькане

$\text{♩} = 80$

В го - ро - де в Харь - ка - не, ой, та - м(ы) ста - (е) - (а) - ло ды - м(ы) - но.
 Та - м(ы) ста - (е) - (а) - ло ды - м(ы) - но, да ни - ко - го - (а) не ви - д(е) - но.
 Толь - ко ви - де - но бы - ло, слы - ш(е) - но ка - мен - ны па - ла - (а) - ти.
 Ой, что во э - тих во па - ла - тях, да мать об сы - не пла - чет.

242. Заря зазарила в зеркальные воды

$\text{♩} = 63$

1. ...а за - за - ри - лась в зер - каль - ны - е во - ды, где сми - лой си -
 де - ли вдво - ем. 2. Так ти - хо, так не - жно за - би - ло - ся
 сер - дце, за - быть не мо - гу я е - го.

256. Осыпаются листья осенняя

$\text{♩} = 63$

1. О - сы - па - ю - тся ли - стья о - сен - ни - я
хо - ро - ша э - та но - чка в ле - су.

2. И вы - ру - чай ме - ня, но ч(и) - ка тѣ - мна - я,
я - а де - ся - тый го - до - чек си - жу.

274. Вниз по Волге-речке, Волге-матушке

$\text{♩} = 108$ $\text{♩} = 92$

1. Вниз по Во - (о) - лге ре - ке, Вол - ге - ма - ту - шке.
Ой, сна - ря - жен стру - жок, как стре - ла (эй ха) ле - тит.
Сна - ря - жен стру - жок, ох, как стре - ла (э - а) ле - тит

2. Как на то - ом на стру - жке на - сна - ря - жен - ном
у - да - лых гре - бцов со - рок два (э - а) си - дят.
У - да - лых гре - бцов ой, со - рок два си - дят.

285. У церкви кареты стояли

$\text{♩} = 96$

1. У цер - кви ка - ре - ты сто - я - ли, там пыш - на - я свадь - ба бы - ла.

2. Все гос - ти на - ряд - но о - де - ты, не - вес - та, как ро - за, цве - ла.
На ней бы - ло бе - ло - е плать - е, фа - та и вос - ко - вый ве - нок.

10. Те - перь уж, бед-няж-ка, в мо-ги - ле о-ты-щег о-на свой по-кой.

307. Раз полоску Маша жала

2. О - на жа - ла, при - ус - та - ла, на сно - поч - ке за - дре - ма - ла
у до - рож - ки, эх, да у до - рож - ки.

3. Шёл ка - за - чек из по - хо - да, он не сна - ше - го на - род - ла,
из Кав - ка - за, эх, да из Кав - ка - за.

319. Стоит гора высокая

1. Сто - ит го - ра вы - со - ка - я, за той го - рой дру - га.
2. Те - чет ре - ка глу - бо - ка - я, кру - ты - е бе - ре - га.

327. Ой, да как по новой да по светлице, да

Ой, да как по но - во-(и) да по свят-(э)-ли-це, да ка-к(э) по но - ва-й(е)
по свят-ли-це, ды мо-ло-дой пан гу - ля-(а)-(о)-(е)т-(э), мо-ло-дой пан гу -
ля - я ох, мо - ло - дой пан гу - ля - (я).
За со-бо-ю пань-ю во - дя, за со-бо-ю па - нью во - (о)-дя.

Комментарии

Крестьянская лирика

Колыбельные песни

1. Ой, спи, моё дитё. Записал В. П. Зиновьев в 1969 г. от Марии Сергеевны Коняшиной, 1893 г. рожд., в с. Мироново Шилкинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 16, м/л 6.

2. Баю-баюшки-баю. Записал В. П. Зиновьев в 1974 г. от Августы Кирилловны Зиновьевой, 1919 г. рожд., в г. Нерчинске Читинской обл. Зиновьев V, № 7. **Вар.:** Зиновьев V, № 66, 8, 9 — Нижняя Куэнга-1974, Фирсово-1977, Шелопугино-1981. **Ср.:** Шейн, № 3, 4; Новг., № 273; Гуревич-Элиасов, № 1951, 1955; Тува, № 163.

3. Петя-петя-петушок. Записал В. П. Зиновьев в 1974 г. от Августы Кирилловны Зиновьевой, 1919 г. рожд., в г. Нерчинске Читинской обл. Зиновьев V, № 17. Вариация песенки лисы из сказки «Кот петух и лиса» (СУС, № 61В). **Ср.:** Соболевский, IV, № 717.

4. Баю-бай, баю-бай. Записал В. П. Зиновьев в 1974 г. от Августы Кирилловны Зиновьевой, 1919 г. рожд., в г. Нерчинске Читинской обл. Зиновьев V, № 3. **Вар.:** Зиновьев V, № 2а, 2б, 4 — Фирсово-1977, Шелопугино (2)-1981.

5. Баю-баеньки-баю. Записал В. П. Зиновьев в 1974 г. от Августы Кирилловны Зиновьевой, 1919 г. рожд., в г. Нерчинске Читинской обл. Зиновьев V, № 13. **Вар.:** Зиновьев, V, № 14 — Пешково-1979. **Ср.:** Новг., № 267; Тува, № 164.

6. Приди, котик, ночевать. Записали Н. Бобовская, О. Сокольниковая в 1979 г. от Наталии Петровны Буздугар, 1915 г. рожд., в с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 19. **Ср.:** Киреевский, № 1101; Шейн, № 20; Новг., № 254, 256; Бахтин, № 1722; Элиасов 1963, № 359.

7. Ай, качи-качи-качи. Записали В. Жеглова, Е. Косолапова, П. Сапунова, Н. Суковкина в 1975 г. от Тамары Григорьевны Шатковской в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1. **Ср.:** Бахтин, № 1736.

8. Баю-баю-баюшки. Записал В. П. Зиновьев в 1974 г. от Августы Кирилловны Зиновьевой, 1919 г. рожд., в г. Нерчинске Читинской обл. Зиновьев V, № 5.

Песня состоит из двух частей: зачина-колыбельной и кумулятивного продолжения (цепь ответов на вопросы). Близкие варианты, но с другими зачинами, часто бытуют как святочные песенки-колядки, детские потешки или сказки-анекдоты (СУС, № 2016*). **Вар.:** Зиновьев V, № 6, 6а — Аргун-1977, Курумдюкан-1980. В другом забайкальском варианте иное начало:

- Чей нос? — Саввин.
- Куды ходил? — Славил.
- Кого выславил? — Копеечку.
- А копеечка где? — На столбе.
- А столб где? — Вода утопила <...>

(Записала Н. Скобёлкина в 1977 г. от Анны Максимовны Китаевой, 1914 г. рожд., в с. Аргун Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 6, м/л 53).

Ср.: Якушкин I, № 596; Шейн, № 42, 92, 95, 98; Бардин, № 1; Башк., № 41; Новг., № 279, 280; Бол.-Мель. 1981, № 38, 91, 92; Русские сказки Забайкалья / изд. подгот. В. П. Зиновьев. — Иркутск, 1983. № 103.

9. Баю-баюшки-баю. Записал В. П. Зиновьев в 1974 г. от Августы Кирилловны Зиновьевой, 1919 г. рожд., в г. Нерчинске Читинской обл. Зиновьев V, № 10. **Вар.:** Зиновьев V, № 9а, 9б, 11, 12 — Дунаево-1974, Пешково-1979, Шелопугино (2)-1981. **Ср.:** Бахтин, № 1729; Гуревич-Элиасов, № 1953.

10. Ой, дуду-дуду-дуду. Записали Г. Горянова, И. Мазур, М. Саванжа в 1977 г. от Ирины Судаковой, 1961 г. рожд., в с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 15. **Вар.:** Зиновьев V, № 14а — Шелопугино-1981. **Ср.:** Шейн, № 108, 111–113; Тува, № 178, 179.

11. Ай, люли, ай, люли. Записала Л. Новикова в 1977 г. от Екатерины Евсеевны Пешковой, 1902 г. рожд., уроженки Калужской губ., в пос. Оловянная Читинской обл. Зиновьев V, № 2. **Ср.:** Тува, № 168.

12. Сидит кошка на окошке. Записал В. П. Зиновьев в 1981 г. от Татьяны Зиновьевны Балагуровой, 1899 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 19а. **Вар.:** Зиновьев V, № 19б — Дунаево-1974. **Ср.:** Шейн, № 81.

13. Спи, младенец, баю-бай. Записал В. П. Зиновьев в 1981 г. от Фёдора Абрамовича Балагурова, 1903 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 22а.

14. Спи, спи, усни. Записала Лопущкая в 1974 г. от Татьяны Любиной, 1965 г. рожд., в с. Нижняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 24.

Протяжные любовные и семейные песни

15. Пропивают да золоту казну. Записали А. Кукса, Н. Скобёлкина, М. Эссерт в 1978 г. от Анны Петровны Астафьевой, 1917 г. рожд., Марии Яковлевны Харинной, 1910 г. рожд., Настасьи Фёдоровны Скоблицыной в с. Кактолга Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 144.

Приведённый отрывок, возможно, является фрагментом баллады «Молодец и Горе», создание которой относят к XVII в., или производной от неё песни о молодце в кабаке (Чернышев, № 142, 299). Сюжеты эти встречаются редко, сведений о бытовании их в Сибири пока не найдено. **Ср.:** Повесть о Горе-Злочастии / изд. подгот. Д. С. Лихачев, Е. И. Ванеева. — Л., 1984. С. 55–56, 59.

16. Из-под камушка, из-под белого [Муж губит жену]. Записала Л. Кустова в 1975 г. от Лины Ивановны Губановой, 1926 г. рожд., в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 82.

Эта баллада известна в многочисленных записях по всей России. Исследование сюжета: Чернышев, с. 445–446, Балашов, с. 393–394. Отличительной особенностью некоторых сибирских записей является косвенное указание на причину убийства: жену губит не просто «молодец», «донской казак» или «молодой майор», как в большинстве других вариантов, а «ревнивый муж» (см. также Элиасов 1963, № 141; Элиасов 1966, № 103). **Ср.:** Киреевский, № 1851, 1903; Языковы, № 216–220; Якушкин I, № 262, 263; Шейн, № 903–909; Соболевский I, № 97–122; Соколовы, № 441; Чернышев, № 224; Листопадов III, № 164, 165;

Балашов, с. 144–146; Бардин, № 186; Путилов, № 13; Башк., № 182, 183; Мезень, № 16; Новг., № 8; Пушк., № 25; РЭПС, № 138, 139, 242, 243; Элиасов 1969, № 85; Тува, № 132.

17. Как у мужа жена была [Жена сжигает мужа]. Записали А. Кукса, А. Порошина, М. Соловьёва в 1977 г. от Анны Петровны Астафьевой, 1917 г. рожд., Марии Яковлевны Хариной, 1910 г. рожд., в с. Кактолга Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 89. Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется, начальное «ой, да» при этом опускается.

Помимо этой редкой баллады известна протяжная песня на тот же сюжет, часто с запевами «Соловей мой, соловьюшка, соловейка молоденький» или «Рябина, рябинушка, рябина кудрявая». Ср.: Киреевский, № 2205; Шейн, № 612, 613; Соболевский III, № 139–142; Чернышев, № 206, 207.

18. Ах, ты зимонька-зима [Жена вешает мужа]. Записали И. Девятловская, К. Новосёлова в 1977 г. от Анны Викторовны Бочкарниковой, 1912 г. рожд., в с. Бори Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 81.

Эта лирическая баллада бытует и как плясовая или игровая песня. На «шуточный, гротескный характер текста» указывает Е. В. Гиппиус (Пинежье, с. 423), там же указаны варианты в публикациях конца XIX — начала XX вв. Ср.: ЛН, с. 430; Якушкин I, № 186; Шейн, № 889; Листопадов II, № 178, Чернышев, № 208; Пинежье, № 38, 48; Башк., № 53; Печора, № 53; Новг., № 9; Пушк., № 29; Элиасов 1963, № 142, 331; РЛПС, № 100.

19. Вниз по руслу быстра речка протекла [Девушка родила сына и бросила его в воду]. Записали И. Девятловская, К. Новосёлова в 1977 г. от Анны Викторовны Бочкарниковой, 1912 г. рожд., в с. Бори Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 33.

Эта песня балладного типа перекликается с балладами о монашенке-матери ребёнка: монашенка («полячинька», незамужняя девушка) бросает своего ребёнка в реку, рыбаки разоблачают её (ВБ, № 22, 23). Ср.: Киреевский, № 1444; Соболевский I, № 177; Чернышев, № 240; Листопадов III, № 163; Балашов, с. 166–167; Элиасов 1966, № 101. Близкий вариант с зачином «Тега, тега, гуси серые, домой»: Кубань, № 165. См. также № 20 наст. сб.

20. Как пойду я до Дуная по воду [Девушка родила сына и бросила его в воду]. Записали А. Кукса, Н. Скобёлкина, М. Эссер в 1978 г. от Анны Петровны Астафьевой, 1917 г. рожд., Елизаветы Степановны Абрамовой, 1926 г. рожд., Нины Тимофеевны Савиной, 1928 г. рожд., в с. Кактолга Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 84. Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется. Ср.: Нерчинск, с. 100. См. коммент. 19.

21. Соловей кукушку подговаривал [Молодец манит девушку в Казань]. Записал В. П. Зиновьев в 1974 г. от Афанасия Деметьевича Конёва, 1904 г. рожд., Агриппины Васильевны Корниловой, 1904 г. рожд., Агафьи Васильевны Хлестуновой, 1910 г. рожд., в с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 201, м/л 22. Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется.

Балладу относят к числу исторических, вероятно, возникших во второй половине XVI в. (ИП XIII–XVI, с. 637–638). В Забайкалье песня широко известна, бытует как в полной, двухчастной, форме (ВБ, № 83.1.0=84.1.0), так и в одночастной (ВБ, № 83.1).

Вар.: Зиновьев V, № 202–205 — Унинкер-1974, Дарасун-1975, Беломестново-1976, Бурукан-1978. **Ср.:** ИП XIII–XVI, № 84–96 (там же на с. 638 указаны варианты в публикациях конца XVIII — XX вв.); Балашов, с. 241–242; Мезень, № 12–14; Пушк., № 2; Элиасов 1963, № 124; Дорофеев, № 69; Элиасов 1966, № 88; РУ, № 119; РЭПС, № 173–178.

22. Соловей кокушку стал сговаривать. Записали Л. Павловская, Н. Скобёлкина в 1976 г. от Марии Семёновны Астраханцевой, 1921 г. рожд., в с. Беломестново Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 192, м/л 31. Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется.

Одночастная форма предшествующей баллады. **Вар.:** Зиновьев V, № 193–200 — Дунаево и Кибасово-1974, Деревцово и Унда-1976, Бори (2), Кулаково и Пешково-1979. **Ср.:** Нерчинск, с. 107; Дорофеев, № 74; Тува, № 105.

23. Калина-малина в поле расцвела [Замужняя дочь пташкой прилетает домой]. Записали Л. Горбатко, Н. Погуральская, А. Хачумова в 1975 г. от Бориса Павловича Ведерникова, 1898 г. рожд., в с. Кумахта Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 92. Каждый стих повторяется.

Песня балладного типа, одна из самых популярных по всей России в XIX в. **Вар.:** Зиновьев V, № 94–96, 212 — Дарасун, Новодоронинск и Тыргетуй-1975. Все варианты близки между собой, в них отсутствует широко известная концовка песни — разговор матери со снохами и братьями героини. Лишь в одном тексте встречается упоминание о снохе:

Сяду я на веточку, буду коковать,
В это время мамонька будет воду брать.
Спросит моя мамонька сношеньку свою:
— Не моя ли доченька жалобно поёт?

(Записали Е. Гребенщикова, Н. Санкина, О. Соболева в 1975 г. от Лукиной в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 94). **Ср.:** Киреевский, № 2497; Манжура, с. 178; Шейн, № 847, 849; Соболевский III, № 19–25; Листопадов III, № 118; Соколовы, № 433–436; Путилов, № 91; Элиасов 1963, № 166, 169, 213; Дорофеев, № 64, 76; Тува, № 128, 129; РЛПС, № 70. См. также № 24 наст. сб.

24. Калина-малина, ягода моя [Замужняя дочь кукушкой прилетает домой]. Записали Н. Новикова, Л. Попова в 1976 г. от Людмилы Павловны Алексинной, 1939 г. рожд., Валентины Демьяновны Бянкиной, 1941 г. рожд., в с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 90, м/л 45.

Этот вариант предшествующей песни отличается концовкой: к сестре, обернувшейся кукушкой, выходит брат. **Вар.:** Зиновьев V, № 91, 93 — Кумаки-1976, Бянкино-1979. **Ср.:** ЛН, с. 509; Шейн, № 848, 850–852; Чернышев, № 189.

25. Уходил казак на войну [Сёстры провожают брата на службу]. Записали А. Володько, Н. Скобёлкина, И. Смолина в 1978 г. от Анны Ефимовны Ивановой, 1922 г. рожд., в с. Бори Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 217.

Стяжённая форма известной баллады. **Ср.:** Чулков I, № 175; Киреевский, № 2084; Языковы, № 244; Якушкин II, № 48; Соболевский I, № 254–256, 261; Листопадов II, № 36; Бардин, № 162; РЛПС, № 387; Элиасов 1963, № 279; РУ, № 134.

26. Все мелки пташки пели — чуть слышен голосок [Женщина узнаёт в солдатах мужа и сына]. Записал В. П. Зиновьев в 1974 г. от Августы Кирилловны Зиновьевой, 1919 г. рожд., в г. Нерчинске Читинской обл. Зиновьев V, № 38.

Баллада известна повсюду, чаще всего с запевом «Закатилось красно солнышко за тёмные леса». **Вар.:** Зиновьев V, № 39–41 — Тыргетуй-1975, Кумаки-1976, Кулаково-1979. **Ср.:** ЛН, с. 535–536; Соболевский I, № 339, 340; Листопадов II, № 179, 180; Соколовы, № 56–58; Бардин, № 184; Путилов, № 49; Балашов, с. 347–349; Элиасов 1963, № 274; Элиасов 1966, № 142; Элиасов 1969, № 53; РУ, № 151; РЛПС, № 431. См. также № 27 наст. сб.

27. На дальней пригороньке избушка стоит [Женщина узнаёт в солдатах мужа и сына]. Записали М. Керн, Н. Погуральская в 1976 г. от Елизаветы Демьяновны Журавлёвой в с. Унда Балейского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 37. См. коммент. 26.

28. Не огонь горит, не смола кипит. Записали О. Соболева, М. Соловьёва в 1976 г. от Ивана Фёдоровича Слепкова, 1896 г. рожд., в с. Банщикове Шелопугинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 116.

Текст представляет собой контаминацию фрагментов трёх песен, известных по публикациям с XVIII в.: «Не огонь горит, не смола кипит» [плач молодца по умершей возлюбленной] (Языковы, № 313; Якушкин II, № 31, 417; Соболевский V, № 720, 721, 723, 724; РЛПС, № 23), «Как на матушке на Неве-реке» [Молодой матрос и девушка] (Соболевский V, № 727; Печора, № 21, 160; Элиасов 1966, № 56) и свадебной песни о рукодельнице, пугающей молодца или сватов (Чулков I, № 183; Соболевский II, № 44; Потанина 1981, № 283; РОФС, № 142). Такая контаминация встречается в одном из рукописных сборников XVIII в. (Соболевский V, № 726). Два первых сюжета объединяются довольно часто (Чулков I, № 177; Львов-Прач, № 22; Киреевский, № 1450, 1828, 2530а; Соболевский V, № 725).

29. Заблудилась красна девка во лесу [Девушка и перевозчик]. Записала Преображенская в 1974 г. от Александры Щербаковой, 1896 г. рожд., в с. Нижняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 77.

Эта любовная песня балладного типа встречается в сборниках с XVIII в., иногда бытует как свадебная (перевоз через реку — один из свадебных символов в фольклоре). Концовка — разговор девушки с перевозчиком — переключается с заключительными стихами другой песни — о несчастливом замужестве: см. № 77 наст. сб. **Ср.:** Чулков II, № 189; III, № 177; Киреевский, № 1507, 1557, 1827, 2230, 2505, 2923; Якушкин I, № 338; II, № 275; ЛН, с. 411; Шейн, № 710–712; Соболевский II, № 205–214; Листопадов III, № 34; Соколовы, № 477; Элиасов 1966, № 161; РЛПС, № 43. См. также № 30 наст. сб.

30. Зародилось-то много ягод во лесу [Девушка и перевозчик]. Записали А. Володько, Н. Скобёлкина, И. Смолина в 1979 г. от Анны Ефимовны Ивановой, 1922 г. рожд., в с. Бори Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 76. См. коммент. 29.

31. Жила девка-сирота. Записали Т. Казидуб, Л. Кустова, Л. Фецерт в 1975 г. от Евдокима Антоновича Колесникова в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 75.

Стяжённый вариант песни балладного типа на сюжет «Девушка угоняет у молодца коня», известной по публикациям с XVIII в. **Вар.:** Зиновьев V, № 74 — Бори-

1979. **Ср.:** Киреевский, № 1592, 1893; Языковы, № 275, 276; ЛН, с. 412–414; Соболевский I, № 311–322; Соколовы, № 486; Путилов, № 181; РЛПС, № 253.

32. Ты подуй-ка, повеи, да мать-погодушка. Записал В. П. Зиновьев в 1979 г. от Кристины Константиновны Дружининой, 1897 г. рожд., в с. Бори Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 208, м/л 87. Все чётные стихи повторяются.

Начало одной из самых распространённых в XIX в. протяжных песен «Четыре кумы» (Лазутин С. Лирическая бытовая песня «Подуй, подуй, погодушка» // Фольклор как искусство слова / под ред. Н. И. Кравцова. — М., 1966. С. 74–94). Песня известна в многочисленных записях, сделанных по всей России, часто с зачином «Калинушка, малинушка — лазоревый цвет», нередко бытовала как обрядовая — свадебная или семицко-троицкая. Исследование сюжета: Пинежье, с. 426–427, там же указаны варианты в публикациях XIX — начала XX вв. **Вар.:** Зиновьев V, № 207, 209 — Верхняя Куэнга-1974, Бори-1979. **Ср.:** Киреевский, № 1419, 1481, 1665, 1680, 1853, 1905, 2094, 2519, 2664, 2741; ЛН, с. 397, 549; Якушкин I, № 374, 486; II, № 57, 368; Шейн, № 1241, 1242; Соболевский II, № 262–269; Листопадов III, № 124–126; Соколовы, № 395; Пинежье, № 43, 142, 156, 157; Бардин, № 55; Башк., № 50; Печора, № 51, 170; Мезень, № 143; Новг., № 52; Пушк., № 57; Бахтин, № 224; Элиасов 1963, № 43, 116; Элиасов 1966, № 85; Бол.-Мель. 1981, № 312.

33. — Пастушок ли да мой, пастушочек. Записал В. П. Зиновьев в 1979 г. от Кристины Константиновны Дружининой, 1897 г. рожд., в с. Бори Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 136, м/л 87.

Вариант известной с XVIII в. песни «Как под лесом, под лесочком», которая часто исполнялась и как плясовая. **Ср.:** Киреевский, № 1334, 1393, 1552, 2606; Шейн, № 539; Соколовы, № 478, 479; Пинежье, № 69; Печора, № 74, 157; Новг., № 136; Вагин, № 34; Элиасов 1966, № 89; Элиасов 1969, № 108.

34. Да на Ванюше рубашонка — тонко полотно. Переписали Г. Пикуцкая, З. Синелобова, Н. Скобёлкина, М. Эссер в 1977 г. из школьного альбома в с. Ломы Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 46.

Фрагмент песни «Белолица, круглолица красная девица», встречающейся в сборниках с XVIII в. **Ср.:** Трутовский II, № 31; Львов-Прач, № 26; Чулков III, № 105; Киреевский, № 2078, 2600; Соболевский III, № 256–261; Соколовы, № 527; Бол.-Мель. 1985, № 237; РУ, № 166; Тува, № 125.

35. В саду груша росла, в саду выросла. Записал В. П. Зиновьев в 1979 г. от Ульяны Ивановны Рожковской, 1918 г. рожд., в с. Бори Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 32, м/л 87. **Ср.:** Пушк., № 47; Бол.-Мель. 1981, № 418. См. также № 36 наст. сб.

36. В саду вишня росла, в саду выросла, ой. Записал В. П. Зиновьев в 1979 г. от Кристины Константиновны Дружининой, 1897 г. рожд., Лукерьи Викторовны Дружининой, 1920 г. рожд., Марии Степановны Гурьевой, 1922 г. рожд., в с. Бори Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 31, м/л 87. Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется, при этом «ой» опускается. См. коммент. 35.

37. — Не сиди-ка, Дуня, да поздно вечером. Записали А. Кукса, Н. Скобёлкина, М. Эссер в 1978 г. от Анны Петровны Астафьевой, 1917 г. рожд., Марии Яковлевны Харинной, 1910 г. рожд., Настасии Фёдоровны Скоблицыной в с. Кактолга Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 118.

Стяжённый вариант широко известной песни, встречающейся в публикациях с XVIII в. В песне отсутствует конец: молодец просит у девушки позволения жениться. **Ср.:** Львов-Прач, № 51; Киреевский, № 1348, 1483, 2099, 2270; Шейн, № 788; Соболевский III, № 354–367; ЛН, с. 623; Якушкин II, № 413; Соколовы, № 452–454; Гуревич-Элиасов, № 130; Элиасов 1963, № 328; РЛПС, № 29, 47.

38. Ой, что это во нашем-то во городе да жить-то весело. Записали В. П. Зиновьев, Н. Новикова, Л. Попова в 1974 г. от Клавдии Антоновны Барановой, 1915 г. рожд., в с. Кибасово Шилкинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 220, м/л 18. **Вар.:** Зиновьев V, № 221, 221a — Шелопугино-1976, 1981. **Ср.:** Киреевский, № 2607; Якушкин II, № 398; Печора, № 365; Леонтьев, № 161. Мотив «горькой полыни» встречается также в песнях на сюжеты «Худая жена и любимая девушка» (Киреевский, № 2442; Языковы, № 297) и «Милый идёт к чужой жене» (Киреевский, № 2092; Якушкин II, № 56; Шейн, № 740, 741; Соболевский III, № 113). См. также № 39 наст. сб.

39. Ах, ты полынь моя, полынушка, полынь горькая. Записал В. П. Зиновьев в 1981 г. от Татьяны Зиновьевны Балагуровой, 1899 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 221б, м/л 131. См. коммент. 38.

40. Уж ты сад, ты мой сад, да сад зелёныйкий. Записал В. П. Зиновьев в 1974 г. от Петра Ивановича Русина, 1905 г. рожд., в пос. Усть-Карск Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 216, м/л 15. Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется. **Вар.:** Зиновьев V, № 213–215 — Нерчинск-1974, Кактолга и Аталанка-1978. **Ср.:** Соболевский V, № 512, 513; Листопадов II, № 17; Путилов, № 54; Башк., № 146; Новг., № 6; Гуревич-Элиасов, № 122; Элиасов 1963, № 2; Элиасов 1966, № 84; Элиасов 1969, № 132; РЛПС, № 21; Тува, № 106. См. также № 41 наст. сб.

41. Уж ты сад, ты мой сад, сад зелёныйкий. Записал В. П. Зиновьев в 1981 г. от Фёдора Абрамовича Балагурова, 1903 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 214а, м/л 130. См. коммент. 40.

42. Брала, брала ягодку земляничку, ой. Записали А. Кукса, А. Швецов в 1978 г. от Настасьи Трифоновны Субботиной, 1897 г. рожд., Агафьи Понифатьевны Ёлгиной, 1905 г. рожд., в с. Бурукан Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 29, м/л 66. Все стихи, кроме первого и последнего, повторяются с добавлением конечного «ой».

Текст представляет собой распространённую контаминацию двух песен, встречающихся в сборниках с XVIII в.: «Цвели, цвели цветики, да поблёлки» (Львов-Прач, № 49; Соболевский V, № 589, 590; Соколовы, № 506; Новг., № 57; РЛПС, № 252) и «Ходила младёшенька по борочку» (Львов-Прач, № 58; Чулков I, № 172; Киреевский, № 2100; Шейн, № 715; Соболевский IV, № 630; V, № 591). **Вар.:** Зиновьев V, № 26–28, 30 — Бори-1977, Аталанка-1978, Нижние Ключи и Шеметово-1979. **Ср.:** Якушкин II, № 65; Соболевский II, № 272, 273; Листопадов III, № 91; Путилов, № 20, 204; Новг., № 228; Пушк., № 69; РЛПС, № 251; Элиасов 1966, № 74. См. также № 43 наст. сб.

43. Брала, брала ягодку земляничку. Записали Н. Скобёлкина, М. Эссерт в 1978 г. от Федосьи Никифоровны Астафьевой, 1900 г. рожд., в с. Кактолга Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 25. Этот вариант предшествующей песни отличается присоединённой частушечной концовкой.

44. Ох, отъезжает милый, ой, да спокладает. Записала Л. Кобелева в 1969 г. в с. Калинино Нерчинского р-на Читинской обл. Сведения об исполнителях утрачены. Зиновьев V, № 129, м/л 11. Песня встречается в сборниках со второй половины XIX в., часто с запевом «Кого нету, того жаль». **Вар.:** Зиновьев V, № 126–128 — Верхняя Куэнга-1974, Бори и Пешково-1979. **Ср.:** Пинежье, № 88, 133 (там же на с. 467 указаны варианты в публикациях конца XIX — начала XX вв.); Печора, № 14; Элиасов 1963, № 56, 226; РЛПС, № 32.

45. Говорели, да, мне подружки. Записал В.П. Зиновьев в 1979 г. от Кристины Константиновны Дружининой, 1897 г. рожд., в с. Бори Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1287, м/л 87.

Этот текст содержит мотивы двух песен: «Отлетает мой соколик» (Якушкин I, № 342, 556; II, № 438; ЛН, с. 542; Соколовы, № 512; Пинежье, № 11; Путилов, № 39; Печора, № 333; Элиасов 1963, № 50) и «Что это за милый...» (Якушкин II, № 400; Элиасов 1963, № 55; Элиасов 1969, № 99; РЛПС, № 13).

46. [При компанье да при гулянье]. Записал В.П. Зиновьев в 1981 г. от Татьяны Зиновьевны Балагуровой, 1899 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 142а, м/л 131. Вариант песни «Что это за милый...». См. коммент. **45. Вар.:** Зиновьев V, № 1570–1572 — Шелопугино-1976, Аталанка-1978, Нижние Ключи-1980.

47. Ох, я молодка, молодка молоденькая. Записали В.П. Зиновьев, Е. Какунина, А. Порошина в 1976 г. от Татьяны Зиновьевны Балагуровой, 1899 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 104, м/л 36. Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется.

Одна из самых популярных в XIX в. песен (ВБ, 212.1), часто исполнявшаяся как плясовая в контаминации с шуточной песней «На быстрой реке купался бобёр» (см. № 49 наст. сб.). **Вар.:** Зиновьев V, № 103, 106–108, 108а — Унинкер-1974, Дарасун-1975, Молодовск, Кактолга и Фирсово-1977. В одном из вариантов — частушечная концовка:

Я по бережку ходила,
Кричала перевоз,
А меня душечка-Ванюшечка
На ручках перенёс.

(Записали Ковальская, Мартынова в 1977 г. от Екатерины Петровны Трухиной, 1903 г. рожд., в с. Молодовск Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 107). **Ср.:** Киреевский, № 1542, 1553; Шейн, № 556; Соболевский V, № 185–194; Листопадов IV, № 49; Бардин, № 63; Башк., № 88; Мезень, № 104; Пушк., № 85; Элиасов 1966, № 83; Потанина 1979, № 182; Бол.-Мель. 1981, № 463; РЛПС, № 241. См. также № 48 наст. сб.

48. Молодка, молодка молоденькая. Записали О. Соболева, М. Соловьёва в 1976 г. от Ивана Фёдоровича Слепкова, 1896 г. рожд., в с. Банщиково Шелопугинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 105. Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется. См. коммент. 47.

49. Катя-Катерина, купеческая дочь. Записал А. Кукса в 1978 г. от Настасьи Трифионовны Субботиной, 1897 г. рожд., в с. Бурукан Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 102. Все стихи, кроме первого и последнего, повторя-

ются. **Вар.:** Зиновьев V, № 99–101 — Шелопугино-1976, Кактолга, Мангидай-1977. В одном из вариантов такой конец:

Море взволновалось — милый мой упал,
Осталась девчонка на том берегу.
Горюю первую ночь, горюю я другу.
Дайте мне карету, пару лошадей —
Сяду и поеду к маменьке своей.

(Записали А. Кукса, А. Порошина, М. Соловьёва в 1977 г. от Анны Петровны Астафьевой, 1917 г.рожд., Марии Яковлевны Харинной, 1910 г. рожд., Натальи Михайловны Плотниковой в с. Кактолга Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 99). **Ср.:** Печора, № 190; Гуревич-Элиасов, № 152; Элиасов 1963, № 60, 61; Тува, № 135.

50. Погасай-ка, мать, лучиночку, сама лягу спать. Записали Н. Жукова, И. Урбанаева в 1978 г. от Галины Алексеевны Ситинской, 1925 г. рожд., в с. Ата-ланка Усть-Удинского р-на Иркутской обл. Зиновьев V, № 137, м/л 64.

Стяжённая форма песни, широко известной с зачином «Лучина-лучинюшка берёзовая». **Ср.:** Киреевский, № 1453, 1589, 1654; ЛН, с. 196, 560; Соболевский П, № 557–559; III, № 588; VII, № 760; Соколовы, № 447; РУ, № 156, 171; РЛПС, № 68.

51. Ой, да снежки белы да пушисты. Записали В. П. Зиновьев, Е. Какунина, А. Порошина в 1976 г. от Татьяны Зиновьевны Балагуровой, 1899 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 189, м/л 36. Чётные стихи, кроме последнего, повторяются.

Песня появилась в сборниках в начале XIX в. **Вар.:** Зиновьев V, № 189а — Шелопугино-1981. **Ср.:** Киреевский, № 1867; Листопадов III, № 63; Путилов, № 64; Башк., № 138; Печора, № 199; Мезень, № 35; Новг., № 40; Гуревич-Элиасов, № 128; Элиасов 1963, № 132, 133. См. также № 52 наст. сб.

52. Снежки белы да пушисты. Записали О. Соболева, М. Соловьёва в 1976 г. от Дмитрия Феофановича Воложанина, 1896 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 190. См. коммент. 51.

53. Как у Дуношки много думушки. Записали Л. Зорина, Г. Коновалова, Л. Копылова в 1975 г. от Варвары Степановны Елистратовой в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 88.

Эта песня была широко известна в XIX в. с зачином «Печаль, тоска несносная». **Ср.:** Шейн, № 795; Соболевский V, № 24–26, 29; Печора, № 41; РЛПС, № 7; Дорофеев, № 54, 65. Она часто встречалась в соединении с песней о молодой, ожидающей в тюрьме милую (Соболевский V, № 27, 28; VI, № 497; Соколовы, № 551–553, 628; Элиасов 1963, № 30, 381), или иногда — с песней о злой жене и любимой девушке (Шейн, № 796; Листопадов III, № 14).

54. — Ты девица-красавица. Записали В. П. Зиновьев, Е. Какунина, А. Порошина в 1976 г. от Татьяны Зиновьевны Балагуровой, 1899 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 47, м/л 36. Все стихи, кроме первого и последнего, повторяются. Стяжённый контаминированный вариант предшествующей песни (см. коммент. 53). **Ср.:** Киреевский, № 1418, 1460; Соболевский V, № 30; Элиасов 1969, № 113.

55. Уж вы сестрицы-подруги. Записали О. Соболева, М. Соловьёва в 1976 г. от Веры Васильевны Анискиной, 1933 г. рожд., Ульяны Игнатьевны Белолобской, 1924 г. рожд., Марии Никифоровны Наумовой, 1917 г. рожд., в с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1691. **Ср.:** Элиасов 1963, № 52, 53, 135, 136, 191; Дорофеев, № 22.

56. Эх, шёл милый дорожкой. Записали А. Кукса, А. Порошина, М. Соловьёва в 1977 г. от Анны Петровны Астафьевой, 1917 г. рожд., Марии Яковлевны Хариной, 1910 г. рожд., Натальи Михайловны Плотниковой в с. Кактолга Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 225. **Ср.:** Пинежье, № 19 (там же на с. 405–406 указаны варианты в публикациях конца XIX — начала XX вв.); Новг., № 21; РЛПС, № 58.

57. Он меня не пожалеет. Записал В. П. Зиновьев в 1974 г. от Агриппины Васильевны Корниловой, 1904 г. рожд., в с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 118а, м/л 22. Чётные стихи, кроме последнего, повторяются.

Исполнительница назвала эту песню свадебной. Вторая её часть со слов «Тогда тебя я позабуду...» близка широко известной песне «Отлетает мой соколик», встречающейся в сборниках с XVIII в. **Ср.:** Якушкин I, № 342, 556; ЛН, с. 542; Соболевский V, № 518–529; Соколовы, № 512; Пинежье, № 11; Путилов, № 39; Печора, № 333; Элиасов 1963, № 50.

58. Застрелился бедный молодец. Записали И. Девятловская, К. Новосёлова в 1977 г. от Анны Викторовны Бочкарниковой, 1912 г. рожд., в с. Бори Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1315. Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется. **Вар.:** Зиновьев V, № 1316 — Бори-1979.

59. Вылетала голубина на долину. Записали М. Керн, Н. Погуральская в 1976 г. от Евдокии Ермолаевны Подойницыной, 1887 г. рожд., в с. Подойницыно Балецкого р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 43. Фрагмент известной с XVIII в. песни. **Ср.:** Якушкин II, № 503; Бол.-Мель. 1981, № 466.

60. Скука-печаль на чужой стороне. Записали Н. Андреева, Е. Какунина, М. Керн в 1975 г. от Елизаветы Дмитриевны Алехновой, 1902 г. рожд., в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 184.

Широко распространённая контаминация двух песен: «Скучно сироте на чужой стороне» и «Весел я, весел сегодняшний день». **Вар.:** Зиновьев V, № 185, 186, 188 — Карда и Аталанка-1978, Бори-1979. **Ср.:** Соболевский III, № 13; Бардин, № 136, 137; Путилов, № 197; Башк., № 150; Печора, № 194; РЛПС, № 67, 73; Элиасов 1963, № 113; Элиасов 1966, № 120; Элиасов 1969, № 95, 123; Тува, № 120. См. также № 61, 62 наст. сб.

61. Скучно мне, младёхоньке, на чужой стороне. Записали Е. Баева, И. Хоменко, И. Шишкина в 1979 г. от Анастасии Степановны Жилкиной, 1910 г. рожд., уроженки Пензенской губ., в с. Рудник-Пешково Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 187. Исполнительница назвала эту песню свадебной. См. коммент. 60.

62. Ходила я, ходила во зелёном саду. Записали Л. Павловская, Н. Скобёлкина в 1976 г. от Марии Семёновны Астраханцевой, 1921 г. рожд., в с. Беломестново Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 218.

Стяжённый вариант песни «Весел я, весел сегодняшний день», известной по песенникам с XVIII в. **Вар.:** Зиновьев V, № 219 — Атамановка-1975. **Ср.:** Чулков II, № 193; Киреевский, № 1495; Якушкин I, № 408; II, № 284; Соболевский V,

№ 617–622; Соколовы, № 458, 459; Элиасов 1969, № 95; Бол.-Мель. 1981, № 471. См. также № 60, 61 наст. сб.

63. На улице дождь да дождь, по горам — туманы. Записал В. П. Зиновьев в 1977 г. от Марфы Романовны Ларионовой, 1901 г. рожд., в с. Боты Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 114. Все стихи, кроме первого, повторяются с добавлением в середине стиха «да» и в конце — «ой, да». **Вар.:** Зиновьев V, № 110, 111, 113 — Кумахта-1975, Оленск-1976, Усть-Начин-1978. **Ср.:** Якушкин I, № 333; Соболевский V, № 505; Путилов, № 38; Элиасов 1963, № 8; Элиасов 1969, № 76; Красноярск, с. 36; РЛПС, № 45; Тува, № 119. Близкие варианты найдены только в сибирских сборниках. См. также № 64 наст. сб.

64. Сяду я на лавочку за дубовый стол. Записали М. Керн, Н. Погуральская в 1976 г. от Елизаветы Демьяновны Журавлёвой в с. Унда Балейского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 112. Все стихи, кроме первого и последнего, повторяются. См. коммент. 63.

65. Скрылось солнце за лесочек. Записали Л. Павловская, Н. Скобёлкина в 1976 г. от Марии Семёновны Астраханцевой, 1921 г. рожд., в с. Беломестново Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1596. **Вар.:** Зиновьев V, № 1597–1600 — Зюльзикан-1976, Бори-1977, 1979, Кудея-1979. **Ср.:** Соколовы, № 511; Листопадов III, № 95; Бардин, № 147; Гуревич-Элиасов, № 123, 182; Элиасов 1963, № 88, 120; Элиасов 1966, № 59, 122; Бол.-Мель. 1981, № 462; Нерчинск, с. 104.

66. — Пташка ты моя, птичка бедненькая. Записали Н. Андреева, Е. Какунина, М. Керн в 1975 г. от А. В. Сидоровой в с. Тыргетуй Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 148.

Текст перекликается с песней балладного типа «Как на дубчике два голубчика» (Львов-Прач, № 48; Чулков I, № 155; Соболевский III, № 203; Путилов, № 63); заключительная часть — народная переработка стихотворения И. П. Мятлева «Плавающая ветка» (1834) — см. Гусев, № 392. **Ср.:** Бардин, № 130; Башк., № 140; Элиасов 1963, № 82; Элиасов 1966, № 111.

67. Ой, там, на горе, ой, там, на крутой. Записали О. Соболева, М. Соловьёва в 1976 г. от Зинаиды Николаевны Димовой, 1931 г. рожд., Галины Максимовны Банщиковой, 1939 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 124. Чётные стихи повторяются.

Текст перекликается с песней балладного типа «Как на дубчике два голубчика» (см. коммент. 66). **Вар.:** Зиновьев V, № 123, 125 — Шелопугино-1976, Ломы-1977. Эти варианты имеют сходное окончание:

— У меня есть шесть пар голубей —
Летай, выбирай себе парочку.
— Я б летала, ой, выбирала б,
Но не нашла, кого потеряла:
Не тот ли дружок, не тот ли пушок,
Не так обнимат, не так приласкат.

(Записали О. Соболева, М. Соловьёва в 1976 г. от Нины Серафимовны Воложаниной, Галины Серафимовны Раздобреевой в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 123).

Ср.: Гнатюк, с. 89; Листопадов III, № 195, 196; Кубань, № 144, 258; Элиасов 1963, № 73; Тува, № 111. См. также № 66, 68 наст. сб.

68. Там, на горке, шёлковой траве. Записали А. Кукса, А. Порошина, М. Соловьёва в 1977 г. от Екатерины Игнатьевны Астафьевой, Авдотьи Лукиничны Золотовской в с. Кактолга Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 122. Чётные стихи повторяются. См. коммент. 67.

69. — Голубь-голубочек, голубь сизенькой. Записали О. Бочарова, С. Пачерская, М. Соловьёва в 1975 г. от Марии Кирилловны Николаевой, 1914 г. рожд., в пос. Атамановка Читинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 45.

Стяжённый вариант песни балладного типа, известной в публикациях с XVIII в., отсутствует конец: охотник (лакей, купеческий сын) убивает голубку. **Ср.:** Трутовский I, № 5; Львов-Прач, № 18; Киреевский, № 1357, 1390, 1731, 1754, 2051, 2162, 2257, 2478, 2635; ЛН, с. 628; Языковы, № 311, 312; Якушкин I, № 308, 528; Чернышев, № 229; Соболевский V, № 680, 683–691; Листопадов IV, № 236; Бардин, № 129; Башк., № 152.

70. Росла, цвела черёмушка в зелёньком саду. Записал В. П. Зиновьев в 1977 г. от Марфы Романовны Ларионовой, 1901 г. рожд., в с. Боты Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 168. Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется.

Одна из самых популярных протяжных песен, встречающаяся в сборниках с первой половины XIX в. В Забайкалье она широко известна в очень близких вариантах: Зиновьев V, № 152–161, 163–167, 169–177 — Галкино-1973, Нижняя Куэнга-1974, Атамановка и Дарасун (4)-1975, Деревцово, Унда и Шелопугино-1976, Аргун, Батакан, Боты, Кактолга и Фирсово (2)-1977, Курумдюкан и Кактолга (2)-1978, Бори, Кудея, Кулаково и Шеметово-1979, Батакан-1980. **Ср.:** Киреевский, № 1576, 1771; Якушкин I, № 69, 170, 290; Соболевский V, № 656–658; Листопадов III, № 80; Бардин, № 48; Элиасов 1963, № 4, 97; Дорофеев, № 88; РЛПС, № 51. См. также № 71, 72 наст. сб.

71. Растёт, цветёт черёмушка в зелёном во саду. Записала Л. Новикова в 1977 г. от Андрея Никифоровича Коломенского, 1902 г. рожд., в пос. Оловянная Читинской обл. Зиновьев V, № 162. См. коммент. 70.

72. Растёт-цветёт черёмуха в зелёном саду. Записали О. Соболева, М. Соловьёва в 1976 г. от Веры Васильевны Анискиной, 1933 г. рожд., Ульяны Игнатьевны Белолоубской, 1924 г. рожд., Марии Никифоровны Наумовой, 1917 г. рожд., в с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 151. См. коммент. 70.

73. — Скажи, скажи-ка, девица. Записал В. П. Зиновьев в 1974 г. от Анны Ивановны Носковой, 1901 г. рожд., Семёна Степановича Носкова, 1901 г. рожд., в с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 181. Все стихи, кроме первого и последнего, повторяются. **Вар.:** Зиновьев V, № 179, 180, 182, 183 — Кумахта-1975, Знаменка и Кангил-1976, Кактолга-1977. **Ср.:** Леонтьев, № 82; Элиасов 1963, № 26, 27. См. также № 74 наст. сб.

74. — Скажи, скажи, красавица. Записал А. Кукса в 1977 г. от Федосьи Фёдоровны Анциферовой, 1916 г. рожд., Натальи Михайловны Анциферовой, 1956 г. рожд., в д. Усть-Начин Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 178. Все стихи, кроме первого и последнего, повторяются. См. коммент. 73.

75. Что за душечка за мальчишечка. Записала Преображенская в 1974 г. от Василисы Афанасьевны Щербаковой, 1919 г. рожд., в с. Нижняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 224. **Вар.:** Зиновьев V, № 222, 223 — Дарасун-1975, Кулаково-1979. **Ср.:** Листопадов III, № 64; Бол.-Мель.1981, № 398.

76. Катитесь, мои ведёрцы, с реки, да, до реки. Записали Н. Новикова, Л. Попова в 1974 г. от Юлии Афанасьевны Крыловой, 1907 г. рожд., в с. Зюльзя Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 97, м/л 17.

Фрагмент песни «Ивушка, ивушка зелёная моя» (ВБ, № 109), встречающейся в сборниках с XVIII в. **Ср.:** Чулков I, № 169; Трутовский II, № 26; Львов-Прач, № 25; Киреевский, № 1463; Соболевский II, № 37–40; Башк., № 155; Печора, № 11; Пушк., № 68; РЛПС, № 49; Элиасов 1963, № 6; Элиасов 1966, № 95; РУ, № 173; Тува, № 121.

77. Земляничка — сладка ягодка. Записали А. Кукса, Н. Скобёлкина, М. Эссер в 1978 г. от Анны Петровны Астафьевой, 1917 г. рожд., Марии Яковлевны Хариной, 1910 г. рожд., Настасьи Фёдоровны Скоблицыной в с. Кактолга Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 78. Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется.

Песня известна по публикациям с XVIII в. **Вар.:** Зиновьев V, № 79, 80 — Бори-1977, 1979. **Ср.:** Трутовский I, № 11, Львов-Прач, № 71.

78. Ох, недолго я во девушках гуляла. Записал В.П. Зиновьев в 1969 г. от Надежды Ивановны Старицыной, 1907 г. рожд., в с. Кибасово Шилкинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 134. Все стихи, кроме первого и последнего, повторяются, при этом «ох», «да», «ой» опускаются.

Текст представляет собой контаминацию фрагмента песни «Как вечер тоска нападала», известной по публикациям с XVIII в. (Львов-Прач, № 38; Киреевский, № 1575, 1950; Соболевский II, № 275–282; Соколовы, № 451; Элиасов 1969, № 122; РЛПС, № 83, 195, 260), и песни о проводах девушкой милого (РЛПС, № 55). **Вар.:** Зиновьев V, № 130 — Кактолга-1978. В этом очень близком варианте вторая часть начинается несколько иначе:

Недалёко мила дружка провожала —
Я от Троицких ворот до Германских...

См. также № 79 наст. сб.

79. В зеленом саду, мамонька, гуляла. Записали Н. Новикова, М. Соловьёва в 1976 г. от Константина Давыдовича Писарева, 1896 г. рожд., в с. Зюльзикан Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 133. См. коммент. 78.

80. Не тебе было, каналье, мной владети. Записали Н. Новикова, М. Соловьёва в 1976 г. от Евдокии Михайловны Бянкиной, 1912 г. рожд., в с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 132. Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется.

Стяжённый вариант песни «Как вечер тоска нападала» (см. коммент. 78). **Вар.:** Зиновьев V, № 131, 135 — Ломы и Усть-Начин-1977.

81. Ох, у всех-то мужья молодья. Записали Н. Новикова, Л. Попова в 1974 г. от Юлии Афанасьевны Крыловой, 1907 г. рожд., в с. Зюльзя Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 210, м/л 17.

В тексте соединены фрагменты трёх песен: «Ох, вы кумушки, голубушки» (о старом муже), «Как вечер тоска напала» и песни о девушке, провожающей милого. Песня исполнялась как плясовая. См. коммент. 78, 82.

82. Уж у всех-то мужья молодые. Записали А. Кукса, Н. Скобёлкина, М. Эссер в 1978 г. от Анны Петровны Астафьевой, 1917 г. рожд., в с. Кактолга Газимуровского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 211. Все стихи, кроме первого и последнего, повторяются с добавлением в начале «ой».

Стяжённый вариант песни «Ох, вы кумушки, голубушки», встречающейся в сборниках с XVIII в. **Ср.:** Львов-Прач, № 85; Киреевский, № 2332, 2687, 2782; ЛН, с. 628; Шейн, № 1052; Соболевский II, № 433–438; Чернышев, № 193; РЛПС, № 307. См. также № 81 наст. сб.

83. Ещё дайте мне, младенькой, расхотиться. Записал В.П. Зиновьев в 1974 г. от Агриппины Васильевны Корниловой, 1904 г. рожд., Агафьи Васильевны Хлестуновой, 1910 г. рожд., в с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 72. Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется.

Эта песня, включавшаяся в сборники с XVIII в., бытовала и как плясовая. **Вар.:** Зиновьев V, № 70, 71, 73 — Зюльзя-1974, Усть-Начин-1977, Кактолга-1978. **Ср.:** Чулков I, № 174; Трутовский I, № 8; Львов-Прач, № 88; Чернышев, № 197; Киреевский, № 1287, 1461, 1894; Шейн, № 858, 860; Соболевский II, № 414–420; РЛПС, № 82.

84. Ой, да на нынешний, ой, да денёчек. Записали Н. Жукова, И. Урбанаева в 1978 г. от Галины Алексеевны Ситинской, 1925 г. рожд., в с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл. Зиновьев V, № 120, м/л 64. Все стихи повторяются с добавлением в начале «ох».

Начало широко известной в XIX в. песни о муже-недоростке. **Вар.:** Зиновьев V, № 121 — Карда-1978. **Ср.:** Киреевский, № 1763, 2059; Якушкин I, № 326; Шейн, № 865; Соболевский IV, № 394; Пушк., № 64; РЛПС, № 86–88.

85. [Ой, дорожка-дороженька]. Записали Э. Лямина, М. Соловьёва, Т. Усова в 1980 г. от Анны Филипповны Бояркиной, 1907 г. рожд., в с. Курумдюкан Газимуровского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 119, м/л 103.

Песня, известная с запевом «Дуня в тереме ходила» [Муж не пускает в гости шуринов]. Необычно начало текста, напоминающее зачины казачьих былевых песен (ср. № 195 наст. сб.). **Ср.:** Шейн, № 836, 837; Соболевский II, № 481–485; Соколовы, № 428, 431; Пушк., № 44; Бол.-Мель. 1985, № 272.

86. Пойду, выйду погуляю. Записали Н. Жукова, И. Урбанаева в 1978 г. от Галины Алексеевны Ситинской, 1925 г. рожд., в с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл. Зиновьев V, № 139. Каждый стих повторяется, перед чётными стихами добавляется «ой». **Ср.:** Шейн, № 840; Путилов, № 26, 156; РЛПС, № 283; Гуревич-Элиасов, № 142.

Хороводные и игровые песни

87. Как по морю. Записал В.П. Зиновьев в 1974 г. от Семёна Степановича Носкова, 1901 г. рожд., Анны Ивановны Носковой, 1901 г. рожд., в с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 242. Все стихи повторяются.

Стяжённый вариант одной из самых популярных хороводных песен, известной в многочисленных записях, сделанных по всей России с конца XVIII в. Эта песня часто бытовала и как свадебная. **Вар.:** Зиновьев V, № 240, 241, 243, 244 — Дарасун (3) и Тыргетуй-1975. **Ср.:** Трутовский I, № 18; Львов-Прач, № 46; Киреевский, № 1230, 1437, 1756, 2074, 2258, 2356, 2518, 2861, 2940, 2970; ЛН, с. 606; Якушкин I, № 336, 404; Соболевский II, № 244–258; Соколовы, № 388; Бардин, № 39; Башк., № 109; Новг., № 142; Пушк., № 106; РЛПС, № 245; РОФС, № 203; Элиасов 1963, № 138; Потанина 1979, № 67, 296; Бол.-Мель. 1985, № 173, 174; Тува, № 50. См. также № 88 наст. сб.

88. Плывёт лебедь. Записал В.П. Зиновьев в 1981 г. от Фёдора Абрамовича Балагурова, 1903 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 240а, м/л 132. Каждый стих повторяется. См. коммент. 87.

89. Во лужях. Записали А. Кукса, А. Швецов в 1978 г. от Настасьи Трифоновны Субботиной, 1898 г. рожд., в с. Бурукан Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 236, м/л 66. Каждый стих повторяется с добавлением «да» перед нечетными стихами. Припев следует после каждых двух стихов.

Эта известная хороводная песня, включавшаяся в сборники с конца XVIII в., иногда исполнялась и как свадебная. **Вар.:** Зиновьев V, № 234в — Шелопугино-1981. **Ср.:** Львов-Прач, № 78; Шейн, № 1205; Киреевский, № 2962; Соболевский II, № 299–306; Соколовы, № 382; Пинежье, № 146; Башк., № 107; Печора, № 217; Новг., № 143; Гуревич-Элиасов, № 111; Элиасов 1963, № 211; Дорофеев, № 82; Бол.-Мель. 1985, № 248, 277; РЛПС, № 267, 268; Тува, № 40. См. также № 90 наст. сб.

90. Ещё во лужях зелёных, во лужях. Записали Н. Андреева, Е. Какунина, М. Керн в 1975 г. от Анны Иннокентьевны Сорокиной, 1910 г. рожд., в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 235. Стяжённый вариант предшествующей песни. См. коммент. 89.

91. — Ох, ты вдовка, ты вдовка моя. Записали А. Кукса, А. Порошина, М. Соловьёва в 1978 г. от Марии Яковлевны Хариной, 1910 г. рожд., в с. Кактолга Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 248. Каждый стих, кроме первого, повторяется.

Стяжённый вариант песни, известной по публикациям с конца XVIII в., широко бытовавшей и как свадебная. **Ср.:** Львов-Прач, № 93; Киреевский, № 1187, 1402, 1861, 2079; Шейн, № 569; Соболевский V, № 342–348; Соколовы, № 318; Новг., № 182; Бол.-Мель. 1985, № 43, 210.

92. Во кузенке. Записал В.П. Зиновьев в 1981 г. от Фёдора Абрамовича Балагурова, 1903 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 234а, м/л 130. Каждый стих повторяется.

Одна из самых популярных в XIX в. хороводных песен, часто исполнявшаяся и как плясовая. **Ср.:** Киреевский, № 2321; Якушкин I, № 381; ЛН, с. 322; Соболевский VII, № 260–270; Новг., № 144, 145; Элиасов 1963, № 316; Бол.-Мель. 1981, № 412; Бол.-Мель. 1985, № 246, 247; Тува, № 84. См. также № 93 наст. сб.

93. Во ку(й)... во кузнице. Записал В.П. Зиновьев в 1981 г. от Татьяны Зиновьевны Балагуровой, 1981 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 234б, м/л 131. Каждый стих повторяется. См. коммент. 92.

94. Посеяли девки лён, посеяли девки лён. Записали Н. Новикова, Л. Попова, М. Соловьёва, О. Соболева в 1976 г. от Евдокии Сергеевны Бянкиной, 1926 г. рожд., в с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 263.

Стяжённый вариант широко известной в XIX в. хороводной песни. **Ср.:** Киреевский, № 1124, 1306, 2036, 2365; Шейн, № 430, 523, 1229; Соболевский III, № 473–480; Соколовы № 389; Листопадов IV, № 45; Пушк., № 104; Новг., № 135; РЛПС, № 317; Гуревич-Элиасов, № 161; Бол.-Мель. 1981, № 437; Бол.-Мель. 1985, № 182, 183; Тува, № 78.

95. Посеяли, посеяли. Записал В. П. Зиновьев в 1981 г. от Фёдора Абрамовича Балагурова, 1903 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 263а, м/л 132. Припев следует после каждых трёх стихов. **Ср.:** Шейн, № 388, 389; Новг., № 134; Бахтин, № 161; РЛПС, № 203; Бол.-Мель. 1985, № 177, 178.

96. — А мы просо сеяли, сеяли. Записал В. П. Зиновьев в 1974 г. от Августы Кирилловны Зиновьевой, 1919 г. рожд., в г. Нерчинске Читинской обл. Зиновьев V, № 227. Каждый стих, кроме 25-го и 26-го, повторяется. Во время пения две цепи играющих — парни и девушки — попеременно идут навстречу друг другу. После слов «выпускайте девицу, девицу» выбранная девушка переходит в другую группу.

Одна из самых известных игровых песен, включавшаяся в сборники с XVIII в. **Вар.:** Зиновьев V, № 225а, 226, 228, 229 — Дарасун-1975, Знаменка-1976, Курумдюкан-1980, Шелопугино-1981. **Ср.:** Чулков, с. 770; Львов-Прач, № 121; Киреевский, № 2651; Шейн, № 382–385; Гнатюк, с. 31; Соболевский VII, № 695–704; Соколовы, № 377; Листопадов IV, № 142, 168, 237; Пинежье, № 106 (там же на с. 478–479 указаны варианты в публикациях конца XVIII-начала XX вв.); Новг., № 115; РЛПС, № 206; Бол.-Мель. 1985, № 193, 194; Тува, № 76.

97. — На горе-то мак, мак. Записал В. П. Зиновьев в 1980 г. от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., в с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 247, м/л 91.

Игровая песня, известная по публикациям с XVIII в. **Ср.:** Львов-Прач, № 136; Киреевский, № 2883; Шейн, № 276, 277; Соболевский VII, № 26, 616–621; Листопадов IV, № 196, 213; Новг., № 133, РЛПС, № 118.

98. Сидит дрёма. Записал В. П. Зиновьев в 1974 г. от Анны Ивановны Носковой, 1901 г. рожд., в с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 266. Все стихи повторяются.

Игровая песня, исполнявшаяся на вечёрках-«имельцах» на святках. Один — «дрёма» — сидит на стуле, накрытый платком, остальные водят хоровод и поют. После песни «дрёма» кого-то выбирает и целует, выбранный садится вместо него. **Вар.:** Зиновьев V, № 264а, 265 — Курумдюкан-1980, Шелопугино-1981. **Ср.:** Киреевский, № 2888; Соболевский II, № 648; Листопадов IV, № 192; Печора, № 275; РЛПС, № 109; Бол.-Мель. 1985, № 22; Тува, № 79. См. также № 99 наст. сб.

99. Сидит дрёма. Записал В. П. Зиновьев в 1981 г. от Татьяны Зиновьевны Балагуровой, 1899 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 264б, м/л 131. Все стихи повторяются. См. коммент. 98.

100. Как летели птички — ростом невелички. Записал В. П. Зиновьев в 1974 г. от Августы Кирилловны Зиновьевой, 1919 г. рожд., в г. Нерчинске Читинской обл. Зиновьев V, № 238. Припев — после каждого стиха.

Играющие поют, следуя рядами друг за другом, в соответствии с песней покачивая руками-«крыльями», поворачивая головы в стороны, присаживаясь на корточки, в конце целуются и разбегаются. **Ср.:** Соколовы, № 417; РЛПС, № 126; Бол.-Мель. 1985, № 82–84; Тува, № 54.

101. Полетел воробей во долину. Записали Т. Карягина, В. Кузьмина в 1978 г. от Анфисы Дмитриевны Тирских, 1914 г. рожд., в с. Карда Усть-Удинского р-на Иркутской обл. Зиновьев V, № 262. Каждый стих повторяется. **Ср.:** Шейн, № 395.

102. Кругом столба я хожу. Записали Т. Карягина, В. Кузьмина в 1978 г. от Анфисы Дмитриевны Тирских, 1914 г. рожд., в с. Карда Усть-Удинского р-на Иркутской обл. Зиновьев V, № 246.

Игровая песня. **Ср.:** Киреевский, № 2882; Соболевский VII, № 679–681; Печора, № 274; РЛПС, № 105; Элиасов 1963, № 335; Потанина 1979, № 208, 209; Бол.-Мель. 1985, № 5.

103. Хожу я, гуляю во всём хороводе. Записал В. П. Зиновьев в 1974 г. от Августы Кирилловны Зиновьевой, 1919 г. рожд., в г. Нерчинске Читинской обл. Зиновьев V, № 268. Припев следует после каждых двух стихов.

Широко известная игровая песня. «Жених» поочередно вводит в круг выбранных. Парно — «шурин» с «сестреницей» и «тесть» с «тёщей» — идут за «женихом» и «невестой», затем, со второй половины песни, становятся против «жениха», он возвращает выбранных, кроме «невесты», в хоровод и целует «невесту». **Ср.:** Киреевский, № 1151, 2933; Соболевский VII, № 505–513; Пинежье, № 129 (там же на с. 496–497 указаны варианты в публикациях XIX-начала XX вв.); Печора, № 273; Новг., № 118; Пушк., № 125; РЛПС, № 143; Бол.-Мель. 1985, № 50.

104. Всё бы я по горенке ходила. Записал В. П. Зиновьев в 1974 г. от Августы Кирилловны Зиновьевой, 1919 г. рожд., в г. Нерчинске Читинской обл. Зиновьев V, № 237.

Игровая песня. Играющие парами ходят друг за другом, в конце песни «кавалер» целует «барышню». **Ср.:** Киреевский, № 1359; Соболевский V, № 432–434; Бол.-Мель. 1985, № 263.

105. В хороводе были мы. Записал В. П. Зиновьев в 1974 г. от Августы Кирилловны Зиновьевой, 1919 г. рожд., в г. Нерчинске Читинской обл. Зиновьев V, № 231. Каждый стих повторяется.

Игровая песня. Девушка с парнем стоят внутри круга. «Кавалер» выполняет требования хоровода, после чего выбирается новая пара: «кавалером» — «барышня», «барышней» — «кавалер». **Вар.:** Зиновьев V, № 230, 230а,б, 232, 233 — Зюльзя-1976, Бура и Аталанка-1978, Шелопугино (2)-1981. **Ср.:** Соболевский VII, № 564–566; РЛПС, № 138; Элиасов 1963, № 339; Бол.-Мель. 1985, № 47, 48; Тува, № 60. См. также № 106 наст. сб.

106. В хороводе были мы. Записали Т. Карягина и В. Кузьмина в 1978 г. от Анфисы Дмитриевны Тирских, 1914 г. рожд., в с. Карда Усть-Удинского р-на Иркутской обл. Зиновьев V, № 234. Каждый стих повторяется. См. коммент. 105.

107. По ельничку, по березничку. Записал В. П. Зиновьев в 1974 г. от Августы Кирилловны Зиновьевой, 1919 г. рожд., в г. Нерчинске Читинской обл. Зиновьев V, № 250. Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется. **Вар.:** Зиновьев V, № 249, 260, 261 — Кактолга-1978, Бори и Бянкино-1979. **Ср.:** Соболевский IV,

№ 320; Элиасов 1963, № 367; Бол.-Мель. 1985, № 91; Тува, № 62, РЛПС, № 185. См. также 2-ю часть № 111 наст. сб.

108. Собирались девицы на синё море. Записали Н. Андреева, Е. Какунина, М. Керн в 1975 г. от Ольги Терентьевны Юдиной, 1905 г. рожд., в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 267.

Эта игровая песня, известная по публикациям со 2-й половины XIX в., часто бытовала и как плясовая. **Ср.:** Соболевский IV, № 220–222; Соколовы, № 467; Печора, № 209, 222; Пушк., № 140; Элиасов 1963, № 362; Бол.-Мель. 1985, № 157; РУ, № 174; Тува, № 66; РЛПС, № 193, 194.

109. Как у нашей Дуни. Записал В.П. Зиновьев в 1978 г. от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. рожд., в д. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 245. Хороводная песня. **Ср.:** Якушкин II, № 335; Шейн, № 1027–1029; Бол.-Мель. 1985, № 95.

Плясовые песни

110. Ах, вы сени, мои сени, сени новые мои. Записал В.П. Зиновьев в 1981 г. от Фёдора Абрамовича Балагурова, 1903 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 332а.

Одна из самых распространённых по всей России плясовых песен, включавшаяся в сборники с XVIII в. **Вар.:** Зиновьев V, № 331–333, 335, 336, 332б — Шелопугино-1976, 1981, Бори и Усть-Начин-1977, Аталанка-1978, Бори-1979. **Ср.:** Львов-Прач, № 92; Киреевский, № 1177, 1901; Соболевский II, № 72–78; Бардин, № 10; Новг., № 178; РЛПС, № 362; Гуревич-Элиасов, № 158; Элиасов 1963, № 329; Элиасов 1966, № 153; Дорофеев, № 44. См. также № 111 наст. сб.

111. Уж вы сени, мои сени, сени новые мои. Записали А. Кукса, А. Швецов в 1978 г. от Настасьи Трифоновны Субботиной, 1898 г. рожд., в с. Бурукан Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 334, м/л 66. Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется.

Контаминированный вариант предшествующей песни: концовка — фрагмент песни «По ельничку, по березничку» (см. № 107 наст. сб). См. коммент. 110.

112. По улице мостовой, по широкой столбовой. Записали В.П. Зиновьев, Е. Какунина, А. Порошина в 1976 г. от Фёдора Абрамовича Балагурова, 1903 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 360.

Одна из самых популярных плясовых песен, известная по публикациям с XVIII в. **Вар.:** Зиновьев V, № 360а,б, 361, 362 — Дарасун-1975, Кумаки-1976, Шелопугино (2)-1981. **Ср.:** Львов-Прач, № 101; Киреевский, № 1411, 1492, 2278; Соболевский IV, № 740–743; Соколовы, № 399; Листопадов IV, № 57, 115; Путилов, № 98; Бардин, № 117; Печора, № 228; Новг., № 164; Элиасов 1963, № 302; РУ, № 172; РЛПС, № 244.

113. Выйду ль я на реченьку, посмотрю ль на быстрюю. Записали Е. Какунина, А. Порошина в 1976 г. от Фёдора Абрамовича Балагурова, 1903 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 42.

Эта песня известна по публикациям с XVIII в. **Вар.:** Зиновьев V, № 42а — Шелопугино-1981. **Ср.:** Львов-Прач, № 75; Соболевский IV, № 528–535; Листопадов IV, № 119; Печора, № 62, 226.

114. Вот пошли наши подружки. Записали Н. Андреева, Е. Какунина, М. Керн в 1975 г. от Ольги Терентьевны Юдиной, 1905 г. рожд., в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 344. Чётные стихи повторяются с добавлением в начале «ой, да».

Стяжённый вариант плясовой песни, включавшейся в сборники с XVIII в. **Ср.:** Львов-Прач, № 67; Соболевский IV, № 269–272; Печора, № 340; Новг., № 155.

115. Бежал Ваня да торопился. Записали А. Кукса, А. Швецов в 1978 г. от Настасьи Трифоновны Субботиной, 1898 г. рожд., в с. Бурукан Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 346, м/л 66.

Песня известна по публикациям с XIX в. **Ср.:** Соболевский III, № 336; VII, № 245; Соколовы, № 464; Листопадов IV, № 194.

116. Ох, у всех-то мужья добры. Записали Н. Новикова, Л. Попова в 1974 г. от Юлии Афанасьевны Крыловой, 1907 г. рожд., в с. Зюльзя Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 365, м/л 17. Текст представляет собой контаминацию нескольких плясовых песен. См. № 117–119 наст. сб.

117. У людей-то мужья добры. Записали Л. Павловская, Н. Скобёлкина в 1976 г. от Фёклы Фёдоровны Писаревой, 1904 г. рожд., в с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 366.

Текст представляет собой контаминацию двух песен: «Чужие мужья добры» (№ 116 наст. сб.) и «Ой, вставала я ранёшенько» (№ 118 наст. сб.). **Ср.:** Киреевский, № 1503, 2502; Соболевский VII, № 136–142; Листопадов IV, № 104; Бардин, № 149; Новг., № 175; РЛПС, № 295; Красноярск, с. 96; Бол.-Мель. 1985, № 276.

118. Калинка, калинка моя. Записал В. П. Зиновьев в 1981 г. от Фёдора Абрамовича Балагурова, 1903 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 364в, м/л 130. Второе, четвёртое и последнее двустушия повторяются.

Одна из самых популярных плясовых песен, известная с XVIII в. (ВБ, № 4.2). **Вар.:** Зиновьев V, № 367 — Нижние Ключи-1980. **Ср.:** Львов-Прач, № 110; ЛН, с. 431–432; Шейн, № 610, 611; Соболевский III, № 133; Новг., № 175. См. также № 116, 117 наст. сб.

119. Я на праздник по гостям пошла. Записал А. Кукса в 1977 г. от Федосьи Фёдоровны Анциферовой, 1916 г. рожд., Натальи Михайловны Анциферовой, 1956 г. рожд., в д. Усть-Начин Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 369. **Ср.:** Киреевский, № 2533. См. также № 116 наст. сб.

120. Ох, во пиру я была, во беседушке. Записали М. Аристова, Н. Додатко, Л. Жижкина, А. Порошина в 1975 г. от Надежды Павловны Ивановой в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 340.

Одна из самых популярных плясовых песен, включавшаяся в сборники с конца XVIII в. Заключительные стихи — ср. № 15 наст. сб. **Вар.:** Зиновьев V, № 337–339, 341–343, 337б — Нижняя Куэнга-1974, Шелопугино-1976, 1981, Бори (2) и Фирсово-1977, Пешково-1979. **Ср.:** Киреевский, № 1488; Соболевский II, № 399–412; Соколовы, № 448; Пинежье, № 47 (там же на с. 434–435 указаны варианты в публикациях конца XVIII — начала XX вв.); Мезень, № 93; Пушк., № 63; РЛПС, № 301; Элиасов 1963, № 281; Элиасов 1966, № 156; Дорофеев, № 62; Бол.-Мель. 1985, № 299; Тува, № 100. См. также № 121 наст. сб.

121. Во пиру-то была, да, во беседушке. Записал В.П. Зиновьев в 1981 г. от Фёдора Абрамовича Балагурова, 1903 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 337а, м/л 130. См. коммент. 120.

122. Ой, серёжки на окошке. Записали И. Смолина, М. Соловьёва в 1979 г. от Антонида Николаевны Чикичёвой, 1923 г. рожд., в с. Нижние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 359, м/л 80.

123. Я не чаяла сегодня угореть. Записали Л. Павловская, Н. Скобёлкина в 1976 г. от Фёклы Фёдоровны Писаревой, 1904 г. рожд., в с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 371. **Ср.:** Чулков III, № 195; Соболевский IV, № 211; Путилов, № 62; Бол.-Мель. 1985, № 269.

124. Ой, дома ли голубушка моя? Записали А. Кукса, Н. Скобёлкина, М. Эссер в 1978 г. от Анны Петровны Астафьевой, 1917 г. рожд., Марии Яковлевны Хариной, 1910 г. рожд., Настасьи Фёдоровны Скоблицыной в с. Кактолга Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 355. Каждый стих повторяется.

Текст представляет собой контаминацию фрагментов нескольких песен. Мотив «грушицы»: ЛН, с. 616; Соболевский IV, № 26; Листопадов IV, № 141.

125. Как на этой на долинке. Записали О. Соболева, М. Соловьёва в 1976 г. от Дмитрия Феофановича Воложанина, 1896 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 351. Каждый четвёртый стих повторяется.

Песня известна по публикациям с XIX в., иногда представлена как обрядовая (гадание на венках — распространённый семицко-троицкий обряд). **Ср.:** Шейн, № 1245; Соболевский V, № 10; Путилов, № 162; Новг., № 137; Бол.-Мель. 1981, № 397.

126. Вот с ножки на ножку поскакиваю. Записали Н. Новикова, Л. Попова в 1976 г. от Юлии Афанасьевны Крыловой, 1907 г. рожд., в с. Зюльзя Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 345, м/л 17. Припев следует после каждого двустушия. **Ср.:** Шейн, № 681; Киреевский, № 1865; РЛПС, № 11; Путилов, № 72; Бол.-Мель. 1985, № 234.

127. Как на Шилке на вокзале. Записали Белоницкая, Зиновьева в 1974 г. от А. Беломестных, 1907 г. рожд., в с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 350. Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется, «да» в начале при этом опускается. **Ср.:** Элиасов 1963, № 352; Элиасов 1966, № 165.

128. Ой, по тебе, моя Подгорна, да. Записали В.П. Зиновьев, Е. Какунина, А. Порошина в 1976 г. от Татьяны Зиновьевны Балагуровой, 1899 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 357, м/л 36. **Вар.:** Зиновьев V, № 364б — Шелопугино-1981. «Подгорна» (как и «комаринский», «барыня», «бобреха» — см. № 129–131 наст. сб.) — разновидность припевок, исполнявшихся под пляску в д. Туров Шелопугинского р-на Читинской обл., откуда родом исполнительница.

129. Ой, комаринской, комаринской мужик. Записал В.П. Зиновьев в 1981 г. от Татьяны Зиновьевны Балагуровой, 1899 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 356а, м/л 131. См. коммент. 128.

130. Барыня, барыня. Записал В.П. Зиновьев в 1981 г. от Татьяны Зиновьевны Балагуровой, 1899 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 336а, м/л 131. **Ср.:** РЛПС, № 377, 378. См. коммент. 128.

131. Ты Бобреха, да я Бобров. Записал В.П. Зиновьев в 1981 г. от Фёдора Абрамовича Балагурова, 1903 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев

V, № 364а, м/л 130. **Вар.:** Зиновьев V, № 364б — Шелопугино-1981. См. коммент. 128.

132. Зять на теще капусту возил. Записал В.П. Зиновьев в 1974 г. от Августы Кирилловны Зиновьевой, 1919 г. рожд., в г. Нерчинске Читинской обл. Зиновьев V, № 348.

Плясовая песня, известная по публикациям с XVIII в., которую иногда относят к скоморошинам. **Вар.:** Зиновьев V, № 347а — Шелопугино-1981. **Ср.:** Чулков II, № 196; Листопадов IV, № 90; Пушк., № 102; Новг., № 1.

133. Как надену я на ножки красные сапожки. Записала Л. Кустова в 1975 г. от Ольги Литвиновой, 1966 г. рожд., в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 352.

Шуточные песни

134. А где это слыханое. Записал В.П. Зиновьев в 1974 г. от Августы Кирилловны Зиновьевой, 1919 г. рожд., в г. Нерчинске Читинской обл. Зиновьев V, № 270.

Фрагмент небылицы. **Вар.:** Зиновьев V, № 269, 269а — Усть-Начин-1977, Шелопугино-1981. **Ср.:** Киреевский, № 2820; Якушкин I, № 359; Шейн, № 1018; Соболевский VII, № 326, 327; Новг., № 2; РЛПС, № 370; Потанина 1979, № 209; Красноярск, с. 97.

135. По большой просёлочной дороге. Записала Преображенская в 1974 г. от Сергея Голобокова, 1968 г. рожд., в с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 302. Текст является примером современной небылицы.

136. Вот приехали два брата. Записал В.П. Зиновьев в 1981 г. от Фёдора Абрамовича Балагурова, 1903 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 277а, м/л 130. Припев следует после каждого двустишия.

Шуточная песня, возникшая на основе известной с XVII в. сатирической песни о братьях-неудачниках. Популярны и сказки-анекдоты на этот сюжет (СУС, № 1716*). **Ср.:** Киреевский, № 1975, 2740; Якушкин I, № 76; Шейн, № 950, 951; Балашов, с. 320; Соболевский VII, № 1–15; Соколовы, № 646. См. также № 137 наст. сб.

137. Вот приехали два брата. Записала Преображенская в 1974 г. от Людмилы Лобиной, 1959 г. рожд., в с. Нижняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 278. Припев следует после каждого двустишия. См. коммент. 136.

138. — Уж ты зайлька мой. Записали А. Володько, Н. Скобёлкина, И. Смолина в 1979 г. от Анны Ефимовны Ивановой, 1922 г. рожд., в с. Бори Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 326.

Эта известная шуточная песня, включавшаяся в сборники с конца XVIII в., часто исполнялась и как игровая. **Ср.:** Киреевский, № 1217; Шейн, № 348–352; Соболевский VII, № 492–499; Соколовы, № 379; Бардин, № 4; Башк., № 95; Пушк., № 134; Тува, № 82; РЛПС, № 121. См. также № 139 наст. сб.

139. — Зайлька, где ты был? Записали Н. Андреева, Е. Какунина, М. Керн в 1975 г. от Анны Иннокентьевны Сорокиной, 1910 г. рожд., в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 327. См. коммент. 138.

140. А я по лугу. Записала Лопуцкая в 1974 г. от Татьяны Судаковой, 1963 г. рожд., в с. Нижняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 272. Каждый стих повторяется.

Эта песня, известная по публикациям с XIX в., часто бытовала и как плясовая. **Ср.:** Киреевский, № 2368; Шейн, № 630, 631, 633; Соболевский VII, № 157; Мезень, № 101; Новг., № 240; Гуревич-Элиасов, № 160.

141. Все мы песни перепели. Записали А. Кукса, А. Швецов в 1978 г. от Агафьи Понифатьевны Ёлгиной, 1905 г. рожд., Настасьи Трифоновны Субботиной, 1898 г. рожд., в с. Бурукан Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 285, м/л 66. Каждый стих повторяется, при этом «эх» в начале чётных стихов опускается.

Шуточная песня на очень популярный сюжет «Смерть и похороны комара». Старейшие записи относятся к первой половине XVIII в. (Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы. Т. I. — СПб., 1900. С. 308–313). **Вар.:** Зиновьев V, № 282, 284, 286 — Дарасун (2) и Кумахта-1975. **Ср.:** Шейн, № 999; Соболевский VII, № 444; Чернышев, № 309; Новг., № 239; РЛПС, № 262; Элиасов 1963, № 294, 295; РУ, № 182; Тува, № 85. Существуют и другие версии этой песни: см. № 142, 143 наст. сб.

142. Комара муха любила — ох, ох! Записали Н. Новикова, Л. Попова в 1976 г. от Людмилы Павловны Алексиной, 1939 г. рожд., Валентины Демьяновны Бянкиной, 1941 г. рожд., в с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 295, м/л 45.

Иная версия предшествующей песни. **Вар.:** Зиновьев V, № 283, 287 — Кулаково-1969, Кумаки-1974. **Ср.:** Чулков I, № 197; Чернышев, № 307; Киреевский, № 2696, 2987; Шейн, № 998, 1000; Соболевский VII, № 440, 441; Новг., № 237; Бахтин, № 241. См. коммент. 141.

143. Все мы песни перепели. Записал А. Кукса в 1977 г. от Федосьи Фёдоровны Анциферовой, 1916 г. рожд., Натальи Михайловны Анциферовой, 1956 г. рожд., в д. Усть-Начин Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 280. Каждый стих повторяется.

Текст представляет собой контаминацию двух песен: «Комарок» и «Пошли девки на работу» (см. коммент. 141, 144). **Вар.:** Зиновьев V, № 281 — Бори-1979.

144. Пошли девки на работу. Записали В. Брагина, О. Литвинова, Т. Максимова, В. Мальцев в 1975 г. от Владимира Александровича Почтарёва, 1907 г. рожд., в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 307. Эта популярная шуточная песня часто бытовала и как плясовая. **Ср.:** Киреевский, № 1425, 1802, 1833, 1870а; Якушкин I, № 178, 278; РЛПС, № 223.

145. Собрались красны девки. Записали Н. Андреева, Е. Какунина, М. Керн в 1975 г. от Ольги Терентьевны Юдиной, 1905 г. рожд., в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 322.

Одна их самых популярных шуточных песен, известная по публикациям с XVIII в. **Вар.:** Зиновьев V, № 277 — Подойницыно-1976. **Ср.:** Чернышев, № 145; Киреевский, № 1400, 1454; Шейн, № 914; Соболевский VII, № 30–37; Соколовы, № 426; Мезень, № 100; Новг., № 241; Гуревич-Элиасов, № 113; Элиасов 1963, № 282; Дорофеев, № 39, 81; Бол.-Мель. 1981, № 410; Бол.-Мель. 1985, № 245; Красноярск, с. 94; РЛПС, № 158. См. также № 146 наст. сб.

146. Вечор девки. Записали Е. Какунина, А. Порошина в 1976 г. от Екатерины Иннокентьевны Димовой в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 276. Каждый стих повторяется. См. коммент. 145.

147. Неровня ли муж навяжется. Переписали Г. Пикуцкая, З. Синелобова, Н. Скобёлкина, М. Эссерт в 1977 г. из школьного альбома в с. Ломы Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 299.

Фрагмент широко известной шуточной песни о нелюбимом (старом, ревнивом, пьянице) муже, встречающейся в сборниках с XVIII в., часто с запевом «Выходите, красные девушки». Эта песня иногда бытовала и как хороводная или плясовая. **Ср.:** Трутовский I, № 6; Львов-Прач, № 95; Киреевский, № 1109, 1313; Чернышев, № 204; Соболевский II, № 113–130; III, № 134; Гуревич-Элиасов, № 72; Элиасов 1963, № 336; Потанина 1979, № 203; Красноярск, с. 41; Бол.-Мель. 1985, № 238.

148. У Ивана у болвана жена пряльня была. Записали А. Кукса, А. Швецов в 1978 г. от Агафьи Понифатьевны Ёлгиной, 1905 г. рожд., в с. Бурукан Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 325, м/л 66.

Шуточная песня, часто встречающаяся в контаминации с другими песнями о нерадивой хозяйке. **Ср.:** Львов-Прач, № 71; Киреевский, № 1397, 2763, 2807; Шейн, № 598–600; Соболевский VII, № 123, 126, 127; Соколовы, № 414; Пушк., № 100; Гуревич-Элиасов, № 159; Элиасов 1963, № 325.

149. Баба сеяла муку. Записали Н. Андреева, Е. Какунина, М. Керн в 1975 г. от Олимпии Константиновны Зориной, 1913 г. рожд., в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 273.

Эта песня встречается в сборниках с конца XVIII в. **Ср.:** Чулков I, № 116; Шейн, № 927, 928; Соболевский VII, № 23–29; Башк., № 133; Элиасов 1963, № 348.

150. Расскажу тебе, кума. Записали Л. Павловская, Н. Скобёлкина в 1976 г. от Марии Семёновны Астраханцевой, 1921 г. рожд., в с. Беломестново Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 320, м/л 31. Чётные стихи, кроме трёх последних, повторяются с добавлением начального «ой». **Ср.:** Новг., № 250.

151. — А скажи, моя Марусенька, не утай, моя душечка. Записали Л. Горбатко, Н. Погуральская, А. Хачумова в 1975 г. от Бориса Павловича Ведерникова, 1898 г. рожд., Лукерьи Николаевны Ведерниковой, 1908 г. рожд., в с. Кумахта Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 271. Каждый стих, кроме, 1, 3, 7 и 11-го, повторяется.

Шуточная песня, известная по публикациям с XVIII в. **Ср.:** Соболевский VII, № 472–474; Листопадов IV, № 74; Бахтин, № 242.

152. Как у нашего соседа собиралася беседа. Записали В. П. Зиновьев, Е. Какунина, А. Порошина в 1976 г. от Фёдора Абрамовича Балагурова, 1903 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 294, м/л 36. **Ср.:** Красноярск, с. 108.

153. Вот пьяница по улице идёт. Записали Н. Новикова, О. Соболева, М. Соловьёва в 1976 г. от Леонтия Ильича Анциферова, 1883 г. рожд., в с. Зюльзя Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 279.

154. Уж я дайте-ка женюсь и богато буду жить. Записали А. Володько, Н. Скобёлкина, И. Смолина в 1979 г. от Анны Ефимовны Ивановой, 1922 г. рожд., в с. Бори Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 328.

155. Три года я носил одну портянку. Записали Г. Горянова, И. Мазур, М. Саванжа в 1977 г. от Николая Иннокентьевича Бочкарникова, 1920 г. рожд., Капиталины Еремеевны Бочкарниковой, 1921 г. рожд., в с. Ералга Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 323.

156. Шёл я улицей Варваркой. Записали Л. Казакова, М. Княжева, Е. Куликова в 1977 г. от Аксиньи Иннокентьевны Тонких, 1898 г. рожд., в с. Бори Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 329. **Ср.:** Новг., № 246.

157. — Где же ты был, Савушка? Записали Н. Андреева, Е. Какунина, М. Керн в 1975 г. от М.С. Ивановой в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 288.

158. — Где ты, Ваня, пропал? Записал В.П. Зиновьев в 1979 г. от Валентина Константиновича Дружинина, 1932 г. рожд., в с. Бори Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 289, м/л 86. **Вар.:** Зиновьев V, № 290 — Дарасун-1975.

159. Посылала меня мать, посылала меня мать. Записали Н. Новикова, Л. Попова в 1976 г. от Людмилы Павловны Алексиной, 1939 г. рожд., Валентины Демьяновны Бянкиной, 1941 г. рожд., в с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 305, м/л 45. Чётные стихи повторяются.

Шуточная песня, встречающаяся в сборниках с XVIII в. **Вар.:** Зиновьев V, № 306 — Дарасун-1975. **Ср.:** Львов-Прач, № 142; Соболевский VII, № 80; Листопадов IV, № 91; Красноярск, с. 102.

160. Не ухаживаю я, милёнок, извиняюсь. Записали Н. Новикова, Л. Попова в 1974 г. от Веры, Зинаиды и Тамары Кожиных в с. Зюльзя Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 298, м/л 17. Припев повторяется после каждого стиха.

161. Я уеду туда, где густая рожь. Записали Э. Лямина, М. Соловьёва, Т. Усова в 1980 г. от Анны Егоровны Макаровой, 1928 г. рожд., в с. Курумдюкан Газимуровского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 330, м/л 105.

Свадебные песни

162. [— Берёзка, берёзонька]. Записали В.П. Зиновьев, Н. Новикова, Л. Попова в 1974 г. от Клавдии Антоновны Барановой, 1915 г. рожд., в с. Кибасово Шилкинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1994, м/л 18.

Известен и другой зачин этой песни: «Ой, да ты рябина, рябинушка». В Забайкалье она часто исполнялась во время троицкого обряда «завивания берёзки». Из 10 вариантов, хранящихся в картотеке В.П. Зиновьева, 7 связываются исполнителями с Троицей и только 3 — со свадьбой. **Вар.:** Зиновьев V, № 1993, 1995–2001 — Знаменка, Зюльзя и Кумаки-1976, Усть-Начин-1978, Бори (2) и Пешково (2)-1979. **Ср.:** Колпакова, № 20, 21 («Девушка перед просватаньем»). См. также № 163 наст. сб.

163. — Ох, берёзонька моя раскудрявая. Записали Н. Андреева, Е. Какунина, М. Керн в 1975 г. от Ольги Терентьевны Юдиной, 1905 г. рожд., в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 2002. См. коммент. 162.

164. Подходила наша свахонька. Записал В.П. Зиновьев в 1979 г. от Аграфены Гавриловны Пахмутовой, 1911 г. рожд., уроженки Вятской губ., в с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 2013, м/л 89.

Восхваление чужой стороны и опровержение этого (ВБ, № 90) — распространённый мотив в свадебных песнях. Повторная запись от той же исполнительницы была сделана в 1983 г. (Нерчинск, с. 110). **Ср.:** Якушкин I, № 91; Языковы, № 366; Новг., № 301; Потанина 1979, № 1, 3–5 («Просватанье»); РОФС, № 25, 59.

165. Спородила меня да матушка. Записали Е. Кобак, Н. Серова в 1979 г. от Марии Ермолаевны Мясниковой, 1918 г. рожд., в с. Бишигино Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 2024. Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется. **Вар:** Зиновьев V, № 2022 — Маккавеево-1975. **Ср.:** Гуревич-Элиасов, № 60; Элиасов 1969, № 140, 193; Потанина 1979, № 114–116 («Рукобитье»), Потанина 1981, № 212 («В ожидании поезда»). См. также № 166 наст. сб.

166. Породила меня мамушка. Записал В.П. Зиновьев в 1969 г. от Ольги Михайловны Надёжкиной, 1897 г. рожд., в с. Нижние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 2023. См. коммент. 165.

167. Ты садись, родимый тятенька. Записала Л.Новикова в 1977 г. от Екатерины Евсеевны Пешковой, 1902 г. рожд., в пос. Оловянная Читинской обл. Зиновьев V, № 2027.

Текст контаминирован: первая часть со слов «Когда я была малёшенька» бытует в Сибири как самостоятельная песня (Гуревич-Элиасов, № 61, 62; Элиасов 1969, № 139, Потанина 1979, № 104–107, 109–112), вторая часть — на сюжет «Мать отправляет дочь на судне» (ВБ, № 32.2 — Якушкин I, № 73; Печора, № 56; Новг., № 11) — перекликается с известной свадебной песней «Разлилась вода вешняя» (см. коммент. 184). Мотив возвращения дочери в образе птицы в родительский дом часто встречается в семейных протяжных песнях (см. 23, 24 наст. сб.).

168. При долине куст рябиновый стоял. Записал В.П. Зиновьев в 1974 г. от Афанасия Дементьевича Конёва, 1904 г. рожд., Агриппины Васильевны Корниловой, 1904 г. рожд., Агафьи Васильевны Хлестуновой, 1910 г. рожд., в с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 141, м/л 22.

Эта песня, известная по публикациям с XVIII в., часто бытовала и как плясовая. **Вар.:** Зиновьев V, № 142 — Новодоронинск-1975. **Ср.:** Чулков II, № 164, III, № 193; Киреевский, № 2279, 2589; Шейн, № 726, 1147; Соболевский IV, № 631–633; Соколовы, № 460; Листопадов IV, № 38; Бардин, № 20; Башк., № 56; Мезень, № 119; Колпакова, № 149, 150 («Предсвадебная неделя»); Новг., № 210; Пушк., № 73; Гуревич-Элиасов № 119; Элиасов 1963, № 155; Элиасов 1966, № 91; Бол.-Мель. 1981, № 460; Бол.-Мель. 1985, № 224; РЛПС, № 9. См. также № 169, 170 наст. сб.

169. Эх, на кусточке на веточке соловей сидит. Записали Л. Горбатко, Н. Погуральская, А. Хачумова в 1975 г. от Бориса Павловича Ведерникова, 1898 г. рожд., в с. Кумахта Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 140. См. коммент. 168, 170.

170. Ой, со вечера дорожка шла. Записали А. Кукса, А. Порошина, М. Соловьёва в 1977 г. от Анны Петровны Астафьевой, 1917 г. рожд., Марии Яковлевны Хариной, 1910 г. рожд., в с. Кактолга Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 191. Все стихи, кроме первого, повторяются. **Ср.:** Потанина 1979, № 77, 78 («Смотрини»); РЛПС, № 236. См. коммент. 168.

171. У Ивана-го на широком на дворе. Записал В.П. Зиновьев в 1974 г. от Агриппины Васильевны Корниловой, 1904 г. рожд., в с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 2028, м/л 22. Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется, при этом «да» в начале опускается.

В Сибири эта песня иногда встречается с зачином «У реки было, у реченьки». **Ср.:** Гуревич-Элиасов, № 75; Потанина 1979, № 303–307 («Девичник»); РОФС,

№ 21. Образ «птиц райских» в народных песнях часто связывается со свадебной символикой (ср. № 28 наст. сб.).

«Девья красаота» — девичий головной убор невесты. По свидетельству В. И. Колесниковой, жительницы пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл., и К. И. Тонких, уроженки с. Бори Сретенского р-на Читинской обл., в Забайкалье девушки раньше носили повязки из лент или кокошники, украшенные жемчугом и бисером. Прощание невесты с «красотой» и расплетение косы, символизировавшие прощание с девичеством, — один из главных обрядов русской свадьбы.

172. [Мне] недолго жить, красоваться. Записала Л. Новикова в 1977 г. от Екатерины Евсеевны Пешковой, 1902 г. рожд., в пос. Оловянная Читинской обл. Зиновьев V, № 2009.

Песня переключается со свадебными причетами на сюжет «Девушке нигде не укрыть свою волюшку (девью красоту)» (ВБ, № 184).

173. Семена вы мои, семянушки. Записали Н. Новикова, О. Соболева, М. Соловьёва в 1976 г. от Ульяны Андреевны Анциферовой, 1895 г. рожд., в с. Зюльзя Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 2018. **Вар.:** Зиновьев V, № 2019, 2019а — Бори (2)-1979. **Ср.:** РОФС, № 96, 292; Гуревич-Элиасов, № 78; Потанина 1981, № 106, 108–113 («Прощание с красотой»), 443, 449, 450, 454 («После венчания в доме молодого»); РУ, № 190, 208. См. также № 174, 175 наст. сб.

174. Семена вы мои да семянушки. Записали Н. Белоусова, Т. Сафонова в 1979 г. от Марии Георгиевны Пешковой, 1902 г. рожд., в с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 2020а. См. коммент. 173.

175. Семена вы мои голубиные. Записали В. Брагина, О. Литвинова, Т. Максимова, В. Мальцев в 1975 г. от Матрёны Алексеевны Нагибиной, 1895 г. рожд., в пос. Маккавеево Читинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 2020. См. коммент. 173.

176. Всё сборы мои, сборы. Записали В. Брагина, О. Литвинова, Т. Максимова, В. Мальцев в 1975 г. от Матрёны Алексеевны Нагибиной, 1895 г. рожд., в пос. Маккавеево Читинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 2016.

Стяжанный вариант одной из самых распространённых свадебных песен, известной в публикациях с XVIII в. **Ср.:** ЛН, с. 463; Якушкин II, № 205; Соколовы, № 103; Бардин, № 51; Колпакова, № 116, 118–120 («Предсвадебная неделя»), там же на с. 273 указаны опубликованные варианты; Гуревич-Элиасов, № 83, 107; Элиасов 1966, № 114; Потанина 1979, № 332–334 («Девичник»); РУ, № 187; Тува, № 29; РОФС, № 39, 40.

177. Сборная суббота настала. Записали В. Брагина, О. Литвинова, Т. Максимова, В. Мальцев в 1975 от Степана Степановича Тищенко в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 2017. Текст является контаминацией свадебной песни (см. № 176 наст. сб) и причитания невесты.

178. Моя руса коса. Записали В. Брагина, О. Литвинова, Т. Максимова, В. Мальцев в 1975 г. от Матрёны Алексеевны Нагибиной, 1895 г. рожд., в пос. Маккавеево Читинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 2008.

Фрагмент песни «Семена вы мои, семянушки» (см. коммент. 173). **Ср.:** Потанина 1981, № 111–113 («Прощание с красотой»).

179. [Трубушка] трубила рано по заре. Записали Е. Баева, И. Хоменко, И. Шишкина в 1979 г. от Анастасии Степановны Жилкиной, 1910 г. рожд., урожен-

ки Пензенской губ., в с. Рудник-Пешково Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 2025.

Одна из самых распространённых свадебных песен. **Ср.:** Якушкин I, № 426, 482, 612; II, № 481; Соколовы, № 96, 97; Бардин, № 37; Колпакова, № 164, 192, 193 («Девышник. Прощание с косой и волей»); Новг., № 305; Бахтин, № 79; Потанина 1981, № 455, 458 («После венчания в доме молодого»); РОФС, № 289, 290.

180. Что не травка в поле стелется. Записали В. Брагина, О. Литвинова, Т. Максимова, В. Мальцев в 1975 г. от Матрёны Алексеевны Нагибиной, 1895 г. рожд., в пос. Маккавеево Читинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 2031. **Ср.:** РОФС, № 245; Потанина 1981, № 387, 390, 393 («Браньё»).

181. Полежи, гривна, на блюдечке. Записали Н. Новикова, Л. Попова, М. Соловьёва в 1976 г. от Евдокии Яковлевны Мальцевой, 1911 г. рожд., в с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 2015, м/л 44. Каждый стих, кроме трёх первых и последнего, повторяется. **Вар.:** Зиновьев V, № 2015а — Пешково-1979. **Ср.:** РОФС, № 120.

182. Ой, свон, свон женихи. Записал В.П. Зиновьев в 1978 г. от Кристины Александровны Разуваевой, 1916 г. рожд., в с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл. Зиновьев V, № 2010, м/л 62. Каждый стих повторяется с добавлением в чётных стихах начального «да».

183. Что не пыль да ли в поле пылится. Записали Л. Найдено, Т. Нестерова в 1976 г. в с. Оленск Нерчинского р-на Читинской обл. Сведения об исполнителе утрачены. Зиновьев V, № 2030. **Ср.:** ЛН, с. 497.

184. Ты Волга ли, Волга-реченька. Записали А. Кукса, А. Порошина, М. Соловьёва в 1977 г. от Анны Петровны Астафьевой, 1917 г. рожд., Марии Яковлевны Хариной, 1910 г. рожд., Натальи Михайловны Плотниковой в с. Кактолга Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 206.

В этом тексте соединены мотивы двух известных свадебных песен: «Разлилась вода вешняя» [Мать зовёт с берега дочь воротиться за золотыми ключами] (Киреевский, № 275, 290, 724, 749, 990; Якушкин I, № 122; Соболевский III, № 43; Башк., № 80; Колпакова, № 246–249 («День свадьбы. Утро»); Гуревич-Элиасов, № 81, 88; Потанина 1981, № 374; («Браньё») и «Катилось солнце по залесью» [Невеста отказывается от матушкиных ключей] (Шейн, № 17, 18; Колпакова, № 257 («День свадьбы. Утро»); Новг., № 348; Потанина 1981, № 360–363 («Браньё»); РОФС, № 240; РУ, № 189).

185. Что не конь-то берегами бьёт. Записали Е. Кобак, Н. Серова в 1979 г. от Марии Ермолаевны Мясниковой, 1918 г. рожд., в с. Бишигино Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 2029. Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется, при этом «ох» в начале опускается. В 4-м стихе традиционное «стременами (поводами, удилами) пошевеливает» заменено на «стременами почикатывает». **Ср.:** Печора, № 116; Бахтин, № 73; Гуревич-Элиасов, № 84; РОФС, № 298; Потанина 1979, № 169, 170 («Вечерка»); Потанина 1981, № 380 («Браньё»), Бол.-Мель. 1985, № 42; РУ, № 201.

186. По синю морю Волынскому. Записала Л. Новикова в 1977 г. от Екатерины Евсеевны Пешковой, 1902 г. рожд., в пос. Оловянная Читинской обл. Зиновьев V, № 2012.

Широко известная свадебная песня, иногда встречающаяся с запевом «Из-за лесу, лесу тёмного». Ср.: ЛН, с. 484, 500; Якушкин II, № 111; Колпакова, № 267–270 («День свадьбы. Утро»); Новг., № 359, 360; Потанина 1981, № 421–425 («Брань»); РОФС, № 204; Тува, № 30.

Море Волыньское — море Хвалыньское, или Каспийское.

187. — Ой, ласточка да ты касаточка. Записал В.П. Зиновьев в 1978 г. от Кристины Александровны Разуваевой, 1916 г. рожд., в с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл. Зиновьев V, № 2010а, м/л 62.

Песня на распространённый сюжет «Соколы заломили крыло у перепёлки» (ВБ, № 180.8). Ср.: Элиасов 1963, № 210; РОФС, № 29, 30, 134; Тува, № 32.

188. Кони бегут, бегут. Записали Н. Скобёлкина, М. Эссер в 1978 г. от Федосьи Никифоровны Астафьевой, 1900 г. рожд., в с. Кактолга Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 2006. Песню пели при встрече молодых после венчания.

189. Катилося ясное солнце за горья. Записали И. Смолина, М. Соловьёва в 1979 г. от Марии Назаровны Пановой в с. Кудея Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 2005, м/л 82. Каждый стих повторяется с добавлением в начале «ой».

190. А мы поедем во новые да города. Записали В.П. Зиновьев, Н. Новикова, Л. Попова в 1974 г. от Клавдии Антоновны Барановой, 1915 г. рожд., в с. Кибасово Шилкинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 109, м/л 18. Ср.: Соболевский V, № 47; Саратов, № 20; Пушк., № 71; Гуревич-Элиасов, № 127; Элиасов 1966, № 82.

191. Как у месяца, как у светлого звёзды частые. Записали Е. Баева, И. Хоменко, И. Шишкина в 1979 г. от Анастасии Степановны Жилкиной, 1910 г. рожд., в с. Рудник-Пешково Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 2004. Ср.: Башк., 59, 60; Колпакова, № 298–304 («Величания новобрачному»), там же на с. 285 указаны опубликованные варианты; Потанина 1981, № 230, 232, 233 («Сбор поезда»); РОФС, № 159.

192. Ты соколик, соколин сын. Записал В.П. Зиновьев в 1979 г. от Аграфены Гавриловны Пахмутовой, 1911 г. рожд., уроженки Вятской губ., в с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 2021, м/л 89. Повторная запись от той же исполнительницы была сделана в 1983 г. (Нерчинск, с. 110–111). Ср.: РОФС, № 283.

193. У нас нет такого молодца. Записали А. Кукса, А. Порошина, М. Соловьёва в 1977 г. от Анны Петровны Астафьевой, 1917 г. рожд., Марии Яковлевны Хариной, 1910 г. рожд., в с. Кактолга Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 508.

Данный текст, вероятно, является фрагментом широко распространённой песни о сынке Стеньки Разина (ИП XVII, № 163–294; Языковы, № 53–58). С другой стороны, этот отрывок близок некоторым свадебным песням (Шейн, № 727; Соколовы, № 265; Бардин, № 20; Колпакова, № 149; РОФС, № 299, 300).

Военные песни

Рекрутские и солдатские песни

194. Мимо саду, мимо зеленого шли-прошли солдаты. Записал В. П. Зиновьев в 1969 г. от Марии Семёновны Новиковой, 1922 г. рожд., в д. Апрельково Шилкинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 447, м/л 8. Каждый стих повторяется, при этом «и-ой» в конце стиха опускается.

Вариант широко известной песни, часто встречающейся с зачином «Как по Питерской славной дорожке», создание которой относят к началу XVIII в. — времени введения рекрутчины и длительного срока солдатской службы. **Ср.:** Киреевский, № 1607, 2109, 2946, 2986; Якушкин I, № 243; II, № 17, 308; Соболевский VI, № 109, 111, 112; Пинежье, № 4, 90, 135; Путилов, № 37; Башк., № 159, 160; Печора, № 182; Гуревич-Элиасов, № 181; Элиасов 1963, № 215, 217; РЛПС, № 392.

195. Ой, дорожка моя, да приукатанна. Записали В. П. Зиновьев, Е. Какунина, А. Порошина в 1976 г. от Татьяны Зиновьевны Балагуровой, 1899 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 405, м/л 36.

Рекрутская песня с началом, близким зачином казачьих былевых песен (ср. № 85 наст. сб.). **Вар.:** Зиновьев V, № 406 — Дунаево-1974. **Ср.:** Элиасов 1963, № 216; Дорофеев, № 63. См. также № 196 наст. сб.

196. Ты дороженька да приубранная. Записал А. Кукса в 1978 г. от Настасьи Трифоновны Субботиной, 1897 г. рожд., в с. Бурукан Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 407. См. коммент 195.

197. Во субботу, в день ненастный. Записала В. Огородникова в 1979 г. от Тамары Васильевны Епифанцевой, 1932 г. рожд., в с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 377. **Вар.:** Зиновьев V, № 376, 378 — Дарасун-1975, Кулаково-1979. **Ср.:** Бахтин, № 276.

198. За лесом солнце чуть сзарилося. Записал В. П. Зиновьев в 1969 г. от Филиппа Андреевича Блохина в с. Мирсаново Шилкинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 410, м/л 5.

Одна из самых распространённых в Забайкалье казачьих песен. **Вар.:** Зиновьев V, № 409, 409а, 411–424, 424а — Мирсаново, Кибасово (2) и Пешково-1974, Дарасун-1975, Знаменка, Кумаки (3) и Купряково-1976, Старо-Лоншаково и Фирсово-1977, Бори и Пешково-1979, Батакан и Нижние Ключи (2)-1980. В другом забайкальском варианте такой конец:

У нас на службе очень трудно,
У нас занятия всегда.
Придёшь с занятий очень поздно,
Придёшь — не сразу ко столу.
Весь умокнешь и удрогнешь,
Свернёшься, ляжешь на полу.
Не скажет маменька родная:
— Вставай, сынок, попьём чайку.
Не скажет жёнка молодая:
— Вставай, постель я уберу.

(Записал В.П. Зиновьев в 1974 г. от Ксении Ивановны Калиберда, 1917 г. рожд., в с. Кибасово Шилкинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 415). **Ср.:** Листопадов II, № 47, 48; Путилов, № 148; Элиасов 1963, № 220.

199. Последний нынешний денёчек. Записали В.П. Зиновьев, Н. Новикова, Л. Попова в 1974 г. от Ксении Ивановны Калиберда, 1917 г. рожд., в с. Кибасово Шилкинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 552, м/л 18. Второе двестишие каждой строфы, кроме последней, повторяется.

Широко известная рекрутская песня позднего происхождения. **Вар.:** Зиновьев V, № 549–551, 553–560 — Дунаево и Зубарево-1974, Дарасун-1975, Боты, Ломы и Усть-Начин-1977, Карда-1978, Кудея и Пешково (3)-1979. **Ср.:** Новг., № 15; Элиасов 1963, № 219; Элиасов 1966, № 126; Тува, № 152.

200. Садился мальчик на машину. Записали И. Егорова, И. Слепнёва, Т. Труфанова в 1979 г. от Марфы Алексеевны Лоншаковой, 1916 г. рожд., в д. Котельниково Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 466. **Вар.:** Зиновьев V, № 465 — Кумаки-1976. **Ср.:** Элиасов 1963, № 223.

201. Папиросы мы не курим. Записал В.П. Зиновьев в 1977 г. от Марфы Романовны Ларионовой, 1901 г. рожд., в с. Боты Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 458. Второе двестишие каждой строфы повторяется, при этом перед последним стихом добавляется «да».

202. Кругом лесу да обошли. Записали А. Володько, Н. Скобёлкина, И. Смолина в 1979 г. от Анны Ефимовны Ивановой, 1922 г. рожд., в с. Бори Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 514. Строевая казачья песня. **Вар.:** Зиновьев V, № 515 — Кумахта-1975. **Ср.:** Элиасов 1963, № 483.

203. Из-за лесу-лесу копий и мечей. Записали Э. Лямина, М. Соловьёва, Т. Усова в 1980 г. от Егора Степановича Рюмкина, 1907 г. рожд., Анны Егоровны Макаровой, 1927 г. рожд., в с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 513, м/л 105. Строевая казачья песня. **Ср.:** ИП XIX, № 322, 323; Листопадов II, № 210; Бахтин, № 281; Элиасов 1963, № 235.

204. На границе, братцы, мы стояли. Записали А. Кукса, А. Порошина, М. Соловьёва в 1977 г. от Анны Петровны Астафьевой, 1917 г. рожд., Марии Яковлевны Хариной, 1910 г. рожд., Натальи Михайловны Плотниковой в с. Кактолга Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 516. Каждое двестишие, кроме первого, повторяется.

Стяжённый вариант солдатской песни, создание которой относят ко времени Отечественной войны 1812 года. В Забайкалье бытовала как казачья походная песня. **Ср.:** Киреевский, № 1857, 2689; Якушкин I, № 463; II, № 294; ИП XIX, № 110–112; Пушк., № 17; Элиасов 1963, № 269; Элиасов 1969, № 17.

205. По полю, по полюшку ехал казачок. Записали М. Керн, Н. Погуральская в 1976 г. от Татьяны Ивановны Чупровой в с. Подойницыно БалеЙского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 458а.

206. Мы стояли на возморье. Записали Н. Андреева, Е. Какунина, М. Керн в 1975 г. от Василия Зиловича Дутова, 1899 г. рожд., в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 436.

Старая солдатская песня, в годы гражданской войны подвергалась переделкам (см. № 238 наст. сб.). **Вар.:** Зиновьев V, № 438–440 — Бурукан-1978, Нижние Ключи

чи-1979, 1980. **Ср.:** Башк., № 179; Печора, № 142, 316; Новг., № 61; Элиасов 1963, № 228; Элиасов 1966, № 138; Тува, № 148. См. также № 207 наст. сб.

207. Подле моря, моря да мы стояли. Записали М. Аристова, Н. Додатко, Л. Жижкина в 1975 г. от Ивана Алексеевича Брынина в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 435. См. коммент. 206.

208. На русско-германской границе. Записал В. П. Зиновьев в 1969 г. от Карпа Фёдоровича Васильева, 1892 г. рожд., в с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 535, м/л 7.

Песня была создана, вероятно, в годы Русско-японской войны и получила широкую известность во время Первой мировой войны. В опубликованных вариантах она имеет разные зачины: «Близ моря, на Дальнем Востоке», «В долине турецкой границы», «Близ Вислы, на прусской границе» и др. **Ср.:** Бардин, № 108; Элиасов 1963, № 239; Элиасов 1969, № 32.

К. Ф. Васильев — участник империалистической войны, казак I Нерчинского полка, запевала.

209. Там, где радостью раньше дышали. Записал В. П. Зиновьев в 1969 г. от Карпа Фёдоровича Васильева, 1892 г. рожд., в с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 562, м/л 7. Второе двустиишие каждой строфы, кроме последней, повторяется.

210. Ночи тёмны, да тучи грозны. Записали О. Бочарова, С. Пачерская, М. Соловьёва в 1975 г. от Анны Ивановны Макаровой, 1948 г. рожд., в пос. Атамановка Читинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 682.

Эта песня, возникновение которой относят к концу XVIII в., получила широкую известность в XIX в. в связи с походом русских войск на Варшаву в 1831 г. (ИП XIX, с. 24). **Ср.:** ИП XIX, № 329–338; Киреевский, № 2086; ЛН, с. 402; Якушкин II, № 50, 236; Соколовы, № 614; Бардин, № 98; Башк., № 178; Печора, № 139, 314; Элиасов 1963, № 237; Элиасов 1966, № 139.

211. Ой, да ты калинушка-размалинушка. Записали Н. Новикова, Л. Попова в 1976 г. от Валентины Демьяновны Бянкиной, 1941 г. рожд., в с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 450, м/л 45. **Вар.:** Зиновьев V, № 449, 451, 452, 454, 455, 457 — Усть-Карск-1974, Дарасун и Новодоронинск-1975, Унда-1976, Ломы-1977, Рудник-Пешково-1979. **Ср.:** Листопадов II, № 91; Путилов, № 93; Гуревич-Элиасов, № 180; Элиасов 1963, № 260; Элиасов 1966, № 140; Элиасов 1969, № 57; РЛПС, № 405; Тува, № 147. См. также № 212, 213 наст. сб.

212. Ой, да ты калинушка, ой, размалинушка. Записал А. Кукса в 1978 г. от Настасьи Трифоновны Субботиной, 1897 г. рожд., в с. Бурукан Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 456. Каждый стих, кроме первого, повторяется. См. коммент. 211.

213. Ой, да ты калинушка-размалинушка. Записали А. Ефимова, Л. Софронова в 1978 г. от Ольги Матвеевны Лбовой, 1905 г. рожд., в с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл. Зиновьев V, № 453. Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется.

В этом варианте прешествующая песня представлена в контаминации с песней «Вниз по Волге-реке» (см. № 273, 274 наст. сб.). **Вар.:** Зиновьев V, № 448 — Шелопугино-1976.

214. Закипели во поле озёра. Записали А. Володько, Н. Скобёлкина, И. Смолина в 1979 г. от Александра Яковлевича Осмолкина, 1910 г. рожд., в с. Бори Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 430.

215. Закипели все ключи-озёра. Записал В. П. Зиновьев в 1969 г. от Надежды Ивановны Старицыной, 1907 г. рожд., в с. Кибасово Шилкинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 433. Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется, при этом «да» в начале стиха опускается. **Вар.:** Зиновьев V, № 425–429, 431, 432, 434 — Дарасун (2)-1975, Бори, Боты и Уктыча-1977, Кактолга-1978, Бори и Бишигино-1979. **Ср.:** Путилов, № 27, 164.

216. Во субботу рано солнце всходит. Записала Преображенская в 1974 г. от Пелагеи Павловны Соколовой, 1904 г. рожд., в с. Нижняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 379.

217. Чубчик, чубчик, чубчик кучерявый. Записал В. П. Зиновьев в 1978 г. от Григория Капидоновича Грובה, 1907 г. рожд., Егора Степановича Рюмкина, 1907 г. рожд., в с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 511, м/л 69. Второе двуступище каждой строфы повторяется. **Вар.:** Зиновьев V, № 509, 510 — Атамановка и Дарасун-1975. **Ср.:** Элиасов 1963, № 416.

218. Прослужил солдат всего три года, да. Записали Н. Новикова, Л. Попова в 1976 г. от Людмилы Павловны Алексиной, 1939 г. рожд., Валентины Демьяновны Бянкиной, 1941 г. рожд., в с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 459, м/л 44, 45. **Вар.:** Зиновьев V, № 460, 461 — Аталанка (2)-1978. **Ср.:** Бардин, № 180; Гуревич-Элиасов, № 184; Элиасов 1963, № 273. См. также № 219 наст. сб.

219. Отслужил солдат два года. Записали О. Бочарова, С. Пачерская, М. Соловьёва в 1975 г. от Анны Ивановны Макаровой, 1948 г. рожд., в пос. Атамановка Читинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 462. См. коммент. 218.

220. По дорожке пыль клубится. Записали Бушкова, Давыденко, Сафьянникова в 1977 г. от Анны Самойловны Дутовой, 1911 г. рожд., в с. Молодовск Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 543. **Вар.:** Зиновьев V, № 544 — Дарасун-1975. **Ср.:** Бардин, № 181; Элиасов 1963, № 271, 499.

Служенцы — искаж. сунженцы, казаки, в XVII в. обосновавшиеся на Северном Кавказе по берегам р. Сунжи.

221. Ой, вы поля, вы поля, да вы широки поля. Записали В. П. Зиновьев, Н. Новикова, Л. Попова в 1974 г. от Клавдии Антоновны Барановой, 1915 г. рожд., в с. Кибасово Шилкинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 383, м/л 18.

Известно несколько песен на сюжет «Умирающий казак (солдат) просит коня передать родным весть о его смерти — «новой женитьбе»: «Уж ты поле моё, поле чистое», «За Кубанью за рекой», «Вы поля, вы поля», последняя широко распространена в Забайкалье. **Вар.:** Зиновьев V, № 381, 382, 385–388, 390–400 — Дарасун (3)-1975, Беломестново и Шелопугино-1976, Бори (2), Мангидай и Фирсово (3)-1977, Карда-1978, Бори, Нижние Ключи и Рудник-Пешково-1979, Нижние Ключи-1980. Все варианты близки между собой, но отличаются некоторыми деталями. Например, иногда после 7-го стиха добавляется: «На груди у него золотой крест лежал», причём «золотой крест» в других текстах заменяется на «знак казачий», «крест солдатский», «красный орден» и даже «красный ордер». В 10-м стихе вместо «во Россию домой» встречаем «во родимую сторонку», «с заграничья домой», «в Забайкалье домой» и даже «в сов. Россию домой». **Ср.:** Бардин, № 169;

Башк., № 170; Печора, № 7; РЛПС, № 436, 438; Элиасов 1963, № 265; Элиасов 1966, № 128; Элиасов 1969 № 48; Нерчинск, С. 108–109. См. также № 222 и 328 наст. сб.

222. Вы поля, вы поля, вы широки поля. Записали О. Соболева, М. Соловьёва в 1976 г. от Дмитрия Феофановича Воложанина, 1896 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 384. Каждый стих, кроме первого, повторяется. См. коммент. 221.

223. За Аргунью-рекой казачок гулял. Записал В. П. Зиновьев в 1975 г. от Фёдора Дмитриевича Утюжникова, 1897 г. рожд., в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 408. **Ср.:** Соболевский I, № 382–408; VI, № 309; Соколовы, № 609; Листопадов II, № 114, 115; Бардин, № 176; Башк., № 168; Печора, № 6; Вагин, № 12; РЛПС, № 437; Дорофеев, № 37.

224. Солдату служба надоела, ой, надоела, да. Записали Н. Новикова, Л. Попова в 1974 г. от Веры, Зинаиды и Тамары Кожиных в с. Зюльзя Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 500, м/л 17. **Ср.:** Гуревич, № 47; Элиасов 1963, № 250.

225. Ой, в Таганроге. Записали И. Смолина, М. Соловьёва в 1979 г. от Марии Ивановны Бронниковой, 1916 г. рожд., Антонида Николаевна Чикичёвой, 1923 г. рожд., в с. Нижние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 372, м/л 80. Каждый стих, кроме 15-го, повторяется. **Ср.:** Соболевский VI, № 282–285; Соколовы, № 608; Листопадов II, № 158; Бардин, № 183; Печора, № 198; Новг., № 68; РЛПС, № 446; Тува, № 145. См. также № 226 наст. сб.

226. В Таганроге случилась беда. Записали Белоницкая и Зиновьева в 1974 г. от Людмилы Астафьевны Кочмарёвой, 1900 г. рожд., в с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 373. См. коммент. 225.

227. Три голубочка да прилетели. Записал В. П. Зиновьев в 1974 г. от Марфы Андреевны Рычковой, 1901 г. рожд., в с. Дунаево Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 507, м/л 25. Забайкальская переработка предшествующей песни.

228. Мамашенька бранится: — Об чём, дочка, грустна? Записали А. Кукса, А. Порошина, М. Соловьёва в 1977 г. от Анны Петровны Астафьевой, 1917 г. рожд., Марии Яковлевны Харинной, 1910 г. рожд., Натальи Михайловны Плотниковой в с. Кактолга Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 441. Второй полустих каждого стиха, кроме первого и последнего, повторяется.

Текст представляет собой контаминацию популярного романса «Подруги вы, подруги» (Соколовы, № 575; Пинежье, № 149; Новг., № 26) и известной с первой половины XIX в. военной песни с балладными мотивами — со стиха «Не в поле выстрел грянет» (Киреевский, № 1919, 2204; Якушкин I, № 466, 508; Соболевский V, № 713–715; Элиасов 1963, № 98; Элиасов 1969, № 81; РУ, № 149). **Вар.:** Зиновьев V, № 443–446, 1515 — Дунаево-1974, Дарасун (2)-1975, Бурукан (2)-1978. **Ср.:** Листопадов III, № 114; Соколовы, № 679, 680.

229. В городе в Харькане, ой, там стало дымно. Записали Э. Лямина, М. Соловьёва, Т. Усова в 1980 г. от Анны Филипповны Бояркиной, 1907 г. рожд., в с. Курмудюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 36, м/л 103. **Ср.:** РЛПС, № 445; Элиасов 1963, № 177, 184.

Песни Гражданской войны

230. [Вечор поздно я стояла у ворот]. Записал А. Кукса в 1977 г. от Федосьи Фёдоровны Анциферовой, 1916 г. рожд., Натальи Михайловны Анциферовой, 1956 г. рожд., в д. Усть-Начин Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 580. Каждый стих повторяется.

Литературным источником этой песни, пользовавшейся широкой популярностью в годы Гражданской войны, послужило стихотворение Е. П. Гребенки (1812–1848) «Песня» (1841) — см. Гусев, № 409. **Вар.:** Зиновьев V, № 581–585 — Усть-Карск-1974, Боты-1977, Кактолга-1978, Нижние Ключи-1979, Батакан-1980. **Ср.:** Башк., № 196; Элиасов 1963, № 485; Элиасов 1969, № 250.

231. Вспомним, братцы мы кубанцы. Записал В. П. Зиновьев в 1969 г. от Карпа Фёдоровича Васильева, 1892 г. рожд., в с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 617, м/л 7. Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется. **Вар.:** Зиновьев V, № 616, 618–624 — Усть-Карск-1974, Дарасун-1975, Знаменка и Кангил-1976, Бори и Чалбучи-1977, Аталанка-1978. В годы Великой Отечественной войны песня была переработана:

Ой, да вспомним, братцы, ой, да забайкальцы,
Двадцать перво сентября,
Как дралися мы с фашистом
От рассвета допоздна...

(Записали Е. Гребенщикова, Н. Санкина, О. Соболева в 1975 г. от Веры Никитичны Головановой в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 618). **Ср.:** Кубань, № 110; Элиасов 1963, № 538; Элиасов 1966, № 216; Хабаровск 1969, с. 36.

232. Отец мой был природный пахарь. Записал А. Кукса в 1976 г. от Евдокии Михайловны Буяновой, Софьи Романовны Демченко в с. Даякон Шелопугинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 686, м/л 40. Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется.

Народная переработка стихотворения Д. В. Веневитинова (1805–1827) «Песнь грека» (1825) — см. Гусев, № 246. Песня широко известна в Забайкалье. **Вар.:** Зиновьев V, № 684, 685, 687–697 — Усть-Карск-1974, Дарасун (2)-1975, Кумаки и Купряково-1976, Боты и Мангидай-1977, Бори, Кулаково и Пешково (2)-1979, Луговское и Нижние Ключи-1980. **Ср.:** Гусев, № 673; Гуревич, № 88; Элиасов 1963, № 488; Элиасов 1969, № 275; Хабаровск 1969, с. 72.

233. В воскресенье мать-старушка. Записал В. П. Зиновьев в 1979 г. от Аграфены Гавриловны Пахмутовой, 1911 г. рожд., в с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 568, м/л 89. Второе двустишие каждой строфы повторяется.

Тюремная песня, несколько переработанная в годы Гражданской войны. **Вар.:** Зиновьев V, № 567 — Шелопугино-1976. **Ср.:** Гуревич, № 66; Элиасов 1963, № 413; Элиасов 1966, № 151; Тува, № 157.

234. Знаю, ворон, твой обычай. Записал В. П. Зиновьев в 1974 г. от Фёдора Семёновича Смолянского, 1908 г. рожд., на ж/д разъезде Шапка Сретенского р-на

Читинской обл. Зиновьев V, № 645, м/л 24. Каждое двестишие, кроме первого, повторяется.

Эта песня, создание которой относят ко времени I мировой войны, связывалась исполнителями с разными событиями — в опубликованных вариантах встречаем: «Под Варшавой есть то место», «Под Кайтыммом есть то место» и т. д. В Забайкалье получила широкую известность как песня о Богдатском бое. 27–30 сентября 1919 г. близ с. Богдаты партизаны вступили в бой с соединениями белогвардейцев и японцев и одержали победу, во многом решившую исход Гражданской войны в Восточном Забайкалье. **Вар.:** Зиновьев V, № 638–644, 646, 647 — Атамановка и Дарасун (2)-1975, Кумаки и Шелопугино-1976, Бори и Молодовск-1977, Карда-1978, Бишигино-1979. **Ср.:** Новг., 17; Гуревич, № 81; Элиасов 1963, № 247; Элиасов 1969, № 279; Красноярск, с. 13; Тува, № 149.

235. Не вейтеся, белые чайки. Записал В.П. Зиновьев в 1976 г. от Степана Михайловича Лагодина, 1901 г. рожд., в с. Деревцово Шелопугинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 671, м/л 35. Каждое двестишие, кроме первого и последнего, повторяется.

О Богдатском бое см. коммент. 234. **Вар.:** Зиновьев V, № 663–670, 672–678 — Мирсаново-1969, Кибасово и Кумаки-1974, Дарасун-1975, Зюльзикан, Кумаки (2) и Шелопугино-1976, Батакан и Фирсово (2)-1977, Бори (2) и Пешково-1979, Батакан-1980. Все варианты близки друг другу, кроме некоторых деталей. Так, в 3-м стихе «страна за Байкалом» иногда заменяется на «Сибирь, край далёкий», «долину Амура», «вдоль Газимура» и т. п. **Ср.:** Бахтин, № 282; Гуревич, № 71; Элиасов 1963, № 481; Элиасов 1969, № 292; Дорофеев, № 49.

236. Война, война — разруха мира. Записал В.П. Зиновьев в 1976 г. от Степана Михайловича Лагодина, 1901 г. рожд., в с. Деревцово Шелопугинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 587, м/л 35. Все двестишия, кроме первого, повторяются.

По словам исполнителя, бывшего партизана, участника Богдатского боя (см. коммент. 234), песню сложили партизаны в 1919 г.: «Все вместе складывали. Скажем, вот одна сотня выучила, втора сотня переняла, значит, едут, её запевают. Сотней пели эту песню» (м/л 35). **Вар.:** Зиновьев V, № 588 — Ломы-1977.

237. Здравствуй, страна Россия. Записал В.П. Зиновьев в 1979 г. от Ульяны Ивановны Рожковской, 1918 г. рожд., в с. Бори Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 637, м/л 87. Второй стих каждого двестишия, кроме первого и последнего, повторяется. Исполнительница переняла песню от отца, бывшего партизана.

238. Не туман с моря поднялся. Записали Н. Андреева, Е. Какунина, М. Керн в 1975 г. от И.П. Овчеренко в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 437. 2-е и 4-е двестишия повторяются.

Текст является местной переделкой старой военной песни «Как на взморье мы стояли» (см. № 206, 207 наст. сб.).

239. Вот вспыхнуло утро, мы Сретенск заняли. Записал В.П. Зиновьев в 1974 г. от Фёдора Семёновича Смолянского, 1908 г. рожд., на ж/д разъезде Шапка Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 609, м/л 24. Последний стих каждой строфы повторяется.

Песня посвящена памяти Федота Аввакумовича Погодаева, командира 7-го партизанского полка, погибшего в бою под Сретенском 4 февраля 1920 г. Автор

песни — партизан Платон Коренев, житель с. Батакан Читинской обл., он переделал романс Е. А. Буланиной «Вот вспыхнуло утро. Румянятся воды» (Гусев, № 628). Полный текст песни П. В. Коренева «На смерть Погодаева» («Морозное утро. Мы Сретенск заняли...»): Хабаровск 1969, с. 84, относительно близок к нему № 240 наст. сб. Сведения о первой публикации песни: Элиасов 1957, с. 357–358. В настоящее время эта песня является одной из самых популярных в Забайкалье. **Вар.:** Зиновьев V, № 589–599, 601–608, 610–613 — Верхняя Куэнга и Кибасово-1974, Атамановка и Дарасун-1975, Деревцово, Догъё, Зюльзикан, Кумаки и Шелопугино-1976, Батакан, Бори, Ломы (2), Фирсово (3) и Уктыгча-1977, Пешково (2) и Бори-1979, Курумдюкан и Луговское-1980, Шелопугино-1981. **Ср.:** Элиасов 1963, № 504, там же на с. 625 указаны опубликованные варианты.

240. Вот вспыхнуло утро, мы Сретенск заняли. Записала Л. Жижкина в 1976 г. от Иллариона Поликарповича Кузнецова, 1896 г. рожд., в с. Газимурский Завод Читинской обл. Зиновьев V, № 600. Полный вариант предшествующей песни. См. коммент. 239.

241. Ружья в гору заблестали. Записал В. П. Зиновьев в 1980 г. от Анны Филипповны Бояркиной, 1907 г. рожд., в с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 717, м/л 102.

Широко известная в Забайкалье песня о Павле Николаевиче Журавлёве, командовавшем Восточно-Забайкальским фронтом партизан. Он погиб в феврале 1920 г. Об истории создания песни: Элиасов 1957, с. 359–360, там же опубликован полный текст песни (№ 77). **Вар.:** Зиновьев V, № 713–716, 718–727 — Верхняя Куэнга и Дунаево-1974, Деревцово, Трубочёво, Шелопугино и Газимурский Завод-1976, Батакан, Бори, Мангидай и Фирсово (3)-1977, Кудея и Пешково-1979. **Ср.:** Элиасов 1969, № 285.

242. [Заря] зазарилась в зеркальные воды. Записали В. П. Зиновьев, Н. Новикова, Л. Попова в 1974 г. от Ксении Ивановны Калиберда, 1917 г. рожд., Анны Ивановны Абрамовой, 1914 г. рожд., в с. Кибасово Шилкинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 632, м/л 18. Два последних стиха повторяются.

Текст является контаминацией романса «Луной озарились зеркальные воды» и солдатской песни, возникшей, вероятно, в годы I мировой войны. **Вар.:** Зиновьев V, № 630, 631, 634 — Шелопугино-1976, Кактолга-1978, Верхние Ключи-1980. **Ср.:** Элиасов 1963, № 18, 415, 528; Элиасов 1966, № 131, 132.

243. В золотом половодье весеннего дня. Записали А. Кукса, Н. Скобёлкина, М. Эссер в 1978 г. от Анны Петровны Астафьевой, 1917 г. рожд., в с. Кактолга Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 569.

244. Там, за Доном за рекой под зелёным дубом. Записал В. П. Зиновьев в 1981 г. от Ивана Семёновича Банщикова, 1930 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 649, м/л 135. Чётные стихи повторяются. **Вар.:** Зиновьев V, № 650 — Зюльзя-1974. **Ср.:** Элиасов 1969, № 303.

245. Гей, по дороге. Записали О. Бочарова, С. Пачерская, М. Соловьёва в 1975 г. от Анны Ивановны Макаровой, 1948 г. рожд., в пос. Атамановка Читинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 626. Каждый стих повторяется. **Ср.:** Кубань, № 301; Элиасов 1969, № 290.

Песни тюрьмы и ссылки

246. Ты зайди-ко, зайди, да туча гро... туча грозная. Записал В. П. Зиновьев в 1976 г. от Фёдора Абрамовича Балагурова, 1903 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 879.

Одна из самых известных «разбойничьих» песен, создание которой относят к XVII в. и включают в разряд исторических песен о Степане Разине. **Вар.:** Зиновьев V, № 877, 878, 880, 881 — Кумаки и Шелопугино-1976, Кактолга-1977, 1978. **Ср.:** ИП XVII, № 326, 327; Бардин, № 85.

247. Ты зайди-ко, зайди, туча грозная. Записали М. Аристова, Л. Жижкина в 1975 г. от Арины Нефедьевны Михайловой, 1890 г. рожд., в с. Жимбира Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 883.

Контаминированный вариант предшествующей песни, которая часто встречается в соединении с песней «Ты взойди, взойди, красно солнышко» или другими песнями разинского цикла. **Вар.:** Зиновьев V, № 882 — Унда-1976. **Ср.:** ИП XVII, № 323–325, 328, 332; Киреевский, № 2403; Языковы, № 254; Листопадов I/2, № 110; РЛПС, № 464; Элиасов 1963, № 394; Элиасов 1966, № 144; Хабаровск 1985, № 54.

248. Ты заря ль, моя зоренька. Записали А. Кукса, Н. Скобёлкина, М. Эссерг в 1978 г. от Анны Петровны Астафьевой, 1917 г. рожд., Марии Яковлевны Харинной, 1910 г. рожд., в с. Кактолга Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 884. Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется.

Фрагмент песни «Ты воспой, воспой, жавороночек» [Только милая готова выкупить молодца из темницы], известной по публикациям с XVIII в. **Ср.:** Чулков I, № 136; Якушкин I, № 445; Языковы, № 351; Соболевский VI, № 485–494; Листопадов II, № 188; Новг., № 20; Гуревич-Элиасов, № 11; Элиасов 1963, № 400.

249. Вечор я, вечор я всё пил да гулял. Записали В. П. Зиновьев, Н. Новикова, Л. Попова в 1974 г. от Клавдии Антоновны Барановой, 1915 г. рожд., в с. Кибасово Шилкинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 792, м/л 18.

Народная переработка стихотворения А. С. Пушкина «Узник» (1822), далёкая от первоисточника. От той же исполнительницы записан и другой вариант, очень близкий к пушкинскому тексту (Зиновьев V, № 860). О бытовании народных переделок «Узника» в Сибири: Элиасов 1973, с. 249–262. **Вар.:** Зиновьев V, № 793, 861 — Кумаки-1976, Кудея-1979. **Ср.:** Листопадов II, № 185; Пинежье, № 6; Гуревич-Элиасов, № 1–3; Элиасов 1963, № 419, 420.

250. За сребристыми горами. Записали Г. Бордунова, С. Кичигина в 1974 г. от Агриппины Васильевны Корниловой, 1904 г. рожд., Агафьи Васильевны Хлестуновой, 1910 г. рожд., в с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 805.

Литературный источник — стихотворение П. П. Ершова (1815–1869) «Молодой орёл» (1834) — см. Гусев, № 399. **Ср.:** Бардин, № 88; Башк., № 195; Кубань, № 113; РУ, № 154; Хабаровск 1985, № 9.

251. Отцовский дом покинул мальчик я. Записал В. П. Зиновьев в 1974 г. от Семёна Степановича Носкова, 1901 г. рожд., Анны Ивановны Носковой, 1901 г. рожд., Владимира Семёновича Носкова, 1928 г. рожд., в с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 849. Последний стих каждой строфы повто-

ряется. В разговоре С. С. Носков сказал: «Песню надо с детства знать, от отцов в работе перенять — тогда поймёшь, споёшь. Раньше много было нужды — много и песен».

Литературный источник этой песни — стихотворение И. И. Козлова (1779–1840) «Добрая ночь» (1824), перевод из Байрона, от которого в народной песне осталось только две строфы (Гусев, № 237). **Вар.:** Зиновьев V, № 845–848 — Дарасун-1975, Кумаки, Знаменка и Унда-1976. **Ср.:** Гусев, № 671; Элиасов 1963, № 399; Дорофеев, № 67; Тува, № 156.

252. Звенит звонок — и нам пора расстаться. Записал В. П. Зиновьев в 1974 г. от Петра Ивановича Зиновьева, 1919 г. рожд., в г. Нерчинске Читинской обл. Зиновьев V, № 807. Второе двестишие каждой строфы повторяется. **Вар.:** Зиновьев V, № 808–810 — Кумаки-1974, Дарасун и Новодоронинск-1975. **Ср.:** Кузьмина, № 128; Хабаровск 1985, № 7.

253. — Тёмная ноченька, что нахмурилася. Записали Н. Андреева, Е. Какунина, М. Керн в 1975 г. от Ольги Терентьевны Юдиной, 1905 г. рожд., в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 876.

254. [Ветер дует, сподувает]. Записал В. П. Зиновьев в 1977 г. от Марфы Романовны Ларионовой, 1901 г. рожд., в с. Боты Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 790, м/л 50. Второй стих каждого двестишия, кроме первого и последнего, повторяется с добавлением в начале «да». **Вар.:** Зиновьев V, № 789, 791 — Маккавеево-1975, Боты-1977. **Ср.:** Бардин, № 156.

255. Все бутылки шевелятся. Записали Н. Скобёлкина, М. Эссерт в 1978 г. от Федосьи Никифоровны Астафьевой, 1900 г. рожд., в с. Кактолга Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 795. **Ср.:** Элиасов 1963, № 375.

256. Осыпаются листья осенняя. Записал В. П. Зиновьев в 1979 г. от Лукерьи Викторовны Дружининой, 1920 г. рожд., Марии Степановны Гурьевой, 1922 г. рожд., в с. Бори Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 837, м/л 87. Второе двестишие каждой строфы повторяется.

Народная переработка отрывка из стихотворения С. Ф. Рыскина (1859–1895) «Бродяга» (1888) — Гусев, № 602. **Вар.:** Зиновьев V, № 832–836, 838–841 — Дарасун и Маккавеево-1975, Унда и Шелопугино-1976, Бори, Усть-Начин (2) и Фирсово-1977. **Ср.:** Элиасов 1963, № 428; Элиасов 1966, № 190; Элиасов 1969, № 253; Хабаровск 1985, № 41.

257. Звенит звонок насчёт поверки. Записал В. П. Зиновьев в 1974 г. от Фёдора Семёновича Смолянского, 1908 г. рожд., на ж/д разъезде Шапка Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 826, м/л 24. Второе двестишие каждой строфы повторяется.

Ланцов — знаменитый московский разбойник, предания о его преступлениях и дерзких побегах нашли отражение в литературе 70-х годов XIX в. (Е. Львов. В Сибирь на каторгу. Повесть. Характеристики и арабески. — М., 1876. Глава VII «Пересыльные вообще и Ланцов в особенности». С. 99–109). Песня, в которой рассказывается о его побеге из северной башни московской тюрьмы, считавшейся неприступной, приобрела широкую известность в Забайкалье, причём действие её перенесено в Сибирь. **Вар.:** Зиновьев V, № 811–825, 827–829 — Казаново, Усть-Карск (2) и Нерчинск-1974, Дарасун (4) и Тыргетуй-1975, Даякон, Деревцово, Купряково, Трубочёво и Шелопугино-1976, Боты, Молодовск и Фирсово-1977,

Нерчинск-1979. В некоторых вариантах можно найти подробности, дополняющие рассказ о побеге Ланцова:

По чердаку он долго шлялся,
 Себе верёвочку искал,
 Но не нашёл себе верёвки —
 Шинель тюремную порвал,
 Порвал шинель, порвал рубашку,
 Верёвку длинную он свил.

(Записали В. Добродеева, О. Казакова в 1974 г. от Ивана Ивановича Аршинского, 1888 г. рожд., в с. Казаново Шилкинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 812).

Нашёл верёвку, стал спускаться —
 Его заметил часовой.
 Он часовому отвечает,
 Что «я казённый трубочист» <...>
 Три года там Ланцов скитался,
 Молился Богу на восток,
 Он с девкой с уличной спознался,
 Через да неё он пострадал.
 — Эх, помни, помни, ты, злодейка,
 Что через год я отомщу!
 Проходит год — он повстречался,
 И он ей ручку не подал.

(Записал А. Кукса в 1979 г. от Степана Терентьевича Чекашкина, 1895 г. рожд., в г. Нерчинске Читинской обл. Зиновьев V, № 829). **Ср.:** Гуревич, № 43; Гуревич-Элиасов, № 4; Элиасов 1963, № 371; РЛПС, № 478; Тува, № 161; Хабаровск 1985, № 42.

258. В далёких лесах Забайкалья. Записали Н. Андреева, Е. Какунина, М. Керн в 1975 г. от Нонны Васильевой, 1912 г. рожд, в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 852.

Литературный источник этой песни — стихотворение И. К. Кондратьева (1840-е — 1904), написанное в 1880-е годы. Сведения о бытовании и переделках её в Сибири: Элиасов 1973, с. 232–236. **Вар.:** Зиновьев V, № 850, 851, 853–859 — Кулаково и Мирсаново-1969, Нерчинск и Усть-Карск (3)-1974, Северный Аргалей-1975, Нерчинск-1976, Кулаково и Бишигино-1979. **Ср.:** Путилов, № 110; Балашов, с. 357; Гусев, № 655; Дорофеев, № 85; РЛПС, № 485; Хабаровск 1985, № 49.

259. Шёл бродяга с Сахалину. Записали Л. Горбатко, Н. Погуральская, А. Хачумова в 1975 г. от Лукерьи Николаевны Ведерниковой, 1908 г. рожд., в с. Кумахта Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 797. Каждое двустипшие повторяется.

Песня неизвестного автора, созданная во 2-й половине XIX в., одна из самых популярных в Сибири. **Вар.:** Зиновьев V, № 796, 798–801 — Нерчинск-1974, Шелопугино-1976, Бори и Боты-1977, Аталанка-1978. **Ср.:** Гусев, № 659; Гуре-

вич, № 42; Гуревич-Элиасов, № 9; Элиасов 1963, № 376; Дорофеев, № 70; РЛПС, № 483; Хабаровск 1985, № 50.

260. Как по нашему селенью. Записали Е. Какунина, А. Порошина в 1976 г. от Татьяны Поликарповны Поздняковой в с. Глинянка Шелопугинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 830. **Ср.:** Гуревич-Элиасов, № 10; Элиасов 1963, № 386; Тува, № 159.

261. Ой, да откуль бредёшь, да, бродяжка. Записали М. Аристова, Н. Додатко в 1976 г. от Игната Фёдоровича Пьянникова, 1910 г. рожд., в с. Колобово Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 844. **Ср.:** РЛПС, № 482.

262. Аль ты доля, моя доля. Записал В.П. Зиновьев в 1969 г. от Сергея Гавриловича Бутина, 1895 г. рожд., в д. Борщовка Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 788, м/л 9.

Народная переработка стихотворения Д.А. Клеменца (1848–1914) «Доля» (1873) — см. Гусев, № 579. **Вар.:** Зиновьев V, № 787 — Шелопугино-1976. **Ср.:** РЛПС, № 470; Гуревич, № 35; Элиасов 1963, № 437; Хабаровск 1985, № 13.

263. Это было давно, год примерно назад. Записал В.П. Зиновьев в 1974 г. от Августы Кирилловны Зиновьевой, 1919 г. рожд., в г. Нерчинске Читинской обл. Зиновьев V, № 1189. Каждое двустишие, кроме первого, повторяется.

Вар.: Зиновьев V, № 1185–1188, 1190–1194 — Дарасун (3), Жимбира и Маккавеево-1975, Зюльзикан-1976, Аталанка (2)-1978, Пешково-1979. В одном из вариантов такая концовка:

— Почему ты, ямщик, песню петь перестал?
Этой песни у нас здесь не слышно.
— Посмотрите, вдали холм высокий стоит,
Холм высокий, покрытый травой,
А под этим холмом моя девушка спит,
Что взяла мою песню с собою.

(Записали Е. Гребенщикова, Н. Санкина, О. Соболева в 1975 г. от Ульяны Степановны Бураковой в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1187). **Ср.:** Элиасов 1963, № 392; Хабаровск 1985, № 44.

264. Пятьдесят я лет работал, изгибался над сохой. Записал А. Кукса в 1977 г. от Доры Корниловны Гусевской, 1907 г. рожд., в с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1065. **Ср.:** Гусев, № 699; Элиасов 1963, № 438.

265. Отпустили крестьян на свободу. Записали И. Смолина, М. Соловьёва в 1979 г. от Сергея Гавриловича Бутина, 1895 г. рожд., в с. Нижние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1023, м/л 80.

Отрывок из подпольной революционной песни, известной под названием «Крестьянская марсельеза». 19 февраля 1861 г. — дата отмены крепостного права. **Ср.:** Саратов, с. 254–255; Кузьмина, № 183.

Песни литературного происхождения

266. В островах охотник целый день гуляет. Записали В. Брагина, О. Литвинова, Т. Максимова, В. Мальцев в 1975 г. от Марфы Ивановны Смолиной, 1906 г. рожд., в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 918.

Песня неизвестного автора с отголосками пасторальной лирики XVIII в., перевод польской баллады, встречавшейся в сборниках с 1790-х годов. **Вар.:** Зиновьев V, № 915–917 — Купряково-1976, Аргун и Кактолга-1977. **Ср.:** Соколовы, № 672; Путилов, № 86; Элиасов 1963, № 126; Дорофеев, № 38.

267. Вниз по матушке, братцы, с-по Волге. Записал А. Кукса в 1978 г. от Нас-тасьи Трифионовны Субботиной, 1897 г. рожд., в с. Бурукан Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 950.

Стяжённый вариант широко распространённой песни неизвестного автора на сюжет «Незванные гости приплывают к подворью девушки» (ВБ, № 110). В сборники эта песня включалась со 2-й половины XVIII в., часто исполнялась во время представлений народных комедий. Исследование сюжета и бытования песни: Пинежье, с. 454–457. **Вар.:** Зиновьев V, № 948а, 949 — Нижняя Куэнга-1974, Шелопугино-1981. **Ср.:** Чулков П, № 190; Трутовский П, № 24; Львов-Прач, № 21; Чернышев, № 173; Киреевский, № 1561; ЛН, с. 405; Соболевский IV, № 550–553; Пинежье, № 74; Бардин, № 83; Печора, № 219; Новг., № 31; РУ, № 155.

268. Вечор поздно, поздно из лесочка. Записал В.П. Зиновьев в 1974 г. от Агриппины Васильевны Корниловой, 1904 г. рожд., Агафьи Васильевны Хлестуновой, 1910 г. рожд., Афанасия Дементьевича Конёва, 1904 г. рожд., в с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 937, м/л 22. Последний стих каждой строфы повторяется.

Песня приписывается крепостной актрисе театра в Кускове, подмосковном имении Шереметьевых, Прасковье Ивановне Кузнецовой-Горбуновой, по сцене — Жемчуговой, в замужестве — Шереметьевой (1768–1803). **Вар.:** Зиновьев V, № 938–944 — Верхняя Куэнга-1974, Дарасун и Тьргетуй-1975, Подойницыно-1976, Бори-1977, 1979, Кулаково-1979. **Ср.:** Песни, собранные Киреевским. Вып. 9. М., 1872. С. 51–65; Соколовы, № 676; Гусев, № 112; Башк., № 190; Новг., № 160; Элиасов 1966, № 184.

269. Под вечер осенью ненастной. Записал В.П. Зиновьев в 1975 г. от Августы Кирилловны Зиновьевой, 1919 г. рожд., в г. Нерчинске Читинской обл. Зиновьев V, № 1048, м/л 18.

Народная переработка стихотворения А.С. Пушкина «Романс» (1814) — см. Гусев, № 163. Исполнительница слышала эту песню от бабушки мужа Дарьи Александровны Зиновьевой, 1860 г. рожд., уроженки д. Шадарон Шелопугинского уезда Читинской губ. **Вар.:** Зиновьев V, № 1049 — Оленск-1976. **Ср.:** Балашов, с. 338.

270. Кольцо души-девицы. Записали О. Соболева, М. Соловьёва в 1976 г. от Дмитрия Феофановича Воложанина, 1896 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 1000.

Народная переработка стихотворения В.А. Жуковского «Песня» (1816) — см. Гусев, № 145 (ВБ, № 240). **Вар.:** Зиновьев V, № 1001–1004 — Атамановка и Дарасун-1975, Беломестново и Колобово-1976. **Ср.:** Соколовы, № 592; Гуревич-

Элиасов, № 132, 133; Элиасов 1963, № 13; Элиасов 1966, № 69. См. также № 271 наст. сб.

271. Шёл Ваня по улице, зашёл Ваня в кабак. Записали О. Бочарова, С. Пачерская, М. Соловьёва в 1975 г. от Евдокии Яковлевны Сенотрусовой, 1912 г. рожд., в с. Тыргетуй Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1717. Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется.

Контаминированный вариант предшествующей песни. Первые 6 стихов являются фрагментом известной солдатской песни «Трубочка» (Гусев, с. 1070; Башк., с. 317). **Ср.:** Башк., № 189; Леонтьев, № 281.

272. Казак на саблю опирался. Записал В.П. Зиновьев в 1969 г. от Карпа Фёдоровича Васильева, 1892 г. рожд., в с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 990, м/л 7. Все чётные стихи, кроме последнего, повторяются.

Народная переработка стихотворения К.Н. Батюшкова «Разлука» (1914) — см. Гусев, № 160. **Вар.:** Зиновьев V, № 984–989, 991–997 — Кибасово и Пешково-1974, Атамановка, Дарасун (2) и Кумахта-1975, Боты, Кактолга, Ломы (3) и Чалбучи-1977; Бори-1979. **Ср.:** Элиасов 1963, № 421; Элиасов 1966, № 187.

273. При серебряной речке. Записали О. Соболева, М. Соловьёва в 1976 г. от Дмитрия Феофановича Воложанина, 1896 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 1063. Каждое двустишие, кроме первого, повторяется.

Литературным источником этой песни является стихотворение Ф.Н. Глинки (1786–1880) «Затерянные следы» (1826) — см. Гусев, № 229. **Вар.:** Зиновьев V, № 1062, 1064 — Зюльзя и Шелопугино-1976. **Ср.:** Соколовы, № 682; Печора, № 48; Бахтин, № 251; Элиасов 1966, № 98; Красноярск, с. 45.

274. Вниз по Волге-реке, Волге-матушке. Записал В.П. Зиновьев в 1981 г. от Татьяны Зиновьевны Балагуровой, 1899 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 945а, м/л 131. Чётные стихи, кроме последнего, повторяются.

Народная переработка песни «Вверх по Волге с Нижня Новгорода» из драмы А.А. Шаховского (1777–1844) «Двумужница» (1832) — см. Гусев, № 378. **Вар.:** Зиновьев V, № 946, 947 — Трубачево-1976, Пешково-1979. **Ср.:** Киреевский, № 1977; Соболевский V, № 106–108; Башк., № 191; Гуревич-Элиасов, № 157; Элиасов 1963, № 422. См. также № 275 наст. сб.

275. Как на лёгком стружке, на снаряженном. Записал В.П. Зиновьев в 1974 г. от Марфы Андреевны Рычковой, 1901 г. рожд., в с. Дунаево Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 948, м/л 25. См. коммент. 274.

276. По Дону гуляет, по Дону гуляет. Записали В.П. Зиновьев, Л. Кобелева, Л. Кропотова, В. Кузнецова, Л. Москвитина в 1969 г. от Дарьи Даниловны Тупицыной, 1896 г. рожд., в с. Калинино Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1036, м/л 11. Чётные стихи повторяются.

Эта новая баллада очень популярна в Забайкалье, литературным источником для неё послужило стихотворение Д.П. Ознобишина (1804–1877) «Чудная бандура» (1835) — см. Гусев, № 276 (ВБ, № 211). **Вар.:** Зиновьев V, № 1025–1035, 1037–1039 — Зюльзя и Усть-Карск-1974, Дарасун (3) и Маккавеево-1975, Кумаки (2)-1976, Фирсово-1977, Аталанка, Карда и Бурукан-1978, Пешково-1979, Нижние Ключи-1980. **Ср.:** Чернышев, № 262; Пинежье, № 93; Бардин, № 62; Новг., № 23; Вагин, № 27; Гуревич-Элиасов, № 136; Элиасов 1963, № 64, 75; Элиасов 1966, № 105.

277. Ехали казаки со службы домой. Записал В. П. Зиновьев в 1969 г. от Марии Семёновны Новиковой, 1922 г. рожд., в с. Апрельково Шилкинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 57, м/л 8.

Эта популярная новая баллада является народной переработкой стихотворения С. Т. Аксакова (1791–1859) «Уральский казак» (1821) — см. Гусев, № 215. **Вар.:** Зиновьев V, № 49–56, 58–69 — Борщовка-1969, Усть-Карск, Кумаки, Унинкер и Верхняя Куэнга-1974, Дарасун (2), Новодоронинск и Кумахта-1975, Беломестново, Илим и Нерчинск-1976, Фирсово-1977, Карда и Кактолга-1978, Кулаково-1979, Курмдюкан, Бурукан и Нижние Ключи (2)-1980. В некоторых вариантах иное начало:

Молоденький мальчик, молоденький, шельма, был,
Военную службу до страсти мальчик любил.
Любови сказал он, жене своей молодой:
— Жена молодая, будь верная до меня.
— Верна я до гроба, — сказала мужу жена.
Три года сражался, сражался он со врагом,
Закончил срок службы, поехал мальчик домой,
Заехал в деревню, в родительский отчий дом:
— Здорово, папаша! Здорово ль моя семья?..

(Записали А. Кукса, Н. Скобёлкина, М. Эссер в 1978 г. от Анны Петровны Астафьевой, 1917 г. рожд., Марии Яковлевны Хариной, 1910 г. рожд., Настасьи Фёдоровны Скоблицыной в с. Кактолга Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 49). Исследование сюжета: Пинежье, с. 507–509, там же указаны опубликованные варианты. **Ср.:** Чернышев, № 331; Пинежье, № 148; Путилов, № 198; Башк., № 192; Балашов, с. 350; Новг., № 7; Элиасов 1963, № 444; Дорофеев, № 73, 86; Элиасов 1966, № 189; Элиасов 1969, № 240; Тува, № 5.

278. Скакал казак через долину. Записал В. П. Зиновьев в 1976 г. от Александры Фёдоровны Зиминной, 1910 г. рожд., в с. Деревцово Шелопугинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 474, м/л 35. Все двустипшия, кроме двух первых, повторяются.

Одна из самых известных в Забайкалье новых баллад. **Вар.:** Зиновьев V, № 467а, 468–473, 475–499 — Пешково-1969, Дунаево, Кумаки, Нерчинск и Усть-Карск-1974, Дарасун (6) и Маккавеево-1975, Беломестново, Даякон, Кангил, Кумаки, Унда и Шелопугино-1976, Боты, Ломы, Молодовск (2), Уктыча и Фирсово (2)-1977, Бори, Кудея, Кулаково и Пешково (3)-1979, Батакан и Нижние Ключи-1980. Почти все тексты близки между собой, в некоторых после первого стиха добавляется: «через манчжурские края (степя, поля)», «через китайские поля», «через сибирские края» — вероятно, песня получила распространение в Забайкалье после Русско-японской войны. **Ср.:** Бардин, № 182; Гуревич-Элиасов, № 147; Элиасов 1963, № 272; Элиасов 1966, № 143; Элиасов 1969, № 54; Тува, № 150.

279. Сидел рыбак весёлый на берегу реки. Записали Г. Бордунова, С. Кичигина в 1974 г. от Агриппины Васильевны Корниловой, 1904 г. рожд., в с. Верхняя Куэнга Срегенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1073.

Литературным источником этой новой баллады послужило стихотворение М. Ю. Лермонтова «Тростник» (1832) — см. Гусев, № 363. **Вар.:** Зиновьев V,

№ 1072, 1074–1076 — Дарасун (2)-1975, Кулаково и Пешково-1979. **Ср.:** Балашов, с. 342.

280. [Жил-был боярин знатный, имел двух дочерей]. Записали О. Соболева, М. Соловьёва в 1976 г. от Дмитрия Феофановича Воложанина, 1896 г. рожд., в с. Шелопугино Читинской обл. Зиновьев V, № 974. Каждый стих повторяется.

В качестве литературного источника этой песни указывают балладу английского происхождения «Когда-то был в Англии царь удалой», а также шведскую балладу «Две сестры» в переводе Н. Берга (Балашов, с. 421). В нашем варианте отсутствует конец: рыбаки делают из тела царской дочери арфу (гитару), которая разоблачает старшую сестру. **Вар.:** Зиновьев V, № 975, 976 — Знаменка и Шелопугино-1976. **Ср.:** Балашов, с. 359; Соколовы, № 666; Башк., № 186; Элиасов 1963, № 67; Элиасов 1966, № 104.

281. На берегу сидит девица. Записали Г. Пикуцкая, З. Синелобова, М. Эсерт в 1977 г. от Евдокии Семёновны Отавиной, 1912 г. рожд., в с. Мангидай Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1425.

Поздняя баллада на сюжет «Морячка» (ВБ, № 107). **Вар.:** Зиновьев V, № 1426 — Дарасун-1975. **Ср.:** Соколовы, № 678; Чернышев, № 319; Бахтин, № 264; Элиасов 1963, № 106; Дорофеев, № 26.

282. В саду ягода-малина. Записал В. П. Зиновьев в 1976 г. от Степана Михайловича Лагодина, 1901 г. рожд., в с. Деревцово Шелопугинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 930.

Эта популярная новая баллада является народной переработкой стихотворения В. В. Крестовского (1840–1895) «Ванька-ключник» (1861) — см. Гусев, № 531. Источником для этого стихотворения послужила известная по всей России народная баллада конца XVII в. «Князь Волконский и Ванюша-ключник» (Киреевский, № 1724, 1776, 1777, 1922, 2007, 2025, 2113; Языковы, № 280, 281; Якушкин I, № 153, 245, 304, 351, 469; II, № 22, 276; Чернышев, № 38–41; Шейн, № 875–879, 881, 883, 886; Балашов, с. 153–155; Соболевский I, № 25–48; РУ, № 139). **Вар.:** Зиновьев V, № 926–929, 931–936 — Кибасово и Нерчинск-1974, Дарасун (3)-1975; Деревцово и Зюльзя-1976; Кактолга-1977; Бурукан-1978, Бори-1979. **Ср.:** Шейн, № 882, 884, 885; Соколовы, № 44; Чернышев, с. 392; Листопадов III, № 90; Гусев, № 690; Башк., № 185; Балашов, с. 354; Новг., № 13; Гуревич-Элиасов, № 155; Элиасов 1963, № 434; Элиасов 1966, № 181.

283. [Как во нашей во деревне]. Записали И. Каргополова, Е. Протопопова, Н. Сухорукова, М. Тарасова в 1977 г. от Улиты Харлампьевны Кузнецовой, 1907 г. рожд., в с. Молодовск Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1338.

Поздняя баллада, известная по многочисленным публикациям с конца XIX в. **Вар.:** Зиновьев V, № 1337–1343 — Верхняя Куэнга-1974, Атамановка-1975, Молодовск-1977, Курумдюкан-1978, Верхние Ключи-1979. **Ср.:** Чернышев, № 326; Балашов, с. 365–367; Соколовы, № 556–558; Пинежье, № 91; Путилов, № 199; Печора, № 183; Новг., № 10; Гуревич-Элиасов, № 118; Элиасов 1963, № 173, 174; Тува, № 134.

284. За лесом да за рощей да в зелёном саду. Записали Э. Лямина, М. Соловьёва, Т. Усова в 1980 г. от Михаила Ильича Муратова, 1907 г. рожд., в с. Луговское Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1309, м/л 115. Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется. **Вар.:** Зиновьев V, № 1305–1308,

1310, 1311 — Верхняя Куэнга-1974, Атамановка и Дарасун-1975, Знаменка-1976, Бурукан-1978, Курумдюкан-1980. **Ср.:** Соколовы, № 681; Элиасов 1963, № 175; Элиасов 1966, № 72.

285. У церкви кареты стояли. Записали Н. Новикова, Л. Попова в 1974 г. от Юлии Афанасьевны Крыловой, 1907 г. рожд., в с. Зюльзя Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1686, м/л 17. **Вар.:** Зиновьев V, № 1682–1685, 1687–1689 — Нижняя Куэнга-1974, Северный Аргалей-1975, Купряково-1976, Бори и Усть-Начин-1977, Бори (2)-1979.

286. Разбудил меня стон в эту тёмную ночь. Записал В. П. Зиновьев в 1969 г. от Галины Петровны Поздеевой, 1942 г. рожд., в г. Нерчинске Читинской обл. Зиновьев V, № 1067. Второе двестишие каждой строфы повторяется. **Вар.:** Зиновьев V, № 1066 — Купряково-1976.

287. Течёт речка по песку с дальнего востока. Записал В. П. Зиновьев в 1977 г. от Марфы Романовны Ларионовой, 1901 г. рожд., в с. Боты Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1672. **Вар.:** Зиновьев V, № 1667–1671, 1673–1676 — Нижняя Куэнга-1974, Кумаки-1976, Боты, Бори и Молодовск (2)-1977, Карда-1978, Рудник-Пешково-1979. **Ср.:** Бардин, № 146; Балашов, с. 373; Бахтин, № 266; Элиасов 1963, № 189.

288. За грибами в лес девицы гурьбой собрались. Записали Н. Новикова, М. Соловьёва в 1976 г. от Константина Давыдовича Писарева, 1896 г. рожд., в с. Зюльзикан Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 979. Чётные стихи повторяются. Поздняя баллада. **Вар.:** Зиновьев V, № 977, 978 — Атамановка-1975, Кактолга-1978. **Ср.:** Элиасов 1963, № 447.

289. Ох, кари глазки, куда вы скрылись? Записали Е. Антуфьева, Л. Петелина в 1976 г. от Александры Васильевны Маляровой, 1907 г. рожд., в с. Кангил Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1347.

Эта песня встречается в сборниках с конца XVIII в., в ранних публикациях — с другим зачином: «Ах, ты день ли мой денёчек». **Вар.:** Зиновьев V, № 1345 1346, 1348–1350 — Атамановка-1975, Трубачево и Шелопугино-1976, Аталанка-1978, Пешково-1979. **Ср.:** Львов-Прач, № 47; Киреевский, № 2827; Якушкин I, № 593; Соколовы, № 530; Элиасов 1963, № 54, 95.

290. Вон на той на горе — там цветочки цветут. Записали Е. Гребенщикова, Н. Санкина, О. Соболева в 1975 г. от Богдановой, 1912 г. рожд., в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1237. **Ср.:** Элиасов 1966, № 73; Бол.-Мель. 1981, № 405; Тува, № 144.

291. Уж вы кумушки, вы мои голубушки. Записала М. Аристова в 1976 г. от Иллариона Поликарповича Кузнецова, 1896 г. рожд., в с. Газимурский Завод Читинской обл. Зиновьев V, № 1690.

292. Зеленая ветка, что ж ты не шумишь? Записали О. Бочарова, С. Пачерская, М. Соловьёва в 1975 г. от Анастасии Васильевны Первухиной, 1909 г. рожд., в с. Атамановка Читинской обл. Зиновьев V, № 1328. **Ср.:** Элиасов 1963, № 183.

293. Любила меня мать, уважала. Записали Л. Павловская, Н. Скобёлкина в 1976 г. от Марии Семёновны Астраханцевой, 1921 г. рожд., в с. Беломестново Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1393, м/л 31. **Вар.:** Зиновьев V, № 1394–1404 — Мирсаново-1969, Нижняя Куэнга-1974, Атамановка, Дарасун (3) и

Тыргетуй-1975, Кактолга и Мангидай-1977, Аталанка-1978, Рудник-Пешково-1979.
Ср.: Элиасов 1963, № 143; Элиасов 1966, № 112.

294. Ходила я в лес за малиной. Записали О. Бочарова, С. Пачерская, М. Соловьёва в 1975 г. от Анны Ивановны Макаровой, 1948 г. рожд., в пос. Атамановка Читинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1693.

Эта песня перекликается с текстами на сюжет «Дочь на могиле матери» (ВБ, № 64). **Ср.:** Элиасов 1963, № 194.

295. Кабы были златы крылья, да. Записали Л. Павловская, Н. Скобёлкина в 1976 г. от Марии Семёновны Астраханцевой, 1921 г. рожд., в с. Беломестново Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1331, м/л 31. **Вар.:** Зиновьев V, № 1332–1335 — Кибасово-1974, Колобово-1976, Батакан-1977, 1980. **Ср.:** Нерчинск, с. 105.

296. Развяжите сизы крылья. Записали Н. Андреева, Е. Какунина, М. Керн в 1975 г. от А. В. Сидоровой в с. Тыргетуй Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1559. Каждое двустипшие повторяется. Концовка песни имеет частушечный характер. **Вар.:** Зиновьев V, № 1558 — Дарасун-1975. **Ср.:** Элиасов 1963, № 199.

297. Сиротиночкой взросло. Записали М. Выходцева, В. П. Зиновьев, М. Кузовкова в 1974 г. от Марии Кирилловны Аничкиной, 1918 г. рожд., в г. Нерчинске Читинской обл. Зиновьев V, № 1096.

Песня является широко известной народной переработкой стихотворения И. З. Сурикова (1841–1880) «Сиротой я росла» (1867) — см. Гусев, № 553. **Вар.:** Зиновьев V, № 1097–1130 — Кибасово, Нижняя Куэнга и Усть-Карск-1974, Атамановка, Дарасун (6) и Маккавеево-1975, Беломестново, Зюльзикан, Купряково, Подойницыно, Улан-Удэ и Шелопугино (2)-1976, Бори, Боты (2), Кактолга, Мангидай и Фирсово (2)-1977, Аталанка (4)-1978, Верхние Ключи, Бори и Пешково-1979, Батакан-1980. Некоторые варианты отличаются заключительными стихами:

Ох, там, на горе,
 Девки воспевают —
 У меня у сироты
 Сердце погибает.
 Был отец и была мать —
 Всех похоронила.
 Вот не дал же мне Господь
 Долюшки счастливой.
 Пойду, пойду в монастырь,
 Богу помолюся,
 Ох, не даст ли мне Господь
 Долюшку счастливую?

(Записали А. Порошина, Н. Скобёлкина в 1979 г. от Кристины Константиновны Дружининой, 1897 г. рожд., в с. Бори Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1105).

Я пойду-ка с горя
 На крутую гору.
 На крутой-то горе
 Мать моя лежала,

Правой-то рукой
 Меня благословляла,
 Левой рукой
 Меня обнимала.

(Записала В. Огородникова в 1979 г. от Анны Митрофановны Филипповой, 1916 г. рожд., в с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1128).
Ср.: Гусев, № 694; Элиасов 1963, № 445; Элиасов 1966, № 179; Элиасов 1969, № 246.

298. По дорожке, ой, зимней скучной лошадка бежит. Записали Э. Лямина, М. Соловьёва, Т. Усова в 1980 г. от Егора Семёновича Рюмкина, 1907 г. рожд., Анны Егоровны Макаровой, 1928 г. рожд., в с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1045, м/л 105. Каждый стих, кроме первого, повторяется.

Литературным источником этой песни является стихотворение И. З. Сурикова «Тихо тощая лошадка по пути бредёт...» **Вар.:** Зиновьев V, № 1040–1044, 1046, 1047 — Дарасун-1975, Молодовск-1977, Нижние Ключи-1978, 1979, 1980, Пешково (2)-1979. **Ср.:** Соколовы, № 669, 670; Элиасов 1966, № 109.

299. В голове моей, братцы, кружится. Записал В. П. Зиновьев в 1969 г. от Марии Семёновны Новиковой, 1922 г. рожд., в с. Апрельково Шилкинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1215, м/л 8. Чётные стихи повторяются. **Ср.:** Элиасов 1963, № 180; Дорофеев, № 55.

300. Отчего мне невесело стало. Записали Н. Онышко, Н. Скобёлкина в 1977 г. от Ефима Ксенофонтовича Катанаева, 1897 г. рожд., в с. Боты Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1488. **Вар.:** Зиновьев V, № 1489 — Оловянная-1977.

301. — Что ж ты, пташка, да ли невесёла. Записали А. Володько, Н. Скобёлкина, И. Смолина в 1979 г. от Анны Ефимовны Ивановой, 1922 г. рожд., в с. Бори Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1697. **Вар.:** Зиновьев V, № 1698 — Верхняя Куэнга-1974. **Ср.:** Путилов, № 103; Вагин, № 32; Гуревич-Элиасов, № 116; Элиасов 1963, № 38, 156.

302. Уж ты мать моя родная. Записали Л. Кустова, Л. Фецерт в 1975 г. от Натальи Степановны Григорьевой, 1912 г. рожд., в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1692.

303. Сронила колечко со правой руки. Записал В. П. Зиновьев в 1969 г. от Веры Сенотрусовой, 1945 г. рожд., в с. Кибасово Шилкинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1623, м/л 16. **Вар.:** Зиновьев V, № 1613–1622, 1624–1628 — Кибасово-1974, Атамановка и Дарасун (2)-1975, Знаменка, Кумаки, Нерчинск и Шелопугино-1976, Бори, Ломы и Фирсово-1977, Аталанка-1978, Бишигино и Пешково-1979, Батакан-1980. **Ср.:** Элиасов 1966, № 63; Тува, № 137.

304. В полях цветы, в полях цветы. Записали О. Бочарова, С. Пачерская, М. Соловьёва в 1975 г. от Анны Ивановны Макаровой, 1948 г. рожд., в пос. Атамановка Читинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1226. Второе двуступишие каждой строфы повторяется.

305. Бела кофта, чёрный бантик. Записали О. Соболева, М. Соловьёва в 1976 г. от Веры Васильевны Анискиной, 1933 г. рожд., Ульяны Игнатьевны Белолюбской, 1924 г. рожд., Марии Никифоровны Наумовой, 1917 г. рожд., в с. Кумаки

Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1834, м/л 45. Второе двустишие каждой строфы повторяется. Несколько украинских слов в тексте свидетельствуют о том, что эта песня бытовала и в украинской среде.

306. Мой милый друг, пусти меня. Записали О. Казакова, Н. Новикова в 1974 г. от Федоры Устиновны Осокиной, 1887 г. рожд., Александры Григорьевны Осокиной, 1922 г. рожд., Евдокии Григорьевны Осокиной, 1917 г. рожд., Пелагеи Григорьевны Осокиной, 1914 г. рожд. в пос. Усть-Карск Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1420. **Ср.:** Элиасов 1963, № 326.

307. Раз полоску Маша жала. Записал В.П. Зиновьев в 1979 г. от Кристины Константиновны Дружининой, 1897 г. рожд., в с. Бори Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 313, м/л 87.

Народная переработка стихотворения М.Н. Соймонова (1851–1888) «Бабье дело» (1880-е годы) — см. Гусев, № 613. **Вар.:** Зиновьев V, № 310–312, 314–318 — Кулаково-1969, Беломестново-1976, Аргун, Бори и Фирсово (2)-1977, Бори и Кудея-1979. **Ср.:** Элиасов 1963, № 343; Красноярск, с.100.

Песни украинского происхождения

308. Ехали казаки из дому до Дону. Записал В.П. Зиновьев в 1974 г. от Фёдора Семёновича Смолянского, 1908 г. рожд., на ж/д разъезде Шапка Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1835, м/л 24.

Песня восходит к балладе на сюжет «Казак и шинкаря» (ВБ, № 76). **Ср.:** Киреевский, № 1457; ЛН, с. 366; Языковы, № 278; Гнатюк, с. 189; Балашов, с. 270–272; Соболевский I, № 216–225; Чернышев, № 3; Листопадов II, № 102, 103; Путилов, № 120, 146.

309. Поутру встану раненько. Записали А. Кукса, А. Порошина, М. Соловьёва в 1977 г. от Екатерины Игнатьевны Астафьевой в с. Кактолга Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1899. Каждый стих повторяется.

Песня балладного типа на сюжет «Черноморец пришёл коней поить и утонул» (ВБ, № 220). **Вар.:** Зиновьев V, № 1900 — Кулаково-1969. **Ср.:** Манжура, с.183; Франко, с. 105; Элиасов 1963, № 137.

310. То не тихий Дон шумит быстрою волною. Записали Н. Новикова, О. Соболева, М. Соловьёва в 1976 г. от Евстигнея Степановича Мальцева, 1908 г. рожд., Виктора Евстигнеевича Мальцева, 1937 г. рожд., Евдокии Яковлевны Мальцевой, 1911 г. рожд., Тамары Яковлевны Мальцевой, 1938 г. рожд., в с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1939, м/л 44. Чётные стихи повторяются.

Литературный источник этой песни — стихотворение А.Х. Дуропа «Казак на родине» (1818) — см. Гусев, № 205. В Забайкалье широко распространена другая народная переработка этого стихотворения — «При лужке, лужке, лужке» (см. № 311 наст. сб.). Иногда встречается и третий вариант, восходящий к тому же источнику, — «Со неверной сторонки» (см. № 312 наст. сб.). **Вар.:** Зиновьев V, № 1937, 1938, 1940–1943 — Кангил и Колобово-1976, Ломы-1977, Аталанка-1978, Волочаевка и Пешково-1979. **Ср.:** Балашов, с. 336; Элиасов 1963, №115, 119; Элиасов 1969, № 242.

311. При лужке, лужке, лужке. Записал В.П. Зиновьев в 1979 г. от Ульяны Ивановны Рожковской, 1918 г. рожд., в с. Бори Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1911, м/л 87. Второе двустушие каждой строфы повторяется. **Вар.:** Зиновьев V, № 1901–1910, 1912–1917 — Пешково-1969, Кибасово и Нерчинск-1974, Дарасун (2) и Маккавеево-1975, Шелопугино-1976, Боты, Ломы-1977, Аталанка (2)-1978, Бори, Пешково (2) и Кудея-1979, Батакан-1980. **Ср.:** Листопадов II, № 125; Чернышев, № 332; Бардин, № 116; Гусев, № 667; Элиасов 1969, № 248. См. коммент 310.

312. Со неверной, ой, сторонки. Записал В.П. Зиновьев в 1974 г. от Афанасия Дементьевича Конёва, 1904 г. рожд., Агриппины Васильевны Корниловой, 1904 г. рожд., Агафьи Васильевны Хлестуновой, 1910 г. рожд., в с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1919, м/л 22. Чётные стихи, кроме последнего, повторяются. **Ср.:** Элиасов 1963, № 94, 268. См. коммент. 310.

313. На горе Ермола, под горою-то вода. Записал А. Кукса в 1977 г. от Анны Петровны Астафьевой, 1917 г. рожд., Марии Яковлевны Хариной, 1910 г. рожд., Натальи Михайловны Плотниковой в с. Кактолга Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1888. Последнее двустушие каждой строфы повторяется.

Эта песня часто встречается и с другими зачинами: «В поле верба, под вербой вода» или «И туды гора, и сюды друга» (см. № 314 наст. сб.). **Вар.:** Зиновьев V, № 1844, 1889 — Галкино-1973, Нижние Ключи-1979. **Ср.:** Киреевский, № 2246; Манжура, с. 118; Соболевский IV, № 613; Путилов, № 99; Бол.-Мель. 1985, № 74; Тува, № 126. См. также № 314 наст. сб.

314. И туды гора, и сюды гора. Записали Т. Карягина, В. Кузьмина в 1978 г. от Анфисы Дмитриевны Тирских, 1914 г. рожд., в с. Карда Усть-Удинского р-на Иркутской обл. Зиновьев V, № 1845. Последнее двустушие каждой строфы повторяется. См. коммент. 313.

315. Из-за гор-горы, ой, едут мазуры. Записал В.П. Зиновьев в 1969 г. от Карпа Фёдоровича Васильева, 1892 г. рожд., в с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1847, м/л 7. Каждый стих повторяется.

Песня на сюжет «Мазур подговаривает девушку и увозит с собою» (ВБ, № 92) восходит к балладе польского происхождения, она активно бытует и в западных районах России, откуда и была занесена в Забайкалье. **Вар.:** Зиновьев V, № 1846, 1848–1853 — Шапка и Пешково-1974, Атамановка и Дарасун-1975, Бори (3)-1979. **Ср.:** Элиасов 1963, № 323.

316. Край дорози, около броду. Записали Н. Андреева, Е. Какунина, М. Керн в 1975 г. от Н.Ф. Васильевой в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1954.

317. Распрягайте, хлопцы, коней. Записали Крюкова, Размахнина, Чередникова в 1977 г. от Ксении Константиновны Дружининой, 1908 г. рожд., в с. Бори Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1979. **Вар.:** Зиновьев V, № 1978, 1980, 1981 — Усть-Карск-1974, Шелопугино-1976, Пешково-1979.

318. Закукала кокушечка в лесу на покосе. Записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева в 1976 г. от Евдокии Сергеевны Бянкиной, 1926 г. рожд., в с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1838. Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется. **Вар.:** Зиновьев V, № 1836, 1837, 1839–1843 —

Купряково-1976, Бори (2), Ломы, Молодовск и Фирсово-1977; Верхние Ключи-1980. **Ср.:** Манжура, с. 115; Элиасов 1963, № 338; Элиасов 1966, № 171.

319. Стоит гора высокая. Записал В. П. Зиновьев в 1979 г. от Ульяны Ивановны Рожковской, 1918 г. рожд., в с. Бори Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1929, м/л 87. **Вар.:** Зиновьев V, № 1920–1928, 1930–1936 — Нижняя Куэнга-1974, Дарасун (3), Маккавеево и Новодоронинск-1975, Деревцово, Купряково, Унда и Шелопугино-1976, Бори, Ералга, Ломы и Фирсово-1977, Бори-1979.

320. Шумят вербы, шумят рясны. Записали А. Кукса, А. Порошина, М. Соловьёва в 1977 г. от Авдотьи Лукиничны Золотовской, Настасьи Фёдоровны Скоблицыной, Екатерины Игнатъевны Астафьевой в с. Кактолга Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1945. Второе двустишие каждой строфы повторяется. **Вар.:** Зиновьев V, № 1944 — Нижние Ключи-1979.

321. Посеяла огурочки близко над рекою. Записал В. П. Зиновьев в 1976 г. от Степана Михайловича Лагодина, 1901 г. рожд., в с. Деревцово Шелопугинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1975, м/л 33. Чётные стихи повторяются. **Вар.:** Зиновьев V, № 1973, 1974, 1976, 1977 — Дарасун и Маккавеево-1975, Унда-1976, Шеметово-1979. **Ср.:** Элиасов 1963, № 80.

322. Выпью я наливочку без привету. Записали Г. Бордунова, С. Кичигина в 1974 г. от Татьяны Поликарповны Гуртовой, 1916 г. рожд., в с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 44.

323. Ой, пойду в садочек да сорву листочек. Записали Л. Горбатко, Н. Погуральская, А. Хачумова в 1975 г. от Лидии Николаевны Дорофеевой, 1925 г. рожд., в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1964.

324. Марусенька казака любила. Записали А. Кукса, А. Порошина, М. Соловьёва в 1977 г. от Авдотьи Лукиничны Золотовской в с. Кактолга Газимурозаводского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1861. Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется. **Ср.:** Франко, с. 108.

325. Ой, на горе калина стояла. Записали О. Казакова, Н. Новикова в 1974 г. от Федоры Устиновны Осокиной, 1887 г. рожд., Александры Григорьевны Осокиной, 1922 г. рожд., Евдокии Григорьевны Осокиной, 1917 г. рожд., Пелагеи Григорьевны Осокиной, 1914 г. рожд., в пос. Усть-Карск Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1898. **Ср.:** Гнатюк, с. 133.

326. Проснулася деревня, проснулся солнца свет. Записали Т. Казидуб, Л. Кустова, Л. Фецерт в 1975 г. от Лины Ивановны Губановой, 1926 г. рожд., в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1896. **Вар.:** Зиновьев V, № 1891–1895, 1897, 1892а — Кибасово и Нижняя Куэнга-1974, Беломестново и Шелопугино-1976, Бори-1977, 1979, Шелопугино-1981. **Ср.:** Элиасов 1963, № 225; Дорофеев, № 87.

327. Ой, да как по новой да по святлице, да. Записали И. Смолина, М. Соловьёва в 1979 г. от Антонида Николаевны Чикичёвой, 1923 г. рожд., уроженки Воронежской обл., в с. Нижние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 83, м/л 80. Каждый стих повторяется.

Ближих этому тексту вариантов в известных нам сборниках не найдено, хотя песни на сюжет «Девушка просит молодца взять её в поход» широко распространены (Киреевский, № 2717; Языковы, № 196, 197; Якушкин II, № 123; Соболевский IV, № 805–821; Путилов, № 152; Элиасов 1969, № 61).

328. Ай, ты конь, ты мой конь, ты товарищ верной. Записали О. Литвинова, В. Мальцев в 1975 г. от Ивана Викторовича и Евфросиньи Филипповны Ломачиных в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 389. Украинский вариант солдатской песни «Вы поля, вы поля, вы широки поля» (см. № 221, 222 наст. сб.).

Звоны гулы — колокола гудели.

329. Молодой чумашек. Записали В. П. Зиновьев, Н. Новикова, Л. Попова в 1974 г. от Клавдии Антоновны Барановой, 1915 г. рожд., в с. Кибасово Шилкинско-го р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1866, м/л 18. Все двестишестидесяти, кроме первого и последнего, повторяются.

Эта песня широко известна в Забайкалье. Распространённый зачин «Зелёный дубочек на яр похилился» в забайкальских вариантах обычно отсутствует. **Вар.:** Зиновьев V, № 1862–1865, 1867–1887, 1865а — Нерчинск и Усть-Карск-1974, Дарасун (4) и Маккавеево-1975, Беломестново, Деревцово и Кумаки (3)-1976, Бори (2), Кактолга, Ломы, Молодовск и Фирсово (2)-1977, Бурукан-1978, Кудея (2) и Рудник-Пешково-1979, Батакан и Нижние Ключи-1980, Шелопугино-1981. Некоторые варианты дополнены несколькими строфами, например:

Щука та хлобыщет —
 Себе долю ищет,
 А я молоденек
 Без пары, без доли,
 Без пары, без доли
 При широкой воле.
 А только мне и пары —
 Очи мои кари,
 А только и любви —
 Мои чёрны брови.

(Записали О. Казакова, Н. Новикова в 1974 г. от Прасковьи Александровны Григоренко, 1901 г. рожд., в пос. Усть-Карск Сретенского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1868, м/л 14).

Все забайкальские варианты близки друг другу за исключением одного:

Молодой чумашек,
 Что ж ты зажурился,
 Чи волы пристали,
 Чи с дороги сбился?
 Полюбил дивчину,
 Да не оженился.
 А вже ту дивчину
 Засватали люди,
 И мне, молодому,
 Парочки не будет.
 Нема мене пары
 Ни тут, ни в Полтаве.

Только мене пара —
 Що очи те кари,
 Только той любви —
 Что чёрные брови.
 Чёрны брови маю,
 Да не женюся,
 Пойду до реченьки
 Да утоплюся.

(Записали О. Соболева, М. Соловьёва в 1976 г. от Веры Васильевны Анискиной, 1933 г. рожд., Ульяны Игнатьевны Белолобской, 1924 г. рожд., в с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл. Зиновьев V, № 1862). Ср.: Башк., № 143; Кубань, № 141; Элиасов 1963, № 357; Дорофеев, № 90; Элиасов 1966, № 92; РУ, № 161.

Список библиографических сокращений, принятых в комментариях

Балашов — Народная баллада / вступ. ст., подгот. текстов и примеч. Д. М. Балашова. — М.; Л., 1963.

Бардин — Фольклор Чкаловской области / сост. А. В. Бардин. — Оренбург, 1940.

Бахтин — Сказки, песни, частушки, присловья Ленинградской области, записанные Владимиром Бахтиным. — Л., 1982.

Башк. — Русское народное творчество в Башкирии / под ред. Э. В. Померанцевой; сост. С. И. Минц, Н. С. Полищук, Э. В. Померанцева. — Уфа, 1957.

Бол.-Мель. 1981 — Календарно-обрядовая поэзия сибиряков / сост. Ф. Ф. Болонев и М. Н. Мельников. — Новосибирск, 1981.

Бол.-Мель. 1985 — Хороводные и игровые песни Сибири / сост. Ф. Ф. Болонев и М. Н. Мельников. — Новосибирск, 1985.

Вагин — Нынешняя деревенская песня // Известия ВСОРГО. — 1888. — Т. 18.

ВБ — Смирнов Ю. И. Восточнославянские баллады и близкие им формы (опыт указателя сюжетов и версий). — М., 1988.

Гнатюк — Українські народні пісні в записях Володимира Гнатюка / упор., вступ. ст. і прим. М. Яценка. — Київ, 1971.

Гуревич — Фольклор Восточной Сибири / сост. А. В. Гуревич. — Иркутск, 1938.

Гуревич-Элиасов — Гуревич А. В., Элиасов Л. Е. Старый фольклор Прибайкалья / вступ. ст. и примеч. А. В. Гуревича. — Улан-Удэ, 1939.

Гусев — Песни и романсы русских поэтов / вступ. ст., подгот. текстов и примеч. В. Е. Гусева. — М.; Л., 1965.

Дорофеев — Русские народные песни Забайкалья / сост. Н. И. Дорофеев. — М., 1989.

ИП XIII-XVI — Исторические песни XIII-XVI веков / изд. подгот. Б. Н. Путилов и Б. М. Добровольский. — М.; Л., 1960.

ИП XVII — Исторические песни XVII века / изд. подгот. О. В. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов и др. — М.; Л., 1966.

ИП XIX — Исторические песни XIX века / изд. подгот. Л. В. Домановский, О. Б. Алексеева, Э. С. Литвин. — Л., 1973.

Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. — М., 1911. — Вып. 1; М., 1917. — Вып. 2, ч. 1; М., 1929. — Вып. 2, ч. 2.

Колпакова — Лирика русской свадьбы / изд. подгот. Н. П. Колпакова. — Л., 1973.

Красноярск — Народные песни Красноярья / изд. подгот. К. Скопцов и В. Осипова. — Красноярск, 1983.

Кубань — Песни казаков Кубани / сост. И. Ф. Варавва; под ред. В. М. Сидельникова. — Краснодар, 1966.

Кузьмина — Народная поэзия рабочих Сибири / изд. подгот. Л. П. Кузьмина; под ред. Л. Е. Элиасова. — Улан-Удэ, 1974.

Леонтьев — Печорские былины и песни / зап. и сост. Н. П. Леонтьев. — Архангельск, 1979.

Листопадов — Листопадов А. М. Песни донских казаков — М., 1949–1953. — Т. 1–4.

ЛН — Литературное наследство. — М., 1968. — Т. 79: Песни, собранные писателями: Новые материалы из архива П. В. Киреевского.

Львов-Прач — Собрание народных русских песен с их голосами на музыку положил Иван Прач / под ред. и с вступ. ст. В. М. Беляева. — М., 1955.

Манжура — Народні пісні в записах Івана Манжури / упор., вступ. ст. і прим. Л. С. Каширіної. — Київ, 1974.

Мезень — Песенный фольклор Мезени / изд. подгот. Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. — Л., 1967.

Нерчинск — Из материалов фольклорной экспедиции 1983 г. / публ. Р. П. Матвеевой и В. Д. Осиповой // Локальные особенности русского фольклора Сибири. — Новосибирск, 1985. С. 88–111.

Новг. — Традиционный фольклор Новгородской области (по записям 1963–1976 гг.): Песни. Причитания / изд. подгот. В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, М. А. Лобанов, В. В. Митрофанова. — Л., 1979.

Печора — Песни Печоры / изд. подгот. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколова, Б. М. Добровольский. — М.; Л., 1963.

Пинежье — Песни Пинежья: Материалы фонограммархива, собранные и разработанные Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд. — М., 1937. — Кн. 2.

Потанина 1979 — Русские свадебные песни Сибири / сост. Р. П. Потанина. — Новосибирск, 1979.

Потанина 1981 — Обрядовые песни русской свадьбы Сибири / сост. Р. П. Потанина. — Новосибирск, 1981.

Путилов — Песни гребенских казаков / публ. текстов, вступ. ст. и коммент. Б. Н. Путилова. — Грозный, 1946.

Пушк. — Песни и сказки Пушкинских мест: Фольклор Горьковской области / изд. подгот. В. И. Ерёмкина, М. А. Лобанов, В. Н. Морохин. — Л., 1979. — Вып. 1.

РЛПС — Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока / сост. С. И. Красноштанов, В. С. Левашов, В. М. Щуров; отв. ред. Ю. И. Смирнов. — Новосибирск, 1997.

РОФС — Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Восто-

ка: Свадебная поэзия. Похоронная причеть / сост. Р.П. Потанина, Н.В. Леонова, Л.Е. Фетисова; отв. ред. Т.Г. Леонова. — Новосибирск, 2002.

РЭПС — Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / сост. Ю.И. Смирнов. — Новосибирск, 1991.

РУ — Фольклор Русского Устья / изд. подгот. С.Н. Азбелев, Г.Л. Венедиктов, Н.А. Габышев и др. — Л., 1986.

Саратов — Песни, сказки, частушки Саратовского Поволжья / сост. Т. Акимова и В. Архангельская. — Саратов, 1969.

Соболевский — Великорусские народные песни, изданные И.А. Соболевским. — СПб., 1895–1902. — Т. 1–7.

Соколовы — Сказки и песни Белозерского края / записали Борис и Юрий Соколовы. — М., 1915.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. — Л., 1979.

Тува — Русские народные песни в Туве / сост. М.П. Татаринцева. — Кызыл, 1993.

Трутовский — Трутовский В. Собрание русских простых песен с нотами. Ч. 1–4. 1776–1795 / под ред. и с вступ. ст. В. Беляева. — М., 1953.

Франко — Народні пісні в записах Івана Франка / упор. і прим. О.Г. Дея. — Львів, 1966.

Хабаровск 1969 — Тропами таёжными: Песни и частушки гражданской войны на Дальнем Востоке / изд. подгот. С.И. Красноштанов. — Хабаровск, 1969.

Хабаровск 1985 — Песни царской неволи / изд. подгот. С.И. Красноштанов. — Хабаровск, 1985.

Чернышев — Русская баллада / предисл., ред. и примеч. В.И. Чернышева; вступ. ст. Н.Л. Андреева. — Л., 1936.

Чулков — Чулков М.Д. Сочинения. Т. 1. Собрание разных песен. Ч. 1–3 с прибавлением. 1770–1773. — СПб., 1913.

Шейн — Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.: Материалы, собранные и приведённые в порядок П.В. Шейном. — СПб., 1898. — Т. 1, вып. 1.

Элиасов 1957 — Стихи, песни, частушки времён гражданской войны в Забайкалье / изд. подгот. Л.Е. Элиасов. — Чита, 1957.

Элиасов 1963 — Фольклор семейских / сост. Л.Е. Элиасов и И.З. Ярневский. — Улан-Удэ, 1963.

Элиасов 1966 — Русский фольклор Тункинской долины / общ. ред. и вступ. ст. Л.Е. Элиасова; сост. Л.Е. Элиасов, И.З. Ярневский, Л.А. Соловьёва. — Улан-Удэ, 1966

Элиасов 1969 — Фольклор казаков Сибири / сост. Л.Е. Элиасов и И.З. Ярневский. — Улан-Удэ, 1969.

Элиасов 1973 — Элиасов Л.Е. Фольклор Восточной Сибири. — Улан-Удэ, 1973. — Ч. 3: Локальные песни.

Языковы — Собрание народных песен П.В. Киреевского: Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях / изд. подгот. А.Л. Соймонов. — Л., 1977. — Т. 1.

Якушкин — Собрание народных песен П.В. Киреевского: Записи П.И. Якушкина / подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. З.И. Власовой. — Л., 1983–1986. — Т. 1, 2.

Раздел II

Из фольклорного архива
В. П. Зиновьева

Народная проза

Легенды, предания и устные рассказы в фольклорном собрании В. П. Зиновьева

Валерий Петрович Зиновьев был внимателен ко всем проявлениям традиционной духовной культуры забайкальцев, обнаруживая в ней основы удивительной жизнестойкости сибирского крестьянства и казачества, выдержавших историческое испытание пространством и временем. Раскрывая своеобразие забайкальской сказочной традиции, Валерий Петрович писал: «Здесь, по селам Предамурья, и были собраны сказки, которые не одну уж сотню лет незримым ручейком вливаются в единый полноводный поток русской народной словесности. Они появились в этих местах с землепроходцами, по службе — за мягкой рухлядью и серебром или по вольной воле — за свободной жизнью и удачей, пришедшими из-за Байкала. Их несли с собой и люди, осужденные на ссылку или каторгу. Вольные и невольные поселенцы, оседаая на малозаселенных землях, покорили огромный край не силой, а стремлением к добрососедству, уживчивостью. Здесь они сеяли хлеб, разводили скот, добывали руду, несли службу по охране границы. Пели песни, сказывали сказки, слышанные от отцов и дедов, свидетельствующие о кровной связи с народом, который они представляли, с его обычаями, нравственными и эстетическими традициями»¹.

Сосредоточившись, в первую очередь, на собирании и изучении сказок и быличек, самого канонического и самого дискуссионного (на момент начала его научной деятельности) фольклорных жанров, В.П. Зиновьев записывал и устные рассказы, предания, легенды. Жанры народной несказочной прозы, объединенные «установкой на достоверность» (в отличие от сказки, целиком

¹ Русские сказки Забайкалья : сборник / подгот. текстов, сост., предисл. и примеч. В.П. Зиновьева; вступ. ст. В.Г. Распутина; науч. ред. Р.П. Матвеева. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во. — 1983. — С. 11.

принадлежащей миру народной фантастики), неизменно вызывали интерес исследователя. Отличительной особенностью этого вида народной прозы является уверенность рассказчика и его аудитории (действительная или только подразумеваемая) в правдивости рассказа, вне зависимости от наличия или отсутствия фантастического вымысла в его сюжете.

К фантастическим жанрам несказочной прозы относится *легенда*, в основе которой всегда лежит широко известный сюжет, принадлежащий, как правило, далекому прошлому.

В архиве В. П. Зиновьева хранится ряд записей этого жанра, каждая из которых по-своему интересна. Большую часть текстов этого небольшого собрания составляют народные версии библейских, евангельских, житийных сюжетов [№ 1–11], а также рассказы о чудесах, связанных с христианскими святынями [№ 12–17]. Эти сюжеты продолжали жить в народной памяти, несмотря на все попытки окончательного искоренения «религиозных предрассудков» в сознании советских людей.

Особый интерес представляют рассказы этиологического содержания, повествующие о происхождении элементов ландшафта, природных или культурных объектов, социальных установлений. Широко известный сюжет «О хлебном колосе» [№ 19] относится к общерусской фольклорной традиции, сюжет «Почему мужчина старше женщины» — вероятно, к южнорусской (рассказчик родом из Воронежской губернии), сюжеты об Ангаре, Байкале и Енисее — к местной сибирской традиции.

Как показали многолетние полевые изыскания Валерия Петровича и его учеников и последователей, национальное самосознание русских Восточного Забайкалья ярко проявляется в *мощной региональной традиции устной исторической прозы*.

Валерий Петрович стремился проникнуть в глубины исторической памяти старожилов края. Его интересовали народные повествования о далеком прошлом, своего рода устная летопись русских старожилов края. С историями подобного рода он был знаком с детства. Упоминание об этом встречаем в его статье о сказках: «Сам я, например, слушая сказки родных мест, возвращаюсь в мир моих детских романтических впечатлений от рассказов взрослых о прошлом. Это мир удивительных преданий о таежной жизни охотников, старателей, которые золото рыли в горах, о смелых и благородных разбойниках, гордых казаках, о суровых нравах приискательской жизни, о чалдонах-каторжанах, которых простые казачки кормили хлебом и молоком, специально оставленными на ночь в окошечках «ланцовках», о страшных порядках на приисках горного начальника Разгильдеева...»².

В результате многолетней экспедиционной работы Валерием Петровичем Зиновьевым и студентами Иркутского госуниверситета был записан цикл преданий о Карийской и Нерчинской каторге, о беглых ссыльных, о их взаимоотношениях с крестьянами. В устных повествованиях раскрывается народное

² Русские сказки Забайкалья: Сборник. — С. 8–9.

осмысление ссылки — сложного социального явления, внедрившегося в общественную жизнь Сибири со времен первоначального освоения ее русскими землепроходцами.

Поскольку Восточное Забайкалье было местом сосредоточения наиболее тяжелого контингента уголовной ссылки — осужденных по суду каторжан, все болезненные проявления каторги и ссылки проступали здесь наиболее ярко. Среди них своей разрушительной энергией в духовном плане особо выделялось такое явление, как обилие беглых³. Край был наводнен «чалдонами»⁴, бежавшими как с мест поселения, так и из тюрем. В «бегах» находилось от половины до двух третей числившихся ссыльных и каторжан⁵. Основная масса их гибла, «а до момента гибели напрасно «отягощала» собой сибирское население»⁶. Как писал Н. М. Ядринцев, в лице беглых «крестьянство столкнулось со стихийной массой», которая «постоянно разрушает его благосостояние», совершает разного рода преступления и оказывает на него «растлевающее и губительное нравственное влияние»⁷.

Записанные во время экспедиций устные рассказы и предания дают возможность увидеть, как же сами русские старожилы воспринимали различные негативные проявления ссылки и прежде всего бродяжество, бывшее причиной их постоянного беспокойства, источником социального неблагополучия на сибирской земле.

Типичной особенностью сибирского быта было постоянно повторяющееся прохождение беглых через село, при этом они могли доставлять малые и большие неприятности поселянам. Чаще это были кражи, реже — поджоги и разбойные нападения⁸. Очевидно, этим объясняется наличие рассказов о враждебном отношении к чалдонам.

Из боязни, что чалдоны «что-нибудь скрадут или напакостят», крестьяне

³ Об истоках бродячества на Руси и в Сибири как формы протеста личности против стеснявших ее обстоятельств см: Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. — Сиб. тип. А. Моригеровского, 1872. — С. 351–363.

⁴ «Чалдон» — слово монгольского происхождения, обозначающее вор или каторжанин» [Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. Для высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. — СПб.: Тип. С.-П. Тюрьмы, 1900. — С. 261].

⁵ См. Воробьев В. В. Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1975. — С. 180–181; Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. — СПб., 1882. — С. 170.

Н. М. Ядринцев выделял беглых как особую устойчивую социальную группу [Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. ... — С. 617–618].

⁶ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Т. II. Иркутская губерния. Вып. 2. — М., 1890. — С. 258.

⁷ См. Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке... С. 491, 617–636.

⁸ См. там же, С. 454–459, 479–488.

порой выдавали их властям. Случаи поимки бродяг нашли отражение в отдельных повествованиях.

Вместе с тем в рассказах сибирских старожиллов находят отражение некоторые широко распространенные традиции и обычаи, регулирующие взаимоотношения между беглыми и сельскими жителями. Так, повсеместно был распространен обычай оставлять съестное в закрепленных традицией местах с тем, чтобы бродяга мог поддержать свои силы и продолжить путь.

В фольклорном сознании забайкальцев живет устойчивый образ крынки молока и ковриги хлеба, выставяемых изо дня в день, из года в год на ночь в сенное оконце. Называют такие окошечки ланцовками — по фамилии Ланцова, одного из общеизвестных каторжан⁹. Хозяин, мастера надежный засов к двери, одновременно прорубал ланцовку.

Как выясняется из народных повествований, селянами, как правило, управляло при этом чувство человечности и доброты. Такого рода направленность отношения к беглым имеет историческое основание, своеобразно раскрываемое в самих устных рассказах.

Забайкальцам свойственно обостренное чувство истории и глубокий интерес к далекому прошлому своей земли. Примечательно, что, осмысляя историю заселения края русскими, старожилы связывают ее со ссыльными, часто — с каторжанами¹⁰.

Во многих семьях из поколения в поколение передаются предания о прадедах, сосланных в Сибирь на каторгу или на поселение, при этом в качестве причины ссылки чаще всего упоминается факт проявления ими правдо- или свободолобия. Согласно преданиям, бывшие каторжане или ссыльные поселенцы становились основателями крестьянских родов в Забайкалье. Даже если прапрадед был сослан за преступление или за провинность, память о нем бережно передавалась в роду из поколения в поколение хотя бы потому, что он сумел выжить в суровых условиях сибирской тайги и часто — инородческого окружения.

Для крестьян, чей род шел от пращура, сосланного в Сибирь на вечное поселение, естественным было проявление сочувствия к «тюремным чалдонам».

Формированию сочувственного отношения к беглым содействовало также то, что Забайкалье было местом сосредоточения каторжных тюрем (Нерчинская тюрьма, Карийская каторга), прославившихся жесточайшим режимом содержания заключенных. Ни усиленная охрана, ни, казалось бы, полная изоляция каторжан от внешнего мира не могли стать преградой для «народной

⁹Пересказывая сюжеты «бродяжеских мифов» (рассказов, преданий, легенд), Н. М. Ядринцев упоминает Ланцова как одного из «новых героев бродяжества» [Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке... — С. 402].

¹⁰Каторга — один из видов ссылки в Сибирь. Каторжные — одна из девяти категорий ссыльных [Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. Для высочайше учрежденной комиссии о мерах по отмене ссылки. — СПб.: Тип. С.-П. Тюрьмы, 1900. — С. 106–108].

газеты», распространяющей среди жителей окрестных деревень слухи и вести, сообщавшие подробности о жизни заключенных. Рассказы о произволе тюремщиков, об унижениях и издевательствах, которым подвергались каторжане, об их протесте, голодовках, самоубийствах сохранились в живом бытовании до настоящего времени. Думается, в конце девятнадцатого и начале двадцатого века истории эти были известны в каждой крестьянской семье.

Значительную роль сыграло также преимущественно уважительное отношение сельских жителей к политическим заключенным. Почва для этого была подготовлена преданиями и рассказами о сосланных декабристах. Уважение у крестьян вызывала прежде всего их самоотверженность.

Здесь же уместно отметить, что несколько поколений забайкальцев были воспитаны на преданиях о Разгильдееве, первом начальнике Каринских золотых приисков, использовавшем труд заключенных. Образ Разгильдеева стал символом жестокости и бесчеловечности: «Зверь был, а не человек» [№ 67], «около тыщи людей угробил, покаместь намывал это золото по Каре» [№ 68]. По глубокому убеждению забайкальцев, тюрьмы для каторжан вплоть до их закрытия были средоточием разгула *разгильдеевщины* (то есть произвола и жестокости). Попытка к бегству от разгильдеевщины встречалась в народе с пониманием.

Определенный аспект народного восприятия ссылки и каторги, раскрывшийся в устных рассказах и преданиях Забайкалья, делает объяснимым проявление гуманности и милосердия по отношению к беглым. Именно такого рода взаимоотношения между двумя сторонами нашли художественное воплощение в большинстве записанных В. П. Зиновьевым и его учениками повествований.

В результате длительного обследования Сретенского района Читинской области В. П. Зиновьевым был выявлен цикл рассказов и преданий о «благородном» разбойнике Павле Ивченко. Цикл этот, представляющий собой локальную традицию народной прозы, в 70–80-е годы XX века ещё активно бытовал в этой местности. В повествованиях об Ивченко отражаются события первой четверти XX века, и Валерию Петровичу удавалось записывать рассказы от очевидцев — людей, которым доводилось видеть легендарного «благородного» разбойника. Собеседниками Валерия Петровича были те, кто наблюдал события, происходившие в то далёкое время, будучи ребёнком, и даже те, кто принимал участие в поимке Павла Ивченко.

Павел Ивченко, уроженец Сретенского района, в прошлом офицер (солдат) царской армии, в силу обстоятельств становится разбойником. Он грабит богатых и одаривает бедных, выступая тем самым в роли народного заступника. В 70–80-е годы Ивченко в большинстве рассказов и преданий был представлен как народный герой, вызывающий симпатию своей смелостью, ловкостью и находчивостью.

Развёрнутые сюжетные повествования о забайкальском «благородном» разбойнике Павле Ивченко были подготовлены Валерием Петровичем к публикации. Рассказы были объединены исследователем в единый цикл и

расположены в соответствии с традиционной «биографией» «благородного» разбойника, в результате чего стало возможным получить представление о сюжетном и мотивном составе выявленного тематического цикла. В большинстве повествований ярко проявляются те качества Ивченки, которые особенно дороги забайкальцам. Этому способствовали и данные Валерием Петровичем подзаголовки к отдельным рассказам или их небольшим группам. В своём наиболее полном виде цикл рассказов и преданий о «благородном» разбойнике Ивченке был опубликован в 1985 году в альманахе «Сибирь» (№ 5)¹¹.

В процессе наблюдения над рассказами цикла возникает убеждение: истинно народным героем Ивченко становится потому, что в его деятельности всегда есть нравственное ядро. Благородный разбойник оказывается «общественным воспитателем». Он может проучить пьяницу, преподавать «правила хорошего тона» купцу, подвергнутому ограблению, высмеять и припугнуть преследователей, вознамерившихся поймать его из корыстных соображений. Даже причиной его гибели оказывается стремление принцип свой «бедных не трогать» внушить всем членам «артели» без исключения.

Душевная щедрость Ивченки находит выход в обычае дарить радость беднякам. Делает он это артистически, усиливая эффект неожиданностью подарка. Выступая в роли народного заступника, из столкновения с купцом Павел всегда выходит победителем, принуждая своего противника расплачиваться за свою жадность.

Все эти действия вызывают искреннее одобрение народа. За доброту и участие люди воздают сторицей. Они принимают Ивченку, скрывают его от преследователей.

Народный герой всегда на высоте положения. Он более метко стреляет, чем «господа». Обводит вокруг пальца жандармов. Бежит из тюрьмы. Даже во время осады, оказавшись в подождённом доме, спасается в бочке с водой.

Судьба народного мстителя трагична. Ивченко гибнет незадолго до революции, но сказители доммысливают, как могла бы продолжиться его жизнь: «дожил бы — поимел дело с Журавлёвым — и всё». (Напомним: это записи 70–80-х годов). Так благородный разбойник Павел Ивченко оказывается поставленным в один ряд с лучшими сынами Забайкалья, героями Погодаевым, Журавлёвым, легендарными полководцами Красной армии.

Отобрав наиболее характерные рассказы об Ивченке и расположив их согласно логике народного восприятия его личности, Валерий Петрович сумел показать, что забайкальскому разбойнику присущи те черты, которые свойственны народным мстителям со времён Разина и Пугачёва. Характер его, глубоко народный, уходит корнями своими в историю и представляет собой местную редакцию типологического образа «благородного» разбойника — народного заступника, социального мстителя, сформировавшегося еще «в период позднего

¹¹ Устные рассказы о благородном разбойнике Ивченко // Сибирь. – 1985. – № 5. – С. 93–111.

феодализма»¹² и живущего в народном художественном сознании несколько веков.

Цикл рассказов и преданий о благородном разбойнике Павле Ивченко — слово Валерия Петровича Зиновьева о народном характере, воплотившемся в образе мятежного героя земли забайкальской.

В настоящем издании впервые публикуются устные рассказы исторического содержания, хранящиеся в архиве В. П. Зиновьева. Записанные несколько десятилетий назад, в основном в 1970-е годы, от участников событий, происходивших на территории Восточной Сибири в первой половине прошлого века, сегодня они воспринимаются как подлинные свидетельства об одном из самых сложных периодов в судьбе страны.

В. П. Зиновьева особенно интересовали явления народной жизни, которые по понятным идеологическим причинам оставались за пределами официальных трактовок отечественной истории XX века. Слушая эти неприкрашенные, предельно откровенные, не выверенные ни по каким установкам сверху рассказы обычных людей, студенты-собиратели фольклора, воспитанные на советских учебниках, впервые открывали для себя правду о собственной не такой уж давней истории. О запредельной жестокости гражданской войны, лишеной в восприятии ее участников всякого романтического ореола. О нелепых и разорительных экспериментах 20-х годов с организацией сельских коммун, обобществлявших крестьянские хозяйства вплоть до последней ложки. О принудительной коллективизации, которая «шла под нажимом» властей, и раскулачивании, по своей бесчеловечности и катастрофическим последствиям сопоставимыми с бедствиями войны. О крестьянских восстаниях против советской власти на рубеже 1920–1930-х годов. О «ежовщине» — массовых репрессиях, погубивших или сломавших судьбы множества ни в чем не повинных людей.

Каждая из этих тем отражена во множестве отдельных повествований. Фрагментарные, отрывочные, казалось бы, никак не связанных между собой, эти воспоминания в сопоставлении друг с другом представляют единую картину народной жизни на историческом переломе.

Рассказы бывших красногвардейцев и партизан повествуют о гражданской войне в Забайкалье: о мобилизации казаков в отряды атамана Семенова и уклонении от нее, о формировании Красной гвардии и становлении партизанского движения, о боях и походах, о воинских соединениях и их командирах. Эти устные хроники с их анахронизмами, фактическими неточностями, вымышленными подробностями, характерными для фольклорной традиции, конечно, нельзя рассматривать как надежные исторические источники. Их главная ценность — в отражении народного исторического самосознания.

Рассказчиков объединяет не только общая судьба, но и общее понимание смысла исторических событий, свидетелями и участниками которых они оказывались вольно или невольно. Это осмысление, далеко не всегда ясно формулируемое рассказчиками, часто интуитивное, звучащее «между строк», осно-

¹² Соколова В. К. Русские исторические предания. — М., 1970. — С. 144.

вано на традиционных представлениях о войне и мире, власти и народе, справедливости и беззаконии.

Война воспринимается фольклорным сознанием как катастрофа, несущая разорение и смерть всему народу. Гражданская война начинается с пророчества: *«У нас кровь пойдет — до узды коню»* [№ 105] и заканчивается кровавым апокалипсисом последнего боя: *«...Коней жгли, трупы жгли... Сколько там было огнищев-то — ой-ё-ёй... И никто нигде не сказал, сколько же там было убитых...»* [№ 134]. Рассказы повествуют о кровопролитных сражениях между белыми и красными, о беспощадных расправах с пленными без суда в обоих лагерях, о зверствах карателей в деревнях, о казнях партизан, о страданиях мирного населения от разорительных набегов: *«японцы тут бегали, красные, белые», «тапхаевцы налетали»* [№ 126], *«партизаны прибежали... Она везде: в картошке, в подполье саблями рубят, ищут, партизаны-то»* [№ 127].

Война, по народным представлениям, — непримиримое противостояние своих и чужих. Чужие приходят извне, говорят на чужом языке, они враги, способные на любое злодеяние, «нелюди»: *«каки-то харчены были, они же под вид японцев... Монголы ли. Ой, страшнушии! Прибегут — хлеб, мука у кого была, они все вытаскают да на землю высыпят.... Того и гляди — убьют»* [№ 126]. Чужие не заслуживают пощады — они должны быть уничтожены или изгнаны.

Но ужас гражданской войны — в том, что границы между своими и чужими стираются: красные и белые — *«те русские и другие русские»* [№ 124]. На первый план выходит размежевание по принципу идеологии — «свои» уступают место «нашим»: *«кто под нашими красными флагами пойдет, тот будет принят в наши круги»* [№ 105]. Рвутся, казалось бы, незыблемые родственные, соседские, человеческие связи: сын поднимается на отца [№ 128], односельчанин становится палачом в своей деревне [№ 129], партизанский командир из-за соперничества убивает другого командира [№ 117]. Этот всеобщий хаос порождает множество трагических коллизий: командир из-за нелепой случайности оказывается «чужим среди своих» в собственном отряде: *«свой партизан забил»* [№ 123], родители у себя дома не в состоянии защитить сына от его же брата [№ 131], сын-семеновец не может заступиться за отца: *«у их же сын ходит — они отца отодрали»* [№ 126].

Когда инерция взаимного ожесточения достигает предела, возникает прозрение. *«Докудова мы будем друг друга бить?»* — произносит белый офицер, тайком приехавший ночью к месту казни партизан. Этот сюжет зеркально отражается в рассказе о бое у станции Мациевской: партизан приезжает на место последнего сражения с белогвардейцами *«посмотреть свою работу, что мы там сделали... Но что там было, что там было!..»* [№ 134].

Трагическое разделение «своего» мира лишь частично преодолевается после окончания гражданской войны. Это разделение становится внутренним содержанием нескольких циклов сибирских устных рассказов.

Так, в забайкальских рассказах река, часто символизирующая в фольклоре границу между мирами, является вполне реальной, но столь же непреодолимой

преградой между «своими» людьми, оставшимися на родине и вынужденными эмигрировать в Китай, территория которого начиналась на противоположном берегу реки Аргунь [№ 135, 136].

Участники белого движения после победы советской власти могли какое-то время скрываться в лесу, недалеко от родных мест. В рассказах на сюжет «Жена белобандита» [№ 137–140] безусловное сочувствие рассказчиков — на стороне жены изгоя, вынужденной помогать ему, разрываясь между долгом жены и обязательствами перед крестьянским миром, от которого она должна скрывать свою двойную жизнь.

Последние отголоски гражданской войны отозвались в истории Забайкалья в начале 1930-х годов крестьянскими восстаниями против советской власти. Так, «кактолгинская трагедия» вновь разделила крестьянский мир на два лагеря: «коммунаров», представителей сельской власти из местной бедноты, и «бандой» — (большинством «простых тружеников», выступившим против «сплошной коллективизации»), во главе которой стояли бывшие «заслуженные партизаны»: *«...началось время суетное, суета военная. <...> Тут заполнили эту тюрьму. И кого же посадили-то? Посадили — не разберешь, что и кого посадил. Охраняют — есть и родственники, сидят — тоже родственники...»* [№ 43, 44].

Тема власти, по сути ведущей войну на уничтожение против собственного народа, выходит на первый план в рассказах о раскулачивании и «ежовщине» — массовом терроре 1930-х годов в сибирской деревне. В этих повествованиях о страданиях безвинных людей власть, иногда персонифицированная в образах милиционера или уполномоченного, чаще выступает в качестве безличной и бездушной силы, подобной судьбе («пришли», «загнали», «арестовали», «не разрешили»), сопротивляться которой бесполезно.

Устные рассказы являются органической частью исторического фольклора, его «низовым слоем», на основе которого формируются сюжеты других фольклорных жанров — исторических преданий и песен (характерные примеры — предание «Лошадь Погодаева» и песня «Вот вспыхнуло утро, мы Сретенск заняли...»), выросшие из устных рассказов о гибели Ф. А. Погодаева.

* * *

Наряду с преданиями и рассказами о событиях прошлого Валерия Петровича интересовало и народное осмысление современности.

Однажды, когда мы зимой 1980 года ехали в экспедицию по Газимуровскому району Читинской области, Валерий Петрович в поезде знакомил нас с вопросником по наблюдению над современным бытом. Блокнот с этими записями сохранился. Вот некоторые вопросы, записанные его рукой:

- «Что новое появилось в быту, насколько привычно оно. Старики о новом (радио, телевидение, техника, транспорт, космос и т.д.).
- Отношение к тому, чего ещё нет в данном селе.
- Жители (возраст) о политике.
- Как живут люди (лучше?, почему?, как это видно?)

- *Что осталось в быту из сугубо прошлого, крестьянского (посуда из бересты, мебель) — как используется?*
- *Как смотрят старожилы на проблему опустения Газимура [долины реки. — М. С.]? Как видят своё будущее? Куда разъезжаются дети, часто ли приезжают в гости, есть ли случаи, когда молодые остаются? Почему сейчас уезжают?*
- *Что читают? Любимое; наиболее популярные книги и писатели.*
- *На что живут?*
- *Поговори о конях. Рассказы о службе казачьей, о лошадях. Отношение к тому, что лошадей не остаётся.*
- *Отношение к родному краю. Чем хороши?*
- *Что такое счастье? (для него)*
- *Современность (что радует, что огорчает).*
- *Есть ли желание украсить жизнь?».*

Валерию Петровичу присуще было безграничное уважение и внимание к каждому человеку. Его всегда интересовали судьбы людей, волновали и беспокоили проблемы сельской жизни... Приходилось не раз наблюдать, как Валерий Петрович говорил с мужиками «за жизнь» в сельской гостинице или в доме, где останавливались на ночлег... Общение с Валерием Петровичем помогало людям. Он всегда умел выслушать человека, сопереживая, и, обладая удивительной чуткостью и чувством такта, пробуждал в своих собеседниках самые светлые чувства и воспоминания...

Во время бесед со старожилками края в ходе обсуждения проблем сегодняшнего дня возникали *рассказы публицистического характера*. Валерий Петрович одним из первых среди фольклористов стал обращать внимание на такого рода повествования, показывая, что в них так же ярко проявляется система нравственных представлений народа, как и в произведениях других фольклорных жанров.

Устные повествования, представляющие собой начальный этап отражения актуальных социальных и нравственных проблем, наиболее ярко воплощают в себе такие сущностные свойства устного рассказа, как оперативность и злободневность.

Как выяснилось в процессе наблюдения над записанным фольклорным материалом, в сфере народной публицистики значительное место занимают повествования, посвящённые проблемам социальной жизни села. Среди этих рассказов, часто полемически заострённых, тогда, в 70–80-е годы XX века оказалось возможным выделить сюжетно-тематический цикл «Жизнь села раньше и теперь», явившийся своеобразной формой народного осмысления процесса разрушения традиционного бытового уклада села. Процесс этот, как отмечал К. В. Чистов, неизбежен в наше время, в эпоху урбанизации¹³, но и в этот исто-

¹³ См. Чистов К. В. Народные традиции и фольклор: Очерки теории. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1986. — С. 123.

рический период традиционный крестьянский быт мог бы изменяться эволюционно. В нашей же стране данная этнокультурная ситуация усугубилась известными политическими обстоятельствами, и после революции, а особенно в связи с коллективизацией многовековой уклад крестьянской жизни не просто разрушался, а подвергался уничтожению насильственно.

До начала этого «грандиозного эксперимента» деревенский мир представлял собой саморазвивающуюся систему, основанную на традициях соседской территориальной общины, жизнеспособность которой обуславливалась её способностью к саморегуляции и саморазвитию, что достигалось посредством особого рода соционормативной культуры¹⁴. В качестве социальных норм в традиционном обществе функционировали исторически сложившиеся стереотипы поведения (обычай, обряды, другие традиционные формы общения, этикет). Они обладали «морально-ценностной символикой»¹⁵ и обеспечивали воспроизводство традиций, что являлось гарантом самосохранения системы.

В период «социальной ломки» именно эти социокультурные явления, выполнявшие роль «ценностных символов»¹⁶, были подвергнуты разрушению. Замены, адекватной по значимости традиционным образованиям, не произошло, и уничтожение деревенского многовекового бытового уклада повлекло за собой разрушение духовных устоев общества, что проявилось во многих негативных явлениях, вызывающих тревогу и беспокойство и ставших объектами критической оценки в народной среде.

В рассказах тематического цикла «Жизнь села раньше и теперь» образ современности оказывается окрашенным преимущественно в чёрные тона, поскольку он создаётся на основе отражения социальных фактов, являющихся своего рода символами утраты традиционных духовных ценностей.

Поскольку устные рассказы были записаны Валерием Петровичем Зиновьевым и его учениками в 70–80-е годы прошлого века, в них с публицистической заостренностью отражаются социальные и производственные проблемы колхозной и совхозной жизни, актуальные для того времени. Особую тревогу вызывало начавшееся в тот период разрушение и уничтожение сел и деревень, признанных «бесперспективными» в связи с укрупнением совхозов. В народных повествованиях эти явления представлены как «болевы точки» современности.

По принципу контраста в рассказах названного цикла воссоздаётся традиционная культура русского крестьянства и казачества, предметом изобра-

¹⁴ Соционормативная культура этноса — социальный механизм воспроизводства традиционной материальной и духовной культуры (см. Громько М. М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // Сов. этногр. — 1984. — № 5. — С. 71).

¹⁵ Титаренко А. И. Мораль как особый способ освоения мира // Социальная сущность и функции нравственности. — М., 1975. — С. 10.

¹⁶ Титаренко А. И. Структуры нравственного сознания (Опыт этико-философского исследования). — М.: Мысль, 1974. — С. 224.

жения при этом являются социально-этнографические реалии, обладавшие ценностным смыслом и являвшиеся формой выражения соционормативной культуры традиционной общности: трудовые традиции крестьян; магические обряды и христианизированные ритуальные действия, связанные с промысловой и производственной деятельностью русских сибиряков; обычаи взаимопомощи, формировавшиеся в сфере трудовой деятельности и переходившие в традицию крестьянской благотворительности; традиционные формы «артельных» общественных работ односельчан; обычаи и традиции, входившие в культуру природопользования и охраны окружающей среды; обычаи, связанные с обеспечением сохранности и рационального использования общинного земельного фонда; годовые праздники; традиционные формы проведения досуга; семейные обряды, в первую очередь — традиционная свадьба; различные проявления народного этикета; авторитет общественного мнения и т. д.

С особым воодушевлением и теплотой рассказывали люди о годовых праздниках. Большею частью это воспоминания о том, как сами рассказчики принимали участие в обрядовых действиях и увеселениях в ранней молодости или когда были детьми.

«Празднично-обрядовая народная культура»¹⁷ была ярким и эффективным средством закрепления выработанных сельской территориальной общиной трудовых, эстетических и нравственных традиций. Эффективность функционирования театрализованных действий и игрищ в качестве социальных норм — ценностных ориентиров достигалась во многом благодаря их синкретическому характеру. В рассказах внимание акцентируется на четырех сторонах праздника: этической, эстетической, игровой и коммуникативной.

Каждый обрядовый комплекс выглядит в рассказах как явление уникальное, неповторимое, в котором на фоне некоторых общих для всех (или нескольких) праздников традиционных форм общения, обычаев выделяются особые, присущие только ему обряды, забавы, увеселения. Различаясь, часто довольно резко, своими отдельными мотивами, отражающими своеобразие самих этнографических реалий, собирательные образы праздников обладают вместе с тем смысловой общностью.

Календарные праздники представлены в рассказах как универсальная форма манифестации и закрепления всех накопленных сельской общиной духовных ценностей.

В народных повествованиях раскрывается народная оценка календарных праздников, дается описание тех элементов, значимость которых интуитивно ощущается или осознается самими рассказчиками, с помощью эмоционального тона повествования передается сила социально-психологического воздействия описываемых обрядов и обычаев. Рассказы о годовых праздниках одновременно радостные и печальные. Радостно становилось рассказчикам от ярких

¹⁷Громыко М. М. Территориальная крестьянская община Сибири (30-е гг. XVIII — 60-е гг. XIX в.) // Крестьянская община в Сибири XVII — начала XX в. — Новосибирск, 1977. — С. 96.

воспоминаний об их личном участии в увеселениях и играх, печально — от того, что в рассказах описываются традиционные формы праздника, почти полностью ушедшие из жизни, их, пожалуй, невозможно уже возродить до такой степени, чтобы они стали опять естественной частью быта. В рассказах-ретроспекциях звучит сожаление об утрате самой возможности совместного переживания праздника, создающей условия для единения людей.

Исследуя традиционную вербальную культуру в различных её проявлениях, Валерий Петрович Зиновьев умел видеть заложенный в народном слове сокровенный нравственный смысл, а это делало возможным постижение духовных основ народной жизни...

*М.Р. Соловьева,
Н.Л. Новикова*

Легенды

О сотворении мира и изгнании из рая

1. Над бездною Господь носился и творил всё одним словом. Сказал: «Да будет свет!» — и стал свет. Он свет назвал днем, а тьму ночью. На второй день создал солнце, луну и звёзды. Теперичи, на третий день отделил воду от суши и велел земле произвести растения. Сотворил рыб и птиц. Вот. И всех движимых и недвижимых. Потом сказал: «Сотворим человека по образу и подобию нашему». — Взял, нарисовал на земле человека и вдунул в него душу бессмертную. Это Бог всё сделал.

И вот человека назвал Адамом. Этот Адам управлял всеми животными. Но ему одному скучно было. Он взял, Бог-то, навёл на Адама глубокий сон. Усыпил и вынул из его ребро и сотворил Еву. И в неё тоже вдунул бессмертную душу.

Завёл Адама и Еву в рай и сказал: «Растите, множьтесь и наполняйте рай!» А в раю было два дерева: одно — познания добра и зла, а другое — древо жизни. Вот Господь и говорит: «Вот с этого дерева ешьте, а с дерева познания добра и зла не вкушайте плоды. Если вкусите, то помрётё».

А Сатанаил (потом он возгордился и Господь его проклял. Господь сбросил его с неба, а он многих ангелов увел за собой и стал Сатаной) позавидовал: эти люди не орут¹⁸, не сеют, а как птички питаются. Ему стало завидно: «Ага, я их сомустю».

Подошел Сатана к древу познания добра и зла, и Ева подошла. Он спросил её: «Почему вы не вкушаете плоды с этого дерева?» — Она ему сказала: «Нам Господь запретил. Если мы вкусим, то смертью умрем». — Он: «Нет, не умрётё, а будете такие же, как боги — будете знать добро и зло». И она прельстилась и взяла сорвала яблоко с дерева и дала мужу. И сразу им стало стыдно и страшно. Они же наги были, не имели одёжи. Она прикрылась волосами, а он ушел за кустик и спрятался, закрылся ветками.

Когда Господь зашел в рай, он спросил: «Адам, где ты?» — Он ответил: «Господи, я наг!» — «Кто тебе сказал, что ты наг? Не вкушал ли ты с дерева познания добра и зла?» — Он сразу сказал: «Мне Ева дала». — А Ева сказала: «Меня змий сомустил».

Господь взял и их выгнал из рая. Адаму сказал, что в поте лица своего будет добывать хлеб. А Еве сказал: «В болезни рождают будешь детей». А змию сказал: «Ты только женский пол будешь кусать в пятку». <...>

¹⁸ Не возделывают землю, не пахут.

Праведный Ной и сыновья

2. Был праведный Ной. Он имел сыновей: Сима, Хама и Афета. Вот. И этот Ной одинова напился виноградного соку и разбросался пьяный. Полунагой лежал. Вот прошел Хам и над ём рассмеялся, дескать:

— Вишь какой! Напился да еще и разбросался!

А те братья-то прикрыли наготу отца. Когда Ной встал, он узнал, что Хам над ём смеялся, и сказал:

— Будет проклят твой сын Ханаан (сын Хама)!

А у Хама был сын Ханаан, и от него пошли люди злы, а от этих сыновей — добры.

Всемирный потоп

3. Когда начался всемирный потоп, Господь велел Ною построить ковчег и всяких зверей по парочке взять: из птиц, из животных, изо всех, чистых и нечистых. Всех он взял. А вот мамонт был шибко большой, и он не вошел в этот ковчег.

И когда Бог сказал, что будет сильный дождь сорок ночей и сорок дней, и велел Ною построить этот ковчег на горе Арарате. Когда пошел сильный дождь, все моря и реки соединились в одно. Не было земли. И птицам негде было сести. И они на этих мамонтов-то и садились. И его так и утопили.

4. Люди стали неблагочестивы, стали поклоняться дьяволу. Был в мире один хороший человек Ной, и было у него три сына: Сим, Хам и Фиотгем. Бог сказал Ною:

— Ты построй ковчег, возьми сыновей с собой и по одной паре чистой, по две нечистой твари.

Ной построил ковчег — и тут ливень, сорок дней и ночей шёл. Выступила вода и покрыла все горы. А Ной плавал в ковчеге по воде. Была гора Арарат, самая высокая гора в мире. Ной там и остановился. От него мир и произошел, а от чистых и нечистых — вся земная тварь.

Соломонов суд

5. У одной женщины был ребенок. И у другой тоже. Оне равны были. И вот первая-то своего приспала, задавила нечаянно ночью. И к той женщине приложила, а её парнишка забрала к себе.

Утром встали, та женщина говорит:

— Это же не мой ребенок. Мой-то у тебя, живой.

А эта говорит так же. Вот никак. И спорят. А был Соломон премудрый. К нему они пришли на суд.

— Ну давайте, — он говорит, — раз уж этот покойный, то этого разделім пополам: половину тебе, половину тебе.

Котора неродна-то, говорит:

— Дели!

А котора родна-то, говорит:

— Лучче отдайте ей живого, только не убивайте его!

И тогда Соломон узнал, котора родна мать. Вот така была премудрость!

Царь Ирод и Иоанн Креститель

6. У царя Ирода была дочь Иродиада. Сам царь любил Иоанна, а жена его не любила за то, что откуда-то узнала: Иоанн будет царствовать вместо Ирода. И жена царя велела бросить Иоанна львам. Бросили, но львы его не тронули.

Один раз царь справлял именины, созвал много гостей, только Иоанн был в заточении. И дочка — Иродиада — сильно хорошо танцевала. Все гости ее просят. Отец говорит:

— Уважь гостей, спляши. — Она не соглашается. — Уважь, я тебе все дам, что только пожелаешь.

Она станцевала и пошла к матери:

— Мама, вот так и так. Что мне у отца просить?

— Проси голову Иоанна Крестителя.

Чё же. Царско слово не изменяется. Казнили Иоанна и на серебряном блюде принесли голову.

Благовещение

7. Мария жила у старца Иосифа и читала там священные книги. И вот прилетает к ней архангел Гавриил и говорит:

— Радуйся. Ты родишь сына, назовешь его Иисус.

— Я же не имею мужа, как я его рожу?

— Сила Всевышнего найдет тебя.

— Пусть будет по глаголу твоему.

И потом родила она Иисуса Христа.

Рождество Христово

8. Иаким и Анна не имели детей, и они молились, чтобы Бог им дал ребенка. И вот родилась дочь Мария. Выросла она до трех лет. Повели ее со свечами, с пением в храм. <...> ... Захарий, он отвел Марию в храм, и там она жила до четырнадцати лет. А после жила у старца Иосифа.

Однажды была народная перепись (25 декабря по старому стилю). Мария и Иосиф пошли в город Ифлием, шли из Иерусалима. В дороге их пристигла

ночь. Пришлось в Ифлиеме им ночевать на скотном дворе. Тут Мария и родила Христа, возложила Его в ясли. И получилась звезда на небе. По ней шли волхвы, и она привела их в вертеп. В яслях они увидели Христа.

Воскресение Христово

9. Христа погребли, придавили его камнѣм и стражу поставили. И вот в первом часу прилетат ангел Господень. Он отвалил камень — Иисус Христос воскрес! Ангел тогда говорит:

— Мария Магдалина и Мария Клеопова, идите, пойте: «Христос воскрес!»

О чудесах воскресшего Иисуса Христа

10. Вот была дева Мария. Она сроду замужем не была. Господь Бог дал: отяжелела. Родился у ее мальчик и дали имя ему Иисус Христос.

И день этот самый — Паска буват. <...> Сделали Паску, и его евреи терзали. И чем только не били, терзали: и к стенке ставили, и к кресту ставили, гвоздями прибивали. Стали грудь прибивать, пчела не дала ему грудь прибивать — прилетели и сели ему на грудь. Его всё равно терзали. Через трижды земель закапывали, цементом заливали. Он всё равно воскрес.

Идѣт по деревне, по степу... <...> Дяденька сеет пшеницу весной. Он говорит:

— Дяденька, ежели что вас спросят, не прошѣл здесь парень, вы не говорите.

— Нет, я скажу, я сроду не вру, не обманываю.

— Ну, коли не обманываете, завтра приезжайте жать эту пшеницу. (Вот сеял — а назавтре уж...)

Он подумал: «Это что за парень такой?». И ушел парень, ушел. Зашел к одной женщине, а она печь топит. А за нѣм уж евреи бежат, спросили:

— Вот парень тут когда прошел?

— Да вот, когда я сеял. (А он жнѣт уж утром-то).

— Когда?

— А вот когда я эту пшеницу сеял.

— Дурак ты, — говорят, — ты эту пшеницу сеял в прошлый год, а нонче уж пшеница.

Ну ладно, ушли. До деревни дошли, зашли к женщине. Она топит. В люльке ребѣночек. Иисус Христос говорит:

— Вы возьмите ребѣночка, бросьте в печку, а мене положите в люльку.

Она взяла и бросила ребѣночка в печку, топится, а его — в люльку. Впереди дрова горят, а сзади ребѣночек сидит. Она качает:

— А-лю-лю, а-лю-лю (Вот в церкви поют: аллилуйя, аллилуйя. Молятся, когда поют).

Теперича евреи зашли:

— Был вот такой, такой?

— Нет. — А сама ребеночка качает одной ногой. Чё-то делает, а одной качает, качает.

— Кого качаешь?

— Да ну, ребёночек у меня.

Взглянули в печку: ребеночек сидит, а Иисус Христос в люльке. Вот тогда его взяли, через трижды земель, доча, закопали, залили цементом. Приходят домой, уже пир завели, что Иисус Христос теперь не будет. Его чем только не наказывали.

Идут их ребятишки по улице, трое. Навстречу им Иисус Христос. Опять воскрес! Несёт три золотых яйца. А ребята кричат:

— Дядя, дай нам по яйцу! Дядя, дай нам по яйцу!

А он им:

— Скажите: Христос воскрес три раза.

А они:

— Христос воскрес! Христос воскрес! Христос воскрес!

Похристосовались, он им отдал.

Бежат домой, кричат:

— Христос воскрес! Христос воскрес! Христос воскрес!

Теперичи они заходят, а отцы, которые его (Христоса) наказывали, сидят за столом. Петуха зажарили, рыб жарят на сковороде.

А они идут, христосываются.

— Вы что? — Отцы говорят, — вот рыба. Мы его (Христоса) захоронили через трижды земли. Вот петуха жарили, пускай <неразб.> да поплывёт рыба.

Петух поднялся на ноги: «Кикиреку!» А рыба поплыла. Жареная рыба поплыла по сковороде! Ожила. А они (отцы) вниз лицом упали.

Упали... И вот этот день Паска называется, когда Христос воскрес. В этот день поют: «Христос воскрес и смертью смерть поправ...» Вот это и поют. Вот и всё, доча.

Лев и раб

11. В те далёкие времена жил раб у одного помещика. Не мог он свои долги отработать, задолжался много уже. И решил от него убежать. Убежал он в пески в далёкие, в пещеры. И спрятался. Его тут искали царские войска, но не нашли.

Вот шёл он, шёл однажды и зашёл в пещеру, чтобы передохнуть там. Голодный, ободранный. И вот слышит рёв льва. В этой пещере как раз проживал лев. Слышит — он так кричит! И этот раб уже начал прощаться с жизнью со своей, что, конечно, лев его сейчас разорвёт. Когда стал лев к нему подходить, он увидел, что у льва в лапе сидела большая заноза. Человек поспешил, выдернул эту занозу, снял с себя последнюю рубашку, разорвал её и забинтовал лапу льву. И с тех пор он стал кормить его, лев, этого раба. Добывал коз, оленей, и он кушал здесь вместе с ним сырое мясо.

Прожил так несколько лет. И вот однажды лев ушёл и не вернулся. Он попал в носилки [силки́ (ловушка). — *Соб.*] или в заповедники, которые заповедники ловили львов-то, поставили такие носилки, он в них попал. Потом в зоопарк увезут. Вот он в такие заповедники попал.

Этот раб — что ж, ему так и так погибать — пришлось выходить к этому помещику. Тут схватили его, связали. И было ему наказание такое — отдать на растерзание льву. И того же самого льва, которого они поймали, — на растерзание. Приглашают всех людей, и, значит, такая круглая площадка построена, огорожена кругом. Человека выпускают, который должен растерзываться, и льва выпускают.

Вот, значит, много лет уже прошло. Выпустили, поставили этого человека рано. Он уже со своей жизнью прощается. И выпустили льва. Лев разбежался только, готовясь разорвать этого человека, но только коснулся его руки, сразу завилял хвостом, начал его лизать.

Все удивились: что это такое? Всех разрывал, а тут человек остался. Кричат уже: «Пощады этому человеку! Пощады этому человеку!» И этот человек начал рассказывать вот эту быль, что с ним случилось. Вот это же самое и рассказал всему народу.

О Торгинской иконе Божией матери «Знамение»

12. [— Как раньше ваше село называлось? — *Соб.*]

[Село] Торга — по названию речки. Река Торга впадает в Нерчу. После, как церковь построили, Знаменкой уже стала. Это где-то около ста лет назад. У болота появилась икона «Матушка Знамение». Унесут эту икону, а она опять наутро появится. Вызвали попа с Нерчинска, освятили. Решили построить церковь.

Носили икону и на сопку. Весь народ там собирался, молились, чтоб дождь пошел. Мужика четыре носили икону эту.

[— Да нет, человек шесть. — *Родственник рассказчика.*]

Были такие крестные ходы... Забитые люди были: «Богу не помолишься — дождя не будет». Поп-то грамотный был, посмотрит на этот.., барометр, и выводит народ. Это теперь-то понятно, а раньше...

В 29-м году закрыли церковь, сняли колокола и увезли. А церковь и сейчас стоит без крыши, только кирпич сведён, а крыши такой-то обычной нет. И не промокает.

[— Да куда она промокнет — там динамитом-то не могли сломать. Она ведь на яйцах построена. — *Родственник рассказчика.*]

13. Церкви-то не было в Торге. А на том месте, где сейчас церковь стоит, хозяин жил. Дворы у него были, а во дворе болото, а в нём камень лежит. А он-то был рабочий. С работы приехал — а на камне икона лежит. Он увёз её

в город. А назавтра утром икона снова на камне лежит. До трёх раз ездил в город с иконой.

И решили поставить церковь на этом месте. Мол, Матушка Знаменья просит церковь поставить.

14. Тут недалеко у нас пустопесье раньше было. Появилась там икона, блестящая вся, как золото. А явилась она на Прокопьев день. Унесут её в другое село в церкву, а она явится снова на пустопесье через 12 дён. То ли сама, то ли кто её ночью приносил, — кто её знает. Тольки, как унесут, так ровно через 12 дён она снова на месте. День этот Ильиным назвали.

А на иконе той написано было «Матушка Знаменья». И решили на том месте церковь построить. Вроде как сама Матушка указала на это место. Так рассказывают, сама-то я этого не видела, приехала в Знаменку, когда уже церковь была.

15. Рыбаки ловили рыбу. Раньше озеро на месте Знаменки было. Как рыбу ловят, светят чем-то что ли? И вот факела утухли, а на дне заискрилось. Стали вытаскивать — не могли.

Наутро она опять светилась. Верёвками, всякими способами вытащили. А ночью она опять на том же месте светилась. И так несколько дней. Один раз голос человеческий сказал: «Постройте на месте этого озера церковь». Пока плыли, стала суша появляться, пошли уже по суше.

Построили церковь.

16. <...> Икона Божьей матери была в Торге. Икона была большая, на ней Божья мать с Иисусом Христом. И рядом с иконой ящичек, куда деньги ложили. Люди подходят к иконе, целуют, а деньги в ящик кладут. Но денег раньше мало получали, поэтому ложили пять или три копейки.

Этот крестный ход мог длиться целый месяц, с иконой обходили все деревни. А когда принесут в Нерчинск, занесут в церковь. А когда у людей какая-то печаль, то они идут к иконе и просят у Богородицы снять грехи.

Буряты тоже делали подношения Божьей Матери. Они материю аршинами подносили, а в других селениях её покупали, а деньги в ящичек ложили. Или когда кто умрёт, то вещи его, ещё целые, тоже иконе подносили.

А одни люди решили деньги посчитать, которые Божьей Матери подносят, да и сдурели. Это наказание Божье было им.

О церкви в Зюльзе

17. В Зюльзе стояла кузница. И вот раз на стене появилась картина или кто ли она: Иоанн Предтеча. Её забелили известкой. Наутро пришли, а его лик поверх известки вышел. Они тогда топором стесали это место. Ушли. Утром пришли, видят: опять лик Иоанна Предтечи вышел! И тогда эту кузницу разобрали, а на этом месте церковь поставили.

Почему мужчины старше (главнее) женщин

18. Ходил по деревне Бог да Петро. Бог да Петро ходили по деревне, разузнавали, як люди живут. Ну заходят в деревню, спрашивают... А женщина як раз идёт. Они идут по улице, спрашивают, значит, тетку:

— Тётенька, куда дорога (примерно, ну на Кокуй)?

А она говорит:

— Мне некогда. Туда идите. — Махнула рукой. — Туда идите. Мне некогда с вам разговаривать.

А они говорят:

— Хоть бы тебе некогда и было. Всю жизнь. — Так и женщине работы всегда богато.

Идут дальше. Выходе мужчина.

— Здорово, дяденька!

— Здравствуйте.

— Куда нам пройти? Дорогу на Кокуй ты нам скажи, а то мы не знаем. Нам на Кокуй надо.

А вин:

— Так вот сюда. Так прямо идите, потом поверните направо. Ну ладно, я пойду с вам. Я вас проведу. — Ну повел. — Вот он Кокуй.

Они пришли.

— Ну спасибо тебе.

И так мужику теперь можно и курить всегда, и покурить, и посидеть можно. А им [женщинам. — *Ред.*] — это нема. Так оно и было.

А потом заходят до одного дядьки ночевать, попросились. А женщины были старше мужиков (это давно было), сейчас мужчина, примерно, а тоды был период такой, что женщины старше были в дому. Заходят ночевать. Женщины нету — мужчина.

— Дяденька, переночевать можно у вас?

А вин говоре:

— Так не знаю, як вам сказать, добрые люди. Нету у меня бабы дома. А я не знаю: баба не буде ругать или, як приде, так буде ругать мене и вас, что я пустил.

Они спрашивают:

— А где вона?

— Так где? В сельсовете, в росправе (тоди росправа называлася). В росправе вона сейчас сидить. Ну ладно, идите.

Ну зашли они. Вот нету, вот нету. Они полягали спать. Полягали спать они в избе прямо на полу, положилися спать, Бог и Петро. Бог, значить, сюды под стенку лёг, а Петро с краю тут. Заходе женщина. Темно же. Зашла, только через порог — и споткнулась и чуть не упала.

— А это чё тут такое?!

Мужчина говоре, её мужик:

— Да тут два дяденьки попросились ночевать, так я пустил.

— А, такие-сякие!.. — она, значить, тут. (Нет, Бог лежал с краю, а Петро под стенкой). Ну, она тут засветила огонь, значить, зажгли. Ухватила Бога и давай его мутузывать, бить его. Била, била — сила отдыхать. Отдохнула... А Бог-то перелез под стенку туды, а Петро на край. Ну, она, значить, тоди отдохнула да:

— А ну давай вот этого, что под стенкою. — Опеть Бога. И два раза Бога як отлупщевала. А вин тоди и говорит:

— Нет, мужчины як булі старше, так пусть они старше и будут.
Так вот это оно и есть. <...>

О хлебном колосе («собачью долю едим»)

19. Раньше пшеница росла сверху до самой земли¹⁹, а теперь в четверть растет, 7-8 сантиметров.

Женщина стряпала блины, и ребенок накакал. Она взяла блин да убрала. Бог рассердился: хлеб не стал родиться. Люди стали голодать. А собачка хозяев сидела да ныла, дескать, чем я-то виновата. Бог смиловивился да и сказал: «Так и быть, дам я тебе в четверть колос». С тех пор так и повелось: бабка сама поест-не поест, а собаку накормит. И говорит: «Сами собачью долю едим».

Ангара и Енисей

20. Заметил Байкал про свою дочку Ангару, что она стала сохнуть. Он сразу понял, что пришло время выдавать ее замуж, и дал слух, чтобы все женихи съезжались, а он будет выбирать зятя. Посъехались женихи, сколько их там было, и вот он выбрал себе в зятя Иркут-богатыря. А ей понравился молодой Енисей. Разъехались женихи. Царь Байкал посылает за дочерью.

— Вот, дочка, выбрал я тебе жениха-богача Иркут! Будешь его женой!

А Ангара упряма была, решила уйти к Енисею. Отец ногами затопал:

— Не пушшу, не уйдешь! — Сам отправил гонцов к Иркуту сказать, чтобы приезжал, ночью будет свадьба. Ангара только оглянулась:

— До свиданья, отец. — И пошла. А у ей на груди висела шкатулочка с бусами волшебными и камень драгоценный. А волосы прямо как река растянулись! Сама круглоликая! И пошла. Идет, себе путь пробивает в горах.

А Байкал послал слуг задержать Ангару.

— Смотрите, не проспите.

Слуги пошли, все дороги камнем заклали. Подошла Ангара и никак не может пройти. Вдруг откуда-то взялась маленька речушечка, подтекла под камни с одной стороны и снесла их все. Ангара ушла через этот проход. Идет, ускорила и видит: человек идет. Это и был Иркут. Ангара сняла шкатулочку

¹⁹Колос был длиною со стебель.

и бросила Иркуту под ноги. Он нагнулся, чтобы собрать камешки драгоценные, а Ангара проскочила вперёд. Так и не догнал её Иркут.

Ангара шла, шла и пришла к Енисею. Как уж они встретились! Да обнимались, да целовались! Да как они уговаривались:

— Будем жить-то хорошо и богато! — Ну и пошли вместе.

Она Ангара-то в Енисей ушла.

Байкал и Ангара

21. ...Хотел ей путь загородить, Байкал, как бросил булыжину, камень. Хотел впереди её бросить, чтоб она не вышла. И он бросил, значить... <неразб.> И она вышла за этого Енисея замуж. <неразб.> И если эту булыжину, примерно, если разорвать или разбить, раздробить в Байкале эту булыжину, то затопил бы Иркутск. Байкал бы затопил Иркутск — вот така булыжина.

[— Это Шаман-камень называется. — *Соб.*]

Это было раньше в школе преподавали. <...> Учительница пожилая. Когда мы доехали до Байкала, она стала рассказывать.

У Байкала было 350 сыновей и одна дочь (это притоки). Все сыновья, значит, тащили домой, а дочь старалась — из дому. Раз она надумала выйти замуж, значить, она — всё из дому-то тащила. И вот эта дочь надумала выйти, когда будет 12 часов ночи. И он, как зашумела вода, когда отец выскочил и хотел бросить булыжину-камень, чтоб загородить ей путь.

Предания и устные рассказы

Предания и устные рассказы о благородном разбойнике Павле Ивченко *

Как Ивченко разбойником стал

22. О жизни Ивченки на Каре я слышал от пожилых людей.

До революции он служил службу военную в Красноярске, отбывал. А когда отслужил положенное время, остался на сверхсрочку. Тогда уж стал вахмистром в войсках. Ему доверяли. К службе он честно относился, все. А сам, видимо, задумал достать оружие. И он, значит, вошел в доверие и дежурил у складов с оружием.

* Устные рассказы о благородном разбойнике Ивченко // Сибирь. — 1985. — № 5. — С. 93–111.

И когда с караулом находился у оружейного склада, открыл склад и выгрузил оттуда оружие. Подобрал людей заранее. Вооружил их — патроны, револьверá...

23. Ивченко был храбрый товарищ. Когда он служил в царской армии, то там какие порядки были? При его глазах убивали! Дисциплина палочная. Офицер хочет — ударит, а то и в лицо плюнет.

И для того, чтобы доставить это оружие сюда, в Усть-Кару, он договорился с двумя купцами усть-карскими: вы, дескать, это оружие увезёте; если вы только откажетесь или меня из-за вас захватят, мои ребята вас не оставят — сотрут в порошок!

Им выхода нет. Решились. А тогда купцов нигде не обыскивали. Оружие потерялось. Куда ушло? Где? Никто не знает. И он оттуда снялся.

А здесь у него человек восемь было: Чирьевы, Коровины... Тоже усть-карски. Но, на ходу подметки отрывались! Он таких подбирал.

Сюда приехал, их вооружил. Что делать? Стал купцов грабить.

Но и вот, его один офицер в лицо ударил. А он же гордый был — на штык его, этого офицера, поднял.

Ясное дело — Ивченку бы убили. Вот он и убежал. С тех пор стал бегать, разбойничать.

Ивченко — меткий стрелок

24. А как Ивченко стрелял!

Как-то едет на пароходе по Шилке. Тут господа разные, богатеньки. У них револьверы. Они давай стрелять — кто лучше попадет.

Вот Ивченко подходит к им, посмотрел, посмотрел... Вытаскивает флакончик из-под одеколону, привязывает к ему веревочку, подвешивает.

— Но-ка, кто?

Они давай стрелять, кое-как разбили. Он:

— Рази так надо стрелять? По веревочке надо. — Не целясь стрелил и веревочку перестрелил — горлышка флакончика как век не было!

Ивченко грабит богатых

25. Если бы Ивченко стал плохо к населению относиться, к рабочим, он бы долго не пробегал. А то он никого из народа не обидел.

А грабить — лично так не залетал: давай, поташшили! Он напишет купцу: «Вот столько-то золота, сколько-то денег положите вот там-то. Если не положите, дожидайте в гости».

И вот пример. В Усть-Карске дом стоит Александрова. В этом доме торговал купец Воложанинов. Ивченка ему написал положить пять фунтов золота и пять тысяч рублей. Оне не выполнили.

Срок подходит. Воложанинов оставил тут управляющего, а сам уехал.

Ивченка не стал дожидать ночи да чё.

Приехал днем на двух тройках и прямо магазина поставил коней. А из кошевы выскочили два-три человека, а эти остались, остальные-то.

Забегают к управляющему:

— Вы получали?

— Получали.

— А почему не выполнили?

— Хозяин отказался.

— Ага. А где он?

— Он уехал.

Ивченко скричал — все ребята зашли и давай! И сняли у него вместо пяти фунтов — двенадцать фунтов золота. Денег вместо пяти — восемь тысяч сняли.

— Ну вот, гыт, и все...

И уехали.

26. А то ишо разбойничали здесь Ивченко и Парфенов. Они дезертировали из армии — война началась, перва германска, — и давай этих купцов гонять. Бедных никого не трогали, а купцов гоняют, золото у них отбирают.

Сначала организовал шайку Ивченко, а Парфенов — офицер он ишо был, здоровый такой, красивый — к нему посля припарился. Так в шинели и ходил.

Вот те тоже вытворяли! Это вот на моих глазах пришлось. Моя мама у Воложанина Василия Ивановича, купца, в стряпках жила. И мы с ней вместе, ребятишки.

Как-то утром заходит к нам татарин. Кушак на ём широкий такой. Ичиги спросил, но так и не купил.

А хозяин в этот день собирался в отъезд с сыном. Запрягли пролетку и уехали. И золото, которо выручили, все увезли с собой. Сдавали или куды ли они его дели. Вот уехали.

А мы с мамой на кухне, тут у них кухонна изба. Мама хлеб у окна резала на стол. Тогда же хлеб тоненько резали для их.

...Ой, они же тоже с ума сходили, эти богаты, от дурных-то денег. Жрали — этих поросят на столе чуть ли не с лентами прямо!..

Но и вот. Мама режет хлеб, смотрит — в ворота на паре въезжают. Одна пара, друга, третья... И так восемь пар. Мама говорит:

— Но, вроде как Петька приехал — свадьба будет.

А тут дверь открывается и заходит тот татарин, который ичиги торговал. И сразу из-за кушака вытаскиват «смит вессон», на нас наставляют, мол, молчите! Мы испугались, затихли. С нами китаец ишо сидел, он прямо вот так трясется весь! Миша-китаец его звали, он все сторожил. Но, весь трясется! Потом опять дверь открывается, вводят хозяйку, Ольгу Александровну, доверенного ихого Петра Ивановича и прикашшика. Руки у всех подняты. За ими входят Ивченка и Парфенов.

Прикашник молоденький, да испугался — он потом долго болел, лунатиком сделался, испугался, так и не женился. Парфенов ему говорит:

— Бери-ка топор, руби этот сундук! — А сундук кованый. Он взял, ково же, силы-то потерял от страха. Ударит — топор-то вот так выворачивается. Парфенов ему:

— Но, мужик! Вот так надо! — Взял — сам здоровый — как ударил, так и расколол крышку. Обшарили — нету. Ивченка тогда:

— Но, Ольга Александровна, говори, где золото! — Они земляки с ей, оба со Средней Кары.

— Увез Василий все, все как есь увез!

Они тогда нас спрашивают, а мы не знаем, чё он там повез. Но, видно, они все уже там переискали, не нашли.

А тут стрельба поднялась. Эти из ограды отстреливаются. Они же хотели всех купцов прочистить, а не вышло, тут задержка получилась.

Ивченка хозяйке говорит:

— Ладно, Ольга Александровна, не врешь?

— Да я хоть на иконе поклонюсь! На вот мое мамино благословенье!

Сымат ему золотой крест на золотой цепочке.

— Нет, Ольга Александровна, мы таким глупостям не занимаюсь.

А тут мамин сундук.

— Это чей?

— Мой... наш...

— Давай ключ.

Она стала отвязывать — юбки-то раньше на шнурке были, ключ к шнурку, часник называли, привязан был. Она хотела отвязать, не может. Он помог. Замок открыл, тогда в сундуки со звонком врезали. Говорит:

— Но, вашего добра нам не нужно. — Закрыл все. Он думал, хозяйка спрятала сюда золото. Ключ подал, так культурно. На «ты» никого не назвал. Только Петра Ивановича поругал, что он в него как-то стрелял.

А стрельба-то началась, они собрались уходить. Тут хозяйка упала в обморок. Они ее оттащили. Окна сразу же пулями выбило. Это Пинкин стрелял, купец же.

Нас татарин положил на пол, говорит:

— Мы поедem, вы не поднимайтесь, а то как бы не убили!

И уехали, отстрелялись.

Но все же много они взяли. У хозяйских девок были шкатулки с самородками, им в приданое готовили. Бравы коробки, внутри бархатом оклеены. Тут этим повезло.

С Ивченкой надо добром

27. ...Дак вот его старуха мне рассказывала. Они приехали к ним, Ивченко с бандой, ломятся в избу. А он-то, Кузьма, пьяный спит. Старуха ему (но кака она тогда ишо старуха?):

— Кузьма, Кузьма, вставай! Да проснись же, приехали нас убивать!

Он глаза разинул маленько:

— Впусти.

— Да ты что, ошалел? Они же ограбят нас да убьют!

— Ничё не сделают. Впусти.

Впустили. Кузьма поднялся:

— Но проходите, раздевайтесь, садитесь за стол. Но-ка, старуха, на стол живо!

Но, те прошли, сели. Едят.

— Старуха! На гостинцы принеси-ка тарелочку золота! — Та сбегала, принесла.

— Вот вам, ребята, гостинцы.

Они не взяли. А приехали грабить. С Ивченкой надо токо добром.

Ивченко одаривает бедных

28. Ехал Ивченко с Верхней Кары. Увидел: крестьянин везет дровишки. Лошаденка еле двигатся, и сам плохо одетый.

Он остановил коня:

— Пошто так плохо живешь?

— Дак что же, барин. — Он же одетый всегда хорошо, его барином и называли. — Дак вот, барин. Семья больша, здоровье плохое — не могу справиться.

— А водку пьешь?

— Нет, — говорит.

Он тогда вытаскивает одну тыщонку.

— На, — тебе, поправь свое здоровье!

Вот этим его и понимали, и поминали.

29. И вот в Мангидае... Вот этот Гаврила Иннокентич, инвалид Отечественной войны, его отец Иннокентий Иваныч.

Оне когда с братом-то разделились, то у брата осталась обстроенная квартира, а Иннокентий Иваныч срубил дом, а покрыть не сумел. А зима подходит. У него семья. Он взял нижню-то половину обстроил, печку поставил, окна — все, а крыши нету. Крышу не на чё: ни железа купить, ни досок напилить.

А Ивченка ехал, увидел: печь топится, дом жилой, а крыши нету. Заворотил, заехал.

— Здравствуй, хозяйюшка!

— Здравствуй, здравствуй, барин. Проходите.

— Где хозяин?

— Хозяин уехал в лес за дровами.

— Чайку можно попить?

— О, с полным удовольствием, барин. Раздевайтесь, проходите! Чай готовый, налажено все.

Чай попил, а сам спрашивает: как семья, где чё, почему крышу не поставили.

— Да вот не на чё, не хватает. Вот думаю, нынче зимой-то прозимуем, может, чё подзаработам, да к лету-то надо покрыть. Дожди пойдут — замочит. Ребятишек вон сколько.

Он это выспросил, поблагодарил, за чай на стол положил.

А когда от кошевы оттудова пошел, у него вот столько в мешке серебра, в большом мешке: рубли, полтинники, двадцатикопеешные, десяти. Он их занес, у двери и положил.

А тут же, у дверей, стоит кадка с водой — вот такая деревянная была. Тут же вешалки над ней.

А он, значит, пока ишо хозяйка там отвернулась, он эту крышку поднял, эти деньги туды спустил, в воду.

Но и вот тебе, барин уехал. Иннокентий Иваныч приезжает из лесу.

— Хозяйка, надо поставить чаёчка, самоварчик.

Бросилась к кадке, ковшом-то — оттуда не идет! Вот, значит, она опять на своих ребят закричала:

— Сплавил опять с вешалки чё-то туда!

Да потом потянула.

— Чё-то не выходит! Иди-ка, — говорит, — мужик, сюда.

Тот подбегает, говорит:

— Чё тако?

— Дак поднимай, — говорит, — чё-то там тяжёлое и примерзло, ли чё ли?

Он оттудова взял — с мешка вода.

— Дак тут чё-то тако, — говорит, — что за штука там у тебя? — Жене говорит. А деньги-то стучат. Поставил на пол, развязал. Дак ведь деньги!

— Ты где взяла?

— Я где же возьму? Барин какой-то заезжал чай пить, неужели, — говорит, — мне он столько?

Ну и вот тебе барин!

...А когда он пошел, она ему еще сказала:

— Вы, барин, если когда заграфитесь, дак заезжайте чай-то пить!

Но и вот тебе, после этого у Иннокентия Иваныча и крыша появилась.

Вот видите. Если бы он относился к людям плохо, так бы не вышло, поди.

30. Там же. Один каринский поехал на линию. Но, видно, у него один конишка вот такой вот — крючок крючком.

А они, Ивченка со своими, встретились с ним в Булаке. Он выехал, а на встречу ему едут два ли, три ли человека.

— Куда попер?

— Да вот так и так...

— Да-а. На такой падле?

Вытаскивает — тась коня-то в лоб. Конь упал.

— Дак вот так. На тебе двести рублей — четырех купишь ха-ароших коней. И никому не говори, что нас видел здесь!

Старик-то пошел. Думат, что он его в спину-то хлопнет счас — и готовый. И шел ни живой, ни мертвый, пока в лес на хребет не зашел.

Оттуда уж посмотрел. И ушел с этими деньгами, никому ничё не говорил. Ивченко вопше приискателей не шевелил, а только купцов.

31. А вот по рассказам, он был офицер старой армии. И вот в армии поспорил с кем-то, с офицером. И Ивченка того зарубил, этого офицера. Ну, а зарубил — значит, ему смерть. И он оттуда ушел.

Пробрался за Байкал и организовал шайку. Бедных он, конечно, не шевелил.

Вот в Нижних Куларках Таскаев был, золото старикашка мыл. У него был сын Васька. Семья больша была, жили плохо.

Старик старый совсем, а летом жил на зимовье. Ну, срубил зимовьишко и живет. И мыл в падушке. Но надрывался уже просто.

И вот он Ивченке первый раз попал. Заехали оне на зимовье. Заехали когда, Ивченка велел разрубить у него «американку», все склал и сжег. И золота старику насыпал.

— Вот, дед, на готовом живи, не надрывайся! Больше чтоб я тебя не видел!

Теперя через год ли два — ну чё же, старик же, он же привык работать, да а потом же все втихомолку делал, думал, не узнат — опять ему попал!

Он попал — Ивченка опеть это же сделал и говорит:

— Не попадай!

— А сыну-то Ваське, эта штука пондравилась, ездить-то. Как же — ничё не делать! И он подался бегать. Токо не к ему, не к Ивченке, а к кому-то другому, — я забыл — попал.

32. Везет с деревни мужик мурал — вазочки, тарелки... Подъехал к сопке. Вот попадат ему верховой. Конь вроде Ивченкин. Спрашивает:

— Чё везешь, старик?

— Да вот мурал продавать на базар.

— Но-ка вываливай!

— Да что ты, как же я жить буду? Ведь у меня много детей, я же их этим кормлю!

— Я тебе говорю: вываливай или пристрелю!

А Ивченка такой был — храбрый, решительный. Ну, старику чё делать-то оставалось? Давай сымать коробку с саней. Пока сымал, коробку-то сломал. Ивченка его спрашивает:

— Ну, на каку сумму-то у тебя товар?

— Да считай... — назвал ему сумму.

— На тебе двойну сумму, корми ребят!

Старик-то обрадовался.

33. Он, Ивченка, был не просто... он был откровенный, о-ё-ёй! Только об ём кто-то легенду пустил: дескать, убьет, зарубит.

Вот он в каком-то селе заехал, его никто не знает. Зашел к одним, к бедненькому-бедненькому старику.

— Как живете? Чайком бы хозяйка напоила. Скоко семьи-то?

Хозяйка:

— Так-то и так-то...

Попил, пошел и говорит:

— Спасибо. Но, хозяйка, бочку-то выпросташь — посмотри путем, чё там.

И уехал.

Хозяин приехал — мужик крупный был, — она ему рассказала:

— Так-то и так-то...

Хозяин воду из бочки вылил — там мешочек лежит. Они его — цоп — и на стол.

Золото! Зажили с тех пор.

34. Ивченка был такой смелый. У него была команда. Ездил всегда с женой. Купцов ограбит, а бедноте раздаст. Этим авторитет и заимел. Если у кого спрячется, тот не выдаст.

В Ботах был постоянный двор. Один раз его там дожидались, караулили. Он заехал, почаявал.

— А вы кого ожидаете?

— Ивченку.

— А я Ивченка. — Вытащил маузер. — Кто против меня?

Ночевал в Фирсово он у Агапеи Прокопьевны. Только к ней заезжал.

Как Ивченка пьяницу «вылечил»

35. Колотовкин Вася рассказывал.

На Каре жил старик приискатель. Бедный был. И потом — чё намочит, все пропиват.

Вот Ивченка как-то едет на коне. А старуха этого деда вышла и обращается к нему с просьбой.

— Павел Федорович, старик у меня ничё не понимает, все пропиват. Хоть бы вы на него как-нибудь подействовали!

Но и он чё же? Подъехал к купеческому дому, коня связал.

— Пойдем-ка, бабушка! — Та идет за ём.

Хозяева:

— Заходите, Павел Федорович, заходите!

Он имя:

— Вы на мой счет выпишите товаров, продуктов...

Ей все выдали, подводу дали — увезла.

Ивченка вышел из магазина и поехал. А встречи ему как раз этот старик идет.

Ивченка ему:

— Да, дед, если ты ишо напьешься, то запомни: тебе будет плохо, со мной будешь дело иметь. И бабушку не обижай.

И после этого дед «вылечился», больше не пил. Вот како средство!

Собирались Ивченку схватить...

36. А вот сколько пытались поймать Ивченку! Хотели забрать. Но ничё не получалось. Его в личность-то мало кто знал.

И вот как-то едут два казака. Вооруженные. Им кто-то нашелся — сказал, что Ивченка домой к семье заехал. А где он живет, не знают.

Смотрит, едет на гнедом коне человек. Это они с ём, с Ивченкой, и повстречались. Спрашивают:

— Скажите, где живет Ивченка Павел Федорович?

Он в седле повернулся, показал на свой дом. Вон, дескать, в этом доме.

Казаки в дом зашли, винтовки поставили в угол, рядом с собой. Сели, сидят. А у него здесь же, в поселке, свои люди были. С ём же приехали. Он к имя.

— Так и так... Идите в мою избу, садитесь на лавку против их. Как токо я в дверь стукну, вы им: «Руки вверх!»

Оне ушли.

Маленько погода Ивченка заходит в сени — к себе же домой — в двери стукнул. А те на лавке против казаков сидят, ждут. Только он стукнул, оне:

— Руки вверх! — Куда-же, подняли сразу.

Он заходит. Оне: «Да мы же вот только с ём и разговаривали!»

А Ивченка винтовки забирает, унес. Снова заходит, вытаскиват четверть вина.

— Приглашаю всех за стол. Будьте добры, садитесь!

Жена тут суетится, наставляют на стол.

Тем чё? Сели. Вот поели, выпили, разговаривают. Казаки поели, поблагодарили. Он имя:

— Но, ребята, я вас не держу, а вот оружие вам не отдам пока.

...Это под Ключёвкой как раз дом его был, на нижней Каре.

37. Была постоялка. Он, Ивченка, прется. На нем собачья сверху доха, под ней борчатка. Подъезжат. А мужики газету читают. А оне почем знают, какой он, Ивченка. А там написано: кто Ивченку пойма, тому пятьсот рублей.

Он подъезжат:

— Пельмешки есть?

— Есть.

— А выпить есть?

— Есть.

— Но, будьте любезны, мне организуйте.

Конь стоит, непривязанный, ничё. В кошевке. На Шилке стояла постоялка. Вот он поел. А те там разговаривают про Ивченку. Он когда снял борчатку свою, у него оружие в рукавах осталось. Он с обеих рук сразу может! Он:

— Дак а зачем вы Ивченку?

— Да вот пятьсот рублей за него.

— Но, это чё, пятьсот рублей...

Покушал, все. Послушал их разговор, где каки дела. Встал, из рукавов-то раз!

— А вот и Ивченка вам! Вот и пятьсот рублей — бери!

Те куда же, испугались.

— Дак вот не надо его ловить, а то он поймат...

Вышел. За конем только снег попер винтом! Оне припухли и даже не поминают никому, что видели Ивченку.

И вот такой он был.

38. Одно время правительство давай уж за Ивченку предлагать тысячу рублей, за то, чтобы взять его. Ведь купцы жалуются: он-де нас обдирает! Хотя не грабит настояшше, но показал, как Воложанинов отказался — остальным должно быть понятно.

Но и вот. Везде по Каре разнеслось по приискам, что за Ивченку, за живого или мертвого, дадут тысячу рублей, кто его доставит.

А он, значит, сбросил свою сбрую богату, одел то же, как и промывальщики, — все запачкано, в брезенте да в чем, вечером поздно приехал на прииск к богачу.

А там бараки, в бараках жены, дети, одиночки тоже тут. Там же кухня, и варят, и всё. Народ приходит, лишь бы отдохнуть где-нибудь.

Ивченка зашел, к порогу сяд и сидит. Его никто ничё не спрашивает, каждому скорей бы раздеться да плечи расправить, согреться.

Вот поужинали. И подняли вопрос этот: тысячу рублей за Ивченку! А он тут же сидит. Теперя, значит, которы постарше:

— Нет, Бог с нём, с Ивченкой, живет он — нам не мешат. А вы знаете, каку он имеет физическую силу, а стрелят лучше каждого охотника. Так что с ём заниматься нам не по плечу!

Сидят четыре парня. Здоровы физически, все.

— А чё, — говорят, — ребята... — Оне одне уж остались за столом-то, а те все вышли. — Чё, возьмемся? По двести пятьдесят рублей четвёрра заработам! А работенка не так трудна.

А тогда двести пятьдесят рублей — это хозяйство большое. Целиком хозяйство!

Он встает, подходит:

— Я — Ивченка, а вы берите меня. — Оне ничё, что больши были — замерзли.

— Дак вот видите, что Бог с ём, с Ивченкой, а вы нашлись... Но, берите!

А чё возьмешь? У него — вот: в каждом рукаве по пистолету! По одному запусит и хватит! Оне:

— Да мы пошутили.

Он:

— Шутка-то шутка, да она не така ядрена. Вы хотите сделать, чтобы меня не было. Меня не будет — вас все равно изотрут. Знают, где я и кто вы.

Оне:

— Тот Бог, другой Бог... Мы пошутили!

— Я не признаю, что вы пошутили. Вы все же по двести пятьдесят захотели, а я мог бы больше дать, но сейчас не дам, потому что вы на мою жизнь покушаетесь. Я вас не буду наказывать, но идите по всему прииску, по всем баракам — и скажите, чтобы против Ивченки ни один не вылезил. Если вы этого не сделаете, вы потеряетесь. Жалуйтесь тогда сами на себя.

39. Конь у Ивченки был. Ох, конь!

Удержать невозможно. Он весь в труде. Чистый, гладкий! Гнедой. Он из Усть-Кары до Сретенска на одном дыху, без остановки доходил.

И вот в Мангидае...

Караулили его как-то казаки в постоялке. И он как раз заехал. Заходит. У постояльщика заказал поесть. Поел, подходит к казакам.

— А вы чё тут делаете, ребята, кого ждете?

— Да Ивченку ожидаю.

— Но, караульте, ожидайте...

Вышел, в кошевку сел — и только ветер засвистел. Ожидайте! Караульте!

40. Ивченка был до революции. По Каре ездил, по Шилке. Бедных он не шурудил, богатых только, особенно китайцев-арендателей.

У него на Средней Каре сват жил. Жена-то у него Воронина была.

Это мы однажды сено косили в продольном Булаке. Остановились у Ворониных. Изба у них на две половины разделена была занавеской: но мы за нее и не заглядывали.

И вдруг окружила дом милиция из Усть-Кары. Хозяин-то её матом встретил: мол, у меня хозяйка старая, чего ж вам надо, куда вы претесь?!

Оказывается, под занавеской Ивченка спал. Одед он женскую лопоть, взял коромысло и мимо милиционеров... В дверях-то двое милиционеров стояли. Ну, они его и пропустили.

Воронин потом рассказывал, что если бы пошевелился в тот миг хоть один, он бы их обоих уложил. У него же здесь на руках-то по пистолету было. Они у него на резиночках. Он их — раз! — и выбросит.

41. Правительство было вынуждено укреплять этих приставов и стражников. А Ивченко говорит своим:

— Вы, — говорит, — этих стражников ни одного не шевелите!

Оне, дескать:

— А почему?

— Потому что теперь, — говорит, — не мы их боимся — оне нас боятся.

А если, — говорит, — вы того да другого стукнете, сюды отправят такого, что с ём надо, гыт, опять работать. Так что их не шевельте, мы управимся, пускай оне живут, как живут.

И вот мой братишка был письмоводителем у пристава.

Вечером поздно, говорит, мы сидим у пристава. Вечером, как только солнце за гору, окны на болты, и к ночи никто никуда не выходит. Вот сидим пишем, говорит. Часов в десять, в одиннадцать — а улица-то тут же рядом — стук-стук в окно. Пристав соскочил:

— Кто там?

— Я, — говорит, — Ивченка. Мы погуляли, — говорит. — И поехали благополучно.

Вот тебе Ивченка!

И вот одно время сделали во всех заезжих дворах — а их тогда в каждом селе почти что, токо в Мангидае не было; в Уктыче, Ботах, Фирсово, в Ломах, в Сретенским... в Сретенским семь заезжих было — по десять-двенадцать человек вооруженных, Ивченку караулить.

А он собрался с женой ехать в город. Но у него кони-то «плохи» были, бежали дак бежали! И вот они все эти постоялки проехали мимо, а в Фирсовой заехал. Заехали. Человек двенадцать вооруженных на нарах сидят. Вечер поздний уж.

Он забегат, жена сзади. А там коней поставил, значит, за коновязь.

— А это что за вооруженны отряды?

А один встает, старший, и говорит:

— Ивченку караулим!

Он поворачивается к жене:

— А мы, — говорит, — с тобой, дура, едем. Да а, впрочем, чё? Разве разглядит — шуба добра, дак сымет.

Давай к постояльцу:

— Есь у вас там чё-нибудь поесть?

Тот говорит:

— Есь котлеты, пельмени, то, друго...

— Ну давай, жарь.

А с ними сидит, разговариват:

— Хто вас назначил?

— Да станичный атаман.

— Но и как хотите вы его?

— Да а чё, с нами двенадцать человек. Мы же служивы, мы казаки! Мы это, осилим — кое-чё составлям из себя!

Потом, значит, когда покушали, всё, он поблагодарил и рассчитался с постояльцем. Жена оделась и сразу к коням, в кошеву. Она же знат, что счас он натворит. А он надел шубочку — енотова шуба у него — и сразу пистолеты вот так выбросил.

— Ну, — говорит, — скажите своему атаману: Ивченка был, поужинал и благополучно поехал в город. А кто пошевелится, я щелкну.

Оне чё же, присяли. Он выскочил — и в кошеву. Оне постреляли, постреляли, да чё — мимо. Уехал.

Приехал в город. Вечер, поздно уже.

— Ну, — говорит, — ладно, жена. Видимо, ищут меня. А ты уж как вольный человек поезжай на Куренгу. Видимо, тут и город весь охвачен.

Вот он жену отправил на лошадях, а сам остался без лошадей.

Зашел к одной вдове — у ей два дома тут же в Сретенске — и попросился ночевать. Она не отказалась:

— Пожалуйста, ночуйте. Вот у меня комната, заходите!

Покушали, всё. Она говорит:

— Барин, я вам там...

— Нет, я уж там не буду. Вы, — говорит, — там, а я здесь. — Ближе к двери.

Ну, у его было запасено от своей жены платье, платок, всё. Усов и бороды он не имел. И вот остался у этой. Хозяйка ушла, в комнатке легла, а он ближе к двери. И вот ночью: стук-стук — он сразу соскакивает, лампу зажег. А он уже переоделся в женщину.

— Кто тут?

— Полиция. Открывай!

Ну как же не откроешь? Открыть надо. Открыл.

— У вас кто есть приезжий?

— А барин какой-то. Вы тише.

— А где он?

— Да там.

Оне же знают, что ежели Ивченка успел взять пистолет, то, значит, больше не будешь жить после него. Оне туды. А он, значит, потеплее оделся, вышел и ушел. Оне там подкрались к Ивченке, наставили:

— Руки вверх!

Это кто? Да ведь это женщина!

— А у тебя кто тут был?

— Был барин.

— А где он?

— Да там он, у дверей на койке.

Хватились — женщины-то той нету, и это не Ивченка.

Он их прямо вот так обводит. А сам вышел и туды, где оне прошли уже. Потом благополучно тоже уехал.

42. Поехал Ивченка за хребет. На Половинке зашел в избушку обогреться. А там человек пять-десять собралось, деревенщина, словом, словить живьем решили Ивченку.

Он приехал в кошевке, зашел в избушку, стал разговаривать. А они про Ивченку слыхали, а в личность-то его не знают. Он их спрашивают:

— Но как, ребята, куда, зачем?

— Да вот, паря, заработка нету. Ивченку бы поймать надо. Вот бы живьем поймать!

А Ивченка знат, что тайга, глушь и знамый сюда не пойдет. Сидит, свободно с имя разговариват. Рассказал имя, как ловить надо. Ночевать остался.

Утром мужики ишо спят. Ивченка встал, чай сварил. У берданок затворы в снег повыкидал. Коня уж запряг, будит их:

— Но, имайте Ивченку! — Оне припухли, сидят. Он сел да поехал.

43. Холостой я ишо был тогда.

После посиделок как-то один раз пришли мы на постоянный двор. Сидим, в карты играм. Вдруг заходят человек восемь в романовских тулупах. Ну я сразу догадался, что это Ивченка.

— Чем покормишь, хозяин?

— А чё надо?

— Мясного надо.

— Свинина есь, пельмени. Постояльцам, — говорит, — уйти?

А он:

— Нет, — говорит, — подвиньтесь токо.

Подвинулись мы на другой конец двора. Играм картами. Тогда на деньги играли. А они все спать легли. Только один все ходит, ходит. Дозорный, значит.

В полночь милиция из Усть-Кары, спрашивают деда, хозяина:

— Не приезжал ли кто на трех парах?

— Не знаю, — говорит, — не выходил во двор. Они здесь приезжают, сами выпрягают, запрягают. Откуда я знаю?

Поели, стали собираться.

— Поедем, — говорят, — в Сретенско.

Только успели выйти, Ивченка подымается и говорит:

— А ну встать! — Поднимаются все как штык. Говорит постояльцу:

— Ивченку ловят? А Ивченка их ловить поедет.

Хозяин аж затрёсся, как узнал, кто перед ём. Хорошо, милиционеры догадались к попадье заворотить. Если бы не заворотили, он догнал бы. Показал бы, как его ловить.

44. Этот вот самый Ивченка занимался в одну пору вот такой штукой: богачей грабит, а бедноте отдает. От он чем! Его беднота-то кое-где не выдавала.

И вот его караулят. Полиция. Вот по Шилке, в Ботах, был заезжий дом, и он знает: его караулят. Он приезжает.

— Ну что, господа, делаете?

— Да Ивченку караулим. Беда с этим Ивченкой — злодей, нет ни людям, никому покоя от этого Ивченки!

Ну он что? Берет вина, закуски, садится с имя. Их напоил досыта, как говорят. Теперь подходит:

— Дак вы Ивченку караулите?

— Ивченку.

— Дак я Ивченка-то.

А оне пьяны! Хватай! Имай! Он на коня — да был да не был. Вот.

45. Но как же не знаю. Я его знаю, видел. Сено косил я на покосе в Шинкое. Есь падь Шинкой. Вот мы и косили. Косили Яков Селяев, Гриша Озимов. Теперь никого в живых нет. Косили сено.

А Ивченка и ишо четвёрка едут. У него конь был рыжий. Такого коня счас, наверно, нигде нету, разве что в беговой есь.

А нас чё же, шесть мужиков. Пять винтовок.

Яков Селяев:

— Но чё, ёс твою, положим счас их!

А отец мой:

— Ой, — говорит, — робята-робята. Мы-то, — говорит, — раз стрелим, а он-то своей скоко пустит? — У них, известно, маузера. И робят мы не увидим, детей-то своих, — говорит.

А оне, паря, тама останавливаются, зачекучились. Но метров сто будет от нас. Мы на этой стороне взболочка, а оне — речка бежит, Шанкой, — оне на том мысочке едут. И остановились.

— Эй, куларцы!

— Чё?

— Вы там чё удумываете? — Ох, ёс твой нос, какая зоркость была! — Чё там засуетились? Не выдумывайте стрелить, а то ваших Куларок и вас не будет!

— Что вы, что вы!

Ивченке люди помогали

46. Сам-то Ивченко с Кары. Скрывались они в поселке Ушумун, примерно шестьдесят километров отсюда. Бывало, гонятся за ними, а как токо они попадают в поселок, их днем с огнем не сыщешь. Жители прятали. Потом этот поселок расселили.

Вот один раз Ивченку окружили в дому и подожгли дом. Никуда вроде бы ему теперь не деться. А он не выходит.

Оказалось, он сидел в бочке. Сидит в бочке, водой обливается. А как начал дом-то рушиться, он выскочил — и по народу в лес. Стрелять-то по народу не будешь. Он и убежал.

47. О, как же, Ивченку я хорошо знаю. Он у нас на квартире стоял. Приедет, тутака раскладется. Семья у них большая была. Сам-то дедушка хороший был. А этот...

Раз приехал он с Чирьевым, Ивченка, торопились очень. К нам забежали.

— Где Роман Алексеич?

Мама говорит:

— Сено пошел делить к брату. Я счас похлебку сготовлю.

А Ивченка говорит:

— Некогда, Сидоровна, давай чаю, да побежали.

Почаевали они, на коней сели и побежали. Ну скорей-скорей!

А Соловьев вдогонку, следом бежал — они у него лошадей увели. У окна сижу, сестра рядом. Вдруг он — раз! — в окошко:

— Нет никого? У вас был Ивченка?

Мы говорим:

— Был, счас ушел!

Он:

— Вот бы счас у вас в доме стрельбище! Всех бы перестрелял! Чтoб этого больше не было!

Потом смешно было. Ивченка заехал в Фирсово на постоялку. Говорит:

— Пусти, баба, переночевать!

Она:

— Ты ночуй, да только Ивченка тут ходит, боимся мы!

Потом поспал, утром бабе говорит:

— Я и есть он. Вы не бойтесь, я плохо жителям не делаю.

...Потом магазин разобьет, а бедняку привезет денег. Он вредного народу не делал. Он купцам только.

Ивченка бежит из тюрьмы

48. Но все-таки когда царское правительство стало прилагать большие усилия, Ивченку поймали. Поймали, а он убежал. Его снова поймали и посадили туда же, в нерчинску тюрьму. И так одиннадцать раз он убегал.

А на двенадцатый раз он попал, его привели, а тут замена: этого старого начальника тюрьмы, который отпустил его одиннадцать раз, его сменяют. А приехал из Читы помощник начальника тюрьмы читинской, теперь он будет начальник нерчинской. Ну, как раз и Ивченку привели.

И вот он, этот старый начальник, говорит:

— Из-за этого варнака меня отцедова снимают!

А тот, который вновь поступает, тот сразу рискнул:

— А у меня, — говорит, — не уйдет!

А Ивченка — его конвой окружил — стоит слушат.

— От вас, — говорит, — не уйду? Я от вас уйду в первый день Паски.

— Врешь, не уйдешь!

— Тогда, говорит, я еще подскажу, что из вашего нагана выстрелю вам в рот!

И тогда его повели. Но ведь это только сказать! Везде охрана, всё, а он говорит: «Я в первый день Паски уйду от вас и ишо застрелю тебя, начальник!»

И вот получилось. Пятнадцать дён осталось до Паски, до первого дня, он прекратил брать пищу. А до этого, видимо, ему давали, а он не полностью ел сахар, хлебец, водичку. А в чем он водичку держал, не знаю. Сахар и хлеб это уж тоже.

Надзиратели начальнику долаживают:

— Третий, четвертый день арестованный такой-то камеры не принимает пищу.

А начальник:

— Собаке — собачья смерть! — Ну чё, дескать, с голоду погибает. Но и надзиратели эти, что же оне за тусы: человек погиб, а оне его не проверяют. Еще потянули. И вот первый день Паски.

Он пришел, этот надзиратель, на второй этаж. Лестница там, потом опять коридоры и все эти камеры. И внизу коридор. Тут опять караул сменяться будет.

Надзиратель пришел, значит, надо посмотреть — пятнадцать дней! Теперь уж человек разложился там. Он взял да отомкнул. А его за руки и туды!

— Вскрикнешь — тут же мокро будет из тебя! Не крикнешь — будешь жить. Раздевайся!

Тот разделся. Он взял ему руки нажимком перевязал, одежонку свою на него набросил, платок в рот, чтобы не кричал там и не задохся. Надел надзирательскую одежду, вышел и похаживат по коридору, побрякиват ключами.

Там второй надзиратель.

Вот караул скоро будет старый сменяться, вот молодой придет.

Второй надзиратель: «Надо, дескать, идти, этого надзирателя поздравить с днем Паски».

А Ивченка встал спиной в костюме надзирателя. Тот забегат:

— Николай Николаевич, с праздником!

Этот поворачивается:

— Стой! Я, — говорит, — Ивченка.

У того и шанежки загорели!

— Не бойся! Чирикнешь — не будет тебя, а не чирикнешь — будешь жить!

Открыват камеру Коровина, рядом. Он из его же артели.

— Переоденься, — говорит.

Ну, тот же встал — вот уж два надзирателя — у обоих ключи. У обоих оружие.

— Теперь, — Ивченка говорит, — ожидаем так: караул старый сменится, новый придет. А когда оне в коридоре построятся, мы их отцеда будем стрелять. А надо подготовить.

Подбегают к камере, где были уголовники. Ключи в руках — открывают.

— Я — Ивченка! Кто на волю, отходите в эту сторону. Кто не хочет — в эту.

А наши там уже трое сидели — политически: Мартемьян Павлович, Капитон Михайлович, Иван Николаевич Еремеев. Оне не согласились идти. А эти — десять человек — решились.

— Мы как только дадим по выстрелу, по два, по три, — вы мимо нас по лестнице. Кто там ишо с караула останется, выхватывайте оружие — и по вышкам, часовых снимайте. А вы, остальные, перевязывайте из кальсонов, из рубах лестницу через ограду. И спасайся кто как может. Понятно?

— Понятно!

Но, а когда караулы стали меняться, им бы лучше одним разделаться. Нет, он выражался: «Чем гуще трава, тем лучше косить!» И вот он давай!

Но чё, два начали из наганов в гущу, а эти мимо них, все на лестницу... Поднялось там!

Из проходной уж позвонили начальнику. Начальник прибежал на конях:

— Но! Что тут делается?

А этот Ивченка — «надзиратель» — посередь огады. Тот из проходной сразу:

— Што-о у тебя там? — Подбегат. — Што у тебя?

— А вот, — говорит, — чё: давай оружие!

Он ишо ему... а тот — цапэ! — и совсем с кобурой сорвал.

— А вот, — говорит, — и исполнилось! На!

И вот эти два «надзирателя»... Те разбегаются через огаду кто куды, отвлекают этих часовых.

А потом вышли от тюрьмы на дорогу, в город-то дорога идет.

Оне видят: едет извозчик на паре лошадей. Седока нет, один кучер. Ивченка Коровину сразу говорит:

— Ты хватай вожжи, а я его выброшу.

Остановили:

— Везите нас в город.

— Пожалуйста, проходите.

— Сколько возьмешь?

— Столько...

— Но, доедем — рассчитаемся. — А сам Коровина ткнул. Тот цап у него вожжи. Он его за пазухи — и в кювет.

— Погоняй! — и по всему городу проскакали, по Нерчинску. Но, два надзирателя, никто их не останавливат, ничё. Оне уехали в поле, до леса доехали. Коней распрягли, сяли и благополучно приехали в Усть-Кару.

...Вот кто Ивченка!

Смерть Ивченки

49. А судьба его тоже смешная маленько.

Оне разграбили на Верхней Каре одного купца — он им также не подчинился, а он дал команду: взять у его всё в доме, у етого купца! Их самих не шевелить! Закреть в пустую комнату и оставить. А чё есть — убрать!

И как раз их одежда, купческа... А у етого купца жила в прислугах девочка. Ей, видно, уж лет восемнадцать-девятнадцать.

Она из бедного сословия. И вот — сколько работала, за работу ей все же купец дал пальто женское, теплое. Теперь у ей еще деньги сохранились — срок два рубля. Она в этом пальте их и держала.

А когда Ивченкины ребята собирали одёжу купческую, и это пальто тоже попало к им. Она когда хватилась — эти уехали — девчонка-то:

— И мое пальто уташили! Сколько работала, и вот все пропало!

А ей тут подсказали:

— Те уехали, которы взяли, а Ивченко сразу не уезжает из деревни. Он, поди, в верхнем там краю чай пьет, обедат ли.

Она туда. Верно — в верхний край прибежала: лошади стоят. Она забегает: Ивченка там. Она хотя его знала, но спрашивает:

— Кто Ивченко?

— Я. А в чем дело?

— Да как вот, ваши ребята брали одежду у купца такого-то и мое пальто захватили. В пальте моем сорок два рубля в кармане.

— Ладно, — говорит, — вернем. Успокойся. — И уехал.

А эти, его ребята сподручники, они уехали в Ушумун, к линии железной дороги, а там обед уж наварили и выпивают.

Он приехал. Но, надо тоже принять участие в етим. Он прежде чем принять участие:

— А кто, — гыт, — ребята, вот женское платье взял?

А те:

— Да мало ли их там. Сколько было — все собрали.

— Посмотрите в женском кармане сорок два рубля денег.

И вот один, Чирьев, нашел.

— Вот у меня пальто женское, сорок два рубля денег в ём.

Он говорит:

— Да как вот, будь добрый, отвези этой девушке, отдай!

А как туды ехать? Там счас все пристава, урядники, стражники — все на ногах, окружили, оплакивают етого купца! Как подъедешь?

А тут одного отправлят — увези! Он гыт:

— Я не поеду!

— А ты сурьезно говоришь?

— От всёей правды. Не повезу!

Он его — буцк! — готово! За его восстали, за етого восстали — и восемь человек перестреляли. И оне — Ивченко и Коровин — друг друга застрелили. Один раненый, другой — по чистой. И раненый скоро умер. И вся Ивченкина артель.

50. ... Ивченка налеты делал часто. И братья все его разбойниками были. Он магазины, почту грабил и все бедным раздавал. Кулаков не любил он.

А убили его в Кирге, в Лужковой, на камне. Он на камень сел. А одного старика купцы да кулаки купили. Он в Ивченку из берданы и стрелил.

Потом, у этого старика много родичей было в банде у Ивченки.

Вот он за них и боялся, что переловят и расстреляют.

Вот старик на той стороне Чаги засел и стрелил. Он ведь охотником был. И после этого банда враз и распалась.

И сейчас камень тот там. Это километров семь от Борей.

Погиб он — конь у него был роковой. Потом много командиров красных от него погибло.

51. Ну, погиб он там. Ограбили они жида, тот в Усть-Каре торговал. Шестнадцать фунтов золота взяли.

Дак у их же, вишь, было пятеро братовой. Самый младший со мной служил. Игнашка, Петро, Михаил, Иван, Павел. Дак грабил-то Павел, а служил со мной Петр. Жили они на Средней Каре. Собрал Павел артель.

Имя сообщили местные жители, что будет выезжать этот жид в тако-то тако-то время. Сделали засаду. У жида были представители, охраняли его. Дак охрану они, значит, спешили, взяли золото, коней и уехали.

Проехали сколько-то времени, остановились.

Местных жителей они не трогали. Бедные, значит, их сохраняли, и он их не обижал. Вопще справедливый был мужик.

В Ушумуне у их зашло. Из-за дележа, значит. Не разобрались они между собой, и стрелил один и попал случайно в Ивченку. А товарищ за Ивченку вступился — и пошло! И перестрелялись все.

Они же были ой-ё-ёй, ничё не боялись!

52. Ивченка действовал в войну четырнадцатого года. Я в это время ходил на пароходе.

Привезли мы на пароходе золотоискателей. Они только сдали золото, а через четыре часа появился Ивченка и забрал все золото.

И никогда никого из бедных не обидел, а поедет по прииску и беднякам золото дает. Потом он в перестрелке погиб. Сами стрелялись. Их меньше стало.

...А Ивченку будто поймали, он попал. И судили его военные, так как государство он грабил. Их было четыре человека.

Я в Сретенске был в то время и вижу — народ повалил на площадь.

Через два часа идет группа, человек двадцать. Оцепили их, руки связали. Когда подошли к конторе, солдаты развернулись, чтобы население посмотрело заключенных. Выделили четырех человек, и восемь солдат подняли их на штыки.

Дожил бы Ивченка до революции

53. До революции в этих местах ходил Ивченко, купцов грабил. Золото у них отбирал, товары. Раздавал бедным. Он никаким бандитом не был.

Он тоже солдатом был, офицером даже. Убежал из царской армии. Пошел против власти и скрывался... Тимофеевна!

— А?

— У него сейчас вроде сын и дочь в Чите?

— Сына у него нету. Дочь. И жена жива.

...Их человек семь или восемь было. И вот при дележке чё-то им не хватило. Они перестреляли друг друга.

Не дожил до революции. Вот кто бы ему сказал, что Советская власть будет! Если бы живой был Ивченка, он же сразу поймел бы дело с Журавлевым, по партийному делу пошел бы, и все.

Таких людей мало было.

54. Революционер был Павел. Человек пятнадцать был у него отряд. И жена с ём была, пулеметчица. Брат тоже с женой у него был. Говорит, грабежом занимался. Но нет, убийства он не делал, а богатеньких оберет, обделаает, а бедноту снабжал. Было ему лет тридцать пять — сорок. Каждый раз образу, внешность-то, менял. И много раз убегал. Когда этапом гнали, и вагоны срезал, и убегал.

А убили-то? Якобы где-то он попался, и его пристрелили, как главаря. Раньше же здесь полиция была.

Предания и устные рассказы сибирских старожил о ссылке и каторге

О местных названиях

55. ...Падúшки наши так называются по именам. Вот падь — Рогалёв. Был такой заключенный. Он бежал из тюрьмы. Проживал там, на этой падúшке, так и назвали.

...Шемелёва падь двадцать километров отцеда. Политический был, бежал, проживал там, его не поймали... Уж это старики рассказывали.

...Река-то наша называется так, что людей карали, издевались над каторжными, и вот Карá... А дальше-то речки другие названия имеют, у них не было такого...

56. ...Ревунья падúшка та... В Ревунье там этот помер. В кандалах шел... Его потом нашли... тут он... Руки и ноги были в кандалах... Он там ревел, потому и Ревунья...

57. В Батакане есть Городничиха такая, по Батакану она, наверно, километра четыре от самого села... Сопка такая, там шахты были, добывали, по-видимому, серебро. И работали там вот эти сосланные, пугачевцы. Ну и, по-видимому, наш-то род оттуда, из казаков, так они потом и были...

И вот интересная легенда́ или уж как... предание или что ли ходило. Почему оно было названо «Городничихой», это место?

Там, когда работали все эти заключенные, ну, сосланные, пугачевцы, ну и там, значит, был городничий. Раньше такая должность была — городничий. Ну, как бы сейчас, к кому приравнять его? Как бы начальник милиции города... Как милиция или полицейский — они «городничие» назывались.

И легенда́ такая была. Этот городничий тоже был запутан с пугачевцами, и его сюда выслали. Ну, он, значит, тут работал какое-то время. Сколь он тут работал? <...> Ну, и в шахте его задавило.

А до этого, значит, когда его выслали сюда, и жена его приехала с ём. Его в шахте задавило. Она, значит, осталась, как это предполагают, одна, ей деваться некуда — она, значит, повешалась.

И отцедова и название это — «Городничиха» — дали этому месту, где шахты были и сопка. Так она и досейчас Городничиха там называется <...>.

Вот всегда старики-то считали: наш-то род от пугачевцев пошел.

58. Раньше было много беглых. Как весна — так они и появляются. Только кукушка закокует, их полно́. Называли этих беглых «чалдонами». Чалдоны были «тюремны» — это беглые: с тюрьмы, с каторги бежали — и «местны чалдоны». Вот работник пропъет аванс и не выходит на работу. Собирает каки́ свои пожитки и уходит в лес. Живут они по́рознь, хоронятся, а их называли «кокушкин батальон». В лесу всё лето ошиваются. Им даже хлеб, молоко выставляли в окошечко, чтобы не беспокоили людей.

О заселении края русскими

59. <...> Когда Восток Россия к себе присовокупила, здесь же китайцы хозяйничали. Они ведь сейчас этот край требуют, потому что они здесь купцы были. Это было до революции.

И вот иркутский губернатор решил самостоятельно населить этот край. Здесь же дикие племена жили, и кто ими только не командовал: и наши, и китайцы. Всё это пушнину принимали за соль, керосин. А долги́-то, значит, их как? Ну, хозяина-то, бывало, медведь в лесу задерет, а семья-то без хозяина не может с долгами рассчитаться. Вот китайцы даже девушек за долги́ забирали...

Вот каторжников-то в этот край и стали присылать. Кто там на Западе убьёт кого или еще что-нибудь...

Вот, например, мой прадед каторжник был, сослан был. Он кузнец был и урядника там за что-то и пристукнул...

А как их сюда ссылали. Когда их на Шилку вывозили, каторжники сами плоты делали, и потом их везут. И вот видят: тунгусы живут, поселение их, значит. «Ну ладно, место хорошее, жить можно». Вот их и высаживают. Это чтоб границы укреплять. Здесь потом для этого и организовали Забайкальское казачество.

...А каторжных-то — их даже туда дальше, на восток, к Амуру возили. А на Амуре-то их как расселяли. Вот выстроят их в две шеренги: в одной — мужчины, в другой — женщины. И вот — выходи, оставайся здесь, руби дома́ и живи. Вот тебе жена — из другой шеренги любую. И с плота их. Одними топорами рубили, без всяких пил...

Потом, когда сёла-то стали, купцы стали привозить кое-что <...> Плохо им [поселянам. — *Соб.*] тут было. Особенно там, на Амуре. Чё же: там они увидели такие богатые зёмли, начали пахать, сеять, а потом — раз — наводнение. И всё!.. А потом постепенно понастроились. Стали скотоводством заниматься.

Стали лошадей разводить из Томска, Омска. Хорошие были томские лошади. Вот купцы-то томские сюда приедут на хороших лошадях с хорошей сбруей. И вот они здесь и распродадут всё, а отсюда-то уже едут на одной лошади... В основном здесь были монгольские, якутские лошади, а потом вывели свою, забайкальскую породу <...>.

60. ...Не отец, а его был отец — ссыльный был. Вора убил, конокрада, — лошадь украл. В праздник гуляли, говорит <...>. А этот, отцовский отец, выскочил, стяг в ограде поймал, догнал его и убил стягóm. Ему тринадцать лет дали.

61. ...Старика Зачиняева. Он шёл в кандалах 4 года. И вот он всё рассказывал...

Он убил старосту, и его сюды — в кандалах. 4 года шёл пешком.

[— А за что он убил-то его? — *Соб.*]

Вот за что... У нас казённые амбары были. Сеяли хлеб помаленьку. Ну, каждый — убирать свою долю. Я убирала же, у нас отец-то сеял две сажени — надо убрать, вовремя обмолотить. У казённого амбара, ссыпали к амбару-то, для нужды... А он когда <...> веял лопатой-то, староста чего-то ему сказал, он развернулся — прямо ему по этому месту. И убил его. Его — в кандалы и сюды.

Здоровый старик был. Пчёл много было. Они здесь царствовали. Они тут жили: у всех молотилки были, знашь как, косы... Это маленько в революцию их... Ну, не в революцию — в 28-м году... Да в 37-м грабили тут их, раскулачивали.

62. Его, дедушкин, отец помещика убил. И их сослали. Дедушка-то сюда пришёл семи лет. В кандалах шли.

[— А как он рассказывал про это? — *Соб.*]

Он не рассказывал. Это рассказывала бабушка моя. Бабонька наша, она уж нам прабабушка была, дедушка никогда не рассказывал нам.

[— Но она-то как говорила? — *Соб.*]

Ну как? Там, видишь, какой был у них закон. Вот когда женится молодой парень, — крепостны же все были, — раз они помещики, значит у их крепостны. Перву ночь ночевать чтоб помещику с невестой.

И вот их было три брата: дедушкин отец и ещё два брата. И вот этот дедушкин-то отец был самый малый. Он последний женился. И вот когда к нему пришли слуги-то помещика за невестой-то ночевать-то, а он и говорит. Он их тут чё-то обматерил, вообще, не разрешил, не отпустил. И вот их обоих повесили в бане, в дым: жениха и невесту там на скоко-то время, чтоб покаяться.

[— А как это? — *Соб.*]

Но бани по-чёрному есть, их затопят, и их к потолку подвешали, а как подвешали: за ноги или за голову — не знаю. И вот он, когда, значит, их оттуда вынесли, они опомнились. Он и говорит, мол, пусть он мне разрешит: с глазу на глаз я хочу с ним поговорить. Ну, он даже, помещик-то, видно, не подозревал, а когда его завели к нему в палаты, то он...

И вот их сослали. Они два с лишним года шли сюды пешком в кандалах.

Бабушка-то несла ещё девочку на руках. Она дорогой умерла. У ей наручников-то не было, когда девочку-то несла. А когда девочка умерла, то ей наручники одели. Ну, она ить и руки и ноги же однимя цепями скованы.

[— Тяжёлые цепи? — *Соб.*]

Наверное, нелёгкие. Здесь они жили.

[— Но вот они здесь поселились. Как они, не рассказывали? — *Соб.*]

Ну дак как? Дедушка работал этот, ну, его отец. Даже пахали на себе. Сами соху таскали. Но он, видимо, плотник был, дедушкин-то отец. И вот тут рубил дома, строил. Работал, подзарабатывал. Копейку-то зашибал, а потом постепенно завёлся хозяйством. А тут вот дедушка вырос, но умер рано, дедушки отец. Дедушка потом с матерью так и жили. А вот бабушка-то, прабабушка-то мне, я хорошо её помню, она уж ослепла, всё жива была.

63. ...Наш род от тунгусов пошел. Луковников ссыльный сюда с запада был. Глушь была. Сошелся с тунгуской. <...> И от её род здесь наш пошел. И родство и пошло, и пошло. А она охотилась. Тут все тропы звериные ее были, угоды большие. <...>

64. Село Аркия — это тогда была Забайкальская губерния Сретенского уезда. А фамилия Ворсиных появилась в том столетии еще, когда населяли Сибирь. Мой прадедушка сюды был сослан, и моего дедушку привели сюды мальчишкой...

Приехали вот в это село Аркия, где ничего совсем не было — лес был, озера были и звери ходили чуть не к самому крыльцу. Но он, собственно, был сосланный сюды не просто так, а сосланный. Он где-то был молотобойцем, прадедушка-то, ну была нужда, видимо, и он украл подкову — лошадей ковать — чтоб продать ее. Вот его за это сослали сюда, и он пришел.

Это дедушка рассказывал мне всё. <...>

65. <...> И вот политзаключенные по заводам там были. <...> Бывало, что им надо отправить человека сюда <...> такого грамотного, надежного, чтобы он здесь работу вел. <...> И вот он идет сюда, допустим, к Шилке. Ну, у него план там, всё. План ему начертят: сюды иди, сюды — не ходи. Казак боялись, что к казакам попадешь, тебя заберут, а крестьян-то не боялись. Крестьяне-то, видите, из какого сословия-то — тоже большинство сосланы оттуда. Чё-нибудь нагрэзит — его сюда, и домой не разрешено было вернуться — и живи тут.

...Они что творили. У нас их много было. Помещика спалит — тюрьма, не то каторга. Потом отсидит в Забайкалье и остаётся пожизненно здесь. Ежели средствишки есть, семья там оставалась, так он ее достанет. А если нету средствишек, семья так и остаётся там, а он тут женится и всё такое.

Много тут их было, «поселенцы» их называли. <...>

66. ...Вот когда поселенцев-то распределяли, всех на Бори отправили, а один остался. Он и говорит: «А куда я?» Куда я — отсюда и название села — Кудея.

Про Разгильдеева

67. Разгильдеев-то — это был начальник на каринских промыслах. Зверь был, а не человек. Про него и песня-то есть «На каринских промыслах».

Заклученные там в основном работали, ссыльные. Они по двадцать пять лет отмандужили. Они там у тачки и умирали, и родили. И первую линию-то железнодорожную они и провели. У них там на Нижней Карé тюрьма была. <...>

68. Это тоже старики про Разгильдеева говорили. Я раньше слышал. Он взялся золота сто пудов намыть. Но золото все равно он не намыл сто пудов, а около тыщи людей угробил, покаместь намывал это золото по Карé. Сурьезный был, говорят, сёк людей почем зря — всё слово свое хотел сдержать, царю он слово дал — это золото намыть.

69. ...А он же ведь долго тут, прииск-то, был. Казна работала, золото-то мыли. ...Ну, щас вот тоже заключенных-то везде гоняют. И вот тогда по двадцать лет осуждённы были, они отсюда приезжали. А командовал вот этими вот заключенными-то, вот золото-то мыли, Разгильдеев, аха, Иван Васильич. Как у нас дедка всё grit:

«...Иван Васильич — грозный,
Он начальник был сурьезный,
Разгильдеев сын».

Это дедка мой тут песню пел про него всё. Ну, а от он над имя́ издевался, строгий был.

[— Как он издевался? — *Соб.*]

Ну, дак чё там, нагайки применял и всё. Раньше чё ж — нагайками всё ить. Выдирал нагайкой, который провинится. Вот и сбега́ли, наверно, от этого.

[— А что дедушка еще рассказывал про него? — *Соб.*]

Дак он так вот про него рассказывал. Я уж и забыла не́которо, а вот песню-то он эту, тоже всю забыла, не знаю...

Не на давних, говорит, годах,
На каринских промыслах
Царствовал Иван.
Не Иван, говорит, Васильич,
Иван Васильич Грозный,
Он начальник был сурьезный,
Разгильдеев сын.
Карá, говорит, реченька открылась,
Тысяч sóрок шевелилось
Рабочих людей там...

Вот чё было. <...>

70. ...Разгильдеев командовал здесь настояшше. При ём еще ведь тут тракт был, по Шилке-то. Счас всё уже обвалилось. А раньше хоть машин не было, но на телегах, пожалуйста, ездили во всю до Сретенска. А после его это, конечно, всё не ремонтировалось, всё обмывалось, обмывалось — и так и развалилось.

Сейчас — куды ты! От деревни до деревни берегом на телеге не проедешь. Зимой только на санях да на машинах ездят. А тот командовал страшно. ...Но избивал! Политкаторжан, гыт, избивал страшно! Заключение, чё же они делают. А он избивал, говорит.

О политзаключенных

71. ...И вот, значит, когда политзаключенных сюды всех ссылали с западу... Там же большевики оказались — грамотны же люди. Деревенский мужик-пахарь, разве бы он сумел сделать? По просьбе, по агитации — винтовку давай — тогда он помощник большой. А что-нибудь из головы своей — этого не было. И вот удивительно то, что из богатого сословия. Грамотны-то — богатых были дети. <...>

[— А почему их арестовывали? — *Соб.*]

Оне хотели столкнуть царя <...>. Но у их ничего не получилось, потому что разговор-то был со многими полками, а какой-то подкачал, не вышел. Судили. Осудили. Их — сюда, за Байкал. Вроде как пешим строем гнали, с Москвы. Далёко. <...>

72. Это на Каре рассказывали. Давно было, отбывал каторгу там один парень. Пел он очень хорошо, просто заслушаешься. Его так и прозвали — Соловей, Соловейчик. Он много раз убегал, но его ловили.

И вот начальство гуляют, бал у них или что, — они наповадились этого Соловейчика заставлять петь.

Вызовут его — пой. Он сначала пел, а потом: — Чё я им буду! — отказался. Вообще перестал петь. Молчаливый, задумчивый стал. Замкнулся. И вот как-то выгнали каторжан на работу, он вдруг запел. Все просто обмерли, застыли просто — так он пел!! Все стоят как вкопанные, а он медленно поднимается по отвалу и поёт.

73. Помню, когда эти политзаключенные (их называли у нас здесь-то «забастовщики» — большевиков)... И вот их гнали в кандалах, вы знаете. Кандалы были вот здесь, вот так [показывает. — *Соб.*], и сюды протянуто, и вот сюды, здесь какой-то ремень. И вот когда гонят, допустим, в марте месяце, далёко слышно, если партию гонят. Может, человек пятьдесят, сто — далёко этот звон-то слышен, железный... И вот в конце концов революция, в 17-м году это было ... Теперь, люди говорят: «Заключенных колонна пришла, пойдёмте посмотрим». — «Так чего ж на них смотреть?» — «Так интересно». Они ж, люди-то там сидели, не то, что мы — за сохой тут ходили. Они творили чудеса.

Старались, чтобы власть советскую сделать... Ну, пришли мы туда. И вот слышим мы, как запели они песню революционную:

Спускается солнце за степи,
Вдали золотистый ковыль,
Колодники — звонкие цепи
Взметают дорожную пыль.

Красиво так пели. Один сидел пятнадцать, другой — двадцать, они там спелись. Может быть, это не запрещено было — петь-то кое-какие песни. Но пожилые, женщин не было. Женщина что? Тоже политзаключенной быть могла только грамотна. Раньше из деревни в тюрьму-то мало попадали: только кто чё украдет...

74. Раньше эти политически-то были. Их называли чалдонами. Оне из тюрьмы выбежали.

Вот идут. <...> Оне вот на эту деревню и напали, на Кунгару́-то. А там какие-то домушки были. Оне, чё надо, взяли у их. Хлебишко собрали всё. Разорили их. Оне теперь пошли той падью, Кунгарой-то. Есть падь, счас называют ее «Разбойники». Их там догнали. Ету падь окрестили в «Разбойников». У нас там счас лес заготавливают.

Их привели (тогда же атаманство было), передали атаману и всё.

И вот Кунгара-то потом переехали. <...> А там не стало селá.

Я ишо помню: там гряды были, срубы были. А потом пашни вспахали, и ничё не стало. Вот оне сюда переехали.

О беглых

75. На Усть-Каре было много поселенцев. Однажды они убежали. Где-то оружие надоставали, обокрали. Вышли у нас на Шилку. Один на мельницу ездил. «Привези нам хлеба», — говорят ему.

Приехал он и поселковому рассказал. «А ты их зови, мы их потом арестуем». Пришла охрана. Они всё оружие выложили, а могли бы перестрелять. Чё с ними стало, не знаю.

76. Чалдоны — это беглые. По Оно́ну туда есть Чирон ... Этих чалдонов было человека четыре. И вот они увели женщину из деревни, и она у них жила. Стирала, варила, стряпала. Они ночью-то бродили, грабили, а днем отсыпались.

Вот они спали днем, а она воды накипятила стирать. И тут как раз ехали мужики из ее деревни. И на них наехали. Она мужикам погрозила, мол, тихо, а сама взяла чан и обварила этих чалдонов. И с мужиками уехала.

77. ...А было-то как. Значит, утром я прихожу-ка, корову подоила. Рано утром корову подоила, захожу в избу с молочком, а сидит незнакомый человек, и испитой-испитой, такой уж это на лицо худой он и невысокого роста. Но и я так удрогла: чё же — дети спят, бабушка спит у меня. А я спросила его, говорю: «Вы откуда? Куда следуете-то?» Он мне рассказал, что «я с Кары, мы, дескать, нас уволили, мы были заключённые, а щас пошли и заблудилися, продуктов нету. И у меня двое, дескать, бессильные, лежат ишо тут вот где-то, в кустиках», — показал мне.

Ну я его покормила, тут было чё, он просит ишо тем покушать. Я говорю: «У меня нечего больше дать, дети малы же, дети станут, — их кормить». Ничё у меня не было. А он это ...Я говорю: «Иди в контору, там обскажешь, и тебе помогут: хлебца дадут, лошадь дадут и привезут этих ребят, куда вам надо, вас довезут».

А у него же ни документов, ничё, — оне же сбежали. Он пошел, совсем пошел не в контору, совсем пошел — вот опять по домам. А я потом поглядела за ём вслед-то, куда он пошел, — не в контору же человек-то идет! Я чё-то тоже это ... Сразу потом из дому пошла в контору, сказала, что вот какой-то человек блудит, и ишо у его двое тут. А скрали бы чё ночью да это ... тоже вот — напакостят.

А эти ... Сразу потём его перехватили, этого мужчину, и привели в контору его. Привели в контору, он день-то и был тут у нас. А его спрашивают, он говорит: «Не знаю ничё, я один» (в конторе-то). Ну, а потом засаду сделали, а оне двое идут да такі здоровые мужчины, молодые! Он, этот, слабый был, он вот пошел, по их же ему надо. Но и потом, когда они их привели в контору-то, его это: дескать, эти вот — твои друзья-то? А он отпёрся. «Нет», — говорит. Ну а их потом. Оне тут, наши-то арестовали, да и ... Виктор Егорович же возил их до Сретенска-то. Увел их, но ему ружье дали, коня. Он их увел, а в Сретенским — там их опять на пароход да и опять в Усть-Кару. Они сбежали.

78. <...> Раньше-то вот ложатся, вечером от уходят в амбар ли куды, залаживаются... А на улице полочку делали, на полочку ставили молока крынку и хлеба — вот краюшку или там буханку ли ложили, хлеб же свой стряпали. И вот утром станешь — нету, молочко выпьют и это, и который добрый, говорит, выпьет — крынку поставит, а который выпьет — да крынку тут же сломат: возьмет да ударит, а она, говорит, разобьется.

...Всяки были, аха ... А вот кормить ставили их, специально это, им специально. Ставили, чтоб не ломился, не лез, а наелся, им больше ить — только поить надо, поить — и убегали. Уходили, все через это село шли, оттудова.

...И вот, говорит, ломится, лезет рукой-то, заложку-то отложить надо, а мамы-то, говорит, не было. А мы-то большие уж были. (Две сестры они были). А мы, говорит, его колотим, ну, тоже палкой по рукам-то, но он-то, говорит, это — не мог попасть-то к нам. Отбиваем его руку-то, бьем больно, а он вытаскиват. А дедушка тут, в соседях-то. А раньше винтовки-то были — кремлевские, ремнёвые. Он эту кремлёвку схватил да за ём.

А оне двое оказались, один выскочил да за речку, за реку. И вот как Сре-тенск-то — по дороге направились. Тоже убежали.

Это-то моя свекровка рассказывала вот эти два случая. Всё с Усть-Кары.

79. До войны дело было. Ссылали много сюда заключённых. Жители дела-ли в воротах отверстия и на ночь клали еду. Это для заключённых. Они часто убежали.

Но вот случай один был такой. Пробрался один ссыльный в дом и незамет-но спрятался под кровать. А в доме осталась только одна девчонка. Родители уехали куда-то. Боялась она одна-то дома быть. Вот и позвала подружку свою ночевать. А работы в деревне много. Полезла девчонка в подполье, чтобы мо-локо поставить, а то ведь скиснет до утра. И кода она спустилась, посмотрела почему-то вверх. Взгляд, видимо, почувствовала. Видит под кроватью руку та-кую большую, волосатую, грязную. Но девчонка смелая была, виду никакого не подала, будто бы и ничего и не заметила. Вылезла из подполья и так весе-ло говорит своей подружке: «Вот сейчас хлеб с тобой замесим и спать лягем. Спать будем на печке. Ты посиди пока, а я пойду в кладовку муки принесу».

Побежала она будто бы за мукой, а сама — к соседям. Пришли, связали мужика этого. Он девчонке и говорит: «Ну и хитрющая же ты! Ведь я так за тобой следил, с глаз не спускал, а ты и виду не подала. Всё равно это тебе так не пройдет».

Ну, мужика этого в кандалы одели и опять на каторгу отправили. Что бы он мог сделать-то, хоть и грозился? Убежать поди больше не пришлось. Вот такі дела!

80. Раньше называли чалдоны их. Оне даже под окошко подходили, тепло-то дак. Оне, я не знаю, кого трогали, нет ли. Я ладом про их не знаю-ка. Вот только рассказывали, что будто ходили оне.

Сделали полочки, хлеба наладут, туды молочка наставят. <...> Они нае-дятся и опеть дальше уходят. Вот так было. А может, и убивали, и всё делали.

Это мне смешно... <...> Одна женщина собрала ребятишек и кормит. <...> Каша ли, ково ли, простокиша ли?.. А мать-то их ково-то ругат, говорит:

— Ешьте!

— А во-он там, мама, глазки.

А он, видно, у ребятишек-то забрал туды [еду. — *Ред.*], на избу-то...

А она их ишо это... ревьёт:

— Ну, ешьте скорей, да спать надо ложиться!..

А это уж не разберу, как он... То ли убежал, ли ково ли?.. Не знаю уж это. Она одна жила, с ребятишками-то осталась.

Раньше это было, но убивства мало было, совсем мало.

81. Ране всё разбойники ходили каки-то, тюремны.

Вот в одном доме жили муж с женой. Девочка у них была. И к этому дому всё тюремный ходил. А хозяйка каждый вечер на окошечко вынесет и поставит

крынку молока, хлеба положит. Утром встает — молока нету, хлеба нету, одна крынка стоит.

Вот ладно. Подошла уж осень. Оне уехали на страду, оставили девчонку одну. А етот, до того он скитался, скитался, а осень подходит, надо где-то устраиваться. Он к этой девчонке-то и зашел в дом, пока она корову доила, лег на печку.

Вот тепери девчонка пошла в куть, заметила, что мужчина лежит на печке. Она взяла двери открыла, окошко открыла, взяла кошечку на руки и говорит:

— Кошечка, серодумочка, серолапочка! Я замуж выйду, муж меня будет бить, а ты кричи: «Караул! Караул! — Да налихоматку ревёт: «Караул!»

Народ-то собрались.

— Что такое?

— Да вот мужчина лежит.

Вот его тогда стащили, тогда председатель спрашивает:

— Ты как попал сюда?

— Вот, товарищи, в этом доме меня кормили. Но мне деться некуда, я думаю, зайду. Я над ей смеялся: думаю, чё она кричит? А она кака умненька девочка! Вот чё хотите, со мной делайте. Или принимайте на работу, я грезить не буду ничё.

И вот его взяли, и в колхоз взяли. И он стал жить, дом срубил и тут же женился. И сейчас живёт.

82. Мама мне рассказывала.

Чалдоны были. День-то они в лесу, а поись-то чё — ись тоже надо — вот они и ходили ночью.

У моей матери тетка была. У ней волосы длинны таки были. Она повела девок в лес по ягоду, по голубицу, по земляницу ли. Тепериче, приходит чалдон и берет одну девочку за косу. Повел. А у тетки-то тоже волосы большій, она и говорит:

— А что, он ить уведёт! Давайте, девки, сучья возьмём и будемте его бить! Не бегайте ни одна.

И вот сучья набрали и выбежали за ём, давай его хлестать — и забили до смерти этого мужика.

Всё это собрали и пошли. Идут, а там ишо два чалдона на дороге сидят. Один чай варит, а другой сидит починиватся. Девкам никак не пройти.

Она:

— Но ладно, девки, вы идите лесом, а я разболокуся донага.

Разболоклася донага, да волосы-то вот так — махала, махала — разлохматила. Да на карачки встала:

— Ха-ха-ха-ха! — чёртом представилась — да к им навстречу. Те испугались и убежали.

Вот девки все пришли домой, рассказали, и вот с уружьями поехали. И поехали. И всех их забрали.

83. В сенях окошечко прорублено — ставили молоко и хлеб. Так и называли: «на бродяжку» ставили. Так и говорили: «Ты на бродяжку-то поставила?»

84. ...Сюды тоже ить все ссыльные были. Бродяги ходили. У них тут вот полочки-то у всех, у народа, у здешних-то. Они, бродяги-то, придут — они [крестьяне. — *Ред.*] туды молока поставят, хлеба накладывают. Как хороший, так съест и всё сопрокинет опять, как стояло. Тут у всех были полочки, окошечки в сенях.

85. ...Я помню, с бабушкой мы — я еще маленький был — все взрослые люди на покосе. Так вот. Ставят крынку простокваши на улице, буханку хлеба, дескать, зайдут — дак поедят. А такого вот и ничего, помнится, такого не делали, чтоб где-то задержали, что-то утащили, ограбили. Вот политические заключённые ссыльные были. Или с каторги сбегут, или где-то там в тюрьме убегают...

86. Раньше-то наш край сплошь ссыльные населяли, всё больше каторжане, политические. Много сёл было ими населено, поселения, стало быть. Бывало, сбегали каторжане — не сладко жилось-то. А куда побежишь? Степь дикая кругом, без людей загибнешь.

Так вот женщины вечером на дворе оставляли на ночь молока банку, хлеба кусок — ссыльным беглым. Не мешали, стало быть, чтобы. Он придет, возьмет всё съест и дальше пошел.

Вот каки люди раньше были гостеприимны, последне отдавали, а ведь в каждой семье детей человек по восемь-девять было.

87. ...Ну, так-то тут бандитизм был в старо-то время. Примерно, свирепствовали до самого почти 23-го, 22-го года. Всё шайки, шайки были. А потом кончилось... Не стало. А то грабежи, убийства. Народ-то отовсюду. Но один пристав был, ково? ... Сейчас участковый, а раньше пристав был. Где же он справится? Покупали всё, зóлото. Людей-то даже вот днём убьют, и сказать нельзя. <...> Всяка национальность.

[— Беглые, каторжане? — *Соб.*]

Ну, каторжан-то сперва-то боялись, а потом их не стали бояться. Видимо, работа-то тоже среди крестьянства была. Даже вот такие в деревнях-то бывали случаи. Если они идут — крынку молока ставят, ковригу хлеба, по-ранешнему называли этот ржаной хлеб крестьянский, — и вот на полочку положат. Они придут — его унесут, съедят, крыночку поставят, в окошко постучат: «Спасибо, хозяйка». Потом тоже ломиться не стали, научился народ. Они так и проходили, которые побег-то делали, убежали.

88. ...На улице у каждого ящичек был прибитый, высоко. И ставили крынку молока или простокиши в ящик и булку хлеба клали. Утром встанут — уже нету. Всё ушло. А кто утащил? Чалдоны, их так называли. Чтоб

не ломился, вроде, не торкался, дак вот ставили от эту штуку. Это много это я слышал.

89. Ланцов до революции сбежал с тюрьмы, жил в скалах в Шивие на курорте, кисла вода там есть. Он пещёру сделал себе из камней. Жил зимой и летом там, пока не отемнел... Теперь ... он ходил сюда, до Шелопугина, пешком, ночевал где попало, в Усть-Дое. Он скончался где, никто не знает.

Пещёра его живая, целая. Про него песня была «Ланцов из замка убежал».

За ним шли со сретенской тюрьмы. Он убежал-то, когда их вели со сретенской тюрьмы до Кадан-тюрьмы. Кадан — тюрьма эта двухэтажная. Когда их вели в эту тюрьму, люди говорят, что за пять километров было слышно звон цепей... А в этой тюрьме люди тифом болели, кто вернулся, кто и нет. <...>

90. ...Крынку молока и булку, хто полбулки и поставит на улицу, полочки специальные. У нас в той избе так и щас полочки. «А это, — говорит, — хозяину». ... Утром встанешь — вот интересно же было — утром рано встану, посмотрю: ни хлеба и крынка пуста опрокинута.

[— Хозяин съел? — *Соб.*]

Хозяин съел.

[— Но их не боялись? — *Соб.*]

Нет, они не трогали... С разговора-то, что за хозяин, потом уж поняла, что вот это как, хозяину-то... Вот поэтому-то они и не трогали те дома, которые их подкармливали.

А он чё? Придёт, крынку возьмёт, молоко выпьет или выльет. Он же сытый день-то. Пожалуйста.

91. ...А боялись вот этих чалдонов. Вот эти бедные... Ну, это, наверно, в 15-м, в 16-м, в 17-м ... В 18-м — тут уж война пошла, началась. Дак вот у нас мама-то ... Мы на са-амом краю жили. И вот она постоянно... Раньше же хлеб свой пекли, ковриги вот таки больши или булки ли. Она вот крынку простокиши или молока и хлеба вот эту краюху положит, всю ли булку положит. Они чё же, бедненьки, голóдны. Он зайдет да наестся. А мы уж залаживамся да спим. Наестся, утром встанешь — криночка проста, хлеба нету. Вот так. Почти каждый вечер ставила. Они же ча-асто ходили. Видно, как сбегут, из тюрьмы или откуль ли уж они...

Вот один раз сидим, уж мы наужинались, мама прядет сидит, тяти не было. Ой, теперь вспомню, дак ... И чё? У нас крючок хороший был — мы дверь-то чё-то не закрючили (мы ишо мálеньки были, ну мне уж лет-то тринадцать было, наверно... Парасковья в девках была и Арина, в Ушукане-то котора, тоже ишо в девках была), все около мамы тут толкёмся. Она песельница была, песни поём, тоже сказки рассказывает. Ёй-ё-ё-ёхоньки! Глядим: вот так заходит, дверь-то открыл, заходит. Папаха вот так сюды натянута. А глаза каки-то... Мне — от теперь... Он черный-черный да высокой. Бравый мужик! Вот так из-под папакхи-то... Ну, они не казались... У нас был курятник большой, зайдешь, куриц

много было, зайдешь, — тут курятник. Он зашел, поздоровался. А мы чё же? Все — за маму да за печку: напугались же.

— Здравствуйте, хозяйюшка!

— Здравствуйте.

— Может, — говорит, — чем-нибудь покóрмите меня?

(Ой, у меня дак шкуру обдирает). А у мамы всегда оставалось от ужина.

— Ой, батюшка ты мой, — она сама-то напугалась, — батюшка ты мой, я пошто же? Накормлю.

Вот на курятник-от ему поставила там уж... Раньше же щами звали... Щи да там ишо, поди, чё-нибудь. Кисло молоко, этот творог — не выводилось у нас.

Вот он наелся, поблагодарил и ушел. А кто он был? Мама ему еще на дороге хлеба дала. Вот ить как жили. А кто он был?..

[— И не спросили, не поговорили? — *Соб.*]

А он же не расска-ажет. Не расскажет.

92. ...Вот один убежал. Это было в Тайнэ. У него такие небольшие кандалы были. И он попал подпол, в подполье. Ну, он днем залез, утром... Когда все мужчины ушли на работу, он вылез оттуда, ну, а женщина была дома, она напугалась. Чайник с кипяченой водой она вылила ему на голову... Ну, а потом узнала, как, чё, что он — каторжанин, убежал. Чалдоны — их называли. Ну и вот, она его вылечила. Напоили, накормили, одели, отправили в постель.

И не выдавали никому ничё, никто это не знал. Только уж потом разговоры, когда наша власть-то началась, советская...

93. Ходили разные люди. Подойдут к дому и просят исть. Батюшка перекрестится и бросит имя хлебушка в окошко. А в дом их не пускали, — мало ли чё, всяки люди есть.

А однажды уехали наши мужики на покос, мы с мамой в огороде были. Пришел старик ли, чё ли, ободранный весь и сел возле поленницы. А мама и говорит: «Девки, яво покормить надо, а то будь ночью стучаться». Наладила в кастрюле чаю, молока, съестного разного вынесла яму. Ишо батину стару обувку нашла, вынесла, а то у него, у старика-то у этого, все ноги в кровь избиты были. Тряпки вынесла ноги обмотать. Ну, он поел, поставил кастрюлю и ушел. Мы утром проснулись, а яво нету.

94. Вот раз по ягоду ходил — я, сын да вот дочь ходила. Теперича, ружье у меня было такое небольшое, двенадцатикалиберка.

Стали мы к Ургучану спускаться. Что такое? Дым какой-то. А это заключенных много бежало. И увидали они нас. А мокро было, они промочились и у костра сидели. А я впереди шел с ружьем. Они испужались, как были — побежали. А я думаю: «Чё напрасно людей пужать?»

Крикнул, что мы, мол, по ягоды идем. Они вернулись, одежонку подобрали и к Ургучану по направлению ушли.

95. Папка мой баран пас на лугу. А я пошла, понесла ему продукты, и — черёмки чтоб он мне там насобирали. А он [беглый. — *Соб.*] выходит из падушки-то. Я испугалась, а он-то знал, что это там, папка-то. Он у его часто воровал. Тот поставит утку ли чё ли, рыбу ли поймат, он у его выташшит из котелка. Папка погонит баран, — он у его выташшит. Потом говорит: «Ты меня не бойся, девка, я тебя каждый раз вижу, как ты ходишь. Ты, — говорит, — когда пойдешь, мне кусок хлеба и шшепотку табаку вот на этот корень положи». А у нас вот так падушка, поворот крутой, вот так, вот так — крута, глубока падушка, и листовень была, видимо, большая, её спилили, и корни-то дак вот таки по дороге протянулись. «Вот на этот, — говорит, — пень мене положи».

Но я больше его не встречала. Пришла, папке рассказываю. Папка говорит: «Он у меня каждый день, — говорит, — таскат хлеб и всё».

[— Положили ему на пень-то? — *Соб.*]

Положила. Я пошла когда от папки, он говорит: «Возьми хлеб и табаку положи».

[— А как он выглядел? — *Соб.*]

Ну как, обросший весь, как этот чёрт, босиком.

96. ...Один случай был. Старуха истопила баню. От этой бани неподалёку ерничок, кустарничек, был. Вот она баню изготовила, сходила бельё принесла деду своему и положила на лавку. А сама отлучилась по хозяйству. Думат, дед Силантий сам придет, помоеся и переоденется.

А в этом ерничке чалдон лежал, дождался. Бабка ушла, он зашел в баню — бельё. Вымылся, переоделся и подался.

Тут дед приехал.

— Давай бельё, пойду помоюсь.

— Да ты чё, два раза ходишь в баню-то, чё ли. Да ты чё? Ты же помылся.

— Какой помылся...

А тут вон чё оказалось.

97. Двое чалдонов нашли балаган и ночуют в нём. А это был балаган Петрована. Это наш родич тоже. Он, значит, недавно женился и уезжал-то на свадьбу. Вот возвращается в поле, едет, радый. Поёт:

«Эх, балаган, балаган, балаган,

ты и не знашь, что женился Петрован...»

А те из балагана выходят:

— Здорово, Петрован, с законным браком тебя.

— Здоровайте... А вы откуда знаете, что я женился?

— Да земля слухом пользуется. Чё, у тебя харчишки-то есть?

— Есть, а как же...

98. Когда каторжанинов селили, вот, по тракту — Горный Зелентуй... Это дед мне рассказывал. Там как получилось... Ну, идут, всякие же были... Кто посмелей, тот убегает, но рискует сам собой, конечно... Ну и вот кузнец... Или

в Газимурских Кавыкучах, или в Ушумуне... забыл уж, вот здесь вот... Его знали уж, этого кузнеца. Не первый, не второй случай был. Он им помогал, снимал эти кандалы, расковывал... Ну, он поживет у него, отъестся. И отпускал его ... не отпускал, а говорил: «Иди домой или куда — твоё дело».

99. Раньше этой деревни не было, а здесь жили какие-то, тунгусы назывались, у них поселок был. А другие-то стали зажиточно жить, их оттуда выселили, а они вот всё идут...

А у меня там дедушка был, дедушка мой. Он их увидит: «Заходите, в бане вымоетесь, накормлю, поночуете!» Вот накормит, напоит их, в баню отправит спать... А потом ково же так — за имя погоня. Дня три баню топят, моют, кормят; а у него всё чан кипел, страшный-страшный, всё чан в ограде кипел с мясом для них. Уж он их дня три-четыре: баню бабы, невестки топят, моют их, кормят. Четыре дня — и за имя погоня. Соберут там, гонят туда.

И вот его все знали. А он уедет в Кару-то, гуляет там, тоже отдыхает, гуляет, всё это присматривает: как, что.

...Это мне всё отец-покойник рассказывал. Как только зайдут приезжие, там шалупа называлась, он их: «Заходите, заходите, куда пошли?» А они станут на колени: «Отец родной! Прости!» — «Заходите, напою, накормлю!».

А потом пришел приказ их распустить. Чё ж, их распустили.

100. ...Мой дед был поляк, Симон Зеленский. Его выслали на поселение в Михайловское, это около Нерчинского завода. Он там на руднике — сколь там на ём людей передавило, у нас дедушка Васильев пострадал, медь добывали — работал. Там и казаки были. Сазоновы, Баженовы, наши Зеленски, Онуфриевы — крестьяне были, а Петрушóвы, Исаковы, Тонкины — казаки были. Вот эти — казаки. Отец мой тоже всё политикой занимался. Меня снарядит, напишет на папиросной бумаге молоком — я везу. Дяде Сене, дяде Грише — это в Горный Зерентуй. И еще один — черный, мордастый — этого фамилию не помню. Писал отец молоком, у его чернилка-то была из картошки. А читали оне на солнце.

Как-то пять человек политических сбежали. У нас, у отца спасались. Но оне гра-амотны, про политику всё разговаривали. Отец их переправлял: дорогу имя покажет, куда идти. Одежду-то имя менял. У них на горбушке чёрны пятна были, что заключённые, мол. Он им зашьет, переделает. Он же портной был. Он всё-всё знал. Говорит:

— А Николашку всё равно уберут. За нас, политических, ему отпоётся!

Но нам ничё не говорил про политических: кто таки, куда бегут. Он умер в конце германской войны.

101. Идут они по деревне. Звон кругом. Им выгаскивают. Кормят. Мать моя только услышит: «Ну-ка, девка, смотри-ка, забрякало». И я бегу, несу им. Успевали толкать им. Вот мученики были, кровь течёт везде.

Вот когда бежали с тюрем. Мельница у нас была. Отец пошел к ней.

Смотрит, стоит человек и ему:

— Отец мой, не выдай меня, принеси мне поесть.

Отец воротился, взял еду и опять на мельницу:

— Пошел я ночевать туда.

Мать ему:

— Ты смотри, утром вернись: бабы коров пойдут доить, увидят.

Схоронился человек до утра на мельнице. Потом отцу подарил книгу политическую.

...Заведено у нас было: в сенях в окошки ставят крынку молока и кусок хлеба. Наутро проснулся — ничего нет.

...От мученики, в кровь сотрут всё, лучше не жить.

...Называли их у нас чалдонами.

Разбойники в доме

102. Бабушка рассказывала. У их в работниках жил один дяденька. А он нездешний, откуль-то издалека. Сосланный был в Сибирь. А сослали за то, что в шайке работал. Их было шесть человек, а седьмой — атаман.

Вот так же одни с сеном приехали. Дом большой у них был. Коней выпрягли, на стойку ставят. А сени залаживались так: за веревку дернешь — и откроется. А коней еще поить надо — и не закрылись по-настоящему. Ну вот эта шайка ввалилась к имя́.

А у них семья большая, сидели ужинали, всего двадцать пять человек было — сыновья, ребятишки — все в одном доме жили. А дом большой — несколько половин. Ну, они что ж — напугались. А на тех всё блестит: клинки, оружие — вооруженные были они. Они подскочили к столу, а атаман вскричал: «Хлеб — соль!» Ну, старик со старухой встали, как по углам сидели, так сразу и поднялись. Ну, они их пытали, брови все спичками жгли, деньги требовали. А сыновья даже не пошевелились. Ну, ничего не сказали имя́. Мужественные люди были, а может, ничего у них и не было. А на стол беременна женщина подавала, ставила имя́.

Ну, они всех их перебили: стариков, сыновей, их жен, всех. Маленький ребенок, месяцев девяти, в зыбке лежал. Которого сослали, занес клинок над им, а тот схватил его (кого ж — ребенок-то большой, всё понимает), ну, тот и опустил клинок. А атаман подскочил и шашкой — зыбку пополам и ребенка пополам. Начали искать у них и нашли-то всего двадцать пять рублёв, все перевернули.

А дом-то в сторонке, на отшибе был. Сели они и уехали, тройка у них была. А беременную-то женщину не до смерти убили, она выползла на крыльцо и закричала: «Караул!» Она-то представилась как мертвая и виду не подала имя́. Она их всех знала в лицо и до этого слышала. Когда народ собрался, она имя́ всё рассказала. Ну, рассказала имя́ и умерла.

Так всех их переловили, а его-то (работника) сюда отправили в ссылку, и это и рассказал, и сам в работниках так и жил.

103. Уехал муж в командировку, а жена-то его беременная ходила. Ну и пригласила она сестрину девчонку и ее подружку с ней посидеть. И дверь-то была открыта. Мужик какой-то в избу зашел и за печку спрятался. Подружка-то его увидела и убежала, и ничё не сказала.

Вечер настал, женщина с девчонкой легли спать. Встает этот мужик, к женщине подходит и говорит: «Вставай, вари щи». Она встала, а он лег на кровать и заснул. Она чугу́н с водой схватила да и обварила его.

Слышит, кто-то к дому подъехал. А их там еще двое было из этой шайки, и мужнин брат там был. Он знал, что в доме одна женщина осталась, а добра́-то у них много было. Брат мужнин руку-то только в окошко просунул, она ему топором и отрубила. А второй голову просунул, она и голову. А сама она с испугу и родила.

Женщины утром коров погнали, смотрят: всё закрыто, никто из дому не выходит. Вызвали они милицию. Девочка у её нормальная родилась.

А брат-то мужнин в деревню через десять лет вернулся с отрубленной рукой. Муж-то его и пристрелил.

104. У нас на западе это было. Мы в голодовку туда, в Ливнево, ездили. Вот одна женщина и рассказывала. У нее муж работал стражником. Это как теперь милиция.

Вот подходит праздник, Рождество. А он ей сообщает:

— Приезжай, я деньги получу, забери.

У них было две девочки, одной пять лет, другой три. Она соседку попросила посидеть с ими, сама поехала к мужу. Приехала, ночевала. Он утром пошел деньги получать, а она поставила самовар, вскипятила и села чай пить. Сидит она, чай пье, заходит странник. На костылях, ноги на весу́. Входе, поздоровкался. Она:

— Садись, дедушка, чай со мной пить. — Он прошел, сел, пье чай.

Прихо́де муж. Она уже страннику рассказала, что приехала к мужу за деньгами. Вот муж прихо́де, поздоровкался. Тот:

— Вот ваша хозяйка пригласила меня чай пить.

Он гыт:

— Но что ж, пейте, пейте.

Но и он попил чаю. А сам подслушал уже, как муж жену по имени называе, из какой деревни — она ему сама рассказала. Вот. Но, попил чаю, поблагодарил, опять на костыли на эти и пошел. Ну, ушел и ладно.

Она деньги у мужа взяла, коня запрягла и поехала. Выехала из деревни. А он пошел по дороге. Она его догоняет. Ему итить-то неловко. Она ему:

— Дедушка, садись, тебе итить-то неловко.

— Да я, матушка, с того сюды и пошел, чтобы с вами доехать. А там я боялся вашему мужу сказать, с места-то.

Но, она его посадила. А у него за спиной саквояж был, вот как подушка. Сахьяный. Он костыли положил в повозку, этот саквояж отстегнул и говорит:

— Давай вожжи.

— Нет, дедушка, я сама.

А он и говорит:

— Я не за тем суды шел, а шел у тебе деньги отнять.

Ой, она так, она смя. Он берет за душу:

— Давай деньги!

Ну тогда она видит — дурна шутка. Куды от него денесси-то? Она достала ему деньги отдавать. Коня приостановила. Ветерок был. А потом, може, она нарощно пустила какой руб из рук, два ли — на снег упали бумажки-то эти. А он вожжи держит, сам из повозки нагнулся взять. Она как вожжи дернула, его под ж...у! Как вожжи дернула — и убежать! Остались его костыли и саквояж этот. Она оглянулась — как он на ногах-то летить, ой-ё-ёй! А ить ноги-ть на весу! Но как ни бежи, коня-то не догонишь.

Она приехала домой в деревню свою, ворота заглушила, а у коидоре-т двери не догадалась заглушить-то, начала скотине корму давать, солому сгребла, в коидор нóсить, клади... Для топлива, завтра топить.

А он пришел в деревню-т и спрашивает:

— Где такая-то, такая-то женщина живе? — он знает, как звать, где муж работае. Ему сказали.

Он туды прошёл. Она на дворе там работает. Он перескочил, в коидор прошел и под солому лег.

Она принесла беремечко соломы, положила, принесла еще беремечко, — положила. Ну, управилась. Двери позакрыла коидоре, зашла, а двери крючок — никогда и понятия не булó. Зашла и села, какой-то девчонке платыишко зашивала. Вот, гыт, сижу, мене прямо як вода поджиае, бяду́ каку-т поджиаю и всё! Девочки эти поснули. А он лежал под соломой, продолжал время, чтобы люди маленько угомонилися. А потом, може, часов таки в 11 или 12 он захóдя. Захóдя и говорить:

— Так ты что же думала, от меня спасиссе? Вот твоя и смерть!

И прямо ножик в стол поставил. Если бы он ее сразу зарезал, то бы зарезал, а он ее заставил кипяток кипятить, де будет издеваться над нею.

— Кипяти, — говорит, — кипяток!

Она:

— Да у меня топлива нету.

— Топлива, — говорит, — много. Я под соломой лежал, ты много наносила.

Принес сам соломы в избу, заставил кипятить кипяток. Она поставила воду, чугуночку на трех ножках. А кухня перегорожéна, а он ходит, нож стоит в столе, а он расхаживается взадь-вперёд. Кипяток закипел белым ключом, она приго-товила тряпку, приготовила кружку. А потом чугуночки-то выставила, кружку-т зачерплá да и говорит так себе:

— То ли он кипит, то ли нет? Ничё не видать.

А он как ходил, к двёрочке-т повернул, она как дала ему в глаза этого кипят-

ка кружку — он упал. Она схватила чугунок и вылила на него чугунок. И сама упала... Показывала, у ней тоже тело-то обварено. Но, упала и лежит без сознания.

А тут развиднялось, люди-то встали, соседи-то повышли. Все печи позато-пили, а у ей не топится. Попробовали — и двери не открываются.

— Это чё такое? Она всегда рано встает, а тут нету. Уж не беда ли какая? Какой-то старик тут вчера ходил, спрашивал.

Подошли под окно, оно замерзло. Они продули (у нас там никогда двое рама не становили, всё одни). Продули, посмотрели: на полу лежат какие-то люди, непонятно. Сняли дверь. Зашли. Старик там лежит этот свареный, она рядом лежит. Ну, сразу мужу сообщили: такое, такое дело. Муж в «скорой поможии» сюда приехал. Но она-то живая. Врачи-то сразу отводились с нею, а он совсем сварен! Ну шутка — в глаза кипятком!

Но, она и очунилась, зачала рассказывать. И вот этот саквояж, какой за спиной носил — 14 тысяч денег! В этом саквояже... Это правильно. Он хóде, собирает на Божий храм, на Божье строенье. А он хóде, людей режет, а ни на какой там храм!

Устные рассказы о гражданской войне

Казак на службе в царской армии. Начало гражданской войны

105. Отец был бедный у меня. Нас было двенадцать человек семьи. Одна кобыленка была (это уж потом). А я жил в рабочих: с девяти годов пошел батрачить и так и на службу ушел из батраков.

У нас кобыла была, корову отдали за нее. Она, значит, на Троицу ожеребилась, теперь, значит, дожила до осени — пропала. А жеребчик остался маленький, конёк, а он был выродок: чистокровной породы аргунской. И вот я рóстил. Загородил стайку — два плетня над ним забил, поставил железную печку, перегородил, сделал корыто, насыпал туда овес и воды — в другую половину.

И вот он, значит... Месяцев ему, однако, восемь было... На Масленку. Ребятишки бегут: «Дядя, дай покататься!» Я посажу — он как начнет!.. И каждый слетат. Сшибат. Такой конёк был — ну, прямо как картинка!

И вот, значит, мне годá вышли — на службу надо идти. Ему было, значит, три с половиной года. Я на комиссию (у нас комиссия была в Кулаковой). Там приехала комиссия: врачи приехали, атаман отдела приехал (раньше в станице всё офицерня была). На проводку повели. Я иду — они: «Стой!» Я остановился. «Как твоя фамилия?» — «Васильев». — «Конёк собственный у тебя?» — «Собственный». — «Ах, хороший конёк. Сядь на него». Я сел. «Пробежку сделай». Я два разá пробежал. Ставят тавро по левую... Годный. Тавро поставили, значит. Первого Нерчинского полка третий взвод. Ну и... Годный. <...>

Теперь, значит, погрузили нас в городе на станции в вагоны. По три коня поставили. В серёдке, значит, железная печка, прессованно сено наклали, овес нам выдали. Поехали. <...> Мы ехали через станцию Маньчжурия, через Харбин (раньше этой ветки не было еще железной дороги). <...> Там побыли мы полтора месяца. Нас опять разбили по сотням, я попал в третью сотню. Поехали по берегу. <...> Сучан-река.

Приезжаю — там старые казаки нас встречают. Раньше служили: все с одной станицы — все в одной сотне. Приезжаю — там ребята: каждому интересно, как там дома (по четыре года служат). Встретили как своих. Тот говорит: «Ко мне пойдём!» Тот — «Ко мне!» Я так в первый взвод угадал, в первом взводе остался: там наши ребята были. Командир приходит, Маковкин был. Такой строгий. Пришел, с нами поздоровался: «Ну вот, ребята, приехали, я вас зачисляю в свои ряды. Знаете службу?» — «Не знам, ваше высокоблагородие». — «Я понимаю».

И вот он нас два месяца на занятия не гонял — всё словесность пёр. Кака глупость была! Всё царско поколенне — титул знать, и в Германии знать, и в Австрии — во всех: какой царь, кака жена у его, как детей зовут. <...> К чему же? Ни к чему же! Ну и заучили всё это.

Стал на занятия гонять. Вот на барьеры пошли, значит. Конны занятия. Манежна езда, прыжки делали, на полном ходу. На деревянном коне учились. Деревянный конь — большущий, значит, станок стоит, в его лоза воткнута. Вот саблю вытащишь и рубишь её. И потом на шагу на коне едешь — рубишь, а потом рысью поедешь, а потом галопом, а потом полным ходом. Попривыкли тоже — стали рубить. Он всё мне: «Ну, Васильев, ты молодец».

А у нас был Игуменов, офицер, он кончил офицерску школу. Кобыла сера больша была... Он лозу рубнёт и сломит ее. А ему говорят:

— Знаешь что, Игуменов, посмотри на молодого казака, на Васильева. Он как рубнёт вот так — лоза и воткнется в землю. Правильно рубит, а ты, офицер, не можешь рубить.

Ну, теперь, значит, мы полгода... пять месяцев простояли. На станцию. <...> Со станции весь полк ушел в Никольскую — Уссурийскую (сейчас она «Уссурийская» называется). Приходим туда, там палатки натянуты. Вот так дёрном обкладены, а сверху палатки построены.

Вот учење стало происходить. Маневры, на атаку сходили там. Приморско-драгунский полк был и Уссурийский полк. И наш Нерчинский. Три полка. На атаку... Дождь идет! На атаку сходимся, у кого худой конь — перевертываются. Ледник вот такой! По леднику. А потом кричат: «Стой, каура! Стой!» Остановились. В чем дело? Ординарец прибежат из штаба армии, пакет от генерала Киселева передает: война. <...>

Уехали мы, значить, под Варшаву. Приехали ночью... Да, в Москву приехали — нас водили в Кремль тамака, памятник Ивана Великого, Царь-колокол там. Нас хотели на Кавказ отправить, а потом отправили под Варшаву. В Варшаву приходим, ну, где воинска крепость... Дождь льет! Кóней вывели из вагонов. А я коню передню подпругу подтянул, а он повод закусил — бегат.

«Садись!» Посадку делают, а я коня поймать не могу. Едва поймали его. Они же вот какие жирные были, кормили их черт его знает как.

Пошли, значит, мы ко фронту. Вот день идем, ночь идем. Орудия — у-у-у, у-у-у!.. А ночью идешь: где-то огни горят, пулеметы бьют. Летит снаряд: «Ну, ребята, скоро нам — всё, отчирикаем». Прямо стон стоял.

Приходим в деревню Воля Куликова (?). А там Приморский драгунский полк ушел в бой. В деревню заходим: четыре человека. <...> Солдаты убитые лежат, такие черные они все. Ну мы: ребята — всё... А там бьется пехота в рукопашную: «Ура-а!» Не поймешь, что «ура», а «а-а-а...» раздается.

Перед вечером, солнце закатилось, — приказ приходит: первый взвод назначили наш и второй сотни первый взвод назначили — занять перекресток шоссеиных дорог. Так дорога и так идет, и на этом перекрестке надо пост поставить. Вторая сотня прошла — опоздала. Видят, что немцы, разъезд. Они коней сбатовали в панском лесу, а сами эту шоссеину дорогу заняли. Перекресток дорог заняли. А мы так из-за увальчика вывернулись — месяц взошел — немцы: каски, кавалерия — кони большущи! Закомандовал я им: «Ура, ребята, в атаку! Сабли вон!» Мы как «ура!» завели, выдернули сабли — повернули обратно. А с правой стороны с шоссеиной дороги их обстреливают, с перекрестка их давай понужать! Им деваться некуда. Эта сторона занята нашими казаками. Сюда — болото. Их восемнадцать человек, они в это болото-то бросились, а кони-то грузные — все увязли. <...> Их тут — кто пикой, кто шашкой. Восемнадцать человек было, шестерых привели, в плен забрали, а коней всех целиком забрали. Там продуктов было: колбасы, вина всякого разного. Донесение отдали. Генерал Киселев выехал встречать. Но, мы!.. Ну, первый раз же. А потом как нас понужнули — дак вот, мол, воевать-то как надо... Они внезапно попали, а мы-то первый раз тоже.

Значить, у нас офицер был молодой, кончил офицерскую школу... Ну, поехали в разъезд. Пан идет. Он его спрашивает:

— Немец далёко?

— Вин тут. Вот речка текёт, кустарник, там пулемет — там немцы.

Мы к речке подъезжаем — он команду дал: «Ослабить подпруги, разнуздать коней и напоить». Я не успел подпруги растянуть, не разнуздал — у нас восемнадцать человек убили, то есть восемь человек убили, троих ранили. Как огонь открыли из пулеметов и взялись нас косить! Вот, мол, как надо воевать. А то они ехали, а мы внезапно попали на их...

Они мастера воевать. Сейчас техника, а раньше у их не было техники. Самолеты летали наши, их летали — редко-редко увидишь. По окопам, где пехота, летали. А мы — на сабли, на штыки.

[— Артиллерия страшная была? — *Соб.*]

Артиллерия страшная. А вот рукопашный бой всех страшнее. Когда в Карпатах были <...> — тринадцать рукопашных атак. Было сорок восемь человек, осталось шесть. Ой, страшна, страшна атака. Но они и не принимали атак: из окопа на «ура!» пойдут наши, бросятся — их тут начинают косить.

Как еще спасся я, черт его знат... Мы там спешены были, у нас лопатки были, штыки были привёрнуты. А по пехоте мы чё? Ничё не знам. <...>

В восемнадцатом году на фронте были... Стояли в Херсонской губернии, станция Раздельная. А у нас Седякин был, он студент был, он грамотный был. В чем дело, дескать? Ниоткуль никакого слуху нет: куды, чего... Его отправили в Петроград. Он оттуда приезжат, значит, трибуналы [трибуны. — *Ред.*] эти ему — он стал высказывать. И объявил:

— Вот, — гыт, — товарищи (не называет господами, а «товарищи»), кто под нашими красными флагами пойдет, тот будет принят в наши круги.

Командир полка встал и пошел... А там деревня Андрияновка, а там на полковые суммы идет гулянье: вина виноградного набрали (там вина же хоть заливайся), закуски всякой, всё. Вот отгуляли все, закусили — пошли маршем; духовой оркестр пошел. Командир сотни наш Маковкин пошел. А Седякин вышел:

— Стой, колонна! — Остановил ее и говорит:

— Вот чё, товарищи. Вот этого гада убрать надо, командира сотни, чтобы он нам не мешал! Чтоб его не было.

Он, паря, встал, вот так штаны трясутся.

[— Предателя? — *Соб.*]

Он же не пошел под красными фла́гами. Тогда еще предателя никакого не знали. Потом говорит:

— Знаешь что, товарищ Седякин, разреши мне в нерчинском мундире... До смерти не забуду, разреши мне встроиться. — Он спросил колонну:

— Как, ребята? — Ребята:

— Ну, как царь и командир разрешают. Пускай идет с нами.

Он пошел с нами походным маршем. Приходим туда, он теперь говорит:

— Вот, ребята, я любил вас и любить буду, только уж вы меня простите. — И пошел под красными фла́гами. И он не один, а много их пошло. Который сам попросил, — его, конечно, простили. А остальных выбросили всех.

Приходим. Нас назначили охранять станцию. А там солдаты с фронту бегут — дескать, их имать. А у нас Григорьев, офицер был. Мы говорим:

— Мы их имать не будем: свобода... Как мы имать будем? На фронт не отправим, они стрелять будут.

А они в вагоны не уходят, на крышу сядут, сгрудятся все, их много прибилося там, солдат.

— Куда едете?

— Землю делить.

А потом дедушка Ленин прокламации стал по станциям давать, что «ребяты, вот такое дело, не жалейте... Свобода — она свобода и останется». А потом дал приказ, что регулярные войска все выслать на Дальний Восток. И донских там тоже, кубанцев — по своим властям [волосям. — *Ред.*]. А ежели, гыт, мы их ко времени не отправим по своим властям, то у нас кровь пойдет — до узды коню. И Крыленко там был, Иван, командующий морскими и сухопутными войсками.

Мы приезжаем на станцию Псков. Нас там трое суток держали. А мы с Сашкой Чепезубовым, значит, пошли за кипятком (раньше ведь кипятильники были), за кипятком побежали. А с Уссурийского полка по станции ходят, значит. А у большевиков караул был на станции... А у этих, с Уссурийского полка, значит, у одного три креста, а у другого четыре креста и четыре медали. Они по станции идут, а большевистский начальник повел караул, подскочил и за кресты-то и дернул:

— Что, — гыт, — царя защищашь?!

А он, паря, шашку вынул — как его хлоп вот так! Сразу поперек рассек. Ой, крови!.. Мы эти манерки похватали, кипятку не набрали и бежать к вагону. Еще целы сутки стояли, нас тут держали.

Вот этому главнокомандующему Крыленко сразу телеграмму отправили срочную. Он оттуда — отбивать, что «ребяты, мы кресты не надевали — мы и снимать их не имеем права. Отправлять как можно быстрее по своим областям». До Читы меня довезли. Приезжаю в Читу. А тут какой-то большебрюхий мужик:

— Царский защитник пришел, кресты не снимает.

А тут Семенов на Даурии. Нас хотели везти к Семенову, а мы все забастовали: «Везите нас в Нерчинск». Вот нас в Нерчинск привезли, а оттуда — на Приисковую. Я коня продал в городе и пешком оттуда прибыл на Приисковую. Потом вызывали, большие деньги давали, к Семенову: «Тыщи заработаете!» Иван Федорович, умный мужик <...>: «Ты чё, — говорит, — Федор Степаныч, четыре у тебя парня. Отправь — в два месяца разбогатеешь». А отец: «Мне не надо деньги, мне ребята дороже». Так я и остался.

Казак-фронтовик вступает в Красную гвардию

106. Я родился в 1895 году в семье крестьянина-середняка. До восемнадцати лет я работал в своем хозяйстве. Отец умер от болезни в 1911 году, мне шел шестнадцатый год. Семья была из восьми человек, я самый старший. Мать к тому же еще немножко была больная, пришлось трудно: поработать, семью кормить. Сеяли три-четыре десятины всего, но этого хлеба для скота и для себя кое-как хватало. А когда подошло мне идти в царскую армию на службу (казаки служили в кавалерии тогда четыре года), мне можно было бы и остаться. Брат ушел восемнадцати лет, так что по семейному меня не оставили.

А прежде чем идти в царскую армию, нужно завести коня строевого, нужно обмундирование летнее, зимнее завести, седло, все эти уздечки и ремешки — всё. Тебе только там дадут винтовку, патроны. Шашка и то — она стоит семнадцать рублей, эта сабля, — это надо было всё. В станице проверят, надо всё заводить. Я вижу, что не выходит, не выйдет так, если я дома буду. Я пошел наниматься в разные крестьянские хозяйства. А братишка вел свое хозяйство. И вот я зарабатывал два года это обмундирование. Нужно было полушубок, шинелку, и френчик, и сапоги — и всё. И шубу. Всё это в станице изобретали:

и седло казачье по всем правилам — с сумами, и с нагрудниками, и с пахвами. И вот я два года занимался, зарабатывал. А когда заработал, деньги сдал, обмундирование получили, но, по примерке, конечно, каждый. Тут же в станице шили шинелки, и шубы, и всё.

И вот нас в шестнадцатом году девятого сентября направили. Мы сперва доехали до Нерчинска, из Нерчинска нас повезли в Россию, там подготовку делать. Привезли нас в Казанский военный округ, в 33-й Казанский военный округ. Нашу часть, значит, отправили в город Тарск. Там, значит, нас поучили два-три месяца, давай готовить на фронт. Ну, на фронт я не попал. В сотне писаря не было. Меня, значит, командир сотни, Мамонтов, подьесаул, взял писарем. Прописарил я всего, но, какой-то месяц или два, а потом — учебная команда. Я, значит, — в учебную команду, меня — на урядника, командовать взводом. И вот нас человек восемьдесят набралось, обучали нас. Но учились с четырех часов и до двенадцати ночи. Спать приходилось урывками, а если дежуришь, нисколько не уснешь, — это закалка казака.

И вот, значит, там, в нашей сотне, повстречал я вот этих молодых учителей, которы были прапорщиками, в иркутской военной школе обучены. Оне все туды направлены были: Богомяков Георгий, Петелин, Асламов, Пичуев, Власовский. Богомяков Георгий, он в Куларках был учителем. А когда призывали его — но, он человек среднего образования — его, значит, в военное училище. Он был прапорщиком — первый чин офицера, это в царской армии. И вот он, значит, нам начал... Сперва узнал, кто из нас живет справно. А ведь были и такие мужички, из справных сынки, с нами тут же — он тех оставлял. А нас остальных всех, которых он изучил, что это из бедняков, а не богатеи, берет взвод, и поехали на занятие. На плацу-то доставалось, а туды отъедем, там вовсе... Отъедем, чтоб не видно было нас со стороны высшего начальства этого гарнизона, он командует: «Кони сбатовать! — то есть, значит, связать головами так, что кони никуда не уйдут, крутятся, а никуды не уйдут хоть сутки, хоть дольше. — Садись в кружок!» Сядем. И вот он нам начинает: «Вы вот из деревни, молодые ребята, ничего вы этого не знали, никто о вас не заботился. А сейчас вот взяли, из вас каждого хочат сделать машины: рубить, колоть, топтать, стрелять. Но, гыт, есть предназначение, что всему этому будет, так сказать, конец. Но прежде чем сказать конец, придется, гыт, повоевать. Так что учитесь военному делу и учитесь так, чтоб было без промаху».

Но, мы потом: «Господин прапорщик». Мы его «господином», чтоб не было... При офицерах строго-настрою — никаких кумовей. Тогда кадровый офицер царской армии... Они были все сынки помещиков и сынки фабрикантов, из их были такие, как... князья, графы. Он, значит, всего подьесаул, а генерал — простой, так к ему, этому князю, не присоединяйся. А если солдат или казак заговорел с офицером — что вы, кум, что ли?! Вот такая постановка была.

А у этого Богомякова опять с нами... Вот тут мы в перерыв: «Так как же так?» И вот потом уж я узнал, что все эти учителя молодые, оне хотят работать в этом, в военном деле, но на их эти старые офицеры, кадровые, смотрят, как черт на грешника. Оне, значит, начали искать, видно, выход. А у нас в штабе

был — он тоже подьесаул — Велицоца. Он, оказывается, был революционером. Он этих всех учителей — сразу под свое ведомство и давай им... Поэтому Богомяков так и выступал. Велицоца (но фамилия-то вроде не находит на русскую), и вот он ими начал управлять.

Потом, когда февральская революция получилась, из центра дали телеграмму, что «Его Императорское Величество от престола отстранен». И эта телеграмма пришла из 33-го военного округа к нам туда. Там нас стояло, значит: Забайкальский полк, два полка оренбургцев, два полка донцов и 159-й полк солдат, в ём было двенадцать тысяч штыков. И вот этот Велицоца этим уж командирám всем, дал, что нет, «не соизволил отказаться от престола», а его сбросили с престола. Они все знали. А Верига, командир полка, налетел к нам туды на лошадях, и построили нас. Ночь, первый час ночи. Вот, дескать, получена телеграмма: «Его Императорское Величество Николай Александрович...» Он был изверг, мордобит, этот Верига. Но а Богомяков стоял на правом фланге, он командир полусотни, он сразу: «Врет, — говорит, — дорогие товарищи. Царь, гыт, не отказался — его сбросили!» Если бы неправильно было, Верига бы тут же его б пристрелил, а то Верига сразу вскочил на коня и...

Но и вот, начался митинг тут у нас. Он начал нам, что, дескать, получили телеграмму, что царя сбросили, остаются там, значит, такие, как Керенский, Милюков, Терещенко, Сухомлинов — это военные царские министры. Сейчас, дескать, будут разбираться, кто примет. А Верига <...> успел еще сказать, что «самоизволил отказаться, а на это место, дескать, будет дядя царя Михаил Александрович». Тогда Богомяков и вскричал, что врет, и он убежал. Но мы до того, значит, поразговаривали, он вносит предложение, этот Богомяков, арестовать, дескать, Веригу, командира полка. Но мы живо конный взвод и — на квартиру. Прибежали — там один денщик, Плотников Макар (он здешний) у него прислужничал там, как вестовой. <...>

А потом началось... У нас был Бакшеев уж войсковой старшина, потом уж он полковником стал. Он начал командовать. Там склад оружейный начали разбивать — нас, команду, туды. Нас заставляют стрелять. А такие взводные были, как Луговской, Карадин — те уж пожилые, урядники: дескать, ни один не смейте... Так наказал Богомяков. Ничё не сделают ... Покричат — ругань не чад, глаза не ест. Так я запомнил слова эти. И вот мы не стали стрелять по этим солдатам. Тогда нас взяли, по одному начали... А мы уж тут нашли выход: что солдат-то двенадцать тысяч, а мы что?! Горстку представляем против двенадцати тысяч. Они возьмут и нас переколят, и вас. <...> А там уж в сотнях, полках <...> командиры которы: дескать, мне нужно в бой вести, а тут в это время собрание будет, совдепщина!! Мы: мол, потише — нам тут сказано так. <...>

А когда Октябрьская революция прошла, нам сразу оттуда приказ по всем войсковым частям: донцы — в Дон, оренбургцы — в Оренбург, забайкальцы — в Забайкал, амурцы — в Амур, и все солдатские части каждый по своим губерниям. А потом, когда мы сюды приехали, в Читу, тут уж давай нас мобилизовать. Мне дали команду, я уж тут вахмистром был, то есть старшиной. Мне пятьдесят семь человек дали — вези в Нерчинск, в Нерчинский полк, он стоял

в Нерчинске. Но я повез, кони нагруженные в вагонах. А поехали мимо — тут маккавеевски, размахнински, ундински — все, всем надо домой сбегать. «Вон она моя хата!» — показывают. «Ну, давайте». Когда в Нерчинск-то приехали, у меня одиннадцать человек, а лошадей-то пятьдесят семь. <...>

А потом нас быстро, всего пятнадцать дней, и в конце марта по домам всех уволили. И вот тогда начали добровольно сколачивать Красную гвардию. А Семенов уж вышел, угрожал Чите, он даже уж Оловянную прошел. И мы встретили его войска на Андрияновке, тут был первый бой, и крепко повозились. Оне потом — отступать до Оловянной. <...>

Семенов ушел за границу со своими остатками, а мы стояли как заградительный отряд. А вверху к Иркутску подходили чехословацкий корпус, который обманул товарища Ленина. Тот пропустил, чтоб не ввязываться ни в чё, переехать через весь Советский Союз на Владивосток, а оне сделали провокацию и начали сблизаться с белыми. И белые подпарились с ими. Тогда нашего командующего фронтом Лазо перевели в Иркутск для задержания этих чехословацких корпусов. А здесь остался Балябин Фрол командующим фронтом Даурским. А когда уж их сила — чё же, их сорок тысяч да наших двадцать тысяч белых — шестьдесят тысяч, такую лавину мы задержать не в состоянии — командование наше решило распустить все войска. А сами на Урульге совещание сделали и тут же сказали: кто с нами, так с нами — по железной дороге или по Шилке пароходом. А если кто не идет, тот — домой со всем оружием. Все. Дождать следующее партизанское движение. <...> Это было двадцать восьмого августа совещание на станции в Урульге, в восемнадцатом году. Когда совещание закончилось, одни, значит, пошли по линии железной дороги, поехали на Амур. А часть — на Сретенск, и здесь на пяти пароходах — нагруженные баржи — все поехали рекой до Амура. А мы остались дома. Так и получилось-то: вот опять — как зайцы...

А тут Семенов, значит, отудова вышел в Читу и начал опеть свои карательные отряды — по всем населенным пунктам. А те вылавливали правоговиноватого и — казнить, на броновики. Броновиков оказалось... И в Сретенске, и в Маккавееве этих застенков наделали. Как только провинился — на броновик, отудова больше не ворачиваются. И вот этими карательными отрядами Семенов взбудоражил всех бывших фронтовиков, всех мужиков. Оне — кого попало: заподозрили — и давай. И вот у нас троих <...> — на пароход до Усть-Кары, с Усть-Кары не дошли километра полтора — их убили и в воду сбросали. Один только остался живой-то, и то крепко ему пришлось. Его прикладом винтовки ударили в щеку, он — за борт и выплыл потом. Когда выплыл, так после того рассказывал, что так получилось.

Такие арестовывались. И вот, значит, станичный атаман сретенский, и ломовский атаман, оне, значит, заставляли нашего атамана тоже крепко обратить внимание на то, чтобы красные не поднимали голову. Так вот этот наш атаман, Осип Алексеевич, он всё же не согласился с ими. И мужики, когда видят, что дело с Семеновым не сладить, давай — партизанские отряды. <...>

А тогда Семенов начал организовать... Вся же эта армия, офицеры, оне не

будут же сдаваться на милость советам, оне, значит, — к Семенову. А Семенов там еще подъезжал, этих монголов, китайцев — в свою армию. Армия эта — выступать, а тут, значит, нечем защищать. Вот и давай — добровольческую... Только добровольно кто пойдет, а так мобилизовать — не мобилизовали. И вот по первости у нас народу тут было полно: допустим, Боты, Аргун, Малые Боты, Кузьмино. Но фронтовики, которы по четыре года, а которым с десятого года, им в четырнадцатом году надо увольняться, а там война началась — опять три-четыре года... Он уж теперь смотрит на это всё... Когда стали здесь организовывать: кто в Красную армию, гвардию добровольно? Никто. Надоело. Так, говорит, в окопах вшей кормили, теперь опять...

И вот мы пошли, давай записываться. Назаписалось нас тридцать шесть человек. Из тридцати шести нас только семь человек бывших, обстрелянных. А тут пожилых человек восемь, которы по четыре месяца служили. Остально — молодежь. Приехали мы тогда туды на пароходе в Сретенск, в райвоенкомат. Я:

— Команду вот такую-то привез.

— Ваши документы!

У меня был оттуда (я уж учебную команду кончил) первый навык войны — знаю, как распорядиться, хоть не в большом масштабе. Оне прочитали: ну, это в данном случае тогда урядник (а сейчас сержант). Давай, дескать, вот будешь командиром взвода. Вот столько-то тебе дней на подготовку, потом — против Семенова на Даурский фронт.

Но что же? Давай. Отвели казармы нам. Давай учиться. Надо научить-то чё: в первую очередь, рубить, топтать, стрелять, колоть. А так-то я с таким-то... Он в первом бою... И больше чаевать не будет. Ну вот, давай их усиленно... Надо узнать, кто всё же смелый (это уж по секрету), надо узнать, кто сильный на все эти фокусы. Но, утром рано <...> позанимамся. Поели — опять на занятия. И потом приказ: собирайтесь, поехали. Мы все на лошадях, кто чем вооружен: дробовики, берданы, трёхлинейки редко у кого, но у нас-то сохранились. Когда на Урульге, тогда уезжал Лазо, все наши командиры сказали, что «держите оружие до следующей войны». Мы это взяли, сохранили: винтовки, шашки, гранаты, пистолеты у кого. И когда туда приехали, сразу — на Андрияновку, в Первый Аргунский красногвардейский полк, в третьей сотне в первый взвод.

И вот началось первое крещение ребят. Я смотрю: как только застреляют, который уж струсит, так у него сразу на лице-то не то... Которы бодро держатся — но, значит, надо их поддерживать. Я в тот раз в учебной команде: там заставляли бить машины на коне, рубить с обеих рук, колоть. Но кое-где примером показывал. Жутко. Вот, допустим, сошлись с семеновцем. Мы на их, они к нам... Мы если не сдадим, напором — оне в утёк. У нас на добрых конях — вперед, на худых, хотя и добрый боец, — он остается. У них получатся... На худых конях тоже остаются, на добрых конях — вперед. Вот тут и начинаются сеча. <...>

От Андрияновской туды до китайской границы боле трехсот километров шли с боями.

«Почему я не стал навидеть эту власть»

107. Ну вот, я о себе расскажу, почему я не стал навидеть эту власть. Почему? Я не читал, не слушал агитации, никого...

Мне было лет семнадцать. А отец, значит, у кулака занимал хлеб — не хватало хлеба, он занял. А тот дает. Дает: а потом вот ты отработашь. Ну ладно, он взял два мешка ярицы у него. А мы только жали. А лето урожайное было. У нас десятина казенной пшеницы была. Пшеница вот такая была, двести пятьдесят пудов с поля. Но, мы только успели сжали — и утром приезжает этот сам Назар-от, кулак-то:

— Так вот, Осип, паря, ты у меня брал, так сказать, ярицу. Мне надо, ты давай робят, парня да девку. — У меня сестренка была, два года моложе меня. — Давай их. — Ну, а тятка:

— Давай, поезжайте.

Ну, поезжайте — поезжайте... Я говорю:

— Тятка, у нас пшеница-то может пропасть ведь. Дождь будет — вот тебе мы и останемся без хлеба.

— Ну, не дай Бог, не будет дождя.

Ну ладно. Вот мы, значит, пришли к ему (а пять километров пешком надо было идти к нему в Голубиху, падь Голубиху), мы туда с сестренкой пришли, да не одни мы — там человек пятнадцать было этих поденщиков. Но, пришли — пришли... А оне уже отзавтракали.

— Вот, ребята, опоздали. Но к обеду — пообедаем, вот скоро обед будет. — Только пришли, еще солнце только взошло, а скоро обед будет! Это кулак-то! Ну, мы давай вязать, вязать, провязали до обеда. А он нас угощат, значит: лапшу самодельскую (знашь лапшу-то? — нарезать, значит, а потом сальца кусочек туда). И вот вся еда, хлеб там. Некогда разбираться. Ну там пожрали? Пожрали. Вот, значит, опять снопы вяжем — таскаем, вяжем — таскаем. Солнце уже сяло, а пять километров идти надо. Теперь:

— Но, ребяташки, скоро, скоро ужинать будем, Матрена вас накормит.

Приходим к Матрене (а пять километров шли), стукнули в ворота, а там кобель вот такой на цепи. Мы стучали, стучали, а она чихала на нас. Ну, айда домой. Пришли домой, я говорю:

— Мама, простокиши давай. — Она:

— А чё такое?

— Давай, давай простокиши.

Она притащила нам кринку простокиши. Словом, намолотились. Так. А надо еще два дня работать. За эти два мешка еще два дня работать. Отец пришел:

— Чё вы, ребята, сердиты? — А мы:

— Отощали.

— Чё же, вас не кормили? — Я говорю:

— Потом расскажу. — А мать-то:

— Ну почё же вас не кормили?

А я ей рассказал, как было дело. Вот как вам рассказал, и ей рассказал. А он слушает, отец-то:

— Ну что же, робята, придется завтра...

— Не пойду, не пойду!

— Как не пойдешь?

— Пшеница своя пропадат, а мы голодом будем работать. Не пойду.

Ну а мать-то сидела-сидела:

— Ну дак чё же, Тимофеич, прав парень-то, — говорит, — пшеница-то наша может пропасть.

Он сразу замолчал. Вот назавтра мы сели на свое поле.

Вот у меня с этих пор на этих на богатых... Я их ненавижу. С этих пор у меня комок... Как увижу, где идет — готов убежать в сторону куда-нибудь. Трясет всего. Сволочи какие же! А тут начинает вырабатываться зло, понимаешь, на богатых.

А потом, когда уже война-то началась: ведь с одной стороны взять — богатые, кулачье, а бедняки вот брать — опять тут все. Тут уже начинаешь понимать: вот видишь чё, оказывается, наш-то брат вот где, а там вся сволота, как мы называли тогда.

Прежде чем в партизаны идти, я же еще сидел в тюрьме в восемнадцатом году.

[— За что? — *Соб.*]

Как за что? А вот за что. Значит, советскую власть установили, а в селах, в некоторых селах, — атамана долой, а выбирали, значит, бедноту. Ну, в общем, своих выбирали. А у нас, значит, так: село-то оно не большевистское (потом стало большевистское), у нас таких немного было, а оне [богатые. — *Ред.*] власть держали в селе, в поселке (не село, а поселок звали). И у нас был атаманом Еремеев Никита. Кулак. Ну, в общем, власть сменили. Собрали — председателя ревкома (тогда ревком назывался ведь):

— Так кого?

— Так Никиту, — кулаки. Ну, Никиту.

— Кто за Никиту? — За Никиту. И беднота — за Никиту. Опять остался.

Теперь, Ломовская станица пошла на фронт мимо нас. А у нас, значит, и в ус не дует атаман.

А был тоже Добрынин Степан Афанасьевич, он работал писарем в отделе, нашего четвертого отдела писарем был. Ну, значит, он — к тому, к другому... Фронтовики тоже взапятки: навоевались там в империалистической войне. Теперь он, значит, — ко мне. Человек шесть собрал вот таких пацанов молодых:

— Ребята, вот так. Давайте сейчас обезоружим кулаков всех. Обезоружим — завтра созовем сходку, — общее собрание «сходка» называлось, — сходку созовем, Никиту — по шее, выберем своего.

Но чё мы? Молодежь!

— Давайте! — Он у нас командует фронтом.

Ну и пошли. Одну винтовку, другую, двенадцать винтовок — мы знали, у кого винтовки, — так все двенадцать и забрали. Патроны, винтовки...

Забрали и разобрали по домам. Назавтра пошли к писарю. А там эти были, десятские.

— Собирай сходку, — Степан им говорит, — всех до одного.

Ну, все пришли казаки. Беднота вся пришла.

— Бедноту всю гони без разговоров, — наказал ему, значит.

Собрались, значит. Ну и пошел... Он выступат, говорить умеет. И давай:

— Что мы делаем? Вон Ломовская станица пошла против Семенова, а мы что делаем? Что атаман у нас делает?

Хвать его без разговорю сняли. Кого избрать? Избрали — тоже Добрынин был, Андрей. Бедняк. Того избрали. И пожалуйста: тут же объявили и тут же — список добровольцев в Красну гвардию, пошло.

А потом, когда советска-то власть пала, в том же восемнадцатом году в сентябре месяце это было... Вот, значит, я чё-то приехал с поля, отец говорит:

— Паря, — говорит, — это... приказ атамана...

— А где?

— Вот.

Вот я читаю: дескать, предлагаю всем, так сказать, сидеть на местах, не паниковать, работать и так далее, и так далее. Никого никто не заденет, значит, — ну, в общем, убаюкивают. Забыл я фамилию, кто подписал, забыл...

Ну ладно. Потом чё-то прошло немного — к атаману вызывают (там уже председателя нашего — готово), к атаману, значит. Не Никитка, а другой атаман, но тоже из кулаков же.

Ну, приходим туда, смотрю: сидят военные, два человека. Смотрю: моя братва вся тут сидит. Ну ладно. Они нас опросили, всё:

— Арестовать! — Военно-следственная комиссия приехала в село. Ну, эту нашу всю группу... Потом еще из красногвардейцев кое-кто попал, ну, в общем, нас одиннадцать человек набрали. Арестовали и поперли. Вот где музей-то есть, вот тут была станица, а внизу каталажка была. Так в этой каталажке мы сидели, пока Шилка не замерзла. В ноябре месяце замерзла Шилка, потом нас перегнали в «стольпинский вагон» и — в нерчинскую тюрьму. Уперли. Но, там держали, держали, многих там расстреляли, наших расстреливали. Но а нас, нашу группу, не задели.

Потом, значит, получилось так. В город Нерчинск зашла дивизия. Генерал... фамилия у него... помнил, да забыл. Ну, в общем, генерал, старый генерал. А у них с Семеновым были распри. Этот старый генерал, он его не любил. Он был это... либерал, такой либеральный. Теперь, он что? Раз он занял город, теперь он самый старший начальник, тут никаких больше нет. Комиссию, значит, следственную — и в тюрьму.

А у нас тюрьма, значит, была рассчитана на пятьсот человек нормально. А тут сидело полторы тыщи. В общем, на одно место — три.

И вот меня — как раз я моложе всех почти из этих был, из наших, — меня вызывают первого. Я прихожу, значит, в эту проходную, где там контора тюрьмы. Зашел, смотрю: офицер сидит, три звездочки, молодой. Кругом взглянул,

значит, — баба сидит, в муфточке вот так руки держит. Ладно. Вот он, значит, меня допрашивать начинает. Я-то стою, а он говорит:

— Садись, казак, садись.

Думаю, что такое? Раз уж он ластит, так, значит, конец. Это он сейчас так разговаривает, а потом... Но потом дошел до того, что:

— Женатый?

А я действительно женатый. У меня дочь родилась уже дома. Это дело было в апреле девятнадцатого года.

— Дочь родилась, — я ему говорю, — я ее еще не видел.

А она сидит говорит ему:

— Коля, какое счастье, — говорит, — приедет домой — тут Пасха, тут дочь.

Я посмотрел: она смеется. Ну, у меня: надо мной издеваются, перед смертью, так сказать, издеваются. Конец, все равно конец. Раз он такой хороший и ласковый — ну, понятно. Но ладно.

— Ты за что сидишь?

— Так не знаю, за что. Посадили, да вот и все.

А он вертит, вертит, вертит... А там, значит, каким-то образом — приговор, наш приговор сельский (как к ним атаман пропустил?), приговор и подпись казаков, что «ни за что сидят». Так, ну ладно.

— Вот что, — говорит, — казак, знаешь, что идет война? — Я говорю:

— Слыхал.

— Так вот, добровольцем пойдешь? — Я говорю:

— Нет.

— Почему?

— Во-первых, — я говорю, — у меня семья, дочь я еще не видел, жену не видел, никого не видел, так сказать. Сижу вот уж сколько. Надо ж их посмотреть. А потом, через несколько месяцев, меня возьмут — я казак, я пойду. Меня возьмут — я пойду.

— Ладно. молодец, молодец... Поезжай с Богом домой. Возьмут в армию — служи. Честно служи!

— Конечно, — я говорю.

— Но, всё, уходи.

Начали — кучами, по два, по три, все выходят, со всеми так обращается. Потом назавтра, значит, вызывают. Приходят, открыли камеру:

— Такой-то, такой-то, такой-то, выходи с вещами!

Ну, мы не верим, все равно не верим. Тут же расстреливают... А вот когда дивизия-то пришла, расстрелы-то прекратились. Вот этот либерал-то генерал... Расстрелы прекратились. А то расстреливали каждую ночь. Ну, мы думаем, черт его знает, может, и расстреляют. А днем вызвали-то. А то ночью вызывали, в час, в два ночи расстреливали. А тут днем вызывают — значит, ребята, выходит это верно, на свободу. Ну а если там документы какие готовят? Вызывают: такой-то... Раз, вот вам пожалуйста, пишет, значит, читаем: «Находился в заключении с такого-то по такое-то. Освобожден под надзор станичного атамана.

Следует к месту жительства: поселок Мироново Копунской станицы четвертого военного отдела». Всё. Ну, всем выдали документы. <...>

Но и мы пошли домой. Приехали домой. Ну, встретили нас. Что делать теперь? А вот был Петруха Белоносов, сосед мой, недалеко от меня жил, постарше меня был. Что делать? Остаться нам тут сидеть дома? Нас опять — раз и всё. Мы отдохнули — как раз Пасха, мы на Пасху пришли:

— Пойдем в Ишикан на зимовье.

Собрались, взяли ружья и ночью — туда. Взяли братишку, он нас увез, обратно приехал. И там жили. Приедем, никого нет — значит, сидим, как только появились белые какие — мы сразу опять в тайгу. Тут недалеко. Вот таким образом и жили. И вот когда полк-то пришел наш, якимовский, я там и был. Прибежал ко мне Достовалов (он родня еще был мне). Я наказал ему: «Как только появятся красные, прибеги ко мне». Под вечер уж прибегает.

— Ну, — говорит, — я не знаю — кто, но с красным флагом.

— Что ты говоришь?

— Верно.

Всё, я оттуда, значит, бегу. Прибежал к Достовалову (это сынишка прибег, а я к старику пришел):

— Дай коня, я поеду домой. Я коня твоего не возьму, у меня свой там есть.

<...> Я поехал на хребет — застава. У меня бердана. Еду, ничё. Ребята на меня посмотрели, ни один ничё не спросил, не сказал: «Кто такой? Куда?» Я проехал и всё. Ну, приехал, а у меня там полна изба: третья сотня якимовского полка. Потом чё-то разговорились, гляжу: старик сидит, вроде знакомый, у него бородака вот такая клинышком. Я говорю:

— Петро?

— Я Петро. А ты кто?

— Вот здорово! А в Нерчинске-то сидели вместе. <...>

— А ты чё тут дома? — А я ему:

— Я из лесу сейчас спешил. Спроси-ка вон семью, где я.

— Ну дак пойдешь?

— Конечно, пошел уже. Не пойдешь, а пошел уже.

Вот так и попал я к этому Якимову.

Первый Забайкальский полк переходит к Журавлеву

108. Против атамана Семенова в восемнадцатом году под командой Лескова (шелопугинский наш командир) мы тут ходили, повоевали. Тогда техники не было, дисциплины не было. Когда эта война закончилась в августе восемнадцатого года, Сергей Георгиевич Лазо нас всех собрал и объявил:

— Вот, товарищи, наш фронт кончатся, силы наши слабы. Враг наступает на Читу, Семенов. — А мы в Бердеево вот здесь были. — Давайте разъезжаться по домам. Кто желат с нами — пожалуйста, на Дальний Восток будем отсту-

пать. Кто не желат — оставайтесь дома, занимайтесь хозяйством, но оружия не сдавайте из рук. Война вся впереди.

Ну, а ведь как оружие не сдашь? Стало быть, мы домой вернулись. Ну, а вернулись мы в сентябре месяце, в первых числах. Сдали. Семенов владел тут, атаманы были. Поселковый атаман пришел, сказал:

— Оружие сдайте.

А уже двадцать третьего сентября собрали нас, увезли в Читу, зачислили в Первый Забайкальский полк. В Чите простояли с сентября месяца до марта девятнадцатого года. Нас там зиму учили, подготавливали, а потом погрузили на железную дорогу и до станции Борзя увезли поездом. Пошли на Нерчинский Завод сухопутом. И вот тут встретились в первых боях около Нерчинского Завода с Журавлевым. Он был уже в партизанах. И вот тут у нас бои пошли. Повоевали, мы их подхватили, наш Забайкальский полк. Вооружил нас Семенов здорово, оружие хорошее было: две орудия, пулеметы. Мы их угнали по Аргуни сюда вниз, чуть не до самой стрелки в село Урюпино. Оттуда вернулись, а нам всё начальство, офицера-то, и говорят:

— Теперь мы большевиков всех кончили.

А они кругом обходят лесами да сзади нас, опять прячутся. Пришли в село — до Нер-Завода двенадцать километров — Березна, деревушечка маленькая — вот мы там расположились. Отдохнем две недельки, получим новое обмундирование и пойдем к Колчаку на запад, добьем и всё — большевиков не будет.

И вот тут пошла между нами агитация, люди-то были грамотны в наших частях. И вот начали тайны собрания делать. Летом, дело было в июле месяце, уйдут в Березну человека три-четыре, начнут там: «Надо чё-то делать. Мы с кем воюем? Брат с братом, отец с сыном. Давайте, — говорят, — переворот делать». А как переворот делать? Это не так просто — офицеров перебить. Ну и вот, это дело начали. Помаленьки, помаленьки стали надежным казакам внушать, куды мы пойдем. Большевики-то, которых мы гнали, они все сзади нас, группками разбились, они все тут.

Ну, теперича, назначили на двадцать девятое июля переворот. У нас тут был Вальдемаров в Шелопугино, брат один был офицер, белый, а второй — большевик. Письменов Николай Николаич, Кириллов, ветеринарный фельдшер Степан Андреич. Вот они этим делом и заворачивали, грамотны. <...> Ну и вот, подбили: «Ну как мы переворот сделаем, как мы потерпим? Ведь нас кругом Журавлев (ведь связь-то сделали) оцепил в ночь. В случае чего они нам подмогут». Ну и согласились.

И вот мы лично с Сергеем Вальдемаровым били офицеров. Они у нас спали на передамбаре. Амбар пятистенный, их было пять человек. И вот, стало быть, разбили: пулеметной команде дали батарею, она в школе находилась, той — то-то сделать, этой — то-то... Ну вот, всех разбили, все разошлись. И вот пришли — они спят, офицеры-то. И мы их прямо в упор, перестреляли и всё. Теперича, которых перестреляли, а тех, что были в отряде у атамана Семенова, поарестовали, столкали в баню их всех.

У нас вот был Андрей Чугуевский, офицер, в белых был. И он остался живой. Едет на коне-то, ничё не знат. Его увидели:

— Ой-ё-ё... Чугуевский едет, надо убить.

А вот Яков Степанович Кутузов, артистоватый, грамотный парень-то был:

— Стойте, — говорит, — этот наш, не надо его убивать. — Он:

— Станичники, в чем дело? — А они ему сразу добавляют:

— Мы теперь не станичники, а товарищи. Мы, — говорят, — переворот сделали, офицеров перебили. — А он:

— И я, — гыт, — с вами, товарищи. — Когда его взяли с собой, он говорит:

— Ну, теперь, товарищи, я ни шагу... Раз вы туды, и я с вами.

Ну, сразу тут тако собрание: надо сделать вожатого, а то как бараны без пастуха. Открыли собрание тут:

— Ну, кого надо?

— Да вот, Чугуевского.

— Да что вы, — говорит, — товарищи...

А ведь он офицер. Я рядовой, никакого понятия... А ведь надо же командовать полком. Он ведь как-никак офицер, маленько же в курсе, тем более он на Кавказе еще был.

— Раз ты с нами, и мы, — гыт, — с тобой. Тебе доверяем и всё.

Он тогда снял с себя кепочку, на стремяна поднялся на лошади, поблагодарил нас за доверие:

— Товарищи, раз вы, — говорит, — оказываете мне такое большое доверие, то разрешите мне, я скажу несколько слов. Вот теперь нам надо выделить хороших казаков, отправить на связь к Павлу Николаевичу Журавлеву.

А Журавлев за двадцать пять километров в селе стоял. У него там группка была, они по тайге разошлись. И штаб-то вот там стоял. <...> И вот мне выпала доля. Конь хороший у меня. Ну вот, от нашего взвода — нас четверых. Он написал пакет, запечатали, вручат:

— Вот езжайте, лично Журавлеву передавайте.

Не доезжам мы до этой деревни, где они стояли, — у поскотины стоит пост, четыре человека. Ну, мы не доехали метров двести, спешились, оружие сложили с себя, чтобы те знали, что нет ничё у нас. Идем, к нам двое идут:

— Стойте. Пропуск.

— Товарищи, мы никакого пропуска не знам: не ваши, не наши. Мы идем вот с таким-то делом.

— Не может быть. Вы, — говорит, — нас всю Аргунь прогнали, не давали чаю сварить, а теперь вы, гыт, перешли! Это, гыт, подделка. Вы, гыт, нас подкальваете.

— Но вы стоите ведь на посту, мы подходим, вы не знаете наше-то мнение.

Форма на нас семеновская, а погончики-то мы уж оборвали, не было их. Ну, теперь чё же? Я говорю:

— Желаете, мы, — говорю, — голова — за голову. Я вот пойду к Журавлеву лично с пакетом, а товарища здесь оставлю, в заклад. Если в случае чё получится, отрубайте нам голову на месте. Ежели желаете, мы дадим сейчас сигнал

там, туды. Они привезут наше оружие, всё отдадим. Разденете до натальной рубашки, что у нас больше ничего нет.

Оне тогда обверились:

— Ну ладно, давайте знак, чтоб они сюда подъехали, коней ваших подвели.

Они подъехали, нас стало четверо, мы им оружие всё сложили.

— Натe, владейте. — И гранаты, и всё у нас было.

— Ну, теперича, поедemте в штаб к Журавлеву.

Мы сяди, и вот их двое. Ну, поехали. А как раз штаб в школе был. Слезли с коней. Заходим сразу, он стоит на крылечке. Я спрашиваю:

— Можно спросить, кто тут Павел Николаевич Журавлев?

— А что? — Голосок у него нежный такой был, как у женщины. Я вытаскиваю пакет, подаю. Он взглянул на него, сразу же:

— От Первого Забайкальского полка! Да не может быть, — говорит, — этого не может быть. — И за голову схватился. И адъютант его стоит:

— Что такое? — Я:

— Вот так и так. Разрешите, я скажу. Ежели вы не убеждаетесь, не верите этому документу, дайте нам одного человека, а мы трое в заклад остаемся. Пусть он поедет и убедится, на Песчаном хребте что мы сделали.

А мы отрядных-то переарестовали, которы достойны. Их вывели, перестреляли тут, перерубили, костром... А части отошли полкилометра и расположились — летом же, лошади...

Журавлев взял прочитал это: ну вот такое дело. С адъютантом переговорил.

— Остальны где?

— Вот там-то.

Сразу послали туда. Оттуда бегут, несут наше оружие. И отвели нам одну сторону деревни на постой. Ну, куды же? Туда сразу дали сигнал, наш полк пришел.

Дак он потом шагу от нас не отставал, Журавлев. Куды бы наш полк не тронулся, он...

Ну, дак уж мы-то навоевалися. <...>

Зюльзинский бой

109. Это дело было, значить, в девятнадцатом году на Рожество. Двадцать пятого по-старому, значить, — Рожество. Они стояли, белые, семеновы отряды, средоточились: две орудия, много пулеметов у их. А вот мы в Крупянке-то и стояли. А Крупянка от Зюльзи-то — двадцать километров на другой стороне. Оттуда когда оне прибыли, вся их свита, в одном богатом дому у кулака стали вечеровать в Зюльзе. А утром подъем к утрешней, ну, в церкву, значить.

У их, у этого хозяина, были кони. Работник был бедный, пролетария, и думал, как бы... А он узнал, что красные пришли в Крупянку. Повел поить этого бегунца и пустил его нарком. А он был, бегунец-то, взятый из Крупянки. Бегунец-то туда бросился. Он добежат до конца улицы, а там семеновский пост, его не пропустили.

— А, видели мы, — говорят, — он перескочил через городьбу. — Значить, раньше огораживали хлеб.

Он вернулся обратно, приходит и долаживает хозяину, что вот так и так:

— Там красные, могут его поймать, этого бегунца. Вы разрешите мне пройти, чтоб пост меня пропустил.

<...> Но, офицерá пьяны. Написали гумажку, пропуск, чтоб пропустили его туда. Он берет здесь опять следующего коня, седлат и едет туда. Доезжат до поста, подает эту гумажку. Они посмотрели (но, были часть буряты, на посту стояли буряты), один, грамотный, прочитал, ему и говорит:

— Дак он тепериче в деревне будет?

А он им соврал:

— Нет, — говорит, — тут заимка есть. Он на заимке. — Они его пропустили.

И вот он когда прибежал туды, значить, и сразу:

— Кто командир у вас? — Пост его задержал. — К командиру ведите меня, я расскажу вам всё.

В это время, значить, к командиру привели, Баранникову. Баранников стал расспрашивать. Он и говорит:

— Сейчас они все гуляют. Две орудия у их, столько-то пулеметов. Войско тута у их всё. И вот по лугам и по хребтам посты расставленные.

А снег глубокий в тот раз был. Нас собрали, значить. Я как раз был взводным командиром. Собирает ординарец сразу всех нас, и вот он нам рассказывает: «Теперь нам надо вожа́ков». Вожа́ков собрали. <...> Задача такая была: как токо первый колокол ударит, в это время открыть бой. У нас уж кое-чего запаслось. И вожа́ки стали туды водить, сюды водить. Тут уж нас собралось около там... с тысточку. Когда мы туды шли, стали пристегнуться к нам.

И вот когда в колокол в первый ударили, ну, колокол к заутрене, в это время, значить, Анциферов и Гантимуров шли с такими... У нас были трещалки, вроде пулеметов. И вот они дошли, этот пост срезали, который там стоял далеко от деревни, значить, забрали. И оне открыли огонь, и мы открыли огонь.

Но мы два с половиной часа бились, по пояс в снегу ходили. Но всё ж таки отбили. Убежали. В погоню за имя́. А тут наши стали собирать пленных, очень много взяли. Орудия взяли, пулеметы взяли — в общем, снаряжение большое, весь обоз, всё взяли у их. Оне — только спастися... Ну, и убитых, раненых много с нашей стороны пострадало. <...>

Как партизаны отбили село у семеновцев («поели блинов»)

110. [— Что отец вам рассказывал о гражданской войне? — *Соб.*]

Ну вот однажды такую он рассказывал, значит, быть. <...> Вот, говорит, заняли мы высоту. Эта высота была занята, значит... Какого она района, Газ-Заводского?.. Но там село Заплоты называлось. Это километров двести.

И когда, значит, для смеху по цепи переговаривать стали (они в цепи когда лежали)... А в селе была банда Семенова, отряд или сколь ли там было?.. Когда по цепи передалось (на Масленку дело было):

— Слышите, — говорят, — сковородки брякают? Наши русские женщины Семенову блины пекут, а мы, гыт, счас их будем кушать, эти блины. Коноводам — подвести коней.

Когда коней подвели, они, значит, — в стремена и, значит: «Ура!» И в это село. И вот, говорит, по нам пулеметы строчат, по нам всё — а ни одного не убивают. Они уже в панике. К какому пулемету ни подскочим — он самоубиец: или сам себя застрелит, или зарежет.

Ну и правильно: в какой дом ни заскочим — везде, гыт, блины напекёны. И командир ихней сотни (сейчас не помню, кто командиром был, это уже давно было):

— Ну как, хлопцы? Блины, точно...

Они покушали блины, а Семенов убежал с отрядом со своим. Там, может, сотня, две было. Партизан они боялись.

Джигитовкой спаслись

111. Вот отец рассказывал еще такой эпизод. Поехали они в разведку с одним товарищем. И вот выехали они по полю (гречушечно поле, греча посеяна), а японец, значит, с пулеметом замаскировался.

[— Это здесь? — *Соб.*]

Ну да, в Забайкалье, здесь, по Даурии туда ходили. Он открыл пулеметный огонь по ним, по этим всадникам, по отцу моему и по товарищу.

А их учили джигитовке. Джигитовка называлось. Стремя, соединенное у лошади под животом ремнем. Он, значит, когда стрелять начал, они упали с коней: голова тащится по земле. Конь идет галопом. А за счет чего они держались в седле? Одна нога — через коня, он этим местом заламывает, стремя не расходится — вот за счет этого... Он перестал стрелять по ним. Перестал, дескать, вот-вот упадут они из седел. Они, когда за укрытие заскочили, за сопочку — выпрямились, и нету их. Вот этим спаслись.

Так он [японец. — *Ред.*], говорит, потом ожесточенно стал стрелять — гречуху, как сенокосилкой, косил из пулемета. Ожесточенно уже стрелял. Он даже перенес его на другое место, на другую возвышенность. <...> Она же хрупка, гречуха, он ее — пулями. Водит стволом. А если бы оне... Давно бы уже...

Как командира вытащили из-под огня

112. Вот таких моментов много было.

Вот тут Кавыкучи есть деревня, за Трубачёво...<...> Один раз летом тоже бой был. У нас командир был сотни. И вот в рукопашную сходились, оне с той

стороны, а мы с этой. У нас этого командира убили. И вот его никак нельзя было вытащить — ну, гибель же. А лес там с этой стороны, с северной. Его бросили. Ну, а что? Командир, и хотя бы и боец, — все равно как-то надо доставать. <...> Вот нас:

— Кто, ребята, командира вытащит?

У нас ишо один нашелся, такой же молодой был парень, Пискунов. Мы с ним пошли. Ну, плавно идти-то надо. Он там неподалеку за этой гривкой и лежал. Пришлось вытащить командира из-под огня. Рюмкин, командир сотни, Митрий был.

Да, происшествия были...

О Журавлеве

113. Я на хребте когда был... Нас из Богдаты выбили в хребет, в тайгу. Мы как раз в прикрытии были раненых, наша сотня. И он с женой подъехал. Хлеба нет, сухари были наматы в сумках. Мы сидим, их в кружку... Он тажно соскочил с коня:

— Ну и чё, — говорит, — товарищи? Всё, говорит, переживем, всё будет. Терпите, всё будет.

А сам ягоду хватат. Мы:

— Павел Николаевич, чай пить.

— А вы, — гыт, — сами-то ково? — Но всё равно кружечку выпил чаю.

А потом второй случай такой был. Когда отступали мы туды, вниз по Урову, тайгой, вышли — деревушка. Маленька деревушечка. Дак женщины что были?.. Заведут квашоночку вот таку муки, заведут таку колобушечку, она только съяхнется там мало дело — ее уж вытаскивают да таскают, делят. Мы тажно в улице наклали костры. Лето же было. Да на шампурах тоже поджарим. Оно тесто, форменно тесто. Он едет:

— Чё, шашлык жарите?

— Павел Николаевич, чай пить... С шашлыком!

— Всё, — говорит, — товарищи, пройдет, всё переживем, всё будет у нас.

Сам едет тихонечко, любитесь...

О партизанском командире Якимове

114. Сначала командиром сотни он был, а потом уже командиром полка. Тоже в этом полку я с ём долго был. <...>

Он же это... Ну, как их называют? Метис, или чё ли? Здоровущий мужик, ужасное дело — здоровый. Молодец. Он в бой пошел — с ём веселó идти-то. <...>

Но, брат, дисциплину крепил — ну-у... А так он, конечно, не обижал. Если он сказал — делай. Вот насчет этого он молодец был. Он военну тактику знал.

Он же у Семенова ишо... При старой армии ишо служили они. Он там трубочом вроде был.

[— А он откуда? — *Соб.*]

Он с Курунзулаю, Борзинского, однако, района.

Якимов Макар Михайлович. Любил он, вот когда в деревню придут, ну, время свободно, ниоткуль не наступают, ничё, посты выставят. Вот он ребят песельников, плясунов собирает:

— Давайте, давайте, повеселиться надо, не всё же унывать.

Вот песельников садит, сам — за стол и вот начинат... <...> Начинают песни петь — подхватывает.

Вот он показывал, как с пикой заниматься (мы-то молоды, не проходили в то время, не служили службу в царское время). У его конь был гнедой. Он сядет на его, по улице... Пики-то мы завоевали у полка у одного. Ну, пика, клинок — при полной боевой... Он с этой пикой как работает — ну, что ты! Если ты хорошо с ей не можешь обращаться, правила не знаешь — он тебе сколько переколет! Беги к ему, лезь — только что застрелить можно. Вот такая здоровина.

У его здесь свойственница живет, Якимова же.

Я потом его в Нер-городе видел, это уже он в школе был. Это уже в двадцать седьмом году, однако, он приезжал — у его тут полк стоял, часть стояла. <...> Ну, тогда уж он вовсе... Сапоги такие, голенишша широки, китель, голифишки...

Якимов воевал, — надо сказать, не щадил тоже сам себя. Он опытный был. Если уж он повел — ну, вроде, надежно.

115. Рубить — ведь это надо не дрова, не палку отрубить. А казак, он как рубанет — дак вот так, напололам. Вон Макар Якимов как рубил — ой-ё-ёй! Вот рубил — дак рубил!

В том же Дацанском-то бою... Ну, пленных забрали, офицеров забрали, в трибунал отправили. А потом вытаскивают: из-под сена вытащат, отовсюду вытащат. И набрали их там человек, может, девять еще. Ну что? Куда их? Тех отправили, а эти, подлецы, не сдались. Им же кричали, что сдавайтесь, выходите. Ну, давай их рубить. Он как начал их рубить, дак летит голова, как картошка все равно, отлетат. Вот рубака — дак рубака был!

Ну, уж это старик был, казак.

116. Мы захватили Цугол-Дацан. Там была, значит, карательная бригада генерала Резухина. Там были китайцы, харчены, буряты, монголы — но, в общем, банда, вся банда, татары <...> И разбили. Разбили, а потом, значит, в трубу и всяко — крик, чтоб сдавались:

— Но, выходи, кто есть! Сдавайся, выходи! Иначе потом поздно будет.

Ну, вылезат отсюда, кто вытащит кого, кто вылезит. Ну, всё, значит, этих заняли, отправили пленных. Там офицер-не офицер, рядовой — всех отправили. А теперь пойдут по сено — вот вытащили офицера. Вот и человек двенадцать навывтаскивали их, офицеры. Но куда теперь их? Всё. Тут же и трибунал,

тут опросили — раз, раз... Решили трибунал: расстрелять! Ну, а расстрелять чё там? Патроны портить. Вот он, значит... Там казаки были, тоже хорошо рубили. Но плоховато, ему не понравилось. А ему не понравилось — он сам. Взял клинок сам [Якимов. — *Ред.*], как даст — аж голова летит и бормочет.

Но он казаком еще в первую империалистическую войну был. Потом физически здоровый и подготовленный хорошо, с обеих рук рубил. Каратаев тоже рубил, но не так. Также хорошо, но не так. <...>

О Погодаеве

117. С Горбицы мы пришли в село Кактолга (она и счас существует) и тогда связь поймали с Журавлевым. И вот в то время он назначил Погодаева оттуда приказом.

А с нами с Аксеньевки в Горбицу вышло сто шестьдесят человек китайцев. Имя командовал Бойков. И когда тоже перешли на ту сторону, они в другую деревню их завели, китайцев <...>

А Погодаев у нас работал, понимаете, коногоном был и так далее, и так далее. Мы его не знали. Он как партийный был в то время. А потом, значить, приказ пришел, что наименовали наш полк Седьмой (там шесть было, наш полк седьмой) и на полк рекомендуют Погодаева. Но и как раз собрались все взводные командира, и эскадроны все собрались, значить, заседание было.

[— Это уже после Зюльзинского боя? — *Соб.*]

После Зюльзинского, это уже мы там закончили, сюды вышли. Тогда уж Погодаев у нас начал работать.

На этом заседании получился спор. Надо было Бойкова на пост, а Журавлев его не поставил. А рекомендовал Погодаева. У них получился разнобой. Тут всё ж таки фронтовиков много. Но настояли: раз верить Журавлеву, что он написал, какой приказ — мы подчиняемся. Погодаев, конечно, вышел:

— Я тот самый и есть Погодаев. — Но рассказал сам, как работал с Журавлевым, всё. — Я послан сюда по секрету к вам, я учел все это дело. А Бойкова я, — говорит, — не знаю.

Бойков был, значить, от Могочи в стороне. Он его не знал, Бойкова, связи не было.

— Будет ходатайствовать Бойков перед Журавлевым — будет у его отряд другой, потому у их китайцы. — Он по-китайски говорил как переводчик <...> Русский, но он — по-китайски (у нас сейчас в Усть-Каре есть один такой же русский).

Так вот оне тут... Разговоры крупные были. И перед утром как раз мне пришлось со своим взводом выехать в Горбицу, заслон сделать. А Погодаев должен выйти оттуда в Куларки, в Усть-Кару и так далее, и потом мы пойдем опеть на Сретенск.

И вот когда, значить, утром Погодаеву подали лошадь (ординарец Вьюшков был, покойный), в это время, понимаешь, Бойков выхватил маузер и хотел

убить Погодаева. Погодаев не оробел, понимаешь, маузер был — и взял его убил, этого Бойкова.

118. Я ж его хорошо знаю, раз в одной деревне... Я, правда, моложе был, он постарше на несколько... может, годов на восемь.

Он же в восемнадцатом году был с большевиками, воевал против белой армии, а потом, когда фронт временно распустили... Командование высшее сказало, что распустить, а самим уходить в подполье, скрываться где-нибудь до времени. Ну и вот, Погодаев в том числе, Федот Абакумович, скрывался. Он по деревням-то ездил и в Нер-городе-то жил, и в Сретенске — у его там друзей много было. Скитался до определенного времени.

А потом, когда война-то разошлась в девятнадцатом году, пошли в партизаны, он до июля месяца еще ходил у их в армии. Он попал к имя́ в армию. В чине офицера. На самом-то деле он был там разведчик, организатор, понимаешь.

Вот в Газ-Завод они пришли, эти два полка белой армии, и он с имя́. И в Тайну́, понимаешь, приходит. В погонах. А народ у нас — партизан много было, всё большевистское село:

— Вот они большевики-то... Смотрите, уже в погонах. Перевернулись. А остальные-то, что с них? Мигом. Вон они чё делают, организаторы-то. У Семенова уж ходят.

И вот он там нашел ребят таких, подговорил — в пулеметной команде в одном полку, в сотнях были у его ребята уже подготовлены. Дело было за началом.

А мы приехали с Аргуни, нас отправили для связи с Журавлевым. Тогда нас в Зерентуе разбили, и Журавлев ушел назад на Газ-Завод с группой, а мы — вниз по Аргуни. Так для того, чтобы связь поймать, мы приехали сюда на Газ-Завод-то, до Тайны, а Журавлев-то уже по Газимуру ушел. Мы тут шесть дней проболтались. Разведывали да... И вот узнали, что Погодаев-то тут с имя́ — офицером. Ну мы хорошо знаем (тут старши ребята были у нас): он же разведчиком у них. У его еще два брата дома были, Андрей да Петруха. Тажно мы когда связь-то с ими поимели, они:

— Мы закажем вам...

Тихонько ему сообщили. Он приезжает вечером в Тайну́, вызвал нас, мы приехали с лесу (там в деревне-то нельзя было, мы в лесу скитались эти дни-то), и говорит:

— У меня в этих полках люди подбитые, надежные. Только наше дело — начать. Сегодня, гыт, не будем это дело провертывать, а вот завтра... Я вам документы напишу, трое в Газ-Завод являйтесь. Коней здесь оставите с остальными. — Нас всего шесть человек было.

Вот у нас постарше ребята пошли в Газ-Завод, он имя́ документ написал, там указано, что гражданин такой-то, по делам по таким-то.

— Явитесь на квартиру вот туда-то. — Знакомые были его, Пешковы.

Явились туда, он с ими встретился, и утром (еще спали офицеры, не пробудились) он их повел везде, чтобы они осмотрели всё: где, как, с чего начинать эту операцию. И вот всё, паря, просмотрели проходили.

— Теперь можете удаляться.

Ну, они будто свои дела тут сделали и с этим удостоверением обратно в Тайну. Он остался там.

— Вечером, — говорит, — я приеду.

К вечеру заявился. И нас таким образом получилось одиннадцать человек: нас шестеро, он самый, брат его Андрей восьмой подпарился, тут ишо трое — Витский Иван Степанович, второй Елифанцев Иван Иванович и третий Парыгин был, Иван.

И вот, понимаешь, надо выступать утром нам. В какое время было назначено начинать-то, все собрались (изба у его вот так же, с коридором), время наблюдают, чтобы туды проехать. Ну сколь? С час туды проехать, какое время условлено начать-то... А у нас, понимаешь, двоих-то не оказалось. Вот как в воду канули. Этот Витский и Елифанцев. Так куда же они делись? Вот подождали, вот подождали...

— Домой, наверно, убежали. — А кони тут.

Домой сбегали — нету. Стало быть, они, мол, сдрейфили? А он, теперь, сидит и говорит:

— А вдруг да они туда ушли? Они теперь весь план у нас знают. — Он же с нами разговаривал, беседовал, как и чё. — Да там сообщили если... Мы-то погинем — чёрт с ним, а тех ребят-то стравим всех, которы в заговоре-то... — Он тоже это соображал.

И вот у нас, парень, ничё и не получилось.

— Эй, пропади... Они уж сами теперь... Там тоже есть ребята, организаторы, все равно перейдут.

Ну, и эти полка два, — время-то долго прошло — они тоже переворот сделали.

Он теперь с нами подпарился. Нам надо в часть свою поехать (мы же из части приехали), мы поехали. Вот в такое время, в сенокос, в июле месяце.

Едем — трое попадают нам, только другой дорогой, семеновцы.

— Ну, ребята, кто охотится за имя? Наверно, дружинники.

Побежали туды — верно, дружинники едут домой на отдых, с винтовкам. Ушумунские. Ну, мы им сказали — они перестрелку не приняли, пошли.

В одну падь приезжам, до деревни не доехали. Остановились ночевать, коней кормить да чё... Кони-то голодны. Дневального поставили. Утром подымамся, хватились: а где у нас ишо человек? Из этих, из пойманных, один убежал. Дневальный-то походил, походил да уснул. Он сообразил и — ходу. Так-то могло получиться: взял бы винтовку и сколько бы тут накрошил бы... Мы говорим:

— Давай мы его сейчас догоним. — По росе, как раз травка была больша, роса. — Мы его догоним и приведем.

— А-а, его к чёрту! Раз не хочет идти с нами — пуцай бегаёт. Нам таких не надо. Он где-нибудь все равно убежит или подведет.

И вот на Урюмкане соединились мы с частью, и его назначили командиром полка.

У нас много людей было с Тайны́, сотня почти целиком. Он нашу сотню с собой просил. Но тут привыкли, командиром-то у нас Якимов был. И с ём не согласились идти. А он уехал с полком до Сретенска и погиб там.

119. Погодаев, он происходит из жителей села Тайна́. А он не казак, это я его произвел в казаки в романе. Бывший фронтовик, он солдат. С самого начала восстания он пошел в партизаны, был адъютантом у Журавлева. Ну вот, а потом, когда сорганизовался Седьмой полк, он стал командиром полка, действовал на Шилке. У меня там в романе описано, как он — да это и в самом деле так — в двадцатом году, уж в феврале месяце, значит, было там так, что договорено, что будет переворот в Сретенске. 32-ой стрелковый полк переходит на нашу сторону, партизан, и с ними, значит, два боевых орудия, батарея. Переворот-то совершили, значит, перешли солдаты на сторону партизан. Из них потом организовали красный пехотный полк, партизанский. Второй пехотный полк революционный.

Ну вот, Сретенск не взяли тогда, вторым налетом должны взять Сретенск. Вот оттуда наступит Третий партизанский полк и Второй, а отсюда, значит, Седьмой и Второй пехотный полк. Так и пошли. Ну вот, значит, отсюда-то наступили, и пехота пошла, а те опоздали, ко времени не подошли. Уже завязался бой, белых-то, значит, вышибли из Сретенска, а на той стороне, там японцы, и белые туда пришли, окопались. Оттуль начали их обстреливать.

И вот Погодаев повел свой полк. Он был командиром полка. Это его ошибка была, конечно. Командира одного из эскадронов ранили, так он сам повел эскадрон. Командиру нельзя самому вести полк, это его ошибка была, его дело — руководить. И повел их в атаку, в лоб, в конном строю. А конь как раз бешеный был... И конь его вынес на тот берег. И там его сразу окружили, и видели, что замелькали шашки. Больше его не видели.

Вот такая с ним история.

120. Станция была занята белыми, а город-то наш. Наши пошли в наступление. Коня-то у Погодаева не было, убили его в одном из последних боев.

А тут идет казак, ведет коня на поводу, и седло и всё на нем. Ну, а Погодаев берет этого коня, а тот ему говорит:

— Куда же, он же дикий еще. — А тот схватил и — вперед.

Так конь-то удила закусил — и вперед. Офицеры, говорят, не хотели стрелять, а какой-то рядовой в него — в упор. А коня белые захватили.

121. Белые офицеры были на той стороне, на станции. А на этой — наши, красные. Зимой было дело, Шилка замерзла. У белых и пушки, и пулеметы на станции стояли для отражения красных. Погодаев думает: «Чё же делать-то?» Собрались они все на конях и стали решать, как выбить белых. Погодаеву говорят:

— Куда побежим? Они наготове, постреляют всех нас, не добежим.

У наших-то конница была. У Погодаева конь — тугоротый: удила-то закусит и бежит, его хоть тяни, хоть перетяни. Вот в простонародье его так и зовут.

Тут на той стороне лошадь заржала (она раньше у красных была), вот конь-то и побежал к ней. Погодаев тянет, а он все равно туда. Принес его к белым офицерам. Погодаев не растерялся, саблей взмахнул и кричит:

— Руки вверх!

Офицеры руки уж подняли, а один солдат не растерялся да убил его.

122. А Погодаев погиб так. Лошадь. Лошадь у него была очень суровая. Она была от контрабандистов. Потом, был тут бродяга Ивченко. Эта лошадь у него была. От этого Ивченки попала она тут к одному гражданину в Усть-Каре. И вот Погодаев, когда заступил на полк, то сразу на эту лошадь внимание обратил. Тогда эту лошадь Погодаеву и отдали. Она такая была: ее тянешь, она не знай сколько километров может бежать (версты раньше были). Она ни «тпру», ни «ну» — ничё не понимала. А отпускашь ей повод, тогда она — тише, тише и остановится. А он не усвоил это. Пошли на Сретенск, там был мост. Шуга по реке шла осенью, торосы намерзли. Это дело было где-то в январе месяце. Лошадь его и понесла. А белые лежали за льдинами. Давай стрелять. Лошадь не убили, а в него угадали. Он как выскочил из улицы-то — его стрелили и угадали. Он тут упал.

А лошадь убежала. Ее там поймали белые. И вот эта же лошадь опять привезла к нашему посту офицера со всеми документами. Он тоже ее не знал, не справился. И эта лошадь впоследствии — я точно не скажу, конечно, по разговорам, как говорят, она погибла уже в последнем бою под Волочаевкой. Рысак был. Рысак.

На ней контрабанду возили, Ивченко отобрал ее у этого контрабандиста. А потом они меж собой перестрелялись, в Лужинках (?). А коней мужики вывели оттуда. И вот новый хозяин его сдал полку.

О гибели Афанасия Пуртова

123. <...> И вот в Мангидае застали их и получилось... По улице бежали (улица узка), начинаю растягаться, и белые тоже. За Мангидай выскочили, и тут пошла рубка. А пар идет, плохо видно. Всё закуржавело, инеем забросилось. Лошади все тоже стали белые от пару. Но тут человек тридцать семь зарубили всё же белых. А у нас таких больших ран не было, раненых.

А Пуртов Афанасий, он тоже, значит, родственник этому, Николаю Ивановичу, он тоже кудеинский парень, с нашего году. Он перешел от белых со сто тридцать человек, из Нерчинска ушел и сюда переправился, здесь, в Уктычах, и — туда к этому Журавлеву, а потом попал к Погодаеву. И здесь, значит, он уж командовал сотней.

И вот как быдто бы бой закончился, а этот Пуртов увлекся — белые бегут, и он тоже. Те убегают от красных, а он думат, что мы со своими догоняем белых. А потом, когда стало светать, он глядит — у них погоны, он повернул да назад... Конь у него был хороший, так он одет тоже в кожаной тужурке, оружие у него

было и даже наган был. Он оттуда вернулся, и к Мангидаю подъезжать — а тут выскочил один из бойцов, по фамилии Елин, куларский. Видит: беляк, дескать, и — к нему. И вот сбежались, давай хлестать один другого. У Пуртова шашка отломилась — так хлестнул, а нанести рану не мог. И оба соскочили с коня и давай возиться. Пуртов выхватил кинжал и тому нанес две раны в спину. Он закричал: «Товарищи!» И никто не сказал из них... Тот думат, — это белый, и этот думат, что это белый. И вот и пошло. И вот брат этого Елина услышал крик, возню эту, прибежал и этого Пуртова шашкой зарубил.

А когда все затихло, оставили только в Мангидае заставу, приехали сюда, в Боты. Штабом остановились — вот где почтовое отделение есть, вот в этом доме. И вот давай ребята рассказывать, кто как рубил, кто как отнесся к этому делу. И разговор дошел до того, что вот этот зарубил одного беляка — конь вороной, одетый был... Оне одёжу сняли с него, всё. А этот Евсюков Петр Михайлович, и Митя Ананьин, и Михаил:

— А чё, где у нас Пуртов? Не его ли сбили?

Но и вот, один другому ничё не сказали, вышли, кони обседланы, сяди на коней и утром поехали туда. Приехали — убитый оказался Пуртов Афоня. Вот. Его же свой же красноармеец, свой партизан забил. Вот так получилось.

«Те русские и другие русские...»

124. Потом однажды зимой. Мы молотим. Братишка, я, тетя пошли молотить. Ёлгински двое до Актагучей... Один-то мой свояк (прошлого году помер), Муратов. Едет туда. Вот корабль-то есть, там белы с Уктычи пришли. Оне бы их перебили, да счастье како... Застава стоит:

— Эй, кто такой?

— Свои! — А ково свои: те русские и другие русские.

— Так кто?

— Свои! — А эти поехали в часть на побывку, большевики-то.

— Какого полка?

— Такого...

Один молодой говорит:

— Надо стрелять, это же большевики.

А постаре говорит:

— Как же будем стрелять? Это же наши, разговор-то наш.

Те стегнули и сюды бегут. Мы на гумне, ну, расстилам посад молотить рукам. Вот только пробежали, глядим: кавалерия летит. Остановились:

— Пробежали тут всадники? — Дядя говорит:

— Пробежали.

— Людно?

— Трое.

— Не знаете, откуль?

Ну ить не будет говорить: откуль...

— Откуль? А кто их знат? Трое. Оборужённые.

— Бояркин, — (какой-то еще Бояркин был), — приедем в часть — двадцать пять розог, потому что молодой сказал, что надо стрелять, а ты не дал.

Повернули, уехали. Туды ж тоже не поедут — не знают, может, думают, разезд, а их всего трое было. Ну, уехали.

Каратели в Тайнэ

125. <...> Мы ушли, в тот же день в Тайнэ-то зашел карательный отряд. В девятнадцатом году. Из Тайнэ вышли наши коммунары, я вот подпарился, ушли. Ну, а они зашли и народ-то собрали. Грабили-то... Золота ишо много было. Там старики, мужики некоторые добровольно прибежали посмотреть, что это за армия у их.

Оне тут у одного купца квартировали, начальство-то, в улице как раз центральной. Ну, а народ-то когда собрался, их начальник вышел, команду подал:

— Построить в две шеренги всех.

Ну, народ думат: чё-нибудь объяснит — и давай строиться. А они чё же? Старики такие, как я сейчас. Есть и молодые. Построились в две шеренги. Теперь команду подал — выйти (у их палачи подготовлены были), вот через два третьего. Стаёт первый, его взяли, разложили, всыпали (команду дают, сколько ему). Через два человека — опеть. Через два — третьего... Обе шеренги отодрали и не распускают. А некоторые — в слезы, кровь тут, и не может штанишки надеть. Потом команду подали:

— Разойдись! — Разбегайся по домам.

И вот некоторые со слезам домой... Несмотря на то, что этот отец пришел — его сын у их же ходит. Вот, сволочи, чё делали! У их же сын ходит — они отца отодрали.

Белые в деревне

126. ...Вот эта война-то вперед этой была, японцы тут бегали, красные, белые. <...> Пять коней было у нас — до одного всех взяли.

Родного дядю моего увели в Макаровой. Его убили, и найти не могли, и нас никого не подпустили. <...> Мы его не схоронили. А другого дядю опять всего избили. Он хоть и живой остался, а все равно умер. Прикладами били.

Прибегут они все, японцы-то эти... Не японцы, а каки-то харчёны были, они же под вид японцев.

[— Монголы? — *Соб.*]

Монголы ли... Ой, страшнушши. Прибегут — хлеб, мука у кого была (своим же трудом...), они всё вытаскают да на землю высыпят. Ревут:

— Держи коня! Держи коня!

Вот держишь этого коня, а они там ворочают всё, ой-ё-ёй. Всё как есть

отобрали. Вот чушка идет — они ее тут же убьют, а набрались, вроде, везти-то некуда. И они уползут, эти чушки, — пропал, черви завелись.

А сметану возьмут, у кого сметана-то есть, коров-то доили. Они подтащат там какую посудину — не ложкой, а так, руками. Поцеда всё бежит у их — ой-ё-ёй... Того и гляди — убьют. Всё собирают, как сапоги и всё...

Тут наш был макаровский, к ему пошли. Он с имя поговорил, нам одного коня отдали.

<...> Пять домов зажгли, пять зародов зажгли, пять амбаров — вот у этих-то, у Павловых, они были у красных, в партизанах были. У их всё зажгли, народ-то хочет кинуться... Коровы-то стоят, вот так городьба была, коровы кричат, а они не дают выпускать. Ой, страшно...

А жён-то чё делали, не дай Бог! У одного-то как-то спаслась, сразу убежала. А у Степана дак всю-всю шашками истыкали. Потом ее тут подобрали, <...> она осталась жива.

Чиронские партизаны

127. ...Партизаны там от Ундина Поселья да где показались. Белые все в ночь собрались на станцию Онон и убежали все. Всё склади... Только остались у них прессовщики, но они просты солдаты были, сено прессовали там у их. Тех кто будет шевелить? Их мобилизовали же — власть какая есть, той и подчинится человек. Куда девашья-то? Ну, их не стали ребята шевелить, простых солдат.

Партизаны прибежали, сначала-то семь человек. А тут как говорили? Оне везде: в картошке, в подполье саблями рубят, ищут, партизаны-то. А я и тогда говорила: «Оне кого же будут искать? Оне в свою деревню прибегут, свои же чиронские ребята. Кого оне будут искать? Кто в картошке будет прятаться? Там загребется?»

Теперь, утром рано было (но тепло уж стало, в марте, наверно), утром я стала окошки открывать (раньше всё ставнями закрывали). Гляжу — один бежит: — Здравствуй!

Гляжу — все наши чиронски ребята, все: «Здравствуйте! Здравствуйте!»

Шавров Иван (он живой сейчас) кричит:

— Здравствуй, сватья! — Его была сестра двоюродна за моим братом замужем, всё он сватей меня звал.

Гляжу, они пробежали туда-сюда. Один Дедюхин был Петр (их забрали, посадили в тридцать седьмом году, они не вернулись). Они прибежали, тут побегали. <...> Они давай этот отряд партизан собирать, сразу сто человек, роту набирали целу. У себя в деревне. Все мужики пошли — пожилы, парни. Все — коней. У кого нет своего хорошего коня, давали эти, кто хорошо жил. Оне давали имя коней хороших. И вот цела сотня. <...>

А он высокий был, который сотником-то поехал, этот Митрий. Он на этой кобылице впереди едет, он всех выше. Ну, мы все смеялись: «Настоящий он

командир, везде его видать». И вот целая сотня — запели, собрались с утра и к вечеру уж все поехали.

[— А чей он, Дмитрий? — *Соб.*]

Дедюхин Дмитрий Александрович.

Ну, теперь все забоялись: сейчас придут и все партизанские семьи — всех выбьют, всех пересадят семеновцы. Но оне больше не вернулись, семеновцы.

Вот эти тапхаевцы налетали, тут набегом оне же. Моментально убежали.

Теперь, Завита деревня есть (сейчас нету). В Первомайску-то едешь, только с моста-то съедешь — тут по берегу больша была деревня, Завита называлась. По Ингоде. Там оне всё были богатеньки, казаки. Оне там своих набрали каких-то да и бегали. Всё говорили: «завитинска банда», «дружина».

Оне прибегут в Чирон, тут побегают — никого нету. Оне узнали, что были партизаны, прилетели после партизан. Теперь их давай ребята там дразнить. Оне отъехали да сделали на горе вроде человека, да тряпку красну... Она болтатся — оне на церкву заташили, на колокольню, автомат и жарят туда, эта «завитинска дружина». Оне как только партизан где услышат близко — обезумятся. А за Онон оне боятся ехать, что там партизаны. А тут побегают — убегут. Ну, правда, никого они так не пошевелили.

[— Завита была казачья? — *Соб.*]

Казачья. Там все казаки были: Казаново, Митрофаново, Усть-Онон, Номоконово, Верхний и Нижний Теленгуй, Макарово. Только Кироча, Чирон, Усть-Ага, Берея и Унинкер были крестьянские. <...> Размахнино — там тоже были казаки, там всё богаты — имья тоже не надо было партизан.

...Он чиронский был, Федоров Яков Яковлевич. И вот из бедной-бедной семьи. Что его заставило к Семенову идти? Чин надо было заслужить. Тоже, говорят, там и пороли — он везде участвовал (разговоры-то были). А Шаталов приезжий был. Их увели партизаны-то. И вот таскались, таскались с имья, никуда их сдать не могли. В Ботах один был, Данилов Федор, говорит:

— Давайте, я их расстреляю. Куда мы с имья?

Взял да и застрелил, в Ботах. Там же всё партизаны стояли. Всё говорили: Шаталова и Федорова убили в Ботах.

Как к партизанам ушла

128. В Дучаре много партизан белы расстреляли — шестьдесят человек. И только трое из них как-то убежали, к нам прибежали в Михайловско: Колупаев, Цветков, Зеленский — этот отцу-то племянником был. А я была на вечерке, вернулась, окно открыла — оне на нас упали. Я не напугалась. И вот мы с мамой их накормили. Оне и рассказали, что в Дучаре большой расстрел был.

Потом там порядок навел Василий Серов, Константиныч величали. Он с партизанским отрядом ворвался, ему сказали, что семьи партизан выдавал его отец. Он его поймал, говорит:

— Ты за кого же идешь? Тебе богатство надо, а нам надо жить! — И убил отца-то. Потом там тихо стало.

И вот эти ребята от нас ушли. Мы им на дорогу собрали. Ушли. Они где-то скрывались, потом узнали, где партизанский отряд, и пошли на поиски. А их где-то под Отпаром (?) белые снова поймали. Поймали и вместе с другими — всего было человек семьдесят — замкнули в одну избу. И не кормили, ничё. А мама узнала, что эти ребята здесь же. Чё же, жалко! Она мне и говорит:

— Малка, ты смелая, ты иди отнеси блины-то.

Я была здорова, сильна. Взяла эти блины и пошла к дому. Там подошла и блины в дыру сую. А охранник, казак (не помню, кто и был такой), подобрался и меня плетью по спине взгрел. Я выворотила кол и его по голове прямо. Он упал, готовый. Я бежать. В кладь залезла и там сижу. Меня искали, но не нашли. А холодно! Я сижу в кладу. И так пересидела. А маму как за меня били, как били!

Потом я к партизанам ушла. Была, как казак. Еще девчонкой на конях любила, встану на коня прямо и скачу на ём во всю прыть. Наши отряды, партизански, маленьки были. Мы прямо не могли сначала в бой вступать. В сопках спрячемся и ждем. Вот оне, белы, идут, идут... Конца нету. Потом обоз пошел. Мы обоз отбили, взяли оружие, продовольствие, коней...

Каратель Играшка Шергин

129. Каратели же они. Карательный отряд там стоял, белы. Там был с моей деревни Шергин Играшка. Он там сотник был, тоже руководил, всех знал. Тоже — ой-ой... Потом приехали какие-то ишо палача с ём. Чё оне делали с людьми-то! Расстреливали. Убивали. Пороли. Мы на улицу боялись выходить, в волосте-то. И поджигали живьем. Чего они только не делали!

В Чироне же волость была, «волостно правление» называлось.

А там Волков был Иван, партизан он был. Оне его тоже повели на расстрел вечером, ночью. Теперь, он такой здоровый был парень, удалый на ногах. Он одного семеновца как схватил, вырвал у его саблю и зарубил его. А второй-то выдернул саблю да его зарубил. Он одного за себя убил.

А это Играшка был Шергин, так его все звали Евграфом. «Евграф Евграфович» называли — он стал чином. Так-то все «Играшка», близко мы жили, около их бегали, играли. Мне ровесник он должен быть. Тоже из простой семьи, мать вон кака хорошая была, отец был хороший. А он, как палач, надел эту нагайку, и пошел, и себе эту банду набрал. Сотник Шергин — все его звали. Всех порол. Кто чё скажет, всяки сплетни собирали...

Тут вот Усть-Теленгой деревня есть Шилкинского района. Там был Евгений Венедиктович Бородин. Они его живым поджигали, уши ему обрезали. Партизан, большевик был.

Тут оне сколь командовали, сколь оне людей перегубили, ой-ё-ё... Как издевались оне над ними, страх было слушать.

Я как-то в магазин зашла, стала блюдечки выбирать. Два палача заходят, и прямо с бичей этих, с нагаек-то, — кровь. Оне били как людей, пороли — не дай Бог! Я смотрю: оне сами все в крови. Я скорей схватала эти блюдца, дала продавцу деньги и — убежать. Не могла глядеть.

[— Они здешние? — *Соб.*]

Здешних-то — вот только он был, руководил, своих больше никого с ём не было. А где уж он набрал? Татары каки-то были, всяка эта банда была семеевская.

Гибель двух братьев

130. У нас братьев двух расстреляли белые. Один действительну служил, другой — тоже действительну. И тут революция. Один-то был начальником пулеметной команды, старший, в Верхнеудинском, а второй начальник батареи, в Чите служил.

Партизаны подошли, солдаты офицеров перебили, перешли на сторону красных. Красные им говорят:

— Хотите — с нами пойдете, не хотите — идите домой!

Ну, они порешили:

— Мы уж скоко... Три года, уж четвертый дома не были, надо повидать родителей.

— Ну сходите, потом придете.

И вот они, из одной деревни двое, пришли домой. А у нас ишо было тут царско правительство (революция шла там где-то)... Приехал, вот отец говорит:

— Но, сын, счас атаман узнат, он нас сразу расстрелят, что сын твой предался к красным! Поезжай, может, помилует.

А в это время партизаны наши-то стояли в сорока километрах от деревни. Токо бы коней дать да туды отправить. Кони были. А его к атаману отправили. Ково же, народ неграмотный был. Да и пешком бы ушел.

Вот пришел к атаману. Атаман из Сретенска. А там уж всё известно. Их собрали восемнадцать человек, на броневик посадили и увезли. Не доезжая Читы есть Песчанка. Их там расстреляли.

А младший брат опять... Завтра уже надо выступать, восстание с Нерчинским полком. Решили Читинский полк и Нерчинский полк в один день восстание делать. Один такой нашелся, списки передал японцам и сказал, что «так и так, завтра делают восстание». Ночью японцы тихонько окружили казармы (снежок упал), выкликнули, кого надо было, вывели их и расстреляли. И брат погиб.

И всё — на этом кончилось. <...>

А его конь пошел домой. С ним еще два гнедых. Подле Шилку шел и пришел домой. Мимо Куэнги, горами. <...> В ограду зашел и заржал, мол, я пришел. Вот как далеко пришел! Вот как лошадь понимает — ой-ё-ё... А отец уже знал, что сына и этого расстреляли, вышел на крыльцо и заплакал.

Брат против брата

131. Дело было в Верхних Куларках. Жили там Таскаевы. У отца их было два сына. Старший был белым офицером, я не помню, как его зовут. А младший... Как же его?.. Хирсантьевич. Я отчество точно знаю. А-а, — Елистар Хирсантьевич. Он был в партизанах. Сейчас ему лет семьдесят будет. Живой он еще. Вот он и рассказывал.

Там же станица была, Куларская станица. Он, говорит, знал, что в станице нет ни белых, ни красных, и отпросился у командира — в бане помыться, то, сё... Он в Седьмом партизанском полку служил. И вот заходит домой. А там как раз старший брат, офицер-то, за столом с отцом сидел. Выпивал, ково ли, с отцом. Разговаривали. И вот Елистар-то заходит. Видит — тот сидит. Он бердану с плеча сорвал, хлоп в него, да промазал, не попал. А тот сидел у окна, сразу же со стула и — в окно, и под обрыв! Отец соскочил, давай Елистара уговаривать, успокаивать. Мать тут... И вот уж не знаю, как их помирили или нет ли.

О гибели партизана Коломыйцева

132. ...Война-то тут была, потом имать стали. Одного тут у нас в Бурукане поймали, Коломыйцева. Был партизан Коломыйцев. Ну, вот он подбивал ходил. Но, я не знаю, то ли с Зерена он или откуль? А здоро-овый!

Это летом... Ой, нет не летом. Порошечка пала. Весной. Он жил в Чолпоконе, у какого-то дедушки, то ли уж он знакомый был, какой ли? Он ходил подбивал партизанить, в красны подбивал ходил. Здоровый... А порошка пала. А он с Чолпокону-то пошел на Батакан. На Батакане же народу людно было, а может, какие сослуживцы, знакомы были. У нас там в Буре (я в Буре жила) за деревней за речкой молотили. Там эти копны оставлены соломы. Он, значит, до этой соломы дошел и лег. Ну, ночь пролежал, отдохнул, стало быть. День ли пролежал, ночь прошел. Опеть шагать надо. Ну, вот его потом по этой порошке-то и поймали у нас тамака за речкой. <...>

У нас допросы-то в избе. Мы маленьки же были ишо, малюсеньки... Мама, тетка у нас была, дядя-то вот уполномоченным был. К нам его и завели. Шинель длинна, он высокой такой, здоровый. <...> Он ково же? Весь трясется, да вроде отошшал же шибко. Сделали допросы, маленько уж осталось, а мама и говорит:

- Можно его покормить? — Ни в каку:
- Нельзя кормить его! Его только морить надо.
- Ну чё же вы? стакан-то чаю-то...
- Нельзя чаю! Кусок дай ему.

Мама калачик дала ему. Он стоит, его ест, здорову-ущий! Но потом от нас его повели. Но вы этот хребтик не знаете. Вот эта деревня, дак за деревней там хребтичек. <...> До этого хребтика довели, из спины нарезали ленты, все

пальчики поломали, ручки вывертили, все глаза выкопали — о-о-ой! О-о, вот уж я б его не видала, дак мне бы не тошно... Такой здоровый, высокой такой.

Вот он шел, подбивал, чтоб большевиков... Чтоб восстание делать. Значить, в Тайнэ у его уж были. Вот и наш... бабушкин племянник был тамака. Маму ишо отодрали за его, белы-то. Это не в этот раз, это, видно, в другой раз... Не когда Коломыйцева поймали, в другой раз.

А тут оне приезжают, тажно всех нас ограбили. Ой-ой-ой! В погребах все яички уташшили, всё уташшили до духу! А там же у нас Газимур, мы за Газимуром живем (а Газимур-то не так большой был), а оне жили-то, у их стояли полка-то тут, в Бурукане. Вот оне всё и увезли. Коров сколь угнали! Ой-ой-ой... Коров загоняют с кажного дому, что ни красива, ни жирна — туё. Однако, штук около двадцати. Дак куды их девать-то, не знаю. Вот чё. Ой, страшно... Чё диканились над бабами, над девчонками, над всеми галились. Мы-то убежали. Нас дома-то не было. У нас дядя убежал и тетка папина, а мама одна осталася у нас. Все убежали. Здесь оне много девчонок, девушек... Убежали, а оне все равно догоняли.

Казнь партизан («Докуль мы будем друг друга бить?..»)

133. Ну, революция здесь: то красные идут, то белые идут — ото всех отговаривайся. Я как раз был дома, отдувался от этой штуки-то: ни туды, ни сюды не попадал. <...> Ну чё? Те пройдут, отговоришься, то арестуют кого-нибудь, то кого-нибудь опустят, то чё-нибудь...

<...> В Батакан после этого разгрома вышел партизанский отряд, не отряд, а группка партизан, из лесу. Их выманил... Оне прятались вообще-то. Их выманил батаканский житель, жил подходяще, ну, средний. Богатым здесь нельзя назвать, ну, средне жил. Он их уговорел, дескать, выходите, вам ничё не будет. Ну, оне маленько стусевались и поддались этому делу, вышли. А белы-то здесь еще были, в Батакане. Оне их арестовали. И вот потом сюды их привели, в Бурукан. Вот здесь в Бурукане их расстреляли. Двенадцать человек. Я не видал, как их расстреливали, а мертвых-то видел. Я как раз был дома. Вот мы с одним старичком, нас заставили охранять их, чтоб собаки, что ли, не растаскали вот туды под сопку. Ой-ё-ёй... Всё изрублено на свете. А одного дак даже... Но тут маленько кусты помешали, а то бы он убежал. Побежал, а оне на конях его догнали, всего изрубили, страшно глядеть: вот так всё развалено...

Потом ихний же белый командир (забыл его фамилию) приезжает на темно-гнедом коне, накидка эта была така на нем. Подъехал один, а таки-то солдаты прибегают, беляки-то, прибегают, соскакивают с коня и еще тычут их штыками, партизан. А тот приехал один, без всего. Приехал, так кругом... Мы с этим стариком стоим. Проехал, проехал, потом повернулся к им ишо и (простите за выражение):

— Докуль мы е.., — говорит, — будем друг друга бить?

Вот эдак. Мы с дядей Афоней, со стариком-то, удивились: командир белый <...> и говорит: «Докудова мы будем друг друга бить?» Повернул и уехал. Вот мы с дядей толкуем. Я говорю:

— Это чё же, дядя, он ругался?

— Не знаю, стало быть, чё-то такое...

Видимо, у его на сердце-то кровь закипела. Чё же? Он видит: двенадцать человек изрубленных лежит. Но потом оне сяли и поехали.

А он, говорят, в конце концов потом, этот командир-то, перешел к партизанам.

«Пятый полк — боевой полк был». Бой у Мацевской

134. Ну, Пятый полк... Пятый полк — боевой полк был. Там же большая часть этого полка была — кадровые казаки. Да притом какие казаки! Те, кто был контрреволюционер, оне бежали. Вот были такие случаи.

У нас был один из нашей деревни, из Некрасова, рядом, одного сельсовета. Был батрак один, понимаете, Белоносов Никандр. Вот он получил урядника и, представляете себе, окончил учебную команду. И когда сделали переворот, он убежал к белым. В дороге, когда полк уже пошел к красным, он убежал к белым, подлец.

Это говорит за то, что контрреволюция из полка отсеклась, а остался самый настоящий, так сказать, боевой народ — казаки. А вооружены-то оне были... Оне были вооружены японскими карабинами. Все. Патрон сколько хочешь было у них, гранаты японские...

Поэтому Пятый полк и ценился у командующего, потому что там народ был подобран. Да и вливался народ, потом уже добровольцы такие, как мы, и молодые, и старые, но приходили стреляные уже казаки. Так что Пятый полк был один из таких боевых полков. Командиром был Гусевский — здесь, Ломовской станицы. Помощником у него был Письменов Николай Николаевич. После смерти Гусевского командовал Письменов до конца...

Пятого полка много было крупных боев. Вот Шивкинский бой, где ранили Гусевского, бой тяжелый был. Здесь пало и наших много, но и японцев положили, белогвардейцев. Им тут досталось! Досталось... Тут много наших погибло, раненых... Вот Полякова Гришу, помнишь, ранили его, значит, японской пулей прямо в грудь.

Вот Цугул-Дацанский бой. Как сейчас помню, в марте, двадцатого марта двадцатого года. Там был карательный отряд, бригада, карательная бригада генерала Резухина. Цугул-Дацан там, на Ононе. Туда, значит, были направлены, переброшены. Мы чё-то всю ночь шли, километров, наверно, семьдесят. Перед утром уже пришли к Цугул-Дацану, оцепили. Там, значит, Первый полк был, командовал Якимов этой группировкой. Первый полк был, Пятый полк был, потом, кажется, Второго скоко-то было... Ну, наголову разбили! Всю брига-

ду — наголову. Кое-как сам генерал этот убрался. Если бы пулемет не застрял у пулеметчиков... А то стояли на пути у них пулеметчики, а он застрял: ребята поторопились, и погнутый патрон попал. Ну, вот в это место он проскочил с кавалерией. А положили столько, что я прямо...

Когда кончился бой, там у них захватили два орудия. И вот любопытно было: самый-то бой был вот в этом месте, где орудия были. Так когда мы пришли туда, когда уже отдохнули, — мы там стояли до вечера — дак я представил себе бурелом какой-то. Знаешь, вот бурелом прошел, значит, деревья всякие перепадали... Вот зашли: тут и китаец, тут и татарин, тут и харчен, тут и русский, так сказать. Там же у них карательный отряд, именно он был из таких: из китайцев, из харчен, из бурят — ну, в общем, отъявленных таких всех, татар всяких. Ну, я не знаю, как там учитывать их было, и как учитали, не знаю. Ну, прямо навалено было, как все равно дров. Это бой был.

Ну, там боев много было. Вот я говорил, на Амуре были такие бои с японцами, с белогвардейцами. Не с дружинами, а кадровыми, уже более организованными. И то все равно мы их там расколошматили. Все равно. И японцы, и все отступили.

Ну и последний бой — это Мацевский. Это когда пробку вышибли из Читы, они отступали туды валом, как говорят. Никакие преграды, их никто задержать не мог. Дивизии шли в конном строю — аж земля тряслась. Представляете, в конном строю идет дивизия. И мерзлая земля — это в ноябре было, снег небольшой — аж стонет земля! Ну что тут? Тут направили на них, значит, двенадцать орудий, три батареи было. Прямо с открытой местности их дули. Ну, потом пулеметов сколько было — всё это, всё было обрушено. Винтовочная стрельба — всё это на массу обрушено было.

Наших там пострадало несколько человек, вот из Пятого полка. Пятый полк стоял прямо в лоб. И вот когда эта масса... Стреляли их, а все равно видят, что ничё уже не сделаешь, задавят все равно: ну, дивизия идет — как можно ее остановить? Она ведь через трупы идут. Тут несколько попали из молодых. Плохо подтянуты подпруги были, коноводы привели, раз на седло — свернуло седло. Ну и вот, дорубили белогвардейцы и всё. Немного попало, но их...

Я потом после этого боя был в отделе снабжения и отгружал мясо. Вез три вагона мяса сюда, в Сретенск, в штаб по линии железной дороги сопровождал. Ну вот, пока ждал вагонов на станции Мацевской — ну надо же посмотреть свою работу, что мы там сделали. Я попросил у ребят, у пограничников, так сказать, кто там остались (это в двадцать первом году было), взял коня да и парня взял: дай объеду, где стреляли мы в открытую-то все. Так их там сожгли. Но что там было, что там было! Вот я считал, считал, сколько было огнищев-то, трупы всё жгли. Коней жгли, трупы жгли. Ну, коней там ели, всё там делали. Но сколько там было огнищев-то — ой-ё-ё-ёй! Прямо не представляю. И никто нигде не сказал, сколько же там было убитых. Видимо, никто не занимался этим, учетом не занимался.

Устные рассказы о сибирской деревне в 1920–1930-е годы

Песни из-за реки

135. ... Вот она мне рассказывала: «У нас дядя Ваня ушел за границу. Вечером он песни поет, бабушка с нами выйдет. Мы на этом берегу, он — на тем».

Она, наверно, большая река или маленькая? Ну, наверно, не услышишь — кричать-то. А может, и услышишь — так, поди, не разрешают.

Она мне рассказывала, что он ушел и так за границей и остался. А потом уж куда девался, не знаю.

Возвращение беженцев из-за границы

136. <...> Вызывают меня в штаб. Чё такое? Я приехал в Нер-Завод. Петракович там, Фадеев там, начальник отряда Шварц: «Пойдем в уездный исполком». Приходим туды, Козлов вытаскиват декрет, подписанный самим Лениным, насчет белогвардейцев, насчет беженцев. Прочитал.

— Ясно тебе? — Я говорю:

— Ясно.

Амнистия. Прощают, кто не грабил, кто не расстреливал, кто не убивал, просто так служил и всё. Беженцев там до чёртовой матери было. <...> Ой, там тысячи беженцев, сорок пять километров от границы. Надо этот декрет донести до банд. Но как? <...> Выхожу оттуда — пакет: «Секретарю партийной организации». А Балябин секретарь парторганизации. Я приехал туды, вызываю его, он приходит, я ему даю пакет. Он:

— Это как же? Там могут бандиты попасть! — Я говорю:

— Ты чё паникуешь? Пойдем вместе, я пойду, и ты пойдешь. Ты мне рассказывал, что у вас тут белогвардейцев человек двенадцать за границей. У них тут родители есть. Ну-ка, вызывай этих стариков.

<...> Вызвали этих стариков. Один заходит, Устинов, старик. Я говорю:

— Вот что, дед. У тебя кто там за границей?

— Два сына.

— Ты тоже такой же бандит?

— Что вы? Я партизан.

А мне выдали шестьдесят штук вот этих декретов. Я говорю:

— Вот шесть штук, чтобы ты через пятнадцать-двадцать минут был за границей. Вызови сына старшего и скажи ему, что вот, чтобы прочитали втихаря. Не так, не все, а втихаря собрались по пять, по десять человек, которы там шумят... Потому что тут скандал такой, тут дети приходят: «Папка, езжай домой!...» <...>

Он поехал, второй поехал, третий поехал на базы туды. Это Болдуин деревня, это Аргунь, а тут китайская деревня, а от этой деревни двадцать пять километров — база белогвардейская, там беженцы вот эти все. Вот они туды пошли, на китайскую сторону. Васька сидит. На третий день говорю:

— Пойдем, Васька.

Пошли. Приходим к речке, а там стариков уже!.. Чухают, что это... Кто сына, кто еще какого-нибудь родственника ждет. А я сажу и пишу форму: фамилия, где родился, кем был в армии, где воевал, как воевал. А потом распишется. Форму эту сделал и поехал. Приходим туды. Батюшки! На границе, на реке-то, боты стоят, лодки стоят, старики. Я говорю:

— Чё, дед, хотели заехать за границу? <...> А нас не перевезете?

— О-о, вы с нами поедете?

Мы сразу переехали. А там за речкой китайские дома, лес, лодки лежат да что... У нас-то тут лесу-то нету (потом уж я лес начал выуживать оттуда, на заставу, домишки построил). Приехали туды. Сидят человек, наверно, шестьсот белогвардейцев. <...> А Пинчугов командовал оттудова, с Пекина, перевели его сюда. А Бурков был его помощником. Бурков уехал на базу туды, а Пинчугов ушел на охоту на лодке. <...> Я перешел туды, а тут с правого фланга сидит Вавилов, белогвардеец, артиллерист. Серьезный, моих два кулака — у его один. Я подошел:

— Ну, здравствуйте, земляки!

— Здорово, царь.

— Да какой я царь? Я не царь, а гражданин такой-то.

— Ты зачем последовал сюда?

Я говорю:

— Привез вам счастье.

— Ты не болташь?

— Ты не торопись. Ты чё думаешь, я к тебе приехал в гости что ли? Я приехал с законом советской власти, подписанным нашим руководителем, чтоб вы шли детей своих кормить, а не мы будем кормить их. А то вы здесь пьянствуете, китайцам работаете, а тут дети голодны, холодны, ходят оборваны.

Смотрю, белогвардейцы там зашевелились, а мне это и надо. <...>

— Так ты чё, паря, обиделся? — Я говорю:

— На вашего брата что обижаться: грабили, убивали, расстреливали, лошадей угоняли. На вас же жалуются.

— Но, ты чё, паря, мы этого дела не делали. — Я говорю:

— Посмотрим. Вот вам указ, декрет советской власти, подписанный великим человеком Лениным (тогда я еще в политике шибко был...).

Прочитали. <...>

— Паря, прочитай еще раз.

[— Там какое содержание было? — *Соб.*]

О переходе белогвардейцев, пленных, беженцев — переход на нашу территорию. Мирно начинать жить. Я прочитал в третий раз. Пинчугов:

— О-о! Кто дал право?! — револьвер выхватил. Этот Вавилов — руку, она аж треснула у него, он револьвер выпустил.

— Тихо! — На его (теперь он — за меня).

А Пинчугов бандит, руководитель банды этой. <...> Вышли на берег, а на берегу там — батюшки!.. И на лодках, и на лошадях, и на ботах, и пулеметы везут, и винтовки везут — всё на нашу сторону везут. Я остановил:

— Всё, вы приехали — ни с места. Вы готовьтесь к переезду. Вот вам план. Кто у вас грамотный хорошо? Ну и писать. — Подходит один, Гаврилов, вопросы все эти записал. — Вот давай, — говорю, — пиши.

— А сколько?

— А сколько будет. Будет двадцать тысяч — двадцать тысяч пиши.

А тут старшина ихний Колмаков:

— Я умею писать.

— А ты чё же молчишь, чё дурака валяешь? На вот сейчас же переписывай всех.

Тут стол вынесли, начали переписывать. А мне справок три куля пришло. Вот така справочка: «Дана настоящая такому-то, что он, перешедший границу, является к своей семье, в течение трех дней должен явиться в отдел ГПУ для регистрации. Начальник заставы такой-то, начальник контрольно-пропускного пункта такой-то». Я тогда был и начальником заставы, и начальником контрольно-пропускного пункта. Ну и подписал это всё.

Ну, перешли, чё же — они все сдались. Я же не буду тут допрашивать, кого убил да чё... В ГПУ-то там же, в Нерчинском Заводе, материал же есть.

Человек тридцать вверх поехало. Поют песни — поехали! Сюды поехали. Но там шум — спасу нету. Чё же, человек пятьдесят поехало сюды, и там оставалось человек сто. И вот когда поехали эти, так берег, веришь, на три километра не пройдешь — людей! Вся банда, вся база — на берег.

[— Вооруженные? — *Соб.*]

Со всем, что было. Переезжают, тут бросают, на этой стороне.

Приходит один на другой день утром:

— Я не знаю, как вас назвать, господин начальник, или товарищ начальник, или господин генерал?..

Я говорю:

— Чем ни назовешь, лишь бы в пуп не толкал. Я гражданин Советского Союза, вот и все. А служу на границе.

— У нас составлены списки на семь с половиной тысяч людей.

Представляете, на семь с половиной тысяч! Надо же их просмотреть, проверить, чёрт их душу... А потом — справки. Я целу ночь почти подписывал эти справки! Ну чё же, поехали. Я говорю:

— Вот чё. Пускай идут, только так вот (часы у него): с восьми до десяти сколько придет? С десяти до двенадцать — сколько? <...>

Батюшки мои, натащили! Чёрт их душу!.. Чего только они не натащили! Как раз около заставы площадь, навалили, наставили — сам чёрт не поймёт!

Они с оружием переходили! Мы его сразу подбирали да и всё. Правда, последние... Им не стали давать оружие. На третий день схватились, видимо, банда — не стали оружия давать. «Ах, ты хочешь идти — сбрасывай всё, сда-

вай». Вот он сдает, сам идет. Вот переехали, пришли эти люди все. Я смотрю. Чё-то мне человек тридцать в глаза бросились — нехорошие... Что-то тут неладно. Я говорю:

— Вот такой-то, вот такой-то, вот такой-то... — Дал задание своему заместителю: тридцать пять человек подобрали.

Всех распустили, они сразу разъехались. <...> С конями переехали и поехали по домам. Чё, я их буду держать, что ли? <...> А эти остались тридцать пять человек. Потом я их давай допрашивать. Один сидит так вот, надулся. Я говорю:

— Григорьев, ты чем был у Семенова?

— Я в старой армии штабс-капитан был.

Ага, хорошо. Смотрю: верно, записано, что штабс-капитан. Я сразу — раз, три человека своих да девять с села, и — в Нер-Завод. Офицеры — значит, они грешные. Я не отправлю, а он, может, сбежит, бегать будет... На чёрта мне это дело! <...> Ну, мы в Нерчинский Завод погнали. Там взяли обязательства с них. Распустили. Отпустили домой на неделю, на две. А потом давай судить: год принудительных работ, год условно... Вот такая была комбинация.

Ну вот. Бац! Закрывают мой контрольно-пропускной пункт. <...> Приказ пришел передать заставу такому-то, а самому ехать на восемьдесят шестой разъезд, в Маньчжурию, принимать этот... Приехал: батюшки!.. Наш закрыли пункт, а открыли там, на станции. Что мы делали? Приедут человек тысячи три-четыре...

[— А по какой причине перевели? — *Соб.*]

Так вот слушай ухом, а не брюхом.

Привели их туды на Борзю... Мы до этого распускали по домам. А там пришло вагонов на три тысячи с половиной человек. Я списки составляю и говорю:

— Вас в Читу отправляю.

Ну, в вагон залазят, мы их в Читу везем. Везут там (я-то не знаю, кто их везет). В Чите там — туды да сюды: допрашивали да разную штуку... И — на Енисей, в Красноярск, Манский, Ирбейский, Саянский, Партизанский, Енисейский — пять районов. Вот эту всю братию туды и затолкали. Я их принял на восемьдесят шестом разъезде около шестидесяти тысяч почти. Пропустили за две недели. Потом кончилось всё. <...>

Жена белобандита

137. <...> А как получилось?.. Вот этот Дмитрий Гаврилыч, мужик неграмотный, имел свое хозяйство: там пять-шесть коров доилось, шесть-семь лошадей запрягалось, двадцать овец держали, дом хороший был. Жил в Кумаках. В армии никогда не служил, ни в царской армии, ни гражданской — нигде. Не брали его по состоянию здоровья: так-то здоровый был, но глухой. Но и не понравилась ему советская власть. Он решил, значит, организовать свой отряд.

Ну, стал подготавливать мужиков. Которы, значит, зажиточны мужики, он составил список: дескать, вон сколько у меня набирается людей, которые могут воевать против советской власти. Про эту организацию узнало ГПУ. Подослали к нему человека: дескать, давай с ним организуй дело. Тот побыл здесь, вошел к нему в доверие, к Дмитрию Гавриловичу, узнал, как чего тут, и в один день говорит ему:

— Поедем, дескать, в Нерчинск, я тебя познакомлю с людьми, тебе они дадут винтовки воевать.

Когда в Нерчинск приехали, его там арестовали, как положено. И судили. Дали ему три года, чтобы он больше так не делал, полюбил советску власть. И отправили на лесозаготовки.

Оне вдвоем, видимо, убили охранника и сбежали оттуда. Вот он здесь жил до осени. Ну, был дома, некоторые ночи ночевал на Сенном, ночавывал, на зимках ночевал.

Но, жена есть жена. Что ж? Она ему вынесет если куды в условно место, поставит продукты, он забежит утром-вечером, возьмет. Иногда дома ночевал. Ну она, конечно, переживала. У нее пять детей было. А потом под осень он своего коня поймал, обуздал и уехал. И куда он смылся? За границу уехал или до границы ли только доехал, или чё ли, — разговоры были... Уехал. Уехал и всё, с концом, и так его бандитизм кончился. Ну, дурной был мужик и всё.

Она, конечно... На нее же это повлияло. Она в этом же году... на следующий год рехнулась, с ума сошла, парализовало ее. Дочь у ней была взрослая девка, могла делать дома. И ребята подросли, три парня было. Первы года два-три старуха у них жила, мать его, отец его жив был, а эта Александровна сидела дома.

[— А в деревне знали, что он скрывается? — *Соб.*]

Знали, да от греха подальше — был да нет, а конкретно никто не сказывал, а знали, что он тут крутится. Охотилась милиция. А потом он видит: кольцо сжимается — надо убегать. Своего же коня обседлал да и уехал.

138. Я вот это хорошо знаю. Сама еще тогда маленька была, а разговоры помню. А потом подросла, интересоваться стала, и вот как рассказывали.

У нас в Кумаках жила Фелисата Александровна Бянкина, она парализована была. Ходила тихо-тихо, у нее руки вот так, держит и идет тихонько, слюна — прямо вожжой... Но ее сильно жалели. У нее две дочери было и трое сыновей. Одна была замужем за кулацким сыном, и ее сослали в Красноярский край, на Енисей, а друга — Таиска, лет двенадцать ей уж было, наверно. Но такая она была бездушна к матери! Мать жила в комнатухе, и за ней они не следили. Ребята — Василий старший, Сашка и Ванька — работали, а Таиска, девчонка же, должна была бы за матерью смотреть. Но где же! Она и в комнату к ей не заглядывала. Прямо кричала на нее, та ее каждый день просила одеяло со двора принести, на солнце вывешивали, — так прямо кричала:

— Но! Сама тащи. Оно вшиво! — И ничё не помогала.

Потом она, Александровна, умерла. А разбило ее вот как параличом-то,

бабы рассказывали. Как-то я слышу, как Руфовна, моя сестреница, говорит бабам:

— Сѣдни опять Александровна к Дмитрию Гаврилычу ходила, продукты уносила. Серый свет, — говорит, — еще петухи только первые пропели, я смотрю — она с Захарки (это гора так напротив ихого дома называлась) спустилась. Огляделась и в дом вошла.

А Дмитрий Гаврилыч был белый, белобандит. Он восстание хотел поднять против советской власти, у него не получилось — он и скрывался. Где-то в Поперечной [падь. — *Соб.*] у него зимовья были. И Александровна к нему тайком ходила, продукты носила ему, белье, всё. Бабы видят — она вся с лица спала, молчит, никому ничё не говорит. Задумываться стала. И вся деревня знала, что она к Дмитрию Гаврилычу ходит. Потом уж дело дошло до сельсовета. Тогда Демид Семеныч — как бы не соврать! — или Иван ли Иннокентьич председателем сельсовета был. Вот он узнал, что Александровна к мужу ходит. Вызвал ее и говорит:

— Поедем в лес, и ты покажи, где твой муж скрывается.

Она вся затряслась, растерялась.

— Я его не видала. Я ходила на Матвейку [гора. — *Соб.*], раньше там с ним встречалась. А сейчас ходила, чтобы спросить, отдать ли пашню нашу свату Петру Васильичу — нам же не обработать самим. Но он не пришел, и теперь он, видно, ушел совсем.

Председатель ей наказывают:

— Если Дмитрий Гаврилыч к вам домой явится, то сразу же дай нам знать.

И вот они караулили его, но не поймали. Видно, ушел за границу. И скоро Александровну паралич-то и разбил. Отнялась рука у нее лева, голова трястись стала. А права рука чуть-чуть шевелилась.

И как сейчас я помню, мне тетя Анисья говорила часто, чтобы я не играла с Таиской:

— Не играй с ней, — говорит, — она же свою родну мать вшам скормила.

139. Елисея мобилизовали в семеновскую армию. Когда Семенов власть в Забайкалье взял, его вместе с другими мобилизовали. Многие наши потом убежали, а он остался. И там отличился. Нехороший мужик был. Так-то здоровый, сильный, но злой, коней воровал. В общем, водилось за ним: не любил пропускать, что плохо лежит.

У Семенова он что-то много напакостил людям, вроде как карателем был. Когда их, белогвардейцев, разбили и прогнали за границу, Елисейка тоже ушел с ними. Там шляется где-то.

А дома в Кумаках у него семья. У Катерины уже трое ребятишек от него было. Она думала: всё, Елисей не вернется. И схлестнулась, как говорится, с Федором Егоровичем (он умер, оказывается, завтра его хоронить должны). Но и что же? Вдруг Елисей вернулся. Я его как раз видел. Был в городе и с ним на базаре встретился. Мы постояли, покурили.

— Вернулся-то, — говорит, — вернулся. Теперь надо в исполком явиться, да что-то побаиваюсь. Вдруг расстреляют.

Я промолчал, ничего не ответил. Раньше, думаю, надо было соображать. Что я тебе посоветую? Сам большой. Ничего ему не сказал.

А Катерина, как он вернулся, испугалась: не ждала его. И вот его все же арестовали. Видно, знали грехи за ним. Но он как-то убежал, украл коня и скрывался в лесу. Ночами да днем заскакивал домой. Она ему соберет, постирает... Бил ее сильно. Но все равно Катерина ему помогала. А он — это же просто настоящий бандит был. Просто человека убить ему ничего не стоило. Просто зверь! Катерина маялась с ним, заболела, как не в своем уме стала. Но как же — жена!

Потом мы уехали. Как она умерла, я не знаю сам. Только слышали от людей, что она с ума сошла. Елисей ее увез в больницу, а самого его потом и расстреляли.

140. У нас в Кумаках жил Елисей Бянкин с женой. Я его-то отчества не помню, а ее Катя звали, Катя-Елисеиха, — там же все Бянкины, дак то по мужу, то как прозвища давали. И вот он был белобандит. Когда советская власть стала, он жил в тайге. Долго так мотался, несколько лет. Елисеиха ему помогала. Люди-то все знали про это, жалели ее: она прямо вся измоталась, ненормальной совсем сделалась.

А он, Елисей-то, и прямо в деревню приезжал. Прибежит верхом на коне, как дикой, возьмет чё и назад.

Он и меня чуть не задавил один раз. Мне, наверно, года три было. Мы сидели на дороге середь улицы и стеклками играли. А он влетел во весь мах, и конь-то — прямо на меня. Девчонки побольше разбежались, а я присела — конь прямо через меня перескочил. Я заревела и — к маме, она у ограды стояла... Его же все боялись! И чё-то мало время прошло, Елисей назад так же проскочил.

Но и вот. Елисеихе прямо житья не было. Она вся измучилась. А она сильно-сильно любила Федора Егорыча, из нашей деревни. Такая уж у них любовь была! И вот она и тому помогала, и с этим встречалась. Я как сейчас помню, а ничё же не понимала, а запомнила. Она к маме пришла в день рождения. Они подруги были и в один день родились, и я в этот день родилась. А была книга у попа, кто двадцать четвертого ноября по старому [стилю — *Соб.*] родился, тех крестили Катерины и Августы. Она и говорит маме:

— Вот, Катя, ношу я в себе дитя от любимого Феденьки и никогда не пожалею. Нету для меня больше счастья, чем когда с ним увижусь! И никто сроду об этом не знает. Как только кичиги над улицей встанут, я бегу к нему. Если его нету, то жду в герасимовской бане. Всегда в бане оставаться боялась, а тут в темноте сижу и ни капельки не боюсь.

Но чё же, ей хоть разорвись... Елисею надо же помогать, а тут еще такое дело... Потом его искать стали, ловить, но не поймали. И она сошла с ума. Прямо сошла с ума. Как-то Елисей приехал, посадил ее на коня и увез. А кому-то из соседей сказал, что повезет в больницу в город. И с тех пор ни его, ни Катерины никто не видел. Потом говорили, что она умерла в больнице, в Чите.

Пока я росла в Кумаках, вот сколь помню, все о них рассказывали.

Коммуны и колхозы

141. Да, после революции оно, конечно, маленько понарушено было, но взялись восстанавливать. Как маленько размотались, наладили по-старому, тут на тебе, е... — колхозы взялись собирать. У каждого — у тебя свое, у меня свое. Тебе жалко и мне жалко. В коммуны нас загнали сперва, колхоз-то потом, взади. Загнали всю деревню.

[— Кто сгонял? — *Соб.*]

Тут же было, управа кака-то была. Бог ее знат, район, ли кто ли, тамака. Ну и нас теперь всех согнали, освободили — деревня-то чиста. Делать-то неково, верно? Ну, ходили по деревне в карты играли которы, а которы... Лошадей сто было, вот попробуй... Сено-то кто привезет? А его тоже мало было, с великим постом прошлись... Тут весна. Там како сено было, забронировали: что пахать-то будем, кормить коней надо (пахали на лошадях). Перед весной, выезжать на пашню надо было, вот собрались народ-то: тот своих коней выгонят, погнал, второй погнал, третий погнал, четвертый... Разогнали коней. Коммуна распалась наша, разъехались — нету коммуны. [Смеется]. Ой, театры были живы.

Ну, теперь чё? Опеть приезжат уполномоченный — колхозы организовать надо, чтоб колхозы обязательно были. Ну, опеть, которы послабже-то были, собрали собрание тамака. Набралась группка. Нас двенадцать человек собралось. Землю нарезали. У нас же раньше было: например, это твоя пашня, это моя, эта того. А час отрезали как колхозу. Те взялись злиться: дескать, мы вас перебьем, на наши пашни залезли — мы вас убивать будем. Видишь, оно как. Ну ладно, убивать — убивать... Но все-таки ничё, год проработали, половина деревни взялась нас припирать — опять в колхоз загнали, «Пролетарка» название. А у нас колхоз был «Красная заря». Год проработали — давай соединять...

«С коммуной дело не вышло...»

142. ...Не все пошли. Кулаки же, они не пошли в колхозы. Вот козыринские, они почти все были из кулаков. Козырины-то, они все из кулаков. Ну и вот, пожалуйста. Дак оне коров-то, допустим, всех согнали...

Дядя Вася, он один из первых пошел, конечно, в коммуны. Тетя Надя-то ругалася, кричала:

— Я с твоей коммуной!.. Чтoб тебе!.. — А куда она денется?

А коров, допустим, кормить и поить — она все равно своих вперед-то жалет: свою Милку, да свою Буренку, да свою Толстуху...

— Вот вас вперед накормлю, потом...

А та увидит:

— Ты чё своих-то вперед? А моих-то? — вплоть до потасовок было.

Потом мужики-то видят, что дело-то неладно, все равно чё-то не так. Или мужики те же. Один, допустим, свою сбрую хорошо починят — весной пахать.

Путём. Он же ее сам шил, сам бляшки эти приколачивал. Он над ней сколько корпел, сколько он ее берег, а теперь кто-то сидит да мало-малко ее починят. Он сам возьмет:

— Давай, я же ее знаю, я лучше почию.

Другой опять свою же берет. [Смеется]. Ой, вспомню, смех и грех!

Так же и стряпать. Стряпали на всю коммуны стряпухи. Сегодня эти стряпают, а те в поле. Да как опять-таки всех ребятшек вместе кормили...

[— А жили тоже под одной крышей? — *Соб.*]

Нет. [Смеется.] Да как оно действительно так, было указание-то такое сначала. А оне потом не знали, как им быть. Потом постепенно все равно по домам всё растащили.

Потом, значит, колхоз в тридцатом году уже. Более уже, видимо, разработанный был устав. Уже стали знать, что как, что получать. Введен был трудодень. А то — всем поровну. А всё равно не все ровно работают: один хорошо работает, другой хуже. По своему характеру даже, да? Один себе покою не видит, пока он, как не знаю кто, как перепашет. А другой будет ровненько ходить. Как папа наш, он же не будет без конца сгибаться. А взять Георгия Соколова — тот же ведь будет и гнутья, и гнутья, и гнутья, и делать, и делать, и делать...

Так что с коммуной дело не вышло. Решили делать колхоз.

[— Как называли коммуны? — *Соб.*]

Я не помню. Знаю, что колхоз был (когда я начала помнить, я же не была сама-то в колхозе, это родственники наши были там, мы ездили всегда к ним и жили лето там) в Нижней Куэнге, а не здесь. Например, верхнеключевский колхоз, с самого первого начала и всю жизнь он был «Боевик». А потом его объединили с Нижними Ключами, и стал называться сначала «Путь к коммунизму», в шестидесятых годах, ну а потом совхоз «Нерчинский», а сейчас Совхозтехникум.

Коммуна в селе Кокорино

143. ...Большая семья. У них девок было четыре или пять. Но все были лентяи. Две гармони имели они, вот эта семья, и одного коня. Вот один брат идет с одной стороны, другой — с другой, вот играют на гармошке. А работать были лентяи. Ну, они в первую очередь в коммуны тоже зашли. Почему? Там работай — не работай, палочку поставил — давай: хлеба, все давай...

А все же у Мельниковых, у моего дяди, у Воробьевых и скот был и все, бараны были. Но тут, конечно, стали хозяйства-то убывать: кормить-то надо. <...> Потом уже сплошная коллективизация пошла, это в тридцать первом году или в тридцатом ли. Ну, сплошная коллективизация шла действительно под нажимом.

Там у нас был Брянский (имя его не помню), коммунист, с наганом ходил. Вот он к Лазареву (наш сосед), он никак не шел в коммуны — сплошную коллективизацию. Он пришел с наганом к ему и говорит:

— Или к стенке, или ты в коммуны. Куда? — Он вроде к стенке становится... Ну всё, записали в коммуны. Всё, сплошная коллективизация.

Когда сплошную коллективизацию провели, тут действительно и раскулачивание пошло. Вот моего отчима братьев двух раскулачили. Действительно они не кулаки были, у них семьи большие были, все работали, своим трудом, наемного труда не имели. Мельницу держали. Вот этого мельника, Анания Петровича, тоже сослали. Ну, всех вот таких, которые вроде бы не соглашались идти в коммуны, их к чёртовой матери выселили. Всё отобрали.

Ну, тут действительно зажили: скота много, чё, работать не надо, ешь да и всё. Две столовых открыли, вот только в столовой и кормились. Корову ведут, забьют — едят, ребятишки, все. <...>

До этого коммуны были (когда дядя-то организовал), там ничё не отобрали вот этого всего своего-то хозяйства, скажем, мелочь: одежда там, тулупы, вилки, поварешки — всё как было свое вроде. А когда сплошная коллективизация пошла, то всё отобрали: вилки, ножи, стаканы — всё. Ну, стаканы оставили, чтоб воду пить. Остальное всё к чёртовой матери подчистую забрали. Швейны машинки, всё буквально. У моего отчима было два тулупа — и два тулупа туда утартали, ну, один тулуп, одна доха. Всё, значит, туда обобществили это. И все — в столовую. Дома-то нечем было... Не то, что нечего, а даже нечем было есть. В столовую ходили. Ну, правда, хорошо кормили.

А нам-то, пацанам, было шибко хорошо. Мы бегали там, резвились. Прибежишь там, поел один раз, потом опять забегаешь, еще тебе нальют, дают. Ели вовсю мясо, кололи коров этих всех, быков. У кулаков же отобрали, которых сослали, скот-то все же был. Ну, тут воспрянула действительно беднота. Правда, сначала было шибко хорошо. На поле едут с красными флагами, с гармошкой, едут молодежь, знаешь как... Весело было. Ничего вообще-то работали, неплохо. Под музыку, вроде весело. А до этого было так, что... Клуба не было у нас, церковь только была. На вечерку пойти нельзя было, боялись. А тут всем всё можно стало. Молодежь действительно тогда воспрянула. Вроде для молодежи лучше стало.

Ну, шел год, шел второй год — коммуна. Прибыли-то нет, проедание одно: резали скота, ели, всё. Упадок в хозяйстве полнейший. <...>

Ну вот, значит, коммуна-то вроде бы жила, само название-то было, а хозяйство пошло — полнейший упадок. Почему? Потому что заинтересованности не было. Например, Мельниковы. Все ребята такие были — механизаторы, они как-то с машинами были приспособлены...

Тут я еще не сказал... Первый «Фарзон» пришел, трактор. Ну, слабенький такой трактор. А в то время, когда трактор пришел, единственный трактор, небольшой такой, с гладкими колесами. Ну, такую беду! В деревне, дескать, ну, в особенности женщины: теперь, значит, никакого хлеба не будет. Чё же? Тут дым идет, бензином пахнет — никакого хлеба не будет. «Фарзон» этот, правда, работал, но слабо, слабосильный тракторишка. Потом «Интера» пошли, трактора. Те уже были сильнее. Вот в тридцать втором году этот «Фарзон» равнялся восьми лошадиным силам, потому что «Фарзон» тянул молотилку («полуслож-

ка» она, что ли, называлась), и когда «Фарзон» поломался, восемь лошадей впрягли в эту молотилку.

Тридцать второй год-то был голодный, неважно было. Ну, я учился в ШКМе [школа колхозной молодежи. — *Ред.*], побежал за хлебом: жрать-то нечего было, на очистках жили. В Больших Ключах учился. <...> И вот мне:

— Ты поработай. Помоги — пуд муки тебе дадим, и ты опять будешь учиться. — Ну, я пошел.

Тридцать второй год. Жрать не было, одевать не было ничего. А Патрушев у нас, председатель, договорился на Дивизионной: военные привез валенки, шубы привез, списанные, видать. Вот на меня надели вот такую шубу длинную, валенки большие дали. И вот трактор-то поломался, лошадей запрягли, поставили на привод-то, и я начал лошадей-то гонять. Ну, лошади тоже разные есть: одна хорошо идет, другая плохо идет. Там одна лошадь плохо шла, я ее стегал, стегал — бич-то завернулся, я дернул, оборвался, упал. И тут эти доски раскатились. Не доски — два вот таких узеньких ставня лежали. Раскатился и — туда, в шестеренки эти. Ну, тут меня, конечно, помяло.

[— Да тут ты ногу-то потерял? — *Соб.*]

Тут, в коммуне, в тридцать втором году. Вот потом, когда из больницы я пришел, стою в правлении. А дядю Никифора в это уже время, в тридцать втором году, из колхоза вычистили как кулака. Нет, еще коммуна была. Ананий с армии пришел. Вот Ананий, его сын (который боролся с отцом, чтобы принимать вот этих бедняков), стоит в конторе, читает, чё висит. И я прихожу на костылях. Он меня увидел:

— Колька! — прямо заплакал, этот Ананька. Ну я-то, конечно, тоже: Анания увидел — вроде старший брат, братан.

Вот теперь Ананий попросил лошадь съездить в политотдел. Ему не дали лошадь. Дескать, сын кулака — куда же? Он пешком туда ушел, в политотдел. Оттуда приезжат с Окуневым. Окунев у нас был, <...> такой матюжный был, ужас! Его все так боялись. Потом его тоже расстреляли как врага народа. Ну, тогда действительно, ково не материться?! Там надо было бить, не только материться... Приезжает с Ананием отсюда (тогда «эмки» машины-то ходили), «эмка» пришла. Ну, тут все набежали, не только пацаны — и взрослые: машины-то редко бывали в Кокорино.

Вот теперь, значит, Анания этого — как же, с армии пришел — Анания восстановили в коммуну и дядю Никифора восстановили. Это Окунев так вот сделал.

Ну, потом Ананий был председателем тут немного. А вот Лишкеевы (муж моей сестры он, Михаил, он-то был кладовщиком), потом Лишкеевы эти, бывшие батраки, завладели всеми постами в коммуне: один был бригадиром, один — кладовщиком, один — заместителем председателя коммуны. Ну, и так стали называть: «лишкеевска коммуна». Потому что они народ такой: любили выпить в основном, не так работать, как выпить. Они и до сих пор такие. И все живы и сейчас еще. Старики, правда, но все живые.

Вот теперь, значит, дело-то пошло к тому, что коммуна эта... Результат не

тот, неподходяще для крестьянства. Надо вот именно колхоз, переводить на колхозные дела. Как приедут, так всё срывают Лишкеевы. В основном, они возглавляют власть в коммуне — против и всё, на колхозную линию никак не переходят. Коммуна — и только, коммуна — и всё. Если на колхоз переводить, надо же давать кому корову, кому что... И потом надо, чтобы работа была. И в своем роде участок должен иметь. А им этого не хотелось: в коммуне лучше. Потом на колхоз перевести — они думали, что потеряют власть. И длинная борьба была.

Ну я, правда, оттуда уехал уже в тридцать третьем году, из коммуны.

Потом что с дядей, хотел я сказать... Это мне уже сестра Зоя говорила. Когда исключили дядю из коммуны-то, вот дядя идет, ну, безо всего, идет один. А за ним идет Анна Федоровна, его жена, и портрет Ленина несет. Вот вдвоем ушли так.

Ну, Анания потом перевели в Убукун председателем колхоза, и там он неплохо работал. И Никифор с ним там же, в Убукуне. Он уже совсем старый был. Но он даже вот тут в коммуне (потом уж колхоз стал), совсем старый был и все равно... Его не заставляли работать, а он грабли делал, сани гнул бесплатно — всё делал. Запишут — не запишут, лишь бы работа была. <...>

Как нас раскулачили

144. Я и сама так выходила взамуж в тридцатом году. По батракам жила, а потом меня в кулаки и сосватали. Отец был партизан, да бедный, да пьяница у нас. Они меня взяли: ну, надо, дескать, эту сватать, она потому что жила в батраках, значит, протертая, удалая. Да я пришла пятнадцатая в семью-то. Вот какую семью раскулачили нас! Полтора года прожила... Да ночью стали молотить — заданье надо намолотить и сдать. А у нас не хватило этого зерна-то. Моего мужа, раз, арестовали, еще старшего деверя, Егоша звали, арестовали. Мы две невестки остались. А девять коров доилось. Вот мы доим, доим этих коров. Мужей куда увезли, неизвестно. Мы молодые!..

А у меня племенной жеребец был, кобылица была хорошая. Скота двор был полный, и всё угнали! Раскулачили, этого скота в Деревцово угнали. А нас, раз, посадили и... Где наши мужья, мы не знаем. Сели и поехали. Мне говорят вот так: ты можешь и не ехать на ссылку. Отец партизан, я была батрачка, значит, и мне давали справку, чтоб я не поехала на Енисей, туда.

— А как? — я говорю (вот так же раньше было). — Ведь я же не девушка теперь, я как останусь-то? Нет уж. Куда повезут, туда я и поеду. — Замужня же, думаю, не девка. Притом же деверья эти были, свекровь. Свекор умер у нас тут, в Верхней Курень мы жили-то.

Ну и вот, везут нас, везут... В Красноярск привезли на берег Енисея. Всех погрузили — там такой большой пароход, «Кассивор» называли этот пароход. И всех нас, забайкальцев-то, — на этот «Кассивор» четырехэтажный. Все вошли, все забайкальцы, ссыльные все. А там они небогатые были, у которых были вот унты, а не сапоги, ичиги вот эти шитые. Но скота дворы, правда,

были. Скота же у Скобельцыных ужасно угнали много! Нас держали в Сретенске немного, а потом, раз, и повезли.

А с мужьями нас вот где спарили — в Красноярске. Когда стали погружать нас на реке Енисее-то на пароход-то, и смотрим, там чё-то передали: спецпереселенцы, у кого мужья где когда арестованы были, вот им... А я боевая была девка-то молоденькой. Я, раз, туда полетела: вот у меня муж и такой-то, такой, двое арестованных. <...> Они с нашим же эшелоном их везли, только мы их не знали. В товарняках же нас везли, как баран, сгрузили. <...> А мы только потащились с манатками-то грузиться на пароход-то на этот, на «Кассивор»... И вот как сейчас помню, а это сколько же лет прошло! Сорок лет, и вот всё, как в глазах... Вот я оглянулась так-то (да тюк на голове тащу) и говорю:

— Мамаша, — тогда же свекровок мамашами звали, — чисто Федотка бежит!

Она вот эдак оглянулась и сразу как заревет, и вещи-то у нее из рук упали:

— Ой, Федотка! — А это мой муж. Теперь, смотрим, Егоса бежит — той невестки старшей моей, Груши...

Вот мы с ней да Макаровна поехали тогда — в общем, две батрачки в кулаки попали. Нас раскулачили тогда... Привезли на берег Енисея, там землянки. Да эти спецпереселенцы сразу, бедные, — болеть. И сразу у одной семьи три ребенка умерло. И хоронили как попало, носили и хоронили. Вот в землянушках жили, а что дома было — всё побросали.

«Так вот и страдали, мучились...»

145. Да как я жила? Вот так и жила. В тридцать третьем году у меня мужа забрали, осталась я одна с ребятишками. Потом и за нами пришли.

— У вас муж сидит?

— Да, сидит, — говорю.

— Собирайтесь, вас на высылку.

Собрались, едем. Вдруг кони пристали, а они говорят:

— Высыпайте картошку! — прямо на дороге.

А чё есть будем? Ведь дети же малые! На станцию приехали, говорят:

— Сдавайте багаж!

А куда его сдавать, зачем сдавать, мы и не знаем. <...> Не знаем, куда нам ехать, где получать его. Так вот и страдали, мучились. Кто крепкий был — так выжил. А кто слабенький — так не выжил. А у меня шестеро детей было, трое малярией болели и умерли. Прямо беда какая!

Вот она, жисть-то...

Как дедушку раскулачили

146. У нас потом, когда это раскулачивание прошло, вот этих всех позабрали, сидели они, увезли их куда-то на ссылку. Пришел приказ из Москвы, что

ошибочно было, получилось. И вот всех вернули, но, конечно, не всех — кто остался жив, но их совсем мало осталось в живых. Вернули даже... Ну, такой был приказ: вернуть все хозяйства им. И вот лично мой дедушка, он ничё не взял. Только попросил, что у нас была мельница водяна своя. А дедушку — не за то, что он кулак был или чё ли. Он же был не кулак, отец его с матерью были сосланы сюда, в Сибирь. Его, дедушкин, отец помещика убил, их сослали. Дедушка-то сюда пришел семи лет. В кандалах шли.

[— Ну а как их потом раскулачивать стали? — *Соб.*]

Дедушку раскулачивали просто... Ну, как вам сказать? Были же эти сдачи хлеба, мяса. И вот ему дали план хлеба сдать. Он сдал... Второй, значит, — он сдал, а третий дали — у его то ли восемьсот, то ли кило восемьсот не хватило. Всё я лично сама заметала в сусеках. Не хватило. И вот, значит, его всё хозяйство описали, и торгá... Всё распродали, а дедушку арестовали и увезли. И бабушку с квартиры выгнали.

[— А как этот арест проходил? Вы не запомнили? — *Соб.*]

Приезжал с городу уполномоченный, и вот, значит, собрание. На собрание намечают, кого... Примерно, Федотова, Зиновьева, там Викулова. Завтрашний день — раскулачивание. А потом ночью приезжают, ареставывают. А дедушку-то арестовали, я уж замужем была. Привезли, а кто-то прибежал, мне сказал: «Дедушку твоёго привезли в сельсовет». Я побежала, а он говорит: «Принеси мне горячего чая попить». Я быстро, но тогда чё? Ни свету же, ничё ведь у нас не было. Пока я самовар вскипятила да чаю налила, милиционер даже не подпустил, не дал попить.

Ну, он чё-то немного пробыл — с год, наверно, не пробыл. Его освободили. И вот он приехал когда... Вот он вернулся. Александр Васильич к нам не приехал, он там где-то так и остался. И Кондратьевы тоже не приехали сюда. Там, в Иркутске, остались. А дедушка приехал. А бабушка у его уезжала на Лену, на Лене жила у зятя.

[— Пока он в аресте? — *Соб.*]

Так ее же выгнали сразу из дома. Ей некуда деваться. А потом он приехал. Ну, когда приехал, в сельсовет призвали: так и так-то. Ну, зачитали приказ: хозяйство вернут тебе, возьмешь? Он говорит: ничё мне не надо. Теперь, мол, я уже бессильный, старый. Только, говорит, поставьте меня на мою мельницу, чтоб я пожизненно на ей молол. Вот уж была его любима работа.

И так он, бедный, пришел с мельницы (ну, на колхоз молол), пришел с мельницы домой, лег отдохнуть на ленивочку... Не болел, ничё. А у дочери жил, дочь приехала с Газимуровского Завода. Она сварила ужин. «Ребята, — говорит, — будите дедку-то исть». Они подошли: «Дедушка, дедушка...» А он вообще-то глухой у нас был, шибко глухой. «Он, мама, не встает». Она подошла, говорит: «Папаша...» А он холодный, скончался. И колхоз его похоронил.

[— Вы жалели тех, кого раскулачивали? — *Соб.*]

Ну, конечно же, жалели. Как же не жалели? Потому что же они были у нас не кулаки, а просто труженики. У нас за Байкалом же не было этих... Вот у нас один держал лавочку. <...> Он, видимо, был... умненький: он всё чик-брик...

А потом сами-то они уже умерли, их уже не было — зять... Зять поплатился, его вместе же с нашими мужиками арестовали, он так и умер, не вернулся. Оне взяли зятя... Тоже он был жид, однако ли, кто ли, ну, еврей, какой-то нерусский. Взяли в дом. Он был одинокий.

Сначала вот эти, которы вроде не имели ни кола своего, ни двора, ни животины — вот наподобие, сейчас, меня. У меня нет ничё.

[— А коза? — *Соб.*]

Ну, коза только что. А ребятишек было — по полной избе. Ну вот, кого раскулачили, всё хозяйство забрали в колхоз. Ну, оне и обзарились на чужо-то и кинулись все... У нас их много было, они даже хлеб не сеяли.

[— А вот что же они, почему так плохо жили-то? Они что, ленились работать или никак не могли выбиться? — *Соб.*]

Вот сейчас ведь тоже не все одинаково живут. Так и раньше. Кто трудился, кто работал, тот и сытый был. А раньше тем более — свое же хозяйство было. Если ты посадил лишнюю гряду картошки, то можешь ее продать или там... Табаку у нас здесь много садили. Вот на этом табаке только и одевались. Я вот помню: мы с матерью возами возили в город, сдавали этот табак. Вот и ходишь за ём всё лето. А они, вот таки преподобны... Там у нас было три семьи: вот эти же Шишины, Чижовы. Они сидят на лавочке, на завалинке, за холодочком семечки пошшалкивают и над нами посмеиваются, как мы воду ворочам, табак полиём. Так и сейчас. Вот сейчас же все держат коров, кто если хочет. А вот у меня Слава не хочет ничё — вот и голодуем сидим. Любим спать долго, а кто спит, у того и не бывает ничё...

Но вот, конечно, не все, которых поарестовали, их называли у нас не кулаками, а «твёрдосдатчики». Их уже арестовали, а семьи не принимали.

[— Даже если хотели, не принимали? — *Соб.*]

Даже если хотели, все равно не принимали. Потом, уже когда пришел этот приказ с Москвы, тогда приняли, семьи приняли и которые живы остались. У нас только один дедушка. Чё-то и не помню... Двое, кажется, только приехали домой-то, остальные все там остались, а некоторые так и умерли. Вот этот Федотов умер, потом Прокопьев, Прокопий Викулов умер, не вернулся.

Кактолгинская трагедия

147. Так вот, Валерий Петрович, поскольку вы наткнулись на книжонку, которую я тут переплел, о кактолгинской трагедии, — я ведь сам очевидец этой трагедии.

В тридцатом году дело было. Восстание было с четвертого на пятое мая 1930 года. Ну, восстание как восстание, теперь оно уже в области предания. А что побудило? Это, конечно, дело политиков и, можно сказать, дело исследователей, почему началось...

Сами же села — Кактолга, где был центр этой бандитской шайки, Аркия и Кучугай и близлежащие села Будюмкан, Черен, Урюпино — здесь жило

в основном крестьянство. Не занимались ничем, кроме что вот пахали, сеяли и держали скот на свое пропитание. Никакой торговлей не занимались.

В двадцать девятом году, всем это известно, что у нас были перегибы с коллективизацией. Приехали бригада уполномоченных и давай коллективизировать села в коммуны. Главное, сразу в коммуны. Перескочили первую ступень — колхозы, а сразу — в коммуны. Всё ведь свезли в эту коммуну, вплоть до кур. Свиной, кур — всё это свезли. Это, значит, была своего рода тоже трагедия. Люди, годами жившие самостоятельно, — всё вдруг отдать. Это же были слезы, шум, гам...

Ну, понемножку как-то уломалось, умялось, как говорится в народе. Начали готовиться к весне. Но отголоски были уже, что «вы, коммунары, долго не просуществуете». А почему? Вот на это ответ никто не давал. Слух шел такой, и высказывались причём авторитетные люди. Но на это просто не обратили внимание, дескать, просто несерьезность людей.

Ну, главный штаб был, конечно, в Кактолке, а здесь были у них, видимо, подсобные такие отряды, которые тоже имели своих командиров и свою тайну.

Я, например, жил в Аркие. И вот потом уже узнал, что накануне этого восстания были собраны все главари этого восстания села Аркии, и там был специально обнародован план, что завтра делать: кого убить, кого арестовать, кого связать, кого повешать. Это дело было у них не самостоятельно — решали с Кактолкой, с главным штабом. А у нас был командиром этой, как бы сказать, банды Веслополов Иван Иннокентьевич. Это был заслуженный партизан в революцию, в восемнадцатом — девятнадцатом годах. И помощник у него был Якимов, тоже был знаменитый партизан. <...> Ну, он, посоветовавшись с Якимовым, решил, что дожидать не будем. Если мы дождем кактолгинских этих головорезов, то может получиться и у нас трагедия, как в Кактолке.

В Кактолке они, значит, что сделали. Они накануне, третье на четвертое, они решили ночью всё покончить. К этому времени приехал уполномоченный ОГПУ. Был в Аркие, потом приехал туда. Они все коммуной — там, в купеческом бывшем доме Астафьева Ивана Ивановича (он шестистенный). И вот они, значит, там квартировали. Он туды приехал, не знаю, собрание проводил, нет ли. У нас так проводил собрание, много вопросов очень задавали ему, иногда так с издёвкой, перед этим. И он от нас сразу уехал туды. Ну и слышим, что там они открыли резню. И телефона, ничё не было, а как-то сразу народ узнал, что там что-то случилось.

А Лазебный был помещен в отдельной комнатухе, спал. Жена Андрияна Андрияныча, председателя сельсовета коммуны, вышла на двор и отложила дверь-то, им чего и надо было. Они сразу ворвались и давай стрелять... А накануне было поручено Астафьеву Илье Дмитриевичу (по прозвищу он был Илюшка Косолобый), ему было дано задание: как только ворвутся, сразу убить Лазебного. Он накануне чистил ружье, линейку, и увернул боёк далеко, по неопытности или просто так уж получилось — у его получилась осечка. В это время Лазебный смотрит: с ружьем! У его был маузер, он — за маузер и выска-

чил в коридор. Они его схватили, руки заломили, и ничего он не мог сделать. И когда он за маузер схватился, два раза еще выстрелил, неизвестно куда, и угадал этому, который его должен убить-то, в полость живота ранил его. Ну, а потом его добили тут.

И чё характерно, конь его стоял на привязи там, недалеко где-то. И когда открылась стрельба, конь сорвал повод и перескочил все заплоты и подскочил прямо ко крыльцу. Но было уже поздно, его уже убили. А остальные-то: председатель сельпо, председатель сельсовета и председатель коммуны — придумали выскакивать... Выломали раму и придумали выскакивать в окошко. Только в окошко-то появятся — бац! И всех их тут перебили.

Председатель коммуны Барахтин был, председатель сельсовета — Андриян Андрияныч Астафьев и председатель сельпо — Верхотуров Иван Ефимович. Жены, значит, были у них там. Но жены сразу, когда их начали стрелять, видят, что они просто валятся, они сразу же подались в подполье. И агроном тоже туды заскочила, женщина. Оне тех кончили и давай их... Вывели отсюда, но стрелять им не разрешили женщин. Самый главный начальник, Игнат Васильевич Астафьев:

— Вы, — говорит, — агронома не трогайте. Агроном нам еще годится.

Он и женщин не дал стрелять.

Вот так все кончилось в Кактолге. Потом остальных тут пересадили кое-каких, специально каталажку сделали, тюрьму, куды посадили всех, кого не успели убить. Ну, и сразу организовался отряд, и поехали в Аркию.

А в Аркие, значит, не дожидая сигнала ихого, Вислополов Иван Иннокентьевич дал задание всех, кого должны по списку уничтожить, всех забрать, привести и не стрелять ни одного. Так и сделали: всех привели, посадили. Потом эти приехали, кактолгинские, еще удивились: как же, дескать, так — ни одного не убили? Возмущались еще. Ну, вот так.

И меня тут же привели, связали руки. Ну, мне было всего шестнадцать лет, я был в коммуне счетоводом. Привели, значит, к Ворсину Василию Ивановичу на квартиру. Бабушка собрала нам на стол, самовар поставила, но никто есть не стал. Как поставила, так все и осталось. А потом, значит, этот приехал, командующий. Я смотрю: на ём маузер, который был на Лазебном, сумка его полевая и конь Лазебного. Он, значит, всё это забрал и вот приехал. И кричит... Много он кричал, но я одно понял:

— Магазин, — говорит, — надо сорвать пломбы все эти, замки, взять белые товары на случай перевязки. — Ну, бинтов же не было.

Потом они повернулись и уехали. А нас в караулку свели (тут была караулка, раньше церковь караулили, около церкви), человек семнадцать было. Свели в караулку, ставнем закрыли и окна заколотили — никакого света. Вот мы, значит, сидим. Никакой связи с внешним миром. Мы просто очумели: чё дальше будет? <...> Ни передачу не разрешают, ничего совершенно. Охрана усиленная: начальник караула, разводящий — все по уставу. Сидим, ночь настала. А ели же утром, в обед нам не дали. И так ночевали. А наутро начали нам помаленьку передавать. Кто свои-то знают, что сюды увели. Преломают

все на мелкие кусочки, потом передают. Вот мы потом так питались дней шесть или семь.

А потом, учительница была, у которой я учился, Пляскина Леонида Алексеевна. Она, кажется, из Ломов, дочь священника в прошлом. И вот они пришли с сестрой Калерией. Смотрим в окошко: пришли. К кому же они пришли? А оне мне передачу принесли — яйца вареные. Я уж понял: чё-то должно в них быть. И правда, в них была записка: «Особенно не бойтесь, но не удумайте бежать, это может погубить вас. Видимо, все это скоро сомнут». Ну, мы это распространили и стали ждать, чё дальше будет.

А из нашего дома три человека сидели: я, значит, и два дяди. Один был председатель сельсовета, а другой был завхоз в коммуне в нашем селе. Ну, потом через шесть дней человека четыре или пять забрали и увели в Кактолку, а нас всех распустили.

Нам дали семена, и мы давай сеять. Выехали, стали сеять. Слышим: стреляют. Такой бой идет! Пулеметы, винтовочные выстрелы и еще какое-то оружие... Как их?.. Бомбометы. Что это за оружие, не знаю, я его не видел. В общем, сильно. Ну и вот, они этим бомбометом разбили всю эту банду, они все разбежались. Арестованных освободили. И они давай тушить. Эти бомбометы зажигали: горела столовая, сараюшки. <...>

А они все после этого боя сразу смотались и уехали вниз туды по Газимуру. В Аркие немножко опнулись и — в Кучугай. Эта банда-то.

А потом на Аркию-то (тут же дорога была с Урюпино-то, с заставы) отправили отряд. Они только успели уехать из Аркии, и пограничники в село зашли. Спрашивают:

- Где банда?
- Уехала.
- Куда?
- В Кучугай.

А потом, маленько погода, слышим: там такая стрельба открылась, за полями-то. И эти все бандиты побежали, куда кому любо. И всех их тут разбили окончательно.

А потом эти пограничники заехали, особый отряд какой-то приехал, и объявили, что кто если придет и сдаст оружие, тот не будет наказан советской властью. Специально были вывешены листовки (у меня, кстати, до сих пор где-то сохранилась). Они потом тут обосновались, эти пограничники, и народ стал выходить. Ну, в общем, проверяли центральные дороги, чтобы продукты не доставляли. А на поля — выезжайте, пашите. Бороните и обратно возвращайтесь. Строго не караулили, потому что видят, что полный крах тут — они сами явятся, оголодают. Куды они деваются?

Они в Кучугай приехали и вот там тоже сделали трагедию: убили учителя, еще там несколько человек. Прямо в окошки бомбы бросали, на постели. Ну, бомбы-то, видно, старые были — не разрывались. Ну, они их так добивали.

Вот там есть памятник, сооружен в Кучугае на площади, этим погибшим. И в Кактолке есть памятник погибшим. Ну, тут скороспешно их захоронили

в яму, в гробы. Потом приехал отец Лазебного, где-то летом, выкопал его. Сделал железный гроб, его [тело. — *Ред.*] сжег и пепел увез домой.

Потом их всех собрали, которы в этом виноваты. Которы сами пришли. Но поскольку они были замешаны, имели тяжкие преступления, их всех взяли и увели. Там, видимо, был суд. Некоторым дали по десять, по пятнадцать лет. И некоторые отбыли даже эти сроки и жили так уже, добровольно. Они были высланы на север, в основном. <...> Родственников всех почти в тридцать третьем году выселили <...> за пределы Забайкалья. Куды уж они там поедут? Им же никаких подъемных не давали. Как уж могут, так и уехали. <...>

Поводом-то послужили перегибы в коллективизации. Это самый основной повод был. А так бы если этого не было, так бы они жили и жили спокойно. <...>

[— В Кактолке, в Аркие многие поднялись-то? — *Соб.*]

Можно сказать, что почти все, которые могли носить оружие. Если которые не шли, так их заставляли насильно. Но они при первом залпе где-то там убегали сразу из этой банды. Там же леса. Потом ходили по лесу. <...>

148. В тридцатом году в мае месяце была как раз Пасха и День печати. День такой выдался солнечный, ясный. Как танцевали, как пели! Мужчины играли бабками, молодежь трепалась в лапту. Тут качели стояли, на этих качелях, значит, все качались, и в том числе и мы, дети, где прихватишься... Но был такой день, что его никогда не забудешь.

А утром началась перестрелка. У нас мама вышла, говорит:

— Ну, вы всегда лежите. Люди вон уток бьют как хорошо. Набьют уток и гусей, а у нас сроду ничего нет.

Папа на ее огрызнулся, говорит:

— Ну да чё тебе гуси? Вон возьми да поросенка зарежь. Зачем оне тебе, гуси? Чего ворчишь?

А когда невестка вышла во двор, обратно бежит:

— Ой, папа, папа! Что-то случилось! В этом доме, коммуны-то, стреляют и все кричат.

Ну, папа скорее оделся, побежал, на стайку залез, посмотрел:

— Ой, — говорит, — какое-то несчастье.

Но тут соскочили мы, побежали смотреть. Нас оттуда, конечно, прогнали. А днем началось такое, что трудно вспоминать. Крики, рёв... Начали хоронить коммунаров не как людей, а как животных: сложили на телегу, повезли, а в том числе и моего братана Верхотурова Ивана Ефимовича. Нас не допустили ни хоронить, ни смотреть. Пристращали:

— И вас перестреляем.

Но теперь что же? Такое большое горе! Началось время суетное, суета военная, сама настоящая военная. Потому что весь народ взбаламутился, бегают, ничего не делает. Тут заполнили эту тюрьму. И кого же посадили-то? Посадили — не разберешь, кто и кого посадил. Охраняют — есть и родственники, сидят — тоже родственники. И мы не поймем, что случилось, тем более дети.

А кричат: восстание да восстание... Мы носили в тюрьму ведрами суп, просили:

— Всем наливайте, сколько хватит.

Сварят дома суп и отправят нас, ребяташек. Но наш суп, конечно (берем черпак из дому), его весь переливают. Роются — чего-то искали. А чего искали? Мы понять не могли. Но кормили всех, кто там есть. Носили каждый день хлеба. Хлеб весь изрезанный подавали туда.

Теперь, значит, когда была большая перестрелка через Газимур, когда переезжали, убили военного... В это время пожар случился в селе. Открыли тюрьму, тушить пожар вся эта тюрьма вышла. А когда вышли, пришлось всему населению опять пекчи хлеб и кормить этих всех.

А вечером поднялась тревога. Народ побежал, куда кто может. Заседлали лошадей, коров поймали, кто мог. А кто и так убежал. Вместо хлеба наклали кулубли шерсти туда. Кто и конопля натолкал в мешки. Так и убежали. А вечером хватились ужинать — там ничего не было. Но мы дома оставались, папа не разрешил, говорит:

— Никогда не нужно из дому убегать, потому что там могут напасть и перхлещат всех.

Но, к нам завезли раненых, назавтра перевязки делали. А нас, детей, удалили.

О ежовщине

149. Ну ежовщина была — уж я работал председателем колхоза в тридцать пятом году. Она существовала до тридцать седьмого года, ежовщина эта.

Сам Ежов был, знаете, что в Москве у Сталина. Главное, что Сталин не знал эту штуку. А он издал указание. А здесь, в Чите, был Хорхорин. А у нас был здесь Коган в районе, Газ-Заводский район.

Вот партийное собрание когда делают в районе, нас вызывают, председателю колхозов, а вот этот гад-то и выступат, Коган, и говорит:

— Надо выкорчавывать врагов народа.

А какие враги? Председатели колхозов? Даже до судьи дошли, и судья туда попал. Он сейчас ишо живой, наверно, тоже сидел... Он в Чите работал, в земельном отделе он у нас работал. Исаев фамилия. Он тоже сидел тут же.

А чё делали-то они! Вот, например, там же такие вот перегородочки делали, вот как мы с вами сидим, а он сидит тут, милиционер. И вот по трое суток карали, на ногах. Потом бьют, бьют да — в тулуп, на двор выбросят. А чё делали-то?! Ужас чё. Это невозможно даже было смотреть, слушать.

А в Чите, говорят, там — фонтаном, водой. Из машины, ли чё ли, делали. Много погибло народу.

[— У вас много забрали? — Соб.]

У нас брата моёго, дядю, кузнеца... Четверых из Тайны. А вот с Урумкана оттуда, там <...> Богдаты, Горбуново, Крюково были — их счас нет. Там счас один Зерен только, совхоз. Вот оттуда много свезли. Даже я не помню, сколько.

150. А вот в тридцать восьмом году тут ишо было хуже. Вот эти «ежовы-то рукавицы», Ежов-то — это же... Ну, что ни головку, что ни то — всех позабирали, поарестовали. У нас вот тогда на железной дороге мастера и бригадира в час ночи увезли, и с концом. И счас нету.

[— Но люди-то это хорошие были? — *Соб.*]

Конечно, хорошие. И вот что ни хороши — всех поарестовали.

[— А кто арестовывал? — *Соб.*]

Нерчинская милиция приедет, и местный председатель приходит, и арестовывают. И почему-то арестовывали всегда ночью, а не днем. В час ночи приедут, постучат. Вот бригадир-то у нас только с курсов приехал, женился, на отделении жили. Хороший парень был, Федя. Они как будто вчера у нас были с Надей в гостях, а назавтра утром слышим: Федьку арестовали и Медведева. И вот, потом, если бы они были враги народа, то бы семьям-то ведь не платили пенсии. А вот Медведеха до смерти получала. И вот папку нашего в тот же раз взяли. Он пас баран, чабаном был. Тоже запрос делали: кто нетрудоспособный в семье, чтоб пенсию начислить. Ну, а у нас кто? Мать уже умерла, братуха уже своей семьей жил, и я — своей семьей, и сестренка так же. А вот Медведеха получала, и Василиса получала. До самой смерти получали пенсию.

Слышала я так мельком через людей, что где-то есть станция Зима. И вот на этой станции он умер. Не один, а просто в вагонах... Куда их везли? Ну дак морили голодом. С запада-то вербовану молодежь повезли на восток.

151. ...И ни один не вернулся в тридцать седьмом году-то. Ведь сколько их садили! Повсюду забирали. Приедут ночью: садись! И нигде ни один слух хоть бы прошел. Куды их увезли? Поди, тысячи собрали, здесь много же забрали. И нигде никого нет, туда даже увезли, где Макар телят не пас — нигде не слышать.

Человек работает — приедут заберут. Уж заранее мешочки собирали. Безвинных людей... Винный, безвинный — всё равно. Ничего не говорят: за чё, куда увезли — собирайся и пошел. И по всем деревням, по городам. Ладно, стары пропадали, а молоды-то?! Сейчас животину гонят — вот так же и людей гнали.

А ведь все равно, поди, вредительство како было? Ведь их куды-то же увезли. Не одного, не двух, а, поди, тысячи. Тут слух прошел: один идет. И так не пришел никто. Мужчин забирали, а женщин не забирали. Ночью придет в милицейской форме — всё, им и не сопротивлялись.

152. Да как забрали? Работали, работали, это были еще колхозы. Ну, он работал на молотилке. <...> Люди работали: на жатке работали мы, на всяких разных работах... Приедут из района милиция, вызовут в сельский совет — ну, тебя ли, меня ли вызовут — собирают и увозят. А за чё? Неизвестно, за чё. Вот и брата забрали так же. У нас многих забрали, человек семнадцать, наверно, больше. Но не вдруг, конечно, а приезжают постепенно, человека два-три вызовут, уведут совсем. В Газ-Завод увезут, там издевались, допрашивают. А потом

приедут опеть дня через два, через три, зимой побольше приедет, опять вызовут. Но выбирали таких трудоспособных мужиков, более трудоспособных, которы мастера. Инвалидов не брали никак. Ну, это вредительство, чтоб подорвать работу в колхозе и всё. И вот етим самым оне здорово подорвали.

А потом ихни семьи, которых возьмут, — стали их укорять: дескать, вы вредители таки-сякие. А какие же они вредители? Семья-то и не знат, за чё его увезли. Вот и потом семьям-то тоже трудно было, им не стало никакого доверия...

Я работал начальником почты. Но, как брата-то арестовали, меня из партии выгнали, с почты сняли: дескать, я подозрительный — брата арестовали. Когда меня выгнали, ну, и — несколько годочков, год, может, два — меня потом стали назад в партию принимать. Вызывают меня в райком.

— Чё, — мол, — такое-то?

— Так вот, мы неправильно сделали, ошибку сделали, тебя из-за брата выгнали из партии, работы тебя лишили.

Но я говорю:

— Я больше не пойду назад, обратно. Раз уж меня, как говорится, обмарали, я замаранный. Какой же я буду коммунист? Меня каждый-всякий будет укорять, что ты такой да такой, замаранный, опеть залез...

Я потом просто уперся и не пошел членом партии. Так и сейчас остался и всё.

153. А потом вот они, партизаны-то, партизанили, партизанили, а в тридцать седьмом-то году... В тридцать седьмом году у меня мужика-то взяли. В «ежовых»-то... Я осталась, у меня четверо детей было. <...>

Он потом пришел. В тридцать седьмом его взяли, они двадцать пять лет просидели и вышли. Сюды он пришел. Письмо написал, а я уж вышла замуж. Девять лет прожила одна, а потом вышла. Он потом здесь женился, этот, мой-то муж-то, и жил здесь, а потом умер.

Потом его брат вернулся, тоже двадцать пять лет. Били их там. У меня братья тоже пошли туды же, тоже их арестовали. Этот был партизан, Петруха-то, — арестовали. И брата Степана арестовали. Всех увезли, и все погибли. Только мой муж пришел да его брат.

Ой, плохо там было, плохо: не кормили, били их, рассказывали.

А нас как потом здесь тоже жали: вредительство, вредительство. Мне трех лошадей дадут, женщине: езжай вот туды в поле по сено.

[— Как к вам относились? Не говорили, что у вас муж предатель? — *Соб.*]

Правильно, говорили: вы предатели... Нас страшшали, гоняли. На выселки сулили, а потом не угнали. Так и остались.

Как отбывал срок на Крайнем Севере

154. ...Находились агенты, которые, значит, насильственно... Ну, допустим, в Чите был Кокорин какой-то начальник МВД. Дает на каждый район план: столько-то посадить или уже как...

[— Прямо план? — *Соб.*]

Да, план. Вот здесь Газ-Заводский район, там был начальник МВД Коган. Вот ему область дает план — всё, выполни. Приезжают, арестовывают и всё, увозят. А судили-то... Открыто не судили. Областная тройка. Заочно. Тебя ить не вызывали, никово. Сидишь, потом вызовут тебя: вот десять лет. В Буре так и пошло. Там пытались, что-то применяли. Значит, применяли бóльшую часть в эти годы — «повстанческая организация», ну, как будто против Советского Союза, контрреволюционная агитация там и деятельность.

Сначала-то в нашем селе началось, можно сказать, ни с чего. Были какие-то отец с сыном, соучастники.

Они, эти шайки-то... Восстания-то были здесь организованы по Нер-Заводскому району. Ну, и часть проникли в Газ-Заводский район. Столько времени прошло — ишо хотели ликвидировать советскую власть, всё не нравилось. Их же потом всех всё равно поймали. В Уктыченском хребте триста семьдесят человек собрали облавой — уже тут погранотряд Сретенский, гарнизон, — короче, их окружили. И так их сослали куды-то без вести. Ну, а эти, отец с сыном, они где-то в лесу находятся. Они то бумажку увезут (там шестьдесят километров Култума была, Тайна́), у него тут конь был, или, может, доставляли в тайгу продукты. Но после-то поняли, что они делали неладно, когда уже тех разбили, шайку-то всю их переловили. Им делать-то нечего. Ну, сын-то, значит, он заделался, как волк в овечью шкуру, стал активистом на селе. Эти бригадмилыцы тогда были, им оружие доверяли там...

Ну и взъелся, всего-то-навсего, на двух стариков, можно сказать (один-то помоложе, а другой-то уж старик, где-то около семидесяти лет). Ну, эти как? Колхоз, там разрешалось корову держать, подростков столько-то... Но они, конечно, нарушили сельскохозяйственный устав: они коров-то, может, две...

[— А по уставу-то одна корова должна быть? — *Соб.*]

Да. Ну, и здесь же, дескать, вывод: агитацией занимаетесь, вы нарушили сельскохозяйственный устав, скот развели — значит, вы другим повод даете, вы саботируете, большое внимание уделяете лишь для своего хозяйства. Если они держали, дак они в рабочее время и не косили себе сена. Если им нужно было, они ночь использовали. Или вот там старушонка какая-то в Ёлгино, <...> ну, дошло — уже три скотины — конечно, нарушение устава-то. Ну, и их всех этот сдал. Их посадили. <...>

Их держат по восемнадцать суток на следствии, следовательно держит. А они знали, что эти сын с отцом занимались этим... повстанческим группам доставляли сведения, возили.

[— А как их звали, сына с отцом? — *Соб.*]

Матвеев Григорий Яковлевич был и его сын Павел Григорьевич Матвеев же.

Ну, и вот оне что: оне теперь останутся, а нас посадили за что? Их, сына с отцом, вызвали. Они, действительно, сразу признались: «Мы действительно поставляли <...> сведения в Тайну́ да в Култуму и где-то в тайгу доставляли продовольствие».

Больше им ничё не надо. Они с отцом признались — значит, где-то должна быть большая шайка здесь. Ну и что? Вот эти отец с сыном показывали... Вот, допустим, в Газ-Заводе Уваров Петр был, здоровый такой мужчина. Он подлежал к раскулачиванию как кулак, но каким-то родом не подтвердилось, его не раскулачили. Оне его личности не знали, только знали фамилию и имя. Вот видишь, как... Не знать человека и показать на человека, что он тоже в этой восстанческой группе был. Но того тоже арестовали, посадили. Тот попросился на очную ставку. Дали, следовательно разрешил. Вызвали этого Уварова и сначала сына:

— Вы этого человека знаете?

— Нет, я его не знаю. — Значит, сам на него показывал и говорит, что не знает. А он его личности и не видывал, только слышал.

— Так, а чё же вы показывали? Вы же показывали, что вот этот Петр Уваров...

— Я, — говорит, — его не знаю. — Ну, а тот, Уваров-то, следователю:

— Разреши, я ему немножко... Рассчитаюсь с ним. — Шарахнул. Потом отца его вызывают тоже к этому Уварову. Того спросили.

— Я, — говорит, — тоже не знаю. — Ну, он, короче, колотнул их. Уварова выпустили, а их посадили. И потом началось: вот один одного, один одного... И так и вытаскали. Вот оно так и было.

Я был оторван из Буры семнадцать лет: десять сроку да семь лет по вольному найму.

[— А как выжимали показания из людей? — *Соб.*]

Там выбивают, вынуждают. Бьют на следствии. Милицонеры-то чё? Вышибалы добры были: «Вот давай, ишо кто был». А приходилось так, что ввали один на одного. Уже здесь-то, в Буре-то, каждый, как свои пальцы, каждый человек-то человека знал. А вынуждали, что приходилось показывать.

Я в то время был в колхозе кладовщиком. Чё же? У меня зерно, у меня касса, у меня всё. И меня не садили. Предпоследнего посадили, ну, такой он неразвитый был...<...> А приедет арестовать... Рабочие — кто там? Почти одни бабы остались. А я кладовщик, всегда дома. Только что когда сенокос, меня редко застанешь дома, тоже работал, хоть и кладовщик, всё равно надо было корма заготовливать. <...> Ну, и он тоже раскатился там и на меня взял да показал. А мне было всего двадцать семь лет. Потом я был кандидат в партию, мне уже надо было партийный билет получать, и мне уже билет-то выписан. Вот оно как было. А за что? Ни за что. Сколько вот их сидело, уже двадцать человек, из двадцати один нашелся сказать на меня — и всё. И я не отстал. Двадцать семь лет. Да ишо не было двадцати семи-то. Я вот чё испытал: Крайний Север. Далеких лагерей, маленьких хаток, так говорят. <...>

[— А как в деревне переживали это всё? — *Соб.*]

Ну, дак а как? Оставались вот с детьми. Вот у меня жена осталась, ее мать. Чё же? В колхозе так и работали. Да как на их смотрели? Мы уже являлись как «враги народа» перед государством-то, ить верно? Перед советской-то властью. Раз по такой статье нас сопроводили туда, на их взгляды, — тоже были плохи... Ну, так они тут и маялись тоже. Но всё же прожили и войну...

[— Как вы считаете, почему всё это произошло? Сколько хороших людей погибло, коммунистов? — *Соб.*]

Такой же, может, негодяй показал на него...

[— К Сталину как вы тогда относились? — *Соб.*]

Я-то, конечно, относился, как и обычно. Я и не мечтал, что так получится, правда? Секретарем комсомольской организации был, но после это ничё не спасло.

А вот эти банды были — двадцать девятый год. Я как раз секретарем комсомольской организации... Большой, объединенной: Бурукан, Бура, Ёлгино... Мы по ликвидации этой банды-то... Я вооружился, слял на коня, пожалуйста. Пока их не окружили Сретенский гарнизон, и мы тоже таким же защитникам были против их. А не то, что как сам я попал в такую же группу. Видите? Ну, а на следствии станешь объяснять, кто тебе поверит? Я сам по суткам, по трое даже не спал, в разъезд ездили, вылавливали эти шайки-то, которы протестовали. В ликвидации их я участвовал. Это было в Бурукане. Тут, конечно, с района был от райкома партии уполномоченный, с нами жил, чтоб никого никуда, полная боевая готовность... Бывало, ночью тебя в разъезд куда-то: в Курумдюкан, может, по какой-то паде направят или стоишь на окраине села на постах, охраняешь, чтобы никто не ворвался...

[— Люди как относились, когда называли «врагами народа»? — *Соб.*]

Ну как? Они чё же могут относиться? Они, можно считать, которые ишо и не сидели. Тут же жили так: может, сёдня — меня, завтра — другого. Никто же не думал, не чаял... Вот так и началось: один одного, один одного... Это больше пострадал Курумдюкан, Бурукан и Бура. Много людей пострадало.

Много расстреляли даже здешних, буруканских. Я в Чите два месяца сидел в тюрьме. Там, где в тюрьме сидишь, уже на работу не гоняют. Но, а после понял... Вот одиннадцать человек, дальше Читы их никуда не увезли, их расстреляли, конечно. А тем уже легче пришлось. Много расстреляли, это я уже после узнал. Их отправили тринадцатого января тридцать седьмого года в Читу, их поезд «Сретенск — Чита», да и нас так же везли. В Сретенске посадили и трое суток везли. Паек хлеба дадут, его съешь, а потом два-три дня голодный.

Там областная тюрьма была большая, хозяйство большое у них было и всё. Там была <...> болезнь, сыпной тиф. Их эшелон-то не приняли, они стояли в тупиках в вагонах. Ну, там от поваров, очевидно, я узнал всё это. Дескать, сначала всё им привозили из тюрьмы с кухни — их кормить-то надо было. Потом всё меньше, меньше, меньше. Ну, а потом выяснилось, что только один из расстрелянных остался живой... Их, конечно, из этих вагонов увозили в подвал где-то, там и расстреливали. Ну, допустим, человек двадцать пять, а один остался живой. Тех в тюрьме, которые малосрочники, работать их заставляли. Если убили, их же надо вывозить кому-то все равно куды-то. А там чё же вывозить? Дорога хорошая была. В овраг. Вытряхнул туда, укатились, скалу обрушат — там завалило. А один... В подвале-то расстреляли, а когда их стали убирать эти рабочие-то, а он живой. С Зерена нашего Газ-Заводского району, пожилой уже мужчина был. Такое счастье ему выпало. Ну что, куда его? Ну,

конечно, сразу на вахту, на проходку тюрьмы, дежурному... И этот человек так и остался живой, он же как будто расстрелян. А его все равно подпарили да с нами же на Крайний Север увезли. Вот кому счастье — удалось остаться живым! Редким, наверное, так удавалось. <...>

[— Как вас везли? — *Соб.*]

В товарняке. Вагон. Из Читы нас как раз под Первое Мая. Первого Мая мы — станция Шилка — как голубяты, выглядывали в окошечко. Демонстрация идёт! А мы сквозь решетку в товарняках в вагонах смотрим. Даже нам Первого Мая в честь праздника хлебушка не дали и кипятку не принесли, не то что покормить чем-нибудь ишо.

Ну, и везли нас во Владивосток. В Владивостоке было две транзитки, на первый рейс и на второй. И в каждой транзитке по девяносто пять тысяч человек. <...> А ить всех надо кормить. Хотя там восемьсот грамм хлеба, но везли-то — знали, куда везли, что там работать придется — морить тоже нельзя. Заморишь — значит, он работать не годится. Хотя восемьсот грамм хлеба, а корми его. Ну и горячу пищу давали тоже там, суп какой-нибудь, картошку — кормили, правда. Во Владивостоке нас тоже месяц в этих транзитках продержали. А потом пароходом морем — на Крайний Север, город Магадан... Магадан был областной город. Да ишо от Магадана восемьсот километров. Вот там я и отбывал срок. Это сначала было Северное горное управление, потом в Западное управление опять перебросили, уже там срок добыл. <...>

[— В каких условиях вы жили? — *Соб.*]

Ну, само по себе заключение в транзитке, конечно, когда везут, тогда не работаешь. А когда привезли туда, дали день отдохнуть — шутка, с такой дороги... А потом лагерь. Но под конвоем не был, под стражей не был. Бригада у нас расконвоированная была. Ну, работали. Ишь хочешь — значит, надо работать. Кто не работает, тот, так и говорят, что не ест. Так оно и было. Если бригада с первых дней начала работать хорошо, значит, она будет и деньги получать. Деньги платили хорошие там, хоть и заключенным. Вот я заключенным работал, а пожалуйста: я тысячу семьсот, а то и две тысячи, бывало, зарабатывал. А раз у меня деньги есть, у меня и всё будет: у меня и хлеб будет, у меня и масло будет, и сахар будет. Если токо их класть не будешь под камушек, хранить их, а себе кушать жалеть. Если токо деньги будешь класть, тоже не проживешь на государственном пайке. Конечно, если бы паек тебе полностью приходилось съедать, чтоб из этого пайка вся бы пища тебе приходилась, ее бы хватало. А то ить на твой-то паек там много причиндалов-то, каждому надо в карман чё-то положить. В лагере есть там завхоз, повара. Ну, повара, эти уже на наших крошках жили, можно сказать, они такие же заключенные, как и мы. Если нас в тридцать восьмом, тридцать девятом году в лагере пошло на зимовку три тысячи семьсот человек (в одном лагере, он назывался в честь летчика «Челюскин», прииск «Челюскин»), а к весне-то осталось семьсот человек. А где три тысячи? Вот так. Ну, там большую часть те остались, которые работали, а большую часть остались сибиряки, забайкальцы, ну, часть украинцев. А что те: Алма-Ата, Ташкент, эти все нерусские — а те наглядно, как мухи... Работать да на таких морозах...

[— Не могли вынести? — *Соб.*]

Нет. <...> Летом в открытом забое, там дождь — не дождь, работали, как волки. Приходилось работать и двенадцать часов. А если еще бригада не выполнила задание, их еще оставляют. Еще шесть часов — восемнадцать часов. Когда так оставляют, там уже эти так, на мурцовку: всё равно они работать уже не будут. Чё же? Двенадцать часов проработали. <...> Но хорошо, что в нашей бригаде так не получалось.

[— А в бригаде сколько человек? — *Соб.*]

Тридцать два человека. И мы вот как пошли с первых дней — просто исключительно. Стали деньги получать, стали питаться хорошо. А потом деньги есть, так мы в эту столовую не ходили. Хлеба надо — пойдешь в хлебрезке попросишь: «Килограммчик хлеба взвешай!» Он тебе не килограмм, — «чё, я тебе резать буду?» — буханку толкат. Значит, ты уже сыт? А, кроме хлеба, еще есть... Раз ты в столовую не идешь, значит, у тебя есть, что есть. У нас в бригаде так. Ну, в бараке мы жили. Да мы свой хлебный квас — две бочки. <...>

[— А в столовой платили? — *Соб.*]

Нет, в заключении никто не платил, там уже на всё готовом. Конечно, пайка нам была сначала семьсот грамм (это как этапная, когда везли). Ну, а потом привезли на место — сначала сразу, с первых дней, станешь работать: ага, бригада выполняет задание — значит, тебе уже килограмм, а не восемьсот грамм... А ишо, если перевыполняет бригада, уже кило двести, кроме пайки, получаешь. Ну, а потом еще к этому тебе — бригаду заслушают о том, что тебе дополнительный паек должен быть — тебе еще триста грамм добавляют, тоже бесплатно. А за деньги — это уже только во время войны было. А до войны дак там идешь просишь килограмм — он тебе кирпич, буханку толкат: «Бери, я чё тебе, резать не буду». Вот видишь, оно как было.

[— А в бригаде какие отношения были? — *Соб.*]

Бригадиры были всякие, мы бригадира делали из своей бригады. Сами делали, чтоб ощущал, заботу имел о рабочем. Только таких. Дали нам сначала бригадира. По бытовой статье осужден был, малосрочник. Ну что? Да он не только что если рабочим помочь, он себе лишь и урывал. Если ты копейки получил, он у тебя же может их стясти, обобрать. Но недолго это так существовало, каких-то полмесяца. Мы — своего бригадира, и у нас работа пошла. У нас начальство: есть начальник забоя, есть прораб по разрезу, мастер. Вот пожалуйста, за кого мы дорожили и кто дорожил рабочим. Действительно, выполняли задания. А норма так: ячейка — три человека, тачка — две ручки, одно колесо... <...> Ну, правда, всё зависело от бригадира, от начальства. Когда бригадир жилец с начальством, если работает хорошо, начальство уважает бригаду. Они тебя не обидят, чтоб ты без копейки не остался. Я же говорю, что мы в заключении по две тысячи получали в деньгах.

Ну, в то время, видишь, неправильно было сделано. Началось с пятидесятого года. Заключенные там же (я еще там был до пятьдесят четвертого года, и вольным уже) уже не двенадцать часов работали, а девять. Всего на час больше вольнонаемного. А нам-то приходилось — двенадцать часов. Двенадцать!

От звонка до звонка чистых выработашь. Только что обед — и опять на работу. Да и то обед-то в забой привозят. В ненастную погоду в открытом забое работаешь — дождь, грязь, холод. Как-никак, раз дождь, то весь мокрый. Тут привозят обед. Но тут опять же зависит... Для хорошей бригады и хороших рабочих тут привезут обед горячий тебе, всё. <...> И тут же еще привозили даже спирт, пятьдесят грамм спирту каждому рабочему. Разведешь, значит, выпьешь, пообедашь и ишо пушше того работаешь. Кто сберег сам себя — дак сберег, можно сказать. А кто уже крылышки сразу, с первых дней, спустил — всё. Мороз. А вот эти все нерусские, оне и в шахту не попали, никуда, а в открытом забое... А шестьдесят градусов мороз! Он же не способен... Завяжется, пришел в забой, надо работать, а он сложил руки, вот стоит дрожит. Кого там дрожит? Он стоит до тех пор, когда... Упал, ишо последний клубочек пару выскочит, ишо чё-то там, что не замерзло, и все. Назавтра, смотришь, по забоям на санях собирают прямо. Это правда, было. Чё же? Не секрет. Кто работал, тот и выжил.

[— А вы там дружили с кем-нибудь? — *Соб.*]

Ну, какие у нас там друзья? В одном лагере, свою бригаду только и знаешь.

[— У вас постоянные люди были в бригаде? — *Соб.*]

Постоянные. Мы даже вот... Пять лет Красное знамя держала наша бригада, стало быть, заслуживала. Пять лет — переходящее Красное знамя. Ну, всё это, пока мы были на одном прииске, а потом... Тут уже обживешься, тут уже и начальство всё знашь. Вот как перебросят куды-нибудь на второй прииск, в тайгу, там уже приходилось труднее. Пока там применишься к жизни, пока там ишо к начальству привыкать надо да всё... Конечно, бригада уже, можно сказать известна, а всё равно не то. <...>

[— Так вы пять лет на одном прииске работали? — *Соб.*]

Больше даже, это пять лет мы только Красное знамя держали, а до Красного знамя, пока мы его завоевывали, мы же тоже работали. Прииск назывался «Водопьянова».

Ну, а потом мы попали — какой-то прииск был «Одинокий» — туда попали. Но там и верно, что одиноки, в лесу. Глушь, от начальства далеко, значит, и всё. Если уж где подальше от начальства, там всегда хуже. Где было начальство, там всегда порядок.

[— В чём особые трудности были на этом втором прииске? — *Соб.*]

Ну, там сразу как-то... Возможно, и бригада пока может ступешаться сама по себе, ить правда? Конечно, дело в бригадире. Ну, потом, видишь, как-то администрация другая, обращение с той же хорошей бригадой, прославленной даже, обращение не нравилось — хуже. И вот оно из чего начало вытекать, вот оно и пошло. Но бригада не распадалась. Трудно — не трудно, а... Но духом-то упала, вне сомнения. Ну, и потом мы опеть же в шахте. Но там шахты очень были скверные. Когда сдвиг происходит, там ледяные прослойки, чё же, оне тают, кровли нарушаются. И вот там я уже получил... Придавило, упал. Ноги поломало, раздавило всего.

[— А что это за обвал? — *Соб.*]

Земля упала, в общем, мерзлая.

[— Технику безопасности нарушили? — *Соб.*]

Да ничё не нарушал. Во время работы. Я как раз тут ишо держал <...> на горного мастера, учился на горного мастера. Ну, горный мастер что умеет? Расстановку рабочей силы должен знать, там бурильщики работают, ты должен в шахте знать расположение, как эти шпуры бурить, как взрыв производить, всё. Это всё у меня так и шло своим чередом. <...> С бригадиром спустились. А там выдавали породу, золотые пески, в которых содержится металл. Линия — вагонетками выкатывали, а на гора, значит, там лебедкой вытягали. Ну и чё? Взрыв прошел, газ вышел. Мы с переноской прошли. Я видел закол, обнаружил в кровле. Бригадиру наказываю:

— Как только спустишься с рабочими, — я как уже мастер, верно? — закол надо сразу ликвидировать.

[— Закол — это что? — *Соб.*]

Вот, допустим, кровля, потолок, а там трещина так, трещина так, такой какой-то кумпол, может, какая-то пробоина, большой шпур туда сделан, оно расщелялось. Значит, его сразу надо было ликвидировать. Ну, я с ним проговорил, пошли дальше. А лава триста семьдесят метров. Ну, теперь вертаемся, бригадир шел сзади, а я с переноской впереди иду по линии прямо. Тут взрыв произошел, порода взорванная. Я опять:

— Понятно? Этот закол сразу ликвидировать надо. — И потом только тронулись (если бы он вперед-то шел, его бы, конечно, придушило, а то — я). Этот закол-то на меня и обрушился. И всё, готово, я неживой. Ну, пока он выскочил с переноской, пока бригада... <...> Я без сознания — в больницу. Четыре месяца лежал. Инвалид. Ноги поломаны, ребра поломаны. Даже в пятьдесят третьем году ложился на операцию, чтоб мне ребра вынуть. Я сбежал из больницы, не дал. Ребра срослись, но они даже и сейчас, бывает, препятствуют: тяжёло поднимешь — какой-то упор у меня... Ну, сутки пролежал (это уже — по вольному найму, хотел оперироваться-то). А придавило-то меня в заключении.

[— Вы четыре месяца там пробыли, а потом? — *Соб.*]

А потом — снова на работу. Я четыре месяца лежал, полтора даже в гипсу, ноги все в гипсу были. Потом гипс сняли. Два месяца в палате и два месяца на стационарном лечении. Ну, и кормили, правда, хорошо. Это всё от начальства зависело. Они сделали: инвалид, но чтобы оставить живого — по заслугам по бригадным.

Но потом уже я в шахте не работал. Сразу пошел по дорожному строительству, по открытым работам. А потом в Западное управление — уж тут попал я (тоже еще заключенным же) на кирпичный завод в качестве строителя, плотника. Там и добыл срок и освободился. На этом заводе семь лет проработал, на ём.

[— А с бригадой встречались потом? — *Соб.*]

С бригадой-то потом ничё не получилось. Эта бригада как пошла от бригадира к бригадиру, потом где-то в тайге открыли новый прииск, ну и туды... Из бригады которых тоже в шахте передавило, которые, значит, там <...> остывали... Бригадиром был хохол Высменко. Здоровый! Бригадир же физически не работает, ведет распорядок, всё рабочими командует, а всё равно воспаление

же было, умер. Помощник его там был — тоже такая же история. Люди были хорошие. Такой возраст был! Вот я с тысяча девятьсот десятого года — ну, допустим, я в сорок седьмом освободился... Все в такой возраст. И были грамотные, всё.

А вот когда мы на первом прииске-то жили, ой, мы там жили! У нас патефон, у нас гармошка, балалайка, мандалина, скрипка. Музыканты есть. Вечером соберемся. Ну, люди здоровые, физически работали здорово, питались хорошо — чё надо? Вечером там таночки, песни споем, поиграемся и — отдыхать. Вот это было хорошо. А потом, как туда увезли, всё сразу настроение упало у всех.

[— А из бригады кто как в заключение попал? — *Соб.*]

Да все вот такие же, как и я. Вся эта статья, вся бродяга и собралась. Там бригаду формируют, допустим, сразу — 106-ю. Вот были по 59-ой статье. 59-я статья, она гласит <...> — убийц, бандит, это бандитизм полный. Те под конвоем, у них и весь срок-то, может, три года. По таким статьям все под конвоем содержались. А нас — пожалуйста, нас расконвоировали. Под конвоем — только если с прииска на прииск перевозят, тут без конвоя уже не пустят: бригада может, дескать, уехать куда-нибудь. А остальное мы без конвоя.

[— Про Отечественную войну вы знали? — *Соб.*]

Дак вот у нас даже свой был репродуктор, проведенный на свои средства. Что у нас было, это всё на свои средства. Нам разрешали, конечно. А потом, когда началась война, их везде все сняли, и мы больше ничё не знали.

[— Вы знали, что она началась? — *Соб.*]

Знали. Утром, когда идешь на развод через проходную, тут уже «Информбюро»... Нам читали, как сначала немец брал (но, тут, конечно, меньше читали), но потом, когда уже стали немца гнать, тут уже нам ежедневно... Тут как-то у всех на душе-то тоже настроение было какое-то... Нам хотелось, что немец хоть и весь Советский Союз бы забрал? Нет. А когда стали немца гнать уже, вот тут нам каждый день на разводе информацию, «Информбюро» — так и называлось. Зачитывали: столько-то отогнали врага, столько... И день Победы... В день Победы мы были на работе, я как раз в доротделе и был на открытии летней трассы (снега же там по два метра наносит), мы на работе были. А кто в лагере-то был, так тем сразу: день Победы — уже праздник. Нам уже дали тормоза, дескать, что вот, день Победы. Обед хороший сготовили нам, но, конечно, водки не дали. [Смеется].

[— Какая статья-то? — *Соб.*]

Статья называлась 58-я. Но она же по пунктам. 58, пункт первый — это самый плохой пункт: измена родине, это уже самый заядлый враг, как эти... Создавали повстанческие организации — вот она к ним относилась. Но у меня таких пунктов не было. У меня — как будто соучастник. А какой соучастник-то я? А всё равно... Конечно, если бы где-то на суде, ишо бы, может, чё-нибудь получилось, а тут ничё. План. Тут каждый план выполнял и больше ничего. Каждый начальник райотдела. <...>

[— Как из заключения вышел? — *Соб.*]

Срок кончился, десять лет. На двадцать два дня вперед срока освободили. По какой причине, не знаю. Конечно, до войны там были зачеты: если хорошо работает человек, значит, ему засчитывали на день полтора дня или даже по два дня за день засчитывали сроку. Оно бы всё же приближало ведь... А война началась — это всё ликвидировалось.

Или ещё вот так. У нас начальник шахты был. Москвич, Зотов, инженер подземных работ. Первый метрополитен в Москве отрабатывал он. Жена у его. И тоже по 58-ой статье попал. Также на Крайнем Севере. Инженер, грамотный, подземщик, тем больше, он — начальником шахты. Но у него срок был пять лет. Жена у него тоже имела пять лет, тоже там, на Крайнем Севере. <...> Жена у него электрокомбинатом заведовала. Война-то началась — жену-то освободили, а его не освободили. И он всю войну работал. Он уже как вольный должен получать зарплату, но ему платили там ишо пока <...> И пять лет, пока не кончилась война, потом его рассчитали сразу, как по вольному найму. Но мужик хороший был. Он не закричит. Придет, по-человечески поговорит:

— Как настроение?

— Хорошее!

Хотя он ишо заключенный, мы — «товарищем» его. А если я заключенный, а он вольный, я уже «товарищем» его не имею права назвать — «гражданин». <...> И только он нашу бригаду-то... Ну, а впоследствии с этой бригадой-то тоже... Ещё в пятьдесят третьем году встретил из нашей бригады одного-единственного человека, который мне и рассказал, что бригада вся изгнула: которых передавило в шахтах, которых сами умерли. Так что из бригады тоже потом ничё не получилось. Но я счастливый, выжил, только покалеченным приехал.

В пятьдесят четвертом году я приехал, когда уже добились выезда — этого Берю разоблачили. Ехал домой и не верил, что я еду домой. Пока вот не переступил порог, всё не верил. И домой-то не сообщал, что еду. Нет. Потихоньку.

[— А письма писали домой? — *Соб.*]

Писал. Деньги отправлял. Заключенным, главно-то, денег было много, а списаться-то я не мог. Вот сюда ничего не пропускали. Не мог добиться. Мне куда их, деньги-то, было? И им бы здесь жить легче было. <...> А чё я ни делал в заключении! Каких телеграмм ни давал, каких писем! И через начальство-то, и всяко. Всё одно добиться ничё не мог. Вот даже телеграмму дашь с почты... <...> Тогда же отделение связи было в Бурукане, может, вот тут зависело дело? Или в Газ-Заводе проверяли. Почта есть почта.

[— И ничего не знали о вас, пока были в заключении? — *Соб.*]

Нет. Ничё не знали. Мамка всегда плакала: где же я должен быть? Ни слуху, ни духу. Конечно, нет. Эти девчонки маленькие были. В пятьдесят четвертом году эта еще в девках была, я пришел. Две дочери у меня в Чите, младшая и старшая, а эта средняя.

[— Как сюда приехали? — *Соб.*]

Ехал я сюда с Магадану. До Хабаровска — самолетом, с Хабаровска поездом. Ой, оттуда народ-то как повалил! <...> В том же Хабаровске, если билет достать на поезд, дак это надо было в Хабаровске дня три-четыре жить, пока

бы попасть. Ну, я тут сумел, через задний ход прорвался. Конечно, там «руб. пятьдесят» — дороже билет. А как это «руб. пятьдесят»? Если мне от Хабаровска до Сретенска билет стоил сорок девять рублей, то — сто пятьдесят. Ну чё? Натё, только дайте билет. Взял билет, в 10.35 — в вагон и поехал. До Куэнги, в Куэнге, значит, ночевал, потом уже на здешней на колхозной машине приехал прямо домой.

[— Вас узнали? — *Соб.*]

Да ещё как узнали! Я ещё в Газ-Заводе встретился... Дочь ехала из Читы сюда гостить, и зять, и уже девочка у них была. Сколько ей? Однако, два года не было ещё. Я с ними в Газ-Заводе-то встретился. Встреча-то через семнадцать лет была с первой-то дочерью, с зятем. И вот вместе приехали. Тут вот, где лесник живёт сейчас, тут жил шофер, Выходцев Гаврил Иванович, вот он нас привез. Ну, и мы потом зашли, ох... А чё же? Ещё плохо они жили тут, ничё не было. Вот видал, как встретились. И живой. Зять с Нюшкой зашли, мать-то поймали. Я говорю через порог:

— Мне-то тоже можно сюда? — Ох, оне обезумели потом: я откуда же с имя попал? Но, бабушка, моя жена-то, думала, что я в Чите у них гостил, или чё ли, а я вот только в Газ-Заводе встретился. Я бы со Сретенска попутной машиной не уехал, я бы как раз вместе ехал с ними на грузтакси. А то там в гостинице ночевал, со мной в Куэнге сяди два врача из Читы, ехали на Нер-Завод и на Газ-Завод рентген делать, аппаратура у их, чемоданы тяжёлые. Один-то молодой, а другой-то пожилой врач. Ну, я-то ничё, здоровый такой, справный, не то, что счас. И оне мне наказывают:

— Ты от нас никуда. — Пожилой сразу — в райвоенкомат, дескать, нам транспорт нужен срочно, по военному делу. <...> А тут мне попутна машина на Нер-Завод. <...> И вот я и уехал вперед грузтакси-то. Они потом нас в Кавыкучах обогнали, мы как раз стояли, траву рвали, в кузов бросали, там какая-то аппаратура в опилках... Врачи-то меня увидели, грозили, что я уехал. Я бы с ними бесплатно приехал до Газ-Завода. Они мне так и говорили: «Ты от нас — никуда».

[— Они знали про вас? — *Соб.*]

Нет. Мы в Куэнге встретились, в вагоне. <...> У их чемодан семьдесят пять килограмм. Я его на плечо, а пожилой уже мои манатки тащит, лёгоньки. У меня чё тащить там? Сразу я тут с ними познакомился хорошо. Если б не уехал, я бы так с ними и ехал. Время — спешишь, едешь домой и не веришь, что будешь дома.

[— А как вас односельчане увидели? — *Соб.*]

Ну-у... Тут все вот эти, у которых не возвратились, все бегут, спрашивают: не видел?.. Да где там чё увидишь, ить верно? Во Владивосток — сколько моих односельчан? Всего четыре человека попало, а с Владивостока, опять, — я один, до Крайнего Севера. А Крайний Север большой. Развезли, кого куда.

[— Другие так и не вернулись? — *Соб.*]

Нет. Двадцать человек.

[— И родные ничего о них не знали потом? — *Соб.*]

Но, которые разыскивали через областное НКВД. Но чё там могут ответить? Отвечают им: погиб при служебных обязанностях. Как из армии, так и там. Сказано, что погиб при исполнении служебных обязанностей — значит, в живых нет. <...>

[— Как вы дальше жили? — *Соб.*]

Тут ничё: ни сеней, ни кладовки — ничё не было. Огородчик был небольшой. Коровки не было. Ее чё же? На работу в колхоз молотить хлеб увезут с утра до темной ночи. Корова не вернулась, а девчонки маленькие. Куда? Побегали по деревне — нету. Ну, чё? Бабушка утром, жена-то, побежала за Буру — голову нашли. Ее волки съели. И они — без коровы. Ну, что же? Пришлось... Там у меня брат был в Курлее, телочку двух годов привел. <...>

Я как приехал, жена больше не работала, она болела. С этой коровки мы повелись, ежегодно сдаю государству коров, телят. В прошлом году — внук, который уехал — три головы ему вырастил и сдал, отдал деньги ему: «Живи». С этой коровки — и каждый год. Сейчас опять пять голов, к лету пойдут... Так и живу. Свиной держу, кур держу.

[— Кем работали? — *Соб.*]

Сразу кладовщиком пошел, а потом в совхозе, когда тут объединились, <...> в мастерской работал. Всё умею делать. В Чите к дочерям приеду:

— Оставайся, живи здесь. — А без коров как буду жить? Вот за эти хвосты уцепился, ну и всё. Я не могу, в самом деле. <...> К младшей на новоселье ездил, месяц с лишним прожил. Не пускат:

— Папка, не езд. Вот живи тут, лежи и всё. Не надо работать больше, хватит. — Ну, как же? Разругался да уехал. Вот так и живу. Лето — сено косить надо, зимой возить надо. Зимой вообще уходу много, летом легче всего со скотом.

Скоро ли? Долго ли? Мало ли? И всё кака-то мечта была, что я вернусь домой. Оно вышло: и в самом деле вернулся. Точно я говорю. Всё предполагал как-то, как будто как счас и положено. Вот едешь и не веришь, что едешь домой. Приехал тут с машиной, шофер-то колхозный. Ну, деньжонки, копейки были. Тут зять, дочь-то. С Газ-Завода он нас довез. У его тут сразу следующий дом.

— Ну, чё, до дому довезти?

— Да мы теперь в состоянии сами дойти. — Я долго не думал. Знаю, что со Сретенска до Газ-Завода пятьдесят рублей автобусом (правда, автобусов тогда еще не было), и я ему сразу сто пятьдесят за троих-то вытаскиваю денег. Он:

— Чё?

— Дак что привез-то. — Он не берет. Я ему взял да сюда положил. Он:

— Ты что? Ну-ка, забери деньги! Ты мне сосед, машина колхозная. Колхоз на этом не пострадает, что я тебя привез. — Я не беру:

— Возьми.

— Нет. Я счас за одну ручку возьму и тебя ручкой угоню, чтоб ты убежал до дому. — Вытащил, затолкал мне в карман. Не взял.

Вот как я приехал. Ну, вечером, правда, я его пригласил. И то три раза, пока его привели сюда поужинать, поговореть, три раза за ём бегали. Всё же пришел.

И вот стал работать. Силенка-то была! А теперь жалею: домишки-то надо было перетрясти по новой, оклад новый... Сила была и всё. Внизу-то все бревна сгнили, надо было наново там всё переделать, а то теперь у нас холод.

Устные рассказы о традиционном крестьянском укладе и о его разрушении

Бедные и богатые

155. *А. А. Ермолих:* — <...> А ранче как жили?.. Ране лучше было, как хочете. Ране хоть и мало, а девки-то платья носили, ботинки бравые, вечёрки были, ходили на вечёрки, танцевали. Потом...

М. А. Томских: — ...Потом это в Святки, в Рождество. Ране богатый народ был, хлебный, мясной!

А. А. Ермолих: — Не все богатые, ты не говори.

М. А. Томских: — Не все были, и сейчас не все.

А. А. Ермолих: — А неурожаи-то какие были...

М. А. Томских: — Кто хотел работать, наробил, заробил и жил. А кто не хочет.., мешок муки заробит и лежит, есть. Съел, тажно опять потом искат. Ну вот и всё: кто робит, трудится, тот и живет. А кто не трудится, у того и нет ничё.

А. А. Ермолих: — Ну вот ты трудилась...

М. А. Томских: — Я вышла замуж за бедного. <...> Но, лето-ка сено косили... отдать купцу — за одно вино. Потом свадьба отошла, а он пошел в работники, мой мужик, жить... Вот тут... <...> Я пошла полы мыть, белить тама-ка, шить. Я маленька стала шить. Шить стала. Вот. Потом... всё робили у людей, жали, косили, всё помогали. Я день роблю, а ночь сижу да шью-ка. Потом захотели нажить мы со стариком — нажили тажно! И амбар срубили, и дом срубили, и животины были, четыре коровы доила. Только стали жить сколько-то, и... у нас всё взяли. Вот. <...>

156. А богачи-то любили, чтоб мы задаром работали. Вот была тут вчера [соседка. — *Соб.*]. «Я, — гыт, — выбелю, вымою, еще чё-нибудь делаю — только накормят, а больше ничё». Богачи-то. Только накормят. Вишь, как считались.

Их недаром и раскулачили.

157. ...Войны-то были, с Китаем была и с японцем была. Отец-то у нас... А раньше служили по четыре года, не по два. И он на этих войнах был и везде. Потом зимой-то пришёл (вот я уж помню, как он пришёл, встречали, гуляли), а весной-то умер. А нас у матери-то шестеро было, один одного мене. Старе меня два брата было да сестра. Мы с братом — я по нянькам ходила, он — работником. По нянькам, по стряпкам. Раньше же ни яслёв, никово, у богатых

с ребятишками водилась. Вот моталась, стряпкой называлась, у богатых же опеть. Матери же помогали. Вот нонче матерям-то помогают, а нас шестеро у матери было, и никто не помогал. Я чё тама-ка зароблю, таперь сын-то. А мать поедет к богатым — шерсти надают, прясть, ткать — нас заставляют. Вот она нарядёт, выткет её. Кросна ткала. Сами ткали. Соткёт, потом катали его, сукно. Скатают — рядов-то незнатко. Вот потом повязёт работу эту, ей там хлеба, муки — заработат. Так и жили.

Подросли, я потом ушла. Там старе меня были, вперёд ушли. Вот она с сыновьям потом жила. Сыновей только поженила — знамо, как ранешно житьё — померла. [Плачет.]

158. ...А вот беднота-то и тянула ляжку! У нас у матери была корова, нас было пятеро у неё, отца не было. Нужда, в общем. На сепаратор носит от коровы молоко, а в страду вкальват потом — отрабатывают за этот сепаратор. А если посеял десятину или полдесятины на их земле, дак тут и не расплатишься. А обычно бедны сеяли на такой земле, что ничё и не родится. Тоже таки же казаки, таки же наши же, государево войско, служивые люди.

Помню, у нас получилось так. Была в хозяйстве у нас одна кобылица. Работать некому на ней, она лето пасётся в табуне. И от родила двух жеребят: один нынешний, другой прошлогодний. А кобыла эта ожеребилась и сдохла в табуне. Мать говорит:

— Как же продержат этих жеребят? Продавать — рано ещё — малыньки.

Пошла, договориалась с одним кулаком, он ишо наш сват был, вроде — родня. Она:

— Ты прокорми мне их до весны.

— Ладно.

Взял. Но а как кормил, известно — на соломе.

Весной, значит, ходят со станичного управления писаря, предъявляют матери счёт: за недоимку прежних лет — 60 рублей (в то, в старо время!) Но и описали этих жеребят. Один богатый пришёл, забрал их, увёл. Остались мы ни с чем.

А за «прокорм» она потом цело лето вкальвала этому кулаку-то, «родне»! Эта така родня, она счас ведётся, волк на волке!

Счас оне заделались партийны, куда там! Вот така жизнь была.

А здесь у нас в Забайкалье лесостепная зона — июль месяц бывает особенно засушливым. Трава не родится, хлеб не родится. И вот беднота потом бросается. У нас тут прииска были, стары, вот там старательским способом бьются, на этих на выработках-то старых. Вот и Дусин отец так же жил. Семья, кормить нечем — вот и вкальват там, этих «глухарей» бьёт. Шурфы эти пусты. Другой раз до того добьётся, что выхода нет. Животина кака есть, значит, продаст.

А купцы, вот тут был — дочь-то которого училась в Томске-то <...>, мужика прижмёт нужда. Он [купец. — *Соб.*] договариватся: «Вот я тебе заплачу, до осени-то он пусть у тебя будет». А он осенью-то уже бык настоящий. Он его за копейки забират по осени и уводит. Вот так беднота и жила.

То вот в ремонт идут на железну дорогу работать.

159. Вот раньше здесь казаки жили. Именовались они Забайкальско казачье войско. Вот были среди них и бедные, и богатые. Богатым считался тот, кто засевал несколько десятин хлеба (десятина — это 3200 сажен). Сеяли от пяти до десяти десятин. Ну, вот так они и жили: губы красили, шею не мыли. [Смеётся].

Здесь был третий отдел в Нерчинске, который командовал этим... округой. Тут, в Забайкалье, было четыре отдела. Нерчинский был третий казачий отдел. В Знаменске — Знаменска станица называлась. В отделе был глава. Атаман отдела назывался. А в Знаменке — станичный атаман. А Кумаки — просто посёлок Кумаки, тут был поселковый атаман. Казаки на сходе решат, кому быть атаманом — по выборам, зарплату он не получал. Грамотных обычно выбирали, пожилых. И оне руководили.

Вот ребяташки, школьники, уже начинали заниматься военной подготовкой. Уже с детского возраста, лет десяти так. Лет пятнадцать — уже были молодые казачаты. Они должны были заботиться, чтобы была лошадь, хороша лошадь, строевая. С восемнадцати лет они уже были на военном учёте. И полных двадцати одного года выходили уже на военную службу. У него должна быть собственная лошадь строевая, собственная, ростом не меньше два аршина и два вершка, хорошо уезжена, снаряжение на эту лошадь: седло, уздечка, недоуздок, сумы. Сумы, говорят, переметны [Смеётся] — саклы (саклы — мешки для овса, чтоб можно было их к седлу привязать), треног для лошади, прикол (прикол — колышек специальный и веревка — колышек вбивают, где остановились, и коня привязывают, чтобы он не мог убежать — отпускают коня кормить в степи). Основное — седло. И это стоило удовольствие 56 рублей. А для того чтобы иметь 56 рублей, надо было продать две коровы хорошие. Корова стоила рублей 30. Теперь он должен иметь свою саблю, шашку. 5-6 рублей она стоит. Теперь должен иметь обмундирование своё: гимнастерка, брюки суконные, еще гимнастерка, брюки хлопчатобумажные, две пары белья, шинель, папах, фуражка, две пары сапог, перчатки. Причем это все готовилось централизованным порядком, надо было только отдать деньги. И таким образом, чтоб казака собрать в армию, надо набрать где-то около 200 рублей. А как бедный с этим: его с семнадцати отдавали в батраки к богатому крестьянину, и он должен три-четыре года работать без всяких выходных и отпускных, и хозяин ему должен готовить лошадь четырёх-шести лет (не меньше четырёх и не больше шести) и всё остальное.

Жил бедняк. Приходил он из армии, начинал жить, что называется, женился, в избёнке поселялся. Четыре года прослужит, лошадь везёт обратно. Всё ему там восстановить должны (обмундирование, лошадь — если износились). В полном порядке он приходил. У них вот ящичек — полный обмундирования. У каждого такой сундук был с надписью. Они эти сундуки грузят в вагоны. С нуля, что называется, он начинает жить. Чтобы жить, надо хлеб сеять. Опять же он подпаривается к мужику, у которого есть лошади, и начинает работать.

Три-четыре коня в плуг — и десятину пашет четыре дня. Вручную потом посеять, на лошади заборонить (дней шесть уже выходит). Вот ему, значит, пришлось так — если у него один конь, он одну десятину сеет, у кого три коня — три десятины.

Хлеб родился, продали хлеб, надо купить тёлку, на это тоже надо потратить год (чтобы приобрести, чтобы вырастить — два-три года). Теперь для того, чтобы купить одежду, пропитаться — купить надо всё. Правда, всё это стоило копейки (яйцо — 1 копейка). Но всё это считались деньги. Таким путём человек трудился. Хлеб уродился, — он может получить с десятины сто пудов пшеницы. Это сейчас шестнадцать центнеров. Вот их надо распределить на питание, остальное — на семена, часть продать. Продавали мукой. Один рубль — один пуд. <...> Если хлеба нет, надо продать сено; заготовить в лесу дров, распилить, расколоть их, увезти в город, продать. Воз дров — 70 копеек.

Начинающей семье доходу не хватало. Начинаящей семье этой приходилось или обратно идти к богатому мужику работать за бесценок, или пойти на другие заработки, в основном на прииски уходили золото мыть. <...>

160. У меня отец был па́данок. Мать его 17-ти лет в девушках родила. В общем, по оплошности, подружка подвела ее: ее посватали, она за етого парня не пошла, а отец хотел отдать. Он её саму хорошу подружку и подключил: «Ты её вызволи». Она вызвала, тот её увёл да что надо, то и сделал, который сватал. А только пришли на вечерку-то, она её сразу поздравила с «законным» браком, эта подруга-то. А она не пошла никак: «Не пойду!» — и только. И вот в девушках родила 17-ти годов.

Тепериче, на Рождестве было, на третий день Рождества, ране старушки водили их в баню. Она привела и с её крестик сняла (это сама бабушка рассказывала). Я, гыт, моюсь и боюсь. А она ушла на двор, мол, ты, Натаха, мойся. И мне, гыт, помаячило, что будто вот така пёстра собака из-под полка выскочила и говорит: «Лезь мне в пасть!» — Я лихоматом заревела. Она забежала, меня перекрестила и, говорит, крест надела на меня. И привела. И вот к ей привязалась родильна лихорадка. Она захворала и всё время хворала. А ить ребенка кому-то надо сосить.

А тут на Большом Лугу жила женщина. У ей мальчишка помер и муж помер. А груди-то у ей свежи были. Она — того, другого, ей говорят: «Вот где есть! Ты его возьми». Она пошла, и ей десятидённого отдали этого мальчишка, моёго отца. И она его вырастила.

Тепериче, его мать выздоровела и вышла за образцовского урядника в Крупянке, за Костинкина Васильича. Максимов. А ему [сыну. — *Ред.*] семь лет было. Она сколь раз приезжала, хотела отнять его, этого мальчишка, но никак не соглашались. Чё же, он знат, что мама-то эта, а та — чужа. Он же её не знат.

Теперь оне взяли в суд подали. Судом. Приехали, говорит, мы в суд, судья говорит мальчику: «Котора твоя-то мать — в ергачке-то или вот в хорошей шубке?» — Он говорит: «В ергачке!» Чё же? Ему говорят: «Вот кака у тебя мать

модна, отец моднай, вот каки у него кресты да медали!» А он говорит: «Я вырасту, дак тоже кресты да медали получу, тоже bravo оденуся».

Тепериче: «Вот мать твоя, она тебя родила, а эта только воспитала». — А он: «Не та мать, котора родила, а та мать, котора воспитала!» Но и судья не стал его брать. Как же так, сын не соглашатыся, семи годов, а никак не согласился.

Теперь, он до двадцати лет дожил, его на службу не взяли (он же казак), не взяли по семейному положению. Тепериче, стала она его женить. И взяла с Олинского Якова Шеломенцева дочку. Это моя мать-то. Она его на шесть лет старе была. Мать-то рассказывала: «Я, гыт, пришла, дак у них только два стакана было, берестом обвито, обмуровлены, да обмуровлена миска, да бура кобыла — вот и все пожитки. Я выла, выла, а отец меня просватал: „Ничё, что за бедного, я своёва дам!“»

И вот дал им пару быков, коня дал. А сперва-то у дедушки Мосеича работали они. И так вырядили: две борозды хозяину, одну борозду себе. Вот едак. Хлеб сеял.

А она же на́ поле и на́ поле! Какой ребенок родится — умрёт и умрёт! Первы-то дети все примёрли. У их [хозяев. — *Ред.*] дома́-то больши были. Она, говорит, хозяйка, наставит на столы, дак любо посмотреть: глаза-то ись хочат. А домой пойду, она мне с собой две крынки даёт с простокишей да краюху хлеба. Нет бы детей покормить, да ково их покормишь! Вот так и мучилися.

Тепери, когда дал отец-то коня и быков, мы сами стали и сеять, и жать, и косить. С хлебом стали. И вот хлебных амбаров-то не было, а одна избушка. Он в ней вырос, отец-то, и я в ней выросла. Она теперь здесь у нас, мы её с Большого-то Луга перевезли. И вот, гыт, всё время в чужи амбары сыпали. А хлеб-то до рубля дошёл, по рублю пуд! Его продали да сено продали. Кого кормить-то, кормить-то перво некого было. Потом стали косить, для своих косить. Потом он дом срубил, амбар срубил. Тепериче, нас вода потопила. Я уже помню, как вода-то пришла.

Он тажно стал проситься в Крупянку. Это в 1903 году в Крупянку-то он стал проситься. Его пустили. И вот он тажно двухэтажный амбар срубил и зимовейку перевёз свою, а свой дом с торгу продал зятю.

А мы ишо пока наверху жили, я вечно по займам. Мне семь лет было, а я уже работала. Кошераков пасли да чё да это. С сестрой. Она с 90-го года, а я с 92-го. Она коров пасла, я — телят. И мы на займке там пасли, старе нас сестра была, она коров доила, мы пасли. В Серобрусихе займка была, а мы все молоко таскали домой, и вот так и жили.

И потом в Крупянку переехали.

В церковно-приходску школу я пошла, того году у меня отец помер. Я восьми годов от него и осталася. Теперь, значит, первый год проучилась ничё, да друго-т год порубила ногу и полгода просидела, ползимы. На третий год встала. И всё равно не отстала от сестры-то. И сейчас у меня похвальный лист и свидетельство есть. Всего два года с половиной училась и вот не отстала. У меня память больша шибко была.

И вот, тепериче, мне надо было учиться ехать в Знаменку дальше, у меня там две сестры были. Я приехала. Ничё, что мне одиннадцать лет. А мы колоски вязали, я руки исколола. В бане помылась и руки сметаной помазала. Сестра мне говорит: «Ты не ложись к печке-то, тебя тараканы съедят!» — «Но, пошто они меня ись-то будут». А потом он меня как есть до кровь источил! Ой-ёханьки! Утром-то встали — садит руки-то. А потом я взяла да помазай земляничкой. <...> Меня тело-то невзлюбило! Ой-ё-ёй! Но по всему телу коросты! Я осталась, не поехала. На другой год хотела ехать, а брат мне говорит: «Но, ково, хватит. Бабе грамота — как кобыле виноходь! Парням письма писать!» — И меня отправили на займку коров доить.

Теперь, приезжат на займку мальчишка: «Вот, — говорит, — сестра (родная мальчишки), у неё верхушки болят, дак тебя заказывали». Я туды уехала. А опять мать-то у меня... В Холбон заказали. А меня напугали: там китайцы живут, я не поехала. А туды мать уехала. А я уехала в Торгу. И за стряпку, и за доярку. И вот с тринадцати лет полнова́ доярка была. А вот у нас девочке тринадцать лет, я ей: «Учись!» — выучилась.

И вот мало дома-то я находилась. С Миколы до Прокопьева дни я дома. Как с Прокопьева дни — на пашне, там на страде, на́ поле и на́ поле. И на граблях, и на сенокоске и в страду даже на жнейке ездила. Сперва-то боялась: крылья машут — а потом нико́во! Надо мной хохотали: «Ты как крестьянка держишься». А потом сама жала. И руками жала.

А вот руками грести — для меня острый нож! Вот как погребу руками — но-о! угорю, пошто-то не любила. Если я гречуху кошу, дак мне её чтобы не катать, я её на пучки сразу выкосю.

Ой, скоко я хлеба выкосила! И пошто-то мне легко было. Косила, сама литовки отбивала. Никому не дам, а то кто отобьёт — то «хлопушу» набьёт, то «титьки» натянет, а я уж отобью — как жальце! Пожалуйста!

И всё время по займкам. Там жила. До Прокопьева дни доживу и опять на покос. Да́к там всё запасала: и ковыль, и веники. Приеду, дома погостю, омоюсь. Баран в марте стригла.

А потом, как брата-то < неразб. >, меня взяли. Он как раз женился, Иннокентий. Он моложе меня на пять лет. Я ему: «Ты женись, докуль я буду...» Приедешь с покосу, а тут стирать надо. Утром люди идут по черёмку, а мне надо муку посеять, стряпать. И вот весь день.

Но он потом женился, мне всё-таки облегченье. А у ей ребята пошли, двенадцать душ. Было малокровие како-то у ней. «Нути, нути», — заревёт, — упала! Брат хлеба много насевал, а работников не держал. Я с ребятишками на займке.

Потом брат в 18-м ушли на службу, воротились, да их опять взяли. Они там офицеров перебили и переворот к Журавлёву сделали. Организаторы: Егор, мой брат, Илюха Подойницын да Торхов. Они офицеров перебили, и весь полк перешел к Журавлёву. А потом приехал Ушаков и всё у нас описал. Всё продали. Всё движимо и недвижимо.

А потом красны вошли. Дом-то перешёл нам снова.

161. ...Да, жизнь раньше совсем другая была. Всяко приходилось: голодно и холодно. Когда отец помер, я четырёх лет остался, мать померла — пяти лет остался. В батраки пошёл двенадцати лет от роду. С зари до вечера работал у хозяина. Хозяин был богатый, имел 30 лошадей, машины для поля. Батрачить надо было и на коня, и на обмундирование. Лошадь стоила 70 рублей. В 16 лет меня продали. 40 копеек в день зарабатывал: 20 коп. обществу, а другие 20 — для себя. За год 140 рублей набатрачивал. А казачье снаряжение стоит около 300 рублей.

В 18 лет встретил я революцию. И говорю своему хозяину: «Хватит батрачить, нынче советская власть». И ушёл на пароход, ходил он по Шилке. Первые пароходы как пошли, дак старухи все: «Церква, церква пошла!» Разные были пароходы: почтовый был, был и казённый, министерский.

Как появился атаман Семёнов, ушёл добровольцем (на фронт) в отряд Журавлёва. В отряде сначала было 30 человек. Все облазили Маньчжурские сопки. Видел Лазо, такой он молодой был и видный из себя, рост где-то метр восемьдесят. Возил я донесения от Лазо к Журавлёву. наших стало уже до 10 тысяч человек. Погодаева видел. С Ботов вместе шли. У него адъютант был Андрей Фёдоров. При Андрее убило Погодаева. Лошадь у него дикая была. Потом куда делась — не знаю.

162. Сироты оставались, вот из их бедняки выходили. Останется, родителей нету, ходит по работникам, ну а потом, глядишь, женится, начинат хозяйство заводить.

163. ...Нанимали работников.

[— Как вы жили у него? — *Соб.*]

Работала, да и всё. Как жила? Покушаю, да и всё, и работаю.

[— Как он с вами обходился? — *Соб.*]

Ничего. Платил 10 рублей, 10 злотых на месяц, и всё. 10 злотых на месяц, и всё делала: и дижку надо месить, и коров доить, и свиней кормить, и на поле идти — всё делать надо. А как же? Так было. Сейчас в колхозы идут, работают, правильно? А тут на хозяина работали. Ну, хозяин мой 6 коров, 6 коней, 6 свиней. Вот и работаешь. 6 детей. Всех надо... И дома прибрать, всё делать. И я делала. А чё? Служила. Домработницей была, и всё.

164. [— А Вы-то где начинали работу? — *Соб.*]

Я? Да я где начинал? Я, значит, учился в школе, в Бянкино. Четыре года проучился. Школа была, где Курухановски жили. Там рядом с имья-то школа была. Сюды и бегали. Ну, это при советской власти. Худо было всё это. Ну а потом пошёл на железную дорогу, там недалёко. Там не принимали. Но мастер хороший был, взял меня, в ремонт. Мне годов пятнадцать или шестнадцать было. Ну, сперва не брали. Ну всё-таки взял он. «Я тебя, — крик, — на дрезину».

А сперва-то у Еланских работал. Но ушёл: не под силу же... Вот я показывал — крёстна, вот у их я. Африкан Иваныч. Он потом в колхозе был, его посадили — и с концом. Но вот у его. Он пришёл, у отца-то просит:

— Ты его дай.

Ну а чё же? Силы не хватат. Путём ничё не знаю. Годов мне пятнадцать было, а то ишо и не было.

Подсобят мне запрягчи, три коня — еду-ка. По сено. Ну, он рассказывал, старик, как накласть снопы. Повезу — развалю, снопы эти. Зимой возить. А утром рано поднимет. Холодно, мороз — ой-ё-ёй. Еду, боюсь, думаю: вот волки тут налетят, разорвут меня. А кони хорóши. А он всё мне:

— Вот накладёшь, у тебя силы не хватат затягивать — вот под сани бастрик один и тьяни чем сильней, затягивай. Коней не связывай. Перевернётся — он притащит вас так, на боки. Кони хорóши.

Ну а потом на железну дорогу ушёл. <...>

165. ...Жили они, нас было восемь человек. Невестка была, она жила с отцом и с сыном, неудобно вроде как и говорить. Ну и вот, мать протестовала этого дела. А она [невестка. — *Соб.*] как бы к нам в семейство вязалась. Мать в положении была. Невестка её отравила. Мать наша померла, нас осталось восемь штук. Один остался, последний, только три дня ему было. Вот мы остались: один одного меньше. Ну а отец взял да, тяжело говорить, взял он этого пацана, мы вместе растили, невестка эта, она не поймёшь, кто ему была, вроде ухажёрка. Она с тем, что, мол, брата моего возьмут в армию, и я, мол, буду с этим — свёкром жить. Вот живём мы. До году вырастили брата младшего. Потом он [отец. — *Ред.*] меня отдал «в дети», и били меня всяко. Все на меня крязьбу клали, что я всегда ела и съедала всё. Вот так вот. Жила я, слезами умывалась... Потом я, с пяти лет и до тринадцати я у них прожила, затем уже я от них ушла.

По чужим людям ходила. Как по-ранешнему-то называется, как батрачка ходила. У того я там год поживу, два, у другого. Вот так вот надоело мне ходить, пришла я к отцу. У отца уже год прожила. Ну, что я, отрезанный ломоть от отца-то. Братовья-то уже стали на меня нападать. Я стадо пасла. Потом пошла по батракам. Ну, что мне делать, мне всего восемнадцать лет было. Нашёлся такой же, как я — ни отца, ни матери тоже не было, и тоже ходил по батракам. Ну, раз у того ни отца ни матери, у другого ни отца ни матери, сошлись мы с ним. Что нам делать с ним? Пришла посевная, сеять надо. Сеять нечего, чисто сеять нечего, честно скажу. Не могу я даже говорить. Ну, поехал он пахать и говорит: «А что нам с тобою делать? — говорит. — Где нам хлеб с тобой найти?» Я говорю: «Ну давай попросим у таких у богачей. У тех попросим, у других попросим. Ну, может, сколько нам уступят. Знают нас, попросим, может, дадут». Он говорит: «Мне неудобно, иди ты сходи», а я: «Может, ты, ты ведь мужик». Он говорит: «Ты иди. Я, — говорит, — утром пахать, а ты иди». Ну я пошла. Вот мы с ним поспорили. Пришла я к одному, ко старичку. Мы с нём те речи, други речи. А он знат, что так-то никто к ним не придёт, только по какому случаю. Так просто не ходили к нему, никто. «Зачем ты, — говорит, — дитяtko, пришла?» Я говорю: «Дедушка Степан, грех говорить, стыд утаить». А он говорит: «А в чём, дитяtko, дело?» «Дедушка Степан, — я говорю, — сам знашь, мы сами сошлись с ним, он жил тут и я жила, по страдкам ходили, жили. Мы вот счас

сошлись, у нас нечего посеять. Ну, хлеба кислого, даже попить, поесть нечего». Он говорит: «Ну, пожалуйста, сколько надо?» «Ну принеси мешочков шесть». Я шесть мешков взяла, больших, теперь-то кули. За один мешок два куля надо. Я принесла. Ну мы посеяли шесть мешков. Родилась у нас пшеничка хорошая, ядрёная. Вот так мы с ним начали жить, разжились.

Потом колхозы пошли. Так в колхозах этих начали жить. Тут и война случилась... Война эта пошла, ну что мы будем делать-то? Мужиков нету. Хлеба нету. Голод у нас стоит. Голодные, ходили мы по полям, копали, где есть картошки колхозные. Собирали и ели мы их, эти картошки. Босиком, в село ходили, нагребём мы эти картошки, из земли выроем. Наляпам, настряпам, — на печку. Поедим... Вот только вот так мы и жили. И крапиву мы ели, и всё мы ели, что только не ели.

Работали... Подымешься, ещё солнце не взойдёт, голодный, так и работаешь. А всё весело было, на поля едем, голодны, холодны, и едем с песнякам, с поля едем с песнякам. Сенокос, вот этот лук полевой нарвёшь, косишь и тут же за собой рвёшь этот лук. Нарвёшь, нарвёшь и придёшь к этому балагану. Этот лук покрошишь, натолчёшь, поешь, ни хлеба, никово. Поешь, маленько посидишь, отдохнёшь, опять идёшь, косишь. Всё хорошо, всё ладно, всё вроде как весело. Вот счас, почему сейчас жизнь не такая? Всё есть. Не стряпашь, ничего не делаешь, а жизнь не устраивает вроде как. Всё невесело. А тогда всё хорошо было. А теперь что? А теперь не рада ничему.

166. Мы от отца остались... Я осталась сама большая — 12 лет. А нас пятеро у мамы осталось. Мама больная была, заболела тоже. Ну чё же? А он у нас в Октябрьску умер. Надо работать, ездить. Ну, тут брат, у него ребята были, они меня взяли. Он пришёл, дядюшка, и говорит:

— Вот, тётка, ежли не пожалешь, — гнедой конь был, — этого гнедого коня нам отдашь, то ребята будут с ей ездить.

Ну чё я, двенадцати лет? Ну, я запрягу коней, стала запрятать, меня дедушка научил. Дедушка был у нас, научил запрятать. Ну и всё же сена навозила, дров навозили. Пришла весна. Все на поле поехали. А у дедушки-то рука была вывихнута права (а здоровый был, в 33-м году умер дедушка-то).

— Ну, — говорит, — поедем, внученька. — (Отец-то в 26-ом умер) — Поедем на поле.

Ну, поехали. Чё же? Соха-то, она выше меня. Ладно, что кони были хороши у нас, у дедушки. Смирны. Он со мной в ряд идёт. А сеяли руками: мешок наденет на меня через плечо, хлеба-то насыпет, и вот отцедова дыра. Вот так берёшь и кидаешь. В эту сторону кинешь — он меня поворотит, в эту — поворотит. Да ишо хлеб какой родился! Такой хлеб — мы его два день брали. Но тут, правда, дяди помогали ребята, с нами всё это...

Потом, в 29-м-то году, коммуны организоваться [стали] здесь. Я пошла на собранье. Пришла с собранья и говорю:

— Мама, народ заходит весь в коммуны. Давай заходить. Мне легче будет. Там уж с народом же я буду, с мужикам, с ребятам, не одна же.

Она:

— Заходи.

Мы заявление написали, подали. Зашли. Ну чё же? В коммуне здесь скот и всё... Бараны были у нас, кони — 7 штук коней было, баран 15 было, коров три дойных было. Но мы всё сдали. А у тяти было... Он мастер был: окошко сделает, и обуток сошьёт, и сапог сделает — всё у его было. Всё это у нас <...> забрали. Одни курицы остались.

Товар брали. Видят, кто нуждается, — ему выделяют этот товар. Молоко — сколько тебе душа желат, пойдёшь на фирму, возьмёшь. Мясо тоже. Ну, я потом... Мне легче: я поеду с народом, с мужикам, с тем же братаньями — у дяди-то Гриши были ребята, они меня к себе приголубят. Вот так и работала.

Счас вот — ни за что... Три коня... Я три года была на прииске на лесозаготовке. Надо на трёх брёвны нагрузить, да его, бревно-то... Приедешь в лес-то — темнота. Да он вот так накладенный. Да чтоб не бракованный. Нас пять человек, на пятнадцати мы... Накладём — рассветат — выедем на дорогу-то: у нас бревна три бракованных. [Смеётся.] Приедем сюда, на прииск-то, тута запретят нам его сваливать-то. Начнут после работы-то <...> рвать шурфы-то, два часа мы стоим где-нить, чтоб нас комком не ударило. Потом вот свалим да на зимовье-то едем в Богдати туды. Приедем часов, наверно, в десять, а то и в одиннадцать. И не уснёшь путём-то, коней кормишь да поишь, да тут ой-ё-ёй... А счас на одном коне не поедет ни за что...

Я сызмалá у коней и у коней. Любила коней. [Смеётся.] Счас вот бегут, так думаешь, так бы сел да и прокатился. Мы вот с подружкой были... Не даётся конь — нам только до хвоста добратся: мы за хвост как уцепимся за его-то, он наш. Нам всё мужики:

— Ну, девчонки, вас всё равно убьют кони.

— Не-е.

Вот до хвоста доберёмся, как поймали... Ну чё? Работашь, пашешь, опустишь их, он, который, не ймкой. Ну, он спутанный хоть, передни-то ноги у его, а всё равно зад-то у его... Вот — до хвоста... <...> Поймала за хвост — держи! Всё, его поймали.

[— Как в колхоз-то вступили? — *Соб.*]

А в колхоз-то... Мы из коммуны-то... Нас в колхоз перевели. Я забыла, сколько лет мы в коммуне-то были. А сперва-то было чуждо, а потом опять неохота было... У нас председатель коммуны был хороший, но его раскулачили, вроде кулаком признали. А их два брата: оне и кузнецы, оне и... ой, да всё на свечечке. Работников оне не держали, у их сёстры были здоровушши; оне и дом срубят, и всё <...> Ну их и признали как вроде зажитошны.

И он весной, как дают, распределяют народу коней, он сразу заявляет бригадиру:

— Девчонкам давай первых коней и первую сбрую. Мужик починит, и коня ему похуже давай, а девчонкам...

Чё же? На конях же пахали. Вот на покос поедем, он с нам. Он играл хорошо-о гармошку. В палатке жил. На косилке косил. Мы с подружкой тоже на

косилках косили. Вот приедем — он приедет. Тут уж наужиналися, которые рукам-то косят. А нам с коням надо... Те уж его тревожат: «Играй!» А он:

— Ой-ё-ёй, девчонки, да дайте мне хоть маленько перехватить.

— Но-о, поиграй, а мы попляшем. [Смеётся.]

Он потом утром-то встанет:

— Но, беда с вами, девчонки. Уеду от вас и не приеду к вам.

— Ну-у, нет, не уезжай.

И вот к празднику он, к Октябрьской, всё парно возьмёт девчонкам, нам. Если уж не на платье, то кофточку каку-нить беленьку, юбочку чёрненьку.

— Кому надо, чтоб все пришли в парном во всё.

И вот приходим мы в клуб, там доклад сделают. Он садится за гармошку:

— Но! Выходите, коммунары мои!

А мы как выйдем, но и... Ой, он радёшенек. Хороший был председатель.

Ну, его погнали когда, я в комсомоле была. Дядю моего погнали. Двух дядев-то моих погнали. Эти по телеге ребятишек повезли, ни постели, никово не было. В общем, их, моих дядьёв, как... Погнали... Дедушкин отец каку-то вроде как землю имел, каку-то дачку. А он сюды, этот дедушкин отец, приехали сюды — деревни не было. Лес был, всё вырубали и тут же на месте и дома строили. Вот этот дом построенный — вот ишло дедушкин отец... А дедушка у нас в 33-м году умер, ему было 98 лет. Вот как. А отец тоже стариком уж умер. Вот сколько этим домам. Вот тогда Сашка-то были с каким-то тут с начальником, искали: где-то было тавро, с какого году он рубленный, этот дом, — найти-то не могли. Вот тот наш тоже дом-то, дядин, на том есть. Но тот-то... Я помню, как его срубили. И то сто с чем-то лет ему.

[— Как дядьёв-то раскулачивали? — *Соб.*]

Ну как раскулачивали... Придут:

— Собирайтесь и уезжайте.

И всё. Соберут ребятишек, на телегу складут и уезжали. Оне счас — инженерам да всем, дети-то у их, врачам... А здесь бы, может, запропалились...

А вот председателя, что у его скота много было, молотилку имел конну, на конях. Вот я хлеб нажну, пойду попрошу у его, он даст эту молотилку. Привезу, установят на конях, измолотим. Он плату не брал никаку за её. А тут... Вот как предательство было: сам себя выгораживал, а людей... Но его потом всё равно увели. У его даже два брата в заграницах были, а он предавал всех.

[— А это кто был предатель? — *Соб.*]

А Ёлгин тут был.

[— А Ёлгин-то в вашем селе жил? — *Соб.*]

Ну. Нет, однако. <...> А потом разобрались и его забрали, угнали, и ни слуху ни духу.

167. Родилась в селе Борошля, это в Сумской области, Тростенецкий район. В семье нас было четверо: два брата и две сестры. В пятнадцатом году родители умерли от тифа, и с шести лет я пошла на работу. Три года прожила у богача Кривопосопкова. Это на Веревкином хуторе. У хозяина, Петра Гаврилыча, было

три дачи, пять дворов, работники. Один работник 30 лет жил. А ещё была девушка, Алёнушкой звали. Она проробила всё лето, а дали ей мешок пшеницы.

Я жила у сына хозяина; не только водилась с ребяташками, скотину убираю, воду таскала. А нога-то вот у меня хромая, вишь, короче другой на сколько. Да и шишка какая выросла. А вот как это получилось. Возила снопы на телеге, да на снопах уснула. Под телегу упала, изувечила ногу. Бросили меня в клуню [стайка. — *Соб.*], там я и пролежала. Утром кинут мне кусок хлеба. Кое-как доползу до воды, размочу его, да, может, яблоко где с дерева упадёт... А сестра про меня спрашивала, да ей не сказали, где я. Так и провалялась в клуне, пока нога сама не срослась.

А вот я ещё вам расскажу.

У хозяйки был кошелёк с золотом, она его носила на поясе из бараньей шерсти, да и потеряла его за сажем. Сейчас-то туалеты есть, а раньше туда, за него, и ходили. А я его и нашла там. Поглядела, а там деньги золотые блестят. Я его и подоткнула в поленницу. Думаю, поеду к брату да и подарю ему. А хозяйка хватилась, хотела всех свиней перерубить, пояс-то был из шерсти, думала, что они его съели. Решила она пойти у церкву помолиться: «Думаю, поставлю свечку Николаю-угоднику, он мне и скажет, у кого кошелёк». Услышала я это, всю ночь проревела, аж подушка была мокрая вся. Испугалась я, что Николай-угодник на меня укажет, да и отдала ей кошелёк. Они мне за это дали подарок — холщовый мешок. Прорезала в нём три дыры, да стала носить, а то шкуры-то [одежды, платья. — *Соб.*] не было.

А когда стали отбирать хлеб у кулаков, к хозяину поставили трёх ахентов [агентов. — *Соб.*]. Один и спрашивает: «Это что за девочка?» А он говорит, что это нянька. «Да какая же это нянька, когда ребёнок привязан, а она и воду таскает, и убирается по дому».

А потом меня за два года рассчитали. Дали мне холстяную юбку дубовую, кофту, рубаху полотняную. А обувку, хозяин залез на вышку, сбросил мне один сапог и один ботинок. Так вот и ушла.

В 18 лет меня хозяин выдал замуж. Трофим, мой муж, работал в экономии [в артели. — *Соб.*].

А вот ещё я вспомнила. Когда ушла от богатых хозяев, меня взяла слепая старуха. Мы ходили милостыню просили. Один раз дала хозяйка кусочек хлеба да сала, а её дочь выскочила, сорвала у меня с головы ситцевый платочек, хорошенький такой. Я заплакала. Хозяйка говорит: «Не реви!» — и завязала мне на голову тряпку старую.

А зимой пошла опять в работники, одежды-то не было совсем. Жила в работницах у начальника железной дороги. В Новый год они ставили ёлку. Я зашла поглядеть, что это будет. А мальчишка ихней показал мне кукиш, я его возьми да стукни по руке. Хозяйка увидала — как ударит меня об дверь. У меня вся голова опухла, даже ещё сейчас остался шрам. Так и пролежала на ленивке. С тех пор запомнилась мне эта ёлка, не могу её дома ставить.

Вот ещё интересное вам скажу. В 1933 году у нас на Западе была голодовка. Такого у вас тут не было. Страшный голод был. Моей матери сестра даже

руку себе сгрызла. Активисты приехали, их было семь человек, отбирали всё. Щупалами. Даже в кровати ребёнка всё искали.

В 54-м году приехала в Иркутскую область. Муж меня часто бросал, я одна пятерых детей воспитала. Он не давал им учиться. Сама-то я тоже неграмотная. Когда работала у начальника железной дороги, там девки учились грамоте. Вот и мне показывали буквы. Когда прочитала я «Конька-горбунка», даже не поверила.

Потом я в Бишигино работала чабаном, барашат пасла. Всё стадо сохранила, за это мне тёлочку дали.

А муж остался на Западе. Дети у меня выросли, выучились, разъехались все.

Вот такая моя жизнь. Как говорят, не человек судьбой управляет, а судьба человеком.

Как трудились раньше

168. ...Его выдергаешь, высушишь, молотять его. Этого семя намолачивают много. Как зерно, семя. Видали конопляное семя? Там <...> мешков по десять намолачивали его. Это семя высушать и масло били.

[— А как били, в чем? — *Соб.*]

Специальна была отбойня такая. Обдерёшь, снимешь его <...>, потом такие мешки были <...>, потом засадят, бьют. Тогда маслобойка была. Так и бежит туда. Засодют его, там сжатие такое, этот мешок туды засаживают, а потом там клинья, там бьешь, бьешь, подбиваешь, подбиваешь, а он так бежит, масло. Остаётся там одна пахта. А масло — в посуду.

Потом это коноплёмочишь. Вымочишь его, высушишь, мнёшь его. Сомнёшь его, обтрепешь, потом чешешь. Щётки такие были. Налаженные щётки с чушечьей щетины. У-у, паря, работа была! Прядёшь потом. Выпрядёшь — ткёшь. Выткёшь его, потом белишь надо, чтоб он белый был.

[— А как белили? — *Соб.*]

Кадушки были. У кадушки кладёшь, пеплом замачиваешь. Потом каменья накаливали. В воду теперь этих каменей накладёшь, а потом водой льёшь туды. Вот и жарить, и жарить там день. А потом вытаскиваешь и идёшь его полоскать, колотить его. Ой, трудов, много было! Вот так обмолачивали. У нас же всё холщёвое было: рубашки строченные такие, а такие праздничные — вот до сих пор были <...>. Сверху <...> запони еще холщовые были раньше. Всё своеручно было: полотенца, скатерки, всё, всё. Ничё не покупали.

Сейчас-то что не жить? Штанов сроду не носили, не знали, что штаны... Вот чучелы были! Товар был совсем дешёвый: по 7 копеек был на старые деньги.

[— А вот ткани раньше какие были? — *Соб.*]

Товары всякие были, сейчас уж таких нет: гобелен, камка, штоф, всякие ситцы разные были — уй-ю-ю... А сейчас таких товаров нет <...>. Канихвасы какие-то были, названия всё разные были.

Раньше шибко, дочка, трудливый народ был. Трудился своим мозолистым рукам. Работать негде было, негде было копейку заработать женщине. Вот мужчины только — на приисках, на золоте. Те поедут, намоют там золотников пять-шесть... А счас везде можно заработать.

Потолок, вот попробуй пошоркать его! И за 20 копеечек. Такие нары делали и наворачивали: сперва судомойкой, потом голиком. Обмочишься, как чёрт. И 20 копеечек платили. Пять изб вымоешь — рубль заработаешь.

[— А полы раньше не красили? — *Соб.*]

Раньше и краски-то не видывали. Всё мылось. Всё рукам мыли. Даже белиль уже после стали, в 11-м году. Всё мылось, даже загниетки, всё, всё, всё. Даже вымоешь и на улице все подоконники — все брёвна жёлтые были. Дожелта. Просто красота. Уж как вымоешь в избе — запах-то — ох!.. Деревом пахнет. Красиво. Народ здоровый был. А сейчас то та болезнь, то друга болезнь...

169. ...Хлеб сеят, потом <...>. Потом это семя рассеят, заборонят граблям — ой, кака вымахнет, ой-ё-ё-ё-ёй! Но вот растёт, растёт, потом вот так же вырывашь, околачивашь землю, вот таким снопиком вяжешь, расставляешь, сушишь. Потом тут же выскоблишь гумно небольшое, где-нибудь <...>, чтоб крепка земля была. И его потом молотилом околачивашь, всё это. Колотишь его, всё. Быстро супротив хлеба, он такой... Ой, крупный! Ой, добра-то! Масло-то како!

[— А масло-то как делали? — *Соб.*]

А тоже эти станки, деревянные, наделаны. Потом вот таки тряпички навязаны, из конопля же, вот таки квадратны. И потом ой!.. Мамонька! Бы теперь если бы заставить эту коноплю обрабатывать да это семя толчи, да ой-ой-ой... Да тут оне бы убежали сорок раз... Работа тяжелая. Тяжелая работа... А потом вот его — в станки, это завертывашь, когда натолкёшь всё это в тряпицы. И потом эти две доски, тут вот такой чурбан, а тут клинья. Их потом положишь вот так, а отцель клинья, эти две-то доски, отцель клинья-то наколачивашь [показывает] — оно жмёт, жмёт, а масло текёт, там подставлена посуда.

[— А остатки, что наверху остаются, куда? — *Соб.*]

А это потом всё связывают, в снопы и, как только озера замерзнут, — и в озера везут. Везут оне в озера и мочат... Вот бы не наврать... То ли месяц, ли два — покамест озеро не замерзнет. Потом его выколупывают, на берег вытаскивают. У нас вот свёкор с ём... Тридцать снопов! А оне вмёрзли так, снопы-то ребята больши навязали, вмёрзли... Там они ему вытаскали, а он поехал на конях <...>. А ребят-то угнали куда-то. Он там на снях всё же их накопил, палки поставил, а сани всё же низко, батогам накатал, а сюда привёз, к огороду-то... Огород-то был глухим, не таким тыном, а глухим... Не частокол, а слуги — плотно, чтоб никто — ни курка в огород не залетала, ни собаки, ни кони. Ну и вот, надо же было тут и свалить их, потом — баб было много, семья же нас — ему бы помогали потом, а он взял, сколько снопов, да все и перекидал в огород. Усилился. Усилился когда, перебросал, да вот пришел и вот захворал и <...> захворал <...>.

170. [— Раньше в деревне, говорят, разные ремёсла были. Всё умели сами делать... — *Соб.*]

Ну дак а как же! Мы юбки вязали сами себе, и жемпера вязали, и шали. Оно чё... И сейчас — кто умет. Вон, я себе связала шаль. [Показывает.] Сами, сами всё. Постели катали сами и одеяла стежали сами. Баранья шерсть, только что товар покупали, товар — ситцы эти не делали, а так-то ведь всё же сами делали. И чулки вязали сами. А счас — пожалуйста. Государство всё. Горшки делали. Дак горшки-то — мы вот сюды приехали — делали их, посуду-то. Вон у меня ишо чайник стоит, да стаканчик, да миска вот така. Мы лично сами делали горшки эти. Была вот — гончарный цех назывался он тут. Горно было, обжигали посуду, даже мелка посуда, её, может, тысячу накладёшь туды. А если крупна, там ето — сто пейсят, может, посудин. Обольёшь этой глазурью. Глазурью называлось — это свинец жгли мы. Вот, пожалуйста, он у меня стоит, красуется чайник. Ручку раскололи. [Показывает.] Ребятишки придут, всё просят для коллекции, а я им не даю. [Смеётся.] Вот станок стоит такой, вот как счас прялка. И вот это колесо крутится...

А глину как мы месили. Вот дом стоит большой-большой. Возят на коне. Мы стоим на решётках, сеем, по два, по три человека. Глину просеешь, как муку, никакого комочка нет. Пол чистый-чистый, никакой шелки нету. И вот её потом смочат и толкут ногами. То-опчем, топчем, всё говорили: ноги растопчете, больши будут, как лопаты, гыт, будут. Топчем, топчем, потом в куклу складывам, обратно растапывам. И вот растопчешь её, она делается, как тесто, и потом её вот так в куклу. Как, примерно, бабу морозну делают куклу эту. Вот её сделаю, всюю обмажем, обольём и закутам. Утром придем — она как тесто. Часть отрезаешь, каку тебе посудку надо — и на станок, и делаешь. Спичечки тут, соломинки. Вот вырезаешь потом на ей, вырезаешь, когда он высохнет. Потом облиют и в горно. А горно большо стоит, вот с нашу с избу тако. Из кирпича решетки сделаны, на решетки кладешь её там, укладывашь, всё укладывашь. Труба. А внизу там печка. Туда кряжами — машину дров привезут и накладывают. Оно когда горит, она там обжигатся. Которая она уже цела, она вся обольётся и сделается цветами всяко. Вот цветники делали, всё. Всё-всё: и блюдца, тарелки, миски — всё делали. Вот тазы делали, вот таки же и делали, назывались они байдары. Вот большу делают — хлеб стряпали. Теперь горшки: под молоко, и кувшинчики — всё-всё делали. Возили, продавали везде. Вот за хребёт возили отседа от нас, в Балей — везде продавали. И люди покупали. А государство продавало, не лично мы. Государство же.

[— А вы «байдара» сказали. Что это такое? — *Соб.*]

А байдара — квашня. Как бочечка — сделаешь, ведра на два. Хлеб стряпали в ей. Солили огурцы, грузди — всё солили, ягоду держали. Вот всё это. Тазы делали вот таки же, пол мыли, стирали в тазах — пожалуйста. Легонько — не счас, как на доске, стирать, а просто руками стирали, и всё.

Но вот всё разорили. У нас бы здесь, может, хороший завод был — посудой, дак разорили, увезли куды-то. <...>

...И вязали всё. Называли её трикотажный дом. Дом, особый, специально, особый дом. Приходят женщины утром и прядут.

...Лесопилка. Лес пилили. Тёс это всё на ящики в «Центроспирт». Тёс делали — пожалуйста. <...>

И сапожна была, отдельно всё. Ежли бы ничё это не увезли, здесь бы... У нас глина здесь хороша была.

А потом вот «Гужевик» <...> — совместили, соединили. Оне увезли все прялки наши. Туды, в этот «Гужевик». И всю эту нашу фабрику, все эти гончарны столы, всё. И всё там. <...> Только кирпичный завод там сделали. Нихто не прядёт, не вяжет и нихто и горшки не делат. <...> Завод же большой был — пожалуйста. А теперь нету. Ни посуды, ничё, всё покупаю. Трудились, сами всё делали. Теперь ничё не делаю. Сидим. Бабы чё теперь молоды... сидят. <...>

Теперь-то народ... теперь, счас-то на машинках ведь. А мы-то ить руками своими делали. Вон — постели катали. Матрасов же не было этих... Постели двухсложны делали. Да ить его... разостилашь шерсти-то, смачивашь, а потом завёртывашь и на верёвках её ссаживашь, ссаживашь. Когда она уже сольётся, что не рассыпается, тогда её уже на ногах катают. Все мокры, как лягуши, ползам по полу... А теперь-то чё — всё готовенько. Приходят, покупают, и всё. А мы всё вязали.

А мужики ходили все в овчинных штанах, — как вот в Якутии счас — вот так же. К зиме овчинны штаны сошьют, овчинну наделают шубу, рукавицы, и унты, и — пожалуйста. Ежли нам купить чё ребятишкам, так уведут коня, корову продадут, по восемь рублей были коровы, да купят ботинки. Дак надеёшь — только на Паске, на Рождестве, на Масленке — и всё. И кладёшь. В Троицу наденешь когда. Вот по таким, по годовым праздникам только носили. А то сошьют ичиги, подвяжешь голяшки, — па-апёр! Туфлей не было никаких. Вот так жили. Хозяйства большие имели которы, правда. Мельницы были у людей свои. Вот у нас — в <...> Ключах жили, в деревне, — мельница была у одного дядечки. Сушил <...> пшеницу — на муку. Счас увезёшь, вывалишь в воронку, два коня запряжашь, и оно крутит: жёрнов крутится, и мука сыпется. Всё было же.

Конечно, теперь. Теперь-то ручного нету же. Всё на машинах. <...>

[— Раньше вот в деревне люди занимались ремёслами, а сейчас — что делают? — *Соб.*]

Кто? Женщины-то? <...> Дак оне чё: свободно время — которы не работают. [Усмехается]. Ежли в детсаду, в яслях которы работают. А ети чё: пошёл — закладывает, пьют да гуляют... да с мужиками передерутся. Чё они будут делать? Ведь всё готово. Там дома ежели держит она чушку, корову, да куриц — вот... Но не все же ведь работают, правда? Здесь женщины счас и на токах работают, и на сакманах.

[— Что это? — *Соб.*]

А сакманы — чабаны баранов-то отары держат. <...> Ну вот, у нас в деревне 16 отар, в отаре по тыще, по две тыщи баран. Вот оне счас ягнятся, скот идёт <...>. Там работают. <...> А так-то чё они? Ежли у которой ребёнок — ясли у нас есть здесь и детсад есть... Вино попивают. Вот так. А раньше вино

не пили женщины и мужики. Ежели Паска — неделю празднуют, — четверть вина купят, три литры, — и целую неделю пьют. Придут тридцать человек, две бутылки выпьют — дак это ишо хорошо. А теперь двое сядут, две бутылки выпьют — и мало. [Усмехается.] Молодёжь — ишо тем больше. Вот так.

171. Ну а так... раньше как жили? Чёрт знает, как про него сказать, как жили. Раньше... Як всегда робили... так... Робили всегда день и ночь. И робишь, робишь днём, а потом, ночью гонишь быки упасты [пасти]. Цельну ночь не спишь. А тоди опять пригоняешь быкию — там опять — на работу. Та и косылы у'ручную, та и бабы вязали самі. Так косышь, косышь, а потом — снопы но́сишь, начинаешь носить, снопы поно́сиу, тоди начинаешь возить, там молотить ден и ночь. Та будь ты проклята, так от и жили, як от черты [черти].

...А бабы... бабы — дак они это: зимою день и ночь прялы. Прялы-то: делали холсты-то. Все ж свое оно было тоди. В магазинах ничё не было: ни товаров, ни продуктов, а всё свое было... А тоди бабы пряли та як чёрт-то это — день и ночь. И это... и холст выдильывалы, и катанки самі ката́лы, и шилы холстово всэ, и шубы шили свои, и катанки, и сапоги — ну всэ — всэ своё было. Всэ своё было тоди.

А весна як подойде, так лепилы вот этот навоз, аргал. Там же не было ни дров, ни угля, топили аргалом тоди. Як закоптят — так яко то дымокур яко... И хлеб же так выпекалы, стряпалы его — вот это вот навозом та соломою. Топилы та хлеб стряпалы... Это и жили оно раньше. Чёрт бы его жил бы. Сщас как пришёл в это, в магазин-то, та и взял пару булок, та и хвате тоби.

[— Говорят, с другой стороны, раньше больше умельцев было. — *Соб.*]

[— Так тоди-то не было заводев. — *Жена.*]

Тоди видите как: катанки дилалы самы, там, примерно, чё и сдилать: или рамы, или там стол там, или шкаф какой-нибудь, или такой вот стул — это всё сами дилалы. А сщас же увсё на заводех дилается. Теперь вот это вот потому и умельцев мало. Вот возьмите вы: покуда, значит, я работал, примерно, я дилал сани, дилал я рамы, дилал телеги. Вот это вот оно было. А сейчас вот люди таки́ уже вымирають, наши года, примерно. А молóдше — они не хотят робить этого. А теперь нету его, вот этого вот. И нету. Никто не може ни санэй сдилать, ни рамы сдилать, ни табуретки сдилать, ни стола не сдилать, а вот это вот только радиются все на фабричное. Вот через что и умельцев меньше.

[— Тоди на быках работалы, на лошадях работалы, а теперь же — всё на машинах. — *Жена.*]

Сейчас на машинах всё, а тоди всё вручну. Всё вручну. На быках, на лошадях... <...> А тоди и пешком ходилы, и 20 кило́метров, и 30, 50 кило́метров ходилы. А теперь вот тут по деревне пройти до магазина — тут каких-нибудь полтора или два кило́метра — и то не хоче идты. «Я бы подыхал бы, да автобус бы подвиз бы». Ну! Вот это вот уже нехотение идты? Не хоте... Вот уже — через это уже и мзньше сейчас... умельцев таких вот. А тут же оно всё отхо́де от это вот. Уже примерно время-то, оно, как бы сказать, улущается, значить, са-

ней уже не надо, табуретка — если я, примерно, сдилаю сам, она уже вроде как будто бы некрасива... Стол уже я сдилаю — тоже уже как будто бы некрасивый. Это ж правильно?

[— Если своими руками — всегда красивее. — *Соб.*]

[Смеётся.] Ну, я понимаю, оно вроде..., а уже як со стороны вроде, як кто там прийди или там... ну вот вы там пришли, вас уже посадить за сводельский стол или за этот стол... уже вроде як за этот же приятней посадить вас, чем за самодельский стол. Вот то як э дила.

[— Неграмотны были, школы не было, больницы не было. У нас была деревня больша-больша. Одна была школа. И так пойдёшь — скаже: «Ага, нету местов». Ну, один батюшка был, да один учитель был, и всё на одну школу. И больницы не было. Магазинчик был, дак там было необходимо для хозяйства: там соль, ну, таки там. — *Жена.*]

Ну вот, с бабою мы остались неграмотны. Совсем неграмотны... Потому что жилы́ единолично, ага. Надо было работать там, отца не было у меня, рано помер, а братьям — того и надо было тогда. Надо рабочего-то. То я в школу буду ходить, а то я тут хозяйствую дома. И надо пахать, надо и пасты, надо и всё... Ну вот это вот и остались мы неграмотные.

172. [— А часто вечёрки устраивали? — *Соб.*]

Да редко! Где в воскресенье. На работе все были. Некогда было. Ты чё... Я на работе сызмальства начала коров пасты. И замуж с этим ушла. Коров пасла на Буре-то. Каждую вёсну до Троицы пасли. Всё время пасли, а зимой — по сено и по дрова. А потом за скотом ходить. Табун держали. Я всё ругаюсь. Я говорю: мучались ни за что. Война поднялась. Сводились коровы.

[— В какую войну-то? — *Соб.*]

В революцию. Революция была, я ещё небольшая была. Мучались, мучались и без копейки-то. А в Елгане жили, в колхоз... всех коров-то сводили даром. Коней и коров взяли... и вот остались. Никого не было.

[— А как раньше хлеб обрабатывали? Расскажите с самого начала. — *Соб.*]

Сеяли-то из торсука, во. А вот так кидали. [Показывает.] Но я-то не сеяла. Мужики-то сеяли — горсткой. А как хлеб родился какой! Ну пашни же, они обрабатывались. А теперь всё зарастыли. Какой это хлеб? А раньше свои были пашни. У нас все серпом жали. Во. Серпом. Серп ежели тупой, так беда. А мы жали. А мы жали. А у нас Таиска-то, невестка, хлётко жала, а за ей попевали. Не садились отдыхать. Нет... Только чаевали. Больше нет.

[— Когда чаевали? — *Соб.*]

Так варили чай. Обедали... Обедали... Да не обедали... А чай... Утром наешься дома, да и всё — чай. Обедать некогда... Там чай попил и опять скорей. Ну дак надо. Овин ведь надо нажать, наскрести. Добрый-то хлеб, так ещё более того нажнёшь.<...>

[— Жали-то как хлеб? — *Соб.*]

Руками-то, серпом.

[— Утомительно было? — *Соб.*]

А как же! Spина-то. Ну если скоро, хлёстко жнёшь, то ничего не понимаешь, а вот кто тихо жнёт, так вот беда. Spина-то болит, ой болит-то спина-то...

[— Надо было быстро? — *Соб.*]

Быстрей-то лучше. Которы удалы-то. А вот кто лень, так что ж — едва шевелится.

У нас молотилкой молотили. У нас своя была молотилка-то. У меня отец был. Мы его все тятей звали. Выкладет кладь. Кладь-то большу-у-ща. Я-то все развязывала снопы. У нас с вечной передачей маленька молотилка была. Я развязывала-то. Небольша была, а развязывала. Веяли.

А хлеб-то какой! Хороша пшеница. Булки, калачики испекёшь, так любо.

[— Говорят, буринский хлеб вообще славится? — *Соб.*]

Но... Так по всем деревням здесь хлеб хороший был, как не замёрзнет. А замёрзнет — так всё. Они же по логам хлеба-то были хороши. <...> Хлеб-то всё по логам-то сеяли. Гречуху сеяли, ячмень, овёс. Овёс-то позже сеяли. Так тоже мололи да ели, кисель... Овсяный... Ячменны калачики стряпали всё время. Стряпали на молоке... Дак здесь всю жизнь стряпали, всё время. Это теперь только готовый кирпич. А какой это кирпич? В рот не лезет. А там испекёшь... Любо! Я вот пекла в колхоз булки-то каки хороши, сладки.

<...> У нас-то молотилка была у отца. А у Дарьиного веяли руками, лопатой веял, прибрасывал... Прибрасывали. <...>

А мололи как? Мука-то мелка, брава, бела. И оно хорошо пекётся. Да пшеница-то добра. Я маленька стряпать затеялась. У меня невестка, она на покосе, а у меня дом. Вот эканька была, семь коров доила. Да ещё их на ночь загнать, да прогнать, да подоить. Вечер и утро дойка. Да ещё криночки ставила. Вот Эконьки криночки. Молоко подоишь-ка, да выцедишь, да в подполье. Потом вытаскиваешь, да в куль (тараканы были, теперь нет. А то было полно!). Из куля да опять в подполье. Опять вытаскиваешь. Они остынут, да снимаешь в квашонку, да масло мешашь. Масло своё было.

[— Масло-то тоже вручную делали? — *Соб.*]

А как же! Квашонку накопишь, смешаешь, в печку поставишь, истопишь. Я вот эку банку накопила за лето, а потом всю зиму своё масло. Своё всё время. У нас и сейчас своё масло. Да вот недавно вышел. Четыре коровы дойных. А его чего? Смешал да истопил. Густа-то сметана, так доле того, истопишь. Вот. И масло своё было. Раньше не продавали никово. У меня отец маленько торговал, да ково там. Товаром сахар был. Так вот маленько поторговал.

[— Ну, если не лениться, так можно было жить нормально? — *Соб.*]

А как же! Не поленись, так хорошо жили. Да вот революция поднялась, да после революции арестовка пошла. Арестовали же всех, кто хорошо-то жили да семья больша. На ссылку-то отправляли. Раскулачили. Везде была, везде...

Хлеб-то свой сеяли, которы много сеяли. Мы маленько сеяли, а хлеб-то добрый родился. А которы помногу сеяли — ну там подряжают: снимать-то его надо.

[— А как расплачивались потом, если подряжались хлеб жать? — *Соб.*]

Ну как. А не знаю, мы не подряжали, нет.

[— Ну и как они жили, ленивые-то? — *Соб.*]

Дак плохо жили. Ну а мы жили хорошо. Коровы свои были всё время, кони свои, хлеб свой всю дорогу, намелешь два сусека муки, намалывали на паровике. Вот у бабушки Дарьи-то, вот у их всё отец возил в Ушумун. Ну ково? Тулун смелется — ково там? Они плохо жили. Вот у Патрихи-то тоже плохо жили. А у нас-то всё своё. Коровы были. Чушек переколят да корову заколят. Не сдавали коров, кололи, всё время кололи.

173. Как отпразднуют, так и за работу. Мне лет было 13-14, вот, и дома с ребяташками, а мама с тятьей едут в поле, вот.

Нас было шестеро: три девки, три парня. Мама у нас покойница, а тятя ишо живой. Приезжали поздно, уезжали рано, приезжали поздно, конечно. Приедут там, поужинают и скорей в постель, а там уж обратно вставай да запрягай да опять езжай, вот. <...>

А потом ставишь их, называют по пять снопов — суслоны, а потом начинашь их это складывать, класть. Молотить же это надо, когда речка замёрзнет, да, тогда можно молотить. У кого если близко где речка, на речке расчищают это полотно, чтоб никуда зёрнышко не потерялось. А у кого если есть большие артели, там расчищают, воду возят, зальют поровнее. И вот возят, молотят.

[— Это одна семья справлялась с этим? или помощники были нужны? — *Соб.*]

А если вот, например, бедняк, он ково сделает? Он сам как-нибудь, вот. А если вот эти, например, богачи, у их работники жили, вот, у их работники жили.

[— А было так, что помочь делали? Вместе молотили несколько семей? — *Соб.*]

Да, было так: соберутся, например, соседи соберутся, у этого сделали, ага, а назавтра там или через два дня — у другого. Вот так вот. И оно же быстрее, конечно, и это, да, и веселее, вроде того, вот, это было.

Даже вот картошку тоже так же копали. Вот соберёмся, значит, женщины три-четыре. Сёдни у меня, а раньше же мало садили, это счас её много садят, а раньше мало садили: куда для себя? А щас и чушкам, и корове надо, и себе надо, правда ведь? Да продать надо вот. А раньше же только для себя, вот. Сёдни у меня выкопали её, завтра у другой соседки, там третьей, вот так от оно и быстро, и хорошо вот.

[— А косили раньше вручную? — *Соб.*]

Вручную косили, литовками, накашивали. Я вон говорю, сколько сена, и коной держали, и коров, и баран держали, вот и всё равно же накашивали.

174. Горе было, горе. Вот жнёшь, жнёшь, руками вот так жнёшь. А песни поёшь, да ещё шипчей жнёшь.

175. ...А потом уж ведь культура развилась. Я ишо захватила здесь четыре дома, маленьких таких. Нет, стёкла-то уж были таки, и то они не таки уж

были, какие-то тускловатые, толсты-толсты, до чего толсто было стекло, вот окошко-то. Вот у нас у дедки такой старенький домик маленький. Здесь вот один стоял на горе и вот тама, я вот эти четыре дома хорошо помню, ишо они были ети, брёвни толсты, а потолок был низенький-низенький, даже вот ниже вот этого. Вот эта Кристина-то Константиновна, у её отца-то дом был, вот она, она высока така старушка, но она девкой была, и невестка, братова жена, была тоже высока, дак оне даже по улице вот так ходили, вот привыкли-то дома так ходить. Аха, по привычке. Вот у их потолок задевал, вот это, голову. Вот каки дома-то были.

Кочечка одна, деревянна кровать, стояла там, в углу жернова. Мололи вот это...

А в доме чё было: кровать там, стол стоял, шкафчик — вот косячки вот так вот, это, в уголке были приделаны, ну, там посудочка на их кака была, и всё лавки деревянные таки, скамеечки наделаны. Ничё не было.

...А бельё было вот какое. Раньше баран держали, потники катали из шерсти из этой, из бараньей, сами катали потники. А из шубов, шкуру вот эту баранью снимали, выдывали её, шили одеяла, одевались имя. Вот одеяла шубные были. Даже мужикам шили, и штаны шили из этих вот из шкур из бараньих.

...А и на кровати спали, вот так вот поперёк спали с ребятишками, а то на полу, большинство на полу. Дети вот подрастают побольше, на полу спят, маленьки пока — с отцом да с матерью поперёк спали, а потом на полу все посадиком.

[— Говорят, что животины в доме жила? — *Соб.*]

Козята, да ишо нонче у нас кто-то рассказывал. Тут постелятся дети, вот, изба-то же одна, а у дверей-то барана связана с ягнёночком ночует. Телята, телёночек — все в избе были, да ещё за печкой-то залавок — курочки сидят. Вот так жили, мои голубушки.

То ишо я захватила. А вокруг дома-то чё — огород загороженный, вот для усадьбы-то огород: картошку садили, капусту, морковку эту сеяли, а там — для коровы-то стаечка сделана. Для телёночка, который зимует уж это, с лета родится там, боровчаник называли. Год, второй... А вот который сейчас бы родился зимой, он в избе здесь заживёт. Всё тут. Все в одном доме жили. Все так.

Ну, а там на улице всё это молотили молотилами, хлеб с полей-то вывозят в гумно, называли, и это его поливать воду возят, раскребут, потом землю-то зальют льдом. И вот хлеб вывозят и молотилами. Я это захватила ишо, как молотилами молотили. <...>

[— Как жили — бедно, богато? — *Соб.*]

Дак, а богатого-то ничё не было в то время-то. Все вот своим так жили трудом. Хлеб намолотят, вот питались ём. В жерновах намелят, летом мельницы водяные были, на водяных мололи мельницах, а зимой не хватит — дак в жерновах. Крупу вот эту драли, гречушку сеяли, овёс, ячменник — это сеяли всё. Сами животинок своих кололи, их государство тогда не брало. <...>

[— Были у вас богатеи? — *Соб.*]

Не было у нас. У нас жили-то тут крепко, но там у нас дедушка Сидор был,

у его пять сыновей было, дак они землю разрабатывали больше, скота больше держали, ну, трудились тоже на своей на земле, на етой. Всё с земли и получали.

176. Жили раньше-то самостоятельно. Не в 9 часов на работу, а утром — пораньше, а вечером тоже — попозднее. Часы не соблюдали, да их и не было ни у кого. Вставали утром-то по петуху, как петух пропоёт, а потом — первый петух пропоёт, глядишь — ещё рановато, ещё надо маленько. Второй запел — соскочат.

Окошки, рамы-то одни были, вот так намёрзнут: дуют, дуют, продуют (на улицу-то неохота выходить), дырочки просверлят, смотрят, где Кичиги. Кичиги — это вот там есть три звёздочки. Их вообще не три, а шесть. Вот, значит, три — одна от одной на ровненькое расстояние; вот вечером они всходят, а три опять — маленько их пониже и поярче, вот эти назывались Кичиги. И сейчас эти Кичиги есть, ходют так оне.

А вот как определяли: если вот сюда Кичиги придут — дырку просверлят, поглядят — ага, Кичиги вот здесь, значит, уже надо вставать. Вот. Встанут. Всё уже — и позавтракают, уже уедет мужик по сено, а всё не светат, всё по этим Кичигам — вот кака жизнь-то была.

А теперь: 9 часов — он идёт, как барин. А раньше до девяти-то часов уже второй раз поедят. В 2 часа — обед, потом, часа в 4-5 — паужин, а ужин-то опять часов в 12.

А спать-то никово не спали. Вот эти бедные женщины — как они рожали. Ведь она с мужиком наравне — молотим, молотим.

Каторга была, не жизнь.

177. ...Вставали раньше, до зари. Рано вставали, чтоб по холодку работать. А днём отдыхали трошки. Когда печё солнце, отдыхают. А утром, вечером работали. Солнце зайдёт вечером... А когда жара, печёт, и паны два часа отдыхали.

Я у пана была <...>. Пан был <...>. Ходили туда работать. Пожалуйста, два злотых за день заработаешь, а в день два часа отдыхали. <...> Отдыхаем, дают. Чё же? Палкой никто не бил. Пойдёшь и работаешь, как надо... И сейчас же: и поработают, и посидят, и полежат, правда? Кто же гонит? Никто не гонит. И тогда никто не гонял. Работаем — и всё. Только что руками всё. Сейчас механизация, а тоды руками, плужком. Пацаны, ну, хлопцы, орали [пахали. — *Ред.*] плугами. <...> А сейчас же машины работают. Молотили и то руками, потом машина была, молотилка... Конями тоже: пару запрягут коней и гонять коней... Крутит, а тут надаёшь сама. Я сама молотила машиной. Только что туда даёшь снопы — всё, и молотишь пшеницу.

[— А когда старательности в работе нужно было больше — раньше или сейчас? — *Соб.*]

Не знаю. Кто работает, тоди работал и сейчас, а кто лень-то был — лежить и сейчас, и тогда.

О мастерах своего дела

178. ...У его ни детей, ни жены не было. Вот так и работал. Пил вино хорошо, а раз хорошо выпивал, у тебя работает — ты его кормишь, поишь, одёжу там. <...> Был старик аккуратненький. Исть-от маленько кушал, чтоб это ему всё сладенько было, как маленькому. Худенький такой, кушал совсем маленько, и чтобы всё было так аккуратно, сладенько. Тут отробил, отпил — сколько заработил... Он же деньги не получал, так работал, работал. От этого [хозяина. — *Ред.*] — отробил, ко второму ушёл. Там опять строит, кому чё надо: диваны, стулья, вот эти шкафы. <...> Их много было, но люди-то раскочевались и разъехались. У нас только счас два. Вот эти хорошие стулья, диваны такие, все выточенные ножки, — всё это его работа. Прялки вот эти — это инструмент его был. Киотки были всякие. Больших-то он, правда, не делал, он всё делал настольные — фотокарточки... После войны-то особенно оне пошли: детей-то убили, родители-то их всё на вид ставили в хорошие киотки. Они красивые были.

Рецкий Иннокентий Павлович его звали. <...>

[— А умер когда? — *Соб.*]

Это еще до войны. Я-то ещё не работала, пацаном была. Он тутака работал, а меня мамка отправила ножницы поточить — баран стричь, я к ему побежала. Он ещё говорит:

— Ты не строгой имя, не режь.

Но... с прысочкой... И постригла пришла, но не испортились... <...>

Там был дом, он в нём обстраивал. <...> Пол тогда ишо был белый, охры достали где-то, олифы не было. А постное масло было — не то, что сейчас подсолнечное, а семяное. И вот он варил, я за нём ходила. Мать не знат, сколько надо варить. Я к ему пришла, его позвала, он пришёл. Пёрушко взял курино и толкнул — оно не свариватся. Он говорит: «Вот готово будет — перушко-то барашком соберётся».

Вот чё припомнила-припомнила.

Ножницы точил, у его инструмент был всякий разный. Он, видишь, как вытачивал всё хорошо. И вот работа у него была хорошая, чистая. Стулья делал, диваны. У многих тут диваны таки, с вырезками, хорошие.

[— Так по людям жил? — *Соб.*]

По людям жил. Тебе строит — у тебя живёт, ты его кормишь, и всё. У тебя кончилось, чё надо было, сделал, лес вышел — значит, он идёт ко второму, там уже заявка. Тогда же в магазинах ничего не было, вот он и строил. <...>

Вот стол в сенях — это его работа. Ему [стола. — *Ред.*] уже сорок с лишним лет, а у его столешница — как всё равно одна, не видать ни слоёв, ничё. Надёжно делал. Что сделал, то уже не развалится, не как в магазине.

[— Вот помнят люди, оставил память о себе. — *Соб.*]

Да, оставил память о себе. Это же в редким доме, наверное, не оставил. Большинство — чё-нибудь да есть, чё-нибудь да есть.

179. [— ...Раньше всё умели. Раньше — если на необитаемый остров поселить, дак он смастерит себе всё необходимое и начнёт жить. А сейчас-то ведь не смогут. — *Соб.*]

...В гражданску войну бедствовал народ-то. Приезжали то белы, то красны. А сюда же долго ничё не завозили. Так дедушка-то наш сам огниво сделал. Он из кожи сумочку таку сделал и к сумочке железку приделал, в кузнице сам ее выковал, выточил ее повостре. Нашёл камушек белый, мы его раньше звали титишник, на камешниках их много, он, этот камушек, на стекле борозды оставляет, как под вид алмаза. С берёзы этот трут какой-то — губу — хорошо просушит, вырезат середину, мизерну крошечку отрежет и — огниво, добывает огонь. Так к нам даже все ходили, у кого не задержится в печке огонь на угольках, все бегут к дедке. Он такой был у нас, всё умел сам и даже выдумывал.

Мыла не было. Он сам ходил в лес за губой, она на лиственном дереве растёт. Дак мама потом его накрошит и — в кипяток. Как делали — шёлок раньше называли — напарят и стирали бельё. Так называли «рубашна губа».

Дедка-то ишо вот этим огнивом... Помню, каки-то ребятишки много приходили: коросты на лице, у маленьких, какой-то «сыпучий огонь» называли. Так он, дедка, огнивом эти коросты вылечивал. Искры из огнива сильно вылетали, у лица он искрит и что-то приговариват, только скажет: водой не мочить. Дня через два, через три эти коросты сходили. Дня два-три походят к нему, и всё проходит. И у женщин на руках тоже коросты сплошь были, и он вылечил.

Он ишо сам умел — дёкоть жёг. В лес сходит, наберёт берёсты, а потом берёт глиняный горшок, в землю его зарывает. Сверх горшка деревянная крышка с четырьмя лоточками и дыркой посредине, чтоб стекало это. И сверху вверх дном банку опрокинет с берёстой — крышка прямо по банке приходится — и вокруг банки разведёт огонь несильный, чтоб не вспыхнула берёста там. И эта берёста там томится, и он, дёкоть-то, в горшок стекат. Чистый дёкоть гнал. Это раньше же шубы да ичиги сами делали, и все просили к нему ходили — кожу-то выдeldывать. Дак он ничё с их не брал. Ничё.

Я вот и сейчас помню: возле сопочки за дворами — огонь же нельзя класть у дворов — и там у него ямочка, и там он начинат... Я до сих пор к нему на кладбище хожу. Он на старом кладбище похоронен. У него уже могилки-то нет, всё уже ровно, вот я только на то местечко хожу к нему.

Так-то он крестьянин был, кожи делал для себя, хлеб сеял. Народ-то весь его как-то уважали: дёкоть он гнал — не брал ничё, огниво это сделал — все к нему ходили...

Потом вот у нас, он, как остарел, в поле не стал работать. Так в церкви сторожил, в сторожке спал там. У нас в церкви каждый должен по три месяца отсторожить. Так его когда попросят, он идёт, сторожит там... Сами же церкву содержали: каждый хозяин — разложили, рассчитали — должен был чё-то сделать. И школу так же рубили: каждый хозяин по шесть брёвен — всё было разложено, кому сколько принести...

Дедку-то звали Еврасий Петрович, Касьянов фамилия. Он у нас умер-то до колхозов ишо. Он умер — ему уж было восемьдесят лет.

180. Я в это время — кустари работали — как кустарь, кустарная работа была. В общем, мужикам делали телеги да всё тоже. Вот они закажут телегу, телегу делали. Сани — дак сани делали. Потом делали ветродуйки эти вот, хлеб продувать. Всё, в общем, такое, всё, ерунду делали. И дома́ тоже рубили. А дома деревянные строили.

[— Раньше, говорят, миром строили? — *Соб.*]

Ну, миром нет. Это раньше так. Мужик навозил брёвен. И вот собирает рабочих, значит, как это сказать-то, помощь называлась. Вот эту помощь соберёт, значит. Ну, скоко там человек? Девять, ну пятнадцать. И вот начинают ему строить этот дом. Ну, собираются, тут-то уже понимали...

Он уроженец-то тоже здешний был. А потом уехал и так в Тайнэ и работал. А я-то шёл с прииска, в общем, это, шёл от самой границы. Там не прииск был, а ... — рудник. Оттуда я шёл. И вот остановился, он мне знакомый — этот мужик-то. И вот он меня: «Давай оставайся со мной работать». И вот я с ём два года работал там это, с Бутиным Ефимом. Ефим Иваныч. Ну, он тоже покойный шас. Я его и схоронил потом. Он сюда выехал, и тут он в сорок третьем году, я его хоронил. Он был взятый в армию, а помер тут. Вот я его и хоронил. Да вот я у его всему научился — столярить, кузнечить у него. Всё делали сами. Не к кому ходить было. Он большой мастер был. А в войну-то, вот его взяли на войну, значит, а я-то — мне-то как на железной дороге, и на меня бронь наложили, я тут работал всю войну.

181. [— Ну вот говорят, что раньше люди вообще умели больше делать, чем сейчас. — *Соб.*]

Дак видишь, раньше, как сказать, я-то вот пошёл, дак я-то всё время на народе на таком, а потом видно, у человека талант есть. Мне вот чё стоило: я плотничать, от столярить — поглядел — ага! — токо поглядел — и всё — и сам начал работать. Тут токо надо инструменты иметь, всё. Или жестянничать. Я вот первый раз поглядел, как жестянничать, и сам начал, пожалуйста. Ковать тоже: сперва молотобойцем работал, а потом с молотобойцев стал кузнечить, вот и всё. А плотничать, так тут чё, особого-то ничё нету.

[— А кто вот вас учил, какие мастера запомнились вам? — *Соб.*]

Ну так как же! Здесь вот у нас был Ефим Бутин, Ефим Иванович Бутин. Ну, его шас нету, он помер в 43-м году, тоже центром был взятый в армию, потом чё-то с им случилось, потом я его и хоронил... Вот он был мастер хороший, и вот я у его учился.

Ну, мы работали с ём на пару тоже, на пару всё делали. <...> А мы же с ём в одних годах почти были. Ну он чё, на 4 года меня постарше. Он-то научился где-то, потом мы с ём дружили вообще с детства. Но так и вместе и работали. Мы с ём работали вот в этой Тайнэ, деревне за Газимуром-то там. Вот там мы с ём повстречались: я шёл с прииска, а он там уж работал, и вот нашли друг друга, сбились как-то неожиданно, и вот он меня: «Оставайся, здесь будем работать». А в деревне-то, это, ишо коллективизации-то не было, это вот... Ну да! Я в 26-м году оттуда и шёл, с прииску, с прииску-то с Быстрой я шёл.

Нет, не с Быстрой, я на Воздвиженский рудник, — он щас существует, это на Воздвиженский, коло самого Нер-Завода, — оттуда я шёл, значит, и вот в этой Тайнэ-то остановился ночевать. Ну, разговорились с хозяином, откуда да чё, там, я говорю, вот оттуль-то, оттуль-то. «А у нас здесь, — говорит, — Бутины живут, тоже с той деревни». А я говорю: «Как звать Бутина?» — «Одного-то, — говорит, — зовут Ефимом, другого-то Михаилом». Их два брата. «Ну а где оне живут?». Я уж... «А вот, вот тут, у Панфиловых живут». Ну я и пошёл к имя сразу вечером, у хозяина не стал ночевать.

<...> Ну а пришёл к имя: «У! Ты откуда взялся?» — «Вот, дак иду домой». — «О, да ты не ходи, вот давай — здесь домá строить надо». Мужики строили домá там. Потом разну дребедень. И столы они делали всяки, потом ветродуйки делали, хлеб дуть. Раньше единолично же жили все, вот работы у нас дадут за глаз, ну я остался. И вот давай мы... У их мастерская была снята там у одного богатого мужика, большое зимовьё было. Оне-то зимовьё сняли у его, ну и работали в этом зимовье. Оне ... один-то был семейный брат, а Ефим-то... [Смеётся.] Ну, мы с Ефимом-то и жили в этой, прямо в мастерской, а тот брат на квартире жил. И вот я остался и там тоже год целый с имя проработал. Вот так...

Чё, всё заказывали, чё... Вот эти ящики, <...> девки замуж собираются, ей надо ящик, этих ящиков переделали — ой! спасу нет! Замужни-то девки, им надо придано-то в чём-то класть, значит, всё собрать, ну и там работы этой мелкой было. И вот мы день-то, значит, работам крупную работу, а вечерами начнём эту мелочь делать: или стол там сделать, или ящик, или ишо чё-нибудь; рамы вот к окошкам делали, да в общем заказывали мужики всякое разное — двери там кому надо, всё такое.

[— Ну а чем расплачивались: продуктами или как... деньгами? — *Соб.*]

У которых денег нет, продукты брали у их, мясом или чё там, и муку брали тоже. Ну, такое небольшое, у кого чё есть, сметаны, летом дак: «Давайте нам сметаны или чё ли там». Ну вот так забирали. Молоко берём или чё ли тако, оне приносят сами уж. Ну а если чё крупно сделали, тогда уж они на деньги, продадут чё-нить, скотину каку или чё, как денег-то у их добывать трудно было.

[— Ну вот когда дом ставили, вас приглашали туда? — *Соб.*]

Ну, дом-то... подрядит нас хозяин дом строить, ну вот, рубим новый дом ему, выряживали на готовых харчах, чтоб он кормил нас, чтоб нам не ходить на обед; потом надо же нам готовить, а договаривались, чтоб готовы харчи были, вот. Утром-то мы приходим, дома позавтракам, а в обед уж у их и вечером у их ужинам. Ну вырядим, скоко там за дом, срубим всё, хозяин уж тут припасат копейки. Втроём рубили.

* * *

...Даже курсанта... Он обучался на столяра, а работать-то начал, у его практики-то нету, ничё не может. И вот. А я работал в столярке, его поставили ко мне, чтобы это он понял — чё, как. Они тоже с курсов-то придут, он по теории-то знат, а на деле-то не понимает нискоко, чё к чему. Практика нужна. Без практики ничё не получатся.

[— Ну а вообще как вы думаете, молодёжь, она так способна ко всякому делу? — *Соб.*]

Есть-то способна, а есть хоть ему кол на башке теши, ни черта не понимает, или не хочет, или...

Вот на руднике Микояне, я знаю, там у нас учились на токаря, а там у нас большой цех был, 32 станка стояло только строгальны, ой, то есть токарны, строгальны станки, ну, в общем, всяки разны, там и штамповошны станки и всякие. Так вот, один парнишка (он татарин был), ну пришёл, значит, учиться в это... — специальность. Ну, его поставили токарем. А он, парнишка, просто я не знаю, такой уважительный был: чё бы вот его спросили, попросили, он тебе в момент делов сделает. Его за три месяца — и пожалуйста! выучили. Ему разряд повысили.

Вот там у нас, значит, выпивали же все, а недалеко там у нас была эта, монополка. [*Смеётся.*] Его Равылькой звали, татарско имя. «Равыль, сбегай за вином!» Равыль: «Чичас!» Станок остановит, пошёл! В момент делов припрёт. Вот ему всё показывашь, если чё, а он спросит: «Ага, как вот это надо?» Всё ему расскажешь, покажешь. И вот он пошёл и пошёл, в момент делов обучился парнишка. А который, значит, по себе это хочет, никого не спросит, да ишо не любит, уж если кто подскажет, он ишо не любит, тот так и остаётся. Ну и потом его невзлюбят и не скажет никто. А если относится человек хорошо, вот того уж уважают. Я вот говорю: этого татарёнка мы в момент делов выучили. «Это как, да это как?» — «Вот так, так». Всё ему расскажешь. Такой толковый был парнишка!

182. [— А откуда брали глину? — *Соб.*]

Откуда? Её-то чё? Везде полно. Навозят. Топчи ногами-то. Намочишь, наделаешь кашками-то и начинаешь кирпичи делать. Станки были. Вот и хлопашь его в станок. Срежешь, вывалишь, а потом править надо, обжигать надо. Обжигали. Вот на две печи. На плиту-то я в коридор одна делала. Тоже 500 кирпичей.

Одна, и топтала одна. Всё. А как же?! Не <...> — всё равно жить можно... А лежать-то... Под лежачий камень вода не подтекёт. Надо поднять да тажно... Всё сами делали. И в огородах сами садили, и всё.

[— А посуда как? Ну вот как с посудой-то? — *Соб.*]

Делали. Я рукам целую телегу наделала (переезжала в дом) всяких: и маленьких, и больших. Делашь... и всё. На дощечке... Круг... Вертишь и делаешь... Выглядишь... — так любо! А потом обжигаешь. Надо в печку их. Я на мельнице молола и буса-то намела. А обжигать-то надо — в тесте же. Так только звенят! Делали сами. Кто ж?!

[— Ну а ложки? — *Соб.*]

У меня отец делал, и Иван-то Данилович гребни делал. Из рогов из коровьих. Ну, выстругат, сделает пилкой (у него специальные пилки были). Выпилит — и гребень. Всё время делал. Отец-то — да, у меня плотник был. Всё делал сам. Вот это для него пустяк... Шкаф. Строил, строил... Все ящики, всё

делал. И брат-то тоже делал. Сам отстраивал дома́. У меня отец-то отстраивал дома́ сам.

[— Его приглашали? — *Соб.*]

Дак свои-то. Да вот в Ёлгино Парыгины-то свои были. Тоже отстраивал имя́ дом. Ну себе. А в людях-то не делал. Там плотники да кто делали. А у нас-то Тимоха делал. Пло-отник. Хорошо строил. Стол сделал, стульчик сделал маленький. <...> Никово у меня не осталось, всё разбазарило, раздуло ветром.

[— А дома украшали раньше резьбой? Это кто делал? — *Соб.*]

Какие это? Ну, вот узоры резали. Сами же делали. Отец делал всё. Делал, много не много, а делал! Плотник-то, он чё? Знат, как сделать. Вот Шароглазов, моей сестры сын, живёт в Батакане. Тоже всё делает сам.

Дак таперь оне чё? Водкой захлёбываются.

183. [— Умельцы были у вас в селе, кто плотничал <...>? — *Соб.*]

Дак почти каждый хозяин плотничать-то умет, каждый. Ну вот я, допустим, жил. Мне надо чё, чё мне надо. Вот, примерно, баня мне потребовалась. Я её наложу и срублю сам. Так же и анбарчики вот руками под хлеб сами. А кто больше? Ну, были, правда, наёмные, вот бохатеньки-то эти нанимали, у их средства-то были, а ведь надо деньги. А раньше деньги-то как добывались: вот возили грузá на лошадях по месяцу, больше, по полтора ходили. Ну, вот зарабатывали, деньги-то дорогí были раньше, да их достать-то трудно в сельской местности-то. Ну, животину вот лишне есть — продаст коня или корову.

[— А печи кто складывал? — *Соб.*]

Печи-то? А это были специально печники. У нас вот эту-то бабушка сама клáла вот эту, а до этой была, вот здесь у нас была, здесь большая. Он клал печь. Его позовёшь, съездишь туда, он сам-то откуль будет знать, ну вот поедешь-то. Его Прокопием звали; старик уж был, а хорошо клал вот.

<...> Корчаги-то мать сама делала вот моя. У нас их две было, <...> её поставят, она целый день стоит в печё. Эта корчага. Набьют её, значит. Хлеб... рожь была; рожь изрóстят, высушат, смелят её. Вот накладывают эту корчагу — и в печку, она соломой её мешает почему-то. Она целый день прет в печи, вечером её, значит, вытаскивают, отстудят, и побежит первый-то густой такой, как мёд. Ох, он и сладкой, идрит твою... А потом после этот густой выбежит, уже квас пойдёт. Пить опеть ведь в жар хорошо. Там отверстие есть, аха. И вот её затыкают — такой сделают деревянный. И вот у вас тоже, наверно, делают, может, видали. У вас-то, конечно, производственны такие. А вот в сельском-то хозяйстве — там же всё делают везде. И я вот на Западе был там во время войны, там тоже всё это делали. Расспрашивал тоже у которых, то одно и то же. Квас этот делали.

[— Дома́-то у вас украшены резьбой. Тоже, наверное, мастера были? — *Соб.*]

Это вот в окошечках? Масте... это плотник специально делает, вырубает. Это специально, не каждый <...>. Вот у нас они нарезаны. Тут вон у него пилочка така тоненька. Я вот помню, у нас делал он. Он и вырезат, начертит это всё вот,

сначала начертит карандашом ли, чем ли, карандашом красным, а потом начинат краечку и вот выпиливат, а потом её туды, значит. < ... >

[— А одежду кто делал? — *Соб.*]

Одежду? Ну, допустим, так у нас вот мать. Овечки свои были. Верно? И козы свои. Она пух чесала, значит, шали вязались, свои были шали, вот на голову тёплые. Теперь они ведь <...> шкуры-то. Опеть шубы шили сами, выдывали их сами, шубы, и шили — пожалуйста. А брюки эти, вот зимой-то у нас вишь не было тоже, ткали специально из этой же, из бараньей шерсти. Напрядут её и соткут и брюки сошьют. Они тёплы <...> на зиму. Вот так.

И так же кофточки эти делали вот. Да, шубы-то это исключительно в деревне все белые были. Вот из этих сделают, но а которые подкрасят возьмут. Вот так и жили. Я тоже износил шубку бе... <...> А мать вот у нас шила. Сами, большинство сами шили. А вот бабушка их однако пере[делала] ой сколько. Всё сами делали. А кого же, на кого надеяться? Ну вот катанок же не было, да их и купить-то не на чё было, катанки-то. Унты специально тоже, из шкуры опеть.

[— Из каких шкур? — *Соб.*]

Ну из каких... Вот у нас отец охотник был. Коз бил, зверей бил, эти шкуры выдывали, из их шили унты. Оне ишо теплей катанок, легче и тепле. Вот надевали, правда, двое чулки шерстяные, портянки. И пожалуйста. А ведь это, когда лыжи, они ведь на охоту — ходить тяжело. Худо ж раньше жили.

Вот мы поженились когда с ей, у нас старший-то уж ушёл брат, отдельно жил. А ишо там меня старше, с девятьсот третьего году рожденья. Он тоже женился, оне у нас жили. Вот ночью ездили по сено, вот километров сорок туды надо уехать, там накласть, с полночи обычно. Ну и вот тут ночью встали, мать обед, ужин сварила всё. Иван не встаёт, а я... Мы-то уж поженились уж. Ну я потом, кони готовы, надо запрягать, Иван спит. Ну, я говорю: «Старуха, давай». Она уж оделась, и мы с ей поехали. И вот туё зиму однако раз пять или шесть съездили туды по сено. Холодина же был, здесь холодно: сорок-сорок пять, до полсотни. Там-то у вас потеплее же, я знаю, в Иркутской-то области. Там воды-то больше, вот Ангара-то, она большая, а от воды-то всё же испарение, тепло, не так холод.

[— А муку где мололи? — *Соб.*]

А у нас. Летом у нас у каждого почти своя мельница вот на речке-то была, мутовки назывались. Туды увезёшь, смелешь — пожалуйста. Ну, почти у каждого. У кого нет, значит, попросится у другого, у соседа: дескать, пусти смолоть. А чё, жалко, что ли? А потом вот уж, мы уж колхозы стали, насрубили свою мельницу вот большу. Паровик был у нас. А сейчас совсем не надо, готово хлеб привозят — бери, только лишь бы деньги были. Тут так.

Вот видите, мы щас, вот я — сколько, однако тринадцать ли, четырнадцать лет, получаю пенсию, а раньше отец-то вот, они ничё не получали. Как остарет, так старость, не было пенсии-то. А сейчас — пожалуйста, все условия.

184. В Холбоне хлеб хороший пекут. В Знаменке хороший. А у нас никудышный.

Дак вот в Холбоне старичок, пекарь-то — мастер! Чё-то его директор обидел, он повернулся и ушел, ничё не сказал. Повернулся и ушел. И хлеб-то пошел — одно тесто. Но народ всплыл на дыбы: «Иди извиняйся перед стариком!»

И пошел, директор-то. Извинился. Вернулся тот и снова стал работать. Хороший хлеб... А в Знаменке тоже женщина работает хорошо. В Нерчинске-то его никогда доброго не было.

185. Там... Как его там фамилие-то?.. Иван Степаныч... Никанов. Здоровый старик, тоже неграмотный, тоже так же расписывался вот эдак, пальцем — и всё. Но башка была. Вот. Ворочал большими делами. Подряды брал, но на шшотах будь здоров шшёлкал, но неграмотный, но на шшотах он-то подшитывал.

[— Подсчитывал? — *Соб.*]

Миллионами.

[— А писать не мог? — *Соб.*]

А писать не мог, пальцем. И много и таких подрядов брал. Выйдет, начнёт ораторствовать, перед любым купцом, перед любым. Это ужасный, вот старик какой был. Но я застал же, Иван Степаныч Никанов, здоровый старик, а вот ребята-то не таки вышли. А он-то — ой-ёй-ёй. Большими делами ворочал. Много людей под его руководством было. Вот как. Какие люди-то. Как же они были-то худы? А если б грамота была? А так — ой-ёй-ёй чё было. <...>

186. [Я говорю сыну:] «Совестно, счас ты выпивашь. Тебе вон како прильнуло отцовское-то величанье на всю жизнь, с детства. Кольку никто не знат».

Он гармошечку играет хорошо. Вечер ли, чё ли, учителя придут, завклубница придёт, Варя вот была <...>:

— Коленька, пойдём поиграем.

Он у нас холостой был. Гармошечку в руки — и пошли.

А сейчас-то — нет-нет, да выпьет. Ишь как постарел, с 37-го году, сильно же старый стал.

[— А Иванычем-то называли уже после 41-го года? — *Соб.*]

С самого рождения ему всё: «Иваныч, Иваныч». Старики-то стары, вот Иннокентий Диомидыч у нас там был, Вася Тишков, так вот рыбачить пойдут:

— Ну, Иваныч, пойдём.

Я иду, в сени захожу да думаю: «Чё это Кольку так?» Отец был знаменитый, знашь какой? Отца сильно уважали. Ветфельдшер был, зав. свинофермой был отец, поучёный был. А вот на фронт взяли 41-го года, погиб. Вот у меня их остались: Анька, этот и схороненный мальчик, больной был.

Отец хороший был. Никого не обругат сроду, никому вредного не делат. Фирму вё-ёл... Всё из дому последнее стаскат. А когда разругаюсь, говорит:

— Задавиться не на чем...

Телят всё ить так... Доились телятами коров — ну, не найду никакого лохмотка: он всё туды и туды.

Потом, когда он погиб, разоряли эту фирму, чушек угнали... Дак один придёт, — у нас кладовщик был Степан Иваныч, — говорит:

— Ну, Дора, я всё вспоминаю твоего Ивана Матвейча: уж как он так налаживал — просто насмертельно. Сёдни, — гыт, — разбирали фирму — ну просто до поту мы там боролись, что он как навеки налаживал.

Всё думал лучше. И первый работник по мясосдаче. Если колхоз колхозникам должен, поросят свезёт, какую-то разгрузку сделает — колхозники денежки получают, пожалуйста, рассчитат их всех. Вот какой был.

Жалко даже, всё-то плачем об отце. Вон у Коли на портрете, они с Колей-то снялись.

[— Сейчас гармонь-от возьми-ка в руки. Утром придёшь на работу, вот скажут, напился дак напился — дело до гармонии дошло. Ой-ё-ёй, вот культура пошла дак культура.... — *Николай Иванович, сын.*]

А у нас вечером знашь, он после работы придёт, устанет... Речка у нас, <...> а мы тут на углу-то жили, 5 метров нету — у нас за воротами вода. Помылся отец, подчепурился, гармошечку в руки, сядет на порожек — баб этих, девчонок! Кто и пляшет. Тут Фёдоровна была (Филиппа Иваныча, безногого-то мать), бойка така, ой, как пойдёт раскамаринского — дак ой-ё-ёй! Ой, браво было.

Отец у него очень хороший был. Каждую эту поминают здесь: как бывает на седьмое торжественна, сына-то ходит, слушат, про папу как говорят.

Жалко, конечно. Не вернулся. Коле шёл четвёртый год, он от отца остался, а Нюре седьмой, наверно.

...Вычешет, вымат в речке, едет, гордится на ём [на коне. — *Ред.*]: «Эх, Соловко!» <...> Соловко запряжёт в тележку и едет по фирмам. Лагеря были в Кулинде, а тут были таки <...>. Свиноарок много было у него, и все плакали об нём, как извещение получили.

Никого не разобидит, ни трудоднями, никем. Всё по справедливости. Собранье ведёт... Которы вот соседи говорят:

— Сёдни пойду на собранье послушаю. Иван Матвейч выступат — прямо на сердце радостно. <...>

Общинные традиции и обычаи

187. ...Воспитывали так, что... Жили тоды единолично, жили — вроде каждый себе хозяин, так? <...> В школу ходили — як сниг упау, идуть у школу. Сниг растае — кончають школу. Все, сколько ни есть ребятишек, все — на работу. Тот гонит гусей пасти, тот — чушек, тот — баранов, тот — скота, скот. Вот это так вот всё.

Теперь, значить, если, примерно, ага, у соседа хорошие яблоки. А я уже говорю, что, вот... хороший сад у соседа, надо яблок уворовать. А мне мать и

говори: «Будешь ты, туда если полезешь ты — там тебе видьма возьме». Вот. А если, значить, чё мне уворовать такое, говорят: «Нет! Бог убье! Если ты не будешь слушать родителей, не будешь ты слушать отца-матери или там старшего брата не будешь слушать, тебе Бог убье!» Вот так вот. Вот это, значить, я уже держу в уме: «Ага, чё, если я не буду слушать отца или мать или старшего брата, мене Бог убье». Раз така была, така ж была тогда — вера тогда была. Раз люди были затемнёны и от этого, значить, вот таково вот это — воспитывали ребятишек.

<...> Выезжают все у стэпъ, примерно, весною. Выезжаем, нам там ложуть — таки пекут... крестики, ... стряпаютъ. Вот это вот, значить, мы берём. Теперь, значить, там это свящённый: когда посвятил поп — вот этот кусочек берём. Вот это. ...Выезжаем, значить, мы у степь сиять. Выезжаем, значить, ну и прицепляешь мешок — рукам сияли — мешок цепляем, значить; туды, в землю, раскидай, — счас, накрест бросишь зерна — ну, як учили нас, так мы и дилали — и зачинаешь сиять.

[— А почему крестом бросали зерно? — *Соб.*]

Бога признавали. Ага, вот если я крестом посеял, значить, это я прошю Бога, чтобы родиу.

Сейчас говорят, что агроном: без дождя урёде. А тоди ж Бога боялися. Так же друг другу передавалось оно. Да и нам передавали наши отцы, а мы передавали уже своим детям. Так оно друг перед другом и это передавалось. Вот это вот значит так, но тако дило и былó.

И потом опеть же, вот это вот посиешь, ага, косилы же уручную самí. Это косят, значить, кончають косить, — есть Илья — такой день. Там, значить, кустик оставляешь, это, ржи или пшеницы там кусточек оставляешь и завязываешь его узелком. Это — Ильи на бороду... Не скашиваешь, а вот говорят: «Это Ильи на бороду оставили».

[— Это его не скашивали, да? — *Соб.*]

Нет, не скашивали, это, говорятъ, Ильи на бороду оставили.

[— А если так не сделаешь, тогда что будет? — *Соб.*]

Ну ничего не будет, раз так былó заведено. Заведено так былó. Вот и всё, вот это вот. А как я не могу я таки сдилать, если все дилают, а я не сдилаю — значить уже на меня будут смотреть не так-то. Скажут: «Ащ-екой, не признаё Бога».

С самого детства нам это всё рассказывали. С самого детства оно так и шло.

188. Это у нас бабушка рассказывала, в Ключах... Хлеб вот раньше... Это даже и я помню. Вот хлеб езли ты, допустим... Вечером поужинали. Хлеба нет резанной булки, то уже резать не будут. Ложись голодный, а хлеб не дадут резать. Нельзя: хлеб спит — всё. Вот такое было своеверие.

[— Уважение к хлебу. Крестьянин пóтом добывает... Тоже своего рода экономя. — *Соб.*]

— Во-во-во. Хлеб спит — всё.

189. Ну так примерно родился я 7 июня 1903 году в семье бедного крестьянина в селе Верхнее Догьё: [отец] — Балагуров Абрам Степанович, мать была Аграфена Степановна. Оба были неграмотны, мать батрачила. Ну так детей порядочно было нас. Я родился уж шестым сыном, после меня ещё один родился, семь сыновей нас у матери и одна дочь была.

Ну, при бедности так было трудно, в детстве росли — с одеждой трудно было, с питанием трудно было тоже. Одевались большинство тоже так — в самотканую одежду; вот, примерно, эти из бараньей шерсти. Напрядут на самопрялках женщины, соткут, получается самодельное сукно называется. Покачают его на решётке женщины, несколько человек соберутся и шьют. Вот верхнюю одежду, <...> куртки ватные, которые вот щас носим, — это был куртик назывался. Так же он сшивался с этого матерьяла самотканого сукна. Первоначально он, правда, тёпленький был, пока из него вот не вышоркается эта шерсть-то. А потом, чем дальше стареет, тем становится холодным. Чебушки шили-то подлиннее, ну, как вам сказать, наподобие шинели, что ли, как таким халатом. Так той можно было летом укрываться на поле, ночевать под ней.

Потники́ сам-от... из шерсти сами катали, ни о каких матрасах разговору не было, спали на них.

Вот так жили, значит. Изба была одна. В этой избе было всё тут: зимой и телёнок родится, в углу где-нибудь тут приютится же, в этой избе. В избе была одна кровать, деревянная такая, самодельная, ну, покрывал таких, простыней — ничего не было, просто спали на потниках своедельских, чебушками накрывались, куртики клали в изголовье, ну и на полу спали, вот. Утром, примерно, эту постель убирали, ни о каких там ни расстилать, ничё на кровать эту, ничё на кровать эту деревянну, бросали её кучей ворохом, и она лежала так до следующего дня. <...>

190. [— А вот раньше, говорят, помочь устраивали. Это когда делали? — *Соб.*]

А жать вот... Если жать — в страду... А потом помочи устраивали... Хлеб-то намолотят, опихать. Много кулей насушат, пшеницу, сказать, или ячменя. Потом, как начать, народ-то пригложат, сколь имя надо. Что «утром у меня будет помочь, приходите». И утром все собираются, берут молотилы и идут на Газимур. Они на трех, на четырёх, на пяти лошадях привезут пшеницы сушёной в кулях, вываливают на лёд, ну и понужают её, и понужают тама. Так она только желтет!

[— А если дом поставить надо, это как? — *Соб.*]

Тоже! Там и плату ничё не берут. Просто помогают строить и всё, кто чё может.

[— А потом угощали? — *Соб.*]

Угощают, как положено.

[— А бывало, что старичок живет и не может сам себя содержать. Так вот было, что селом помогали? — *Соб.*]

Ну дак тоже ему дров, воды таскают, вымоют придут. А теперь пойдут — так всё за плату, мамонька...

191. [— А то, говорят, мужики вообще объединялись, помочь делали. — *Соб.*]

Ну это помочь. Это было, были помочи, ага, тут-то мы уж как по найму.

[— Как специалисты, да? — *Соб.*]

Специалисты, ага, работали. А это было — помочь. Это было. Вот я знаю, там же, в этой же Тайнэ, собрали, значит, лес возили помочью, ну, запрягли там, кто сколько сумел запрягчи, раньше же ить у мужиков кони помноги запрягалось, кто три коня запряг, кто четыре, кто два там, кто и один поехал, и вот сразу в один день привезли на дом лесу, а потом, значит, он опять, там это подобрал копеек, сколотил, набрал вина, значит, опять эту помочь — рубить дом. Ну, тут собрались таки мужики, которы понимают, ну и давай ему тут тяп-ляпать, тоже за день много сделали, кто тёшит, кто там стены кладёт, так и пошло дело. Это помочи были.

Ну это уж оне тут за вино, хозяин напоит их, ну и как вроде помочь мужику тоже, да.

[— Ну и хотели помочь, конечно, что ж это, не только за вино. — *Соб.*]

Не за вино, а уж как помочь, но он старатся напоить.

[— А если какая вдова, например, у неё нечем расплачиваться? — *Соб.*]

Ну и вдова так же делат, всё равно чё. Ну уж если надо ей чё, она всё равно сколотит копейку. Ну так, кто сознательны-то, помогали тоже.

192. [— А помочь была? Помогали, например, дом поставить? — *Соб.*]

Ну а как же! Я вон дом-то поставила, вон он стоит. Я теперь... У меня сердце рвёт. Уехали в Бутуртай. Дом бросили, ой-ё-ёй... Дак я об этом доме дак с ума схожу. Сама. Это всё труды мои были.

Насидела самогонки. Помочь делали. А коней же много у всех было. За день вывезли дом-то! Вот как. За день! Вон там из вершины, из Будюмкана. За день вывезли этот дом. И потом опять срубили. Сами срубили. Вот эта сидела тетенька-то, её отец, да дядя, да Парыгины тут мужики были. Срубили так. Рубили. И наши имя помогали, и те помогали. Друг дружке помогали рубить-то.

А я помощь сделала — опять за день склали. Вот как. За день склали! А мох надо ещё. Моху навезли. У меня деверья были, помогали ещё. <...>

[— Как вы эту помощь сделали? — *Соб.*]

Дак а созвали мужиков. Я насидела самогонки.

[— А потом угощали их всех? — *Соб.*]

А как же! Сам пошёл, козулю убил (это ещё раньше, давно это дело-то... Сорок девятый пошёл Ивану-то [сыну. — *Ред.*], с кем я сейчас живу, он там родился, в новой избе, первый год). Собрались и склали. Дружно жили мужики-то. Вот все и собрались. Деревушка-то маленька была. Все собрались и склали.

А отстраивать-то подряжали. Как раз колхоз. Просил денег на стройку — не дали. Коня выделили. Оставили. Он коня-то продал на Нижнем в Култуме.

И строил один тут. Хорошо отстроил. А тут всё сама делала. Мазала сама, и всё сама. Вот успевай, как сделать к зиме. Ребятишки один одного мене у меня были.

193. Или свадьба, или умрёт, а кто и тоже... Тут разница есть, а помощи-то всё равно так же, примерно, свадьба если, тоже стряпают.

[— Стряпки стряпают, они отдельно, там тоже чё-нибудь делают. Могилу копают тоже мужики отдельно. — *Слушательница.*]

[— Как об этом договариваются? — *Соб.*]

Просят, просят их, обязательно просят там вот. Если муж умер, то жена просит. Если жена умерла, муж просит.

[— Да, свои уж, родственники-то ничё не делают, а чужих-то вот просят. — *Слушательница.*]

[— Своим нельзя копать? — *Соб.*]

Своим нельзя.

[— Нести своим можно? — *Соб.*]

Почему, если у меня вот сестра умерла сейчас, только сыновья и несли её. Я сказала, что на руках только несите её. Тут и машина подъехала. Чё, неужели не унесёте её? «Таки лбы», — я говорю. И так они взяли её сразу и понесли её, но подменяли там чужие. Она, тётя Мотя, вон какая, не хворала, ничё не болела.

...Помогают. Если вот чё-то чё есть — хорошо, если нету, значит, у меня есть это, я принесу, у кого там есть, значит.

Смотреть [прийти, когда умерший в доме. — *Ред.*], например, обязательно чё-нибудь несёшь: яичечки, там ли молоко ли, там и ково ли. И сварят, и со-стряпают — всё сделают.

[— А потом уж это всё на поминки идёт? — *Соб.*]

На поминки оно идёт, а там уж девять дней, там уж три дня сами собирають. < ... >

[— А вот когда могилу делают, оградку, это сами родственники? — *Соб.*]

Сами.

[— На свои деньги? — *Соб.*]

На свои деньги.

[— Потом возвращаются в дом? — *Соб.*]

Тут уже остаются люди, три-четыре человека, уже на столы наставили, значит, все садятся заходят, вымоются и садятся за стол.

Кто подопьёт — песни поёт, кто подопьёт — плачет, кому жалко. Вот так. < ... >

194. Наше село хороше было, дружно. Помогали друг другу. Если избушка развалится, помогали строить. Вот у нас там старичок жил. У него маленька была избушечка. И ему всё: и слегии заготовили, построили ему дом хороший. И старикашка так и жил...

Дружно жили. К деду приходят, у которого зерно есть: «Ну чё же, подмогни». Тот: «Ну, годится». — «Осенью отдам».

А чё же делать — помогать надо. Я хорошо помню, мой отец давал лошадей. У него одна лошадь, что он на одной лошади посееет? Давали...

195. И как-то было веселе. А сичас народ какой-то озлобился, как собаки. Один на одного...

[— Ну вот в войну как это чувствовалось? — *Соб.*]

Ну, в войну чё чувствовалось? Каки-то были разговоры, старался каждый, но, примерно вот. Мы жили с Василисой Зверевой на одном коидоре. Ей извещение пришло. Старалась же как-то это, развлечь человека, чтоб... какой-нибудь разговор. Мы косили сено с ей вместе. А сичас жись пошла лучче, но она нисколь не веселей. Одно вино, пьют да безобразничают.

[— Ну а вот сенокосы как раньше проходили и как сейчас? — *Соб.*]

А щас как проходят? Я же не работаю.

[— Говорят, раньше с песнями ходили. — *Соб.*]

Конечно, везде, и на пашне, с песнями ездили. А работали-то от зари до зари. Не то что щас: одиннадцать часов, они ишо все дома.

Теперь чё? Комбайн пошёл, хлеб убрал. А раньше всё руками. Даже вот в войну мы скирдовали, носилками носили, ну, в копны складывали. Носилки сделаешь, двое накладывают, двое носят.

[— А как помочь раньше делали? Это вы застали? — *Соб.*]

Застала. Ну как? Если человеку чё-то надо делать, примерно дом перенести, или новый соорудить, или вот печь. Раньше же били из глины печи. Ну как он? Берёт вина, приглашат людей. И вот — работают, а потом гуляют.

[— Ну шли, наверное, не только из-за того, что вина купили? — *Соб.*]

Ну почему? Помочь. Вот, примерно, если тебе нынче помогут, на следующий раз — второму. Так же и хлеба убирали. Которые мало работников в семье, он ходит помогает людям, а люди потом ему помогают.

196. ...В 21-м году начали строить школу-восьмилетку. По лошадям — на каждого по десять брёвен. У кого самых добрых три коня — на их — матку срубить. Миром заготовили и вывезли лес.

Потом строили по подряду. До 29-го года поставили шестнадцать домов.

197. [Школу] своим селом рубили. <...> Вот на каждого жителя распределили, сколь брёвен привезти. Ну и это, привезли и подрядили рубить. <...>

198. О школе: «<...> Её же своими силами рубили, своим селом. Вот домá были, на дом восемь-десять брёвен, — чтоб ты вывез нам на школу». Вот разложение было как-то на каждого хозяина.

<...> До колхоза она... выстроена была.

199. [— В Кудее была церковь? — *Соб.*]

Тоже была, часовня там была, аха. Престол там, церковь. Деревянна была

часовня, та меньше нашей, у нас же церква была. <...> А вот в Кирге была часовня: три колокола было, а у нас пять, пяти колоколов была.

[— А сейчас где церкви эти? — *Соб.*]

А у нас церкву-то, в Кирге-то стоит она, уж на бок ушла, ишо стоит, её не разрушили. Она и щас стоит. А вот в Кудее-то не знаю, куда девали, стоит она ли, нет ли, часовня.

[— А в Борях была церковь? — *Соб.*]

А в Борях-то была церква у нас, вот она на мысу у нас стояла, вот где памятник, мы мимо шли — вот тут. Вот завтра посмотрите. Тут деревья, лиственницы, больши стоят как раз они в ограде, в церкви стояли. Ограда была загорожена. У нас церква красива была. Делали, своим селом строили.

[— А когда примерно? — *Соб.*]

А вот сколько лет прошло тому назад-то? У нас стара школа была, большая школа, хорошая была. Тоже старики рубили сами. Все вот эти мужики тогда слаживались, краску покупали, всё, и это, государство не помогало. Щас вот государство всё строит, а тогда сами, своим селом. У нас вот мой дедка даже ездил по сёлам, туды вот за Сретенск, туда ездил по трассе, по сёлам ездил на коне, приписывал на матушку-церкву, на эти, на иконы-то. Вот. А потом покупали на эти деньги. <...>

Жалко церкву-то было, жалко. А вот разбили церкву, на школу разрушили. Перевезли ведь... В лесу живём, а церкву перевезли на школу. Вот эти года, сколько... Сгорела школа-то. Вот церква-то у нас хороша кака была и... «Школу!» — разрушили это церкву.

[— Она работала? — *Соб.*]

Церква-то? Она у нас работала, чё же это. Революция-то была, она после это работала, а потом вот перед колхозами у нас её разрушили, иконы забрали, увезли. Ишо потом начались колхозы, перед колхозами разрушили это всё. <...>

200. Опахивали — это уж когда бывали случаи, что в страды — пожары. Там выезжали, сохами опаживали скирды, сена зарода опаживали, оскребали и так далее. В основном-то целым селом выезжали: главное, чтоб очаг пожара уничтожить. Но кроме этого ещё, значит, назначат, от семьи сколь человек выезжают туда, а остальные члены семьи бегут опять на своё хозяйство. Где поблизости, тут стараются, где угрожает опасность: скирды там или сена стог смётанный — вот это тоже делали. Но это в случае таких стихийных бедствий, пожаров.

201. Казакам-то лошадь хорошую надо. Всё омунирование купить: седло, попону, клинок, сумы, шинелка. Омундирование дорого обходилось шибко, ой-ей-ей. А то ведь эти были верховы, а это всё надо было купить. Только не брать, если есть конь, коня только не берёт. А нету — тут тебе атаман столшний [станичный. — *Ред.*] коня покупат. Когда комиссия идёт, там у кого кони лишни, подводят продавать. Как хотишь — купи. В работниках люди

ходили, всё равно всё выкупали. Бедняки-то тоже были, худо-то жили. Покупали всё. Зараблывали деньги и сдавали тамака процента. На оmundирование подсчитано сколь, значит, всё и влаживат туды человек-то, зарабатыват да влаживат.

<...> А тут взяли с собой нагайки. Ой, тяжелый человек, да тяжело первый год шибко было. Он и через кобылу не может перескочить, и на коне тоже — на одну сторону соскочи, прыжок сделай, и на другу перевернёсси. Вот тут уж опасно было. Токо оторвись от седла — и на земле. Трудно было казакам — ой-ёй-ёй-ёй, тяжело. <...> Ставят тамака, доезжат человек, начинают рубить.

Бегá так же делали. Тамака вещи накладыны. Поймашь если коль чё, там часы или что ли — твои уж. Но редко.

<...> Привычка. Лошадь привыкнет. А тут еще лошадь-то... Рюют канаву, барьер делают — скакать. Лошадь добежит, да в сторону. А потом привыкнет — канаву, барьер этот перескакивает с всадником.

Офицеры избивали. Но и хорошие были офицеры, не били, ничё. А есть... Ой-ёй, беда была. Злушши. Избивали вон каких казаков на занятиях. Вот чё-нибудь не проделат — готово. Глядишь: раз тебя нагайкой, два... Хлестанут.

202. ...Он поехал собирать народ по покосам, и все поехали с покосов, а к церкви (ране церква — Богу молились). Раз идти воевать — молебен служить, молиться надо. Ну и все к церкви, все с боевым выюком. Это со службы приходят, весь боевой выюк хранят, всё: седло там, сабля, только винтовка там где-то давалась.

И вот со всем боевым выюком, тут со всем с семьям, тут и плачут, тут и поют, тут и всё делают. И вот тут песня была:

Конь стоит с походным выюком у церкви ржёт, кого-то ждёт.
 В оградке бабка с внуком плачут, молодка слёзы льёт.
 Сынок из храма, из дверей, с успехом в полной боевой
 Шёл к своим родным в округ. (Это значит к своей семье).
 Жёна стóит, ко́ня доржит, племянник пику подаёт. — Всё, в сборе.

Вот так и собирались. И вот у меня старший брат пришёл в апреле месяце. Служил он, но служили при царизме 4 года. Четыре года, и ещё в честь наследника-царя — родился! — служить заставили 3 месяца. И с покосу опять пошёл на войну. Война с немцем была, вот в 14-ом году.

Ну и вот, и он пришёл тут, пошёл сразу. Они вот, которы возраста, возраста два, три — так ране назывались присягивание, всё это хоронили [сохраняли. — *Ред.*], лошадь, всё у них чтоб — должна быть готова: случайна война — так он чтоб был весь готов. Вот они пошли тут, поехали отсюда. <...>

203. Вот пришёл отец, мать там, братья, сёстры. Почаевали. Сели, попили чаю и вышли, дед снял икону, благословил, и он пошёл. Конечно, плакали. А она плакала, и всё, что «Как я буду жить? Чё я буду делать с имя шестерыми?»

Ну, помогали, всем миром, все свои были. А вот сейчас останься — кто поможет? Щас только государство.

[— А как помогали? — *Соб.*]

Дак а чё. У нас вот у отца было хозяйство, он был добрый ишо <...>, взятый ето в германску войну, это взятый был тоже. Дак у матери было... Она ходила полы мыла, стирала, белила. Ночью ребятишек дома обмывает, починят, а день — ходит по людям, хлеб жала. Серпом прямо: вот жнёт, снопы вяжет, ей давали у кого чё есть, была возможность. Делили, вот с мамой делили все куски. У ей семья, и у нас семья. Пожалуйста.

[— А как Серафима провожала мужа? Что говорила? — *Соб.*]

Она? Когда с избы вышел, а она с ребятишечками в избе задержалась. А уж к воротам подходить стали, все родны́ вышли, она одна. Она потом выскочила, из избы-то вышла когда, и вот так в ладушки схлопнула и говорит: «Ой, Серёженька, никто меня теперь не обогрет, окромя красного солнушка». А он вернулся, обнял её и говорит: «Сара, чё ты меня навечно провожашь, что ли? Я вернусь. Вырастим детей и будем жить вместе». Вот, пожалуйста. И ушёл и не вернулся. И она так вот их рóстила. И вырастила она их шесть человек, и дочь замуж вышла, и сын женился, и она пошла землю удобрять. Потому что она потеряла здоровье. Как вот я мыла полы за краюху хлеба да за крыночку молока, так и она.

[— А как ей-то помогали? — *Соб.*]

А помогали, дак — кто родны́, кто муки даст мешок, кто посеет там четверть — десятины раньше называли, счас гектар называется земли. А раньше десятина. То полдесятины кто-нибудь посеет пшеницы или гречухи посеет тамака. Она это соберёт, эти зёрнушки и измолотит. А кто, вот как отец наш был, и дед был живой, его братья были живы́, — дядя Серёжа вот. Оне посеют, родится хлеб, намолотят, смелят, ей мешок дадут. Вот так она, бедна, и жила. Мыла ходила, стирала всё.

Вот так. Германску войну я помню хорошо. Как наш отец пришёл. Маме... вот в Сретенским служил, приезжал домой часто. В Нерчинским служил, хлеб молотили. Солдаты приезжали, помогали. Сено косить помогали солдаты. Сестра была у меня. Оне все уж умёршие теперь. Сестра умёрша. Её уж дети все взрослые, внучата уж у всех. И брат был старший с шестого году. Все помогали. Вот таки ребятишечки. Ему семь лет, он уже на коне ездит в пристяжé. Пашет. На кóнях же пахали, шабанами, не счас же. И он ездит в пристяжé уже. Нанимались. Всяко.

Школа до революции

204. Вот ещё я вам хотел сказать, что тут церковь, тут попы́, если вы интересуетесь. Церковь у нас была приходская, большая, красивая церковь была. Всё это внутри было обделано. Замечательна, в общем, была она. На ей крест стоял большущий, на самой... Купола такие большие были... Её строили при-

мерно в 1908-ом году. Я худо помню, когда её это святили. Святили это вот там. Помню, один там мужик был наш, Харин Спиридон. С этими крестами — устанавливал когда, — высоко же на эти купола, его там поп сначала его причастил, чтобы, когда убьётся, то чтоб со святыми на покой пошёл.

Ну вот, залез он это всё, обошлось хорошо. А в церкви было всё это... Вот этот поп когда сретенский приехал, то это до него был тут какой-то Мичурин, здоровый-здоровый. Ну, он уж старик был: рыжий такой, волосья длинны, пуза така́. Вот он весил-то он всего 9 пудов и 15 фунтов. Вот он такой был. Ну вот, он остарел и уехал. Куда уехал — не знаю я его...

Потом вот это, в 13-14 году, в начале той империалистической войны-то, приехал сретенский поп. Этот молодой, молодой... он уроженец читинский. Где он эту семинарию кончал-то.... Вот он тут это все порядки наводил... Эту — сельскую школу тут открыл, вот стали учить — учителей достал, всё это. Но учитель-то мало преподавал. Что он преподавал — русский язык, в первом классе — там это «А» да «Б», букварь учили. А там дальше были — второй группе, да третьей группе книги для чтения — там это «Сеятель» — название «Сеятели» были. Вот жаль сейчас, что их нету, интересно бы посмотреть на этих «Сеятелей». [Смеётся.]

Ну вот, а в основном-то поп учил больше. Он эти два урока утречком преподавал. В школе преподавал поп Закон Божий. Ну и обращался с учениками жестоко. Бил. Смерть — бил. Страшно. Учитель за это дело — с ним они вроде ругались всё. Мы тогда — дети, чё там. Один раз я вот помню: чё-то там — до его прихода-то разбушевались, а там избушка, там ухват, там клюка, там всё есть. Ну, это всё в ход пошло. Там, которы побольше-то были. И он — зашёл. Вот, я помню, одному он это вон. Там Таскаев у нас был, Димитрий. И он на его как ладонью ударит в одно ухо, во второе — кровь пошла. Вот. Вот такую штуку. Как к доске ставит. Потом вы, может быть, помните, «Как закалялась сталь» — там Островский описывает: к попу ходили на́ дом, уроки. Так и мы вот это — кто плохо ответит по Закону Божьему, вечером — приди после школы к ему на квартиру.

Ну, тоже без пакостей-то мало обходилось. Там у них куклы были в прихожке. У них же, у попа-то, жена была из бурят. И вот девочки всё были. Детей-то 7 человек было, и всё девочки. Поп был такой это — сурьёзный. Да, сурьёзный. Это на Рождестве — всю школу собирает, чтобы все до одного ученика были в церкви. В церкви вот служили Рождество, там пропоёт. Обязательно всей школой дети во главе с учителем к попу идут Рождество славить. Тут он, конечно, раскошелливается — тут рублей пять на всех выделит. Это большая заработка была для учеников. После этого ещё — конфет. Эти девочки его побольше — принесут. Тарелку конфет. А все там — кто сколько сумёт, — себе в карман да в карман. Ну вот, расхватают их. После этого идут кто куда: два, три человека, по одному — по деревне Рождество славить. Ну вот, когда это прославишь, ну чё потом? А там это, когда славишь — где пирожок дадут, где орех дадут... Кто блинчиков — бабки дадут. Из избы в избу — все и пошли, пошли так... Ну, поп жил, сам-то он вольготно жил: он славил да это...

На Пасхе — там это Черен, Половинка, Будюмкан, Урюпино, Услужье, здесь Кактолга, Аркия, Кучугай. Там ещё по Аргуни были Мучукан, Жигдо-чи... Это всё сюда в приход было. Ну, на Пасхе-то он всех объезжал. А в такие праздники — он тут всех не объезжал. Ему никак не успеть было. Ну, подавали, у кого чё есть, он много наславлял.

И ещё, кроме этого, у него была жена — попадьёй звали. Так это не положено: его надо было назвать священником, а попадьёю — матушка. А сам — его по имени, отец Георгий был. О! отец Георгий, никаких фамилий, никак больше не величали. Ничё. Суровый был. Один раз вот, я помню, на Пасхе, после поста принимали причастье. Один там у нас богомольный был парень, и он ишо холостой был — так это лет тридцать было. Пел он хорошо, всегда помогал, пел попу, когда большие праздники. А тут вот — причастье принимать. И вот он это — поп подаёт. Там кагор был, чаша такая позолочённая, красивая. Ложки серебряные тоже были, позолочённые, церковь-то богата была. Вот он, этот богомол — Ворсин Афанасий был. И вот, прежде чем принять причастие, надо перекреститься. Он это — креститься-то стал и подшиб чашу-то эту, с вином-то. А в вине там эти крошечки. Мелконькие... Называлось тело Христово. Он у него подшиб, вина-то чаша сюда вылетела, прямо на ступеньки. Ну, тут он его сразу поставил на коленки, сам ушёл в алтарь, туда. Там эту чашу поставил. Народ в зале тут — полно. В левой стороне стоят всё женщины, по правой — мужчины. Тут только проходик вот так вот. Всё полно — со всех сёл приезжали, весь приход. Хоть и немного этих сёл, но всё равно приезжали на праздники-то. Он сходил, у учителя взял ножик перочинный... Он всё соскрёб это дело, веничек ему трапезник подтащил. Он это потом замёл всё, заскрёб. Потом он заставил его это съисть. А там это много — грамм 200 краски было — заставил всё это съисть. Съел. И тут всё пока это обедня шла — он стоял на коленках, пока все не вышли. Это потом уж — как там — все вышли, он его отпустил. Вот это, такую штуку. Это было.

У него — вот за чё он: эти два урока преподавал — учитель всего получал 40 р. в месяц, а поп — 60 рублей. Кроме этого, он ещё получал 200 пудов зерна.

Там у нас склады были, семенной фонд. Там это — из трёх сёл, — большие склады были. Вот, он там получал оттуда 200 пудов. Бесплатно. А это — за счёт населения потом пополняли ежегодно. Ну, это — сколько он там потом ещё проедит — наславит. Много он наславлял. Там кто богатеньки, подходяще подавали: и хлеба, и всяку штуку, и деньги. А кто бедненьки — так, гроши подаст, пятак там — и то ладно. Ну, яички — чё, на Пасхе там подавали — много...

[— Как люди к нему [попу] относились? Почитали его? — *Соб.*]

А как же! Это же первый был... почётный человек. Первый почётный человек был. Да. Тут уже всё...

Ну, он трудился, правда, когда — там с мужиками устраивал изгороди, рыба́чил. По Газимуру. Вот, его земли там надел был — у нас там [Довакша] 100 гектар — луг был большой. Там сейчас совхоз, хлеб сеют. Вот, это его было. Без всяких я́ких — тут его надел, тут казаки никто не касались. У нас же казачество тут было. Вот, это его было. Ну, он тут скотá держал, работника

держал, сено косил. А что останется — кому продаст эту траву, кому так отдаст, по знакомству. А никому не достанется — так она и сгорит, вся эта трава-то...

Ну его чё ещё: он скота стал держать много, чушек было много, коров тут по 7-8 доил. Стряпку держал. У нас ведь здесь бабка была, она не так давно умерла — Бояркина Дарья. Она ещё в девках была, у него вот года три прожила. Потом после неё <...> Толстокулакова была... Позднее. Он так и увёз её, этот поп. Потом он увёз ещё из наших учеников — Таскаева — увёз его учить. Здесь он пел — вроде псаломщика. Вместо псаломщика ездил по деревням, пел эти, божественны — попу помогал. Он его увёз туда, в Читы. А там — революция была, его в 18-м году лишили, этого попа-то. Всю эту землю-то у него отобрали. Он это — в 18-м году-то ещё сам сено косил, всё. Сам он работал. Он здоровый такой, чё же, молодой был.

Отец у него тоже приезжал с Читы... А потом он увёз эту стряпочку, увёз, молодую деваху и этого парня увёз. А тут революция. Вот он там устроил этого парня учиться в семинарию. А он, парень-то, языком-то ненадёжный был, стало быть, кое-кого выводил. А там уже это — пропаганда шла против этого дела, учёбы, всяко разное, царизма... И... и вот там так погиб. Кто-то его закончил. А деваху эта потом тут за китайца вышла, где-то по Газимуру жила.

205. ...Ну, при царе чё? <...> Вот в нашей деревне школы даже не было. В моём детстве. Не было школы. Раз школы не было, то и учителей нету. А политзаключенны, они же грамотны люди были большинство. Поляков много было здесь. И вот я даже не могу понять, в чём же дело, как они к нам... Вот, допустим, они там забастовку, что ли, сделали... Почему их за Байкал отправляли, не в своей местности они оставались? Вот это меня удивляет. Неграмотный, он, конечно, туды не попадёт, в политзаключённые, в иху ячейку, а грамотный...

И вот я начал учиться восьми лет в деревне своей. У нас учитель-то и был поляк — Михайла Иваныч Сербанович. Я тогда был дитё да дитё... Сейчас я только представляю, что он из себя представлял.

Сейчас дак смотришь... У нас дочь-то в школе работает. Идёт эта корреспонденция: тут и журналы... А тогда, я не знаю, чем он руководствовался. У его никакого пособия-то при себе не было.

И вот, значит, мы когда учились, в моё-то время стандартных тетрадей не было, а бумага — сколь хотишь и какую хотишь: хоть в клетку, хоть в косу, хоть в одну линию. Её купишь, свернёшь, сошьёшь — и тетрадь получится. Чернилки, вы представляете, были в то время, они долго и в настоящее время существовали, непроливашки. <...> Значит, тетрабочки, а скоко тетрадей, вот даже я и забыл. Сейчас смотришь: по такому-то предмету, по такому-то, по такому-то... И были грифельны доски, вот такй...

[— Ну, где-то 35 на 25 сантиметров, да? — *Соб.*]

Вот она. Мягкий такой камень. Но она сделана так, что тоненько... В деревянной рамке она, эта диковинка. А писать — назывался «грифель». Потоньше карандаша-то, тоже мягкий.

...Когда это? Втору зиму я, наверно, начал учиться. Диктанты писали мы. Ну, человек 10 примерно нас училось в деревне. А видите, тогда как отцы-то считали? Кто разбирался в этом деле, что грамотный человек — это большая польза будет и себе, и государству, а неграмотный — это чё, ерунда...

И вот он у нас эти доски-то заберёт все и с обеих сторон напишет, просто не с книги, не с чего... Отчего он брал, я не знаю. Испишет. Напишет этот диктант... Это трудно правильно-то рассказать, потому что прошло больше 70-ти лет.

И вот начинает нам диктовать, а мы в тетрадку записывам.

И вот у его такой вид был. Видимо, он каторгу отбыл. А эти политзаключенны, когда срок отбудет... Он уж пожилой был, значит, он порядочно сидел, долго. Почему? Потому что старый человек куды-то не вольётся, в какую-то ячейку, это уж молоды люди начинали... Но им давали помногу — 15 и 20 лет. Посиди-ка...

И вот у его такой вид был... Но у нас, мальчишек-то, побольше было, девчоночек — одна только (она по матери <...> мне родня кака-то...). И вот он такой был. Задаст урок-то, допустим, ну, кроме этих диктантов, — сам ходит. Костюм такой замазанный — но ково? — старик. (Уж он ни за чем не гнался сильно.) Костюм, раньше он был с жилетом, назывался «тройка». И вот он начинает... Дума кака-то у его явится, и вот он ходит. А школа-то кака? Но где свободна хата, он её арендовал, и в ей мы учились. И ходит, задумается. Мы уж тут вроде чё надо было сделали, а он и даже не замечат. Думка така у его. Я это помню всё. Ходит, и ходит, и ходит.

Чаю много он за день выпивал. Самоварчик у его такой маленький. Хлеба мало съедал (в память всё же врезалось), хлеба мало кушал, а сахар... Сахар не такой, что сейчас, он назывался головной. Наколят кусками. Он, может, отколет чуть не с кулак, ну и грызёт и чай пьёт.

И вот у его, значит, договор был с нашими родителями такой: кажный по-недельник (два рубля в месяц брал) должен ему какой-нибудь гостинец принести, что есть. Ну, кто булку хлеба принесёт, кто молока... Да он хлеб-то и не поедал, он его высушит, а потом, когда учёба кончится, летом, он рыбачит, хлеб-то ему нужен.

И вот этот самый Михайла Иваныч Сербанович (придётся на его тоже сказать):

— Да, — гыт, — однажды появилась на небе надпись: «Господь Саваофт» (смеётся).

Ну, я давно этому делу не верю. Вот такой пустяк, а оно интересно.

И вот он много лет там жил, года четыре, наверно.

Вот эти все политзаключённые, оне все грамотны были. <...> Раньше расписаться умет — значит, грамотный. Дальше что?

Одну зиму меня отец отдал сюды, в Нижни Ключи, учиться. Здесь была специальная школа (она и сейчас стоит, где сельсовет). В южну сторону класс был, а в северну — учитель жил. Павел Владимырыч Лесков, учитель. Вот я зиму проучился.

И вот, скажите, в то время плохо как отцы заботились: в этом классе нашем всего 40 человек училось, и то из двух деревень (во всём школе): с Борщовки нас, наверно, человек десяток будет, остальные ключевски. Видите, мало. Сейчас с одной деревни — большу надо школу. <...>

Тогда, тоже не знаю, с какого время настоящие учителя-то стали. В Нерчинске, допустим, была женская гимназия. Оно и сейчас, это здание, стоит там <...> по Достовалова улице <...>.

Но, хорошо. В конце концов что получилось? У нас деревня-то маленька была — 60 дворов, а в Ключах — до сотни. <...> И вот у нас там вздумали школу строить. Материал, решили, — натурой: вы привезёте да я — вот так, натурой. 60 дворов, по пять. Пятью шестьдесят — триста деревьев. А за работу... Сейчас-то районо называются, а тогда, я не знаю, как эта организация называлась, но кто-то был, руководил... В 12-м году у нас построили школу. Я уже, конечно, не учился, у меня брат был, сёстры были... Ну, у нас отец любил учить.

И вот, видите как? У нас трёхклассна школа. Три класса кончил, смотрит отец: справляется с уроками, всё такое — он возьмёт в Калиновку отдаст. Там была двухклассная школа. Ну, как это расшифровать? Здесь три, кончил — туда. Там ещё два. И вот в нашей деревне больше было грамотных, чем в Нижних Ключах, а они втрое больше жителей.

Ну, в то время как? Он двухклассну кончит, лето пришло, он землю пашет <...>, если на конешке — отец сзади — за сохой, а он верхом. И вот этих двухклассников, иху грамоту мы и не видели, пока не стала советская власть.

[— Почему? — *Соб.*]

Потому что никуда их не выдвигали. Некому было выдвигать: тогда же богатые управляли, оне старались своих тянуть-то, устроить в школы. Вроде это всё платно было — крестьянину это неподсильно. Кто получше жил, тот...

И вот эта женская гимназия... Там две школы было, в Нерчинске. Женская гимназия. Сколько оне учились годов, не могу сказать, не знаю.

И ишо реальная школа была. <...> Сколько учились годов, не знаю. Помню, с отцом ездил в город. «Вон, — говорит, — какие здесь ученики». Мужики, уже брились. Одежда — <...> зимой тёпла, конечно. Но богаты люди там учились, конечно. Только богаты.

И вот я как-то... В Нерчинске учитель, Деревцов Николай Григорьевич, он к нам приезжал охотиться. И вот я ему задал вопрос: «Не могу понять, какой уклон имела эта реальна школа?..»

206. День за днём, год за годом я подрастал — исполнилось 8 лет. Наступил октябрьский день. Раньше занятия в школе начинались с Покрова — 1 октября. 2 октября 1911 года я пошёл учиться в первый класс начальной школы.

Верхъячинская церковно-приходская школа, деревянная, с одной классной комнатой, обращённой окнами от солнца к северной стороне. Вторая комната, обращённая окнами к солнцу восточной и южной сторонами, была отведена

для квартиры учителя. Помещение школы расположено в центре села и до сих пор находится на том же месте, только перестроена по-новому.

Мама мне сошила из самотканого сукна чугушку, из холста сошила холщовые штанишки, рубашку. Из ягнячьей шкурки — папашонку, связала из шерстяной пряжи чулки. Папа мне из своедельной кожи сошил ичиги. Вот в такую ученическую форму меня одели мои родители и послали в школу учиться. Другой формы, лучшего качества от своих родителей я требовать не мог, потому что мои родители жили плохо.

Первым моим учителем была Манефа Павловна Стукова — хорошая учительница. Учиться раньше было трудно, так как первым уроком был всегда Закон Божий. Отвлечённый предмет, плохо усваивался. Надо было знать молитвы наизусть (вызубрить), и ещё учили начиная с первого класса славянский язык.

Ходить в школу было далеко: два километра, так как мы жили в другой деревушке, за речкой, на горушке. Учился я в начальной школе, начиная с первого класса и до старшего класса, хорошо. Дисциплина была хорошая.

* * *

Когда я учился в старшем классе, примерно в первой половине октября проезжал по станицам 4-го военного округа наказный атаман 4-го военного округа — его высокоблагородие господин Княшко. Меня как хорошего ученика от школы вместе с казаками нашего села Раитиным Иваном Ефремовичем, Балагуровым Захаром Гавриловичем, Булыгиным Иваном Николаевичем послали в село Ундино-Кавыкучи на встречу с атаманом.

Явиться к назначенному сроку на встречу мы не успели — опоздали. В селе Ундино-Кавыкучи уже началась церемония встречи, шло угощение, обедали всей его свитой. Вместо того чтобы явиться отрапортовать, они (решили по задержке) и спрятались в кусты, и я за ними на своей Голубухе тоже в кусты.

Когда закончилась церемония встречи, атаман Княшко на тройке борзых в карете помчались с невероятной быстротой в станичное правление — село Шелопугино, а затем вооружённые казаки верхом на лошадях впереди, по сторонам и сзади так же галопом (аллюра три креста) мчались, как вихрь, — пыль столбом. Мы из кустов не могли и путём рассмотреть как следует атамана.

Спустя несколько минут, когда эта свита скрылась за Толстой мыс, мы тоже галопом поскакали на своих лошадях домой. Так и не приняли участие во встрече. Не знаю, как потом они отчитались перед поселковым и станичным атаманами. Наверное, крепко попало, по заслугам. Но я как рядовой казачонок подробно доложил своей учительнице Манефе Павловне обо всём случившемся.

Для моих родителей только эта встреча обошлась дорого: запалил я свою Голубуху, стала она худеть и к весне пропала.

Потом мы слышали: говорят, что атаман Княшко хорошо подготовленных ребят школьников военному делу производил урядниками и выдавал военное детское обмундирование. <...>

Проучился я в начальной школе 4 года.

* * *

Вот 25 апреля 1915 года начались экзамены в селе Шелопугино в помещении двухклассного училища.

Обстановка в помещении строгая. За экзаменационным столом сидят: станичный атаман Димов со светлыми погонами на плечах мундира. Блестят светлые пуговицы в два ряда, на брюках — широкие лампасы. Красное лицо с курносом носом, пыхтит, как будто тяжёлый воз везёт; священник Иоанн Павлов в очках, с длинными волосами на голове, в длинном кафтане с широкими рукавами и большим серебряным крестом на груди; учитель двухклассного училища Димов Иван Васильевич в форме старинного чиновника, тёмно-синего цвета, с петлицами на воротнике мундира; пристав, мировой судья, 11 человек учителей всех начальных школ Шелопугинской станицы.

Учеников вызывали по очереди к экзаменационному столу и классной доске. Задавали вопросы, а также были две письменные работы. По русскому языку — сочинение, по арифметике — задача. Выдержал я экзамен на «хорошо». Конечно, это было большой радостью для моих родителей.

1 октября 1915 года я приехал учиться в село Шелопугино в двухклассное училище. В такой же ученической форме, чуть немного понове. С большим любопытством учащиеся: дети купцов, священников, чиновников, станичного правления, почты — разглядывали мою чугушечку. Щупали её наощупь, только не нюхали и не брали на зубы на вкус. Спрашивали, из какого материала сшита. Осмеивали. Часто и мою чугушечку сбрасывали с вешалки, так что за два года моей учёбы в двухклассном училище пришлось ей, бедной, перетерпеть.

Общежития не было при училище, жил на частной квартире у Домошенкина Фадея Ивановича. Хороший был Фадей Иванович. Родители платили за квартиру, за питание, за учебники и ученические принадлежности. Было трудно моим родителям нас семерых — сыновей и дочь — растить да меня ещё учить. Я это с ранних лет осознавал и всю свою жизнь, пока находился на иждивении родителей, никогда не обвинял своих родителей за то, что приходилось плохо одеваться и питаться.

Несмотря на все трудности, в 1917 году весной окончил двухклассное училище.

207. <...> Ну а потом, конечно, подрос я, стал учиться в школе, вот. Брала, правда, в восемь полных, ну я пошёл почему-то семи лет, так развитие было, пожелал, меня родители не стали... Пошёл лет семи. Учились. В 14-м году, значит, началась эта война, империалистическая. У нас в школе начальной — церковно-приходская была в Верхнем Догъё — ввели учение, но, видимо, было тако указание по всем школам. Обучали военному делу.

Что обучали нас? Изучали мы словесности, вот, скажем, командир там или кто ли такой, как его там — «ваше благородие» или, скажем, наказный атаман господин Княшко был... Вот эту словесность мы тогда изучали. Но и обучали нас строевому шагу вот. Но так получилось, что объявили или было, видно,

станичного правления указание, что по Забайкалу проезжает наказный атаман четвёртого военного отдела господин Княшко. Ведал он, значит, Забайкальским военным округом, сейчас можно сказать, вот. Ну и для встречи с этим наказным атаманом с каждого отделения, с каждого села посылали казаков по два, по три человека в полном обмундировании на лошади с седлом кавалерийским, всё, и требовали от училища: от школы тот, кто хорошо учится, несмотря на то, что в первом и во втором классе тоже, правда не за счёт казны — за счёт родителей, родителям, правда, и трудновато пришлось. Учительница меня, как хорошо учусь, выдвинула, что я поеду с этими казаками встречать в Ундинские Кавыкучи. Откуда-то сверху, с Нер-Завода он ехал.

Надо туды явиться, значит, к столько-то часам.

Ну, сошили мне защитного цвета гимнастёрку, значит, брюки, всё как казачонку. Ну, лошадёнки были слабоваты, мне дали эту, Голубуху, кобылицу, заседлали, заняли седло у соседей. И вот с этими казаками подпарили, я поехал встречать. Но те-то с клинками, а у меня-то клинка не было, у подростка. Поехали мы встречать туда. Правда, казаки заезжали в это, в станичное правление, чтобы попросить, чтоб меня оставили: ну что — малыш, но на лошадях я умел ездить хорошо. Но станичный атаман не согласился: «Езжайте, езжайте, детей тоже надо. Когда тем более военно дело вы изучали как будущие вояки».

Но мы туда поехали и немножко опоздали встретить его там. За Кавыкучам, за деревней, церемонию эту производили, а мы только подъехали. Но я обвиняю казаков. Я их знаю, они с нашей деревни: Бульгин Иван Николаевич, Раитин Иван Ефремыч, Балагуров Захар Гаврилыч. Робкие, такие не по-настоящему. Ну, опоздали, приехали, отрапортовали, их в строй бы, да и всё. Они этого набоялись, заехали в Ундинские Кавыкучи быстро на квартиру. <...> Чё же, в погонах были, всё, в казачьей форме, а я-то так был — в гимнастёрке, понакидывали куртики, стёжанки, чтобы не видали, и мы в окошко посмотрели, как везут его. Но, такая свита казаков, пыль столбом. Его на тройке экипаж такой везут, и в самой деревне организовали церемонию, обед, угощение и так далее.

И вот они, поскольку робкие такие, неразвитые, эти казаки, всё равно надо было пробраться, надеть частную одежду и посмотреть, что за Княшко, как тут, что, а они недолго думая — некогда кушать, знакомые были собрались и по-за деревней — домой, вперёд. Вот как встретили, значит. Ну я за ими треплюся, на своим Голубухе, галопом, как могла скачет, мы летели. То есть только Кавыкучи проехали, тут мыс, кусты, слышим... Они на меня же, я в их подчинении был: «Ты назад-то оглядываешься? Как увидишь пыль столбом, кричи: надо же прятаться, а то по дороге встречаются станичники, посельщики. Скажут: вот...». Ну, я оглядываюсь, бежим галопом. Смотрю — только выехали с Кавыкуч, — смотрю: пыль столбом поднялась (дело-то осенью было, на телегах...). Говорю: «Едут». Ох — в кусты на лошадях, не слазя заскочили туда, всё. Но в щёлку посмотрели, тут ещё кто-то пролетели, не знаю, кто мимо нас. Таким образом мы и встретили этого Княшко.

Не знаю, что было этим казакам, ведь в станичном управлении, наверно, была отметка-то — были или нет, да как. И он мог заинтересоваться: почему,

дескать, не всех выставили — должны же с каждого селения. Не знаю, казакам было что, нет ли, ну а я что, как маленький казачонок своей Манефе Павловне, учительница была Стукова, доложил обо всём случившемся, что было, что произошло и как. И всё, мол, на этом у меня и кончится, у казачка?.. Но кобылицу отца-то запалил: бежали-то дурно. Весной она у меня обовшивела, на неё вошь, ослабела, навалило, и, бедна, умерла она, Голубуха-то моя, отца, значит. Отцу-то изъян в... пришлось — изубытился за то, что я хорошо учился.

Ну, разговаривали про то, что Ильдикан есть недалеко по Толонгую-то, Балецкого району, он большой. Была Ильдиканская станица. Он в её заезжал, но там у них, видно, попал хороший учитель или урядник какой-то руководил этим военным делом, так хорошо подучил ребят, но там-то было двухклассное училище, повзрослее, что они хорошо джигитовали на лошадях, вот, такие гимнастические упражнения на лошадях, это же ребёнок делает — интересно, вот он там проводил эту джигитовку, смотрел, и ему, видимо, там понравилось, что он сразу принял решение на ходу, <...> у его и было в запасе, шло с ём, детско обмундирование, гимнастёрки, брюки и вроде деревянные, как игрушечные клинки. И вот он несколько ребят произвёл в урядники (на погонах уже две лычки поперёк — урядник был) и дал название станице не Ильдиканская, а Княшенская, в честь его приезда, что хорошо подготовились, хорошо встретили. Но тут вскоре война кончилась, революция, да так станица и осталась не Княшенская, а Ильдиканская. <...>

* * *

Вот таким путём я и учился. А потом, кончил когда, начальную школу, благодаря то, что хорошо учился, попал я в двухклассное училище в Шелопугино. Редко туда попадали. Характерно то, что у нас в Догьё-то девочки ни одна не училась, пока я три класса кончал: младший, средний, старший — ни одной девочки с нами не училось. Здесь, в двухклассном училище, — тоже, ни одной девочки не училось. А здесь с нами учились только дочь попа и дочь купца, знатные такие, две подруги.

Но вот мы проучились, это я приехал в 15–16-й учебный год, потом 16–17-й учебный год, как раз в 17-м году закончил, где-то примерно в мае экзамены были.

И вот в одно прекрасное утро (состоял я на квартире у Домошенкина Фадея Ивановича) утром рано приходит к нам арестант в тюремном сером халате. Рано. Мы так приужаснулись, и сам хозяин. Кто такой, арестант? Значит, бежал, вот. А он сразу видит, чё мы чё-то подстушевались, сразу нам объясняет. Говорит, что, это, вот, хозяин, наймись у нас довести двух-трёх человек до города Сретенска, и прямо сразу объясняет, что вот сегодня ночью приехали в Шелопугино, был тюремный этап, сорвали с тюрьмы замки и всех арестантов распустили по домам. «И я, — говорит, — вот тоже. Вот нам надо до Сретенска доехать, вот, посмотрите, над зданием тюрьмы красный флаг висит, а солдаты кокарды (раньше кокарды носили) одели, с красной тряпкой и с песнями идут с гармошкой в Шелопугино».

Детские игры. О воспитании детей

208. Играли в детстве игрушками такими: бабки — это от лошадей, то есть от коров, от ног, бабки, вот, шлюшки — так называется, бараньи бабки. Вот такими играми, воображали, что будто это у нас лошади; шлюшки — это коровы у нас, тут это там воображали, будто это у нас лошади.

А лавки были так в избе наделаны. Цельная плаха, примерно сантиметров 35–40 ширины. Это ещё до нас, я застал эту лавку-то, скамейку-то, она не выпилена была пилой-то, не распилена, а выколота — вот какой был лес прямой, что такую примерно где-то на 5–6 метров длиной расколоть, оттесать, толщиной-то где-то сантиметров десять. Какая бедина! Когда дом рубили, значит, её влаживали от стены до стены, в ту стену край рубят и в другую. И вот эта лавка — веки вечные дом живёт, и лавка живёт. Мы ведь... было хорошо: мебель не перетаскивать с места на место, эта лавка на одном ведь месте она была, так и стоит годами.

Ну, стол один там стоял в углу какой-нибудь, значит, вот на этой лавке, бывало так, помню, разложишь этих лошадей, значит, бабок, вот девчонки играли куклами там, мать сошьёт из тряпиц из старых куклу. Девочки играли куклами, а мы уж, как мужики считались, воображали себе этих... И так интересно войдёшь в игру, но представляешь, что ты взрослый действительно мужчина, а это лошади, вот.

А девочки тоже так азартно войдут в игру, как женщины там, по домашности, горшочки из ломаных горшков собирают какие-нибудь, стеколки вот из блюдец да из тарелок наломанных — это у них посуда.

Летом, дак мы так ещё. Девчонки кирпич об кирпич потрут, мелка пыль жёлта — это у нас считалось молоко. Вот девчонки ещё воды нальют в это, замесят, а мы потом как будто бы с поля, летом на прутках играли, у нас прутки были — лошади, приезжаем к им, они нас начинают угощать, будто бы так это, игра. Весело было играть, бегали, веселились.

209. ...Играли мы и другими играми. Мячом из березовой губы, пряталками, жмурками и кушанками. Детских фабричных игрушек у нас не было. Играли бабками, лодыжками, куклами, самодельными тележками.

Даже обломки от кирпичей и те были игрушками — коровами. Девочки терли обломком кирпичика об другой обломок, воображали, что они доят коров. Натертая от кирпичей пыль — это было молоко. Из глины лепили куличи, калачи, шаньги, пироги, которые посыпали этим молоком.

Взамен посуды были обломки от старых сломанных горшков, чугунков, тарелок, стаканей, блюдец. Мальчишки самодельными деревянными сохами пахали землю. Потом на прутках верхом приезжали к девочкам обедать. Девочки нас угощали пирогами, шаньгами, калачами, поили чаем. Эта игра называлась кúшанками.

210. Зимой коньков и лыж не было. Катались с теткинго Акулининого бугорка прямо на лед ключа. И катишься по льду далеко-далеко, до самой речки. Катались на самодельных деревянных санках, лотках, чупечках.

А взрослые парни и девки катались с сопки на больших санях. На Масленице вечером в течение всей недели каждый вечер с песнями. Бывало, заедут одним полозом на кочку — и сани на бок хлоп, а они кубарем катятся в сугроб. Кому смех, а кому и горе.

Зимой играли в избе. Бабки от коровьих ног были лошадьми, коровьи лодыжки — коровами, бараньи лодыжки — овцами. Шлюшки — козами, чечухами, куриные перья — курицы.

211. В избе раньше было обычно две широчайшие лавки от стены до стены, даже без ножек, а просто вделаны, как говорят, насмерть в стену. Когда рубят дом, сразу же их концы врубают в стены, так что никогда от стены ее не оттащишь и на это место уж больше ничто не поставишь. Еще два стола в углу, деревянная широкая кровать ничем не застлана. Чугушки, куртики да шубенки, потники сбросаны в кучу — и всё.

Вот, бывало, по всей такой лавке разоставишь все свое хозяйство, от двери до стола: бабки, лодыжки, шлюшки, куклы — и играешь с большим удовольствием и наслаждением.

Все наши игры были подражанием труда наших отцов, матерей, дедов.

212. [— Что такое «Имельцы»? — *Соб.*]

Имельцы — это глаза завязывали. Сперва пальчики намажут... Молодежь. Палец намажут сажей. Кто имат? Ты выбрал — чистый, я — чистый, этот попал. Тебе глаза завязывают. Эти бегают прячутся, а он их имат. Какого поймал — значит ему глаза завязывают. Эти опять бегают.

[— А как ловят? В круг становятся? — *Соб.*]

Пошто? Вот, допустим, мы в избе, в туё избу не бегать. Он глаза завязывает, ходит — здорово вспотет. Вот как водили. Вот и «Имельцы».

А когда школу построили, тут в мешках бегали. <...> Это 27-го году было.

Из малокалиберки стреляют: кто попадёт. Ой, напишется полно. У нас как раз «Скорбашша» — 6-го, а тут 7-го и 8-го — Октябрьски праздники. Полным-полно. <...> Эти краски ставят ученически: выкупей яичко — 3 копейки, куричье. Вот если ты попадешь — краска твоя, мимо — деньги пропали. Вот, примерно, я взял 3 яйца, нет, 2, братан взял 2, ну, там по 3 копейки заплатили. Он бросил — мимо, я бросил — сразу сшиб. Яйцом там её на столбе на сколь метров, краски. Сшиб — она моя. Вторую поставили — мимо. Потом плиту чаю поставят (это игры были). Гол забьют — плита чаю. Тебе глаза завязывают, как «имельцы», глаза завяжут, вот иди. Ежели ты ударил по плите, плита твоя даром, мимо — значит всё, 50 копеечек пропало, за плиту. <...>

А в мешках... Вот, допустим, мешки наденут (здесь кули) перевяжут, чтоб не спал. Он — в бега. Там предмет стоит. Выбежал — твой, не выбежал — пропал. Тут хохоту сколь! Который бежит, бежит, захохотал, споткнулся, упал, тот

нарочно добежал — предмет его. Там все было оценёно. Вот так получалось. Игры веселы были.

[— А в лапту играли? — *Соб.*]

Мячиком? Играли. Девки с парням.

[— Мячик делали из чего? — *Соб.*]

Губа берёзова. Из берёзки сделают мячик.

[— Её варят? — *Соб.*]

Нет. Ее сделают круглу, ежли она засохнет, вот ее вымочат. И вот начинают. Вот, допустим, мы двое с тобой — «матки», а эти идут. Как там загадывают? «Коня вороного или барабана золотого?» Ты сказал: «Коня вороного». К тебе идет. «Барабан» — ко мне. Допустим «коня или корову». Ты взял «коня», ко мне пошла «корова». Сторона на сторону — вот и играли. <...>

[— А в прятушки как? — *Соб.*]

В прятушки? Это в детстве было. Вот, значит, «пала ворона». Значит, мы выворожили вот так же, жеребильём, попало: ты караульщик. Караулишь, мы прячемся. Где мы распрытались? Везде. Вот этот идет искать. «Пала ворона остается, а я иду искать». Он колушек ставит — это «пала ворона». Он идет искать. Нашел, увидел:

— Ага, Николай. Пала ворона за Николаем!

Сам бежит к етому колу. Он вперед прибежал — значит, я караулю. А ежели я опередил его или там сбоку кто, значит, мы опять прячемся. Это всё игры детские, а сейчас этого нет.

[— А «казаки-разбойники» была? — *Соб.*]

Нет.

213. Ну вот, сидим. Он, значит, глаза завязывают, который должен искать. И уже прячет его, подаёт кому-то его [булавку]. Ну вот. Хоть в волосы, хоть в карман, хоть куда, а тот уже должен обязательно найти потом. Вот. Найдёт, значит, не найдёт, до тех пор ходит. До поту ищет. Ну, раз не может никак, то всё-таки покаместь вот до человека, вот, может, подскажет чуть-чуть. Вот добьётся, вот тогда уж он его, тогда везде всё найдёт.

[— Как называлась игра? — *Соб.*]

«Пимку прятали». Что ему осудят, выбирают, значит, прикажут или песню спеть или сплясать. То «Барыню», ково ли. Всё он выполнят. Если не найдёт.

214. Ребята, значит, катали все катки, длинный каток. Палку сделают, и вот по речке-то катют, бабки сшибают. Игра была. Сильно играли.

215. Из дерева сделают — как будто кобылинка. Вот он тут поставит равновесно, у его веревочка. Она как будто стоит качатся. Он за веревочку тянет — выпрямится. Как будто на пружинках.

Делали «кузницу», это детям. Допустим, дощечка, на ей сделают как раковины, с обоих сторон положат. Другую дощечку кладут с двум молоточкам. Дырочки. Когда вот он стоит, её возьмешь, эту дощечку-то, дергаешь по той.

Когда туды дернешь, етот молоток — бац! — тот отскочит, сюды дернешь — этот молоток бац! — по наковальне. Тот с той стороны бьет, а этот с етой. Это игрушка детям.

Вот, допустим, вот эта доска, на ей тут сидит шпиль, с обеих сторон затесанный, теперь на ём ишо доска, с прорезям, чтоб эта ходила. Когда туды толкнешь этот молоток-то туды идет, стукнет, его же конец-то ударят вот этот. Когда оттуль потянешь, оттудова этот ударят.

— Ой, — говорят, — смотрите: «кузница».

Трешшотку делали, это детям тоже. Чурочку, на ей зарубки наделаешь, а концы-то подоле. На ее дошшечку положишь. Потом ее крутишь, эта палочка крутится, а там тоненьку шшепочку положишь, ну, тоже палочку. Она, когда крутят, по зарубкам тр-р-р-р. Зарубка на зарубку ударят... Вот, говорят, трешшотка.

А потом ребятишки играли все бабкам. Вот эти бабки: чушечьи, коровьи, бараньи. Лодыжки. Вот катают. Шшелочки. Ты проиграл — тебе столь шшелочков, сколь лодыжек ты проиграл.

[— А лодыжки — это что? — *Соб.*]

А когда люби корову колешь, чушку, корову, суставы-то есть — вот это лодыжки.

[— Бабка и лодыжка — одно и то же? — *Соб.*]

Нет, бабка долга, а лодыжка — как шарга. Одна — скругла, а другая — с ямкой. <...>

Вот, допустим, мы играм вдвоем, втроем. Вот на стол бросили. Я мечу. Я в сака́ бью. Ежли третью попал — проиграл. Мимо — проиграл, тот берет бросат, то же само.

[— Надо ее шелчком? — *Соб.*]

Шшелчком попасть. Вот, допустим, я отцель должен попасть в етот угол.

[— В какую удобней? — *Соб.*]

Только ты каку стреляшь. А другу нельзя.

[— Ты ее называешь? — *Соб.*]

Ну. Вот эту. Сака́.

[— А «сак» — это что такое? — *Соб.*]

Она на саку́ стоит. На спинке, <...>, как будто «брюхо» называются. Теперь, одна сторона гладкая у бабки и у лодыжки — «гладыш» — «шарга».

А у девчонок большинство — куклы. А куклы каки? Платок завяжут, а то сошьют из тряпиц.

[— На столе-то лодыжками играли? — *Соб.*]

Лодыжкам, бабкам.

[— А бабки же большие? — *Соб.*]

А вот эти чушечьи, козульки.

А потом катали бабки — по деньгам. Это было на Пасху. Яму сделают, лунку. Вот бьют камнями, кто выиграет. Шишки сосновы — тут всё игра. В мячик играли. <...>

Вот большевики были — тоже играли. «Кто в лапту?» — Соберутся, пошли. Бега бегали. Вот заведут: кто вперед?.. Бегуны.

И все пережилось. Все ушло. Памяти не стало.

216. На всю жизнь запомнил, как мне бабушка говорила. Раз сказала — никогда не забуду...

Я прибежал, ботинки сбросил как попало, наперекосяк.

Бабушка:

— Иди-ка сюда, Володька! Смотри, как ты ботинки бросил. Вот учти: если так будешь делать, с женой у тебя всё наперекосяк пойдёт, шиворот-навыворот.

И ещё мне бабушка говорила:

— Вовка, куда бы ты ни зашёл, заходи с правой ноги — через порог с правой ноги шагай.

И это на всю жизнь. Я вроде бы и несуетный, а так и делаю всегда. Видно, есть какой-то смысл. А вообще-то — порядку это учит.

О праздниках народного земледельческого календаря

217. [— А было, что Рождество славили? — *Соб.*]

А. М. Овчинникова: — Славили, славили. Ой, мамонька моя, там делов было! Мы ещё учились, в Култумэ я жила. вот мама на печку залезет, и мы все около неё... Вот она нас учит «Рождество» петь, как славить-то ходить по деревне-то. Ой, утром, так чуть свет, чтоб раньше всех больше наславить. Ой, туча тучей, партия за партией! Из одного дома выбегают, в другой забегают — в этот уж опять набегает партия. И вот забегают и поют сразу «Рождество Христово». С праздником поздравят, всё, потом хозяину <...>: «Открывайте сундучки да подавайте пяточки, а то гривеннички». Вот уж тут наготове всё у хозяина: и деньги, и печёный хлеб дают, и орешки, и конфетки. И мы всё складываем в эти свои... Сумок раньше не было, а такие... сумочки носили через плечо. Мороз! Раньше же ишо морозы-то не таки. Да перезнобишься весь.

...А Пасха — там... Всю Пасху качеля <...>

[— А качели как делали? — *Соб.*]

А козлы закапывали, брёвны подымали, там их связывали. Качели большие. Всю Пасху — на качели! <...>

[— На качелях-то кто качался? — *Соб.*]

Девки, ребята. Там гармони, всё, балалайки, и пляшут, и качаются, и всё делают... <...>

[— А взрослые в этот день, в Пасху, что делали? — *Соб.*]

А Пасху-то... О-ой, мамонька!.. Семь недель только постное ели. Не дадут тебе чай забелить.

А. Д. Овчинников: — До шестого апреля ничего не дадут: ни молока, нико-во. Ели постно.

[— А ребятишкам-то охота... — *Соб.*]

Кормили ребятишек.

А. М. Овчинникова: — А потом ишо <...> В церкву-то сходят, всю ночь в церкви, да принесут там огонёк, вот теперь бы носить, дак есть... всяки же эти сделаны. А кому, дак в скляночке, в ком ли несёт его.

А. Д. Овчинников: — В церкви огонь горит — свечи зажгут и вот прижигают. Каждый человек идёт Христа встречать и каждый тащит — раньше таки были фонарики. Фонарик зажгёт там этим огнём — и домой. приходит — там крест поставит, тут крест поставит, и печку затопляет. <...>

А. М. Овчинникова: — А потом христосовались. О-ой, натаскивали вот таки корзины яиц-то. Все несут. А дома тоже накрасят за три дня всяким краскам и спустят в подполье. Потом на Пасху вымоются в бане... Вон у нас был свёкор (а семья большая была), он как придёт из бани, отдохнёт — и сразу потом раскладывает, расстилает посередь полу шубу, — и сколь нас по ей... Маленькому (году нету) — полная, а то всем — полны пай. И вот раскладывает всем. Всем, всем, всем, сколько есть, по куче по ровной. И у каждого своя посудинка, и каждый его потом складывает, свой пай, и в подполье. И всю неделю, до последнего дня эти яички берут, а там оставляют до последнего... Ну, где горячи сварят. Кур же раньше много держали.

[— Оставляют, а потом куда? — *Соб.*]

Потом едят в последний день всё. Всю Пасху их хранят, носят и к Богу, к иконам накладывают яички.

[— А почему вот именно яички? Почему яички красят? — *Соб.*]

Бог знает. Это же до нас всё было заведёно.

[— А избу как украшали? — *Соб.*]

Ой, браво украшали. У нас, знаешь чё, комната была... У нас эти стены белы же — они не белились, а всё кругом скоблились. Так вот как свеча горит — дня три-четыре скоблишь. А вот потолок был побелённый. Полы были белы, тоже ножиком скоблились. Красилось, ой, редко-редко где, а всё скоблили. Всё желтет. Но, Пасху-то ой-ё-ё-ё-ё... Так и называли: но, «Святая Пасха».

[— А ночь перед Пасхой, как ее проводили? — *Соб.*]

Не спали, и маленьким не давали. Всю ночь не спали.

[— А что делали? — *Соб.*]

А вот сидят шьют, пуговики пришивают. Чтобы у каждого, хоть ситцево, но чтобы новенько было в церкви. Тебе не дадут, чтоб тебе платье како-то сшили, да ты чтоб его надела, покамест ты в церкву не сходила. Вот така обычая была.

[— То есть в новом платье в церковь шли? — *Соб.*]

В новом. Ой, спать охота! Ой, спать... Вот так присунисся... Ну пусть бы... Нет, не дают! Вот така поверия была.

[— А в церковь в какое время шли потом? Вот не спят, а потом что? — *Соб.*]

А потом пойдут в церкву — рано-рано-рано. Ой, рано, рано. Перед утром. Вот каки обычай были. А всю Пасху ничё делать не давали. Всю Пасху празднуют. Мужики, у их занятие... водку так не пили, там редко было... А вот бабки катают соберутся, яички выбивают, катают. Вот у их по второму дню было занятие. А женщины гостили. Ходят. <...>

[— Из дома в дом ходили? — *Соб.*]

Ага. Всё готовили, всё приготавливали, всё пекли. Ой, печенья... Магазинов же раньше не было, всё сами делали. И заварные <...> и сливки эти свои сбивали, всё. На столах-то уж любо было, есть, ково поесть.

[— А в Пасху... Были бедные раньше, из бедной семьи? — *Соб.*]

Были. Имья подавали даже. Вот едут — конишко запряжённый, сани... И вот уж выходишь, нагребашь <...>. У их там кули. <...> И печёного давали, всё им давали. <...>

[— А вот вечерки раньше как делали? Вот это интересно. — *Соб.*]

Вечёрки окупали с Нового года и до Рождества. Окупишь избу, квартиру... Там если вот... Ну мы бы со стариком жили... Там у нас всё бабушка Милодора... <...>.

А.Д. Овчинников: — Как окупали? Притащат калачиков к этой старухе... И вот целую недельку танцуют.

А.М. Овчинникова: — Ну а потом уж начала она деньги собирать. Нас же людно: и ребята, и девки. А она неграмотна. Раньше-то ить кто грамотный был? Только каки богатеньки учёные-то были. Вот скажут: «Бабушка Милодора, ну ты сколь же нас?.. Это тебя же не устроит». Ну мы притащим там... Я принесу, может, сало, ты — тарок... Нас там людно. А остались: «Сколь же, бабушка, тебе надо? Чё-то давать ещё, деньгам...» Она так говорела (неруска была): «Было, было, было, дак чё же мне? Было, надо было копеечек дак мне бы на чаёк...» А чайница [любила чай пить. — *Соб.*] была. «Ну, сколько с нас возьмёшь, сказать, с человека?» Но, она согласилась с нам по 50 копеек с нас брать. И с Нового году, и Рождество мы у ей ещё будем плясать. Ну и вот потом мы стали ей по пятьдесят-то копеек отдавать... Ну, кто принёс полтину (пятьдесят же копеек), а я принесла мёлку, а она никак не берёт: «Мне надо пятьдесят копеек, и всё», — лиховски ревёрт. Вот какая была. Потом ей: «Да бабушка, все одно — пятьдесят копеек: что так, что так...» Вот она нас потом и пускала. <...>

А потом уж у нас там в Култумэ... Вот уж на Пасхе... Курусель появилась у клуба-то. Вначале на курусели качаются, в клуб зайдут. <...> А ково тут... собираются около входа у церкви, ой-ё-ёй... Многолюдство тако! Култума-то ить больша была. Четыре улицы да пята маленька была. Большо было население.

[— А Духов день был? — *Соб.*]

Духов-то день, он в Троицу. Когда венки топят. Ну вот, заламывают там дня за три до Троицы веночки, на берёзах таки колечки вьют. А потом пляшут, пляшут, берёзку где-то ставят. А потом понесут когда берёзку-то купать, эти венки-то идут сламывают, где они их завивали. Их сламывают и тоже — в речку. Берёзку — в речку, и венки — в речку. Вот это называется «Духов день». Это в Троицу. Когда кончим, и потом её сами же девчонки туда, к Газимуру, опускам на воду, эти венки туды же бросаю. Если веночек утонет, то, говорят, умрёшь... Да всё же это... старинны запúки, ково там, я так думаю. А если сверху, дескать, поплывёт, то жить будешь. Там, может, которы девки взрослые, замечают: «Куды я замуж уйду...»

[— А берёзка если вдруг утонет, это что такое? — *Соб.*]

Дак это... [Смеётся.] Как же она не утонет? У ней ить комель-то — во-о... Она ить здорова, таскали большие. Ну всё одно она плывёт, если больша вода.

[— А в Троицу какие игры были? — *Соб.*]

А в Троицу всё около [берёзки. — *Ред.*]. Вот её поставят. Сходят утром, принесут, все собираются. Ну и где облюбуют бугор, сухо чтоб было. Тут её вкопают и всю снаряжают: всю лентам всяким (раньше же ленты всяки были), и потом эти бусы, и красивые эти платки — там кто чё принесёт. А потом собирают когда, поют, поют, пляшут, пляшут, потом собирают стол. Стол принесут, стулья, всё. К этой, к берёзке. И потом вот всё несут из своего дома. Кто чё может: и яйца варят, и киселей, печенюшек напекут, всё, всё, всё. Ой, на стол не входит! И вот потом поют ходят парами коло её кругом, и сядут, и потом обедают. Когда пообедают, разнесут эту посуду, потом несут её купать.

[— А Масленка как проходила? — *Соб.*]

А Масленка — это всё на катушках катались. На катушке — с сопочки, ну так с бугра крутого. И на конях. И бега бегали. Просто таки вот жителя держали этих жеребцов... А потом мы бы с тобой забились бежать беги. Там ишо пара, кто растит. И приготавливает их. Потом вот место тако выберут... Ой, весь народ туда и едет! С утра. А вот потом они их оттулева — с меты и до меты. Там вот намечено: на этом краю мета — и там. А народ всё на серёдке стоит или на конце, куда оне бегут. И вот потом как эти ездоки-то сядут, как пустят!.. Чей прибежит вперёд, тому и, значит, плата.

[— А какая плата? — *Соб.*]

Ну дак платили, сколь он заломит, сколь он выбьет... Если бы ты пробежала, я тебе должна. Если он выбежал, так... По сколь они там договаривались, ихо дело. Но не помножки же было... И бегали.

[— А как жеребцов готовили? — *Соб.*]

Их же держали под замками, чтоб никто их не украл. Бегали бега. А таких коней запрягали — ездить в кошевке, там у каждого... К своим бы поехали... Вот сейчас мы тут живём — вот поехали бы в Закаменну или, сказать, в Луговско... Ко своим гостить. Вот так и ездили. А всё боле на катушках.

[— И взрослые тоже на катушках катались? — *Соб.*]

Да взрослые-то... Такой-то молодняк... А старши, те вот ездят гостят на конях. Я помню, нас всё туда в Култуму... Тоже туда ездили ко своим. Ишо маленька была. Худо помню... <...>

218. Паска была. Раньше ить попы были... Паску стряпали. В церкву надо нести, чтоб поп благословил. Раньше не ели скоромного, пост был. А потом як постряпают ту паску, да там несут мяса, поросят маленьких, яички. Идём домой, седаем кушаем. Раньше не было такого, чтоб... Без всякой рюмки, без ничего покушаем и ложимся спать. А которы... Вот моя мама была: хозяйство же, надо корову доить, то, сё... А остальные легают отдыхать после церкви.

Троица была. Молодёжь устраивает качели на улице и качаются.

[— А берёзка была? — *Соб.*]

Ну а как же, была. В речке топили. С песнями, музыкою понесут до речки, топят, и всё. <...>

Иван Купала чё? Праздновали мы. <...> Чи чтоб пьянка была, чи что-нибудь — не было ничё. <...>

Новый год встречали. <...> Придут девки и парни. Парни сказали так:
— Ваша закуса, наша водка.

И гуляют вечером. Вот и я ходила. <...> Бывало, несёшь блинов, сала, студню тарелку. Гульбище сделаем. Тут и музыка, тут и песни, тут и всё, чё хочешь. <...> И старухи приходят, и всяки приходят. Музыка играла. Идём тоже, из каждого двора, сколько там у нас девок ни было, в каждый дом — что-нибудь кушать: то блины, то сало — наносим полный стол. <...>

219. ... Раньше вино не пили женщины, да и мужики. Ежли Паску неделю празднуют — четверть вина купят (3 литра) и целую неделю пьют. Придут 30 человек — две бутылки выпьют, дак это ишо хорошо. А теперь двое сядут — две бутылки выпьют и мало, молодежь ишо тем больше.

[— А какие раньше праздники были в году? — *Соб.*]

Пасха была. Готовились, всё: и мясо наколят — кололи, и окорока пекли, вот чушки стегно запекут. Готовились, тоже так же, как и сейчас. «Паску» пекли. Сшас «торт» называется — пекут, а раньше называли «паской». Глазировали тоже его, конфеточки были, светы сделаны вот. Розами на «паску» поставят. Их шас на торт делают.

...И Рожество — ребятишки празднуют тоже. Все сла-авили бегали. «Рожество» пели. <...> Оне же научиваются, которы раньше эти пели все же старики. И оне учились. Как у меня братишка был, дак «Рожество» не умел петь, дак приходит да и говорит: «Кысочка не умет славить, кысочка не умеет славить». <...> Ходили дети, сироты. Это у нас у одной тётечки три было сына. Не знаю, где есть каки сыновья — живы или нет. Ага. А тут у ей шесть человек было. А сам вот он умер. Вот эти же горшки повёз продавать весной и в польню где-то попал со всем: с конём и с горшками. Утонул... Да у ней было три сына. Она работала на переезде сторожем, барьер открывала (ишо одна путь была только). Чё ей там давали? Можеть, рубля два или три, а то и, можеть, совсем не платили, не знаю. <...> Оне ходили славили. Оне пели «Рожество». Прямо так красиво, я вот шас хорошо знаю, как оне пели. <...> Да кимья и булками хлеб давали, и мясо давали, и всё-всё. Оне всё брали на свете. И вот наславят на Рожестве, и до Масленки потом живут этими кусочками.

[— Это они прямо в дом приходят и поют? — *Соб.*]

Приходят и поют. Мешок у их в руках. Имя и мясо дают, и всё, и яйца, и... вот на Паске яйца дают, просто тарелками насыпают. Крашенные там и белы... Оне пели «Рожество». Вот пели красиво! Оне как запоют, — прямо плачет народ. Вот эти пели, действительно. Зубакины были — фамилия у них...

И на Паске — «Исуса Христа» пели. <...> Тоже пели на Паске, тоже насобирают столь, печенюшек этих мешок принесут, она их высушит. И когда ни приди к Ивановне... — все старухи говорят: «К Ивановне когда ни приди,

у ей всё-о сухи печенюшечки. Вкусненьки». Она засушит их. <...> А у ей чё, у бедной, ничё не было, она бедно жила. Дети только были.

[— А как раньше Масленка проходила? — *Соб.*]

А тоже: коней запрягают, лентами разукрашивают, в кошеву три коня запрягут — два, и-и попё-орли, на сани насыдут, с песням, но вино-то не пили. И в Шивки съездят, и в Борщовку, и в Куэнгу — везде ездили. <...> Готовили: блины пекли и пельмени стряпали — всё. Так же праздновали.

[— А после Масленки какой праздник? — *Соб.*]

После Масленки — а потом это Паска вот бывает. <...> Яйцы красят. Мужики катают яйца, в бабки играют, все ребятишки, игранчики делали. Счас в клубах всё ить. Концерты да чё, а раньше в улицу соберутся — кадрель пляшат. Это, верёвку притащут, кругом нацепляются, ходят. Вот так. Так и праздновали все. Пожалуйста. <...>

[— А у вас церковь-то была? — *Соб.*]

Была, была церква. У нас вот там, в той деревне... она сгорела. Её, правда, разорили, церкву-то самуё-то, всё увезли из неё: иконы, всё, всю декорацию-то. А церква сгорела. Школу делали из её, и она сгорела, школа вся... Она деревянна была, красива церква.<...>

[— А в Пасху-то в церковь ходили? — *Соб.*]

Ходили, обязательно, всеношну. Паска работат всю ночь. Благовестят, молебен служили, это на всю ночь. Перед утром вот уже — как отзаревать — стрелять начинают. Стрельба открывается уже. Это, правда, браво было в церквах. <...>

[— А после Пасхи какой праздник? — *Соб.*]

Троица. В огороде роятся уж тамака все. Троица. <...> Летний праздник. <...> Также приготавливаются все, гуляли, праздновали. <...> В воскресенье Троица бывает — молодёжь празднует, девчонки где-нибудь в избу соберутся, попросят, закуски наташат туды и танцы отводят: раньше же клубов не было этих... и пляшат, поют.

А в понедельник — назавтра воскресенья — называют всё земля-имениница, Духов день. Её и сейчас празднуют. Мы ишо нынче летом земле-именинице делали именины. Дуня Коренчиха, Надя Зиновыха, покойница, Домна Еремеевна, — и мы, знашь, бутылку вина выпили. Именины сделали земле за то, что она нас кормит всех, весь мир вот. <...> Духов день — земля имениница. В огород уже не ходят. ...А мы ей именины делали нынче. ...У нас уж ума-то нету, у старух-то, дак чё [улыбается]. Я петуха-а зарубила, суп сварила, старух пригласила, бутылку оне принесли.

[— А как отмечали эти именины? — *Соб.*]

Земле-то? Дак, а гуляли: соберутся все старики, старухи, да и гуляют ходят из избы в избу с танцами, с песнями, гармошка всё. Так же отмечают.

[— Как Первый май. — *Муж.*]

Как Первый май. [Смеются.]

[— Берёзку наряжали? — *Соб.*]

Берёзку? Наряжают. Наряжают, обязательно. Топили берёзку.

[— А что ещё делали? — *Соб.*]

А больше ничё не делали, берёзку в Великий четверг назывался — сходишь, веточки завьют, сходят в лес. А потом их посрубуют и тоже по воде пускают. Вот — поверья была така же. Пожалуйста. Так и делали... А мы уж сколь берёзок перетопили: вот Дуня, Еремеевна, две Маруси были, Говорениха Маруся была, теперь эти все уж старухи у нас попомерли... Колоборчиха была, вот тут жила, вот тут у нас капелюшашна избушечка. Мы туды соберёмся как-то к бабке Марусе, яичек приташим, и всё. Она одна жила. И гармошки туды, и мужичишки набьются туда ишо с бабами, дак пол-то один раз проломил <...>, давай туда поленья подталкивать. Вот как праздновали. А теперь-то уж тех людей нет. Мы уж тут остались. Дуня: «Я не могу ходить». Я тоже не могу. Вот один раз вот в Троицу именины сделали земле-матушке. <...>

[— А как берёзку наряжают? — *Соб.*]

А берёзку... — срубишь её, принесёшь, на её хороше платье наденешь, кофточку или юбку и платок подвяжешь, — вот, пожалуйста. Из дому в дом таскают. Приходят, её в передний угол ставят, она стоит. Так уж выделявам. В другой дом пошли — забирам на плечо, опять понёс. Вот так её и таскали. Как один год топили мы, дак всех учителей-то сомутили, оне все сюды на мост-то собрались, на линию. И ребятишки все.

[— Когда топят, что-нибудь приговаривают? — *Соб.*]

Да ково там приговаривать-то? Танцуют, поют и благословляют: «Иди с Богом, матушка, иди. Да на тот год вертайся к нам в гости». [Смеётся.]

[— А берёзка эта что означала? — *Соб.*]

Дак а кто её знает, поверья уж така была или что. <...> Сзаранки сговорят-ся: «Давайте нынче берёзку срубим, оденем». Вот, пожалуйста. <...>

220. <...> Зайдёшь, разрешишься:

— Можно пропеть, прославить?

— Но, спойте, спойте.

Глядишь, копеечек дадут. А которы в дорогу успеют сходить в Сретенской, тамака орешек, конфеток, бобов — всего навязут, тем опеть надают, в карманы насыплют.

Потешно, и старикам тоже уваженье. Когда споёшь: «Здравствуйте, хозяин с хозяйюшкой!» — приятно же имя.

221. Вот настает Рождество — разучиваем тропарь рождественский. И как это врезалось в память! Я семи, шести, восьми лет ходил по Красноярску, славил, и она сейчас жива в памяти, тропарь рождественский:

Рождество Твоё, Христе, Боже наш,
Воссияй в мире свет разума,
В небе звёздам служащие
И звездою учахуся,
Тебе кланяемся, солнцу правды,

И тебя видите с высоты Востока,
 Господи, слава Тебе!
 Дева днесь пресущественного рождает,
 И земля в вертеп неприступного приносит,
 Ангелы с пастырям славословят,
 Волхвы же со звездою путешествуют.
 Наш Бог роди, родися,
 Отроче младо, предвечный Бог.

А там дальше идёт: «Здравствуй, хозяин с хозяйшкой! С праздничком вас!»
 [— Как всё это делается? Расскажите. — *Соб.*]

Когда заходишь, уже разрешения не спрашиваешь петь. А сразу заходишь:
 — Рождество Твоё, Христе Боже наш!..

Пропоёшь его. А потом:

— Здравствуйте, хозяин с хозяйшкой! С праздником вас.

Ну, тебе сейчас или конфет дают, или деньги. В следующий дом славить...

222. ...А вот молодежь пели. Раньше ученики, те какие-то все больши были. И вот утром, первый день Рождества, приходят и славят Рождество. И вот это Рождество-то, я его тоже не знаю, как петь-то, забыла всё, а знала же его. Славили ходили, деньги давали по пятаку там всем, насобирают они, эти ребята, потом чё-нибудь купят себе. Девки-то мало ходили, а большинство ребята, парни всё славили ходили.

Новый год славили ходили по старому-то. Утром раненько выходят. А Рождество-то первый день рано, до свету, утром уж, идут дожидаются. Браво пели «Рождество». <...> Утром рань. А вставали рано же тогда. Ведь это к свету, ишо не светат даже, часов же не было. А не светат ишо, а тут уж печка топится русская, пирожков настряпают, и всё. Оне до свету приходят это славить, это Рождество-то. Оббегут оне уж, это, полдеревни, к свету-то оббегут, застают горяченько.

[— А день как проходил? — *Соб.*]

А день-то вот собирались, ну, родня. Вот у нас дядя Толя постарше-то — у их собирались все на обед. Да Рождество-то — ишо церква, обедня была, к обедне сходят, от обедни, значит, идут все к старшему, кто старший. На обед собираются. Пообедают и пойдут по домам гостить.

223. Пшеницу натолкуть, что она хорошая, чистая, высушать, вымоють, напарять и — компоту, ставить в угол. Это вечером едят на Рождество. Весь день не дают есть старики. Вечером сядут, наведут с сахаром воды сладкой, и вот заливают эту кутью, и едят все, чем отмечают Рождество. На Западе.

[— А здесь как? — *Соб.*]

А тут тоже, оне называют не «кутья», а «толсты щи», одно и то же, пшеница так же...

[— Вы сейчас отмечаете? — *Соб.*]

Нет. А в первые годы отмечали. А счас нет, счас уж всё отошло.

Новый год — 14-го по-старому. Идут ребятишки с сумочками, у каждого в сумочке всякие семена. И вот заходят и говорят:

— Рады Боже, жито-пшеница, всяка пшеница. Здравствуйте! С Новым годом! С новым счастьем.

Хозяева:

— Здравствуйте, здравствуйте!

И дарять. Берёшь сумку, там всяки конфеты. Всех угощашь. Только проводишь компанию, там втора заходить. Опеть так же. Только угостишь — там третья заваливает. И пока развиднятся. С 12-ти часов ночи — пока развиднятся, солнце взойдет. Всё, прекратятся, потом никто не ходить.

[— Потом что делают? — *Соб.*]

Новый год празднуют, гуляют.

[— А с зернами почему ходят? Посыпают? — *Соб.*]

Да, посыпают...

224. Приходят христовлашки. Их христовлашками называли. Славили-то не большие, а маленькие ребятишки, ученики. Нагребают, значит, овса или, там, какого зерна... На Новый год... Вот и бросают в избе-то помаленички:

— Сею-сею, подсеваю,

С Новым годом поздравляю.

Здравствуй, хозяин с хозяйшкой, — начинают. Вот это уже поздравительна выходит.

225. От Святки подходят, а мы были девчонкам, молоденьки.

— Ну чё, Галина, пойдём ворожить.

Приходим в квартиру, закрываем все окошки, давай будем ворожить какого-нибудь женишка себе. Ставим зеркало, кладём уголь заместо пёчени, щепочку и ленту. Косы распустим. Вода стоит в стакане. Смотрим в зеркало.

Подруга взади стоит, а я смотрю в зеркало. Это время 12 часов ночи делаем.

— Ты знаешь, Галька, у зеркалу как покажется мужчина, ты сразу валяй его набок, зеркало.

Вот я дывлюсь в зеркало: парень такой молодой, красивый! И сразу зеркало закрываем, ровно как излькалься [испугались. — *Ред.*]

Теперь, глаза завязывает подруга мне, а я за ленту возьмусь — в девчонках ещё буду сидеть, если за щепку возьмусь, значит, мне гроб будет. Если возьмусь за печень [уголь. — *Ред.*], значит, я печалиться буду.

* * *

Бросаем через ворота катанки со двора, а там дорога — в какой край носком ляжет: если направо — туды, налево — туды, а поперёк — значит, будешь дома сидеть.

* * *

Мы — три подружки нас было — Галька, Дуська, Танька. У нас овец много было.

— Давайте будем ворожить: чёрна или бела кому достанется свекровь.

А ребята подслушали, что мы хотим ворожить, у кого какая свекровка будет.

А ребята вперёд зашли к овцам. Парень один взял, спустил штаны и стал раком. А Галька начала ловить и схватила парня за ж... Вместо барана — да парень попался.

226. И через ворота катанки или сапоги бросали. Бросишь и идешь с какой-нибудь девкой смотреть — куды он носком смотрит, туда и замуж выйдешь. Так и бежишь смотреть. На голой ноге какой-то же чулок есть.

А ребята ишо подслушают да утащат. Утаскивали.

227. ...Говорят:

— Девчонки, знаете, как женихов-то надо выбирать?

— А как, бабушки?

— Идите, — говорят, — в баню, в окошко-то руку толкайте. Если голой рукой поймат — то бедный будет, а мохнатой — богатый.

Ну и чё? Мы полетели. А ребята слышали, оне в бане-то стояли — цоп! — за руку-то...

228. ...В бане с девками. Вот мы пойдем ворожить. А в баню-то туды зайдут ребята. А мы бежим, бежим... Тамака есть... как её?... — отдушина. Вот мы туды руку затолкаем. Ежли кто в шерсте — значит я буду богато жить. Туды мы руку-то затолкаем, а туды ребята зайдут, вот так руку сцопнут... Бежали.

А еще глаза завяжешь — городьба. Вот ее возьмешь, сколько штук ты захватила, вот и считаешь там, сколько штук. Ежли выйдет она пуста — замуж не выйдешь. А ежели на пару выйдет — значит я выйду замуж. Парами считали. Если одна, — ты замуж не выйдешь.

229. Мало ли чудили? Раньше ворожили, фокусили. Вот катанки кидают через ворота. Ворота отвернут (не видать ничё), вот бросят.

Я один раз иду вот по улице в Ключах, часто ходил вечером. Иду, и вот тут у Ивановых девчонки... Ворота высокие. Они это ночью, ну, в Святки, кидают катанки. Я теперя иду и смотрю: бух! — вперед меня катанок. Я его под мышку и подался, ушел.

И вот они его искать, катанки. Все по одному бросят, потом бегут искать. Куда носком лежит: на запад — значит туды, то там жених твой живет, суды — тут. Вот такая была своеверия.

Ну, я это, утащил катанок. Вот они туды-сюды — нету катанка. А недалёко мы жили-то от Ивановых. Но вот потом назавтра они уж тут искать, то, друго... Ну, потом уж я сказал, что я, мол, чей-то катанок притащил.

Они: дескать, куда мог деваться катанок?
Раньше чё: и чушки бегали и всяка штука представлялась.

230. Бабушка рассказывала про то, как раньше гадали, какой мужик, ну, муж будет.

В Рожество как раз... 14 января по-нашему. В это время они тут в 12 часов ночи в стайку, раз, — пришли. Где коровы находятся. Они пошли в стайку гадать. Заходят, ну, там не видно, темно все. Она так, раз, — руку протянет. Если ничё нету, значит мужик бедный будет. Если шерсть попадет, значит богатый будет.

А мужик взял да подшутил над ими. Шубу, раз, вывернул. Они — раз, в окошечко руку — пусто, ничё нет. Втора девчонка стала, руку, раз, протянула — он шубу подставил. Она: «Ой, у меня богатый будет!» А потом третья, раз, протянула руку — он ее поймал за руку и укусил. Они как дали оттуда!..

[— А как потом узнали, что это мужик? — *Соб.*]

Ну, он потом сказал.

[— А еще как гадали? — *Соб.*]

Берут стакан воды, наливают воду, ставят зеркало, зажигают свечи, чтоб на зеркало свечка падала, ну, огонь. Ложат в середку кольцо, золотó, конечно. В стакан. Ну, и ждут, когда появится какой-нибудь облик там... В подполье залазят, так же со стаканом ворожат.

231. [— А какие раньше гадания были? — *Соб.*]

Тын... Снег-то до колена. Глаза завяжем вот так платком. Ну, это же чё? Это же дурность. Рассудите-ка вы. Вот бежим, бежим к этому... где тын. Ой, насобирается! Девчонки бегут, а сзади ребятишки, да как с бичами. Хлопают, говорят: «Бегом бегите, ознобились». И вот потом подбежишь, руки-то вот так к тыну расширишь — сколько хватит, вот и считаешь до конца: «Вдовец ли молодец, вдовец ли молодец?» Кто тебе крайний-то придет: вдовец или молодец. Ну, это не дурность?

И потом коня... Кобылёнки смиреннькие были, дак поймают, которую не боятся. (Всякий, отчаянный народ-то был.) Ну и глаза-то ей завяжут. Ну и вот сядет на ей — куда она повезет? Конечно, она ково же.., завязаны глаза. Ну, если повезла бы меня она в Закаменную туды: «Ой, в Закаменную...» Если б повезла меня туда кверху: «В Луговско уйдешь». Вот эту штуку удирали.

Потом придут кур выпустят, насыпят пшеницы на пол-то. И вот потом там одно колечко, венчально. Серебряно. (Теперь-то золоты каки-то покупают). Ну и вот, куды петух придет. В твою кучку, дак ты и замуж уйдешь. А ему чё? Только бы наклеваться...

[— А кольцо-то в эту кучку? — *Соб.*]

В одну. А те-то пусты...

Башмачок в озеро кидали. Оне не в озеро, а через ворота. Ворота высокие! Ну и бросают: куды он носком-то упадет — туда и замуж уйдешь. Вот все же это присказки. Ну чё это, правда что ли?

[— А вот дуги-то как бросали? — *Соб.*]

Ну и дуги так же. Дескать, куда я замуж уйду. Тоже смотрели бегали их. Я уж стала забывать, тогда небольшая была. Ой, бегали же за девчонкам, за сестрёнкам. Оне бегут, и мы побежим.

[— А в бане гадали? — *Соб.*]

Гадали. Там можно уродом остаться. Одну девку напугали...

В баню-то залезет, ну и сидит там. А чё же, баня да баня... А отдушины же в банях-то. Ну, дескать, кто, какой мне жених придет, бедный или богатый. А ребяташки-то чё же? Узнали, ребята-то, возьмут на руку махнушку наденут. Она руку-то сунула — он в махнушке-то схватил, она и «караул!» заревела. Вот ить чё делали, сами себя запугивали. Таку штуку творили.

[— А кто должен был ее за руку взять? Вроде банник, да? — *Соб.*]

Ну, она-то подумала, что нечистая сила, или кто ли. А там женихи бегали, ребята. Они же подкарауливают, куда они бегут.

232. Вот если ты, примерно, тоби погадаться, за какого мужика выйдешь, тоби мужик какой попадетсЯ? Вот, значит, ты под Новый год, ну это, ловишь петуха и затаскивашь его в дом. Ставишь, значит, зеркало, и воды, и зерна. Вносишь, значит, петуха в избу, выпускашь. Ага. До чего петух перво бросится, или до зерна, или до воды, или, может, до зеркала. Если до воды бросится, значит будет пьяница мужик, а если до зерна, это уже буде крестьянин, таки буде уже хлеб сеять. А зеркало буде смотреть — то это буде гуляка.

А потом еще, значит, вот это вот под Новый год тоже... сапог. Куда ты думаешь выйти замуж? Сапог, значит, через избу бросали, вот. Куда носком упаде, значит. Куда он носком лежить, этот сапог, значит в ту сторону ты выйдешь замуж, примерно. Или подойдешь ты к воротам, встанешь туды и говоришь: «Доля, доля, где ты есть?» В 12 часов ночи это происходит. И слушаешь, вот, значит, стук где-то, или там скрип, или там что, кнут или ну какой-нибудь звук. Ты, в какой конец, или в этот или в тот, вот туда ты, значит, выйдешь замуж, в тот конец вот.

Вот так вот было, тоды так гадали. <...> Кто як придумал, вот это так и было.

[— Нет, это все неправда. — *Жена рассказчика.*]

Ну так, а как же? Конечно, неправда.

233. ...Там устроили тоже. Взяли, один-то рукавичку затолкал, поставил, другой-то — шапку. Ну и оне оттуда убежали, испужались. Ребята подсмешили — знали, что они ворожить будут.

Вот ворожили: этим обутком кого-то бросали, девки-то. А я так за имя бегала, как осидолка добра, все удивлялась, чё они делают. Вот под жёрнов садятся, мелят ково-то... Потом на росстани ворожили. <...> А тут как-то раз за прутья ловили, девки.

Куриц пускали, ребята, девки. Ребята курицу пустили, а девки петуха. Петух, значит, уголь поклюет — воды попьет, уголь поклюет — воды попь-

ет — значит это пьяница. А зерна не клюёт. А курица, та, значит, зерно клевала, клевала и: «ого-го! ого-го!» — Но, мол, баба у тебя ого-го будет! Давай над им хохотать.

[— А уголь-то клюет — что это значит? — *Соб.*]

Кузнец [жених. — *Ред.*]. Вот так ворожили раньше. <...>

А у нас мать ходила ворожила, рассказывала. Вот их три подружки пошли на кладбище, веретёшки взяли эти, пряли. И вот, гыт, пошли ворожить. Я, гыт, воткнула и пошла. Мне кричат: «У те муж будет Андрей. Он будет в заключенье еще сидеть у тебя. Иметь будешь детей. Ты выйдешь [замуж — *Ред.*], а он в заключении будет сидеть в замке».

И та пошла — так же кричали. А эта воткнула — юбка-то длинна — и прихватила. Видно, сердце-то слабо, и тут померла. А эти не оглядывались шли. Оглядываться нельзя, говорят. Ну вот её мёртвую и притащили — вот и наворожили.

[— А кто кричал? — *Соб.*]

А кто знат, кто кричал. Ревёт по-человечьи, а не знам, кто кричит. На кладбище.

234. Забавлялись ходили. Тын мерили. Вот эдак захватишь, сколько рука захватит, держишь. Вот с этого конца начинаешь, парно: пара-две, пара-две, пара-две. Если парна — замуж выйдешь, непарна — в девках останешься.

235. Гадали. Ночью на Святках выскочат девки и тын хватают руками, сколь руки захватят. И считают от левой ладони до правой, до пальцев. Считают и приговаривают: «Вдовец, молодец, вдовец, молодец...» И если последняя на «молodeц», то выйдешь за молодого парня, а если «вдовец», дак за вдового выйти замуж.

236. Ворожить сели. Один парень:

— Будто Клашка Куницына вышла. — Он же плохо видел, и сейчас он худо видит. — Вроде она вышла.

Сколь смеху было! Две свечки, зеркало, колечко венчальное это положат в стакан воды и вот смотрят. Ну и он смотрел:

— Как будто Клашка Куницына вышла. — За Евсеем котора была...

237. [— Как это петуха вертели? — *Соб.*]

А вот поворачивай его: головой — уйдешь в этот год, а хвостом — останешься ишо. От стены и до порога верти и верти его. Куды же он? Перевернешь — опеть.

[— Тапочки кидали, что это означало? — *Соб.*]

А так же. Вот ее как от стенки заведешь и переворачивашь. Она тоже носочком встанет — уйдешь, а пяточкой — будешь сидеть.

Ишо тын захватывали. В пади бегали слушали. Упадём в снег, слушаем: кто ревёт. Конь ржёт — жених едет, корова — чё-то плохо, собака — друг. <...>

В окошко шубу повесят тамака. А пойдешь, в окошечко руку толкнешь — шуба: богатый жених, а то стоит какая-нибудь кадушка либо стул — всё, бедный. <...>

Два стакана, две свечечки, зеркала. Там выходит. В кольцо выходило обручально, только золотó надо, а то не пойдет. <...>

238. ... Это я вычитал, как ворожили, какое своеверие было. Девушки шли в нежилой дом, заброшенный. Две, три. И загадывали: если до тебя дотронется мохнатой рукой, значит у тебя будет жених богатый, если голой рукой — значит бедняк будет. Такое суеверие было. Вот подол подымут и подходят к целу к печке...

А там как раз забрался казак (я уж забыл, ком он там у командира-то был — вестовым, кажется), весь этот ихний разговор слышал. И вот когда, значит, одна подошла, чтобы богатого жениха ей, — взял кубанку снял и кубанкой прикоснулся. Она говорит:

— Мохнатой.

Другая девушка подходит — тоже так же, а оне из зажиточных были, эти девушки две. А третья, значит, была батрачка. Ну и вот, когда она подошла — тот взял, парень-то, да ее голою рукой... Она перепугалась, чуть в обморок не упала.

— Голой, — говорит, — голой!

А эти думают, что — ага, богатым, значит, и богатый будет. А этот парень не выдержал, чихнул (они там пыль подняли). Но и те убежали, а он эту выскочил из печки да схватил, и она узнала: это вот кто, не кто-то там, а знакомый парень.

239. [— А на Рождество гадали? — *Соб.*]

Ворожили. Бегали. Я ворожила один раз. Петуха выпускала, клевал. Кольцо положила. А чё? Петух наелся да ушел. [Смеется.]

[— А кольцо куда? — *Соб.*]

Воды нальют в блюдце, кольца положат. Ежели из кольца пьют, дак я не знаю, чё будет тут. Забыла, как и ворожили.

Ворожили всяко. И в баню ходили. <...> Говорят, в баню иди, в окошко затолкай руку, в стеклину: если лохматой возьмет за руку, значит за богатого выйдешь, а если голой — то бедный.

А у нас девки собрались один раз да пошли. Руку-то одна выдернула, а ее парень-то за руку-то взял с рукавичкой да и держит. Ну и чё же? Она чуть не сдохла. Перепугалась. Какая тут ворожба? Он её держит, а там «Караул!» режут, остальные. И двери подёр. И не выпускает. Чё же? Напугал девку — едва отладили.

240. Ребята залезли в баню. Один взял конский скребок, а другой — колечко золотó. Ну а эти, значить, девки-то — там в бане-то окошечко было специальное, чтобы пар выходил — они руку затолкают и говорят: «Бедный или

богатый?» Если богатый, дак он мохнатым погладит, а бедный — дак кем-нибудь другим поцарапат, вот.

А теперечи они когда руку-то затолкали, перва-то затолкала — (они же знали, что у ей жених богатый) — он взял ей мохнатенькой погладил рукавичкой. Ну, просто парни шутили над ними.

А друга-то опять руку-то затолкала да говорит: «Бедный или богатый?» Он ей взял конским скребком по руке провел — вот тебе бедный и богатый. [Смеется].

А третья, значить, затолкала да и говорит: «Витó или золотó?» Он ей колечко, значит, надел на руку. Вот девка: золото колечко надел — богатый, видно, жених-то.

Тепери четверта руку-то затолкала, говорит: «Витó или золотó?» Он взял руку-то извернул. Ну вот тебе! Попустились тогда ворожить.

241. <...> Рождество праздновали. Тоже вот три дня поприздравуют, погуляют там, а потом <...> мы до Нового года на игранчики вот ходили. <...> А до Крещенья-то маскировались бегали. Вся деревня. Да, как надо, так и всяко нарядимся тут. Дак ить женщины-то и мужчины-то ходили все, вся деревня. Ой, наберутся человек по тридцать. По домам, в каждый дом, вечер-то вот всех. На другой день по-другому оденесся. Ну, распаримся. Одна партия уходит, втора заходит в дом, то пляшет, то...

<...> Нет, на стол никто не накрывал, только вот просто попляшет.

Но, тут хозяин, вот оне — был хозяин, сидели тут с хозяйкой. А оне потанцуют, но вот кого узнал, кого нет, кто откроется — дак узнают, не откроется — дак так. Дальше вот. Было же чё-то ить это. Ну, как-то весело было, народ живой, не лени был, а щас ведь неохота, и не пойдут. Вот я бы вот, как Таня [внучка. — *Соб.*], дак не усидела бы. Как-нибудь оделась, да и... <...>

[— Говорят, что в воскресенье стирать нельзя. — *Соб.*]

Воскресенье тоже запрет. Воскресенье, девчонки, — он как-то, шесть дней работать, семьей-то отдохнуть же надо — воскресенье. И должна ты отдохнуть. А тут ты шесть дней проработала, а в воскресенье у тебя домашняя работа, некогда праздновать-то всё равно. А раньше-то воскресенье-то праздновали. Это стирать — храни Господь, чтоб стирать ли, полы мыть. Субботу уж всё вымоем, это, уборку всё сделаешь.

Воскресенье всё праздновали.

Ну, мужики-то, конечно, редко отдыхали, которы, ежли надо, дак едут, а не надо, дак тоже отдыхают этот день. Поддерживали... он должен всё равно отдохнуть этот день.

242. Масленка, значит, родители объясняли, что она «крутолюбая». Когда начинается она, с понедельника целую неделю блины пекут с маслом, олады. Питаются всё таким сытным. С четверега начинается уже празднование.

В бане вымоются, ра-ано истопят баню. Пообедают, и начинается... Малы-

ши объезжают лошадей, жеребят, ездят на их верхом. Старики, значит, просто ходят гостят.

Ну а Прощёный день — уж начинается общественная игра, «городничин» и так далее. После, Прощёный день когда проходит, вечером, уже вернувшись с поля боя вот этого «городничева», начинают... Едут верхами на лошадях, в повозках на кладбище, на могилки родных, — как бы попросить прощения у родных у покойных, там отца, матери и так далее. Какие, может быть, грехи допускают дети, живя на сырой земле... Прощаются, кланяются могилкам. Возвращаются в село. Заезжают иногда к родственникам. И с обеда в Прощёный день столы как накрыты всякими кушанками, приготовлением, так они до самого тёмного позднего вечера стоят накрытыми: приходи в любой дом — везде стоят накрыты. Приглашают, садись, угощают. Выходишь из-за стола, поблагодаришь, начинаешь прощаться со всей семьёй, сколько там есть людей. Старше тебя которы люди — ты им обязан поклониться в ноги. Целуются. Таким образом уходят. Ну и детвора обычно так же: после катушки идёт по деревне с самого крайнего дома и до последнего. Правда, они и сытые, но, в основном, у них лакомство — это мороженое. Раньше стряпали из сливок, снабжали их там, заправляли сахаром, сливками и так далее. Очень вкусной ягодой черёмухой. Вот это их перво кушанье. Это уж они обязательно всё дочиста съедят.

Отстолуются, прощаются со всей семьёй тут — опять в следующий дом так и идут. Дома, вечер подходит, поужинают. Дома тоже начинают прощаться: родителям, отцу-матери — кланяются в ноги: жена — мужу, хотя она и постарше мужа, она обязана тоже кланяться мужу, как это положено в те времена («жена покорна мужу» — заповедь така была). И вот таким порядком, значит, уже спать ложиться, а на столе — полностью — стоит стол, накрытый всеми угощениями, ночует. Утром рано, ещё спят все, стряпка всё убирает со стола дочиста, все угощения. Сварит постные щи из толстой ячменной крупы, ободранной — чуть не целое зерно, заправленные кислой капустой, ставит на стол угощение. Это в понедельник, он называется «Чистый понедельник», после Масленки, после Прощёного дни. И, значит, угощаются. Баню топят, идут в баню мыться, готовятся: уже потом наступает Великий пост, семь недель до Паски.

Вот малышам и рассказывают: «Масленка очень крутолобая. Вы видели, вечер спать ложились, что было на столе? Всё. Утром встали — нет ничего. Она живо скатилась под стол и убежала в лес».

Вот называли «крутолобая Масленица».

243. Это ведь какое-то заговение было, говелися... Вот Масленица, значит, блины всю неделю раньше стряпали, вот всю неделю каждое утро — блины. Масло. Масленица. И она неделю, значит, была, Масленица. Потом воскресенье, значит, последний день, это Фомино воскресенье, а там понедельник, Чистый понедельник, значить. С этого понедельника пошёл Великий пост: мяса на столе не будет, не увидишь никою. Опять всё постно: каши да чё да там. После Масленки, аха, это до Паски, а Паску, первый день вот, разговенье начнется. Вот.

[— А почему сейчас мясоед, почему так называется? — *Соб.*]

А этот вот мясоед, сейчас вот мясо, всё едим, разрешёно. А Великий пост с Масленки начинают до Паски. Великий пост, он из числа не выходит, он семь недель бывает. И вот в этот Великий пост раньше ишо постились, — вот приезжат поп, целу неделю в церкву ходили, постились. И ребятишки, школа, учителя водили в церкву поститься учеников целу неделю.

[— Как праздновали встречу зимы с весной? — *Соб.*]

А зимы с весной-то и не праздновали. Нет. Просто день был, встретенье: зима, говорит, с летом встретила.

[— А как ещё Масленку праздновали? — *Соб.*]

Праздновали Масленку-то, <...> значит, с четверга начинает, вот, молодёжь, ребята подготовят эти кони молодых, подладят им хвостики, всё подрежат, начинают кататься. Да в деревне-то как армия, три дня ездят, все Масленку. И вот на третий день, значит, Масленки-то Прошонный день у нас. Прошонный день — у нас отцы запрягают кони, мы вот маленькие были, у нас вот всё девчонки были. Он нас всех посадит в кошёвку — сани, повёз. Это, заплетёт кошёвку, наладит, потник туды положит, нас посадит и вот покатают: по речке повозит, на кладбише съездим — прошались вот на могилках, могилки своих родных обойдёшь, прошались, поклонись и всё. И потом вечером опять родню, свою родню, вот у нас две тётки были, отцовы сёстры, и у мамы тут были братья. И, значит, вечером мы вот все. Ежли не мы, дак оне вот приедут. Приезжают, тоже прошались друг с другом опять. Прошонный день назывался. А щас чё.

[— В этот день просили прощение за свои поступки? — *Соб.*]

Нет. Просто, ето вот, прощаются и так поклонятся друг ко другу, по рукам, поцалуют ишо родные-то, аха. И всё. Разъехались. Вот цаловали ишо. Праздник это, Прошонный день был.

[— А в Масленицу-то какие игры были? — *Соб.*]

В Масленку-то? А в Масленку-то так-то не играли, а катались, на конях ездили, а мы вот, девчонки-то, дак на санках катались, на санях, да... Ой, Масленка — только катались, Пасха — на качелях качались. А колхозы стали, стали бросать это: всё вот это — качели бросили, не стали ставить, делать. А не запрещали ничё, а вот само по себе всё чё-то остыло. Ишо в колхозах по первости-то ставили, и всё это так, но а Масленка-то — уж не ездили, кони были сгнаты уж это, в общий двор.

Но, а тут уж это, Масленку-то сразу не бросили. Пасху-то подольше отмечали. Троицу тоже отмечали, но берёзку уж не таскали при колхозе, не одевали. А так вот ишо в лес ходили, в Троицу, значит, в лес ходят, из лесу купаться придут. Мы вот в лес ходили ишо... А в лес-то в Троицу и щас ходят. Вот у нас вот, в Ушумуне, дак Троица — обязательно после работы все идут на гулянье в лес на мотоциклах, на машинах. Едут, и в лесу гуляют, и купаются, и друг друга сталкивают, аха. Щас вот каждую Троицу в лес ходят в деревнях-то, не знаю, как в городе-то. <...>

244. [— А вот как раньше лето встречали, зиму провожали, Масленицу проводили? — *Соб.*]

Масленка была это: катались да тройки запрягали. Девки, ребята катались вместе, а жеребят опять обучали эти вот, маленькие ребятишки катались верхами, челочки связывали, ленточки. Эти вот катались. Ничё, они хорошо Маслену справляли, весело.

[— А что ещё делали в этот день? Что пекли? — *Соб.*]

А блины. Ну, это вопче на Масленке, раньше уж на Масленке мясо не ели. Рыбу ели, там каши разные, кисели, блины пекли. <...> Масляно-то ели, а вот мясо, мясного уже не ели.

И потом вот, после Масленки, Прошонный день этот, значить, ходят, прощаются, друг другу в ноги кланялись. Распростятся, и до Паски там. Там Великий пост — семь недель. Раньше же Великий пост — молочно же не ели, всё постное ели. Даже и молоком чай не белили, ничё. И вот. Ну а чё больше.

А потом, это, Паску эту тоже встречали. Паску так встречали: стоят все-нощну вот в церкви. С вечера и до утра стоят, молятся. А потом, значить, утром разговляются до свету. А разговлялись всем: чё готовят, чё к Паске, чё с Масленки остаётся. Раньше погреба были хорошие, всё в погреб спускают, а потом это на Паске всё вытаскивают. Разговляются. А ребятишкам дают яички красенькие, оне идут к своим христосоваться. [Смеется.] ...

Вот у меня дед был, дак он так. Он был старовер. Это моёго отца отец, дак вот он... Он не давал. ... Это вот только кто грудной ребёнок только, молоко пил, а мы все — на пост. Постно ели. Но постно, правда, всё же было: и мало было это постное, и семя-то хороше. Ну, там, сусло да ково делали. Тоже хорошо питались, только чай не белили молоком. Вот. Рыбу ели. ... А потом это: утром он, значить, встаёт. Встаёт, всё читат, читат он. Всю ночь он читат. У его псалтырь, всю ночь он читат, а потом, утром-то, встаёт, значит, нас всех подымат. Раньше уж перед праздником и перед Паской-то уже постель убирали с вечера, кровати заправляли — всё, это, ну, где которы не выдюживали ребятишки — дак вот где попало спали. Свернёшься, да и спишь.

[— Нельзя спать, да? — *Соб.*]

Спать? Но, оне-то сидят все. Вот мать моя, отец там, ну, подросли которы, все сидят. И всю ночь сидят, а дедушка читат. А потом он, значить, встаёт, свечи зажигат перед иконами, и вот все встаём мы, Богу молимся. И вот когда помолимся. ... Он это всё читат, всё поёт: «Христос воскреси». Всё поёт. Потом мы к ему все подходим, к дедушке. Он стоит в самом углу, а мы подходим к ему и христосуемся. Сперва с дедушкой, потом начинам с отца, с отцом, с матерью.

[— Кто старше, да? — *Соб.*]

Ага, постарше. Потом, значит, между собой зачинам, вот так. А потом разговляться садимся, и вот всё наставляють на стол. Чё готовят — всё наставляють, всем разговляются. Ну и тоже оно всяко было. Это уж как старовер, так это вот по его, а вот так-то вот у таких-то, конечно, не так было. Ну, так же всё равно встречали Паску-то. А Масленку — тоже так.

[— А следующий праздник какой? — *Соб.*]

А там после Паски — Вознесеньев день. А потом уже Троица.

[— А Троицу как справляли? — *Соб.*]

А Троицу как: берёзки наставляли. Выметешь в ограде, берёзки кругом крыльца-то наставишь. Ну и... А потом уже... Это молодёжь тоже эту берёзку одевали так же и ходили с ей. Ну, в общем, плясали там ещё. А потом её топить носили.

[— А что это означало, вот что её топят? — *Соб.*]

Да а... [смеётся] — хочется ей [смеётся]. Кто её знает, чё к чему: чё-то вот так было, и все делали. А её сначала снарядят: платье, всё на неё наденут, лентов навесят, и вот с ей тут. Её где-нибудь поставят, молодёжь-то танцует. Даже и это, и пожилые — все берёзку одевали. Потом гуляют.

[— Вы это ещё застали? Сами участвовали? — *Соб.*]

В берёзке-то? Ну а как же! Я тут-то участвовала. Да вот эти года ещё всё с этой берёзкой бегали, ходили. Ишо уж и... [смеётся], но теперь уж попустились. Да оно и счас ещё одеют молодёжь-то, всё равно.

<...> Там вот Ильин день праздник, потом Успеньев день — это уже когда хлеб убирать собираются. В страду. Ильин день — в сенокос как раз. Сено косят. Ну, выезжают тоже все, праздновали тоже. Ну чё там праздновали? Где эти соберутся, молодёжь соберутся, там где-нибудь пляшут. Ну, вечерки эти делали, а пожилы — известно: выпивают да... тоже пляшут да поют. [Смеётся.] Всё.

[— А Рождество, как его справляли? — *Соб.*]

А Рождество... А Рождество... Как сказать? Тоже так же празднуют, но особенно-то ничё там нету. Ну, там тоже, как у молодёжи — там бегают куда-нибудь там вечерки.

Вот потом, после Рождества, — эти вот Святки назывались. Вот до Крешенья-то игранчики делали.

[— А что это? — *Соб.*]

А это вот игранчик... Вот уберёсся, значит, ну и где-нибудь квартиру найдёшь. Ну рань... Где вот бедненьки живут, старушка кака-нибудь. Вот калач возмёшь и идёшь. Калачи унесёшь, а потом весь вечер играм. Каждый идёт. Ну и Новый год. Вот как сейчас встречают, конечно, не встречали. <...>

[— Ряженые ходили по деревне? — *Соб.*]

— Какие?

[— Маскировщики-то. — *Дочь.*]

— А-а! Это, ходили, маскировщики эти, бегали из дома в дом.

[— Расскажи, ты давно ли ходила. — *Дочь.*]

— Ах! Ну дак это я уж в советску власть [смеётся] ходила-то. Дурочку сомущать, дак чё — она побежит. Я вот... На Новый-то год вот городили эти улицы. Раньше же машин не было. На конях — коней, значить, гонят поить — разгородят. Там всячины вот натаскают. Все брёвна — всё это стаскают, улицы позагородят. А утром — кто первый погонит поить, да и разгораживают их. Пакостили ходили.

У нас один... Да уж в войну — тачку на столб. У нас столб большо-ой, высокай был — тачку-то, однако ж ведь, Михаил-то помнит. [Улыбается. Смех.]

Это, повесили. Как им помогло? Тачка была с одним колесом — повесили. А я вышла утром-то — Господи! — весится тачка! «Давай, — говорю. — Давайте, ребята, вставайте: отец на аэроплане приехал-прилетел! [Смеется.] Сидит на столбе». Он же на войне был. Вот и всё.

245. Масленица, она ведь перед постом бывает, перед Паской. Едят маслено всё, мясо, всё. А как пройдёт это, заговенье, последний день.., вот проводы Масленки, проводят Масленку, вот там уж молочком чай не белили. И мяса ни кусочка.

[— А как праздновали Масленку? — *Соб.*]

Дак чё же в Масленицу. И гуляли, и праздновали, и катались большинство. Запрягут и парами, и тройками, и катают детишек, и больши катались, и верховые катались. Масленка, она как для этого. В день проводов ведь тоже катаются. Бега делают и всё. <...>

246. Да так же вот, запрягают пару коней, там тоже украшают этих коней и по речке катаются, там наберутся, раньше же кошёвки были, там насыдет их сколь человек, пожалуйста, они катают. Вот от Борщовки до нас, до Бянкино, а наши, бянковски, — до Борщовки, за речкой, река зимой замерзат, стоит. Вот бега были, но я вам не скажу, я на них вообще не была и не знаю, каки там оне, бега, а бега у нас были, вот. <...> У нас хороши кони, вот выбирали хороших коней и этих вот, которы бегают, дяденек там, молоды ли стары они. А я на них никогда не участвовала, даже не скажу, нет, вот, нет, не приходилось.

А Рожество празднуют три дня, вот, три дня, вот, празднуют его, значит, маскируются там. Всяки разны маски так жа тоже.

[— В дом заходили маскировщики-то? — *Соб.*]

В дом, а как жа! В дом, ну, конечно, это, просились, а не так чтоб, а попросятся, ну, попросятся, ну, пожалуйста, но, конечно, отказать неудобно, вот. Начинают они, значит, танцевать, песни петь, вот, и угадывай, вот, чё не угадашь, то не угадашь, вот, но там, конечно, которых уж угадашь, не всех жа, которых угадашь, вот, а потом начинаешь угощать.

[— Они прямо в масках садятся за стол? — *Соб.*]

Нет, они потом снимают.

Маски страшные, вот, например, там волк ли, лиса ли, кто ли, шибко страшны, где-то маска-то была. <...> Брали-то здесь, в магазине. А раньше как-то уж делали, брали. <...>

Шубу надевали, выворачивали, вот, вот, вот, шубу выворотят, шапку выворотят. Вот другой и без маски придёт, если так нарядится, дак ты его и не узнаешь, он без маски, а ты его не узнаешь. Шубу выворотит, шапку выворотит, сажай намажет, вот и пойми.

[— А славили ходили до маскировщиков? — *Соб.*]

Это в первый день Рожества ходят славят, вот там подростки. Вот, утром, утром ходят они, славят. Тут уж конфеты и орехи, всё. Покупаешь, угощать надо их.

[— А как они славят? Песню какую-то поют? — *Соб.*]

Так, а всяки какие там изучили эти свои, учили, как поют они песни, они так и поют, пропеют, и всё, угошай, вот так и ходят к тебе.

Троица тожа так жа. Тожа так жа обедня. А как же? Обязательно обедня, вот. Тоже, значит, празднуют её два дня, например, сегодня Троица, а назавтра Духов день. А вот так название было «Духов день». <...>

[— А берёзку как-то носили в этот день? — *Соб.*]

А как же, берёзку оболокают и идут на реку.

[— А как её наряжали? — *Соб.*]

Так наряжали! Наденут там ли платье ли, юбку ли, кофту ли, платок, всё, как всё равно человек да и всё. А когда к реке подходят, её купают, вот. Конечно, не бросают, а так её искупают в реке, и всё, а потом идут по домам гулять, вот. <...>

247. Масленку катали. Какие тройки запрягали! Что по речке-то делали! А кони какие были, любы. А теперь кто за лошадьми ходит? Теперь и красивых-то нет. Он работает на машине, так потом до коня доберётся и относится к нему, как к машине. Ему чё? А раньше — гриву заплетут, украсят лентами, холодной водой вымоют, чтобы он задрожал, ну, подобрался весь...

Запрягут тройку в кошеву (это санки такие). Трёх коней запрягали — трое входят, а впереди лавочка така есть, ещё двое сидят. А то ещё скачки были. Оне — со стул. На них двое не поедет — один. Вот до чего оне легоньки.

На тройках катались в Масленицу. Запрягут тройку в кошеву — и по льду — чик-чик-чик, чик-чик-чик!

Потом до Пасхи семь недель пост. А на Пасхе — качели. У каждого во дворе — для ребятишек. А для взрослых — на лужок. Всё ведь было из дерева. Слеги свяжут — три листовые — крепко, гладко. А из березовых козлы сделают. На всю неделю хватало! Игра «Разлука» была. «В «разлуку», девки, играть!» — И пошли! А мужики — бабки катать: холодец варят, ноги, — так мужики бабки катали.

Пасха ведь праздник дак праздник, большой, работать-то — грех.

Я вот дивлюсь: а пошто сейчас никаких игров-то не стало? Таки малые, а уж вина напьются, будто больше заняться нечем...

248. <...> После Прощёного дня так бывало, я ещё застал. Понедельник после воскресенья назывался Чистый понедельник. Там опять с утра топят баню, моются. Редька — вот знаете, редька растёт — из неё пекут редечный пирог, большой, значит. И вот этим редечным пирогом разговляются. Но потом что? Старики, определённо, загуляют — опять чуть не Масленка. Винцо сохранилось, раньше самогон был и так дале...

Ещё вот что было заведёно. В Прощёный день на катушке катаются. Вот уже темнеться начинает, темновато, так все катушки с этой прямо идут с краю деревни, сразу заходят в крайний дом. Заходят, столы накрыты. Ну, обычно молодежь подходит и начинает. Больше всего морожено старались есть: там с

ягодой, с черёмухой наморозят, сливочное молоко, ну, пятое-десятое. Ну, всё со стола пометут, поедят, и все начинают прощаться с хозяином, с хозяйкой, тут кто в семье есть. Поели — и во второй дом, в третий. Всю деревню так пройдут, с краю, всю деревню. На выселке там тридцать домов было. Обязательно. Домой-то приходят уже в глухую полночь.

На Паске обратно. Похристосуются. Христов день встречают, ну, так же, как Новый год, с двенадцати часов начинают. Но там церква пройдёт, дома... Тоже собираются быстро тут, как по верёвочке, по цепочке, и с краю начинают. Всю деревню. Христосуются. Забежали. «Ну, вы ишо не разбудились?» Будют, не уйдут. Хозяин спит, всё равно достукаются, хозяин встанет (дома ещё Христа не встречали, ничё, колоба не пекли). Подымут: «Вставайте христосоваться». Похристосуются. Но тот раз уж на Пасхе не ели. Просто пробегают, и всё. Ну, это на Пасхе, значит, утром. Так-то каждый повстречается-похристосуются. А эти, братва-то, уже спокойны: христосоваться не с кем — всех обежали.

Вот такие были обычаи заведёны.

<...> На кладбище ходили в этот Прощёный день, к родным на покой, к могилке, кланялись там. На кладбище, вот в понедельник приезжаешь, весь снег растоптанный. Потому что все родные да знакомые у каждой могилки. Да и по несколько, родных же много бывает. Скажем, семь братовой было. Но вот сколько? Целыми семьями туда приезжаем. Кто на лошадях приезжает туда... Ну, придёт к могилке, поклонится. Там зима, мороз, а там другой. И вот так далее.

<...> Гулянки были, с колокольцами дуги, запрягут, на самих красны кушаки, в тулупах, с гармошкой...

249. ...Так. Это дело бывало в старину, в глубоко старину, значит. Рассказал мне об этом мой папаша. Ему было, когда он знал про городничего, про прежнего, как это проводилось на Масленке, он был тогда маленький. Ему б сейчас сто с лишним лет. И мне уж порядочно лет. И вот он рассказывал как.

Масленица, как раньше. Начинается она, в основном, в понедельник, и целую неделю. ну, конечно, зажиточные блины пекут целую неделю, со с маслом <...> там. Ну, беднота празднует последние дни, где-то в воскресенье. Ну, в понедельник, во вторник не сильно праздновали, а с четверга было так заведёно: в четверег вымоется в бане, с половины дня, как уже вымоется, и с четверега начинается Масленица.

Ну, ребят маленьких, жеребят, называли черпелами. Это они прозимовали уже. Позапрошлое лето родились, небольшие такие. Их было очень легко обучать езде верхом. И вот мальчишки школьного возраста, значит, на этих жеребятках, уже до Масленки за неделю. Ну, сперва поймают, заведут, ну, по-нашему назывался сумет, в сугроб снега, чтобы — упал ребенок, так чтоб не больно. Вот на этом, значит, на сумете, содят мальчишку на жеребенка. На большой лошади берёт сам родитель повод этого жеребёнка и начинает приучать. Ну, он сбивает. Что ж, молоденький, щекотливый, как говорят, жеребенок, сбивает его, на дыбы подскакивает. Ну, смотришь, несколько раз уронит. А что ж, забайкальцы здесь — народ отчаянный: упадет раз, снова залазит, садится.

И не попускается до тех пор, пока не усидит. В конце концов усиживает. И вот потом целую неделю они до Масленки. А к Масленке уж так натренируют они этих жеребят: они бегают у них галопом. И вот, таким образом, значит, Масленка проходила весело.

Бега устраивали. Вот, допустим, у кого-нибудь в селе хороший бегунец, вот, у второго. Сговариваются, по сколько там рублей бежать. Ну по 10, по 15 рублей. Котора впереди, тому деньги, значит. А со стороны в то же время опять ложат дополнительно. Собрались с соседом: «Я за этого бегунца ложу, за Петрова». Тот говорит: «Я за Сидорова». Ну вот, слаживаются, и, как говорят, бьют по рукам: «деньги влаживам». Опять же, у кого бегунец вперед, хозяева между собой, а эти — как со стороны. И порядочно, много граждан участвовало: ложили деньги, в заклад, как говорили. Тоже этих бегунцов тренируют, за месяц, примерно.

Специалисты есть по лошадям, ухаживают: когда накормить там, когда <...> Целая подготовка идет. И обязательно бега устраивают в последний день недели, в воскресенье, назывался Прощеный день. В этот день все прощаются, целуют друг друга в деревне. До Пасхи. На Пасхе опять же христосуются, а здесь вот — Прощённый день. В семье тоже был такой обычай заведен. Значит, поужинают в воскресенье, в Прощеный день, перед тем, как спать ложиться, должны попрощаться. Старшим младшие должны в ноги кланяться, поклониться, потом целовать.

Ну вот, у нас порядочно, нас семь братовой было, брата три-четыре женаты были, ну тут это, значит, прощание начинают, и смеху полно. Мужья заставляют, чтобы жена поклонилась мужу. Ну, начинается хохот, а у некоторых, смотришь, жена-то постарше (у меня Федоровна-то на полгода меня старше). И вот она мне обязана, как-никак мужчина — глава семьи, да и, говорили, мужчине принято. Говорили же: «Курица не птица, баба не человек». Значит, жена обязана поклониться мужу. Тут смех. Это в последние годы начали, тут и веры-то нет, но все равно придерживались. Тем более, во главе семьи — отец, дед ли здесь, надо ж подчиниться.

Ну вот про этот «город» так, значит. В деревне у нас был бедный крестьянин. Прозвище было его Зимёнок. Вот этот Зимёнок, у него всего одна лошаде́нка была. Он запрягает лошадь в кошёвни (навоз возили из-под коров). Стоит эта кошёвня на санях. Короб сбит из досок или же плетеный сурной из прутьев. Так вот, он запрягает свою лошадь в такую кошёвню, значит, и собирает, ездит по скотским кладбищам, значит, все этих пропащих животных: боровчанов этих, поросят, собак... И вывозит за деревню. У нас называлось это место гулий, ровный. Там бега устраивали, всё. Ну вот, возит и наставляет их таким кругом, вот, кольцом. Теперь дальше. Нарезает из этих суметов, сугробов снегу пластами и тоже к этим, он же падает, пропастина. И вот строит городок, в диаметре метров шесть. Вот. Таку окружность делает кругом. Огораживает. Неделю возит туда нечисть эту всю, она замерзлая.

Теперь этот городничин так, не просто делает. Таковую плату, где же, ему никто не платит, а он собирает, начиная с четверега — с четверега Масленка

начинается — ездит, заезжает в каждый дом, заходит. Его все знают, что это городничин, на город собирает. Ему вот там начинают пекчи калачики, шаньги, ну, как говорят, стряпню к празднику. Готовят, и каждый налаживает не один калач, не два, а прямо кфартук, их называют запонями. Он это собирает, собирает, в мешки складывает всё постепенно в сурну, и всё это увозит домой к себе. И вот, возьмите: село у нас было, примерно, 170 дворов. Объехать каждого, ну, бедно-та, они тоже готовились к празднику. Кто и мясо ещё положит ему, не пожалеет. И вот он, сколько этих продуктов, зимой же не портится, и поедает лежит себе на печи. Вот это ему за то, что он тут город построил.

Теперь, какая задача дальнейшая, когда главное веселье подходит. Значит, так. В этот Прощеный день, в воскресенье утром рано, начинают кататься по деревне, по селу, ездят на конях, на лошадях, верхом ездят, санки запрягают (это раньше специально такие были) выездные. Так заведено.

А вот уже с обеда в четверг выезжают на эти на гули, на участок, по речке. Там эти бега, значит, бегунцы бегут. Завозят народ весь: старый и малый, только остаются те, пеленишние дети, те, которых уже нельзя, заморозют, да старые старики, он уж дряхлый, его повезёшь, а холодно ему. А то все, пожилые, да вот в нашем возрасте — все там. Всё. Веселье.

Бегунцы бегут. Что ж, кто выбежал, побежал, смотришь, деньги делят, водку привезут, выпивают — и всё. И смотришь, тут бегунцы или нет, быстро договариваются, вторые бега устраивают. Вот, с четверега, значит, с обеда, весь народ там.

Теперь, когда бега закончились, начинают забирать город, разрушать. Условия такие: первосортного коня, какой в деревне есть, ставят в седле к этому городу, рядом тут, немножко чуть, ставят стул этому городничину, Зимёнку этому. Он садится на этот стул, и лошадь у него тут беговая, стоит заседланная, всё. А мужчины, значит, с лопатами кругом этот город окружают. А на лошадях, верховые, нападают на этот город, а эти, значит, защищают, пешие. И лопатами прямо снег кидают, стараются в глаза лошади попасть. Ну лошадь что? Раньше лошади дикие такие были, суровые... Смотришь: раз, этого седока долой, уронит, убежит. Кто усидел, кто не усидел, и вот бьются, идёт бой за этот город, чтобы поймать этого городничина. А условия таковы были: как город начинает уже прорыв, он успеваает — садится на этого бегунца первосортного и бежит галопом, как <...> скочит домой. Если он успел добежать, в свою ограду забежать, на крыльцо заскочить, не говоря уж в избу зайти, а только на крыльцо — никакого наказания ему нет. Если его поймают, может быть, метра два-три не добежит до своей ограды, крыльца, все окружают его. Тут же все, движимое и недвижимое, за этим городничинным бегут. Оттуда все снимается, все в деревню бегут. Целой деревней бегут, представляете?! И если его поймали, не добежал он до крыльца, наказание тако: верхние брюки снимают, снега нагребают. Вот это было наказание тако. Вот так проходило веселье.

250. [— А бега были? — *Соб.*]

Бега, на конях. Вот, допустим, ты своего коня хвалишь, я — своего.

— Сбегаю?

— Сбегаю.

— По сколь мы побежим?

— Ну, по десятке, примерно.

— Когда?

— Завтра или сёдня.

— Ну, завтра, чтоб народ собрать.

У нас Кунгара — народу было полно! Теперь их нету, народу. Вот я из двух сёл — самый старый — 75-го году.

Ну теперь...

— Ты за какого кладёшь?

— Я за кунгаринского.

— Ну, я за Курумдюкан. (Тогда назывался Кокуй.)

— На сколь?

— На километр. (Тогда «верста» называлась.)

— На полверсты.

Вот потом собираются, там по забой [уговор — *Ред.*] идут. Там выбирается с той стороны и с другой два старших. Тот деньги собрал, кто кладёт, етот записал.

Вот ведут бегунцов. Привели на мету, поставили. Держат своего. Так! Кони пошли. Какой вперёд выбежал, тот прав. Даже выбегает только голова, вперёд выскочила того — выбежал.

Бывает так. То забую забились: всадник упадёт — не разбегать. На которого не надеются, то всадник-то падат. Вот тут шумиха и идёт.

Те говорят:

— Мы выбежали. У нас уговор был: всадник упал — не разбегать.

[— Это что значит? — *Соб.*]

Вот, допустим, твой конь бежит и мой бегунец. Ты говоришь:

— Мой седок не уронит.

А тот говорит:

— У меня — надвое.

Когда пустили, твой-то седок упал, а мой-то убежал. Этот толкует:

— Я выбежал.

А тот говорит:

— Ну, у нас уговор: всадник упадёт — не разбегать.

А потом бьются, бьются — снова. Шуму-то как наведут, тут же договор. Ну, разбегать. Потом сразу же заводят и дозавтре оставляют. Как этот убежал, дак он и тогда убежит вперёд. Вот как получалось.

Все бегали у нас вот тут, под сопкой. Но, допустим, мы ехали. Мы молоды были, холостёжь.

— Давай сбегаем.

— Давай.

— Ну, пошли. По сколь?

— По коробку спичек. Вот до такого-то предмета.

Ну и вали. Какой убежал — коробок спичек. Бегали, бывало, и по... сотни побольше. Как забиваются...

[— Это в праздник большой? — *Соб.*]

Масленка. Она шесть дён.

[— Это в Прощённый день? — *Соб.*]

Она, Масленка, — в воскресенье. В понедельник работают, во вторник работают, в среду. А там уж ежли забиваются, коней подготавливают. Ну, потом пятница, суббота и воскресенье — это три дня. В воскресенье — Прощённый день. Это всё бегают.

Дак вот, ты своего бегунца налаживаешь, я — своего бегунца налаживаю. А друг дружке-то надо рожки поставить? Твой бегунец стоит, а ты потихонечки к моёму-то (не сам ты пришёл, а там кто за твоего клал), ярицы притащит сырой, да насыплет моёму-то бегунцу. Понял? Когда он ярицы-то поест, на завтра поедут бежать-то, он разопрел, он бежать-то не может. Вот ярицей-то и не кормили, а коню-то давали пустячок овса-то. Подковочки делали тоненьки. <...> Вот и бегут. Вот какой надеется, а ему подсыпали...

[— Без сёдел? — *Соб.*]

Без сёдел. Даже тоненьки штаны, рубашка, уши перевяжешь, шапки нет — ведь он бежит, сколь мочи. Там какие-то минуты. Который конь-то разбежится, дак в силе-то, его удержать-то не могут. Ежли наш бегунец, так он сразу — до дому. Его удержать не могут, он так разбежался.

251. Прогуляли последний день Масленицы, Прощённый день. Вечер настаёт. И каждый идёт к своим родным. Может, ты где чё неладно сделала, может, кого обидела.

Вот, например, мы с ней сошлись — она меня постарше — я ей в ноги кланяюсь: «Тетка, меня прости!» А я тебя постарше — ты должна мне. И вот это везде обежишь свою околотку. К тетке, к дяде, к бабушке, к дедушке, к сёстрам там, если поблизости жили. Обязательно тебя встречают. Налаживают чай.

Это вот, какой-то день страстный был, что обязательно надо было прощения попросить. Вроде дальше опеть год жить, чтобы эти все уже грехи смылись, что ты за год нагрешил. Може, поругались, може, и как я тебя обидела, так вот, нужно покаяться.

Это везде обычай такой был. Это было в воскресенье. А на завтра — Великий пост.

[— Но вот, правда, помогало? Вот ругались, жить не могли, а потом мирись? — *Соб.*]

Но дак это само по себе разумеется. Вроде ты переломишь свою совесть-то. И это вроде как скостил все эти. Доброе дело. Умные люди раньше тоже были... Если я тебе в ноги поклонилась, тут хочешь не хочешь, ты должна простить... Я тебе земной поклон сделала. Подошёл: «Прости меня, тётушка!» Поклонись ей вот так земным поклоном в ноги и поцелуй её. Это обязательно.

И это как есть у нас в обычае. У меня и коммунист мужик был, а вот Прощённый день — он меня на три месяца старше... Но, выпьем, посидим. «Ну,

кто кому будет кланяться?» — обязательно надо поклониться. «Я с 16-го, а ты с 17-го», — а он говорит: «Нет, у меня метрики неправильны. Я с 15-го». И приходилось мне — обязательно поклонюсь и поцелую. Вот он довольный сидит: «Всё же ты мне поклонилась. Всё же ты мне». Уж вроде это шутя.

Хотя вроде забросили всё это, а всё равно в душе как-то есть оно, никуда не девалось. Вроде будто бы забылось это всё, а всё же возновляются. К старости-то вроде что-то такое, ну как кошки скребут, что вроде в природе, кого-то как боишься, стыдишься... Это к старости стало. Вроде греха боишься. Вроде это я ей сделала. Ой, это так не надо. Вот я её оскорбила! Вот у меня сейчас муж внезапно умер, дак я всё-всё к себе применяю. Какая-то истина вроде на душе таится. Что правильно всё делать надо. А в молодости — нет. Молодо — зелено, гулять велено. Давно сказано.

252. Вот к этому празднику «Сорок святых» прилетают птицы, значит, очень большое количество. В том числе и прилетают жаворонки.

Так раньше стряпали, значит. Большую делали — как каравай, что ли, и на ём потом пальчиками так выдeldывают: как будто бы жаворонка сидит, и у ней вот этих 40 там штук этих цыплят-то самых. Эту потом ковригу... Пшеничный хлеб ещё, смотря там по состоянию. Простоит она на этот праздник на столе в переднем углу под иконами, потом её уносят, значит, в амбар, загребают в семенное зерно, в семена. И когда в первый день начинают — ехать сеять... Первый день, начало весны считался... Как он назывался?.. Начало весны — дело великое, вроде святое. И вот приносят эту жаворонку, значит, на стол, и, как ехать на поле, обедают вот с этим хлебом. Она уж зачерствнет и так далее... Едут навораживаются — начинать сеять. Вот это считалось...

[— Это в какой день? В марте? — *Соб.*]

Алексеев день — 31-го, 22-го — Сорок святых, в апреле — Благовещение, «Гаврила благовеститель»...

Ну вот, «Сорок святых» — они прилетают. Так а птички-то рано прилетают. А вот она потом до весны-то и лежит, в хлебу зарыта, в амбаре, в семенах. А её стряпают — «Сорок святых» праздник-то. До посевной она...

[— А посевная начиналась когда? — *Соб.*]

А посевная начиналась где-то 17 апреля по-старому. Март, апрель, значит, — всего полмесяца каких-то. Где-то через полмесяца начинали сеять. И вот обязательно с этим хлебом обедали — начинать сеять.

[— А как эти птички состряпаны? — *Соб.*]

Ну, она сделана из теста... Как цыпленочек сидит. На пороге новóй раз насыдутся оне — вот таким же образом. Сама булка — это будто бы жаворонок, на «Сорок святых».

Лошади когда пристают... Благовещенье, в особенности, там же что? Снег подтаёт — голышки, а некоторые стараются дров подвезти или ещё что-нибудь. Но близко лесосека — там, может быть, он везёт, и где часть снежку хватат, а местами и голыш хватат — лошади слабеют, начинают уставать. До того новóй

раз лошадь ослабеет — аж уши мокрые. Вот всё говорили: «Жаворонки на уши сели коню», — значит, пристал. Вот така поговорка была:

— Ну чего, брат, жаворонки сели тебе на гнедуху-то?

— Да вот, брат, сели.

То есть пристала, не везёт дальше.

[— А песенки были? Ребятишки в поле выносили фигурки этих жаворонков, скворечни? — *Соб.*]

Не было. Тот раз скворешницы не городили. Это уж позднее стали потом...

253. Потом ишо перед Пасхой был праздник — Благовещенье. Благовещенье, он этот день, говорили, что с первым днём Пасхой, большой праздник. Значит, в како число, вот он каждый год он меняется, из числа-то выходят это Благовещенье. И он это дни меняется.

И вот в какой день Благовещенье, значит, весь год в этот день вот ты собралась... Он ежли в четверг был, Благовещение, а тебе надо в четверг в это число ехать куда-то, дак отстраняли, не ездили.

Говорят, тяжёлый день, этот день был Благовещенье. А он же, Благовещенье, в который день недели был, он совпадатся число-то в месяц раз, в этот число и день. И вот его ето, избегали в этот день начинать там чё-нибудь делать или в это ехать куда. Дак говорят: сёдни не надо, этот день-то — Благовещенье было.

254. Раньше-то, ранешное-то сейчас помню-ка. Даже Пасха — целую неделю праздновали, вот. Дак как? Готовят там хорошо, наготовят так, что всю Пасху, видимо, стряпают, печенье ли, ково, настряпают, потом в погреб, чтобы не испортилось, потом — доставать, кушать.

А праздник, значит, начинался, вот, например, на Паску, вот вечером до обедни — никто ни грамочки исть — взрослые, конечно. Дети бы стали есть, а вот, например, взрослые, взрослые — нет. Потому что покамест там украшают: куличи надо украсить, стол надо накрыть, окороками там всякими разными, а там уж надо обедню. Из обедни приходишь — надо христосоваться. <...>

А там, значит, в церкви — приходишь — и сразу это... свечку покупаешь, всяко, конечно, там всякие свечки: дешёвы, дороги. Кто богат, тот подороже берёт, а которы бедняки — подешевле. Свечку поставишь и зажгёшь, а потом там батюшка даёт стряпаное.

[— Просвиру? — *Соб.*]

Но, вот, помаленички, вот.

[— А потом, когда с обедни придут, похристосуются, потом что делали? — *Соб.*]

А потом чё? Которые, как мы, молодежь — качели раньше вон как ставили — идёшь качаться. Там наберутся — дак ой-ёй-ёй сколько качатся, а если вот взрослые, например, вот ведь она ночь-то не спала, так она ляжет, да маленько вздремнёт, а там, глядишь, как гости пришли, угощать надо, а там, глядишь, и ишо пришли, вот тебе... Из дому в дом раньше ходили, видишь?

Щас вот, щас же этой моды нету, а раньше вот из дома в дом, вот. Сядем, примерно, пушай человек вот будет то ли двадцать или двадцать пять, и одной бутылки водки хватит. Рюмочки жа маленькие были, маленькие рюмочки, и вот этой бутылочкой — пожалуйста, угостишь гостей, вот идут в другой дом, в третий, так и, глядишь, и идут домой веселёнки, по рюмочке, по рюмочке — и наберутся.

[— И так успевали ко всем соседям зайти? — *Соб.*]

Нет. Если, например, так сегодня закончили там домов... назавтра, значит, они знают, завтра собираются к тому идти, к следующим, у которых не были, не гостили у кого.

Вот это же так было заведено. <...>

255. ...А Паску тоже праздновали. Паску — дак не спали и свет не гасили, лампы, от лампочки надо ишо и печку затопить. Аха. А вот на Паску-то всю ночь сидишь, хто мечет [петли на одежде обметывает — *Ред.*], хто чё... Вот сидят, чтоб чё-то делать, не спать. Аха.

[— А почему не спали? Откуда такой обычай? — *Соб.*]

Дак, а вот чё-то вот было, кака-то ето тоже... Вот у нас даже бабушка жива была, мы вот ишо... Но свету-то у нас ишо не было этого. А тоже вот я лампу не гашу. Чтоб она... Вот от этой лампы печку истоплю, позавтрикаем, потом спать ложимся...

<...> Где-то это в час ночи начинают стрелять, колокола звонить. Мы вот там, за рекой, жили как раз напротив церкви. Небольши-то были, а нас — отец говорит: «Ну, сёдни не спите: вон из-за той сопки-то будет Паска выходить и придёт к церкви». А в окошко-то смотрим: у церкви-то и стреляют ой-ё-ёй! Огонь вылетат. Вся деревня соберутся, тут молодёжь-то все. Да мужики-то все ходили, встречали Паску. В колокола забрякают. У нас пять колоколов было на церкви-то. У нас Василий Михайлович первый туды залезал, дак аж «Барыню» выигрывал на их, на колоколах. Аха. Как заиграт, дак... Пять: два-то били ногой, три ногой-то, а тут — так от стоит — ногой [объясняет, показывает. — *Соб.*] Всю неделю в колокола звонили. Ребятишки, все — Паска неделя была — и всю неделю колокола звенели.

[— Ну вот, встретили Пасху. А потом что? — *Соб.*]

...Богу молился. <...> Богу молился. Значит, Богу помолятся, похристосоваются, всё, яички красеньки тут, встретят Паску. Исуса Христа же встречали, аха. Позавтрикают тут все, печку затопишь, и — кто блины, кто пирожки, у кого чё есть. <...> Своей семьёй, своя семья. Вот у нас семья была большая: нас было шесть человек только детей. Ну, тут малы́ уж мало застали. И ето, всяк своей семьёй встречали Паску, вот так.

А потом уже — первый день Паски — ходили — было тако обычает: вот, например, вы вот уж девушки, значит, всё обойдёшь свою родню с яичком, похристосоваешься со всеми.

[— А с яичком что делали? — *Соб.*]

А яичко — вот у тебя яичко, у меня. Вот тебе я передаю в руку яичечко и

говору: «Христос воскрес». А ты говоришь: «Воистинный воскрес». И поцалуемся. Яички дальше опеть.

[— Значит, уже с подаренным яичком (дальше) идёшь? — *Соб.*]

Нет. У тебя свой, у меня свой. И мы все вот... А вот крестник у меня, вот крестник, крестница была. И я сама была, у меня крёсна была. Мы к крёсне в первую очередь идём. Та нам — двое, две сестры — у нас крёсна одна была. Мы в первую очередь утром к ей идём рано. Похристосоваемся, она нам по яичку подарит. Это уж было обычае — чтоб яичко крёсна дала. Аха.

[— И после этого вы уже дальше идёте? — *Соб.*]

А мы дальше потом соседев всех обойдём. Вот так все: те ребяташки и взрослые — вот таки вот ходили уже это. Не было же это, это было уже... поверья была такая: похристосоваться. А потом уже на обед собираются отцы наши обедать к кому-то одному потом пойдут, дня три вот походят, погуляют это. А потом — неделю-то, если уж она ранняя Паска, весны нету, не начинают сеять хлеб, то, значить, это: в бабки катают мужики, аха, в улице-то в бабки катают, яичек вот эта куча — по яичкам кто выкатат, значит, — яичко. По шапке притаскивали яичек эти[x] — крашенные, варёные. А сейчас забыли, наверное, в бабки-то не умеют катать-то. А бабы так собирались друг с другом, сидят, мужики катают, а они сидят кругом тут. Всё вот там — дядя Сёма-то живёт — дак вот тут по этому... вот на утесе всё в бабки катали...

А молодёжь — опеть качели. Поставят ребята-то на Паску вечером эти козлы, целые заплотины. Высоки козлы, из берёзы эти совьют качели-то. Не верёвки — с берёзы кольца навьют — и вот качалися. Мы уже Паску-то встретим, дак уж с утра сразу опеть оббежим родню-то, да потом — на качели. Всю неделю на качели качаемся, да и... А наберём — молодёжи много было — воротами вот парами встаём, пробежишь вот эдак, нас [позади] остаются много туды, эти задни-то опеть бегут... встают. И мы всю деревню с краю на край воротами проходили. Это вот игра была такая. А весело — как-то было весело, да чё вот. То кругом встанем, горшки вот маленьких ребяташек — вот горшки покупаем им.

[Описание игры в кругу]

<...> А игры были ишо вот эти, ну «беговушка» — всё играли, любили вот бегать, играть. Мячик, ... лапта у нас была деревянная вот. Кинет, а его подкрепишь туды, тут стоят вот. Это сколько, Шура, человек-то станут, бегают, убивают? [Обращение к дочери. — *Соб.*] На серёдке стоят и там. Мета-то больша была.

[— Смотри сколько человек. Разделяются. Как-то сговорятся и разделяются пополам. Например, если десять человек, то в этой партии пять, и в этой — пять. И первые бьют лапту, одне убегают на карауле. — *Дочь Шура.*]

[Описание игры в «лапту»]

<...> И вот я забыла: ишо вот мы золото хоронили всё. Вот чё-нибудь... бумажечку или чё ли комочком, ну, вот девушки сидят вот так порядком, и ребята туды сидят — много же было народу-то — и вот это золото один кто-то

хоронит, всем в пазуху суёт руку-то, кому он его оставит. И вот надо угадать, у кого что. Один вот отгадывает. <...>

[Описание игры в «кольцо-мальцо»]

[— А хороводом ходили? — *Соб.*]

<...> Ходили, аха. Хоровод-то был... в хороводе-то пели, а в кругу-то девушка с парнем.

[— А какие в хороводе песни пели, не помните? — *Соб.*]

Уже забывать тоже стала. Тут опять четыре человека в кругу, а остальные-то... Круг большой сам вот, а четверо в кругу, и вот пели:

Вот, говорит, летели птички,
Ростом невелички.
Вот они, говорит, летели,
Сели, посидели.
Вот они вставали, говорит,
Тяжело вздыхали.

Вот забыла уж я его всё. Птички эти... Все вот станут вот эдак вот: и ребята, и девки — все вместе. Всё вот игры были раньше-то... <...>

256. В Егорьев день, значит, лошадям давался отдых, празднество. Потому что Егорьев день — это событие. Была икона: Георгий Победоносец с копьём на лошади, он заколол змея, победил. Видимо, там настолько был он развитый, <...> что он народу не давал покоя, этот змей. Так вот, Георгий Победоносец рискнул первый выйти на победу с ём, сразиться, и удачно сразился: конь его даже ногами подтоптал — на иконе было нарисовано.

И вот в этот день очень религиозно относились, с таким религиозным впечатлением, что ли, к лошадям. Хоть того нужнее (как раз это дело было весной всегда, Егорьев день бывает, последняя ленива соха выезжала начинать сеять), но всё равно даже и богатые не запрягали лошадей, не работали на лошадях и никуда не выезжали. Полностью лошади отдыхали. Вот имя было такое предпочтенье: лошадей в Егорьев день никуда не запрягать, на их не ездить.

[— А скотину в этот день выгоняли на пастбище? — *Соб.*]

Да, на пастбище, правильно. Другу скотину, коров и так далее прогоняли: как раз момент, что начинала травка зеленеть... Апрель, май — перед Миколой травка появлялась, и потом обсохло всё уже — провожали скотину на пастбище первый день. С этого времени потом скот ходил на пастбище.

Но раньше обычно скот не под пастухом ходил, были огорожены покосы, выпасы, потому что скотина уже не могла выйти за изгородь, потравить там. Да ещё и рано, в Егорьев день там посева ещё малышки, чуть-чуть только всходы появляются, так что ходили вольно, без пастуха. Это потом уже, где-то с Миколы времени, когда первые сева начинают уже где-то сантиметров 10 уже вырастать, скот потом ходит поедает... И главное, что животина, лошадь или там корова, когда она заходит на пашню, на мягкое, она обязательно ложится.

Значит, она ишо и придавляет, губит хлебные злаки. Поэтому закрывают поскотину. Все, где какие отверстия были, поломки в этой поскотине (так называли — «поскотина», каждому хозяину был отведён участок) уже огораживали. Там уже скот, как говорят, ходил «в опуску», то есть в огороженном кругом месте, поля отгорожены были, там находился.

257. В Троицу облокали березку. Девушки на Троицу завивали венки. А назавтра Троицы — назывался Духов день. В этот Духов день несли березку купать на речку, и венки девушки срывали с березки, несли тоже купать их в речку. Бросали... Эту березку, значит, потом раздели (так-то она одета в платье, всё, в кофточке и так далее, как женщина была одета), её целый день носили по деревне, где там одевались, на какой сопке. Большое коронование было, торжество. Все — стар и мал — шли.

А на второй день — Духов день назывался — её несли, опять же всем народом, потому что второй день, Духов день, — тоже праздновали всем населением. Несли, провожали на речку. Там её раздевали, значит, и бросали в речку. Причем старушки, по старым традициям, по привычкам, смотрели, как поплывет эта береза. Если хорошо поплывет береза, не будет тонуть в речке, то говорят, что «нынче будет хороший год»: не будет никакой беды ни на людей, ни на животных и так далее, хороший будет год.

Ну а девки — каждая венки завивала на своего друга, на себя, на родителей. Кидали в эту речку, тоже смотрели — не потонет ли венки. Если, в случае, будет тонуть венки — это что-то нехорошо получится. Ну, венки хорошо, благополучно проводили, значит, в речку уносили. Речка... Обычно несколько десятков человек, где-то минимум полста человек, что ли, все приходят с венками. Да не с одним, с несколькими. Вся речку закидают этими венками, и в речке образуется такой как бы ковер зеленый. Причем эти венки украшали еще лоскутками, ленточками. Такая живописная получается картина на реке! Как из свежих растущих берез с листьями плывет ковер по реке. Празднично!

Ну и можно даже сказать и то. Был у нас дядя Иван Кузьмич, о котором я и пишу. Он любил ребят. И было такое поверье: когда березку искупают в Духов день, разрешалось мальчишкам, девчатам купаться в реке. Считалось законом, что вода теплая, не отразится на здоровье, дети не остынут. Это была традиция русского народа. Несмотря на то, что Троица из числа выходит, но все равно после Троицы разрешали купаться детям. И вот дед Иван, этот дядя Иван Кузьмич, после того, как венки искупают (детвора на берегу вся тут соберется, ждут его команды), он дает команду: «Купайтесь. Разрешёно». Те разнагишаются — и в речку, кто кому как нравится, и вот купаются. Но он опытный старик, смотрит на (часов не было), смотрит на солнышко: во сколько времени примерно дети забрели в речку. На первый случай, может, и тепло, а кто знает? Кто бы не остыл. Он следит за этим делом, контролирует. Некоторые родители надеются на это дело, что он сохранит их, идут домой, на лужок, там веселятся, а он продолжает наблюдать за детворой. И вот смотрит за ними и дает команду, видит, что уже пора: «Кончай купаться, выходите!» Смотришь, там какие-нибудь

чумазые, два-трое, кричат: «Дяденька, мы ещё раз покурнёмся, один раз!..» Неохота же сразу — такое удовольствие. Он дает команду: «Ну, курнитесь по разу, по одному». Довольны ребята. Кувыртнутся, быстро одеются. Он дает команду: «Быстрее одевайтесь — и бегом!» Оденутся, бегут на лужок, разогреваются. Быстро велит бежать, не шагом шагать. Только одне белы головенки, рыжие, черны, всяких цветов волосы мелькают впереди его.

Вот таким образом, в Духов день, после того, как березку искупают, разрешалось детям купаться, независимо, какого числа там, потому что она бывает согласно Пасхе — на 50-й день после Пасхи. Бывает то раньше, бывает то позже. Но обычно уже тепло. Вот эти традиции сохранялись долгое время. Духов день из числа выходит назавтра Троицы. Троица в воскресенье бывает обязательно, а Духов день — в понедельник, после Троицы. <...> Почему из числа выходит? Потому что Иисус Христос сам по сотворению мира... У него было 12 апостолов там, в том числе Иуда Искариотский, по национальности еврей. Он продал его разбойникам за 30 серебряников. Какой этот серебряник, я не знаю, только говорят, что за 30 серебряников. И для того чтобы... Иисус Христос ходил с учениками, 12 апостолов было учеников у него, все ходили в одной форме. И он на прогулке ходил в саду с имя. Ночь была тёмна. И вот, чтобы узнать, кто из них Иисус (они все похожи были один на одного, трудно было...), так вот, этот Иуда договорился с разбойниками: «Подойду в саду, которого поцелую, вы и берите — это и есть Христос». Вот так и сделали разбойники. Но по закону Божию писалось, что на третий день Иисус Христос воскрес. Светло Христово воскресение вот и празднуют, Пасху-то.

Дак вот таким порядком, чтобы религия была закреплена и вечно существовала, в подтверждение того ночь-то на Пасху (вы заметили?) всегда бывает темная, луны не бывает, она уж всходит там перед утром. Вот это связано со священным писанием, чтоб обязательно ночь-то была на Пасху темная. Если она будет в числе, то на следующий год, через два ли, через три она может получиться при светлой луне. И это не в интересах религии, не в интересах священнослужителей. <...> Вот это связано. И поэтому Троица-то идет от Пасхи. Исчисляет там этот священный совет, он и сейчас существует — Синод — в Москве. Исчисляет по фазам луны, подсчитывает, в каком году, согласно месяца, фаза луны, какой приурочить воскресный день, чтобы была Пасха. А по Пасхе потом идет и Троица — 50-й день. Вот таким порядком. Всё связано было с религией, на религии держалась вся власть капиталистов.

258. Где-то примерно в июне месяце ежегодно после Пасхи на 50-й день традиционно отмечали праздник Троицу и Духов день. В четверг — «семик» назывался, это на 7-й неделе после Пасхи — утром рано собираются все девушки к Татьяне Кузьминишне с песнями. Татьяна Кузьминишна — средних лет девица, рыжеватая, с веснушками на лице, рост выше среднего, коса длинная, до пояса, в косе лента голуба. Веселая, боевая, умеет песни петь, танцевать. Приветливая. Мастерича: умела кроить, шить одежду, прясть пряжу, вязать чулки, носки, перчатки, варежки. Очень доброжелательная, всем людям

только добра, счастья желала. Была хорошим организатором всех досуг молодёжи. Пользовалась уважением среди молодёжи и людей старшего возраста, стариков и старушек.

Дружно <...> взявшись друг друга за руки, во главе с Татьяной Кузьминишной с песнями все девушки идут в березовую рощу под сопку Мангырницу завивать венки. Каждая девушка на берёзе аккуратно завивает венки. Первым долгом венки завивает первый на себя. Если венок не повянет до Духова дня, то, значит, и дальнейшая жизнь девицы не повянет с раннего возраста. Вторым венком завивает на своего любимого-жениха с таким же завещанием. Последующие венки завивает на мать, отца, сестренку, братишка... Каждый венок украшает лентами, разноцветными новыми матерчатыми лоскутками, цветочками. Как приятно и отрадно посмотреть на эти украшения, украшенные берёзы венками! Получается в роще такая живописная картина! Уходить не хочется от такой картины.

Из рощи девушки возвращаются с песнями домой. После обеденного перерыва каждая домохозяйка берет из дому свою самопрялку и несёт на речку мыть. Разрешалось мыть самопрялки на речке один раз в году, обязательно только в четверг, в Семик. Под черёмушником столько женщин, моющих свои самопрялки, — и не сосчитаешь... Под руководством Кузьминишны поют хором песни — просто заслушаешься:

Уж ты прялочка моя, самопрялочка,
Сколько же ты напярла мне пряжи и сукна,
Конопляного волокна... —

и так далее.

Утром рано в воскресенье — Троицын день. Кузьминишна празднично одета, достает из своего сундука новую кофту, юбку, цветастый полушалок, ложит в сумочку — это наряд для березки. В это время гурьбой с песнями празднично одетые идут девушки с тарелками в руках, наполненными до краев разными продуктами, с узелками — разная стряпня: калачи, шаньги, тарки, хворост, пирожки, покрашенные яйца, творог, сметана и другое. Парни со шкаликами водки. Заполняется вся ограда Кузьминишны парнями и девушками. За оградой, конечно, всегда детвора тут как тут, ведь без них никогда нигде ничто не делается.

С главным запевалом Кузьминишной с песнями вся компания идут улицей по деревне на верхний край и на сопку Мангырницу. Только посмотреть и любоваться — что такой движущей нарядной колонне девушек в разноцветных платьях, косынках, новых кофточках, полушалках, разноцветные ленты. Парни с нарядными рубашками, в нарядных шляпах, фуражках. Идут одевать берёзку. Дядя Гуря, любимец молодёжи, уже давно на Мангырнице. Тогда-то подготовил, срубил ветвистую березу кудрявую и ожидает молодежь. Установили березу на постамент и принялись одевать на нее кофту, юбку, полушалок и манейки с лентами — получилась нарядная красивая девица-берёза. Вокруг берёзы на

зеленой лужайке, украшенной природными разноцветными полевыми цветами, расстилают скатерти, наставляют тарелки с угощением и разлаживают стряпню. Парни ставят шкалики с водкой. Все становятся вокруг берёзки и поют хором «Во поле берёзонька стояла». Алексей Кузьмич компанирует на своей старой скрипке, не жалеет струн. Усаживаются все за общий обширный природный стол, начинается угощение, поют песни. Потом танцуют парами «барыню», кадрили и в одиночку «подгорну», «камаринского», гопака. Детвора отдельной компанией неподалеку от берёзки сидят спокойно, поглядывают своими умильными глазёнками не так на берёзку, как на продукты, и думают все одну думу: как бы скорее выходили из-за стола да побольше бы осталось жратвы, с уверенностью ожидают приглашения к столу, зная о том, что Татьяна Кузьминишна ежегодно их угощает во время лугования. Ванька Мишке говорит:

— Я, паря, видел, сколько крашенных яиц девки принесли — вон целую корзину.

— А я подглядел, сколько ягодного киселя заварили — целые три ведра.

— Смотрите, — говорит Петька, — какой ворох навалили стряпни! Пожрём, бывало...

Гришка:

— Что вы разболтались, дураки? Надо сидеть тихо, спокойно, не нарушать порядка, а то вместо пышек можем получить шишек.

— И вправду, — говорит Костя, — не надо болтать языком. Кто что видел — знает только про себя.

— Эх, ты вот, Костя, — говорит Ванька, — говоришь, что нельзя болтать языком, — это правильно. А сам мне сейчас только что шепнул на ухо, что видел нашего братика Ваську, как он поцеловал Наташку.

— А ну-ка замолчать, черти окаянные! — говорит Алёшка. — Вот видите, все уже встают из-за стола, кончают угощаться, переключились на танцы, а некоторые уже пошли парни в прогулку в берёзову рощу. Да смотрите, прикусите свои языки покрепче и не придумайте дома болтать, какой парень с какой девкой гуляли в роще.

Кузьминишна подает команду:

— Детвора, к столу!

Мгновенно все уже за столом. Щелкают друг с другом крашеными яйцами, ягодные кисели пальцами, языком лижут с тарелок. Кто нос запачкает, кто щеки, лоб — работа идёт усердно, поедают всё дотла. И тарелки чистеньки, облизаны — можно и не мыть.

Лугование длится 5-6 часов, и больше на лоне природы с чистым свежим воздухом, под яркими лучами солнца и чистым, светлым небом. Заканчивается угощение, и детвора собирает все атрибуты: чашки, ложки, вилки, стаканы, тарелки, скатерти и другое. Снимают с постамента одетую красавицу-берёзку. Парни поочередно несут берёзку в деревню, за ними следуют все девушки, парни и детвора, поют и даже на ходу танцуют.

В верхнем краю деревни в улице против дома тетки Акулины, возле зеленого кустарника на зеленой лужайке ждут не дождутся женщины, мужчи-

ны. Даже и молодухи, завернувши в простыни, одеялки грудных детишек, тоже вышли встретить матушку красавицу-берёзку. Устанавливают снова на постамент, и начинается ликование. Старые старушки вместе с девушками и молодухами поют и танцуют вокруг берёзки старинные народные песни и танцы. Ликование длится до самого позднего вечера. На ночлег в полном наряде заносят берёзку к Татьяне Кузьминишне. У крыльца с хлебом-солью встречают хозяева дома Кузьма Евсеич с Алёной Ивановной и сын Алексей Кузьмич со скрипкой. Заносят в дом и ставят в передний угол под божницу с иконами.

В понедельник — Духов день. Девушки с парнями идут пораньше к Кузьминишне, и все вместе идут в берёзовую рощу по венки. Осторожно в лесу сламывают венки каждая. Веселятся, довольные, что ни один веночек не завялился. С пучками украшенных венков возвращаются в село к квартире Кузьминишны. В ограде уже полно мужчин, женщин — пришли пойти на речку, посмотреть, как будут купать берёзку и венки. Детвора за оградой, гудят на разные голоса. Парни вынесли красавицу-берёзку и понесли на речку Ягъё, в Креон. За ними все от старого до малого идут с песнями. На берегу речки снимают с берёзы все наряды, спускают её в речку. Все устремленно с любопытством смотрят на берёзку: как поплывёт по реке. Очень все довольны, что берёзка плывет плавно, не тонет. Старушки восклицают:

— Сёгоды (то есть в нынешнем году) не будет войны и никаких стихийных бедствий ни на людей, ни на животных.

Вслед за берёзкой кидают свои венки в речку и смотрят внимательно, как поплывут её венки. Речка покрывается разноцветным из живых цветов, венков как бы передвижным ковром, плывущим по реке. Люди все стоят и стоят на берегу речки, любуются такой красотой, и никому не хочется уходить домой от такой прелести.

Дядя Ваня Кузьмич тут как тут, даёт команду детворе:

— Сегодня Духов день. После, как искупали берёзку, разрешается купаться в речке.

Все дети мигом раздеются и с разбегу прыгают с берега в речку, каждому хочется взять первенство, первому упасть в речку. В речке начинается новая картина: раздевших донага с подстриженными волосами на голове белых, рыжих, русых, черных мальчишек всяких возрастов и мастей, как караван крикливых гусей, с криком, шумом и хохотом ныряют в воду, выскакивают на берег, умажутся грязью, песком — и снова в воду. Дядя Ваня не уходит с берега, всё смотрит, любит на эту весёлую, жизнерадостную картину и посматривает на солнце, озабочен тем, что в первый день нельзя детям долго находиться в воде: могут остыть без привычки и заболеть. И вот слышится вторая команда:

— Одевайтесь, пора кончать купаться.

Из воды слышатся унылые, но попрошательные голоса, слова:

— Дядя Ваня, еще только один раз укурнусь в воду, — кричат один за другим.

Сжалился дядя Ваня и кричит:

— Ну, ковырнитесь ещё по одному разочку!

Довольные, весёлые выходят из речки, одеются по-быстрому, немножко вздрагивают.

Подаётся третья команда:

— Бегом по домам!

Только рубашонки раздуваются, да голые пятки мелькают. Дядя Ваня идёт домой, доволен, усмехается...

259. <...> Мужики бабки катали. Деньги катали. А мы играли всё. «Бего-вущку» играли. Ну, мячиком вот эдак бросали. Бросит и бежит на другую черту, а потом другой отбросит — назад бежит. Да людно было! Девоч, ребят... Всё девки с ребятами играли, все время. В «разлуку» играли.

[— Это как? — *Соб.*]

Да а как? Расстаются, а посередке разлучник. Вот и разлучат. Разлучит, одна-то останется — опять на это же место встает.

Раньше ить лучше было дело-то. А таперь чё? Напился — и готово. А раньше ить не пили. Вот гуляют — и то рюмочкам пили. Никто не опьянет, никоно. Гуляли-то полюдно: мы вот в Ёлгино — дак по 12 домов. Тут-то я не знаю, не гуляла в девках-то.

[— Как это по 12 домов? — *Соб.*]

Дак вот и ходят ко всем...

260. После Паски-то сразу Троица там была.

[— А Троица — это какие празднования? — *Соб.*]

А Троицу праздновали, вот ту тоже праздновали как браво. Берёзки одедали. Берёзку вот притащат ребята. Утром в Троицу оденут, лентов на неё оденут, украсят её всю. И вот ходют и поют. Дак даже вот, например, вот я, девка, вот тут живу. К нам придут к окошкам, споют песню ту «Берёзку-Троицу».

[— Это песня была такая? — *Соб.*]

Песня была. Вот у нас её бабушка Мисарьёновна знала её всю, а мы почто забыли?

[— Перед всеми домами её пели или только где девушки жили? — *Соб.*]

Да нет, оно и к девушкам-то не к каждым ходили. Где к кому придут, дак споют тут, у окошек постоят тут.

[— Кто нравился, тому пели? — *Соб.*]

Ага! Нравилось. Вот у нас вот отец — дак любил эти песни.

[— А вы совсем не помните слов? — *Соб.*]

Вот не помню слова-то. Знаю, что «берёзка, ты моя берёзка!». От нам Мисарьёновна пела вот эти года, вот мы наплакались. <...> Ага, старинна песня! Вот в Троицу ту и потом вот этот первый день в Троицу ту и не заносят берёзку, поставят её, а назавтре-то называли Духов день, назавтре Троицы.

[— А что это означало? — *Соб.*]

Духов день — тоже ведь какой-то праздник. Сёдни Троица, а назавтре — Духов день был. И в этот Духов день эту берёзку, значит, опять раздеют, идут к речке все девки и ребята вместе. Берёзку купают и сами купаются в речке все.

И вот только в Троицу, первый день Троицы, назавтре Духов день, как искупаются, тажно начинают купаться, а до Духова дня не купалиса.

[— А потом берёзку топят? — *Соб.*]

Ну а потом уж так она утонет, унесёт её. Ишо вот до Троицы-то мы-то чё же — мы в четверьг... В четверьг, ага! В четверьг ходили в лес, веночки завивали. От у нас в семье, сколько нас человек было? Я семь веночков завиваю, мы вон с сестрой ходили. И эти веночки потом, в Духов-то день, опять как берёзку, надо нам купать, дак веночки сбегает сломаем. И веночки кидаем, и берёзку купаем, тут и песни, тут и сами купаемся.

[— А когда кидают веночки, что это значит? — *Соб.*]

А веночки кидаем в воду и ишо завещали, вот кто жить будет, то веночек поплывёт, не потонет. А кто, у кого, можить, век короткий, вот, можить, я можить, в нонешнем году умру, значить, мой веночек должен потонуть на дно.

[— Ну и что, сбывалось? — *Соб.*]

Дак иногда сбывалось. Ага.

[— А когда оставляли венки в лесу, то смотрели: засохнут они или нет? — *Соб.*]

Нет, не было. Ну, его, если он уж — завиваешь — он сломится, дак его... бросаешь, а так делали, чтоб он не из эта... [не изломался. — *Ред.*]

[— Духов день — это второй день Троицы? — *Соб.*]

Ага. Троица, она же два дня. А потом Троица, она же в саму весну, там весна. Вот эти два дня, а там снова на поле все поехали. <...>

261. В праздник Ивана Купалы вся деревня выходила в лес. Весело было. Выбирали поляночку с берёзкой, наряжали саму березку, навязывали на неё ленточки. А вечером начинали жечь костры и петь песни.

Раньше сеяли всё время лён, и вот к этому дню его обязательно нужно было выполоть. Так кто не выполет, так того и осуждали песнями.

262. По-старому у нас здесь были такие обычаи, да и они сейчас до сих пор сохранились. У нас здесь люди гостеприёмные. Нельзя так, чтобы к нам человек пришёл посторонний — не угостить — этого не может быть. Любой в дом зайдите, вас так и встретят. Если вы отказались, значит, вы уже не любите хозяев.

Обычно в сёлах, у нас тут, захребётных, собираются всем селом. В редких случаях две компании — одна компания. С краю до краю. Вот сегодня не дошли до краю, назавтра проходим, всё вот так. Эти обычаи и сейчас.

263. ...Хлеб свой был, мука своя — у нас вот у мамы-то сусеки стояли. Уж вот ничё у нас такого не было, чтоб машину завести... Вот тятя (раньше же тятей звали)... Нас вон сколь — шесть сестер было — у нас машинки не было. Ой-е-ей... А хлеба полным-полно. Так вот мама напекёт и шанег-то, и тарок-то, и калачиков-то на все Святки. А напекёт, дак ой-ё-ё, объеданье, вот сколь.

— Чё, на игранчик, наверно, выпросились?

— Но, выпросились.

— Дак ково потащите?

— Дак, — я говорю, — ну, мягкие (их «мягкие» называли) по калачику велели нести. Как идёшь — калачик. Какой же калачик? Шанег положишь, калачиков...

Дак ить это чё натаскают хозяйке-то, ой-е-ей!..

[— Это где игранчики? — *Соб.*]

Где игранчики. Она, бедная: ешь — не хочу. Чё же? Все же ташшат. Маме скажешь — по калачику ташшили.

Раньше вот вечерки ребята делали... Это вам рассказать, дак... И вот чё же? Вот сегодня вечерку... Прсят у родителей копейки. А каки же копейки? Копейками, копейками... Пойдут тихонечко в амбар, пшеницы нагребут. Тот притащит, другой притащит — вот она и живи, не тужи. Кто ли уж?.. С хозьяном ли она живёт... Вот так и жили. За вечерки платили...

264. Вечёрка? Вот, допустим, мой отец пустил на вечерку. Ну там, кто одинокий, победней жил. Скоко запросят. Вечёрку сделают. Музыканты. Пляшут, поют, играют. Вечер кончился, пошли. Вот, бывало, Рожество, Крешшение. Крешшение — 19-го по-новому, а по-старому — 6-го.

Кунгаринский здесь подряжался, бедный старичок. Дети как разошлись. Он, теперь, приходит, которы получче живут, побольше сеют:

— Вот, подрядите меня. Стоко-то.

Он потом эти 14 вечеров... Рожество — 3 дни пляшут, ночь и день, Новый год и Крешшение. А тут каждый вечер, остальные. Вот скоко он с их взял? Теперь пришла уборка, он <...>: вот такого-то чтоб жать. Большинство рукам жали. Оне идут. Варят имя там, сварит хозяин, накормит. Оне рукам жали. Как помощь будто была. Тот, кто с их деньги взял, хозяин, оне ему жнут. Вот, примерно, ты побогаче, я победнее. <...> Ежли ты побогаче, значит, мне деньги плотишь, а мои тебе жнут.

[— Как проходила вечерка? — *Соб.*]

Пляшут, музыка играт: там гитара, балалайка, гармония, больше никаких не было, мандолина. Вот пляшут. Поплясали — игры. Там песни. «А мы просо сеяли»...

[— Расскажите как. — *Соб.*]

Встанут: девки — на ту сторону, ребята — на другу сторону. Вот теперь идут: те — оттуль, эти — сюды: «А мы просу сеяли, сеяли».

Протяжно пели. Голосов много — молодёжу было полно! Это теперь их нет. Вот у нас двое из армии пришли, два холостых, да один-то вперёд, третьего году, пришёл. Дак оне пьют!

Вот на вечерке пляшут. Потом — кто как выдумат.

[— А когда поют «Просо...», они просто стоят? — *Соб.*]

Нет. Эти туды идут до половины, поворачивают назад, а те оттуль доцель дойдут — поворачивают назад. Важно так идут.

[— Они поворачиваются или отступают? — *Соб.*]

Отступают взапятки. <...> За руки возьмутся и идут.

Потом кто стихотворение соврёт какое-нибудь. «Бантиком» играют. Вот, допустим, там девка, парень — бантик. Вот угадывают, тот угадывает, другой... Там чё? Угадали — у кого ленточки, там жениха дают, там девку, невесту. Интересно всё было.

[— Расскажите подробнее. — *Соб.*]

Да всё забывается. <...>

Потом пели: «На горе-то — мак, мак <...>»

[— А как стоят в это время? — *Соб.*]

Кучкой стоят. Делятся: те — с той стороны, эти — с другой стороны.

«Дрёму» пели: «Сидит дрёма, сама дремлет, сама спит <...>» [— А как в это время двигались? — *Соб.*]

Круг, а он сидит в середке. «Перед милкой развернись» — перед девкой развернётся кругом; «Свою милку поцелуй». Этим заканчивается — поцелуются. Другой садится. Или девушка садится. <...>

Всё на целовках было, всё — на целовках. <...>

Так по порядку идут, раз пять-шесть споют. Вот так и идёт. Их же было много, девок много было. Да съезжались в праздник то с той деревни, то с другой. То ребята приехали невест выбирать.

265. В молодости только на вечерках и веселились. Пацана пошлют, он бежит, в окошки стучит: «Эй, барышни, на вечерку к тому-то тому-то». Барышни, кавалеры — это для привилегии. Придут, потанцуют, а кто с кем дружит, приводит свою знакомку. Кадриль танцевали — шесть колен, гармошка-тальянка, на скрипке, на балалайке.

А в 20-х годах уже спектакли давай ставить. Это уже кто образованный. А кто неграмотный да бедный, тому какие спектакли? Клубов тогда не было, в школе собирались. Школа у нас большая была. Сцену делали, плату собирали. Сценки играли. Про жизнь, какая раньше была, про партизан: это всё комсомольцы. Они по книжкам роли выучат, оденутся в какие-то одежды. Ставили спектакли в престольные праздники. Народу много собиралось.

А в 30-е годы радио появилось. Его не знали, как поставить.

А сейчас — всё буги-муги больше...

266. На вечерки мы раньше в клуб бегали. Я вот девчонок ругаю. Кто голаушим ходит, а сами белы повязочки вот так подвязывали, чупину наладишь, пойдёшь в клуб на крыльцо, перчатки снимаешь. Этот куржак скорее обметёшь, подотрёсся, подладисся, чтоб зайти, чтоб не смеялись...

[— А в клубе-то весело было? — *Соб.*]

Весело! Танцуют старинны танцы всякие: чё польского, и кадсель эту, и барыню с солонками. Стары-то люди есть... Вот как Афанасий Андреич <...>, в Борщовке-то жили, вот он да Лидин отец как тут — так и польского восемь пар: «Дядя Андриюша, выучите нас». Так красиво, дак ой, что ты!..

Покружатся, походишь, перебираются руками. Вот так свою барышню об-

ведёт рукой, с ей покружится и поставит её на место. Втора выходит. Та кружится, через его пройдёт, а эта, котора кружится, она опять обкружится, и с им кружатся, как вот вальсируют счас. Я вальс-то любила, такая наёра была. Вот у нас Александр Васильич врач был, я только с ним. Я толста была така, прямо как жирянка. <...> Дак всё он с Анной Петровной придёт, со своей женой, и всё меня пригласит... А я только его плечики чуть достаю: он высокий, долгий. На каблучках ботиночки. Придёт домой и говорит: «Анна Петровна, Дора же очень хорошо танцует у Чижовых, лёгка...» А я своих-то ругаю: не умеют счас никово. Вот они сейчас только ходят... [Показывает.] Я не хочу так никак.

Там одна наша родня плясала в Верхних Ключах (у сестры там провожали сына в армию), дак я ушла в зимовьё и сижу с бабёнками — не хочу и глядеть. Алка, тётки Ани вашей — да как начнёт вот эдак, да на страшно похоже, да ой-ё-ё-ёй... Думаю, да чё это такое? Да неужели танцев нет?

А мы — «Коробочка», вальс, «На реченьке» — это всё танцевали же. «Калинка». «Камон»-то четверо пляшут, так хорошо...

Гармошки играют, гитара, балалайку подведут, скрипочка — Коля мой как любил!.. У нас Павлов был (он покойный счас), он на скрипочке знашь как!.. Коля хорошо сам играт на гармошке. «Коля, пойди, дядюшку Алёшу пригласи со скрипочкой». Он пошёл. Потом у меня братан в Кокүе был, с гитарой приезжал. Да таку сыгровку сделали! Садятся на диван и подстраивают, как это пикат всё: у него басы как, у этого... Да как «Подгорну»-то начнут! А третья, четвёрта ли — на ложечках — да э-эх!.. Дак подшшалкивай только.

А сестра у нас в Челябинске — та как-то половчей, да пойдёт плясать — как сыпет! А я никак вот не смогла, никак по-еённому не умею... Она вот четвёртого года была, гуляли, дак так подсыпат...

267. [— Мастера были плясать? — *Соб.*]

Ну, брат, такие... Трепака задавали, что ты! Были любители. У нас был... Он, значит, женатый был, дети были, девчушка где-нибудь тут рядом. Он придёт, причём ещё в вергашных [ергашных. — *Соб.*] штанах (раньше зимой носили). Любитель. Музыка заиграла — он всё... Приходит... Там вечеркой руководил кто-нибудь из старых парней, старшина. Он заказывает, просит ему сыграть, вот этого гопака или голубца. Голубца какого-то плясали всё, наподобие тоже вот «Камаринского», «Подгорной». Но, там, может быть, танец-два отыграют молодёжи, заказывают ему. Александр Александрыч, так его звали... Начинает. Так он весь ходуном ходит. Ох, и даёт! Чего он ни выделяват, какие колена! Пляшет, весь упарится — зимой, знаешь, в вергашных штанах, это же овчина, помните?.. Досыта натанцуется, поблагодарит, одёется и уходит домой. Любитель был.

Вот на горе на другой там деревушка была <...>. Будет сидеть, пока <...>. Сидит, не уходит, сидит, ждёт. Как это заиграли для него — пошёл и пошёл! Любитель был. Здорово!

[— А на соперничество, друг против друга, кто кого перепляшет? — *Соб.*]

Перепляс был. И девки, и бабы танцевали в одиночку. И сейчас есть та-

кие — дуют в одиночку, на перепляс. Выйдет и рад кроить! В особенности <...>: те любят танцевать бабы. Мужики у них какие-то утлые у них, но бабы — о! на всё!

268. В прошлые годы, до революции и после, ещё продолжали в нашей местности танцевать кадрили. Танцуют две пары. Тот танец состоит из шести «коленей». Например, первое «колени»: каждый парень пропускает вперёд себя девушку навстречу второй девушке, и за ними таким же образом идут навстречу друг другу следующая пара. Возвращаются так же назад, на своё место, кружатся. Повторяется ещё раз. Музыка играет, на гармошке обычно, на тальянке песню «Выйду ль я на реченьку, посмотрю на быструю». В это время припевают и посторонние сидящие девушки, парни, веселятся, хохочут, смеются. Поют:

Выйду ль я на реченьку да посмотрю на быструю,
 Не увижу ль я милóго, сердечного своего.
 Сердечного приняла, своего любезного.
 Мне сказали про милóго, будто не жив, не здоров,
 Будто не жив, не здоров. Он по улице прошёл.
 Он по улице прошёл да громко, звонко просвистал,
 Громко, звонко просвистал да на окошечко взирал.
 На моём-то на окошке лежала веточка,
 На моём-то на окошке лежала веточка,
 Лежала веточка, с винограду веточка,
 [На моём-то] на окошке лежала приметочка.

Так поют. Продолжают следующее, второе «колени». Парень каждый с девушкой, попарно, под музыку переходят со своей стороны на сторону другой пары и обратно, по своим местам.

Музыка играет:

Во саду ли, в огороде девушка гуляла,
 Она гúляла, гуляла, ничего не знала.

Третье «колени». Парни берутся руками крест-накрест, и девушки так же. Кругом идут сперва в одну сторону, затем в обратную сторону.

Музыка играет «По улице мостовой»:

По улице мостовой,
 По улице мостовой да шла девчонка за водой,
 Да шла девчонка за водой,
 Шла девчонка за водой, за ней парень молодой.
 За ней парень молодой,
 За ней парень молодой, кричит: «Девица, стой!»

Кричит: «Девушка, стой!»

Кричит: «Девушка, стой, да, красавица, подожди!»

Четвёртое «колени». Девушка от своего парня переходит к другому парню, а следующая девушка так же переходит к другому парню, как бы взаимно, и на месте кружатся. И обратно переходят к своим парням — так же кружатся. Повторяется это два раза. Музыка играет в это время:

Я не чаяла сегодня угореть,
Да начала моя головушка болеть,
Начала моя головушка болеть,
Вот болеть, болеть, побаливать.

Пятое «колени». Обе пары посменно переходят с одного места на другое и танцуют «Коробейники»:

Ой, полным-полна моя коробушка,
Есть и ситец, и парча.
Пожалей, душа моя зазнобушка,
Молодецкого плеча.
Пожалей, душа моя зазнобушка,
Молодецкого плеча.
Выйду я, выйду в сад зелёный,
Там до я ночи просижу,
Я завяжу свою черноокою —
Все товары разложу.
Я завяжу свою черноокою —
Все товары разложу.
Катя, бережно торгуясь,
Всё боится передать.
Парень девушку целует,
Просит цены набавлять.
Парень девушку целует,
Просит цены набавлять:
«Сам платил цены немалые,
Не торгуйся, не скупись,
Подставляй-ка губки алые,
Ближе к милому садись.
Подставляй-ка губки алые,
Ближе к милому садись».

Шестое «колени». Первым долгом парни выходят вперёд и, доходя до следующей девушки, возвращаются якобы ко своей девушке, но продолжает танцевать с следующей девушкой: берётся с ней за талию и кружится и повторяет

то же самое с возвращением к своей девушке и кружатся. И вторая пара — так же парень подходит к девушке, танцует, берёт её, кружатся и обратно, так же повторяет, возвращаясь к своей паре, девушке, и танцует. И припевают разные частушки, разные песни.

Вот такие у нас бывали:

Ты, Подгорна, ты, Подгорна,
Широкая улица,
До свидания, моя мила,
Дорогая умница.

Золотистая поляна,
Серебристая вода,
Мне — такого плясуна,
Боевого, как и я.

Какая я несчастная,
На камушке родилась,
Была бы я хрустальная —
Упала и разбилась.

Как у речки, у реки
Поили коней казаки.
Синегривого коня
Поила ягодка моя.

Ох, как плохо, очень плохо
Милу маленьку любить:
Целоваться — начинаться,
Провожать — в карман садить.

Вот таким путём. В это время, во время танца, шумно, весело, девчата, парни — все припевают вот эти частушки. И таким путём, значит, кадрили бывает весёлая, очень интересная, танец в нашем народе раньше был.

[— А сейчас есть попытки станцевать кадрили? — *Соб.*]

Сейчас более танцуют новые эти танцы. Старикам причём не нравятся они. Они привыкли к старым танцам: кадрили, «Камаринский» там, «Коробочку», «Барыню», гопака. Пар сорок танцевали на поляне.

[— А «Камаринский» не входил в кадрили? — *Соб.*]

Нет, не входил, его самостоятельно...

[— А как его мелодия-то? — *Соб.*]

<Напеваает.> Немножко с «Подгорной» разница.

[— А «Бобрíха» — это что такое? — *Соб.*]

А «Бобрíха» — это так... Вот не видал я, как танцевали. Танцевали

«Бобрѣху» тоже, «Барыню» и «Бобрѣху». Её танцевали наподобие «Барыни», тоже вставали в круг несколько пар, парни с девушками, и танцевали:

Ты бобрѣха, да я бобров,
Завтра праздничек Покров.
Научила да нас бобрѣха
По Саратову гулять.
Что Саратов — город славный,
На реке стоял большой...

Вот «Бобрѣха» была.

269. У нас в Нерчинске церква стоит, она тоже разбита. Там музей в ей, навроде. А у нас была церква в Душечкино, <...> тоже разбита. В Калиновке стоит церква, монастырь был там раньше, а потом уж там монашек не стало... Везде церкви были у нас <...>, все закрыты. Вот в Нерчинске хотели открыть, там богата была церква. Вот, может, вы слышали, «Торгинска Божья Мать», икона? Сама главна была икона. Она в Нерчинским стояла. Тепериче, Торга называтся, там, по северу, — там, ох, богата церква какая была! Но теперь нету. Оне стоят, церкви-то, а не служат молебен нигде здесь.

Вот эту «Торгинску Божью Мать», её носили по три месяца летом, по деревням везде она ходила. Все дома, улицы обнесут — обратно несут. Ну, веровали так, как сейчас бы знамя. <...>

270. Вот в это время в аккура-ат её [икону Торгинской Божией Матери — *Соб.*] носят, в жарышшу. Вот из деревни в другу переносят. В другу, в третью.

Мне лет 17, наверно, 16 ли... Из Турову-то в Даякон, где Ушукан, в ту сторону... Солнышко уж закати-илось, коров доили. Понесли её в Даякон. Ну, там уж этот, Лаврентий Яковлевич ходил, чтоб эту дорогу-то, куда... Теперь не забыть. Вот сюда поднялись на мыски (у нас «мысками» звали), перевалились этот хребёт. Там же к Даякону напряду 18, 19 ли километров. Там маленько поднесут — другие сменяют (она же тяжёла), народу же много ходило.

И вот таперь не забыть... «Сенкокуч» у нас называтся. Раньше же болоты ой-ё-ёй каки были. Вот в это болото пошли. Вот эти червячки све-етят там, в траве-то. Я всё боялась этих червячков. И вот всю ночь несли. Ну, сейчас чё же? Они, ночи, коротки. В Даякон принесли — бабы коров доят. Вот в этом Даяконе обнесли в кажну ограду, ну там, может, в Мироново понесли, может, в Ушукан или в Кокуй, или куда уж там — не знаю. Вот донесут... Вот мы, допустим, донесли — ворачиваемся домой, а там други подменяют. Вот так и носили. Это мы в Турове жили. К нам её приносили из Банщиковой. Встречают...

271. ...И батюшка идёт, и люди идут, ну, в церкви правятся, из церкви берут ту икону, идут по меже.

Была паньска земля у нас там, на Украине. Вот ихня земля, вот наша земля.

Вот идёт дорога, там огород загорóдил, там паньска земля, а тут наша. Вот эта межа. Вот идут по этой меже. Наши, украинцы. Все — за иконой, батюшка поёт песни, святит там, кропит водой, священна она какая-то, Бог её знат... Идёт батюшка, правит по-своему, что он там знат... А люди взаду идут, поют, икону несут и прыгают по всему полю по меже. <...> На Николу ходили только с иконой, больше никогда.

[— Это ещё до того, как сеять? — *Соб.*]

Не-ет, доченька, уже и зерно есть же, колоски.

[— А Никола когда бывает? — *Соб.*]

Летом... В мае, когда купаться начинают. На Николу начинают купаться.

[— А зачем надо было с иконой пройти? Чтоб урожай был? — *Соб.*]

Не знаю, доченька. Чего ходили? Наверно... Дождь идёт тогда... Как пройдут по полю, и дождь идёт. Бог его знает... Люди ходили, и мы ходили. Мы же малыньки были, помню. А сейчас кто ходит? Сейчас никто не ходит... Как дождя нету, берут и в горку идут туда. С горы спустятся — и дождь пойдёт.

[— Поп присмотрит: барометр показывает — дождь. Пойдут, помолятся — и дождь пойдёт. — *Терехова Вера Фёдоровна, 1932 г. р., с. Нижние Ключи.*]

Ну, ей-богу так...

Как выходили замуж и женились

272. Высватали её, сразу жених не берёт её. <...> Это у нас помолвка что ли называются. Вот так вот, аха. Вино там, сколько вина-то закажут сваты, столько и поставят. Собирает, значит, тех родителей, невестиных родителей, и уже те пьют вино все, каки там есть: дяди, тётки и все ...

Теперь отлаживают [откладывают — *Ред.*] свадьбу, например, на неделю, невеста уж тут она готова. Если она замуж собиралась идти, у неё постель и всё есть. Ведь раньше рано постель заготовливали.

Начинает невеста гулять. Вот начинают подружки там хорохориться, кружиться <...> Её на парé, например, катают, к той в гости заедут, к другой в гости — в общем, гуляет с подружками.

Приходит пора, значит, завтра её поведут к венцу. Сегодня начинается баня. Девки начинают в бане её мыть. Уж не столько она там грязная такая, что её мыть, но чтоб она побывала в бане. Вот, значит, девки собираются, возьмут в баню веник красивый, бант завяжут вот такой вот пышный — веник. И вот идут они к бане, там подружки две, может быть, идут моют, а эти около бани поют... Веник туды подадут, она мылась-не мылась этим веником, но подадут.

Теперь, значит, приходит домой. И мать, родители ладят стол, наладют на стол, садятся за стол... её родители, подружки. Заплетают ей косу. Вот должен каждый: сначала, если отец есть, плетёт отец, <...> и вся семья, вплоть до племянников, кто есть в доме, заплетут вот. Девушки расходятся, завтра опять уже загадывают девишник. Женихи, значит, придут за ей, опять девушки завтра на девишник собираются. Вот тут на девишнике-то они свадьбу назначат, в каком

им часу приехать, приедет свадьба. Вот тут они и кружатся за этим за столом-то, тут у них песни. И этих лентов — уж она все эти ленты положит, разделит. Раньше же ведь девушка носила одну косу, она не имела права две косы заплести. И красоту, какую она наряжала — вся, вот такой пук лежит.

<...> Вот тут девушки поют песни... Вот тут она и плачет, ишо котора сиротка, может, и плохо жила, вот уж она плачет, она прямо об стол бьётся. Они вот эту «Ласточку»-то и поют. Я её три куплета всего знаю, этой «Ласточки»..., вот эти три куплета:

Ой, ласточка, да ты, касаточка,
Касаточка, ой, сиза-бела.
Перепёлочка, да, ой, сиза.
Ой ты зачем рано вылётывашь
Да из своёва теплого гнёздущка —

(Это первым голосом поётся, одна начинат, а други тонкими голосами. Вот так вот оно красиво получатся)

Ой, я была да не вылётывала
Из своёва тёпльва гнёздущка.
Ой, не даёт мене сокол сидеть,
Он все мне крылышки повыдергивал,
Да все мне пёрышки повыщипал.

Девушки-то начинают, да у их хор-то большой, но так ей жалобно. Дальше-то ещё есть, но я забыла, ведь я маленькой была в то время. Это где-нибудь на печку залезешь или на полати где-нибудь залезешь — только и посмотришь.

И вот, значит, женихи едут, а тут шпана бегат: «Едут! Едут!» Ну на колокольцах — далёко слышно. А там ребята, молодёжь-то, стараются, вот когда подъедут они, ишо луговые-то ворота там заламливают: натаскают такого хламу, запросят столько-то: «Ставьте нам вот на столько-то вина» — там это откупат. Проедут, а тут ишо такая же шпана насобирается и эти ворота заломят, насобирают: и сани притащут старые, и кошевы старые, и всяких дров. И не открывают, тоже выкуп просят. Но это красиво, конечно, получалось, всё же это игра. Говорят: «свадьбу играть» — не за зря же это. Но теперь, значит, выкупают, а девки поют:

Ой, ёвон, ёвон женихи,
Ой, ёвон, ёвон женихи
К моему двору пришли да,
К моему двору пришли.

А тут выглядывают, дескать, пустили ли во двор. Тут опять поют:

Ой, ёвон, ёвон женихи,
 Ой, ёвон, ёвон женихи
 На краснó крыльцо зашли.
 Ой, ёвон, ёвон женихи,
 Ёвон, ёвон женихи
 За дубову дверь взялись,
 Да за дубову дверь взялись.

Они только дернутся, их не пушают в эту-то дверь — опять же выкуп-то просят. У девок такой закон, говорят: куль орех! Аха, аха, куль орех, вы понимаете? Вот, значит, девки тут кричат:

— Нам ничё не надо. Вот у нас невеста такая-то хорошая, коса у ней хорошая, большая. — (Вот раньше косы-то и рóстили, чтоб не стыдно было) — Ох, коса-то кака вот, а красы-то сколько вон. Нет, нет, наша невеста дорогá. Вот куль орех и бочку там серебра!

Ну какую-нибудь бочечку сделают, или какую-нибудь купят, насыпят туда всяких копеек. А куль, куль орех — вот такой кошелёчек сошьют, ну вот такой кошелёк ... Этот тысячкой, дружка, на плечо:

— Ну всё есть, всё — договорились.

И столько-то денег вроде на вино — это девкам притащат. Идёт, горбится, вроде бы тяжёлая. Бочку эту ставит на стол с этим, с серебром. Орехи эти бросает, куль с плеча бросит — устал вроде. Ну, девки сидят, сидят, ещё это шеперятся таку беду над этими, над женихами, куражй наводят.

Ладно. Как ни сидят они, но все же вылазят, прощаются с невестой... И вот теперь, значит, выходит она оттуда, и её ведут за печку (или там комната какая), одёт венчальное платье. Жених, значит, берёт кажется за безымянный палец, то ли вот за эти два, и обходит. Вот так вот идёт стол, и он должен сьсть вот тут, здесь дружка, невеста тут, тут провожатка, тут свахи — это всё с её стороны. А тут садится и женихова... Уже приедет сваха, тоже и крёстна тут же у неё поедет с постелью сзади всех — эту постель-то везут сзади поезда (сколько пар [лошадей. — *Ред.*] — называется поездом).

Вот, а там уж тоже встречают, тоже готовят родители, куда привезут невесту. Выходят с благословением, с иконой, хлеб-соль и также бросают мелочь, бросают пшеницу — обязательно зерно... Только у нас — оборони Бог — что-бы рису не было на свадьбе. Рису боялись, вроде рис — это как делали раньше панафиду, вроде как это к покойнику, к поминкам всё это принадлежит — нельзя вот это у нас, чтобы ничё не было.

Ну, там встречают, благословит тут мать, отец, кто с родни есть: дяди, тётки — все встречают и тут уж сразу садятся за стол. Сразу чай, ну, как вроде тут у нас, — стряпано, но там такое нежное печенье. Вот чай попьют, там сколько посидят и уже невесту закрывают шалью какой-нибудь, покрывалом. Пока чай пили, всё — невесту уж там обабили вот: одеют на неё... <...> Причёску делают такую высокую, если косы хорошие, а если маленькие косы, то обязательно такие шёлковые бурсовы косынки назывались, и вроде бы такой повойничек,

такой, чтобы косы держались и косынка не катилась. Сделают её вот так вот, ну и такой чепчик сделают, тугой — даже вот так шёлкни, он гудит. И всё — она уже вроде как баба, и они никуда не уходят... нет, уходят. И уже выходят, эти столы убирают и тут же набирают горячие столы, такое мясное там. Чтобы покушать крепче всем гостям, всё горячее.

И вот накрывают столы, тут больше гостей приезжает. И вот тут, значит, подают уже молодые. Вином омочат, и тут молодые на подносе... раньше подавали — и тут молодых дарят: кто деньгами, кто какие вещи там добренькие, кто платки хорошие. Вот тут молодых дарят обязательно.

Вот теперь, значит, стол этот отойдёт, эти столы отойдут, тут уж гулянка: начинают и петь, и плясать, всё. А назавтра уже пошли по жениховой стороне гулять. Дяди, тётки — это гуляние на целую неделю растянется, вот, это по жениховой стороне, значит. Ты пошел на свадьбу — ты должен готовиться гостей, этот поезд, принять. <...>

Вот у нас дяди женились, в церкви... Я до смерти любила в церкви смотреть, как-нибудь проберусь в уголочек, обязательно это выгляжу: какой жених, кака невеста. Когда венчают — как же красиво.., помню, помню это, как венчают. Значит, сваха, женихова сваха, подножье сразу ложит, найдёт, например, там метра полтора какого-нибудь хорошего материала, и пара эта встаёт на подножник. Коло неё стоит подружка, тут свахи пойдут. А около жениха так этот дружка — и крутится тут, за имя следит, где чё неладно, поправит там, то-друго. И так красиво шириночкой все стоят. Как поп венчает — хорошо. <...> Говорит там: должна жена мужу, вроде как почитать... всё это больше женщина должна почитать, уважать его должна, бояться вроде должна его — вот это мне шибко запомнилось. Но, молитву же поёт там венчальну и потом возьмёт он их <...>, нет, они за него как-то вот возьмутся, и вот он их обводит вокруг престола, стол так стоит [аналой. — *Ред.*], поёт и причастит их. Тут тоже кольца меняют они.

И вот, значит, они после этого венчания пойдут к алтарю, где поп-то. Там-то поклонится, там-то поклонится — он скажет, где поклониться. Теперь уж они муж и жена. Вот едут уж тогда они к столу-то этому, к его родителям. Ну, всё это с шутками да с присказками разными.

Хорошо это было, весело!

273. [— А как ваша свадьба проходила? Как вы сватались ездили? — *Соб.*]

Сватались?! Вот то беда! Не забуду. Ну, сваталы так. Як же сваталы? Надумал жениться, як говорят, это, пословица: «На ночь не видно, хто оженился? Скорчился, змурщился и поженился». Так и вот это вот. Надумал жениться, значит, ну, шо ж. Брат и мать пошлы сватать вот эту вот хиврю, но пышлы, значит, сватать. Ну, засваталы.

[— А как они сватали? Как заходили? Что говорили? — *Соб.*]

Ну, пришлы, значит, заходят примерно в избу, мы видэ с бабою от это.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, — аха, говорят.

— Ну, проходите, садитесь.

Ну, мы проходим, садимся. Ну и давай тут разговарывать. Разговарывалы, разговарывалы. Ну, кто-нибудь — я или её отец — говорит:

— Ну, знаете чё.

Ну я уже говорю:

— Знаете, чё мы пришли?

А её отец говорит:

— Так скажите.

— Мы пришли до вас дочку сватать.

— Ну, так сватать, так давайте это разговарывать.

Ну и разговарываем. Сватать, аха. Ну, говорылы, говорылы. Надо спросить-то и мене: по согласию-то мы сходимся или ни? Ну, значить, нас с нею станóвят среди избы, впереди я стою, она стоит, от. А вечером, ну, говорят, значить, подносят сюды (электричества не было, лампа была), подносят до нас эту лампу и посвечивают и говорят:

— А ну-ка, они тут не рябы, не слепы. — Или ещё там как-нибудь. Аха. Ну, тут спрашивают мене:

— Ну, ты как — по согласию-то берёшь? По согласию берёшь?

— Если я не согласен, так я не пришёл бы сватать.

Они спрашивают:

— А ты?

А она говорит:

— А я — як батько да маты. <...>

Ну, як батько да маты, значит, всё. Ну, значит, давай. Тут уже затарахтела ложка, миска, сыр там, ну и пошло. И от это от и могичко. Опять вина нема. Опять же перец. Быстро тут бабы, это, же тёща моя быстро там компот. Бух — зараз перец туда наклала. Это, покрасила, тут ещё лучше. Ну, выпил, от эта, така горька, горька. Ну, так и идэ дальше.

[— Посватались. И что дальше? — *Соб.*]

А потом она дома была там же у матери, а я дома тут, у своему. А потом уже, через две недели, уже называлась свадьба. Тут уже я её буду забирать до дому.

[— Сначала же девичник был? Как девичник проходил? — *Соб.*]

[— Был. Ну, так. Ну, ты рассказывай. — *Жена рассказчика, Прасковья Федоровна.*]

Ну, тут через две недели уже, начить, начинают это, свадьбу гулять. Уже я забирюсь до дому. Тут коней наряжают... (тута теперь на машинах? Посидали в машину, побыли, никто никого не видал, какая там невеста, какой жених, чёрт его знает. По шарам только замечают, что, аха, це свадьба поихала, шары нацепляют, да и...) А тоди на конях. Вот тебе, пожалуйста, — жених и невеста, во сидят, хорошо видать всех. А тут чё: закрыли и поехали, и вот так вот, значить, вот это вот. И потом забрал, забрал её, покатылысь на конях, от это от, после обеда, к вечеру туды. А потом гулять вечерок.

[— А венчанье? — *Соб.*]

Венчанье... Уже не венчались, ни было уже не венчались, мы это уже в 29-м году было.

[— Жених же перед свадьбой родственников обходит? — *Соб.*]

[— Не везде одинаково. — *Жена рассказчика, Прасковья Федоровна.*]

274. А приговоры-то... Вот сейчас невесту повезут. Вот сейчас приедут. Ленты пропивают тут. Столы наставлены. И девушка, невеста, поет, а ей косу расплетают:

Подойти-ка ты к столу, ко дубовому,
Родный тятенька.
(а потом мамонька и сестра, и брат)
Расплетите вы мене русу косыньку.

Да причитает, причитает — расплетут её. Уже наладят в невесты. Расплетают утром, по прядочке разбрасывают её вот так.

275. Раньше-то красиво венчались. Тройки запрягали, а коней бубенцами, лентами украшали. Целу неделю невесту готовят. Там у неё и свахи, и провожахи. Когда ведут под венец невесту, наденут на неё колпак золотой, восковы белы цветки на вуаль. Свахи в церкви готовят платочек. Встают на одну жених и невеста на этот платочек, а потом поп их венчает, и они ему ручку целуют. А потом уж домой их везут. А невесте дают кулич кусать, который яйцом с сахаром и конфетами намазан. Если откусит невеста, то работница будет, а если уж не откусит, то лень будет. Браво было.

Было даже, что и воровали невесту из-под венца. Тут-то готовятся, а невеста уж где-то в другом месте. Вот как было-то раньше.

276. Эвон, дед-то рассказывают, ещё раньше-то чуднѣ было. Жених-то где-то на пашне, а тут невесту за него. А он приехал, да с ней не садится за стол-то. Во как. Да ещё бичом попужали, да заставили сясти за стол и свадьбу сыграли. А он и потом всё время не любил, и так, и никак, вот как. Вот как раньше было.

А таперь: родители не знают, сами друг дружку облюбают, гуляют. Придут, сойдутся и разойдутся скоро.

Всяко бывает, всяко бывает.

[— Деда, дак а чѣ, в Закаменной-то не было бравых девок? — *Соб.*]

[— Ну, а оне куды делись-то? — *А. Д. Овчинников.*]

[— Дак и вы туда, в таку даль поехали? — *Соб.*]

[— Дак и она сама приехала. — *А. Д. Овчинников.*]

[Все засмеялись.]

Он красивый был. Сколько старик метров-то? Два метра, однако, высотой-то? Кошевка вся была красиво сделана. Ой-ё-ёй, да ково тут, ребятишки, ране-то.

277. Семья у нас большая была, но в живых осталось только четверо детей. А 16-ти лет уж сосватали, вышла бёгом, от хозяйки, где служила.

Перед свадьбой баню истопят, невесту подружки моют. Добром шла, дак девишник делали, косы расплетали. Бёгом еслив — косы не плетут. Потом в церковь на конях — венчаться. Поп сначала спрашивает жениха: желашь, мол, взять в жёны таку-то, потом невесту. Всю свадьбу дружка ведёт. Постель перетряхат. У дома ширинку положат. Хлебом брызгают. Дружка на пороге спрашивает у свекра со свекровкой, а те дверь держат. Как скажет, что навек просится, тогда пустят.

Перву стопку за молодых дружка на потолок брызгат да приговариват: «Сколько пеньков — столько сынков; сколько кочек — столько дочек!» Ране-т детям радовались, теперя-то не шибко.

Потом молодых спать провожали. Гости за столам гуляли. Потом рубашку гостям показывали. Честна ли, нечестна невеста. Иногда подделывали честь. Воробьёнка али ишо ково убьют да рубашку вымажут. Потом соседи ли, парни ли дурят, кричат: «Честь, честь — верхов шесть!»

278. Вот я дак вот не понимаю, как её, свадьбу, надо вести-то. Чё надо? А вот этих дружек приглашали. Дружка — значит, он как женихов от венца встретить, как за стол их усадить, как невесту надо снять с её это всё, красу эту снять, да там запле.... У ей коса, а потом вот косу расплетают, когда обвенчают.

За столом закрывают невесту вот покривалом, аха. Закроют, расплетут косу, завивают шишку. Потом открывают, она теперь уже и не девушка, а обвенчана, обрученная.

[— А дальше как делали? — *Соб.*]

Ну вот так и делали. Вечером опять чай все собираются, а назавтра опять идут, ежли её на одной деревне, дак идут туда в гости к ей так. Блины там у её родителей. А ежли в чужой деревне, дак кони запрягают, едут после свадьбы, аха. После свадьбы к её родителям.

[— А сначала-то сватают? — *Соб.*]

Сначала высватают.

[— А как это проходит? — *Соб.*]

Дак а проходит-то — сватаются-то вот, например, ты у папы дочь выросла, уже взамуж надо. Ну, знают, что девушка хороша, понравилась, и жениху понравилась. Раньше ишо отцу понравится да матери, а жениху-то, может, она не нравится, а оне всё равно высватают. И живут.

Ну а тут так уж было: понравится — идут его родители, жениховы, и ишо кого-нибудь со своей с этой... родню-то со своей стороны пригложат, человека четыре едут сватать. Ну и те там тоже, разрешат уж ежли посва.., это отдают дочь.

Значит, назначат, в како время будет девишник у их, в како время свадьба. Тогда ети, родители девушки, готовят девишник: собирают подруг всех, молодых, родню, делают вечер, гуляют. Потом ети едут уж тогда после девишника, жених едет на лошадах тоже со своей роднёй, едет за невестой. Невесту при-

везёт, сразу у их свадьба начинатся. И девушка эта с ним, с женихом, не ложатся, ничё это пока не обвенчаются.

А вечеринка — вместе все посидят, жених с невестой вместе сидит за столом. От венца придут, тоже все вместе садятся рядышком.

Тут и цветок на ей, ето щас фата называется, тогда цветок венчальный был, платье подвенечное надевалось, под венцом же венчали, в церквах венцы надевали. А потом, после свадьбы, там ишо назавтре-то у их какое-то гулянье было.

[— А кто готовит свадьбу в первый день? — *Соб.*]

Дак а родные, соседи помогают, но.

[— Говорят, что во второй день должна невеста угощать? — *Соб.*]

Ето уж после свадьбы на третий день, тогда уж невеста угошат. Опеть вся их родня, ето невестины родня и жениховы. Там уж блины или кто ли — чаепитие называлось. Ну от тут-то невеста угошат.

[— А во второй день как? — *Соб.*]

Так же, как и в первый. Все тут угощают. Три дня свадьба — гулянье-то было.

[— Так после девичника, в этот же день? — *Соб.*]

Нет, вот, например, у вас сегодня девишник, свадьба, а там, может, через два дня приедут те. Ну, они тоже по назначенному всё, те там к свадьбе приготавливаются женихи-то.

[— И как они себя ведут? — *Соб.*]

Ну, дак они приедут, чё, приедут обычно. Девушка согласна, уже одета, всё, венчать-то едут, но они сразу приезжают домой, и там уже всё готово, и к венцу едут сразу, обвенчаются. И с её, с невестиной стороны, родные-то все приезжают, сколь родных у их есть там, у отца, может, три брата их (раньше много всё жили на одной деревне, вся родня). Свадьбы-то делали, справляли-то чуть не всем селом.

[— А сколько времени после венчания свадьба длилась? — *Соб.*]

Три дня. Три дня свадьба-то.

Перво-то вот привезут, когда невесту-то привезут, дак не сразу оне, однако, к венцу, вечеринка была. Потом вот она, вечеринку эту отведут у жениха, она с девушками, у ей же подруги тут, она с девушками в другу уходит куда-нибудь, например, вот, в соседей уходит, аха. А жених дома. Назавтре опеть собираются, едут к венцу. Невесту одеют и к...

[— А ночью-то до сколько гуляли? — *Соб.*]

Ночью-то? Ну дак а там кому как, уж спать захочат... И вечерами всяко, и днём гулянье было. Свадьба-то уж три дня.

[— А когда сватались, родители жениха что говорили? — *Соб.*]

Да чё. Ваш товар, говорят, называли... Покупать приходим... Наш купец. Ваш товар — наш покупатель.

Вот садятся, всё против матки садились-то. Ну, там вот его родители, отец, мать и ишо свата отберут, сосватать-то, сватовщик ездил, тоже вдвоём же брали, там муж с женой едут, может, соседи вот с женой со своей, не обязательно

родня, аха. Соседи близкие тут. Значить, соседи в плоху сторону не говорят, что парень хороший. Вот.

[— А песни какие на свадьбах пели? — *Соб.*]

А песни-то я дак вот забыла. Ни одной песни не знаю свадебной.

[— Песни когда пели? — *Соб.*]

На девишнике свои песни пели, девушки пели, и там, если вот старые пели вот, старушки, ето, на девишнике, когда вот девушки-то тут запоют, старушки, дак она плачет всегда. Песни-то таки жалобны пели ведь вот, аж поют, дак плачет, невеста плачет.

[— Когда после венчания приезжали, обсыпали чем-нибудь? — *Соб.*]

Раньше зерном, от этот... когда от венца приезжают, встречали вот зерном, встречали хлеб-солью: вот хлеб выносят, пирог стряпали, и вот с пирогом встречат отец и мать. И с вином тут встречают, и зерном обсыпят жениха с невестой, вот. У крыльца подходят они, встретят, они в это время кланяются в ноги отцу и матери, от венца-то, ето жениховой матери и отцу. И вот держат они етот вот, в ноги кланяются и по разу откусят от этого пирога-то. Так вот идут оба, откусят, разжуют и съедят. Вот чё-то была поверья така.

[— А что это означало? — *Соб.*]

Хлеб-соль. Каравай етот был, как вот не каравай, а просто пирог пекли на свадьбу. Ну а потом в íзбу заходят, проводят их, встречают родные-то, отец с матерью и там < ... > Ну, соседи ли там, свои, может, отцу-то братья едут с жёнами, встречают. В íзбу заходят, и вот в первую очередь отцу с матерью в ноги кланяются жених с невестой. И вот откусывает етот хлеб, потом проходят, их проводят и сразу, тут уж столы готовые, садятся за столы, а гостей-то ведь сколько. Тут, как ети поезжаны называли, с жениховой стороны два парня и у ей, у невестки, две подружки. Их, однако, подружки и называли, провожатки ли, как-то вот так, провожатки, аха. Провожатки называли, провожают в бабий полк девушку от себя.

279. В своём хозяйстве трудится тут [девушка. — *Соб.*], никуда не училися, грамоте не учили. У нас вот — дак особенно безграмотных много было, не учили же. А там лет ей двадцать где-то, двадцать два, двадцать первый год. Там посватают, выдают взамуж. А она взамужем опеть в своём же хозяйстве: за скотом да хлеб сеять, да. Так и шло.

280. Или свадьба — там дело большое было. Дру́жка была — женщина боевая, шафер, самый главарь-то. Щас-то посторонние не касаются, а раньше — родетелям понравилась — женись. Здоровая чтоб была да работающая — и всё тут.

Щас-то свадьбы хорошие идут: фата, цветы, в поссовете венчаются, принимают, ничё так. А народу всё же мало. Раньше 10–15 хозяйств соберётся да родня вся, водки много, а щас не так.

И ещё раньше сватать ездили. А потом примерно так: платок стелют, на етот платок невеста с женихом встают. Венцы были. Серебряные — это для вдовы, а бронзовые — девкам. Два вида венцов.

Но культуры тут никакой не было. Посёлок небольшóнький, вот эти домишки купеческие были, а народ всё же по сёлам жил. А тут большинство офицерё были, есаулы бывшие.

Гармонистов много было. На тальяне играли, или ещё тальянка называлась. А щас — один гармонист на всё село: молодёжи-то и не у кого учиться. Скрипка тож раньше — первая музыка, а щас и балалайка из строя вышла.

А плясуны были — и на голове плясали. А щас — я в клуб ходил — не то. Кто в армии остаётся, кто ещё где. Техника хотя, а это всё забывают.

281. [— Как свадебный обряд проходил? — *Соб.*]

Если вот посватают, тогда делают девишник. Значить, тут гуляют, делают вечера. Вечеринку делают. Она с девками гуляла. Ну, нам-то уж не пришлось это... А если убёгом-то убежит, так тоже. Ну как вот щас вот — убежала, приходят за желательной. [Смеётся.] Ну, согласятся родители, и тоже это — гуляют потом. А если не согласятся, дак всё равно тоже — женихи-то гуляют, а родители-то могут совсем не гулять и не придут. Вот так было. Не понравится им жених — и всё. Ну, мы-то это уж не застали, только ещё девчонкой я была в то время-то.

[— Что после девичника у них начиналось? — *Соб.*]

Дак а свадьба, венчались в церкви. Вот сейчас регистрируются же почти так же, такой же наряд надеют и всё так же обручаются кольцáми. Меняют кольца. А там только что эти венцы одевали в церкви.

[— А когда в дом заходят? Их обсыпали чем? — *Соб.*]

А обсыпать — ничем не обсыпали. Они, значить, заходят, их сразу встречают отец-мать жениховы. Ну, раньше же они едут... Вот молоды... щас... как щас называется поезд, вот щас свидетели там расписываются, а там — свои там, братанья, свои собираются, поезд — запрягают по паре коней. Там пары три-четыре запрягают и вот едут, а невесту везёт провожатый, её брат или... ну, там её родня. А потом, когда приедут, их вот выйдут родители, благословят. Иконой невесту благословят. Ну а жениха-то уж вроде — как он поехал к невесте — его в это же время благословляют. А потом это... калачом, пирогом. Откусывают. А потом за стол садятся и пируют. Всё.

[— А что раньше было такое, чего сейчас нет? — *Соб.*]

Ну этого-то нету. Ну эти... сейчас свадьбы вроде к тому же подходят. Уж так же и калач этот кусают всё равно. Только что не крестят. [Смеётся.] И иконой не благословляют. А сейчас поедут в сельсовете, там у нас и в сельсовете, там и в загсе регистрируются, там им прочитают секретарь — и всё.

282. Встречают молодых от венца. Со стороны невесты — сваха, а у жениха — тысячкой. Приезжают и ложат в отдельную комнату. Сваха сразу подхватывается и доглядывает их. Их на подклеть ложат и мешают сваха с тысяцким. Ну её ли дело?

Утром невесте надо блины заводить. Она заведёт и печь начинает. Первый блин испечёт, и, если она нечестная, жених встаёт, из самой середины блина

выкусыват и показывают родне и всей компании: дескать, нечестная. А которая честная, блин целый растягает, а потом с визитом ездят. Если честна — на трёх тройках и на дугах — разноцветны ленты. А если нечестная — дуги голы, намазаны смолой, чёрные.

283. Да а по-ранешному как: сватали приходили. Ну, приходят. Пришёл я сватом. Меня отправил жених. Там отправляет отца-мать, да ещё и со стороны. Вот и ходят, сватают. Значит, мы к вам пришли по хорошему делу. У вас товар, а у нас купец есть. Значит, сватают. У вас сокол, а у нас лебедúшечка. У вас, значит, барышня, а мы с кавалером. Ну и сватают так. Сосватают — невеста согласится. А не согласится невеста... Родителям пондравится, значит, всё равно выдают. Хочешь не хочешь, а всё равно выдают. Жених родителям пондравился, ещё богатенький. А бедный к богатенькой если приедет, значит, так отвечают: «Поворачивайте дровни, ищите себе ровню. Это уж вам не ровня».

Ну, вот я беден, а вы богаты, вы приехали сватать, ково же, не ровня же вы мне. Нам-то с тобой, может быть, и ровня была, а родителям не ровня. А нам-то с тобой, конечно. Мы бы и рады сошлись, да вот... Грехи не пускают. Вот так и делали ране.

[— Ну а потом, если сосватают, как свадьбу-то саму играли? — *Соб.*]

Как свадьбу играли... К попу-батюшке ездили, венчались. На конях. С колоколами, с лентами. В церкву. Из церкви приезжают — у порогу, у дверей потник разостилают. Встаёт невеста, жених на колени. Мать с отцом благословляют. Булка вот така с конфетами. Жених маленько откусит, невеста. Потом иконой благословляют.

284. А вот расскажу, как свадьбы раньше справлялись. Сейчас-то по одному дню да по два. А тогда гостей приглашали заранее. Гости несут что-нибудь из продуктов. Ну, там курицу, гуся, вина, рыбу, мясо. Много наделывали пельменей. Собирали невестиных подруг и устраивали посиделки дня два. Сидели, делали пельмени.

В который день свадьба, собирают свадебный поезд — штук десять троек. Все едут в церковь венчать жениха и невесту. Жених с невестой едут на разных тройках. Как венчают, не видывала. Кого там ходят, обручают, не знаю. Провожатки едут штуки три-четыре. Когда приезжают из церкви, тут их встречают родители. На полотенце, значит, булка круглая с солью. Родители стоят на ковре и благословляют.

Потом испытывали невесту. Если много откусит хлеба, значит, работяща. Если маленьки, то работать не любит. Потом, после этого благословения садятся за столы. С невестиной стороны садится сноха, подруга невесты, тысяцкий (тогда тысяцкие были). На столы обычно ставились вазы (сейчас их нет, таких вазов-то). На первый ряд ложили орехи, потом ложили пряники, а третий ряд — конфеты. Были и мясные блюда, вино.

Три дня обычно гуляла свадьба. Первый день вот это всё закусывают. Отдельные столы были: мясные, рыбные там, винные. На другой день накрывали

похмельны столы. Уже угощали невеста и жених, а родители-то сидели. На третий день невеста печёт блины, всех угощает. После трёх дней гуляют по всем гостям.

Вот так раньше справляли свадьбы.

285. Она первый раз видит жениха, сгребут её, на сани зимой и упрут. А она, которая на смертушку не любит, так мучается весь век.

Бывало, в церкви у невесты поп три раз спросит: «Желаешь?» — «Нет». — «Желаешь?» — «Нет». — «Желаешь?» — «Нет». Она встала и ушла, невеста.

286. Свадьбы-то помню, я сама венчалась. В церкви... Вон на девишнике старинные старухи соберутся, раньше-то их знали, и песни поют. А невеста воет сидит.

[— А что она воет? — *Соб.*]

А Бог её знат. А мне некому было идти плакать-то. Обвенчались — и всё. < ... >.

[— Ну, вот приехали из церкви молодые, а потом что? — *Соб.*]

За стол. Тут на стол набрато. Сидят. Коса таки заплетёна, косу расплетают.

[— Прямо за столом? — *Соб.*]

За столом. Сидят. Её шалью закроют, и там сваты косу расплетывают, заплетёт в две косы, платок по-бабьи наденет. А потом тут пируют. Попировали, а потом которы домой ушли, которы тут упали да спят.

[— А жених с невестой? — *Соб.*]

А жених с невестой — в амбар уведут, а если есть друга изба, дак в избу спать.

[— А вот, говорят, зерном осыпали жениха с невестой... — *Соб.*]

Овсом сеют. Вот со свадьбы едешь, с-под венца-то, ну, дружка тут, и сваха, и тысяцкий с женихом, ну, овёс-то бросают на тебя, там кругом всё овсом засевают...

Таперь-то, как церкви преломали, никаких свадеб не делают, но раньше-то... Но, там уж на конях-то — никаких, а раньше-то на конях. Коней до пятнадцати собирали. Поезд-то едет большой. Кто богато-то живёт — много коней. А которы победней — там коней семь-восемь.

[— А вот как венчались в церкви? — *Соб.*]

А в церкви... Но, придут, там заместо тумбочки столик стоит. Дают невесте с женихом по свечке, мы уж не покупаем, нам готовые дают. Ну и стоишь, свечку держишь. Потом поп пойдёт кругом этого стола-то. А он такой круглый, небольшой, и тебя три раза обведёт. А невесту с женихом < ... > спрашивает:

— Ты согласна за его идти?

— Согласна!

— А ты согласен её брать?

— Согласен!

А если скажешь, что не согласен, венчать не будут. Раз не согласен — не будут венчать. Обведут три раза, там читат ково-то. Венцы надеют посеребрен-

ны, вроде как обшито, железны же оне. На того или другого. А вот кому не жить ежли, и свечка гореть не будет.

Вот я с мужиком венчалася, значит, у меня хорошо свечка горит, а у него никоно не горит, он у мене-то зажигат свечку свою. Горит-горит — совсем погаснет, он у меня-то зажигает у свечки. Но он никоно и не жил. Как война-то сделалась, была ж война-то германская, его как взяли — и... Я не знаю, писем пять получала ли, нет ли. Так его больше и не было, Гоша уж без него родился, его уж не было. Его сперва взяли, то не брали, он лончаком остался, вот раньше лончаком оставляли. Вот год он пробудет, а на другой год опять его берут тогда уж... Он был ростиком небольшой, и взяли. Он год-то прожил, а на другой его и взяли, <...> взяли и... не был дома.

Гоша-то без его родился. На Егорьев день родила. Я ишло при нём обрюхатела, а 9 месяцев же ходют, уж с месяц было ли не было, а он такой приметливый был, а он говорит мне, брюхатой, что парнишка у тебя будет. Я говорю: ты почём в брюхе знаешь? А он говорит: вот увидишь. Оно и правда: парень родился. А он потом писал, что есть ли нет маленький? А никоно, видать, не понимал, что сколь баба ходит месяцев.

Взяли, тамака с полгода не пробыл и спрашивает, что кто родился. А он родился-то на Егорьев день. А приметливый был. Вот человека раз увидел — и вот пока едет на коне, голова мелькнула, и он тебя узнает. Вот мы косили на дороге, ишо он дома был, в сенокос-то, его взяли-то вот после, Спасов день пройдёт, там Преображенье, два ли, три дня пройдёт после Спасова дня, вот его в самый Преображенье взяли. Но и соседу Василью и говорит (и того Васильем звали, и мово), он говорит:

— Васька, вон кто поедет — узнашь?

Он говорит:

— Нет.

А кто-то проехал. Он мужика сказал.

Говорит:

— Ха, голова мелькнула, ты уж знашь.

— А вот, говорит, увидишь.

И стали на дорогу, мы косили, оне на дороге стоят. Тот подъехал, с имя́ разговариват. Говорит:

— Ну чё, Васька, неправду я говорил, какой мужик?

А это уж в войну было. Из Денисовой мужик был, там сколько, до Подволочной восемнадцать, а от Подволочной ишо четыре [километра. — *Соб.*]. Сидим. Видит, солдат с коня слезат, он и говорит:

— Агафья, Васька приехал.

Мне говорит. Я говорю:

— Но.

Он видит, солдат коня привязывает. И точно. <...>

[— Бабушка, а вот если у них жизни не получится, какая-нибудь примета есть, когда они женятся? — *Соб.*]

А это я вот не могу сказать. Ну а свечку я хорошо запомнила, потому что

свечку он у меня поджигал. Мы когда приехали, его мать, она не мать — мачеха, ну, она у меня спрашивает:

— Ну чё, — говорит, — свечки-то у кого горели?

А я-то никово не знаю, ково она у меня спрашивает: чё, свечки-то хорошо горели?

Я и говорю:

— У меня-то хорошо горела, а у Василья всё время гасла.

А та головой покачала вот так и говорит:

— Он нам ненадёжный, нас, — говорит, — кормить не будет.

И как взяли, так больше и... А уж Егор-то получил его отчество.

[— А долго свадьбы гуляли? — *Соб.*]

Дня по три гуляли.

[— А как — всей деревней? — *Соб.*]

А кто в поездú, ну, родня кака там, к родне ходют, гуляют, съезжаются, где у кого свои съезжаются на свадьбу.

287. Да, играли свадьбу хорошо. Всё: корову, тёлку — закололи, чушку закололи. Две коровы доилось, масло было, сметана была. А дедушка работал: хлеб сеял, гречиху, пшеницу. Съездил, четыре куля пшеницы смолол, один мешок на обои обил. Гречухи надрал, гречухи, крупы всякой. Ну и чё, собрали свадьбу. Меня привезли, посватали. Приехал жених с двумя девчонками, а они мне сродственники — в Душечкиной жили. Они: «Поехали на вечерку, мы тебя посватам». Не говорят, что посватам, а только: мы на вечерку съездим, мы тебя отвезём и привезём.

Ну, поехали на вечерку-то туды, там поплясали, они меня обратно привезли. Привезли, тут у ворот постояли мы. Они меня давай, девчонки. А у меня в Душечкиной была родна тётка и сестреница — её дочь. Ну, они мне и приказали: иди. Чем тебе у невестки жить. Я у невестки с семи годов пошла по нянькам да по стряпкам. Матери-то я рано осталась, один отец только был.

Ну и вот чё же — сосватали меня. Но я сразу не поехала. Сказала ему: потому что я сразу не поеду — у меня младший брат и отец. Надо отца обстирать, починить всё. Чё же — в крестьянстве работали. Дрова пилили, да возили, да кололи. А младший брат... Я бы и обстирала, и почию, брата младшего. Невестка за старшим братом.

«Потом, — говорю, — через неделю приедете». Ну чё же... Я за неделю убралась, сварила, всё сделала и свои шмуточки собрала, каки у меня были. Ну, они на паре коней и приехали, эти две подружки моих и жених-то. Приехали и сосватали. Приехали, а я уж собралась. У соседки-старушки — там старушка жила одна. Я собралась, да к ней и уехала. К ней утащила все свои шмутки.

Приехали и увезли меня. А там уж меня дожидались.

А него старший брат был тоже на германской войне, ещё не пришёл. Один дедушка — 60 лет, да две тётушки, и боле — вся семья.

Ну, туды приехали, там чё? Поужинали, посидели, да у соседей тоже близко вечерка. На вечерку ещё сходили. Пришли да и спать ложиться с хохотом

да со смехом. Чё, молодые девки, да он с нами. Ну и вот, потом давай свадьбу делать... Свадьбу делать — готовиться. В Бянкину возили нас венчать. Тут нас венчали — проезжали конями. Приехали — за столы. Да тут и свадьба.

288. [— А вот бывало, что уговорили сваты, а душа к нему не лежит? — *Соб.*]

А бывало, бывало таки слўчай, батюшка. У нас недалеко отцов брат, родны братики, у его один сын был, а жил — чуть не торговал. Эти-то бедно жили, а он... Как раньше это чё-то девять лет чё ли служил...

[— Кто? — *А. Д. Овчинников.*]

Дядя-то Максим.

[— Восемь. — *А. Д. Овчинников.*]

Восемь ли. А сын родился, батюшка, один, Евлахой. Тоже раньше в какой день родился, так тако имя. Сейчас же како тебе любо, то и выбирают. А раньше всё-таки по книге по этой, как она называется... Вот так и называют. Евлахой дали, Евланечка, Евланечка. Оне тут об ём тряслись — беда. Чё же, один только сыночек. И вот у его ноги-то вот так. У его ещё сестра померла, така же. Он Овчинников? Евлантий Овчинников. А её Нюрка звали. Она ещё тут живёт, а девчонка у ей, ой, ногу-то в сторону у ей. И в школе он учился, и по грамоте, и всё. А вот нога-то — ой-ёй. И вот так, вот так, и ходить-то не может. Ну и вот так. Он уже стал взрослым, скота много держали, пашню, всё.

Ну и как за его невесту высватать? Оне стали стареть, отец-мать. Ну и вот поехали тоже в Култуму же, там одни приехали, у ей дочка была. Ну и вот там её [говорит шёпотом. — *Соб.*] на обман взяли. Не казали! Вот, говорят, как сидел, полна изба народу, и молоды-то с ём приехали. Вот так и так вот, пили-кутили, пили-кутили, она и никак не соглашалась. А он сидит, она чё же, не видит, как у его ноги-то. Как коней-то подогнали к воротам-то, а ну скорей, скорей, в сани её садят-то:

— Ну, давай, да чё тебе, да живут как хорошо, да ты там жить будешь.

Да ой, да ой, да всего там понаговорят, что на это-то дело. И вывели — и раз! — в кошёвку. А эти, кто приехали, оне же — имя же как бы привезти невесту, они как стараются. Ну и вот, привезли её.

А нажили, хотя она от его уходила, вот сколь: три девчонки-то ли две ли было? Три!

[— Три всех-то. — *А. Д. Овчинников.*]

Она вот потом четвёртым-то забеременела, родилось-то чё-то тако...

289. [— Бабушка, а вот вы-то с Култумы... — *Соб.*]

Но.

[— А дед-то отсюда же. А как вы схлестнулись-то? — *Соб.*]

[Засмеялась.] Дак вот полюбили друг друга.

Как... Дак а раньше-то вот вишь как, батюшка, сватать ездют, воруют. Если посватают добром у отца, у матери — добром отдавали, косы расплетали. Вот у меня двух сестёр добром отдавали. Косы расплетали. Всё. Собирали. В косу

ленту завязывали, кисть вот такую. Потом сколь ходят — недели две, а потом назначают свадьбу. Ему восемнадцати лет-то полных-то, поп венчал, а ему не было. Ну а мать-то хворала. Начали оне это Соню сватать. Дак человек восемь придут, оне всю ночь сватают.

— Да куды же я отдам — мама-то. — Она же рóбит в разрезе, у нас же вон кака беда — отца таперь нету, кто же будет кормить, она, хоть много ли мало, зарáбливат.

Ну, откажет мать. Опять на другой вечер приходят человек шесть-восемь, опять сговаривают. Ей-то никак не хотелось за него отдавать, недолюбливали. Говорит, он смиренный, да какой-то неразвитый. Ну, потом ладно, вышла она за него. Поехали к попу-то. Ну и поехали венчаться. А поп хватил документы — а годы не подходят. Чё таперь делать? Дак заплатили, корову-то отдали. Во как раньше-то.

А он [показывает на деда. — *Соб.*] тоже со службы пришёл, мы сошлись-то. А вот и ездили, если тут не подходит невеста в этом, в Батакане, сказать, селе, ты отъезжаешь в другую деревню. Там вот опять спросишь, како свойство-родство, каки девки, как можно иль неможно их взять. А как воруют? Воруют. Ну а потом, чтоб никто свои не знали, где-нибудь заманят ко своим или соседям и никак не отпускают. И тут: вот то говорит, другой — то: «Да он хороший, да его лучше нет, да у его всё есть». [Засмеялась.] И сразу потом и увозят.

Мы дак уехали с Култумы-то, ой, счас не наврать бы, он уж армию отслужил, ой, чё-то рано мы выехали, там у его тётка была. Это Култума, а там Култумушка, это немного, сколь-то — полторы километры, чё ли, он у тётки квартировал. А у его брат был, а мы в разрезе рóбили с братом-то, покамест. Говорит:

— Вот у нас брат в армии. Вот обязательно, он выйдет зимой, мы тебя всё равно украдём.

Ну чё, так и вышло.

[— А как украли? — *Соб.*]

Ну и украли. В дом заманили меня и вот давай сговаривать. Там у меня сестра ещё была. Она, Култума-то, ведь пять улиц была, во како население! А сейчас всё травой-польнью заросло, ни одного домика нету. Пять улиц, батюшка, было. Во сколько! Арендаторы под послед-то мыли [золото мыли. — *Соб.*] ой-ё-ёй! Прииск-то какой богатый, тут золото ворочали. Сколько бутары, да бригады, да. И там вон, на этих, семьи-то мыли, на таких бутарёшках, ой-ё-ёй!

290. [— Вы замуж-то как вышли, бабушка? — *Соб.*]

Да как вышла? Вышла да и вышла.

[— Его знали-то раньше ещё? — *Соб.*]

Да он ездил тут, сколь раз был, но а потом тут они меня просто насилóm взяли вот, посадили в телегу и увезли. Чё же, их пять человек, а я одна девочка. Ну они тут Ермоха, ... Катерина, Митька, Егорка. Ну и увезли меня — и всё. Мне как-то стыдно вернуться обратно-то было. А знала бы, так лучше бы сразу

обратно убежала, что он такой пьяница вот. Вот так и жила с ним, маялась. Он то в партизанах был, то он дома. Когда с партизана-то пришёл, мало дома-то вёлся: то вино пьёт, то чё-нибудь ширяет.

[— Ну, расскажите, как вы с ним, началось-то... — *Соб.*]

Да просто украли меня, поехали, бумагу взяли и к венцу съездили, обвенчались. И жили.

[— И сколько вы прожили с ним? — *Соб.*]

Да я с ём чё прожила, двенадцать с половиной лет, а дети погодки шли, вот, пожалуйста. Дети бы живы были — да я та же мать-героиня. У меня их одиннадцать было, вот хоронила. Сын погиб. Вот остались четвёрка, да толку-то что от этой четвёрки. < ... >

291. Невеста причитала: плачет, бьёт по столу... А вот как женихи-то подъезжают, дак тут опять девки поют:

— Ой, е — ой — евон женихи,
Ой, е — ой — евон женихи,
Да на краснó крыльцо взошли,
Да на краснó крыльцо взошли.

...И тут по порядку — как во двери заходят... а тут ишо их не пускают. Заложили дверь и не пускают. Девки же. Договариваются: столько-то наша коса стоит, столько-то наши ленты стоят и куль орех тащите! А те вот такусенький кулёк орех сошьют, ну вот такой — этот дружка «завалит» на плечо, кряхтит идет, бытто куль. Трах его на стол! Этот кулечок, но, там ково! Но куль. Чё сделаешь? Куль. Девки уж соглашаются. Обыграли.

И ишо шеперяся: ково-то им надо — не ладно. Надо же заходить к невесте. Чай попьют да поедут.

Вот выкупят: деньги бросят девкам на стол и орехи ети бросят. Тогда девки это все забирают и ленты девки забирают. Тут девки распрощаются с невестой и уходят. Теперь она уже не девушка будет.

Заходят гости: свахи, сваты. Посидят, чайку попьют, и они должны поехать к венцу. А после венца в новый дом, к тем родителям. Там их встречают. Зерном бросают и деньгами мелкими кидают, чтоб вроде богато жить было. Расстелют дорожку молодым. И тут же благословляют их. С иконой... хлеб-соль... У нас мать не наряжата в шубу, мать очень серьезно относится. И ишо для смеху вроде подавали хлеб-соль, кто больше откусит. Жених и невеста пирог кусают — это еще на улице.

292. У нас ить ишо закон был. У нас ить после свадьбы-то на подклеть клали. А это вот как.

Хорошая ли ты девушка? Честь ты свою сохранила ли? Этот-то закон крепкай был. Так бы сейчас — по улице пьяны девки не ходили бы. Да и парни.

Значит, первы столы отошли. Вечер. Берут две свахи — невестина сваха

и женихова сваха — берут их и ведут в отдельну комнату. Свекровушка молодой подает рубашечку чистеньку и простыночку чистеньку. Назавтра, изволь радоваться, подай свекровушке и свахам, что есть у тебя на рубашке и что есть у тебя на простынке.

Тогда, значит, уже столы начинаются. Молодых выводят, молодуху надевают как молодуху, по-бабы. Побабник, повойник надевают ей. А до того она сидит за столом — косы расплетенные. А тут ей заплетут две косы (у девушки должна одна коса быть, а от венца она приехала расплетенная). Тогда ее заведут за печку, заплетут две косы, вот так разделят и завяжут. И теперь косынку надеют.

И теперь сватья сидит. Если она хорошая девушка, сватья, значит, бутылку вина с вот такой красивой лентой, бантом розовым, и красно вино, и красивый пирог ей преподносит. А если ничё-то нету у ей, там на бельишечке-то ничё не нашли у её, то в рюмке дно выбьют и свату без дна подадут. Вино-то нальют, а оно пробежало. Вот аде стыда-то! Чулки-то, приговаривали, новые, а пятки-то уже голые. Это сваха-то выйдет к дружке и говорит:

— Чулки-то новые, а пятки уже голые.

293. А дядюшка у нас женился... Он в депо работал в городе и там сироточку присмотрел. Но чё же? Девчонка городская, да ишо у тетки воспитывалась, сироточка. Но тоже, видишь, дурень какая была: повели их на подклеть-то — но что, она молоденька, а он дядя уж. Отслужился. Он, холера, чё ему уж, наверно, 25 лет было. Но она, дурочка, бегала от него всю ночь. Под столом всю ночь просидела. Пришли свахи подымать их с постели. Ково же? Простынку посмотрели — все чистенько, нигде ничё. И принесли тетке-то ее без дна рюмку. Ведь это же стыда! Сироточка! Да вот сразу: «Оо-о, така молоденька, да как это так?!» Она дурочка и в подполье скочила. Полезли в подполье-то, не помню зачем... Но, ладно. Свадьба эта прошла. Со стыдом ли, как ли, но прошла.

...А вот этот дядя другой с невестой своей 3 года гулял. И спал и все. Когда поженились они — на Петров день у них свадьба-то была. Но он матери и говорит, рассказал весь грех-то: «Мама, опеть вот такая вещь получилась. (А у нас дедушка серьезный был) Стыд, мол, грех, мама».

А как раз повели спать-то их на подклеть-то, бабушка была не промах (стыд! дед такой серьезный был!) туда побежала, петуху голову оторвала, бутылочку нацедила и подала им туда в расколотку-то — дверь.

А та-то пара безвинна была, как ей обидно было. Вот какой закон был! И опозорили их...

А эта с бутылочки, с флакончика сколько там налила! Ха-ха-ха — и всё в порядке. Ей такой бант завязали! Привязали к бутылочке и пирог сделали.

А эта-то, она старша невестка, она всю ночь не спала и всё укараулила это. Она же знала, что они нечестно живут, три года, он и ночевал с ей и все... И вот потом как эти две снохи-то разругаются, она ей сразу: «Эй-эй, петушина честность! Петушина честность!» Только скажет «петушина честность» (а та её всяко страмит) — она как все равно мыльце съест. «Эй-эй, петушина чест-

ность» — и молчит. А ей-то такой позор выпал. Тётя ее воспитывала, а ей рюмку без дна подали. Сиди красней! Вот как раньше! Но, между прочим, я-то считаю, это хорошо, смысл был в этом.

294. Вот мама выходила замуж. Мама выходила семнадцати лет. Отцу семнадцать лет было.

Ну что же, она бегом убежала. А отец её прямо сбесился: ну как же? Прямо на году две свадьбы! Брат женился наперед, неделя не прошла — и мама убежала взамуж. Это же раньше большой порок. Это же так считалось, что эти пары жить не будут, если в одну неделю две свадьбы с одного дома.

Ну, теперь он убежал к сестре километров за тридцать. Коня запрёг и убежал, дедушка, её отец. Запил да запил, там загулял да загулял. Ну, что же? Тут сваты приезжают — надо мириться, надо как-то по-доброму делать. Уж тут последняя неделя мясоеду. Ладно. Тут, сваты, значит. Запрягли пару коней и туда в Десятникову к дедушке. В Десятникову приехали, дедушку там напоили до святых волос, прямо трупом его в доху завернули и привезли. Привезли, он немного протрезвился. Бабушка ему и говорит: «Ну что же ты? Ты же ведь, старик, согласился. Вот приедут сваты. Ты же там согласился». — Бабушка-то вроде уже согласна. Готовиться к свадьбе надо.

Ну, ладно. Приехали назавтра. Ну, бабушка баню истопила. Приехали сваты. К деду пошли, три раза поклонились. Бабушка говорит: «Ну, Бог простит, доча, чё же сделаешь?» К отцу подошли — и, вы понимаете, такой упрямый — сорок раз поклонились! На это поставил, что напоили и как дурака привезли. А мама рассказывает: «Я невысока ростиком-то така была. А мы кланялись, кланялись. Только, — говорит, — распрямимся, а он не поворачивается, к стенке отвернулся и все, лежит. Опять кланяемся. Кланялись-кланялись, кланялись-кланялись. Кешка считает, сколько раз. Но, смотрю, он у меня раздумянился, осердился вроде (жених-то). Потом сороковой когда раз поклонились, он поворачивается: «Но, Бог простит. Да не надо было так делать-то!» Ну, невесту оставили. Там стали свадьбу готовить. И когда приехал поезд, невесту увезли.

Ну, теперь что? Эта пара — мама за отца вышла и дядя женился — и те не жили: дядя умер и отец наш умер. Этот грех-то не прошался, обе пары < ... > овдовели.

295. Бывало, невеста не хочет идти за парня из своей деревни. Другой глянется. Бегом бежит! Все равно уводят. Лиса, если захочет, то всё равно обведет и убежит. Немного-то девки-то одна другой способствуют. Там уж они секрет ведут. «Вот не хочу здесь, — родители ее вроде хотят отдать, — я не хочу, хочу за того». С квартиры не отпускают ее одету. А она договорится с подружкой, с девушкой. А дома не отпускают, знают — вот-вот она убежит. Дак она вроде платок или шебурашко на себе накинет — тогда ить одёжа-то така и была — в накидочке выскочит...

Даже вот так увозили. Брат мой увез Марью Родионовну вот так. Тут ее пропивают сидят за Устина горячинского, а она туда не хотела. А родите-

ли ее: те же богатеньки, приехали сватать. А он косоватый был, у него глаза вот так. Но она не хочет. Брат мой сродный — тот мужик был нормальный — познакомились. И вот те, горячински, сватали, выпивают. Пропой уже! Все по добру. Сговор. Раз! — и Фома Васильич... А она там в куте сидит, плачет девка, не хочется. Она така красива была девка, за такого-то не охота же. Она — раз! Щедунишко на голову... Мать: «Ты куда?» — Оне-то за столом сидят. Она: «Собакам-то хлеб-то надо дать». — Шедунишко надела да... Кошва у ворот стоит. Упала, да и увезли. Оне хватились: «Где, где? Марька! Марька!» Марька уж шшелкат. А лошадь отбежала и зауросил. Не идет и все. А те боятся: догонят, там мужики таки дак — отберут. Бабоньку отберут и всыпят еще. Он соскочил с саней, в повод её провел, и лошадь пошла. Пришлось, в одной дохе вёз её, ково этот шедунишко-то не греет. Ково там? Увёз и всё. Те хватились — и выпивать не стали и так вроде..., но как облиты чем-то остались.

А он в прошлом году был. Я ему: «Фома Васильич, ты бы рассказал». А он: «А чё рассказывать! Увёз и всё тут». Оне довольны были, родители. Он мужик как мужик, чё же. Самá хороша.

296. ...Убежали из-за золота: золоты сережки, да кольца, да браслеты... А отцы да матери не любили, чтоб в Кару-то уходили. Вот как Еклекинея Степановна ушла за Мишу Соловьева, а он приехал брать желателей. А она как завелась, мать-то, страмить-то! Всяко отстрамила его, этого старика-то, свёкра, а он и сказал:

— Дай Бог с тобой такой и не видаться.

Ну, потом вот тебе — помирились, желательну написали. Свадьба была хороша. Жених с невестой приехали из Кары. Ну чё же? Кара — Кара и есть: пальто до полу плюшево, шаль такая, расшита вся, узорчатая, цветок вот так на голове у ей. А раньше фату-то тоже делали, шелкову.

Вот потом ей же неловко, как она отдала дочь, их выхамкала ... А потом и домá нарубил зять-то, и все на свете. Вот и сейчас живёт в ихих-то домах Даша-то, вот это ихи дома.

297. Замуж я вышла на двадцатом году.

[— Свадьбу играли вам, пели? — *Соб.*]

Играли, пели. К венцу ездили. Раньше церкви были. Певчие молитвы пели на клиросе.

[— Вышли-то по любви, по согласию? — *Соб.*]

Я совсем его не знала. Я три года со своим гуляла, а меня за его не отдали. Ну и воли не давали гулять. <...> Вот приехали сватать, потом свадьбу... Вечером-то я подружек позвала, но «подружились» тоже — с каким гуляла дак, с дружкой. Пришли, и он пришел. А он говорит:

— Тебя, наверно, за Ефимова отдадут?

Ну, я говорю:

— Не пойду.

Сидим — время-то двенадцать, час. На нашей лавочке. Ну, я говорю:

— Иди, а мы спать будем ложиться.

А раньше лампы были, свету не было. Только лампу загасили — стучается. Я вышла: «Кто?» — «Я». Пропустила, опять сени заложила, лампу задула:

— Мама, ты чё долго?

— Ой, да доченька, сговорили тебя. Вот в воскресенье свадьба уже.

Ну чё же? Сговорили — сговорили. Раньше так-то не выходили самовольно, никою. Ну, он приехал со сватом, с дружкой. Тысячкой там — крёстный. Ну, повезли невесту туда в Отдушино.

[— А наряды у вас какие были? — *Соб.*]

Раньше шёлк был, атлас, ну и шерстянка была всяка. У меня платье было шерстяное, а так полоски были шелковые. Сатины были. Раньше материал-то лучше был, прочнее. Нынче который материал выстираешь — он линят. А раньше до тряпок — все как новый, вот уж худой, а все равно не линят.

[— Ну, а привезли, вы как с ним увиделись? Жених-то поглянулся? — *Соб.*]

Конечно, поглянулся, не хуже был своего-то, деревенского.

[— Он-то вас как-то высмотрел? — *Соб.*]

Да как высмотрел? Вот как получилось. Раньше давали <...>, чтобы выработать. А у нас там была больша дорога, и прокладывали её. И вот мы поехали туда работать. Приехали, а там одна подружка была за брательником моим замужем с нашей деревни, и туда пошли мы ночевать. А там чисто поле. Вышли гулять еще до ужина на перекрёсток, там все дороги сходятся. А парней сколько — о-ой! Много. А парень:

— О-о, да вы чужие девки?

А я ловка была, я така была отпета — ох! <...> Потом мы опять вышли да и сели около дома на завалинку. Она заиграла, а я песни запела. А мы бравеньки, хороше платье, туфли, всё. Она мне:

— Сейчас он подойдет, ты выйдешь.

И правда, он подходит ко мне. Мы ушли на лавочке сели, ну и сидим. Вот петухи поют, 12 часов — мы сидим.

— Мне домой.

— Нет, ещё посидим.

Вторы, третьи и заря занимается. Так я и на работу поехала. А подружка и говорит:

— С тобой Митька сидел Ефимов.

Я говорю:

— Я не спрашивала, как зовут.

— Он, — говорит, — он.

И правда, он сватать меня и приехал, три вечера только посидела с ним, даже не думала.

298. Раньше венчались, ездили к попу в церкву. Обвенчаются, приедут домой, дак хлебом их... Ой-ёй! Мы дак вон нагребём, хлеба же много было... И в поезжанинов бросали, и в невесту с женихом. А потом за столы садятся. Девки

собирались, свадьба как приедет от венца-то. Соберутся, а поезжанины-то молодцы, ну и девки-то имья, не дают сидеть, щиплют их.

И сваха, и тысяцкой тут. Тысяцкой с женихом сидит, а сваха с невестой. Её окручали: две косы заплетет сваха-то, но и вот эдак и фальшонку наденет — вот тебе и баба. Вот раньше как было.

А потом назавтра — похмельны столы. Запрягают коней тех же, с ленточкам дуги-то. Пара! Но и зовут на конях, жених с невестой садятся, молодцы-то. И сваха, поезжанины — все ездят зовут. Потом объедут, собираются. Отстолюют тут, потом по домам ходят, гуляют. Стряпали как — ой-ё-ёй!.. А теперь ить не стряпают никою.

А раньше стряпали. У нас вон братке на свадьбу, Иванову-то отцу, ящик вот экой настряпали. Вот такой ящик полный. Пельменей мешок стряпали. Крючья — хворост, пряников всяких настряпывали. И тарки, и пироги белы. А насдобят, подымутся — вот каки. О-ой, раньше-то стряпали. Крючья варили...

Похмельны столы. Вечеринка отойдет, назавтра похмельны столы. Вот запрягают коней, пара в ленточках, и ездят зовут, кто на свадьбе гуляет. Всех объедут, потом матери с отцом встречают со стаканьям. Если хороши-то, дак ленточки на стаканьях. Вот как было. Ленточки навяжут. Ну, и бросают стаканья. Выпьют — и кверху его...

299. *М. Е. Кошкарева:* Раньше у нас свадьбы весело гуляли, играли... Подружки пели красиво. Выкупали невесту, потом ехали в церковь, под венец. Изпод венца ехали в дом к жениху. Молодых осыпали зерном, благословляли. Гуляли потом. А уже на Масленицу ехали к родителям невесты, там гуляли.

Как с Рождества и до Масленицы — это свадьбы делали. С конями, с санями, в кошевах. Кошевы были таки.

А венчали только в пятницу, в среду венчали.

Н. И. Луковников: Невеста величат отца батюшкой, а мать — матушкой. А потом ишо такой закон был. Чтобы невеста пугалася, свекровка выворачивала шубу, надеёт, берет гороху ли ково ли там и понужат невестку. В глаза шарит, чтоб она боялася, когда молодцы подходят.

М. Е. Кошкарева: И у нас тоже выйдут с подносом, там стоят налиты стаканчики, заезжат поезд, коней поставят — все выйдут, стоят. Тарасун на подносиках. А потом имья молодым пшеницу вот так бросают. Да. И потомака зайдет дружка в дом поперёд всех, чтоб он отчитал. А потом молодых пустит. Это после венца. А пшено бросает и на молодых и на всех свекровка.

300. Я пацаном был и то запомнил. Дружка как выйдет, вот за столы заходить, и говорит:

— Но, дорогие гости, заходите — за столы дубовы, за скатерти браны, за ложки тóчены — гости прошены, дальни и ближни суседи. Будем сидеть на прекрасном местечке, как искони веку Господь Бог показал. Вилки позолочены, гости прошены, дальни и ближни суседи. На полатях ребята сидят, сопли до полу висят...

Вот мы и начинаем:

— У тебя?

— Нету.

— У тебя?

— И у меня нету.

Это перед тем, как под венец ехать, за столы заходят. Плёточка у бабушки в руках, он ей помахивает, помахивает ходит.

301. ...Особых таких брали. Ну, они тут есть, знают всё... Худого, смиренного коня не запрягут, а на свадьбу-то уже выберут хороших.

Где заезжать в ворота, вот они возьмут медвежьим салом столбы-то намажут. Конь же идёт, только до ворот — всё, на дыбы! Кругом! Глядишь, начинат ходить. Вот они гоняют, гоняют — куда? А ведь заехать надо. За оградой нельзя вылезти жениху с невестой. Но куда? Идти надо искать этого «колдуна».

Вот приведут его. Он ишо ломается покамест, время-то прошло. Ну, приходит, начинае шептать тут, плевать. Протрёт их чесноком — кони пошли. Теперь уж он на свадьбе — кум королю, первый человек.

Вот так и делали.

302. Вот он дружка-то и делал всё.

Один был у нас такой старик. Охотник он. У него медвежья лапа была. Вот он возьмёт — свадьба только выехала — к воротам подходит с этой лапой. Приезжают с-под венца — кони-то никак не идут. Вот пока его не позовут. Он придёт, будто ворота обмыл:

— Заезжайте!

Да он лапу-то убрал эту — и кони заходят.

303. Возьмут да вот медвежьим жиром намажут ворота, так вот незаметно. Как только свадьба... Оне же бегут, как сумусшедшие, один одного обгонят! Как только первая пара забежала — сразу на дыбы! И никак в ворота не идет. Те соскочат — вот тебе, пожалуйста...

304. Раньше невест-то крали. Из деревни туда на Бóри воровали.

Да вот мою тещу украли прямо с речки. Она поехала. Коня запрягла, поехала за льдом. А жених-то боринский был. Ну, стало быть, они договорились, всё. А родители-то не отдавали. И вот, значит, она за этим льдом уехала. А они там речкой приехали, коня направили домой, её посадили. И всё! Пока конь домой пришел, они уж где были!

А бывали погони даже. Отбирали и избивали женихов.

305. ...Гуляла я с одним три года. Меня тятя всё ругал да ругал, чтоб я с ним не встречалась. Семья-то у нас была не совсем бедная, всегда всего хватало, а вот он-то из бедной семьи.

Однажды тятя с маменькой уехали на хутор. А я собрала кой-каких шмоток

и убегла к нему. Потом родители приехали, а меня нету. Ну что ж, пришлось прийти к ним и просить прощения: «Тятенька, прости! Маменька, прости нас!» И что ж — простили. А потом уж и столы накрыли, много всякой еды было. А чтоб особенно большую свадьбу играли — так этого не было.

306. [— Нам сейчас легче, мы вместе учимся. А вы-то как знакомились? — *Соб.*]

А. П. Елгина: Раньше он [парень. — *Соб.*] в своей деревне не может невесту найти, в другую поедет. Присматриватся. Ну, может, где... Раньше там были... съезд народу — какой-нибудь праздник ли чё ли. Приезжают девки, ребята приезжают. Где-нибудь на вечерке понравятся друг дружке, гляди, ну спляшут там ли чё ли. Сплясали вместе, кто кадсель, кто так. Ну и снюхаются тут чё-нибудь, познакомятся. А потом задумат жаниться, он приедет за ей.

Я-то сама... Раза два ли три мы с ним повидались, раза два ли три — задумал жаниться и за мной приехал. Но взял одного мужчину, он говорит:

— Поедем суды, в Батакан или вот на Луг.

А он [жених. — *Соб.*] говорит:

— Нет, поедем вниз по Газимуру. Там у меня есть [невеста. — *Соб.*].

Но вот приехал за мной, вечерку сделал. Пошли к провожатке, она меня сговариват. Но вот сговорили меня. Дня два он поездил по деревне... до какого дня? Ну, все постирала, погладила да всё. Наладилась, всё — поехала я. <...> Юбочонку, кофтенку везут на подарок, в задаток. <...>

Н. Т. Субботина: А я <...> в Култуму приехала гостить на Маслену. Брат затеял:

— Я поеду. Хорошее золото открылося там, в Курлее. Я поеду. Туда надо деньги. — Меня просит. — Ты вьвози сено, вьвози чурки.

— Ну, — я гу, — если отпустишь в Култуму в гости, так я вьвожу.

Ну, правда, вьвозила чурки, вьвозила сено. Но и на Маслене стала отпрашиваться:

— Теперь всё я вьвозила, отпустите меня в Култуму. — А в Култуме у меня дядя был, моей матери брат, теперича, мамина брата тут эта дочь была взамужем, у ей девчонки были. — Поеду в Култуму.

Но меня отпустили. Одна подружка тоже сирота была, отца не было. А на Маслену на кóнях же катались. Ну а мы с ней подружки были, она:

— Давай запрягём кóней, поедем кататься.

— Поедем.

<...> Поехали на парé с ей. На парé поехали, а два идут парня пешком. Вдруг они цопо! — нас за вожжи, остановили нас:

— Мы сядем с вами?

— Но садитесь.

По-моему, же в гармонь играл этот, а тот — это так с ём... Ну, сяли оба, вот тут познакомились, ишо ехали, познакомились! Потом вечером вечерку сделали в деревне, в Култуме этой. Ну, он станет плясать, всё меня приглашат. Вот тут мы с ём познакомились.

Теперича, в Петрово опять он с сестрой приехал. Ну, девчонки пришли тут в Петрову гостить. Вот тут поплясали да чё. Но вот чё-то я ему понравилась <...>. Начал, это самое, мя-а-са покупать, мяса набрал, спирту взял банку, в подполье поставил. Всё, приготовился. Нашел человека, дескать, поедем за невестой. Но он, тот, почём знат, куды ему за невестой:

— Но поедем в Батакан?

Он [жених. — *Соб.*] гыт:

— Нет.

— Поедем в Малог?

— Нет. Туды вот вниз по Газимуру поедем, в Усть-Начин.

Вот в Усть-Начин приехали — там я. <...> Они таперь это там... у своего товарища коня взял. Вот и договорелись и жанились. Ну и жили и поживали и добра наживали. Детей наделали. Девять было. Семерых вырастили. Семерых вырастили, ага. Одного убили на войне.

А. П. Елгина: Раньше жали, ну страда была. Хлеб сожнут когда, складут всё. А мужики белковать пойдут в лес. А девчонки идут «хорьковать». Девчонки хорьковать. Но, человек десять наберутся девок и придут в другу деревню гостить. Вот с Кактолги приходили в Усть-Начин, 70 километров идут пешком.

Третья бабушка: Когда сумочки, а когда уголки завяжут и пошага-а-ют.

А. П. Елгина: Но, и вот гостят тута-ка. Неделю гостят, две, но ребята делают вечерки. И вот тут познакомятся, гляди, и вот за 70 километров привезут. Жениться. Поедет да и привезет. Не все же на одной деревне берут.

Третья бабушка: Ну, у нас эти деревни — тараканья родня. Ну а чё же? Ишо кака тараканья-то. Чуть маленько — к маме бежишь. А кака мама, друга встретит — опеть с руганью, о-ой! А сдалёка-то привезут, дак тажно и бежать некуды.

Н. Т. Субботина: У нас один раз убяжала одна. У нее мать умерла, а отец один остался. Ни стряпать, ничё, с тёщей разошлись, некому стряпать ничё. Одне мужики. Ну он на молоденькой женился, парнишка. Взял каку-то усть-начинску. <...> Ну и чё-то пожила, пожила, ей не пондравилось, она убежала от него. Да сколь женихов было — о-ё-ёй. А потом за другого её уж это — венчать не стали попы. С другим не будут венчать.

Потом, когда церкву нову сложили, ну святили эту церкву, так она какую-то записку писала на голове, а перед крылосом на колени вставала, эту бумажку подавала: чтоб ей разрешили, чтоб с другим обвенчаться ей. А раньше не венчана же, гыт, это не жана, а только называлась наложница, а не жана. Наложница.

Ну раньше же суд какой признавали: от мужика убежать (что обвенчаться), сколько-то пожить и убежать — стыд. За стыд признавали за какой за большой. Раньше не уходили.

Третья бабушка: А теперь хошь — да и пошла.

Н. Т. Субботина: Но раньше мужик бьет, и обидки берут — и не убежишь никуда. Проплачешь и опять живешь.

307. [— Как свадьбу играли, как она начиналась? — *Соб.*]

Всяко начиналась. Добром — дак девишник делали, отец с матерью отдавали. А убёгом — дак только свадьбу жених делал.

[— А еѐ-то не участвовали? — *Соб.*]

Приезжали все равно, как же... Раньше, если убёгом, то надо ехать бумагу просить. Боятся: отец с матерью выгонят. Правда, которые выгоняли, а потом все равно... Если невеста любит мужика, дак куды ж они? <...> Без этого жить будут.

[— Такие случаи знаете, с кем бывало, кто убёгом брал? — *Соб.*]

Дак я тоже убёгом женился. Николай Григорьич тоже убёгом женился. Мало уж девишников было. Это ишо по старинке Филипп Архипыча сестру отдавали, я худо помню-ка. Потом, как я женился, «красну свадьбу» сделали. Потом после меня никто не венчался, как всё равно отрезало.

[— А как она проводилась, «красная свадьба»? — *Соб.*]

Так же... Мы ездили в Буру венчаться-то — не попом, а в сельсовет. А Николай Григорьевич ездили в Ушумун, к попу. У нас престол был тамака, тамака в церкви-то венчались, а потом оттудова свадьба — съездят в сельсовет.

[— Ну и о чем говорили? Так же желали добра? — *Соб.*]

Как сейчас все равно, поздравляли.

[— Так же, только что не венчались — вот тебе и «красна свадьба»? — *Соб.*]

Лентами украшали коней, колокольцы. А у нас своя пара была...

308. На свадьбу подарили два ножа, две вилки, два носовых платочка. Было человек шестьдесят.

Сейчас-то на свадьбу слаживаются, покупают какую-нибудь вещь хорошую. А тогда-то, в 47 году, ничего и не было.

Ну, пригласили стряпок, сварили две вот таких [показывает] кастрюли щей, нажарили картошки. Вина в магазинах не было. Даже и торт-то испечь понятия не было. Ну, потоптались девчонки под гармошку.

309. У меня муж — на одной ноге. А мы всё дружили с ём с малых лет. Ну и в конце чѐ оказалось? Этот мой муж, было семнадцать лет ему. И у их свадьба была, вот свадьба отошла. А брат-то старший и говорит:

— Поезжайте по дрова.

А он говорит:

— Я не поеду по дрова: сѣдни сон худой видел.

— Баба сну, — говорит, — верит. Меня возьмут, у вас дров не будет.

Но потом они запрягли, сели на лошадей да поехали. И заехали же — в сопку залезли, Аргунска сопка у нас называется. Перво дерево стали срезать — он на ухо пошел, дерево-то, по-нашему, вот так, и пилу-то зажал. А он вот так за пилу-то уцепился и говорит:

— Дениска, отскакивай! — Он отскочил.

А он как пошел на его, дерево-то как взяло — вот по этому месту и там

разбило всё. Тут раньше унты носили, оборки (назывались оборки по-ра-нешному). Он как доскочил и вот эту лодыжку-то сшиб <...>, сделал откол. Осколок.

Но и привезли его домой, коней отпустили, из лесу. Везут, а кровь-то речкой. Коней-то не выпрягли, одного коня заломили — за фельдшером. А им бы надо было сразу в город, её бы, ногу-то, склали. А они фельдшера-то привезли, он посмотрел. Забинтовал, лодыжку-то положил на место, забинтовал, а осколок-то не положил.

Двенадцать суток он пролежал. Ногу-то отпарили ему. Когда его в город-то Сретенск вывезли, он говорит:

— Вы зачем же, бабушка, везете, когда он гробом пахнет. Он же, — говорит, — сгноил ему ногу-то.

Она сразу:

— Врачи говорят, надо ногу отнимать. Если ногу не отнимут, он умрет, больше трех часов не проживет.

Мать-то упала, а он говорит:

— Я лучше помру, да с ногой.

Мать-то сразу упала — оне отвадиться, кое-как с нею отвадились. Но он потом поглядел на мать да и говорит:

— Но ладно, отрезай.

Ему вот так отрезали ногу, повыше-то этого перелома. <...>

Ну я ково же? С ём дружила. Ходила. Мы молоденьки, почти одногодки были. Я думала, думала. Он стал сговаривать меня взамуж. Я говорю:

— Я ково же за тебя пойду? Надо мной люди засмеются, скажут: за хромого вышла.

Он говорит:

— Никто не засмеется. Умный-то не засмеется.

Я ушла — меня отец-от отобрал, не пожелал за его:

— Тебе, говорит, — не жениться, а надо учиться. Неучёный-то — тьма, а учёный-то — свет. Ты будешь лёгку работу работать, и тогда можешь ты жениться.

Ну ково же? Я до осени жила у Афанасия-то. Иван помер, потом на другой год Афанасий помер. Я второй раз тут за его ушла. А когда второй-то раз ушла — отец-от не стал отбирать. И весь век прожила.

Свадьбу потом сделали. Они же ладные таки, зажиточны были: корову убили, чушек, баран нарезали, этих гусей зарубили. И жениху и невесте всё как есть набрали. Вот браво. И венчались в церкви. В Казанску, на Кирге был престол, и привезли — наша одна свадьба была.

Утрата духовных традиций и разрушение сел

310. А раньше жили... А сейчас-то одеваются хорошо, кушают хорошо. Чё жа вам? То пряники, то конфеты, то постряпушки. [Смеется.] Чё же, хорошо сейчас. Жизнь очень хороша. <...>

И одеванье, и кушанье, и обувка — всё, всё, всё есть. Всё есть. Сейчас очень хорошо. <...> Что же мы, плохо живём? Мы неплохо живём. У нас и сало есть. <...> Очень хорошо теперь, очень хорошо. Чё же? Бравеньки ходим, аккуратненьки, культурненьки. А раньше таких платьев не носили. Нет, нет, нет, нет. Широкая юбка такая вот... Ничего мы хорошего не видели. А сейчас ношу шёлковое платье.

311. Теперь-то бы вот надо жить, а здоровья-то нет. Вот и говорю, теперь-то жисть-то какая легкая. Погляжу вот, дети-то спят-спят, — встали, исть есть чё, одеты, обуты. Растут — как на опаре киснут. Господи! ...А тут вот это, у нас Ивана-большака... В пристяже-то посадили его, а он — ково там... И привязали ему берестяны туесочки к седлу-то, к Бурке. Привязали ему этот туезочек. Он сидит, дремлет, — ково же, спит смертно. Утром же рано, мошка заедат, ой-ё-й, паут. В его комком бросят, он прыг! — разбудится. Тятя:

— Ково тебя! Не реви, не будешь дремать!

А он ково же, он спит смертно.

А таперь чё? А таперь-то чё, ой-ё-ёй, Господи, поглядишь, дак... Умирать-то никак не надо.

[— Смерть придёт — всё одно умрёшь. — *Муж.*]

— Она уж вот, не за горами, а за плечами стукат. [Засмеялись.]

312. Собирают всех летом на покос. <...>

И машины, и трактор ходили, косили, и на лошадях косили. Один человек косит. Ну а потом, когда кошенины уже накосят, тогда только что придешь там грести ко гребню <...>, там домой ездили. А мужики там спали, молодежь там спала... <...> Одни женщины ездили домой, утром обратно, а вечером оттуда. <...> А недалеко если женщины косили вручную, то ходили пешком... Да, а другие места косят трактором, а где края — он же не может, трактор, туда косить, там надо вручную. <...>

Ну а чё, поехал обратно, привёз её через десять дней. Не стали же косить. Здесь не косили, а мы думали, мы же перекочевали, думали, здесь так косят, что далёко ли расстояние — три километра, у нас на покосы ездят, так берут литовки, ну, и мы литовку ему наладили, всё, поехал. А через десять дней обратно... <...>

Его отец спрашивает:

— Да, а чё делаете-то вы?

— А чё делают? Лежат. Карты есть, играют в карты, днём рыбу кто ходит ловит. — А когда выяснеет, накосят это они уже кошенины-то, утром тоже грести нельзя, а оне тоже лежат, это, пока до гребёнки-то.

[— А гребут чем? Граблями? — *Соб.*]

Нет, тоже трактором. Да на конях гребут и на тракторах гребут. Вот как косят-то сейчас, а тогда косили так...

[— А почему сейчас вручную по краям не скашивают? — *Соб.*]

А те по краям не скашивают.

[— Почему? — *Соб.*]

А не знаю. <...> У нас всё выкашивали. Вот сейчас на наших же участках косят бригады-то. Там они косили, дак вот они сейчас. Там у нас деревня, в деревне прошлый год и нынешний год лето косили вот²⁰. Наберутся так воскресники: пенсионеров, кто может идти, такие престарелые, женщин попросят вот здесь. Ить вот ездят три километра, ить вот где деревня, даже в деревне, кругом домов, кругом этих дворов, сейчас трава там вот такая.

Оне скоко же сена накашивают литовками! Когда бригада здесь проживёт, оне меньше накосят, чем оне [пенсионеры и женщины. — *Соб.*] вот тут литовками. Они ить должны понимать, что больше накашивают руками-то, а там же молодые люди на покосе-то, не старые. А здесь накашивали... Вот два год-то, дак зарод возле зарода наставят они, вручную всё, и греб вручную, и косят вручную, и оне — больше пользы, чем одна бригада, где-то она проживет вон в отдалённости. Сейчас сено-то привезут оттуда вон чёрное. А тут они косили в деревне-то, они какое сено — зелёное всё. Они же должны понимать, что надо косить вручную больше, где возле край-то.

А потом сейчас все чё же: плóтят же мало за работу-то. А они — кому же охота — побиться, поколотиться, да сгрести, да скласть его надо, стаскать надо там, на коне свозить; всё равно надо потом сметать, а эти — платы-то у всех. <...> Неинтересно.

[— А раньше больше плата была? — *Соб.*]

Да хоть не больше, а больше трудодней платили нам, мы же за трудодень бились-то...

313. Лето засушливое. Но по забокам трава была. Машину не загоишь, а руками можно.

Бабёнки просили:

— Дайте нам хоть немудрященького мужика — литовки отбивать, мы будем косить!

Им так и не нашли мужика. И косить не стали.

314. Старые люди так соображают: мы раньше этого не видели, мы всё время работали, недоедали... Там если ситцевое, понимаешь, платычко, или юбка, или кофточка у ней была, так она её держать лет пятнадцать само малое, токо на выход: один раз оденет, два раза в год сходить, и снимает. А счас три раза на день меняють. Потому что если у ней есть, так она говорить: «Я не носила, так хоть пускай мои дети носить». А вот этим самым они, дети, и балуются. Иная мать говорить: «Мне уже надоело стрелки ему выводить да рубашку гладить».

Стрелки выведеть, рубашку погладить, мотоцикл купили, бензин купила она: «Пожалуйста, Сережа, садись, езжай». Куда он поедеть? Только девок давить. Он больше никуда не поедеть. У него стрелки наведёны, рубашка выгла-

²⁰ Речь идет об оставленной деревне, где сейчас не живут.

жена. Он напился, наелся, мама сварила. Вечером заводить мотоцикл — как началось в восемь часов, так и до полночи, до двух часов.

Чего они делают? Это же баловство. Это лишнее. И вот эта мама удивляется, почему такие они.

Я говорю: «Они все в меня. У их в жилах кровь течет не ваша, а моя. Они ж мои, не ваши. И вы не удивляйтесь, — говорю. — Вот их сбалуеете, потом удивляетесь: „Мы были не таки“. Вы не такими были, так и делайте их не такими». Я думаю, если мотоцикл купить, пускай уж. Если человек кончил десять классов, не пошёл в армию, там, примерно, оставили его тут на полгода, пока набор будет, он счас поступил в совхоз на работу — пожалуйста, в это время и покупай: ему там подъехать там, смена-пересмена... Тут нужен. А счас вот эти пацаны ездют, им покупают... Зачем? Баловством заниматься? Токо баловством. Это лишняя роскошь, а она до добра не доводит. Вот у нас тут и происшествия, и фулиганство, и всё... И получается...

Ну, ладно, купил, пожалуйста... Почему же? В кино идуть они пешком, как кино кончилось, приходить заводить. Зачем он после кина нужен — мотоцикл?

Заводить, и до полночи они по улице бегают. Скоко горючего сжигают, и никто этим не заинтересуется...

А так оно, конечно... Сразу, все-то по-разному понимают, сразу порядок нельзя восстановить. Но если бы он хоть постепенно налаживался, порядок, хоть чуть-чуть сдвиги были, а то ни черта: и год, и два, и три, и пять... И выходит, что хуже, а лучшего — ни черта нету, всё хуже.

315. ...Ослаблено внимание, видите, не только самих детей — родительское внимание почему-то ослабилось сейчас очень в воспитании.

Сейчас в школе и классные комнаты, и то и сё — всяких поручений много есть. На классные собрания вызывают родителей, кто слабо учится, <...> родителей начинают ругать, что плохо воспитываете, не помогаете. Сам педагогический коллектив не в силах справиться, понимаешь, с этой обучающей программой, да еще и воспитанием заниматься. Вот они на классных собраниях всегда и просят: «Помогите нам, пожалуйста, в воспитании...»

Так вот родителям почему-то <...>: «Наше дело — родить, а ваше дело — воспитать». Есть такие, так вопрос ставят: «Воспитывайте, вы педагоги, вы учились». Много есть у нас таких. Здесь сплошь и рядом такие, процентов сорок у нас таких будет. Дети плохо учатся, сколько ни вызывают их на родительский комитет, они не обращают внимания: как плохо учились, так и плохо учатся. И те же самые родители, которые знали раньше дисциплину, своих родителей-то они слушали, сами-то они учились. Есть такие — хорошо учились, продавцами сейчас работают. Ну а дошло до того, что сейчас ни продавцами, ни на техничку не годен. Запились, пьют вино и на детей не обращают никакого внимания.

<...> Неправильное воспитание: думает одно — делает другое. Знает, что он в школе не успеваеет, немножко поругает и тут же и пожалеет: и ему и костюм, и ботинки, и есть, и пить — пожалуйста. <...>

316. [— Как раньше праздники справляли? — *Соб.*]

Сщас справлять... Шо вот этот вот меньше было пьянства, да? Но-о, девки, это тяжело, тяжело-тяжело. Это проблема большá. Даже сильно большá вот эта вот проблема, что вот это вот сейчас это — отучить от этого пьянства. Это надо наказывать. Людей, надо, чтоб вин понимал, а мы говорим, значить, «чтоб вин осознал, уговаривать его, чтоб вин осознал». Та як ты его будешь уговаривать? Чтоб вин осознал? Да это — уговорить такого, что — три года ему, чи там пять лет ему или десять — сложно уговорить. А як такой, что он уже пришел з армии, то як ты его уговоришь? Его никак не уговоришь. Его, кроме только, сатану, промежду рогáм бах... ну, чтоб он понял, подлюга, да и... дрыном его. Это вот их так вот отстраховать, чертий, шоб они понимáлы, что это... что надо робыть. Они ж робыть не хотят. Чё такое допустили, чтоб хóдил вин по деревне, да и не работал. Та где такое дело было, чтоб это вот не работать? Какой это интерес — не работать?! Для чего ты живешь, где ж ты живешь, то что — ты у Америке ты живешь? Ты же у Советском Союзе живёшь. Надо работать! Надо ж для себя и надо для государства! Люди-то завoявывали... люди кровь пролылы там это... сколько погибло людей-то. Завоёвывали власть, завоевали какою... А он, подлец, не хóче робыть! Ну как ты ему докажешь?! Окрóме только его наказывать! Наказывать его... — «работать», оставлять ему только на одну махорку да на чай.

[— Ты рассказывай людя́м, як нужно. Им же надо покультурней. Батька, ты рассказывай чё-то такое, як нужно. А ково им [молодёжи. — *Соб.*] в деревне делать? Клуба — и того путящего нету, ни Дом культуры, никакой привилегии нету. Ну как по-вашему? — *Жена рассказчика.*]

Ну. Нету ни Дома культуры, ни клуба нету, ничего нету. Есть, это, клуб там ещё, стары́й, такой первобытный, ещё два дома там свезлы его и у места поставили. Дом культуры — уже строится пять лет вин строится. И еще только фундамент заложили, еще не видать, будет или совсем не будет, и таке всё, всё старое, всё старое держится, и даже и там, и всё оно таке старое, ещё всё первобытное... Даже и больница, и, это от, таке библиотека, контора. Тоже всё, от это от, старое из старых домов, таки они уже негодны, непригодны они уже дома, их давно уже надо сжигать. А оно, от это от все, от это от, ужилось — клуб, та больница, та библиотека, от это от тако у молодежи. Молодежи чё, от это от, чё оно нравится, што ли? Конечно, не понравится хоть кому. Вот. <...>

317. Это пьянство... Вот ещё стихотворение есть.

Растлил сердца, смутил умы,
И все к подножию кумира
Главы свои склонили мы.
И человек — венец творенья
Презренным сделался рабом.
Его пороком униженье
Не описать ничьим пером.

Кумиру в жертву он приносит
И честь, и совесть, и закон.
Сребра да злата только просит
И в них все блага видит он.

Вот, все к вину склонили головы. А вино все прудят и прудят. Ну как же они не будут запиваться. «Праздники, — вот, говорят. — Мы не верим в Бога», а всё равно, православный праздник — найдут причину, да и давай... <...> А теперь вот какая хорошая жись пришла, механизация, а народ ленится... Теперь машины, мотоциклы позаводили, а теперь из-за зелья из-за этого. Почто его государство? Народ же спаивают как? Народ как мухи гибнут. Народу столько погибает, рабочей силы, технику гробят. На этих доходах [от вина] все урон делают. Ничего когда нет, продуктов нет, а вина — полно. Я вот тогда скажу:

— Надо кого-то отправить к самому Брежневу — как к царю раньше. Уполномоченного. Дескать, что ж это такое, да поговорить бы. — А которые, было, пьют, так говорят:

— Вас не пропустят туды.

— А если напишем.

— Дак хоть написать, всё равно не пропустят.

Страдают матери из-за детей, дети убиваются, дети остаются сиротами, семьи разлучаются: здесь по семь-восемь детей — пожалуйста, с отцами разошлись — и безотцовщина. Сократить его, что ли. Дак опять: кто пьёт, говорят, самогонку, брагу будут делать, опять сахар начнут уничтожать.

318. Нас шестеро было детей, и не скажешь, что мы хорошо жили, мы бедно жили. Но ругани в доме не было. И мы не имели понятия, что нас — придёт отец пьяный — и нас выбросят из дому и чё-то у нас тут ругань кака-то получится. Мы — этого не было. Он у нас и не придёт никогда пьяный во время вот таких дней буднишных. Работа, не было этого. Оне пили только в праздники. Выпьют, и было весёло и всё, и у их дружба между отцом и матерью. И мы вот не понимали, что надо нам злиться и надо нам ругаться. Мы росли...

И вот сейчас ишо, вот у меня дети нервные, а у меня нервы ишо крепче, потому что я с детства на этой беде не росла. Меня всё вот Валин отец, вот их, Гриня — я взамуж-то пришла в их дом, вместе не жили, семья большая — он меня всегда спрашивал: «Ты когда злая-то бывашь?» А я не понимала, что надо мне озлиться, что такое зло, вот не понимала этого зла. И вот нервы какие-то были просто спокойные. Мне греха не было.

319. Разбаловался народ, набаловались, никому не подчиняются. Так — ещё ничего, а как деньги получают — безобразие, пьют. А праздник — драки бесконечные. Дрались раньше хоть кулаками, а теперь — ножиком. У нас был дружной народ, а сейчас — видите. А потом — сейчас же не один народ, сброд-народ, со всех сторон. Раньше бедные были, а теперь год от года лучше живут... Народ стал нехороший. Молодежь пошла нехорошая. Посмотришь: девочки,

ребята — матерятся, курят вовсю, а раньше было? Или идёшь ты мимо раньше — вот такой идёт и поздравляется с тобой обязательно, а теперь гляди, чтоб не обматерил да не наподтыкал. Вот оно одно к одному и идёт. Мы все соберёмся да говорим: «Ад кромешный!» [Смеется.]

320. <...> Норму там, сколько сделать за день. Вот на вязке снопов я тысячу увязывала снопов. Это надо тысячу вязок сделать, и он никуда у меня не растреплется. Да его надо стащить в кучку да составить — раньше «суслоны» называли. По пять снопов поставишь, а шестой — покроешь, чтоб дождь его не замочил.

Да вот вечер настает, прибежишь, поешь, бежишь — комсомольцев:
— Давайте, кто на скирдовку, кто на молотилку.

Начнут. Дак не со светом, а с фонарям, с лампам. Сейчас бы провели свет — да и молоти всю ночь. Жну, до часу, до двух, а потом придёшь, там уснёшь-не уснёшь — утром-то встаёшь опять... На часы-то ить не заглядывали, часов-то ить не знали. Не дожидали, что — девять часов, надо идти на работу или в пять бросить. А только начинат отзариваться — ты уж на работу бежишь, и тёмно — домой бежишь. Весь день — подпояшешься, если зимой, и не распоясываешься. А сейчас, я говорю, чё?.. Вон доярки... Почиркали [подоили], телят всех сдали, навоз вывезут, а навоз-то по улице развалят. А мы сами на быках, да возили его на поле, да возили зародом, а весной-то подождём: чтоб он не то что пылом горел, а печами выкладешь, туды дров накладёшь, дрова-то подтопишь и всё законопатишь, чтоб он там прел. Вот эти кучи разопреют, да на поле вывозят. А они вот, говорю, все поля изуродовали, все поля. Не родится хлеб, ить это куды гоже? А каки хлеба-то родились!

Я работала десять лет. Я если на поле заехала, за мной агроном заходит. Вот это поле проедет со мной, круг, пощупат землю, кака она:

— Вот на таку-то глубину, голубушка, паши, да края все обработай.
А сейчас на краях-то сена зароды ставят, поля-то сузили.

321. Эта коммуна... Я как раз попал с Сретенского, лес возили. Это мы с осени уехали, в марте приехали — у нас коммуна развалилась. Развалилась, всяк своё поразобрали, расташили. И вот у нас осталось из коммуны четырнадцать домов.

А потом в 30-м-то году, в 31-м-то два колхоза сделалось в селе: «Пролетария» колхоз и колхоз «Красная заря». До 33-го году два колхоза было, а в конце 33-го соединили в один.

[— А кто председатели были? — *Соб.*]

Старики: Бояркин Василий Анисимыч, его нету. Муратов Никандр Федорович был, тоже нету. Родченко был, тоже нету. Когда оба колхоза соединили, Бояркина Василия поставили <...>.

Если кто в колхозе начинат немножко там колобродить, заседание соберут. Тогда членá правления были. Постыдят, упредят, уговорят его — опять работат.

А сейчас загуляли, гуляют всю неделю — никто путём собрания, ничё не

сделает. А тогда колхоз-то — соберут, нотации дадут — человек опять работает. <...> Центр совхоза в Ушумуне, директор за каждым не набегает в деревне. А бригадиры тоже ково-то слабоваты.

[— А к колхозу как отнеслись? — *Соб.*]

Но так убеждали, дескать, собственности не будет, общее, народное всё достояние. Все поняли, что колхозы — общий капитал всего села, скажем. Уже не единоличное, а общее. Работа на трудодни.

[— Система трудодней — это удачно было? — *Соб.*]

Да всяко было. Бывало, на трудодень 20 копеек в деньгах да хлеба, может, килограмма два. Деньгам-то слабовато было. А потом — чем дальше — крепче, и стали уж деньгам рубля два-полтора получать, хлеба килограмма 3-4 бывало. Не каждый год так, по урожаю. Государству сдавали и на трудодни оставалось. И на посев — семена сеять.

[— В колхозе вручную работали? — *Соб.*]

Вручну косили, гребли, метали. Всё вручну, на конях. Вот потом конны косилки были: тройка лошадей, косят. <...> И хлеб-то рукам жали. Потом всё стали машины, трактора пошли, комбайны. <...> Сейчас один комбайнёр да шофёр: комбайнёр жнёт, шофёр увозит. И рабочих боле не надо. А остальные где? Гуляй ходи.

Бывало, весна подошла, надо посеять; посеял — тут сенокос подходит, надо и пары готовить, пахать и сено косить. Эти работы токо закончил — уборочна. Хлеб надо убирать. И вот хлеб убираешь, его надо сжать, связать, суслоны составить, потом клади свозить в скирды, потом их вывозить. Ну, молотили уж молотилками на конях. Вейлку крутили руками, обдували.

[— А сеяли что? — *Соб.*]

Пшеницу, овёс, ячмень, ярицу, гречуху тоже. Но гречуха здесь замерзат, не выдюживают, рано морозы падают.

[— А когда дружнее работали: раньше или сейчас? — *Соб.*]

Тажно-то дисциплины больше боялись. Тажно если кто провинился — его на заседание, так он не знат, куды...

...А сейчас никого не бояться.

322. [Уходили на работу рано] и приходили — тёмно булó. Вот так мы работали. Мать их сонных поцелует, ребятишек, да и бегить. А потом опять прибежить — так она опять спать. Вот так работали.

А теперь чё? В девять часов... Уже солнце...

Завтра хлеб надо стряпать, нечего мне брать. Так она встане — ещё черти на кулачках не играли. Черти на кулачках щё не играли — встане в такую рань. Пораньше встане. Пословица такая. Говорят: «Встала — так ещё черти на кулачках не играли». Хлеба постряпат, и пошли мы на работу.

А сейчас, примерно: «Я сегодня на работу не иду. У меня квашня, хлеб буду стряпать». Ах ты мать твою сатану! Да як же так?! Хлеб будет стряпать — значит, день пропал уже? Ты на работу не пошла? Да встань ты тоди ещё, черти на кулачках не играли, тоди и стряпай, чтоб ще на работу вышла. Вот так надо.

[— А теперь ще говорят: «А хлеб сегодня привезут? И стряпать не надо». — *Прасковья Фёдоровна Крапивкина, жена.*]

323. Как нынче многие живут, нам, старикам, не в обычай. Как-то приезжал к нам следователь, юрист, лекцию читал, беседу проводил. Привел много статистических данных. У нас отметил, что больше всего в Кумаках по району безобразий и хулиганства. Спрашивает потом:

— Вот вы, старики, жизнь прожили. Как сделать, чтобы не пили? Дайте такой рецепт.

Я ему ответил:

— Рецепт-то простой: наценить водку да дисциплину поднять.

Тут многие зашумели, женщины зашумели:

— Тогда они всё пропьют. Хлеб не на что взять будет!..

— Ничего, одумаются. Коньячок-то что-то стоит, не очень его берут, даже когда и водки нет.

В общем, не договорились, не решили вопрос.

А то, что стали из-за этой водки на государственное как на своё личное смотреть, — это точно.

Вот у нас Гаркуша, тракторист. Получил с тока тележку дроблёнки. Отписали отвезти на отару чабану-буряту. А он через мост — и в Холбон. Развернулся — и давай торговать. Полтележки расторговал, уже вечер, и по темноте — к буряту. Тот посмотрел:

— Вези на весы или отвози где брал.

Вот он и сел. А тот упёрся на своём. Так и обнаружилось.

Этот Гаркуша как-то со мной заговорил. Я ему:

— Как же это ты? Это же тюрьма тебе будет.

— Но, — машет рукой, — ничё мне не будет.

— Да как же не будет?

<...> Просто какая-то халатность, безответственность пошла. Это мне просто трудно понять. Я об этом часто думаю, с людьми разговаривал...

Не знаю... Что это делается?

324. ... А с другой стороны, вот как в городе живут, в Нерчинске. Снабжение же там — не скажешь, что идеальное. Без своей животины нельзя. Молоко продают только для служащих, для учителей — интеллигенции, в общем. Молочный магазин один, в «военторгоский» каждого не пустят (там, правда, выбрасывают продукты).

Ну, короче, без скотины, без коровы не обойтись, да еще если ребятишки в семье. А совхозы поджали с пастбищем — городски коровы не наедаются. Да и сам видишь, какой климат у нас — третий год засуха. Как эту коровёнку прокормить? Вот он [житель города Нерчинска — *Соб.*] устроится, скажем, в откормочный совхоз, на отару. Подходит вечер — он коня запрягат, на телегу мешок дроблёнки, комбикорма, овса ли бросает, сверху травой, сеном притрусил и поехал — вроде бы за хлебом в город, домой.

Это уже так и называется, все знают — «подж...ник» — под задницей увозят своей скотине корм. Все знают, директор знает. Конечно, судят — остратка нужна — но не каждого же. Да и как жить?

Вроде и воровство — и как бы не воровство. Даже к такому делу привыкли.

325. ...И на окладе [о нынешних начальниках. — *Соб.*] А таким, как я, примерно, да вы, — на их внимания не обращают. Я если чё там скажу, так они говорят: «Ты уже вышел из предела жизни. Ты уже не способен решать задачи. Ты уже — в отставке». Вот яки дило.

А ему чё? Ему оклад, ему деньги надо. Не дило это вот. Такому человеку-труженику надо, чтоб за народом стоял, чтоб он смотрел везде и всюду. А так... Только очередь там занимать, что я на престоле начальником где-нибудь, так это любой и каждый так сможет. И я смог бы. Где-нибудь там указывать, пришел, языком поболтал, да... и все дилают, а я пошел домой. И я так смог бы.

Надо дело сделать, чтоб люди не обижались, чтоб люди были довольны, вот это вот...

326. ...Ну, вот он приехал. Говорит, что, «как хозяин хороший, давай поедем в колхоз». Я говорю: «Я бы согласился, если бы не было уполномоченных и не мешали бы работать, чтоб я был полный хозяин». Он говорит: «Как это?» Я говорю: «Вот так...». Я ему пример привел такой.

Я когда работал зав. торговым отделом, дали распоряжение ехать в Убуртахтов на уборку зерна. Они не досдали хлеб. Но я приезжаю туда (а это дело было после войны, такое скудное было время...), ну приезжаю, председателю говорю:

— Кака у тебя работа необходимая? У меня вот одиннадцать человек — чтобы их использовать так, чтоб они были действительно помощники.

Он говорит:

— Дак вот 5 гектар картошки не выкопанной (это я ему рассказываю, этому уполномоченному) и хлеб, — гыт, — не досдал там сколько-то тонн государству.

Ну, я говорю:

— Если ты не досдал хлеб, все-таки мы его сдадим. А картошка замерзнет? (А уж замерзать начала земля). А картошку заморозим... Ведь это вся жизнь — картошка.

Ну и переброешил всю свою эту ораву копать картошку.

[— Хлеб-то из амбара? — *Соб.*]

Хлеб-то недомолоченный, даже снопами был связанный, — не пропадет. Он в снопах лежит. Только что мы не досдали государству, этот колхоз. А стоит на молотилке-то комбайн, на стационаре стоит, молотит так себе... Какая у него успеваемость?

Но мы копаем картошку. Прибегает из села на́рочный (недалеко мы от села были):

— К телефону тебя!

Я прибегаю туда к телефону:

— В чем дело?

— Чем занимаешься?

— Дак картошку копаю.

Как он меня матюгом, секретарь райкома, заехал! Говорит:

— Что я тебя — картошку отправил копать?!

Я ему хотел объяснить, что картошка пропадет, понимаешь, а хлеб-то мы все-таки сдадим. Никакого...

— Давай, переключай!

[— Рапортовать надо было. — *Соб.*]

Но я что тогда сделал? Я, значить, снял этих одиннадцать человек. Я уже вам сказал, что на стационаре стоит этот комбайн. Кака у него там ... способность-то... Но мы там пропутались так себе. Хлеб, может быть, сдали, а может, не сдали, не помню. Но зато картошки 3 гектара заморозили.

Я вот ему рассказал когда, говорю:

— Вот так мешают работать.

Если бы председатель колхоза — действительно он председатель... Он отвечает, и он должен распоряжаться. И уполномоченный должен прислушиваться к председателю. Если его называли председателем, дак пушай уж он председатель, и он пушай решает. Он за это отвечает, а не уполномоченный.

А когда вот заморозили эти три гектара картошки, потом колхозники эти, знаешь, чуть горькими не плакали, потому что в то время хлеб же не давали совсем на трудодни, и картошку, значить, заморозили.

[— Этот случай-то когда был? — *Соб.*]

Это было в 48-м году. В 48-49, вот эти года. Ну, после войны скудно жили. С хлебом особенно было плохо.

327. Смирнов. Вот эта Чекашкина Терентия дочь за Смирновым была. Всё председателем был в сельпо. Умер старик-то, Смирнов-то. Дак вот, его дочь, Агафья, что ли она, ну, она окончила фельдшерский училище да работала, и вышла вроде тут она вышла замуж.

Но у его специальность-то вроде, он повар, но член партии, во. Тут его и толкали. Работал он в автохозяйстве начальником. Но какой из повара может быть механизатор? Если он только может вон суп сварить, а его поставили к автомашинам начальником. Никого не получилось. Ишо куды-то ставили. Потом директором на электромеханический завод. Вот он ничё не понимает, так-то разобраться. И пошёл электромеханической на ноль.

328. ...Я тогда на шахте работал. <...> Тут была церковь, колокол повешали — трам! трам! — выезжай. Не выехал, там... Не как сейчас... Сейчас, ой, сейчас пьют, дня 3-4 пьют — никто не спрашивает. А там спросят сразу: «Почему не вышел?» А счас — никово...

Ой-ё-ёй, перенесли... Тут, было, ладно начали жить — тут опеть война. Там отдули по 3, по 4 года. Пришли домой — ничё нету. Мурцовки хватили:

голоду, холоду — всяко... <...> Вот будто наладилось, ничего. Не знаю, чё дальше будет.

А счас чё не жить? Пять дён работат — десять гулят, никто не спрашивает.

Я на тройке всё время работал. Страда придёт — на машине кошу; сенокос — на косилке. Там прогулу не было, правда. А деньги в колхозе получали чё? Учётный год — рублей 20–30, ну 50... Я с семьёй дак даже и не получал, большинство — в долгу.

А счас чё? 15 дён проработал, сколь тамака?.. Авансы. Авансы получили — значит, пьют до гроба, дня 3–4 — никто не спрашивает. Обумились, нет, маленько погода там получка — опеть то же самое. Никто не спрашивает никого.

Вот тут приезжал с УкРАИНЫ — но там дисциплина. <...> Бригадир — свою работу не выполнил — он тебя вызывает:

— По какой причине?..

А тут чё? Никово. «У нас, — говорит, — таких прогульников нету — трактор будет стоять...» А у нас по пять дён стоят трактора — никто не спросит.

Тут ишь како дело? Эти приезжают директора, они чё? Приедет, года два-три наживётся — сел, уехал. Его поставить годов на десять, чтоб он тут работал, вот тогда бы дело было. А то лишь бы ему деньги в карман, а там как-нибудь.

Вот я был в Шилкинском районе — Усть-Ага, Чирки тамака. Старик работает. Он в войну работал всё время председателем колхоза и сейчас работат, на пенсии. Его не пуцают колхозники-то.

Вишь как? Там же у нас, в Ушумуне, не собираются никово, сеят — и всё. А там собирают обще собрание: как, чё — как у нас раньше было. Оне его не отпускают. Ну дак он же требует, он вишь какой справедливый. Значит, если ты пропил, дня два-три прогулял, он приезжат, спрашивает, на каких основаниях. Если чё — он навозит по щекам. Хоть бы выгнал. Он не выгонят: «Работай». Заставлят работать.

А у нас его — раз — выгнали. Тоже без дела. Надо человека исправлять. Он другой-то раз так не будет делать, верно?

У меня парень там работат... Но ни разу, говорит, он меня не шевелил.

329. ...И Отечественная не ушла... Двух сыновей она [кивает на жену. — *Соб.*] растеряла. И не платили ничего до шестьдесят восьмого года за сыновей, не могли добиться. Она ещё молодая была. В райсобес пойдём, чтоб деньги-то, а говорят: «Не положено». Случай помог... Секретарь Исаковский наш вышел: зайдите, Фёдор Иванович. Я автобуса дождался там, стоял. Ну, я зашёл. Думаю: «Зачем я здесь понадобился?». Там секретарь в кабинете сидит и незнакомый человек так у окна. Он мне говорит: «Вы не торопитесь?» А я: «Уж, — говорю, — отторопился». Пошутил ещё так. [Смеётся.] Тут телефон зазвонил, курорт «Дарасун», а этот человек подошёл и говорит: «Я представитель Верховного Совета. Там как? Я сейчас приеду». А я думаю сразу: представитель Верховного Совета, а я тут зачем? Он давай меня спрашивать, как и что, как живу. Спросил, сколько пенсии получаю. Я говорю: «Пятьдесят два, сколь заработал». Поразговаривали. Хороший мужик. Попрощались, он пошёл.

А я тут про это дело вспомнил. И ведь такой шкурный вопрос, собственный же. Ну тоже ить, два сына погибли — матери пенсию не назначат. Я ему всё рассказал. Привёл пример ещё. У нас тут сосед был... Пьяный под поезд попал. Ему голову отрезало, а бутылка осталась целая. Мать пенсию получают. А моя — нет. Я говорю: значит, Родины дороже бутылка? Прямо ему так. Он всё в памятушку записал.

Недели две прошло. Приходит бумажка, что на пенсию. А секретарь райкома ко мне — вроде того, что раньше надо было. А я говорю: «Дак ей уже 9 лет, как пенсию получать полагаются. Я раньше ходил, ты почто справку не дал, если надо было? А теперь закон нашёлся».

Ить тоже как получилось... Каждый человек гнёт к себе мягким... Вроде как и у меня. Тоже жить плохо не хочется — возможности есть.

330. Отправила нас ячейка в Савватеево церкву разоружать. Но, мы, значит, пришли к им. Зимой. Через Шилку перешли. Собрали молодежь, там вроде какой-то народом был, стариков собрали для беседы и начали разъяснительную работу на атеистическую тему.

Но, старики, конечно, возражали против снятия колоколов, но молодежь вроде согласилась. Договорились.

Сняли мы эти колокола (тогда потребность была в цветном металле, и у нас здесь сняли). Сняли, погуляли, вечер даже провели там — потанцевали, повеселились молодежь! И только мы на Шилку вышли — оне ватагой за нами! Хах! А нас всего человек шесть было...

[— А они помогали колокола снимать? — *Соб.*]

Нет, оне как наблюдатели стояли. Но, у нас оружие было, мы давай отстреливаться — они тогда отстали.

Это в 28-м году.

331. Бронниково — село старинно. Раньше было: Бронниково — Большая Катаргала, Берёзово — Малая Катаргала. А отчего так называли? От слова «каторга», наверно... Лет двести ему [селу] было. Сплошная круговая порука была, дружный народ был. Счас само дружно — в Кангале, в Кумаках тоже. Кто постоянно вместе живьем живут — то всё одинаково у них.

[— Почему переселились в Берёзово? — *Соб.*]

Видимо, указ был такой, ли чё ли. Не давали зарабатывать — колхоз слили с Берёзовой, слили, туда управление перенесли. Работы не стали давать, мало хлеба, всего стали завозить. Видимо, специально, или уж как... И школа только 4 класса, а учить же до 10 классов надо...

Название Бронниково — по фамилиям, все Бронниковы. Там хорошо было: сплошной березняк, только в глубине вроде тайги...

Народ был хороший. Особенно из ссыльных были люди. И музыканты были, и резчики по дереву... Бывало, срок ссылки кончается — он уезжат... Там через дом Бронниковы жили... Сплошные кумы: не сват, так брат...

332. Деревня вся была над рекой, как всё равно возвышенна. И место широко. Всё везде видать. Церковь была. Ране называли волостна, приходска. Красива церква была. Народ там дружный был. Но вот чё сделаешь — разогнали всех, таперь...

Да вот высел какой-то. Тогда было наводнение, но наводнение-то — он нико-во даже не потрогал. Всё было сохранно — и посе-вы, и село, и всё. А взяли, сбаламутили, дескать, наводнение, невозможно, наводнение всё унесло. И взяли семь же сёл — и тут, по-за хребтом — и всех выселили вот в Быркинский район, вон туды.

Ну и мы. Мы там год... Это дело в феврале, однако в феврале ли, в январе ли мы уехали, семьи-то у нас. А в марте-то мы обратно, оттуда. 20-го марта оттуда-то, я точно запомнила. 20-го марта мы уж здесь были. Сбежали оттуда. Ну мне там совсем не климат. Да, там степь, она есть степь. Потом эта вот гадость тискатся везде, везде мухи. Там летом-то не поешь. Где, видимо, родились, там и молились.

333. Это ребята, шофера, рассказывали, заезжали к нам.

Из Кактолги выселение было. Многие же не ехали, их просто силой из изб, из домов-то выгаливали. Но семьи четыре не поехали. Никак не поехали.

А тут один старичок. Закрылся в бане, перед этим натаскал туда дров — хотел поджечь и сгореть там.

— Куда, — говорит, — я поеду? Мне уж тут умирать.

Конечно, это не для протеста, просто человеку некуда деваться, ему уж и жизни-то оставалось... <...> Дверь мужики выломали, его вытащили. У него старуха был. И они тоже не поехали никуда. Остальных увезли.

И вот прошло сколько-то время. Люди поболтались, там, в чужом краю, не прижились, стали возвращаться постепенно. Обстраиваться стали на том же месте. И вот сейчас там центральная усадьба совхоза. Директор — Астафьев, строятся. Хозяйство разрослось.

334. Помню, было здесь три наводнения, да такие сильные, что всё снесло. Все пострадали очень. А вот последнее наводнение было где-то в 1952 году.

До затопления-то здесь старая Карда была. С одной стороны, и плохо, что было здесь такое, а с другой-то — вроде бы и не совсем плохо. Уж очень жалко Ангару. Ведь водичка-то в ней как слеза, да и место было больно красивое, выйдешь из дому и любишься. Душа радовалась.

А сейчас что: вода в море текла, сами, наверное, видели. И мутная, и замусоренная вся. Но ведь зато сейчас новых домов понастроили, жить люди лучше стали. Рабочих здесь живёт около ста человек, может, и поболее. А вот сколько вместе с детьми их будет, точно вам не скажу.

Вообще, Карда получила название по речке Карда. Рассказывали, что были здесь первопроходцы. Как уж они определили название реки, так и стали называть поселок.

Сам же я живу здесь лет пятнадцать. А переехал по производственной необходимости, когда была очистка Братского моря.

Анекдотические рассказы и анекдоты

335. Служил я на Камчатке. Был тогда молодым. Приглянулась мне одна девушка. Я к ней похаживал. А отец её меня уважал. Приду, мне уже рубон готов, ужин значит. Вот как-то отец-то её попросил меня помочь с лесу сена привезти. Дали мне увольнительный, я к ним. Взяли себе в организацию две лошади.

Приезжаю в лес, тец-бец, воза готовы. А пурги там, на Камчатке, страшное дело. А меня тут припёрло, по-тяжёлому. Думаю, что ж я за солдат, коль объясняться перед отцом начну. Едем. Он впереди сидит, я за ним. А сил-то уж никаких нет. Я шубу скинул на воз, а сам в снег. А пурга всё сильнее, ну, отец-то её на шубу подумал, что это я сижу, да как стегнул лошадь, рысью лупанул, а меня замело. Труба дело!

Но что я не солдат, что ли. Встаю. Чувствую ориентир. Дорога влево, дорога вправо. Двинул по левой внаклон. Пурга шары вышибат. Замёрз, словно ледышка. А на Камчатке шакалы водятся, тут у нас в Забайкалье волки, а там — шакалы. Смотрю я, огоньки блестят. Ну, думаю, труба мне — шакалы. А сам иду. Всё равно пропадать: или пурга заметёт, или шакалы раздерут. А может, счастье в жизни есть. Смотрю, огоньки так и мельтешат. Подхожу ближе, а это посёлок. Я обрадовался. Стучу в первую избу, лишь бы согрели. А женщина не пускает. Я ко второй — тоже не пускает, семья, говорит, больша. Я в третью избу, а хозяйка мне орёт: заходи, чё стучишься-то. Захожу. А она опять: раздевайся да садись ужинать. Я сижу, как истукан. Думаю, хоть согреюсь, и то ладно. А она бравенька, молода. Сидит, зыбат зыбку с ребёночком. А в избе-то — одна. Говорит: «Доставай из печки картошку, наливавай чай, кушай». Смотрю, она мне как своему всё говорит. Я сам всё поставил на стол быстро, по-солдатски. Рубаю, такой доволен. Папиросы мои подзамокли, так я их на печку положил. Кинул на пол бушлатик, лёг. А хозяйка-то постель на двоих стелет. Я думаю, сейчас кто-нибудь придёт. Нет, не идёт. Я лежу, притворился, будто сплю. А тут ребёнок закричал. Уросит и уросит. Хозяйка как закричит мне:

— Чего лежишь-то, успокой ребёнка, не слышишь — уросит.

— Слышать-то слышу, да только непривычный я к такому делу.

— Сходи, — говорит, — к старухе через дорогу, пусть поладит на него.

Я к старушке. Стучу, мне голос, как из-под земли. Открою дверь — в хате никого нет. Захожу. Осмотрелся. Пусто. Шарю кругом глазами, как разведчик. А тут голос с печи:

— Тут я, милоч. Тебе чиво?

— Бабенька, — говорю, — тебя хозяйка напротив зовёт, с ребёнком у неё чиво-то. Пойдём.

— Как же это я пойду, коли ног-то у меня совсем нет.

— Ну, давай, — говорю, — на кокорки.

Подошёл к печке, она меня за шею схватила. А мне неловко, подхватить её не за что: ног-то нет. А я парень молодой, мне неудобно её «под житомир» подхватывать.

— Ну, бабенька, держись, — говорю, — крепче.

Она меня за горло схватила, мне дышать нечем. Ну, милая Одесса, навалилась она курдюком. Метров пять пронёс я её до ограды. Беспольный ход. Круги в глазах, дыхнуть не могу. Смотрю, сруб рядом. Опустил я её на сруб. Глотнул несколько раз. Отошёл вроде. А до сенцов уж совсем мало осталось. Теперь, думаю, дотащу. Говорю ей:

— Берись, бабенька.

А она молчит. Я ей громче. Молчит. Оборачиваюсь я, понимаешь, а сруб-то без крышки был! Я кричу туда. Тишина. Беру я полено, трость туда и считаю: 1, 2, 3, 4... 30. Буль! Милая Одесса! Старуху-то, как видно, утопил.

Что же делать? Затти в избу — молода скажет: где старуха — ещё посадит. Ну я и давай ходу. Бегу. Кровь из носу, кишки на бок. Дорога вправо, дорога влево. Ну, думаю, куда поволокёт. Смотрю: ага, опять огоньки. Теперь-то уж вижу — шакалы, огоньки так и бегают. По шарам штук 12 насчитал. Окружат меня. Я на дерево сиганул. Кому ж охота, чтоб тебя шакалы разорвали. Сижу на лесине. А шакалы кылчика зубами дают. Хотели они схитрить: стали расходиться. Я бы слез, а они тут бы меня и разодрали. Нет, думаю, меня, солдата, вам не провести.

А тут почудился мне скрип саней да лай собаки. Смотрю — двое в тулупах едут. И прямо к моей лесине. Достают топор и давай рубить. Ну, думаю, милая Одесса, еслив слезу, скажут дезертир, да ещё и бабеньку в срубе утопил. А лошадь-то ихня с санями в самый раз под деревом стоит. Еслив оттолкнуться да прыгнуть — как раз угодишь. Раскачался я на суку и сиганул вниз. Тэц-бэц. Лошадь-то испугалась, понесла меня. Без дороги, прямо по лесу. Лежу я и думаю: хошь бы ты запалилась, что ли. Вдруг лошадь на дыбы встала. Труба дело! Шакалы кругом, лошадь рвут. Лежу, еле жив, думаю: хоть бы уж скорей кончалось это. Скорей бы уж до меня добрались. А они наелись да отваливали по одному. Только один остался, без зубов, видно, совсем, старый, что ли. Чамкат и чамкат шеину да голову — всё что от лошади осталось. Долго ты так, думаю, чамкать будешь? Смотрю, сбоку вроде как шест лежит. Надо шакала напугать как-нибудь, он и убежит. Взял я шест и ткнул шакалу прямо в зад, а он, паря, так в хомут и впрягся, да как попёр. Это тебе не лошадь: по пням, кочкам, без дороги. Лежу, со страху чуть дышу. Нет, думаю, больше я на таком коне кататься не буду. Тут просыпаюсь я весь в поту. Восемь дней подряд пил, вот мне такое и приснилось. С тех пор больше так не пью.

336. Вот так: на небе много звёздочек видится. По-вашему, что это? Так это значит вот что: когда родится ребенок какой, то вот Бог, значит, наливает там чашечку масла. Алейно [елейное. — *Соб.*] называется масло. И вот кому ливнёт много, тот живет долго. Алейно масло, когда родится ребеночек, оно горит в этой лампадочке, а мы думаем: это, верно, звезды. Кого не любит Бог — маленько ливнёт. Смотришь, эта лампадочка погорит-погорит на небе... — вы же видали, наверно, что вот вдруг упадет звезда с неба — вот это значит, мало ливнул какому-то новорожденному ребеночку. Он, может, там и несколько лет

пожил. Масло это, значит, сгорело в лампадке и упало на землю. И вот ребенок, или парень там, или девочка, в таком-то возрасте умерли. Вот это что. Вот так это бывает.

Теперь, женится парень на девушке, может быть, она где-то там на Украине, он в Забайкалье. И вот, когда женятся, Бог уже знает, что женились. И вот эту звездочку с Украины, значить, чашечку с маслом алейным, перетаскивает сюды, в Забайкал, на небо, и соединяет их рядом. Одну возле одной ставит, и они горят рядышком. И вот, значит, если ровный у них век, то они так вместе и умирают. Но смотря, у кого Бог сколько масла налил, тот столько и живет. И вот таким порядком, значит, мне пришлось на небе побывать. И это, значит, редко кому дается, тому, кто Богу молится. И вот, значит, мне пришлось.

И вот попал я на небо, там царство небесно. У ворот стоят эти ангелы, притворниками. Ну, те, которые мало безобразничали, хорошо жили, притворниками работают, покойники там. Ну, я встретил там кой-кого знакомых. Как думаю это везде попасть? И ад посмотреть, и царство небесное. Ну, мне сперва показали ад. И посмотрел. Ой-ёй-ё, там творится что: кричат, шумят черти, такой шум, гам! Ну, попросился, и он меня пустил царство небесное посмотреть.

Я потом заинтересовался и узнал, что это не звездочки, а чашечки с маслом алейным горят вот. Никаких звезд нету. И рассказали мне, что вот жена с мужем — это две звездочки рядом стоят. Ну, я чё же? Заинтересовался (уже женатый был, с женой Федоровной жил): надо посмотреть, сколько там масла в моей чашечке и сколько у моей жены. Надо же посмотреть, узнать, кто у нас вперед умрет. Если я вперед умру, так она еще выйдет замуж за какого-нибудь... Ну и пробрался к этим звездочкам. А там известно, что это Федора Абрамовича чашечка горит, а эта Федосья Федоровны. Ой, посмотрел: Федосья Федоровны еще полным-полна, нисколько не отгорела, а у меня ... — вот-вот, думаю, как бы с неба-то успеть спуститься, вот-вот помру. У меня совсем мало. Что делать? Что делать? Ничего не взял, босиком. В сапогах бы был, может, ложку за голяшку положил бы. У меня уже мысль забродила: мало-много надо у нее убавить, а мне прибавить. Смотрю, смотрю, как быть? Ничего ведь нет. Сообразил — пальцем... палец посажу в ее лампадку, а оно же, масло, густое. Ладно, перетащу в свою, это лампадочку. О, смотри, немножко прибывает! И вот капля по капле... — вот, значит, давай работать. Ну, а когда проснулся, то у меня оно получилось... наоборот. Так вот.

Ну, они меня потом чуть не исхлестали. Вот так бывает.

337. Это кум с кумой жили в одном селе. Но жили, конечно, по-разному. У нее свой мужик был, а у него жена была. Прошло како-то время. Сперва у кумы муж умер, а потом у кума жена кончалась.

Но живут по-прежнему. Вот кум своей жене годовину отвел, а у кумы мужу шесть месяцев отошло. Кум работал на разных работах. Сидит он в одно прекрасно время и думат: «Как же бы мне теперь с кумой дружбу завести?» Но ладно. Приходит к ней и говорит:

— У тебя муж помер, а у меня баба. Не завести ли нам втору жизнь.

Но ладно. Втору. Втору. Поговорили и на этом дело кончилось. Кум работал председателем сельского совета или председателем ли райисполкома. Его вызывают на совещание. Он к куме забегает:

— Ты знашь чё, кума, — (а у него была корова, баранухи и курицы) он и говорит, — ты знашь чё, кума, вот за моим животом походи.

Но, кума дошла была, она обрадовалась, что кум к ней обращается.

— Но чё же, пойдём покажи, чё мне там делать. — (Вот как ты у меня пошел чушку кормить.)

Но пошли, она там ознакомила с этой работой.

— Ты, кум, вали, а я останусь, хозяйничать буду.

Кум уехал. Едет дорогой и тоже в уме свои мысли улаживает: как же к куме подойти. Надо с кумой-то дружбу завести. Едет дорогой и решил: сначала куме подарок куплю, а потом и слова найду. Но ладно. Покупат ей полushалочек хороший, забегат опять к ей:

— Но как, кума, похозяйничала?

— Да по-хорошему, кум, все в порядке. Пойдем хоть принимать.

Он:

— Дак почто, кума? За тобой проверять я не буду. Дак вот знашь чё, я тебе никовды подарки не привозил, а вот подарок привез — шалюшечку — за твою работу за честну.

Но ладно. Приняла кума. Он на второ утро встает, еще только зариться стало. Прибегают:

— Кума, я вот навестить прибежал (а зачем прибежал, ты мужик-то неглый, по-моему, в уме). — [Обращается к собирателю.]

— Но дак чё, проходи, кум. — Кум прошел.

— Но как здоровьице, кума?

— Да доброе здравие.

Ушел, до вечера еле добился, покупат бутылочку красного вина (белого не берет!)

— Но, кума, зашел я к тебе погостить да поговорить.

Кума собрала чай.

— Проходи, кум.

Он себе рюмочку налиёт, куме рюмочку налиёт:

— Но, кума, за здравие павших, в борьбе уставших выпьем! У тебя мужика нету, у меня жены нету. Давай втору жизнь с тобой, кума, заводить. — Кума:

— Но да я подумаю.

Но подумать дак подумать. Выпили по рюмочке, потом по второй. Но, эту бутылочку расстукали.

— Но спасибо, кум, тебе на этом деле.

— Спасибо тебе, кума, за тепло приглашение меня.

Пришел домой кум, дома спит. Наутро думат:

— Ё ... как-то мне куму-то надо все-таки высватать, сойтись.

Утром опять берет уж бутылку белого. Идет к куме. Она опять самовар вскипятила, чаю налила. Эту бутылочку расхлопали. Он:

— Знашь чё, кума. Вот я таку штуку придумал. Ты мне все ж таки должна не кума быть, а должна жена быть.

— Да как тогда делу-то быть?

— Да как вот так я, кума, думаю. Ты своего величай так, а я свою величать так буду. Нас с тобой в селе знают. Да ить, кума, лучше-то тебя не нашел. Не нашел лучше-то тебя, кума! Тебя знают на селе, что ты экономна баба, да и я мужик хозяйственный. У те курочки, да у меня курочки да уточки, да коровушка. Вот давай сойдемся.

Вот ходят один к одному. До того доходили, что она и в пузе. Он опять уезжат на совещанье, а у нее последне времечко. Кум прилетат с совещанья, кума ходит по двору, у нее тут лежит ребёночек. Он:

— Это что тут?..

— О-о, вот эта судьба-то нас и связала с тобой, вот это судьба-то...

Но, связала. Связала. Он потом:

— Но ладно, кума. Завтра вечеринку собирам. И ты будешь мне не кума, а будешь жена. Они собрали своих родных да знакомых, тех-других. Собрали, за столы сяди. Он ее цалует.

— Но ты была мне кума, а теперь будешь жена и будешь хозяйка.

И стали жить-поживать да добра наживать. И этого дитя растут до сих пор. Вот так.

338. ...Такой «чудотворец» Пронька Чекарев. Он был в Китае, а сейчас он где-то здесь живет.

Вот, значит, там китаец был, Ванька Волк его звали. <...> Спекулянт, контрабандист. Приходит этот Пронька, собачину приносит, чёрну, хорошу.

— Иван, тебе доху надо шить, ты ездешь на коне всё. Ну, вот таких собачин...

А он торговал, купец был.

— Ох, Прокопий, ты мне их на доху насобирашь?

— Ну а чё? Насбираю.

— Сколько стоят?

— Сколь? Рубь золотом.

— Ну ладно, тринадцать штук мне насобирай.

— Хорошо, — говорит.

— А сколько время?

— Да насбираю. За месяц, может, натаскаю. Ведь это надо найти таку собаку, да ишо убить да ободрать, своих-то нет.

Дня через три приходит.

— Но, Иван, я опять тебе принес собаку.

— Ну хорошо.

А он когда ему первую принес:

— Куда ее?

— А ты забрось ее на чердак. — А там, ну, старые дома — клеть называлась, чердак. Ну, он ее забросил на чердак. Пришел дней через несколько, приносит. Тот:

— О-о, хорошая кака, такая же. Туда же забрось. Он, значит, забрасыват. И вот он ему тринадцать натаскал.

— Ну чё, хватит?

— Хватит теперь на доху. Ну, надо теперь их делать. — Собачины-то эти.

Пронька ушел. Он полез, а там одна собачина. Пронька опять к нему приходит.

— Ты чё меня манила?

— Как манила?

— А чё мне тринадцать шкур продал, а всего одна?.. Где други́?

А он говорит:

— Она одна и была. Я тебе её все время таскал. Ты же обманывашь тоже людей-то, спекулируешь.

Ну, значит, тут они поругались. Он ничё, долго не сердился.

Вот опять летом... Он коня купил, этот Ванька Волк. Вот конь потерялся у него. Ушел куда-то, нету.

— Прокопий, ты чё делаешь?

А он чё-то все так болтался, чеботарил да обуви шил. Да так, не занимался ничем. Ни семьи, никого не было. Он так потом за границу удрал.

— Искать надо, Прокопий.

— Ну чё? Плати — буду искать.

— Сколько?

— Дак рупь в день.

— Ну ищи. Конь-то хороший, дорогой. — Тогда дороги были кони, 300 рублей — хороший конь, золотых 300 стоит.

— Ладно, я найду его тебе, может.

Вот он пошел да и нашел сразу. Ково же? Знал, он же здешний был. А он [китаец. — *Ред.*] его, видно, подзабыл уже. Нашел, привел его, значит, домой. Обстриг у него гриву, хвост обрезал и ездит на ём, на его коне. Приходит.

— Чё, Прокопий, не нашел?

— Нет, не нашел.

— Ну ищи.

Вот он его полмесяца всё искал, коня этого, всё по рублю с его получал. А он кому-то тут рассказал. Тут были соседи такие.

— Вот конь потерялся.

— А чё же не ищешь?

— Дак Прокопий ищет, не может найти.

— А какой? У кого взял?

— Да вот у этого.

— Да он же на ём ездит все время, на твоём коне!

Вот Прокопий шел.

— Ну чё, ты коня нашел?

— Не нашел.

— Как не нашел?! Вот, говорят, ты ездись.

— Езжу на нём, на коне, — говорит.

— А как же ты меня манила?
 — Ты же обманывашь, и я тебя обманул.
 Вот таки дельцы были.

339. А были же «чудотворцы». Вот Васька Мироныч у нас, тот все ходил бедокурил. Такой был — о-о! Как-то жил, не работал. Он сейчас живой, нет ли, не знаю. Он где-то в Сретенске жил.

Там Устинья была и Дарья. Оне соседки были, так недалёко... Вот надоест ему, он идет. Приходит:

— Устинья! Знаешь чё?

— Чё, Васька?

— Ох, Дарья тебя счас как костерила! Ох, и ругала она тебя.

— Да она за что меня?

— Я не знаю. Материла. Ох, всяко обзывала, ругала. Вот чертовка.

— Чё она, сдурела? Надо идти с ней разругаться.

Она пока собираются, Васька — раз, выбежит скорее туда, к ней приходит:

— Дарья?

— Чё?

— Счас Устинья придет тебя ругать.

— За что?

— Дак вот, не знаю, за что. Я вот был счас, она ругалась там. Счас придет тебя ругать.

Ну и, значит, сведет, оне разругаются. Чё же? Бабы. А он ржет, как конь. Вот так он всю жизнь творил.

Титовна, у их не было сыновей, а все девки были у Тита Трифоныча. Ну, он с Кулумы Мустина взял в зятя. Ну, чё он? Мужик с прииска, он никогда не работал нигде в сельском хозяйстве.

Вот он... за огородом поле было, пахал его. А этот Васька обязательно ему чё-нибудь сделает — пакость. Такой был подмочина. Не со зла, но а шутка-то... Вот, значит, он пахал. А у его плуг был, сам-то железный плуг (их продавали, американски), а передок-то деревянный делали сами.

Ну, вот он, значит, пошел ночью, взял у него переколотил, развернул самую головку, ось-то, а оглобли с другой стороны зарубил. Он, значит, запрег, этот Мустин, поехал, а плуг-то у его — в другу сторону, идет за пристяжкой. Вот он вертелся так, так — ничё не выходит. Чё же делать? Надо бросать, идти за стариком. Пришел к старику, позвал:

— Идём, отец, чё-то плуг не пашет.

Он пришел. А он такой тоже тяжелодум был. Вот он: да что такое, никак не пашет?! А потом разобрал:

— Да ведь он переколоченный! Это обязательно Васька Миронихин!

Вот он недалёко от него жил и не близко, и вот над ём смеялся.

Этот дед собрался в Кулуму ехать. Зять-то потом уехал, поболтался в деревне, ничё же у его не выходит. Уехал обратно на прииск. Этот собрался, Тит Трифоныч, в гости ехать. Кошевку наладил, все. А этот Васька пронюхал, что

он едет. Он, значит, пошел ночью, смолы разогрел и намазал оглобли, концы, где упряжь-то. И гужи просмолил у хомута. (Он нашел все у него).

Тот запрѣг, поехал. Отъедет километра два — раз! — конь выпрягся. Вот он ходит, ходит: «Ну, кто-то нашаманил. До Закаменной как-нибудь доеду, дотяну». До Закаменной доехал. Нашел этого «колдуна», кто мог «расколдывывать», ладить, шептать. Но, а тот посмотрел:

— Чё, «хомут» надели? — Пришел, посмотрел: вон тут что, оглобли-то осмолены. — Ладно, ты, гыт, иди в избу погрейся, а я счас все сделаю, ничё не будет.

Снял хомут, заташил в зимовьюшку, растаял смолу, соскоблил все, обчистил, оглобли эти обчистил.

— Но, иди запрягай. Ну, езжай.

— А чё же тебе?

— Да ничё не надо. Если хорошо доедешь до Култумы, обратно заедешь, чё-нибудь привезешь мне, хоть водки.

Ну, он поехал. Туда доехал, обратно доехал. Заезжат к нему:

— Ну чё, Харя? Вот хорошо, умешь ладить! Я тебе бутылочку привёз.

340. ...Тоже Иван жил, только этот Никонов был, его звали «Медвежья лапа». Он хитрый был <...> Вот он не верил никоно. А у его мать была старуха, да ушлая старуха такая.

А поверья же были всякие. У ей цыплята вывелись, а у их собаки были. Собаки-то цыплятничали, щенки, давили цыплят.

А поверье было: чтобы собака не кусала, дак их [цыплят — *Ред.*] надо, встать, вытащить и отпускать туда, меж ног чтоб они туда выбегали, назад.

Ну, вот она, значит, лукошко вытащила, поставила и опускает. А Ванька этот сидит на крыльце, наблюдат. Вот цыпленок выскочит, а там собака стоит, она — раз! — проглотила. Другого выпустила, другого. Ну, их штук десяток было — она их всех поглотала. Последнего выпустила, оглянулась — а где цыпляты? А он:

— Вишь, собака-то хвостом вилят. Съела их.

Она на его:

— А ты чё сидишь тут?! Смеёшься, зубы-то скалишь на меня. Чё ж ты не сказал мне?

— А я чё же буду говорить? Ты же колдуешь — она же их не тронет, собака. Я как же буду перебивать.

341. Яким Андроныч здесь жил (где сейчас скотный двор) и Василий Анисимыч, Лавруха Елисеич. <...>

Якимка удумал пугать людей. Оболокётся в бѣло, на кладбище уйдет, с кладбища-то бежит, размахиват. «Ой, — говорят, — кака-то сатана с кладбища бежит, нечистый или покойник вылез».

От его народ-то в бег. Вот вечер пробегал, прогонял этих. А чё же? Святки. Девки, ребята воровать. А он как вылезет — оне все по избам, по домам. По-

том на другой день, на третий день. Оне сговорились, Лавруха и Василий, оба здоровы:

— Знашь чё? Давай-ка скараулим, кто это. Покойник? Все равно мы вдвоем-то с ним справимся, изомнём его. Куды он от нас девается?

— Ну дак — дружне... А то я схвачу, а ты убежишь.

— Нет. — Договорились.

А тута у них дворы были. Оттудова туды... Там облетел — сюды. А девчонки, ребята — на росстанях ворожить. Увидят, лихоматом ревут, бегут в избу:

— Тама-ка опеть с кладбища кто-то в белом, третий вечер не дает нам поворожить.

Ну, теперь чё же? Сговорелись. Тепериче он кругом обежал, опеть сюды побежал, оне:

— Ага, пушай подбегат сюды.

За поветь-то встали, он только против их сверстался (еще кыркат бежит да), оне подлетели, сцапали его и давай мять [бить. — *Соб.*]. Он потом:

— Ой, вы чё? Василий Анисимыч, Лавруха Елисеич, вы чё? Ить это я! Это я!

— А, ё... попался! Не будешь пугать! Ты всех переуродовал, ребятишки-то которы болеют. Тебя чё леший-то водит? — Ну и намяли его.

— Ой, это Якимка! Вы не знаете Якимку Андроныча? Это я, Якимка Андроныч!

Оне его так измяли, что он потом трое сутки не шевелился.

— Вот не будешь. Другим скажешь, чтоб не пугали народ, детей.

А ребятишки, девчонки — машкароваться. Раньше все цыганями ходили здесь, оболукуются всяко, идут по избам. <...>

Но потом, когда разузнали, собрание (раньше сходки называли), сходку собрали, его призвали, настыдили, настрамили его:

— Чё ты придумал? Уродовать женщин, ребятишек...

342. Ну, вот в тако время приезжают, скажем, с покосу, молодежь. А раньше не клубов, ничё нету. На вечерку. Да ишо у кого ее сделать? Копейки надо — так у отца возьмешь... Вот на бревёшках вечером собираются куды-нибудь, где навалёны бревёшки. С гармошкой или со скрипкой. У нас все со скрипкой ходил один слеповатый такой, пожилой уже.

У огорода бревёшки навалёны были, а в огороде-то баня стояла. Ну, хозяину надоела, понимаешь, эта штука. Он придумал напугать. Он по гряде-то пробрался в баню ползком, по борозде-то. Картошка да гряды — его там не видать, ползком-то, да и темно. Там в бане-то, значит, разделся, ну, белье на себе оставил — бело чтоб было. И начал с каменки да камешком постукивать. Постукиват, постукиват — услышали молодежь-то: это чё тако? Кто же там? Друг дружку: наверно, банник.

А он там вроде причухиватся, он еще шибче. А потом видит, что паникуют, — как в дверь-то даст (а у него подходящие было) и вылетел оттуда! Ну, чё же? Видно же его в белом-то. Он, паря, вылетел и сюды, прямо к бревёшкам.

Ну, и пошли драть! Но-о, кому куды любо! А этот музыкантик-то, со скрипкой, его так-то надо было подхватить да вести, ташшить... А он уж тут бегаёт и сам не знает, куды... Он уж два раза перескочил и за ём же извязался! До того бежал, бежал, этот музыкантик-то. Тому [«баннику». — *Соб.*] надо было воротиться сразу же: ну, напугал и все. А он упал и, с испугу это получилось у него, упал и подох. Вот до чего...

Ну, никто ничего. Тут же, дескать, чудится. А он в соседях тут у нас недалеко, он высказался потом, немножко призложил: «Это я его угробил».

Вот так и было, фигуры-то, друг дружку пугали.

343. ...Ну, он уже старый был, но не отрицал, что действительно так было.

В баню пошел, а он боялся этого банника-то. Ну, теперь, значит, париться стал. А тут до его были таки же «чудотворцы»: помылся, камней вытащил да на полók-то полóжил, горячих. А ему, видно, внушили, что там банник. А уж стало сереть, да в бане-то вообще тёмно. Он начал мыться-то, помылся, париться залез — раз! Там на камень-то наткнулся:

— О-о, тут кто-то есть...

Повернулся — там ишо. Ну, он скорее схватился, ичиги, штаны одел. Ичиги надернул на себя, а у ичигов же оборки, он, значит, их не завязал и — домой.

А прибежал — дома никого нет, хозяйки-то нет. Он забежал в дверь, значит, слушат: чё такое? А там: пш-ш-ш, потом — шлёп! Он наострил. Второй раз, третий так.

А там квашня у ней поплыла. Он как развернется, в дверь-то бросился! Дверь-то за собой захлопнул, оборки прижал в двери, упал там и заревел:

— Караул! Поймал меня кто-то!

Ну, кто там поймал... Вот верили.

344. В одно прекрасное время один старик нам рассказывал, что, говорить, собрались два неграмотных мужика, пошли, значить, они в город. И, значить, идуть, идуть по городу, один немножко по слогам так чуть-чуть умел читать. Смотрю, и читает он понемножку: «Го-сты-ться».

— О, Тышкó, видишь, какие культурные заведения в городе. Нас приглашают гостыться.

— О! Входím!

Заходят. Одеты они в такие кожухи добротные, деревенские мужчины упитанные, хорошие, брюки широкие. Заходят, швейцар смотрит: ага, во! — вот тут карманы хорошие, деньги навалом, тут мы заработаем! Раздел их, эти кожухи повешал на вешалку. Официант тут подходит:

— Пожалуйста, садитесь! — Они сели. — Вам что? Вот, пожалуйста, меню.

Ну, меню, поскольку написано мелким шрифтом, да еще и читать там еле-еле умел, он смотрел, как будто читает, а сам токо смотреть. Говорит:

— О, це все?

Официант:

— Нет, — говорит, — и с обратной стороны есть.

Он и спрашивает:

— А чё с обратной стороны?

Он говорит:

— Музыка.

— Давай и музыки!

Вот официант натаскал всё им на стол. Они ели, пили, наелись, музыка играет — всё отлично! Подходит официант, говорит:

— Граждане, пожалуйста, расчет.

Они говорят:

— Какой расчёт? У нас же денег нет! Мы же прочитали, что там написано го-стыть-ся. Мы и зашли, как гостыться. Это ж, мол, городские, культурные приглашают нас гостыться.

Но, вызвали директора. Директор тоже им так поясняет — ресторана. Они говорят:

— У нас денег нету.

Директор швейцару говорит:

— Выпинать! — Ну и швейцар их выпинал. Они стоят раздетые и думают, что же делать, куда идти. А второй неграмотный, Тышкó:

— Э-э-э, — кáже, — Грицькó! Ты же не поняв. Она в городе и музыка ин-тэрэсна. Ты чу, як барабан: «Пла-тыть бу-дэ-тэ, пла-тыть бу-дэ-тэ!» А та дудочка кáже: «Ко-жу-хá-ми, ко-жу-хá-ми, ко-жу-хá-ми!»

345. Один женился тут на кангильской. Она жила у купцов в стряпках. <...> Это уж при советской власти, в 20-х годах. Ну и чё? Некогда все. А оне за хозяйством все занимались.

— Но, на Масленке поедем к теще в гости.

Ну, запрёг пару и поехали. Приезжают туды, в ограду заехали, а там — раз, два — их подцепили, и от тещи-то ушли гулять рядом тут. Ну и потащили из дому в дом — обычно в деревне. А коней тут уж распрягли им.

А он чё же? Он как приехал да ишо, может быть, подголодал — ему всё штрафную да штрафную. Он напился. А закусывать-то — кисели да рыба. На Масленке мясного же ничё не было. Ну, он этих киселей-то наелся, привели его — он и не знат, когда уж. Ну, спали на полу они с женой. Вот он разбудился, заболел живот у его. Ну чё? На двор. Вот встал, значит, повертелся — к печке. Отошел маленько, кругом — опеть втора печка. И насчитал так семь печей. Ну, думат, чё? В одну-то печь оправлюсь — никто же не узнат. Теща-то не будет все семь печей топить, одну же каку-нибудь. Но и взял... пока то-друго — в штаны тр-р-р... Ладно, как сейчас бы в трусах, так все бы на пол вывалилось, а то тогда были кальсоны, да завязаны. Вот он снял, значит, в печку забросил, заслонку поставил — ну и ладно. Лег. Вот разбудился. Ну, окошки-то не закрывали — свётло. Они ишо все спят. Посмотрел: изба-то небольша, одна печка всего. Ну, теща встанет, будет печку топить. Кто навалил в печку? Зять. Неудобно будет. Соскочил, значит, побежал, жене ничего не сказал, оделся, побежал, коней запрёг, нашел свои хомуты, всё и ее будит:

— Поедем! Вот я сон плохой видел: отец у нас умер. — А как раз он поехал — болел отец. — Поедем. И я чё-то заболел, не расхвораться бы мне. А то тажно дело худо.

Но та, жена-то, видит (пахнет же от его): чё-то неладно. Ну, она собралась. Он ей потом сказал, что вот такое дело. Ну, она оделась, подходит:

— Мама, мы уезжаем.

— Да вы чё? — Соскочила. — не с ума ли сошли? Ить вот гости к нам сейчас же придут, сёдни. Гулять будут у нас. Вы чё?

— Нет, Митя заболел, надо ехать обязательно. — Но, сели, уехали.

Ну чё же? Обычно в деревне: сосед, другой, там сват, брат приходят, набрались.

— Где гости-то?

— Дак уехали.

— Чё тако?

— Дак вот... — Она и рассказала. Дескать, когда стала печку-то топить, хватилась — а там в печке-то вон... Дак вот, значит, он от этого-то и убежал, зять-то.

И уехали так. Ну, а потом прошло, значит, с Масленки там до Пасхи. На Пасхе, дескать, поедем. На Паске запрягат коней, поехали. Приезжают.

А раньше у нас везде вот в эти бабки играли. Едут, а ребята в бабки играют. Они остановились, не доехали там домов на несколько:

— Ребята, идите-ка сюда! — Те подошли:

— Чё?

— Во-он в том дому зять давно в гостях был?

— Дак вот, как в печку н...л, с тех пор и не был.

Он повернул коней и обратно. Ну, раз ребята знают, значит всё, вся деревня.

346. ...Это я уже про дедушку расскажу. Тоже такой больной был. Было четыре сына у него, и все были женатые и жили вместе. И вот дедушка заболел. Мать моя, невестка, всё оставалась с ним. Остальные все в поле, работают. А раньше какой бы ни был по возрасту дряхлый, а всё хозяин в доме. Вот он и говорит: «Слушай, мать, я хочу полежать в погребе, постелила бы, здесь душно мне, а там будет хорошо». Ну что мать — женщина, а он-то грузный мужчина. Мать говорит: «Отец, да как я спущу?» Ну, отговаривала, отговаривала, ушла куда-то, пришла — старика нету. Туда-сюда, туда-сюда — нет. А в сенцах половиц не было. Вот он под этот пол забрался.

Я кричу:

— Отец, ты где?

— Я вот где.

— Ты как здесь?

А потом затеял опять: «Давай погреб». Ну что, наладила, постелила там постель. «Вот теперь хорошо мне тут».

Приходит соседка, спрашивает: «Где твой больной?» Вот так и так — в погребу.

— Да вы что, кума, с ума сошли?

— Да он сам напросился.

Ну, та пожилая была, подошла. А дедушку звали Павел. Подходит и говорит:

— Павел, ты зачем туда забрался?

— Мне здесь хорошо.

— Слушай, Павел, выходи оттуда. Вдруг летом-то пожар, ведь ты там задохнёшься. Не дай Бог, помрёшь, тебя будут как дохлую корову верёвками тащить. — Соседка ушла. Он кричит:

— Мать, вытаскивай! Верно ведь соседка говорила. Вдруг я помру, и придётся как дохлую корову вытаскивать.

Давай вытаскивать. Пришлось матери моей тащить.

347. Вот случай был. Это у нас в деревне молодой ишо парень — шутник же такой, лягуша тебя возьми. Едет он как-то с поля, пахал ездил. А сосед у него — тот что-то припозднился. Пауты уже летают, а он только запрягается.

Молодой-то на него:

— Ты давно, дедушка, пашешь?

А он ему:

— Да, с детства, дитятко, с детства.

348. А вот ишо случай был.

Охотники на соль едут, а чаща — ой-ё-ёй! А вперёд палка наклонена, дерево како-то наклонено. Один проехал да ее снароку натянул. А второй-то подъезжат, а он возьми да отпусти, да второму-то прямо в лоб. А тот чешет лоб, да:

— Ну, спасибо, сват, что ты ее попридержал, а то б она меня убила ведь.

349. Был Маркел Фёдоров. Он хотел стать писарем. В то время после атamana была высокая должность. Мы с ним учились в одном трёхклассном училище в Нирге. Всё хотел выслужиться. Сам такой тупой был, даже запомнить не мог три Бога: Бога-отца, Бога-сына, Бога — Святого Духа. Поп спрашивает его, а тот не знает. Поп стукнул его шалбаном по голове и дал ему три пуговицы. Самая большая пуговица — Бог-отец.

Вот на следующий день вызывает поп Маркела к доске. Маркел вытаскивает из штанов первую пуговицу, самую большую, и называет: Бог-отец; другую — Бог-сын. Поп говорит ему: «Молодец!» У него даже ряса расцвела. А Маркел говорит: «А Бога — Святого Духа — мать к штанам пришила».

350. Один сват приехал к сватье в гости. Ну, она, значит, тут блины напекла, этих всяких разных, но и:

— Садись, сват, чаевать.

Полон поднос поставила. А он такой был, ничё вроде не это... не знал. Она говорит:

— Ты, сват, кушай без церемоний.

Он думат: церемония — вот, что на подносе-то, на эти все печенюшки. И чай дует, да восемь стаканов чаю выпил, а хлеба-то не положил в рот. Некуда уж больше.

— Ну, — говорит, — спасибо, сватья, за чай. — А сам ись хочет.

Вышел, она ему опять чумаш с табаком. Раньше же свой табак-то был, в чумаш налаживали берестяный.

— Ты, сват, кури без церемоний, — говорит. Он тажно хватился — о! — и шапку в охапку и домой. А далёконько. Едва доехал, чуть с голоду не пропал. Он же не поел у ей ничё, только чаю попил. А чё же чай-то, ково же?!

351. Жил я на сенокосе, а у меня палатчонка худенька была (жил же я плохо). А там Вася был, Вася-поэт у нас все звался. Вот он ходит и каждый день распевает про мою палатку: «У Данилы-то палатка — ну, сплошны одне-то латки», — дескать, заплаты. Ах, ты, думаю, я тебе тоже буду отомщать. А оне со Степаном Сауниным недалёко от меня в балагане жили. Поют, да так нескладно. Ага, погоди. Вот я назавтре... он про мою палатку поёт, а я про его:

Жил Степан один в Маслухе —
 В балаганчике — покой,
 К нему Вася поселился —
 Потерял Степан покой.
 Ночью спят они спокойно,
 А как утро настаёт —
 Вася, точно соловейка,
 Встрепенётся и поёт.
 Слушат, слушает Степан,
 То и прослезится,
 А как за сердце возьмёт —
 К Васе подпарится.
 И поют они вдвоём —
 В колке раздаётся,
 А вот люди или волки,
 Чёрт там разберётся!

352. Жили-были дед и баба. У них была курочка Ряба. Снесла она им яичко — большое-пребольшое! Стали дед с бабой ахать да курочку Рябу хвалить. А Петух подошел, посмотрел и говорит:

— Но, паря, встречу индюка — побью морду!

353. Вот он теперь жил, денщик назывался, у этого офицера.

Теперь даёт метлу.

— Ты, — говорит, — как живешь?

Он берёт метлу:

— Так хорошо и так хорошо, так хорошо и так хорошо. — Метлой метёт: туды бросат и туды. — У офицера живу — питаюсь, он мне деньги плотит, с офицеровой женой живу — я этим наслаждаюсь.

Понял? Так хорошо и так хорошо.

354. Это двое на «Запорожце» на Чёрно море едут. Не могут доехать до-туда: их собьют или ишо чё-нибудь у их получатся. Но, в основном, сбивали их — машина маленька. Ну, они думали, думали.

— Давай, — гыт, — палку вот такую длинную на буфер прибьём и на концы — фары.

Ну ладно, едут. Значит, ничё, километров сто до Чёрного моря осталось. Сидят довольны: вот уже до Чёрного моря доезжают. И впереди КРАЗ идет. Ну, а мужики там пьяны. Он, этот кразист-то спрашивает:

— Это, — гыт, — чё за беда едет?

Тот посмотрел:

— Это два мотоциклиста. Дуй посерёдке.

355. Два мужика пьяных на остановке. Один так за столб обнялся, держит-ся. Второй ему:

— Ты чё ждешь?

— Автобус.

— Я спрашиваю, ты чё ждешь?

— Автобус.

Он на его посмотрел, потом на столб:

— А тебя с этим торшером не пустят.

356. Ленин лежит в мавзолее. Слышит, кто-то его как пиханет! Он Сталину:

— Иося, не толкайся.

Сталин молчит. Слышит, опять как пиханул! Он чуть опять не слетел. Он говорит:

— Иося, не толкайся!

А Сталин, раз, повернулся и говорит:

— Тише, счас народ идет, я потом тебе скажу.

Но, народ ушли, мавзолей закрыли. Ленин спрашивает:

— Ну кто это?

— Это не я.

— А кто же?

— Хрущев с раскладушкой лезет.

357. Ну чёрт с Богом спорят: куда Сталина? Бог так подумал: «У него за-слуг много, надо его в рай». Ну ладно. А он же трубку курил, Сталин, а там же нельзя курить, ничё. Потом он там гуляют, гуляют, а курить охота. Ну, и чёрт, раз, нарисовался:

— Пойдем, — говорит, — в ад.

Он говорит:

— У вас курят?

— Курят.

Ну, они туда заходят, смотрят: там кабак, все сидят, пьют, черти там, женщины голые. Он, раз, покурил, выпил, все это. Ну, чёрт говорит:

— Хорош, время вышло. Идти надо туда (ну, в рай).

Ну, он чё? Ему же понравилось, пишет заявление Богу, чтоб перевел его в ад. Бог подумал, подумал: «Ну, если хочет, пусть идет».

Раз, за ним черт приходит, повел его. Приводит его — хресть на сковородку и жарить. Он:

— Дак я же в другой ад хотел!

Он говорит:

— Это агитация!

358. [Мужик попал] в ад. Чёрт его ведет:

— Какую ты казнь выберешь? — Он посмотрел:

— Ну, показывай, какие казни есть.

— Вот на сковородке жарятся, вот внутренности вытаскиваются, а вот в туалете стоят.

Он, раз, посмотрел: они там по горло стоят в туалете и курят. Он говорит:

— Ну, я сюда пойду.

— Ну, иди.

Он, раз, туда, глядит — второй черт заходит:

— Кончай перекур, начинай приседания!

359. Русский, немец и американец спорят, короче, у кого крепче резина.

Ну, американец, значит, мол, жевательну резинку мы сделали: всю жизнь жуешь — и вкуса не теряет. Ну, немец чё? У нас, гыт, шины сделаны: 25 лет ездили и протекторы не сносили.

Ну, а Ваньке русскому, чё ему сказать? <...> Ничё нету. Он думал, думал, потом говорит:

— Ну, это все ерунда. Вот у нас, — гыт, — поп с колокольни упал — сам вдребезги, а калоши целы.

360. Боксеры поехали выступать в Америку. Ну и тут самый тяжеловес-то боксер заболел. Он же не может на ринг выйти. Наших там всех побили. Легкий, средний вес — всех побили. И вот одна надежда на него только. А шофёр здоровый был! Ну, значит, тренер-то выходит:

— Ну ты хоть выйди, хоть для помпы посправляйся там. — Он:

— Как, я не умею... Бокс, я его только со стороны видел.

— Да мы тебя научим. Главно, бей его и все.

Ну ладно, его — раз, на ринг. Там тресь — ну, он же забивает его. Первый раунд — ничья. Второй раунд. Он уже забил его, рукам закрываются, шофёр-то. Он его бьет, бьет. Он так — судью: чё, грит, его бить? Тот: бей! Тот развернулся,

как в лоб ему — бац! Он — раз! — судья тут подбегает, считает: раз, два, три.... Он его так по спине похлопал:

— Чё ты? Не трудись, не считай. Я, — крик, — 10 лет на бойне быков бил — ни один не подымался. Вообще не подымеется.

361. ...Один раз спорят русский, японец и американец: ну, затяжной прыжок — возле самой земли парашют раскроют. <...> Высоту набрали, крутятся. Летчик кричит:

— Прыгайте! Чё вы?

Американец прыгнул, летит думат, чё же, открывать ему парашют или нет. И Ванька следом русский-то за ним, летит, матерится, мимо него со свистом — фью, пролетел. Он несколько слов уловил, мол, с этой пьянкой и парашют забыл одеть... Но и в стог сена упал — живой остался.

Ну, японец с этим приземляются, он кричит (японцу):

— Сбегай посмотри, дышит он или нет.

Тот бежит обратно со стожка. Ну, этот американец спрашивает:

— Ну чё, дышит он или нет?

— Он-то, — гыт, — дышит, но вокруг него дышать нечем.

362. Ну, четверо попало: лев, волк, медведь, лиса и заяц. Вот сидят в яме этой. Три дня сидят, четыре. Ну, жрать-то надо чё-то. Ну, думают, решают: кого съесть? Ну, самого слабого. Заяц (счас его же съедят):

— Кто льва тронет, будет иметь дело со мной!

363. Звери на бутылку насобирали, ну думают, кого отправить. Медведя — не дождёшься, выпьет. Лису — обманет. Волка — бесполезно, кого там... Заяц — отберут. Думали, думали, кого... Черепаха им, раз, попала, они ей:

— Сбегай, черепаха. — Она, раз, полетела.

Час проходит, два проходит, три проходит. Заяц на дерево залез, матерится!.. ну, благим матом... И слышит из-за пня голос:

— Ругаться будешь — совсем не пойду.

364. Заяц с чемоданом, раз, с электрички слазит. Довольный такой. Галстучек поправил — раз! и чемодана-то нет. Глядит, медведь пошел с чемоданом. Он:

— Положь чемодан!

Медведь:

— Ты чё, заяц?..

— А то будет, как вчера.

Медведь напугался, думат, тут чё-то нечисто. Ну, раз, ему чемодан отдал. Заяц посмотрел — такси, раз, остановил такси, чемодан полóжил. Медведь:

— А чё вчера было?

— Да-а, — он, раз, в такси сел, — вчера забрали и не отдали.

365. Парень домой пьяный приходит, старику говорит:

— Старик, сегодня будет соревнование — ну, на самолете-то летать, а я пьяный. Иди за меня полетай.

Он его посадил туда и говорит:

— На все кнопки нажимай, на красную — не нажимай, а то с тобой чудеса могут...

Взял все кнопки нажал, взлетел. Летит, летит, думат: чё же красна-то там?.. Нажал — его выбросило (с парашютом человека-то выбрасыват), на колёсах застрял, висит.

Ну, Никсон показыват своему другу, говорит:

— Смотри, мой летчик-то на ходу колёса ремонтирует.

366. На Ту-144 полетели дикари. Чтоб они там не скучали, вина набрали. Но, они летят, летят. Слышно: шум сперва, они там загулялись, в самолете. Потом слышат — все утихли. Один-то летчик-то взглянул, говорит:

— А где же остальные?

— Они ушли бутылки сдавать, они дураки. А я тут уж остался, знаю, что выходной.

367. Заяц идёт мимо волка и спрашивает его:

— Дай мне семечек пошшелкать.

— А ты вон тех поросят угони, я тебе потом дам.

Ну, заяц побежал за поросятами-то. А потом идёт мимо волка-то, даже не глядит на его. Волк и говорит:

— На, возьми семечек-то себе на память от меня.

— Шам шшёлкай. — Поросята-то ему все зубы повышибли.

Комментарии

В комментариях даны следующие сведения: название текста; инициалы и фамилии собирателей; место и год записи; имя, отчество, фамилия исполнителя, год его рождения; далее отмечается наличие записи текста на магнитную ленту, указывается № магнитной ленты; если есть, приводятся примечания, данные собирателем относительно особенностей исполнения произведения, конкретной коммуникативной ситуации; даются географические, историко-культурные сведения.

Легенды

О сотворении мира и изгнании из рая

1. Записал В. П. Зиновьев в д. Крупянка Нерчинского района Читинской области в 1976 г. от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. р.

Праведный Ной и сыновья

2. Записал В. П. Зиновьев в д. Крупянка Нерчинского района Читинской области в 1969 г. от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. р.

Всемирный потоп

3. Записал В. П. Зиновьев в д. Крупянка Нерчинского района Читинской области в 1976 г. от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. р.

4. Записал В. П. Зиновьев в с. Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1969 г. от Олимпиады Михайловны Надежкиной, 1897 г. р.

Соломонов суд

5. Записал В. П. Зиновьев в д. Крупянка Нерчинского района Читинской области в 1969 г. от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. р., м/л 12.

Царь Ирод и Иоанн Креститель

6. Записал В. П. Зиновьев в д. Крупянка Нерчинского района Читинской области в 1969 г. от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. р.

Благовещение

7. Записал В. П. Зиновьев в д. Крупянка Нерчинского района Читинской области в 1969 г. от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. р.

Рождество Христово

8. Записал В. П. Зиновьев в д. Крупянка Нерчинского района Читинской области в 1969 г. от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. р.

Воскресение Христово

9. Записал В. П. Зиновьев в д. Крупянка Нерчинского района Читинской области в 1969 г. от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. р.

О чудесах воскресшего Иисуса Христа

10. Записали Т. Казидуб, Л. Фецерт, Л. Кустова в п. Дарасун Карымского района Читинской области в 1975 г. от Е. С. Черняевой.

Лев и раб

11. Записали А. Володько, И. Смолина, Н. Скобёлкина в с. Бори Сретенского района Читинской области в 1979 г. от Розы Васильевны Бочкарниковой, 1923 г. р.

О Торгинской иконе Божией матери «Знамение»

12. Записали Л. Павловская, Н. Скобёлкина в с. Знаменка Нерчинского района Читинской области в 1976 г. от Анатолия Павловича Единархова, 1917 г.р. Офицер запаса, образ. среднее. «Икона Знамени Пресвятой Богородицы находилась в храме села Торга Нерчинского округа Забайкальского края, по легенде была вынесена из Албазина в 1685 году ушедшими отсюда после конфликта с китайцами русскими казаками, которые, как полагают исследователи, и были первыми жителями и основателями села. Икона эта почиталась за чудотворную, а потому и стекалось в Торгу множество богомольцев три раза в год: 7 и 29 июля и 27 ноября. 7 июля икону уносили из Торги в Нерчинск, и к этому времени особенно много было паломников. <...> Крестные ходы с ней совершались ежегодно и в дальние приходы Нерчинского округа, расположенные по рекам Шилке, Унде и Куренге. Ношение это установилось по желанию самих жителей этих мест, чтивших икону как чудотворную и росительницу, ибо всегда, когда её носили, шли обильные дожди. В 1917 году Торгу переименовали, правобережная часть села стала именоваться Беломестново, а левобережная — Знаменка. Ещё через несколько лет Торгинскую церковь закрыли. Икону Знамени сначала поместили в Нерчинский музей, а затем, по настоятельным просьбам прихожан, она была перенесена в Нерчинский Воскресенский собор. В 1938 году, когда и собор был закрыт, икона бесследно исчезла» (газета «Земля» Выпуск № 28 от 10.07.2013 г.).

13. Записали В. Соколова, Т. Уколова в с. Знаменка Нерчинского района Читинской области в 1976 г. от Анисьи Егоровны Могильниковой, 1916 г. р.

14. Записали Т. Миронова, Т. Дружинина в с. Знаменка Нерчинского района Читинской области в 1976 г. от Соломонида Кирилловны Старицыной, 1912 г. р.

15. Записали Л. Павловская, Н. Скобёлкина в с. Знаменка Нерчинского района Читинской области в 1976 г. от Мальцевой Екатерины Калистратовны, 1949 г. р.

16. Записано в пос. Нижняя Куэнга Сретенского района Читинской области в 1974 г. от Александры Щербаковой, 1889 г. р.

О церкви в Зюльзе

17. Записал В.П. Зиновьев в с. Мирсаново Шилкинского района Читинской области в 1969 г. от Матрёны Алексеевны Томских, 1882 г. р., м/л 5.

Почему мужчины старше (главнее) женщин

18. Записали М. Соловьева, Н. Новикова в с. Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1980 г. от Федора Степановича Крапивкина, 1912 г. р. (род. с. Лесково Воронежской губ.), м/л 128.

О хлебном колосе («собачью долю едим»)

19. Записали И. Шишкина, Е. Баева, И. Хоменко в с. Пешково Нерчинского района Читинской области в 1979 г. от Нины Андреевны Гладких, 1931 г. р. (с. Ивановское Ярославской обл.).

Ангара и Енисей

20. Записал В. П. Зиновьев на разъезде Шапка Сретенского района Читинской области в 1974 г. от Устины Федоровны Сычёвой, 1894 г. р. (Воронежская губ.), м/л 23. Прим. собирателя: читала, видимо, в книге.

Байкал и Ангара

21. Записали Н. Новикова, М. Соловьева в селе Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1980 г. от Федора Степановича Крапивкина, 1912 г. р., (Воронежская губ.), м/л 127.

Предания и устные рассказы**Предания и устные рассказы
о благородном разбойнике Павле Ивченко****Как Ивченко разбойником стал**

22. Записал В. П. Зиновьев в с. Боты Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Ефима Ксенофонтовича Катанаева, 1895 г. р.

23. Записал В. П. Зиновьев в с. Боты Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Ефима Ксенофонтовича Катанаева, 1895 г. р., м/л 51.

Ивченко — меткий стрелок

24. Записали Л. Попова, В. Добродеева в п. Усть-Карск Сретенского района Читинской области в 1974 г. от Павла Тарасовича Плотникова, 1916 г. р.

Ивченко грабит богатых

25. Записал В. П. Зиновьев в с. Боты Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Ефима Ксенофонтовича Катанаева, 1895 г. р., м/л 51.

26. Записал В. П. Зиновьев в п. Усть-Карск Сретенского района Читинской области в 1974 г. от Александра Григорьевича Кравченко, 1909 г. р.

С Ивченкой надо добром

27. Записал В. П. Зиновьев в п. Усть-Карск Сретенского района Читинской области в 1974 г. от Кравченко Александра Григорьевича, 1909 г. р.

Ивченко одаривает бедных

28. Записали Л. Попова, В. Добродеева в п. Усть-Карск Сретенского района Читинской области в 1974 г. от Павла Тарасовича Плотникова, 1916 г. р.

29. Записал В. П. Зиновьев в с. Боты Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Ефима Ксенофонтовича Катанаева, 1895 г. р., м/л 51.

30. Записал В. П. Зиновьев в п. Усть-Карск Сретенского района Читинской области в 1974 г. от Александра Григорьевича Кравченко, 1909 г. р.

31. Записал В. П. Зиновьев в п. Усть-Карск Сретенского района Читинской области в 1974 г. от Петра Ивановича Русина, 1905 г. р.

32. Записал А. Кукса в с. Усть-Начин Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Михаила Григорьевича Анциферова, 1901 г. р.

33. Записали Л. Попова, В. Добродеева в п. Усть-Карск Сретенского района Читинской области в 1974 г. от Павла Тарасовича Плотникова, 1916 г. р.

34. Записали Л. Плотникова, Н. Щерба в с. Молодовск Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Федора Ивановича Судакова, 1916 г. р.

Как Ивченко пьяницу «вылечил»

35. Записал В. П. Зиновьев в с. Боты Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Павла Ансикритовича Вырупаева, 1898 г. р.

Собирались Ивченку схватить...

36. Записал В. П. Зиновьев в с. Боты Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Павла Ансикритовича Вырупаева, 1898 г. р.

37. Записал В. П. Зиновьев в п. Усть-Карск Сретенского района Читинской области в 1974 г. от Русина Петра Ивановича, 1905 г. р.

38. Записал В. П. Зиновьев в с. Боты Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Ефима Ксенофонтовича Катанаева, 1895 г. р., м/л 51.

39. Записал В. П. Зиновьев в с. Боты Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Павла Ансикритовича Вырупаева, 1898 г. р.

40. Записал В. П. Зиновьев в с. Боты Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Ефима Ксенофонтовича Катанаева, 1895 г. р., м/л 51.

41. Записали Л. Плотникова, Н. Щерба в с. Молодовск Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Федора Ивановича Судакова, 1916 г. р.

42. Записали М. Тарасова, И. Каргополова, Е. Протопопова, Н. Сухорукова в с. Фирсово Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Якова Егоровича Рычкова, 1902 г. р.

43. Записали Крюкова, Размахнина, Чередникова в с. Фирсово Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Ивана Григорьевича Бочкарникова, 1898 г. р.

44. Записали А. Порошина, М. Соловьева в с. Кактолга Газимурозаводского района Читинской области в 1977 г. от Александра Зиновьевича Астафьева, 1907 г. р.

45. Записал А. Кукса в с. Усть-Начин Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Михаила Григорьевича Анциферова, 1901 г. р.

Ивченке люди помогали

46. Записали Н. Новикова, О. Казакова в п. Усть-Карск Сретенского района Читинской области в 1974 г. от Николая Андриановича Разумейко, 1913 г. р.

47. Записали Волкова, Санжихаева в с. Бори Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Ирины Романовны Гусевской, 1900 г. р.

Ивченко бежит из тюрьмы

48. Записал В. П. Зиновьев в с. Боты Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Ефима Ксенофонтовича Катанаева, 1895 г. р., м/л 51.

Смерть Ивченки

49. Записал В. П. Зиновьев в с. Боты Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Ефима Ксенофонтовича Катанаева, 1895 г. р., м/л 51.

50. Записали С. Павлова, И. Климова, Т. Аверьянова в с. Бори Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Пантелеймона Михайловича Рожковского, 1913 г. р.

51. Записали Чередникова, Размахнина, Крюкова в с. Фирсово Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Якова Егоровича Рычкова, 1902 г. р.

52. Записали Бушкова, Давыденко, Сафьянникова в с. Молодовск Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Пантелеймона Яковлевича Тонких, 1892 г. р.

Дожил бы Ивченко до революции

53. Записал В. П. Зиновьев в с. Шилко-Завод Сретенского района Читинской области в 1974 г. от Георгия Никитича Самсонова, 1895 г. р.

54. Записали Н. Скобелкина, М. Эссер в с. Мангидай Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Гаврилы Иннокентьевича Плотнокова, 1908 г. р.

Предания и устные рассказы сибирских старожилов о ссылке и каторге

О местных названиях

55. Записали В. Добродеева, Л. Попова в пос. Усть-Карск Сретенского района Читинской области в 1974 г. от Алексея Лукича Дарниченко, 1911 г. р.

56. Записали Мазур, Саванжа в с. Ералга Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Макара Григорьевича Макарова, 1897 г. р.

57. Записал В. П. Зиновьев в с. Аргун Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Маркела Васильевича Коренева, 1908 г. р.

58. Записал В. П. Зиновьев в с. Шелопугино Читинской области в 1976 г. от Федора Абрамовича Балагурова, 1903 г. р., м/л 37.

В конце повествования наблюдается мотив «Как кормили беглых» (описание обычая выставлять на ночь хлеб и молоко для беглых в сенное окошко или в специально для этого прибитый к стене ящик, на столб), часто встречаемый в рассказах и преданиях о чалдонах.

О Ф. А. Балагурове как о об одном из ярких носителей живого русского слова см. в статье «От составителя» // «Русские сказки Забайкалья», книга 1, с. 23.

О заселении края русскими

59. Записали Крюкова, Размахнина, Чередникова в с. Чалбучи Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Бориса Григорьевича Артемьева, 1926 г. р.

60. Записали О. Казакова, Н. Новикова в пос. Усть-Карск Сретенского района Читинской области в 1974 г. от Александра Григорьевича Петрова, 1893 г. р.

61. Записали Н. Новикова, М. Соловьева в с. Верхние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1980 г. от Евгении Павловны Ломагиной, 1898 г. р. (с. Ахматово Городищевского уезда Пензенской губернии, в Верхних Ключах с 1936 г.), м/л 125.

62. Записали Н. Новикова, М. Соловьева в с. Верхние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1980 г. от Феклы Ивановны Мосоловой, 1913 г. р., м/л № 116.

63. Записали Л. Вылкова, Л. Кульпина в с. Аталанка Усть-Удинского района Иркутской области в 1978 г. от Моисея Иосифовича Луковникова, 1925 г. р.

64. Записал В.П. Зиновьев в с. Боты Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Ивана Степановича Ворсина, 1913 г. р.

65. Записали И. Смолина, М. Соловьева в с. Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1979 г. от Сергея Гавриловича Бутина, 1895 г. р., м/л 73.

66. Записали З. Москаленко, О. Хвостова, М. Шипицина в с. Кудея Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Афанасия Андреевича Дунаева, 1902 г. р.

Про Разгильдеева

67. Записали Крюкова, Размахнина, Чередникова в с. Бори Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Ксении Константиновны Дружининой, 1908 г. р.

Образ Разгильдеева, первого начальника каринских золотых промыслов, устойчив в памяти жителей Восточного Забайкалья. Цикл преданий о нем содержит следующие основные мотивы:

· Разгильдеев злоупотребляет данной ему неограниченной властью над рабочими, особенно над каторжанами.

· Разгильдеев дает обещание царю намыть за один сезон сто пудов золота, губит людей, но намыть сто пудов золота так и не может.

· За жестокость и зверства на могиле Разгильдеева забивают осинового кол.

· О Разгильдееве сложена песня «На каринских промыслах...»

· Разгильдеев умел хозяйствовать. Под его руководством был построен тракт вдоль реки Шилки.

В данном предании раскрываются мотивы «Разгильдеев злоупотребляет данной ему неограниченной властью над рабочими, особенно над каторжанами», «О Разгильдееве сложена песня „На каринских промыслах...“».

68. Записал В.П. Зиновьев в с. Шилко-Завод Сретенского района Читинской области в 1974 г. от Георгия Никитича Самсонова, 1895 г. р.

Предание содержит мотивы «Разгильдеев дает обещание царю намыть за один сезон сто пудов золота, губит людей, но намыть сто пудов золота так и не может», «Разгильдеев злоупотребляет данной ему неограниченной властью над рабочими, особенно над каторжанами» цикла «О Разгильдееве».

69. Записали И. Смолина, М. Соловьева в с. Бори Сретенского района Читинской области в 1979 г. от Прасковьи Дорофеевны Тонких, 1910 г.р., м/л 83.

Предание содержит мотивы «Разгильдеев злоупотребляет данной ему неограниченной властью над рабочими, особенно над каторжанами», «О Разгильдееве сложена песня „На каринских промыслах...“» цикла «О Разгильдееве».

70. Записал В.П. Зиновьев в п. Усть-Карск Сретенского района Читинской области в 1974 г. от Петра Ивановича Русина, 1905 г. р., м/л 15.

Предание содержит мотивы «Разгильдеев злоупотребляет данной ему неограниченной властью над рабочими, особенно над каторжанами», «Разгильдеев умел

хозяйствовать. Под его руководством был построен тракт вдоль реки Шилки» цикла «О Разгильдееве».

В.П. Зиновьев сопровождает текст предания таким замечанием: «В сознании рассказчика Разгильдеев управлял и политическими каторжанами (еще не было политических каторжан)».

О политзаключенных

71. Записали И. Смолина, М. Соловьева в с. Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1979 г. от Сергея Гавриловича Бутина, 1895 г. р., м/л 73.

72. Записал В.П. Зиновьев в 1977 г. в с. Аргун Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Маркела Васильевича Коренева, 1908 г. р.

73. Записали И. Смолина, М. Соловьева в с. Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1979 г. от Сергея Гавриловича Бутина, 1895 г. р., м/л 73.

74. Записал В.П. Зиновьев в с. Курумдюкан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. р., м/л 91.

О беглых

75. Записали Девятловская, Новосёлова в с. Фирсово Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Василия Семеновича Лоншакова, 1912 г. р.

76. Записал В.П. Зиновьев в с. Мирсаново Шилкинского района Читинской области в 1969 г. от Анны Арсентьевны Томских, м/л 5.

В.П. Зиновьев дает жанровое определение «сказ».

77. Записали И. Смолина, М. Соловьева в с. Бори Сретенского района Читинской области в 1979 г. от Прасковьи Дорофеевны Тонких, 1910 г.р., м/л 83.

78. Записали И. Смолина, М. Соловьева в с. Бори Сретенского района Читинской области в 1979 г. от Прасковьи Дорофеевны Тонких, 1910 г.р., м/л 83.

79. Записали В. Жаглова, Е. Косолапова, П. Сапунова в пос. Дарасун Карымского района Читинской области в 1975 г. от Тамары Григорьевны Шатковской.

80. Записали М. Соловьева, Э. Лямина, Т. Усова в с. Курумдюкан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Анны Назарьевны Соболевой, м/л 104.

81, 82. Записал В.П. Зиновьев в с. Крупянка Нерчинского района Читинской области в 1976 г. от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г.р., м/л 49.

В.П. Зиновьев обозначил рассказ (№ 82) как бывальщину. Рассказчица поясняет: «Чалдоны — это кого в острог посадят, в тюрьму — они сбегали — вот это и чалдоны. У их отметка была, у чалдонов. Их знали. Волосы все острижены, и на левом виске у их вот такой хохолок волосьев оставался. Если такой в деревню зайдёт, его уж знали, что он чалдон».

83. Записали Н. Новикова, М. Соловьева в с. Верхние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1980 г. от Зои Павловны Сундеевой, 1923 г. р., м/л 123.

Мотив «Как кормили беглых» — сюжетобразующий в данном повествовании.

84. Записали Н. Новикова, М. Соловьева в с. Верхние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1980 г. от Евгении Павловны Ломагиной, 1898 г. р., м/л 125.

85. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова в с. Бура Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Кобылкина Ивана Даниловича, 1912 г. р., м/л 109.

86. Записали Н. Онышко, О. Сизых в с. Знаменка Нерчинского района Читинской области в 1976 г. от Александра Михайловича Бронникова, 1945 г. р.

87. Записал В. П. Зиновьев в пос. Усть-Карск Сретенского района Читинской области в 1974 г. от Петра Ивановича Русина, 1905 г. р., м/л 15.

88. Записали Э. Лямина, М. Соловьева в с. Луговское Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Михаила Ильича Муратова, 1907 г. р.

Ланцовкой в Восточном Забайкалье называют сенное окошечко, в которое выставлялось съестное для бродяг. Название — по фамилии популярного в этих местах беглого каторжанина Ланцова.

89. Записали Л. Дробышевская, С. Семенов в д. Копунь Шелопугинского района Читинской области в 1982 г. от Степана Григорьевича Сысолятина, 1923 г. р.

90. Записали Н. Новикова, М. Соловьева в с. Верхние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1980 г. от Феклы Ивановны Мосоловой, 1913 г. р., м/л 116.

91. Записал В. П. Зиновьев в с. Шелопугино Читинской области в 1981 г. от Татьяны Зиновьевны Балагуровой, 1899 г. р., м/л 131.

92. Записали О. Соболева, М. Соловьева в с. Газимурский Завод Читинской области в 1976 г. от Виктора Константиновича Кузнецова, 1952 г. р.

93. Записала М. Соловьева в с. Мангидай Сретенского района Читинской области в 1984 г. от Анны Архиповны Добрыниной, 1913 г. р.

94. Записали И. Егорова, Т. Труфанова в д. Пешково Нерчинского района Читинской области в 1979 г. от Георгия Герасимовича Верхотурова, 1894 г. р.

95. Записали Н. Новикова, М. Соловьева в с. Верхние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1980 г. от Феклы Ивановны Мосоловой, 1913 г. р., м/л 116.

96. Записал В. П. Зиновьев в с. Шелопугино Читинской области в 1976 г. от Федора Абрамовича Балагурова, 1903 г. р.

97. Записал В. П. Зиновьев в с. Шелопугино Читинской области в 1976 г. от Федора Абрамовича Балагурова, 1903 г. р.

98. Записали О. Соболева, М. Соловьева в с. Газимурский Завод Читинской области в 1976 г. от Виктора Константиновича Кузнецова, 1952 г. р.

99. Записали А. Порошина, Н. Скобелкина в с. Бори Сретенского района Читинской области в 1979 г. от Кристины Константиновны Дружининой, 1898 г. р., м/л 87.

100. Записал В. П. Зиновьев в пос. Дунаево Сретенского района Читинской области в 1974 г. от Марфы Андреевны Рычковой, 1901 г. р., м/л 25.

В Примечаниях к тексту В. П. Зиновьев пишет о рассказчице: «Рычкова М. А. прожила сложную жизнь: была красной партизанкой, хорошо, по ее словам, знала В. Журавлева и других красных командиров. После гражданской войны работала в ЧК: переправлялась через границу и собирала разведсведения о контрабанде, о возможных переходах границы... Данные воспоминания — вся ее жизнь, наполняющая ее и до сих пор, самое бурное время...».

101. Записали О. Соболева, М. Соловьева в с. Шелопугино Читинской области в 1976 г. от Татьяны Ивановны Уфимцевой, 1901 г. р.

Разбойники в доме

102. Записали Н. Скобелкина, М. Пикуцкая, М. Эссер в с. Мангидай Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Александры Петровны Плотниковой, 1933 г. р.

103. Записали И. Егорова, Т. Труфанова в д. Пешково Нерчинского района Читинской области в 1979 г. от Анны Никитичны Кустобаевой, 1930 г. р.

104. Записал В. П. Зиновьев на разъезде Шапка Сретенского района Читинской области в 1974 г. от Сычевой Устиньи Федоровны, 1894 г. р., м/л 23.

В. П. Зиновьевым дано определение данного рассказа «досюльщина — страшная быль».

Устные рассказы о гражданской войне

Казак на службе в царской армии.

Начало гражданской войны

105. Записал В. П. Зиновьев в с. Пешково Нерчинского района Читинской области в 1969 г. от Карпа Фёдоровича Васильева, 1896 г. р., м/л 7.

И Крыленко там был, Иван, командующий морскими и сухопутными войсками... По всей вероятности, речь идет о Николае Васильевиче Крыленко (1885–1938), Верховном Главнокомандующем Российской армии с 12 ноября 1917 г. по 14 марта 1918 г.

А тут Семенов на Даурии. Григорий Михайлович Семенов (1890–1946) — казачий атаман, один из главных организаторов Белого движения в Забайкалье и на Дальнем Востоке. В ноябре 1917 — январе 1918 гг. Семенов со своим конным Бурято-монгольским казачьим отрядом, сформированным под Верхнеудинском и пополненным в районе железнодорожных станций Даурия и Маньчжурия (впоследствии преобразованным в Особый Маньчжурский отряд — ОМО), захватил восточную часть Забайкалья — Даурию.

Казак-фронтовик вступает в Красную гвардию

106. Записал В. П. Зиновьев в с. Боты Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Ефима Ксенофонтовича Катанаева, 1895 г. р., м/л 51–53.

А Верига, командир полка, налетел к нам туды на лошадях... Леонид Витальевич Верига (? – 1944) — командир 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска, впоследствии участник Белого движения, в частности, в 1918–1919 гг. был начальником штаба Особого Маньчжурского отряда (ОМО), генералом для поручений при атамане Семенове.

Семенов ушел за границу со своими остатками... В феврале 1918 г. части Красной гвардии под командованием С. Г. Лазо отбросили семеновский ОМО в Маньчжурию, однако уже в апреле 1918 г. Семенов вновь вторгся в Забайкалье.

Тогда нашего командующего фронтом Лазо перевели в Иркутск для задержания этих чехословацких корпусов. Сергей Георгиевич Лазо (1894–1920) — участник гражданской войны, принимавший активное участие в установлении советской власти в Забайкалье и на Дальнем Востоке. В феврале-августе 1918 г. являлся командующим войсками Красной армии Забайкальского (Даурского) фронта. С Иркутском связана предшествующая страница его революционной биографии — участие в боях с восставшими юнкерами (а не с «чехословацкими корпусами», как повествуется в рассказе) за установление советской власти в Иркутске в декабре 1917 г., после чего он ненадолго был назначен начальником гарнизона и военным комендантом города.

А сверху к Иркутску подходили чехословацкий корпус, который обманул товарища Ленина... Отдельный чехословацкий корпус был создан в России осенью 1917 г. В марте 1918 г. при содействии советского правительства была начата эвакуация корпуса по железной дороге через Владивосток. В мае 1918 г. начался мятеж против советской власти на всем протяжении следования корпуса по Транссибу. В Иркутск воинские части корпуса вступили в июле 1918 г. и покинули его в марте 1920 г.

А здесь остался Балябин Фрол командующим фронтом Даурским. Фрол Емельянович Балябин (1894–1919) — в 1918 г. военный комиссар Забайкальского Совнаркома, командир 1-го Аргунского полка, затем командующий Забайкальским (Даурским) фронтом Красной армии.

...Командование наше решило распустить все войска. А сами на Урульге совещание сделали... 28 августа 1918 г. отступающие из Читы под натиском белых части Красной армии соединились с частями Забайкальского фронта на станции Урульга, где состоялось совещание под руководством С. Г. Лазо (Урульгинская конференция), на котором было принято решение о роспуске Забайкальского фронта и начале партизанской войны против белогвардейцев и интервентов.

А тут Семенов, значит, оттудова вышел в Читу и начал опеть свои карательные отряды — по всем населенным пунктам. А те вылавливали правого-виноватого и — казнить, на броновики... 30 августа 1918 г. решением Читинской городской думы были отменены все законы советской власти, ОМО атамана Семенова и японские войска заняли Читу. Вскоре начались жестокие репрессии против красногвардейцев и партизан, были организованы застенки в Чите, Нерчинске, Даурии, Маккавеево, а также в бронепоездах, где были замучены тысячи людей.

Вот так и попал я к этому Якимову. См. коммент. к № 114.

«Почему я не стал навидеть эту власть»

107. Записали А. Бушев, А. Кукса в г. Сретенске Читинской области в 1977 г. от Ефима Осиповича Добрынина. Кроме собирателей присутствовал слушатель — односельчанин Дэкин Петр Матвеевич.

«Столыпинский вагон» — товарный вагон, приспособленный для перевозки крестьян, переселявшихся из центральной России в Сибирь по реформе П. А. Столыпина; впоследствии специальный вагон для перевозки арестантов.

Первый Забайкальский полк переходит к Журавлеву

108. Записали О. Соболева, М. Соловьева в с. Купряково Шелопугинского района Читинской области в 1976 г. от Николая Саввича Шепетова, 1889 г. р.

Павел Николаевич Журавлев (1887–1920) — командующий Восточно-Забайкальским партизанским фронтом в 1919–1920 гг. 19 февраля 1920 г. был смертельно ранен в бою под Сретенском.

Зюльзинский бой

109. Записал В. П. Зиновьев в 1974 г. в пос. Усть-Карск Сретенского района Читинской области от Петра Ивановича Русина, 1905 г. р., м/л 15.

Как партизаны отбили село у семеновцев («поели блинов»)

110. Записал В. П. Зиновьев в с. Шелопугино Читинской области в 1981 г. от Ивана Семеновича Банщикова, 1930 г. р., м/л 135.

Джигитовкой спаслись

111. Записал В. П. Зиновьев в с. Шелопугино Читинской области в 1981 г. от Ивана Семеновича Банщикова, 1930 г. р., м/л 134.

...А японец, значит, с пулеметом замаскировался. Армия Японии принимала активное участие в интервенции стран Антанты в России в годы гражданской войны. В 1918 г. японские войска оккупировали значительные территории в Забайкалье и на Дальнем Востоке, они участвовали в боях с партизанами, сотрудничали с атаманом Семеновым, оказывая ему помощь оружием и деньгами.

Как командира вытащили из-под огня

112. Записал В. П. Зиновьев в с. Луговское Шелопугинского района Читинской области в 1977 г. от Ефима Филимоновича Резанова, 1903 г. р., м/л 56.

О Журавлеве

113. Записали О. Соболева, М. Соловьева в с. Купряково Шелопугинского района Читинской области в 1976 г. от Николая Савича Шепетова, 1889 г. р.

О партизанском командире Якимове

114. Записал В. П. Зиновьев в с. Луговское Шелопугинского района Читинской области в 1977 г. от Ефима Филимоновича Резанова, 1903 г. р., м/л 56.

Макар Михайлович Якимов (1891–1938) — один из организаторов партизанского движения в Забайкалье, в 1918 г. в рядах Красной гвардии участвовал в боях на Забайкальском фронте, командир 1-го кавалерийского полка. В 1922 г. был направлен в военную академию, служил в Красной армии, комбриг (1835). Расстрелян в 1938 г.

Он же у Семенова ишо... При старой армии ишо служили они.

М. М. Якимов в годы Первой мировой войны служил рядовым казаком в 1-м Верхнеудинском полку, в том же полку в 1911 г. служил атаман Г. М. Семенов в чине хорунжего,

115. Записали А. Бушев, А. Кукса в г. Сретенске Читинской области в 1977 г. от Ефима Осиповича Добрынина.

В том же Дацанском-то бою... См. коммент. № 116.

Ну, уж это старик был, казак. Старик — здесь в значении «казак, который воевал в Мировую войну» (прим. соб.).

116. Записали А. Бушев, А. Кукса в г. Сретенске Читинской области в 1977 г. от Ефима Осиповича Добрынина.

Мы захватили Цугол-Дацан. Цугольский дацан, старейший в Забайкалье буддийский монастырь, в 1918–1920 гг. несколько раз становился местом боевых действий. 28 февраля 1920 г. партизанский отряд под командованием М. М. Якимова выбил из него сводную конно-азиатскую бригаду Б. П. Резухина.

Борис Петрович Резухин (? — 1921) — генерал-майор (1920), участник Белого движения в Забайкалье и Монголии. Во время Первой мировой войны командовал

сотней в 1-м Верхнеудинском полку, во время гражданской войны примкнул к войскам атамана Семенова.

О Погодаеве

117. Записал В. П. Зиновьев в пос. Усть-Карск Сретенского района Читинской области в 1974 г. от Петра Ивановича Русина, 1905 г. р., м/л 15.

Федот Аввакумович Погодаев (1893–1920) — командир 7-го кавалерийского полка партизан Шилкинской группы, сформированного в сентябре 1919 г. Погиб в бою за Сретенск 4 февраля 1920 г.

118. Записал В. П. Зиновьев в с. Луговское Шелопугинского района Читинской области в 1977 г. от Ефима Филимоновича Резанова, 1903 г. р., м/л 56.

119. Записал А. Кукса в г. Чите в 1978 г. от Василия Ивановича Балябина, 1900 г. р., уроженца с. Второй Булдуруй Чалбучинской станицы Забайкальской области.

У меня там в романе описано... В. И. Балябин (1900–1990) — участник гражданской войны в Забайкалье, впоследствии известный писатель, автор романа «Забайкальцы» (1959), в котором нашли отражение как его личные воспоминания, так и многочисленные устные рассказы и документальные источники о жизни забайкальского казачества в предреволюционные годы и во время гражданской войны.

120. Записали Крюкова, Размахнина, Чередникова в с. Чалбучи Шелопугинского района Читинской области в 1977 г. от Бориса Григорьевича Артемьева, 1926 г. р.

121. Записали И. Каргополова, Е. Протопопова, Н. Сухорукова, М. Тарасова в с. Ломы Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Петра Ивановича Коновалова, 1906 г. р.

122. Записал В. П. Зиновьев. в с. Шилкинский Завод Сретенского района Читинской области в 1974 г. от Георгия Никитича Самсонова, 1895 г. р.

Потом, был тут бродяга Ивченко... О «благородном разбойнике» Павле Ивченко, герое народных преданий, см. № 22–54 наст. издания.

О гибели Афанасия Пуртова

123. Записал В. П. Зиновьев в с. Боты Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Ефима Ксенофонтовича Катанаева, 1895 г. р., м/л 52.

«Те русские и другие русские...»

124. Записал В. П. Зиновьев в с. Курумдюкан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. р., м/л 91.

Каратели в Тайне

125. Записал В. П. Зиновьев в с. Луговское Шелопугинского района Читинской области в 1977 г. от Ефима Филимоновича Резанова, 1903 г. р., м/л 56.

Белые в деревне

126. Записал В. П. Зиновьев в д. Бура Газимурозаводского района Читинской области в 1978 г. от Авдотьи Ивановны Полоротовой, 1901 г. р., м/л 67.

...Каки-то харчёны были... В состав Особого Маньчжурского отряда атамана Семенова наряду с добровольно вступившими в него офицерами, казаками и солдатами бывшей русской армии входили наемники — китайцы, монголы, а также хорчины — представители монголоязычной этнографической группы, живущей в Китае, на востоке Внутренней Монголии.

Чиронские партизаны

127. Записал В. П. Зиновьев в г. Нерчинске Читинской области в 1977 г. от Евдокии Даниловны Огневой, м/л 54.

Вот эти тапхаевцы налетали... Дугар Тапхаев (1884–1934) — участник гражданской войны в Забайкалье, командовал бурятскими национальными подразделениями в войсках Семенова. Полк Тапхаева активно участвовал в боях с красными партизанами и карательных экспедициях против поддерживавшего их населения.

Как к партизанам ушла

128. Записал В. П. Зиновьев в п. Дунаево Сретенского района Читинской области в 1974 г. от Марфы Андреевны Рычковой, 1901 г. р., м/л 25.

Каратель Играшка Шергин

129. Записал В. П. Зиновьев в г. Нерчинске Читинской области в 1977 г. от Евдокии Даниловны Огневой, м/л 54.

Гибель двух братьев

130. Записал В. П. Зиновьев в с. Верхняя Куэнга Сретенского района Читинской области в 1974 г. от Михаила Ксенофонтовича Пискарева, 1905 г.р., м/л 22.

...На броневик посадили и увезли. См. коммент. к № 106.

Брат против брата

131. Записал В. П. Зиновьев в пос. Усть-Карск Сретенского района Читинской области в 1974 г. от Александра Ивановича Колотовкина, 1919 г. р.

О гибели партизана Коломыйцева

132. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова в с. Курумдюкан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Анны Назарьевны Соболевой, 1906 г. р., м/л 104.

Казнь партизан («Докуль мы будем друг друга бить?..»)

133. Записали Э. Лямина, Т. Усова в с. Бурукан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Прокопия Владимировича Рюмкина, 1897 г. р., м/л 110.

«Пятый полк — боевой полк был». Бой у Мациевской

134. Записал А. Кукса в г. Сретенске Читинской области в 1976 г. от Ефима Осиповича Добрынина.

Вот Цугул-Дацанский бой. См. коммент. к № 116.

Ну и последний бой — это Мациевский. Речь идет о бое у станции Мациевской, расположенной в нескольких километрах от границы с Китаем, 21 ноября 1920 г.

«Отбивая контратаки белогвардейцев, НРА ДВР [Народно-революционная армия Дальневосточной республики. — *Ред.*] отбросила их остатки к разъезду Шарасун, где они оказались отрезанными от границы. Здесь разразились последние сражения. Около 10 тысяч вражеских солдат атаковали находящийся в Мациевской 2-й кавалерийский полк П.И. Косяковича. В течение двенадцати часов полк вел кровопролитный бой, сдерживая натиск белогвардейцев. Отчаявшись прорваться по железной дороге, остатки белогвардейцев оставили ее и степью ушли на китайскую территорию» (*Василевский В.И. Борьба за советскую власть в Забайкалье. — Иркутск, 1979. С. 112*). «Конница белых, до четырех полков, несколько раз стремительно бросалась в атаку, но не выдерживала картечного огня нашей артиллерии и каждый раз отскакивала обратно, заваливая поле трупами людей и лошадей. <...> В результате началось беспорядочное бегство их в сторону маньчжурской границы. Преследуя белых ураганным огнем, наша артиллерия расстреливала их, как густо поставленные мишени. «Промазать» было совершенно невозможно. Партизанская конница дралась в пешем строю, вследствие чего с преследованием белых она запоздала, к тому же лошади еле двигались от усталости. Это обстоятельство явилось спасением для белогвардейцев: они успели выскользнуть за границу, которая была всего в шести километрах. <...> Потери белогвардейцев в живой силе были исключительно велики: трупами было усеяно все поле и подобрано было огромное количество раненых. Наши потери были тоже значительны: до пятидесяти человек убитых, более ста раненых. <...> Так закончился этот «последний решительный бой». Из Забайкалья были выметены последние остатки белогвардейщины» (*Борьба за Советы в Забайкалье. — Чита, 1947. С. 186, 187*).

Устные рассказы о сибирской деревне в 1920–1930-е годы

Песни из-за реки

135. Записал В.П. Зиновьев в г. Нерчинске Читинской области в 1977 г. от Евдокии Даниловны Огнёвой, м/л 54.

Возвращение беженцев из-за границы

136. Записал В.П. Зиновьев в г. Сретенске Читинской области, в 1978 г. от Доросфея Филипповича Нечитайло, 1901 г. р., м/л 58.

...*Декрет, подписанный самим Лениным, насчет белогвардейцев, насчет беженцев.* Постановлением советского правительства от 3 ноября 1921 г. была объявлена амнистия участникам белогвардейских военных организаций «в ознаменование четвертой годовщины власти трудящихся в связи с окончанием войны», первоначально имевшая ограниченный территориальный характер. Впоследствии был принят ряд специальных декретов в интересах рядовых участников контрреволюционных выступлений. В частности, 9 июня 1924 г. вышло Постановление ВЦИК «О распространении амнистии, объявленной 3 ноября 1921 г., на всех, находящихся на Дальнем Востоке, в Монголии и Западном Китае рядовых солдат белых армий», которое способствовало возвращению на родину с территории Китая сотен тысяч эмигрантов.

Жена белобандита

137. Записали О. Соболева, М. Соловьева в с. Кумаки Нерчинского района Читинской области в 1976 г. от Семена Степановича Носкова, 1901 г.р.

138. Записал В.П. Зиновьев в г. Нерчинске Читинской области в 1974 г. от Августы Кирилловны Зиновьевой, 1919 г. р.

139. Записал В.П. Зиновьев в с. Кумаки Нерчинского района Читинской области в 1976 г. от Семена Степановича Носкова, 1901 г. р.

140. Записал В.П. Зиновьев в г. Нерчинске Читинской области в 1974 г. от Августы Кирилловны Зиновьевой, 1919 г. р.

Коммуны и колхозы

141. Записали Э. Лямина, М. Соловьва, Т. Усова в с. Бурукан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Григория Капидоновича Грובה, 1907 г. р., м/л 101.

С коммунаой дело не вышло

142. Записали Н. Новикова, М. Соловьева в с. Верхние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1980 г. от Зои Павловны Сундеевой, 1923 г. р., м/л 124.

Коммуна в селе Кокорино

143. Записал В.П. Зиновьев в г. Иркутске в 1976 г. от Николая Ивановича Кокорина, 1918 г. р., уроженец с. Кокорино Иволгинского района Бурятской АССР, м/л 43.

Как нас раскулачили

144. Записали О. Соболева, М. Соловьева в с. Шелопугино Читинской области в 1976 г. от Ефимии Павловны Верхотуровой, 1906 г. р.

«Так вот и страдали, мучились...»

145. Записали Крюкова, Размахнина, Чередникова в д. Уктыча Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Анны Васильевны Лещевой, 1901 г. р.

Как дедушку раскулачили

146. Записали Н. Новикова, М. Соловьева в с. Верхние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1980 г. от Фёклы Ивановны Мосоловой, 1913 г. р., м/л 116.

Кактолгинская трагедия

147. Записал В.П. Зиновьев в с. Боты Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Ивана Степановича Ворсина, 1913 г. р., уроженец с. Аркия Газимурозаводского района Читинской обл., м/л 50.

Речь идет о крестьянском восстании в селах Усть-Карского района Забайкалья в мае-июне 1930 г., спровоцированном насильственной коллективизацией и раскулачиванием.

Лазебный Петр Григорьевич (1904–1930) — сотрудник служб госбезопасности, с 1927 г. уполномоченный Сретенского окружного отдела ОГПУ. Принимал жесткие меры в отношении недовольных советской властью на селе, был убит восставшими жителями с. Кактолга.

148. Записал В. П. Зиновьев в с. Боты Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Надежды Филипповны Ворсиной, 1917 г. р., м/л 50.

О ежовщине

149. Записали Э. Лямина, Т. Усова в с. Батакан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Николая Александровича Епифанцева, 1902 г. р., м/л 110.

Ежовщина — массовые репрессии 1937–1938 гг. в СССР, одним из главных организаторов которых был генеральный комиссар госбезопасности, нарком внутренних дел в 1936–1938 гг. Н. И. Ежов, расстрелянный в 1940 г.

150. Записали Н. Новикова, М. Соловьева в с. Верхние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1980 г. от Феклы Ивановны Мосоловой, 1913 г. р., м/л 116.

151. Записали Е. Баева, И. Хоменко, И. Шишкина в с. Рудник (Пешково) Нерчинского района Читинской области в 1979 г. от Александры Андреевны Бурдинской, 1911 г. р.

152. Записали Э. Лямина, Т. Усова в с. Бурукан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Прокопия Владимировича Рюмкина, 1897 г. р., м/л 110.

153. Записали Э. Лямина, Т. Усова в с. Бурукан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Марфы Павловны Рюмкиной, 1903 г. р., м/л 110.

Как отбывал срок на Крайнем Севере

154. Записали Э. Лямина, М. Соловьева в с. Бура Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Георгия Ивановича Ёлгина, 1910 г. р., м/л 106, 107.

Эти бригадмилыцы тогда были, им оружие доверяли там... В 1932 г. в СССР была создана общественная организация Бригадмил (Бригады содействия милиции), оказывавшая помощь милиции в охране общественного порядка.

Устные рассказы о традиционном крестьянском укладе и о его разрушении

Бедные и богатые

155. Записал В. П. Зиновьев в с. Мирсаново Шилкинского района Читинской области в 1969 г. от Анны Арсентьевны Ермолих, Матрены Алекс.Томских, м/л 5.

156. Записали Н. Новикова, М. Соловьева в с. Верхние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1980 г. от Матрены Гавриловны Ветлугиной, 1899 г. р., м/л 124.

157. Записали Э. Лямина, Т. Усова в с. Батакан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Матрены Яковлевны Усольцевой, м/л 110.

158. Записал В. П. Зиновьев в с. Верхняя Куэнга Сретенского района Читинской области в 1974 г. от Афанасия Дементьевича Конёва, 1904 г.р., м/л 21.

159. Записали О. Соболева, М. Соловьева в с. Кумаки Нерчинского района Читинской области в 1976 г. от Семена Степановича Носкова, 1901 г. р.

160. Записал В. П. Зиновьев в с. Крупянка Нерчинского района Читинской области в 1969 г. от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. р., м/л 12.

161. Записали Гилева, Дремина в 1977 г. от Андрея Александровича Чащина, 1893 г. р.

162. Записали Н. Новикова, М. Соловьева в с. Верхние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1980 г. от Афанасия Федоровича Окладникова, 1896 г. р., м/л 120.

163. Записали Н. Новикова, М. Соловьева в с. Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1980 г. от Екатерины Лаврентьевны Павловой, 1915 г. р. (с. Подризовка Белошовского уезда Саратовской губернии), м/л 117.

164. Записал В. П. Зиновьев в г. Нерчинске в 1979 г. от Петра Алексеевича Достовалова, 1909 г. р., м/л 70.

165. Записал С. Полторадыдка в с. Аталанка Усть-Удинского района Иркутской области в 1978 г. от Феклы Дмитриевны Анисимовой, 1911 г. р.

166. Записали Э. Лямина, Т. Усова в с. Батакан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Кореневой Надежды Степановны, 1912 г. р., м/л 114.

167. Записали Е. Кобак, Н. Серова в с. Пешково Нерчинского района Читинской области в 1979 г. от Марии Евстрафовны Зайрна, 1909 г. р., неграмотной.

Как трудились раньше

168. Записали О. Соболева, М. Соловьева в с. Знаменка Нерчинского района Читинской области в 1976 г. от Ульяны Яковлевны Единарховой, 1920 г. р., м/л 45.

169. Записала М. Соловьева в с. Батакан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Афросиньи Мироновны Овчинниковой, 1905 г. р., м/л 112.

170. Записали И. Смолина, М. Соловьева в с. Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1979 г. от Лидии Кузьминичны Авериной, 1909 г. р., м/л 78.

171. Записали Н. Новикова, М. Соловьева в с. Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1979 г. от Федора Степановича Крапивкина, 1912 г. р., (с. Лесково Воронежской губернии), м/л 76.

172. Записала М. Соловьева в с. Бурукан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Прасковьи Амосовны Ёлгиной, 1903 г. р., м/л 111.

173. Записали М. Соловьева, Н. Новикова в с. Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1980 г. от Анны Владимировны Володиной, 1910 г. р., м/л 119.

174. Записали И. Смолина, М. Соловьева в с. Бори Сретенского района Читинской области в 1979 г. от Ксении Иннокентьевны Тонких, 1895 г. р. Высказывание после исполнения песни.

175. Записали И. Смолина, М. Соловьева в с. Бори Сретенского района Читинской области в 1979 г. от Прасковьи Дорофеевны Тонких, 1910 г. р., м/л 83.

176. Записано от Анапашинной (другие сведения отсутствуют)

177. Записали Н. Новикова, М. Соловьева в с. Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1980 г. от Екатерины Лаврентьевны Павловой, 1915 г. р. (с. Подризовка Белошовского уезда Саратовской губернии), м/л 117.

О мастерах своего дела

178. Записал В. П. Зиновьев в д. Бори Сретенского района Читинской области в 1979 г. от Лукерьи Викторовны Дружининой, 1920 г. р., м/л 86.

179. Записали И. Смолина, М. Соловьева в с. Бори Сретенского района Читинской области в 1979 г. от Прасковьи Дорофеевны Тонких, 1910 г. р., м/л 83.

180. Записали И. Смолина, М. Соловьева в с. Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1979 г. от Михаила Егоровича Малыгина, 1906 г. р., м/л 78.

181. Записали М. Соловьева, Н. Новикова в с. Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1980 г. от Михаила Егоровича Малыгина, 1906 г. р., м/л 118.

182. Записала М. Соловьева в с. Бурукан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Прасковьи Амосовны Ёлгиной, 1903 г.р., м/л 111.

183. Записали И. Смолина, М. Соловьева в с. Кудея Сретенского района Читинской области в 1979 г. от Федора Трофимовича Судакова, 1905 г. р., м/л 81.

184. Записал В.П. Зиновьев в г. Нерчинске в 1979 г. от Петра Алексеевича Достовалова, 1909 г. р.

185. Записал В.П. Зиновьев в г. Нерчинске в 1978 г. от Петра Алексеевича Достовалова, 1909 г.р., м/л 72.

186. Записали Н. Новикова, М. Соловьева в с. Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1980 г. от Доры Гордеевны Бутиной, 1910 г. р., м/л 126.

Общинные традиции и обычаи

187. Записали И. Смолина, М. Соловьева в с. Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1979 г. от Федора Степановича Крапивкина, 1912 г. р., м/л 76–77.

188. Записал В.П. Зиновьев в г. Нерчинске Читинской области в 1969 г. от Григория Васильевича Пешкова, 1889 г. р., м/л 4.

189. Записал В.П. Зиновьев в с. Шелопугино Шелопугинского района Читинской области в 1976 г. от Федора Абрамовича Балагурова, 1903 г. р., м/л 37.

190. Записала М. Соловьева в с. Батакан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Афросиньи Мироновны Овчинниковой, 1905 г. р., м/л 112.

191. Записали Н. Новикова, М. Соловьева, в с. Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1980 г. от Михаила Егоровича Малыгина, 1906 г. р., м/л 118.

192. Записала М. Соловьева в с. Бурукан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Прасковьи Амосовны Ёлгиной, 1903 г.р., м/л 111.

193. Записали И. Смолина, М. Соловьева в с. Кудея Сретенского района Читинской области в 1979 г. от Марии Назаровны Пановой, м/л 82.

194. Записали О. Соболева, М. Соловьева в с. Березово Нерчинского района Читинской области в 1976 г. от Екатерины Игнатьевны Метелевой, 1911 г. р.

195. Записали Н. Новикова, М. Соловьева в с. Верхние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1980 г. от Фёклы Ивановны Мосоловой, 1913 г. р., м/л 116.

196. Записал В.П. Зиновьев в д. Курумдюкан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. р.

197. Записали И. Смолина, М. Соловьева в с. Бори Сретенского района Читинской области в 1979 г. от Надежды Дорофеевны Тонких, 1912 г.р., м/л 85.

198. Записали И. Смолина, М. Соловьева в с. Кудея Сретенского района Читинской области в 1979 г. от Надежды Дорофеевны Тонких, 1912 г. р., м/л 85.

199. Записали И. Смолина, М. Соловьёва в с. Бори Сретенского района Читинской области в 1979 г. от Прасковьи Дорофеевны Тонких, 1910 г. р., м/л 84.

200. Записал В.П. Зиновьев в с. Шелопугино Шелопугинского района Читинской области в 1981 г. от Федора Абрамовича Балагурова, 1903 г. р., м/л 132.

201. Записали Н. Новикова, М. Соловьёва в с. Верхние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1980 г. от Афанасия Федоровича Окладникова, 1896 г.р., м/л 120.

202. Записали А. Порошина, М. Соловьёва в с. Кактолга Газимурозаводского района Читинской области в 1977 г. от Афанасия Васильевича Ворсина.

203. Записали И. Смолина, М. Соловьёва в с. Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1979 г. от Лидии Кузьминичны Авериной, 1909 г. р., м/л 78.

Школа до революции

204. Записали А. Порошина, М. Соловьёва в с. Кактолга Газимурозаводского района Читинской области в 1977 г. от Афанасия Васильевича Ворсина.

205. Записали И. Смолина, М. Соловьёва в с. Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1979 г. от Сергея Гавриловича Бутина, 1895 г. р., м/л 73.

206. Записали Е. Какунина, А. Порошина в с. Шелопугино Шелопугинского района Читинской области в 1976 г. от Федора Абрамовича Балагурова, 1903 г. р.

207. Записал В.П. Зиновьев в с. Шелопугино Шелопугинского района Читинской области в 1976 г. от Федора Абрамовича Балагурова, 1903 г. р., м/л 37.

Детские игры. О воспитании детей

208. Записал В.П. Зиновьев в с. Шелопугино Шелопугинского района Читинской области в 1976 г. от Федора Абрамовича Балагурова, 1903 г. р., м/л 37.

209–211. Записали Е. Какунина, А. Порошина в с. Шелопугино Шелопугинского района Читинской области в 1976 г. от Федора Абрамовича Балагурова, 1903 г. р.

212. Записал В.П. Зиновьев в с. Курумдюкан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. р., м/л 91.

213. Записали И. Смолина, М. Соловьёва в с. Кудея Сретенского района Читинской области в 1979 г. от Марии Назаровны Поповой, м/л 82.

214. Записали И. Смолина, М. Соловьёва в с. Бори Сретенского района Читинской области в 1979 г. от Тонких Прасковьи Дорофеевны, 1910 г. р., м/л 85.

Примечание собирателей: Каток — длинная палка, которой сшибали бабки на льду.

215. Записал В.П. Зиновьев в с. Курумдюкан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г.р., м/л 91.

216. Записал В.П. Зиновьев в с. Пешково Нерчинского района Читинской области в 1979 г. от Владимира Петровича Винокурова, 1938 г. р. Рассказчик в то время — директор школы.

В забайкальских селах такие приметы и традиционные запреты, употребляемые с целью воспитания, называют «запугами» (или «запúками»). С их помощью приучали детей к тому, как вести хозяйство, соблюдать этикет, быть аккуратным и т.д.

О праздниках народного земледельческого календаря

217. Записала М. Соловьева в с. Батакан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Архипа Дмитриевича Овчинникова, 1901 г. р., Афросиньи Мироновны Овчинниковой, 1905 г. р., рассказ-диалог, м/л 112.

218. Записали Н. Новикова, М. Соловьева в д. Борщовка Нерчинского района Читинской области в 1980 г. от Екатерины Ивановны Андрейченко, 1902 г. р. (с. Красная Слобода Сумской губ.), м/л 121.

219. Записали И. Смолина, М. Соловьёва в с. Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1979 г. от Лидии Кузьминичны Авериной, 1909 г. р., м/л 78.

220. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова в с. Курумдюкан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Егора Степановича Рюмкина, 1907 г. р., м/л 103.

221. Записал В. П. Зиновьев в д. Кудея Сретенского района Читинской области в 1979 г. от Афанасия Андреевича Дунаева, 1907 г. р., м/л 86.

222. Записали И. Смолина, М. Соловьева в с. Бори Сретенского района Читинской области в 1979 г. от Прасковьи Дорофеевны Тонких, 1910 г. р., м/л 84.

223. Записала М. Соловьева в с. Батакан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Прасковьи Трофимовны Сивериновой, 1915 г. р., м/л 111.

224. Записал В. П. Зиновьев в с. Шелопугино Шелопугинского района Читинской области в 1981 г. от Федора Абрамовича Балагурова, 1903 г. р., м/л 132.

225. Записали О. Бочарова, С. Пачерская, М. Соловьева в с. Атамановка Читинской области в 1975 г. от Татьяны Андреевны Плотниковой.

226. Записал В. П. Зиновьев в с. Аталанка Усть-Удинского района Иркутской области в 1978 г. от Кристины Александровны Разуваевой, 1916 г. р. (с. Барыкины Ключи Тарбагатайского района Бурятской АССР), м/л 61.

227. Записал В. П. Зиновьев в д. Бура Газимурозаводского района Читинской области в 1978 г. от Авдотьи Ивановны Полоротовой, 1901 г. р., м/л 67.

228. Записал В. П. Зиновьев в с. Аргун Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Анны Максимовны Китаевой, 1914 г. р., м/л 54.

229. Записал В. П. Зиновьев в г. Нерчинске Читинской области в 1969 г. от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. р., м/л 4.

230. Записали М. Аристова, Н. Додатко, Л. Жижкина в с. Газимурский Завод Читинской области в 1976 г. от Виктора Константиновича Кузнецова, 1952 г. р., м/л 32.

231. Записала М. Соловьева в с. Батакан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Афросиньи Мироновны Овчинниковой, 1905 г. р., м/л 112.

232. Записали И. Смолина, М. Соловьева в с. Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1979 г. от Федора Степановича Крапивкина, 1912 г. р. (Воронежская обл.), м/л 77.

233. Записал В. П. Зиновьев в с. Дунаево Сретенского района Читинской области в 1974 г. от Марфы Андреевны Рычковой, 1901 г. р. (п. Михайловское на Аргуни). Неграмотная, м/л 25.

234. Записал В. П. Зиновьев в с. Пешково Нерчинского района Читинской области в 1979 г. от Аграфены Гавриловны Пахмутовой, 1911 г. р. (с. Витьюн Санчурского уезда Вятской губ.), м/л 89.

235. Записал В. П. Зиновьев в с. Аталанка Усть-Удинского района Иркутской области в 1978 г. от Марфы Евлампьевны Кошкарёвой, 1904 г. р. (с. Распутино

Усть-Удинского района Иркутской области). С затопления в связи с ГЭС живет в Аталанке, м/л 61.

236. Записал В.П. Зиновьев в с. Шивки Нерчинского района Читинской области в 1969 г. от (сведения об исполнителе утрачены), м/л 10.

237. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова в с. Крумдюкан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Анны Назарьевны Соболевой, 1906 г. р., м/л 106.

238. Записал В.П. Зиновьев в д. Кудея Сретенского района Читинской области в 1979 г. от Афанасия Андреевича Дунаева, 1902 г. р., м/л 86.

239. Записали И. Смолина, М. Соловьева в с. Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1979 г. от Лидии Кузьминичны Авериной, 1909 г. р., м/л 78.

240. Записал В.П. Зиновьев в д. Крупянка Нерчинского района Читинской области в 1966 г. от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. р., м/л 1.

241. Записали И. Смолина, М. Соловьева в с. Бори Сретенского района Читинской области в 1979 г. от Прасковьи Дорофеевны Тонких, 1910 г.р., м/л 84.

242. Записал В.П. Зиновьев в с. Шелопугино Шелопугинского района Читинской области в 1981 г. от Федора Абрамовича Балагурова, 1903 г. р., м/л 132.

243. Записали И. Смолина, М. Соловьева в с. Бори Сретенского района Читинской области в 1979 г. от Прасковьи Дорофеевны Тонких, 1910 г. р., м/л 84.

244. Записали И. Смолина, М. Соловьёва в с. Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1979 г. от Евдокии Екатеринчук, м/л 74.

245. Записали А. Кукса, А. Порошина в с. Борщовка Нерчинского района Читинской области в 1979 г. от Пелагеи Гавриловны Викуловой.

246. Записали Н. Новикова, М. Соловьёва в с. Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1980 г. от Анны Владимировны Володиной, 1910 г. р., м/л 119.

247. Записали Н. Новикова, М. Соловьёва в с. Кумаки Нерчинского района Читинской области в 1976 г. от Евдокии Михайловны Бянкиной, 1912 г. р.

248, 249. Записали Е. Какунина, А. Порошина в с. Шелопугино Шелопугинского района Читинской области в 1976 г. от Федора Абрамовича Балагурова, 1903 г. р., м/л 37.

250. Записал В.П. Зиновьев в с. Курумдюкан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г.р., м/л 91.

251. Записал В.П. Зиновьев в с. Аталанка Усть-Удинского района Иркутской области в 1978 г. от Кристины Александровны Разуваевой, 1916 г.р., м/л 61.

252. Записал В.П. Зиновьев в с. Шелопугино Шелопугинского района Читинской области в 1981 г. от Федора Абрамовича Балагурова, 1903 г. р., м/л 132.

253. Записали И. Смолина, М. Соловьева в с. Бори Сретенского района Читинской области в 1979 г. от Прасковьи Дорофеевны Тонких, 1910 г. р., м/л 84. Рассказчица поведала о поверье, согласно которому «неначинным» считалось 7-е число любого месяца в году, приходящееся на тот же день недели, когда был праздник Благовещения.

254. Записали Н. Новикова, М. Соловьёва в с. Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1980 г. от Анны Владимировны Володиной, 1910 г. р., м/л 119.

255. Записали И. Смолина, М. Соловьева в с. Бори Сретенского района Читинской области в 1979 г. от Прасковьи Дорофеевны Тонких, 1910 г. р., м/л 84.

256. Записал В. П. Зиновьев в с. Шелопугино Шелопугинского района Читинской области в 1981 г. от Федора Абрамовича Балагурова, 1903 г. р., м/л 132.

257, 258. Записал В. П. Зиновьев в с. Шелопугино Шелопугинского района Читинской области в 1981 г. от Федора Абрамовича Балагурова, 1903 г. р., м/л 130. Рассказчик читает по собственной рукописи.

259. Записала М. Соловьева в с. Бурукан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Прасковьи Амосовны Елгиной, 1903 г. р.

260. Записали И. Смолина, М. Соловьева в с. Бори Сретенского района Читинской области в 1979 г. от Прасковьи Дорофеевны Тонких, 1910 г. р., м/л 84.

261. Записали Т. Иванова, М. Муруева в с. Карда Усть-Удинского района Иркутской области в 1978 г. от Анны Тихоновны Мартыненко, 1917 г. р.

262. Записала А. Порошина в с. Кактолга Газимурозаводского района Читинской области в 1977 г.

263. Записал В. П. Зиновьев в с. Шелопугино Читинской области в 1981 г. от Татьяны Зиновьевны Балагуровой, 1899 г. р., м/л 131.

264. Записал В. П. Зиновьев в с. Курумдюкан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г.р., м/л 91.

265. Записали Гилёва, Дрёмина в с. Ломы Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Зои Сергеевны Гусевской, 1909 г. р.

266. Записали Н. Новикова, М. Соловьева в с. Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1980 г. от Доры Гордеевны Бутиной, 1910 г. р., м/л 127.

267, 268. Записал В. П. Зиновьев в с. Шелопугино Шелопугинского района Читинской области в 1981 г. от Федора Абрамовича Балагурова, 1903 г. р., м/л 130.

269. Записали И. Смолина, М. Соловьева в с. Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1979 г. от Лидии Кузьминичны Авериной, 1909 г. р., м/л 7.

270. Записал В. П. Зиновьев в с. Шелопугино Читинской области в 1981 г. от Татьяны Зиновьевны Балагуровой, 1899 г. р., м/л 131.

271. Записали Н. Новикова, М. Соловьева в с. Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1980 г. от Екатерины Лаврентьевны Павловой, 1915 г. р. (с. Подризовка Белошовского уезда Саратовской губернии), м/л 117.

День памяти святителя Николая Чудотворца 22 мая по нов. ст. (9 мая по ст. ст.).

Как выходили замуж и женились

272. Записал В. П. Зиновьев в с. Аталанка Усть-Удинского района Иркутской области в 1978 г. от Кристины Александровны Разуваевой, 1916 г. р. (с. Барыкины ключи Тарбагатайского района Бурятской АССР), м/л 62.

273. Записали И. Смолина, М. Соловьёва в с. Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1979 г. от Федора Степановича Крапивкина, 1912 г. р., м/л 76. В рассказе описывается традиция Воронежской области, откуда рассказчик и его жена приехали в Забайкалье по переселению в 1952 г.

274. Записал В. П. Зиновьев в с. Аталанка Усть-Удинского района Иркутской области в 1978 г. от Кристины Александровны Разуваевой, 1916 г.р., м/л 61.

275. Записали В. Соколова, Т. Уколова в с. Знаменка Нерчинского района Читинской области в 1976 г. от Анисьи Егоровны Могильниковой, 1916 г. р.

276. Записал А. Кукса в с. Батакан Шелопугинского района Читинской обла-

сти в 1977 г. от Евфросиньи Мироновны Яишниковой, 1906 г. р., Архипа Дмитриевича Овчинникова, 1900 г. р.

277. Записали Н. Жукова, И. Урбанаева в с. Аталанка Усть-Удинского района Иркутской области в 1978 г. от Федосьи Андреевны Рыбниковой, 1888 г. р.

278, 279. Записали И. Смолина, М. Соловьева в с. Бори Сретенского района Читинской области в 1979 г. от Прасковьи Дорофеевны Тонких, 1910 г.р., м/л 83, 84.

280. Записал В.П. Зиновьев в пос. Усть-Карск Сретенского района Читинской области в 1974 г. от Александра Григорьевича Кравченко, 1906 г. р.

281. Записали И. Смолина, М. Соловьёва в с. Нижние Ключи Сретенского района Читинской области в 1979 г. от Евдокии Екатеринчук, м/л 74. Примечание собирателей: *Желательная* — родители жениха и соседи (человека четыре) идут в дом к невесте спрашивать, согласны ли родители невесты дочь отдать. Это делается после убегания невесты к жениху.

282. Записали Е. Баева, И. Хоменко, И. Шишкина в с. Рудник-Пешково Нерчинского района Читинской области в 1979 г. от Марии Осиповны Дутовой, 1914 г. р.

283. Записали А. Кукса, А. Порошина в с. Борщовка Нерчинского района Читинской области в 1979 г. от Пелагеи Гаврильевны Викуловой, 1913 г. р.

284. Записали Н. Онышко, О. Сизых в с. Знаменка Нерчинского района Читинской области в 1976 г. от Клавдии Абрамовны Байдер, 1913 г. р. Образование среднее специальное, учительница.

285. Записали Н. Скобёлкина, М. Эссерт в с. Кактолга Газимурозаводского района Читинской области в 1978 г. от Федосьи Петровны Астафьевой, 1900 г. р.

286. Записал А. Кукса в с. Карда Усть-Удинского района Иркутской области в 1978 г. от Агафьи Ивановны Капустиной, 1898 г. р.

Примечание собирателя: Примета — свечка на венчании не горит — жить не будут.

287. Записали А. Кукса, А. Порошина в с. Шеметово Сретенского района Читинской области в 1979 г. от Евфросиньи Владимировны Петиной, 1900 г. р.

288, 289. Записал А. Кукса в с. Батакан Газимурозаводского района Читинской области в 1977 г. от Евфросиньи Мироновны Овчинниковой, 1905 г. р., Архипа Дмитриевича Овчинникова, 1900 г. р.

290. Записал В.П. Зиновьев в с. Дунаево Сретенского района Читинской области в 1974 г. от Марфы Андреевны Рычковой, 1901 г. р., м/л 25.

291–294. Записал В.П. Зиновьев в с. Аталанка Усть-Удинского района Иркутской области в 1978 г. от Кристины Александровны Разуваевой, 1916 г.р., м/л 61.

295. Записал В.П. Зиновьев в с. Аталанка Усть-Удинского района Иркутской области в 1978 г. от Павла Федоровича Пинигина, 1912 г. р., м/л 61.

296. Записал В.П. Зиновьев в с. Бори Сретенского района Читинской области в 1979 г. от Кристины Константиновны Дружининой, 1896 г. р., м/л 87.

297. Записал В.П. Зиновьев в с. Пешково Нерчинского района Читинской области в 1979 г. от Аграфены Гавриловны Пахмутовой, 1911 г. р. (с. Витьюн Санчурского уезда Вятской губ.), м/л 89.

298. Записала М. Соловьева в с. Бурукан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Прасковьи Амосовны Ёлгиной, 1903 г.р., м/л 111.

299. Записал В.П. Зиновьев в с. Аталанка Усть-Удинского района Иркутской

области в 1978 г. от Марфы Евлампьевны Кошкарёвой, 1904 г. р. (с. Распутино), Никиты Ивановича Луковникова, м/л 61.

300. Записал В. П. Зиновьев в с. Аталанка Усть-Удинского района Иркутской области в 1978 г. от Павла Федоровича Пинигина, 1912 г. р., м/л 61. Примечание собирателя: исполнитель был занят, готовил к столу. Выскочил из кухни и рассказал. *Плётка* — атрибут дружки. Он охраняет свадьбу от порчи, отгоняет злую силу.

301. Записал В. П. Зиновьев в г. Нерчинске Читинской области в 1977 г. от Федота Ивановича Дутова, 1903 г. р., м/л 55.

302. Записал В. П. Зиновьев в с. Дунаево Сретенского района Читинской области в 1974 г. от Марфы Андреевны Рычковой, 1901 г. р. (п. Михайловское на Аргуни), м/л 25.

303. Записал В. П. Зиновьев в г. Нерчинске Читинской области в 1968 г. от Федота Ивановича Дутова, 1903 г. р., м/л 2.

304. Записали А. Порошина, Н. Скобёлкина в с. Кудея Сретенского района Читинской области в 1979 г. от Кузьмы Германовича Судакова, 1914 г. р.

305. Записали Т. Иванова, М. Муруева в с. Карда Усть-Удинского района Иркутской области в 1978 г. от Анны Григорьевны Евдокимовой, 1912 г. р. (род. в Башкирии в с. Усть-Ивановское. Завербовалась на Север, живёт в Карде лет 14-15).

306. Записали В. П. Зиновьев, А. Кукса в с. Бурукан Шелопугинского района Читинской области в 1978 г. от Агафьи Понифатьевны Ёлгиной, 1905 г. р., Настасьи Трифоновны Субботиной, 1897 г. р., м/л 66.

307. Записал В. П. Зиновьев в с. Курумдюкан Газимурозаводского района Читинской области в 1978 г. от Егора Степановича Рюмкина, 1907 г. р., м/л 69.

308. Записали Е. Баева, И. Хоменко, И. Шишкина в с. Пешково Нерчинского района Читинской области в 1979 г. от Анны Федоровны Семеняк, 1927 г. р.

309. Записал В. П. Зиновьев в с. Бори Сретенского района Читинской области в 1979 г. от Кристины Константиновны Дружининой, 1896 г. р., м/л 87.

Утрата духовных традиций и разрушение сел

310. Записали Н. Новикова, М. Соловьёва в д. Борщовка Нерчинского района Читинской области в 1980 г. от Екатерины Ивановны Андрейченко, 1902 г. р., м/л 121.

311. Записал А. Кукса в с. Батакан Газимурозаводского района Читинской области в 1977 г. от Афросиньи Мироновны Овчинниковой, 1905 г. р.

312. Записали И. Смолина, М. Соловьёва в с. Бори Сретенского района Читинской области в 1979 г. от Евдокии Ивановны Бочкарниковой, 1922 г. р.

313. Записал В. П. Зиновьев в с. Курумдюкан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. р., м/л 91.

314, 315. Записали Н. Новикова, М. Соловьёва в с. Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1980 г. от Михаила Борисовича Крапивкина, 1925 г. р., м/л 128.

316. Записали И. Смолина, М. Соловьёва в с. Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1979 г. от Федора Степановича Крапивкина, 1912 г. р. (с. Лесково, Воронежская обл., в Н. Ключах с 1952 г.).

317. Записали Н. Новикова, О. Соболева, М. Соловьёва в с. Зюльзя Нерчинского района Читинской области в 1976 г. от Ульяны Андреевны Анциферовой, 1894 г. р.

318. Записали И. Смолина, М. Соловьёва в с. Бори Сретенского района Читинской области в 1979 г. от Прасковьи Дорофеевны Тонких, 1910 г. р., м/л 84.

319. Записали С. Полторадыдько, Н. Скобёлкина в с. Верхние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1979 г. от Феклы Григорьевны Лухиной.

320. Записали Э. Лямина, М. Соловьёва, Т. Усова в с. Батакан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Надежды Степановны Кореневой, 1912 г. р., м/л 114.

321. Записали Э. Лямина, М. Соловьёва, Т. Усова в с. Курумдюкан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Михаила Алексеевича Соболева, 1907 г. р., м/л 101.

322. Записали Н. Новикова, М. Соловьёва в с. Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1980 г. от Федора Степановича Крапивкина, 1912 г. р. (с. Лесково Воронежской губернии), м/л 127.

323, 324. Записал В. П. Зиновьев в с. Левые Кумаки Нерчинского района Читинской области в 1976 г. от Семёна Степановича Носкова, 1901 г. р.

325. Записали Н. Новикова, М. Соловьёва в с. Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1980 г. от Федора Степановича Крапивкина, 1912 г. р. (с. Лесково Воронежской губернии), м/л 128.

326. Записал В. П. Зиновьев в п. Дарасун Карымского района Читинской области в 1975 г. от Федора Дмитриевича Утюжникова, 1897 г. р., м/л 26.

327. Записал В. П. Зиновьев в г. Нерчинске Читинской области в 1979 г. от Петра Алексеевича Достовалова, 1909 г. р., м/л 72.

328. Записал В. П. Зиновьев в д. Курумдюкан Газимурозаводского района Читинской области в 1978 г. от Григория Капидоновича Грובהа, 1907 г. р., м/л 69.

329. Записали Е. Гребенщикова, Н. Санкина, О. Соболева в п. Дарасун Карымского района Читинской области в 1975 г. от Федора Дмитриевича Утюжникова, 1897 г. р.

330. Записал В. П. Зиновьев в с. Верхняя Куэнга Сретенского района Читинской области в 1974 г. от Афанасия Дементьевича Конева, 1904 г. р., м/л 21.

331. Записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьёва в с. Знаменка Нерчинского района Читинской области в 1976 г. от Виктора Бронникова, 1942 г. р.

332. Записал А. Кукса в с. Кактолга Газимурозаводского района Читинской области в 1977 г. от Марии Яковлевны Хариной.

333. Записал В. П. Зиновьев в с. Аргун Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Маркела Васильевича Коренева, 1908 г. р., м/л 54.

334. Записали Иванова, Муруева в с. Карда Усть-Удинского района Иркутской области в 1978 г. от Гарольда Ивановича Слободчикова, 1928 г. р. (живёт в Карде 15 лет).

Анекдотические рассказы и анекдоты

335. Записали Т. Дружинина, Т. Миронова в с. Знаменка Нерчинского района Читинской области в 1976 г. от Гертруда Мифодьевича Казакова, 1924 г. р. Устный рассказ с элементами солдатской авантюрной сказки.

336. Записали Е. Какунина, А. Порошина в с. Шелопугино Читинской области в 1976 г. от Федора Абрамовича Балагурова, 1903 г. р.

337. Записал В.П. Зиновьев в с. Деревцово Шелопугинского района Читинской области в 1976 г. от Степана Михайловича Лагодина, 1901 г. р., (Благодейское (рудник), бывший горняк).

338–340. Записал В.П. Зиновьев в г. Нерчинске Читинской области в 1977 г. от Федота Ивановича Дутова, 1903 г. р., м/л 55.

341. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова в с. Курумдюкан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Егора Степановича Рюмкина, 1907 г. р., м/л 104.

342. Записал В.П. Зиновьев в с. Луговское Шелопугинского района Читинской области в 1977 г. от Ефима Филимоновича Резанова, 1903 г. р., м/л 56.

343. Записал В.П. Зиновьев в г. Нерчинске Читинской области в 1977 г. от Федота Ивановича Дутова, 1903 г. р., м/л 55.

344. Записали И. Смолина, М. Соловьева в с. Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1979 г. от Михаила Борисовича Крапивкина, 1925 г. р. (с. Н. Лесково Воронежской области), м/л 79.

345. Записал В.П. Зиновьев в г. Нерчинске Читинской области в 1977 г. от Федота Ивановича Дутова, 1903 г. р., м/л 55.

346. Записали В. Брагина, О. Литвинова, Т. Максимова, В. Мальцев в пос. Дарасун Карымского района Читинской области в 1975 г. от Владимира Александровича Почгарева, 1903 г. р. (род. в Куйбышевской области).

Примечание собирателей: Исполнитель вспоминал живо, с интересом. На просьбу собирателей откликнулся охотно.

347, 348. Записали А. Кукса, А. Порошина, Н. Скобелкина в с. Курма Шелопугинского района Читинской области в 1978 г. от Анисима Демьяновича Коренева, 1906 г. р.

349. Записали Гилёва, Дремина в г. Сретенске Читинской области в 1977 г. от Виктора Ивановича Федорова, 1943 г. р., образование высшее.

350. Записали И. Смолина, М. Соловьева в с. Кудея Сретенского района Читинской области от Федора Трофимовича Судакова, 1905 г. р., м/л 81.

351. Записал В.П. Зиновьев в с. Шелопугино Читинской области в 1976 г. от Даниила Сергеевича Егорова, 1909 г. р., м/л 39.

352. Записал В.П. Зиновьев в с. Пешково Нерчинского района Читинской области в 1979 г. от Владимира Петровича Винокурова, 1938 г. р.

353. Записал В.П. Зиновьев в с. Курумдюкан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г.р., м/л 93.

354–364. Записали М. Аристова, Н. Додатко, Л. Жижкина, В.П. Зиновьев, А.Кукса в с. Газимурский Завод Читинской области в 1976 г. от Виктора Константиновича Кузнецова, 1952 г. р., м/л 33, 34.

365–367. Записал В.П. Зиновьев в с. Боты Сретенского района Читинской области в 1977 г. от Ивана Ларионова, 1963 г. р., м/л 50.

Приложение

Приложение содержит научно-справочный аппарат, относящийся к сборникам текстов I и II разделов настоящего издания: «Русские сказки Забайкалья» (сказки), «Мифологические рассказы...» (былички), «Русские песни Восточной Сибири» (песни), «Народная проза из архива В. П. Зиновьева» (нар. пр. из архива В. З.).

Указатель мест записи фольклорных произведений

Бурятская АССР

Бичурский район

Бичура, с. — былички: 128

Иркутская область

Иркутск, г. — нар. пр. из архива В. З.: 143

Усть-Удинский район

Аталанка, с. — былички: 51, 76, 95, 97, 101, 137, 170, 174–176, 215, 251, 291, 303, 305, 395, 420, 424, 440, 145к, 152к, 174к; песни: 50, 84, 86, 182, 187, 213; нар. пр. из архива В. З.: 63, 165, 226, 235, 251, 272, 274, 277, 291–295, 299, 300

Карда, с. — былички: 115, 117; песни: 101, 102, 106, 314; нар. пр. из архива В. З.: 261, 286, 305, 334

Читинская область

Балейский район

Подойницыно, с. — песни: 59, 205

Унда, с. — былички: 91, 122; песни: 27, 64

Газимурозаводский район

Батакан, с. — былички: 279, 333, 334, 344, 346; нар. пр. из архива В. З.: 149, 157, 166, 169, 190, 217, 223, 231, 276, 288, 289, 311, 320

Бура, с. — былички: 39, 132, 201, 222, 241, 259, 269, 274, 295, 318, 356, 439; нар. пр. из архива В. З.: 88, 126, 154, 227

Бурукан, с. — сказки: 36, 57, 78, 80, 87; былички: 38, 42, 49, 186, 193, 234, 347; песни: 42, 49, 89, 111, 115, 141, 148, 196, 212, 267; нар. пр. из архива В. З.: 133, 141, 152, 153, 172, 182, 192, 259, 298, 306

Газимурский Завод, с. — былички: 57, 62, 71, 77, 92, 98, 110, 113, 156, 187, 223, 232, 237, 266, 311, 341, 409; песни: 240, 291; нар. пр. из архива В. З.: 230, 354–364

Догье, с. — былички: 277

Кактолга, с. — былички: 181, 242, 345, 364, 196к; песни: 15, 17, 20, 37, 43, 49к, 56, 68, 77, 82, 91, 124, 170, 184, 188, 193, 204, 228, 243, 248, 255, 277к, 309, 313, 320, 324; нар. пр. из архива В. З.: 44, 202, 204, 262, 285, 332

Курумдюкан, с. — сказки: 71, 22, 23, 35, 65, 10, 11, 16–19, 25, 39к, 42, 50, 54, 69, 103, 105; былички: 8, 25, 37, 40, 41, 48, 59, 67, 68, 73, 102, 104, 123, 124, 135,

141, 142, 164, 172, 183, 205, 240, 246, 253, 261, 286, 297–299, 307–309, 348, 352, 353, 366, 368, 371–374, 418, 433, 68к, 135к, 308к; песни: 85, 97, 161, 203, 217, 229, 241, 298; нар. пр. из архива В. З.: 74, 80, 124, 132, 196, 212, 215, 220, 237, 250, 264, 307, 313, 321, 328, 341, 353

Луговское, с. — былички: 107. 85, 97, 161, 203, 217, 229, 241, 298; песни: 284; нар. пр. из архива В. З.: 91, 112, 114, 118, 125, 342

Трубачево, с. — былички: 332

Карымский район

Дарасун, с. — сказки: 2, 9, 20, 38, 39к, 40, 59, 60, 62к, 72к, 79, 81, 83к, 84, 86, 89, 92к, 94, 95, 97, 98, 106; былички: 80, 100, 125, 378, 391; песни: 7, 16, 23к, 31, 53, 60, 90, 108, 114, 120, 133, 139, 144, 145, 149, 157, 163, 177, 206, 207, 223, 231к, 238, 253, 258, 263к, 266, 290, 302, 316, 323, 326, 328; нар. пр. из архива В. З.: 10, 79, 326, 329, 346

Жимбира, с. — песни: 247

Кумахта, с. — сказки: 88; песни: 23, 151, 169, 259

Тыргетуй, с. — сказки: 93; песни: 66, 271, 298

Нерчинский район

Андронниково, с. — сказки: 74; былички: 173

Беломестново, с. — былички: 386; песни: 22, 62, 65, 150, 293, 295

Березово, с. — былички: 263; нар. пр. из архива В. З.: 194

Бишигино, с. — песни: 165, 185

Борщовка, д. — сказки: 58к; былички: 438; песни: 262; нар. пр. из архива В. З.: 218, 245, 283, 310

Верхние Ключи, с. — сказки: 56, 61к; былички: 9, 14, 94, 268, 278, 317, 370, 393, 399; нар. пр. из архива В. З.: 61, 62, 83, 84, 90, 95, 142, 146, 150, 156, 162, 195, 201, 319

Знаменка, с. — сказки: 30, 34, 41, 55, 62, 72, 96; былички: 53, 58, 93, 99, 120, 143, 166, 177, 195, 203, 211, 250, 255, 257, 264, 276, 283, 284, 304, 314, 321, 361, 380, 385, 397, 402, 405, 425, 432, 437, 211к; песни: 117, 123; нар. пр. из архива В. З.: 12–15, 86, 168, 275, 284, 331, 335

Зюльзикан, с. — сказки: 6, 14, 108; песни: 79, 288

Зюльзя, с. — сказки: 24к, 34к, 42, 66; песни: 76, 81, 116, 126, 153, 160, 173, 224, 285; нар. пр. из архива В. З.: 317

Калинино, с. — песни: 44, 276

Кангил, с. — сказки: 1к, 46, 90; былички: 66, 126, 152; песни: 289

Колобово, с. — песни: 261

Котельниково, с. — былички: 322, 41к; песни: 200

Крупянка, д. — сказки: 12к, 21, 24, 28, 33, 39, 48к, 94к; былички: 36, 74, 84, 88, 108, 148, 149, 202, 219, 230, 273, 337, 340, 414, 417, 428, 429; песни: 110; нар. пр. из архива В. З.: 1 — 3, 5 — 9, 81, 82, 160, 240

Кумаки, с. — былички: 72, 116, 145, 194, 217, 218, 25, 271, 312, 360; песни: 24, 55, 72, 73, 80, 87, 94, 98, 142, 159, 181, 211, 218, 251, 305, 310, 318, 329к; нар. пр. из архива В. З.: 137, 139, 159, 247, 323, 324

Нерчинск, г. — сказки: 18к, 26, 43, 92, 99–101, 104; былички: 1 — 5, 20, 21, 26,

32–34, 54, 60, 63, 75, 78, 79, 82, 87, 103, 106, 118, 119, 127, 129, 133, 144, 155, 157, 167, 171, 189, 190, 197, 199, 207, 208, 226, 227, 236, 248, 252, 256, 272, 275, 282, 288, 292, 293, 310, 313, 316, 319, 323, 326, 327, 330, 336, 343, 357–359, 363, 376, 377, 389, 400, 406, 407, 410, 411, 442, 443, 1к, 183к; песни: 2–5, 8, 9, 26, 96, 100, 103–105, 107, 132, 134, 252, 257к, 263, 269, 286, 297, 310; нар. пр. из архива В. З.: 127, 129, 135, 138, 140, 164, 184, 185, 188, 229, 301, 303, 327, 338–340, 343, 345

Нижние Ключи, с. — сказки: 35; былички: 96, 196, 265, 267, 306, 430; песни: 122, 166, 225, 265, 327; нар. пр. из архива В. З.: 4, 18, 21, 65, 71, 73, 163, 170, 171, 173, 177, 180, 181, 186, 187, 191, 203, 205, 219, 232, 239, 244, 246, 254, 266, 269, 271, 273, 281, 314–316, 322, 325, 344

Оленск, с. — песни: 183

Пешково, с. — сказки: 4к, 15, 40, 41, 45, 58, 64, 70, 94к; былички: 17, 43, 44, 83, 86, 114, 131, 139, 140, 146, 160, 165, 179, 200, 213, 233, 249, 287, 383, 384, 390, 401, 416, 426, 427, 434–436, 10к, 12к, 19к, 129к; песни: 6, 164, 174, 192, 197, 208, 209, 231, 233, 272, 297к, 315; нар. пр. из архива В. З.: 19, 94, 103, 105, 167, 216, 234, 297, 308, 352

Рудник-Пешково, д. — сказки: 4, 18к, 50; песни: 61, 179, 191; нар. пр. из архива В. З.: 151, 282

Шивки, с. — сказки: 29, 44; былички: 180, 375; нар. пр. из архива В. З.: 236

Оловянинский район

Оловянная, пос. — песни: 11, 71, 167, 172, 186

Сретенский район

Аргун, с. — былички: 64, 138, 204, 339; песни: 8к; нар. пр. из архива В. З.: 57, 72, 228, 333

Бори, с. — былички: 10, 13, 47, 90, 192, 209, 294, 379, 382, 419, 431; песни: 18, 19, 25, 30, 32, 33, 35, 36, 45, 58, 138, 154, 156, 158, 202, 214, 237, 256, 297к, 301, 307, 311, 317, 319; нар. пр. из архива В. З.: 11, 47, 50, 67, 69, 77, 78, 99, 174, 175, 178, 179, 197, 199, 214, 222, 241, 243, 253, 255, 260, 278, 279, 296, 309, 312, 318

Боты, с. — песни: 63, 70, 201, 254, 287, 300; нар. пр. из архива В. З.: 22, 23, 25, 29, 35, 36, 38, 39, 40, 48, 49, 64, 106, 123, 147, 148, 365–367

Верхняя Куэнга, с. — сказки: 1к, 4к, 18к, 23к, 27, 54к, 75, 85; былички: 19, 22, 27, 55, 89, 228, 296, 302, 315, 404, 19к; песни: 21, 57, 83, 127, 135, 168, 171, 226, 250, 268, 279, 312, 322; нар. пр. из архива В. З.: 130, 158, 330

Дунаево, с. — былички: 50, 65, 163, 178, 182, 229, 441; песни: 227, 275; нар. пр. из архива В. З.: 100, 128, 233, 290, 302

Ералга, с. — песни: 155; нар. пр. из архива В. З.: 56

Кудея, с. — былички: 29, 61, 258; песни: 189; нар. пр. из архива В. З.: 66, 183, 193, 198, 213, 221, 238, 304, 350

Ломы, с. — былички: 134; песни: 34, 147; нар. пр. из архива В. З.: 121, 265

Мангидай, с. — сказки: 37; былички: 150; песни: 281; нар. пр. из архива В. З.: 54, 102, 96

Молодовск, с. — былички: 45, 111, 154, 158, 387, 396, 415, 421; песни: 47к, 220, 283; нар. пр. из архива В. З.: 34, 41, 52

Нижняя Куэнга, с. — сказки: 4, 33; былички: 12, 23; песни: 14, 29, 75, 137, 140, 216; нар. пр. из архива В. З.: 16

Сретенск, г. — былички: 329; нар. пр. из архива В. З.: 107, 115, 116, 134, 136, 349

Уктыча, с. — сказки: 50к; былички: 69, 70, 153; нар. пр. из архива В. З.: 145

Усть-Карск, пос. — былички: 30, 46, 81, 98, 130, 206, 210, 338; песни: 40, 306, 325, 329к; нар. пр. из архива В. З.: 24, 26–28, 30, 31, 33, 37, 46, 55, 60, 70, 87, 109, 117, 131, 280

Усть-Начин, д. — былички: 15, 24, 56, 191, 198, 220, 238, 239, 247, 290, 349, 350; песни: 74, 119, 143, 230; нар. пр. из архива В. З.: 32, 45

Фирсово, с. — сказки: 33, 48, 63; былички: 35, 85, 109, 159, 212, 214, 224, 231, 244, 301, 351, 362, 388, 392, 394, 422, 423, 444, 33к; песни: 10, 264; нар. пр. из архива В. З.: 42, 43, 51, 75

Шапка, ж/д. разъезд — сказки: 47, 48к, 49, 61, 73, 107; былички: 6, 31, 105, 161, 185, 221, 243, 270, 289, 324, 325, 328, 331, 335, 365, 403, 105к; песни: 234, 239, 257, 308; нар. пр. из архива В. З.: 20, 85

Шеметово, с. — сказки: 32, 73к, 83; былички: 121, 281, 369; нар. пр. из архива В. З.: 287

Читинский район

Атамановка, пос. — сказки: 77; песни: 69, 210, 219, 245, 292, 294, 304; нар. пр. из архива В. З.: 225

Маккавеево, пос. — песни: 175, 176, 178, 180

Чита, г. — нар. пр. из архива В. З.: 119

Шелопугинский район

Банщиково, с. — песни: 28, 48

Глинянка, с. — песни: 260

Даякон, с. — песни: 232

Деревцово, с. — сказки: 23; песни: 235, 236, 278, 282, 321; нар. пр. из архива В. З.: 337

Копунь, д. — нар. пр. из архива В. З.: 92

Купряково, с. — нар. пр. из архива В. З.: 108, 113

Курма, с. — нар. пр. из архива В. З.: 347, 348

Чалбучи, с. — нар. пр. из архива В. З.: 59, 120

Шелопугино, с. — сказки: 3, 5, 7, 8, 11к, 12, 13, 82; былички: 7, 18, 52, 60, 92, 112, 168, 188, 262, 280, 285, 320, 342, 354, 355; песни: 12, 13, 39, 41, 46, 47, 51, 52, 54, 67, 67к, 88, 92, 93, 95, 99, 110, 112, 113, 118, 121, 125, 128–131, 136, 146, 152, 195, 222, 244, 246, 270, 273, 274, 280; нар. пр. из архива В. З.: 58, 91, 96, 97, 101, 110, 111, 144, 189, 200, 206–211, 224, 242, 248, 249, 252, 256–258, 263, 267, 268, 270, 336, 351

Шилкинский Завод, с. — нар. пр. из архива В. З.: 53, 68, 122

Шилкинский район

Апрелково, с. — сказки: 31, 52, 67, 68, 76; былички: 162, 169, 412; песни: 194, 277, 299

Байцетуй, с. — сказки: 51

- Зубарево, с. — былички: 28
 Казаново, с. — сказки: 23к; песни: 257к
 Кибасово, с. — сказки: 91; былички: 16, 245, 260, 300, 408; песни: 38, 78, 162, 190, 198к, 199, 215, 221, 242, 249, 303, 329
 Мирсаново, с. — сказки: 54; былички: 136, 184, 235, 254, 141к; песни: 1, 198; нар. пр. из архива В. З.: 17, 76, 155
 Назарово, с. — былички: 398;
 Усугли с. — былички: 11, 147, 151, 216, 381, 172к;
 Чирон, с. — былички: 413
 Холбон, пос. — сказки: 53

Список исполнителей

- Абрамов А. — былички: 235
 Абрамова А. И. — песни: 242
 Абрамова Е. С. — песни: 20
 Аверина Л. К. — былички: 196, 265; нар. пр. из архива В. З.: 170, 203, 219, 239, 269
 Алексина Л. П. — песни: 24, 142, 159, 218
 Алеханова Е. Д. — песни: 60
 Альбом школы с. Ломы — песни: 34, 147
 Анапашина — нар. пр. из архива В. З.: 176
 Андрейченко Е. И. — нар. пр. из архива В. З.: 218, 310
 Аникимова (Медведева) Ф. Д. — былички: 76, 137
 Анисимов К. И. — былички: 415
 Анисимова Ф. Д. — нар. пр. из архива В. З.: 165
 Анисин Я. И. — былички: 28
 Анискина В. В. — песни: 55, 72, 305, 329к
 Аничкина М. К. — песни: 297
 Анциферов Л. И. — сказки: 24к, 34к, 42к, 66; песни: 153
 Анциферов М. Г. — былички: 15, 24, 56, 191, 198, 238, 239, 247, 290, 349, 350; нар. пр. из архива В. З.: 32, 45
 Анциферова Н. М. — песни: 74, 119, 143, 230
 Анциферова У. А. — песни: 173; нар. пр. из архива В. З.: 317
 Анциферова Ф. Ф. — песни: 74, 119, 143, 230
 Арсентьева Н. Е. — былички: 287, 10к
 Артемьев Б. Г. — нар. пр. из архива В. З.: 59, 120
 Аршинский И. И. — песни: 257к
 Астафьев А. З. — нар. пр. из архива В. З.: 44
 Астафьев Е. А. — былички: 345
 Астафьева А. М. — былички: 181, 364
 Астафьева А. П. — песни: 15, 17, 20, 37, 49к, 56, 77, 82, 124, 170, 184, 193, 204, 228, 243, 248, 277к, 313
 Астафьева Е. И. — песни: 68, 309, 320
 Астафьева Ф. Н. — песни: 43, 188, 255

- Астафьева Ф. П. — нар. пр. из архива В. З.: 285
Астраханцева М. С. — песни: 22, 62, 65, 150, 293, 295
Байдер К. А. — нар. пр. из архива В. З.: 284
Балагуров Ф. А. — сказки: 1, 3, 5, 7, 8, 11к, 12, 13; песни: 13, 41, 88, 92, 95, 110, 112, 113, 118, 121, 131, 136, 152, 246; нар. пр. из архива В. З.: 58, 96, 97, 189, 200, 206–211, 224, 242, 248, 249, 252, 256–258, 267, 268, 336
Балагурова Т. З. — песни: 12, 39, 46, 47, 51, 54, 93, 99, 128–130, 195, 274; нар. пр. из архива В. З.: 91, 263, 270
Балябин В. И. — нар. пр. из архива В. З.: 119
Банщиков И. С. — песни: 244; нар. пр. из архива В. З.: 110, 111
Банщикова Г. М. — песни: 67
Баранов В. И. — былички: 322
Баранова К. А. — песни: 38, 162, 190, 221, 249, 329
Батурина М. Т. — сказки: 81
Белолобская У. И. — песни: 55, 72, 305, 329к
Беломестнова Ф. Ф. — былички: 66
Беломестных А. — песни: 127
Белоусов Н. Е. — былички: 332
Бессонова Р. С. — сказки: 1к, 90; былички: 152
Бирюкова П. К. — сказки: 2, 9
Блохин Ф. А. — песни: 198
Богданов Г. В. — былички: 242
Богданова — сказки: 89; песни: 290
Болванова В. И. — сказки: 1к, 4к, 18к, 54к.
Борисова Н. Я. — былички: 143, 283, 405, 432
Бочкарников И. Г. — нар. пр. из архива В. З.: 43
Бочкарников Н. И. — песни: 155
Бочкарникова А. В. — песни: 18, 19, 58
Бочкарникова Е. И. — нар. пр. из архива В. З.: 312
Бочкарникова К. Е. — песни: 155
Бочкарникова Р. В. — былички: 382; нар. пр. из архива В. З.: 11
Бочкарникова Т. Г. — былички: 419
Бояркин А. Н. — сказки: 71.
Бояркин Н. Г. — сказки: 10, 11, 16–19, 23, 25, 35, 39к, 42, 50, 54, 65, 69, 105; былички: 8, 25, 37, 59, 68, 73, 102, 104, 123, 124, 142, 164, 172, 183, 240, 246, 253, 261, 298, 307, 308, 348, 352, 353, 366, 372, 374, 418, 433, 68к, 308к; песни: 97; нар. пр. из архива В. З.: 74, 124, 196, 212, 215, 250, 264, 313, 353
Бояркина А. Ф. — былички: 141, 205; песни: 85, 229, 241
Бронников А. М. — былички: 58, 93, 314; нар. пр. из архива В. З.: 86
Бронников В. — нар. пр. из архива В. З.: 331
Бронников С. И. — былички: 319
Бронникова М. И. — песни: 225
Брыкина Р. И. — былички: 125
Брынин И. А. — песни: 207
Буздугар Н. П. — песни: 6
Буракова У. С. — песни: 263к

- Бурдинская А. А. — нар. пр. из архива В. З.: 151
Бут В. Г. — былички: 99, 120, 166, 211, 385, 397, 437
Бутин С. Г. — песни: 262, 265; нар. пр. из архива В. З.: 71, 73, 205
Бутина Д. Г. — былички: 96; нар. пр. из архива В. З.: 186, 266
Буянова Е. М. — песни: 232
Бянкина В. Д. — песни: 24, 142, 159, 211, 218
Бянкина Е. М. — песни: 232; нар. пр. из архива В. З.: 247
Бянкина Е. С. — былички: 72, 194, 225; песни: 94, 318
Васильев К. Ф. — былички: 434, 436; песни: 208, 209, 231, 272, 315; нар. пр. из архива В. З.: 105
Васильева Н. Ф. — песни: 258, 316
Ведерников Б. П. — песни: 23, 151, 169
Ведерникова Л. Н. — песни: 151, 259
Верхотуров Г. Г. — нар. пр. из архива В. З.: 94
Верхотурова Е. П. — нар. пр. из архива В. З.: 144
Ветлугина М. Г. — нар. пр. из архива В. З.: 156
Викулова А. Н. — сказки: 56
Викулова П. Г. — нар. пр. из архива В. З.: 245, 283
Винокуров В. П. — нар. пр. из архива В. З.: 216, 352
Воложжина Е. А. — былички: 51, 395, 174к
Воложанин Д. Ф. — песни: 52, 125, 222, 270, 273, 280
Воложанина Н. С. — песни: 67к
Ворсин А. В. — нар. пр. из архива В. З.: 202, 204
Ворсин И. С. — нар. пр. из архива В. З.: 64, 147
Ворсина Н. Ф. — нар. пр. из архива В. З.: 148
Вырупаев П. А. — нар. пр. из архива В. З.: 35, 36, 39
Герасимова С. П. — сказки: 94.
Гладких Н. А. — былички: 17; нар. пр. из архива В. З.: 19
Голанова В. Н. — песни: 231к
Голобоков С. — песни: 135
Горбачева А. П. — сказки: 6, 14
Григоренко П. А. — песни: 329к
Григорьева Н. С. — песни: 302
Гробов Г. К. — былички: 299; песни: 217; нар. пр. из архива В. З.: 141, 328
Губанова Л. И. — песни: 16, 326
Гуртова Т. П. — песни: 322
Гурьева М. С. — песни: 36, 256
Гусевская А. С. — сказки: 50к; былички: 69
Гусевская Д. К. — былички: 392; песни: 264
Гусевская З. С. — нар. пр. из архива В. З.: 265
Гусевская И. Р. — нар. пр. из архива В. З.: 47
Дарниченко А. Л. — нар. пр. из архива В. З.: 55
Демченко С. Р. — песни: 232
Денисова Е. И. — былички: 11, 147, 151, 216, 381, 172к
Дерябина А. В. — былички: 196к
Димова Е. И. — песни: 146

- Димова З. Н. — песни: 67
 Добрынин Е. О. — нар. пр. из архива В. З.: 107, 115, 116, 134
 Добрынина А. А. — нар. пр. из архива В. З.: 96
 Дойникова Н. В. — былички: 117
 Дорофеева Л. Н. — песни: 323
 Достовалов П. А. — былички: 1 — 3, 33, 78, 79, 87, 199, 292, 293, 323, 343, 358, 359, 363, 410, 411, 1к; нар. пр. из архива В. З.: 164, 184, 185, 327
 Достовалова А. М. — былички: 208, 400
 Дружинин В. К. — песни: 158
 Дружинина К. К. — былички: 10; песни: 32, 33, 36, 45, 297к, 307, 317; нар. пр. из архива В. З.: 67, 99, 296, 309
 Дружинина Л. В. — былички: 13; песни: 36, 256; нар. пр. из архива В. З.: 178
 Дунаев А. А. — былички: 61; нар. пр. из архива В. З.: 66, 221, 238
 Дутов В.З — песни: 206
 Дутов Ф. И. — сказки: 26; былички: 4, 26, 54, 82, 103, 106, 118, 226, 248, 310, 357, 407; нар. пр. из архива В. З.: 301, 303, 338–340, 343, 345
 Дутова А. С. — былички: 45, 396, 421; песни: 220
 Дутова М. О. — сказки: 4, 18к, 50к.; нар. пр. из архива В. З.: 282
 Евграфова К. Н. — былички: 375
 Евдокимова А. Г. — нар. пр. из архива В. З.: 305
 Егоров В. Е. — сказки: 32, 73к, 83
 Егоров Д. С. — сказки: 82; былички: 7, 18, 52, 60, 92, 112, 168, 188, 262, 280, 285, 320, 342, 354, 355; нар. пр. из архива В. З.: 351
 Егорова Е. В. — былички: 121, 281, 369
 Единархов А. П. — нар. пр. из архива В. З.: 12
 Единархова У. Я. — былички: 195, 211к; нар. пр. из архива В. З.: 168
 Екатеринчук Е. — былички: 430; нар. пр. из архива В. З.: 244, 281
 Елистратова В. С. — песни: 53
 Епифанцев Н. А. — нар. пр. из архива В. З.: 149
 Епифанцева Т. В. — сказки: 15, 45, 70; песни: 197
 Еремин В. Е. — былички: 351
 Ермолаева Е. Г. — сказки: 84
 Ермолих А. А. — нар. пр. из архива В. З.: 155
 Ёлгин Г. И. — нар. пр. из архива В. З.: 154
 Ёлгина А. П. — былички: 42, 49, 234, 347; песни: 42, 141, 148; нар. пр. из архива В. З.: 306
 Ёлгина П. А. — нар. пр. из архива В. З.: 172, 182, 192, 259, 298
 Жилкина А. С. — песни: 61, 179, 191
 Жукова Ф. Д. — былички: 386
 Журавлёва Е. Д. — песни: 27, 64
 Заярна М. Е. — сказки: 4; нар. пр. из архива В. З.: 167
 Зимица А. Ф. — песни: 278
 Зиновьев П. И. — сказки: 104; былички: 129, 183к; песни: 252
 Зиновьева А. К. — былички: 144, 155, 252, 256; песни: 2–5, 8, 9, 26, 96, 100, 103–105, 107, 132, 134, 263, 269; нар. пр. из архива В. З.: 138, 140
 Золотовская А. Л. — песни: 68, 320, 324

- Зорина О. К. — песни: 149
Иванов Г. В. — былички: 277
Иванова А. Е. — песни: 25, 30, 138, 154, 202, 301
Иванова Г. М. — сказки: 72к.
Иванова М. С. — песни: 157
Иванова Н. П. — песни: 120
Казаков Г. М. — нар. пр. из архива В. З.: 335
Казанцева А. А. — былички: 380
Казанцева Н. Е. — былички: 402
Калашникова В. М. — сказки: 40
Калиберда К. И. — песни: 198к, 199, 242
Капустина А. И. — нар. пр. из архива В. З.: 286
Касьянова Т. Л. — былички: 244, 301
Катанаев Е. К. — песни: 300; нар. пр. из архива В. З.: 22, 23, 25, 29, 38, 40, 48, 49, 106, 123
Кириллова А. П. — былички: 122
Китаева А. М. — былички: 64, 138, 204, 339; песни: 8к; нар. пр. из архива В. З.: 228
Климов И. А. — сказки: 88
Ключевская Р. Г. — былички: 85
Кобылкин И. Д. — нар. пр. из архива В. З.: 85
Кожина В. — песни: 160, 224
Кожина З. — песни: 160, 224
Кожина Т. — песни: 160, 224
Козлов М. А. — былички: 383
Кокорин Н. И. — нар. пр. из архива В. З.: 143
Колесников Е. А. — сказки: 98; песни: 31
Колмаков Ф. Ф. — былички: 189, 190, 227, 313, 327
Колмакова Е. П. — былички: 167
Коломенский А. Н. — песни: 71
Колотовкин А. И. — нар. пр. из архива В. З.: 131
Конёв А. Д. — песни: 21, 168, 268, 312; нар. пр. из архива В. З.: 158, 330
Коновалов П. И. — нар. пр. из архива В. З.: 121
Коняшина М. С. — сказки: 54к; песни: 1
Коренев А. Д. — нар. пр. из архива В. З.: 347, 348
Коренев М. В. — нар. пр. из архива В. З.: 57, 72, 333
Коренева Н. С. — нар. пр. из архива В. З.: 166, 320
Корнилова А. В. — былички: 19, 27, 55, 89, 296, 302, 19к; песни: 21, 57, 83, 168, 171, 250, 268, 279, 312
Корнилова А. П. — былички: 91
Корякина (Мункуева) И. Е. — былички: 50, 163, 178, 441
Косякова А. А. — былички: 16
Кочмарева Л. А. — песни: 226
Кочурина С. К. — былички: 63, 75
Кошкарева М. Е. — нар. пр. из архива В. З.: 235, 299
Кравченко А. Г. — нар. пр. из архива В. З.: 26, 27, 30, 280

- Крапивкин М. Б. — сказки: 35к; нар. пр. из архива В. 3.: 314, 315, 344
Крапивкин Ф. С. — нар. пр. из архива В. 3.: 18, 21, 171, 187, 232, 273, 316, 322,
325
Кривоносова Т. С. — былички: 19к
Крылова Ю. А. — песни: 76, 81, 116, 126, 285
Куденцова И. — сказки: 20
Кудрявцева Е. К. — былички: 134
Кузнецов В. К. — былички: 57, 62, 71, 77, 110, 113, 156, 187, 223, 232, 237, 266,
311, 341, 409; нар. пр. из архива В. 3.: 92, 98, 230, 354–364
Кузнецов И. П. — песни: 240, 291
Кузнецова Т. С. — былички: 259, 274
Кузнецова У. Х. — песни: 283
Кустобаева А. Н. — былички: 426; нар. пр. из архива В. 3.: 103
Лагодин С. М. — сказки: 23к; песни: 235, 236, 282, 321; нар. пр. из архива В. 3.:
337
Ланшакова Л. А. — былички: 41к
Ларина Т. К. — былички: 245, 408
Ларионов И. — нар. пр. из архива В. 3.: 365–367
Ларионова М. Р. — песни: 63, 70, 201, 254, 287
Лбова О. М. — песни: 213
Лещева А. В. — нар. пр. из архива В. 3.: 145
Литвинова О. — песни: 133
Литвинцев Н. И. — сказки: 30, 34, 41к, 55, 62, 72, 96; былички: 53
Литвинцева А. К. — былички: 263
Лобин О. — сказки: 4к
Лобина Л. — песни: 137
Лобина Т. — песни: 14
Логунова Л. П. — былички: 255
Ломагина Е. П. — нар. пр. из архива В. 3.: 61, 84
Ломакин И. В. — песни: 328
Ломакина Е. Ф. — сказки: 60, 106; песни: 328
Лоншаков В. С. — нар. пр. из архива В. 3.: 75
Лоншаков Д. Р. — сказки: 108
Лоншакова М. А. — песни: 200
Лукина — песни: 23к
Луковников М. И. — нар. пр. из архива В. 3.: 63
Лухина Ф. Г. — нар. пр. из архива В. 3.: 319
Макарова А. Е. — былички: 371; песни: 161, 203, 298
Макарова А. И. — песни: 210, 219, 245, 294, 304
Макаров М. Г. — нар. пр. из архива В. 3.: 56
Малыгин М. Е. — былички: 267, 306; нар. пр. из архива В. 3.: 180, 181, 191
Мальцев В. Е. — песни: 310
Мальцева Е. К. — нар. пр. из архива В. 3.: 15
Мальцев Е. С. — былички: 312; песни: 310
Мальцева Е. Я. — песни: 181, 310
Мальцева Т. Я. — песни: 310

- Малярова А. В. — песни: 289
Манаконова С. Р. — былички: 174, 175
Мартыненко А. Т. — нар. пр. из архива В. З.: 261
Масленникова А. М. — былички: 192
Матвеева Т. — сказки: 33к
Метелева Е. И. — нар. пр. из архива В. З.: 194
Мешалкина П. У. — сказки: 40к
Милюхина А. С. — былички: 100
Михайлова А. Н. — песни: 247
Могильникова А. Е. — нар. пр. из архива В. З.: 13, 275
Мосолова Л. П. — былички: 393
Мосолова Ф. И. — былички: 14, 94, 268, 278, 317, 370, 399; нар. пр. из архива В. З.: 62, 90, 95, 146, 150, 195
Муратов М. И. — песни: 284; нар. пр. из архива В. З.: 88
Мясникова Е. Г. — сказки: 33к, 48; былички: 224, 423, 444
Мясникова М. Е. — песни: 165, 185
Нагибина М. А. — песни: 175, 176, 178, 180;
Надежкина О. М. — былички: 398; песни: 166; нар. пр. из архива В. З.: 4
Наседкин А. Н. — сказки: 29, 44; былички: 180
Наумова М. Н. — песни: 55, 72, 305
Немиров В. И. — сказки: 51
Нестерова В. А. — сказки: 61к
Нечаев И. З. — былички: 233
Нечитайло Д. Ф. — нар. пр. из архива В. З.: 136
Николаева М. К. — песни: 69
Новикова А. Г. — былички: 249, 12к
Новикова М. С. — песни: 194, 277, 299
Новикова Н. В. — былички: 43, 146
Носков В. С. — песни: 251
Носков С. С. — былички: 271, 360; песни: 73, 87, 251; нар. пр. из архива В. З.: 137, 139, 159, 323, 324
Носкова А. И. — былички: 116, 145, 217, 218; песни: 73, 87, 98, 251
Носырев А. Н. — былички: 109
Обухова Е. В. — былички: 416
Обухова Ф. Н. — сказки: 46; былички: 126
Овчеренко И. П. — песни: 238
Овчинников А. Д. — нар. пр. из архива В. З.: 217, 288, 289
Овчинникова А. М. — нар. пр. из архива В. З.: 169, 190, 217, 231, 311
Овчинникова Е. М. — нар. пр. из архива В. З.: 288, 289
Огнева Е. Д. — былички: 197, 376, 377, 442; нар. пр. из архива В. З.: 127, 129, 135
Окладников А. Ф. — нар. пр. из архива В. З.: 162, 201
Осадчая А. Я. — былички: 279, 333, 334, 346
Осмолкин А. Я. — былички: 209; песни: 214
Осокина А. Г. — песни: 306, 325
Осокина Е. Г. — песни: 306, 325

- Осокина М. В. — былички: 212
Осокина П. Г. — песни: 306, 325
Осокина Ф. У. — песни: 306, 325
Отавина Е. С. — песни: 281
Павлова Е. Л. — нар. пр. из архива В. З.: 163, 177, 271
Панова М. Н. — былички: 258; песни: 189; нар. пр. из архива В. З.: 193
Пахмутова А. А. — былички: 401
Пахмутова А. Г. — сказки: 4к, 41, 58, 94к; былички: 44, 86, 114, 139, 140, 165, 179, 200, 384, 427; песни: 164, 192, 233; нар. пр. из архива В. З.: 234, 297
Первухина А. В. — песни: 292
Петина Е. В. — нар. пр. из архива В. З.: 287
Петров А. Г. — нар. пр. из архива В. З.: 60
Пешков Г. В. — сказки: 99–102; былички: 5, 20, 21, 34, 119, 127, 133, 157, 171, 207, 272, 282, 288, 316, 326, 330, 336, 406, 443; нар. пр. из архива В. З.: 188, 229
Пешкова Е. Е. — песни: 11, 167, 172, 186
Пешкова М. Г. — песни: 174
Пешкова Н. И. — сказки: 18к
Пешкова С. — былички: 275
Пинигин П. Ф. — былички: 291, 303, 305; нар. пр. из архива В. З.: 295, 300
Пинигина Л. М. — былички: 424
Писарев К. Д. — песни: 79, 288
Писарева Ф. Ф. — былички: 284; песни: 117, 123
Пискарев М. К. — сказки: 23к, 27, 75, 85; былички: 22, 228, 315, 404; нар. пр. из архива В. З.: 130
Плотников Г. И. — нар. пр. из архива В. З.: 54
Плотников П. И. — сказки: 37
Плотников П. Т. — нар. пр. из архива В. З.: 24, 28, 33
Плотникова А. И. — былички: 150
Плотникова А. П. — нар. пр. из архива В. З.: 102
Плотникова Н. М. — песни: 49к, 56, 184, 204, 228, 313
Плотникова С. Н. — былички: 70
Плотникова Т. А. — сказки: 77; нар. пр. из архива В. З.: 225
Погодаева Т. Т. — былички: 33к
Подойницына Е. Е. — песни: 59
Поздеева Г. П. — песни: 286
Позднякова Т. П. — песни: 260
Полоротова А. И. — былички: 39, 132, 201, 222, 241, 269, 295, 318, 356, 439; нар. пр. из архива В. З.: 126, 227
Попова М. Н. — нар. пр. из архива В. З.: 213
Почтарев В. А. — сказки: 38, 39к, 79, 92к; песни: 144; нар. пр. из архива В. З.: 346
Прокудина А. В. — былички: 438
Пуртова А. П. — былички: 29
Пуртова В. — былички: 12
Пушкарев И. С. — былички: 300
Пьянников И. Ф. — песни: 261

- Раздобреева Г. С. — песни: 67к
Разуваева К. А. — былички: 95, 97, 101, 215; песни: 182, 187; нар. пр. из архива В. З.: 226, 251, 272, 274, 291–294
Разумейко Н. А. — нар. пр. из архива В. З.: 46
Рачкова И. М. — былички: 214
Резанов Е. Ф. — былички: 107; нар. пр. из архива В. З.: 112, 114, 118, 125, 342
Рожковский П. М. — нар. пр. из архива В. З.: 50
Рожковская У. И. — былички: 379; песни: 35, 237, 311, 319
Русин П. И. — былички: 30, 46, 81, 98, 130, 206, 210, 338; песни: 40; нар. пр. из архива В. З.: 31, 37, 70, 87, 109, 117
Рыбникова Ф. А. — былички: 440; нар. пр. из архива В. З.: 277
Рычков Я. Е. — нар. пр. из архива В. З.: 42, 51
Рычкова М. А. — былички: 65, 182, 229; песни: 227, 275; нар. пр. из архива В. З.: 100, 128, 233, 290, 302,
Рычкова П. А. — сказки: 63
Рюмкин Е. С. — сказки: 22, 103; былички: 135, 297, 309; песни: 203, 217, 298; нар. пр. из архива В. З.: 220, 307, 341
Рюмкин П. В. — нар. пр. из архива В. З.: 133, 152
Рюмкин С. В. — сказки: 36, 57, 78, 80, 87
Рюмкина Е. Е. — былички: 40, 41, 48, 286, 367, 368
Рюмкина М. П. — былички: 38, 186; нар. пр. из архива В. З.: 153
Рязанцев К. П. — былички: 74, 88, 273, 337
Рязанцева И. С. — сказки: 12к, 21, 23к, 24, 28, 33, 39, 48к, 94к; былички: 36, 84, 108, 148, 149, 202, 219, 230, 340, 414, 417, 428, 429; песни: 109; нар. пр. из архива В. З.: 1–3, 5–9, 81, 82, 160, 240
Савватеева М. И. — былички: 131
Савина Н. Т. — песни: 20
Самсонов Г. Н. — нар. пр. из архива В. З.: 53, 68, 122
Седов Н. В. — сказки: 31, 52, 67, 68, 76; былички: 162, 169, 412
Семяк А. Ф. — нар. пр. из архива В. З.: 308
Сенотрусова В. — песни: 303
Сиверинова П. Т. — нар. пр. из архива В. З.: 223
Сидорова А. В. — сказки: 93; песни: 66, 296
Ситинская Г. А. — былички: 170, 176, 251, 420; песни: 50, 84, 86
Скоблицына Н. Ф. — песни: 15, 37, 77, 124, 277к, 320
Слепков И. Ф. — песни: 28, 48
Слободчиков Г. И. — нар. пр. из архива В. З.: 334
Смолина М. И. — сказки: 95; песни: 266
Смолянский Ф. С. — сказки: 73, 107; былички: 6, 31, 185, 221, 270, 289, 328, 335, 403; песни: 234, 239, 257, 308
Соболев М. А. — нар. пр. из архива В. З.: 321
Соболева А. Н. — былички: 67; нар. пр. из архива В. З.: 80, 132, 237
Соколова М. Ф. — былички: 32, 236, 389
Соколова П. П. — песни: 216
Соколова Ф. Н. — былички: 413
Сорокина А. И. — песни: 90, 139

- Старицына М. А. — сказки: 91
Старицына Н. И. — былички: 260; песни: 78, 215
Старицына С. К. — былички: 425; нар. пр. из архива В. З.: 14
Субботина Н. Т. — былички: 193; песни: 42, 49, 89, 111, 115, 141, 196, 212, 267;
нар. пр. из архива В. З.: 306
Суворова А. И. — былички: 128
Судаков К. Г. — нар. пр. из архива В. З.: 304
Судаков Ф. И. — нар. пр. из архива В. З.: 34, 41
Судаков Ф. Т. — нар. пр. из архива В. З.: 183, 350
Судакова А. Н. — сказки: 62к, 74; былички: 173
Судакова В. М. — былички: 388
Судакова И. — песни: 10
Судакова М. И. — былички: 35
Сундеева З. П. — нар. пр. из архива В. З.: 83, 142
Сурикова Т. — песни: 140
Сысолятин С. Г. — нар. пр. из архива В. З.: 89
Сычева У. Ф. — сказки: 47, 48к, 49, 61; былички: 105, 161, 243, 324, 325, 331,
365, 105к; нар. пр. из архива В. З.: 20, 104
Тирских А. Д. — былички: 115; песни: 101, 102, 106, 314
Тищенко С. С. — песни: 177
Томских А. А. — былички: 254; нар. пр. из архива В. З.: 76
Томских М. А. — былички: 136, 184, 141к; нар. пр. из архива В. З.: 17, 155
Тонких А. — былички: 153
Тонких А. И. — песни: 156
Тонких К. И. — нар. пр. из архива В. З.: 174
Тонких М. Н. — былички: 111, 158
Тонких Н. Д. — нар. пр. из архива В. З.: 197, 198
Тонких П. Д. — былички: 47, 90, 294, 431; нар. пр. из архива В. З.: 69, 77, 78,
175, 179, 199, 214, 222, 241, 243, 253, 255, 260, 278, 279, 318
Тонких П. Я. — нар. пр. из архива В. З.: 52
Топоркова Е. С. — сказки: 97
Трофимов А. И. — былички: 250, 321
Трусила А. С. — сказки: 58к
Трухина Е. П. — былички: 154; песни: 47к
Трушин К. Н. — былички: 361
Тупицына Д. Д. — песни: 276
Тухватуллин М. М. — былички: 145к
Тухватуллина Ф. М. — былички: 152к
Тыжнова Т. — былички: 394
Усольцева М. Я. — нар. пр. из архива В. З.: 157
Утюжников А. Ф. — былички: 80
Утюжников Ф. Д. — былички: 378; песни: 223; нар. пр. из архива В. З.: 326,
329
Уфимцева Т. И. — нар. пр. из архива В. З.: 101
Федоров В. И. — былички: 159; нар. пр. из архива В. З.: 349
Федорова (Судакова) М. Я. — былички: 422

- Федорова Н. П. — былички: 231
 Филиппов А. Д. — сказки: 23к
 Филиппова А. М. — песни: 297к
 Филиппова В. Е. — былички: 276, 304
 Филиппова М. Д. — былички: 83, 213, 390
 Харина М. Я. — песни: 15, 17, 37, 49к, 56, 77, 91, 124, 170, 184, 193, 204, 228, 248, 277к, 313; нар. пр. из архива В. З.: 332
 Хлестунова А. В. — песни: 21, 83, 168, 250, 268, 312
 Чащин А. А. — нар. пр. из архива В. З.: 161
 Чекашкин С. Т. — сказки: 92; песни: 257к
 Чернецкая Е. Е. — былички: 387
 Чернецкая Н. К. — былички: 362
 Чернов И. И. — сказки: 86; былички: 391
 Черняева Е. С. — сказки: 59, 62к; нар. пр. из архива В. З.: 10
 Чикичёва А. Н. — песни: 122, 225, 327
 Чистохина Т. С. — сказки: 83к
 Чупрова Т. И. — песни: 205
 Чуткова Н. В. — былички: 160
 Шалбетская В. А. — былички: 177, 203, 257, 264
 Шамякин А. С. — былички: 129к
 Шатковская Т. Г. — песни: 7; нар. пр. из архива В. З.: 79
 Шепетов Н. С. — нар. пр. из архива В. З.: 108, 113
 Шишимарева Д. С. — былички: 220
 Шишимарин А. М. — былички: 329
 Шумилова А. К. — былички: 9
 Щербакова А. — былички: 23; песни: 29; нар. пр. из архива В. З.: 16
 Щербакова В. А. — песни: 75
 Щетинин С. Е. — былички: 344
 Юдина О. Т. — песни: 108, 114, 145, 163, 253
 Юсупова Н. — сказки: 53
 Яишникова Е. М. — нар. пр. из архива В. З.: 276

Список собирателей

- Аверьянова Т. — нар. пр. из архива В. З.: 50
 Андреева Н. — сказки: 93, 94; песни: 60, 67, 90, 108, 114, 139, 145, 149, 157, 163, 206, 238, 253, 258, 296, 316
 Антуфьева Е. — сказки: 46; былички: 66, 126; песни: 289
 Аристова М. — былички: 57, 71, 77, 110, 113, 156, 187, 223, 232, 237, 266, 311, 341, 409; песни: 120, 207, 247, 261, 291; нар. пр. из архива В. З.: 230, 354–364
 Баева Е. — сказки: 4; былички: 174; песни: 179, 191; нар. пр. из архива В. З.: 19, 151, 282, 308
 Балканова Т. — былички: 45, 387, 421
 Белоницкая — былички: 50, 163, 178, 441; песни: 127, 226
 Белоусова Н. — сказки: 40, 74; былички: 173, 416; песни: 174

- Бобовская Н. — былички: 43, 146, 249; песни: 6
 Бордунова Г. — песни: 250, 279, 322
 Бочарова О. — сказки: 77, 81, 98; песни: 69, 210, 219, 245, 271, 292, 294, 304;
 нар. пр. из архива В. З.: 225
 Брагина В. — сказки: 20, 38, 60, 79, 95, 106; песни: 144, 175–178, 180, 266; нар.
 пр. из архива В. З.: 346
 Бушев А. — нар. пр. из архива В. З.: 107, 116
 Бушкова — былички: 301, 396, 415; песни: 220; нар. пр. из архива В. З.: 52
 Волкова Л. — былички: 192, 214, 244; нар. пр. из архива В. З.: 47
 Володько А. — былички: 131, 209; песни: 25, 30, 138, 154, 202, 214, 301; нар.
 пр. из архива В. З.: 11
 Вылкова Л. — нар. пр. из архива В. З.: 63
 Выходцева М. — былички: 413; песни: 297
 Гилева — былички: 159; нар. пр. из архива В. З.: 161, 265, 349
 Горбатко Л. — сказки: 88; былички: 100; песни: 23, 151, 169, 259, 323
 Горянова Г. — песни: 10, 155
 Гребенщикова Е. — сказки: 89; песни: 23к, 231к, 263к, 290; нар. пр. из архива
 В. З.: 329
 Давыденко — былички: 301, 396, 415; песни: 220; нар. пр. из архива В. З.: 52
 Девятловская И. — песни: 18, 19, 58; нар. пр. из архива В. З.: 75
 Добродеева В. — сказки: 43, 51; песни: 257к; нар. пр. из архива В. З.: 24, 28,
 33, 55
 Додатко Н. — былички: 57, 71, 77, 110, 113, 156, 187, 223, 232, 237, 266, 311,
 341, 409; песни: 120, 207, 261; нар. пр. из архива В. З.: 230, 354–364
 Дремина — былички: 159; нар. пр. из архива В. З.: 161, 265, 349
 Дробышевская Л. — нар. пр. из архива В. З.: 89
 Дружинина Т. — сказки: 30, 34, 55, 62, 72, 96; былички: 53, 143, 255, 283, 405,
 432; нар. пр. из архива В. З.: 14, 335
 Егорова И. — былички: 322, 426, 12к, 41к; песни: 200; нар. пр. из архива В. З.:
 103, 94
 Ефимова А. — былички: 51, 101, 395, 424, 174к; песни: 213
 Жаглова В. — сказки: 86; былички: 125, 391; песни: 7; нар. пр. из архива В. З.:
 79
 Жижкина Л. — былички: 57, 71, 77, 110, 113, 156, 187, 223, 232, 237, 266, 311,
 341, 409; песни: 120, 207, 240, 247; нар. пр. из архива В. З.: 230, 354–364
 Жукова Н. — былички: 170, 176, 251, 420, 440; песни: 50, 84, 86; нар. пр. из
 архива В. З.: 277
 Зиновьев В. П. — сказки: 1, 3, 4–8, 10–14, 16–19, 21, 23, 24–28, 31–33, 35, 36,
 39, 41, 42, 47, 49, 50, 52–54, 57, 58, 61, 65, 67–69, 71, 73, 75, 76, 78, 80, 82, 83, 85,
 87, 91, 99–102, 104, 105, 107; былички: 1, 2–9, 11–13, 15, 16, 18, 19–22, 25–34, 36,
 37, 39, 42, 44, 46, 49, 52, 54–57, 59–61, 63–65, 68, 71, 73–75, 77–84, 86–89, 91, 92, 95,
 97, 98, 102–108, 110, 112–114, 118, 119, 123, 124, 127, 129, 130, 133, 136, 138–140,
 142, 144, 145, 147–149, 151, 152, 155–157, 160–162, 164, 165, 167–169, 171, 172, 179,
 180, 182, 183–185, 187–191, 193, 197–202, 204, 206–208, 210, 213, 215, 216, 219, 221,
 223, 226–230, 232–243, 245–248, 252–254, 256, 258, 260–262, 266, 270–273, 275, 279,
 280, 282, 285, 288–293, 295, 296, 298, 300, 302, 303, 305, 307–311, 313, 315, 316, 318,

- 320, 323–331, 333–350, 352–359, 363, 365, 366, 372–378, 381–384, 389, 390, 398, 400, 401, 403, 404, 406–412, 414, 417, 418, 425, 427–429, 433–436, 438, 439, 442, 443, 1к, 19к, 68к, 105к, 141 к, 145к, 172к, 308к; песни: 1–5, 8, 9, 12, 13, 21, 26, 32, 33, 35, 36, 38–41, 45–47, 51, 54, 57, 63, 70, 73, 78, 83, 87, 88, 92, 93, 95–100, 103–105, 107, 109, 110, 112, 118, 121, 128–132, 134, 136, 152, 158, 162, 164, 166, 168, 171, 182, 187, 190, 192, 194, 195, 198, 198к, 199, 201, 208, 209, 215, 217, 221, 223, 227, 231, 233–237, 239, 241, 242, 244, 246, 249, 251, 252, 254, 256, 257, 262, 263, 268, 269, 272, 274–278, 282, 286, 287, 297, 299, 303, 307, 308, 311, 312, 315, 319, 321, 329; нар. пр. из архива В. 3.: 1–3, 4, 5–9, 17, 20, 22, 23, 25–27, 29–31, 35–40, 48, 49, 53, 57, 58, 64, 68, 70, 72, 74, 76, 81, 82, 89, 91, 96, 97, 100, 104, 105, 106, 109–112, 114, 117, 118, 122–131, 135, 136, 138–140, 143, 147, 148, 155, 158, 160, 164, 178, 184, 185, 188, 189, 196, 200, 207, 208, 212, 215, 216, 221, 224, 226–229, 233–236, 238, 240, 242, 250–252, 256–258, 263, 264, 267, 268, 270, 272, 274, 280, 290–297, 299–303, 306, 307, 309, 313, 323, 324, 326–328, 330, 333, 337–340, 342, 343, 345, 351–364, 365–367
- Зиновьева — былички: 50, 163, 178, 441; песни: 127, 226
- Зиновьева Г. Н. — сказки: 6, 14, 21, 28
- Зорина Л. — песни: 53
- Иванова Т. — нар. пр. из архива В. 3.: 261, 305, 334
- Игнатъева И. — былички: 45, 387, 421
- Казакова Л. — былички: 35, 231, 379, 419; песни: 156; нар. пр. из архива В. 3.: 46, 60
- Казидуб Т. — сказки: 2, 59, 84; песни: 31, 326; нар. пр. из архива В. 3.: 10
- Какунина Е. — сказки: 93, 94; былички: 112; песни: 47, 51, 54, 60, 66, 90, 108, 112–114, 128, 139, 145, 146, 149, 152, 157, 163, 195, 206, 238, 253, 258, 260, 296, 316; нар. пр. из архива В. 3.: 206, 209–211, 248, 249, 336
- Каргополова И. — сказки: 63; былички: 351; песни: 283; нар. пр. из архива В. 3.: 42, 121
- Кармина Т. — былички: 115
- Карягина Т. — песни: 101, 102, 106, 314
- Кашнова Н. — былички: 145к
- Керн М. — сказки: 93, 94; былички: 277, 332; песни: 27, 59, 60, 64, 66, 90, 108, 114, 139, 145, 149, 157, 163, 205, 206, 238, 253, 258, 296, 316
- Кичигина С. — песни: 250, 279, 322
- Климова И. — нар. пр. из архива В. 3.: 50
- Княжева М. — былички: 35, 231, 379, 419; песни: 156
- Кобак Е. — сказки: 15, 45, 64, 70; песни: 165, 185; нар. пр. из архива В. 3.: 167
- Кобелева Л. — сказки: 29, 44, 53; былички: 9, 11, 83, 213, 216, 233, 235, 300, 381, 383, 390, 393, 398, 438, 19к, 172к; песни: 44, 276
- Кобелева Н. — былички: 380
- Коваленко Т. — былички: 69, 153, 392
- Ковальская — сказки: 48; былички: 111, 154, 158, 224, 362, 394, 423, 444; песни: 47к
- Колбасникова — былички: 117
- Колтович Л. — былички: 380
- Коновалова Г. — песни: 53
- Копылова Л. — песни: 53

- Косолапова Е. — сказки: 86; былички: 125, 391; песни: 7; нар. пр. из архива В. З.: 79
- Кропотова Л. — сказки: 53; былички: 9, 11, 83, 213, 216, 233, 235, 300, 381, 383, 390, 398, 438, 19к, 172к; песни: 276
- Крюкова — песни: 317; нар. пр. из архива В. З.: 43, 51, 59, 67, 120, 145
- Кудрявцева С. — былички: 99, 120, 166, 211, 385, 397, 437
- Кузнецова В. — сказки: 32, 53, 83; былички: 9, 11, 83, 213, 216, 233, 235, 300, 381, 383, 390, 398, 438. 19к, 172к; песни: 276
- Кузовкова М. — былички: 413; песни: 297
- Кузьмина В. — былички: 115; песни: 101, 102, 106, 314
- Кузьмина Е. — былички: 99, 120, 166, 211, 385, 397, 437
- Кукса А. — сказки: 24, 33, 39, 92; былички: 24, 49, 57, 71, 76, 77, 110, 113, 121, 137, 156, 187, 193, 223, 232, 234, 237, 266, 281, 311, 341, 347, 367-369, 409; песни: 15, 17, 20, 37, 42, 49, 49к, 56, 68, 74, 77, 82, 89, 91, 111, 115, 119, 124, 141, 143, 148, 170, 184, 193, 196, 204, 212, 228, 230, 232, 243, 248, 257к, 264, 267, 277к, 309, 313, 320, 324; нар. пр. из архива В. З.: 32, 45, 107, 115, 116, 119, 134, 245, 276, 283, 286-289, 311, 332, 347, 348, 354-364
- Куликова Е. — былички: 35, 231, 379, 419; песни: 156
- Кульпина Л. — нар. пр. из архива В. З.: 63
- Кустова Л. — сказки: 2, 97; песни: 16, 31, 133, 302, 326; нар. пр. из архива В. З.: 10
- Литвинова О. — сказки: 20, 38, 60, 79, 95, 106; песни: 144, 175-178, 180, 266, 328; нар. пр. из архива В. З.: 346
- Лопуцкая — песни: 14, 140
- Лямина Э. — сказки: 22, 103; былички: 29, 38, 40, 41, 48, 67, 132, 135, 141, 205, 259, 269, 274, 286, 297, 299; песни: 85, 161, 203, 229, 284, 298; нар. пр. из архива В. З.: 80, 85, 88, 132, 133, 141, 149, 152-154, 157, 166, 220, 237, 320, 321, 341
- Мазур И. — былички: 422, 33к; нар. пр. из архива В. З.: 56
- Макарова М. — былички: 145к, 152к; песни: 10, 155
- Максимова Т. — сказки: 20, 38, 60, 79, 95, 106; песни: 144, 175-178, 180, 266; нар. пр. из архива В. З.: 346
- Мальцев В. — сказки: 20, 38, 60, 79, 95, 106; песни: 144, 175-178, 180, 266, 328; нар. пр. из архива В. З.: 346
- Мартынова — сказки: 48; былички: 111, 154, 158, 224, 362, 394, 423, 444; песни: 47к
- Мейерова Л. — былички: 413
- Миронова Т. — сказки: 30, 34, 55, 62, 72, 96; былички: 53, 143, 255, 283, 405, 432; нар. пр. из архива В. З.: 14, 335
- Михайлова Н. — сказки: 53; былички: 9, 11, 83, 213, 216, 233, 235, 300, 381, 383, 390, 398, 438, 19к, 172к
- Молчанова О. — былички: 128
- Москаленко З. — былички: 85; нар. пр. из архива В. З.: 66
- Москвитина Л. — былички: 9, 11, 83, 213, 216, 233, 235, 300, 381, 383, 390, 398, 438, 19к, 172к; песни: 276
- Мураева М. — нар. пр. из архива В. З.: 261, 305, 334
- Найденко Л. — сказки: 90; былички: 152; песни: 183

- Невилчук В. — былички: 69, 153, 392
 Нестерова Т. — сказки: 90; былички: 152; песни: 183
 Новикова Л. — песни: 11, 71, 167, 172, 186
 Новикова Н. — сказки: 66, 108; былички: 14, 16, 72, 94, 96, 116, 177, 194, 195, 203, 217, 218, 225, 257, 264, 267, 268, 271, 276, 278, 304, 306, 312, 317, 360, 370, 399, 211к; песни: 24, 38, 76, 79–81, 94, 116, 126, 142, 153, 159, 160, 162, 173, 181, 190, 199, 211, 218, 221, 224, 242, 249, 285, 288, 306, 310, 318, 325, 329, 329к; нар. пр. из архива В. 3.: 18, 21, 46, 60–62, 83, 84, 90, 95, 142, 146, 150, 156, 162, 163, 171, 173, 177, 181, 186, 191, 195, 201, 218, 246, 247, 254, 266, 271, 310, 314, 317, 322, 325
 Новоселова К. — песни: 18, 19, 58; нар. пр. из архива В. 3.: 75
 Носкова Н. — былички: 152к
 Огородникова В. — песни: 197, 297к
 Онышко Н. — былички: 58, 93, 263, 314, 319; песни: 300; нар. пр. из архива В. 3.: 86, 284
 Павлова С. — нар. пр. из архива В. 3.: 50
 Павловская Л. — былички: 284, 386, 402; песни: 22, 62, 64, 117, 123, 150, 293, 295; нар. пр. из архива В. 3.: 12, 15
 Пачерская С. — сказки: 77, 81, 98; песни: 69, 210, 219, 245, 271, 292, 294, 304; нар. пр. из архива В. 3.: 225
 Пензина Н. — сказки: 51
 Петелина Л. — сказки: 46; былички: 66, 126; песни: 289
 Пикуцкая М. — былички: 388, 393; песни: 34, 147, 281; нар. пр. из архива В. 3.: 102
 Пильник Н. — былички: 99, 120, 166, 211, 385, 397, 437
 Плотникова Л. — былички: 70, 109, 212; нар. пр. из архива В. 3.: 34, 41
 Погуральская Н. — сказки: 88; былички: 100, 122, 277, 332; песни: 23, 27, 59, 64, 151, 169, 205, 259, 323
 Полторадыдько С. — сказки: 56; нар. пр. из архива В. 3.: 165, 319
 Попова Л. — былички: 16, 72, 116, 177, 194, 195, 203, 217, 218, 225, 257, 264, 271, 276, 304, 312, 360, 211к; песни: 24, 38, 76, 81, 94, 116, 126, 142, 159, 160, 162, 181, 190, 199, 211, 218, 221, 224, 242, 249, 285, 318, 329; нар. пр. из архива В. 3.: 24, 28, 33, 55, 331
 Порошина А. — былички: 10, 112, 121, 220, 281, 369, 196к; песни: 17, 47, 49к, 51, 54, 56, 68, 91, 112, 113, 120, 128, 146, 152, 170, 184, 193, 195, 204, 228, 260, 297к, 309, 320, 324; нар. пр. из архива В. 3.: 44, 99, 202, 204, 206, 209–211, 245, 248, 249, 262, 283, 287, 304, 336, 347, 348
 Потороченко — былички: 174, 175
 Преображенская — былички: 23; песни: 29, 75, 135, 137, 216
 Протопопова Е. — сказки: 63; былички: 351; песни: 283; нар. пр. из архива В. 3.: 42, 121
 Размахнина — песни: 317; нар. пр. из архива В. 3.: 43, 51, 59, 67, 120, 145
 Саванжа М. — былички: 422, 33к; песни: 10, 155; нар. пр. из архива В. 3.: 56
 Санжихаева О. — былички: 192, 214, 244; нар. пр. из архива В. 3.: 47
 Санкина Н. — сказки: 89; песни: 23к, 231к, 263к, 290; нар. пр. из архива В. 3.: 329
 Сапунова П. — сказки: 86; былички: 391; песни: 7; нар. пр. из архива В. 3.: 79

- Сафонова Т. — сказки: 40, 74; былички: 173, 416; песни: 174
- Сафьянникова — былички: 117, 301, 396, 415; песни: 220; нар. пр. из архива В. З.: 52
- Семенов С. — нар. пр. из архива В. З.: 89
- Серова Н. — сказки: 15, 45, 64, 70; песни: 165, 185; нар. пр. из архива В. З.: 167
- Сизых О. — былички: 58, 93, 263, 314, 319; нар. пр. из архива В. З.: 86, 284
- Синелобова З. — сказки: 37; былички: 134, 150, 388; песни: 34, 147, 281
- Скобелкина Н. — сказки: 37, 56; былички: 10, 131, 134, 150, 181, 209, 220, 284, 364, 386, 388, 402; песни: 8к, 15, 20, 22, 25, 30, 34, 37, 43, 62, 65, 77, 82, 117, 123, 124, 138, 147, 150, 154, 188, 202, 214, 243, 248, 255, 277к, 293, 295, 297к, 300, 301; нар. пр. из архива В. З.: 11, 12, 15, 54, 99, 102, 285, 304, 319, 347, 348
- Слепнева И. — былички: 287, 322, 10к; песни: 200
- Смолина И. — былички: 47, 90, 131, 209, 259, 294, 430, 431; песни: 25, 30, 122, 138, 154, 189, 202, 214, 225, 265, 301, 327; нар. пр. из архива В. З.: 11, 65, 69, 71, 73, 77, 78, 170, 174, 175, 179, 180, 183, 187, 193, 197–199, 203, 205, 213, 214, 219, 222, 232, 239, 241, 243, 244, 253, 255, 260, 269, 273, 278, 279, 281, 312, 315, 316, 318, 344, 350
- Соболева О. — сказки: 66, 89, 108; былички: 62, 72, 116, 177, 360, 194, 195, 203, 217, 218, 225, 257, 264, 271, 276, 304, 312, 211к, 217к; песни: 23к, 28, 48, 52, 55, 67, 67к, 72, 94, 125, 153, 173, 222, 231к, 263к, 270, 273, 280, 290, 305, 310, 318, 329к; нар. пр. из архива В. З.: 92, 98, 101, 108, 113, 137, 144, 159, 168, 194, 317, 329
- Соколова В. — былички: 250, 321, 361; нар. пр. из архива В. З.: 13, 275
- Сокольников О. — былички: 43, 146, 249; песни: 6
- Соловьева М. — сказки: 22, 66, 77, 81, 98, 103, 108; былички: 14, 29, 38, 40, 41, 47, 48, 62, 67, 72, 90, 94, 96, 116, 132, 135, 141, 177, 186, 194, 196, 203, 205, 217, 218, 222, 225, 257–259, 264, 265, 267–269, 271, 274, 276, 278, 286, 294, 297, 299, 304, 306, 312, 317, 360, 370, 371, 399, 430, 431, 196к, 211к; песни: 17, 28, 48, 49к, 52, 55, 56, 67, 67к, 68, 69, 72, 79, 80, 85, 91, 94, 122, 125, 153, 161, 170, 173, 181, 184, 189, 193, 203, 204, 210, 219, 222, 225, 228, 229, 245, 265, 270, 271, 273, 280, 284, 288, 292, 294, 298, 304, 305, 309, 310, 320, 324, 327, 329к; нар. пр. из архива В. З.: 18, 21, 61, 62, 65, 69, 71, 73, 77, 78, 80, 83–85, 88, 90, 92, 93, 95, 98, 101, 108, 113, 132, 137, 141, 142, 144, 146, 150, 154, 156, 159, 162, 163, 168–175, 177, 179–183, 186, 187, 190–195, 197–199, 201–205, 213, 214, 217–220, 222, 223, 225, 231, 232, 237, 239, 241, 243, 244, 246, 247, 253–255, 260, 266, 269, 271, 273, 278, 279, 281, 298, 310, 312, 314–318, 320–322, 325, 331, 341, 344, 350
- Софронова Л. — былички: 51, 101, 395, 424, 174к; песни: 213
- Ступина — былички: 174, 175
- Суковкина Н. — сказки: 86; былички: 391; песни: 7
- Сухорукова Н. — сказки: 63; былички: 351; песни: 283; нар. пр. из архива В. З.: 42, 121
- Сысолятина Т. — былички: 413
- Тайгинд И. — былички: 69, 153, 392
- Тарасова М. — сказки: 63; былички: 351; песни: 283; нар. пр. из архива В. З.: 42, 121
- Тарасова Н. — былички: 287, 10к
- Труфанова Т. — былички: 322, 426, 12к, 41к; песни: 200; нар. пр. из архива В. З.: 94, 103

- Тырянова — былички: 422, 33
 Уколова Т. — былички: 250, 321, 361; нар. пр. из архива В. 3.: 13, 275
 Урбанаева И. — былички: 170, 176, 251, 420, 440; песни: 50, 84, 86; нар. пр. из архива В. 3.: 277
 Усова Т. — сказки: 22, 103; былички: 38, 40, 41, 48, 67, 132, 135, 141, 205, 259, 269, 274, 286, 297, 299, 371; песни: 85, 161, 203, 229, 284, 298; нар. пр. из архива В. 3.: 80, 85, 132, 133, 141, 149, 152, 153, 157, 166, 220, 237, 320, 321, 341
 Ушкалова Р. — былички: 45, 387, 421
 Фецерт Л. — сказки: 2, 59, 84; песни: 31, 302, 326; нар. пр. из архива В. 3.: 10
 Хачумова А. — сказки: 88; былички: 100; песни: 23, 151, 169, 259, 323
 Хвостова О. — былички: 85; нар. пр. из архива В. 3.: 66
 Хоменко И. — сказки: 4; былички: 17; песни: 61, 179, 191; нар. пр. из архива В. 3.: 19, 151, 282, 308
 Чайко Н. — сказки: 51
 Чередникова — песни: 317; нар. пр. из архива В. 3.: 43, 51, 59, 67, 120, 145
 Швецова А. — песни: 42, 89, 111, 115, 141, 148
 Шипицина М. — былички: 85; нар. пр. из архива В. 3.: 66
 Шишкина И. — сказки: 4; былички: 17; песни: 61, 179, 191; нар. пр. из архива В. 3.: 19, 151, 282, 308
 Щерба Н. — былички: 70, 109, 212; нар. пр. из архива В. 3.: 34, 41
 Эссерт М. — сказки: 37; былички: 134, 150, 181, 364, 388; песни: 15, 20, 34, 37, 43, 77, 82, 124, 147, 188, 243, 248, 255, 277к, 281; нар. пр. из архива В. 3.: 54, 102, 285

Словарь малоупотребительных, диалектных слов и выражений

- Адали́* — словно, как будто
Ажно́ — даже
Алексеев день — день Алексея — человека Божия (30 марта н. с.)
«Америкánка» — ручной станок-американка для промывки золотоносных песков и извлечения золота; бутара
Анба́р — амбар
Арга́л — сухой навоз
Ба́бка — кость надкопытного сустава ноги домашнего или дикого животного, используемая для игры в бабки
Ба́бничать — принимать роды
Бато́г — палка
Байдáра — квашня (глиняный горшок)
Баня по-чёрному — баня с печью без дымохода
Балага́н — шалаш, используемый для временного жилья на сенокосе
Балага́шка — уменьш. от балаган
Балу́ются — колдуют, портят
Бастри́к — прочная жердь для стягивания воза сена, соломы

- Баха́на* — козел
Ба́чить (от укр. *бачити*) — видеть
Бегу́нец — скаковая лошадь, рысак
Бежа́ть от венца — ехать из церкви после венчания на парах или тройках коней; свадьба бежит
Берда́на (*берда́нка*) — охотничье ружьё
Бесе́да — посиделки
Бессту́жи — бесстыдные
Бе́чь — бежать
Благослове́сь — благословясь; помолившись, наложив на себя крест
Без благословесь крыночку не поставишь — никакое дело не сделаешь без помощи Божией.
Блазни́ться — казаться, мерещиться
Божия Матерь Скорбя́иша — праздник иконы Божией Матери «Скорбящая» (6 ноября н.с.)
Бокову́шка — небольшая боковая комната деревенского дома
Боровча́н — годовалый бычок
Борча́тка — полушубок, шуба из овчин со сборками на талии
Бра́ный — тканый узорами
Брата́н, бра́тка — двоюродный брат
Бурду́к — мучная каша или кисель
Бус — мучная пыль
Бу́тара — корыто с решётками для промывки золотосодержащего песка
Был да нет; как не́ был; как век не́ был — внезапно исчез
Как ни в чем не́ был — как ни в чем не бывало
Как тут и был — внезапно появился
Валёжина — сваленное дерево
Вва́ривать(кому) — хлестать, бить кого-л.
Ввести в трéпет — испугать
Вдо́вой — вдовец
Вдруго́рядь — в другой раз, вторично
Великий Четве́рг — четверг Страстной недели накануне Пасхи
Вене́ц — таинство венчания в церкви
Верея́ — столб, к которому крепятся ворота
Верга́иный (*ерга́иный*) — меховой, выделанный из шкур
Верта́ться — возвращаться
Верховски́ — жители верхнего (по течению реки) края села
Весёлка — мешалка, лопаточка для замешивания теста
Ве́тошь — пучок прошлогодней травы
Вече́ря — 1. ужин; 2. вечером
Вече́рять (*вечеровáть*) — ужинать
Вза́муж — замуж
Взапята́ки — пятясь, задом наперед (идти, бежать)
Взбо́лок — холмик, горка

Взворожіть — сворожить

Взлягивать (о коне) — быстро бегать, быть здоровым

У нас кони сохнут — у них взлягивают

Взник (зник) — покой

Взнику нет

Взреветь — позвать кого-л., заругаться

Вин (укр.) — он

Винохóдый (конь) — иноходец

В мой годá — моего возраста

Внарóк — нарочно, специально

Вничь — ничком

Во всю голóвушку зареветь — громко заплакать

Возгудáть — громко играть, петь

Вознесéньев день — праздник Вознесения Господня, отмечаемый на сороковой день после Пасхи

Возновля́ться — возобновляться

Ворону́ха — вороной конь

В отде́ле жить — жить отдельно от родителей

Во́ши — вши

Враг, во́рог — черт, нечистый дух

Вражі́на — злая колдунья

Вре́мя продо́лжать — тянуть время

Все́нощна — ночная (вечерняя) служба в православной церкви

Всех святы́х вспомнить — усердно помолиться

Всплыть на дыбы́ — выразить недовольство, возмутиться

Выгнать ду́шу — облегчить предсмертные муки, помочь умереть (в сюжетах о «трудной смерти колдуна, ведьмы»)

Вы́карамкаться — выкарабкаться

Выпра́стывать — освобождать

Выса́дить — выгнать, выбросить

Вы́сел — выселение

Выфигу́ривать — кривляться, представляться

Выха́живать — бить кого-л.

Выхамкать — грубо обругать

Вы́чахнуть — исхудать от болезни

Вы́шка — чердак

В э́тих окошках — в этом доме

Гаври́ла благовесті́тель — архангел Гавриил

Га́литься (изгаля́ться) — издеваться, глумиться

Герма́нска война — Первая мировая война 1914–1918 гг.

Гля́нуться — нравиться

Глы́зы — мерзлый навоз, помет

Гобе́ц, го́бчик — загородка между печью и полатями; припечье

Гове́ть — поститься

Гóвором говорить — брякать, стучать
Годовушка — годовалый ребенок
Голéц — голая вершина сопки
Гóлоса не отвечает — молчит, голоса не подает
Гоношítь(ся) — хлопотливо заниматься каким-л. хозяйственным делом
Горбу́ль (горбы́ль) — крайняя доска при продольной распиловке бревна
Госпóжинки — двухнедельный пост перед праздником Успения Богородицы,
 а также сам этот день (28 августа н.с.)

Гречу́ха — гречиха
Грешítь — ругать; напрасно подозревать кого-л. в чем-то плохом
Гривна — старинная денежная мера
Грит, гыт — говорит
Грúдить (сгрúдиться) — собирать (собраться) в одно место
Губá — нарост на стволе лиственницы
Гумáжка — бумажка
Гура́н — дикий козел
Дáве — раньше
Дáй Бог ноги — быстро убежать
Де — где
Дéвка — девица, девушка

Быть в девках — быть не замужем
Девка хоть куда — красивая, работающая девушка

Девя́та пятница — день явления иконы святой великомученицы Параскевы
 Пятницы, отмечаемый в девятую пятницу по Пасхе

Девя́я краса́та — девичий головной убор невесты (см. коммент. к песне № 171,
 с. 196)

Делóв-то — о простом, легком деле

Деревíна — дерево, ствол

Деся́тские — в дореволюционной России выборные должностные лица от
 крестьян

Дея́ться — происходить

Дён — дней

Дика́ниться (дига́ниться) — издеваться

Дóбыча — добыча

Быть у дóбычи — грабить

Добы́ть срок — отбыть срок заключения

До дýху — всё, полностью

Ута́щить всё до дýху

Дóка — знающий человек, колдун

Должóн — должен

Доня́ть — навести порчу

Налила и доня́lá — навела порчу (на корову)

Дóржит — держит

Дó свету — до рассвета

Досейчас — до сих пор
Дотóли — так сильно, очень
Дотуль — до того места
Другім разом — в другой раз
Дружитъ — быть дружкой на свадьбе
Дружка — свадебный чин, распорядитель на свадьбе со стороны жениха
Духов день — день Святого Духа, отмечаемый в понедельник после Святой

Троицы

Духу не подать — промолчать, не выдать
Душа земли была — исхудала
Дыбитъся — вставать на дыбы
Дыму дать — быстро убежать
Егорьев день — день памяти св. Георгия Победоносца (6 мая н.с.)
Ёзли, ёжли — если
Елáнь, елáнка — возвышенная голая и открытая равнина
Ергачок — уменьш. от *ергáч* — поношенная доха, тулуп шерстью наружу
Ерник — мелкий кустарник
Ерничинка — прутик, веточка; намотанные на прутик тряпочки в виде куколки
Жеребитъём — по жребию, жеребьёвкой
Животина (живот) — домашний скот
Жить ни при чём — бедно жить, ничего не иметь
Жистъ — жизнь.
Ни в жистъ — ни за что, никогда
Жгнуть — ударить кого-л.
Журитъся (от укр. *журитися*) — печалиться, горевать
Зааминить — оградить себя или кого-л. от неприятного обстоятельства (колдовских чар), перекрестив со словом аминь
За Бóга схватитъся — начать молиться
Забóй — пари, заклад
Забить забой — заключить пари
Забóка — край, обочина; часть сенокосного луга
Завéдать — узнать, удостовериться
Завёртка — веревочная, ременная или сплетенная из прутьев петля, с помощью которой оглобли прикрепляются к саням
Зáгнётка — угол в русской печи, куда сгребают жар
Зáговенье — последний день перед длительным постом
За Егора ушла — вышла замуж за Егора
Зáймка — зимовье и постройки для зимнего содержания скота в местах отдаленных сенокосов
Закреститъ — перекрестить от нечистой силы
Заклясть — наложить клятву на клад
Закрючить(ся) — закрыть(ся) на крючок
Закуржаветь — покрыться инеем, «куржаком»
Залóm — скрученный колдуном пучок колосьев

Зала́мывать хлеб — наводить порчу на поле колдовством, связав колосья в пучок

Замёрзнуть (примерзнуть) — испугаться

Запа́днѧ — подъемная входная крышка в подполье

Заплóт — плотный забор из бревен, толстых жердей или досок

За́пон — фартук, передник

Заревéть — заплакать; заругаться; закричать

Зарю́хатъ — захрюкать

Засвятíть — перекрестить, прочитав молитву

Засéчь (засёк) — заставить замереть на месте

Затра́фиться — случится быть где-л.

Зау́тренняя (у́тренняя) — ранняя церковная служба в православных храмах

Зачáть — начать

Зачеку́читься — совещаться, собравшись в кружок

Зачертíть — «лечить» от порчи

Зачертíться — очертить круг от нечистой силы

Зашепта́ть — вылечить от порчи тайными словами

За́яз — заяц

Зелёнка, или отáва — трава, выросшая после косьбы

Зву́ку не подавать — затаиться

Зимовьё, зимове́йка — избушка в тайге; подсобная избушка во дворе

Зна́мо — известно

Зна́мый — знакомый

Знатко́й — колдун

Знатка́ — колдунья

Знать — иметь особые, сверхъестественные, знания

Зна́харь — колдун-лекарь

Зник — см. *взник*

Ива́нов день — Рождество Иоанна Предтечи; в язычестве: день Ивана Купалы, посвященный летнему солнцестоянию (7 июля н.с.)

Иза́ч — в первые годы советской власти заведующий клубом, избой-читальней

Извяза́ться — привязаться, пристать

Изде́латъ — навести или отвести порчу

Изла́дитъ — вылечить от порчи

Изубы́титься — понести убытки

Ико́ну поды́мать; и́дти с ико́нам — идти Крестным ходом

Ильи́н день — день памяти пророка Илии (2-е августа н.с.)

Имельцы, имáльцы — игра в жмурки

Има́н (яма́н) — домашний козел

Иману́ха — коза; козья доха

Има́ть — ловить

И́мкий / не и́мкий — о коне: смирный / не смирный

Исказни́ть — наказать

Испито́й — изнуренный, худосочный

Исча́хнуть — исхудать от болезни

Ичиги — кожаные сапоги на мягкой подошве

Ка́менка — банная печь

Ка́мешник — камни на дне реки; каменная россыпь, мелкая галька

Кану́н — пиво, брага, приготовленные к празднику

К нашему кануну — к нашему столу. Ср.: *кануниться* — поочередно приглашать и угощать друг друга

Ка́поротник — папоротник

Ка́рамкаться — карабкаться

Ка́шерик — годовалый теленок

Ки́рики-Ули́ты — день памяти святых раннего христианства Кирика и Улиты (28 июля н.с.)

Ки́чиги — народное название трех ярких звезд в созвездии Ориона (Орионов пояс)

Кладь — 1. клад; 2. скирда

Класть за губу́ — класть табак (жевательный) за губу или за щеку

Ключ закипел — родник из-под земли пробил

Князёк (конёк, охлупень) — верхний стык стропил, гребень крыши

Ковды́(а) — когда

Ко́ло — около

Коло́да — ларь для корма лошадей

Коло́к — лесок посреди поля, в распадке

Колубо́к (клуб) — клубок

Конёк — см. князёк

Ко́поть — туман в сильные морозы

Ко́поть полетела — быстро помчались (на конях)

Корви́га — коврига

Корча́га — большой глиняный горшок; плетеная из ивовых прутьев снасть для ловли рыбы

Косоплётка — лента, которую вплетают в косу

Кохать (от укр. *кохати*) — любить

Коханка (укр.) — любимая

Кочка́ — кочка

Кошева́ (коше́вка) — широкие глубокие сани с задком

Коше́вня — плетённый короб (корзина) на полозьях

Кри́лос — клирос

Крини́ца (от укр. *криниця*) — колодец, родник

Крови в зубах не было — о сильном испуге

Кровь хóдит — чудится на месте убийства

Крои́ть (о коне) — мчаться

Кропо́точки — крошечки

Кро́сна — ткацкий станок

Кружа́ть (кружа́чить) — блуждать, плутать

- Крязьба* — напраслина
Куделя — вычесанный пучок шерсти, приготовленный для прядения
Кузовник — торговец
Кулага — постное блюдо; напиток из солода, похожий на пиво, брагу
Култу́к — ложбина, балка; узкий низменный луг
Купарисиво дерево — кипарисовое дерево
Курмушка — куртка
Куро́леса — проказник
Куть — место за русской печью, отгороженное от горницы
Куфа́рка — кухарка
Ла́вы — мостки через речку
Лагу́шка — бочонок
Ла́дить(ся) — 1. лечить(ся) от порчи; 2. устраиваться, располагаться где-л.
Ла́дно — много; хорошо
Ладо́м — хорошенько, тщательно
Лени́вка (ленивочка) — широкая лавка у печи, на которой спят
Ле́сень — лесина, дерево
Лет...лет...лет — *да года пошли* — много лет, старость
Лито́вка — ручная коса
Ли́тра — литр водки (вина)
Лихо́й-благóй — испуганный, взбудораженный
Лихома́том (лихо́ски) реветь — громко кричать
Лови́ться за соломинку — хвататься за соломинку
Лонча́к — жеребенок по второму году; животное по второму (третьему, четвертому) году
Ло́поть — верхняя одежда
Луто́шка — ствол срубленной липы, с которого дерут лыко; липовая кора
Обдирать луто́шку — снимать лыко с липы
Ма́зур — поляк из области Мазовше
Мана́тки (манаточки) — вещи, пожитки
Мане́йки — ожерелье, стеклянные бусы
Мане́рка — походный котелок
Маскаро́ваться (машкаро́ваться) — рядиться, наряжаться (об участниках обряда колядования, совершаемого во время зимних святок)
Ма́сленка — Масленица
Ма́тка — матица, потолочная балка
Мая́чить — казаться, мерещиться
Ми́р — народ, люди, крестьянская община
Все́м миром — всем селом, сообща
Молоди́ца — молодая замужняя женщина
Монопо́лка — монополька, водка как объект государственной монополии из-готовления и торговли
Морочо́к (от мо́рок) — дождевое облако
Мотови́ло — палка с развилиной, на которую наматывалась пряжа с веретена

Мунту́р — повод (прикрепленный к удилам ремень узды, которым правят лошадей)

Мура́л — глиняная посуда, покрытая глазурью

Мури́вка — лишения, горе, несчастья. Перен. зн. от *мурцовка* у арестантов — похлебка (тюря), смесь воды с хлебными крошками

Хватить мури́вки — испытать трудности, лишения, горе

Мяки́на — остатки колосьев, стеблей и другие отходы при молотье

Мясо́ед — время между постами, когда по православному уставу разрешается мясная пища

Навали́ть — побить кого-л.

Навзды́м — кверху, вверх; о крайне возбужденном состоянии

Наде́ть (накинуть, натянуть, нахряпать) хомут — испортить, наслать болезнь с помощью колдовства

Наказно́й атаман — звание, присваиваемое в казачьих войсках, предводитель казаков

Накути́ть — пожаловаться

Нала́живаться — собираться

Нало́й — аналой

Наотма́чь — наотмашь

На пла́ст — пластом (лежать)

Напова́диться — часто бывать где-л., у кого-л.

Напра́вить — вылечить

Напува́ти (укр.) — поить

На́ пята́ — см. *пята*

Нарека́ть век — предсказывать срок жизни

Наро́ком — нарочно

Наро́шешный — пустяковый, несерьезный; ненастоящий, ложный

Насади́ться — наестся досыта

Натака́ть — показать, научить

Натаранки́вать — настучивать, трещать, барабанить

Находить на кого? на что? — быть похожим на кого-л., на что-л.

Начуди́ть — напроказить

Неве́стке в отме́стку — навредить из мести

Не в то́т час (сказать) — в опасный момент, грозящий кознями нечистой силы

Незна́тко — немного

Не к на́м сказано — предостережение от нечистой силы

Неко́вды — некогда

Некру́тик — рекрут. Рекрут — солдат-новобранец в старой России

Неодоли́м-трава — волшебная трава

Не то́мо что — не только что

Неха́й — пусть

Ни в каку́ — никак

Низовски́(е) — жители нижнего (по течению реки) края села (деревни)

- Никово́* — ничего
Нико́ла (Мико́ла) — св. Николай Чудотворец
Нико́м — ничем
Ниотку́ль — ниоткуда
Ново́й раз — другой раз
Обега́ть — сторониться, пренебрегать
Обе́дня — утренняя (до обеда) служба в православной церкви
О́бережь — заговоры, слова и обряд от порчи; талисман от сглаза, порчи
Обе́т — обещание
Обле́сеть — одичать
Обмуро́вленный — покрытый глазурью, берестой
Обожгло́ меня — о сильном испуге
Оболока́ться — одеваться
Оболо́чен(а) — одет(а)
Обрета́ться — находиться где-л.
Обу́тки (обу́мка) — обувь
Обчество — общество
Оде́жа — одежда
Оди́к — одичал
Оди́нова — однажды
Одну́ю — одну
Озева́ть — «сглазить», испортить излишним любованием, похвалой
Окла́д — нижние венцы дома
Оклема́ться — прийти в себя, выздороветь
Окупа́ть — арендовать, снимать
Омрачи́ть — ввести в заблуждение, обмануть, «отвести глаза»
Омиа́ник — уконопаченный мохом сруб для зимовки пчел
Опере́живать — вперед бежать, опережать
Опиха́ть — отбивать цепами шелуху, мякину с обмолоченного зерна
Опну́ться — приостановиться, ненадолго задержаться
Опосля́ (посля́) — после
Оре́шки бараньи — помет бараний
Орочо́ны — одно из племен эвенков
Осянно́й — осенний
Ота́ва — см. *зелёнка*
Отби́ть (косу/литовку) — наточить косу: выпрямить лезвие, ударяя по нему
МОЛОТКОМ
Отемне́ть — ослепнуть
Отку́ль(отку́ля) — откуда
Откра́дываться — уходить тайком
Отпари́ться — отделиться
Отрабо́тать — умереть
О́тступу нет — не отстает, не отступает
Отсю́дова (отце́да, отце́дова, отце́ль) — отсюда

Оттуль (оттэдова) — оттуда

Отчитать — снять порчу заговором

Отыкаться — грубо разговаривать

Охлупень (охлопень) — см. князёк

Очухаться — очнуться

Ошкур — пояс

Па́данок — ребенок, рожденный незамужней женщиной

Падушка — падь

Панафи́да, панифи́да — 1. панихида; 2. кутья: поминальное блюдо из риса и изюма; каша из пшена и меда

Па́ря — вводное слово от «парень»

Па́ска — Пасха

Па́хва — седельный ремень с кольцом, в который продевается хвост лошади, чтобы седло не сползало на шею

Пекчи́ — печь

Пелёнешние дети — дети грудного возраста

Передамба́р — открытая терраса перед входом в амбар

Передний угол — Красный угол, часть жилого дома, где установлена икона или домашний иконостас

Перемёт — рыболовная снасть с крючками, которую обычно ставят поперек реки

Петро́в день (Петровка) — день апостолов Петра и Павла (12 июля н.с.)

Плошкóт — паром

Поблазнить(ся) — показаться, померещиться

Поверстаться — повстречаться

Пове́ть — помещение над сараем или над хлевом, где хранится сено

Пого́да — ненастье

Подверстаться — подъехать

Поддёлать — наколдовать

Подмочи́на — проказник, вредитель

Подно́жник — полотенце, которое кладут под ноги жениху и невесте при венчании

Подобра́л Бог (о человеке) — о чьей-л. смерти

Подóле — подлиннее

Подпарить(ся) — присоединить(ся)

Под послéд — под конец

Подпустить порчу — навредить колдовством

Подряжа́ться — наниматься

Подсобироваться — готовиться к смерти

Подсобля́ть — помогать

Подсо́с — детёныш, сосущий матку

Быть на подсо́се — о теленке, сосущем корову перед дойкой

Подсуча́ться — подворачивать, подтыкать подол юбки (гачи брюк)

По́езд, свадебный поезд — вереница запряженных в кошевы троек (пар) коней с гостями во главе с дружкой, женихом и невестой

- Поезжа́не* — участники свадебного поезда
Покро́мка — поясок, полоска ткани, обрезанная по продольному краю
Поку́ль — где; пока
Пола́дить — полечить, снять порчу
Пола́ти — широкие нары для спанья, устраиваемые в избах под потолком между печью и противоположной ей стеной
По́ле — пространство вне деревни
Полно́ва — полная, состоявшаяся
Полуто́ски — вид одежды
Поме́лить — побить кого-л.
Помере́ть не своей смертью — погибнуть
Поми́н — поминание умерших
Пону́жать — кидать; бить
По́ры — зд. раны
Поса́д — ряд; расположенное что-л. рядами
Поса́д молотить — молотить снопы, расположенные рядами
Поса́дом лечь — лечь тесно в ряд
Постоя́лка — постоялый двор
Постухмя́нный — послушный, покорный
Посу́лить(ся) — пообещать
По́та — корзина, обшитая шкурой звериных лап
Потни́к, потничо́к — стёганный войлок
Пото́мака — потом
Потя́г — повод, привязь
Как собака на потягу — смирно, послушно
Прибл́аживать — представляться
Прива́рочное довольствие — довольствие войск мясом, рыбой, солью, овощами и другими припасами для приготовления горячей пищи
Пригре́зиться — показаться, померещиться
Приобчи́ть(ся) — причастить(ся), принять Святое причастие из рук священника
Припу́хнуть — испугаться
Присо́хнуть — не сойти с места
При́став — в царской России начальник полиции небольшого административного района; надзиратель
Приста́ть — устать
Пристегна́ться — присоединяться
Присти́гнуть — застать
Пристя́жка — пристяжная лошадь
Прису́шивать — привораживать
Притакáть — подсказать, посоветовать
При́тул — пристанище, убежище, приют
При́тульня не было — места свободного не было
Провожа́тки — подружки невесты на свадьбе

Прогневить — рассердить; несправедливо обидеть

Прокóпьев день — память мученика Прокопия Кессарийского (5 декабря н.с.)

Про меня — для меня

Пропу́таться — потратить напрасно время

Прóруб — прорубь

Просви́ра — просфора, маленький круглый белый хлебец, употребляемый в православном богослужении

Просто́й — пустой, свободный

Простоки́ша — простокваша

Проца́ться (прои́шиться) — просить прощение друг у друга в Прощеное Воскресенье

Проце́нный (прои́шённый) день — Прощеное Воскресенье перед Великим постом

Пры́тяко́м — очень быстро

Пу́здры (пу́здры) — мошонка у животного

Пуши́ать по возду́ху (пусти́ть по ветру) — насылать порчу

Пя́та — нижняя часть двери в притворе, опирающаяся на порог стержнем.

Отворить дверь *на пяту* — настежь

Разболока́ться — раздеваться

Развели́чивать — называть по имени-отчеству

Развидня́ться (разви́деться) — рассветать

Разреши́ться — получить разрешение

Раско́л — загон для телят, где взвешивают скот

Рассо́шина — место, где падь расходится на две

Расхлобы́снуться (о дверях) — резко с грохотом раскрыться

Ратова́ть (от укр. *рятувати*) — спасать, выручать

Реве́ть — говорить, сообщать, кричать, звать, плакать

Ревни́й (укр.) — обильный. Плакать *ревними* слезами — горькими слезами

Рёпи́ца — хвостовой отросток у позвоночных животных, покрытый шерстью

Реши́ть — убить

Роди́лка — роженица

Роже́ство (Рождество) — Рождество Христово (7 января н. с.)

Ромáновский ту́луп — дорогая, лучшего качества одежда из меха особой породы овец, разводимых в Романовском уезде (сейчас г. Романово Ярославской обл.)

Ро́стань — перекресток двух дорог

Ры́га — рига (сарай для сушки снопов и молотьбы)

Саж — клетка, в которой откармливали поросенка

Сакма́н — группа маток-овец с ягнятами (*сакма́нить* — принимать новорожденных ягнят)

Сам — хозяин дома, муж

Самоса́дка — самосад, табак собственного посева и домашней выделки

Сахья́ный — сафьяновый

Сбатова́ть — связать коней особым способом — седло к седлу или все повода в один узел

Светілка — свадебный чин, подружка невесты, которая сопровождает ее в продолжение всей свадьбы и носит свечу

Сверста́ться — поравняться

Своеве́рие — суеверие

Своде́льский — самодельный

Свой пар, ходить в баню в свой пар — в определенное время

Сво́йственник (сво́йственница) — родственник по браку (со стороны жены, мужа)

Сво́як — муж свояченицы (сестры мужа)

Свя́тки — дни от Рождества до Крещения Господнего (7–18 января н.с.)

Сга́нивать — собирать в одно место

Сговáривать — звать замуж

Сделать на масло (на хлеб, на воду, на соль) — наколдовать

Седёлка — седло

Сердце несёт — о сильном беспокойстве, переживании

Сестре́ница — двоюродная сестра

Сéчка — изрубленная солома с мукой, сено, пересыпанное отрубями, для кормления скота

Сёгоды — в этом году, нынче

Сза́ранки — заблаговременно, заранее; рано утром

Си́вер — северный склон горы

Си́дба — охотничий шалаш для поджидания зверя

Скалозу́бить — рассказывать, шутить, острить

Ско́ко (ско́льки) — сколько

Скорну́вшись — скорчившись

Ско́рчиться — заболеть

Скра́дывать — караулить

Скрать — украсть

Скрича́ть — позвать

Сла́ва — слухи, разговоры

Сла́вить — петь рождественские песни, славящие Иисуса Христа

Смикíтить — догадаться

Сни́чка — накладка для замка

Совде́щница — неодобр. Производное от Советов рабочих и солдатских депутатов

Солонцы́, соля́нка, солонча́к — пропитанная солью земля

Сомуца́ть, сомустíть — соблазнять

Сопáтка — нос

Сорок Свя́тых — день сорока Свя́тых мучеников Севастийских (22 мая н.с.)

Спа́риться — объединиться

Спа́риться — испариться, исчезнуть

Спа́рищик — работающий в паре

Спе́рло — 1. перекрыло реку ледовым затором; 2. о сильном испуге

Справля́ть — просить, требовать (что-л. с кого-л.)

Спра́вный — здоровый

Сро́дный (брат) — двоюродный брат.

Стамові́к (*становик*) — изгородь из мелкого леса

Старове́р (*старове́рка*) — старообрядец

Старі́нка — старина

Было по старі́нке, в старину

От старі́нки слухи остались

Пользуемся слухам старі́нным

Ста́ры люди — люди пожившие, умудренные опытом

Ста́ра собака взлает — была, либо будет

Стодо́ла — большой сарай с навесом

Страсть прида́ть — напугать

Стра́шная неделя — Страстна́я неделя, предшествующая Пасхе, Светлому Христову Воскресению.

Стря́паться — готовить пищу

Стяг — дубина, жердина

Судомо́йка — хозяйственная тряпка

Су́женный — жених

Сурна́ — плетеный из прутьев короб

Сусе́д(ка) — сосед(ка)

Сусе́дка — домовой

Сухари́ть — состоять в любовных отношениях

Суха́рник — ухажер

Схлестну́ться — вступить в любовные отношения

Сья́хнуться — слегка поджариться

Тажно́ — тогда

Таки́м во́том (*таким фертом*) — таким образом

Та́мака — там

Та́перь (*тепе́ри, тепе́ря, тепе́рича, тепе́риче*) — теперь

Тарасу́н — водка, приготовленная из кислого молока

Та́рка, та́рочка — витая ватрушка обычно со сладкой (ягодной) начинкой

Тверё́зый — трезвый

Те́ло невзлюби́ло (кого) — о телесной болезни

Тоби́ — тебе

Топча́н — дощатая кровать на козлах

Торсу́к, турсу́к — мешок, сшитый из кож; плетеная или берестяная корзина

Торги́нская икона Божией Матери — чудотворный образ иконы Божией Матери в станице Торгинской, располагавшейся недалеко от Нерчинска

Тошнё́ — сильнее

Транзи́тки — транзитно-пересыльные пункты для заключенных

Трафля́ться — случаться чему-л.; казаться, мерещиться

Трёкнуть — догадаться

Тро́ицын день — день Святой Троицы, отмечаемый на 50-й день после Пасхи

Тройня́к — костюм-тройка

- Тропіна одна* — *верхом да пешком* — о бездорожье
Тулун — мешок из шкуры, снятой целиком
Тумаром — торопливо, опрометью (убегать)
Тысяцкой(ий) — старший свадебный чин, крестный жениха
Убёгом — выйти замуж тайно от родителей
Убирать (убрать) — бить, избить, умертвить
Уваль — вуаль
Удэлать — сделать хорошо, как надо
Удрогнуть — испугаться
Ужаснуться — ужаснуться
Узёлчики — узелочки
Укóльчики давать — укорять
Умóm недóволен/ьна — о слабоумном человеке
Унорáвливать — угождать
Упáсть в каткі — кататься от боли
Упáсть (на кóней) — вскочить и умчаться
Урганáчить — искать в поле урганы (запасы колосков, которые делают себе
мышы).
У́рчитьсѧ (урóчить) — насылать на кого-л. болезнь колдовством
Утадэлить — подевать, затерять что-л.
У́тре — утром
Учу́хать — почуять
Уикáн — заяц
Фальшонка — нарядный головной убор (кружевная или шёлковая косынка, ажурная шаль, чепчик), который надевают на уложенные в узел волосы замужней женщины
Фёршал — фельдшер
Фрэнчик — курточка
Хайлать — кричать
Харчать — хрипло дышать
Харчі — съестные припасы, продукты
Хватисся — спохватишься
Хвиз (укр.) — хворост
Хомутник — колдун
Хомутница (хомутинница) — колдунья, ведьма
Хохоряшки собачьи — собачий помёт
Христов день — Пасха
Худóй дух — плохой запах
Худáть — худеть, чахнуть
Цáрство небéсно и помянешь — обратишься к Богу с молитвой
Целó — входное отверстие русской печи
Цепник — цепная собака
Чаевáть — пить чай, есть
Чалдóн — беглый каторжник

Чепурний, чепурнёнький (укр.) — чистый, красивый, опрятный

Червяк — змея

Чертить — ладить, лечить от порчи

Чечуха — домашняя коза

Чин чинарём; честь по чести — хорошо, как подобает

Чирей тебе на язык — недоброе пожелание тому, кто говорит не то, что следует

Чёботы — высокая закрытая обувь (сапоги, башмаки)

Чугушка (уменьш. от *чуга*) — короткое пальто или жилет из домотканого материала

Чудить — колдовать

Чуды — чудеса

Чулки-то новые, а пятки уже голые — о нечестной невесте

Чумак — украинский крестьянин, занимавшийся перевозкой и продажей соли, рыбы и других товаров. *Чумашек* — искаж. Чумачик

Чумаш — чуман, коробка (посуда) из бересты

Шабанá, шабалá — доска у сохи, прикрепленная выше сошника для отвала земли

Шамáнить — колдовать

Шáнежка (шáньга) — ватрушка с мятым картофелем или творогом

Шáньги пригорели — о сильном испуге

Шары́ — глаза

С пьяных шарóв — в пьяном состоянии

Шебури́шко (шедунішко) — казачок, крестьянская одежда из пряденой конопля, без пуговиц, с косым бортом

Шевякі́ — комья навоза

Шепéриться — упрямиться, куражиться

Шепетліво — шепеляво

Шепотóк — заговор, заклинание, ворожба

Шептáть (шёптáть) — заговаривать (лечить заговорами), колдовать

Шестóк — место, площадка перед устьем русской печи

Ші́бка (ші́бтя) — сильно, очень

Шибчéй — сильнее

Шипі́чка — колючка шиповника

Ширі́нка — полотенце, платок

Ширика́ться (ширя́ть) — бродить, шататься

Шкі́ры, шкéры — шаровары

Шку́ру обдира́т — о сильном испуге

Шлюшка — уменьш. от *шлюха* — кость надкопытного сустава ноги животного, из которой делают бабку для игры

Шоборча́ть — шуршать, шуметь

Шорна — шорня, мастерская изделий из кожи (чаще для упряжи)

Шпу́ры — цилиндрические отверстия, пробуриваемые в горной породе; узкие скважины, сделанные буром

Шуряк — шурин, брат жены

Шшелóчки — щелчки

Эдак — так

Эка (экой, эки) — такая (такой, такие)

Экачка — такая маленькая

Ягно́к — ягненок

Яма́н — см. иман

Ярица — рожь

Яришный — ржаной

Раздел III

**Воспоминания и статьи
о В. П. Зиновьеве**

Валентин Распутин

Памяти товарища *

Умер удивительный, редкой души человек — преподаватель кафедры литературы Иркутского пединститута Валерий Петрович Зиновьев.

Умер товарищ, каких среди нас очень немного; друг, понимавший дружбу в ее истинном смысле; педагог, прежде всего учивший духовной надежности и доброте; человек, так много сделавший, несмотря на молодость, во имя утверждения всех этих понятий, и делавший это без усилий, каждодневным своим житием и счастливым характером.

Умер человек, каким должен быть человек!

Из всех талантов, которые даются нам, нет ничего важнее и ценнее таланта доброты, правды и благорасположения к людям. Нет ничего больше, чем открытое, щедрое и умное сердце. В какой мере это качество дается природой и в какой воспитывается самим человеком, нельзя сказать, но, когда сбывается такой человек, — огромная удача и радость для людей быть рядом с ним, дружить с ним, учиться у него.

Таким и был Валерий Петрович, наш Валера Зиновьев.

Он приезжал в забайкальское или приангарское село записывать сказки, а в селе сенокос... И он, отложив, как казалось ему, свое неурочное занятие, брал в руки литовку, чтобы помочь одиноким старикам. Для студентов, из года в год ездивших с ним в фольклорные экспедиции, эти уроки были не менее поучительны и важны, чем профессиональные навыки, и вместе с профессиональными навыками они должны отзываться во многих и многих.

Уже в больнице, за день до роковой операции, он дочитал верстку своей книги «Русские сказки Забайкалья», многолетний труд его фольклорных записей. Она выйдет в свет уже без него, но навсегда в ней останутся и душа его, и его огромная и действенная любовь к России и русскому народу.

И не может же быть, чтобы в нас, кто знал его, не остались его любовь к человеку и его дар понимать человека.

* Советская молодежь. — 1983. — № 35 (22 марта). — С. 4.

Г. Н. Зиновьева

Валерий Петрович Зиновьев: сын, муж, отец, друг

Биографический очерк

Как-то В.Г. Распутин спросил Августу Кирилловну, мать Валерия Петровича: «У вас все такие умелые?» — имея в виду поразившую его мастеровитость Валеры, на что наша баба Гутя смущенно усмехнулась: мол, нет, это только сын такой родился. Но я должна сказать, что свекровь моя поскромничала. Умелость, сметливость, совершенное отсутствие «духа праздности» — это коренная особенность всего рода Зиновьевых-Носковых, которая прослеживается не только на отце и матери, но и на дедах и прадедах. Поэтому, рассказывая об основных вехах биографии В.П. Зиновьева, хочу остановиться и на судьбе его родителей, уяснить для себя и для потомков, на каких дрожжах возрос человек, о котором с такой теплотой и неизбывной доброй памятью по прошествии уже более трех десятков лет вспоминают люди, и близко знавшие его и коснувшиеся совсем мимолетно.

Валерий Петрович Зиновьев родом из Забайкалья. Родился 27 июля 1942 года в городе Нерчинске Читинской области. Семья жила на Пушкинской улице в своем доме, купленном его отцом Петром Ивановичем еще до войны. Петр Иванович (1919 г. р.), можно сказать, коренной забайкалец. По его рассказам, прадед его (Яков Зиновьев) с семьей был сослан сюда с Орловщины за неповиновение хозяину-барину. Поселиться Яков решил на реке Шилке, выбрал подходящее место, поставил дом, с него и началась деревня Борщовка. В 70-е годы мы всей семьей ездили туда и видели этот крепкий добротный дом, приспособленный после раскулачивания Петра Яковлевича (сына Якова Зиновьева) для различных административных служб. Петра Яковлевича, своего деда, отец Валерия вспоминал часто и с неизменным уважением за серьезность характера, умелую и неутомимую крестьянскую хватку. Отца Петра Ивановича репрессировали, как и многих, непонятно за что, с тех пор родные его не видели. Приведу запись из третьего тома «Книги памяти Читинской области»: Иван Петрович Зиновьев. Род. в 1890 г., с. Борщовка Нерчинского уезда Забайкальской обл., русский, житель с. Борщовка Нерчинского р-на Читинской обл. Работал в колхозе «1 мая», чабан. Арестован 18 февраля 1938 г. Приговорен 14 марта 1938 г. Тройкой УНКВД по Читинской обл. по ст. 58-2, 58-10, 58-11 УК РСФСР к ВМН. Приговор исполнен 8 мая 1938 г. Реаб. 2 сентября 1957 г. Читинским обл. судом. Сведений о семье не имеется. Воспоминания о прадеде Якове, деде Петре и отце Иване приводятся в рассказах старшей сестры Петра Ивановича Феклы Ивановны Мосоловой. (См. № 62, 146, 150 наст. кн., в разделе «Народная проза из архива В.П. Зиновьева»). Очень жаль, что Петр Иванович так и не узнал о посмертной реабилитации своего отца. При очень редких воспоминаниях о нем он всегда был сдержан, чувствовалась какая-то заноза в сердце.

Образование Петр Иванович имел 4 класса. До войны работал на Нерчинском мясокомбинате колбасным мастером. Был стахановцем. Смолоду отличался крутым характером. Женился до войны на Носковой Августе Кирилловне, работавшей на этом же комбинате кассиром («кассиршей», как дед называл, с ударением на первый слог). Родилась дочь Аля, которая умерла от дизентерии в годовалом возрасте. В декабре 1941 года был призван в отдельный строительный батальон, затем переведен в стрелковый полк, в ноябре-декабре в качестве курсанта 10-го учебного танкового полка выучился на механика-водителя и с декабря 1943 года воевал в составе 8-го гвардейского отдельного танкового батальона. Прошел до Берлина на «тридцатьчетверке». Когда родился сын, Петр Иванович написал, чтобы назвали Валькой (кажется, по имени полюбившегося ему героя фильма «Мы из Кронштадта»), но в ЗАГСе (орган записи актов гражданского состояния) сказали, что это женское имя, а мужское Валерий, так и назвали. Закончил войну в звании Гвардии старшего сержанта. Награжден тремя орденами «Красной звезды», одним орденом «Отечественной войны 2 степени», медалью «За отвагу», а также медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией» — это боевые награды. В мирное время в юбилейные даты награждался орденами и медалями за победу в Великой Отечественной войне. Мой внук Никита, еще учась в 8-м классе, написал сочинение о своем прадеде, озаглавив его «Гвардеец». Званием гвардейца Петр Иванович всегда гордился.

Вернулся домой в августе 1946 года. Сначала работал на прежнем месте копильщиком в колбасном цехе. Однако по крутости своего характера резко реагировал на несправедливости в такой долгожданной мирной жизни, чаще стал пить «горькую» и был уволен в 1954 году «за нарушение трудовой дисциплины». Затем работал грузчиком, плотником, чабаном. В 1975 году сын перевез родителей в Порт Байкал.

Приезжал в гости в Порт Байкал с Дальнего Востока фронтовой друг нашего деды Пети Степан Костромин, с которым они прошли до Берлина в одном экипаже танка «Т-34». Уезжая домой, Степан сказал внукам, Инге и Кириллу, что таких геройских людей, как наш дед, он не встречал больше на войне.

В семейной жизни Петр Иванович был нелегким человеком, но интересным. Читал книги. Нельзя сказать, чтобы много по нашим меркам, но всегда с толком умел применить прочитанное к реальной жизненной ситуации. Что-нибудь процитирует, — баба Гутя: а, что? Он с усмешечкой: «Классику читать надо». Сделает что-то необходимое для дома, обращается к жене с излюбленной фразой: «Ну что? Теперь твоя душенька довольна?»

Когда баба Гутя меня подправляла в чем-то, что я делала неумело, дед ее подначивал: «У свекровки всегда: не знаю, как, но не так». При очередном вручении юбилейных наград на 9 Мая в сельсовете, когда военком начал свою речь с обращения: *вы — чудо-богатыри*, — дед перебил его: «Богатыри-то все там полегли, а чудо-то вот перед вами». — Ветеранам было по 80 или далеко за 70. О войне вспоминал, когда выпьет. И то обычно о каких-то случаях, не связанных с военными действиями. Запомнился его рассказ о гибели друга в

последние дни войны (всегда с горькой слезой, как о совсем недавней потере). Берлин, начало мая 1945 года. Расположились солдаты под мостом, заранее запасшись вином и продуктами: всё, вот она — победа. Радовались, что кончается война, что остались живы, что скоро домой. Собрались выпить за друга, который получил известие из дома о рождении девочек-двойняшек. Вдруг приказ: такая-то часть срочно отзывается, необходимо отбить парк от засевших там фашистов. Друг остается (счастливчик!), а Петр отправляется на задание. Досада неопишуемая. Но это задание спасло жизнь нашему деду (недаром он всегда говорил, что родился в рубашке). Все, кто остался пировать под мостом, погибли от прямого попадания бомбы.

О ратном труде нашего деда мы узнали совсем недавно, когда его не стало, прочитав на сайте Министерства обороны России о наградах Петра Ивановича Зиновьева с описанием каждого подвига, за который присуждена награда. Читать тяжело. Сколько же пришлось пережить ему?! Конечно, об этом он не хотел вспоминать, а тем более рассказывать. Валере не довелось узнать о такой, конкретно связанной с его отцом, войне. Думаю, это знание прибавило бы ему душевной боли за отца. Свои думы об отце Валера выразил в одном из стихотворений, которое мы нашли в его армейской записной книжке:

Мой отец прошел по жизни с толком:
Воевал, работал, ну и пил.
До войны успел жениться только.
А потом на фронте гадов бил.

После фронта бил тарелки, вазы...
Не боялся самых зверских драк.
Орден не прикрутил ни разу.
Объяснял: «Гвардейца видно так».

Трезвый поучал меня святому:
«С другом крошкой высохшей делись:
Не друзья — не быть бы мне живому...»
Пьяный плакал и кричал: «Учись!»

Говорил: «А очень трудно будет —
И тогда спасенья не ищи, —
Может быть, кому я нужен, люди?
Позовите — я приду, — кричи».

Воспитанье. Что это за штука?
В детстве я не знал подобных слов.
Но отца несложная наука
Въелась в мозг покрепче всех основ.

Особую сердечную привязанность испытывал Валера к матери, Августе Кирилловне, которую все близкие называли привычно и тепло — баба Гутя. Он всегда ее жалел. В детстве даже собирался учиться на врача, чтобы лечить маму. Она много болела. Жизнь Августе Кирилловне выпала нелегкая, немало пришлось претерпеть. Только самые ранние годы детства и были беззаботно счастливыми. *Зиновьева Августа Кирилловна (в девичестве Носкова)* родилась 7 декабря 1919 года (с мужем они одногодки) в селе Правые Кумаки Нерчинского района Читинской области. Ее отец Носков Кирилл Степанович был первым школьным учителем. Приехал он сюда совсем молодым в 1907 году. Память о нем до сих пор жива, в школьном краеведческом музее представлен материал о его короткой, но яркой деятельности в селе. Односельчан он удивлял своей безупречной опрятностью, ездил на велосипеде, что было необыкновенной редкостью в то время, и мальчишки за ним бегали гурьбой. Долгое время в классах стояли парты, сделанные его руками. Это был человек широких интересов: играл на музыкальных инструментах, рисовал, занимался фотографией, мастерил, завел в деревне пчел. От него и пошло пчеловодство в Кумаках. Собрал большую библиотеку. Много оставил записей, которые до нас не дошли (баба Гутя вспоминала, как уже после его смерти они маленькими зимой катались с горки на кипах исписанных рукою отца бумаг). Умер рано, 33 лет, от туберкулеза (чахотки, как тогда называли).

Мать Шихирдина Екатерина Дмитриевна тоже умерла вскоре после своего мужа от той же болезни. Екатерина Дмитриевна очень хорошо шила, обшивала не только свою семью, но и односельчан. Этот дар она передала и своим дочерям. (Баба Гутя вспоминала, как мама наряжала детей в праздники, и ходили они всегда в обуви в отличие от босоногих деревенских ребятишек.)

После смерти родителей осталось пятеро осиротевших детей. Старшие вскоре начали самостоятельную жизнь: Евдокия вышла замуж и почти сразу умерла от тифа, Алексей уехал к М. Горькому заниматься писательством, след его потерялся, как видно, тоже век его был короткий, т.к. смолоду не отличался крепким здоровьем. Младшие — Мария, Августа и Серафима — остались с тетей, сестрой матери, Анисьей Дмитриевной. Несчастья преследовали сирот: сгорел родительский дом. Вскоре умерла и тетя Анисья. Пришла пора, когда девочки вынуждены были идти побираться. Тут односельчане спохватились: что же это — дети нашего уважаемого учителя ходят по селу с сумой. Выделили им довольствие. Вскоре с Балея приехала семья отца брата Семена Степановича (дядя Сеня, тетя Нюра и куча детей). Стали жить вместе. Едва повзрослев, девочки уехали в город: Мария выучилась на швею мужской одежды, Августа, овладев грамотой, стала работать кассиром сначала на мясокомбинате, затем в Гортопе (городская служба по снабжению населения дровами и углем), откуда и ушла на пенсию. В молодые годы Августа, единственная из сестер, тоже заболела туберкулезом, к счастью, тогда уже появились новые методики лечения поддуванием, это лечение ей помогло. Ближе всех из родных была тетя Маруся с дочерью Алей. Вместе перемогали войну. Муж тети Маруси погиб в 1942 году в мае месяце. Валеру любили как родного сына и бра-

та, это отношение в дальнейшем перешло и на внучатых племянников, Ингу и Кирилла.

Баба Гутя отличалась мирным характером и была большая труженица. Не могу припомнить ни одного случая, чтобы она вышла за ворота, села на лавочку и судачила бы с соседками о том, о сём. Будь это в Забайкалье, куда мы приезжали почти каждое лето на каникулы, а затем в отпуск, или в Порту Байкал. Помню, в Нерчинске заходили за каким-нибудь делом соседки, садились на солнечной веранде, пристроенной Валерой к их маленькому дому, а баба Гутя в это время или молоко процеживает, чтоб соседке налить, или на стол собирает, чтоб чаем угостить, и беседу ведет заинтересованно. Пуштяшных разговоров мне не приходилось слышать. Запомнилось ее выражение «соседское дело», которое заключало в себе житейскую мудрость: с соседями нельзя ссориться до разрыва — претерпи и прости. Часто обращались к ней с просьбой сшить или переделать платье-юбку-кофту... Меня всегда удивляла ее способность: увидит на ком-то платье с приглянувшимся фасоном, дома выберет свободную минутку, покумекает, скроит — вот тебе и сшила, что задумала. Жизнь приучила не выбрасывать старые вещи: костюмы, пальто перелицовывались, и шилась кому-нибудь обнова. Думаю, для молодого читателя следует пояснить значение глагола *перелицевать*. Это значит: полностью распороть поношенную вещь, перевернуть с лица на изнанку, которая не выгорела и не вылиняла от носки, скроить и сшить новую.

На своем небольшом огороде Августа Кирилловна и Петр Иванович выращивали чудесные помидоры, огурцов всегда было «море», по любимому выражению деда Пети. В Нерчинске короткое, но очень солнечное, знойное лето. Помидоры успевали зреть на корню. По вкусу они были особенные, таких мне больше нигде не пришлось пробовать. Привычно управлялись с хозяйством: коровой, бычками, кабанчиком, курами. Летом всегда была большая забота накосить сено, при засушливом климате трава часто плохо нарастала. Но как-то они всегда обеспечивали свою скотину на зиму кормом. Помню поездки по ягоды и грибы большими компаниями. Баба Гутя нигде не отставала, несмотря на больные ноги. Надо сказать, что после туберкулеза у Августы Кирилловны объявилась новая донимающая ее болезнь — тромбоз. Открывались ранки на ногах, которые мучили, не давали приступить. Впоследствии, уже живя на Байкале, она решилась сделать операцию сначала на одной ноге, затем на другой.

Валера всегда отмечал и ценил у своей мамы художественный вкус. Рассказывал, как они штукатурили стену дома, и она пальцем нарисовала на мокрой штукатурке улыбающуюся рожицу. Валера восхитился: какой живой получился портрет, с характером! А сама баба Гутя вспоминала смешной эпизод из детства: сидят они с подружками в песке у дороги, рисуют кто палочкой, кто рукой. Подошли какие-то незнакомые, на вид городские, люди, и одна женщина засмотрелась на Гутин рисунок: «Вот какая художница!» Но девочка Гутя обиделась и уже в спину уходящим буркнула: «Сама ты плохощница». А я очень любила читать бабы Гутины письма: почерк ясный, круглый, написано

убористо и, главное, очень содержательно, прочитаешь и как будто воочию видишь картинку описанных событий. В Валерином архиве есть записи, сделанные от своих родителей, это и устные рассказы, и сказки, и былички, и песни. Некоторые из них вошли в изданные сборники.

Нечего и говорить, какой невосполнимой утратой была для родителей потеря их единственного сына. Августа Кирилловна резко сдала, согнулась, совсем превратилась в старушку (надо сказать, что в молодости она была высокой статной женщиной, черноволосая, с яркими синими глазами). Как-то, взглянув на себя в зеркало, горестно заметила: «Такой Валерочка меня не видел». Похоже, что думы о сыне не оставляли ее ни на минуту. Поддержкой для них стали внуки, навещали красноярцы — старшая сестра Мария Кирилловна с дочерью Алей. Дождались старики и правнуков: Нина, Петр, Валерий и Иннокентий родились при их жизни. Баба Гутя умерла 30 апреля в Пасхальную ночь 1995 года. Знать, за свое великое терпение и незлобивость дарована ей была такая кончина. Через полтора года ушел из земной жизни и Петр Иванович. Упокоились они рядышком на сельском кладбище в Порту Байкал.

До четырех лет Валера жил вместе с двоюродной старшей сестрой Алей, очень ее любил, гонялся за ней.

Когда в 1946 году демобилизовался отец Петр Иванович, тетя Маруся с Алей съехали от них. В младшем школьном и подростковом возрасте рос свободно, большой опеки со стороны взрослых не было. Любимым занятием для него было убежать на весь день на остров и там играть в войну, рыбачить, собирать мангир (дикий лук) и есть его с захваченным из дома куском хлеба, разыгрывать эпизоды из прочитанных книжек... Читать любил с раннего детства, а потом пересказывал истории друзьям. (Став отцом, он рассказывал перед сном истории, сказки и былички своим детям). Друзья были постарше, жили рядом на одной улице. Это Олег Терентьев, Алик Эпов, Володя Кожевников. Дружеские отношения сохранялись и в зрелом возрасте.

Валера после окончания десятилетки горячо подключился к организации выпускников школы в комсомольскую бригаду для работы в совхозе. Мальчики работали скотниками-пастухами, девочки — доярками. Рассказывал, как приходилось «крутить хвосты» коровам, когда они сдуру устремлялись к оврагу или еще в какое гиблое место, тогда в буквальном смысле только успевай подскочить на коне, схватить за хвост и выдернуть бедолагу в последний момент. Эту пору он любил вспоминать. Когда одолевали какие-нибудь неурядицы в университете, вдруг скажет: лучше с обожженными руками и лицом пасти коров... Баба Гутя, когда видела смурое лицо сына, сетовала: был бы простым шофером, так бы не переживал.

Об организаторских способностях Валерия Петровича хорошо знают его однокурсники, студенты и друзья по жизни. Это будет в их воспоминаниях.

Из совхоза и ушел в Армию. Служил на Сахалине в Ракетных войсках. Демобилизовался в звании сержанта, командира отделения, оператора 1 класса. Армейские друзья, с которыми поддерживал связь в дальнейшем: Володя Третьяков (жил на Маме, умер в середине 70-х годов), Витя Башуров (жил в Чит.

обл., кажется, в Борзе, был свидетелем у нас на регистрации), Юра Горшков (жил в Улан-Удэ, чаще других приезжал к нам в Иркутск).

В 1964 году поступил на филологический факультет Иркутского университета. На втором курсе в 1965 году мы поженились. В 1966 году родилась дочь Инга.

После окончания университета два года работали в Бирюльской средней школе (Качугский район Ирк. обл.). Здесь в 1970 году родился сын Кирилл. О бирюльском периоде жизни, по времени кратком (всего два года), хочется немного сказать отдельно. Это был первый опыт работы в школе. Наряду с явными промахами, было столько радостного, интересного в общении с детьми. Здесь Валера очень подружился с такими же заядлыми охотниками и рыбаками, как он сам. Даже меня заразил рыбалкой. С удовольствием я ловила хариусов и ленков на кораблик (санки) на протоке Лены по названию Бороздохина. На серьезную рыбалку он уезжал в Чанчур на несколько дней с братьями Владимиром и Георгием Сокольниковыми, с Виктором Пшеничниковым, с отцом и сыном Пицыными, привозил оттуда уже посоленную вкуснейшую ленскую рыбу. В Бирюльке мы познакомились с ягодой «пестрой» (это полевая клубника-земляника). Там ее собирают и стар и млад. В сентябре, когда только приехали сюда, прямо с лодки набрали удивительно крупной и сладкой черной смородины с кустов, нависших над водой. Места там красивейшие. Как-то счастливо и светло вспоминается то время.

В 1971 году вернулись в Иркутск. После окончания университета Валера поступил в аспирантуру. Когда появилась вакансия на кафедре советской литературы и фольклора, его пригласили сюда на ставку преподавателя. Надо сказать, что интерес к исследовательской работе обнаружился с первого курса: на фольклорную практику Валерий поехал не с группой, а получил разрешение у научного руководителя Н. О. Шаракшиновой самостоятельно собирать материал на своей малой родине, к которой был привязан мыслями, душой и сердцем до конца своей земной жизни. Работая в университете, он дополнительно к летним фольклорным практикам один раз в год (а когда удавалось — два-три раза) организовывал экспедиции для собирания фольклора по селам и деревням Читинской области. В 1975 году защитил кандидатскую диссертацию на материале фольклора Забайкалья. Готовил к изданию несколько книг. Ни одной не увидел опубликованной (если не считать монографию «Жанровые особенности быличек», вышедшую в издательстве ИГУ в 1974 году перед защитой кандидатской диссертации, как того требовали правила, установленные для соискателей). Корректуру первого сборника (сказки) ему принесли в больницу. Вышла в свет книга уже после его ухода. Былички (мифологические рассказы) и песни были доведены до издания его ученицей Натальей Леонидовной Новиковой. Устные рассказы из архива Валерия Петровича стали предметом исследования другой его ученицы — Маргариты Ранальдовны Соловьевой.

При подготовке задуманного издания у меня сразу возникла мысль предложить редактору сообразуясь с новым временем сделать некоторые купюры в тексте монографии В. П. Зиновьева, посвященной мифологическим рассказам

(быличкам), которую автор оформил как пособие для студентов: во-первых, это ссылки на классиков марксизма-ленинизма, обязательные в то время для любого научного труда; во-вторых, наиболее острые выражения, касающиеся борьбы церкви с суевериями, лежащими в основе сюжета быличек. Более того, было радикальное желание вообще убрать главу о происхождении быличек, в которой все эти цитаты, ссылки, суждения наиболее сконцентрированно высказаны. Однако по прошествии времени после разговоров с Р.П. Матвеевой, согласившейся стать ответственным редактором нашего издания, которая очень настороженно отнеслась к предложению «почистить» авторский текст, а особенно из частного разговора с известным иркутским радиожурналистом Т.М. Сазоновой, которая одной фразой о том, что В.П. был человеком своего народа, он был с народом и жил в том времени, в котором жил, и все им написанное в 70-е годы это искреннее выражение человека не подлаживающегося, а живущего в своем времени так, как велит сердце, — все это заставило меня отказаться от мысли что-либо убирать, «подчищать» в самой ранней теоретической работе Валерия Петровича. Ведь действительно, В.П. был «народным типом», как отозвался о нем один из преподавателей университета. Добавлю: он был укоренен в своем народе рождением, жизнью и профессиональным занятием.

Одной из очень заинтересовавших его книг во второй половине 70-х годов была книга С. Залыгина «Комиссия» о переломном и трагическом времени нашей страны, где писатель вывел народные типы, которые были очень любимы Валерой: думающие не о своем животе, а смотрящие в корень жизни, переживающие о людях и стране по большому счету. Таких стариков он особенно выделял и среди своих сказителей, стремился побывать у них еще и еще раз. И по присущей ему душевной щедрости старался, чтобы и его студенты смогли послушать этих старых, поживших людей, приобщиться к той глубине их житейской мудрости, которую в городской сутолоке трудно отыскать. Он проникался их мыслями, в чем-то утверждался, а от чего-то после трудных размышлений отказывался. А сомнения, которые одолевали его в последние годы, были нелегкими. В ряды КПСС он вступил совсем молодым, во время службы в армии, и сделал это осознанно, по велению сердца. Вспоминая молодость, он с горечью говорил, например, о том, как свято верил: вот партия приняла постановление о сельском хозяйстве — сейчас все пойдет, как надо. Но ничего не шло, как надо. Слово и дело расходились все с большей очевидностью. Когда однажды, придя домой с работы, я поделилась новостью, что мне моя коллега предложила дать рекомендацию в партию, Валера очень сдержанно отреагировал: если бы ему предстояло сейчас делать этот шаг, он бы прежде крепко подумал. Этого для меня было достаточно, чтобы никогда не возвращаться к подобным мыслям. Помню, как-то провожая его, я проговорила обычное наше пустозвонное «ни пуха, ни пера». Валера вдруг опустил руку, которой уже взялся за ручку двери, развернулся ко мне и мягко, но серьезно сказал: «Знаешь, что говорят в забайкальской деревне, когда провожают человека, — иди с Богом». И с этого момента только эти слова мы стали говорить на прощание.

Уверена, что если бы он писал свою работу о мифологических рассказах даже на пять – семь лет позже, не в тридцать лет, а в тридцать пять – сорок, она была бы другой. Но она и интересна не только своими научными изысканиями в таком неизведанном в ту пору жанре, как быличка и бывальщина, но и как достоверный искренний документ человека, плоть от плоти своего времени, земли и людей, населяющих её. Опять захотелось обратиться к оценке, данной Валере В. Распутиным на одной из подаренных им книг 4 января 1979 года: «Валерию Зиновьеву дружески и с пониманием и уважением к **той правде, которую он знает** (выд. мной — Г. З.)». Валеру эта надпись порядком смутила, мол, какую я правду знаю, если бы... Однако сейчас с уверенностью могу сказать: он действительно знал куда больше всех нас, искал, где и с кем можно говорить и выверять свои мысли о правде жизни, чтобы кривда не заела и не завела куда не след. Ещё и поэтому он так стремился в родное Забайкалье к своим «старикам», которым «не к чему лукавить», с которыми можно поговорить обо всем наболевшем и тревожащем душу.

Общение с земляками, собирание песен, сказок, легенд, мифологических рассказов... было не только работой Валерия Петровича, это была его жизненная потребность. Но кроме этого определяющего занятия у него было еще немало увлечений: лыжи, рыбалка, охота, лодка, мотоцикл, игра в хоккей...

Будучи школьником, слепил из гипса бюст Ленина, который долго стоял в школе. Легко мог нарисовать дружеские шаржи к какому-то семейному празднику, сопроводив их смешными стихами. С одной из экспедиций привез бересту, сделал несколько туесков и берестяную шкатулку, вытачивал из дерева ложки, солонки, детские игрушки. Этим ремеслом он увлекся, общаясь с умельцами-земляками. Вообще, повторюсь, был мастеровит. Я считала, что все мужчины такие, всё умеют, и никакая поломка в доме не страшна — муж исправит. Когда не могла понять при подготовке к экзамену какие-то сложные вещи в философии, Валера доходчиво объяснит, когда каблук сломается, наладит. В таком счастливом неведении прожила 17 лет. А уже потом поняла, что жила рядом не только с родным мужем и отцом наших детей, а с совершенно незаурядным человеком. Вот уж действительно, дышишь воздухом, как привычно должным, а перекроют — тут-то и поймешь: вот оно настоящее, без чего, кажется, и жить нельзя. Сейчас все яснее осознаю, какой наполненной была жизнь с Валерой, пусть порой и с невзгодами и с неурядицами, но именно полной и настоящей. Он особо как-то и не рассуждал о нравственности, не проповедовал моральные истины, он так жил.

Валера многое брал на себя, считал это естественным для мужчины. Вспоминается случай. Должен к нам захватить его армейский друг Володя Третьяков (это был его первый приезд), а Валере срочно куда-то надобно отлучиться, встреча перекладывается на меня. Я опасаясь, чем занять гостя, о чем говорить. Валера искренне удивился: да ты что, он же мужик, сам найдет себе дело и о чем говорить. Так и вышло. Этот Володя, помню, в довольно частые приезды (до своей безвременной кончины) легко включался в любую нашу домашнюю работу, всегда с шуткой, с неизменным доброжелательством. Друзья-товарищи

Валеры были под стать ему: никого не надо было просить дважды, никто не выбирал себе работы полегче в каком-то общем деле, не увиливал. Это его армейские друзья — упомянутый Володя Третьяков, Юра Горшков, наш однокурсник Николай Есипенко, Владимир и Георгий Сокольниковы из Бирюльки, сосед по общежитию Боря Кузнецов и в последние годы Толя Ширяев, с которым близко сошлись в палате больницы, где лежали каждый после своей аварии. Хотя приходилось видеть и другое. Путешествие по Байкалу на лодке всегда требует немалых физических усилий: доставить мотор до берега, выкатить лодку из гаража, спустить ее на воду, установить мотор, перетаскать вещи, а на выбранном привале соорудить костер... — всего и не перечислишь. Случались попутчики, которые сторонне наблюдали за всеми этими приготовлениями, то ли по неумению, то ли по своей душевной глухоте. Валера, казалось, спокойно воспринимал такую, назовём, человеческую непонятливость. Но у самого душа болела за всё и вся, за любое нестроение в отношениях людских и в обстоятельствах жизни. В.Г. Распутин в одной из радиопередач о Валере говорит, что ему не надо было заставлять себя делать добро, он был естественно добр, по своей счастливой природе. Должна сказать, это не совсем так. Да, он легко и естественно был добр и отзывчив с душевно близкими ему людьми. Но он и понуждал себя к добрым делам там, где обстоятельства и люди были далекими ему по душевному складу, по мироощущению и взглядам на жизнь. Об этой необходимости добра везде, где бы ты ни находился, была у него запись в книжке, сделанная еще во время службы в армии.

Валерина отзывчивость на людскую нужду была хорошо известна. К нему обращались за помощью и просто за советом. Помню, еще в бытность учебы в университете, отчислили с факультета бурятской филологии его одноклассницу Жамбалову Валю. Как-то он узнал (сама Валя к нему не обращалась), нашел ее, выспросил, пошел в деканат, убедил не отчислять, помогал с экзаменами. Альбина Георгиевна Сокольникова, бирюльская учительница, с большой теплотой и с некоторой долей смущения вспоминала, как Валерий Петрович рано утром до уроков прибежит к ней во двор, натаскает воды, а после уроков опять тут как тут — убирает стайку или скотине корм дает. Ее муж кузнец Володя в это время находился на лечении в санатории, а хозяйство большое да трое малолетних детей. Подобных примеров приводить можно много. Постоянной заботой у него были родители. В 70–80-е годы в Порту Байкал очень трудно было с продуктами, даже с хлебом. В пади Баранчик один магазин, да два на станции, надо караулить, когда завезут, не находишься. Валера нагружал свой рюкзак сверх всякой меры и вез из города необходимое своим старикам. А о сказителях как он заботился, думаю, лучше меня расскажут студенты, которые с ним ездили в экспедиции.

Уже в возрасте преподавателя университета, отца двух детей, любил организовать «мужиков» нашего «Дома аспирантов» (общежитие для университетских работников на 4-й Железнодорожной улице, в котором мы жили) на хоккейные матчи. Команды составлялись из взрослых и детей, возвращались после битв взмыленные, возбужденные, долго обсуждали перипетии схваток.

Нападающей в команде часто играла наша Ингуля, Кирилла ставили на ворота. Об этом Инга сама расскажет в своих воспоминаниях. Для всех членов семьи были приобретены лыжи, по воскресным дням устраивались лыжные вылазки с костром и жарением хлеба и сала. К этим походам обычно присоединялись мой брат Кокорин Валерий с сыном Димой, Николай Есипенок с сыном Ваней, некоторое время — Владимир Федчин с сыновьями.

В 1974 году купили дом в поселке Порт Байкал, в 1975 году Валера перевез сюда своих родителей из Нерчинска. Здесь близко сошелся с В. Г. Распутиным. Устраивались совместные походы за черемшой, ягодой. Байкальская стихия тянула Валеру, была ему по душе. Перегнал сюда лодку «Казанку», построил для нее гараж на берегу Байкала. В летнее время мы всей семьей с маленькими детьми из города обычно не приезжали, а приплывали на Байкал. Бывало, что и мокрыми с головы до ног, потому что волна захлестывала лодку. Даже когда не было волны, небольшая рябь на Ангаре создавала впечатление, что не по воде плывёшь, а едешь-скачешь по камням. Но по молодости все это сносилось легко. Переделав необходимые дела у родителей, Валера брался за наладку лодочного мотора, чтобы отправиться по Байкалу то на противоположный бурятский берег, то по ягоду на дальний километр, то просто с семьей провести день на берегу, порыбачить. Любил петь на воде. Так и вижу картинку: сидит наш папа у мотора, правит и поет во всю байкальскую ширь.

Эта страсть к пению на воде передалась нашему сыну Кириллу.

В 1980 году Валера попал в тяжелую аварию. Более года лежал сначала в больнице, потом дома. За этот вынужденный «отпуск» сумел подготовить к изданию книгу сказок, отобрал тексты для песенного сборника. Но увидеть своих книг опубликованными ему не довелось. Умер 21 марта 1983 года после повторной операции на печени в факультетской больнице Медицинского института. Похоронен на Радищевском кладбище.

Дочери было 16 лет, сыну — 12, когда умер отец. Помню, что мы как-то все внутренне сжались, притихли, если не сказать, замерли. Не прошло и двух месяцев — переехали из ставшего родным общежития в новую квартиру. Благодаря материальной поддержке коллег и друзей обставили ее мебелью. Надо было продолжать жить. И жили с незатухающей памятью об отце, сыне и муже. Не оставляли без внимания стариков, и они нам помогали. Слава Богу, дети выросли, обзавелись своими семьями. К общему удивлению, родили не одного — два ребенка, а по четыре в каждой семье. Старшие внуки уже подросли, в данный момент двое женились. Семья разрастается. У Петра Кирилловича родился сын, которого молодые родители решили назвать в честь прадеда Валерием, и получился у нас полный тезка — Валерий Петрович Зиновьев младший. Пока готовилась книга к изданию, семья пополнилась еще двумя правнуками: Виктором Петровичем и Константином Валерьевичем; вышла замуж старшая внучка Нина, женился внук Иннокентий.

В конце хочется добавить следующее. Как я уже упоминала, в с. Правые Кумаки, родине матери Валерия Петровича Августы Кирилловны Носковой, в школе работает историко-краеведческий музей, в котором под руководством

Бянкиной Надежды Борисовны и других увлеченных учителей ребятами бережно собирается материал о земляках, отмеченных особым служением своему краю, Сибири, родной стране. Там есть стенд, на котором представлен род Носковых-Зиновьевых. Готовя материал о фольклористе В. П. Зиновьеве, дети вместе с учителем Н. Б. Бянкиной поработали как собиратели фольклора и записали былички о домовом, о знахарях, о ведьме-оборотне, о повелителе змей, о чёрте, являющемся к женщине в образе умершего мужа... Это записи 2012 года — XXI век! Вот и исчезающий жанр, как говорили о нем еще в середине прошлого века многие маститые ученые.

И. В. Зуева

Его хватало на всех

Воспоминания дочери

Не так легко написать воспоминания о человеке, с которым связана каждая минута твоего детства, который был центром твоего мира, твоей семьи... О котором — нет дня, чтоб не вспомнила сейчас, не поговорила мысленно... Это мой папа (как-то не вошло у нас в привычку называть даже в третьем лице «отец»). Что выделить из воспоминаний, которых так много: они бесконечной рекой плывут передо мной и не знаешь, что здесь главное. Даже секундный бытовой эпизод кажется важным... Бывает, мы играем в нашем коридоре, и я издаю уже угадываю характерные папины шаги по лестнице, знаю, что вот сейчас он привычно кашляет на предпоследней ступеньке... И никогда не ошибалась: это был он. Помню его руки, кисти рук, когда он писал, листал книгу, переворачивал картошку на сковородке (он мастерски жарил картошку!), держал рубанок или молоток, сматывал удочку... Я всегда следила за папиными руками и думала: «У моего папы очень красивые руки». Ни у кого больше не было таких рук. Такое отношение мое шло не только от любви, но и от большого уважения, которое он в нас, своих близких, вызывал.

Папа был непререкаемым авторитетом, и конечно, его место в семье было особым, это была каменная стена, за которой нам всем жилось защищенно и хорошо. И в то же время неразрывно, монолитно живет в моем детском воспоминании образ родителей — папы и мамы вместе.

Наше с братом детство было замечательным, по-настоящему счастливым, за что я благодарна своим дорогим родителям и времени, в котором росла. Мы жили около Политеха в аспирантском общежитии. В квартирке было две комнаты, в одной мы с братом, в другой помещались гостиная, она же спальня мамы с папой, и кухонный стол. Было очень много книг. Меня, еще с Бирюльки (мы там жили с 1969 по 1971 год) завораживали их названия на корешках. Спрашивала: «Это как называется?» — «Отверженные» — «Кто это отверженные?». Терпеливо объясняют. «А это какая?» — «Половодье». — «А что такое половодье?» Мама с папой объясняют и почему-то посмеиваются. Оказыва-

ется, у нас там хранились все семейные деньги. Я мечтала дорасти и все это прочитать. Дорастала и прочитывала. Читали мы очень много.

Детвора носилась по длинным коридорам, во дворе опекали кучу бездомных собак со щенятами, лазили в ботанический сад за грушами, играли в дворовый хоккей на валенках. В общежитии у нас царил коммунизм. Населяли его преподаватели госуниверситета с семьями. Было очень много детей. Все двери были открыты для всех. Праздники с разными выдумками, самодельными газетами, песнями Окуджавы — общие. Детей привечали — всех, на общей кухне учили кулинарии и жизненным премудростям любого, не различая своего и чужого ребенка. Чужого вообще не было. Если ребенок уходил в школу, то оставлял родителям в дверях записку: «Мама, папа, ключ под ковриком». Самые осторожные клали ключ в почтовый ящик с номером своей квартиры в подвале (из трети ящиков всегда свешивались веревочки от ключей). Там всегда спал толстый дедушка-бомж, которого, видимо, подкармливали, и он за это охранял ключи, а значит и «квартиры, где деньги лежат». Ни у кого ничего не пропадало, хотя войти в здание мог любой, вахтеров не было. Но, видимо, дом наш № 100 по ул. 4-й Железнодорожной имел своего ангела-хранителя. Я думала, что ВСЕ — ВЕЗДЕ — ВСЕГДА так живут. Это было самое счастливое время!

Папа любил готовиться к занятиям, придвинув к дивану табуретку вместо стола. Места в квартире было мало, обеденный стол часто был занят, а может, папе так нравилось. Иногда уходил на общую кухню и писал там, особенно когда работал над диссертацией. Когда уехал на защиту, мы волновались. В основном, конечно, мама. И вдруг приходит почтальон и приносит телеграмму. Мама читает: «Единогласно!!!» Мы обнимаемся, чуть не пляшем от радости. Я не знаю, что такое «единогласно», но понимаю, что что-то очень хорошее. Мама говорит: «Это значит все до одного подняли руки». Мы с братом представили огромный зал и лес рук, а перед ними стоит счастливый папа. Ходили и повторяли это красивое длинное слово.

Когда я была еще в 1-м классе, а Кириллу исполнилось 4 года, папа сколотил детскую хоккейную команду. Обычно уже темнело, зажигались уличные фонари, папа бросал клич, мы скорей собирали ребятню, одевались в теплые шаровары и куртки и шли во двор. У нас было несколько накатанных площадок. Комками затвердевшего снега обозначали ворота и... понеслась! Папа выходил играть в хоккей, даже когда носил аппарат Илизарова на сломанной ноге. Так ему нравилось это дело. Он с таким азартом играл с нами! Я была «папиной дочкой», мы очень любили и понимали друг друга. Но иногда он был строг со мной. Я в команде до 9-го класса была бессменным нападающим. Помню, как после вечерней игры у меня под глазом расплылся огромный синяк от удара шайбой и я стеснялась с ним идти в школу. Но папа сказал, что уроки из-за такой ерунды пропускать нельзя. Мама была в командировке, поплакаться было некому. Я пошла. На переменах ходила закоулками в этот день, подружки меня «прятали». И вдруг слышим: два семиклассника (а для 5-го класса это взрослые парни, «старшики») разговаривают. Один другому на меня показывает и говорит: «Видишь ту девчонку? Она здорово в хоккей играет!» После

этих слов я расправила плечи и пошла дальше с гордо поднятой головой. Дома рассказала об этом папе, он был очень доволен, смеялся.

Несмотря на занятость, мама и папа много занимались с нами, им всегда была интересна наша жизнь. Недавно встретила с подружкой-одноклассницей, которая вспомнила: «Мы с тобой ходили на выставку картин в «Дом актера». Потом пришли к тебе, и твои родители нас просто засыпали вопросами: как мы сходили и что там было, и что понравилось и почему. Меня это поразило и запомнилось на всю жизнь».

В традиции было семейное чтение. Читала в основном мама. Я слышу и сейчас из детства ее родной голос, особую, не разговорную, интонацию чтения. Так же она читала моим детям, своим внукам. Этим голосом навсегда во мне звучат «Робинзон Крузо», «Всадник без головы», «История государства Российского»... А папа больше не читал, а рассказывал. Из его уст я услышала впервые «Маттео Фальконе» Мериме, «Вия», «Страшную месь» Гоголя и многое другое. Потом уже прочитала. При прочтении оказывалось, что это несколько другое произведение, потому что папа был неординарным, творческим рассказчиком, он всегда вносил свое. Самые интригующие моменты папа не выдерживал и показывал, инсценировал. Я как сейчас помню его силуэт в темной детской, когда он изображал Вия.

Кроме того, почти всегда рассказы имели воспитательное значение и рассказывались вместо нотаций по какому-то поводу. (Это мы потом, когда действие доходило до какого-нибудь значительного момента, соображали, что к чему: «значит, папа знает», становилось стыдно). Часто мы сами просили: «Папа, расскажи историю». И он всегда охотно рассказывал: едем в автобусе, плывем на теплоходе с порта Байкал или в порт, куда-то долго идем или ждем. Но особенно завораживали рассказы после фольклорных экспедиций. Мы ложились всегда в девять. Минут через 10–15 к нам приходил папа, мы знали, ждали, это был такой послеэкспедиционный ритуал. Рассказывал об интересных встречах, о приключениях в пути и, главное, самое интересное из собранного по забайкальским деревням материала, еще пел забайкальские песни. Мы учили вместе с ним «Соловей кукушку уговаривал», «Ванька-ключник», «То не тихий Дон шумит», «Мазуры», «Плыла лебедь» (моя любимая, я очень хорошо «слышу» ее в папином исполнении, он пел с каким-то страдающим выражением на лице, какое я замечала потом у серьезных, «не клубных» исполнителей народных песен, чувствующих глубину песни; вдруг лицо разглаживалось — папа прерывал пение каким-то коротким пояснением — и вновь уходил в песню).

Были у него истории собственного сочинения, так называемые «страшные». В них было столько манящей прекрасной жути и светлой грусти, они никогда не были смешными, в них герой проверялся в каких-то сложных неоднозначных ситуациях на человечность, и всегда кого-то было до глубины души жалко. Я не знаю, как у него рождались названия этих историй, но любое книжное издательство сейчас бы позавидовало. Например, самые яркие назывались «Замок вампира» и «Танцующий убийца» (!). Танцующей убийцей,

кстати, была прекрасная хрупкая девушка. Мы с Кириллом до сих пор рассказываем эти истории детям. Очень любили грустную повесть про «Леснянку», которая появилась из цветка папоротника в ночь на Ивана Купалу и в конце была оставлена своим любимым.

Папа рассказывал, что в детстве писал за друзей сочинения, чтобы быстрее всем освободиться и вместе бежать играть. Сочинения ему давались очень легко. Подумать только: надо было на одну тему написать несколько раз по-разному! Помню, как в 4 классе папа учил меня писать сочинения. Задано было написать о походе класса на природу. Мы с подружкой Любой Шевцовой быстренько все написали: «Собрались, оделись, пошли, пришли...». Папа взялся проверять и был просто обескуражен таким «шедевром». Стал меня допытывать: «Ты вот шла, елку видела?» — «Видела». — «Она была похожа на сгорбленную старушку?» — «Да-а...» — удивленно отвечала я. «А пенек был?» — «Бы-ыл». — «Муравьишки по нему бегали?» — «Бегали...» И так далее... Я поняла, КАК надо писать сочинения, КАК надо смотреть, чтобы потом об этом написать. С тех пор любимым домашним заданием для меня было — писать сочинение.

Как еще папа воспитывал? Вот заняты с ним каким-то домашним делом, беседуем, папа рассказывает: «Вчера, доча, сидели у З. (соседи по общежитию — И. З.). Сидим с мужиками, разговариваем. Они, знаешь, словечки разные вворачивают, не стесняясь своих жен. А тут мама наша вошла, к нам под села. И — как отрезало! Ни одного ругательства. При ней не могут, язык не поворачивается». Несколько слов, и понятие об истинном женском достоинстве заложено на всю жизнь. Еще вспоминаю, как папа не раз приводил домой, отпаивал горячим чаем, беседовал подолгу с незнакомыми горемыками, у которых, видно, и дома не было. Сокрушался о таких людях, их погубленных жизнях. Наставлял нас жалеть их. Часто у нас заводились приبلудные животины, в основном собаки. Но это только пока мама была в командировке, перед ее приездом мы куда-нибудь питомца скорей пристраивали. Мама говорила: «В городской квартире собака будет только страдать», — и мы никого не держали.

Очень мы с братом любили генеральные уборки с папой в нашей маленькой квартирке. Старались сделать сюрприз маме. Мы превращались в отряд новобранцев, папа отдавал распоряжения, мы втроем, вместе с «главнокомандующим», ползали, оттирали все до блеска, а папа смешил нас тем, что комментировал работу каждого, часто в виде веселых песенок, в которых, когда не находилось слов и рифмы, повторялось на все лады имя героя экспромта. Это было очень смешно и весело!

Любовь к природе, тяга к деревенской жизни у нас с Кириллом тоже от папы. Тайга, Байкал, рыбалка, походы за ягодой — это была его стихия. Говорил, что, если человек знает запах свежеспаханного поля, он никогда от земли не оторвется и будет любить и беречь ее. Я всегда хотела понюхать свежеспаханную землю на поле, но удалось только в Харбатово, когда приехала туда работать в школу. Там был крупный, солидный совхоз, поля распахивались по-

чти до села. И вот однажды весной я все-таки взяла в руки такую землю, она парила и пахла действительно настоящей жизнью.

Он всегда обращал наше внимание на красоту облаков, заходящего солнца, следы на снегу, дятла на дереве... Он хорошо рисовал и меня увлек этим. Показывал мне какие-то интересные штриховки, рассказывал, как ему доверяли в армии рисовать плакаты, оформлять стенды и даже доверили изобразить Ленина, что, как говорил папа, только настоящим художникам разрешается. Он очень похоже рисовал ручкой или карандашом портреты знакомых, которые легко угадывались, дружеские шаржи на праздники.

Папа осознанно воспитывал в нас патриотизм. Для него это было важно. Помню, нет-нет да садил меня на колени, крепко обнимал и в унисон каким-то своим мыслям вдруг говорил: «Какие же мы счастливые, что родились в России». Кажется странным, но это было так просто, тепло, обычно, без всякой патетики. Это был теплый патриотизм. При этом ничего не идеализировалось, в присутствии детей велись разговоры, которые называются «инакомыслием», с нами обсуждались очень серьезные вопросы. Папа любил и хорошо знал историю, но и ее не идеализировал. Помню, как, слушая его рассказ, переживала восторг свободы и горечь поражения спартанцев. Но особенно трогали рассказы из русской истории: про Александра Невского, про Куликовскую битву, Ивана Грозного, про совет в Филях... Я не слышала в папиных рассказах приукрашивания или чрезмерной гордости, я ощущала его любовь ко всему, о чем он говорил, его переживание. Мне казалось, он везде там был. Я всегда понимала, что папа живет против течения, ему трудно, у него душа болит. Против течения... и в то же время в удивительной гармонии с миром.

Он очень верил в людей, не раз повторял мысль Достоевского, что в любом, самом конченном человеке, есть человеческое. В нем была такая цельность, такая основательность, что люди чувствовали это и тянулись к нему.

Последние год-два (мне было 15-16 лет) папа часто вел серьезные разговоры со мной, кроме того, ему важно было, чтобы я из своей комнаты слышала его беседы с людьми, часто приходящими к нему во время болезни. Это всегда были разговоры о смысле жизни. К нему шли именно с такими разговорами. Один раз пришел коллега-преподаватель и сказал: «Валерий Петрович, у меня умерла мама. Мы с вами не близки, но мне захотелось прийти именно к вам». Все чаще папа стал советоваться, очень внимательно выслушивал мое мнение. Как-то я во время такой беседы убежала по своим делам, и папа очень расстроился: «Так ты не слышала наш разговор? Я для тебя тоже говорил...» Видимо, с моим воспитанием были сложности... или он торопился... Он говорил со мной о Правде и Кривде (так он называл), о судьбе России и русской деревни, о любви к человеку истинной и мнимой, о Боге... Я удивлялась, потому что раньше о Боге так не говорилось. Он успел мне сказать важные слова, которые я храню в своем сердце, как отцовское завещание. Мне очень жаль, что Кирилл не успел достигнуть того возраста, когда говорятся особые отцовские слова сыну. Ему они очень потом были нужны. Но отцовская защита всегда с нами, я всю жизнь ее чувствую.

Когда студенткой я ездила в фольклорные экспедиции по забайкальским селам, меня везде встречали как родную. Раз или два даже видела папину фотографию на стене среди родственников. Столько теплоты было в глазах этих людей, папиных сказителей, когда они узнавали, что я дочь Валерия Петровича. Показывали, где он что им подладил, что смастерил, о чем в открытках писал. Показывали эти открытки, исписанные его мелким бисерным почерком. Я переняла это и долго, пока они были живы и отвечали, поздравляла своих экспедиционных дедушек и бабушек с праздниками...

После смерти папа открылся мне с еще одной стороны: как друг, как коллега, как помощник и советчик многих и многих людей. Его хватало на всех.

Спасибо, папа. Господи, даруй ему Царствие Небесное.

Н. К. Зиновьева

«Незримое присутствие»

Удивительно, как некоторые люди, которых ты даже не видел, могут незримо влиять на твою жизнь... Грустно, что мне не посчастливилось знать дедушку лично. Говорить с ним, слушать его, видеть его. Сколько себя помню, я слышала рассказы о нем, как о необыкновенном человеке, о Человеке с большой буквы, об Учителе и Друге. О прекрасном отце и любимом муже. Он не успел стать дедушкой, не успел помянуть внуков, не успел порассказывать нам так любимые им сказки и былички, усадив на колени, как о том мечтал. Но я всегда чувствовала его незримое присутствие. Его дух. В книгах, в рассказах, в людях, которых так любил он, и которые любят его до сих пор. И таких людей удивительно много.

Когда я пришла учиться на филфак и произносила свою фамилию, глаза некоторых преподавателей теплели и загорались каким-то особенным чувством. Валерий Петрович Зиновьев. Это имя всегда было рядом. Дедушка как будто сквозь расстояние и время оберегает меня, помогает мне, говорит со мной устами многих и многих людей, любящих его, благодарных ему.

Когда я устроилась на русско-китайский факультет БГУ преподавателем русского языка как иностранного, я пришла в незнакомый коллектив, в незнакомые для меня условия работы, многое было для меня ново и, честно говоря, немножко страшно. Но вот подходит ко мне один из опытных преподавателей кафедры, Наталья Михайловна Скобелкина, улыбается, как родной, и говорит: «Нина, обращайтесь по любому, даже самому маленькому вопросу, в любое время дня и ночи». Тут же помогла мне разобраться с нагрузкой, познакомила с другими преподавателями и, в общем-то.., была моим Ангелом-хранителем, верным старшим Другом и советчиком на протяжении всего первого нелегкого года работы. Когда я как-то, еще в сентябре, растерянно благодарила Наталью Михайловну за такое неожиданное для меня, почти родственное отношение, она сказала: «Нина. А как же иначе. Знали бы вы, КАК относился к нам, сту-

денткам, ваш дедушка. Как поддерживал, помогал. Сколько сделал для нас, девчонок». И рассказала мне несколько историй из жизни, связанных с Валерием Петровичем. Это невероятно, какое влияние за свою не слишком долгую жизнь успел оказать дедушка на десятки жизней, судеб, характеров. Свет, который он зажигал в сердцах и умах многих и многих людей, удивительным образом горит до сих пор.

Хочется быть достойной его. Достойной той высокой планки, которую он когда-то задал. Он — пример для меня и для всех своих внуков, никогда не видевших его, но всегда чувствовавших его, дедушкину любовь. Любовь, которая сильнее времени и смерти. Не ради ли этого стоит жить?.. Не ради ли этого не страшно умереть?

Р. П. Матвеева

«Самое ценное знание, которое дает нам сказка, — это знание нравственное...»

Эти слова из статьи, предпосланной публикации русских сказок Забайкалья, приходят на память, когда вспоминаешь о Валерии Петровиче Зиновьеве, замечательном человеке, научное сотрудничество, личное общение с которым подарила мне судьба. Раскрывая мир сказок своих земляков, В. П. Зиновьев невольно раскрывал и свой внутренний мир, свое понимание, «как относиться к добру и злу, к верности и предательству, к правде и кривде... как жить человеку среди людей и как нельзя жить». Всё его научное наследие как нельзя лучше выражает мировосприятие самого исследователя. Оценка им всего сущего проходила через призму нравственности.

Главная черта, которая отмечалась при общении с Валерием Петровичем, — это деликатность, как обычно говорят, уважительное отношение к людям, будь то собеседник или тот, о ком шла в данный момент речь. Мне довелось слышать его рассказы об исполнителях фольклора, о тех людях, с кем ему приходилось общаться в собирательской работе. Впоследствии, встречаясь во время моих экспедиционных работ с людьми, знавшими Валерия Петровича, я слышала рассказы о нем, как об очень близком человеке. Он был своим в той среде, изучением творчества которой занимался.

Мое знакомство с В. П. Зиновьевым состоялось в Улан-Удэ в начале 1970-х годов, когда он привез в возглавляемый Л. Е. Элиасовым сектор русского фольклора Бурятского комплексного научно-исследовательского института свою первую статью. Мне было поручено посмотреть статью и, если потребуется, поработать с автором. С этой первой встречи и началось наше сотрудничество, а вместе с ним и дружеские отношения. Мы сразу поняли главное — мы единомышленники, у нас совпали взгляды на жизнь, на фольклор, на научные

исследования. Личное общение было не частым, но плодотворным. Встречались в Ленинграде, куда прибыли для участия в научной конференции по фольклору, в Новосибирске как авторы томов готовящейся к изданию известной теперь серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Мы вместе слушали доклады, делились впечатлениями, обсуждали планы дальнейших исследований, вели разговоры о жизни. Он был близок с В. Г. Распутиным, к которому я относилась с благоговением, преклонялась перед его творчеством, и никак не ожидала, что писатель знаком с моими скромными фольклористическими работами, конечно же, с подачи Валерия Петровича. Последняя встреча состоялась в Улан-Удэ во время подготовки к публикации сборника «Русские сказки Забайкалья» (по просьбе Валерия Петровича я была научным редактором). Работать с Валерием Петровичем над текстами сказок было интересно и даже весело, он внимательно относился к замечаниям, умел слышать оппонента, но, если с чем-то не соглашался, то был твердым и неуступчивым. В этом деликатном, даже внешне кажущемся застенчивым, человеке был очень сильный внутренний стержень.

В. П. Зиновьев обладал редким даром — оставаться самим собой при любых обстоятельствах. Убедительным свидетельством тому может служить выбор темы для диссертационной работы. Он избрал предметом своего диссертационного исследования жанр, отношение к которому, мягко говоря, было неоднозначным. Не все фольклористы признавали былички жанром фольклора, уязвимы были эти произведения и в идеологической оценке как суеверные рассказы, лишённые эстетики, как пережиточное явление, не заслуживающее внимания ученых. Борьба с такими оценками было непросто. Выбор для диссертации темы «Быличка как жанр фольклора и ее современные судьбы / на материале фольклора Забайкалья/» в первой половине 1970-х годов во всех отношениях был рискованным шагом. В. П. Зиновьев имел свою, выверенную материалом позицию по всем вопросам жанровой специфики былички и был готов отстаивать свое понимание жанра. Успешная защита диссертации, а затем апробация «Указателя сюжетов-мотивов быличек и бывальщин» на конференции фольклористов в Ленинграде давали широкую дорогу малоизученному жанру, вызывавшему споры у фольклористов.

Как рисковал В. П. Зиновьев, вынося на защиту свое видение жанра, какой смелой и независимой была его позиция исследователя, я еще раз убедилась в 1986 году, когда в качестве ответственного редактора представила книгу В. П. Зиновьева «Былички и бывальщины русского населения Восточной Сибири» в редакционный отдел издательства «Наука» СО АН СССР г. Новосибирска. Доброжелательно настроенные ко мне редакторы сразу же предупредили, что публикацию сборника не допустит цензурный комитет — всеильное ЛИТО. Надо заручиться поддержкой очень авторитетных ученых и то... В. П. Зиновьев уже не мог защитить свою работу. За поддержкой и советами я отправилась в Москву и Ленинград к нашим фольклористическим корифеям и покровителям — В. М. Гацаку, Ю. И. Смирнову, Б. Н. Путилову. Они сразу же включились в работу по спасению будущей книги, подтвердив, что опасения не

напрасны, что даже исследователь мирового масштаба, Э. В. Померанцева, испытала большие сложности при издании в 1975 году работы «Мифологические персонажи в русском фольклоре». А здесь целая книга современных записей! Прежде всего было решено по-другому назвать сборник: заменить якобы теперь не бытующие у атеистического народа «былички» на «мифологические рассказы», переведя тем самым тексты из области верований в явления художественной словесности. В текстах заменили отточиями идеологически не выдержанные фрагменты: убрали упоминания подтверждающих достоверность происходившего секретаря райкома партии, милиционеров и т.п. Кроме того, требовалось заручиться осязаемой поддержкой известного авторитетного ученого, непререкаемое имя которого было бы обозначено в книге. Б. Н. Путилов, спасая сборник, написал к нему предисловие, в котором убеждал, что к данным текстам «следует относиться как к своеобразным явлениям художественной словесности» и что публикация сборника — безусловный вклад в современную фольклористику.

В 1987 году, почти через пять лет после того, как автора не стало, в издательстве «Наука» СО АН СССР вышла книга Валерия Петровича Зиновьева «Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири». Теперь ни одна серьезная работа по мифологической прозе не обходится без ссылки на неё. С публикацией сборника в научный оборот введено свыше 400 неопубликованных ранее сибирских быличек, одни из них отражают общеславянский сюжетно-мотивный фонд, другие — общерусский, третьи — только сибирский.

Память о безвременно ушедшем В. П. Зиновьеве жива и спустя десятилетия. Бесценен его архив, в первую очередь картотека, систематизирующая материал по сказкам, несказочной прозе, песням, но главное — у него остались ученики, которым он передал свои навыки в работе, систему взглядов и, конечно, любовь к народному творчеству. Благодаря ученикам и последователям его научное наследие продолжает входить в исследовательское поле русской фольклористики. Кроме «Мифологических рассказов...», стараниями ученицы Валерия Петровича — Н. Л. Новиковой в 2006 году появилась публикация песен, собранных им или под его руководством. В сборник вошла небольшая часть из личного архива собирателя (в его картотеке около 2100 текстов), но она представила региональную песенную традицию, сохранившуюся ко второй половине XX века, около 60 песен даны в нотной расшифровке с магнитных лент. Таким образом, память о Валерии Петровиче не мемориальная, а живая, продолжающая начатую им работу.

Для меня ощущение продолжающегося общения с Валерием Петровичем сохраняется и поныне, оттого, что семья его почти по-родственному вошла в мою жизнь.

«Бысть» — значит «он был и стал»

Почему я всегда думаю о Валерии Петровиче как о человеке присутствующем? Это состояние присутствия точнее было бы определить древнерусским глаголом «бысть». В кратком словаре церковнославянского языка этому слову дается двойное толкование: «он стал, был», поскольку изменение глагола по числам и родам меняет семантику. Это очень тонко подметил А. В. Ушков: «Глагол *быти*, сам по себе обозначающий **состояние** (выделено А. В. Ушковым), через форму аориста приобретает значение **события**».

Валерий Петрович Зиновьев — бысть, то есть жил с многими из нас в одно время, его жизнь стала событием. Событием в науке, истории факультета, частной жизни многих людей.

Еще до его появления на кафедре я поняла, что он отличается от других тем, что, во-первых, с удовольствием поехал в деревню после окончания факультета, во-вторых, увлеченно занимается фольклором и пишет по нему диссертацию. Осенью 1974 года я только начала работать на вновь созданной кафедре истории советской литературы и сразу же услышала имя Валерия Петровича. Его ожидали из деревни, название которой удивительным образом совпадало с представлением об устойчивости и даже некой сказочности: Бирюлька. Гораздо позднее я узнала, что этимология имени села связана с названием реки Бира, но тогда Бирюлька соединялась в моем сознании с известным устойчивым словосочетанием.

Почему-то кажется, что Валерий Петрович пришел на кафедру не в праздничном начале учебного года, а в будни поздней осенью или в начале зимы. Кафедральные доктора наук — Василий Прокопьевич Трушкин, Надежда Осиповна Шаракшинова — и доценты — Надежда Степановна Тендитник, Нэля Аркадьевна Золотарева, Ростислав Иванович Смирнов — обсуждали диссертацию Валерия Петровича, рекомендовали ее к защите. Потом утверждали учебную нагрузку. Он сразу стал незаменимым членом кафедры. Но я воспринимала Валерия Петровича как-то отдельно, поскольку он принципиально отличался от других. Он не был «своим», а главное — не старался им быть.

Для меня — вчерашней студентки — первые годы пребывания на кафедре были трудными еще и потому, что я долго не могла осознать себя коллегой преподавателей, которые воспринимались мной небожителями. Поэтому себя в профессиональный ряд я долго не ставила. Главные интересы и задачи связывались с предметом и студенческой аудиторией, поэтому на кафедре меня вполне удовлетворяло место «молодого» преподавателя «на подхвате» или «начинающего ученого».

Валерий Петрович изначально был другим, — самостоятельным. У него была своя тема, опыт исследования, опыт жизни, наконец. У них с Надеждой Осиповной Шаракшиновой было то, чего не было ни у кого из окружавших литературоведов: уверенность в подлинности своих исследований. Их выводы

основывались на изучении ими собранного фактического материала, реально происходящих изменениях в текстах и сознании живущих сейчас или уже ушедших поколений людей. Признаюсь, тогда для меня более ценным представлялся текст художественной литературы, но это никак не связывалось с любовью и уважением к подлинности, реальной, а не вымышленной жизни. Вот эта подлинность реальной жизни и выделяла Валерия Петровича из кафедральной, а возможно, и из факультетской среды.

После защиты кандидатской диссертации «Быличка как жанр фольклора и ее современные судьбы» в 1975 году о Валерии Петровиче заговорили с большим уважением как о бесстрашном открывателе темы. О самой защите расспрашивали с пристрастием, поскольку проходила она не в Иркутске или Улан-Удэ, а в центральной России, в Саратове, что для всех было явлением необычным.

Учебный предмет устное народное творчество на первом курсе русского и бурятского отделений вела Н. О. Шаракшинова, Валерию Петровичу оставалась летняя учебная практика и научное общество студентов.

Научное направление по изучению русского фольклора на факультете утвердилось как-то сразу и незаметно, как будто оно существовало еще со времен М. К. Азадовского. После фольклорной практики юные собирательницы советовались, делились новыми записями, просили рекомендации. Валерий Петрович объяснял, интересовался, внимательно слушал, заразительно смеялся, постоянно был центром притяжения. И очень скоро студенческие доклады под его руководством стали выделяться на научных конференциях не только новизной темы, но и научной основательностью. Круг увлеченных фольклором множился, а Валерия Петровича волновало, казалось, одно: научная достоверность и точность фиксации текста. Запись произведений устного народного творчества — дело ответственное, его не каждому можно доверить. На учебной практике студенты не просто записывали тексты, но и атрибутировали их по предложенному Валерием Петровичем алгоритму, который был наглядно представлен на карточке. Необходимо было записать исчерпывающие сведения о сказителе, точно записать услышанный текст, определить жанр, уловить и зафиксировать все особенности исполнения, ответы на вопросы собирателя, наконец, указать свои данные, то есть собирателя. Точность фиксации значила для ученого очень много. От нее зависела научная достоверность. Для студенток же практическая работа с собиранием фольклора и записью по всем требованиям Валерия Петровича становилась важной жизненной школой, неповторимым опытом приобщения к живой жизни фольклора, редкостным для юных ученых соприкосновением с народным сознанием. Именно этого незаметно, исподволь добивался их наставник. И молоденькие девушки, выполняя учебное задание, постепенно научались видеть в сельских жителях не просто бабушек и дедушек, а людей с трудными, достойными судьбами, старались точно воспроизвести их устные рассказы, а если повезет, и тексты разных жанров. Студенты, не способные принять такой подход ученого, отходили в сторону, получив необходимые зачеты;

ответственные и понимающие ценность такого труда, оставались рядом с Валерием Петровичем.

И как-то незаметно на кафедре пришло время обсуждения вопросов сначала о ящиках для фольклорной картотеки, потом о шкафах, помещении, наконец, о лаборатории русского фольклора. «Полевого» материала оказалось так много, что требовалась системная обработка и научное осмысление. И самое важное и удивительное — были люди, готовые это осуществлять, как сейчас говорят, на волонтерской основе, по-русски — бесплатно. Валерий Петрович убежденно делал свое дело, картотека росла, небольшие свободные комнаты, не пригодные для аудиторных занятий, превращались в кабинеты заведующих кафедрами, для фольклорного кабинета места не находилось, существование лаборатории ставилось под вопрос...

Удивительно, я помню многие моменты тех немногих лет совместной работы — теплый взгляд, улыбку, шутку, сосредоточенное внимание коллеги, но с трудом восстанавливаю перипетии кафедральной и факультетской жизни, в которой помимо учебного и научного процессов постоянно присутствовало множество сюжетных линий и мотивов. Валерий Петрович, казалось, вообще не подозревал о существовании таковых, но при необходимости мог очень деликатно прийти на помощь.

Мне на всю жизнь запомнилась одна беседа с ним. Не помню, по какому поводу я «выплеснула» свое отчаяние. Поводов было много... Валерий Петрович молча и как-то печально слушал меня и вдруг произнес то, чего я никак не ожидала: «Ты понимаешь, что они никогда не будут молоды, как ты?» Его слова, а больше — интонация, взывали к моему сочувствию... Мне, как мне казалось, обижаемой, предлагалось взглянуть на ситуацию с иных позиций. Реплику я запомнила на всю жизнь. И еще свой стыд, поскольку восприняла ее тогда как строгое напоминание непреложной истины об осуждении, а заодно и отношении к старшим. Сегодня я вижу в ней и несколько иной смысл, но главное — всегда помню.

Переход Валерия Петровича на пединститутскую кафедру восприняла с пониманием, поскольку достоверно знала о том, что там были совершенно иные отношения между коллегами. Замечу одно: только от подруги, доцента кафедры литературы ИГПИ, я узнала, что любимой песней Валерия Петровича была популярная «На дальней станции сойду...», и что он очень красиво пел ее. За почти пятилетний срок совместной работы на университетской кафедре не было ни одной возможности узнать этого... На наших заседаниях кафедры песен не пели.

С уходом Валерия Петровича с факультета для меня началась другая жизнь: меня стали отправлять на фольклорную практику. Впервые — сразу после того, как не поехал Валерий Петрович. Более сознательно относиться к фольклорной практике я смогла спустя год. Уже по-иному (как руководство к действию) читала книжку В. П. Зиновьева «Жанровые особенности быличек», консультировалась у него, у его учениц, постепенно проникалась духом «зиновьевского» подхода. А уж после ухода Валерия Петровича из жизни для меня,

как и для многих, стало необходимостью работать именно так, как предлагал и делал Валерий Петрович. Поэтому и мои студентки на практике сначала положили картошку на огороде у бабушек, а потом записывали их тексты, из-за моих девочек в сельских магазинах можно было услышать перепалку старушек о том, к кому сегодня явятся студентки. И для меня всегда важным было точное и правильное заполнение карточек, написание подробного отчета. А завершением практики часто были праздники фольклора, когда на сцене сельского клуба благодарные студентки исполняли песни, записанные в этом селе, а потрясенные внуки слушали песни в исполнении своих незамечаемых бабушек и дедушек. Много лет, пока в университете существовала выездная фольклорная практика, мы старались работать так, как работал и рассказывал о практике Валерий Петрович. Не потому что «так завещал...», потому что другого правильного варианта для нас просто не было.

Когда мне пришлось работать над составлением учебной хрестоматии по произведениям иркутских писателей для 5-6-х классов, вопроса о содержании раздела по устному народному творчеству не стояло, — сказки и только сказки. И естественно — рассказы об ученых-фольклористах, сказителях и собирателях. Это было для меня принципиально важным. Необходимо не просто показать реальную жизнь сказки, считала я, но и дать возможность учителям области вспомнить о своей причастности к собирательской деятельности, помянуть добрым чувством и словом своих учителей — Валерия Петровича Зиновьева и Елену Ивановну Шастину. Русский фольклор студенты-филологи двух Иркутских вузов постигали с этими людьми. Поэтому учителям предлагались фрагменты из статей двух фольклористов, а детям — записанные ими сказки. Предложенный подход, знаю точно, возымел результат: учителя вдохновенно создавали школьные фольклорные картотеки, изучали разные жанры вместе со своими питомцами. Для меня же истинным счастьем стали минуты общения с бывшими выпускниками филфаков. Радость от встречи с именами и мыслями любимых преподавателей, готовность продолжить их дело, понимание значимости и значительности их жизни я переживала много-много раз вместе с учителями, работающими в школах Иркутской области по региональному компоненту.

Эта любовь и радость многих людей питает мою уверенность в том, что Валерий Петрович Зиновьев **присутствует всегда**, а его жизнь стала **Со-Бытием** нашей общей жизни.

Рядом с нами наш Учитель¹

Валерий Петрович не изменял своему правилу: дважды в год, не менее, он обязательно выезжал со студентами в Забайкалье. Это была или фольклорная экспедиция (зимой, в студенческие каникулы) или практика (летом). Чаще ездить Валерий Петрович, к сожалению, не мог, поскольку во время учебных семестров был занят как преподаватель. Но мечтой его было заниматься только сбором и исследованием фольклора. Он порой об этом говорил, сознавая в то же время, что мечта эта не осуществима. Валерий Петрович словно торопился, боялся не успеть... Он не изменил своей привычке даже после тяжёлой травмы и в 1981 году летом повёз студентов на практику в село Шелопугино (Читинская обл.), передвигаясь еще на костылях. А зимой, точнее в феврале 1983 года, Валерий Петрович организовал фольклорную экспедицию в новый для него район, Тунгокоченский, в неизвестные места со сложным составом населения — эвенки и русские. Оттуда впервые он вынужден был уехать раньше намеченного срока, поскольку почувствовал себя слишком плохо. На этот раз сила родной земли и любовь земляков не смогли помочь: жить ему оставалось не многим более месяца...

Конечно, это постоянство Валерия Петровича, способность его, подчас пересилив обстоятельства, обязательно поехать в Забайкалье, объяснимы искренней, глубокой привязанностью, любовью к родной земле и к людям, живущим на ней.

Родная земля... С какой, несколько неожиданной даже для нас, его учеников, нежностью он описывал ее в своем предисловии к изданию «Русские сказки Забайкалья». Во всех подробностях предстала перед читателем живописная дорога вдоль основных рек, текущих по этому краю, — Ингоды, Нерчи, Шилки...

Валерий Петрович — уроженец города Нерчинска, в этом городе и близлежащих селах жили его друзья и родственники, здесь прошли его детство и юность, места эти были ему особенно дороги... Никогда не забудем мы, как шел он однажды по Нерчинской земле. Это было лето 1976 года. Практика студентов первого курса проходила в с. Знаменка Нерчинского района. Тогда Валерий Петрович взял с собой нас: трех студентов будущего третьего курса (Сашу Куксу, Олю Соболеву, меня) и двух пятикурсниц (Наташу Новикову и Люду Попову). В это лето совмещались практика и экспедиция; последняя продолжилась после практики, и ее участниками мы были.

¹ Воспоминания написаны в 1992 году. В них автор, М. Р. Соловьёва, тогда еще молодой начинающий ученый-фольклорист, очень непосредственно и живо вспоминает и описывает одну из самых ярких сторон жизни своего Учителя — фольклорные студенческие практики и экспедиции в Забайкальский край.

И вот Валерий Петрович однажды утром повел нас в село Правые Кумаки, расположенное ниже по течению реки Нерчи. Мы шли туда полдня. В Забайкалье всегда бездонной глубины синее небо, именно таким оно было над нами в тот день, на нем ослепительное и, как нам казалось, нещадно палящее солнце, кругом разноцветье трав, справа блистающая лента реки, слева успокаивающие и ласкающие глаз сопки с цветущими маками. Мы, правда, к концу дороги так утомились, что почти этой красоты уже не воспринимали, да еще Валерий Петрович не разрешал нам пить, а так хотелось выпить чуть ли не всю реку. Сам он несколько не был утомлен, всю дорогу шутил и пел, пел свои студенческие песни, дурачился, радовался, и отступили от него в этот момент все невзгоды и тревожные думы.

В Правых Кумаках жили его родственники, к ним он нас и привел. В этих местах он работал пастухом после окончания школы, все ему было здесь знакомо и близко.

Это было летом. Но помню и зимой... Экспедиция февраля 1979 года. Мороз за тридцать градусов, но такое же синее небо и сияющее солнце. Мы в другом районе, Сретенском, и ехать нам надо из села Кудей в отдаленное село Бóри. Дорога — по ухабам, и машина — грузовая, бортовая. Вот не без помощи Валерия Петровича мы оказались в кузове и — рванули. Ветер свистит, мы подскакиваем на каждой кочке, стараемся обрести опору, а держаться не за что. А Валерий Петрович предлагает петь. И они с его учеником Сашей Куксой начинают петь в полный голос «Живет моя отрада» и другие проголосные песни.

А в селе Бори через несколько дней мы по совету Валерия Петровича забираемся на сопку к большому деревянному кресту, обложенному малыми и большими камнями. При этом мы как бы проходим путь тех людей, которые во время престольных праздников поднимались сюда, несли иконы, и у креста священник совершал службу. Валерий Петрович сначала собирался пойти с нами, но не смог: он или был поглощен общением с людьми, у которых жил, или возникла крайняя необходимость посетить кого-то. И мы путешествовали и обзоредали с вершины сопки окрестности, открывшиеся на все стороны, самостоятельно. Забайкальский пейзаж наполнял нас чувством красоты и гармонии, и это чувство овладевало нами столь сильно еще и оттого, что мы знали: рядом с нами наш Учитель. Учитель, которого мы не сегодня, так завтра увидим и будем видеть всегда и всегда ему сможем все рассказать, и всегда он нам объяснит все непонятное и вселит в нас уверенность, научит, как надо поступать...

Валерий Петрович привил нам любовь к этому краю. Но не только природа привораживала нас. Земля эта становилась бесконечно притягательной благодаря людям, на ней живущим. Забайкальцы отличаются своей искренностью, открытостью и гостеприимством. Где бы мы ни были, нас принимали почти всегда, как своих.

Для Валерия Петровича, кстати, последнее обстоятельство было всегда важно. Ему особенно нравилось, если принимали его учеников за своих и начинали говорить, что мы напоминаем им их родственников. Если такое слу-

чалось, то это означало, что мы в какой-то мере состоялись как собиратели фольклора.

Перед практикой Валерий Петрович проводил своего рода беседу-инструктаж и в полушутливой форме говорил: «Если приглашают чаевать — не отказывайтесь». Это было связано с финансовым положением студентов (на день выделялось 50 коп. на питание), но также это напутствие было вызвано и еще одним правилом: живи по законам той среды, в которой оказался. А среди забайкальцев и сейчас в силе обычаи: обязательно угостить, пригласить «чаевать». Если гость отказывается, то этим он наносит обиду хозяину дома. О доброте своих земляков, заключающейся, конечно, не только в обычае чаевания, все знал Валерий Петрович. Он и сам был такой.

Во время экспедиций для Валерия Петровича никогда не было самоцелью записать как можно больше эффективных произведений. Его прежде всего интересовали сами люди. В его полевом блокноте сохранился черновой тезисный набросок статьи или выступления, начинающийся такими словами: «О собирательской работе. Важное в ней — бывать с людьми; главное — возможность слушать людей, которым незачем лукавить».

Валерий Петрович хотел знать все о своих земляках. Как они прожили эти полгода, что он не мог с ними увидеться? Что их радует и что тревожит сегодня? Для него было естественным беседовать с этими людьми, общаться со случайными попутчиками в машине, автобусе, в гостинице.

Я хорошо помню последнюю нашу экспедицию зимой 1980 года (для меня последнюю). Нас в тот раз было немного — четверо человек вместе с Валерием Петровичем. И мы все работали группой в одном селе, затем перебирались в другое. Я тогда могла чаще наблюдать, как он говорит с людьми. Эти разговоры занимали его всего. Вот начало нашей поездки. Мы в сельской гостинице. Уже разместились, разложили вещи, познакомились с девушками, приехавшими сюда в командировку, собрали ужинать. Но как позвать Валерия Петровича? Невозможно! Дверь, за которой он с парнями да с мужиками, наглухо закрыта, оттуда — гул, реплики спорящих, громкие голоса. Как зайти, как сказать? И вдруг он, словно почувствовав, что его ждут, появляется из-за двери:

— Ну что, девчонки? Как устроились? Ну ладно, ужинать — без меня, давайте без меня. Мне — там надо. — Исчезает за дверью и не появляется больше.

Или — ночь. Мы едем в автобусике, фары высвечивают дорогу и придорожные кусты. Мы чуть позади. А впереди мужчина лет пятидесяти и Валерий Петрович. Говорят о чем-то и жестикулируют, и шум мотора им не мешает. Изредка обернется, взглянет на нас, слегка улыбаясь: целы? невредимы? — и опять.

Или в кабине грузовой машины едем из Сретенска по голубой ледяной дороге. Всё, о чем спросит Валерий Петрович, шоферу, молодому парню, близко. Валерий Петрович спрашивает о жителях окружающих сел, которых хорошо знает. Этим же людям знает и шофер, ведь он здесь родился и вырос. И странно шоферу: почему ему не знаком этот человек, осведомленный обо всех собы-

тиях его края? И дальше он уже Валерию Петровичу как земляку все новости расскажет.

Вот мы в Батакане, в семье киномеханика. Валерий Петрович, хозяин дома и четверо его товарищей ведут разговор. В то время проходила кампания укрупнения хозяйств, преобразования колхозов в совхозы. И говорили они о том, что лучше — колхоз или совхоз. В чем преимущества и недостатки каждой из этих форм, есть ли возможности при совхозной организации быта для сплочения людей, для формирования авторитетного общественного мнения?

И каждый раз Валерия Петровича интересовало: а создает ли условия для нравственного совершенствования людей то или иное явление сегодняшнего дня? Перед началом экспедиции в поезде он записал себе в блокнот вопросы, которые, по его мнению, было бы уместно задавать людям, и познакомил нас ними. Все вопросы были озаглавлены словом «быт». И один из них был такой: «А есть ли желание украсить жизнь?». Вот это его интересовало: могут ли люди сегодня быть творцами жизни? Могут ли делать ее лучше? Живут ли будущим или только сегодняшним днем? В чем заключается духовный потенциал нашего бытия?

Валерий Петрович не наблюдал за жизнью своих земляков со стороны, он входил в их мир, жил их заботами, радостями, тревогами...

Один такой факт. Мы, студенты, полные впечатлений, взалхлеб рассказывали Валерию Петровичу о том, где были, с кем встречались. В нашем сознании и душе каждая экспедиция оставалась каким-то ликующим радостным вихрем. Но проходили месяц-два, впечатление сохранялось, а вот память подводила: мы забывали то имя-отчество рассказчика, то село, в котором записали такую-то песню или сказку. А Валерий Петрович всегда мог сказать, в каком именно селе произошел такой-то случай, был услышан такой-то рассказ... Он настолько хорошо знал Забайкалье, что каждое село имело в его представлении свое неповторимое лицо. Людей, с которыми он встречался, пусть давно, пусть один раз, — всех помнил по имени-отчеству.

Для Валерия Петровича было невозможным обойти вниманием человека, с которым прежде уже познакомился и который доверчиво поведал ему о своей жизни, открылся как рассказчик. Помню такой случай. Во время экспедиции 1980 года в селе Курумдюкан Валерий Петрович несколько дней провел в общении с Николаем Григорьевичем Бояркиным (позднее он написал об этом талантливом сказителе во вступительной статье к сборнику «Русские сказки Забайкалья») и почти не посетил других людей. И вот мы должны были уже через час-другой выезжать из этого села. Валерий Петрович пришел в дом к бабушке, у которой мы ночевали, чтобы уже отсюда отправиться дальше. Мы стали рассказывать ему о старике Григории Капидоновиче Гробове, о том, как впервые от него услышали былички о соперничестве дружек на свадьбе. (Такое могло произойти, когда в одном селе жили два колдуна. Если одного из них приглашали в качестве дружки на свадьбу, а другого нет, то второй мстил первому и «портит» свадьбу до тех пор, пока молодые не извинятся перед ним.) Согласно словам нашего собеседника, именно такие события и происходили

в Курумдюкане, и рассказы эти еще более усиливали наше впечатление о том, что вокруг все исполнено какой-то тайны, в которую мы можем все-таки проникнуть и узнать о чудесах, привычных для здешних жителей. О нашем открытии мы рассказывали Валерию Петровичу с азартом, знали, что он оценит это по достоинству. Но попутно кто-то из нас сказал, как Григорий Капидонович с некоторым огорчением и досадой поведал нам, что раньше у него уже был один мужчина, и много он ему рассказал, и этот мужчина обещал ему написать, старик ждал письма, да так и не дождался. И Валерий Петрович припомнил, что в самом деле это он и был у этого старика. И с каким-то простодушием стал говорить словно себе и в то же время и нам, что он ведь писал Гробову, но письмо, видно, не дошло. Он заволновался, потом вдруг засобирался: «Но-ка, я схожу к нему». И отправился к деду, несмотря на то, что нам вскоре надо было уже выезжать. Вернулся успокоенный, рассказал, как встретились с Г.К. Гробовым, как разрешилось возникшее недоразумение.

Валерий Петрович умел говорить с людьми так, что они становились лучше или словно узнавали хорошее о себе. Вот приехали мы на автобусе в село ночью. У кого можно устроиться на ночлег? Валерий Петрович предполагал, что возможно будет остановиться у его старых знакомых — у деда и бабушки Щетининых, но надо было узнать, смогут ли они принять нас. И, ожидая ответа, мы зашли в ближайший дом. Нам открыла женщина немолодая, утомленная, сердитая на свою дочь, но все равно предложила нам сесть. Валерий Петрович заговорил с ней. И вот постепенно следы недовольства, раздражения сошли с ее лица, она заулыбалась.

Валерий Петрович не просто говорил с людьми, он жил с ними одной жизнью все то время, которое выделялось судьбой для общения с каждым из них. Он чувствовал, что заботит его собеседника, каков его внутренний распорядок, какие дела он наметил на сегодня. И поэтому естественным было для него предложить прервать беседу и пойти вскопать огород или наколоть дров, наладить крыльцо.

Еще такой случай. Мы ехали на маршрутном автобусе. Ехать надо было часа два-три. Но на полпути автобус остановился: что-то случилось с мотором. Хорошо, что это был край деревни. Пассажиры кто остался сидеть, кто вышел, кто зашел в магазин. Шофер покопался в моторе, а потом обреченно сел на свое место, слушал нарастающий ропот пассажиров и не шевелился. Видимо, он был растерян и решил ждать следующего маршрутного автобуса, который приедет часов через пять. Валерий Петрович встал (а мы сидели на последнем сиденье в конце автобуса), прошел по проходу к водителю, выяснил, не привлекая внимания, что случилось, и они стали думать, что предпринять. Потом они вдвоем сходили разыскали телефон, дозвонились до автобазы, и примерно через час пришел другой автобус, мы поехали дальше.

И люди на все это, конечно, отвечали добротой. Доброта их, в свою очередь, словно питала Валерия Петровича. Он обычно изменялся по сравнению с тем, каким был в городе. Здесь, на родной земле, он чувствовал себя по-настоящему вольготно, даже незаметно для себя и говорить начинал по-забайкаль-

ски. Силы входили в него, и, возможно, здесь зарождался в его душе вопрос, с которым он часто обращался к нам: «Ну что, жить хочется?»

Смысл своей работы Валерий Петрович видел, наверное, прежде всего в том, чтобы сохранить Слово дорогих ему людей, идущее из глубины души, донести это Слово до широкого читателя, сделать общим достоянием духовный опыт их отцов, дедов, заложенный в песнях, сказках, легендах... Он хотел выжить народный взгляд на тревожные явления современности и поэтому большее внимание уделял жанру устного рассказа, жанру самому оперативному. Он не переставал удивляться такому уникальному свойству народной души, как способность верить в чудесное, и хотел с помощью собирательской работы воссоздать весь мир народной фантастики, заключенный в быличках и бывальщинах. Валерий Петрович не оставил без внимания и такой малый жанр, как примета. Особо его интересовали приметы с ярко выраженным нравственным содержанием, в них он видел элементы системы народной педагогики.

Вот уже более девяти лет нет с нами Валерия Петровича. Сколько бы он смог сделать за эти годы! Это были бы годы расцвета его деятельности как ученого, как педагога.

Валерий Петрович не увидел выхода в свет своей первой книги, а сколько бы их он подготовил сейчас! Это были бы книги, в которых могла стать явственной народная мысль, говорящей — сама народная душа.

М. В. Аристова

Уроки Валерия Петровича Зиновьева

«В науке надо быть Иванушкой-дурачком. Иметь простое, чистое сердце, открытую душу. Найти в облюбованной отрасли науки сначала перо Жар-птицы, потом, не сворачивая с прямого пути, невзирая на насмешки и презрение людей, идти искать самую Жар-птицу».

Г. С. Виноградов, фольклорист, этнограф

«Облюбованной отраслью науки» Валерия Петровича Зиновьева был фольклор. И для нас — выпускник советских школ 70-х годов, материалистически подкованных девушек с «активной жизненной позицией», которая тогда предписывалась молодым людям — это было тем, мимо чего пронеслось вскачь наше городское пионерское детство и комсомольское отрочество. Немногословный красивый человек с тихим голосом открыл нам удивительный мир, о котором мы и понятия не имели.

Первым откровением была интерпретация сказочного образа Ивана-Дурака, над которым мы потешались всё детство. «Не такой уж он и дурак; на самом деле, он лучше всех их», — сказал Валерий Петрович. И на его занятиях нам стало ведомо сомнение в однозначности мира, исторических событий, людских судеб.

Это была прививка от многого. В жизни нас окружали социалистические идеалы и коммунистические призраки, мы уже в третьем поколении были «новой общностью людей — советским народом», с которых и спрос был соответствующий. Над нами славно потрудились в школах, где объяснили, что разделение между городом и деревней — вопрос времени, а победа разума над духом уже одержана. Подразумевалось, что это всё очень хорошо и правильно. И тут на занятиях фольклором мы вдруг поняли, что «не всё ладно в нашем королевстве». Во всяком случае, говорю о себе и ещё нескольких своих однокурсниках, которые вдруг очнулись и «попомнили своё родство».

Нам дали возможность убедиться в этом на практике (по прошествии многих лет могу сказать, что опыт был бесценен и не раз помогал мне в ориентации «правая, левая где сторона»). Валерий Петрович собрал нас в фольклорную экспедицию в свои родные края, в Забайкалье. Поначалу это была студенческая практика, обязательная для всех. Потом многие из нас ездили с ним в такие экспедиции уже на каникулы, и зимой, и летом, не один раз. Это были поездки за «уходящей натурой» — Зиновьев спешил зафиксировать то, что исчезало вместе со старшим поколением, традиционно считалось пережитком прошлого, но чутьём и талантом большого учёного было рассмотрено и оценено как особенность (сейчас бы сказали — ментальность) русского народа. Мы радовались быть его рабочими руками, глазами, ушами, мы старались помочь ему успеть это сделать. Мы гордились его доверием, но, к сожалению, сейчас я понимаю, что взять всё, что можно было, от тех бесед с бабушками и дедушками о «той» жизни нам было, чаще всего, нечем: не было ни жизненного опыта, ни мудрости, ни нажитых знаний. Одно верхоглядство и энтузиазм. Энтузиазм, правда, был искренним: Валерий Петрович умел создавать и уважать своих единомышленников.

Его научная работа высоко оценена специалистами, к сожалению, уже после ухода Валерия Петровича из жизни. Его не миновала чаша многих русских учёных, не ко двору пришедшихся времени. Я начала свои рассуждения с цитаты Георгия Семёновича Виноградова — известного русского фольклориста и этнографа, одного из первых профессоров Иркутского университета в 20-е годы, но ставшего известным только сейчас. Жизнь его прошла в тени ярких, признанных своим временем академических величин, создававших целые научные школы. Наследие же Виноградова достали из-под спуда не так давно — и с благодарностью удивились его полевым экспедициям, успевшим сохранить так много генетического материала русского народа, ещё того, не прошедшего через эксперименты 20-го века.

Валерий Петрович тоже был прирождённым полевым фольклористом: любил то, что делал, и знал, что искал. А искал он, как я теперь понимаю, те скрепы, которые держали русский народ, были едиными для многих поколений на протяжении веков и делали людей на территории огромной страны великой нацией с высокими нравственными и моральными ориентирами. И прекрасно понимал, где это нужно искать. Расхожий аргумент о чуть ли не равенстве морального кодекса строителя коммунизма христианским заповедям тут не рабо-

тал — этот постулат родился в кабинетах власти, а в забайкальских деревнях подтверждения не имел. (Да и нигде, я думаю, не подтвердился).

Предмет исследования учёного Зиновьева был для эпохи развитого социализма, мягко говоря, не совсем популярен: русские сказки Забайкалья, мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири (а точнее, былички и бывальщины, продолжавшие бытовать в народной среде). Во весь рост в рассказах забайкальцев встали домовые, русалки, колдуны, ведьмы, водяные... В 1975 году Валерий Петрович защитил кандидатскую диссертацию. Научный труд подразумевал идеологическую оценку этого явления, а идеология, как мы помним, была в советской науке одна.

Здесь я снова бы хотела привести строки частного письма профессора Г. С. Виноградова, написанные с горечью о происходящем в иркутском университете конца 20-х годов: *«Меня обвиняют, что я — не красный профессор, что я мистик, что «отсекаю» марксизм. А я не понимаю, как можно по Марксу читать о заговорах народных знахарей.»* Думаю, что с этой же проблемой столкнулся и преподаватель филологического факультета Иркутского университета середины 70-х годов: читать с кафедры о мистических представлениях народа возможно было, лишь дав идеологическую оценку этому явлению как «пережитку прошлого». Однако я не помню, чтобы Валерий Петрович говорил нам об этом. Конечно, в его диссертации есть ссылки на Маркса, Энгельса, даже Ленина — видимо, без этого нельзя было защитить научную ценность материала (в работе были приведены 200 текстов быличек как жанра фольклора и дано их распределение по группам, типам и мотивам), но на лекциях и семинарах учёный давал другую оценку этому явлению. Художественную — безусловно, эта ценность была названа, но главным всё-таки были морально-нравственные, педагогические ориентиры «носителей фольклора», то есть простых людей, живущих реалиями советской жизни, но сверяющих её по меркам своих дореволюционных предков. Наверное, в этом было важное противоречие с «линией партии», которая хорошо знала, какие ценности должны быть у советского человека, и уж, точно, образы нечистой силы в формулировании этих ценностей были ни при чём.

Забайкальский край, присоединённый к Российской империи за два с половиной века до социалистической революции, был обустроен православными людьми — казаками, миссионерами как надёжный государственный рубеж. Но в 70-е годы XX века в Читинской области, которую мы объехали вдоль и поперёк, уже не было ни одной действующей православной церкви. Религиозная жизнь людей, если была, проходила тайно, о ней не говорили, тем более заезжим студентам с магнитофонами. Но, слушая рассказы о «нечисти», о том, как ей противостоять (из быличек многие из нас впервые узнавали о крестном знамении, о Святых дарах, о силе молитвы), мы понимали, что душа русского человека религиозна. Если человек признаёт одну силу, то имеет понятие и о другой, имя которой не произносит по сокровенности понятия, оболганного, поруганного, но всё-таки главного. Валерий Петрович был очень требователен к точности записанных нами текстов, не разрешал их редактировать, просил

сохранять все особенности и даже неточности речи людей, даже если мы их не совсем понимали.

В этом и есть значение научно-полевой работы учёного Зиновьева: в документальном свидетельстве о религиозной природе души русского человека, о православном источнике крепости духа, о потребности мистически-образного осмысления явлений и законов жизни, о необходимости передачи духовного опыта детям и внукам. Количество и качество собранного материала раз и навсегда опровергало оценку «пережитки прошлого».

И ещё: его наследство — это подтверждение того, что советские годы были тяжёлыми, испытательными для народа, но они не были безбожными. При разрушенных церквях фольклор хранил душу человека от богохульства.

«Облюбованная отрасль науки» для Валерия Петровича Зиновьева была, я думаю, не просто наукой. Он этот труд воспринимал как миссию и выполнил его как миссию. Потому что был честным и порядочным человеком — настоящего, большого учёного без этих качеств не бывает.

Н. М. Скобелкина

Вне времени

Есть люди, незримая жизнь которых продолжается еще долго-долго после их ухода. Их пребывание на Земле определяется иначе, чем обычно, и раздвигает рамки отведенного жизнью времени. Эти люди успевают сделать столько важного и вложить в других столько своей души, что остаются в жизни на многие десятилетия и даже больше.

Таким был Валерий Петрович Зиновьев. Он стал для меня педагогом, наставником, научным руководителем, а главное — учителем жизни. В большом и в малом.

Валерий Петрович открыл глубину и красоту человека, жизни, человеческих отношений. Ввел в мир народной жизни — «глубинки», помог увидеть «глубинку» обычного селянина, которая открылась как новая глубина мироощущения и незыблемая основательность нравственных устоев.

Незнакомый нам, городским девчонкам, уклад деревенской жизни удивлял своей естественной простотой, искренностью, высшей степенью доверия, метким словом, самобытной речью.

В то время, когда мы ездили в фольклорные экспедиции, в деревне ворота и двери не закрывались ни на какие замки, как и сами люди. Дом был открыт, душа была открыта, все было открыто. Особенно меня поразила такой случай. Зашли в один двор, а хозяйка говорит: «Девчонки, мне некогда, надо идти, приду через часок-другой, а вы тут располагайтесь. Вот дом, вот летняя кухня, где вам лучше. Ешьте, пейте, отдыхайте. А я приду и соседок с собой приведу, и споем вам, и все расскажем». Так оно потом и было. И уж точно ни одна хозяйка не отпускала без чая и угощения. Сколько людей принимали нас, помогали

нам, заботились о нас! Это, наверное, и есть проявление общинности русской жизни, когда каждый — свой!

Может быть, это и питало удивительное качество Валерия Петровича — относиться к каждому человеку как к родному, воспринимать другого человека как близкого. Но какой огромный внутренний мир нужно было иметь, чтобы вместить туда всех как родных! И сколько нужно было иметь тепла, чтобы его хватало на всех. А ведь действительно хватало! На всех, с кем встречался в жизни: и в забайкальских селах, и в университетских стенах. При этом еще хватало мудрости и внутренней силы быть связующим звеном между умудренными опытом сказителями и молодыми студентами, удерживать «времен связующую нить», подводить зеленую молодежь к источнику живого слова и народного опыта, показывать, что источник жив, что поются народные песни, рассказываются сказки и былички, придумываются на ходу частушки, — и что это естественная неотъемлемая часть жизни народа.

А еще Валерий Петрович помог понять, что самая главная и самая трудная наука — это жизнь. И важно быть внимательным и ответственным исследователем, серьезным учеником и честным ученым. И тогда можно хоть сколько-нибудь познать жизнь в ее многомерности, понять ее законы и суметь служить ее высшим принципам.

Один из таких принципов — ответственность за все, что делаешь, говоришь, пишешь. Валерий Петрович не раз напоминал нам, что нужно записывать все предельно точно и полно, не теряя и не изменяя ни одного слова сказителя. Он учил уважению к человеку, его опыту, взглядам. Он помогал увидеть, насколько бывают разными люди, их характеры, поступки и убеждения. Но важно всем уживаться и уметь строить отношения. Мы видели, как он был не только уважителен к людям, но и очень заботлив. Везде, куда мы приезжали, он всегда начинал с дел, важных для хозяев, и приучал нас быстро подключаться, чтобы как можно меньше обременять людей. А какое было огромное терпение: не торопить события, ждать, слушать, оставаться спокойным в самых непредвиденных обстоятельствах, проходить и проезжать тысячи километров «единого слова ради».

И деликатность. Во всем. В высказываниях, в поступках, в подходе к исследуемому материалу.

Валерий Петрович помогал понять особый мир мифологического сознания, таинственных сил, описываемых в быличках, расширял наше представление о различных сторонах жизни, о воззрениях славян, не навязывая какой-либо точки зрения, а предлагая изучать, исследовать.

Цельность, надежность, целеустремленность, преданность делу жизни, глубочайшее уважение к человеку — это была суть удивительной натуры Валерия Петровича. Это была его человеческая высота. Это была планка, обозначенная учителем. Нам нужно было ее удержать.

Сколько увидено, услышано, пережито, открыто, понято!

Благодарю, Учитель!

Благодарю за тот образ педагога, который Вы собой явили. Вы передавали

житейский и духовный опыт. Вы дарили душевную теплоту и максимальную заботу. Вы открыли богатство русского фольклора, подготовили меня к первому серьезному докладу и первой поездке на студенческую конференцию, Вы пригласили меня участвовать в телепередаче, о которой я заранее сообщила в разные города всем моим родным, чтобы они обязательно посмотрели. Вы подарили мне статуэтку из корня дерева, в котором вы увидели фигуру молящейся женщины и помогли проявиться этому образу.

В тот день, когда было прощание с Валерием Петровичем, мне нужно было улетать в Братск на семинар. Я не представляла, что мне делать. Приехала в аэропорт. И вдруг слышу: объявляют, что рейс в Братск задерживается на несколько часов. И я успела приехать, посидеть рядом, проститься с учителем. И еще раз поняла, что Валерий Петрович причастен к тому высшему миру, проводником которого он был на Земле и непреложные законы которого выполнял, вечные ценности которого воплощал всей своей жизнью.

Валерий Петрович передавал то, на чем держится жизнь, что важно в любое время, что имеет вневременное значение, и потому его духовная связь с нами вне всякого времени.

Спасибо, Учитель!

С. С. Аксенова

В. П. Зиновьев: возложено народом...

Валерий Петрович Зиновьев был для меня всегда человеком из самых глубин народной жизни. Из мира тайги, природы, от земли, естественной деревенской жизни. Оттуда, откуда пришел и Валентин Григорьевич Распутин, чтобы рассказать нам о русской жизни, о нас самих и выразить наше сокровенное.

Самая первая встреча с Валерием Петровичем в сентябре 1964 года на колхозных работах студентов-филологов, только что набранных на первый курс историко-филологического факультета Иркутского госуниверситета, сразу выдала в нем его незаурядность, непохожесть на всех нас. Поселили нас в клуб. Сидим мы, вчерашние школьницы, на кучке сена в полной растерянности. Как же здесь жить: грязный пол, кроватей нет... Заходит Валера, окинул взглядом обстановку и нас несчастных. Как-то ненавязчиво распорядился, кому пол помыть, кому сеном матрасовки набить. Взялись за дело — и уныние как рукой сняло. Постелили на чистый пол в два ряда по стенам приготовленные матрасы, посередине оставили проход — оказывается, вот так просто и аккуратно можно приспособить временное жилище вроде бы в не подходящих для этого условиях. Он знал и умел, как никто, всё. Как обустроить свой деревенский быт, как подготовиться к работе в поле, как уметь не ныть от непривычных для городского человека условий, превозмогать себя.

Казалось бы, он был понятен во всех своих действиях и поступках, но поразил меня простотою общения, умением объединить нас в каком-то деле и

увлечь за собой, пониманием важности нашего труда и умением внушить нам это, копке картошки, — надо убрать урожай до снега. Этим он располагал к себе, притягивал.

Никто не назначал его быть комиссаром, но он был им сам, по жизни, по своему характеру и воспитанию. Его старшинство было признано, я думаю, всеми. А был он старше, например меня, всего на 3 года.

Я встречала в своей жизни умелых людей, от земли, но Валерий Петрович был лучшим её порождением.

Пять лет учебы в университете и работа на факультете открыли в нем человека основательного и нравственно чистого, справедливого и мудрого, честного и жившего по правде и совести. Это чувствовали студенты и тянулись к нему. Тянулись к нему и преподаватели.

Много раз я обращалась к Валерию Петровичу за советом, со своими проблемами. И всегда это был разговор «по душам», обстоятельный, не на бегу, когда человеку дается возможность «выговориться». Не просто предлагал совет, как поступить в каком-то деле, а выспрашивалось до выяснения нюансов, как ты пришел к своему решению, приводились примеры из жизни. Валерий Петрович подвигал собеседника принимать собственные решения, по мотивированию и осознанию не идущие в разрез с жизнью. При этом в беседах проживалась целая жизнь и жизнью же проверялось, захватывало его особенное неторопливое забайкальское слово. Прямой, глаза в глаза, но добрый и проникновенный взгляд. Приветливая улыбка человека, радующегося тебе и заинтересованного в разговоре с тобой (Ну-ка, откройся, что в тебе интересного!). Но иногда непримиримого и неуступчивого, не согласного с тобой. Никогда я не слышала от Валерия Петровича назиданий, покровительственного тона, празднословия.

Вот таким сохранился в моей памяти образ Валерия Петровича Зиновьева. Соглашусь, что явно неполный, потому что ничего не сказано, например, о главном его призвании, которому он посвятил свою жизнь, — призвании быть народным ученым. За всю свою жизнь я не встречала в научной среде подобного исследования, не только думающего об объекте своего изучения, но и чувствующего его сердцем.

Его научный объект — русское устное народное творчество, произведения, создаваемые народом и бытующие в нем. Это былины, сказки, частушки, пословицы... И главный предмет любви Валерия Петровича — былички. С этим жанром фольклора я познакомилась только благодаря Валерию Петровичу. Он знал много быличек и проверял правильность определения их жанровых особенностей на своих слушателях. Завораживала забайкальская сибирская речь рассказчика, образ рассказывающего о событии и погруженность целиком в материалах самого исследователя. Все было важным в научном поиске для Валерия Петровича: и малоизученность жанра, и принципы более отвечающего фактическому материалу оформления картотеки, малейшие детали варьирования текстов быличек и многое другое. Однако основное внимание он уделял записыванию от живых рассказчиков самих быличек, сбору, как бы мы сказали,

все нового и нового фактического материала, чтобы постичь, я думаю, дух былички, дух народа, ее создавшего, и передать другим в полном виде, ничего не исказив и не потеряв в научном переложении.

Из летних поездок «в поле» со студентами, а это был целый ритуал, одновременно педагогическая практика и этическое воспитание, сложились книги, зафиксировавшие и сохранившие для XXI века и последующих поколений в большом количестве устное народное богатство.

Из них же сложилось в сибирском регионе новое научное направление, по моему представлению, фольклористская школа, в которой есть ученики и последователи. Жаль только, что рядом с ними нет Валерия Петровича. Как сегодня живет без него быличка, так сегодня живем без него мы. Валерий Петрович рано ушел из жизни. Своей недолгой, но яркой, жизнью он выполнил долг, или определенный им самим для себя, человека из народа, или возложенный на него народом, — выразить свой народ. Вечная тебе память, Валерий Петрович.

С. С. Кацаева

Школа жизни В. П. Зиновьева

Проходят годы, десятилетия, много хорошего и не очень произошло и происходит в нашей жизни. В суматохе дней, в мимолетности нужных и ненужных дел и забот мы стараемся всё-таки не терять жизнеутверждающих ориентиров в этой непростой жизни, верим и надеемся на некие духовные ценности и идеалы, ориентируемся на них. Носителями того доброго и вечного, что помогает людям сохранять веру в себя, надеяться на лучшее, являются люди: для кого великие писатели и философы, для кого родители, для кого верные друзья, для кого учителя...

Валерий Петрович Зиновьев принадлежит к той плеяде славных людей, деятелей, которые всегда в повседневной ли жизни, в научной ли работе, в дружеском ли общении, в любых ситуациях сохраняют твердые моральные установки, идущие из глубин народной нравственности и психологии. При чем Валерию Петровичу были совершенно чужды нравоучения, навязывание советов хоть товарищам, коллегам по работе, хоть студентам или своим детям. Тем не менее, он умел каким-то особым, только ему присущим тактом строить доверительные отношения с разными по статусу и возрасту людьми, передавать им часть своего тепла и обаяния. Это не значит, что Валерий Петрович не мог быть резким, высказать правду-матку в лицо, если вдруг этого требовала возникшая ситуация. Просто он был человеком с открытой душой, (возможно, прямодушным, т.е. человеком без двойных стандартов) и верил, что и окружающие его люди тоже открыты для диалога, для взаимопонимания. Очевидно, как мне представляется, и научные поиски в области фольклористики были кровно связаны с его жизненной позицией, с его нравственными установками.

Несмотря на годы, которые прошли со времени его кончины, образ этого обязательного и доброго человека остаётся у нас в памяти.

* * *

Моё знакомство с В. П. Зиновьевым поначалу было чисто визуальным. Наверное, не было никого из студентов историко-филологического факультета, кто не обращал бы внимания на красивую пару — высокого молодого человека и красивую стройную девушку, которые всегда и везде были рядом, причём он бережно поддерживал её под локоток, когда они переходили улицу или просто выходили из второго корпуса после занятий. Кто-то говорил, что это студенты, кто-то называл их аспирантами. Все девчонки-филологини любовались ими, и может быть, даже завидовали счастливице. Ещё бы, стать предметом обожания такого красивого и умного (умного ведь видно, даже если он молчит) парня хотелось каждой из нас. Валера и Галя были заметными людьми на факультете, их выделяли из толпы студенты, о них нам рассказывали преподаватели. Так, В. Ф. Мейеров, мой руководитель курсовой работы на втором или третьем курсе, часто в качестве примера, на который надо равняться, приводил работу Галины Зиновьевой. А на лекциях по фольклору и на фольклорной практике нас знакомили с первыми шагами в науку Валеры, преподаватели рассказывали нам о его опыте собирательской работы и систематизации фольклорного материала.

На пятом курсе, по-моему, в первом семестре, фамилия «Зиновьевы» вошла в мою жизнь более предметно. В. Ф. Мейеров часто заводил со мной разговор о Бирюльке, что находится в Качугском районе, о замечательной тамошней школе и о молодых преподавателях Зиновьевых, которые в ней работают по распределению. Но они должны вернуться в Иркутск: Валеру ждёт университетская аспирантура. А я должна принять эту филологическую эстафету в Бирюльке и распределиться в местную школу. Весной в Научной библиотеке ИГУ проходила научная конференция, в которой участвовал Валерий Зиновьев. И Владимир Фаддеевич, конечно, познакомил нас. До сих пор помню, как тепло, душевно рассказывал Валерий Петрович об этих замечательных краях, об интересных людях, там живущих и работающих, о сельских ребятах и учителях. Справедливости ради надо сказать, что до Бирюльки я так и не доехала: «помешала» свадьба, «свободный» диплом по месту распределения мужа, которого оставили на кафедре в университете.

Но через два года, в 1973 году, судьба вновь свела меня, точнее мою семью, с Зиновьевыми. Мы стали соседями в аспирантском общежитии ИГУ на 4-й Железнодорожной. Это было, наверное, самое счастливое время в нашей жизни: мы, молодые выпускники университета, наконец-то могли заниматься любимым делом. Мы были полны светлых надежд, и некоторые наши заветные желания становились реальностью.

Обстановка в общежитии была дружеской, творческой, очень доброжелательной. Помню, что все были очень заняты: день мужчины проводили в Научной библиотеке или в своих лабораториях (физики, химики). А вечером

начинали стучать пишущие машинки: аспиранты садились кто «грызть», кто «двигать науку». Эти выражения тогда были в ходу, и их употребление зависело от меры скромности говорящего. Если машинка за той или иной дверью какое-то время молчала, всем было понятно, что там шла подготовка к кандидатскому экзамену. Бытовые вопросы, как правило, решались женами, хотя все они работали, а после работы занимались детьми. Но мужчины становились добытчиками осенью, занимаясь заготовками даров природы. Приходилось думать о хлебе насущном и Валерию. Нередко он с друзьями уходил в тайгу за ягодой и грибами. Кстати, Валерий знал толк в грибах, очень хорошо разбирался в них, по поводу грибов соседи по общежитию часто обращались к нему за консультацией.

Быт в общежитии был более чем скромным. Убранство комнат почти одинаковое: стол, стулья, кровати, купленные в комиссионном магазине по подходящим для аспирантского бюджета ценам. У всех были книги, их каждый хозяин устраивал, как мог: кто-то делал стеллажи, кто-то книжные полки. В этом деле всех «затмил» Валера Зиновьев. Свой стеллаж он, экономя пространство, разместил вдоль стены с окном. Окно, обставленное книгами, как бы вписалось в стеллаж. В комнату Зиновьевых, как муравьи, потянулись общежитские за опытом и советом. Удивлялись, ахали, восхищались. Валера был доволен: сам придумал — сам сделал. А потом были тахта, сделанная его руками, шкафчики для кухонной утвари с милыми голубыми занавесками (по-моему, предмет особой гордости Галины). Все обходились кроватями из комиссионки и встроенным шкафом из ДВП, а тут такая роскошь и красота! Хозяйки, общаясь на кухне, говорили: «Вот защитится мой Витя (Саша, Степа, Ваня) и сделает что-нибудь такое же...». А Валера, хозяин в доме и глава семьи, не откладывал такие дела на «потом»: он создавал условия для нормальной жизни своей семьи, заботился о своих близких каждый день и каждый час, насколько это было в его силах. Его можно было встретить в очереди с талонами на мясное в магазине студгородка, на кухне около плиты. И всегда, кроме приветствия, вопрос: «Ну, как дела, соседка? Как жизнь идет?». Скажет и смотрит как-то сбоку, с хитрецей, ждет ответа. Не отмолчишься, неудобно ведь... А потом в зависимости от ситуации обязательно подбодрит, успокоит, развеселит шуткой или историей из жизни. Неравнодушный, прямой и открытый был человек!

На нашем этаже, помнится, жили физики, химики, математики, филологи, юристы, историки, географы. Трудно было понять, кто чем конкретно занимается, что изучает, о чем пишет. Но абсолютно все, мне кажется, знали, о научных интересах Валеры Зиновьева. Своими рассказами о быличках он увлекал каждого. Мы были в курсе, как прошла очередная экспедиция в Забайкалье. Иногда поздно вечером его заставляли на кухне, где он часто работал по ночам, и он давал послушать пленки или почитать записанное. И это было так интересно! И видно было, что он хочет «не покрасоваться», «не просветить темных людей», а выговориться, чтобы самому удостовериться в правильности выводов, чтобы поделиться радостью, его наполнявшей. Я до сих пор «слышу» часто повторяемое им имя «Эрна Васильевна Померанцева», и оно звучит

для меня, как музыка. Я навсегда запомнила, что это талантливый фольклорист, ученый из Саратовского университета, где Валерий Петрович защищал кандидатскую диссертацию. Помню его, взволнованного, (а ведь всегда такой спокойный и уравновешенный!), когда в день вылета в Саратов на защиту он зашел к нам в комнату с просьбой помочь напечатать что-то из необходимого для защиты. Успели, напечатали. А когда вернулся после защиты, такой счастливый, и у нас в семье тоже был праздник по этому поводу.

Саша до сих пор любит вспоминать о тех горячих спорах, которые они вели с Валерой в начале 80-х. Полные творческих сил, молодые кандидаты искали возможности претворения своих идей на стыке наук, например, филологии и истории. Валерий Петрович проявил интерес к ежегодным этнографическим экспедициям по Северным районам Иркутской области, которые проводила кафедра истории СССР исторического факультета ИГУ под руководством С. Ф. Ковалю, и был готов сам участвовать в них. В это же время, как помнится, Саша, занимавшийся проблемами социологии, вдруг обнаружил возможность некоего научного содружества в области социологии и фольклора, особенно по части сбора, анализа материала и социокультурной интерпретации выводов и т. д. Валерий Петрович весьма заинтересовался этим, увидев что-то любопытное для себя. Но, увы, эти задумки не успели реализоваться.

Надо сказать, став кандидатом наук раньше, чем многие другие на этаже, Валера не заважничал, оставаясь таким же простым в общении и искренним человеком. Он тут же подключался к общему разговору, особенно если речь шла о книге, фильме, спектакле. По-прежнему его можно было увидеть играющим в хоккей в составе сводных команд взрослых и ребяташек из нашего общежития. Он успевал всё, его души, его заботы хватало на всё и на всех. Он щедро отдавал себя семье, друзьям, студентам, коллегам. Может быть, поэтому жизнь Валерия Петровича Зиновьева прервалась так рано...

Р. Н. Базилишина

Солнышко нашей кафедры

Я знала Валерия Петровича Зиновьева всего два года с небольшим, но услышала о нём от Елены Ивановны Шастиной ещё в студенчестве. Став членом научной группы по фольклору, после первой же экспедиции заинтересовалась жанром быличек и курсовую писала о них (и хотела даже диплом поначалу посвятить приленским бывальщинам). Мистика, ирреальные истории, которые выдавались рассказчиками за правду, так меня завлекали! Когда писала диплом «Верхнеленская сказочная традиция», столкнулась с тем, что некоторые тексты находятся как бы в межжанровом состоянии: они и к павам (сказкам) не пристали, и от ворон (быличек) отстали. Чтобы это понять, надо получше исследовать эстетическую функцию быличек, — так я поняла своего руководителя и учителя по фольклору. «А знаешь, Раиса, в университете нашем на

филфаке есть преподаватель, который вот-вот защитится по сибирским быличкам. И, наверно, издаст монографию по своей кандидатской». — «Да-а?..» — с интересом протянула я. А Елена Ивановна продолжает: «Ты знаешь, он бы тебе сразу понравился... Он такой красивый, как... Иван-царевич, понимаешь? А какой умница! Впрочем, думаю, ты когда-нибудь с ним познакомишься... Я вот всё дерзко размышляю — как бы его на кафедру к нам переманить. Но сейчас он, наверное, не перейдёт, очень верен и предан своему вузу и делу. Он такой архив материалов там собрал, вот и нам надо бы архив фольклорный по материалам практик делать!» Лицо её светилось по-особому, улыбка с загадочной перешла на энтузиастски задорную. Чувствовалось, что имя Валерия Петровича разбудило в ней массу ассоциаций, планов, желания работать с ним и вообще чуть ли не горы свернуть.

Я восхитилась, какое точное имя Елена Ивановна дала Валерию Петровичу, назвав его Иваном-царевичем, это так по-русски. Как припечатала. В августе 1980 года, когда я была принята на кафедру литературы лаборантом, она радостно сообщила, что теперь он работает у нас, но, к несчастью, попал в аварию на своём мотоцикле и долго находится на больничном.

Мы сразу, можно сказать, подружились, и я так мечтала посмотреть, как Валерий Петрович записывает фольклор. Ученицей его я не успела стать, но соратницей в душе, — наверно. Помню, где-то в 1982 он спросил, дала ли мне Елена Ивановна, как будущий руководитель, тему диссертации. Я сказала, что пока нет, ведь еще не пришло разрешение ей на открытие аспирантуры. Он ответил, а если б тема была известна, уже бы начала собирать материал для работы. «Найдёшь что-нибудь и — в коробочку: статьи, тексты, мысли, какие в голову придут...» Поверите ли, когда я поступила в аспирантуру (октябрь 1983), а незадолго до этого Шастина огласила мне тему: «Сказки Русского Устья», у меня действительно была коробочка из-под конфет, куда складывались всякие заметки, связанные, как мне казалось, с темой будущей работы. Потом их (коробок) стало несколько, затем я переложила свои листочки в коробки из-под обуви...

В. П. Зиновьева быстро полюбили студенты, хотя на факультете он работал недолго. Нестандартный подход к обучению, страстная любовь к народному слову, внимание к людям, которых собирательно мы называем «народ».

Как-то Елена Ивановна подошла ко мне и говорит с удивлением: «В командировку собираясь, Валерия Петровича прошу лекции по фольклору почитать, пока меня нет, а он говорит, что побаивается, получится ли у него, ведь он в университете лекций по этому предмету не читал. А я ему сказала: «А Вы читайте так, как практическое или семинар ведёте». Шастина уехала. А В. П. очень поразил меня, пригласив на свою лекцию: «Посиди, может, что подскажешь».

Лекцию он вел в основном в виде диалога, хотя материал первокурсникам не был знаком, но всё равно В. П. всё время за что-то зацеплялся из их прежних знаний. Темой была историческая песня как фольклорный жанр. Валерий Петрович теоретически обосновал происхождение исторической песни, связал

с русским эпосом вообще, а поэтику жанра и характеристику персонажей показал на примере песни о Шевкале Дудентьевиче, который был монгольским баскаком в Твери в конце 1-й четверти XIV века. Лектор эмоционально держал внимание аудитории, раскрывая зверства захватчиков, унижение, угнетение тверичей Щелканом (исторически — Чол-хан, двоюродный брат золотоордынского Узбек-хана). По-видимому, в народе дали такое прозвание — Щелкан/Шевкал, что ассоциировалось с хищностью степного шакала. В отличие от былин, исторические песни не зацикливались на татаро-монгольском нашествии, наверное, их известно слишком мало в народе. Их не так много и сохранилось. Собиратели фиксируют песни из русской истории XVI–XX веков, а более ранние — редко.

Этот сюжет интересен тем, что главным действующим лицом является отрицательный персонаж, ненавистный золотоордынский посол, сдиравший три шкуры с подвластного ему княжества, главу которого прогнал со двора. Не увидевший помощи у тверских князей, народ поднял восстание: татары были перебиты, а Шевкал сожжён на княжеском дворе. Конечно, вскоре Тверь уничтожили ханские войска. Но эта песня — памятник действительному историческому подвигу самоорганизации народа в борьбе с захватчиками. Надо было видеть сияющее от радостной улыбки, гордое за такой подвиг самопожертвования русских лицо человека, об этом рассказывающего в самом начале 1980-х годов молодому поколению! Зиновьев показал себя на этом занятии ярко выраженным патриотом. Честно сказать, забылись поэтические особенности жанра исторических песен (кроме реалистичного факта истории в качестве их тематической основы), но из лекции помню подвиг-трагедию тверичей. Во время чтения, а вернее, рассказа (это мало походило на типичную академическую учебную лекцию) В. П. всё время выходил из-за высокой кафедры и хромающей походкой, опираясь на свою палку одной рукой, а в другой держа небольшие листочки, в которые весьма редко заглядывал, ходил между рядами студентов. Голос его не был громок, но слышно было всем. Проходя возле первокурсников, он порой останавливался, словно желая заглянуть в глаза собеседникам, почувствовать отклик на услышанные события.

Елена Ивановна не просто уважала как фольклориста, она любила Валерия Петровича прежде всего как человека, за его высокие нравственные качества, за неординарные поступки, светлую искреннюю душу. Мне вообще кажется, что если как зав. кафедрой ей приходилось выбирать, то она прежде всего отдавала предпочтение не профессиональным и деловым качествам людей, а моральным, и когда со временем узнавала, что некто не соответствует её критериям, то меняла о нём мнение и старалась расстаться. Никого не идеализировала. И Валерия Петровича в том числе. Хотя Е. И. была отчасти всё же госпожой («шахиней»), за долгие годы собирания фольклора она укрепила свою природную чуткость в понимании народного слова и народной человеческой натуры. «Он настоящий мужчина — мужик!» — говорила она. Он нравился ей тем, что был сам весь пропитан и воспитан силой народной стихии, что на него можно было положиться в трудном деле (плоть от плоти из простого наро-

да). Шастина сразу почуяла в нём талантливую фольклористку, по достоинству оценила его кандидатскую диссертацию (никто о мифологических рассказах тогда ещё почти не писал, кроме знаменитой Э.В. Померанцевой) на идеологически опасную для того времени тему: советские люди не должны верить ни в Бога, ни в чёрта — и нечего об этом рассуждать, а тем более это изучать! Как фольклористы — прежде всего полевики, а не кабинетные учёные, — они всё равно были разные и в то же время, кажется мне, дополняли друг друга как профессионалы. И в преподавании, и в экспедициях (вместе так и не успели съездить) они были и не были похожими. Оба любили юмор, были правдолюбцами. Но по-разному это проявляли.

Хотя я любила Елену Ивановну, но всегда и побаивалась, а с Валерием Петровичем я дискомфорта не испытывала никогда. Мне было 30, и я не умела обижаться. Даже порой не понимала, что кто-то на факультете ко мне недоброжелателен. А когда появился Валерий Петрович, я будто почувствовала какую-то защиту.

Был неприятный случай, что я кому-то будто навредила в каких-то отношениях. Чувствую, за спиной какие-то разговоры, взгляды косые. Подходит ко мне Валерий Петрович и спрашивает, что я сделала по такому-то поводу, а я ничего понять не могу, мол, я официально никому конкретному ничего не заявляла, а просто возмутилась вслух, что некто не стал сдавать в фонд мира деньги, пренебрежительно к этому отнесясь. А оказывается, человека вызвали «на ковёр» в партком, хотя он был беспартийный. Кое-кто, видимо, решил, что я занялась доношением. После разъяснения Валерия Петровича я очень расстроилась. Но он говорил со мной тихо, как-то бережно. Он вполне понимал, что я — не сознавала, так сказать, последствий. Господи, если б не он, кто б мне это всё разъяснил, а, главное, успокоил!

Привела как-то раз дочь на работу — садик не работал или некуда было деться — одну дома не оставишь. А тут Валерий Петрович после занятий зашёл на кафедру (вторая смена была, вечером). Познакомился с Риммой, поставил свой батожок возле кресла, посадил Римму на колени и стал с ней разговаривать. Я так удивилась: дочь не раз бывала со мной на работе (я тогда вела почасовые занятия, а лаборантское время должна была после них отработать, приходилось допоздна задерживаться порой), но все без особых эмоций на неё смотрели, в разговоры, особенно мужчины, вступали редко. «Мама, смотри, Валерий Петрович нарисовал мне лошадку!». (Риммка обожала лошадей). На улицу вышли вместе. Прощаясь, В. П. нагнулся к ней и сказал тихонько (но я слышала): «Ты маму-то свою береги, желей: мамку-то твою обидеть легко...» И почему он так сказал? Может, увидел и услышал, как Римма со мной разговаривает: как бы командным тоном, мы, бывало, часто не могли поладить... Когда Валерий Петрович умирал, я ночью заплакала. Дочка спросила, почему. Я говорю, что В. П. очень сильно болеет. А она: «Не плачь, мама, он выздоровеет и ещё нарисует мне лошадку...». Я, конечно, опять в плач. Но тихо, чтоб не пугать больше дочку и родителей не разбудить.

Помню, как во время его последней экспедиции в Забайкалье в 1982 году,

в которой и я участвовала, по вечерам после дневных походов по сказителям делились впечатлениями, я спросила: «А почему мы не собираем иконы и книги?» Валерий Петрович с очень посерьёзневшим лицом — это притом, что обаятельнейшая улыбка при разговоре не сходила почти с его лица, — сказал: «Нельзя у народа забирать святое, это их память, даже если сейчас им она кажется ненужной, пусть хранится в их домах. Это — личное».

С ним можно было говорить о многом. Даже и о своем девичье-женском. Спрашиваю: «А как быть, если... парень, ну, не твоего круга? Замужем за ним будет скучно?» — «Если любишь, не соскучишься. И причём здесь разный уровень? Всегда есть общечеловеческие темы: на этом муж с женой и сходятся». — «То есть, на профессиональные темы можно поговорить и с коллегами по работе, как сказано в фильме „Выйти замуж за капитана“?» — «Вот именно, Раиса».

О твердости и независимости убеждений Валерия Петровича говорит один памятный случай. Партсобрание на факультете, открытое. Разбирается персональное дело одной преподавательницы, предлагаются жесткие меры за какие-то провинности, чуть ли не исключение из партии (а было самое начало 80-х). Когда голосовали, кажется, все подняли руки «за». Один человек воздержался. Этим членом партии был Зиновьев В. П. Елена Ивановна, привыкшая к тому, что всех можно убедить в своей позиции и всё можно обосновать, удивилась, что его мнение не совпало с массами и с её собственным, которое она уже высказывала перед этим на кафедре и, кажется, была уверена в единогласии. А Валерий Петрович просто сказал: «Так я же работаю здесь недавно, а эту женщину не знаю совсем. Мало ли что про неё говорят... А вдруг я обижу хорошего человека?» Твёрдо и так уверенно сказал.

А раз я видела, вернее, слышала, как он разговаривал со студентами. Сижу я в кабинете, а Валерий Петрович семинар ведёт по фольклору. Вдруг я стала прислушиваться к его голосу: он как-то изменился. Оказывается, Зиновьев завёл речь о чистоте в аудитории и в корпусе. И тихо так говорит: «Как же так, мусор в коридорах, а после занятий в партах, на полу бумажки. И как же так, здесь же учатся, в основном, девочки, будущие жёны, хозяйки, матери... А ведь это ваш родной второй дом, ваша Альма-матер — кормящая мать значит»... Девчонки притихли, и я не шуршу своими листочками. Учитель по призванию. Знает, какие слова найти, чтоб достало...

Помнится, был день рождения коллеги по кафедре И. В. Выходцевой, не то банкет в честь защиты кандидатской. Зиновьев сказал, поздравляя, что мало знает ещё Ирину Васильевну, но когда она входит в кабинет (тогда кафедра располагалась в 14-й аудитории), то при виде её на душе у него становится легко, и «жить хочется». Так и сказал: «... Жить хочется». Я ещё подумала: «Вот это да: какая оценка человека!». Потом, когда я видела В. П. в институте, при любом настроении у меня возникала хоть кратковременная, но радость, и хотелось жить, даже если перед этим — нет. Он сам давал такое же ощущение при встрече с другими, как определил эффект знакомства с совестливой Ириной Васильевной.

Я была у Валерия Петровича в больнице накануне операции. Поговорили о чем-то незначительном и очень коротко. Про себя я отметила, что красивые сине-голубые глаза его посветлели и стали более серыми. А через день узнала, что Валерий Петрович умирает, операция прошла неудачно, и нужна кровь. В факультетской клинике толпились студенты, сдающие кровь, и моя не понадобилась. Кровь студенты в очередь выстраивались сдавать. Тщетно. После известия о смерти в висках застучало: «Умер вчера сероглазый король...». Прошло столько лет, но и сейчас об этом так тяжело вспоминать...

Недавно, посмотрев одну из передач по телевидению, услышала о таком персональном неофициальном статусе в рабочем коллективе, как «офисное солнышко». Сразу подумала, что это место у нас, бесспорно, занимал Валерий Петрович. Наверное, он был источником душевно-духовного света и эмоционального тепла не только для членов нашей кафедры, но и других работников факультета. И, конечно, для многих студентов, особенно тех, которые хоть раз побывали с ним на фольклорной практике.

Н. И. Есипенко

«Как молоды мы были!..»

Университет

Валерия Зиновьева я встретил в стенах Иркутского госуниверситета им. А. А. Жданова. Высокий, стройный брюнет в военной форме артиллерийских войск (ракетчик). Это было в августе 1964 года. Мы, абитуриенты, поступаем на филологическое отделение историко-филологического факультета. Из нас после армии (мы служили три года) были кроме меня (авиация) и Валеры ещё Толя Луганский, Коля Бауэр и Боря Николашин. С «гражданки» — Боря Ананьин и Володя Ульянов. Остальные в нашу первую группу поступили девочки моложе нас на 3–5 лет. Вскоре мы с Валерой подружились.

После успешной сдачи вступительных экзаменов первый курс, как это тогда водилось, отправили в колхоз «на картошку» почти на месяц. Бытовых условий никаких, жили по-спартански: ночевали в клубе на полу, на тюфяках, готовили пищу сами, правда, колхоз выделял нам хлеб и мясо и, может быть, чай и сахар, ну и посуду, картошку добывали сами.

Валерий с первых же дней проявил себя, как мудрый руководитель и умелый мастер. В короткое время мы с ним соорудили во дворе печь-очаг, смастерили столы, скамейки и поставили крышу — навес от дождя.

На кухне работали наши поварахи Ира Федчина (тогда ещё Кожевникова), Таня Булавинова, Рая Наумова и ещё кто-то (вскоре мы с Таней, почувствовав себя на кухне лишними, ушли на картошку). Копали вручную: мальчики подкапывали вилами кусты, а девочки выбирали картошку, выкапывая руками

ямки, и вёдрами высыпали в мешки или в кучи. Мы с Таней по этому поводу сочинили стихи на мотив песни А. Пахмутовой «По Ангаре». Текст у меня не сохранился, а помню некоторые строки:

Надоевшее поле картошки,
 Как противно её нам копать,
 Как болят, как болят у нас ручки и ножки,
 Громко хлопает в наших носах...
 А рядок бежит, бежит куда-то
 Копают парни и девчата.
 Плетутся девочки в хвосте по борозде, по борозде,
 Плетутся мальчики в хвосте по борозде...

И когда возвращались домой в Иркутск, мы эту песню хором дружно пели в автобусе.

Потом стали учиться и получали стипендию 35 рублей. Все ребята вынуждены были подрабатывать, кто сторожами, кто в кочегарке, кто ещё где-либо. Валера учился лучше всех из нас и получал повышенную стипендию — 45 рублей.

Уже с первого курса мы с Валерой увлеклись фольклористикой, я — детским фольклором, Валера по Забайкалью: народные песни, сказки, сказания, устные рассказы, былички и другие виды фольклора, под руководством Надежды Осиповны Шаракшиновой.

Я удивлялся и восхищался его работоспособностью и страстью по собирательству фольклора у населения. В любое свободное время, в летние и даже в зимние каникулы он уезжал в экспедиции в Забайкалье, в основном в Нерчинский и другие районы, сначала один, а потом и со своими студентами. За несколько лет он досконально исследовал огромное богатство устного народного творчества Забайкалья. У него вышло много статей в различных сборниках по фольклору, несколько книг, подготовленных на его материалах его женой (вернее, его вдовой) Галиной Николаевной Зиновьевой и его последователями Наталией Новиковой и другими.

Несколько оригинальных сказок В. Зиновьева, которые он записал в своё время, были изданы в двухтомнике собирателя и составителя Н. Есипенка «Байкала-озера сказки», вышедшем в свет стотысячным тиражом в Ленинграде в 1989 году, а затем в Японии в 1994 году.

В свои ещё молодые годы наш Валера уже стал известным большим учёным-исследователем. Не зря некоторые фольклористы говорили, что после Валерия Петровича Зиновьева в Забайкалье делать нечего.

Валера с Галей Кокориной поженились на втором курсе университета. Это была замечательная пара: и статью, и красотой, и характером подходящая друг другу. Жить было им негде, и тогда мы вместе (моя жена Алла Фёдоровна с дочкой Ирой и Валера с Галей) сняли дом на улице Подгорной, 20, где вместе прожили несколько лет. Там же вскоре у Зиновьевых родилась дочь Инга. Жили

дружно и весело и даже вчетвером готовились к сессиям. Книг по русской и зарубежной литературе нужно было прочитать множество, и то, что не успевали одолеть до сессии, распределяли на четверых (в том числе и на Аллу), штудировали произведения каждый отдельно, а потом пересказывали содержание остальным, и всё получалось хорошо — экзамены сдавали успешно.

В университете мы с Валерой в течение нескольких курсов занимались в лыжной секции, в основном по три дня в неделю, в том числе и в выходные. Весной и осенью в бесснежье бегали по асфальту в парках города на роликах, а зимой, естественно — на лыжах в лесу. Участвовали в различных городских соревнованиях, бегали на пять, десять, пятнадцать и даже тридцать километров. Призовых мест не занимали, но и приходили к финишу не последними. Имели спортивные разряды. Этим мы поддерживали свою хорошую физическую форму.

Как-то наша первая группа сдружилась с замечательными людьми, нашими преподавателями, с супружеской парой Евстолией Николаевной Петуховой и Павлом Григорьевичем Соколовым — «Соколопетами». Несмотря на разницу в возрасте, мы близко общались: отмечали вместе и праздники, и дни рождения и вместе путешествовали. Некоторые из нас называли их папой и мамой (Евстолия Николаевна была куратором нашей группы). К сожалению, их, как и Валеры, уже нет в живых. Вечная им память!

После окончания университета Зиновьевы по распределению уехали в Бирюлюку Качугского района работать в средней школе преподавателями русского языка и литературы, где и прожили два года.

На Лене-реке

Как-то летом 1970 года Валера по аспирантским делам (в аспирантуру поступил сразу после окончания университета) был в Иркутске и предложил нам поехать к ним на Лену порыбачить. С нами захотела поехать и моя мама Елизавета Максимовна (ей тогда было 67 лет). Мы с Валерой посадили её в автобус, вручили ей наши рыболовные снасти и удочки, а сами на моём мотороллере «Турист» поехали следом. Маму попутчики спрашивали: «Что, бабушка, на рыбалку едешь?» «Конечно, а как же иначе», — отвечала она им. И все удивлённо смеялись. Дорога Качугского тракта тогда была отвратительной: до Баяндая разбитый асфальт, а далее трясучая гравийка. Мотороллер с маленькими колёсами порой зарывался в рыхлый гравий, нас кидало из стороны в сторону, и мы чуть не падали, рулили по очереди (Валера старый мотоциклист).

В Бирюлюку (километров за двадцать от Качуга) по просёлочной дороге мы добрались ещё засветло. Баба Лиза, как её звали Инга и Галя, уже была там, они её встретили (мы выехали несколько позже автобуса). Вечером пригласили соседей — новых друзей Зиновьевых и закатали праздничный гранд ужин.

Наутро всей семьёй отправились на берег Лены, сели в лодку и поплыли вниз по течению. Моторная лодка принадлежала соседу Зиновьевых, и Валера

мог пользоваться ею как своей. Вода в Лене была удивительно прозрачной и на дне даже видны были отдельные рыбины. Через некоторое время на правом берегу реки на косогоре показалась довольно большая поляна. На ней росла замечательная ягода, лесная клубника, по местному — «пёстрая» (по виду красно-белобокая). Ягода была не очень рясная (тут мы были уже не первые), тем не менее, за пару часов по маленькому ведёрку мы её набрали. Обрато возвращались на моторе.

На следующий день, рано утром, прихватив небольшой запас продуктов и рыболовные снасти, мы с Валерой на этой же лодке отправились на рыбалку вверх по течению Лены. По левому берегу реки рос в основном лес — ели, сосны, берёзы, по правому — небольшие поля и поляны.

Шли в основном на моторе, на мелких местах, на порогах лодку тащили вброд (благо, были в «болотниках» — сапоги такие резиновые высокие). Таким образом прошли километров 30–35. Недалеко от деревни Чанчур в назначенном месте уже вечером сделали стоянку. Развели костёр на берегу (хорошо, в лесу сушняк полно). Плотно поужинали. Перебрали сплавную сетёнку и, когда стемнело, стали её сплавлять по течению реки, на нижнем плёсе в улове, надеясь рыбки почерпнуть достаточно. Да не тут-то было: несколько раз сеть цеплялась за коряги на дне, и мы изрядно её порвали, так и не поймав ни одной рыбки.

Но всё было ещё впереди...

Благополучно переночевав, вернее, допочевав у костра, с утра мы продолжили рыбалку, но уже другим методом. У нас были так называемые «кораблики», или «санки» — это небольшое сооружение из двух дощечек сантиметров 35 на 25, к ним на дуге привязывается толстая леска, на которой на поводках искусственная приманка — «мушки». «Кораблик» ставишь на воду, спускаешь медленно бечёвку, и он с помощью течения может уплывать почти перпендикулярно сколь угодно далеко, утягивая по поверхности воды леску с «мушками». Перемещаясь по берегу вниз или вверх, можно охватить большой участок реки. Рыба, хариус, видя снизу «мушки» и принимая их за настоящих мух, хватает их и цепляется на крючки. Остальное — дело техники: выматываешь леску с рыбой, снимаешь её с крючков и — в сумку. Таким способом на Лене и на Ангаре сибиряки, даже женщины, неплохо рыбачат.

Экипировались: на ноги «болотники», через плечо сумки — у Валеры большая брезентовая, а у меня полиэтиленовая, тоже большая... понятное дело — «кораблики». Расположились: я на левом берегу, Валера — на правом. Клевало неплохо. Вытаскиваю хариусов (граммов по 200–300), кидаю, не глядя, в сумку. Вдруг Валера кричит (он ниже по течению стоял):

— Коля, что это рыба от тебя вверх брюхом плывёт!

Посмотрел в сумку, а там несколько хариусов, а должно быть чуть ли не полсумки, а сбоку сумки по шву — дыра.

— Ёлки-палки! — кричу. — Я весь улов упустил через дыру и не заметил!

Заменил сумку, продолжили рыбачить. Но к вечеру рыба стала плохо браться, и мы завершили «саночную» рыбалку. В общей сложности с ведро хариуса наловили.

На повороте через речку когда-то давно упало огромное дерево, его заилило, и образовался небольшой водопад, а перед ним — плёс, улово. Решили переправиться на улово. Валера — мудрый мужик — сказал, как мне надо действовать. Разогнал лодку, я с ним на корме. Нос лодки задрался, и когда она оказалась наполовину за водопадом, он резко сбросил газ, поднял мотор, а я бегом на нос лодки, она перевесилась. И вот мы уже на другой стороне водопада.

Смеркалось, мы приготовили спиннинги с приманкой, похожей на мышь. У Валеры хорошая удочка — достаточно длинная и гибкая, а у меня — короткая и неудобная. Первый бросок он не рассчитал, и его настрой перелетел через речку (метров тридцать) и зацепился за высокий куст черёмухи. Пришлось переплывать на лодке на противоположный берег, лезть на дерево и отцеплять трёхъякорный крючок. Вернувшись на прежнее место, стали забрасывать снасти более сосредоточенно. Закинешь «мышь» и начинаешь потихоньку выматывать леску. «Мышь» движется по поверхности воды, как настоящая, оставляя за собой на воде бороздку. И вдруг всплеск и рывок, это ленок её схватил, подсекаешь рыбину, и начинается борьба. Но силы не равные, и с бьющимся от азарта сердцем вытаскиваешь на берег серебристо-золотистого ленка — радость, восторг неопишутые... Хотя и ночь, но всё достаточно видно.

Таким образом, выудили штук пятнадцать рыбин весом от одного килограмма до четырёх. Валера добыл раза в два больше моего, что поделаешь, спиннинг у него лучше, закидывал настрой дальше, под противоположный берег на самую яму. И вообще он всегда опережал меня, хотя и был моложе на год.

После полуночи напоззли тучи, грянул гром и разразился ливень, пришлось срочно эвакуироваться. По легкомыслию мы заранее не построили шалаш и не заготовили сухих дров. Пристроив у берега лодку, бегом кинулись к месту ночлега разводив костёр. Не тут-то было — спички начисто отсырели и не загорались, хотя и были завёрнуты в целлофановый мешочек. Бывалые люди говорят, что спички надо хранить в презервативах. Зажигалок у нас не было.

Что делать?! Без костра, мокрые насквозь, хотя и месяц июль, но ночи стояли холодные, мы элементарно замёрзнем... И тут уже я проявил сноровку. Отобрав несколько не раскисших спичек, отломив от коробка тёрку, мы пошли к лодке. Нацедили в банку немного бензина из бачка, открыли капот мотора, натыкали вокруг цилиндра уцелевшие спички и тёрку. Нос лодки уткнули в берег и завели мотор... Через некоторое время мотор нагрелся, и спички просохли. С большой осторожностью мы их вынули и пошли к кострищу, плеснули на дрова бензин и стали не дыша пытаться зажечь спички — первая сломалась, у второй раскрошилась головка и — о, радость! — третья, зашипев, загорелась... Вспыхнул бензин, загорелись дрова — ура, мы спасены!

Развели большой костёр, разделись донага и развесили одежду у костра под навесом сушиться. Согрелись (а так уж зуб на зуб не попадал), переоделись в сухое и стали готовить ужин, вернее, завтрак уже. На рожне напекли рыбы, с собой у нас были хлеб, соль и кое-какие овощи. Была припасена и бутылочка водки. Раньше мы без нужды не выпивали.

— Ну что, Валера, живём! — радостно улыбаюсь я.

— Ух, хорошо, аж жить охота, Коля! — восклицает он свою любимую при- сказку.

Выпили чокнувшись из кружек водочки и навалились на еду, съели по не- сколько свежих, печёных на рожне хариусов — вкуснотища необыкновенная, тем более проголодались, днём почти ничего не ели — некогда было. Разомле- ли от еды и улеглись спать в тёплые постели.

А дождь, ливень, продолжался с новой силой, но нам он уже был нипочем.

Проспали почти полдня. Нас разбудил лодочный мотор. Это спускался рыбнадзор из Чанчура. Дождь почти прекратился.

— Ну что, мужики, рыбачим? — спрашивают.

— Да вот на удочки немного вчера поймали, присаживайтесь к столу, уго- стим и вас, — отвечаем.

Пока двое из них разговаривали с нами, третий пошел шариться по лесу, мол, травку поищу — пчела укусила. Мы-то поняли: ищет сети (на удочки ры- бачить разрешалось, а на сети — ни-ни — штраф и конфискация). Но Валера, не дурак, так спрятал сеть, что мы потом и сами еле её нашли.

Дождь прекратился, и даже выглянуло солнышко. Наскоро перекусив, за- гасив костёр, спустились к лодке, хорошо, что мы её вытащили на берег: Лена сделалась жёлто-бурой и буквально вздулась. Мы торопились, дома нас ждали ещё вчера. Спустили на воду лодку, завели мотор и помчались. Никаких порог- гов, их как и не бывало, местами Лена вышла из берегов, и однажды, не впи- савшись в поворот, лодка выскочила на залитый водой луг. Но всё обошлось. К вечеру добрались до дома, в Бирюлюку. Радости у родных было немало.

Наутро встали, позавтракали и поехали на мотороллере, сначала до Качуга (у Валеры там были дела), а я потом один — в Иркутск.

Но наши приключения, оказывается, ещё не кончились. Дождя уже не было, и выглядывало солнышко. Дорога просёлочная была ужас какая: сплош- ные промоины и ямы, в которые мотороллер нырял по самый капот, но на душе было отрадно и весело, и мы горланили песни, — что значит молодость! Местами через дорогу с косогоров бурлили потоки воды, и мы, как Гулли- веры, плыли по этому морю по колено. В одном месте ручей превратился в речку и разрушил мостик, машины стояли, а нам хоть бы что: решили пере- бираться вброд. На середине ручья ухнули в воду чуть ли не по плечи. Мо- тор, естественно, заглох, пришлось мотороллер вытаскивать на берег на ру- ках. Разобрали движок, просушили его, обсохли сами, завелись и поехали дальше.

Валера, как я говорил, остался в Качуге, а я поехал дальше. Дорога, где был асфальт, подсохла на середине от проезжающих машин, а по бокам — грязная скользкая жижа. От встречного грузовика я вынужден был свернуть на обочину и грохнулся, как подкошенный, в грязь. На багажнике было крепко привязано полное ведро рыбы, и оно уцелело. Дома меня нетерпеливо поджи- дали жена, доча Ира и маленький сынишка Ваня. Открыли увязанное ведро и ужаснулись — там была каша из рыбы с оторванными головами. Тем не менее,

рыба — хариусы и ленки — оказалась очень вкусны, и мы ели её с большим удовольствием.

Так закончилось наше путешествие по прекрасной Лене-реке.

На Ангаре

Когда ещё учились в вузе, а потом работали (Валера преподавал в университете, а я работал редактором сначала на телевидении, а потом в Восточно-Сибирском книжном издательстве), мы любили путешествовать по Ангаре, вернее, в основном по Иркутскому водохранилищу. В выходные дни рыбачили, охотились осенью на уток, собирали ягоду и грибы.

Но до этого однажды, в субботу вечером (тогда ещё вместе жили на Подгорной улице), мы с Валерой пошли с удочками на остров Юность. С моста через протоку и с берега рыбачили мужики. Сверху было видно, как плавают под мостом сорога и окуни. Мужики то и дело вытаскивали рыбу, а у нас — ни поклёвки. Оказалось, что они ловили на опарышей (куколки зелёных мух), а мы-то на обыкновенных дождевых червей (эта рыба ими пренебрегала). Пришли домой ни с чем и за одну ночь соорудили небольшую сетёнку.

Вернулись на Ангару уже под утро. Поставили в улове сеть, отметив, что вода в протоке значительно упала. Но что это такое? Течение воды в протоке вдруг совсем прекратилось, а в бывшем русле образовались лужи, которые быстро исчезали. Тогда мы кинулись к лужицам и стали ловить в воде, а потом и собирать с песка рыбу прямо руками. В сеть тоже немного попало, хотя она лежала уже на суше. Таким образом «нарыбачили» два больших целлофановых пакета. Больше мы туда не ходили — не интересна такая рыбалка, хотя нам сторож с рыбопроизводного заводика рассказал, что такое явление происходит почти каждое утро. Иркутская ГЭС, когда ночью потребление электроэнергии в городе значительно уменьшается, прикрывает шлюзы — в водохранилище уровень воды за ночь немного повышается, а ниже плотины резко падает, осушая протоки. Экономия воды, а рыба гибнет, не успевая уйти в Ангару.

Первая поездка на заливы Иркутского моря (как называют водохранилище некоторые иркутяне) у нас состоялась на велосипедах в конце августа. У Валеры велосипед был надёжный с широкими ободами — «Харьков», а у меня с узкими, полуспортивный «Спутник», но и он выдержал трудные дороги. Из Иркутска выехали рано утром сначала по гравийке, усыпанной булыжниками, трясло, аж до мозгов доставало. Заехали в посёлок Мельничная падь (там стояла когда-то водяная мельница, а потом — большая мех. пилорама). Задерживаться там не стали и поехали вдоль заливов, где по тропинкам, а где и просто по лесу перескакивая или перелезая через валежины.

К вечеру добрались до Новогрудининского залива. Развели на берегу костёр, перекусили и залегли спать. С устатка спали как убитые, да и вообще в наши молодые годы всегда хорошо спалось, даже без сновидений.

Утром встали рано, без всяких будильников. Начали рыбачить спиннингами на блесну — я на одном берегу залива, Валера — на другом. Вдруг слышу хлопанье крыльев, а потом и вижу летящего через меня глухаря.

— Валера! — ору. — На тебя глухарь летит!

У него реакция была мгновенной: скинул с плеча ружьё и с одного выстрела сразил поравнявшуюся с ним птицу, она упала прямо к его ногам. Он умел метко поражать цель даже на лету. Первая добыча — есть!

На этом заливе поймали несколько небольших щук, ещё подстрелили несколько уток-селезней. Хорошо! И охота здесь и рыбалка замечательные, что ещё надо. Нет, нам хотелось видеть новые места. Двинулись дальше: места красивые, заливы прекрасные, тишина, благоухание, в душе — восторг. Возле Малого Калея, неглубокий залив такой, набрали на болотную голубицу — собирали.

Добрались до огромного глубокого залива — Большой Калей. На берегу чьи-то поля и луга, на пригорке молодой сосняк, где было море рыжиков и маслят — хорошо насобирали, по рюкзаку. Построений-дач там тогда ещё никаких не было — простор! С пригорка увидели у берега стайку уток. Подкрадываемся. Первым выстрелил Валера. Одна утка перевернулась — попал (!), а потом, как ни в чём не бывало, вернулась в прежнее положение. Из-под крутого бережка как заорут:

— Эй, вы там, сдурели? Не стреляйте — это подсадные утки! — и крепкие выражения.

Ё-моё, так опростоволосились. Подошли к охотнику, извинились, похвалили за искусные чучела уток, за живую подсадную, которая могла орать во всё горло, подзывая диких селезней.

Слава Богу, обошлось! Но смеху было!

Пора возвращаться, был бы в запасе день, мы и до Курмы бы добрались — самый большой и самый глубокий залив на водохранилище.

На обратном пути сделали близ Новогрудинино привал. Из последних продуктов: кусочек сала (поджарили с луком на крышке котелка), горбушка хлеба, соль, черемша и много грибов, а ещё оставалась пара картошек — сварили хлёбово — то ли суп, то ли каша. Вкуснотища, съели всё. Птицу и рыбу трогать не стали — домой! Заехали в Новогрудинино, в магазине купили, какие были, пряники столетней давности, что даже еле поддавались нашим крепким зубам. Поехали дальше без приключений, если не считать, что чуть не разбились, спускаясь с горы по узким глубоким колеям лесовозной дороги.

Домой прибыли уже поздно вечером, проделав на велосипедах в общей сложности километров восемьдесят, смертельно усталые, но ужасно довольные.

Когда у Валеры появилась лёгкая лодка «Казанка» с булями и мотор «Вихрь-20», мы часто летом и особенно осенью разъезжали по водохранилищу, рыбачили и охотились довольно успешно. Освоили почти все заливы и речушки Иркутского моря. Не раз гостили в доме на Большой речке у мамы Любы

Окульской (нашей однокурсницы). Но нам этого уже было мало. И мы решили как-нибудь пойти на лодке в путешествие по Байкалу.

Здравствуй, Байкал

Из бортового журнала.

Капитан В. Зиновьев, штурман Н. Есипенко

Наконец наша мечта стала осуществляться. Собрались к походу 25 июля 1973 года на лодке «Казанка» с булями, мотор «Вихрь-25». Взяли 150 л бензина, груз составил 100 кг, и мы, два человека 150 кг, — итого получилось 400 кг. Максимальная загрузка для такой лодки.

Из Иркутска вышли в 16.15. Прошли Бурдаковку, Большую речку и через пару часов были в порту Байкал, израсходовав бачок бензина — 20 л. Стали искать дом Пакулова, ещё в Молчановском распадке спросили старика Бабаева, где тут Пакуловы живут из Иркутска. «Здесь нет таких, здесь все местные», — отвечает. Пришлось ехать в сам порт, на Баранчик. Там нашли молодого писателя В. Жемчужникова, и он уже отвёл нас через гору в падь Молчановскую (!) к Глебу Пакулову (тогда ещё также начинающему писателю, а я был его редактором). Глеб, его жена Тамара, её мать Ольга Евстафьевна — гостеприимные, благодущные люди — накормили нас, напоили и на ночь спать уложили, а в дорогу дали ведро чуть ли не последней картошки.

26 июля в 13.40 отплыли из порта Байкал. Глеб напутствовал: «Держитесь недалеко от берега: Байкал непредсказуемый — в любой момент загудит, поднимет вал, надо быстро выбираться на берег — не то перевернёт лодку». Погода стояла великолепная: ни ветерка, вода гладкая, как расплавленное стекло. Горы отражались в воде отчётливо, только вниз вершинами.

В 15 часов дошли до пади Кадильная, у Выворотня сварили чай, пообедали. В 15.15 двинулись дальше. Большое Голоустное — жёлтая вода, прошли в 16.50, бухту Песчаная — в 18.05.

В 18.45 заменили третий бак (из семи осталось четыре). Подробно описываю расход горючего и время продвижения, чтобы ориентироваться самим в следующем походе, может, и другим пригодится.

Идём от берега в пятнадцати километрах с мыса на мыс, забыв Глебовы наставления — торопимся. В 17.40 поравнялись с Бугульдейкой, пошла крупная рябь, лодку трясёт, как на тракторной колее. От устья Бугульдейки, а также от мыса Крестовый до противоположного берега, до устья Селенги, самое узкое место на Байкале — километров тридцать-тридцать пять.

19.45 — усиливается ветер, безлесье, неприступные скалы, хорошо, что минут через пятнадцать-двадцать ветер снова утих. На противоположной стороне Байкала розовые-розовые облака, как горы.

20.30 — мыс Крестовый, кончился четвёртый бачок бензина. До Усть-Анги надо успеть затемно, солнце уже скрылось. Холодно, брр! — студёный Байкал!

22 часа — устье Усть-Анги: глубокая бухта, травянистая, трудно найти вход в речку, особенно в сумерках. Два часа блудили по залитому лугу (уровень Байкала из-за наводнений на реках поднялся на метр). Поставили в заливе небольшую сетёнку. Переночевали у костерка рыбаков из Еланцов (12 км вверх по Анге). В заливе — щуки, сорога, окуни — на хорошую уху добыли.

27 июля отметили день рождения Валеры, выпили немного вина. Недалеко от бухты пробовали рыбачить на спиннинги хариуса — ничего.

Часов в 18 пошли дальше, в МРС. Про Малое море и Ворота рассказывали страсти: если тут захватит Сарма — ветер такой свирепый из ущелья речки Сармы прихватит неожиданно — то каюк.

В 18.45 подошли к Воротам — пролив между о. Ольхон и материком — ветер, резкий ветер. Вошли в Ворота, заглох мотор — кончился пятый бачок. Ё-моё!.. Но, к счастью, ветер вскоре утих.

19.00 Ура! Мы в МРСе, в Малом море (нынче Сахюрта — посёлок рыбацкий и турбаза). Хотели заправиться горючим — не вышло: заправка работает до пяти вечера, да и то по талонам (теперь-то всё за деньги).

В тихом затончике, напротив устья Сармы, плескалась рыба. Удили на дождевого червя — бесполезно — окуни соберутся (вода светлая, всё видно) вокруг наживки, смотрят, а не клюют. Поставили сетёнку, уже в темноте поплыли в залив Мухор. Темно, скалистые острова, берег нашли по огонькам костров и машин отдыхающих рыбаков. Хорошо, прихватили с собой сушняка на дрова, на берегу — ни сучка, ни палочки.

28 июля. Утром проверили сеть: 22 средних окуня. Сварили двойную уху, хватило бы на четверых, но всё съели вдвоём. Сеть оставили на вторую ночь. До четырёх часов вечера занимались ремонтом лодки, заклепали ослабшие три заклёпки в корме — пропускали воду, подготовили — и не зря — запасной мотор «Ветерок-12».

Решили поехать на Сарму — надо же посмотреть на эту знаменитую речку. По ней на моторе даже до гор не дойти — мелко. Лодку оставили у берега в траве. Пешком напрямик километров пять.

Сарма так Сарма — рвёт и мечет под уклон. В горах, откуда Сарма вырывается к Байкалу, — огромная чаша, горы очень высокие, и по дну этой чаши Сарма разделяется на несколько бурных рукавов, а по выходу в ущелье они сбегаются в единое русло. Вот оттуда с гор и срывается свирепый и коварный ветер Сарма. Прошли по тропе дальше, пробовали рыбачить — ни рыбешки — в эту пору хариус в верховье. Вода в речке чистая, холодная — её исток в гольцах Приморского хребта.

Валера остался рыбачить в одном месте (вроде клюнуло пару раз), а я пошёл дальше, и не могу остановиться, за каждым поворотом цветущие поляны, а небо синее-синее — красотища. Валера уже не раз звал вернуться, а я не могу, кричу: «Сейчас, сейчас». А сам иду и иду дальше, будто меня кто-то подталкивает и манит вперёд. В. Г. Распутин потом нам сказал, что это была Заманка — горный лесной дух. Валеры уже не было слышно. И вдруг я очнулся, помотал головой и помчался обратно. Выйдя из ущелья на предгорную поляну,

уже в сумерках я увидел, как слева от горы отделилось белое облачко и поплыло наперерез моего пути. Ближе оно превратилось в силуэт женщины в белой фате. «Синильга»², — мелькнула мысль, и я стоял и не мог пошевелиться от ужаса. Волосы на голове (тогда они у меня ещё были) встали дыбом. И вдруг со стороны Байкала раздался резкий громкий свист — это Валера. Фигура стала растворяться и исчезла — мистика. Я сорвался с места и побежал-полетел по каменистой тропе со скоростью лани. Валера нетерпеливо ждал у лодки и ворчал. Я всё ему рассказал, не знаю — поверил ли, но простил.

Заночевали на прежнем месте. Ночью в лодку забрались коровы и съели почти весь хлеб (пришлось потом заезжать в посёлок, восполнять запас). За ночь в сетушку попало аж 46 окуней. Сделали решётку из проволоки и запекли с обеих сторон на костре рыбу. Шкурка вместе с чешуёй легко снималась, обнажая белое пахучее мясо, внутренности спеклись и без труда вынимались. Наелись досыта.

29 июля. В 18.30 вышли из МРС. Долго и нудно заправлялись горючим (манежил старик-заправщик). Ночевали снова в устье Анги.

30 июля. В два часа дня из Усть-Анги взяли курс на устье Селенги — на прямую километров 60. Дул слабый ветер, волна умеренная, километров за семь от берега ветер стал крепчать, увеличились волны, вскоре нос лодки стал зарываться. К середине Байкала волны вовсю разгулялись, перехлёстывая ветровое стекло. Сажу на корме в кожанке, в брезентовых штанах, в сапогах, словно в холоднющей ванне. Вошли в сор, так называемый вынос Селенги, чуть ли не до середины моря — мусор, щепки, коряги, брёвна, трава. На винт мотора наматалась трава, мотор заглох, вдогонку в корму хлынула вода, лодка медленно стала тонуть. Благо, было ведро, быстро стали вычерпывать воду, лодка выровнялась, очистили винт, поехали. Через каждые 50–100 метров всё повторялось. Сменили «Вихрь» на «Ветерок», стало легче: наматается на винт трава, не останавливаясь, поднимаешь мотор, сбавив обороты — трава разлетается, и дальше вперёд. Вошли в устье Селенги — вокруг на километры зелёный камыш, берега не видно, но здесь уже нет волны и потеплело. В этот период было большое наводнение (на четыре метра поднялся уровень воды в реке). Такое наводнение, говорят, было 75 лет назад. Долго плутали по протокам в поиске берега. Наконец, впереди среди вод заметили избушку. Направились туда.

Нам повезло — там были егеря, старик с сыном, они спасали ондатру — сооружали и расставляли плотки для этих зверьков. Печка жарко натоплена — очень кстати — мы промокли до последней нитки.

Отец и сын Колодезниковы из Байкало-Кудары (в двенадцати километрах от устья вверх по Селенге) оказались приветливыми людьми: обогрели, накормили и оставили у себя ночевать. Распили бутылочку спирта — наш НЗ, слушали рассказы старика о ранешнем времени на Байкале. В дорогу они нам дали две большие рыбины — сига и сазана.

²С и н и л г а — образ лесной женщины у В. Я. Шишкова в романе «Угрюм-река», у бурят.

31 июля. В 13 часов мы отправились дальше. Егеря в ту же минуту поплыли домой. Мы рассчитывали в этот день дойти до Бабушкина, на худой конец до Боярска. Но долго выбирались из устья, и много времени ушло в «соре» Селенги: опять частые остановки, из-за травы пришлось выплывать чуть ли не на середину Байкала. Встречная, короткая, довольно высокая и хлёткая волна, опасность напороться на бревно или корягу — всё это страшно задерживало передвижение. Шли очень далеко от берега, который виднелся как в дымке. Это путешествие, казалось, было самым трудным и опасным. Но лодка — молодец, «Вихрь» — отличный парень, Валера ему под стать.

Показалось какое-то селение. Надеялись, хоть бы Боярск. Пристали. Нас тут же окружили люди. Наш первый вопрос, что за селение? — Посольское (!!!) Вот это да! Пять часов нас болтало, сожгли 2,5 бачка горючки (сумели перелить из канистры в бачок на ходу), и в результате — прошли менее трети пути. Мимо Посольского мы рассчитывали пройти не более чем через полтора часа. Замёрзли опять страшно. Люди на берегу тут же рассказали: «Штормит уже четыре дня, шурует необыкновенный Култук, и дня четыре до вас тут утонуло пять человек на «Казанке» же. Её выбросило на берег в Посольском. Ну, отчаянные вы мужики, выжили». У костра мало-мало согрелись, обсушились, — дров на берегу полно. Эту ночь спали в палатке на камнях (приходилось ночевать чуть ли не на болоте — в Усть-Анге). Палатка — молодец! Штормило всю ночь.

Удивительное дело: столько раз промерзали до костей и не простудились, даже ни разу не чихнули.

1 августа 73 года, встали в 5.30. Утро изумительное: яркое солнышко. На Байкале тишина и гладь. В 6.00 взяли курс на Танхой по компасу и карте, берег в тумане — видны только вершины гор. За 3,5 часа дошли до Танхой. Только зашли в речку под ж/д мостом (Переёмная), только сварили обед, как нагрелась Горная, может быть, Баргузин — страшный ветер, посильнее Култука ревёт и мечет. В момент разбушевались огромные пенистые волны. С Байкала помчались холодные низкие серые тучи, но в устье реки Переёмной спокойно и хорошо (прикрывала высокая гора), а на душе неотрадно, надо ехать, рассчитывали быть в Иркутске утром 2-го августа, а тут опять задержка. Сунулись было в Байкал, но только вынырнули из-под моста — ударила такая волна, что наше судёнышко чуть не опрокинулось с носа на корму, чудом унесли ноги в свой отстой. И не удивительно — гребешки волн достигали высокого моста.

Ждали покоя несколько часов, обследовали всё побережье речки. Места здесь очень красивые (Баргузинский заповедник): лесистые горы высокие, пади, распадки, озёра-старички — великолепии. Пытались рыбачить, но на рыбу нам не везло (мы даже подаренную где-то забыли). Время идёт, на душе беспокойно. Сварили из последнего кашу, поели. И вдруг так же внезапно, как начался, ветер моментально утих.

20.00, вышли в Байкал. Волны — валы, прямо настоящие горы — я в жизни не видал таких огромных волн, но пологие, без гребешков. Валерий — рискованный парень — погнался лодку, я бы один никогда не отважился. Взлетишь,

вернее, вскарабкаешься на такую гору, мотор с трудом выталкивает лодку, аж с надрывом, вокруг далеко видать с верхушки волны. И вдруг волна уходит, и начинаешь скользить вниз быстро-быстро в яму, откуда видны по бокам две горы воды да вверху небо. И опять на гору, и опять в яму, до бесконечности. Вот и ещё оказалось самое тяжёлое, опасное путешествие. Но лодка ведёт себя отлично, очень устойчиво, «Вихрь» — выше похвалы — работал чётко, удерживал лодку на гребне волны почти горизонтально, а шли наискось волны. Заглохни мотор, и нас бы с верхом накрыло многометровым валом. Валерка — отличный невозмутимый капитан — за штурвалом. Да и я уж не плохой штурман: дрожь от страха и восторга, сидя на корме, чётко вычисляю курс по компасу и карте на Листвянку.

Через полчаса хода пропал во мгле берег, от которого мы отчалили, а противоположного, нашего, и в помине нет, глухая темень.

Прошел час пути, впереди навстречу нам надвигается ужасная сверкающая и грохочущая гроза. Подул встречный ветер, на большой волне появились, взбеленились мелкие барашки, через стекло нас стало окатывать водой. Вскоре впереди сквозь мглу прорезались тёмные вершины гор Прибайкальского хребта, а потом замелькали огоньки маяков и селения. Точно вышли на Листвянку. Но что такое? Наперерез нам движется «Маячный» огонёк и надвигается тёмная громада корабля. Но капитан Валерий знал своё дело: в метре проскочил под носом у корабля — это шёл последним вечерним рейсом «Бабушкин». Нас там даже и не заметили.

Ровно в 22.00 ткнулись в берег Молчановской пади. Привычно, одним махом, выдернули лодку на берег. Хлынул ливень, мы бегом в гору к дому Глеба Пакулова.

Уха будто нас и ждала.

2 августа. Проснулись в тёплых и мягких кроватях (даже непривычно). Днём рыбачили в истоке Ангары. Глебушка, так его звали близкие и друзья, как всегда, был на высоте: поймал с десятков добрых хариусов-марсовиков, а мы с Валерой только настрои ангарские утопили (не умели ещё тогда на такую снасть здесь рыбачить), чем ввели хозяина в «разорение». Весь день моросил с переменным успехом мелкий, противный дождь.

3 августа (а, решили на денёк задержаться) выехали домой. Утро выдалось тихое, солнечное, погода такая же, как в первые дни нашего путешествия. Путь от истока Ангары до Иркутска, путь, который раньше был трудным и долгим, сейчас показался лёгкой и приятной прогулкой.

Так закончилось наше давнее путешествие по Байкалу.

Прошло много лет. У Валерия Петровича выросли, взрослыми стали замечательные дети Инга Валерьевна и Кирилл Валерьевич, у него и Галины Николаевны сейчас много внуков и внуков, а теперь уже есть и правнук — Валерий Петрович Зиновьев.

Его прадед был и есть по-настоящему большой учёный-исследователь, надёжный товарищ и друг, отличный отец.

Валерия Петровича Зиновьева-старшего сейчас уже нет с нами, но он жив, ибо, как сказал писатель и философ Морис Метерлинк в своей книге «Синяя птица»: пока о человеке живёт память, он жив и будет жить!

Он будет жить в своих детях, внуках и правнуках!

Б. И. Кузнецов

Бесконечно благодарен судьбе...

Мы познакомились летом 1977 или 1978 года (год точно не помню). У меня забарахлил мотоцикл М-72. Нужно было снять маховик и поменять в нем фетровый сальник. А маховик сидел на конусе коленвала и фиксировался шпонкой. Специального съемника не было, и тут Валера предложил оригинальное решение. С помощью деревянных клиньев ремонт быстро закончили. Разговорились. Оказалось, что мы земляки и у нас много общего. Незаметно знакомство переросло в искреннюю дружбу. Как будто само собой он познакомил меня с родителями, где я сразу стал своим человеком. Настоящим увлечением для Валеры была рыбалка, и, естественно, к ней он подключил и меня. После работы мы заправляли мой старый «Москвич» и успевали на последний рейс «Бабушкина». Напротив причала жила Валерина студентка, и мы ставили там машину, когда хотели. Каково же было наше удивление, когда рано утром нас остановили новые хозяева дома. Оказалось, что они уже больше месяца не могут понять, кто же мы такие.

Рыбалка вдвоем всю ночь в лодке это отдельный разговор. Сколько было переговорено за это время! А если вовсю светила луна или шел дождь, рыбалки не было и мы пели песни, которых он знал множество.

В каникулы Валера возил студентов собирать фольклор в Забайкалье. Умение найти общий язык с местными жителями было у него в крови. Почти обязательным у деревенских было желание поколотить приезжих, унижить. Но Валера как-то незаметно мирно решал все вопросы: наколет дров, поправит забор и т.д. С каким увлечением он расшифровывал эти рукописные или магнитофонные записи стариков. На общей кухне в общежитии у него был оборудован стол, и он ночи напролет занимался любимым делом. Вспоминаю, как под утро часов в пять-шесть он будил меня и зачитывал вслух расшифрованные магнитофонные записи. Я поражался тому, как сильно он любил и чувствовал забайкальский выговор и самобытность.

Однажды Валера привел поэта Ростислава Филиппова и позвал меня. Филиппов в свое время работал в газете «Забайкальский рабочий» и много ездил по Забайкалью. Оказалось, у нас немало общих знакомых. За разговором просидели до четырех утра.

Помню, как Валера купил в порту Байкал мотоцикл. Поездил там и решил перегнать его в Иркутск. Закончил курсы, получил права и приехал на нем домой. На 23 километре Байкальского тракта стояла часть ПВО, где

Валера проходил месячную военную переподготовку летом 1980 года. Здесь он исполнял обязанности ушедшего в отпуск замполита. Время у него было, и он рыбачил на 21 километре. Накануне аварии вечером мы привезли две канистры с бензином, а утром в окно я увидел, как он уезжает. Потом была авария и больница. Я не навещал его сразу, наблюдал за Галей, а она была чернее ночи. И когда на лице ее появилась улыбка, я пошел увидеть его. Он все еще был очень возбужден, очень рад моему визиту. А я принес хромированные гайки и стал настраивать аппарат Илизарова.

Валера был крепким, сильным мужчиной и скоро поднялся на ноги. Мы увезли мотоцикл ко мне на работу, и он на костылях отремонтировал его. Он проносил аппарат больше полугода и снял его не потому, что все срослось, — кости стали загнивать от спиц. Помню, он показывал, как обломки выходили из ран. Но он уже ходил с тростью и приступил к работе. Я уверен, что если бы в зимние каникулы 1983 года Валера не повез бы студентов на север Бурятии и не простыл там, он был бы жив. Хорошо помню, как он мучился от боли последние дни.

Я бесконечно благодарен судьбе за то, что она подарила мне годы дружбы с этим светлым человеком.

Г. Кудрявцева

Мой школьный учитель

В памяти большинства моих одноклассников Валерий Петрович Зиновьев так и остался красивым 30-летним мужчиной. Таким, каким мы запомнили его при свете костра, который жгли до утра после школьного бала, с разговорами и с мечтами о будущей взрослой жизни. Он был рядом: внимательный, сочувствующий, ироничный.

Спустя несколько дней мы разлетелись из родительского гнезда, а Валерий Петрович уехал из Бирюльки. Многие с ним больше не встречались, но, уверена, уроки, которые он нам преподавал, мои одноклассники пронесли по своей жизни. Он не просто открывал нам Тургенева и Толстого, он учил рассуждать, иметь собственное мнение, учил дружить, понимать и узнавать друг друга. Некоторые ребята, знаю, писали ему и приезжали за советом в трудную для них минуту.

Наш класс был сборным, в десятый, кроме бирюльских ребят, пришли ученики из школ близлежащих деревень: Малой и Большой Тарели, Косогила, Залога и Болота. Из этой разношерстной компании молодому учителю предстояло воспитать коллектив. Для этого, безусловно, необходимо было иметь талант и призвание учителя, который стремился быть со своими учениками и в выходные дни и в каникулы. Ничего не стоило Валерию Петровичу зимой на лыжах прибежать к нам, в Малую Тарель (а это немало — 5 км), собрать всех, растормошить и заставить пойти на классное мероприятие — поход на лыжах.

Зато какой восторг был после! И все мы, девчонки, были немного влюблены в него.

Наверное, впервые в истории нашей школы произошел и следующий случай: собрав нас, группу выпускников десятого класса, он повез на экскурсию в Иркутск, за 300 километров от родного дома. Для многих тогда впервые произошло знакомство с городом. А я, мечтающая стать журналистом, побывала у стен главного корпуса ИГУ, увидела счастливых выпускников-журналистов, только что защитивших диплом...

Что значит этот человек лично для меня? Вероятно, без Валерия Петровича я не «заболела» бы журналистикой. И, конечно же, тема моей первой публикации в «Ленской правде» была подсказана классным руководителем: написать об учительнице начальных классов Анне Андрияновне Колмаковой. Руководство школы предлагало рассказать о других, но Валерий Петрович сказал что-то вроде: «Это твоя проверка на принципиальность, честность и т. д.». У него было обостренное чувство справедливости, за которое ему нередко приходилось расплачиваться. Как часто в своей журналисткой практике советского периода мне приходилось отстаивать право на публикацию материала о неудобных начальству людях и ситуациях. Сегодня, имея за плечами почти 40-летний стаж работы в профессии, являясь долгие годы главным редактором, учу своих молодых коллег объективности, честности, внимательному отношению к любой мельчайшей подробности, к любой частичке правды. Собственно, этому и учил меня мой школьный учитель.

Из моих одноклассников, конечно же, мне повезло больше всех. Лекции Валерия Петровича по русской литературе я слушала и в университете, учась на отделении журналистики филфака. Он был своего рода моим талисманом: перед экзаменом я обязательно должна была увидеть его мягкую улыбку, услышать ободряющее слово.

Н.Л. Новикова

О Валерии Петровиче Зиновьеве*

Прошло несколько десятилетий со времени ухода из жизни Валерия Петровича Зиновьева. Уход этот был воспринят всеми, кто его знал, как горькая несправедливость судьбы. «Ушел товарищ, каких среди нас очень немного, — написал в прощальном слове В.Г. Распутин, — друг, понимавший дружбу в ее истинном смысле; педагог, прежде всего учивший духовной надежности и доброты, человек, так много сделавший, несмотря на молодость, во имя утверждения всех этих понятий, и делавший это без усилий, каждодневным своим житием и счастливым характером». Ушел ученый, не успевший осуществить

* Статья впервые была напечатана в журнале «Живая старина» (2003. № 3. С. 50–51). Перепечатывается с незначительными исправлениями и дополнениями.

многого из задуманного: не состоялись запланированные на много лет вперед экспедиции, трудной оказалась судьба тома, посвященного русской сказочной прозе в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», редактором которого он был назначен. Подготовленные им книги вышли в свет уже без него.

Но за немногие годы, отпущенные судьбой, В. П. Зиновьев сумел занять собственное место в сибирской фольклористике, продолжив традицию, связанную в нашем городе с именами известных ученых (достаточно назвать М. К. Азадовского и Г. С. Виноградова, стоявших у ее истоков). Как и его предшественники, Валерий Петрович преподавал в иркутских вузах: в 1971–1979 годах — на филологическом факультете Государственного университета, где он еще со студенческих лет работал под руководством Надежды Осиповны Шаракшиновой; в 1980–1983 годах — на кафедре литературы в Педагогическом институте, куда он был приглашен Еленой Ивановной Шастиной. За эти годы состоялись десятки фольклорных экспедиций. Наверное, многим запомнилось, насколько неутомим был Валерий Петрович в полевой работе, как ждал он этих поездок, — любые кабинетные занятия он всегда был готов отложить ради очередной экспедиции.

В результате был собран ценнейший фольклорный материал, оформившийся в картотеку, насчитывающую свыше 5 тысяч текстов разных жанров, значительная часть которых была перенесена с магнитных лент. В. П. Зиновьев немало внимания уделял вопросам организации фольклорного архива, принципам его систематизации, способам описания фонотеки в целом и каждого текста в отдельности (каждому фольклористу известно, что нередко «добыть» тексты легче, чем их затем обработать и ввести в научный оборот). Все сборники В. П. Зиновьева выросли из его картотеки, но ими она далеко не исчерпана и хранит немало еще неизданных материалов по народной культуре Восточной Сибири.

Научное наследие В. П. Зиновьева невелико, но его книги и сегодня живут в отечественной фольклористике активной жизнью.

Монография «Жанровые особенности быличек» (Иркутск, 1974) была посвящена разработке теоретических основ одного из наименее изученных в то время жанров сказочной прозы³. Именно после работ В. П. Зиновьева и Э. В. Померанцевой современный мифологический рассказ был наконец «канонизирован». Причем если Э. В. Померанцева в известной книге «Мифологические персонажи в русском фольклоре» (М., 1975), обращаясь к архивным материалам и публикациям XIX — начала XX вв., рассматривала «суеверный меморат» как реликтовый, угасающий жанр, то В. П. Зиновьев в своей монографии, основываясь на собственных полевых записях, пришел к противоположному выводу относительно «современных судеб» былички. В его интер-

³ См. также: Зиновьев В. П. Быличка как жанр фольклора и ее современные судьбы (на материале фольклора Забайкалья) : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1975.

претации мифологический рассказ — один из самых продуктивных жанров современного фольклора, открывающий новые перспективы в изучении народной духовной культуры. Научная дальновидность В. П. Зиновьева в этом вопросе была признана и самой Эрной Васильевной Померанцевой, сделавшей на своей книге, подаренной молодому коллеге, шутивную надпись: «Дорогому Валерию Петровичу, знатоку чертовщины, со страхом и трепетом на строгий суд», — и новыми поколениями исследователей народной мифологии.

Составленный В. П. Зиновьевым «Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин»⁴ не только представлял состояние локальной традиции жанра на определенном этапе его бытования — появление его было обусловлено прежде всего острой необходимостью создания единой основы для научной систематизации накапливавшихся материалов.

В. П. Зиновьеву вместе со студентами иркутских вузов удалось записать около 1800 текстов сибирских быличек, четвертая часть этого собрания вошла в подготовленный им сборник «Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири» (Новосибирск, 1987). Это было первое научное издание подобного рода: «Отрадно, что столь «неклассический» жанр, как быличка, — подчеркивалось в отзыве на книгу, — издан по образцу классических сборников русского народно-поэтического творчества, на основе традиционных, десятилетиями выработанных принципов научной публикации устной прозы»⁵.

Для В. П. Зиновьева былички не были ни источником мистического «знания», ни даже материалом для мифологических реконструкций. В его восприятии эти фантастические рассказы являлись прежде всего художественными текстами, отражением «поэтических воззрений» его земляков на природу и деревенский быт. Размышляя о функциональной природе жанра, он выделял в качестве ведущего в современных мифологических рассказах именно художественное начало: по его наблюдениям, они исполняются «в обстановке эстетической заинтересованности аудитории», когда «каждый чуткий слушатель старается не развеять атмосферу необычайного, чудесного», стремится «артистически влиться в созданную обстановку вымышленного мира»⁶.

Постоянным был интерес В. П. Зиновьева и к другим жанрам народной сказочной прозы. Так, в Сретенском районе Читинской области ему удалось записать несколько десятков исторических преданий о местном «благородном разбойнике» Павле Ивченко⁷. Одним из первых он обратил внимание и на та-

⁴ Зиновьев В. П. Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин // Локальные особенности русского фольклора Сибири: Исследования и публикации. — Новосибирск, 1985. — С. 62–76.

⁵ Иванова Т. Г. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири // Русский фольклор. Т. 26: Проблемы текстологии фольклора. — Л., 1991. — С. 253.

⁶ Зиновьев В. П. Быличка как жанр фольклора и ее современные судьбы // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / сост. В. П. Зиновьев. — Новосибирск, 1987. — С. 391, 392.

⁷ Устные рассказы о благородном разбойнике Ивченко // Сибирь. — 1985. — № 5. — С. 93–111.

кой дискуссионный жанр современного фольклора, как устный рассказ — своего рода «народную публицистику». В архиве собирателя сохранилось более тысячи устных рассказов различного содержания: это и автобиографические повествования, при всей своей безыскусности (а, быть может, именно благодаря ей) сохранившие значение непреложных свидетельств о нашей недавней истории, и не менее напряженные размышления о современности (например, рассказы-рассуждения на тему «деревня раньше и теперь», составившие в архиве самостоятельный цикл). К сожалению, В. П. Зиновьев не успел обобщить свои материалы по устным рассказам, но многие его научные идеи получили развитие в работах иркутского фольклориста М. Р. Соловьевой (Базилишиной), творчески воспринявшей не только исследовательскую методику своего учителя, но и систему его мировоззренческих установок.

Итогом многолетней собирательской работы В. П. Зиновьева стал сборник «Русские сказки Забайкалья» (Иркутск, 1983; 2-е изд. доп. — Иркутск, 1989), представивший новую сибирскую сказочную традицию. В отличие от основательно изученных ленской или тункинской, эта традиция была совершенно неизвестна науке (даже в таком репрезентативном издании, как «Сравнительный указатель сюжетов» по восточнославянской сказке, вышедшем в 1979 году, было указано лишь 4 сюжета, зафиксированных в Читинской области). Валерию Петровичу удалось собрать около двухсот текстов забайкальских сказок, сохранивших не только многие традиционные сюжеты (около 170 — как общерусских, так и исключительно сибирских), но и своеобразную эпическую стилистику, что свидетельствует о подлинной сказительской культуре исполнителей, имеющей древние корни. В сборнике представлено более шестидесяти сказочников, среди которых выделяются талантливые И. С. Рязанцева, Н. Г. Бояркин, Ф. А. Балагуров. Бережно записав их репертуар, нарисовав во вступительной статье их живые портреты, В. П. Зиновьев следовал в русле традиции сибирской фольклористики, которую со времен М. К. Азадовского отличало особое внимание к индивидуальному творчеству народных исполнителей.

Последней работой ученого стала книга «Русские песни Восточной Сибири», которую удалось издать только в 2006 году⁸. Из почти двух с половиной тысяч записанных текстов было отобрано для публикации более трехсот. Традиционный песенный репертуар сибирского села представлен в сборнике во всем его многообразии: от колыбельных до казачьих походных, от старинных обрядовых песен до поздних баллад и романсов. Среди записей Зиновьева, относящихся в основном к 1970-м годам, можно найти и свадебные песни, сохранившие архаическую символику, и классические образцы протяжных песен со свойственной им усложненностью музыкально-поэтического строя, и по-своему интересные «новые» песни, отразившие многообразные литературные влияния.

Таким образом, В. П. Зиновьевым было предпринято рассчитанное на десятилетия (в его архиве был найден перспективный план экспедиций вплоть до

⁸ Русские песни Восточной Сибири / сост. В. П. Зиновьев; отв. ред. Ю. И. Смирнов. — Иркутск, 2006.

1990 года) изучение одной из интереснейших сибирских локальных традиций в ее живом бытовании.

Но не только исследовательский интерес заставлял Валерия Петровича вновь и вновь выезжать в забайкальские и приангарские села. Он был на редкость цельным человеком, посвятившим жизнь делу, в котором для него соединились творческое призвание и остро осознававшийся им долг перед своим малым отечеством (родился и вырос он в Нерчинске Читинской области). «Здесь, по селам Предамурья, и были собраны сказки, которые не одну сотню лет незримым ручейком вливались в единый полноводный поток русской народной словесности, — написал он во вступительном очерке к «Русским сказкам Забайкалья». — Я читаю эти сказки с ощущением судьбы моей родины, неповторимости ее красот и запахов...» Взволнованная, почти исповедальная интонация, поэтическая образность этого очерка бросают лирический отсвет на всю книгу.

Многое в характере этого человека раскрывает дневниковая запись, сделанная во время его последней фольклорной практики, на которую он повез студентов, едва оправившись после тяжелой травмы, полученной в автоаварии:

...И ушла куда-то тревога, в душе стала расти радость, стало легко и светло. В автобусе только я и мои девчонки. Дорога долго шла по Куренге. Над дорогой нависли сопки, все в сиреневых пятнах от богородской травы. Кручусь на месте, заглядывая то в одни, то в другие окна: здесь бурливая речка мелькнет, там в глазах зажелтеет от лилий или маков, а то вдруг выметнется из-за деревьев поляна, убранная сплошь дивными бабочками жарков — аж в душе захолонуло!

Я сутки назад, ещё в вагоне, услышал от соседа по купе: «Гуран зайдёт в жарки, ест их — его и не видно, сливается по цвету». И только сейчас поразило, как открытие, ударило радостным: «Косуля в жарках!» Это как образ лесостепного Забайкалья начала июля.

Перед Мироново я попросил шофера остановить автобус около подножья сопки, поросшей чабрецом.

— Тихо, девушки, надо всем нам выйти. Ничего не говорите, послушайте меня.

Все вышли, сгрудились возле меня. Я поднялся до ближайшего сиреневого островка, сорвал щепотку стебельков и сказал:

— Выберите свой островок вот этой травы, помните в пальцах и поговорите с ней, попроситесь в эти края.

Что уж они поняли?.. Но все разошлись и сделали, как я сказал.

Сейчас, вечером, когда пишу об этом, ситуация кажется чудноватой. Но тогда это возникло сразу и как что-то нужное. Размягчила меня природа.

Приехали, устроились... Люди очень по-доброму отнеслись к нам...

Это «люди» (не снисходительное «местные жители» или отстраненное «исполнители», но и не отвлеченное «народ») — очень характерное «зиновье»

евское» слово. Свое стремление в фольклорные экспедиции он объяснял именно потребностью в общении с «людьми, которым незачем лукавить». Самым ценным знанием, которое несет в себе народная сказка, он считал знание о том, «как жить человеку среди людей и как нельзя жить». А как часто он объяснял нам, студентам, что любое дело нужно уметь сделать «по-людски», то есть основательно и со смыслом...

Валерий Петрович Зиновьев навсегда запомнился всем, кто его знал, той энергией добра, которую он отдавал с безоглядной щедростью. Отдавал близким: его дети вспоминают о «совершенно волшебном детстве», подаренном им отцом. Отдавал студентам (среди тех, кто считает себя его учениками, в нашем городе — не только фольклористы, но и режиссеры, педагоги, журналисты). Отдавал людям, случайные встречи с которыми во время экспедиций нередко перерастали в многолетнюю дружбу. «И вот я думаю, что же за человек был мой отец, если сейчас ходишь по его следам — и тебя везде как родную, как внучку воспринимают? — вспоминает Инга Валерьевна Зиновьева уже о своих фольклорных поездках. — В некоторых домах я видела на комодe фотографии внуков, детей и — папину фотографию. Как он умел за короткий срок стать для них родным человеком?.. Это же талант душевный нужно иметь, чтобы так люди тебя запомнили...»

Е. И. Шастина

Валерий Петрович Зиновьев *

Бывают люди, необычайно полно выражающие собой дух и характер того народа, которому принадлежат. Родиться таким человеком — большая удача и для него самого, и для людей, с которыми пойдет его земной путь, и для дела, которому он будет служить.

Именно таким был Валерий Петрович Зиновьев. Его недолгое житие — показатель удивительной цельности натуры, так ярко и счастливо проявившейся и в человеческих взаимоотношениях, и в судьбах фольклористической науки, которой он отдал свой талант.

Теперь, когда прошли годы после его кончины и многое, отстоявшись, осозналось и передумалось, особенно отчетливо ощущается высокий нравственный потенциал этой одаренной личности.

Как жить человеку среди людей? — наверное, это один из главных вопросов, над которым он мучительно думал, который руководил всеми его поступ-

* Статья из сборника «Русские сказки Забайкалья» 2-е изд. доп. (Шастина Е. Валерий Петрович Зиновьев // Русские сказки Забайкалья: Сборник / Подгот. текстов, статья и коммент. В. П. Зиновьева; сост. Г. Н. Зиновьевой. — 2-е изд. доп. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. — С. 407–415.)

ками, определил выбор педагогической профессии и характер последующих исследований...

Жизнь наша, к сожалению, регламентирована многими формальностями. Мы так привыкли к ним, что порой и не замечаем всей их бессмысленности, не удосуживаемся спросить себя, зачем это надо, кому принесет пользу. Мы даже не задаемся такими вопросами. Многие правила поведения еще до недавнего времени воспринимались нашим общественным сознанием как некие не подлежащие сомнению и уж тем более пересмотру ритуалы. И мы, как та лошадь Глеба Успенского, зная лишь борозду, продолжали ходить по раз и навсегда заведенному кругу.

Существование таких ритуалов и их вред особенно остро ощутила я во время поездки в Русское Устье — своеобразный край, где в низовьях реки Индигирки всего лишь в восьмидесяти километрах от побережья Северного Ледовитого океана еще в XVII веке обосновались русские землепроходцы. Их потомки более двух столетий почти не имели контактов со своими соотечественниками, благодаря чему индигирские поселщики на долгое время сохранили в неприкосновенности своеобразный тип русского характера. Казалось бы, простое слово «смысл», над которым в нашей обыденной быстротечности особенно и не задумываешься, там, у приполярных русских, сохранило свою истинную наполняемость.

Это — есть смысл делать; этого делать смысла нет — часто приходилось слышать там и одновременно удивляться неторопливой раздумчивости и разумности сопровождающих такие заключения аргументов. И убеждаться еще раз в удивительной парадоксальности современного мира: великие открытия, полеты в космос, чудеса научно-технического прогресса как результат титанической работы человеческого мозга и вместе с тем минимум осмысления себя, своей нравственной миссии в людском бытии. Не потому ли и падает после еще недавнего взлета в споре своем Книга, возникшая изначально как итог философского размышления над главным: как надо и как не надо поступать. «Велика бо бывает польза от учения книжного: мудрость бо обретаем и воздержание от словес книжных. Книги — суть реки, напояющие Вселенную; книгам бо есть неисчетная глубина» — такие строки могли вылиться из-под пера древнерусского книжника лишь после долгих и несуетных раздумий.

Современному энтэровскому миру свойственно бежать, спешить, мчаться, не весьма обременяя себя размышлением над тем, как галоп сей отзовется в конечном итоге на духовном облике поколений. Далеким предок наш тревожился о судьбах своего Отечества, беспрестанно соотнося с настоящим прошлое, старался извлечь из него уроки на будущее. Он воспевал князей, коими была слава и крепилась его земля, печаловался ее напастями и бедами. Мы вглядываемся в пути технического прогресса, он размышлял над жизнью. Вероятно, это роднит еще и сегодняшнего русскоустьинца с его пращуром, на это и обращает изначально свое внимание каждый нечастый в тех местах гость с «большой земли». Да и сами «полярники» с особым почтением отмечают в земляках своих эту черту, вспоминая, например, о П. Новгородове — мудром

старике по прозвищу Дума. В чем ни спроси у него совета, он поначалу все одно: «Я подумаю». Лишь все обдумав и прикинув, без лишних слов приступал сибиряк к делу и вел его упрямо и основательно до конца.

Свойство это, издавна унаследованное, в разные времена и не однажды подмеченное путешественниками в коренных землях моих, может быть, наиболее завершено было выражено и в В. П. Зиновьеве. Серьезно взвесить любое начинание и, лишь найдя в нем смысл, взяться за дело было непреходящим жизненным его правилом. А уж раз взяться, то и довести до конца. «Конец — всему делу венец», — любил говаривать он и делал начатое основательно и надежно, чего бы это ни касалось — каждодневной ли институтской текучки, научных исследований или общественной работы.

Вообще В. П. Зиновьев обладал теми качествами, которые в сочетании принято называть «сибирским характером». О понятии этом много и долго спорили, продолжают говорить и теперь, часто по-разному понимая его значение. Для нас, сибиряков, понятие это, несомненно, существует, хотя и мы со всей исчерпывающей точностью не можем дать ему определения. Наверное, потому, что вмещает оно в себя так много противоречивого, что суть не сразу и вычленишь. Пожалуй, наиболее точные характеристики его набросаны В. Г. Распутиным в небольшом публицистическом очерке «Сибирь без романтики»: «Острая наблюдательность, возбужденное чувство собственного достоинства, не принимающее ничего навязанного и чужого, необъяснимая смена настроения и способность уходить в себя, в какие-то свои неизвестные пределы, иступленность в работе, перемежающаяся провалами порочного безделья, а также хитроватость вместе с добротой, хитроватость столь явная, что никакой выгоды от нее быть не может», упрямство и упорство в достижении цели, привычка во всем полагаться на себя.

Я бы добавила к этому молчаливую силу в сочетании с тихой отвагой, которые, несомненно, характерны для коренных сибиряков, ныне все более растворяющихся в массе хожалого населения. Впрочем, и добавление это не исчерпывает многогранности народного характера, в котором многое выработано условиями жизни в самой сибирской земле, многое досталось по наследству от пращуров, сосланных за непокорство, или от казаков-первопроходцев — рискованных и смелых, самостоятельных и предприимчивых мужиков.

В. П. Зиновьев, обладая многими из названных качеств, имел и типично «сибирскую» родословную. По пришедшим издавна семейным преданиям, рассказанным мне матерью В. П. Зиновьева — Августой Кирилловной, получалось так: принадлежали некогда крепостные Зиновьевы орловскому помещику. Один из них, именем Яков, мстя за обиду — жениху полголовы обрили — пошел и трепанул помещика. Он и сдох. Невеста, когда ее за ноги подвесили, призналась: наш грех, зиновьевский. И пошел Яков в кандалах на Казаковский промысел, и она с ним. Потом на поселение в Борщовку. Там и родился Петр Яковлевич — прадед Валерия.

Петр Яковлевич рассказывал: «Поедут пахать, а ему что? — двенадцать лет. Соха деревянная, с места не сдвинешь. Так каторжане подойдут, помогут.

Когда подрос, сделал два памятника — отцу Якову и матери».

В бедности жило и следующее поколение Зиновьевых — сын Петра Яковлевича Иван с женой Дуней. Иван с войны пришел домой по ранению и газом был травлен.

Дуня жала снопы, когда ей пришло время рожать. «Ваня, веди меня домой, плохо мне что-то». — «Но ничё, до обеда довяжешь». Ну, она до обеда не дождалась, под сулоном и родила. Поэтому Петра — отца Валерия — «подсулонником» и прозвали.

Отец Валерия Петровича, как и дед его, тоже воевал — в Великую Отечественную. Четырежды горел в танке. Пять орденов да медали — свидетельства солдатской чести и солдатской совести. Такими, как он и как те, кто голову свою за Отечество сложил, испокон Россия стояла. Выстояла и тогда...

Вот от какого корня пошел В. П. Зиновьев — надежный, основательный в любом деле, ко всему относящийся по совести.

Острое чувство ответственности перед жизнью, умение всегда оставаться самим собой и во всех обстоятельствах находить свое решение, а в конечном итоге глубокая народность были, мне кажется, одними из важнейших качеств характера В. П. Зиновьева, не постигнув которые нет возможности и объяснить глубокого своеобразия его как собирателя фольклора и вдумчивого исследователя. Качества эти, естественно, как дыхание, проявлялись у В. П. Зиновьева не только в вузовской повседневности, наполненной лекциями, семинарскими занятиями, фольклорными экспедициями, но и в делах, казалось бы, отдаленных от нее и, в частности, в ежегодных поездках со студентами на сельхозработы.

Дело это тяжелое, к тому же не всегда и далеко не везде имеющее смысл, давно уже превратилось для горожан в обязательную повинность. Использование не по назначению специалистов высокой квалификации, хотя и многожды официально осужденное, продолжает оставаться нравственно и материально разорительным для страны. Уроки бесхозяйственности, которые получают студенты, видя, как сплошь и рядом уходит под снег собранный ими урожай, действуют на них угнетающе. К тому же местные колхозные руководители, основываясь на выработанной годами психологии: «так повелось», — открыто жульничают, «забывая» оплачивать студентам заработанное. Ко всему следует добавить скверные бытовые условия, полное отсутствие охраны труда, а в результате — частые заболевания, тяжелые производственные травмы, а случается, и трагедии. Поэтому вполне объяснимо, что сельхозработы, как правило, воспринимаются горожанами словно бедствие, от которого они стараются уйти.

И вот здесь, как и во всем прочем, сказывался у В. П. Зиновьева его характер. В преддверии поездки он досрочно, а мог бы и не делать этого, выходил из отпуска. Вся организация сельхозработ была им заранее продумана так, чтобы они могли принести максимальную пользу хозяйству, а студентам дать хороший заработок. Он дотошно изучил колхозные расценки, сам вел учет сделанному и умел установить такие отношения с местным руководством, при которых оно не смело с ним не считаться.

Попытки сократить В. П. Зиновьеву срок пребывания на селе, посылая замену, оказывались безуспешными. Вывезти ребят, устроить их в деревне «ладом», организовать их быт и работу, получить расчет по совести и здоровыми вернуть в город было его постоянной заботой, проистекавшей из уже упомянутой привычки все доводить до конца. Осенью 1982 года сельхозработы для всех заканчивались 1 октября, но колхоз, в котором был со студентами В. П. Зиновьев, не успел заложить корма. И тогда В. П. Зиновьев собрал студентов и сказал им, что они хорошо поработали и могут ехать домой. Но ситуация в хозяйстве, сказал он, сложная. Поэтому, если кто-нибудь из ребят задержится с ним еще дней на семь, он будет рад. И осталась вся группа.

Неделю спустя деревня со слезами провожала студентов, и, как вспоминали они позже, многие долго бежали за автобусом, махая ему вслед руками. А В. П. Зиновьев сказал по приезде, как бы оправдывая эту своевольную задержку в деревне: «Слышать не могу, как по вечерам голодная скотина ревет».

Сельская жизнь всегда влекла Валерия Петровича. Родился и вырос он в Забайкалье, после окончания Нерчинской средней школы по комсомольской путевке два года пастушил в колхозе «Заря коммунизма»; окончив Иркутский госуниверситет, с 1969 по 1971 год был учителем Бирюлькинской школы на средней Лене. И уже многие годы спустя, защитив кандидатскую диссертацию и работая в вузе, продолжал тосковать о деревне, не расставаясь с мечтой о плотницкой работе на селе. Думается, что и обращение В. П. Зиновьева к фольклору также не случайность. Точнее, наверное, даже не обращение, а возвращение — возвращение органичное, как к истоку, обусловленное первыми впечатлениями деревенского детства, удивительно народным складом его души и мироощущения. Как писал впоследствии Валерий Петрович, его детский мир питался сказками родных мест. «Это мир удивительных преданий о таежной жизни охотников, старателей, которые золото рыли в горах, о смелых и благородных разбойниках, гордых казаках, о суровых нравах приискательской жизни, о чалдонах-каторжанах, которых простые казаки кормили хлебом и молоком, специально оставленными на ночь в окошечках «ланцовках», о страшных порядках на приисках горного начальника Разгильдеева...»

Сибирь, Забайкалье были его родным домом. Поэтому и любимая его песня рассказывала о чарующем приволье:

На дальней станции сойду —
Запахнет медом,
Живой воды напьюсь у журавля,
Здесь все мое,
И мы отсюда родом:
И васильки, и я, и тополя...

Эту песню я слышала в исполнении самого Валерия Петровича, знаю, что слова эти напевала ему жена, припав к больничной койке, когда с ним случи-

лось несчастье, которое так мужественно он сумел побороть, и, наконец, ее пел наш коллега, стоя на рыхлой земле у свежей могилы...

Да, именно в фольклоре В. П. Зиновьев был дома. Он был одновременно носителем фольклора и фольклористом. Это — редкий дар как подарок судьбы.

Однако «носительство» его заключалось не только в знании бесчисленного множества песен, сказок, быличек, устных рассказов, мастерски им исполнявшихся, но прежде всего и главным образом в народном мировосприятии и в том чувстве нераздельности мира, которое было свойственно нашим предкам и, к сожалению, в значительной степени утрачено современниками. Это ощущение единства всего сущего вместе с умением разглядеть особенное в отдельном и любовно показать его другим раскрывается на ярких страницах вступления В. П. Зиновьева к его книге «Русские сказки Забайкалья».

Не спеша и обстоятельно ученый-путешественник живописует читателю природу своего родного края. Это — реки и речки, малые и большие, но каждая со своим лицом и нравом: светлая и неширокая Ингода, где «бурная и порожистая, где тихая, раскатившаяся по плесу», и «мутный Онон», и «буроватая, будто листовяжную кору парили», Шилка, «теплые, как молоко», и Нерча, и Куэнга, и Унда, и Газимур... Все эти маленькие речки «служат одному: заботливо собирая по пути воды родников-ключей, питают Шилку и Аргунь, а те в свою очередь дают жизнь могучему Амуру».

Так же и сказки, — заключает В. П. Зиновьев, — принесенные в предамурские села первыми землепроходцами, «незримыми ручейками вливаются в единый полноводный поток русской народной словесности». И он знакомит нас с ее мастерами — прекрасными рассказчиками, деликатно вводит в круг повседневной жизни этих людей, показывает их отношение друг к другу, к делам, к самому устному слову; читатель слышит народные оценки жизненных поступков и сказочных ситуаций, становится свидетелем обыденных разговоров о людях, о Боге, о космосе, «о чем душа болит». Автор делится и своими раздумьями по поводу этих разговоров, сетует на то, что по молодости тогда не умел еще достаточно глубоко проникнуть в суть тех разговоров и умудренно их оценить.

Вспоминая об интересных и долгих беседах с одной из наиболее близких собирателю сказочниц — Ириной Степановной Рязанцевой, Валерий Петрович пишет: «Теперь я понимаю, что во всем она была добрее, искреннее и страстнее меня, ею двигала забота о человеческой духовности, а моей душе до этого тогда еще не было дела».

Эта искренность и доверительная открытость вступительного очерка очень дороги, ибо благодаря им своеобразие жизни фольклора в Забайкалье высвечивается как бы изнутри — в связи с особенностями быта и народной психологии.

Фольклор не только эстетическое наследие и реликвия. Не менее важно и другое — его практическая значимость: по наблюдениям собирателя, талант народных мастеров-рассказчиков служит духовному обогащению их земляков, «люди учатся образной, сочной, красивой и хлесткой речи, широкому мышлению, умению через опыт прошлого выверять явления современной жизни».

Именно так относился к изустному народному слову и сам исследователь. Поэтому, вероятно, и сделал он его предметом своих изучений. Через фольклор и, в частности, через сказку В. П. Зиновьев стремится к осмыслению того, что особенно тревожит в современной жизни. Ученый приходит к выводу: «Самое ценное знание, которое дает нам сказка, — это знание нравственное».

Предположим невероятное: человечество утратило нравственные представления. Исчезла память, то есть знание прошлого опыта, люди забыли, как относиться к злу и добру, к верности и предательству, к правде и кривде — все спуталось. Но если бы сохранились народные сказки, по ним одним можно было бы восстановить основные моральные нормы. Потому что сказки учили и сейчас учат, как жить человеку среди людей и как нельзя жить».

Во многом по тем же причинам привлекали В. П. Зиновьева и несказочные прозаические жанры: былички, бывальщины, предания, устные рассказы. Собственно, с их изучения, особенно былички, и началась его исследовательская судьба. И была в таком начале своя научная логика: былички, как никакой другой жанр, вводят в самую что ни есть «внутреннюю обстановку» народной жизни. Они как будто коротки, но удивительно многогранны: верования прошедших времен, «поэтические воззрения» на природу, отношение к современной жизни, поразительные фантастические коллизии и реальность — причудливо переплелись в этих миниатюрах.

Однако вся эта мировоззренческая и эстетическая разносторонность заключена в рамки хорошо известной каждому деревенской обыденности. События разворачиваются в избе, во дворе, в бане, в лесу, в поле, на реке, на кладбище. И действующие лица также хорошо знакомы: рассказчик обычно ссылается на реального «свидетеля» — соседа, кума, родственника или ведет повествование от себя: с ним-де тоже «случалось».

В основе таких рассказов, которые принято называть мифологическими, лежит вера в языческие существа: домового, кикимору, баника, лешего, водяного, русалку и др. Основной рассказ о неожиданной с ними встрече, как правило, сопровождается короткими замечаниями по ходу. В них выражается удивление, недоумение, сетования по поводу описываемых событий, одобрение либо осуждение поведения того или иного персонажа. А все это, вместе взятое, полно и красочно раскрывает мир народной души, помогает лучше понять исторические корни, развитие и современные особенности художественного народного сознания как основы жизни фольклора. Поэтому исследование отдельных устно-поэтических жанров любого региона невозможно без обращения к мифологическим рассказам.

Вместе с тем в характере заложенных в таких рассказах конфликтов, в многочисленных попутных замечаниях и сентенциях народ выражает свое отношение к жизни вообще, и в том числе к вопросам нравственным, как воспитывать детей, как следует им относиться к родителям, как вести себя в своем доме и в людях, как принимать и провожать гостей, каковы правила поведения человека в обществе.

Все это глубоко волнует В. П. Зиновьева. Ученый сослужил большую

службу фольклористике и, быть может, не только отечественной, записав около двух тысяч быличек на территории Забайкалья. Свыше четырехсот текстов издано в 1987 году издательством «Наука» в Новосибирске. Эти публикации и возможные другие из архива В. П. Зиновьева тем ценнее, что собрание быличек во все предшествующие годы не было столь интенсивным, как записи других фольклорных жанров, в чем сказывалось несколько пренебрежительное отношение к рассказам с демонологическими персонажами как к проявлениям суеверия.

Из-под пера В. П. Зиновьева вышло и солидное теоретическое исследование этого жанра, которое также было в нашей отечественной науке в числе первых и оформилось в кандидатскую диссертацию — «Быличка как жанр фольклора и ее современные судьбы» (Иркутск, 1975).

Читая записи этих произведений, сделанные В. П. Зиновьевым, нельзя не обратить внимания на особую его чуткость к устно-поэтическому тексту. Как известно, фольклорное произведение должно быть записано доподлинно. Это знает каждый собиратель. Но одно дело — знать, другое — мочь. Дело в том, что фольклорный текст своеобразен и ценен такими мельчайшими деталями, как необычные междометия, частицы, приставки и т. п., часто непривычные, а потому и не всегда уловимые. Тем более это относится к жанрам несказочной прозы. Зафиксировать все оттенки их сказа и перенести на бумагу (все равно: живая это запись или с магнитофонной ленты) дано не всякому.

В. П. Зиновьеву дар этот был отпущен сполна. Возможно, он также шел от его потенциального «носительства» и еще от того, что он «отсюда родом». Поэтому и страницы, посвященные особенностям забайкальского говора, написаны не так, как обычно выглядят они в предисловиях к фольклорным сборникам — в порядке сухой констатации отступлений от норм литературной речи, — а легко и увлекательно:

«Помню, парни из села Кумаки играли в футбол. Среди них были братья Копейны, приехавшие недавно с родителями из Горьковской области. Один из братьев пробил по воротам, штангами которых были две «глызы», но гол не засчитали. Игрок заспорил, загорячился и, тыча в землю пальцем, повторил: «Вот ведь жмурачок, вот жмурачок!». «Жмурачком» он называл выбоину в пыли, место, куда пришелся удар мяча. Мои земляки зашлись от восторга, услышав диковинное, не свое слово. И окрестили парня Жмурачком».

Так живо, интересно и вместе с тем исключительно добротным сработан вступительный очерк В. П. Зиновьева к сказкам Забайкалья. Собственно, как и все, что написано им о фольклоре. А главное — очень просто. Но до такой простоты нужно было суметь подняться.

Архив В. П. Зиновьева хранит записи, как уже было сказано, около двух тысяч быличек, около 200 сказочных текстов, многочисленные устные рассказы, предания и легенды, более 1 600 песен.

Природа отпустила В. П. Зиновьеву щедрой рукой и душевного богатства, и интеллектуальной одаренности на долгую жизнь. Но и того, что сделано за недолгих сорок лет, отмеренных ему на земле, другому хватило бы на многие

годы. Как всегда, будучи верен себе, он оставил свои архивы в образцовом порядке; все продумано и сделано со смыслом, записи расшифрованы, многое обобщено и прокомментировано. И каждая новая публикация его записей и работ — еще один вклад безвременно ушедшего из жизни ученого в советскую фольклористику, которой и при жизни он служил полной мерой души и таланта.

В. Г. Распутин

В некотором царстве, в некотором государстве... *

Всякая новая встреча с книгой, содержащей в себе фольклорные записи, — это праздник для всех, кто любит русский народный язык и русскую народную мысль.

Ну что, казалось бы, для современного человека, все на свете знающего и едва ли не обо всем по-научному судящего, ну что ему эти сказки с их наивными и, на теперешний взгляд, устаревшими представлениями о добре и зле, о правде и кривде, с допотопными фигурами Змея Горыныча, Бабы Яги и Ивана-царевича, с упрощенной моралью и пресно-фантастическими историями. Когда-то это представлялось, наверное, и хитро, и умно, и свежо, и поучительно, но с тех пор все смешалось на земле людей, все сместилось и сдвинулось: зло с успехом выдает себя за добро, Змей Горыныч переряжается в Ивана-царевича, а повседневная жизнь на каждом шагу преподносит такие нравственные задачи, в которых не разобраться и с самым высшим образованием. Сказка как бы поникла перед всевозможными чудесами и сложностями нынешней жизни и должна лишь вызывать снисходительную усмешку просвещенного человека.

Должна? Если человек не превратился полностью в свою противоположность, не потерял душу — нет, не должна.

Мы раздвигаем глубинные границы материального, физического мира, а нравственность наша в своих основаниях остается неизменной, и основания эти заложены давным-давно, нам остается лишь следовать им. Человек, чтобы доказать себе, что в течение веков он преуспел в духовной мысли, говорит теперь столь мудрено и с такими огородами, что в его построениях сам черт ногу сломит, однако если удастся, набравшись терпения и умения, добраться до смысла, то оказывается, что этот смысл прост и живет в народе с незапамятных времен. Вот почему маститый ученый, преодолев внешнюю, формальную ученость, нередко к концу жизни начинает размышлять теми же самыми поня-

* Вступительная статья к сборнику «Русские сказки Забайкалья» (Распутин В. Г. В некотором царстве, в некотором государстве... // Русские сказки Забайкалья: Сборник / Подгот. текстов, сост., предисл. и примеч. В. П. Зиновьева. Вступ. ст. В. Г. Распутин; науч. ред. Р. П. Матвеева. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. — С. 3–8).

Статья написана еще при жизни В. П. Зиновьева.

тиями, что и безграмотная деревенская старуха. Язык может быть иной, но суть размышлений та же, и это возвращение «блудного сына» в человековедческую материнскую мысль тем замечательней и примечательней, что оно наступает после искусительного опыта. В конце концов, мысли, как и любому делу, важен результат: то, как ей внимают и как ее понимают.

«Сказка — ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок».

И урок немалый, высказанный поэтически и просто в надежде на столь же поэтическую и бесхитростную душу, способную по-детски чувствовать и полниться, забыв про просвещенный ум, и от чудесных приключений, и от обыкновенных бытовых историй с настежь раскрытым «уроком», и от всего образного, являющегося едва ли не главным чудом, строя сказыванья, и от умилительно-чистой, нетребовательной морали. Сказки создавались и сказывались не только для детей, но взрослый человек, внимая и отдаваясь сказке, чувствовал себя ребенком — не в возрасте ребенка, а в степени его впечатлительности и отзывчивости.

Представьте себе, как совсем еще в не давние времена, когда телевидение повсеместно не успело овладеть людьми беспощадным сладким гнетом, где-нибудь в деревне, где это заведено, собираются люди вечером на сказку. Сходятся в избе у умелого, памятливого рассказчика — тут и ребятишки, и старики, и мужики с бабами, отработавшие трудный страдальный день и ждущие такого же дня завтра. Располагаются в тесной избе на лавках, на полу, в ожидании переговариваются о делах. Быть может, потрескивая смольем, горит печь; быть может, светит уже «лампочка Ильича», это не так уж и важно. Рассказчик по принятому обычаю пробует отговориться: мол, на десять рядов все уже знаете, нового ничего не вспомнил, будет неинтересно. Его и не понукают, он начнет сам, как это было и на прошлой, и на позапрошлой неделе, не для того они, оторвавшись от дел, здесь собрались, чтобы уйти без сказки. И он начинает.

Возможно, он выбирает действительно знакомую старую сказку, которую сказывал этим людям не раз. Никто не перебьет его, не потребует нового зачина. Они входят в сказку с тем же простодушием, с каким встретились с ней когда-то впервые. Голос рассказчика меняется, становится певучим и многоголосым, он принадлежит уже не хозяину избы, такому же, как они, мужику, а хозяину сказки, вернее он принадлежит самой сказке, созвавшей их всех для единого и счастливого откровенья.

Кто и когда сложил эту сказку, как она звучит теперь, кто и кому поведал ее впервые? Давайте не будем сейчас вспоминать о кочующих сюжетах, переходящих от народа к народу. Кто укоренил ее в нашем народе («фу-фу, русским духом пахнет»), как изменилась она с той далекой и темной поры, какими словами звучала в самом начале? Он, тот, кто сказывает ее сейчас, услышал ее от бабушки, а она в свою очередь тоже от бабушки — и сколько же поколений людей знали эту чудесную и красивую выдумку, пользовались ее образами и переживали за ее героев, сколько она принесла за свой век людям невидимого добра?

Они слушают ее, то вздыхая, то коротко восклицая, когда не выдержать, чтоб ахом или охом не отозваться на необыкновенные события, живой душой

полностью отдаваясь сказке и не мешая ей. Но главное чудо не в том, что происходит в сказке, а в том, что происходит с ними. В их сердца незаметно, как капля по капле, с каждым словом входит любовь: любовь друг к другу, к своей земле и своей работе, чувство тесной и вечной связи со всеми, кто жил на этой земле раньше. Они словно бы ощущают их присутствие, их пришедший в знакомую сказку дух, потому и натянулся, изменился и задрожал голос рассказчика, вспоминающего теперь уже для всех, для нынешних и прежних слушателей.

Из фольклорных жанров только старинная песня способна, быть может, в еще большей степени к подобному родственному соединению людей. В песне отказывающееся от временных преград общинно-духовное чувство подводит человека так близко к полному озарению своей тайны и сути, что он едва ли не обмирает от этого проникновения.

Фольклор более и полнее, чем что-либо другое, выявляет народную душу. Изустно передававшиеся из поколения в поколение песни, сказки, былины, плачи и верования, не говоря уж о малых формах, несут в себе от самых корней духовную историю и духовную жизнь народа. Он выпевал, выплакивал и высказывал свою судьбу, предсказывал и загадывал ее, выставлял надежды, исполнения которых он заслужил, и тут же принимался иронизировать над собой: нет, не дожидаться ему никогда их исполнения. Он словно бы знал наперед свою долгую мученическую долю в мире и передал ее с тоской и болью, но без надрыва и отчаяния, защищаясь верой и веря, веря, веря.

Не мыслители провидят грядущие пути своего народа, а сам народ, мыслителям остается отыскать в его высказанной многоголосо душе эти откровения и распознать их образный язык.

В сказке хорошо видно, как устроенная язычески душа русского человека, мало изменившаяся в христианстве, поклоняется матушке-земле, наделяет живой и чудесной силой все, что его окружает. Первая церковь для него — это природа, здесь его вера не заказана и здесь его чувство не натянуто. Пришедшие издревле к нам сказки, точно так же, как и песни, удивительно природны, естественны настолько, что трудно представить, чтобы они кем-то сочинялись и выправлялись, — кажется, раз и навсегда они даны родной землей вместе с языком, как тот волшебный клубок, который, разматываясь, должен привести к желанной цели.

Многие надежды не сбылись, но одна сбылась наверняка: за долгие века развилась и расцвела душа русского человека, до конца исполнилась болью и радостью, и это тоже, надо полагать, доставляет ей страдания.

Об устном народном творчестве в целом нужно сказать, что оно явилось и до сих пор является поддержкой и опорой нашему языку. Теперь, когда по многим причинам язык мельчает и пустеет русским словом, теперь в особенности фольклорные записи для нас еще и ту имеют огромную ценность, что они передают живую народную речь. В своих ранних, да и не только в ранних, не обработанных литературно записях фольклор — это заповедник языка. Прочитайте оттуда любую сказку, былину, вспомните песню и послушайте после того с кафедр, трибун: так мы говорили и так говорим. Нынче и разговорная речь

немало подпорчена пустым, чужим или дурным словом. Массовая культура, массовая пропаганда, массовая мысль делают свое дело неумолимо.

Было время: без сказки не воспитывались дети (устно звучащая, живая сказка — совсем не то, что сказка из книжки), с нею жили и с нею старились взрослые. Ведь если наши бабушки и дедушки рассказывали сказки, значит, они с ними не расставались с детства, набираясь от них и мудрости, и поэзии, и любви. Было время: без песни не обходились ни общинная работа, ни застолье, ни посиделки. В последний путь провожали с причетом, в котором слышались не только боль от горькой утраты близкого, но и поклонение всему своему роду-племени. Приступая к страде, разговаривали с землей, просили ее о помощи, а потом благодарили за щедрость. Ребенка усыпляли колыбельной, от которой и у матери отмякало после трудного дня и успокаивалось, принимая с благодарностью судьбу, сердце. И радостные, и безрадостные события сопровождались обрядами. Народ не расставался с поэзией во всем круговороте жизни. И песенники, сказители, мастера меткого слова ценились в своем мире, пользовались уважением как люди особенные, выделенные Богом для общей отрады.

Но... уходит традиционный фольклор, оставляя о себе воспоминания лишь в записях. Уже в прошлом былина; похоже, мы свидетели последнего поколения, допевающего (не по радио) народную песню и досказывающего устную сказку. Остается лишь присловье, без которого, к счастью, русский человек, кажется, не может существовать.

Прощаясь с фольклором, мы низко кланяемся ему за все то доброе и светлое, что он принес издалека и поселил в наших душах. Там, в глубинах этих душ, вопреки всемогущим магнитным и электрическим полям нынешней эпохи — возделанное живой поэзией поле не самых худших чувств, заказанных человеку.

В этой книге позднейшие записи пришедших в Сибирь и родившихся в Сибири сказок. Тем она и интересна, тем и ценна, эта книга, что показывает жизнь сказки в одном небольшом районе, как теперь говорят, в локальном регионе, вместе с жизнью и современным состоянием там языка.

Какое же все-таки это удивительное богатство — сказка в русском языке и русский язык в сказке.

Б. Н. Путилов

Предисловие к сборнику «Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири»^{*}

Собранные в этой книге тексты относятся к области фольклорной несказочной прозы. Это означает прежде всего, что к ним следует относиться как

^{*} Путилов Б. Н. Предисловие // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В. П. Зиновьев; Под ред. Р. П. Матвеевой. — Новосибирск: Наука, 1987. — С. 7–8.

к своеобразным явлениям художественной словесности. Хотя в научной литературе их и принято называть быличками, бывальщинами, основу всех этих рассказов составляют вымысел, небывалое, фантастика. Все дело заключается в характере, эстетической природе и специфике присущей этим рассказам необычайности. И здесь естественно напрашивается сравнение со сказками, стихией которых также является необычайное. Основное различие, по-видимому, в следующем. В сказках господствующим, всеохватывающим началом выступает особый, сказочно необыкновенный, подчеркнуто отделенный от реальности мир (со своим сказочным пространством, особенными героями, предметами, действиями и т. д.), в который обыденная действительность допускается в порядке исключения и лишь отдельными подробностями. В быличках мы оказываемся полностью в мире повседневности, обыденности, чаще всего деревенского быта, деревенской домашней жизни, здесь действуют обыкновенные, реальные люди — сами рассказчики либо их близкие и знакомые, места действия обозначены вполне определенно и приближены к слушателям — это знакомые дворы, дома, бани, кладбища, ближайшее поле, река, дорога, соединяющая деревни, и пр., «герои» рассказов заняты своими повседневными делами. И вот эта обыденность всегда в рассказах резко нарушается вмешательством необычайного, фантастического, которое оказывается тут же, рядом.

В фольклористике принято еще границу между сказками и быличками прокладывать по категориям неверия и веры; сказки — заведомый вымысел, который так и воспринимается слушателями и так и подается рассказчиком; в быличку «верят» и те, кто рассказывает, и те, кто слушает. Между тем в такое разграничение следует ввести существенное уточнение эстетического порядка. Дело в конечном счете не в том, «верят» или нет рассказчики тому, что они рассказывают; главное, что принцип достоверности выступает как организующее эстетическое начало; без внутренней художественной установки на действительность рассказанного, без «документального» обрамления, без всей массы реальных деталей, без ссылки рассказчика на собственные наблюдения и переживания былички просто перестают существовать — подобно тому, как рассказы древней русской летописи о самых невероятных событиях опираются на точные даты, упоминания об исторических лицах либо устные предания о происхождении или исчезновении рек, гор, озер, городов имеют в виду всегда точную географию и соотнесены с историей.

Народная устная традиция рассказывания всегда — помимо «чистого» вымысла — тяготела к вымыслу, выдававшемуся за строгую реальность, и нередко чем причудливее и фантастичнее он был, тем настойчивее его одевали в одежду достоверности и бытовой правды.

Эстетика быличек теснейшим образом связана с их историческими корнями. Былички гораздо более непосредственно, чем сказки, связаны с мифологией, с обыденными представлениями древнего коллектива об окружающем мире. В быличках преломился мир так называемой низшей мифологии: далекие наши предки верили в «хозяев» и «духов» окружающих лесов, полей, рек, дома, бани, огорода и т. д., полагали возможным устанавливать с ними отно-

шения, обеспечивавшие людям благополучие, склонны были объяснять различные несчастья и неудачи нарушением этих отношений и вмешательством чужих сил в повседневную жизнь и пр. Былички сохраняют представления о происхождении, внешнем виде, свойствах, способностях, вредоносных или положительных возможностях этих существ, о последствиях встреч с ними. Сквозь густой слой поздней бытовой реальности в любой быличке проглядывают архаические мотивы и первоначальные мифологические связи. И в этом, конечно, их особая научная ценность.

Былички также многое дают для понимания путей сложения традиции фольклорного рассказывания — искусства нарратива. Существенная особенность их сюжетики — типовой характер, повторяемость. Лишь при самом поверхностном взгляде рассказы эти воспринимаются как «единичные», «исключительные» истории. На самом же деле все они оказываются вариациями устойчивых сюжетных тем, постоянно реализуемых во множестве текстов, и темы эти восходят к общеславянскому фонду и имеют параллели в фольклоре других народов. Сходство рассказов, записанных в разных местах и в разное время, подчас поразительно. Вот почему наряду с текстами рассказов большее значение представляет Указатель сюжетов, помещенный в книге. Он дает представление о наличии в сюжетике быличек определенной системы, которая лишь частично отражена в самих рассказах.

Собирание быличек в русской фольклористике, к сожалению, не носило столь широкого и систематического характера, как записывание сказок. До революции массовым записям быличек отчасти препятствовало отношение к ним со стороны церкви — всегда отрицательное. В наше время традиция рассказывания быличек почти исчезла: теперь и сказки услышать в живом исполнении непросто, а к быличкам чаще всего относятся как к пережитку. В. Зиновьев, иркутский фольклорист, рано и безвременно ушедший из жизни, успел проделать работу исключительно трудоемкую и важную. Во многих местах Забайкалья ему удалось найти людей, сохранивших в памяти эти рассказы, убедить их в научной ценности этого материала, с большой точностью записать, систематизировать массу текстов, соотнести их с более широкой традицией русской фольклорной прозы. Тексты, подготовленные им к печати, Указатель сюжетов, содержательная статья, выразительно характеризующая этот фольклорный жанр, — все это, безусловно, представляет вклад в современную фольклористику.

Былички, собранные в этой книге, будут интересны не одним лишь специалистам. Мифологические персонажи, с которыми мы встречаемся, принадлежат не только седой старине: представления о них вошли в нашу культуру через произведения русской классической литературы, живописи, музыки, скульптуры, они давно уже утратили свои качества существ, в силу и возможности которых верят, но сохраняются как типовые поэтические образы, пришедшие из мифологической истории. Былички в наше время — это поэтические небывальщины, отчасти сохранившие следы древних представлений, отчасти же принявшие форму «фантастически-бытовых» рассказов.

Особая ценность материала, представленного в этой книге, та, что он принадлежит локальной сибирской традиции.

В. Г. Распутин

Найденная песня^{*}

Можно предположить, что фольклор, как всякое многолетнее растение с глубоким корнем, обладает способностью возобновляться, отрастать. Кажется, выбрали собиратели подчистую всё, что могло дать побеги, но проходит несколько лет, наезжают новые поисковики — и опять немалый урожай. М. К. Азадовский в 20–30-е годы прошлого столетия прошёл едва ли не всю Лену, его собрание сказок считалось по тем временам уникальным и полным, но спустя четыре десятилетия повторила тот же путь Елена Ивановна Шастина — и сызнава располным-полна коробушка. Но самым плодоносным, прямо-таки сказочно щедрым на все жанры фольклора оказалось Русское Устье, древнее поселение в низовьях Индигирки, в восьмидесяти километрах от океана. Когда русскоустыинцев обнаружили (первые книги о них появились в начале XX столетия) — не могли надивиться на язык их старинный, на чудное произношение, но больше всего — на богатейший самородный фольклор. Экспедиции следовали одна за другой — из Москвы, Ленинграда, Якутска, Иркутска, Новосибирска... Когда наконец посторонние отступились, считая, что ни один сказитель не мог оставить в себе ни одного затаённого слова, неспешно принялся за дело местный учитель из якутов, ставший затем известным писателем, Николай Габышев. У него и оказалось самое ценное собрание, вошедшее в академическое издание «Фольклор Русского Устья».

Кажется, серьёзного, бесконечно преданного этому занятию собирателя в Забайкалье, на родине Валерия Петровича Зиновьева, по рекам Ингоде и Шилке и их многочисленным притокам, до него не водилось. Словно его и ждали богатейшие народные дары. Валерий Петрович здесь родился, учился, с детства слышал местные сказы и песни, одинаково любил и казачьи распевы, и переселенческие, жадно внимал художественному сопровождению праздников и обычаев. И так сошлось, что уже в зрелые годы услышал он авторскую песню из новых (в те времена, в 60–70-е годы, подобные песни «под душу» ещё встречались), и так она ему полюбилась, так совпала с его занятиями, что сделалась чем-то вроде гимна постоянных летних экспедиционных поездок на родину.

На дальней станции сойду —
Запахнет мёдом,
Живой воды напьюсь у журавля,

^{*} Предисловие к сборнику «Русские песни Восточной Сибири»: (Распутин В. Г. Найденная песня // Русские песни Восточной Сибири: сборник / сост. В. П. Зиновьев; науч. ред. Ю. И. Смирнов. — Иркутск, 2006. — С. 4–5.)

Здесь всё вокруг моё,
И мы отсюда родом:
И васильки, и я, и тополя.

И старинные песни, и сказы, бывальщины, и всё-всё из отходящей, принимающей новые одежды, народной жизни. Многие годы после окончания университета и нескольких лет работы в школе отдал он потом неустанному «старательству» в фольклорных студенческих экспедициях, черпая и черпая, как золотую руду, несметную народную красоту.

Как свой человек, он многих знал по деревням и заимкам, знали и его. Мастер на все руки, человек необычайно доброй души, прежде помогал старушкам поправить крыльцо, поднять изгородь, в сенокос брался за литовку... Как было после этого всем вместе не затронуть былое, ещё от дедушек-бабушек слышанное, как было не устроить праздник! Сам же и напоминал по детским впечатлениям: а вот ещё была песня... Почти окончательно потерянную, песню эту прихватывали за краешек, она ускользала, всем табором теребили её, подставляя слова, и вытягивали-таки почти из небытия на свет Божий. А бывало, что иная и не давалась, — только кусочками, припевками. И на весь год потом нет покоя, пока, наконец, не всплывёт, как тут и была.

Для иных собирателей-изыскателей это была работа, пусть и научная, — для Валерия Петровича прежде всего радость встречи, отысканное родство. Никогда не уставал он от этих поездок, возвращался весёлый, разбогатевший, торопился расшифровывать записи, оформить, подготовить для статьи или книги. Понежит душу воспоминаниями, а уж она снова просится в дорогу. «На дальней станции сойду»... Это Шилка или Приисковая, где сразу же за путями трава по пояс, а в ней кузнечики насвистывают песни, которые, быть может, схожи с ещё не найденными.

И так было до последнего дня.

Содержание

Раздел I. Избранные труды (продолжение)

Русские песни Восточной Сибири

Новикова Н.Л. Песенное собрание В.П. Зиновьева и его сборник 7

Крестьянская лирика

Колыбельные песни

1. Ой, спи, моё дитё	16
2. Баю-баюшки-баю	16
3. Петя-петя-петушок	16
4. Баю-бай, баю-бай	16
5. Баю-баеньки-баю	16
6. Приди, котик, ночевать	17
7. Ай, качи-качи-качи	17
8. Баю-баю-баюшки	17
9. Баю-баюшки-баю	17
10. Ой, дуду-дуду-дуду	18
11. Ай люли, ай, люли	18
12. Сидит кошка на окошке	18
13. Спи, младенец, баю-бай	18
14. Спи, спи, усни	18

Протяжные любовные и семейные песни

15. Пропивают да золоту казну	19
16. Из-под камушка, из-под белого	19
17. Как у мужа жена была	19
18. Ах, ты зимонька-зима	20
19. Вниз по руслу быстра речка протекла	20
20. Как пойду я до Дуная по воду	20
21. Соловей кукушку подговаривал	21
22. Соловей кокушку стал сговаривать	21
23. Калина-малина в поле расцвела	21
24. Калина-малина, ягода моя	22

25. Уходил казак на войну	22
26. Все мелки пташки пели — чуть слышен голосок	22
27. На дальней пригороньке избушка стоит	23
28. Не огонь горит, не смола кипит	23
29. Заблудилась красна девка во лесу	24
30. Зародилось-то много ягод во лесу	24
31. Жила девка-сирота	24
32. Ты подуи-ка, повеи, да мать-погодушка	25
33. — Пастушок ли да мой, пастушочек	25
34. Да на Ванюше рубашонка — тонко полотно	26
35. В саду груша росла, в саду выросла	26
36. В саду вишня росла, в саду выросла, ой	26
37. — Не сиди-ка, Дуня, да поздно вечером	26
38. Ой, что это во нашем-то во городе да жить-то весело	27
39. Ах, ты полынь моя, полынушка, полынь горькая	28
40. Уж ты сад, ты мой сад, да сад зелёный	28
41. Уж ты сад, ты мой сад, сад зелёный	28
42. Брала, брала ягоду земляничку, ой	29
43. Брала, брала ягоду земляничку	29
44. Ох, отъезжает милый, ой, да спокладает	29
45. Говорели, да, мне подружки	30
46. [При компанье, да при гулянье]	30
47. Ох, я молодка, молодка молоденькая	31
48. Молодка, молодка молоденькая	31
49. Катя-Катерина, купеческая дочь	32
50. Погасай-ка, мать, лучиночку, сама лягу спать	32
51. Ой, да снежки белы да пушисты	32
52. Снежки белы да пушисты	33
53. Как у Дунюшки много думушки	33
54. — Ты девица-красавица	33
55. Уж вы сестрицы-подруги	34
56. Эх, шёл милый дорожкой	34
57. Он меня не пожалеет	34
58. Застрелился бедный молодец	35
59. Вылетала голубина на долину	35
60. Скука-печаль на чужой стороне	35
61. Скучно мне, младёхоньке, на чужой стороне	35
62. Ходила я, ходила во зелёном саду	36
63. На улице дождь да дождь, по горам — туманы	36
64. Сяду я на лавочку за дубовый стол	36
65. Скрылось солнце за лесочек	36

66. — Пташка ты моя, птичка бедненькая	37
67. Ой, там, на горе, ой, там, на крутой	37
68. Там, на горке, шёлковой траве	38
69. — Голубь-голубочек, голубь сизенькой	38
70. Росла, цвела черёмушка в зелёньком саду	38
71. Растёт, цветёт черёмушка в зелёном во саду	39
72. Растёт-цветёт черёмуха в зелёном саду	39
73. — Скажи, скажи-ка, девица	39
74. — Скажи, скажи, красавица	39
75. Что за душечка за мальчишечка	40
76. Катитесь, мои вёдерцы, с реки, да, до реки	40
77. Земляничка — сладка ягодка	40
78. Ох, недолго я во девушках гуляла	41
79. В зеленом саду, мамонька, гуляла	41
80. Не тебе было, каналье, мной владети	42
81. Ох, у всех-то мужья молодья	42
82. Уж у всех-то мужья молодые	42
83. Ещё дайте мне, младенькой, расходиться	43
84. Ой, да на нынешний, ой, да денёчек	43
85. [Ой, дорожка-дороженька]	43
86. Пойду, выйду погуляю	44

Хороводные и игровые песни

87. Как по морю	45
88. Плывёт лебедь	45
89. Во лузях	46
90. Ещё во лузях зелёных, во лузях	46
91. — Ох, ты вдовка, ты вдовка моя	47
92. Во кузенке	47
93. Во ку(й)... во кузнице	48
94. Посеяли девки лён, посеяли девки лён	48
95. Посеяли, посеяли	49
96. — А мы просо сеяли, сеяли	49
97. — На горе-то мак, мак	50
98. Сидит дрёма	50
99. Сидит дрёма	51
100. Как летели птички — ростом невелички	51
101. Полетел воробей во долину	51
102. Кругом столба я хожу	52
103. Хожу я, гуляю во всём хороводе	52
104. Всё бы я по горенке ходила	52

105. В хороводе были мы	53
106. В хороводе были мы	53
107. По ельничку, по березничку	54
108. Собирались девицы на синё море	54
109. Как у нашей Дуни	54

Плясовые песни

110. Ах, вы сени, мои сени, сени новые мои	55
111. Уж вы сени, мои сени, сени новыя мои	55
112. По улице мостовой, по широкой столбовой	55
113. Выйду ль я на реченьку, посмотрю ль на быструю	56
114. Вот пошли наши подружки	56
115. Бежал Ваня да торопился	56
116. Ох, у всех-то мужья добры	57
117. У людей-то мужья добры	58
118. Калинка, калинка моя	58
119. Я на праздник по гостям пошла	59
120. Ох, во пиру я была, во беседушке	59
121. Во пиру-то была, да, во беседушке	59
122. Ой, серёжки на окошке	60
123. Я не чаяла сегодня угореть	60
124. Ой, дома ли голубушка моя?	60
125. Как на этой на долинке	61
126. Вот с ножки на ножку поскакиваю	61
127. Как на Шилке на вокзале	61
128. Ой, по тебе, моя Подгорна, да	62
129. Ой, комаринской, комаринской мужик	63
130. Барыня, барыня	63
131. Ты Бобриха, да я Бобров	64
132. Зять на тёще капусту возил	64
133. Как надену я на ножки красные сапожки	64

Шуточные песни

134. А где это слыханоё	64
135. По большой просёлочной дороге	64
136. Вот приехали два брата	65
137. Вот приехали два брата	65
138. — Уж ты зайнька мой	66
139. — Зайнька, где ты был?	67
140. А я по лугу	67
141. Все мы песни перепели	68

142. Комара муха любила — ох, ох!	68
143. Все мы песни перепели	69
144. Пошли девки на работу	69
145. Собрались красны девки	70
146. Вечор девки	70
147. Неровня ли муж навяжется	70
148. У Ивана у болвана жена пряльня была	71
149. Баба сеяла муку	71
150. Расскажу тебе, кума	71
151. —А скажи, моя Марусенька, не утай, моя душечка	72
152. Как у нашего соседа собиралася беседа	72
153. Вот пьяница по улице идёт	73
154. Уж я дайте-ка женюся и богато буду жить	73
155. Три года я носил одну портянку	74
156. Шёл я улицей Варваркой	74
157. — Где же ты был, Савушка?	74
158. — Где ты, Ваня, пропал?	75
159. Посылала меня мать, посылала меня мать	75
160. Не ухаживаю я, милёнок, извиняюся	75
161. Я уеду туда, где густая рожь	76

Свадебные песни

162. [— Берёзка, берёзонька]	76
163. — Ох, берёзонька моя раскудрявая	76
164. Подходила наша свахонька	77
165. Спородила меня да магушка	77
166. Породила меня мамушка	77
167. Ты садись, родимый тятенька	78
168. При долине куст рябиновый стоял	79
169. Эх, на кусточке на веточке соловей сидит	79
170. Ой, со вечера дорожка шла	80
171. У Ивана-то на широком на дворе	80
172. [Мне] недолго жить, красоваться	81
173. Семена вы мои, семянушки	81
174. Семена вы мои да семянушки	81
175. Семена вы мои голубиные	82
176. Всё сборы мои, сборы	82
177. Сборная суббота настала	82
178. Моя руса коса	82
179. [Трубушка] трубила рано по заре	83
180. Что не травка в поле стелется	83

181. Полежи, гривна, на блюдечке	83
182. Ой, евон, евон женихи	83
183. Что не пыль да ли в поле пылится	83
184. Ты Волга ли, Волга-реченька	84
185. Что не конь-то берегами бьёт	84
186. По синю морю Волынскому	85
187. — Ой, ласточка да ты касаточка	85
188. Кони бегут, бегут	85
189. Катилося ясное солнце за горья	86
190. А мы поедем во новые да города	86
191. Как у месяца, как у светлого звёзды частые	86
192. Ты соколик, соколин сын	86
193. У нас нет такого молодца	87

Военные песни

Рекрутские и солдатские песни

194. Мимо саду, мимо зеленого шли-прошли солдаты, и-ой	87
195. Ой, дорожка моя, да приукатанна	87
196. Ты дороженька да приубранная	88
197. Во субботу, в день ненастный	89
198. За лесом солнце чуть сзарилось	89
199. Последний нынешний денёчек	89
200. Садился мальчик на машину	90
201. Папиросы мы не курим	90
202. Кругом лесу да обошли	91
203. Из-за лесу-лесу копий и мечей	91
204. На границе, братцы, мы стояли	92
205. По полю, по полюшку ехал казачок	92
206. Мы стояли на возморье	92
207. Подле моря, моря да мы стояли	93
208. На русско-германской границе	93
209. Там, где радостью раньше дышали	93
210. Ночи тёмны, да тучи грозны	94
211. Ой, да ты калинушка-размалинушка	94
212. Ой, да ты калинушка, ой, размалинушка	95
213. Ой, да ты калинушка-размалинушка	95
214. Закипели во поле озёра	95
215. Закипели все ключи-озёра	96
216. Во субботу рано солнце всходит	96

217. Чубчик, чубчик, чубчик кучерявый	96
218. Прослужил солдат всего три года, да	96
219. Отслужил солдат два года	97
220. По дорожке пыль клубится	98
221. Ой, вы поля, вы поля, да вы широки поля	98
222. Вы поля, вы поля, вы широки поля	98
223. За Аргунью-рекой казачок гулял	99
224. Солдату служба надоела, ой, надоела, да	99
225. Ой, в Таганроге	100
226. В Таганроге случилась беда	100
227. Три голубочка да прилетели	100
228. Мамашенька бранится: — Об чём, дочка, грустна?	101
229. В городе в Харькане, ой, там стало дымно	101

Песни гражданской войны

230. [Вечор поздно я стояла у ворот]	102
231. Вспомним, братцы мы кубанцы	102
232. Отец мой был природный пахарь	103
233. В воскресенье мать-старушка	103
234. Знаю, ворон, твой обычай	104
235. Не вейтесь, белые чайки	105
236. Война, война — разруха мира	105
237. Здравствуй, страна Россия	106
238. Не туман с моря поднялся	106
239. Вот вспыхнуло утро, мы Сретенск заняли	106
240. Вот вспыхнуло утро, мы Сретенск заняли	107
241. Ружья в гору заблистали	107
242. [Заря] зазарилась в зеркальные воды	108
243. В золотом половодье весеннего дня	108
244. Там, за Доном за рекой под зелёным дубом	109
245. Гей, по дороге	109

Песни тюрьмы и ссылки

246. Ты зайди-ко, зайди, да туча гро... туча грозная	110
247. Ты зайди-ко, зайди, туча грозная	110
248. Ты заря ль, моя зоренька	110
249. Вечор я, вечор я всё пил да гулял	111
250. За сребристыми горами	111
251. Отцовский дом покинул мальчик я	111

252. Звенит звонок — и нам пора расстаться	112
253. — Тёмная ноченька, что нахмурилася	112
254. [Ветер дует, сподувает]	112
255. Все бутылки шевелятся	113
256. Осыпаются листья осенняя	113
257. Звенит звонок насчёт поверки	114
258. В далёких лесах Забайкалья	114
259. Шёл бродяга с Сахалину	115
260. Как по нашему селенью	115
261. Ой, да откуль бредёшь, да, бродяжка	115
262. Аль ты доля, моя доля	116
263. Это было давно, год примерно назад	116
264. Пятьдесят я лет работал, изгибался над сохой	117
265. Отпустили крестьян на свободу	117

Песни литературного происхождения

266. В островах охотник целый день гуляет	117
267. Вниз по матушке, братцы, с-по Волге	118
268. Вечор поздно, поздно из лесочка	119
269. Под вечер осенью ненастной	119
270. Кольцо души-девицы	120
271. Шёл Ваня по улице, зашёл Ваня в кабак	120
272. Казак на саблю опирался	121
273. При серебряной речке	121
274. Вниз по Волге-реке, Волге-матушке	122
275. Как на лёгком стружке, на снаряженном	122
276. По Дону гуляет, по Дону гуляет	122
277. Ехали казаки со службы домой	123
278. Скакал казак через долину	124
279. Сидел рыбак весёлый на берегу реки	124
280. [Жил-был боярин знатный, имел двух дочерей]	124
281. На берегу сидит девица	125
282. В саду ягода-малина	126
283. [Как во нашей во деревне]	126
284. За лесом да за рошей да в зелёном саду	127
285. У церкви кареты стояли	127
286. Разбудил меня стон в эту тёмную ночь	128
287. Течёт речка по песку с дальнего востока	128
288. За грибами в лес девицы гурьбой собрались	129

289. Ох, кари глазки, куда вы скрылись?	129
290. Вон на той на горе — там цветочки цветут	130
291. Уж вы кумушки, вы мои голубушки	130
292. Зеленая ветка, что ж ты не шумишь?	130
293. Любила меня мать, уважала	130
294. Ходила я в лес за малиной	131
295. Кабы были златы крылья, да	131
296. Развяжите сизы крылья	131
297. Сиротиночкой выросла	132
298. По дорожке, ой, зимней скучной лошадка бежит	132
299. В голове моей, братцы, кружится	133
300. Отчего мне невесело стало	133
301. — Что ж ты, пташка, да ли невесёла	133
302. Уж ты мать моя родная	134
303. Сронила колечко со правой руки	134
304. В полях цветы, в полях цветы	134
305. Бела кофта, чёрный бантик	135
306. Мой милый друг, пусти меня	135
307. Раз полоску Маша жала	136

Песни украинского происхождения

308. Ехали казаки из дому до Дону	137
309. Поутру встану раненько	137
310. То не тихий Дон шумит быстрою волною	138
311. При лужке, лужке, лужке	138
312. Со неверной, ой, сторонки	139
313. На горе Ермола, под горою-то вода	140
314. И туды гора, и сюды гора	140
315. Из-за гор-горы, ой, едут мазуры	140
316. Край дорози, около броду	141
317. Распрягайте, хлопцы, коней	141
318. Закукала кокушечка в лесу на покосе	142
319. Стоит гора высокая	142
320. Шумят вербы, шумят рясны	142
321. Посеяла огурочки близко над рекою	143
322. Выпью я наливочку без привету	143
323. Ой, пойду в садочек да сорву листочек	143
324. Марусенька казака любила	143
325. Ой, на горе калина стояла	144

326. Проснулася деревня, проснулся солнца свет	144
327. Ой, да как по новой да по святлице, да	144
328. Ай, ты конь, ты мой конь, ты товарищ верной	144
329. Молодой чумашек	145

Приложения

<i>Судакова О. Н.</i> О некоторых особенностях музыкального строя сибирской народной песни	146
Нотные записи	150
Комментарии	171
Список библиографических сокращений, принятых в комментариях	222

Раздел II. Из фольклорного архива В. П. Зиновьева

Народная проза

<i>Соловьева М. Р., Новикова Н. Л.</i> Легенды, предания и устные рассказы в фольклорном собрании В. П. Зиновьева	227
--	-----

1–21. Легенды

1. О сотворении мира и изгнании из рая	240
2. Праведный Ной и сыновья	241
3, 4. Всемирный потоп	241
5. Соломонов суд	241
6. Царь Ирод и Иоанн Креститель	242
7. Благовещение	242
8. Рождество Христово	242
9. Воскресение Христово	243
10. О чудесах воскресшего Иисуса Христа	243
11. Лев и раб	244
12–16. О Торгинской иконе Божией матери «Знамение»	245
17. О церкви в Зюльзе	246
18. Почему мужчины старше (главнее) женщин	247

19. О хлебном колосе («собачью долю едим»)	248
20. Ангара и Енисей	248
21. Байкал и Ангара	249

22–334. Предания и устные рассказы

22–54. Предания и устные рассказы о благородном разбойнике Павле Ивченко

22, 23. Как Ивченко разбойником стал	249
24. Ивченко — меткий стрелок	250
25, 26. Ивченка грабит богатых	250
27. С Ивченкой надо добром	252
28–34. Ивченко одаривает бедных	253
35. Как Ивченка пьяницу «вылечил»	256
36–45. Собирались Ивченку схватить...	257
46, 47. Ивченке люди помогали	263
48. Ивченка бежит из тюрьмы	264
49–52. Смерть Ивченки	266
53, 54. Дожил бы Ивченка до революции	268

55–104. Предания и устные рассказы сибирских старожилов о ссылке и каторге

55–58. О местных названиях	269
59–66. О заселении края русскими	270
67–70. Про Разгильдеева	273
71–74. О политзаключенных	274
75–101. О беглых	275
102–104. Разбойники в доме	284

105–134. Устные рассказы о гражданской войне

105. Казак на службе в царской армии. Начало гражданской войны	287
106. Казак-фронтовик вступает в Красную гвардию	291
107. «Почему я не стал навидеть эту власть»	296
108. Первый Забайкальский полк переходит к Журавлеву	300
109. Зюльзинский бой	303
110. Как партизаны отбили село у семеновцев («поели блинов»)	304
111. Джигитовкой спаслись	305
112. Как командира вытащили из-под огня	305

113. О Журавлеве	306
114–116. О партизанском командире Якимове	306
117–122. О Погодаеве	308
123. О гибели Афанасия Пуртова	312
124. «Те русские и другие русские...»	313
125. Каратели в Тайнэ	314
126. Белые в деревне	314
127. Чиронские партизаны	315
128. Как к партизанам ушла	316
129. Каратель Играшка Шергин	317
130. Гибель двух братьев	318
131. Брат против брата	319
132. О гибели партизана Коломыйцева	319
133. Казнь партизан («Докуль мы будем друг друга бить»)	320
134. «Пятый полк — боевой полк был». Бой у Мациевской	321

**135–154. Устные рассказы о сибирской деревне
в 1920–1930-е годы**

135. Песни из-за реки	323
136. Возвращение беженцев из-за границы	323
137–140. Жена белобандита	326
141. Коммуны и колхозы	330
142. «С коммуной дело не вышло...»	330
143. Коммуна в селе Кокорино	331
144. Как нас раскулачили	334
145. «Так вот и страдали, мучились...»	335
146. Как дедушку раскулачили	335
147, 148. Кактолгинская трагедия	337
149–153. О ежовщине	342
154. Как отбывал срок на Крайнем Севере	344

**155–334. Устные рассказы о традиционном
крестьянском укладе и о его разрушении**

155–167. Бедные и богатые	356
168–177. Как трудились раньше	368
178–186. О мастерах своего дела	378
187–203. Общинные традиции и обычаи	386
204–207. Школа до революции	394
208–216. Детские игры. О воспитании детей	404

217–271. О праздниках народного земледельческого календаря	408
272–309. Как выходили замуж и женились	453
310–334. Утрата духовных традиций и разрушение сел	479
335–367. Анекдотические рассказы и анекдоты	493
Комментарии	511

Приложение

Указатель мест записи фольклорных произведений	537
Список исполнителей	541
Список собирателей	551
Словарь малоупотребительных, диалектных слов и выражений	557

Раздел III. Воспоминания и статьи о В. П. Зиновьеве

<i>Распутин В. Г.</i> Памяти товарища	577
<i>Зиновьева Г. Н.</i> Валерий Петрович Зиновьев: сын, муж, отец, друг (<i>Биографический очерк</i>)	578
<i>Зуева И. В.</i> Его хватало на всех (<i>Воспоминания дочери</i>)	589
<i>Зиновьева Н. К.</i> «Незримое присутствие»	594
<i>Матвеева Р. П.</i> «Самое ценное знание, которое дает нам сказка, — это знание нравственное...»	595
<i>Шахерова О. Н.</i> «Бысть» — значит «он был и стал»	598
<i>Соловьева М. Р.</i> Рядом с нами наш Учитель	602
<i>Аристова М. В.</i> Уроки Валерия Петровича Зиновьева	607
<i>Скобелкина Н. М.</i> Вне времени	610
<i>Аксенова С. С.</i> В. П. Зиновьев: возложено народом...	612
<i>Кацаева С. С.</i> Школа жизни В. П. Зиновьева	614
<i>Базилишина Р. Н.</i> Солнышко нашей кафедры	617
<i>Есипенко Н. И.</i> «Как молоды мы были!..»	622
<i>Кузнецов Б. И.</i> Бесконечно благодарен судьбе...	635
<i>Кудрявцева Г.</i> Мой школьный учитель	636

<i>Новикова Н. Л.</i> О Валерии Петровиче Зиновьеве	637
<i>Шастина Е. И.</i> Валерий Петрович Зиновьев	642
<i>Распутин В. Г.</i> В некотором царстве, в некотором государстве...	650
<i>Путилов Б. Н.</i> Предисловие к сборнику «Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири»	653
<i>Распутин В. Г.</i> Найденная песня	656

Научное издание
Зиновьев Валерий Петрович
Русский фольклор Восточной Сибири
Книга 2

Ответственный редактор *Р. П. Матвеева*

Компьютерная верстка *Н. А. Мазутовой*

Подписано в печать 29.11.2019. Формат 70x100/16.
Усл. печ. л. 54,44. Тираж 1000 экз.

Изготовлено в типографии ООО «Репроцентр А1»
664047, Иркутск, ул. А.Невского, 99/2.